ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 17

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1863, 1870, 1872–1879, 1884 гг.

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

Полное собрание сочинений. Том 17.
Произведения 1863, 1870, 1872-1879, 1884

Государственное издательство
«Художественная литература», 1936

LÉON TOLSTOÏ

OEUVRES COMPLÈTES

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE
de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:
K. CHOKHOR-TROTSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,
N. PIKSANOFF, N. RODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY,
A. TOLSTAÏA et M. TSIAVLOVSKY

SANCTIONNÉ PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROUIÉVITCH, J. LOUPPOL
et M. SAVELIEFF

PREMIÈRE SÉRIE
OEUVRES

TOME
17

ÉDITION D'ÉTAT
MOSCOU — 1936

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
Н. С. РОДИОНОВА, П. Н. САКУЛИНА, В. И. СРЕЗНЕВСКОГО,
А. Л. ТОЛСТОЙ, М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА, И. К. ЛУППОЛА
и М. А. САВЕЛЬЕВА

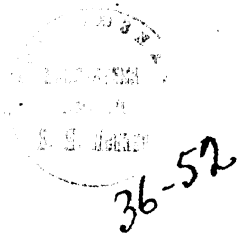
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ
17

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1936

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays.



ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1863, 1870, 1872—1879, 1884

РЕДАКТОРЫ:
П. С. ПОПОВ
В. Ф. САВОДНИК
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕМНАДЦАТОМУ ТОМУ.

В настоящий том включены писания, относящиеся почти исключительно к 1870-ым годам. Центральное место среди них занимают многочисленные «начала» ненаписанных романов из эпохи конца XVII — начала XIX вв. и «начала» тоже ненаписанного романа «Декабристы».

Первая группа «начал» в свою очередь распадается на два цикла: на «начала» романа времен Петра I и «начала» романа «Сто лет». Первый цикл включает двадцать пять вариантов, из которых до настоящего времени опубликовано лишь три варианта. Восемь вариантов «Ста лет» в печати вовсе неизвестны и опубликовываются впервые. Два других исторических романа, писавшихся в конце 1870-ых годов, «Кн. Федор Щетинин» и «Труждающиеся и обремененные» оставались невыявленными в прессе даже по названиям. В настоящем томе содержатся пять вариантов первого и четыре второго романа. Также впервые появляются в печати подготовительные материалы к романам эпохи конца XVII — начала XIX вв. в виде разнообразных выписок Толстого из исторических книг, им изучавшихся («Бумаги Петра»), и текста пятидесяти девяти отдельных листков-карточек со справками исторического характера.

Тексты романа «Декабристы» представляют собою, во-первых, опубликованные Толстым три главы романа, написанные осенью 1863 г., во-вторых, четыре «плана» и ряд «начал», дающих семнадцать вариантов, из которых десять печатаются впервые. Впервые печатаются и подготовительные к роману записи Толстого в записных книжках и на отдельных листах и пометы его на копии списка декабристов.

Кроме текстов исторических романов в том вошли: четыре художественных наброска — «Сказка», приготовленная к пе-

чати Н. Н. Гусевым, «житие Юстина», «Разговор о науке» и «Два путника», из которых первые три публикуются впервые; три печатающиеся в собраниях сочинений Толстого статьи: «Письмо к издателям» [О методах обучения грамоте], другое «Письмо к издателю» [о самарском голоде] и «О народном образовании» и впервые публикуемые черновые наброски одиннадцати статей: «Новый суд в его приложении», начало педагогической статьи, «О будущей жизни вне времени и пространства», «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни». «Определение религии — веры», «Психология обыденной жизни», «О царствовании Александра II», «Христианский катехизис», «О значении христианской религии», «Собеседники» и «Прение о вере». Последняя статья отредактирована В. И. Срезневским.

В сверке текстов и составлении аннотированного указателя принимала участие А. И. Толстая-Попова.

П. С. Попов
В. Ф. Саводник
М. А. Цявловский.

14 сентября 1935 г.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. е. «абревиатуры») типа «к^{ый}» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1 неразобр.*] или: [*2 неразобр.*], где цыфры обозначают количество неразобранных слов.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся в сноске, но в отдельных случаях допускается воспроизведение зачеркнутых слов в ломаных ⟨ ⟩ скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

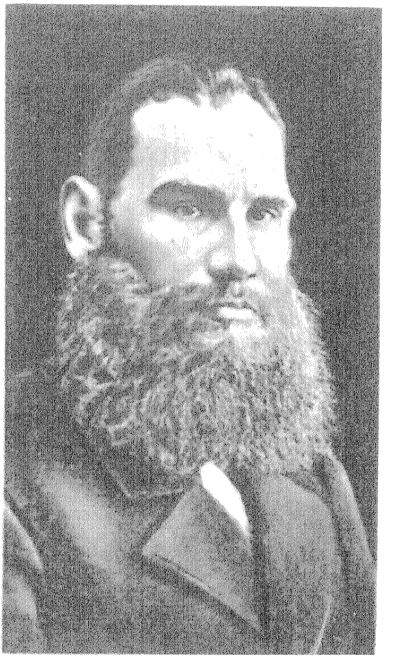
При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях — с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Обозначения: *, **, $_{*}{}^{*}{}_{*}$, $^{*}_{*}{}^{*}$ в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * — что печатается впервые, ** — что напечатано после смерти Л. Толстого, $_{*}{}^{*}{}_{*}$ — что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и $^{*}_{*}{}^{*}$ — что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.



Л. Н. ТОЛСТОЙ
1880 г.

Размер подлинника

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1863, 1870, 1872—1879, 1884

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДЕКАБРИСТЫ

РОМАН

(1863 и 1884 гг.)

ГЛАВА I.

Это было недавно, в царствование Александра II, в наше время — время цивилизации, прогресса, *вопросов*, возрождения России и т. д. и т. д.; в то время, когда победоносное русское войско возвращалось из сданного неприятелю Севастополя, когда вся Россия торжествовала уничтожение черноморского флота и белокаменная Москва встречала и поздравляла с этим счастливым событием остатки экипажей этого флота, подносила им добрую русскую чарку водки и, по доброму русскому обычаю, хлеб-соль и кланялась в ноги. Это было в то время, когда Россия в лице дальновидных девственниц-политиков оплакивала разрушение мечтаний о молебне в Софийском соборе и чувствительнейшую для отечества потерю двух великих людей, погибших во время войны (одного, увлекшегося желанием как можно скорее отслужить молебен в упомянутом соборе и павшего в полях Валахии, но зато и оставившего в тех же полях два эскадрона гусар, и другого, неоцененного человека, раздававшего чай, чужие деньги и простыни раненым и не кравшего ни того, ни другого); [в] то время, когда со всех сторон, во всех отраслях человеческой деятельности, в России, как грибы выростали великие люди — полководцы, администраторы, экономисты, писатели, ораторы и просто великие люди без особого призвания и цели. В то время, когда на юбилее московского актера упроченное тостом явилось общественное мнение, начавшее карать всех преступников; когда грозные комиссии из Петербурга поскакали на юг ловить, обличать и казнить комиссариатских злодеев; когда во всех городах задавали с речами обеды севастопольским героям и им же, с оторванными руками и ногами, подавали трынки, встречая их на мостах и дорогах; в то время, когда ораторские таланты так быстро развились в народе, что

один целовальник везде и при всяком случае писал и печатал и наизусть сказывал на обедах речи, столь сильные, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительные меры против красноречия целовальника; когда в самом аглицком клубе отвели особую комнату для обсуждения общественных дел; когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами, — журналы, развивающие европейские начала на европейской почве, но с русским миросозерцанием, и журналы, исключительно на русской почве, развивающие русские начала, однако с европейским миросозерцанием; когда появилось вдруг столько журналов, что, казалось, все названия были исчерпаны: и «Вестник», и «Слово», и «Беседа», и «Наблюдатель», и «Звезда», и «Орел», и много других, и, несмотря на то, всё являлись еще новые и новые названия; в то время, когда появились плеяды писателей, мыслителей, доказывавших, что наука бывает народна и не бывает народна и бывает ненародная и т. д., и плеяды писателей, художников, описывающих рощу и восход солнца, и грозу, и любовь русской девицы, и лень одного чиновника, и дурное поведение многих чиновников; в то время, когда со всех сторон появились *вопросы* (как называли в 56 году все те стечения обстоятельств, в которых никто не мог добиться толку), явились вопросы кадетских корпусов, университетов, цензуры, изустного судопроизводства, финансовый, банковый, полицейский, эманципационный и много других; все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешать их; писали, читали, говорили проекты, всё хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неописанном восторге. Состояние, два раза повторившееся для России в XIX-м столетии: в первый раз, когда в 12-м году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в 56-м году нас отшлепал Наполеон III. Великое, незабвенное время возрождения русского народа!!!... Как тот Француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что кто не жил в 56-м году в России, тот не знает, что такое жизнь. Пишущий эти строки не только жил в это время, но был одним из деятелей того времени. Мало того, что он сам несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение, приобретшее ему великую славу, в котором он ясно и подробно изобразил, как стреляли солдаты с бастионов из

ружей, как перевязывали на перевязочном пункте перевязками и хоронили на кладбище в землю. Совершив эти подвиги, пишущий эти строки прибыл в центр государства, в ракетное заведение, где и пожал лавры своих подвигов. Он видел восторг обеих столиц и всего народа и на себе испытал, как Россия умеет вознаграждать истинные заслуги. Сильные мира сего искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обеды, настоятельно приглашали его к себе и для того, чтоб узнать от него подробности войны, рассказывали ему свои чувствования. Поэтому пишущий эти строки может оценить то великое, незабвенное время. Но не в том дело.

В это самое время два возка и сани стояли у подъезда лучшей московской гостиницы. Молодой человек вбежал в двери узнать о квартире. Старик сидел в возке с двумя дамами и говорил о том, каков был Кузнецкий мост при французе. Это было продолжение разговора, начавшегося при въезде в Москву, и теперь старик с белой бородой, в распахнутой шубе, спокойно продолжал свою беседу в возке так, как будто он намеревался ночевать в нем. Жена и дочь слушали, но поглядывали на дверь не без нетерпения. Молодой человек вышел из двери с швейцаром и нумерным.

— Ну что, Сергей? — спросила мать, выставляя на свет фонаря свое изнуренное лицо.

Потому ли, что это была его привычка, или для того, чтоб швейцар не принял его по полушубку за лакея, Сергей ответил по-французски, что есть комнаты, и отворил дверцы. Старик взглянул на мгновенье на сына и снова обратился в темную глубь возка, как будто остальное до него не касалось:

— Театра еще не было.

— Пьер! — сказала жена, подбирая салоп, но он продолжал.

— Madame Шальме была на Тверской...

В глубине возка раздался молодой, звонкий смех.

— Папа, выходи — ты так заговорился.

Старик как будто теперь только хватился, что они приехали, и оглянулся.

— Выходи же.

Он надвинул шапку и покорно полез из двери. Швейцар принял его под руку, но убедившись, что старик еще очень хорошо ходит, он тотчас же предложил свои услуги даме. Наталья

Николаевна, жена, и по собольему салопу, и по тому, как долго вылезала, и по тому, как тяжело легла ему на руку, и по тому, как прямо, не оглядываясь, опершись на руку сына, пошла на крыльцо, показалась ему очень значительною. Барышню от девушек, которые повылезли из другого возка, он даже не отличил: так же, как и они, она несла узелок и трубку и шла сзади. Только по смеху и тому, что она назвала старика отцом, он узнал ее.

— Не туда, папа, направо, — сказала она, останавливая его за рукав тулупа. — Направо.

И на лестнице из-за стука шагов, дверей и тяжелого дыхания пожилой дамы раздался тот же смех, который слышался в возке, который, когда кто слышал, непременно думал: вот славно смеется, завидно даже.

Сын Сергей занимался устройством всех материальных условий в дороге и занимался этим хотя и без знания, но с свойственной 25-ти годам энергией и самоудовлетворяющей деятельностью. Раз двадцать по крайней мере и, кажется, без особенно важных причин он в одном пальто сбежал вниз к саням и вбежал опять наверх, подрагивая от холода и через две и три ступеньки шагая своими молодыми, длинными ногами. Наталья Николаевна просила его не простудиться, но он уверял, что ничего, и всё отдавал приказания, хлопал дверьми, ходил, и когда, казалось, уж дело стояло за одними слугами и мужиками, он несколько раз обошел все комнаты, выходя из гостиной в одну дверь и входя в другую, и всё отыскивал, что бы еще сделать.

— Что ж, папа, поедешь в баню? Узнать? — спросил он.

Папа находился в задумчивости и, казалось, вовсе не отдавел себе отчета в том, где он находился. Он не скоро ответил. Он слышал слова и не понимал. Вдруг он понял.

— Да, да, да; узнай, пожалуйста, у Каменного моста.

Глава семейства торопливым, взволнованным шагом обошел комнаты и сел на кресла.

— Ну, теперь надо решить, что делать, устроиваться, — сказал он. — Помогайте, дети, живо! молодцами! таскайте, устанавливайте, а завтра пошлем записочку и Сережу к сестре Марье Ивановне, к Никитиным, или сами поедем. Так, Наташа? А теперь устроиваться.

— Завтра воскресенье; надеюсь, прежде всего, ты поедешь

к обедне, Pierre? — сказала жена, на коленях стоя перед сундуком и отпирая его.

— И то воскресенье! Непременно все поедем в Успенский собор. Этим начнется наше возвращение. Боже мой! когда я вспомню тот день, когда я в последний раз был в Успенском соборе... помнишь, Наташа? Но не в том дело.

И глава семейства быстро встал с кресла, на которое только что сел.

— А теперь надо устроиваться.

И он, ничего не делая, ходил из одной комнаты в другую.

— Что ж, будем чай пить? или устала, хочешь отдохнуть?

— Да, да, — отвечала жена, доставая что-то из сундука: — ведь ты хотел в баню.

— Да... в мое время были у Каменного моста. Сережа, поди же узнай, есть ли еще бани у Каменного моста. Вот эту комнату займу я с Сережей; Сережа! хорошо тебе тут будет? — Но Сережа пошел узнать о банях.

— Нет, всё нехорошо, — продолжал он, — у тебя не будет хода прямо в гостиную. Как ты думаешь, Наташа?

— Ты успокойся, Pierre, всё это устроится, — отвечала Наташа из другой комнаты, в которую мужики вносили вещи. Но Pierre находился под влиянием восторженного состояния, произведенного приездом на место.

— Ты смотри, Сережины вещи не смешай; вот его лыжи бросили в гостиной...

И он сам поднял их и особенно осторожно, как будто от этого зависел весь будущий порядок помещенья, поставил их к притолке и прижал к ней. Но лыжи не приклеились и, только что Pierre отошел от них, с грохотом упали поперек двери. Наталья Николаевна поморщилась и вздрогнула, но, увидав причину паденья, сказала.

— Соня, подними, мой друг.

— Подними, мой друг, — повторил муж, а я пойду к хозяину, иначе не устроите; надо с ним обо всем переговорить.

— Лучше за ним послать, Pierre. Зачем ты беспокоишься?

Pierre согласился.

— Соня, позови этого... как бишь? M-r Cavalier, пожалуйста; скажи, что мы хотим обо всем переговорить.

— Шевалье, папа, — сказала Соня и приготовилась итти.

Наталья Николаевна, которая тихим голосом приказывала

и тихими шагами ходила из комнаты в комнату, то с ящиком, то с трубкой, то с подушкой, незаметно расставляла из горы поклажи всё на свое место, успела, проходя мимо Сони, шепнуть.

— Не ходи сама, пошли человека.

Покуда человек ходил за хозяином, Pierre употребил свой досуг на то, чтобы под предлогом содействия своей супруге смять ей какую-то одежду, и на то, чтобы спотыкнуться на опорожненный ящик. Удержавшись рукой за стену, Декабрист с улыбкой оглянулся. Жена, казалось, была так занята, что не заметила; но Соня глядела на него такими смеющимися глазами, что, казалось, ожидала позволенья посмеяться. Он охотно дал ей это позволенье, рассмеявшись сам таким добродушным смехом, что все бывшие в комнате, от жены до девушки и мужика, рассмеялись. Этот смех еще более воодушевил старца; он нашел, что диван в комнате жены и дочери стоит для них неудобно, несмотря на то, что они утверждали противное, прося его успокоиться. В то самое время, как он собственноручно пытался с мужиком перетащить эту мебель, вошел в комнату хозяин-француз.

— Вы меня спрашивали, — сказал хозяин строго и в доказательство своего, ежели не презрения, то равнодушия, достал медленно свой платок, медленно развернул и медленно высморкался.

— Да, мой любезный друг, — сказал Петр Иванович, наступая на него: — вот видите ли, мы сами не знаем, сколько здесь пробудем, я и жена моя... — и Петр Иваныч, имевший слабость в каждом человеке видеть ближнего, начал рассказывать свои обстоятельства и планы.

Г-н Chevalier не разделял такого взгляда на людей и не интересовался сведениями, сообщенными Петром Иванычем, но хороший французский язык, которым говорил Петр Иваныч (французский язык, как известно, есть нечто в роде чина в России), и барские приемы заставили его повысить несколько мнение о новоприезжих.

— Чем могу я служить вам? — спросил он.

Вопрос этот не затруднил Петра Иваныча. Он выразил желанье иметь комнаты, чай, самовар, ужин, обед, пищу для прислуги, — одним словом, те вещи, для которых и существуют гостиницы, и когда Г-н Chevalier, удивленный невинностью ста-

ричка, полагавшего, должно быть, что он находится в Трухменской степи, или полагавшего, что все эти вещи ему будут отпускаться даром, объявил, что всё это можно иметь, Петр Иваныч пришел в восторженное состояние.

— Вот это прекрасно! очень хорошо! Так мы и устроим. Ну так, пожалуйста... — Но ему стало совестно всё говорить о себе, и он стал расспрашивать Г-на Chevalier о его семействе и делах. Сергей Петрович, вернувшись в комнату, казалось, не одобрял обращения своего батюшки; он замечал неудовольствие хозяина и напомнил о бане. Но Петр Иваныч был заинтересован вопросом о том, как могла французская гостиница итти в Москве в 56 году и как проводила свое время M-me Chevalier. Наконец сам хозяин поклонился и спросил, не прикажут ли чего?

— Будем пить чай, Наташа. Да? Так чаю, пожалуйста, а мы еще поговорим с вами, мой любезный Monsieur. Какой славный человек!

— А в баню, папа?

— Ах, да, так ненадобно чаю. — Так что единственный результат беседы с новоприезжим был отнят у хозяина. Зато Петр Иваныч был теперь горд и счастлив своим устройством. Ямщики, пришедшие просить на водку, расстроили его было тем, что у Сережи не было мелочи, и Петр Иваныч хотел было опять посылать за хозяином, но счастливая мысль, что не ему одному надо быть веселым этот вечер, вывела его из затруднения. Он взял две трехрублевых бумажки и, вжав в руку одному ямщику одну бумажку, сказал: «Вот вам» (Петр Иваныч имел привычку говорить *вы* всем без исключения, кроме членам своего семейства); «а вот вам», сказал он, передавая другому ямщику бумажку из ладони в ладонь, вроде того, как это делают, платя докторам за визиты. Обделав все эти дела, его повезли в баню.

Соня, как сидела на диване, подставила руку под голову и засмеялась.

«Ах, как хорошо, мама! Ах, как хорошо!» — Потом она положила ноги на диван, повытянулась, поправилась и так и заснула крепким неслышным сном здоровой 18-ти-летней девушки после $1^1/_2$ месяцев дороги. Наталья Николаевна, всё еще разбиравшаяся в своей спальне, услыхала верно своим материнским ухом, что Соня не шевелится, и вышла взглянуть.

Она взяла подушку и, подняв своей большой белой рукой раскрасневшуюся спутанную голову девушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами и положила свою голову на подушку, не сказав merci, как будто это само собой так сделалось.

— Не на ту, не на ту, Гавриловна, Катя, — тотчас же заговорила Наталья Николаевна, обращаясь к девушкам, стелившим постель, и одной рукой, как будто мимоходом, оправляя взбившиеся волосы дочери. Не останавливаясь и не торопясь, Наталья Николаевна убиралась, и к приезду мужа и сына всё было готово: сундуков уж не было в комнатах; в спальне Пьера всё было так же, как было десятки лет в Иркутске: халат, трубка, табакерка, вода с сахаром, Евангелие, которое он читал на ночь, и даже образок прилип как-то над кроватью на пышных обоях комнат Шевалье, который не употреблял этого украшения, но которое явилось в этот вечер во всех комнатах 3-го отделения.

Наталья Николаевна, убравшись, оправила свои, несмотря на дорогу, чистые воротнички и рукавчики, причесалась и села против стола. Ее прекрасные черные глаза устремились куда-то далеко; она смотрела и отдыхала. Она, казалось, отдыхала не от одного раскладыванья, не от одной дороги, не от одних тяжелых годов — она отдыхала, казалось, от целой жизни, и та даль, в которую она смотрела, на которой представлялись ей живые любимые лица, и была тот отдых, которого она желала. Был ли это подвиг любви, который она совершила для своего мужа, та ли любовь, которую она пережила к детям, когда они были малы, была ли это тяжелая потеря или это была особенность ее характера, — только всякий, взглянув на эту женщину, должен был понять, что от нее ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя в жизнь и что ничего от нее не осталось. Осталось достойное уважения что-то прекрасное и грустное, как воспоминание, как лунный свет.

Нельзя было себе представить ее иначе, как окруженную почтением и всеми удобствами жизни. Чтоб она когда-нибудь была голодна и ела бы жадно или чтобы на ней было грязное белье, или чтобы она спотыкнулась, или забыла бы высморкаться — этого не могло с ней случиться. Это было физически невозможно. Отчего это так было, не знаю, но всякое ее движение было ве-

личавость, грация, милость для всех тех, которые могли пользоваться ее видом...

Sie pflegen und weben
Himmlische Rosen ins irdische Leben. [1]

Она знала этот стих и любила его, но не руководилась им. Вся натура ее была выражением этой мысли, вся жизнь ее была одним этим бессознательным вплетанием невидимых роз в жизнь всех людей, с которыми она встречалась. Она поехала за мужем в Сибирь только потому, что она его любила; она не думала о том, что она может сделать для него, и невольно делала всё: стелила ему постель, укладывала его вещи, готовила обед и чай, а главное, была всегда там, где он был, и больше счастия ни одна женщина не могла бы дать своему мужу.

В гостиной кипел самовар на круглом столе. Перед ним сидела Наталья Николаевна. Соня морщилась и улыбалась под рукой матери, щекотавшей ее, когда отец и сын с сморщенными оконечностями пальцев и лоснящимися щеками и лбами (у отца особенно блестела лысина), с распушившимися белыми и черными волосами и сияющими лицами вошли в комнату.

— Светлее стало, как вы вошли, — сказала Наталья Николаевна. —Батюшки, как бел!

Она говорила это десятки лет каждую субботу, и каждую субботу Пьер испытывал при этом застенчивость и удовольствие. Они сели за стол, запахло чаем, трубкой, заговорили голоса родителей, детей и слуг, которые в той же комнате получили свои чашки. Вспоминали смешное, случившееся дорогой, восхищались прической Сони, смеялись. Географически все они были перенесены за 5000 верст в совсем другую, чуждую среду, но нравственно они этот вечер еще были дома, теми же самыми, какими сделала их особенная, долгая, уединенная, семейная жизнь. Того уж не будет завтра. Петр Иваныч подсел к самовару и закурил свою трубку. Он не весел был.

— Ну, вот мы и приехали, — сказал он, — и я рад, что мы нынче никого не увидим: этот вечер еще последний проведем в семействе... и он запил эти слова большим глотком чаю.

— Отчего же последний, Пьер?

— Отчего? Оттого, что орлята выучились летать, им самим нужно вить свои гнезда, и отсюда они полетят каждый в свою сторону...

---

[1] [Они лелеют и вплетают небесные розы в земную жизнь.]

— Вот пустяки, — сказала Соня, принимая у него стакан и улыбаясь, как она всему улыбалась: — старое гнездо отлично.

— Старое гнездо — печальное гнездо, старик не умел свить его, — он попал в клетку, в клетке вывел детей, и выпустили его тогда, как уж крылья его плохо носить стали. Нет, орлятам надо свить себе гнездо выше, счастливее, ближе к солнцу; затем они его дети, чтоб пример послужил им; а старый, пока не ослепнет, будет глядеть, а ослепнет, будет слушать... Налей рому, еще, еще... довольно.

— Посмотрим, кто кого оставит, — отвечала Соня, бегло взглянув на мать, как будто ей совестно было говорить при ней, — посмотрим, кто кого оставит, — продолжала она. — За себя я не боюсь и за Сережу тоже! (Сережа ходил по комнате и размышлял о том, как ему завтра заказать платье — самому пойти или послать за портным; его не интересовал разговор Сони с отцом)... Соня засмеялась.

— Что ты? Что? — спросил отец.

— Ты моложе нас, папа. Гораздо, право, — сказала она и опять засмеялась.

— Каково! — сказал старик, и строгие морщины его сложились в нежную и вместе презрительную улыбку.

Наталья Николаевна наклонилась из-за самовара, который мешал ей видеть мужа.

— Правда Сонина. Тебе всё еще 16 лет, Пьер. Сережа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что он сделает, я могу предвидеть, но ты еще можешь удивить меня.

Сознавался ли он в справедливости этого замечания или, польщенный им, он не знал, что отвечать, старик молча курил, запивал чаем и только блестел глазами. Сережа же, с свойственным эгоизмом молодости, теперь только заинтересованный тем, что сказали об нем, вступил в разговор и подтвердил то, что он действительно стар, что приезд в Москву и новая жизнь, которая открывается перед ним, нисколько не радует его, что он спокойно обдумывает и предусматривает будущее.

— Всё-таки последний вечер, — повторил Петр Иваныч. — Завтра уж того не будет...

И он еще подлил себе рому. И долго он еще сидел за чайным столом с таким видом, как будто многое ему хотелось сказать, да некому было слушать. Он подвинул было к себе ром, но дочь потихоньку унесла бутылку.

ГЛАВА II.

Когда г. Шевалье, ходивший наверх устроивать гостей, вернувшись к себе, сообщил замечания насчет новоприезжих своей подруге жизни, в кружевах и шелковом платье сидевшей по парижскому манеру за конторкой, в той же комнате сидело несколько привычных посетителей заведения. Сережа, бывши внизу, заметил эту комнату и ее посетителей. Вы верно тоже заметили ее, ежели бывали в Москве.

Ежели вы скромный мужчина, не знающий Москвы, опоздали на званый обед, ошиблись расчетом, что гостеприимные москвичи вас позовут обедать — и вас не позвали, или просто хотите пообедать в лучшей гостинице, вы входите в лакейскую. Три или четыре лакея вскакивают, один из них снимает с вас шубу и поздравляет с новым годом, с масленицей, с приездом или просто замечает, что давно вы не бывали, хоть вы и никогда не бывали в этом заведении. Вы входите, и первый бросается вам в глаза накрытый стол, уставленный, как вам в первую минуту кажется, бесчисленным количеством аппетитных яств. Но это только оптический обман, ибо на этом столе большую часть места занимают в перьях фазаны, морские раки невареные, коробочки с духами, помадой и стклянки с косметиками и конфектами. Только с краюшка, поискав хорошенько, вы найдете водку и кусок хлеба с маслом и рыбкой под проволочным колпаком от мух, совершенно бесполезным в Москве в декабре месяце, но зато точно таким же, какие употребляются в Париже. Далее, за столом вы видите впереди себя комнату, в которой за конторкой сидит француженка весьма противной наружности, но в чистейших рукавчиках и в прелестнейшем модном платье. Подле француженки вам представится расстегнутый офицер, закусывающий водку, статский, читающий газету, и чьи-нибудь военные или статские ноги, лежащие на бархатном стуле, и послышатся французский говор и более или менее искренний громкий хохот. Ежели вам захочется знать, что делается в этой комнате, то я бы советовал не входить в нее, а только заглянуть, как будто проходя мимо, чтобы взять тартинку. Иначе вам не поздоровится от вопросительного молчания и взглядов, которые устремят на вас привычные обитатели комнаты, и, вероятно, вы, поджавши хвост, поспешите к одному из столов в большую залу или зимний сад. В этом вам никто не

помешает. Эти столы для всех, и там в одиночестве можете называть Дея гарсоном и заказывать трюфелей, сколько вам угодно. Комната же с француженкой существует для избранной, *золотой*, московской молодежи, и попасть в число избранных не так легко, как вам кажется.

Г. Шевалье, возвратившись в эту комнату, сказал супруге, что господин из Сибири скучен, но зато сын и дочь такие молодцы, каких только в Сибири можно выкормить.

— Вы бы посмотрели на дочь, что это за розанчик!

— О! он любит свеженьких женщин, этот старик, — сказал один из гостей, куривший сигару. (Разговор, разумеется, происходил на французском языке, но я передаю его по-русски, что и постоянно буду делать в продолжение этой истории.)

— О! очень люблю! — отвечал г. Шевалье. — Женщины — моя страсть. Вы не верите?

— Слышите, M-me Chevalier? — закричал толстый казацкий офицер, который был много должен в заведеньи и любил беседовать с хозяином.

— Да, вот он разделяет мой вкус, — сказал Chevalier, потрепав толстяка по эполете.

— И точно хороша эта Сибирячка?

Chevalier сложил свои пальцы и поцеловал их.

Вслед за тем между посетителями разговор сделался конфиденциальный и очень веселый. Дело шло о толстяке; он, улыбаясь, слушал то, что про него рассказывали.

— Можно ли иметь такие превратные вкусы? — закричал один сквозь смех. — M-lle Clarisse! вы знаете, Стругов из женщин лучше всего любит куриные ляжки.

Хотя и не понимая соли этого замечания, m-lle Clarisse залилась из-за конторки смехом, настолько серебристым, насколько позволяли ей дурные зубы и преклонные лета.

— Сибирская барышня навела его на такие мысли? — и все еще больше расхохотались. Сам M-r Chevalier помирал со смеху, приговаривая:

«Ce vieux coquin», [1] и трепя по голове и плечам казацкого офицера.

— Да кто они, эти Сибиряки? заводчики или купцы? — спросил один из господ во время затихания смеха.

— Никит! спрашивайт у господа, которые приехал, подо-

[1] [Вот старый плут,]

рожний, — сказал M-r Chevalier. — «Мы, Александр, Самодержес...» — начал было читать Г-н Chevalier принесенную подорожную, но казацкий офицер вырвал у него бумагу, и лицо его вдруг выразило удивленье.

— Ну, угадайте, кто это? — сказал он, — и все вы хоть по слухам знаете.

— Ну, как же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадер, ха-ха-ха. Ну, Калиостро... Ну, Петр III... ха-ха-ха-ха.

— Ну, прочти же!

Казацкий офицер, развернув бумагу, прочел: «бывший князь Петр Иваныч» и одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице близком или знакомом. Мы будем называть его Лабазовым. Казацкий офицер смутно помнил, что этот Петр Лабазов был чем-то знаменитым в 25-м году и что он был сослан в каторжную работу, — но чем он был знаменит, он не знал хорошенько. Другие же никто и этого не знали и ответили: «А! да, известный» точно так же, как бы они сказали: «как же, известный!» про Шекспира, который написал «Энеиду». Больше же они узнали его потому, что толстяк объяснил им, что он брат князя Ивана, дядя Чикиных, графини Прук, ну, известный...

— Ведь он должен быть очень богат, коли он брат князя Ивана? — заметил один из молодых. — Ежели ему возвратили состояние. Некоторым возвратили.

— Сколько их наехало теперь этих сосланных! — заметил другой, — право, их меньше, кажется, было сослано, чем вернулось. Да, Жикинский, расскажи-ка эту историю за 18-е число, — обратился он к офицеру стрелкового полка, слывшему за мастера рассказывать.

— Ну, расскажи же.

— Во-первых, это истинная правда и случилось здесь, у Шевалье, в большой зале. Приходят человека три Декабристов обедать. Сидят у одного стола, едят, пьют, разговаривают. Только напротив их уселся господин почтенной наружности, таких же лет и всё прислушивается, как они про Сибирь что-нибудь скажут. Только он что-то спросил; слово за слово, разговорились, оказывается, что он тоже из Сибири.

— И Нерчинск знаете?

— Как же, я жил там.

— И Татьяну Ивановну знаете?

— Как же не знать!

— Позвольте спросить, вы тоже сосланы были?

— Да, имел несчастие пострадать, а вы?

— Мы все сосланные 14-го декабря. Странно, что мы вас не знаем, ежели вы тоже за 14-е. Позвольте узнать вашу фамилию?

— Федоров.

— Тоже за 14-е?

— Нет, я за 18-е.

— Как за 18-е?

— За 18-е сентября, за золотые часы. Был оклеветан, будто украл, и пострадал невинно.

Все покатились со смеха, исключая рассказчика, который, с пресерьезным лицом, оглядывая влоск положенных слушателей, божился, что это была истинная история.

Скоро после рассказа один из золотых молодых людей встал и поехал в клуб. Пройдясь по залам, уставленным столами с старичками, играющими в ералаш, повернувшись в инфернальной, где уж знаменитый «Пучин» начал свою партию против «компании», постояв несколько времени у одного из бильярдов, около которого, хватаясь за борт, семенил важный старичок и еле-еле попадал в своего шара, и заглянув в библиотеку, где какой-то генерал степенно читал через очки, далеко держа от себя газету, и записанный юноша, стараясь не шуметь, пересматривал под-ряд все журналы, золотой молодой человек подсел на диван в бильярдной к играющим в табельку, таким же, как он, позолоченным молодым людям. Был обеденный день, и было много господ, всегда посещающих клуб. В числе их был Иван Павлович Пахтин. Это был мужчина лет 40, среднего роста, белый, полный, с широкими плечами и тазом, с голой головой и глянцовитым, счастливым выбритым лицом. Он не играл в табельку, но так подсел к князю Д., с которым он был на ты, и не отказался от стакана шампанского, которое ему предложили. Он так хорошо поместился после обеда, незаметно распустив сзади гульфик, что, казалось бы, век просидел так, покуривая сигару, запивая шампанское и чувствуя близкое присутствие князей и графов, министерских детей. Известие о приезде Лабазовых нарушило его спокойствие.

— Куда ты, Пахтин? — сказал министерский сын, заметив

между игрой, что Пахтин привстал, одернул жилет и большим глотком допил шампанское.

— Северников просил, — сказал Пахтин, чувствуя какое-то беспокойство в ногах, — что же, поедешь?..

«Анастасья, Анастасья, отворяй-ка, ворота». Это была известная в ходу цыганская песня.

— Может быть. А ты?

— Куда мне, женатому старику.

— Ну!..

Пахтин, улыбаясь, пошел в стеклянную залу к Северникову. Он любил, чтоб последнее слово, им сказанное, было шуточка. И теперь так вышло.

— Что, как здоровье графини? — спросил он, подходя к Северникову, который вовсе не звал его, но которому, по некоторым соображениям Пахтина, нужнее всех было знать о приезде Лабазовых. Северников был немножко замешан в 14-м числе и приятель со всеми Декабристами. Здоровье графини было гораздо лучше, и Пахтин был очень рад этому.

— А вы не знаете, Лабазов приехал нынче, у Шевалье остановился.

— Что вы говорите! Ведь мы старые приятели. Как я рад! Как я рад! Постарел, я думаю, бедняга? Его жена писала моей жене...

Но Северников не досказал, что она писала, потому что его партнеры, разыгрывавшие бескозырную, сделали что-то не так. Говоря с Иваном Павловичем, он всё косился на них, но теперь вдруг бросился всем туловищем на стол и, стуча по нем руками, доказал, что надо было играть с семерки. Иван Павлович встал и, подойдя к другому столу, сообщил между разговором другому почтенному человеку свою новость, опять встал и у третьего стола сделал то же. Почтенные люди все были очень, очень рады возвращению Лабазова, так что, опять вернувшись в бильярдную, Иван Павлович, сначала сомневавшийся, нужно или нет радоваться возвращению Лабазова, уже более не употреблял введения о бале, статье «Вестника», здоровье и погоде, а прямо приступал ко всем с восторженным объявлением о благополучном возвращении знаменитого Декабриста.

Старичок, всё еще тщетно пытавшийся ткнуть кием в своего белого шара, должен был, по мнению Пахтина, быть очень обрадован известием. Он подошел к нему. «Хорошо поигрываете,

Ваше Высокопревосходительство?» сказал он в то время, как старичок сунул свой кий в красный жилет маркера, означая этим желанье помелить.

«Ваше Высокопревосходительство» было сказано совсем не так, как вы думаете, из подобострастия (нет, это не мода в 56-м году) — Иван Павлыч называл просто по имени и отчеству этого старичка, — а это было сказано частью [как] шутка над теми, кто так говорят, частью, чтоб дать знать, что мы знаем с кем говорим, и всё-таки резвимся, немножко и взаправду; вообще это было очень тонко.

— Сейчас узнал: Петр Лабазов приехал. Прямо из Сибири приехал со всем семейством. — Эти слова произнес Пахтин, в то самое время, как старичок опять промахнулся в своего шара, — такое ему несчастье было.

— Ежели он приехал таким же взбалмошным, каким поехал, так нечему радоваться, — угрюмо сказал старичок, раздраженный своей непонятной неудачей.

Этот отзыв смутил Иван Павлыча, он опять не знал, следовало ли или нет радоваться приезду Лабазова, и чтобы окончательно разрешить свои сомнения, он направил шаги свои в комнату, где собирались умные люди разговаривать и знали значенье и цену всякой вещи, и всё знали одним словом. Иван Павлыч был в тех же приятных отношениях с посетителями умной комнаты, как и с золоченой молодежью и сановитыми особами. Правда, у него не было своего особого места в умной комнате, но никто не удивился, когда он вошел и сел на диван. Речь шла о том, в каком году и по какому случаю произошла ссора между двумя русскими журналистами. Выждав минуту молчанья, Иван Павлыч сообщил свою новость не так, как радость, не так, как незначущее событие, а так, как будто к разговору. Но тотчас по тому, как «умные» (я употребляю «умные» как [прозвание] посетителей умной комнаты) приняли его новость и стали обсуживать ее, тотчас Иван Павлыч понял, что сюда-то именно и следовала эта новость и здесь только она получит такую обработку, что можно будет везти ее дальше и savoir à quoi s'en tenir. [1]

— Только Лабазова недоставало, — сказал один из «умных», — теперь из живых Декабристов все вернулись в Россию.

---

[1] [знать, как к этому относиться.]

— Он был «один из стаи славных»... — сказал Пахтин еще выпытывающим тоном, готовый на то, чтобы эту цитату сделать шуточной и серьезной.

— Как же, Лабазов — один из замечательнейших людей того времени, — начал «умный». — В 1819 году он был прапорщиком Семеновского полка и был послан за границу с депешами к герцогу З. Потом он вернулся и в 24-м году был принят в первую масонскую ложу. Все тогдашние масоны собирались у Д. и у него. Ведь он очень богат был. Князь Ж., Федор Д., Иван П. — это были его ближайшие друзья. И тут дядя его, князь Висарион, чтоб удалить молодого человека от этого общества, перевез его в Москву.

— Извините, Николай Степанович, — перебил другой «умный», — мне кажется, что это было в 23-м году, потому что Висарион Лабазов назначен был командиром 3-го корпуса в 24-м году и был в Варшаве. Он приглашал его к себе в адъютанты и после отказа уж перевел его. Впрочем, извините, я вас перебил.

— Ах, нет, сделайте одолжение.

— Нет, пожалуйста.

— Нет, сделайте одолжение, вы должны это знать лучше меня, и притом память ваша и знания достаточно доказаны здесь.

— В Москве он против желанья дяди вышел в отставку, — продолжал тот, чья память и знания были доказаны, — и там вкруг него образовалось второе общество, которого он был родоначальником и сердцем, ежели можно так выразиться. Он был богат, хорош собой, умен, образован; любезен, говорят, был удивительно. Мне еще тетка говаривала, что она не знавала человека обворожительнее его. И тут-то он за несколько месяцев до бунта женился на Кринской.

— Дочь Николая Кринского, тот, что при Бородино... — ну, известный, — перебил кто-то.

— Ну, да. Ее-то огромное состояние у него осталось теперь, а его собственное, родовое, перешло меньшому брату князю Ивану, который теперь обер-гоф-кафермейстер (он назвал что-то в этом роде) и был министром.

— Лучше всего его поступок с братом, — продолжал рассказчик. — Когда его взяли, то одно, что он успел уничтожить, это — письма и бумаги брата.

— Разве брат был замешан?

Рассказчик не отвечал: «да», но сжал губы и мигнул значительно.

— Потом на всех допросах Петр Лабазов постоянно отпирался во всем, что касалось брата, и за это пострадал больше других. Но что лучше всего, что князь Иван получил всё именье и ни одного гроша не послал брату.

— Говорили, что Петр Лабазов сам отказался? — заметил один из слушателей.

— Да, но отказался только потому, что князь Иван перед коронацией писал ему и извинялся, что ежели бы не он взял, то именье конфисковали бы, а что у него дети и долги, и что теперь он не в состоянии возвратить ничего. Петр Лабазов отвечал двумя строчками: «Ни я, ни наследники мои не имеем и не хотим иметь никаких прав на законом вам присвоенное именье». И больше ничего. Каково? И князь Иван проглотил и с восторгом запер этот документ с векселями в шкатулку и никому не показывал.

Одна из особенностей умной комнаты состояла в том, что посетители ее знали, когда хотели знать, всё, что делалось на свете, как бы тайно оно ни происходило.

— Впрочем, это вопрос, — сказал новый собеседник, — справедливо ли было отнять от детей князя Ивана состояние, при котором они выросли и были воспитаны и на которое полагали, что имели право.

Разговор таким образом был перенесен в отвлеченную сферу, не интересовавшую Пахтина. Он почувствовал необходимость свежим людям сообщить новость, встал и медленно, заговаривая направо и налево, пошел по залам. Один из его сослуживцев остановил его, чтобы сообщить новость о приезде Лабазовых.

— Кто же этого не знает! — отвечал Иван Павлыч, спокойно улыбаясь, и направился к выходу. Новость уже совершила свой круг и опять возвращалась к нему.

В клубе было больше нечего делать, он отправился на вечер. Это был не званый вечер, а салон, в котором принимали каждый день. Было человек 8 дам и один старый полковник, и всем было ужасно скучно. Уже одна твердая походка и улыбающееся лицо Пахтина развеселило дам и девиц. Новость же была тем более кстати, что в салоне была старая графиня Фукс с дочерью. Когда Пахтин рассказал почти слово в слово всё, что он слышал в умной комнате, М-me Фукс, покачивая головой и удив-

ляясь своей старости, стала вспоминать, как она выезжала вместе с Наташей Кринской, теперешней Лабазовой.

— Ее замужество — очень романическая история, и всё это было на моих глазах. Наташа была почти обручена с Мятлиным, который после был убит на дуэли с Дёбра. Только в это время приезжает в Москву князь Петр, влюбляется в нее и делает предложение. Только отец, которому очень хотелось Мятлина — и вообще Лабазова боялись как масона — отец отказал. Только молодой человек продолжает ее видеть на балах, везде, сдружается с Мятлиным, просит его отказаться. Мятлин соглашается, он ее уговаривает бежать. Она тоже соглашается, но последнее раскаянье (разговор происходил по-французски) — она идет к отцу и говорит, что всё готово к бегству, и что она могла его оставить, но надеется на его великодушие. И в самом деле, отец простил ее — все за нее просили — и дал согласие. Вот так и сделалась эта свадьба, и веселая была свадьба! Кто из нас думал, что через год она поедет за ним в Сибирь. Она, единственная дочь, самая богатая, самая красивая тогдашнего времени. Император Александр всегда замечал ее на балах, сколько раз танцовал с ней. У графа Г. был bal costumé,[1] как теперь помню, и она была Неаполитанкой, удивительно хороша! Он всегда, приезжая в Москву, спрашивал: «que fait la belle Napolitaine?». [2] И вдруг эта женщина в таком положении (она дорогой родила) ни минуты не задумалась, ничего не приготовила, не собрала вещи и как была, когда его взяли, так и поехала за ним за 5000 верст.

— О! Удивительная женщина! — сказала хозяйка.

— И он и она — это редкие люди были, — сказала еще другая дама. — Мне говорили — не знаю, правда ли, — что в Сибири везде, где они работали в рудниках или как это называется, так эти колодники, которые с ними были, исправлялись от них.

— Да она никогда не работала в рудниках, — поправил Пахтин.

Что значил 56 год! Три года тому назад никто не думал о Лабазовых и ежели вспоминали о них, то с тем безотчетным чувством страха, с которым говорят о новоумерших; теперь же как живо вспоминались все прежние отношения, все прекрасные

[1] [костюмированный бал].
[2] [«что делает прекрасная неаполитанка?»]

качества, и каждая из дам уже придумывала план, как бы получить монополию Лабазовых и ими угащивать других гостей.

— Сын и дочь приехали с ними, — сказал Пахтин.

— Ежели только они так же хороши, как была мать — сказала графиня Фукс. — Впрочем, и отец был очень, очень хорош.

— Как они могли воспитать там своих детей? — сказала хозяйка дома.

— Говорят, прекрасно. Говорят, молодой человек так хорош, любезен, образован, как будто вырос в Париже.

— Я предсказываю большой успех молодой особе, — сказала одна некрасивая девица. — Все эти сибирские дамы имеют что-то очень приятно-тривьяльное, но которое очень нравится.

— Да, да, — сказала другая девица.

— Вот еще богатая невеста прибавилась, — сказала третья девица.

Старый полковник немецкого происхожденья, три года тому назад приехавший в Москву, чтобы жениться на богатой, решил, что как можно скорее, пока молодежь еще не знает, представиться и сделать предложенье. Девицы и дамы почти то же самое думали насчет сибирского молодого человека. «Должно быть, это-то и есть мой суженый, — подумала девица, тщетно выезжающая уже восьмой год. — Должно быть, к лучшему было, что этот глупый кавалергард так и не сделал мне предложенья. Я бы, верно, была несчастлива»..— «Ну, опять пожелтеют все от злости, когда еще этот в меня влюбится», подумала молодая и красивая дама.

Говорят о провинциализме маленьких городов, — нет хуже провинциализма высшего общества. Там нет новых лиц, но общество готово принять всякие новые лица, ежели бы они явились; здесь же редко, редко, как теперь Лабазовы, признаны принадлежащими к кругу и приняты, и сенсация, производимая этими новыми лицами, сильнее, чем в уездном городе.

ГЛАВА III.

— Москва-то, Москва-то, матушка белокаменная, — сказал Петр Иваныч, протирая утром глаза и прислушиваясь к звону колоколов, стоявшему над Газетным переулком.

Ничто так живо не воскрешает прошедшего, как звуки; и эти колокольные московские звуки, соединенные с видом белой стены из окна и стуком колес, так живо напомнили ему не только ту Москву, которую он знал 35 лет тому назад, но и ту Москву с Кремлем, теремами, Иванами и т. д., которую он носил в своем сердце, что он почувствовал детскую радость того, что он Русский, и что он в Москве.

Явился бухарский халат, распахнутый на широкой груди в ситцевой рубашке, трубка с янтарем, лакей с тихими приемами, чай, запах табаку, громкий, порывистый мужской голос послышался в комнатах Шевалье, утренние поцелуи раздались, и голоса дочери и сына, и Декабрист был так же дома, как в Иркутске и как бы он был в Нью-Йорке и Париже. Как бы мне ни хотелось представить моим читателям декабрьского героя выше всех слабостей, ради истины должен признаться, что Петр Иваныч особенно тщательно брился, чесался и смотрелся в зеркало. Платьем, которое было сшито не слишком хорошо в Сибири, он был недоволен и раза два то расстегнул, то застегнул сюртучок. Наталья же Николаевна вошла в гостиную, шумя черным муаровым платьем с такими рукавчиками и лентами на чепце, что хотя всё это было не по самой последней моде, но так придумано, что не только не было ridicule, [1] но, напротив, distingué. [2] На это у дам есть особенное, шестое чувство и проницательность, ни с чем не сравнимая. Соня тоже была так пристроена, что хотя всё было на два года сзади моды, но ни в чем упрекнуть нельзя было. На матери темно и просто, на дочери светло и весело. Сережа только проснулся, и они одни поехали к обедне. Отец с матерью сели сзади, дочь села напротив, Василий сел на козлы, и извозчичья карета повезла их в Кремль. Когда они вышли, дамы оправили платья, и Петр Иваныч взял под руку свою Наталью Николаевну и, закинув голову назад, пошел к дверям церкви. Многие и купцы, и офицеры, и всякий народ не могли узнать, что это за люди. Кто это — давно, давно загорелый и не отошедший старичок с крупными, прямыми рабочими морщинами, особенного склада, такого склада, какого не бывают морщины, приобретенные в аглицком клубе, с белыми, как снег, волосами и бородой, с добрым и гордым взглядом и энергическими движениями? Кто эта высокая дама с

[1] [смешно,]
[2] [изящно,]

значительной поступью и усталыми, померкшими, большими и прекрасными глазами? Кто эта девушка, свежая, стройная, сильная, а не модная, и не робкая? Купцы — не купцы, немцы — не немцы, господа? — тоже таких не бывает, а важные люди. Так думали те, которые видели их в церкви, и почему-то скорее и охотнее давали им дорогу и место, чем мужчинам в густых эполетах. Петр Иваныч держал себя так же величаво, как и при входе, и молился спокойно, сдержанно, не забываясь. Наталья Николаевна плавно становилась на колена, вынимала платок и много плакала во время «иже херувимской». Соня как будто делала над собой усилие, чтобы молиться. Не шло к ней моление, но она не оглядывалась и крестилась прилежно.

Сережа остался дома — частью оттого, что проспал, частью оттого, что он не любил стоять обедни: у него ноги отекали, и он никак не мог понять, отчего пройти на лыжах верст 40 ему ничего не стоило, а простоять 12 Евангелий было для него величайшее физическое мученье, главное же оттого, что он чувствовал, ему нужнее всего было новое платье. Он оделся и пошел на Кузнецкий мост. Денег у него было довольно. Отец сделал себе правилом с тех пор, как сыну минуло 21 год, давать ему денег, сколько захочет. От него зависело оставить отца и мать совершенно без денег.

Как мне жалко этих 250 руб. с. денег, даром истраченных в магазине готового платья Кунца! Каждый из этих господ, встречавших Сережу, охотно бы научил его и за счастье бы почел с ним вместе пойти заказать ему; но, как всегда бывает, он был одинок посреди толпы и, пробираясь в фуражке по Кузнецкому мосту, не поглядывая на магазины, он дошел до конца, отворил двери и вышел оттуда в коричневом полуфраке, в узком (а носили широкий), в черных панталонах, широких (а носили узкие), и в атласном с цветочками жилете, который ни один из господ, бывших у Шевалье в особой, не позволили бы надеть своему лакею. И еще много чего купил Сережа; зато Кунц в недоумение пришел от тонкой талии молодого человека и, как он это говорил всем, объяснил, что подобной он никогда не видел. Сережа знал, что у него талия хороша, но похвала постороннего человека, как Кунца, очень польстила ему. Он вышел без 250 р., но одет очень дурно, так дурно, что платье его через два дня перешло во владение Василья и навсегда осталось неприятным воспоминанием для Сережи. Дома он сошел

вниз и сел в большой комнате, тоже посматривая в заветную, и спросил себе завтракать таких странных кушаний, что слуга даже посмеялся на кухне. Но всё-таки он спросил журнал и сделал, как будто читает его. Когда же слуга, обнадеженный неопытностью юноши, начал было спрашивать и его, то Сережа сказал: ступай на свое место! и покраснел. Но сказал так гордо, что тот послушался. Мать, отец и дочь, возвратившись домой, нашли тоже его платье отличным.

Помните ли вы это радостное чувство детства, когда в ваши именины вас принарядили, повезли к обедне, и вы, возвратившись с праздником на платье, на лице и в душе, нашли дома гостей и игрушки? Вы знаете, что нынче нет классов, что большие даже празднуют, что нынче для целого дома день исключения и удовольствий; вы знаете, что вы одни причиной этого торжества и что, что бы вы ни сделали, вам простят, и вам странно, что люди на улицах не празднуют так же, как ваши домашние, и звуки слышнее, и цвета ярче, — одним словом, именинное чувство. Такого рода чувство испытал Петр Иваныч, возвратившись из церкви.

Вчерашние хлопоты Пахтина не пропали даром: вместо игрушек Петр Иваныч нашел дома уже несколько визитных карточек значительных Москвичей, считавших в 56-м году своей непременной обязанностью оказать всевозможное внимание знаменитому изгнаннику, которого они не хотели бы видеть ни за что на свете 3 года тому назад. В глазах Шевалье, швейцара и людей гостиницы появление карет, спрашивающих Петра Иваныча, в одно утро удесятерило их уважение и услужливость. Всё это были именинные подарки для Петра Иваныча. Как ни испытан жизнью, как ни умен человек, выражения уважения от людей, уважаемых большим числом людей — всегда приятны. Петру Иванычу было весело на душе, когда Шевалье, изгибаясь, предлагал переменить отделение и просил приказывать всё, что будет угодно, и уверял, что он за счастие почитает посещение Петра Иваныча, и когда он, пересматривая карточки и опять бросая их в вазу, называл имена графа С., князя Д. и т. д., Наталья Николаевна сказала, что она никого не принимает и сейчас поедет к Марье Ивановне, на что Петр Иваныч согласился, хотя ему хотелось бы поговорить со многими из приезжающих. Только один из визитов успел проскочить до запрета. Это был Пахтин. Ежели бы спросить этого человека,

для чего он с Пречистенки приехал в Газетный переулок, то он никакого бы не мог дать предлога, исключая того, что он любит всё новое и занимательное и потому приехал посмотреть на Петра Иваныча как на редкость. Казалось бы, надо заробеть, с таким единственным резоном приезжая к незнакомому человеку. Оказалось напротив. Петр Иваныч и его сын и Софья Петровна смутились. Наталья Николаевна была слишком grande dame,[1] чтоб от чего бы то ни было смущаться. Утомленный взгляд ее прекрасных черных глаз спокойно спустился на Пахтина. Пахтин же был свеж, самодоволен и весело любезен, как всегда. Он был друг Марьи Ивановны.

— А! — сказала Наталья Николаевна.

— Не друг, — лета наши... но она всегда была добра ко мне. — Пахтин был давнишний поклонник Петра Иваныча, он знал его товарищей. Он надеялся, что может быть полезен приезжим. Он вчера бы еще явился, но не успел, и просит извинить его. И он сел и говорил долго.

— Да, скажу вам, много я нашел перемен в России с тех пор, — сказал Петр Иваныч, отвечая на вопрос.

Как только Петр Иваныч стал говорить, надо было видеть, с каким почтительным вниманием Пахтин получал каждое слово, вылетавшее из уст значительного старца, и как за каждой фразой, иногда словом, Пахтин кивком, улыбкой или движением глаз давал чувствовать, что он получил и принял достопамятную для него фразу или слово. Усталый взгляд одобрил этот маневр. Сергей Петрович, казалось, боялся, что речь батюшки не будет значительна, соответственно вниманию слушателя. Софья Петровна, напротив, улыбнулась той незаметной самодовольной улыбкой, которой улыбаются люди, подметившие смешную сторону человека. Ей показалось, что от этого нечего ждать, что это «шюшка», — так они с братом называли известный сорт людей. Петр Иваныч объяснил, что он в своем путешествии заметил огромные перемены, которые радовали его. Нет сравнения, как народ — крестьянин — стал выше, стало больше сознания достоинства в них, — говорил он, как бы протверживая старые фразы. — «А я должен сказать, что народ более всего меня занимает и занимал. Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе», и т. д. Петр Иваныч развил с свой-

[1] [великосветской,]

ственным ему жаром свои более или менее оригинальные мысли насчет многих важных предметов. Нам придется еще слышать их в более полном виде. Пахтин таял от наслаждения и был совершенно согласен со всем.

— Вам непременно надо познакомиться с Аксатовыми, вы позволите мне их представить вам, князь? Вы знаете, ему разрешили теперь его издание? Говорят, завтра выйдет первый нумер. Я читал также его удивительную статью о последовательности теории науки в абстрактности. Чрезвычайно интересно. Еще там статья — история Сербии в XI веке и этого знаменитого воеводы Карбавонца, тоже очень интересно. Вообще огромный шаг.

— А! так, — сказал Петр Иваныч. Но его, видимо, не занимали все эти известия, он даже не знал имен и заслуг тех людей, которых, как всем известных, называл Пахтин. Наталья Николаевна же, не отрицая необходимости знания всех этих людей и условий, в оправданье мужа заметила, что Pierre поздно очень получал журналы. Но он слишком много читает.

— Папа, мы поедем к тете? — сказала Соня, входя.

— Поедем, но надо позавтракать. Не хотите ли чего-нибудь?

Пахтин, разумеется, отказался, но Петр Иваныч с свойственным вообще русскому и особенно ему гостеприимством настоял на том, чтобы Пахтин поел и выпил. Сам же он выпил рюмку водки и стакан бордо. Пахтин заметил, что, когда он наливал вино, Наталья Николаевна отвернулась нечаянно от стакана, а сын посмотрел особенно на руки отца. После вина Петр Иваныч на вопросы Пахтина о том, какое его мнение о новой литературе, о новом направлении, о войне, о мире (Пахтин умел самые разнородные предметы соединить в один бестолковый, но гладкий разговор) — на эти вопросы Петр Иваныч сразу ответил одною, общею profession de foi, [1] и вино ли, или предмет разговора, но он так разгорячился, что слезы выступили у него на глазах, и что Пахтин пришел в восторг и тоже прослезился и, не стесняясь, выразил свое убеждение, что Петр Иваныч теперь впереди всех передовых людей и должен стать главой всех партий. Глаза Петра Иваныча разгорелись, он верил тому, что ему говорил Пахтин, и он долго бы еще говорил, ежели бы Софья Петровна не поинтриговала у Натальи Николаевны, чтобы она

[1] [декларацией своих взглядов.]

надела мантилью и не пришла бы сама поднять Петра Иваныча. Он налил было себе остальное вино, но Софья Петровна выпила его.

— Что ж ты это?

— Я не пила еще, papa, pardon.[1]

Он улыбнулся.

— Ну, поедем к Марье Ивановне. Вы нас извините, m-r Пахтин... — и Петр Иваныч вышел, неся высоко голову. В сенях встретился еще генерал, приехавший с визитом к старому знакомому. Они 35 лет не видались. Генерал был уже без зуб и плешивый.

— А ты как еще свеж, — сказал он. — Видно, Сибирь лучше Петербурга. Это твои? Представь меня. Какой молодец сын-то! Так завтра обедать?

— Да, да, непременно.

На крыльце встретился знаменитый Чихаев, тоже старый знакомый.

— Как же вы узнали, что я приехал?

— Стыдно бы было Москве, ежели бы она не знала; стыдно, что у заставы вас не встретили. Где вы обедаете? должно быть, у сестры Марьи Ивановны... Ну и прекрасно, я тоже приеду. —

Петр Иваныч всегда имел вид человека гордого для тех, кто не мог разобрать сквозь эту внешность выражение несказанной доброты и впечатлительности. Теперь же даже Наталья Николаевна любовалась его непривычной величавостью, и Софья Петровна улыбалась глазами, поглядывая на него. Они приехали к Марье Ивановне. Марья Ивановна была крестная мать Петра Иваныча и старше его 10-ю годами. Она была старая дева.

Историю ее, почему она не вышла замуж, и как она жила свою молодость, я расскажу когда-нибудь после.

Она жила в Москве 40 лет безвыездно. Не было в ней ни большого ума, ни большого богатства, и связями она не дорожила, напротив; и не было человека, который бы не уважал ее. Она была так уверена, что все должны уважать ее, что все ее уважали. Бывали из университета молодые либералы, которые не признавали за ней власти, но эти господа фрондировали только в ее отсутствии. Стоило ей войти в гостиную своей цар-

---

[1] [извини].

ской поступью, заговорить своей спокойной речью, улыбнуться своей ласковой улыбкой, и они были покорены. Общество ее было — все. Она смотрела на Москву и обращалась с ней, как с своими домашними. Бывали у ней друзья больше из молодежи и мужчин умных; женщин она не любила. Были у ней тоже и приживалки и приживальщики, которых вместе с венгеркой и генералами в одно общее презрение почему-то вместе включила наша литература; но Марья Ивановна считала, что проигравшемуся Скопину и прогнанной мужем Бешевой лучше жить у нее, чем в нищете, и держала их. Но два сильные чувства в теперешней жизни Марьи Ивановны — были ее два брата. Петр Иваныч был ее идолом. Князь Иван был ее ненависть. Она не знала, что Петр Иваныч приехал, была у обедни и теперь только отпила кофе. Московский викарий, Бешева и Скопин сидели около стола. Марья Ивановна рассказывала им про молодого графа В., сына П. З., который вернулся из Севастополя и в которого она была влюблена. (У ней беспрерывно бывали пассии.) Нынче он должен был обедать у нее. Викарий встал и раскланялся. Марья Ивановна не удерживала его, она была вольнодумка в этом отношении; она была набожна, но не любила монахов, смеялась над барынями, бегающими за монахами, и говорила смело, что, по ее мнению, монахи такие же люди, как мы грешные, и что можно спастись в миру лучше, чем в монастыре.

— Не велите никого принимать, мой друг, — сказала она, — я Пьеру напишу; не понимаю, что он не едет. Верно, Наталья Николаевна больна.

Марья Ивановна была того убеждения, что Наталья Николаевна не любила и была врагом ее. Она не могла простить ей того, что не она, сестра, отдала ему свое имѣнье и поехала с ним в Сибирь, а Наталья Николаевна, и что брат решительно отказал ей в этом, когда она собиралась ехать. После 35 лет она начинала верить иногда брату, что Наталья Николаевна лучшая жена в мире и его ангел-хранитель была; но она завидовала, и ей всё казалось, что она дурная женщина.

Она встала, прошлась по зале и хотела итти в кабинет, как дверь отворилась, и сморщенное, седенькое лицо Бешевой, выражавшее радостный ужас, выставилось в двери.

— Марья Ивановна, приготовьтесь, — сказала она.

— Письмо?

— Нет больше...

Но не успела она сказать, как в передней послышался громкий мужской голос:

— Да где она? Поди ты, Наташа.

— Он! — проговорила Марья Ивановна и большими, твердыми шагами пошла к брату. Она встретила их, как будто со вчерашнего дня с ними виделась.

— Когда ты приехал? Где остановились? В чем же вы, в карете? — вот какие вопросы делала Марья Ивановна, проходя с ними в гостиную и не слушая ответов и глядя большими глазами то на одного, то на другого. Бешева удивилась этому спокойствию, равнодушию даже, и не одобрила его. Они все улыбались; разговор замолк; Марья Ивановна молча, серьезно смотрела на брата.

— Как вы? — сказал Петр Иваныч, взяв ее за руку и улыбаясь. Петр Иваныч говорил «вы», а она говорила ему «ты». Марья Ивановна еще раз взглянула на седую бороду, на плешивую голову, на зубы, на морщины, на глаза, на загорелое лицо и всё это узнала.

— Вот моя Соня.

Но она не оглянулась.

— Какой ты дур... — голос ее оборвался, она схватила своими белыми, большими руками плешивую голову, — какой ты дурак... она хотела сказать, — «что не приготовил меня», но плечи и грудь задрожали, старческое лицо покривилось, и она зарыдала, всё прижимая к груди плешивую голову и повторяя: «какой ты ду... рак, что меня не приготовил». Петр Иваныч не казался себе уже таким великим человеком, не казался так важен, как у крыльца Шевалье. Задом он сидел на кресле, но голова его была в руках сестры, нос прижимался к ее корсету, и в носу этом щекотало, волосы были спутаны, и слезы были в глазах. Но ему было хорошо. Когда прошел этот порыв радостных слез, Марья Ивановна поняла, поверила тому, что случилось, и стала оглядывать всех. Но еще несколько раз во время дня, как только она вспомнит, какой он был, какая она была тогда, и какие теперь, и всё живо так встанет перед воображением, — тогдашние несчастия и тогдашние радости, и тогдашние любови — на нее находило, и она опять вставала и повторяла: «какой ты дурак, Петруша, дурак какой, что меня не приготовил! Зачем вы не ко мне прямо приехали? я бы вас поместила,—

говорила Марья Ивановна. — По крайней мере, вы обедаете? Тебе не скучно будет у меня, Сергей: у меня обедает молодой Севастополец, молодец. А Николай Михайловича сына ты не знаешь? Он писатель, что-то хорошее там написал. Я не читала, но хвалют, и он милый малый, я и его позову. Чихаев хотел тоже приехать. Ну, этот болтун, я его не люблю. Он уже был у тебя? А Никиту видел? Ну, да это всё вздор. Что ты намерен делать? Что вы, ваше здоровье, Натали? Куда этого молодца, эту красавицу?

Но разговор всё не клеился.

Перед обедом Наталья Николаевна с детьми поехали к старой тетке, брат с сестрой остались вдвоем, и он стал рассказывать свои планы.

— Соня большая, ее надо вывозить, стало, мы будем жить в Москве, — сказала Марья Ивановна.

— Ни за что!

— Сереже надо служить.

— Ни за что.

— Всё такой же сумасшедший. — Но она всё так же любила сумасшедшего.

— Надо сидеть здесь, потом ехать в деревню и детям показать всё.

— Мое правило не вмешиваться в семейные дела, — говорила Марья Ивановна, успокоившись от волнения, — и не давать советов. Молодому человеку надо служить, это я всегда думала и думаю. А теперь больше чем когда-нибудь. Ты не знаешь, что такое теперь, Петруша, эта молодежь. Я их всех знаю. Вон князя Дмитрия сын совсем пропал. Да и сами виноваты! Я ведь никого не боюсь: я старуха. А нехорошо... — И она начала говорить про правительство. Она была недовольна им за излишнюю свободу, которая давалась всему.

— Одно хорошее сделали, что вас выпустили. Это хорошо. — Петруша стал было защищать, но с Марьей Ивановной было не то, что с Пахтиным; ему было не сговорить. Она разгорячилась.

— Ну что защищать! Тебе ли защищать? Ты всё такой же, я вижу, безумный.

Петр Иваныч замолчал с улыбочкой, показывавшей, что он не сдается, но что спорить с Марьей Ивановной он не хочет.

— Ты улыбаешься. Это мы знаем. Ты со мной спорить, с бабой не хочешь, — сказала она весело и ласково и так тонко,

умно глядя на брата, как нельзя было ожидать от ее старческого, с крупными чертами лица. — Да не соспоришь, дружок. Ведь 7-й десяток доживаю. Тоже не дурой прожила, кое-что видела и поняла. Книжек ваших не читала, да и читать не буду. В книжках вздор!

— Ну, как вам мои ребята нравятся? Сережа? — сказал Петр Иваныч с той же улыбкой.

— Ну, ну! — грозясь на него, ответила сестра. — На детей-то не переводи, об этом поговорим. А я тебе вот что хотела сказать. Ты ведь безумный, так и остался, я по глазам вижу. Теперь тебя на руках носить станут. Такая мода. Вы теперь все в моде. Да, да, я по глазам вижу, что ты такой же безумный, как был, — прибавила она, отвечая на его улыбку. — Удаляйся ты, Христом Богом тебя прошу, от всех этих либералов нонешних. Бог их знает, что они там ворочаются. Только всё это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчит, а потом придется показать коготки, попомни мое слово. Я боюсь, чтоб ты опять не замешался. Брось это; всё пустяки. У тебя дети.

— Видно, вы меня не знаете теперь, Марья Ивановна, — сказал брат.

— Ну, хорошо, хорошо, уж там видно будет. Я ли тебя не знаю, или ты сам себя не знаешь. Только я сказала, что у меня на душе было; послушаешь меня — хорошо. Вот теперь и о Сереже поговорим. Какой он у тебя? — «Он мне не очень понравился», хотела было сказать она, но сказала только: — Он на мать похож, две капли воды. Вот Соня твоя так мне очень понравилась, очень... милое такое что-то, открытое. Милая. Где она, Сонюшка? Да, я и забыла.

— Да как вам сказать? Соня-то будет хорошая жена и хорошая мать, но Сережа мой умен, очень умен, этого никто не отнимет. Учился прекрасно, немножко ленив. К естественным наукам он большую охоту имел. Мы были счастливы, у нас был славный, славный учитель. Ему здесь хочется в университет,— послушать лекции естественных наук, химии...

Марья Ивановна почти не слушала, как только брат начал об естественных науках. Ей как будто вдруг грустно стало. В особенности, когда дело дошло до химии. Она глубоко вздохнула и отвечала прямо на тот ряд мыслей, которые вызвали в ней естественные науки...

— Кабы ты знал, как мне их жалко, Петруша, — сказала она с искренней и тихой, покорной печалью. — Так жалко, так жалко. Целая жизнь впереди. Чего еще они не натерпятся!

— Что же, надо надеяться, что они проживут счастливее нашего.

— Дай Бог, дай Бог! Да жить-то тяжело, Петруша! Ты меня послушай в одном, мой голубчик. Не мудри ты! Какой ты дурак, Петруша, ах, какой ты дурак! Однако мне надо распорядиться. Народу-то я назвала, а чем я их кормить буду?

Она всхлипнула, отвернулась и позвонила.

— Позвать Тараса.

— Всё у вас старик? — спросил брат.

— Всё он; да что же, ведь он мальчишка в сравнении со мной.

Тарас был гневен и чист, но взялся всё делать.

Скоро, пышащие холодом и счастьем вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня; Сережа остался за покупками.

— Дайте мне на нее посмотреть.

Марья Ивановна руками взяла ее за лицо. Наталья Николаевна рассказывала.

ВАРИАНТЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

(1878 г.)

I.

Спорное дело «о завлажении Пензенской губернии Красно-слободского уезда помещиком, отставным гвардии поручиком, Иваном Апыхтиным, 4000 десятин земли у соседних казенных крестьян села Излегощи» было в первой инстанции, Уездном суде, по ходатайству выборного от крестьян Ивана Миронова решено в пользу крестьян, и огромная дача земли, частью под лесами, частью же под пашнями, расчищенными крепостными Апыхтина, поступила в 1815 году во владение крестьян, и крестьяне в 1816 году посеяли эту землю и сняли с нее урожай. Выигрыш этого неправильного дела крестьянами удивил всех соседей и даже самих крестьян. Этот успех крестьян объяснялся только тем, что Иван Петрович Апыхтин, человек самый кроткий, смирный и неохотник судиться, в этом деле уверенный в своей правоте, не принял никаких мер против действий крестьян. Иван же Миронов, поверенный крестьян, по ремеслу горчешник, сухой, горбоносый, грамотный мужик, бывший и головою и ходивший сборщиком податей, собрав с мужиков по 50 копеек с души, умно распределил эти деньги подарками и ловко вел всё дело. Но тотчас же после решения уездного суда Апыхтин, увидав опасность, дал доверенность ловкому дельцу, вольноотпущенному Илье Митрофанову, подал апелляцию в Палату на решение Уездного суда. Илья Митрофанов так ловко вел дело, что, несмотря на все происки поверенного крестьян Ивана Миронова, несмотря на значительные денежные подарки из собранной с крестьян по 50 к. с души суммы розданные им членам Палаты, дело в губернии было перерешено в пользу

помещика, и земля вновь должна была отойти от крестьян, о чем поверенному их и было объявлено. Поверенный Иван Миронов объявил на сходке крестьянам, что губернские господа потянули руку помещика и дело «всё спутали», так что землю опять хотят отобрать, но что дело помещика не выгорит, потому что у него уж прошение в Сенат написано, и есть такой человечек, который обещал верно в Сенате всё дело исправить, и что тогда уж землю навсегда закрепят за мужиками, только бы они теперь собрали еще по рублю с души. Крестьяне решили деньги собрать и опять приказать всё дело Ивану Миронову. Собрав деньги, Миронов уехал в Петербург.

Когда в 1817-м году на Страстной — она приходилась поздно — пришло время пахать, Излегощинские мужики на сходке стали толковать: пахать ли им в нынешнем году спорную землю, и, несмотря на то, что к ним постом еще приезжал от Апыхтина приказчик с приказом не пахать земли и сходиться с князем по согласию об посеянной ржи в бывшей спорной, а теперь Апыхтинской земле, мужики именно потому, что у них было посеяно в спорной земле озимое, и что Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними полюбовно сходиться, решили спорную землю пахать и захватывать прежде всякой другой земли.

В самый тот день, как мужики выехали пахать на Берестовскую дачу в чистый четверг, Иван Петрович Апыхтин, говевший на Страстной неделе, поехал рано утром в церковь села Излегощи, куда он был прихожанин, и там, ничего не зная об этом, дружелюбно беседовал со старостой церковным. Иван Петрович исповедовался с вечера и дома слушал всенощную; поутру сам прочел правила и в 8 часов выехал из дому. К обедне его ждали. Стоя в алтаре, где он обыкновенно стаивал. Иван Петрович более размышлял, чем молился, и был за то недоволен собою. Он, как и многие люди того времени, да и всех времен, чувствовал себя в неясности относительно веры. Ему было уже за 52 года, он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году; он, говоря с своей единственной дочерью, наставлял ее в правилах веры; но если бы его спросили, точно ли он верит, он бы не знал, что ответить. И в особенности нынче он чувствовал себя размягченным и, стоя в алтаре, вместо того, чтобы молиться, думал о том, как странно всё устроено

на свете: вот он уже почти старик, говеет, может быть, сороковой раз в жизни и вот он знает, что все, и домашние его и все вот в церкви, все смотрят на него как на образец, берут пример с него, и он чувствует себя обязанным показывать этот пример в отношении религии, а он сам ничего не знает, и вот, вот ему уже умирать придется, а, хоть убей его, он не знает, правда ли то, в чем он другим показывает пример. И странно ему и то было, как все считают, — он это видел, — что старые люди тверды и знают, что нужно и что не нужно (так он всегда думал о стариках), а вот он и стар и решительно не знает и так же легкомыслен, как он был двадцати лет; но только прежде он не скрывал, а теперь скрывает это. Как в детстве ему приходило в голову во время службы запеть петухом, так и теперь ему такие же глупости забегают в голову, а он, старик, степенно склоняется к земле, прикасаясь старыми косточками руки к плитам пола, и отец Василий, видимо, робеет служить при нем и возбуждаем к усердию его усердием. «А если бы он знал, какие глупости у меня в голове бродят? Но грех, грех, надо молиться», сказал он себе, когда началась служба; и, вслушиваясь в смысл эктеньи, стал молиться. И действительно, скоро он перенесся чувством в молитву и стал вспоминать свои грехи и всё, в чем он каялся.

Благовидный старик, плешивый с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь, поклонился ему низко, встряхнул волосами и прошел за алтарь ставить свечи. Это был церковный староста Кузьма Федотов, один из лучших мужиков села Излегощи. Иван Петрович знал его. Вид этого строгого, твердого лица навел Ивана Петровича на новый ход мыслей. Это был один из тех мужиков, которые хотели отнять у него землю, и один из лучших, один из редких богатых, семейных хлебосевцев, которым нужна была земля, и которые умели с ней управиться и было чем. Его строгий вид, его степенный поклон, его равномерная походка, аккуратность его одежды — онучи, точно чулки, облипали его ноги, и обортки симетрично скрещивались как на той, так и на другой ноге, — весь его вид как будто выражал укор, враждебность за землю.

«Да, вот я просил прощенья у жены, у Маши (дочери), у няни, у Володи камердинера, а вот у кого надо бы просить прощенья

и простить их», подумал Иван Петрович и решил попросить прощенья у Ивана Федотова после заутрени.

Так он и сделал.

В церкви было мало народа. Народ весь по обычаю отговел на первой и на четвертой неделе. Теперь же было только человек десять мужиков и баб, не успевших отговеть раньше, несколько старушек мужицких, причетников и дворовых Апыхтинских и богатых соседей Чернышевых. Была тут старушка, родственница Чернышевых, жившая у них, и дьяконица вдова, та самая, сына которой Чернышевы, по своей доброте, воспитали и вывели в люди, и который служил теперь чиновником в Сенате. Между заутреней и обедней народу в церкви осталось еще меньше. Мужики и бабы вышли наружу. Оставались обе салопницы, сидя в уголку, беседовавшие между собою и поглядывавшие на Ивана Петровича с видимым желанием поздороваться с ним и поговорить, и два лакея: его лакей в ливрее и чернышевский лакей, приехавший с старушкой. Эти оба тоже о чем-то оживленно шептались в то время, как Иван Петрович выходил из алтаря, и тотчас же, увидав его, почтительно замолкли. Еще была женщина в высокой кичке с бисерными наличниками и белой шубе, в которой она, закрывая кричавшего больного ребенка, старалась успокоить его; и еще сгорбленная старуха, тоже в кичке, но с шерстяными наличниками и белым платком, завязанным по-старушечьи, и в сером чупруне с петушками на спине, которая, стоя на коленах по середине церкви и обращаясь к старому образу между решетчатых окон, на котором висело с красными концами новое полотенце, молилась так усердно, торжественно и страстно, что нельзя было не обратить на нее внимания. Не подходя еще к старосте, который, стоя у шкапчика, переминал остатки свеч в комок воска, Иван Петрович остановился посмотреть на эту молящуюся старуху. Старуха молилась очень хорошо. Она стояла на коленях так прямо, как только можно было стоять прямо по направлению к образу, все члены ее были математически симетричны, ноги сзади упирались носками лаптей в каменный пол под одним и тем же углом, тело было загнуто назад, насколько позволял горб спины, руки совершенно правильно сложены под животом, голова закинута назад, и лицо, с выражением стыдливой жалостливости, сморщенное, с тусклым

взглядом, прямо обращено к иконе с полотенцем. Постояв неподвижно в таком положении минуту или меньше, но какое-то твердо определенное время, она тяжело вздыхая отнимала правую руку, с размахом заносила ее выше кички, дотрогиваясь сложенными перстами до темени и так же широко клала крест на живот и на плечи и, размахиваясь назад, опускалась головой на правильно положенные на землю руки и опять поднималась и опять делала то же.

«Вот молится, — подумал, глядя на нее, Иван Петрович, — не так, как мы грешные; вот вера, хоть я и знаю, что она молится на свой образок или на свое полотенце, или свой убор на образе, как и все они. Но хорошо. Ну что ж? — сказал он сам себе, — у каждого своя вера: она молится на образок, а я вот считаю нужным попросить прощенья у мужика».

И он направился к старосте, невольно оглядывая церковь, чтобы знать, кто увидит его предполагаемый поступок, в одно и то же время нравившийся ему и стыдивший его. Ему неприятно было, что старушки-салопницы, как он называл их, увидят, но более всего неприятно было, что увидит Мишка, его лакей; в присутствии Мишки — он знал его бойкий, шутовской ум — он даже чувствовал, что не в силах будет подойти к Ивану Федотову. И он поманил к себе пальцем Мишку.

— Что прикажете?

— Поди, пожалуйста, брат, принеси мне еще коврик из коляски, а то сыро ногам.

— Слушаю-с.

И когда Мишка ушел, Иван Петрович тотчас же подошел к Ивану Федотову. Иван Федотов заробел, как точно виноватый, при приближении барина. Робость и торопливость движений составляли странное противуречие с его строгим лицом и кудрявыми стальными волосами и бородой.

— Свечу прикажете десятикопеечную? — заговорил он, поднимая конторку и вскидывая только изредка своими большими прекрасными глазами на барина.

— Нет, мне не свеча, Иван. А я прошу тебя простить меня, ради Христа, если я в чем обидел. Простите ради Христа, — повторил Иван Петрович и низко поклонился.

Иван Федотов совсем заробел, заторопился, но, наконец, понял, усмехнулся нежной улыбкой:

— Бог простит, — сказал он. — Обиды, кажется, от тебя не видали. Бог простит, обиды не видали, — поспешно повторил он.

— Всё-таки...

— Бог простит, Иван Петрович. Так десятикопеечных две?

— Да, две.

— Вот ангел, точно что ангел. У мужика подлого и то прощенья просит. О, Господи! право ангелы, — заговорила дьяконица в черном старом капоте и черном платке. — И точно, что мы понимать должны.

— А, Парамоновна! — обратился к ней Иван Петрович. — Что? или говеешь тоже? Прости тоже, Христа ради.

— Бог простит, батюшка, ангел ты мой, благодетель ты мой милостивый; дай ручку поцеловать.

— Ну, полно, полно; ты знаешь, я не люблю... — сказал Иван Петрович, улыбаясь, и пошел в алтарь.

Обедня, как и обыкновенно, служилась в Излегощинском приходе, отошла скоро, тем более, что причастников было мало. В то время, как после «Отче наш» царские двери закрылись, Иван Петрович выглянул в северные двери, чтобы кликнуть Мишку снять шубу. Увидав его движение, священник сердито мигнул дьякону, дьякон выбежал почти, вызывая лакея Михайла М[ихайловича?]. Иван Петрович был в довольно хорошем расположении духа, но эти услужливость и выражение уважения от священника, служившего обедню, опять расстроили его; тонкие, изогнутые, бритые губы его изогнулись еще больше, и добрые глаза засветились насмешкой. «Точно я генерал его», подумал он и тотчас же вспомнились ему слова немца-гувернера, которого он раз привел с собой в алтарь смотреть русскую службу; как этот немец насмешил его и рассердил жену, сказав: «Der Pop war ganz böse, dass ich ihm alles nachgesehen hatte». [1] Вспомнилось и то, как молодой турок отвечал, что Бога нет, потому что он съел последний кусок. «А я причащаюсь», подумал он и, нахмурившись, положил поклон. И, сняв медвежью шубу, в одном синем фраке с светлыми пуговицами и белом высоком галстухе и жилете и узких панталонах на сапогах без каблуков, с вострыми носками,

[1] [Поп был очень зол за то, что я за ним во всем наблюдал.]

пошел своей тихой, скромной и легкой походкой прикладываться к местным образам. И опять и тут он встречал ту же угодливость других причастников, уступавших ему место.

«Как будто говорят: après vous s'il en reste», [1] думал он, боком делая земные поклоны с тою неловкостью, которая происходила оттого, что надо было найти ту середину, при которой не было бы неуваженья и не было бы ханжества. Наконец, двери отворились. Он прочел за священником молитву, повторяя «яко разбойника». ему завесили галстух воздухом, и он принял причастие и теплоту в древнем ковшичке, положив новые двугривенные на древние тарелочки, отслушал последние молитвы, приложился к кресту и, надев шубу, пошел из церкви, принимая поздравления и испытывая приятное чувство окончания. Выходя из церкви, он опять столкнулся с Иваном Федотовым.

— Спасибо, спасибо, — отвечал он на поздравления. — Что ж, скоро пахать? Пашете?

— Ребята поехали, поехали ребята, — отвечал Иван Федотов, еще более, чем обыкновенно, заробев. Он предполагал, что Иван Петрович знал, куда поехали пахать Излегощинские. — Пожалуй, сыро. Сыро, пожалуй. Время еще раннее. Раннее еще время.

Иван Петрович зашел к памятнику отца и матери поклониться и, подсаженный, сел в коляску.

«Ну, слава Богу», сказал он себе, покачиваясь на мягких круглых рессорах и глядя на весеннее небо с расходившимися облаками, на обнаженную землю и белые пятна нестаявшего снега и на туго скрученный хвост пристяжной и вдыхая весенний свежий воздух, особенно приятный после воздуха церкви.

«И слава Богу, что причастился, и слава Богу, что можно табачку понюхать». И он достал табакерку и долго держал табак в щепоти, улыбаясь, и этой рукой, не распуская щепоть, приподнимал шапку в ответ на низкие поклоны встречавшегося народа, в особенности баб, мывших столы и лавки перед дверьми, в то время как коляска большой рысью крупного шестерика шлюпала и погромыхивала по грязи улицы в Излегощах.

---

[1] [после вас, если останется]

Иван Петрович продержал щепоть с табаком, предвкушая удовольствие нюханья, не только вдоль всего села, но и до въезда до дурного моста под горой, на который, видимо, не без заботы спускал кучер; он подобрал вожжи, уселся лучше и крикнул на форейтора держать на ледок. Когда объехали мост мимо, логом, и выехали из проломившегося льда и грязи, Иван Петрович, глядя на двух чибисов, поднявшихся в логу, понюхал и, почувствовав свежесть, надел перчатку, закутался, утопил подбородок в высокий галстух и сказал себе почти вслух: «славно», что он тайно от всех сам себе говорил, когда ему было хорошо.

В ночь выпал снежок, и когда Иван Петрович ехал еще в церковь, снег не сошел, но был мягок; теперь же, хотя солнца всё не было, снег уж весь съело сыростью, и по большой дороге, по которой надо было ехать три версты до поворота в Чирикова, только по прошлогодней травке, параллельно росшей по проезженным колеям, белел снежок; по черной же дороге лошади шлепали по липкой грязи. Но добрым, своего завода, кормленным, крупным лошадям нипочем было влачить коляску, и она точно сама катилась и по травке, где оставляла черные следы, и по грязи, нисколько не задерживаясь. Иван Петрович приятно думал; он думал о доме, о жене и дочери. «Маша встретит на крыльце и с восторгом. Она будет видеть во мне такую святость. Странная, милая девочка; только очень уж она всё к сердцу принимает. И роль важности и знания всего того, что делается на этом свете, которую я должен играть перед нею, уже очень становится для меня серьезна и смешна. Если бы она знала, что я ее боюсь — подумал улыбаясь он. — Ну, Като (жена) нынче, верно, будет в духе, нарочно будет в духе, и день будет хороший. Не так, как на прошлой неделе из-за Прошкинских талек. Удивительное существо. И как я боюсь ее... Ну, что ж делать, она сама не рада». И он вспомнил знаменитый анекдот о теленке: как помещик, поссорившись с женою, сел у окна и увидал скачущего теленка: «женил бы тебя!» сказал помещик; и опять улыбнулся, по своей привычке всякое затруднение, недоразумение разрешая шуткою, большею частью относившеюся к нему самому.

На третьей версте, у часовни, форейтор взял влево на проселок, и кучер крикнул на него за то, что так круто поворотил, что коренных толкнуло дышлом; и коляска покатилась

почти всю дорогу под гору. Не доезжая дома, форейтор оглянулся на кучера и что-то указал, кучер оглянулся на лакея и указал. И все они поглядывали в одну сторону.

— Что вы смотрите? — спросил Иван Петрович.

— Гуси, — сказал Михайло.

— Где?

Как ни щурился, он ничего не видел.

— Да вот они. Вон лес, а там тучка, так в промежку извольте смотреть.

Иван Петрович ничего не видел.

— Да уж пора. Нынче, как бишь... неделю не доездят до Благовещения.

— Так точно.

— Ну, пошел!

У ложка Мишка слез с запяток и ощупал дорогу, опять влез, и коляска благополучно въехала на плотину пруда в саду, поднялась по аллее, проехала погреб, прачешную, с которой капала вода по всем швам и ловко подкатила и стала у крыльца.

Со двора только что отъезжала бричка Чернышевых. Из дома тотчас же выскочили люди: мрачный старик Данилыч с бакенбардами, Николай, брат Михайлы, и мальчик Павлушка, и за ними девочка с черными большими глазами и красными, голыми выше локтя, руками и такою же голой шеей.

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! Куда вы? Вот мамашу обеспокоите. Успеете... — говорил сзади голос толстой Катерины.

Но девочка не слушала и, как ожидал отец, схватила его за руку и, глядя на него особенным взглядом:

— Ну, что, причастился, папенька? — точно со страхом спросила она.

— Причастился. Ты точно боялась, что я такой грешник, что мне не дадут причастия.

Девочка, видимо, огорчилась шуткой отца в такую торжественную минуту. Она вздохнула и, идя за ним, держала его руку и целовала.

— Кто это приехал?

— Это молодой Чернышев. Он в гостиной.

— Маменька встала? Что она?

— Маменьке нынче лучше. Она сейчас выйдет.

В проходной комнате Ивана Петровича встретили няня

Евпраксея, приказчик Андрей Иль[ич] и землемер, живший, чтобы отвести землю. Все поздравляли Ивана Петровича. В гостиной сидели Луиза Карловна Тругони, десять лет друг дома, гувернантка-эмигрантка, и молодой человек, 16 лет, Чернышев с гувернёром-французом.

II.

2-го августа 1817 года в 6-м Департаменте Правительствующего Сената было решено спорное дело о земле между экономическими крестьянами села Излегощи и кн. Чернышевым в пользу крестьян и против Чернышева. Решение это было неожиданным и важным несчастным событием для Чернышева. Дело это тянулось уже пять лет. Затеянное поверенным богатого трехтысячного села Излегощи, оно было выиграно в Уездном Суде крестьянами, но когда, по совету купленного у князя Салтыкова дворового человека, ходатая по делам, Ильи Митрофанова, кн. Чернышев взялся за это дело в губернии, он его выиграл и, сверх того, Излегощинские крестьяне были наказаны тем, что шесть человек из них, грубивших землемеру, были посажены в острог. После этого князь Чернышев, по свойственной ему добродушной и веселой беспечности, совершенно успокоился, тем более, что он твердо знал, что он никакой земли у крестьян не «завлаживал» (как было сказано в прошении крестьян). Если была завлажена земля, то его отцом, а с тех пор прошло более 40 лет. Он знал, что крестьяне села Излегощ живут хорошо и без этой земли, не нуждаются в ней и с ним живут хорошими соседями, и не мог понять, из чего они на него взбесились. Знал, что он никого не обижал и не хотел обижать, со всеми всегда жил в любви и только того и желал, и потому не верил, чтобы его хотели обидеть; он ненавидел сутяжничество и потому не хлопотал о деле в Сенате, несмотря на советы и увещания своего дельца Ильи Митрофанова; пропустив срок апелляции, он проиграл дело в Сенате, и так проиграл его, что ему предстояло разорение. От него, по указу Сената, не только отрезывалось пять тысяч десятин земли, но за неправильное владение этой землею взыскивалось 107 тысяч в пользу крестьян. У кн. Чернышева было восемь тысяч душ, но все имения были заложены, много было долгов, и это решение Сената разоряло его со всем

его большим семейством. У него были сын и пять дочерей. Он хватился, когда уже было поздно хлопотать в Сенате. По словам Ильи Митрофанова, было одно спасенье — подать прошение на Высочайшее имя и перевести дело в Государственный Совет. Для этого было нужно лично просить кого-нибудь из министров и из членов Совета и даже, еще бы лучше, самого Государя. Сообразив всё это, гр[аф] Григорий Иванович поднялся осенью 1817 года из своего любимого Студенца, где он жил безвыездно, со всем семейством в Москву. Он ехал в Москву, а не в Петербург, потому, что в этот год осенью Государь со всем двором, со всеми высшими сановниками и с частью гвардии, в которой служил и сын Григория Ивановича, должен был прибыть в Москву для закладки храма Спасителя в память избавления России от нашествия Французов.

Еще в августе, тотчас же по получении ужасного известия о решении Сената, кн. Григорий Иванович собрался в Москву. Вперед был послан дворецкий для приготовления собственного дома на Арбате, и посланы были обозы с мебелью, людьми, лошадьми, экипажами и провизией. В сентябре князь со всем семейством на своих лошадях в семи экипажах приехал в Москву и поселился в своем доме. Родные, знакомые, приезжие из губернии и из Петербурга стали собираться в Москву в сентябре; самая жизнь московская с ее увеселениями, приезд сына, выезды дочерей и успех старшей дочери Александры, одной блондинки из всех черных Чернышевых, так заняли и развлекли князя, что он, несмотря на то, что проживал здесь, в Москве, то, что, может быть, только и останется ему, когда он заплатит всё, — забывал о деле и тяготился и скучал, когда Илья Митрофанов говорил ему о деле, и ничего еще не предпринял для успеха своего дела. Иван Миронович Баушкин, главный поверенный мужиков, с таким рвением ведший в Сенате дело против князя, знавший все ходы и подходы к секретарям и столоначальникам и так искусно распределивший в Петербурге собранные с мужиков десять тысяч рублей в виде подарков, теперь тоже прекратил свою деятельность и вернулся в село, где на собранные деньги в свое награждение и на оставшееся от подарков купил рощу у соседнего помещика и устроил в ней избу-контору. Дело теперь в высшей инстанции было кончено и должно было итти само собою.

Из всех замешанных в это дело не могли его забыть только те шесть мужиков, которые сидели седьмой месяц в остроге, и их оставшиеся без домохозяев семьи. Но делать было нечего, они сидели в Краснослободском остроге, а семьи их старались управляться без них. Просить некого было. И сам Иван Мироныч говорил, что за это дело он взяться не может, что это дело не мирское и не гражданское, а уголовное. Мужики сидели, и никто не хлопотал о них, но одна семья Михаила Герасимова, именно: его старуха Тихоновна, не могла примириться с мыслью, что ее золото, старик Герасимыч, сидит с бритой головой в остроге. Тихоновна не могла оставаться спокойною. Она просила Мироныча хлопотать; Мироныч отказал ей. Тогда она решила сама итти Богу молиться за старика. Она год тому назад уже обещалась итти к угоднику и всё, за недосугом и за нежеланием поручить молодым невесткам хозяйство, откладывала до другого года. Теперь, когда случилась беда, и Герасимыча посадили в острог, ей вспомнилось обещание, она махнула рукой на хозяйство и вместе с дьяконицею их села собралась на богомолье. Сперва они зашли в уезд к старику, где он сидел в остроге, снесли ему рубахи и оттуда через губернский город они пошли к Москве. Дорогой Тихоновна рассказала свое горе, и дьяконица посоветовала ей просить Царя, который, как слышно, будет в Пензе, рассказывая ей, какие были случаи помилования. Придя в Пензу, странницы узнали, что в Пензу уже приехал — но не Царь, а Царский брат, Великий Князь Николай Павлович. При выходе из собора в Пензе Тихоновна протеснилась вперед, пала на колени и стала просить за хозяина; Великий Князь был удивлен, губернатор рассердился, и старуху взяли в часть; через день ее выпустили, и Тихоновна пошла дальше, к Троице. У Троицы Тихоновна отговела и исповедывалась у отца Паисия. На духу она рассказала ему свое горе и каялась в том, что подавала прошение Царскому брату. Отец Паисий сказал ей, что греха тут нет, и что в правом деле и Царя не грех просить, и отпустил ее. И в Хотькове она была у блаженной, и блаженная велела ей просить самого Царя. Тихоновна на обратном пути вместе с дьяконицей зашла в Москву к угодникам. Тут она узнала, что Царь в Москве, и Тихоновна подумала, что видно так Бог велит просить Царя. Надо было только написать прошение.

В Москве странницы пристали на постоялом дворе. Они попросились ночевать, их пустили. После ужина дьяконица легла на печи, а Тихоновна, положив под голову котомку, легла на лавке и заснула. На утро, еще до света, Тихоновна встала, разбудила дьяконицу, и только дворник окликнул ее, когда она выходила на двор.

— Рано поднялась, баушка, — оговорил он ее.

— Пока дойдем, кормилец, и заутреня, — отвечала Тихоновна.

— С Богом, баушка.

— Спаси Христос, — сказала Тихоновна, и странницы пошли к Кремлю.

Отстояв заутреню и обедню и приложившись к святыням, старухи, с трудом отыскивая дорогу, пришли к двору Черныше́вых. Дьяконица сказала, что старушка барыня крепко наказывала ей побывать и всех странных принимает. — «Там и человечка найдем насчет прошения», — сказала дьяконица, и странницы пошли плутать по улицам, расспрашивая дорогу. Дьяконица была раз, да забыла. Раза два чуть не раздавили их, кричали на них, бранили их; раз полицейский взял дьяконицу за плечи и толкнул, запрещая им итти по той улице, по которой они шли, и направляя их в лес переулков. Тихоновна не знала, что их согнали с Воздвиженки именно потому, что по этой улице должен был ехать тот самый Царь, о котором она, не переставая, думала и которому намеревалась написать и подать прошение.

Дьяконица, как всегда, шла тяжело и жалостно; Тихоновна, как обыкновенно, — легко и бодро, шагами молодой женщины. У самых ворот странницы остановились. Дьяконица не узнавала двора: стояла новая изба, которой не было прежде, но, оглядев колодец с насосами в углу двора, дьяконица признала двор. Собаки залаяли и бросились на старух с палками.

— Ничего, тетки, не тронут. У, вы, подлые! — крикнул дворник на собак, замахиваясь метлою. — Вишь, сами деревенские, а на деревенских зарятся. Сюда обходи. Завязнешь. Не дает Бог морозу.

Но дьяконица, заробевшая от собак, жалостно приговаривая, присела у ворот на лавочку и просила дворника прово-

дить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, опершись на клюку, расставив туго обтянутые онучами ноги, остановилась подле нее, как всегда, спокойно глядя перед собою и ожидая подходившего к ним дворника.

— Вам кого? — спросил дворник.

— Али не признал, кормилец? Егором звать никак? — сказала дьяконица. — От угодников, да вот зашли к сиятельной.

— Излегощинские? — сказал дворник. — Старого дьякона, будете? Как же! Ничего, ничего. Идите в избу. У нас принимают, никому отказа нет. А эта чья же будет?

Он указал на Тихоновну.

— Излегощинская же Герасимова, была Фадеева; знаешь, я чай? — сказала Тихоновна. — Тоже Излегощинская.

— Как же! Да что, сказывали, вашего в острог, что ли, посадили?

Тихоновна ничего не ответила, только вздохнула и подкинула сильным движением на спину котомку и шубу.

Дьяконица расспросила, дома ли старая барыня, и, узнав, что дома, просила доложить ей. Потом спросила про сына, который вышел в чиновники и служил по милости князя в Петербурге. Дворник ничего не умел ей ответить и направил их в избу людскую по мосткам, шедшим через двор. Старухи вошли в избу, полную народом, женщинами, детьми, старыми и молодыми, дворовыми, и помолились на передний угол. Дьяконицу тотчас же узнали прачка и горничная старой барыни и тотчас же обступили ее с расспросами, сняли с нее котомку и усадили за стол, предлагая ей закусить. Тихоновна, между тем, перекрестившись на образа и поздоровавшись со всеми, стояла у двери, ожидая привета. У самой двери, у первого окна сидел старик и шил сапоги.

— Садись, бабушка, что стоишь. Садись вот тут, котомку-то сними, — сказал он.

— И так не повернешься, куда садиться-то. Проводи ее в черную избу, — отозвалась какая-то женщина.

— Вот так мадам от Шальме, — сказал молодой лакей, указывая на петушков на спине чупруна Тихоновны, — и чулочки-то и башмачки!

Он показывал на ее онучи и лапти — обновки для Москвы.

— Тебе бы, Параша, такие-то.

— А в черную, так в черную; пойдем, я тебя провожу. —

И старик, воткнув шило, встал; но, увидав девчонку, крикнул ей, чтобы она провела старушку в черную избу.

Тихоновна не только не обратила внимания на то, что говорили вокруг нее и про нее, но не видела и не слыхала. Она, с тех пор, как вышла из дому, была проникнута чувством необходимости потрудиться для Бога и другим чувством — она сама не знала, когда западшим ей в душу — необходимости подать прошение. Уходя из чистой избы людской, она подошла к дьяконице и сказала, кланяясь:

— Об деле-то о моем, матушка Парамоновна, ты не забудь, ради Христа. Спроси, нет ли человечка.

— А это чего старухе надо?

— Да вот обида есть, прошение ей люди присоветовали Царю подать.

— Прямо к Царю ее и весть, — сказал шутник-лакей.

— Э, дура, вот дура-то неотесанная, — сказал старик-сапожник. — Вот возьму тебя колодкой отжучу, не погляжу на твой фрак, узнаешь, как на старых людей зубоскалить.

Лакей начал браниться, но старик, не слушая его, увел Тихоновну в черную.

Тихоновна рада была, что ее выслали из приспешной и свели в черную, кучерскую. В приспешной всё было слишком чисто, и народ всё был чистый, и Тихоновне было не по себе. В черной кучерской было похожее на крестьянскую избу, и Тихоновне было вольнее. Черная была еловая восьмиаршинная темная изба с большой печью, нарами и полатями и затоптанным грязью, намощенным новым полом. В избе в то время, как вошла в нее Тихоновна, была кухарка, белая, румяная, жирная дворовая женщина, с засученными рукавами ситцевого платья, с трудом передвигавшая ухватом горшок в печи; потом молодой малый — кучер, учившийся на балалайке, и старик с небритой мягкой белой бородой, сидевший на нарах, с босыми ногами и, держа моток шелку в губах, шивший что-то тонкое и хорошее, и лохматый черный молодой человек, в рубашке и синих штанах, с грубым лицом, который, жуя хлеб, сидел на лавке у печи, облокотив голову на обе, утвержденные на коленах, руки.

Босая Настька с блестящими глазками вбежала своими легкими босыми ногами вперед старухи, оторвала влипшую от пара дверь и пропищала своим тонким голоском:

— Тетушка Марина! Симоныч вот старушку прислал, велит накормить. Они с нашей стороны, с Парамоновной ходили к угодникам. Парамоновну чаем поят, Власьевна за ней посылала...

Словоохотливая девочка еще долго бы не остановилась говорить; слова так и лились у нее, и видно, ей весело было слушать свой голос. Но запотевшая у печи Марина, не успевая всё своротить зацепившийся за под горшок со щами, сердито крикнула на нее:

— Ну тебя совсем, будет болтать; какую еще старуху кормить? тут своих не накормишь. Прострели тебя! — крикнула она на горшок, который чуть не упал, сдвинувшись с места, за которое зацепился.

Но, успокоившись теперь насчет горшка, она оглянулась и, увидав благовидную Тихоновну с ее котомкой и в ее правильном деревенском наряде, истово кладущую кресты и низко кланяясь на передний угол, тотчас же устыдилась своих слов и, как бы опомнившись от замучивших ее хлопот, хватилась за грудь, где, ниже ключицы, пуговки застегивали ее платье, поверила, застегнуто ли оно, и хватилась за голову, и подтянула сзади узел платка, покрывавшего ее намасленную голову, и остановилась, упершись на ухват, дожидаясь приветствия благовидной старухи. Поклонившись последний раз низко Богу, Тихоновна обернулась и поклонилась на три стороны.

— Бог помочь, здравствуйте, — сказала она.

— Милости просим, тетенька! — сказал портной.

— Спасибо, бабушка, снимай котомку. Вот сюда-то вот, — сказала стряпуха, указывая на лавку, где сидел лохматый человек. — Посторонись, что ли. Как застыл, право!

Лохматый, еще сердитее нахмурившись, приподнялся, подвинулся и, продолжая жевать, не спускал глаз с старухи. Молодой кучер поклонился и, перестав играть, стал подвинчивать струны своей балалайки, глядя то на старуху, то на портного, как бы не зная, как обратиться с старухой: уважительно, как ему казалось, надо потому, что старуха была в том самом наряде, в каком ходила его бабушка и мать дома (он был переросший форейтор, взятый из мужиков), или подтрунивая, как ему хотелось и казалось сообразно с его теперешним положением, синей поддевкой и сапогами. Портной поджал один глаз и,

казалось, улыбался, подтянув шелк во рту на одну сторону, и тоже смотрел. Марина взялась ухватом за другой горшок, но и занятая делом оглядывала старуху, как она бодро и ловко снимала котомку и, стараясь никого не зацепить, укладывала ее под лавку. Настька подбежала к ней и помогла ей: вынула из-под лавки сапоги, мешавшие котомке.

— Дядюшка Панкрат, — обратилась она к угрюмому человеку, — я сюда сапоги. Ничего?

— А чорт их дери, хоть в печь брось, — сказал угрюмый человек, бросая их в другой угол.

— Вот умница, Настька, — сказал портной: — дорожного человека упокоить надо, так-то.

— Спаси Христос, деушка. Так ладно, — сказала Тихоновна. — Тебя только, миленький, потревожили, — обратилась она к Панкрату.

— Ничего, — сказал Панкрат.

Тихоновна села на лавку, сняв чупрун и оправив рукава из-под поддевки и бережно сложив его, начала разуваться. Прежде она развязала оборочки, ею же самою нарочно для богомолья гладко ссученные, потом размотала бережно поярковые белые онучи и, бережно размяв, сложила на котомку. Когда она разувала другую уже ногу, у неловкой Марины опять зацепился горшок и выплеснулся, и опять она стала бранить кого-то, цепляя ухватом.

— Видно выгорел под-то, деушка, надо бы подмазать, — сказала Тихоновна.

— Когда тут мазать! Нетолченая труба; двое хлебов в день ставишь, одни вынимай, а другие затевай.

По случаю жалобы Марины на хлебы и на выгоревший под, портной заступился за порядки чернышевского дома и рассказал, что приехали вдруг в Москву, что всю избу построили в три недели и печь склали и что дворни до сотни человек, всех кормить надо.

— Известное дело. Хлопоты. Заведенье большое, — подтвердила старуха.

— Откуда Бог несет, бабушка? — обратился портной.

И тотчас же Тихоновна, продолжая разуваться, рассказала, откуда она и куда ходила и как идет домой. Про прошение же она ничего не сказала. Разговор не прерывался. Портной узнал всё про старуху, а старуха — всё про неловкую торопливую

Марину: что ее муж солдат, а она взята в кухарки, что сам портной шьет кафтаны выездные кучерам, что девчонка на побегушках у ключницы, сирота, а что лохматый угрюмый Панкрат в прислугах у приказчика Ивана Васильевича. Когда Панкрат вышел из избы, хлопнув дверью, портной рассказал, что он и так грубый мужик, а нынче вовсе груб потому, что вчера он разбил у приказчика штучки на окошках и его нынче сечь хотят на конюшне. «Вот приедет Иван Васильевич, и поведут сечь. Кучеренок был из деревенских взят в фолеторы, да вырос, и теперь только ему и дела, что убирать лошадей да на балалайке отмахивать. Да не мастер...»

СТАТЬИ

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ.

[О МЕТОДАХ ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ.]

(1873 г.)

Прошу вас дать место в уважаемой вашей газете моему заявлению, относящемуся до изданных мною четырех книг под заглавием *Азбука*.

Я прочел и слышал с разных сторон упреки моей *Азбуки* за то, что я, будто бы не зная или не хотя знать вводимого нынче повсеместно *звукового способа*, предлагаю в своей книге старый и трудный способ *азов* и *складов*. В этом упреке есть очевидное недоразумение. *Звуковой* способ мне не только хорошо известен, но едва ли не я первый привез его и испытал в России 12 лет тому назад, после своей поездки по Европе с целью педагогического изучения. Испытывая тогда и несколько раз потом обучение грамоте по звуковому методу, я всякий раз приходил к одному выводу — что этот метод, кроме того, что противен духу русского языка и привычкам народа, кроме того, что требует особо составленных для него книг, и кроме огромной трудности его применения и многих других неудобств, о которых говорить здесь не место, не удобен для русских школ, что обучение по нем трудно и продолжительно, и что метод этот легко может быть заменен другим. Этот-то другой метод, состоящий в том, чтобы называть все согласные с гласной буквой *е* и складывать *на слух*, без книги, и был мною придуман еще 12 лет тому назад, употребляем мною лично во всех моих школах и, по собственному их выбору, всеми учителями школ, находившимися под моим руководством, и всегда с одинаковым успехом.

Этот-то прием я и предлагаю в своей *Азбуке*. Он имеет только внешнее сходство со способом азов и складов, в чем легко убедится всякий, кто даст себе труд прочесть руководство для учителя в моей *Азбуке*. Способ этот отличается от всех других известных мне приемов обучения грамоте особенно тем, что по нем ученики выучиваются грамоте гораздо скорее, чем по всякому другому: способный ученик выучивается в 3, 4 урока хотя медленно, но правильно читать, а неспособный — не более как в 10 уроков. Поэтому всех тех, которые утверждают, что *звуковой* способ есть самый лучший, быстрый и разумный, я прошу сделать только то, что я делал неоднократно, что я также предложил Московскому Комитету Грамотности сделать публично, то есть сделать опыт обучения нескольких учеников по тому и другому способу.

Дело обучения грамоте есть дело почти практическое, и показать лучший и удобнейший прием обучения грамоте может только опыт, а не рассуждения, а потому всех тех, кого должно интересовать и интересует дело грамотности, я прошу, до произнесения решения, сделать опыт.

Самый процесс обучения грамоте есть одно из ничтожнейших дел во всей области народного образования, как я это уже высказал и в издаваемом мною журнале 12 лет тому назад, и в наставлении для учителя в изданной недавно *Азбуке*, но и в этом ничтожном относительно деле для чего итти хитрым и трудным путем *звукового* способа, когда того же самого можно достигнуть проще и скорее?

Прошу принять уверение и пр.

Гр. Лев Толстой

С. Ясная Поляна
1-го июня 1873 года.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ.

[О САМАРСКОМ ГОЛОДЕ.]

(1873 г.)

Прожив часть нынешнего лета в деревенской глуши Самарской губернии и будучи свидетелем страшного бедствия, постигшего народ, вследствие трех неурожайных годов, в особенности нынешнего, я считаю своим долгом описать, насколько сумею правдиво, бедственное положение сельского населения здешнего края и вызвать всех русских к поданию помощи пострадавшему народу. 1

Надеюсь, что вы не откажете дать место моему письму в вашей газете.

О том, как собирать подписку и кому поручить распределение ее и выдачу, вы знаете лучше меня, и я уверен, что вы не откажете помочь этому делу своим содействием.

1871 год был в Самарской губернии неурожайный. Богатые крестьяне, делавшие большие посевы, уменьшили посевы, стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне, также уменьшившие посевы, стали только ненуждающимися. Прежде ненуждавшиеся крестьяне стали нуждаться и продали часть 2 скотины. Нуждавшиеся прежде крестьяне вошли в долги, и явились нищие, которых прежде не было.

Второй неурожайный год, 1872, заставил достаточных крестьян еще уменьшить посев и продать излишнюю скотину, так что цена на лошадей и на рогатый скот упала вдвое. Ненуждавшиеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли в долги. Прежде нуждавшиеся крестьяне стали бобылями и кормились только заработками и пособием, которое было им выдаваемо. Количество нищих увеличилось.

Нынешний, уже не просто неурожайный, но голодный год должен довести до нужды прежде бывших богатыми крестьян, и до нищеты и голода почти $\frac{9}{10}$ всего населения.

Едва ли есть в России местность, где бы благосостояние или бедствие народа непосредственнее зависело от урожая или неурожая, как в Самарской губернии.

Заработки крестьян заключаются только в земледельческом труде: пахоте, бороньбе, покосах, жнитве, молотьбе и извозе.

В нынешний же год, вследствие трехлетнего неурожая, посевы уменьшились и, уменьшаясь, дошли до половины прежних, и на этой половине ничего не родилось, так что у крестьянина своего хлеба нет и заработков почти нет, а за те какие есть ему платят $\frac{1}{10}$ прежней цены, как например, за жнитво, которого средняя цена была 10 руб. за десятину, нынешний год платили 1 р. 20 коп., так что крестьянин вырабатывает в день от 7 до 10 коп.

Вот причина, почему в этот третий неурожайный год бедствие народа должно дойти до крайней степени.

Бедствие это уже началось, и без ужаса нельзя видеть народ даже в настоящее время, летом, когда только начинается самый бедственный год и впереди еще 12 месяцев до нового урожая, и когда еще есть кое-где заработки, хотя на время спасающие от голода.

Проехав по деревням от себя, до Бузулука 70 верст, и в другую сторону от себя до Борска 70 верст, и еще до Богдановки 70 верст, и заезжая по деревням, я, всегда живший в деревне и знающий близко условия сельской жизни, был приведен в ужас тем, что я видел: поля голые там, где сеяны пшеница, овес, просо, ячмень, лен, так что нельзя узнать, что́ посеяно, и это в половине июля. Там где рожь, поле убрано или убирают пустую солому, которая не возвращает семян; где покосы, там стоят редкие стога давно убранные, так как сена было в десять раз меньше против обычных урожаев, и желтые выгоревшие места. Такой вид имели поля. По дорогам везде народ, который едет или в Уфимскую губернию и на новые места, или отыскивать работу, которой или вовсе нет, или плата за которую так мала, что работник не успевает вырабатывать на то, что у него съедают дома.

По деревням, во дворах, куда я заезжал, везде одно и то же:

не совершенный голод, но положение, близкое к нему, все признаки приближающегося голода. Крестьян нигде нет, все уехали искать работы, дома худые бабы с худыми и больными детьми, и старики. Хлеб еще есть, но в обрез; собаки, кошки, телята, куры худые и голодные, и нищие, не переставая подходят к окнам, и им подают крошечными ломтиками или отказывают.

Но это общее впечатление, на котором нельзя основываться. Вот расчеты крестьянских семей села Гавриловки, ближайшего ко мне. Я очень хорошо знаю, что можно, подобрав факты, составить жалостливое описание положения крестьянских семей, из которого будет казаться, что все они уж на волоске от голодной смерти, и можно, с другой стороны, подобрать факты так, что будет повод говорить то, что, к несчастью и стыду своему, так любят говорить многие из нас, — что бедствия никакого особенного нет, что всё происходит только от того, что крестьяне не работают, а пьянствуют и т. д.; и потому я сделал опись каждого десятого двора в ближайшем ко мне селе Гавриловке, и верность этой описи подтверждается подписями старшин и священников.

В числе попавших под десятый нумер есть и менее бедные крестьяне, как вы увидите, но большинство в самом бедственном положении.

Гавриловка, по зажиточности крестьян, есть одна из самых обыкновенных деревень здешнего уезда. Деревни Землянка, Патровка, Антоновка, Павловка, Грековка, Корнеевка, Кульмановка, Сергеевка, Шаболовка, Лаврентьевка, Богдановка, Дмитровка, Несмеяновка, Жемчужкино, Антоновка другая, Бобровка, Гришкино, Михайловка, Ивановка, Покровка одна и другая, Мясковка, Липовка, Гвардейцы, все деревни на пространстве пятидесяти верст в окружности, заключающие в себе тысяч двадцать жителей, находятся точно в таком же, если не в худшем, положении, как и Гавриловка, за исключением Патровки и Покровки на Тананыке.

Итак, вот опись и расчет каждого десятого двора села Гавриловки, начиная с края.

1. Савинкины.

Старик 65 лет и старуха, 2 сына, один женатый, 2 девочки. Итого едоков 7, работников 2.

Скотины ничего: ни лошади, ни коровы, ни овцы. Лошади последние украдены, корова пала в падеже прошлого года, овцы проданы. Посеву было 4 десятины. *Ничего* не родилось, так что сеять нечем. Старого хлеба нет.

Долга подушного за две трети	30 руб.
За пособие прошлого года	10½ »
Частного долгу за занятый хлеб	13 »
Итого	53½ »

Дома старик и старуха, две девочки. Два сына и сноха у казаков, то есть в Земле Уральского войска, на жатве. В покос работали за прежний долг, так что денег ничего нет. В неделю выходит муки по два пуда, следовательно в год 104 пуда. Цена муки по 80 коп. сер. за пуд, следовательно на год до нового урожая нужно 83 руб. 20 коп. Сыновья могут выработать, при самых счастливых условиях, рублей 50. Кроме того, нужно одеться, купить соли, попу.

— Чтожь вы будете делать?

— И сами не знаем, как обдумать свои головы.

2. Кукановы.

Едоков 9, работников 4.

Скотины: 2 лошади, ценою за обе 15 рублей, 1 корова, 5 овец. Посеву было 8 десятин, собрали 2 воза, то есть недостает на семена одной десятины.

Долгу подушного	40 руб.
Пособия	15 »
Частного долгу	60 »
Итого	115 »

Дома одна старуха, все на работе. В месяц надо 13 пудов муки, в год 156 пудов, по 80 копеек — 125 рублей. Нужно купить семян на 30, нужно заплатить часть долга. Вся скотина не стоит 40 рублей.

— Что будете делать?

— И сами не знаем.

— Может, жнитвом заработают рублей 30?

— Где 30! Дай Бог 10 рублей. Слышно у казаков по 1 р. 50 коп. жнут.

— Так как же?

— Продадим остальную скотину — кормиться будем.

3. Двор Волжанкина.

Вдова и сын с женой: Едоков 3, работник один.

Скотины: 1 лошадь, 3 овцы.

Посеву было 2 десятины, ничего не взошло.

Долгу подушного 10 рублей, частного 12 р. Если найдут место в работники, то прокормятся; но старуху бросить нельзя и баба беременна. Если оставаться дома, то в месяц надо 5 пудов муки — 4 рубля, а заработать негде, да и земля останется незасеянною, и на 1874 год будет то же.

4. Мироновы.

Едоков 6, работников 3.

Скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овец.

Посеву 8 десятин, ничего не родилось.

Долгу подушного 30 р., частного 25 рублей.

Никого дома кроме старухи. Хлеба нужно 108 пудов на 86 рублей.

Заработать могут рублей 60 при самых выгодных условиях. А земля останется незасеянная.

5. Шинкины.

Относительно богатый двор, изба не землянка, а деревянная, хорошая.

Едоков 11 и двое грудных, работников 4.

Скотины: лошадей 5, коров 2, овец 21.

Посев — 10 десятин, не сберут $^1/_4$ высеянных семян пшеницы, ржи набрали 5 пудов с десятины.

Подушного долгу 50 рублей.

Дом и хозяйство бросать не хотят, будут продавать последнюю скотину, чтобы прокормиться и посеять десятины три.

6. Егорцевы.

Едоков 8 и один грудной, работников 3.

Скотины: лошадей 2, овец 7.

Посеву 9 десятин — всё пропало. Всего долгу 89 рублей.

7. Чапраковы.

Едоков 5 и один грудной, работник один.

Скотины: 2 лошади, 2 овцы и одна корова.

Посеву 7 десятин, нечего убирать.
Долгу 39 рублей.

8. Макаровы.

Едоков 10, трое детей, работник один.
Скотины: 3 лошади, 1 корова, 4 овцы.
Посеву 2 десятины, ничего не родилось, только ржи намолотили 4 меры.
Долгу 80 рублей.

9. Фроловы.

Едоков 6, работников один крестьянин и один мальчик.
Скотины: 3 лошади, 1 корова, 3 овцы.
Посеву 2 десятины, набрали $^1/_2$ пуда ржи, пшеницы и овса ничего.
Всего долгу 100 рублей.

10. Мамоновы, молокане.

Относительно богатый двор. Едоков 6, работников 3.
Скотины: 8 лошадей, 5 коров, 15 овец.
Посеву 20 десятин, надеются набрать на 5 десятин семян.
Долгу всего 66 рублей.
Надеются прокормиться продажею скотины.

11. Уваровы.

Едоков 8, работников один.
Скотины: 2 лошади, 1 корова, 5 овец.
Посеву 5 десятин; намолотили 3 меры ржи, ярового и не выходило.
Всего долгу 40 рублей.

12. Следковы.

Едоков 7, работник один.
Скотины: 3 лошади, 1 корова, 5 овец.
Посеву: 3 десятины пшеницы, $^1/_2$ дес. овса и $^1/_2$ дес. ячменя. Надеются собрать пшеницы 20 пудов, ячменя 5 пудов, овес пропал.
Всего долгу 50 рублей.

13. Чигановы.

Едоков 12 и 2 грудных, работников 4.
Скотины: лошадей 4, 1 корова, 8 овец.
Посеву: 21 десятина, надеются собрать 15 пудов.
Всего долгу 80 рублей.

14. Синичкины.

Едоков 11 и 2 грудных, работников 4.
Скотины: 5 лошадей, 2 коровы, 8 овец.
Посеву: 12 десятин ярового и 2 озимого.
Предвидится получить озимого 50 пудов, ярового 30 пудов.
Всего долгу 172 рубля 60 коп.

15. Шариковы.

Едоков 5, работников 3.
Скотины: 2 лошади, 1 корова, 4 овцы.
Посеву $6^1/_2$ десятин; надеются собрать ярового 10 пудов и озимого 10 пудов.
Всего долгу 68 рублей 90 копеек.

16. Ивлиевы.

Едоков 4, работников 2.
Скотины ничего нет. Посеву 1 десятина, не соберут и одного пуда.
Долгу 35 рублей 20 копеек.

17. Барашковы.

Едоков 9, работников один.
Скотины ничего нет. Посеву 3 десятины; ничего не родилось.
Долгу 109 рублей 38 копеек.

18. Кулянины.

Едоков 5, работников один и один ребенок.
Скотины: 4 лошади, одна корова, 11 овец.
Посеву: пшеницы 8 десятин, соберут 20 пудов; озимого же соберут 5 пудов. Долгу нет.

19. Храмовы.

Едоков 6 и один ребенок, один работник.
Скотины: 2 лошади, 3 коровы, 5 овец.

Посеву: $3^1/_2$ десятины, и ничего не родилось.
Долгу 28 рублей 48 копеек.

20. Дубавовы.

Едоков 8 и один младенец, 2 работника.
Скотины: 3 лошади, 1 корова, 1 овца.
Посеву: 4 десятины; собрали $^1/_2$ пуда ржи, а более собрать ничего не предвидится.
Долгу 68 р. 53 к.

21. Пичугины.

Едоков 7, работника 2.
Скотины: 2 лошади, 1 корова, 2 овцы.
Посеву: $3^1/_2$ десятины, больше одного пуда не соберут.
Долгу 48 р. 67 к.

22. Матерекины.

Едоков 14 и двое детей, 3 работника.
Скотины: 3 лошади, 2 коровы, 7 овец.
Посеву: 10 десятин и соберут 10 пудов пшеницы, а ржи $^3/_4$ дес. и собрали 1 пуд.
Долгу 212 р. 41 к.

23. Дехтеревы.

Едоков 7, работник один, и один младенец.
Скотины: 2 лошади и одна корова.
Посеву: 7 десятин, собрано 3 пуда ячменю, а более ничего не соберут.
Долгу 70 р. 6 к.

Сие описание верно. Самарской епархии, Бузулукского уезда, села Гавриловки священник *Михаил Соловьев.*
Сельский староста *Степан Бурдин* по безграмотству приложил должностную печать.
Сельский писарь *Ф. Афанасьев.*

Для каждого, кто потрудится вникнуть в эту вполне точную опись крестьянских семей и их средств, должно быть ясно, что бо́льшая половина этих семей никак не может нынешний год прокормиться своими средствами; другая же половина,

хотя, как кажется, и может прокормиться, отдав своих крестьян в работники, в сущности находится в точно том же положении, как и первая половина, так как $^{9}/_{10}$ всех деревень должны итти в работники, а хозяева по неурожаю отпускают и тех работников, которых прежде держали.

Положение народа ужасно, когда вглядишься и подумаешь о предстоящей зиме; но народ как бы не чувствует и не понимает этого.

Только как разговоришься с крестьянином и заставишь его учесть себя и подумать о будущем, он скажет: «и сами не знаем, как свои головы обдумаем», но вообще кажется он спокоен, как и обыкновенно; так что для человека, который бы поверхностно взглянул теперь на народ, рассыпанный по степи дощипывать по колоску чуть видную от земли кое-где взошедшую пшеницу, увидел бы здоровый, всегда веселый рабочий народ, услыхал бы песни и кое-когда и смех, тому бы странно даже показалось, что в среде этого народа совершается одно из ужаснейших бедствий. Но бедствие это существует, и признаки его слишком явны.

Крестьянин, несмотря на то, что сеет и жнет, более всех других христиан живет по евангельскому слову: «птицы небесные не сеют, не жнут, и Отец Небесный питает их», крестьянин верит твердо в то, что при его вечном тяжком труде и самых малых потребностях Отец его Небесный пропитает его, и потому не учитывает себя, и когда придет такой, как нынешний, бедственный, год, он только покорно нагибает голову и говорит: «прогневали Бога, видно за грехи наши». Из приложенного расчета видно, что в $^{9}/_{10}$ семей не достанет хлеба.

«Что жь делают крестьяне?» Во-первых, они будут мешать в хлеб пищу дешевую и потому не питательную и вредную: лебеду, мякину (как мне говорили, в некоторых местах уже это начинают делать); во-вторых, сильные члены семьи, крестьяне, уйдут осенью или зимой на заработки, и от голоду будут страдать старики, женщины, изнуренные родами и кормлением, и дети. Они будут умирать не прямо от голода, а от болезней, причиною которых будет дурная, недостаточно питательная пища, и особенно потому, что самарское население несколькими поколениями приучено к хорошему пшеничному хлебу.

Прошлого года еще встречался кое-где у крестьян пшеничный хлеб, матери берегли его для малых детей; нынешний год его уже нет и дети болеют и мрут. Что же будет, когда не достанет и чистого черного хлеба, что уже и теперь начинается?

Страшно подумать о том бедствии, которое ожидает население большей части Самарской губернии, если не будет подана ему государственная или общественная помощь. Подписка, по моему мнению, может быть открыта двоякая: 1) подписка на пожертвования и 2) подписка на выдачу денег для продовольствия заимообразно, без процентов, на два года. Подписка второго рода, то есть выдача денег заимообразно, я полагаю, может скорее составить ту сумму, которая обеспечит пострадавшее население Самарской губернии и, вероятно, земство Самарской губернии возьмет на себя труд раздачи хлеба, купленного на эти деньги, и сбора долга в первый урожайный год.

Граф Лев Толстой.

28-го июля
Хутор на Тананыке.

О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ.

(1874 г.)

Милостивый государь Иосиф Николаевич! [1]

Постараюсь исполнить ваше желание, т. е. написать то, или приблизительно то, что̀ было высказано мною в последнем заседании комитета. Исполняю это с особенным удовольствием еще и потому, что в прежнем протоколе заседания, в котором напечатаны мои слова (я только что прочел его), я нашел много не имеющих ясного смысла фраз, которых я, помнится, не говорил. Если то, что̀ было говорено мною в последнем заседании, должно быть напечатано, то настоящее письмо или может быть напечатано вместо стенографического отчета, или может служить ему поверкою.

Опыт испытания [2] преимущества того или другого метода посредством учреждения двух школ и экзамена был столь неудачен, что после испытания оказались возможными самые противуположные суждения. Были сделаны ошибки в самом устройстве школ. Первая ошибка состояла в том, что взяты в школы дети слишком малые, ниже того возраста школьной

[1] И. Н. Шатилов, председатель московского комитета грамотности.

[2] По предложению И. Н. Шатилова были учреждены в Москве при комитете грамотности две первоначальные школы. В одной из них учение ведено было по звуковому способу г. Протопоповым, избранным учителем сторонниками звукового способа; в другой учил учитель Морозов по способу гр. Л. Н. Толстого. Ученики были разделены в обе школы по равенству лет и способностей. Учение продолжалось равное время в той и другой школе, и обе школы были открыты для посетителей. После семи недель была назначена экзаменационная комиссия для произведения экзамена, и заседание комитета для заключения о преимуществах того и другого способа. Но члены экзаменационной комиссии разделились в мнениях, каждый почти подал отдельное мнение; и заседание комитета грамотности не пришло ни к какому заключению и вопрос оставлен открытым.

зрелости, при котором дети бывают способны к учению. Очевидно, что на детях, неспособных еще учиться, нельзя делать опыта, каким образом легче и труднее учиться. Трехлетний ребенок одинаково не выучится ничему ни по какому способу; пяти, шести-летний почти ничему не выучится; только на детях 10, 11 лет можно видеть, по какому способу они выучатся скорее. Большинство же учеников обеих школ были дети 6, 7 и 8 лет, недостигшие еще возраста школьной зрелости, и потому только на старших учениках могло выказаться преимущество того или другого способа. В обеих школах было только по трое таких, и потому, сравнивая успехи той и другой школы, я буду говорить преимущественно о трех старших учениках. Вторая ошибка состояла в том, что допущены были в школу посетители. В напечатанном в моей «Азбуке» кратком руководстве для учителя сказано: что одно из главных условий для успеха учения состоит в том, чтобы там, где учатся, не было новых предметов и лиц, развлекающих внимание учеников. В школе же постоянно бывало по нескольку человек посторонних лиц, которые развлекали учеников. Казалось бы, что условие это должно быть одинаково невыгодно как для той, так и для другой школы, но оно было невыгодно только для моей школы потому, что главное основание обучения по моему способу состоит в отсутствии принуждения и в свободном интересе ученика к тому, что ему предлагает учитель; тогда как обучение в звуковой школе основано на принуждении и весьма строгой дисциплине. Понятно, что учителю легче заинтересовать ученика там, где нет ничего развлекающего внимание учеников, а там, где постоянно входят и выходят новые лица, привлечь внимание ученика будет очень трудно, и что напротив в принудительной школе влияние развлечения будет менее ощутительно.

Третья ошибка состоит в том, что г. Протопопов отступил при обучении в своей школе от приемов, которые я считаю вредными, но которые считаются необходимым условием обучения при звуковом методе. Отступление это, без сомнения, было очень выгодно для обучавшихся детей, и если бы сторонники звукового метода признали, что это отступление не случайно, то одна из главных сторон моего разногласия с ними не существовала бы. Отступление г. Протопопова от своего метода состояло, во-первых, в том, что он не исполнял требо-

вания так называемого наглядного обучения, которое, по мнению педагогов, должно быть нераздельно связано с обучением грамоте и предшествовать ему. Бунаков и все столпы новой педагогии советуют большую часть времени употреблять на наглядное обучение.

На известных педагогических курсах прошлого года, как я слышал, все ученые педагоги, учителя учителей, показывали на учениках, что надо три четверти времени проводить в описании комнаты, стола и т. п. Это не было делаемо г. Протопоповым в тех размерах, в которых предписывается педагогами. Правда, я видел один раз, что, прочтя слово *дрозд*, г. Протопопов хотел показать ученикам в лицах дрозда, но в картинах дрозда не оказалось, и г. Протопопов, попросив их поверить на слово, что дрозд птица (что они очень хорошо знали), поспешил перейти к занятию чтением. Я повторяю, что отступление это очень выгодно для учеников и для дела, но надо признать его. И тогда, повторяю, я почти не спорю.

Другое отступление, сделанное г. Протопоповым от своего метода, состояло в том, что, противно общему правилу педагогов, что книги надо читать только в школе с объяснением каждого слова, г. Протопопов давал своим ученикам книги читать и на дом. Я считаю главною целию школы доводить ученика до того, чтобы он, интересуясь книгой, брал ее читать на дом и понимал бы ее, как он хочет, и потому г. Морозов давал ученикам книги на дом; но, сколько мне известно по руководствам педагогов звукового метода, так как при нем дети считаются дикарями, которых надо месяца два учить правой и левой стороне и тому, что̀ *вверх*, что̀ *вниз*, то книг им давать не надо, и всякое слово должно быть объяснено. Опять, если мы и в этом согласны, убавляется еще одна важная часть спора.

Третье отступление состоит в том, что г. Протопопов давал читать своим ученикам не исключительно руководства педагогов звуковой школы, которые я считаю дурными; для самого важного отдела чтения, того, которое производилось учениками дома для личного интереса, он употреблял именно мои книги, — Азбуку и Ясную Поляну. Эти две книги были им постоянно даваемы ученикам на дом. Опять повторяю, что и на это я совершенно согласен, но надо признать это.

Четвертая и самая главная ошибка в устройстве школ было

их соседство из двери в дверь; и то, что дети вместе ходили в школу и уходили из нее. Многие ученики даже жили вместе на одних квартирах. Невыгодное влияние соседства и сближения учеников состояло в том, что ученики г. Протопопова научились от учеников г. Морозова моему способу складывания и, по моему убеждению, благодаря этому знанию выучились читать у г. Протопопова. Все мальчики школы г. Протопопова умеют складывать на слух и умели это делать с первых же дней, научившись этому от учеников Морозова. На экзамене мы видели, как они называли буквы — *бе*, *ре* и т. д. Способ складывания на слух так легок, что в моих прежних школах меньшой брат ученика всегда приходит в школу уже с знанием складов, которому он научился на слух от брата. В нынешнем году в Яснополянской школе хозяйский мальчик 6 лет, считавшийся слишком молодым для учения, лежал на полатях во время учения и после нескольких уроков слез и стал хвастаться, что он всё знает, — и действительно знал. Так и ученики г. Протопопова, перебегая через школу, возвращаясь вместе домой, научились складывать; и в классе г. Протопопова складывали собственно по моему способу, и, только удовлетворяя требованиям г. Протопопова, называли *бе—бъ*, в сущности же читали по буквослагательному способу. Должен сказать, что г. Протопопов с чрезвычайной добросовестностью требовал от учеников, чтобы они забывали *бе* и называли *бъ*, и ученики старались делать то, что велит учитель. Я сам видел в классе г. Протопопова, как мальчик, давно прочтя слово «груша» и зная, что оно состоит из ге-ре-у-ше-а, бился и не мог выговорить гъ-ръ, чего требовал учитель. Итак, вследствие соседства школ, по моему мнению, ученики г. Протопопова выучились, не благодаря звуковому методу, но скорее несмотря на него. Этот взаимный невольный обман, состоящий в том, что ученики выучиваются в сущности по буквослагательному, более естественному и легкому способу, а в угоду учителю притворяются, что они учатся по звуковому, был замечаем мною не раз во многих школах, в которых предписывается звуковой способ. Все опытные люди, наблюдавшие самый ход дела обучения грамоте в народных школах, как-то: инспектора, члены училищных советов, подтверждают, что в большинстве школ, где введен звуковой способ, он вводится только номинально, в сущности же дети обучаются по

буквослагательному, называя согласные бы, вы, ды, и т. д. Только этому взаимному обману можно приписать и то, что в обществах городских, где грамотность распространена, звуковой способ дает лучшие результаты, чем в деревнях.

В городах, где дети знают буквы и склады, переучиваясь по звуковому, они учатся собственно по буквослагательному, но приучаются откидывать ненужное при складах *уки*, *еди* или *е*.

В последнем заседании комитета, на котором я был, у меня спрашивали, что̀ я разумею под словами, что мой способ *народен?* Вот это самое. Я разумею то, что учитель с добросовестным усилием старается выучить детей русской грамоте по немецкому способу и против своей воли учит их по народному способу, и что ученики выучиваются ему бессознательно.

Таковы были ошибки в учреждении школ для испытания. Но, несмотря на самые противоречивые суждения, выраженные членами экзаменационной комиссии о результатах испытания, мне кажется, что результат испытания совершенно ясен, если рассматривать только тех учеников, которые могли учиться, т. е. 3 старших в той и другой школе. Определяя по знанию, я вижу, что старшие ученики г. Протопопова умеют читать и писать по-русски и больше ничего. Ученики школы Морозова умеют также читать по-русски (по моему лучше), но кроме того, знают нумерацию, сложение, вычитание и отчасти умножение и деление, и еще читают по-славянски. Следовательно, знают гораздо больше. Определяя же по времени, я вижу, что ученики г. Морозова знали то, что̀ знают теперь ученики г. Протопопова (я говорю про трех), через две недели после начатия учения, и справедливость этого могут подтвердить все посещавшие школы и видевшие, что 3 старшие ученика Морозова уже после двух недель читали так же, как теперь читают ученики г. Протопопова. Остальное время было употреблено г. Морозовым на славянский язык, арифметику и на те медленные шаги в улучшении чтения и письма, которые не могли быть заметны на экзамене.

Итак ученики г. Морозова знают гораздо более того, что̀ знают ученики г-на Протопопова, и менее, чем в половину того времени, которое было употреблено г. Протопоповым, знали то, что̀ знают ученики г. Протопопова. Вот, по моему мнению, ясный и очевидный результат испытания, доказывающий, что способ, по которому учил г. Морозов, несмотря на те ошибки,

на которые я указал, — что способ этот вдвое легче и быстрее, чем звуковой способ.

Если же рассматривать и меньших учеников, то и относительно их общий результат испытания будет тот, что *все* без исключения ученики г. Морозова умеют читать по складам, писать, и знают цыфры и нумерацию; ученики же г. Протопопова знают читать и писать, и больше ничего. И то из меньших учеников г. Протопопова надо исключить двоих, которые не знают даже и читать.

Но мы слышали в прошлом заседании и услышим от всякого педагога звукового метода, и прочтем во всяком руководстве педагогов этой школы, что обучение грамоте ничего не значит, что главное дело — развитие.

Я думаю, что каждому из нас не раз приходилось сталкиваться с безобразными, бессмысленными явлениями и находить за этими явлениями какое-нибудь выставляемое такое важное начало, осеняющее эти явления, что в молодых и даже в зрелых летах, мы начинали сомневаться: правда ли, что эти явления безобразны? не мы ли ошибаемся? И, не будучи в силах убедиться ни в том, что безобразные явления хороши, ни в том, что покровительство важного начала незаконно, или что это начало есть только слово, мы оставались в отношении этого явления в раздвоенном, нерешительном состоянии. В таком положении я был и, думаю, находятся многие из нас в отношении осеняющего педагогию начала *развития*, в соединении его с грамотой. Но народное образование слишком близко моему сердцу, я им слишком много занимался, чтобы долго оставаться в нерешительности. Безобразные явления мнимого *развития* я не мог назвать хорошими, и в том, что развитие ученика дурно, я тоже не мог убедиться, и потому я стал доискиваться, что̀ такое это *развитие*. Считаю не лишним сообщить те выводы, к которым я был приведен изучением этого дела. Для определения того, что̀ подразумевается под этим словом *развитие*, возьму руководства г. Бунакова и г. Евтушевского, как сочинения новые, соединяющие в себе все выводы немецкой педагогии, назначенные для руководства учителей в народных школах и избранные сторонниками звукового способа, как руководства в их школе. Рассуждая о том, на чем должен быть основан выбор того или другого способа обучения грамоте, г. Бунаков говорит: «Нет, суждение о методе

обучения на таких близоруких и шатких основаниях (т. е. на опыте) будет слишком сомнительно. Только *теоретическая подкладка*, основанная на изучении человеческой природы, может сделать суждения в этой сфере прочными, независящими от разных случайностей и в значительной степени гарантированными от грубых ошибок. Поэтому, для окончательного выбора лучшего способа обучения грамоте, следует остановиться прежде всего на теоретической почве, на основании предыдущих рассуждений, общие условия которой дают тому или другому способу действительное право называться удовлетворительным с педагогической точки зрения. Вот эти условия: 1) Он должен быть способом, развивающим умственные силы ребенка, чтобы уменье грамоте достигалось вместе с развитием и укреплением мышления. 2) Он должен вносить в обучение личный интерес ребенка, подвигая дело этим интересом, а не притупляющим насилием. 3) Он должен представлять собой процесс самообучения, возбуждая, поддерживая и направляя самодеятельность ребенка. 4) Он должен основываться на впечатлениях слуха, как того чувства, которое служит для восприятия языка. 5) Он должен соединять анализ с синтезом, начиная разложением сложного целого на простые части и переходя к сложению простых начал в сложное целое». [1]

Итак, вот на чем должна быть основана метода обучения. Замечу, не для противоречия, но для простоты и ясности, что два последние положения совершенно излишни. Ибо без соединения анализа с синтезом не может быть не только никакого учения, но никакой деятельности мысли. И всякое учение, кроме учения глухонемых, основывается на слухе. Эти два условия поставлены только для красоты и путаницы слога, обыкновенной в педагогических рассуждениях, и потому не имеют значения; но три первые с первого взгляда представляются совершенно справедливыми, как программа. И всякий, конечно, пожелает узнать, чем обеспечивается то, что способ этот будет *развивать*, что он будет *вносить личный интерес ученика* и *будет представлять процесс самообучения*. Но на вопросы, почему способ этот соединяет все эти качества, не только в книгах гг. Бунакова и Евтушевского, но и во всех педагогических сочинениях основателей этой школы педагогии,

[1] «Семья и Школа», 1872 г., т. II. «Родной язык, как предмет обучения» и проч. Н. Бунаков, стр. 35.

вы не найдете никакого ответа, кроме туманных рассуждений в том роде, что всякое учение должно основываться на соединении анализа с синтезом и непременно на слухе и т. п.; или же найдете, как у г. Евтушевского, рассуждения о том, как в человеке образуются впечатления, ощущения, представления и понятия; найдете правило, *что нужно исходить от предмета и доводить сознание ученика до мысли, а не исходить от мысли, не имеющей в сознании его точки прикрепления*, и т. п. За такими рассуждениями следует всегда тот вывод, что поэтому предлагаемый г. педагогом прием дает то исключительное, настоящее развитие, которое и требовалось. Г. Бунаков, после выписанного определения, чем должен быть хороший способ, излагает, как надо учить детей, и, изложив все эти приемы, по моему убеждению и опыту ведущие к совершенно противоположным развитию целям, прямо и решительно говорит: «С точки зрения выставленных выше основных положений для оценки удовлетворительности способов обучения грамоте, способ, только что изложенный нами, в общих чертах, представляет следующие выпуклые качества и особенности: 1) Как способ звуковой, он сохраняет всецело характеристические особенности всякого звукового способа; исходит из впечатлений слуха, с первого раза устанавливая правильное отношение к языку, и потом уже присоединяет к ним впечатление зрения, таким образом явно различая звук, материал и букву, его изображение. 2) Как способ, соединяющий чтение с письмом, он начинает с разложения и переходит к сложению, соединяя анализ с синтезом. 3) Как способ, переходящий к изучению слов и звуков от изучения предметов, он идет естественным путем, способствует правильному образованию представлений и понятий и действует развивающим образом на все стороны детской природы: побуждает детей к наблюдательности, к группировке наблюдений, к словесной передаче их, развивает *внешние чувства, ум, воображение, память, дар слова, сосредоточенность, самодеятельность, привычку работать в обществе, уважение к порядку*. 4) Как способ, дающий посильную работу всем душевным силам ребенка, он вносит в обучение личный интерес, возбуждая в детях охоту и любовь к учению и обращает его в процесс самообучения». [1] Точно

[1] Бунаков, стр. 41.

то же самое делает и г. Евтушевский; но почему всё это так, остается непонятным для того, кто ищет действительных резонов и не запугивается словами: психология, дидактика, методика, эвристика и т. п. Советую всем тем, которые не имеют склонности к философии и потому не имеют охоты проверить сами все эти выводы педагогов, советую не смущаться этими словами и верить, что всё, что неясно, не может быть основанием чего-нибудь, тем более такого важного и простого дела, как народное образование. Все педагоги этой школы, в особенности немцы, основатели ее, исходят из той ложной мысли, что те самые философские вопросы, которые оставались вопросами для всех философов, от Платона до Канта, разрешены ими окончательно. Разрешены так окончательно, что процесс приобретения человеком впечатлений, ощущений, представлений, понятий, умозаключений разобран ими до мельчайших подробностей, что составные части того, что мы называем душой или сущностью человека, анализированы ими, подразделены на части, и так основательно, что уже на этом твердом знании безошибочно может строиться наука педагогии. Фантазия эта так странна, что не считаю нужным опровергать ее, тем более, что я уже это сделал в своих прежних педагогических статьях. Скажу только, что те философские рассуждения, которые педагоги этой школы кладут в основу своей теории, не только не абсолютно верны, не только не имеют ничего общего с действительной философией, но даже и не имеют никакого ясного, определенного выражения, с которым большинство педагогов было бы единомысленно.

Но, может быть, самая теория педагогов новой школы, хотя и неудачно ссылается на философию, имеет сама по себе достоинства? И потому рассмотрим, в чем она состоит. Г. Буна-ков говорит: «Надо сообщить этим маленьким *дикарям* (т. е. ученикам) главные порядки школьного обучения и провести в их сознание такие начальные понятия, с которыми придется сталкиваться на первых же порах, на первых уроках рисования, чтения, письма и всякого элементарного обучения, как-то: правая и левая сторона, вправо — влево, вверх — вниз, рядом — подле — около, вперед — назад, вблизи — вдали, пред — за, над — под, скоро — медленно, тихо — громко и т. д. Как ни просты эти понятия, но мне из практики известно, что даже городские дети из зажиточных семейств нередко приходят

в элементарную школу, не различая правой и левой стороны. Полагаю, что нет надобности распространяться, как необходимо выяснение таких понятий для сельских детей, и всякий, имевший дело с сельской школой, знает это не хуже меня». [1]

И г. Евтушевский говорит: «Не вдаваясь в широкую область спорного вопроса о врожденных способностях человека, мы видим только, что ребенок не может иметь врожденных представлений и понятий о предметах реальных, — их нужно образовать, и от искусства образования их, со стороны воспитателя и учителя, зависит как их правильность, так и прочность. В уходе за развитием души ребенка нужно быть гораздо осторожнее, нежели в уходе за его телом. Если пища для тела и различные телесные упражнения подбираются как по количеству, так и по качеству, сообразно с возрастанием человека, тем более нужно быть осторожным в выборе пищи и упражнений для ума. Раз положенное дурно основание будет шатко поддерживать всё на нем укрепляющееся». [2]

Г. Бунаков советует сообщать понятия так: «Учитель может начать разговор по своему личному усмотрению: иной спросит каждого ученика об имени, другой о том, что̀ делается на дворе, третий о том, кто откуда пришел, где живет, что̀ делает дома, — потом уже переходит к главному предмету. Где же ты теперь сидишь? Зачем ты сюда пришел? Что мы будем делать в этой комнате? Да, мы будем в этой комнате учиться, — назовем же ее учебной комнатой. Посмотрите все, что̀ у вас под ногами, внизу. Посмотрите, но не говорите. Скажет тот, кому я велю. Скажи, что̀ ты видишь внизу, под ногами? Повторите все, что̀ мы узнали и сказали об этой комнате: в какой комнате мы сидим? какие части комнаты? что̀ есть на стенах? что̀ стоит на полу?».

«Учитель с первого раза устанавливает необходимый для успешности дела порядок: чтобы каждый отвечал лишь тогда, когда его спрашивают; чтобы все прочие слушали и могли повторить, как слова учителя, так и слова товарищей; чтобы желание отвечать, когда учитель обращается с вопросом ко всем, заявляли поднятием левой руки; чтобы выговаривали слова не скороговоркой и не растягивая, громко, отчетливо

---

[1] Бунаков, стр. 18.
[2] Евтушевский. «Методика арифметики», стр. 8.

и правильно; причем учитель дает им живой пример своим громким, правильным, отчетливым говором, на деле показывая различие между тихо и громко, отчетливо и правильно, медленно и скоро. Учитель наблюдает, чтобы в работе принимали участие все дети, заставляя отвечать и повторять чужие ответы то одного, то другого, то весь класс — хором, а преимущественно поднимая вялых, рассеянных, шаловливых: первых своими учащенными вопросами он должен оживлять, вторых — заставлять сосредоточиваться на предмете общей работы, третьих — сдерживать. На первое время требуется, чтобы дети отвечали полными ответами, т. е. повторяющими вопрос: мы сидим в классной комнате (а не кратко: в комнате); вверху, над головой, я вижу потолок; на левой стене я вижу три окна и т. под.». [1]

Г. Евтушевский советует так начинать те уроки для изучения чисел от 1 до 10, которых должно быть 120 и которые должны продолжаться целый год:

«*Один.* Показывая ученикам кубик, учитель спрашивает: сколько у меня кубиков? А взявши в другую руку несколько кубиков, спрашивает: а здесь сколько? — Много, несколько».

«Назовите здесь в классе такой предмет один, которых есть несколько. — Скамья, окно, стена, тетрадь, карандаш, грифель, ученик и проч. Назовите такой предмет, который в классе только один. — Классная доска, печь, дверь, потолок, пол, образ, учитель и проч. Если этот кубик я спрячу в карман, то сколько кубиков будет у меня в руке? — Ни одного. А сколько я должен снова положить кубиков в руку, чтобы их было там столько же, как и прежде? — Один. Как понимать, когда говорят: «однажды Петя упал»? Сколько раз Петя упал? Падал ли он еще когда-нибудь? Отчего же сказано однажды? Потому что говорится только об одном этом случае, а о другом не говорится. Возьмите ваши доски (или тетради). Проведите одну черту такой величины (учитель чертит на классной доске линию в вершок или в два вершка или показывает на линейке такую длину). Сотрите ее. Сколько черточек осталось? — Ни одной. Начертите несколько таких черточек. Придумывать какие-либо еще другие упражнения для знакомства детей с числом *один* было бы неестественно. Достаточно

[1] Бунаков, стр. 18 и 19.

возбудить в них то представление о единице, которое они, без сомнения, имели и до начала обучения в школе». [1]

Далее у г. Бунакова идут упражнения о доске и т. д. и у г. Евтушевского — о числе 4 с разложением. Прежде, чем рассматривать самую теорию передачи понятий, невольно представляется вопрос: не ошибается ли вся эта теория в самой своей задаче? Справедливо ли определено то состояние педагогического матерьяла, с которым предстоит иметь дело? Первое, что бросается в глаза при этом, это — то странное отношение к каким-то воображаемым детям, к таким, которых я, по крайней мере, не видал в Российской империи. Беседы эти, и те сведения, которые они сообщают, относятся до детей ниже двух лет, — ибо двухлетние дети знают уже всё то, что̀ в них сообщается. По требованиям же ответов относятся до попугаев. Всякий ученик 6-ти, 7-ми, 8-ми, 9-ти лет ничего не поймет из этих вопросов именно потому, что он всё это знает и не может понять, о чем говорят. Такие требования бесед показывают или совершенное незнание, или нежелание знать той степени развития, на которой находятся ученики. Может быть, дети готентотов, негров, может быть, иные немецкие дети могут не знать того, что̀ им сообщают в таких беседах, но русские дети, кроме блаженных, все, приходя в школу, знают не только, что̀ вниз, что вверх, что лавка, что стол, что два, что один и т. п., но, по моему опыту, крестьянские дети, посылаемые родителями в школу, все умеют хорошо и правильно выражать мысли, умеют понимать чужую мысль (если она выражена по-русски) и знают считать до 20-ти и более; играя в бабки, считают парами, шестерами и знают, сколько бабок и сколько пар в шестере. Очень часто приходившие ко мне в школу ученики приносили с собой задачу гусей и разъясняли ее. Но даже если и допустить, что дети не имеют таких понятий, которые хотят им посредством бесед сообщить педагоги, я не нахожу, чтобы избираемые ими средства были правильны.

Г. Бунаков, например, написал книгу для чтения, ту самую, которою пользовался г. Протопопов. Книга эта вместе с беседами должна содействовать обучению детей языку. Пересматривая эту книгу, я нашел, что вся она там, где не выписки из других книг, есть ряд сплошных ошибок против языка.

---

[1] Евтушевский, стр. 121.

Тут есть слова: «*косари*», вместо косцов, тогда как косарь есть или орудие, или продавец кос; *лиска*, не унизительное Елизавета, а уменьшительное лиса. Тут есть неизвестные слова: *пекарка*, *истопка*. Тут есть выражения: что *речка катится по полю*, что *люди веселятся всячески*, *как умеют*, что *пекарь и сапожник* и т. д. суть *люди труда*, что *глотка — часть рта* и т. под.

Относительно языка тоже совершенное незнание его я нахожу и у г. Евтушевского в его задачах. «Продавец за яблоко *спрашивает* (вместо: просит за яблоко) три копейки, а девочка *имеет*» и т. д. Или: «У крестьянина 3 лошади; он запрег их в *возы*, в каждый воз по одной, и поехал в поле за сеном. На скольких возах привез он сено с поля?». Во-первых, в живой речи употребляется форма *возá*, а не *возы*; а во-вторых, мальчик будет непременно искать загадку в том, как это крестьянин ухитрился на *возах* привезти сено. А между тем г. Евтушевский посредством задач хочет образовывать понятия. Прежде всего надо бы позаботиться о том, чтобы орудие передачи понятий, т. е. язык, был бы правилен.

Сказанное касается формы, в которой передается развитие. Посмотрим на самое содержание. Г. Бунаков предписывает делать вопросы: «где можно видеть кошек? где сороку? где песок? где осу и суслика? чем покрыты суслик и сорока, и кошка, и какие части их тела»? (Суслик — любимое животное новой педагогии, вероятно потому, что этого слова не знает ни один крестьянский мальчик в средине России.) [1]

«Само собой разумеется, что детям учитель не всегда ставит прямо эти вопросы, составляющие задуманную им программу урока; чаще к решению вопроса программы приходится подвести маленьких и малоразвитых учеников рядом наводящих вопросов, обращая их внимание на ту сторону предмета, которая виднее в данную минуту, или побуждая их припомнить что-либо из прежних наблюдений. Так учитель может не прямо предложить вопрос: где можно видеть осу? а, обращаясь к тому или другому ученику, спрашивать: видал ли он осу? где ее видал? и потом уже, сводя показания нескольких, составит ответ на первый вопрос своей программы. Отвечая на вопросы учителя, дети нередко будут присоединять разные замечания,

[1] Бунаков, стр. 22-я.

не идущие прямо к делу. Речь идет, например, о том, какие части сороки, — иной прибавит совсем некстати, что сорока скачет, другой — что она смешно стрекочет, третий — что она вещи крадет, — пусть прибавляют и высказывают всё, что̀ пробудилось в их памяти и воображении, — дело учителя сосредоточить их внимание согласно с программой, а эти заметки и прибавления детей он принимает к сведению для разработки прочих частей программы. Рассматривая новый предмет, дети возвращаются при каждом удобном случае к предметам, уже рассмотренным. Так, когда они заметили, что сорока покрыта перьями, учитель спрашивает: а суслик тоже покрыт перьями? Чем он покрыт? а курица чем покрыта? а лошадь? а ящерица? Когда они заметили, что у сороки две ноги, учитель спрашивает: а у собаки сколько ног? а у лисицы? а у курицы? а у осы? Каких еще животных знаете с двумя ногами? с четырьмя? с шестью?»

Невольно представляется вопрос, — знают или не знают дети всё то, что̀ им так хорошо рассказывается в этой беседе? Если ученики всё это знают, то, к слову, на улице, или дома, там, где не нужно поднимать левой руки, верно умеют всё сказать более красивым и русским языком, чем им велят это тут сделать; никак не скажут, что лошадь *покрыта* шерстью; если так, то для чего им приказано повторять эти ответы так, как их сделал учитель? Если же они не знают этого (чего, кроме любимого суслика, нельзя допустить), то является вопрос: чем будет учитель руководствоваться в так важно называемой программе вопросов? наукой ли зоологии? или логикой? или наукой красноречия? Если же никакою из наук, а только желанием разговаривать о видимом в предметах, то видимого в предметах так много и так оно разнообразно, что необходима путеводная нить, о чем говорить, а при наглядном обучении нет и не может быть этой нити.

Все знания человеческие только затем и подразделены, чтобы можно было их удобнее собирать, приводить в связь и передавать, и эти подразделения называются науками. Говорить же о предметах вне научных разграничений можно что̀ хотите и всякий вздор, как мы это и видим. Во всяком случае, результат беседы будет тот, что детям или велят выучить слова учителя о суслике, или свои слова переделать, поместить в известном порядке (и порядке не всегда правильном), запом-

нить и повторить. От этого в руководствах этого рода вообще все упражнения *развития*, с одной стороны, страдают совершенной произвольностью, с другой стороны — излишеством. Например, кажется, единственная историйка в уроках г. Бунакова, не выписанная из других книг, следующая:

«Мужик жаловался охотнику на свое горе: лисица утащила у него двух кур и одну утку; она ничуть не боится дворняжки Щеголя, который сидит на цепи и всю ночь лает-заливается; ставил он западню с куском жареного мяса, — утром, по свежим следам на снегу, видно, что рыжая плутовка разгуливала около дома, а в западню не попадается. Охотник выслушал рассказ мужика и сказал: ладно! теперь мы посмотрим, кто кого перехитрит! Весь день охотник проходил с ружьем и собакою, всё по следам лисы, чтобы вызнать, откуда она пробирается ко двору. Днем плутовка спит себе в норе, ничего не знает, — тут-то и надо пристроиться: на пути ее охотник выкопал яму, покрыл ее сверху досками, землей и снегом; в нескольких шагах выложил кусок мяса палой лошади. Вечером он с заряженным ружьем засел в свою засаду, приладился так, чтобы всё видеть и стрелять было удобно, — засел и ждет. Стемнело. Месяц выплыл. Осторожно, оглядываясь и прислушиваясь, вылезает лисичка из норы, подняла нос и нюхает. Она тотчас же почуяла запах лошадиного мяса, бежит мелкой рысцой к тому месту, и вдруг стала, настороживши уши: видит, хитрая, что появилась какая-то насыпь, которой не было еще вчера. Эта насыпь, видимо, смущает ее и заставляет призадуматься; она делает большой обход, нюхает, прислушивается, садится и долго смотрит на мясо издали, так что стрелять по ней нашему охотнику никак нельзя, — далеко. Думала, думала лисица — и вдруг во всю прыть перебежала между мясом и насыпью. Наш охотник остерегся, не выстрелил. Он сообразил, что плутовка пытает, не сидит ли кто за этой насыпью: выстрели он по бегущей лисице, вероятно, промахнулся бы, и не видать бы ему плутовки, как своих ушей. Теперь же лисица успокоилась, насыпь не страшит ее больше: бодро, шагом подходит она к мясу и ест его с полным удовольствием. А охотник осторожно прицеливается, не торопясь, чтобы промаха не было. Бац!.. Лисица подпрыгнула от боли и упала мертвая». [1]

[1] Уроки чтения Н. Бунакова, III-я книжка.

Тут все произвольно: произвольно то, что лисица у мужика зимой могла утащить утку, что мужики ставят западни на лисиц, что лисица спит днем в норе, тогда как лисица спит только по ночам; произвольна для чего-то выкопанная зимою яма, покрытая досками, из которой не делается никакого употребления; произвольно, что лисица ест лошадиное мясо, чего она никогда не делает; произвольна мнимая хитрость лисы, пробегающей мимо охотника; произвольна насыпь и охотник, не стреляющий, чтобы не промахнуться, т. е. всё от начала до конца вздор, в котором каждый крестьянский мальчик мог бы уличить составителя историйки, если бы ему позволялось говорить без поднятия руки.

Потом целый ряд мнимых упражнений в уроках Н. Бунакова составлен из того, что спрашивается: кто печет? кто рубит? кто стреляет? — и ученик должен говорить: пекарь, дровосек и стрелок, тогда как он может отвечать так же справедливо, что печет баба, рубит топор, а стреляет учитель, если у него есть ружье (Уроки Бунакова, книжка III, стр. 10). Произвольно также, что *глотка есть часть рта* и т. п.

Остальные все упражнения, как например, что утки летают, а собаки? или: липа и береза — деревья, а лошадь? — совершенно излишние. Кроме того, нужно заметить, что если этого рода беседы с учениками действительно ведутся, как беседы (чего никогда не бывает), т. е. если ученикам позволяют говорить и спрашивать, то учитель, избирая предметы простые (они самые трудные), на каждом шагу становится втупик: отчасти от незнания (так г. Протопопов спрашивал у г. Морозова, как называется часть колеса, надеваемая на ось, когда он детям объяснял колесо), отчасти от того, что ein Narr kann mehr fragen, als zehn Weise antworten. [1]

В преподавании арифметики, основанном на том же педагогическом начале, происходит совершенно то же самое. Точно так же или сообщается ученикам то, что они знают, или совершенно произвольно сообщаются им ни на чем не основанные комбинации известного рода. Выписанный урок и все уроки до 10-го суть только сообщение того, что̀ все и всякие дети знают. Если они часто не ответят на такого рода вопросы, это происходит только от того, что вопрос иногда сам по себе (как

[1] [один дурак может задать столько вопросов, что и десять мудрецов не смогут ответить.]

возы) дурно выражен или дурно выражен относительно детей. Затруднение, которое находят дети в ответе на такого рода вопросы, происходит от того самого, от чего редкий ребенок сразу ответит на вопрос: у Ноя было 3 сына: Сим, Хам и Иафет; кто их был отец? Затруднение тут не математическое, а синтаксическое, зависящее от того, что в изложении задачи и в вопросе не одно и то же подлежащее; когда же к синтаксическому затруднению примешивается еще неумение составителя задач выражаться по-русски, то ученику становится очень трудно; но трудность уже вовсе не математическая. Пусть кто-нибудь сразу поймет следующую задачу г. Евтушевского: «У одного мальчика было 4 ореха, у другого 5. *Второй* отдал *первому* все свои орехи, а *этот* отдал *третьему* 3 ореха, а остальные роздал поровну трем *другим* товарищам. Сколько орехов получил каждый из *последних?*» Скажите эту задачу так: у мальчика было 4 ореха. Ему дали еще 5. Он отдал 3 ореха, а остальные хочет раздать трем товарищам. По скольку он может дать каждому? пятилетний мальчик решит ее, потому что задачи нет никакой, а затруднение может встретиться только или в дурной постановке вопроса, или в недостатке памяти. И это-то синтаксическое затруднение, преодолеваемое детьми посредством долгих и трудных упражнений, служит поводом учителю думать, что, уча детей тому, что они знают, он их учит чему-нибудь. Совершенно так же произвольно в арифметике сообщаются детям комбинации и разложение чисел по известному приему и порядку, имеющему свое основание только в фантазии учителя. Г. Евтушевский пишет:

«*Четыре*. 1) Образование числа. На верхней планке доски учитель ставит три кубика вместе — 111. Сколько здесь кубиков? Потом приставляет четвертый кубик. А теперь сколько? — 1111. Как же составляются четыре кубика из трех и одного? — Нужно к трем кубикам прибавить, приставить один кубик.

«2) Разложение на слагаемые. Как можно составить четыре кубика? или: как четыре кубика можно разложить? — Четыре кубика можно разложить на два и два: 11. 11. Четыре кубика можно составить из одного, одного, одного и еще одного, или взять четыре раза по одному кубику: 1. 1. 1. 1. Четыре кубика можно разложить на три и один: 111. 1. Можно составить из одного, одного и двух: 1 . 1 и 11. Можно ли еще как-нибудь

иначе разложить четыре кубика? — ученики убеждаются, что никакого другого, отличного от этих, разложения быть не может. Если ученики станут еще разлагать четыре кубика таким образом: один, два и один, или: два, один и один, или: один и три, то учителю легко показать им, что эти разложения составляют повторение уже имеющихся разложений, только в другом порядке.

«Всякий раз по указании нового приема разложения, предложенного учениками, учитель на одной из планок доски выставляет кубики в том виде, как они изображены здесь. Таким образом в нашем случае на верхней планке будут стоять четыре кубика вместе, на второй — два и два, на третьей — четыре кубика раздельно, на некотором расстоянии один от другого, на четвертой — три и один и на пятой — один, один и два.

«3) Разложение в порядке. Весьма может случиться, что дети сразу укажут разложение числа на слагаемые в порядке, но и тогда третье упражнение нельзя считать лишним. Для установления порядка в разложении предлагаются классу такие вопросы: вот вы составили четыре кубика из двоек, из отдельных кубиков и из троек, — в каком порядке лучше поставить нам кубики на доске? — С чего начать разложение четырех кубиков? С разложения на отдельные кубики. — Как составить четыре кубика из отдельных кубиков? Надо взять четыре раза по одному. — Как составить четыре кубика из двоек, из пар? Нужно взять две двойки: два раза по два кубика; две пары кубиков. — Как потом разлагать четыре кубика? Можно составить из троек: для этого взять три и один, или один и три. — Выясняется ученикам, что последнее разложение, т. е. $1 + 1 + 2$, не подходит под принятый порядок и есть видоизменение одного из первых трех». [1]

Почему этого последнего разложения не допускает г. Евтушевский? Почему должен быть тот порядок, который указан г. Евтушевским? — всё это дело одного произвола и фантазии. В сущности для всякого мыслящего человека понятно, что есть только одно основание всякого сложения и разложения и всей математики. Вот основание: $1 + 1 = 2$, $2 + 1 = 3$, $3 + 1 = 4$ и т. д., — то самое, чему выучиваются дети всегда дома и что в

[1] «Методика арифметики» В. Евтушевского, изд. 3., 1873 г., стр. 128.

просторечии называется: уметь считать до 10, до 20 и т. д. Этот процесс известен всякому ученику, и какое бы разложение ни делал г. Евтушевский, всякое объясняется одним этим. Мальчик, умеющий считать до 4-х, уже рассматривает 4 как одно целое, и также 3, и также 2, и также 1. Следовательно, ему известно, что 4 произошло из последовательного приложения по одной. Также известно, что 4 произошло из приложения два раза по 1 к 2, так как ему известно, что два раза один есть два. Чему же тут учатся дети? Или тому, что̀ они знают, или тому процессу счета, который по фантазии учителя должен быть ими заучен. На-днях мне случилось быть свидетелем урока математики по методу Грубе. У ученика было спрошено: «сколько будет 8 и 7?» — Он заторопился и сказал: 16. Сосед его также поторопился и, не подняв левой руки, сказал: 8 и 8 будет 16, а без одного 15. Учитель строго остановил сказавшего это и заставил первого спрошенного прикладывать сначала к 8 по одному, пока он не дойдет до 15, хотя мальчик этот давно уже знал, что он ошибся. В школе этой проходилось число 15, а 16 *должно было быть неизвестно*.

Я боюсь, что многие, читая или слушая все эти мои длинные опровержения приемов наглядного обучения и счета по Грубе, скажут: да про что же тут говорить? Разве не очевидно, что всё это есть бессмыслица, которую не стоит критиковать. К чему подбирать ошибки и промахи каких-то Бунакова и Евтушевского и критиковать то, что̀ ниже всякой критики? Я сам так думал, пока не был наведен на наблюдение того, что̀ делается в педагогическом мире, и не убедился, что гг. Бунаков и Евтушевский не *какие-нибудь*, а авторитеты в нашей педагогии, и что то, что̀ они предписывают, уже исполняется в наших школах. По захолустьям уже можно найти учителей, в особенности учительниц, которые, разложив перед собой руководства Евтушевского и Бунакова, прямо по ним спрашивают, сколько будет одно перо и одно перо, и чем покрыта курица. Да, всё это было бы смешно, если бы это был только вымысел теоретика, а не указание для практического дела, и указание, которому уже следуют некоторые, и если бы это дело не касалось одного из самых важных людских дел в жизни — воспитания детей. Мне было смешно, когда я читал это, как теоретические фантазии; но когда я узнал и увидал, что это делают над детьми, мне стало и жалко и стыдно. В теоретическом отношении, не говоря

о том, что они ошибочно определяют цель учения, — педагоги этой школы делают ту существенную ошибку, что они отступают от условий всякого преподавания, будет ли преподавание на высшей или на низшей ступени науки, в университете или в народной школе. Существенные условия всякого преподавания состоят в том, что из бесчисленного количества разнородных явлений избираются однородные явления, и законы этих явлений сообщаются учащимся. Так, при обучении языку (грамоте) сообщаются ученикам законы слова, в математике — законы чисел. Обучение языку состоит в сообщении законов разложения и обратного сложения речений, слов, слогов, звуков, — и законы эти составляют предмет обучения. Обучение математике состоит в сообщении законов сложения и разложения чисел (но прошу заметить, не в процессе сложения и разложения чисел, а в сообщении *законов* этого сложения и разложения). Так, первый закон состоит в том, что можно рассматривать собрание единиц, как единицу другого разряда, — то самое, что делает всякий ребенок, говоря: 2 и 1 = 3. Он рассматривает 2, как некоторую единицу. На этом законе основываются следующие законы нумерации, потом сложения и всей математики. Но произвольные разговоры об *осе*, *лиске* и т. под. или задачи, в пределах 10, разложения на все манеры — не могут составлять предмета обучения, так как они, во-первых, выступают из пределов предмета и, во-вторых, не трактуют о законах его.

Таким мне представляется дело с теоретической стороны; но теоретическая критика часто может ошибаться, и поэтому постараюсь сверить мои выводы с практическими данными. На экзамене г. Протопопов дал нам образец практических результатов, как наглядного обучения, так и математики по методу Грубе. Одному из старших мальчиков было сказано: положи руку под книгу, чтобы показать, что он обучен понятиям *на* и *под*, и умный мальчик, который знал, что *на* и *под* (я уверен), еще будучи трех лет, положил руку на книгу, когда ему сказали: положи *под книгу*. Такие примеры я постоянно видел, и они яснее всего показывают, как не нужно, чуждо, совестно, мне хочется сказать, это наглядное обучение русских детей. Русский ребенок не может и не хочет верить (он имеет слишком большое уважение к учителю и себе), чтобы его серьезно спрашивали, потолок внизу или наверху, или сколько у него ног.

В арифметике мы тоже видели, что ученики г. Протопопова, не знавшие даже писать цыфр и упражнявшиеся во всё время учения только в умственном счислении до 10, в продолжение получаса не переставали врать на самые разные манеры на вопросы, которые им задавал учитель в пределе чисел до 10. Стало быть, обучение умственному счислению ни к чему не повело, и трудность синтаксическая, состоящая в распутывании вопроса, дурно поставленного, осталась для них такою же, какою и была. И так, практические результаты бывшего экзамена не подтвердили полезности развития. Но я хочу быть вполне точным и добросовестным. Может быть, процесс развития, сначала ограничивающийся не столько изучением, сколько анализом того, что̀ уже знают ученики, потом приносит результаты. Может быть, сначала учитель, посредством анализа овладевая умом учеников, впоследствии уже твердо и легко ведет их дальше и из тесной области описания стола и счета 2 и 1 ведет их в действительную область знания, в которой ученики не ограничиваются учением того, что̀ знают, но узнают уже и новое и узнают это новое новым, более легким, разумным способом. Это предположение подтверждается и тем, что все немецкие педагоги и последователи их, в том числе и г. Бунаков, прямо говорят, что наглядное обучение должно служить как бы вступлением к *родиноведению* и *естествоведению*. Но мы тщетно бы стали искать в руководстве г. Бунакова, каким образом преподавать это *родиноведение*, если подразумевать под этим словом какие-нибудь действительные знания, а не описания избы и сеней, — того, что̀ знают дети. Г. Бунаков, на 200-й странице объяснив, как надо учить тому, где потолок и где печка, здесь очень кратко говорит: «теперь следовало бы перейти к третьей ступени наглядного обучения, содержание которой было определено мною так: «Изучение края, уезда, губернии, всего отечества, с его естественными произведениями и населением, в общих чертах, как очерк отечествоведения и начало естествознания, с преобладанием чтения, которое, опираясь на непосредственные наблюдения двух первых ступеней, расширяет умственный кругозор учащихся, сферу их представлений и понятий». Уже из этого определения видно, что здесь наглядность является дополнением к объяснительному чтению и рассказу учителя, следовательно, и речь о занятиях третьего года более относится к рассмотрению второго

занятия, входящего в состав учебного предмета, который называется родным языком, — объяснительного чтения.

Обращаемся к третьему году, к объяснительному чтению, но там не находим ровно ничего, указывающего на то, как передавать новые сведения, исключая того, что хорошо читать такие-то и такие-то книги и при чтении делать такие-то вопросы. Вопросы весьма странные (для меня, по крайней мере), как, например, сравнение статьи о воде Ушинского и статьи о воде Аксакова, и требование от учеников, чтобы они объяснили, что Аксаков рассматривает воду, как явление природы, а Ушинский, как вещество, и т. д. Стало быть, встречаем то же самое навязывание ученикам взглядов, подразделений (большею частью неверных) учителя, а ни одного слова, ни одного намека на то, каким же способом передаются какие-нибудь новые знания.

Неизвестно, что̀ будет преподаваться: естественная история, география ли? Ничего нет, кроме чтения с вопросами, в роде тех, которые я привел. По другой стороне обучения слову — грамматике и правописанию — точно так же тщетно бы мы стали искать какого-нибудь нового приема обучения, основанного на предшествовавшем развитии. Всё та же старая грамматика Перевлесского, начинающаяся с философских определений и потом с синтаксического разбора, служит основанием всех новых грамматических руководств, и руководства г. Бунакова.

В математике тоже тщетно бы стали мы искать, на той ее ступени, где начинается действительное обучение математике, чего-нибудь нового, облегченного, основанного на всем предшествовавшем развитии 2-х годовых уроков до 20-ти. Там, где действительно в арифметике встречаются трудности, где ученику надо объяснить предмет с разных сторон, как-то: при нумерации, при сложении, при вычитании, при делении, при делении и умножении дробей, — не находишь и тени чего-нибудь облегченного, какого-нибудь нового объяснения, а есть только выписки из старых арифметик.

Характер этого преподавания остается везде один и тот же. Всё внимание обращается на то, чтобы учить тому, что̀ ученик знает. А так как ученик знает то, чему его учат, и легко, по желанию учителя, передает в том и в другом порядке то, что̀ от него требуется, то учителю кажется, что он чему-то учит и успехи

учеников большие, и учитель, не обращая никакого внимания на то, что̀ составляет самую трудность учения, т. е. учить новому, преспокойно толчется на одном месте. От этого происходит, что наша педагогическая литература завалена руководствами для наглядного обучения, для предметных уроков, руководствами, как вести детские сады (одно из самых безобразных порождений новой педагогии), картинами, книгами для чтения, в которых повторяются всё те же и те же статьи о лисице, о тетереве, те же стихи, для чего-то написанные прозой, в разных перемещениях и с разными объяснениями; но у нас нет ни одной новой статьи для детского чтения, ни одной грамматики русской, ни славянской, ни славянского лексикона, ни арифметики, ни географии, ни истории для народных школ. Все силы поглощены на руководства к обучению детей тому, чему не нужно и нельзя учить детей в школе, чему все дети учатся из жизни. И понятно, что книги этого рода могут являться без конца. Ибо грамматика, арифметика может быть одна, но упражнений и рассуждений в роде тех, которые я приводил из Буна-кова, и порядков разложения чисел из Евтушевского, может быть бесчисленное количество. Педагогика находится в том же положении, в каком бы находилась наука о том, ка̀к должно ходить человеку; и люди стали бы искать правил, ка̀к учить детей ходить, предписывая им сокращать тот мускул, вытянуть другой и т. д., и т. д. Такое положение новой педагогики прямо вытекает из двух ее основных положений: 1) что цель школы есть развитие, а не наука, и 2) что развитие и средства достижения его могут быть определены теоретически. Из этого последовательно вытекало то жалкое и часто смешное положение, в котором находится школьное дело. Силы тратятся напрасно: народ, в настоящую минуту жаждущий образования, как иссохшая трава жаждет воды, готовый принять его, просящий его, — вместо хлеба получает камень и находится в недоумении: он ли ошибался, ожидая образования, как блага, или что-нибудь не так в том, что̀ ему предлагают? Что дело стоит так, не может быть ни малейшего сомнения для всякого человека, который узна̀ет нынешнюю теорию школьного дела и знает действительное состояние его среди народа. Но невольно представляется вопрос: каким образом дело стало в такое странное положение? каким образом люди честные, образованные, искренно любящие свое дело и желающие добра, каковыми я

считаю огромное большинство моих оппонентов, могли стать в такое странное положение и так глубоко заблудиться?

Вопрос этот занимал меня, и я постараюсь сообщить те ответы, которые я нашел на него. На это было много причин. Самая естественная причина, приведшая педагогику на тот ложный путь, на котором она находится, есть критика старого, критика только для критики, без постановки новых начал вместо тех, которые критиковались. Всем известно, что критика есть легкое дело и что она бывает совершенно бесплодна и часто вредна, если рядом с осуждением чего бы то ни было не указывают те начала, на основании которых осуждается. Если говорится, что это дурно потому, что мне не нравится, или потому, что все говорят, что это дурно, или даже потому, что это действительно дурно, но если я не знаю, как должно быть хорошо, то эта критика будет всегда бесполезна и вредна. Воззрения педагогов новой школы основаны прежде всего на критике прежних приемов. Даже теперь, когда, казалось бы, уже лежачего не бьют, в каждом руководстве, в каждой беседе мы читаем и слышим, *что вредно читать без понимания, что нельзя заучивать определение числа и действий над числами, что бессмысленное заучивание вредно, что знать действия с тысячами, не умея считать 2 + 3, вредно* и т. под. Главная исходная точка есть критика старых приемов и придумывание новых, сколь возможно более противоположных старым, но отнюдь не постановка новых оснований педагогии, из которых могли бы вытекать новые приемы.

Критиковать употреблявшийся способ обучения грамоте посредством заучивания целых страниц псалтыря и обучения арифметике посредством учения наизусть того, что̀ есть число и т. п., очень легко. Замечу, во-первых, что теперь и не нужно нападать на эти приемы, что едва ли есть еще такие учителя, которые отстаивали бы их, и во-вторых, что если, критикуя такие явления в печати и здесь в заседаниях (как я заметил), хотели дать почувствовать, что я защитник старинного способа обучения, то это происходило только от того, что мои возражатели, по молодости лет, вероятно и не знали, что, чуть не 20 лет тому назад, я, сколько имел уменья и силы, боролся с этими старыми приемами педагогии и содействовал их уничтожению.

Итак было найдено, что старые приемы обучения никуда не

годятся, и, не поставив никаких новых основ, стали искать новых приемов. Я потому говорю: не поставив новых основ, что единственные прочные основы педагогии есть только две: 1) Определение критерия того, *чему* нужно учить, и 2) критерия того, *как* нужно учить, т. е. определение того, что избранные предметы суть наинужнейшие, и того, что избранный способ есть наилучший.

Никто даже не обратил внимания на эти основы, а каждая школа в оправдание свое подделала себе известные квази-философские, оправдывающие ее рассуждения. Но именно эта *теоретическая подкладка*, как нечаянно совершенно верно выразился г. Бунаков, не может считаться основой. Ибо точно такая же теоретическая подкладка была и у старого способа обучения.

Действительный же насущный вопрос педагогии, который 15-ть лет тому назад я тщетно пытался поставить во всей его значительности, вопрос: *почем знать, чему и как учить?* остался даже не затронутым. Вследствие этого произошло то, что, как скоро стало очевидно, что старый способ не годится, не стали отыскивать, почему и как узнать, какой будет лучше способ, а тотчас же стали искать другой, самый противуположный старому. Поступили так же, как бы поступил человек, у которого к зиме в доме оказалось бы холодно, и он, не позаботясь о том, почему холодно и как пособить горю, пошел бы отыскивать другой дом, который был бы как можно менее похож на прежний. Я был тогда за границей и помню везде встречавшихся мне тогда скитавшихся по Европе послов, разыскивающих новую веру, т. е. чиновников министерства, изучавших немецкую педагогию.

Мы избрали приемы обучения ближайших соседей наших, немцев, во-первых, потому, что мы всегда особенно склонны подражать немцам; во-вторых, потому, что это был способ самый сложный и хитрый, а уж если брать чужое, то, разумеется, самое последнее — модное и хитрое; а в-третьих, в особенности потому, что эти приемы были более всего противуположны нашим старым приемам. Итак, новые приемы взяты у немцев, и не одни, а с теоретической подкладкой, т. е. квази-философским оправданием этих приемов. И теоретическая подкладка эта оказала и оказывает большие услуги. Как скоро родители или просто здравомыслящие люди, занимающиеся делом

образования, выражают сомнение в том, что в самом ли деле хороши эти приемы, им говорят: а знаменитый Песталоци, а Дистервег, а Денцель, а Вурст, а методика, эвристика, дидактика, концентризм? — и смельчаки махают рукой и говорят: «ну, Бог с ними. Они лучше знают». В этих немецких приемах была еще и та большая выгода для учителей (причина, по которой за эти приемы особенно горячо держатся), что при них учителю не нужно много старания, не нужно дальше и дальше учиться, не нужно работать над собой и над приемами обучения. Бóльшую часть времени по этой методе учитель учит тому, что̀ дети знают, да кроме того, учит по руководству, и ему легко. И бессознательно, по врожденной человеческой слабости, учитель дорожит этой легкостью. Весьма приятно, с твердым убеждением, что я учу и делаю дело важное и самое современное, рассказывать детям из книжки про суслика или про то, что у лошади 4 ноги, или переставлять кубики по 2 и по 3 и спрашивать, сколько будет 2 и 2; но еслибы потребовалось вместо суслика рассказать или прочесть что-нибудь точно занимательное, дать основания грамматики, географии, священной истории и 4-х правил, то учитель сейчас бы был приведен к тому, чтобы поработать над собой, перечитать многое, освежить свои знания.

Итак, окритикован старый прием, взят у немцев другой. Способ этот так чужд нашему русскому, не-педантическому складу ума, уродства его так ярко бросаются в глаза, что, казалось бы, способ этот никак не может привиться в России, а между прочим он прилагается, хотя и в малых размерах, но прилагается и даже дает в некотором отношении результаты иногда лучшие, чем старый церковный способ. Это происходит оттого, что так как способ взят у нас (и в Германии первоначально вытек) из критики старого приема, то в этом способе действительно откинуты все недостатки старого, хотя именно в крайнем противоположении старому, доведенном с особенным, свойственным немцам педантизмом до последней крайности, проявились новые недостатки, едва ли не бóльшие, чем прежние. Прежде учили грамоте у нас, присоединяя к согласному звуку ненужные длинные прибавки (буки-уки, вѣди-ѣди), у немцев es, em, be, ce и т. д., т. е. присоединяя гласную к согласному звуку то сзади, то спереди, и в этом лежало затруднение. Теперь впали в другую противуположность и хотят на-

зывать согласный звук без присоединения гласной, что̀, очевидно, невозможно. В грамматике Ушинского (Ушинский — родоначальник у нас звуковой методы) и во всех звуковых руководствах при изложении грамматики согласные звуки определяются так: *тот звук, который нельзя выговорить отдельно.*[1] И этому-то самому звуку учат прежде всего ученика. Когда я делал замечание, что нельзя выговорить отдельно *бъ*, а выходитъ всегда почти *бы*, мне говорили, что это происходит от того, что не все это умеют, что надо большое искусство, чтобы выговаривать согласный звук. И я сам видел, как г-н Протопопов, когда ученик, по моим понятиям, выговорил совершенно удовлетворительно коротко *бъ*, поправлял его раз 10-ть до тех пор, пока он оторвал, сколько можно. И съ этих-то *бъ*, *съ*, с тех звуков, которых нельзя выговорить, как их определяет Ушинский, или для выговора которых нужна особенная виртуозность, — с этих звуков начинают ученье грамоте по педантическим немецким руководствам.

Прежде учили наизусть без смысла склады (это было дурно); в крайнюю противуположность этому, новая манера предписывает совсем не отделять складов, что решительно невозможно в длинном слове и что в действительности никогда не исполняется. Всякий учитель по звуковому способу чувствует необходимость дать ученику отдохнуть на одной части слова и выговорить ее отдельно. Это делал и г-н Протопопов, но ни за что не сознается в этом, потому что это было бы признание в *складах*. Прежде читали непонятный для детей по слишком высокому и глубокому смыслу псалтырь (что̀ было дурно); в противуположность этому заставляют читать неимеющие уже никакого содержания фразы и заставляют объяснять всякое понятное слово или заучивать непонятное. В старой школе учитель ничего не говорил с учениками; теперь предписано учителю говорить с учениками что̀ попало, или то, что̀ они знают, или то, чего не нужно знать. В математике прежде заучивали определение действий, теперь и самих действий уже не делают, так как только на 3-й год, по Евтушевскому, приступают к нумерации и предполагают, что нужно учить детей в продолжение целого года считать до 10. Прежде заставляли учеников делать действия с отвлеченными большими числами,

[1] «Родное слово», год третий.

не обращая внимания на другую сторону математики, распутывание задачи (составление уравнения). Теперь учат распутыванью задач, составлению уравнений на малых числах прежде, чем ученики знают еще нумерацию и обращение с действиями. Тогда как всякому учителю опыт показывает, что трудность составления уравнений или распутывания задач преодолевается только общим, не школьным, а жизненным развитием. Было замечено, — что̀ совершенно справедливо, — что нет лучшего пособия для ученика, когда он затрудняется постановкой задачи с большими числами, как то, чтобы дать ему точно такую же задачу на малых числах. Ученик, из жизни научившийся решать ощупью задачи с малыми числами, сознаѐт процесс решения и этот процесс переносит на задачу с большими числами. Заметив это, новые педагоги стараются обучать только распутыванию задач на малых числах, т. е. тому самому, что̀ не может быть предметом обучения, а есть дело жизни. В преподавании грамматики новая школа осталась так же последовательна своей исходной точке, — критике старого и усвоению самого противуположного приема. Прежде заучивали наизусть определение частей речи и от этимологии переходили к синтаксису; теперь начинают не только с синтаксиса, но и с логики, которую пытаются передать детям. По грамматике г-на Бунакова, которая есть сокращение грамматики Перевлесского, даже с выборами тех же примеров, изучение грамматики начинается с разбора синтаксического, столь трудного и, скажу даже, шаткого в русском языке, не подчиняющемся вполне классическим формам синтаксиса. Так что в общем новая школа отстранила некоторые недостатки, из которых главные — лишний прибавок к согласной и заучивание наизусть определений, и в этом имеет преимущество перед старым способом и дает в чтении и письме иногда лучшие результаты; но за то внесла новые недостатки, состоящие в том, что содержание чтения есть самое бессмысленное, и в том, что арифметика, как учение, уже совершенно не преподается.

В практике (ссылаюсь в этом на всех инспекторов училищ, на всех членов училищных советов, посещавших училища, на всех учителей), в практике, в массе школ, где предписывается эта немецкая метода, совершается за редкими исключениями вот что. Дети учатся не по звуковому, а по буквослагательному способу, называют вместо *бъ* согласную *бы*, *вы*, и разделяют

слова на склады. Наглядное обучение совсем опускается, арифметика вовсе нейдет, и читать детям совершенно нечего. Учителя, бессознательно для самих себя, отступают от требований теоретических и подделываются под требования народа. Эти практические результаты, везде повторяющиеся, казалось, могли доказать неверность самого метода; но в среде педагогов, тех, которые пишут руководства и предписывают правила, существует такое полное незнание и нежелание знать народ и его требования, что отношение действительности к этим приемам нисколько не нарушает хода их дела. Трудно представить себе то воззрение на народ, которое существует в этом мире педагогов, и из которого вытек их метод и все дальнейшие приемы обучения. Г. Бунаков с необыкновенною наивностью, в доказательство того, как необходимо наглядное обучение и *развитие* для детей в русской школе, приводит слова Песталоци: «Пусть кто-нибудь, живший среди простого народа, — говорит он, — опровергнет мои слова, что ничего нет труднее, как передать какое-либо понятие этим существам. Да этому никто и не противоречит. Швейцарские священники подтверждают, что, когда народ приходит к ним для обучения, он не понимает, что ему говорят, а священники не понимают, что им говорит народ. Городские жители, переселяющиеся в деревню, изумляются неспособности туземцев говорить; проходят годы, пока деревенская прислуга научается объясняться с хозяевами». Это-то отношение простолюдина в Швейцарии к образованному сословию полагается основанием такого же отношения у нас.

Полагаю излишним распространяться о том, что̀ всякому известно, что во всей Германии народ говорит особенным языком, называемым платдейч, и что в немецкой Швейцарии этот платдейч особенно далек от немецкого языка, а что в России, напротив, *мы* часто говорим дурным языком, а народ всегда хорошим, и что в России будет гораздо вернее, если слова Песталоци сказать от лица мужиков, говорящих об учителях. Мужик и крестьянский мальчик скажут совершенно справедливо, что весьма трудно понимать, что̀ говорят эти существа, подразумевая учителей. Незнание народа так полно в этом мире педагогов, что они смело говорят, будто в крестьянскую школу приходят дикари, и потому смело учат их тому, что̀ *вниз*, что̀ *вверх*, что классная доска стоит на подставке и под нею лоточек. Они не знают того, что еслибы ученики спрашивали учителя,

то очень много бы оказалось вещей, которых не знает учитель, что если, например, стереть краску с доски, то всякий почти мальчик скажет, из какого дерева эта доска: еловая, липовая или осиновая, чего не скажет учитель; что про кошку и курицу мальчик расскажет всегда лучше учителя, потому что он наблюдал их больше учителя; что вместо задачи о возах мальчик знает задачи: о воронах, о скотине, о гусях. (О воронах: летело стадо ворон и стояли дубы, если сядет по две вороны, ворон не достанет, сядет по одной — дуба не достанет. Сколько ворон, сколько дубов? О скотине: на 100 рублей купить 100 скотин: телят по полтине, коров по 3 р., быков по 10 р. Сколько быков, коров и телят?) Педагоги немецкой школы и не подозревают той сметливости, того настоящего жизненного развития, того отвращения от всякой фальши, той готовой насмешки над всем фальшивым, которые так присущи русскому крестьянскому мальчику — и только потому так смело (как я сам видел) под огнем 40 пар умных детских глаз на посмешище им выделывают свои штуки. Только от этого настоящий учитель, знающий народ, как бы строго ему ни предписывали учить крестьянских детей тому, что̀ низ, что̀ верх, и что 2 и 3 будет 5, ни один настоящий учитель, знающий тех учеников, с которыми он имеет дело, не будет в состоянии этого делать.

И так главные причины, по которым мы впали в такое странное заблуждение, суть: 1) незнание народа, 2) невольно подкупающая легкость учения тому, что̀ знают ученики, 3) склонность наша к заимствованию от немцев, и 4) критика старого без постановки новых основ. Эта последняя причина привела педагогов новой школы к тому, что, несмотря на крайнее различие по внешности нового способа от старого, он совершенно тожествен ему по своим основаниям, и потому по приемам обучения и по результатам. При том и при другом способе существенная основа состоит в том, что обучающий твердо и несомненно знает, чему и как нужно обучать, и это свое знание не почерпает из требований народа и из опыта, но раз навсегда теоретически решил, что именно *тому* и *так* нужно учить, и так учит. Педагог старинной школы, которую я для краткости назову *церковной*, знает твердо и несомненно, что надо учить по часовнику и псалтырю, заучивая наизусть, и не допускает никаких изменений в своих приемах; точно так же учитель новой немецкой школы знает твердо и несомненно, что надо учить по

Бунакову и Евтушевскому, начинать со слов *ус* и *оса*, спрашивать о том, что̀ наверху, что̀ внизу, и рассказывать о любимом суслике, и не допускает никаких изменений в своих приемах. Оба основываются на твердом убеждении, что они знают наилучшие приемы. Из одинаковости основ вытекает и дальнейшее сходство. Учитель церковной грамоты, если вы ему скажете, что по его способу продолжительно и с трудом учатся дети читать и писать, ответит вам, что дело не в чтении и письме, а в *Божественном учении*, под которым подразумевается изучение церковных книг. То же самое скажет вам и учитель русской грамоты по немецкому способу. Он скажет (все говорят и пишут это), что дело не в быстроте приобретения искусства чтения, писания и счета, а в *развитии*. Оба кладут цель обучения в чем-то независимом от чтения, письма и счета, т. е. науки, а в чем-то другом — несомненно нужном.

Сходство это продолжается до мельчайших подробностей. Как в том, так и в другом способе, всякое учение до школы, всякое приобретенное знание вне школы не принимается во внимание, — все поступающие ученики считаются одинаково незнающими и всех заставляют учиться сначала. Если в церковную школу поступает мальчик, знающий буквы или склады: а, б е, его перучивают сначала по буки-азъ — ба. То же самое делается и в немецкой школе, и г. Протопопов прилагал большие усилия, чтобы переучить мальчиков в своей школе с бе на бъ и жаловался мне, что это стоит ему большого труда.

Точно так же, как в той, так и в другой школе случается, что некоторым детям *не задается* грамота. (Ссылаюсь на всех бывших учителей школы, шедших по моему способу, что в моих школах не было ни разу ни одного подобного случая.) Мы видели, что из 7-ми учеников г. Протопопова один оказался такой, которому грамота в науку не пошла.

Точно так же, как в том, так и в другом способе, механическая сторона обучения преобладает над умственной. Как в церковных, так и в этих школах ученики отличаются хорошим почерком и выговором при чтении, совершенно точным, т. е. не так, как говорится, а так, как пишется. Точно так же, как при том, так и при другом способе в школе царствует постоянный внешний порядок, и дети находятся под постоянным страхом и могут быть руководимы только при величайшей строгости. Г. Королев упомянул вскользь о том, что при звуковом обучении не

пренебрегаются колотушки. Я видел это в школах немецкой макеры и полагаю, что без колотушек даже невозможно обойтись в новой немецкой школе, так как она точно так же, как и церковная школа, учит, не спрашиваясь о том, что̀ интересно знать ученику, а учит тому, что̀, по убеждению учителя, кажется нужным, и потому школа эта может основываться только на принуждении. А принуждение достигается с детьми обыкновенно побоями. Церковная школа и новая немецкая, исходя из одинаковых основ и приходя к одинаковым результатам, совершенно схожи. Но еслибы выбирать из двух, я бы выбрал всё-таки церковную. Недостатки одинаковы, но на стороне церковной школы 1000-летняя привычка и авторитет церкви, имеющий такую силу в народе.

Окончив разбор и критику немецкой школы, я считаю нужным, — в виду высказанного мною, что критика тогда только плодотворна, когда она, осуждая, указывает на то, чем бы должно было быть то, что̀ дурно, — я считаю нужным сказать о тех основах обучения, которые я считаю законными и на которых основываю свой метод обучения.

Для того, чтобы высказать, в чем я полагаю эти несомненные основы всякой педагогической деятельности, я должен повторяться, то есть повторять то, что̀ высказано было мною 15 лет тому назад, в издававшемся мною педагогическом журнале «Ясная поляна». Повторение это не будет скучно для педагогов новой школы, так как писанное мною тогда не то что забыто, но никогда и не было принято во внимание педагогами, — а между тем я продолжаю думать, что только то, что высказано было мною тогда, могло поставить педагогику, как теорию, на твердую почву. 15 лет тому назад, когда я взялся за дело народного образования, без всяких предвзятых теорий и взглядов на дело, с одним только желанием прямо, непосредственно содействовать этому делу, будучи учителем в своей школе, я тотчас же столкнулся с двумя вопросами: 1) *чему нужно учить?* и 2) *как нужно учить?*

В то время, как и теперь, существовало величайшее разноречие в ответах на эти вопросы.

Я знаю, что некоторым педагогам, заключенным в своем узком теоретическом кружке, кажется, что только и света, что из окошка, и что разноречия никакого уже нет.

Я прошу тех, которые так думают, заметить, что им только

так кажется, точно так же, как это кажется в кружках, им противоположных. Во всей же массе людей, заинтересованных образованием, существует, как и прежде существовало, величайшее разноречие. В то время, как и теперь, одни, — отвечая на вопрос: *чему надо учить?* — говорили, что, кроме грамоты, самые полезные для первоначальной школы знания суть знания естественные; другие, как и теперь, говорили, что это не нужно и даже вредно; так же как и теперь, одни предлагали историю, географию, другие отрицали их необходимость; одни предлагали славянский язык и грамматику, закон Божий, другие находили и это излишним и приписывали главную важность развитию. По вопросу, *как учить*, было и есть еще бóльшее разногласие. Предлагались и предлагаются самые противоположные один другому приемы обучения грамоте и арифметике.

В книжных лавках рядом продавались самоучители по *буки-азъ — ба*, уроки Бунакова, карточки Золотова, азбуки г-жи Дараган, и все имели своих сторонников. Встретившись с этими вопросами и не найдя на них никакого ответа в русской литературе, я обратился к европейской. Прочтя то, что было написано об этом предмете, познакомившись лично с так-называемыми лучшими представителями педагогической науки в Европе, я нигде не только не нашел какого-нибудь ответа на занимавший меня вопрос, но убедился, что вопроса этого для педагогии, как науки, даже и не существует, что каждый педагог известной школы твердо верит, что те приемы, которые он употребляет, суть наилучшие, потому что они основаны на абсолютной истине, и что относиться к ним критически было бы бесполезно. Между прочим, потому ли, что, как я сказал, я взялся за дело народного образования без всяких предвзятых теорий, или потому, что я взялся за это дело, не издалека предписывая законы, как надо учить, а сам стал школьным учителем в глухой деревенской народной школе, — я не мог отказаться от мысли, что необходимо должен существовать критериум, по которому решается вопрос, *чему* и *как лучше учить*. Учить ли наизусть псалтырь или классификацию организмов? учить ли по звуковой, переведенной с немецкого азбуке, или по часовнику? В решении этих вопросов мне помогли некоторый педагогический такт, которым я одарен, и в особенности то близкое и страстное отношение, в которое я стал к делу. Вступив

сразу в самые близкие, непосредственные отношения с теми 40 маленькими мужичками, которые составляли мою школу (я их называю маленькими мужичками потому, что я нашел в них те самые черты сметливости, огромного запаса сведений из практической жизни, шутливости, простоты, отвращения от всего фальшивого, которыми вообще отличается русский мужик), увидав эту восприимчивость, открытость к приобретению тех знаний, в которых они нуждались, я тотчас же почувствовал, что старинный церковный способ обучения уже отжил свой век и не годится для них. И я стал испытывать другие предлагаемые приемы обучения; но так как принуждение при обучении, и по убеждению моему, и по характеру мне противно, я не принуждал, и как скоро замечал, что что-нибудь неохотно принимается, я не насиловал и отыскивал другое. Из этих опытов оказалось для меня и для тех учителей, которые вместе со мною в Ясной поляне и других школах, на тех же основаниях свободы, занимались преподаванием, что почти всё то, что пишется в педагогическом мире для школ, отделяется неизмеримой пучиной от действительности, и что из предлагаемых методов многие приемы, как напр., наглядное обучение, естественные науки, звуковые приемы и другие, вызывают отвращение и насмешку, и не принимаются учениками. Мы стали отыскивать то содержание и те приемы, которые охотно воспринимались учениками, и напали на то, что составляет мой метод обучения. Но этот метод становился на ряду со всеми другими методами, и вопрос о том, почему он лучше других, оставался точно так же нерешенным. Следовательно, вопрос о том, в чем состоит критериум того, чему и как должно учить, получал для меня еще большее значение; только решив его, я мог быть уверен, что то, чему и как я учил, не было ни вредно, ни бесполезно. Вопрос этот как тогда, так и теперь представляется мне краеугольным камнем всей педагогии, и разрешению этого вопроса я посвятил издание педагогического журнала «Ясная Поляна». В нескольких статьях (мне очень приятно было слышать цитаты из них именно потому, что я не отрекаюсь теперь от высказанного тогда) я старался поставить этот вопрос во всей его значительности и, сколько умел, старался разрешить его. В то время я не нашел в педагогической литературе не только сочувствия, не нашел даже и противоречий, но совершеннейшее равнодушие к поставленному мною вопросу. Были нападки на некото-

рые подробности, мелочи, но самый вопрос, очевидно, никого не интересовал. Я тогда был молод, и это равнодушие огорчало меня. Я не понимал, что я с своим вопросом: почем вы знаете, чему и как учить? — был подобен тому человеку, который бы, положим, хоть в собрании турецких пашей, обсуждающих вопрос о том, как бы побольше с народа собрать податей, предложил бы им следующее: «Гг., чтобы знать, с кого сколько податей, надо разобрать вопрос: на чем основано наше право взимания?» Очевидно, все паши продолжали бы свое обсуждение о мерах взыскания и только молчанием отозвались бы на неуместный вопрос. Но обойти вопрос нельзя. 15 лет тому назад на него не обратили внимания, и педагоги каждой школы, уверенные, что все остальные врут, а они правы, преспокойно предписывали свои законы, основывая свои положения на философии весьма сомнительного свойства, которую они подкладывали под свои теорийки.

А между прочим вопрос этот совсем не так труден, если мы только совершенно отрешимся от предвзятых теорий. Я пытался разъяснить и разрешить этот вопрос и, не повторяя тех доводов, которые желающий может прочесть в статье,которую приводил г. Рохманинов, я выскажу результаты, к которым я был приведен. «Единственный критериум педагогии есть свобода, единственный метод есть опыт». И я после 15-ти лет ни на волос не изменил своего мнения, но считаю нужным с бóльшею определенностью изложить то, что̀ я разумею под этими словами относительно не только вообще образования, но и частного вопроса народного образования в первоначальной школе. Лет 100 тому назад ни в Европе, ни у нас вопрос о том, чему и как учить, не мог иметь места. Образование было неразрывно связано с религией. Учиться грамоте значило учиться священному писанию. В магометанских населениях до сих пор существует еще во всей силе эта связь между грамотой и религией. Учиться — значит учить Коран и потому арабский язык. Но как скоро критериумом того, чему нужно учить, перестала быть религия, и школа стала независима от нее, вопрос этот должен был явиться. Но он не явился потому, что школа не вдруг, а незаметными шагами освобождалась от зависимости от религии. Теперь всеми признано, и совершенно справедливо, по моему мнению, что религия не может служить ни содержанием, ни указанием метода образования, но что образование

имеет своим основанием другие требования. В чем же состоят эти требования, — на чем они основаны? Для того, чтобы эти основания были несомненны, необходимо: или чтобы они философски несомненно были доказаны, или чтобы, по крайней мере, все образованные люди были в них согласны. Так ли это? В том, что в философии не найдены те основы, на которых может строиться определение того, чему нужно учить, не может быть никакого сомнения, тем более что самое дело это не есть отвлеченное, а практическое, зависящее от бесчисленных жизненных условий. Еще менее можно найти эти основы в общем согласии всех людей, занимающихся этим делом, в согласии, которое бы мы могли принять за практическое основание, как выражение здравого смысла всех. Не только в деле народного, но и в деле высшего образования мы видим полнейшее разногласие между лучшими представителями образования, как, например, в вопросе о классицизме и реализме. И, несмотря на отсутствие основ, мы видим однако, что образование идет своим путем и в общей массе руководствуется только одним принципом, именно свободой. Рядом существуют классическая и реальная школа, из которых каждая готова считать себя единственною настоящею школою, и обе удовлетворяют потребности, так как родители отдают своих детей и в ту, и в другую.

В народной школе точно так же право это определять то, чему надо учиться, с какой бы стороны мы ни рассматривали этот вопрос, принадлежит народу, т. е. или самим ученикам, или родителям, посылающим детей в школу, и потому ответ на вопрос, чему учить детей в народной школе, мы можем получить только от народа. Но мы скажем, может быть, что нам, высокообразованным людям, не следует покоряться требованиям грубого народа, нам надо учить народ, чего ему желать. Так думают многие, но на это могу сказать только одно: дайте твердое, несомненное основание, почему то или другое избрано вами; покажите мне такое общество, в котором бы не было двух диаметрально противуположных воззрений на образование между высоко образованными, где бы не повторялось постоянно, что если попало образование в руки духовенства — народ образовывают в одном духе, если образование в руках прогрессистов — народ образовывают в другом духе; покажите мне такое общество, в котором бы этого не было, — и я соглашусь с вами. До тех же пор, — пока этого нет, нет другого критериума,

как свобода учащегося, причем на место учащихся детей в деле народной школы становятся их родители, т. е. требования народа. Требования эти не только определенны, совершенно ясны, везде по всей России одинаковы, но они так разумны и так широки, что включают в себе все самые разнородные требования людей, спорящих о том, чему нужно учить народ. Требования эти следующие: знание русской и славянской грамоты и счет. Народ везде одинаково и несомненно и исключительно определяет для своего образования эту программу и всегда и везде ею удовлетворяется, — всякие же естественные истории, географии и истории (кроме священной), всякое наглядное обучение, народ везде и всегда считает бесполезными пустяками. Программа замечательна не одним единомыслием и твердой определенностью, но, по моему мнению, широтою своих требований и верностью взгляда. Народ допускает две области знания, самые точные и не подверженные колебаниям от различных взглядов, — языки и математику, а всё остальное считает пустяками. Я думаю, что народ совершенно прав. Во-первых, потому, что в этих знаниях не может быть полузнания, фальши, которых он терпеть не может. Во-вторых, потому, что область обоих этих знаний огромна. Русская и славянская грамота и счет, т. е. знание одного мертвого и своего живого языка с их этимологическими и синтаксическими формами и литературой, и арифметика, т. е. основание всей математики, составляют программу знаний, которыми, к несчастию, обладают очень редкие люди из образованного сословия. В-третьих, народ прав потому, что по этой его программе он будет обучаться в первоначальной школе только тому, что̀ откроет ему все дальнейшие пути знания; ибо очевидно, что основательное знание двух языков и их форм, и сверх того знание арифметики — открывает вполне пути к самостоятельному приобретению всех других знаний. Народ, как будто чувствуя тот ложный прием, с которым к нему относятся, когда ему предлагают неправильные, несвязные отрывки винигрета разных знаний, отталкивает от себя эту ложь и говорит: «мне одно нужно знать, церковный и свой язык и законы чисел, а те знания, если они понадобятся мне, я сам возьму». Итак, если допустить критериумом того, чему учить, свободу, то программа народных училищ до тех пор, пока народ не заявил новых требований, ясно и твердо определяется. Славянский, русский язык и арифметика, до

высшей возможной степени, и *ничего*, кроме этого. Это есть определение пределов программы народной школы, при котором однако же никак нельзя сказать, чтобы требовалось ведение этих трех предметов равномерно. При такой программе, конечно, желательно бы было достижение и равномерных успехов по всем трем предметам; но нельзя сказать, чтобы преобладание одного предмета над другим было бы вредно. Задача состоит только в том, чтобы не выходить из пределов программы. Может случиться, что по требованиям родителей, и в особенности по знаниям учителя, выдастся особенно один предмет: у церковнослужителя — славянский язык, у учителя из уездного училища — или русский язык, или арифметика; во всех этих случаях требования народа будут удовлетворены, и преподавание не отступит от своего основного критериума.

Вторая сторона вопроса — как учить, т. е. как узнать, какой метод наилучший, точно так же осталась и остается нерешенною.

Как в первой стороне вопроса: чему учить? — предположение, что на основании рассуждений можно основывать программу учения, приводит к противоречащим одна другой школам, — точно то же можно видеть и в вопросе: как учить? Возьмем самую первую ступень обучения грамоте. Один утверждает, что легче всего по карточкам; другой — по *бъ въ*; третий — по Корфу; четвертый — по бе, ве, ге и т. под. На последнем заседании кто-то из гг. членов говорил, что келейницы-девушки выучивают читать по *буки-аз — ба* в шесть недель. И каждый учитель, убежденный в превосходстве своего способа, доказывает это превосходство или тем, что он скорее других выучивает, или рассуждениями в роде тех, которые приводят г. Бунаков и немецкие педагоги. В настоящее время, когда есть сотни приемов, надо же точно знать, чем руководствоваться при выборе. Ни теория, ни рассуждения, ни даже самые результаты учения не могут вполне показать этого.

Образование, учение рассматриваются обыкновенно отвлеченно, т. е. рассматривается вопрос о том, как наилучшим и наилегчайшим способом произвести над известным субъектом (один ли это ребенок, или масса детей) известное действие обучения. Взгляд этот совершенно ложен. Всякое образование и учение не может быть рассматриваемо иначе, как известное отношение двух лиц или двух совокупностей лиц, имеющих

целью образование или обучение. Это определение, более общее, чем другие определения, в особенности относится к народному образованию, в котором дело идет об образовании огромного количества лиц и при котором не может быть речи об идеальном образовании. Вообще при народном образовании нельзя ставить вопрос так: как дать наилучшее образование? — всё равно, как нельзя при вопросе о питании народа ставить вопрос: как испечь самый питательный и лучший хлеб? А надо ставить вопрос: как при данных людях, желающих учиться и желающих учить, устроить наилучшее отношение, — или: как из данной решетной муки сделать наилучший хлеб? Следовательно, вопрос: как учить? какой наилучший метод? — есть вопрос о том, какое отношение между учащим и учащимся будет наилучшее?

Никто, вероятно, не станет спорить, что наилучшее отношение между учителем и учениками есть отношение естественности; что противуположное естественному отношению есть отношение принудительности. Если это так, то мерило всех методов состоит в большей или меньшей естественности отношений и потому в меньшем или большем принуждении при учении. Чем с меньшим принуждением учатся дети, тем метод лучше; чем с большим, тем хуже. Я очень рад, что мне не приходится доказывать этой очевидной истины. Все согласны, что так же как при гигиене не может быть полезно употребление каких-нибудь кушаний, лекарств, упражнений, возбуждающих отвращение или боль, так и при учении не может быть необходимости принуждать детей заучивать что-нибудь им скучное и противное, и что если необходимость заставляет принуждать детей, то это доказывает только несовершенство метода. Всякий учивший детей вероятно замечал, что чем хуже сам учитель знает предмет, которому он учит, чем меньше он его любит, тем ему нужнее строгость и принуждение; напротив, чем больше учитель знает и любит предмет, тем естественнее и свободнее его преподавание. В той мысли, что для успешного обучения нужно не принуждение, а возбуждение интереса ученика, согласны все педагоги противной мне школы. Разница между нами только та, что это положение о том, что учение должно возбуждать интерес ребенка, у них затеряно в числе других, противоречащих этому положений о *развитии*, в котором они уверены и к которому принуждают; тогда как я возбуждение интереса в

ученике, наивозможнейшее облегчение и потому непринужденность и естественность учения считаю основным и единственным мерилом хорошего и дурного учения.

Всякое движение вперед педагогики, если мы внимательно рассмотрим историю этого дела, состоит только в бóльшем и бóльшем приближении к естественности отношений между учителем и учениками, в меньшей принудительности и в бóльшей облегченности учения.

Мне делали в старину, и теперь, знаю, сделают возражение, состоящее в том, как найти эту границу свободы, которая должна быть допускаема в школе? На это отвечу, что граница этой свободы сама собой определяется учителем, его знанием, его способностью руководить школой; что свобода эта не может быть предписываема; мера этой свободы есть только результат бóльшего или меньшего знания и таланта учителя. Свобода эта не есть правило, но она служит поверкой при сравнении школ между собой и поверкой при сравнении новых приемов, вводимых в школьное обучение. Та школа, в которой меньше принуждения, лучше той, в которой больше принуждения. Тот прием, который при своем введении в школу не требует усиления дисциплины, хорош; тот же, который требует бóльшей строгости, наверное дурен. Возьмите, например, более или менее свободную школу, такую, каковы мои школы, и попробуйте начать в ней беседы о столе и потолке, или переставлять кубики, — посмотрите, какая каша сделается в школе и как почувствуется необходимость строгостью привести учеников в порядок; попробуйте рассказывать им занимательно историю или задавать задачи, или заставьте одного писать на доске, а других поправлять за ним ошибки, и спустите всех с лавок, — увидите, что все будут заняты, шалостей не будет, и не нужно будет усиливать строгость, и смело можно сказать, что прием хорош.

В своих педагогических статьях я изложил теоретические причины, по которым я нахожу, что только свобода выбора со стороны учащихся того, чему и как учить, может быть основой всякого обучения; на практике же сначала в довольно больших, потом в довольно тесных размерах, я постоянно прилагал эти правила к ведомым мною школам, и результаты всегда были очень хороши, как для учителей, для учеников, так и для выработки новых приемов, — что̀ я смело говорю, так как сотни

посетителей перебывали в Ясно-полянской школе и видели и знали ее (признаюсь, мне было смешно слышать, как г. Протопопов хотел заподозрить г. Морозова (и меня, вероятно) в том, что мы, чтобы спасти свой способ от поражения, подделали обученного мальчика).

Для учителей последствия такого отношения к ученикам были те, что учителя не считали наилучшею ту методу, которую знали, а старались узнать другие методы, старались сближаться с другими учителями, чтобы узнавать их приемы, испытывали новые приемы и, главное, постоянно учились сами. Учитель никогда не позволял себе думать, что в неуспехе виноваты ученики — их леность, шаловливость, тупоумие, глухота, косноязычие,— а твердо знал, что в неуспехе виноват только он, и на каждый недостаток ученика или учеников учитель старался отыскать средство. Для учеников последствия были те, что они охотно учились, всегда просили учителей о зимних вечерних классах и были совершенно свободны в классе — что, по моему убеждению и опыту, есть главное условие успешного хода учения. Между учителями и учениками всегда устанавливались дружеские, естественные отношения, при которых только и возможно учителю узнать вполне своих учеников. Если бы определять по внешнему, первому впечатлению школы различие между церковной, немецкой и моей, то главное различие будет такое: в церковной школе слышно особенное, неестественно-однообразное кричание всех учеников и изредка строгие крики учителя; в немецкой слышен один голос учителя и изредка робкие голоса учеников; в моей — слышны громкие голоса учителей и учеников, почти вместе.

Для приемов обучения последствия были те, что ни один прием обучения не принимался и не откидывался потому, что он нравился или не нравился, а только потому, усвоивался или не усвоивался он учениками без принуждения. Но кроме тех хороших результатов, которые всегда безошибочно получались от приложения моего способа мною самим и всеми (более 20) учителями, которые учили по моему способу (безошибочно я говорю в том смысле, что ни разу у нас не было ни одного ученика, которому бы не далась грамота, как у г. Протопопова), кроме этих результатов, приложение тех начал, о которых я говорил, делало то, что за все эти 15 лет все различные видоизменения, которым подчинялся мой прием обучения, не только

не отдалили его от требований народа, но только более и более сближали с ним. Народ, по крайней мере у нас, знает самый способ и судит о нем, и предпочитает его церковному, чего я не могу сказать о звуковом.

Ученики, как это было в школе г. Протопопова, и как это постоянно повторяется в школах, выучиваются ему сами, вне школы. Я имею два примера матерей, которые сами выучили по этому способу детей. Учителя, переходившие в мои школы из тех, в которых требовалось обучение по звуковому способу, или где обучение шло по церковному, сейчас, испытав мой способ, по собственному произволу бросали прежний, хотя я никогда этого не требовал и не требую. Учителя, не знающие никакого способа, и даже полуграмотные люди — выучиваются моему способу в день или два пребывания в школе. Приемы обучения так просты и естественны для учителей, что для изучения их не требуется особенного подготовления, и что из неокончивших курс семинаристов у меня выходили прекрасные учителя, как сам г. Морозов, учившийся в Москве и поступивший ко мне неокончившим курс в семинарии, плохо грамотным молодым человеком. В школах, веденных по моему методу, учитель не может оставаться неподвижным в знаниях, каким он бывает и должен быть в звуковой школе. Учитель по новой немецкой манере, если он хочет идти вперед и совершенствоваться, должен следить за педагогической литературой, т. е. читать все новые выдумки о разговорах про суслика и о перестановке кубиков. Не думаю, чтобы это подвинуло его в личном образовании. Напротив того, в моей школе, так как предметы преподавания, язык и математика, требуют положительного знания, всякий учитель, подвигая учеников вперед, чувствует потребность самому учиться, что̀ постоянно и повторялось со всеми бывшими у меня учителями.

Кроме того, и самые приемы обучения, так как они не раз на всегда закреплены, а стремятся к достижению наилегчайших и наипростейших приемов, видоизменяются и улучшаются по указаниям, которые учитель отыскивает в отношениях учащихся к его преподаванию.

Совсем противоположное этому я вижу в том, что̀, к несчастию, творится в школах немецкой манеры, которые искусственно вводятся у нас в последнее время. Непознание того, что, прежде чем решить, чему и как учить, надо решить вопрос:

почему мы можем это узнать, — привело педагогов в совершеннейший разлад с действительностью, и та пучина, которая чувствовалась 15 лет тому назад между теорией и практикой, теперь дошла до последних пределов. Теперь, когда народ со всех сторон просит образования, а педагогика еще дальше ушла в личные фантазии, раздвоение это дошло до поражающего безобразия.

Этот разлад между требованиями педагогики и действительности обнаруживается особенно резко в последнее время, не только в самом деле обучения, но и в другой очень важной стороне школьного дела, именно в деле администрации школ. Для того, чтобы показать, в каком положении находилось, находится и могло бы находиться это дело, я буду говорить о Крапивенском уезде Тульской губернии, в котором живу, который знаю и который по своему положению составляет тип большинства уездов средней России.

В 1862 году в участке в 10.000 душ, когда я был посредником, было открыто 14 школ, кроме того, существовало школ 10 в том же участке у причетников и в дворах между дворниками. В других трех участках уезда, сколько мне известно, существовало 15 больших и 30 мелких у причетников и дворников. Не говоря ни о количестве учащихся, которых было, я полагаю, в общем не менее того, которое числится теперь, ни о самом учении, которое было частию плохо, частию хорошо, но в общем не хуже теперешнего, я скажу о том, как и на чем тогда было основано это дело. Школы все тогда, за самым малым исключением, были основаны на свободном договоре учителя или с родителями учеников, платившими помесячно за учение, или на уговоре учителя со всем обществом крестьян, плативших огульно за всех. Такое отношение между родителями или обществами и учителями встречается и теперь еще в некоторых, очень редких местах нашего уезда и вообще губернии. Всякий согласится, что, оставив в стороне вопрос о качестве учения, такое отношение учителя к родителям и крестьянам есть самое справедливое, натуральное и желательное. Но со введением положения 1864 года это отношение уничтожилось и всё более и более уничтожается. И всякий, знающий это дело в действительности, заметит, что с уничтожением этого отношения народ всё менее и менее принимает участие в деле своего образования, — что̀ и весьма естественно. В некоторых земствах даже сбор крестьян

на школы обращен в земский сбор, и жалованье, назначение учителей, размещение школ, всё это делается совершенно независимо от тех, для кого это делается (в теории крестьяне, без сомнения, суть члены земства, но в практике этим посредственным путем они не имеют уже никакого влияния на свои школы). Чтобы это было справедливо, — вероятно никто не станет утверждать; но скажут: безграмотные крестьяне не могут судить, что̀ хорошо, что̀ дурно, и мы должны устроить для них, как мы знаем. Но почем мы знаем? Твердо ли мы знаем, все ли мы одного мнения, как устроить? И не выходит ли иногда очень дурно, — так как мы устроивали иногда гораздо хуже, нем как они сами устроивали? Так что по отношению к административной стороне школьного дела мне приходится опять поставить, на том же основании свободы, 3-й вопрос: почему мы знаем, как лучше устраивать школы, распределять их? На этот вопрос немецкая педагогия дает совершенно последовательный для своей системы ответ. Она знает, какая наилучшая школа, она составила себе ясный, определенный идеал до малейших подробностей, до здания, лавок, часов учения и т. д., и дает ответ: школа должна быть такая-то, по этому образцу, — она одна хорошая, и все другие вредны. Я знаю, что, хотя желание Генриха IV дать суп с курицей каждому французу было неосуществимо, нельзя было сказать, что желание это ложно. Но совсем в другое положение становится дело, когда этот суп еще очень сомнительного свойства и не есть суп с курицей, но непитательная болтушка. А между тем так называемая наука педагогика в этом деле неразрывно связана с властью; и в Германии, и у нас предписываются такие-то идеальные одноклассные, двух-классные и т. д. училища; и педагогическая, и административная власть знать не хочет того, как народ желал бы сам устроить свое образование. Посмотрим же, как в действительности отразился на школьном деле такой взгляд на народное образование.

Начиная с 1862 года в народе у нас всё больше и больше стала укрепляться мысль о том, что нужна грамота (образование); с разных сторон, у церковно-служителей, у наемных учителей, при обществах учреждались школы. Дурные или хорошие школы, — но они были самородные и вырастали прямо из потребности народа; со введением положения 1864 года настроение это еще усилилось, и в 1870-м году в Крапи-

венском уезде по отчетам было до 60 школ. С тех пор как в заведывание школьного дела стали влипать более и более чиновники министерства и члены земств, в Крапивенском уезде закрыто 40 школ и запрещено открывать новые школы низшего разбора. Я знаю, что те, которые закрыли школы, утверждают, что школы эти существовали только номинально и были очень дурны; но я не могу верить этому потому, что из трех деревень: Тросны, Ламинцова и Ясной поляны, мне известны хорошо обученные грамоте ученики, а школы эти закрыты. Я знаю тоже, что многим покажется непонятным, что̀ такое значит: воспрещено открывать школы. Это значит то, что на основании циркуляра министерства просвещения о том, чтобы не допускать учителей ненадежных (что̀, вероятно, относилось к нигилистам), училищный совет наложил запрещение на мелкие школы, у дьячков, солдат и т. п., которые крестьяне сами открывали и которые, вероятно, не подходят под мысль циркуляра. Но существуют за то 20 школ с учителями, которые предполагаются хорошими, потому что получают по 200 рублей сер. жалованья; и земством разосланы книги Ушинского, и школы эти называются одноклассными, в них учат по программе и учат круглый год, т. е. и летом, за исключением июля и августа.

Отрешившись от вопроса о самом качестве прежних школ, посмотрим на административную их сторону и сравним с этой стороной, что̀ было, с тем, что̀ делается теперь. В административной внешней стороне школьного дела есть 5 главных предметов, так тесно связанных с самим школьным делом, что от хорошего или дурного их устройства зависит в большой степени успех и распространение народного образования. Эти 5 предметов следующие: 1) школьное помещение; 2) распределение времени учения; 3) распределение школ по местностям; 4) выбор учителя и 5) главное — материальные средства — вознаграждение учителей.

По вопросу о помещении — народ, когда он сам для себя устроивает школу, редко затрудняется, и если общество богато и есть какое-нибудь общественное строение, хлебный магазин, опустевший кабак, общество отделывает его; если нет, оно покупает, иногда даже у помещика, иногда и само строит. Если общество небогато и невелико, то оно нанимает помещение у мужика, или даже устанавливает черед, так что учитель переходит из избы в избу. Если общество, как оно большею частию

делает, избирает учителем кого-нибудь из своей среды, дворового, солдата, церковнослужителя, то школа помещается в доме этих лиц, и общество берет на себя только отопление. Во всяком случае мне никогда не приходилось слышать, чтобы вопрос о помещении школы когда-нибудь затруднял общество, и чтобы не только половина всей суммы, назначенной на ученье, тратилась, как это делается училищными советами, на постройки, но даже чтобы тратилась $^1/_6$ или $^1/_{10}$ часть всей суммы. Так или иначе устраивались крестьянские общества, но вопрос о помещении никогда не считался затруднительным. Только под влиянием высшего начальства встречаются примеры того, что общества строят каменные дома под железо для школ. Крестьяне полагают, что школа не в строении, а в учителе, и что школа не должна быть постоянным учреждением, а как скоро выучатся родители, то следующее поколение и без школы будет грамотное. Земско-министерское же ведомство везде предполагает, — так как для него вся задача состоит в том, чтобы ревизовать и классифицировать, — что главное основание школы есть здание, что школа есть устройство перманентное, и потому, сколько мне известно, тратит теперь около половины денег на постройки, и пустые школы записывает в списки школ 3-го разряда. В Крапивенском земстве из 2.000 руб. на постройки тратится 700 руб. Земско-министерское ведомство не может признать того, чтобы учитель (тот учитель, образованный педагог, который предполагается для народа) мог унизиться до того, чтобы, как портной, ходить из избы в избу, или учить в курной избе. Но народ ничего не предполагает, а знает только то, что на свои денежки он может нанимать кого хочет, и если хозяева-нанимати живут в курных избах, то и наемнику-учителю не пристало этим брезгать.

По второму вопросу, о распределении школьного времени, народ всегда и везде неизменно заявляет одно требование: это то, чтобы учение шло *только зимою*.

Везде одинаково родители с весны перестают посылать своих детей, и дети, остающиеся в школе, около $^1/_4$ или $^1/_5$ части, — мелкота или дети богатых родителей, — ходят неохотно. Когда народ сам нанимает учителя, он всегда нанимает его помесячно на зимние месяцы. Земско-министерское ведомство предполагает, что, как в учебных заведениях заведено 2 месяца вакации, то так же должно быть и в одноклассном сельском училище.

С точки зрения земско-министерской это совершенно резонно: дети не забудут ученья, учитель обеспечен на весь год, и ревизорам удобно летом ездить по школам; но народ этого ничего не знает, а здравый смысл его говорит ему, что зимой дети спят по 10 часов, поэтому головы их свежи, что зимою забав и работ для детей нет, и если зимой учить подольше, захватывая вечера, на что нужно в зиму в $1^1/_2$ руб. лампу и на столько же керосина, то учения будет довольно. Не говоря уже о том, что летом всякий мальчик мужику нужен, и что летом идет ему жизненное учение, которое важнее школьного. Народ говорит, что за год платить нам учителю не за что, лучше мы прибавим ему за зимние месяцы, ему будет лестнее. И мы скорее найдем учителя за 25 руб. в месяц на семь месяцев, чем за 12 руб. в месяц на весь год. А на лето учитель наймется в другое место.

По третьему вопросу, о распределении школ по местностям, распоряжения народа в особенности отличаются от распоряжения училищного совета. Во-первых, распределение школ, т. е. больше или меньше их распространено в известной местности, всегда (когда народ сам распоряжается) зависит от всего характера населения. Где народ больше занимается промыслом, ходит на заработки, где ближе к городам, где ему нужнее грамота, там и больше школ; где местность более глухая, земледельческая, там их меньше. Во-вторых, когда народ сам распоряжается, он распределяет школы так, чтобы каждый родитель имел возможность пользоваться школою за свои деньги, т. е. посылать в нее своих детей. Крестьяне маленьких, не отдаленных деревень, в 40—30 душ, каких наберется бо́льшая половина всего населения, предпочитают иметь дешевенького учителя у себя в деревне, чем дорогого в центре волости, куда их дети не могут ходить и ездить. От этого распределения школ самые школы, устраиваемые крестьянами, правда, отдаляются от требуемого образца школы, но за то получают самые разнообразные формы, подделывающиеся повсюду к местным условиям. Тут церковнослужитель учит из соседней деревни 8 мальчиков в своей квартире по 50 коп. в месяц. Тут маленькая деревня наняла солдата за 8 рублей в зиму, и он ходит по дворам. Здесь богатый дворник нанял к своим детям учителя за 5 руб. и харчи, и соседние крестьяне пристроились к ним, приплачивая учителю по 2 руб. за мальчика. Там большая деревня, или тесно сидящая волость собрала по 15 коп. с души и с 1.200 душ

наняла учителя за 180 руб. в зиму. Там священник учит, получая в вознаграждение иногда деньги, иногда помощь работой, иногда и то и другое. Главное различие в этом отношении взгляда крестьян от взгляда земства состоит в том, что крестьяне, по местным условиям, более или менее им выгодным, устраивают лучшего или худшего качества школы, но так, что нет ни одной местности, которая бы так или иначе не могла устроить у себя учение, тогда как при земском устройстве бо́льшая половина населения остается вне всякой возможности в каком бы то ни было *дальнем будущем* воспользоваться образованием. В отношении мелких деревень, составляющих везде половину населения, земско-министерское ведомство действует весьма решительно. Оно говорит: мы учреждаем школу там, где есть помещение и где крестьяне с волости собрали столько денег, чтобы держать учителя в 200 руб. Мы добавляем от земства сколько недостает, и школа вносится в списки, а деревни, которые отдалены от школы, могут возить своих детей, если хотят. Разумеется, крестьяне не возят, потому что далеко, а платят. Так, в Ясенецкой волости все платят за 3 школы, но пользуются школами 3 деревни в 450 душ, а всех душ 3.000, так что пользуется школами одна седьмая населения, а платят все. В Чермошенской волости 900 душ, и есть школа, но в школе учатся только до 30 учеников, так как все деревни волости разбросаны. На 900 душ должно быть около 400 учащихся. А между прочим и в Ясенецкой, и в Чермошенской волости дело распределения школ уже считается удовлетворительно поконченным.

По отношению к выбору учителя народ тоже руководствуется совершенно другими взглядами, чем земство. Народ, избирая учителя, по-своему смотрит и ценит его достоинства, как учителя. Если учитель побывал в околодке, и народ знает, какие были результаты его учения, — он ценит его по этим результатам, как хорошего или дурного учителя; но, помимо учительских качеств, народ смотрит на то, чтобы учитель был человек близкий к мужику, умеющий понимать его жизнь и говорить русским языком, и потому всегда предпочтет сельского городскому учителю. Но при этом народ не имеет никаких пристрастий или антипатий к какому бы то ни было классу: дворянин, чиновник, мещанин, солдат, дьячок, священник — всё равно, только бы был человек простой и русский. Поэтому крестьяне

и не имеют никакого повода исключать церковнослужителей из учителей, как это делают земства. Земства выбирают учителей из чужих людей, выписывают из городов, народ же приискивает их в своей среде. Главное же различие в этом отношении между взглядом обществ и земства состоит в том, что у земства есть один тип, — учитель, слушавший педагогические курсы, кончивший курс семинарии или училища, в 200 руб. У народа, который не исключает и этого учителя и ценит его, если он хорош, есть градации всех возможных учителей. Кроме того, у бо́льшей части училищных советов есть определенные любимые типы учителей, и большею частию типы, чуждые народу и чуждые народа, и есть нелюбимые типы. Так, очевидно, любимый тип многих уездов Тульской губернии есть учительницы. Нелюбимый же тип есть церковнослужители, и во всем Тульском уезде и Крапивенском нет ни одной школы с учителем из духовных лиц, что́ в административном отношении очень замечательно. В Крапивенском уезде 50 приходов. Церковнослужители суть самые дешевые учителя, так как имеют оседлость и большею частию могут учить в своем доме с помощью жены, дочерей, — и они-то, как нарочно, все обойдены, как будто они самые вредные люди.

По отношению к вознаграждению учителей отличие взгляда народа от взгляда земства уже почти всё высказано в предыдущем. Оно состоит: 1) в том, что народ берет себе учителя по средствам и признает и знает по опыту, что учителя есть на все цены: от двух пудов муки в месяц до 30 руб. в месяц; 2) что учителя надо вознаграждать только за зимние месяцы, те, в которые может быть ученье; 3) что народ как в устройстве помещения, так и при вознаграждении учителя, всегда умеет найти дешевый путь вознаграждения: он дает муку, сено, подводы, яйца и различные мелочи, незаметные для мира, но улучшающие положение учителя; 4) главное то, что учителю платят и прибавляют — или родители учеников помесячно, или всё общество, пользующееся выгодами школы, а не незаинтересованная прямо в этом деле администрация.

Земско-министерское ведомство в этом отношении и не может поступать иначе, как оно поступает. Норма жалованья для образцового учителя дана, следовательно нужно собрать как бы то ни было эти средства. Например, предполагается обществом учредить школу, — волость дает известное количество копеек

с души. Земство соображает, сколько прибавить. Нет требований других школ, — оно дает больше, иногда вдвое того, что дало общество; иногда, если все деньги распределены, дает меньше или вовсе отказывает. Так, в Крапивенском уезде есть общество, дающее 90 рублей и земство к ним приплачивает 300 руб. на школу с помощником; и есть другое общество, дающее 250 руб., и земство приплачивает 50 руб., и третье общество, которое предлагает 56 руб., и земство отказывает ему в прибавке и в открытии школы, так как этих денег недостаточно для нормальной школы, а деньги уже распределены. Итак, главные различия в административном отношении взгляда народа и земства следующие: 1) Земство обращает большое внимание на помещение и тратит на него большие деньги; — народ обходит эти затруднения домашними экономическими средствами и смотрит на школы грамотности, как на преходящие, временные учреждения; 2) Земско-министерское ведомство требует ученья круглый год, за исключением июля и августа, и нигде не вводит вечерних классов; — народ требует ученья только зимою и любит вечерние классы; 3) Земско-министерское ведомство имеет определенный тип учителей, ниже которого оно не признает школы, и имеет отвращение к церковникам и вообще местным грамотеям; — народ никакой нормы не признает и избирает учителей преимущественно из жителей местных; 4) Земско-министерское ведомство распределяет школы случайно, т. е. руководствуясь тем только, чтобы могло составиться нормальное училище, и не заботится о той бо́льшей половине населения, которая при этом распределении остается вне школьного образования; — народ не признает не только определенной внешней формы школы, а самыми разнообразными путями приобретает себе на всякие средства учителей, устраивает школы худшие и дешевые на маленькие средства, хорошие и дорогие на большие средства и при этом преимущественно обращает внимание на то, чтобы все местности пользовались на свои деньги ученьем; 5) Земско-министерское ведомство определяет одну меру вознаграждения, довольно высокую, и произвольно увеличивает прибавку от земства; — народ требует наивозможнейшей экономии и распределяет вознаграждение так, чтобы оно платилось прямо теми, чьи дети учатся.

Кажется, излишне распространяться о том, в какой мере ясно выражается в этих требованиях здравый смысл народа, в

противуположность тому искусственному устройству, в которое при самом его нарождении уже пытаются заковать дело народного образования. Но кроме этого, чувство справедливости невольно возмущается против такого порядка вещей. Посмотрите, что̀ собственно делается. Народ почувствовал потребность образования и начал действовать к достижению своей цели. Кроме всех налогов, которые он платит, он наложил сам на себя налог для образования, т. е. стал нанимать учителей. Что же мы сделали? «А, ты платишь еще, — сказали мы.—Постой же, ты глуп, груб. Давай деньги, мы тебе устроим это лучше».

Народ отдал деньги (как я говорил, во многих земствах сбор на училища прямо обратили в налог). Взялѝ деньги и устроили ему образование.

Я не повторяю о том, что устроено образование искусственное, но как устроили самое дело? В Крапивенском уезде 40.000 душ, считая и девочек, по по̀следней ревизии. На 40.000 душ, по таблице Буняковского распределения 10.000 православного населения по возрастам за 1862 г., мужского пола от 6 до 14 лет должно быть 1.834, женского пола — 1.989; итого 3.823 на 10.000. По моим же наблюдениям — более этого, вероятно, о̀т прибыли населения, так что среднее число учащегося населения смело можно положить в 4.000. В школе средним числом бывает в больших центрах 60 учащихся, в малых же центрах от 10 до 25. Для того чтобы все учились, нужны школы в бо̀льшей половине населения в малых центрах по 10, 15 и 20 учеников, так что норма училища, по моему мнению, не более 30 человек. Сколько же нужно училищ на 16.000? — 16.000 делим на 30 = 530 училищ. Положим, что хотя при открытии школ поступят все ученики от 7 до 15-летнего возраста, но что не все они будут ходить в продолжение всех 8-ми лет; скинем со счетов $^1/_4$ часть, т. е. 130 училищ и, следовательно, 4.200 учащихся. Положим, школ 400. Устроено только 20 училищ. Земство дает 2.000 руб., прибавило 1.000, стало 3.000. С крестьян собирается, с некоторых по 15 к. с души, около 4.000. На постройки училищ идет 700 руб., на педагогические курсы в один год издержано 1.200 руб. Но положим, что земство будет действовать совершенно просто и разумно, не тратя на курсы ѝ другие пустяки; положим, что со всех крестьян будет собирать по 15 к. нового училищного налога; какая же будущность этого

дела? С крестьян 6.000, с земства 3.000, итого 9.000. Положим, что прибавится еще 10 школ. 9.000 только в обрез достанет на поддержание этих школ, и то только в том случае, если училищный совет будет действовать в высшей степени разумно и экономно. Следовательно при земской администрации 30 школ на 40.000 душ есть высший предел того, до чего может достигнуть распространение школьного дела в уезде. И этого предела может достигнуть школьное дело только в том случае, если все крестьяне наложат на себя налог в 15 к. с души, что̀ весьма сомнительно, если распоряжение этими деньгами будет в руках не крестьян, а земства. Я не говорю о возможной со стороны земства прибавке к 3.000, потому что и эта прибавка в 3.000 рублей частью лежит на тех же крестьянах, с другой стороны, ничем не обеспечена и составляет совершенно случайное средство. Итак, чтобы привести дело народного образования в то положение, в котором оно должно быть, т. е. чтобы на 40.000 душ было 400 училищ, и чтобы школы не были игрушкой, а отвечали на действительную потребность народа, нет другого выхода, как наложить на крестьян не 15 к., а 3 р. с души, с тем чтобы составилась та необходимая сумма в 300 руб. на училище. Да и тогда я не вижу причины, почему устроилось бы столько школ, сколько нужно. Разве мы не видим, что теперь, когда самое простое арифметическое вычисление показывает, что одно средство для преуспевания школ есть упрощение приемов, простота, дешевизна устройства школы, педагоги, как будто на пари, выдумывают, как бы потруднее, посложнее, подороже (и не могу не прибавить — похуже) придумать обучение? У гг. Бунакова и Евтушевского я насчитал на 300 руб. учебных пособий, по их понятию, совершенно необходимых для устройства первоначальной школы. А в педагогических кружках только и речи, чтобы готовить в семинариях учителей, таких усовершенствованных, что его и за 400 руб. не наймешь в деревню. На том пути усовершенствований, на каком стоит педагогия, для меня совершенно очевидно, что еслибы собрали с уезда 120.000 руб., педагоги нашли бы им место и в 20 училищах, с подвинчивающимися столами, семинариями для учителей и т. п. Разве мы не видели, что в Крапивенском уезде закрыли 40 школ, и те, которые закрыли, вполне уверены, что они подвинули этим школьное дело, так как у них теперь 20 школ *хороших*? И замечательнее всего, что те, кто заявляет эти требования,

нимало не заботятся ни о том, нужно ли это тому народу, для которого они всё это готовят, ни еще менее, кто за это будет платить? Но земства так затуманены всеми этими требованиями, что не видят простого расчета и простой справедливости. Точно человек попросил бы меня купить для него в городе 2 пуда муки на месяц, а я бы на этот рубль купил ему коробку вонючих конфект и еще упрекал бы его в невежестве за то, что он недоволен.

Следуя своему правилу, что критика должна указывать на то, каким должно быть то, что̀ нехорошо, постараюсь указать на то, как должно бы быть устроено школьное дело, для того чтобы оно не было игрушкой и имело будущность. Ответ — тот же, как и на первые два вопроса, — свобода. Нужно предоставить народу свободу устраивать свои школы, как он хочет, и вмешиваться в самое дело устройства школ как можно меньше. Только при таком взгляде на дело уничтожатся тотчас главные препятствия к распространению школ, которые казались непреодолимыми. Главные препятствия — *недостаточность средств и невозможность увеличить их.* На первое народ отвечает тем, что он употребляет всевозможные меры, чтобы школы обходились дешево; на второе народ отвечает, что средства всегда найдутся, был бы он сам хозяин, а только на заведение того, чего ему не нужно, прибавлять средств он не согласен. Существенное различие взгляда народа и взгляда земско-министерского ведомства состоит в следующем: 1) По мнению народа, нет никакой одной определенной нормы и формы школы, вне и ниже которой школа уже непризнаваема, как это предполагает земско-министерское ведомство; школа может быть всякая: и самая лучшая, дорогая, и самая плохенькая, дешевая; но и в самой плохенькой можно научиться грамоте и пользоваться ею, и как на богатый приход назначают получше попа и церковь строят побогаче, так и на богатое село можно получше устроить школу, а на бедное похуже; но как молиться можно одинаково и в богатом и в бедном приходе, так точно и учиться. 2) Народ считает для своего образования первым необходимым условием равномерное, по всем одинаковое разлитие образования, хотя в самой низшей степени, а потом уже предполагает дальнейшее, опять же равномерное поднятие образования. Земско-же-министерское ведомство как будто считает нужным дать некоторым счастливцам избранным, $^1/_{20}$ всех, образование,

как образчик того, как оно хорошо. 3) Различие то, что земско-министерское ведомство, или не умея, или нарочно не желая считать, подняло всё школьное дело на такую высокую, дорогую, совсем чуждую народу ступень, что при той высокой цене, в которую обходится образование, не предвидится никакого выхода из этого положения, и число учащихся никогда не может увеличиться; народ же, умея считать и заинтересованный в этом счете, вероятно, уже давно сделал тот расчет, про который я говорил, и ясно как день видит, что эти дорогие школы, обходящиеся рублей по 400 на каждую, хотя, может быть, и хороши, но не те, какие ему нужны, и всеми средствами старается уменьшить расходы своих школ.

Как же поступить, что же делать земствам теперь для того, чтобы дело это не было игрушкой и забавой, а имело будущность? — Сообразоваться с требованиями народа и сколь возможно более удешевлять, освобождать формы школы и предоставлять обществам наибольшую власть в устройстве школ.

Для этого нужно, чтобы земства отказались совершенно от распределения сборов на училища и распределения училищ по местностям, а предоставили бы это распределение самим крестьянам. Определение платы учителю, наем, покупка или постройка дома, выбор места и самого учителя — всё это должно быть вполне предоставлено крестьянам. Земство, т. е. училищный совет должен только просить общества сообщить ему о том, где и на каких основаниях устроены училища, и не с тем, чтобы, узнавши, запрещать эти школы, как это делается теперь, но с тем, чтобы, узнавши про условия существования училища, прибавлять (если условия эти согласны с требованиями совета) от земства в пособие основавшемуся училищу известную, раз определенную долю того, сколько училище стоит обществу: половину, треть, четверть, смотря по количеству училищ и средствам и желанию земства. Так, напр., одна деревня в 20 душ нанимает прохожего на зиму за два рубля в месяц учить ребят. Училищный совет, т. е. доверенное от него лицо, о котором скажу после, получив о том сведение, выписывает прохожего к себе, расспрашивает его, что он знает, как учит, и если только прохожий хоть немного грамотен и ничего зловредного не представляет, назначает ему в прибавку ту долю, которая определена земством: половину, или треть или четверть. Точно так же училищный совет поступает и в отношении

священно-церковно-служителя, нанятого обществом за 5 рублей в месяц, или учителя, нанятого за 15 руб. в месяц. Само собою разумеется, что так поступает училищный совет в отношении тех учителей, которых общества нанимают сами; но если общества обращаются к училищному совету, то он рекомендует им учителей на тех же условиях. Но при этом земство не должно забывать, что учителя не должны быть, как теперь, только в 200 руб.; училищный совет должен быть адресной конторой для учителя всякого рода и всяких цен, от одного рубля до 30 рублей в месяц. На постройки училищный совет ничего не тратит и ничего не прибавляет, так как это один из самых непроизводительных расходов. Но земство не должно брезгать, как это делается теперь, дешевыми учителями в 2, 3, 4, 5 рублей в месяц и помещениями в курных избах или переходными помещениями по дворам. Земство должно помнить, что первообраз училища, тот идеал, к которому должно стремиться, не есть каменный дом, железом крытый, с досками и партами, какие мы видим в образцовых училищах, а та самая изба, в которой мужик живет, с теми лавками и столами, на которых он обедает, — и не учитель в сюртуке и учительница в шиньоне, а учитель в кафтане и рубахе, или понёве и платке на голове, и не с сотней учеников, а с 5, 6 до 10. Земство не должно иметь пристрастий или антипатий к известным типам учителей, как это делается теперь. Теперь, например, в Тульском земстве есть пристрастие к типу учительниц из гимназий и духовных училищ, и бо́льшая часть училищ в Тульском уезде заведуются ими. В Крапивенском уезде есть странная антипатия к учителям из духовенства, так что на уезд, в котором до 50 приходов, нет ни одного учителя из церковно-служителей. Земство при предложении учителей должно руководствоваться двумя главными соображениями: во-первых, чтобы учитель был как можно дешевле; во-вторых, чтобы он по своему воспитанию как можно ближе стоял к народу. Только благодаря противуположному взгляду на дело можно объяснить себе то, напр., непонятное явление, что в Крапивенском уезде (почти то же во всей губернии и в большинстве губерний) есть 50 приходов и 20 школ, и на все 20 школ нет ни одного учителя священно- или церковно-служителя, тогда как нет прихода, в котором бы не нашлись священник или дьякон, дьячок, их дочери, жены, которые не взяли бы на себя охотно учительское занятие за вчетверо меньшую

плату, чем могут взять учителя или учительницы, из города приезжающие в деревню. Но мне скажут: каковы же будут эти школы с богомольцами, богомолками, пьяными солдатами, выгнанными писарями и дьячками? и какой возможен контроль над такими бесформенными школами? На это отвечу, во-первых, что учителя эти: богомолки, солдаты и дьячки — совсем не так совершенно дурны, как это вообще думают. В моей школьной практике я имел дело часто с учениками этих школ, и некоторые из них знали читать бегло и писать красиво и очень скоро бросали дурные привычки, вынесенные из этих школ. Мы все знаем грамотных мужиков, выученных в таких школах, и нельзя сказать, чтобы грамота эта была бесполезна или вредна. Во-вторых, отвечу, что учителя этого разбора бывают особенно дурны потому, что они совершенно заброшены в глуши и учат без всякой помощи и наставлений, и что теперь нет ни одного человека из старых учителей, который бы не сказал вам с сожалением, что он не знает новых приемов и учился сам на медные деньги, и что весьма многие из них, в особенности церковно-служители из молодых, весьма охотно готовы учиться новым приемам. Эти учителя не должны прямо быть отвергаемы, как абсолютно негодные. Между ними есть и худшие, и лучшие (и я видел из них очень способных). Их нужно сравнивать, выбирать лучших, поощрять, сводить их с другими, лучшими учителями и учить их, — что̀ очень возможно и в чем именно должно состоять дело училищного совета.

Но как же контролировать их, следить за ними, учить их, если их расплодятся сотни по уезду? По моему мнению, дело земства и училищного совета должно состоять только в том, чтобы следить за педагогической стороной дела, и это весьма возможно, если будут приняты следующие меры: в каждом земстве, если оно взяло на себя обязанность распространения или содействия народному образованию, должно быть одно лицо, — будет ли то бесплатный член училищного совета, или человек на жалованьи не менее 1.000 руб., нанятый земством, — одно лицо, заведывающее педагогической стороной дела в уезде. Лицо это должно иметь общее свежее образование в пределах гимназического курса, т. е. основательно знать русский и отчасти славянский язык, основательно знать арифметику и алгебру и быть учителем, т. е. знать практику педагогического дела. Лицо это должно быть свеже-образованное, потому что я замечал, что

очень часто сведения человека, давно кончившего курс даже в университете, не освежавшего свое образование, бывают недостаточны не только для руководства учителей, но даже и для экзамена в сельской школе. Лицо это непременно должно быть учителем в той же самой местности, — для того чтобы в требованиях своих и наставлениях оно постоянно имело в виду тот педагогический материал, с которым имеют дело другие учителя, и поддерживало в себе то живое отношение к действительности, которое есть главное средство против заблуждений и ошибок. Если какое земство не имеет такого человека и не хочет нанять такого, то, по моим понятиям, такому земству делать решительно нечего относительно народного образования, — кроме как давать деньги, потому что всякое вмешательство в административную часть дела (что делается теперь) только вредно.

Этот член земства или нанятый земством образованный человек должен иметь лучшую в уезде образцовую школу с помощником. Кроме ведения этой школы и применения в ней всех новых приемов учения, главный учитель этот должен следить за остальными школами. Школа эта не должна быть образцовою в том смысле, чтобы он вводил в ней всякие кубики и картины, и всякую глупость, которую выдумают немцы, но в том смысле, что в этой школе он над теми же самыми крестьянскими детьми, из которых состоят другие школы, делает опыты наипростейших приемов, таких, которые бы могли быть усвоены большей частью учителей — дьячков, солдат, составляющих большинство в школах. Так как при том устройстве, которое я предлагаю, несомненно образуются в больших центрах большие достаточные школы (как я думаю, в отношении 1 к 20 всех других школ) и в этих больших школах будут учителя на степени образования кончивших курс духовных семинаристов, то главный учитель объезжает все эти большие школы, собирает к себе этих учителей по воскресеньям, указывает им недостатки, предлагает новые приемы, дает советы и книги для их собственного образования и приглашает их по воскресеньям в свою школу. Библиотека главного учителя должна состоять из нескольких экземпляров библии, славянской и русской грамматики, арифметики и алгебры. Главный учитель, насколько у него есть времени, объезжает и мелкие школы и приглашает к себе их учителей; но обязанность следить за мелкими учителями

возлагается на старших учителей, которые точно так же объезжают, каждый в своем округе, эти школы и приглашают учителей к себе в воскресенья и в будни. Земство или платит учителям на разъезды, или при своей приплате к тому, что̀ дают общества, выговаривает от общества подводы для разъездов. Съезды учителей и посещение учителями школ равных и лучших есть одно из главных условий для успешного хода дела, и потому на организацию этих съездов земство должно обратить особенное внимание и не жалеть расходов. Кроме того, в больших школах, где будет более 50-ти учеников, вместо помощников, которые теперь есть в школах, должны из учеников и учениц выбираться более способные к учительской должности и быть помощниками по 2, по 3. Этим помощникам назначается жалованье от 50 к. до 1 руб. в месяц, и учитель отдельно занимается с ними по вечерам, с тем чтобы они не отставали от других. Эти помощники, выбранные из лучших, должны составлять будущих учителей для замены низших в мелких школах. Само собой разумеется, что организация этих съездов учителей мелких и больших школ, и объезды старшего учителя, и образование учителей из помощников-учеников — могут сложиться самыми разнообразными способами; но дело в том, что наблюдение над каким бы то ни было большим количеством школ (хотя бы оно дошло до нормы одной школы на 100 душ) таким образом возможно. При таком устройстве учителя как больших, так и малых школ будут постоянно чувствовать, что труды их оцениваются, что они не зарылись в глушь деревни без выхода, что у них есть товарищи, руководители, и что как в деле обучения, так и в личном своем дальнейшем образовании и улучшении своего положения у них есть пути и выходы. При таком устройстве богомолец или дьячок, который способен учиться, сам будет учиться; тот же, который не способен или не хочет учиться, будет заменен другим. Время учения должно быть, как того желают все мужики, 7 месяцев зимы, и потому жалованье должно определяться помесячно. При таком устройстве, не говоря о быстроте и равномерности распространения образования, выгоды будут состоять в том, что школы оснуются по тем центрам, где необходимость в них чувствуется народом, где они самородно и потому прочно основываются. Там, где характер народа требует образования, — там оно будет прочно. Посмотрите: в городах, между дворниками,

зажиточными крестьянами, так или иначе, но дети выучатся грамоте и никогда не забудут; а в глухой местности, как мы часто видим, помещик оснует школу, дети выучатся прекрасно, но через 10 лет всё забыто, и население такое же безграмотное, как и было прежде. Поэтому-то особенно дороги те центры, большие или малые, где самородно зарождаются школы. Там, где такая школа зародилась, как бы плоха она ни была, она пустит корни, и раньше или позже население будет грамотно. И поэтому надо дорожить этими ростками, а не делать, как сплошь да рядом, — не запрещать потому, что школа не по нашему вкусу, то есть не убивать росток и не втыкать искусственно в другом месте ветку, которая не пойдет. Только при таком устройстве, без учреждения дорогих и искусственных семинарий, выбранные — лучшие из среды учеников и учениц, и образованные в самых школах — составят тот контингент народных дешевых учителей, которые заменят солдат и дьячков и будут вполне удовлетворять всем требованиям народа и образованного сословия. Главная выгода такого устройства та, что только такое устройство даст будущность развитию народного образования, то есть выведет нас из того тупого переулка, в который зашли земства, благодаря дорогим школам и отсутствию новых источников для увеличения их числа. Только когда народ сам будет избирать центры для школ, сам выбирать учителей, определять размер вознаграждения и непосредственно пользоваться выгодой школы, только тогда он и прибавит средств на школу, если это понадобится. Я знаю общества, которые платили по 50 коп. с души на школу в своей деревне. Но платить на школу с волости по 15 коп. уже трудно заставить крестьянина, когда не все пользуются школой. На весь уезд, на земство крестьяне не прибавят и копейки, потому что чувствуют, что не будут пользоваться выгодами за свои деньги. Только при таком устройстве очень скоро найдутся те средства для хорошего содержания и всех школ, по 1-й на 100 душ, которые, кажется, так невозможно найти при теперешнем устройстве. Кроме того, при том устройстве, которое я предлагаю, интересы крестьянских обществ и земства, как представителя интеллигенции местности, будут неразрывно связаны. Земство дает, положим, третью часть того, что дают крестьяне. Давая эти деньги, оно, очевидно, тем или другим путем будет заботиться о том, чтобы деньги не пошли тунью, и следовательно,

следить и за теми деньгами, $^2/_3$ которых даны крестьянским обществом. Земство, выдавая деньги, знает также, что общество действительно хочет школы, так как оно дало деньги. Крестьянское общество видит, что земство дает свою часть, и потому верит и признает право земства следить за ходом ученья. И вместе с тем наглядно видит то различие, которое существует между школой, содержащейся на дешевые и содержащейся на более дорогие средства, и избирает ту, какая ему нужна или возможна по его средствам.

Возьму опять известный мне Крапивенский уезд, для того чтобы показать, какое различие от существующего может дать предлагаемое устройство. Что при разрешении народу открывать школы, где и какие он хочет, явится тотчас же вновь очень много школ, для меня не может быть никакого сомнения. Я убежден, что в Крапивенском уезде, в котором находится 50 приходов, в каждом приходе всегда будет школа, так как приходы всегда центры населений, и так как из всех церковно-служителей всегда найдется один, который способен учить, имеет к этому и охоту и найдет выгоду. Кроме церковно-служительских, вероятно, откроются те 40 школ, которые были закрыты (или вернее 30, так как в числе закрытых были церковно-служительские), и вновь откроется школ весьма много, так что с существующими 20-ю школами не в долгом времени явится количество, недалекое от 400.

Поверят или не поверят мне в этом, я предположу, что в Крапивенском уезде при передаче этого дела в руки народа вновь открылось 380 школ, итого будет 400 школ, и постараюсь определить, возможно ли существование этих 400 школ, то есть почти в 20 раз больше того, что есть, — при тех же условиях, которые я предполагал при рассмотрении существующего порядка.

Предполагая, что все крестьяне платят по 15 коп. с души и земство дает 3.000 руб., собирается 9.000 руб., которых только достает на 30 школ при прежнем устройстве. При новом же устройстве:

Полагаю, что остались из старых нераздельными 10 школ; полагаю учителю в этих больших школах по 20 руб. в месяц, на семь зимних месяцев — 1.400 руб.

Полагаю, что при каждом приходе основалась школа с платою по 5 руб. в месяц, на 50 школ — 1.750 руб.

Полагаю, что остальных 340 — дешевых, по 2 руб. в месяц; по 15 руб. на школу, на 340 школ — 5.100 руб. Итого на 400 школ выйдет жалованья 8.250 руб. На училищные пособия и разъезды остается 750 руб.

Цыфры жалованья учителям поставлены мною не произвольно; но дорогим учителям — дороже, чем они получают теперь помесячно круглый год. Точно так же и церковно-служителям столько, сколько в большинстве случаев берут они за обучение. Школы же дешевые, по два рубли в месяц, положены мною гораздо дороже, чем нанимают крестьяне в действительности, так что этот расчет может быть смело принят. При этом расчете составляется и то ядро старших учителей из 10 дорогих и 10 или более церковно-служителей. Очевидно, что только при этом расчете школьное дело становится на степень серьезного и возможного дела и имеет ясную и определенную будущность.

Вижу, что желая сначала только восстановить сказанное мною в заседании комитета грамотности, я не написал многого того, что̀ говорил, и написал еще больше того, что̀ не говорил. Но дело не в том, что̀ я сказал именно в то-то время и в том-то месте, а в том, что̀ я имею высказать. Я рад случаю высказать почти всю мою педагогическую исповедь, именно потому, что занятия мои не позволяют мне тратить времени на одну из самых праздных людских деятельностей, на полемику.

Если высказанное мною теперь не убедит никого, значит, я не умел выразить то, что̀ хотел, и переспоривать никого не желаю. Я знаю, что нет безнадежнее глухих, как те, которые не хотят слышать. Я знаю, ка̀к это бывает с хозяевами. Новая молотилка куплена дорого, поставлена, пустили молотить. Молотит дурно, как ни подвинчивай доску, нечисто молотит, и зерно идет в солому. Но хоть и убыток, хоть и ясный расчет бросить молотилку и молотить иначе, но деньги потрачены, молотилка налажена, — «пускай молотит», говорит хозяин. То же будет и с этим делом. Я знаю, еще долго будут процветать наглядные обучения, и кубики, и пуговки вместо арифметики, и шипение, и сикание для обучения букв, и 20 школ немецких дорогих — вместо нужных 400 дешевых народных. Но я тоже твердо знаю, что здравый смысл русского народа не позволит ему принять эту навязываемую ему ложную и искусственную систему обучения.

Народ, главное заинтересованное лицо и судья, и ухом не ведет теперь, слушая наши более или менее остроумные предположения о том, какими манерами лучше приготовить для него духовное кушанье образования; ему всё равно, потому что он твердо знает, что в великом деле своего умственного развития он не сделает ложного шага и не примет того, что̀ дурно,— и как к стене горох будут попытки по-немецки образовывать, направлять и учить его.

Граф Лев Толстой.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

*СКАЗКА.

.....и я потерялъ сознаніе. Когда я очнулся, я былъ уже не на пескѣ, не въ пустынѣ, а [1] на постелѣ между [2] живыми существами. — Два [3] такія существа сидѣли на скамьѣ подлѣ меня — одно било масло въ бутыли, другое плело [4] какое то торпище (?). [5] Третье существо сидѣло у стола и что то дѣлало. [6] Увидавъ, что я очнулся, они переговорили что-то на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ и дружелюбными знаками показали мнѣ, что я не долженъ ихъ бояться. Въ тотъ же день я всталъ и могъ [7] ходить, [8] на другой день я [9] почувствовалъ еще болѣе силы и скоро совсѣмъ поправился. Я два года прожилъ въ этомъ городѣ неизвѣстной середины Африки, называемомъ городомъ Дюлей, [10] и успѣлъ [11] узнать ихъ [12] языкъ, характеръ, образъ правленія и жизни и ихъ занятія. — Первое, что поразило меня въ жизни Дюлей, было необыкновенная плачевность и быстротечность ихъ жизни. Всѣ люди, которыхъ я видѣлъ, носили на себѣ очевиднѣйшіе зародыши смерти, и всѣ на моихъ глазахъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой [13] таяли или, если по правдѣ сказать, гнили. Каждый день я замѣчалъ, какъ они морщились, калянѣли, вывѣтривались, изъ нихъ выпадали зубы, волоса, и они мерли, другіе [14] еще не вывѣтривались и не сгнивали, подрѣзывались иногда въ зародышѣ какой то невидимой рукой и мерли. Но всѣ Дюли несмотря на это очевидно

---

[1] *Зачеркнуто:* ⟨подъ тѣнью кактуса подлѣ шалаша⟩ въ домѣ
[2] *Зач.:* людьми
[3] *Переправлено из:* Двѣ. *Далее зачеркнуто:* женщины одна молодая, другая старая
[4] *Зач.:* что
[5] *Зач.:* Мущина
[6] *Зач.:* Они
[7] *Зач.:* пройти
[8] *Зач.:* по комнатѣ
[9] *Зач.:* уже могъ сойти съ лѣстницы и ходить по надворью
[10] *Переправлено из:* людей
[11] *Зач.:* изуч[ить]
[12] *Зач.:* знак
[13] *Зач.:* гни[ли]
[14] *Зач.:* не успѣвали даже

были лишены способности видѣть тотъ законъ смерти, подъ которымъ они были рождены, и наблюдали очень тонко многое постороннее, но не видѣли того, что они не живутъ, а только разными [1] путями умираютъ. Когда я выучился ихъ языку, я нѣсколько разъ хотѣлъ обратить на это ихъ вниманіе, но на языкѣ ихъ не было для того настоящихъ словъ. [2] Я прожилъ 18 лѣтъ среди этаго народа и сообразно съ предположеніями этно- и географовъ нашелъ этотъ народъ дикимъ, но въ противность общему поверхностному мнѣнію о дикости, я не нашелъ ихъ *просто* дикими, т. е. съ отсутствіемъ сложности жизни; но я нашелъ въ нихъ жизнь весьма сложную, возникшую изъ вѣковыхъ историческихъ условій. Дикими же я ихъ считаю потому, что несмотря на то, что нѣкоторыя матерьяльныя стороны жизни ихъ были весьма и весьма усложнены, у нихъ были только начатки понятій о наукѣ, о философіи, о религіи, [3] и начатки столь запутанные, кривотолковыя, что только съ большимъ трудомъ послѣ 10 лѣтъ жизни и изученія ихъ языка и нравовъ я сталъ понемногу понимать ихъ, и въ настоящемъ сочиненіи попытаюсь изложить ихъ, какъ они мнѣ открывались.—

1) Браки и семьи, 2) собственность, 3) суды, 4) администрація, 5) торговля и богатство, 6) обученіе, 7) наука, 8) религія. Дюли подраздѣляютъ себя на много различныхъ подраздѣленій, кастъ и сословій, имѣющія каждое свой отличительный знакъ. [4] Отличіе это состоитъ въ цвѣтѣ и количествѣ пуговицъ, которыя они носятъ на колпачкахъ. Но подраздѣленія эти не существенны. Одно настоящее подраздѣленіе есть слѣдующее: Дюли работающіе, т. е. производящіе что нибудь новое, посредствомъ труда, и дюли [5] разрушающіе, уничтожающіе. — Первые преимущественно живутъ въ деревняхъ, [6] вторые въ городахъ. [7] Въ противность того, что можно бы ожидать, производ[ители] пользуются презрѣніемъ, а уничтожающіе — почетомъ и тѣмъ большимъ почетомъ, чѣмъ больше они уничтожаютъ. Отсюда стремленіе производи[телей] перейти въ разрядъ уничтожающихъ, вслѣдствіи того уменьшеніе производ[ителей]. [8] Въ бесѣдѣ нашей я спросилъ, для чего такъ. Мнѣ отвѣчали: для того, чтобы потребителямъ лучше жить. Но которые скорѣе гніютъ? Потребители.

---

[1] *Зачеркнуто:* способами

[2] *Зач.:* ⟨Я⟩ Черезъ мѣсяцъ послѣ моего поселенія въ Дюлевскомъ городѣ, я помню въ одно воскресенье

[3] *Зач.:* отношеніяхъ людей

[4] *Зач.:* большей частью

[5] *В подлиннике описка:* люди

[6] *В подлиннике описка:* городахъ

[7] *В подлиннике описка:* деревняхъ

[8] *Зач.:* и вслѣдствіи того увеличеніе труда остающихся производит[елей]

* ЖИТІЕ И СТРАДАНІЕ МУЧЕНИКА ЮСТИНА ФИЛОСОФА.

(1874—1875 гг.)

Юстинъ мученикъ родился въ странѣ Сирской Палестинской, въ округѣ Самаріи, въ городѣ по старому прозванію Сихемъ, по новому Неаполисъ Флависсній. Родитель его былъ рода хорошаго и славнаго и по вѣрѣ Эллинъ и самъ онъ, прежде чѣмъ ему просвѣтиться вѣрою, былъ идолопоклонникъ. — Онъ смолоду былъ отданъ въ книжное ученіе [1] и, будучи остръ разумомъ, скоро понялъ элинскую ⟨пре⟩мудрость. Навыкнувъ краснорѣчію, возжелалъ онъ философіи и сперва отдался въ ученіе [2] философу изъ стоиковъ, чтобъ узнать ихъ мудрованіе. Но какъ было въ немъ большое желаніе познать Бога, то пожимши у стоическ[аго] фил[ософа] немного времени и о Богѣ ничего не узнавши (для того что стоикъ Бога не зналъ и [3] знаніе за ненужное почиталъ), перешелъ онъ къ другому учителю, тоже изъ философовъ, по прозванію перипатетиковъ, къ человѣку по своему премудрому.

Учитель на первыхъ же дняхъ сталъ съ Юстиномъ уговариваться объ цѣнѣ, чтобъ не даромъ учить. Увидѣвши его жадность, Юстинъ презрѣлъ его, какъ лихоимца, не стоющаго и званія философа, и отсталъ отъ стоиковъ и перип[атетиковъ]; но крѣпко желая прямаго любомудрія, чтобъ черезъ него познать Бога, обратился онъ къ иному славному учителю изъ Пифагоровыхъ мудрецовъ. Тотъ велѣлъ Юстину учиться первымъ дѣломъ Звѣздочетству, Ариѳм[етикѣ], Землем[ѣрію], Музыкѣ и инымъ ученіямъ, потому что де эти ученія самыя надобныя въ жизни. Но Юстинъ увидалъ, что въ ученіяхъ тѣхъ много лѣтъ провести надо, а душѣ отъ нихъ пользы не будетъ, для того, что ничего онъ такого отъ учителя не слыхалъ, чтобы удоволило[?] его сердечное желаніе, а желаніе его любовью къ Богу со дня на день больше распалялось, и потомъ онъ оставилъ

[1] *Первоначально было:* ⟨прилежалъ⟩ книжному ученію
[2] *Зачеркнуто:* мудрецу
[3] *Зач.:* Богоразумѣнію

и того учителя и поступилъ къ одному изъ Платониковъ, объ коихъ тогда великая шла слава и большой имъ былъ почетъ, поступилъ для того, что Платоническій философъ обѣщалъ показать ему безтѣлесныя вещи съ подобія тѣлесныхъ и небесныя по образу земныхъ и [1] научить его знаніе Бога по разумѣнію идей. Платоническая философія къ тому и вела, чтобы отъ идей восходить до познанія Бога. Юстинъ избралъ этаго, надѣючись постигнуть Божест[венную] мудрость, чтобъ знать Бога и исполниться его благодати. — И пробылъ онъ у этаго учителя довольное время и вскорѣ выучился платон[ическимъ] правиламъ и сдѣлался въ Грекахъ фил[ософомъ] совершен[нымъ] и славнымъ.

Но не могъ достигнуть праваго Богопознанія, потому что греч[еская] фил[ософія] Бога не какъ Бога славила, а измѣняла славу нетлѣннаго Бога въ подобіе тлѣннаго человѣка, и птицъ, и четвероногихъ, и гадовъ. Однако Ю[стинъ] утѣшался духомъ, упражняючись въ Богомысліи, поучаясь въ Боговѣдѣніи, на сколько могъ ⟨того⟩ достигать его непросвѣщенный умъ.

Однова прохаживаясь одинъ ⟨одиношенекъ⟩ въ отдаленномъ мѣстѣ ⟨за городомъ⟩, у моря, разсуждая философскія мудрованія, увидалъ онъ незнамаго, почтеннаго и сѣдинами украшеннаго стараго человѣка. И это[тъ] старецъ, замѣтивъ, что онъ пристально глядитъ на н[его] сказалъ: «Или ты меня знаешь, что такъ пристально глядишь?» Юстинъ отвѣчалъ: «Знать не знаю, а дивлюсь, что вижу тебя на этомъ пустомъ мѣстѣ, гдѣ никого не чаялъ видѣть».

Старецъ сказалъ: «Родные мои отошли въ ту сторону, жду ихъ назадъ и вышелъ навстрѣчу, чтобы издали увидать ихъ. А ты чего здѣсь дѣлаешь?» Юстинъ отвѣчалъ: «Люблю прохаживаться въ уединеніи, чтобъ безъ помѣшки поучаться умомъ философіи». Старецъ спросилъ: «Какая тебѣ польза отъ философіи?» Юстинъ отвѣчалъ: «Что же больше философіи на пользу?»

---

[1] *Слово:* и *написано дважды.*

** [РАЗГОВОР О НАУКЕ.]

(1875—1876 гг.)

4 Іюня. Ник[олай] Николаевичъ былъ позванъ къ сосѣду. Очевидно, сосѣдъ Ив. П. Б., считая Н[иколая] Н[иколаевича] за умнаго и ученаго человѣка, особенно дорожилъ въ этотъ разъ посѣщеніемъ моего принципала, п[отому] ч[то] хотѣлъ свести его съ пріѣзжимъ профес[оромъ] Исторіи изъ Москвы. Онъ умолялъ не отказать. Какъ люди ⟨глупые,⟩ ничтожные, И. П. находилъ наслажденіе слушать, плохо понимая бесѣду умныхъ людей. Мы поѣхали. Профессоръ съ бородой за обѣдомъ б[ылъ] посаженъ съ Николаемъ Николаевичемъ рядомъ и хозяева, очевидно, ихъ сводили. Николай Николаевичъ по своему добродушію, хотя и лучше всякаго другаго видѣлъ смѣшную сторону этаго турнира передъ галлерее[й], какъ онъ это называетъ, чтобы не [1] обмануть ожиданія хозяевъ, готовъ былъ вступить въ споръ и задиралъ [2] Профессора, тѣмъ болѣе, что около обѣда онъ всегда споритъ, но Профес[оръ] отмалчивался, какъ мнѣ казалось, съ презрѣніемъ. Профессоръ былъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые говорятъ охотно: *ничего не подълаешь*, развитой баринъ, мнѣ живется, честно и т. д. Но лицо умное, твердое и спокойное. Видно, чувствуетъ себя ferré à glace, [3] особенно — по своему предмету. Послѣ обѣда начался споръ объ Исторіи, о законѣ прогресса.

Николай Николаевичъ говорилъ, что законъ прогресса, к[отор]ый есть единственная руководительная нить исторіи, никѣмъ не доказанъ и болѣе чѣмъ сомнителенъ.

— Какже, — повторилъ онъ нѣсколько разъ, — законъ прогресса для всемірной исторіи, а $^{9}/_{10}$ рода человѣческаго: Китай, Азія, Африка, идутъ по обратному закону. —

Профессоръ отвѣчалъ, что законъ прогресса видится во всѣхъ народахъ историческихъ, и что наука до неисторическихъ народовъ не имѣетъ дѣла.

---

[1] *Зачеркнуто:* разоч[аровать]

[2] *Зач.:* хозяевъ

[3] [хорошо подкованным,]

Николай Николаевичъ замялся и сконфузился. —
— Такъ вы и знать не хотите про нихъ?
Пр[офессоръ]: — Они не входятъ въ область науки. —
Николай Николаевичъ замолчалъ. —
Мы ѣхали домой и тутъ, дорóгой, esprit de l'escalier Николая Николаевича, (какъ онъ называетъ свои сужденія о впечатлѣніяхъ дня), особенно разыгрался. И я запомнилъ и за[пи]сывалъ этотъ «умъ лѣстницы», потому чт[о] выраженія его мнѣ кажутся замѣчательны[ми]). [1]
— Не принадлежитъ наукѣ, не въ области на[уки] ,[2] — повторилъ онъ мнѣ слова Профессора. — В[ы] [3] слышали нашъ споръ?
— Да, отчасти. —
— Замѣтьте, [4] что̀ забавно, — сказалъ онъ мнѣ, съ с[воей] [5] кроткой умной улыбкой. — Забавно то, что въ исторіи только и интересна философская мысль исторіи. Т. е. законъ, по которому [она] живетъ, который они нашли въ исторіи. Что̀ мнѣ за дѣло, кого завоевалъ Аннибалъ [6] или какія у Людовика XIV были любовницы. Мнѣ интересенъ законъ, т. е., что̀ изъ этаго выходитъ. А онъ говоритъ: законъ прогресса. И когда я хочу провѣрять этотъ законъ, онъ говоритъ: провѣряй его только по нашей наукѣ, к[отор]ая и основана на этомъ законѣ. Т. е., я спорю, что въ этой десятинѣ нѣтъ 40 саж[енъ], онъ говоритъ: смѣряй не своимъ, а моимъ саженемъ — ровно 40 саж[енъ]. Я самъ мѣрялъ. Они говорятъ, прежде чѣмъ спрашивать, годна ли наука, они говорятъ: повѣрь наукѣ, изучай ея; точно также какъ религіозные миссіонеры. Изучи, работай надъ ней, посвяти ей годиковъ 10, пусть у тебя волоса за ней повылѣзутъ, тогда не усумнишься. И правда, не усумнишься, потому что жалко тебѣ будетъ потраченныхъ на нее трудовъ и годовъ. Онъ ужъ не можетъ со мной согласиться. Ему надо отречься отъ 10 лѣтъ трудовъ. Избави его Богъ. —
Но главное то, что этотъ пріемъ — не возраженія, а устраненія спора, недавно выдуманъ во всѣхъ наукахъ и очень ловокъ. Главный интересъ состоитъ именно въ ея философскомъ значеніи, т. е., мнѣ хочется знать, какія истины доказываетъ исторія, что̀ же выходитъ изъ того, что были Пуническія и такія то войны, и такіе то законы. Мнѣ хочется знать, что̀ъ выходитъ изъ того, — что нервъ возвратно дѣйствуетъ, и сахаръ вырабатывается въ печени, и теоріи уголовнаго права такія и такія то.
Я спрашиваю: что̀же, совершенствуется или нѣтъ челове-

---

[1] *Край листа оборван.*
[2] *Край листа оборван.*
[3] *Край листа оборван.*
[4] *В подлинникѣ:* Замѣтьти
[5] *Край листа оборван*
[6] *В подлинникѣ:* Аннигалъ

чество, безсмертна ли душа, справедлива ли смертная казнь и т. п. Мнѣ говорятъ: vous êtes hors la question, cela n'est pas du domaine de la science.[1] Точно какъ на публичномъ засѣданіи общества, на к[отор]омъ разговариваютъ о томъ, когда дать обѣдъ, и неосторожный членъ неловко спрашиваетъ о томъ, что сдѣлало общество. «Вы внѣ вопроса, вы внѣ науки». — Прежде каждая наука не отстраняла отъ себя философскихъ вопросовъ, связанныхъ съ нею; теперь Исторія прямо говоритъ, что вопросы о назначеніи человѣчества, о законахъ его развитія — внѣ науки. Физіологія говоритъ, что она знаетъ ходъ дѣятельности нервовъ, но вопросы о свободѣ или несвободѣ человѣка — внѣ ея области. Законовѣдѣніе[2] говоритъ, что оно знаетъ исторію происхожденія такихъ и такихъ то постановленій, но что вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти постановленія отвѣчаютъ нашему идеалу справедливости, находится внѣ ея области, и т. д. Еще хуже — медицина говоритъ: эта ваша болѣзнь внѣ науки. Такъ на чорта ли мнѣ ваши науки? Я лучше буду въ шахматы играть. Единственная законность ихъ только въ томъ и состоитъ, что онѣ должны отвѣчать мнѣ на мои вопросы. А вы всѣ учитесь для того, что весело учиться; хотя знае[шь], что ничему не выучишься. —

— Такъ какже быть? — спросилъ я.

— Да такъ-же. Въ этомъ никто не виноватъ. Это безсиліе знанія, — это запрещеніе человѣку вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла есть неизмѣнное свойство человѣчества. Только такъ и говорить надо. Гордиться не надо. Чѣмъ мнѣ гордиться, что я буду знать до малѣйшей подробности значеніе каждаго гіероглифа,[3] а все таки не въ силахъ буду понять значеніе гіероглифической надписи. —

— Они надѣются понять ее, — сказалъ я.

— Надѣются. Пора понять, что эта надежда живетъ 3000 историческихъ лѣтъ, и мы на одинъ волосъ не подвинулись въ знаніи [того,] что справедливость, что свобода, что за смыслъ человѣческой жизни? А въ шахматы играть пріятное занятіе; но гордиться незачѣмъ, и еще меньше — презирать тѣхъ людей, которые не умѣютъ играть въ шахматы.

---

[1] [вы выходите за пределы вопроса, это не принадлежит к области науки.]

[2] *Первоначально было:* Правовѣдѣніе

[3] *В подлиннике:* героглифа

** [ДВА ПУТНИКА.]

(1875—1876 гг.)

Два[1] человѣка съ котомками на плечахъ шли по пыльной шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Москвы въ Тулу. Одинъ, молодой человѣкъ, былъ одѣтъ въ короткой зипунъ и плисовыя шаровары. На глазахъ, подъ мужицкой новой шляпою, у него были надѣты очки. Другой былъ человѣкъ лѣтъ 50, замѣчательной красоты, съ длинной сѣдѣющей бородой, въ монашеской рясѣ подпоясанной[2] ремнемъ и въ кругломъ, высокомъ, черномъ колпакѣ, которые носятъ служки въ монастыряхъ, надѣтомъ на сѣдѣющіе длинные волоса.

Молодой человѣкъ былъ желтъ, блѣденъ, грязно пыленъ, и, казалось, едва волочилъ ноги; старый человѣкъ шелъ бодро, выпячивая грудь и размахивая руками. Къ красивому лицу его, казалось, не смѣла приставать пыль и тѣло его не смѣло знать усталости.

Молодой человѣкъ б[ылъ] магистръ Московскаго университета Сергѣй Васильичъ Борзинъ.

Старый человѣкъ, отставной подпоручикъ Александр[овскихъ] временъ пѣхотнаго полка, бывшій монахъ и за неприличное поведеніе выгнанный изъ монастыря, но удержавшій монашеское одѣяніе. Его звали Николай Петровичъ Серповъ.

Вотъ какъ сошлись эти два человѣка: Василій Сергѣичъ,[3] окончивъ диссертацію и написавъ нѣсколько статей въ Московскихъ журналахъ, уѣхалъ въ деревню, какъ онъ говорилъ, окунуться въ рѣку народной жизни и освѣжиться въ струяхъ бытового потока. Пробывъ мѣсяцъ въ деревнѣ, въ совершенномъ одиночествѣ, онъ написалъ слѣдующее письмо къ своему литературному другу и редактору журнала:

«Государь мой и другъ Иванъ Финогеичъ, мы не должны и не можемъ предвидѣть и предрѣшать развязку вопроса, разрѣшающагося въ тайникахъ бытовой жизни строя русскаго народа.

---

[1] *Зачеркнуто:* странно

[2] *В подлиннике:* подпоясенной

[3] *В начале отрывка первый путника назван:* Сергѣй Васильичъ

Необходимо глубокое изученіе многоразличныхъ сторонъ русскаго духа и его проявленій. Оторванность жизни... Петровскій переворотъ... и т. д.»

[1] Смыслъ и значеніе письма было то, что Василій Сергѣичъ, проникнувшись строемъ бытовой жизни народа, убѣдился, что[2] задача опредѣленія назначенія р[усскаго] н[арода] глубже и труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому, для разрѣшенія этой задачи, онъ считалъ необходимымъ предпринять путешествіе пѣшкомъ по Россіи и просилъ своего друга подождать уясненіемъ вопроса до окончанія своего путешествія, обѣщая рядомъ длинныхъ статей тогда выяснить все, что онъ узнаетъ.

Написавъ это письмо, Василій Сергѣичъ занялся матерьяльной стороной приготовленія къ путешествію. И какъ ни тяжело это было ему, онъ углубил[ся] даже въ подробности наряда, досталъ зипунъ, сапоги съ гвоздями, шляпу и, запершись отъ слугъ, долго глядѣлся[3] въ зеркало. Очки онъ не могъ снять — онъ б[ылъ] слишкомъ близорукъ. Другая часть приготовленій состояла въ взятіи денегъ по крайней мѣрѣ 300 р. на дорогу. Денегъ въ конторѣ не было. Василій Сергѣичъ позвалъ старосту и конторщика и, найдя въ реестрѣ 180 четвертей овса, велѣлъ продать ихъ; но староста замѣтилъ, что овесъ оставленъ на сѣмена; тогда Василій Сергѣичъ, просмотрѣвъ графу ржи и найдя тамъ 160 четвертей ржи, спросилъ, достаточно ли будетъ этой ржи на сѣмена? На что староста отвѣтилъ вопросомъ: не прикажутъ ли они сѣять старой. Разговоръ кончился тѣмъ, что Ст[ароста] понялъ, что Василій Сергѣичъ[4] меньше малаго дитяти знаетъ въ хозяйствѣ, а В. С. понялъ, что рожь уже посѣяна и сѣется обыкновенно изъ новаго урожая и что потому 160 чет., исключая на мѣся[чину] 10 ч[етвертей] можно продать.

[5] Деньги были получены и В[асилій] С[ергѣичъ] собрался идти на другой день, когда вечеромъ онъ заслышалъ голосъ незнакомый въ лакейской и къ нему вошелъ старый отцовскій слуга Степанъ.

— Николай Петровичъ Серповъ, — сказалъ Степанъ.

— Кто такой Николай Петровичъ?

— А какже, Николай Петровичъ, что къ папашѣ еще ѣзди[ли], монахи. —

— Не помню. — Чтожъ онъ?

— Васъ желаютъ видѣть, кажется, не въ своемъ видѣ. —

Въ комнату вошелъ Николай Петровичъ, расшаркался, топнулъ ногой «Вояжеръ Серповъ...» Пожалъ руку.

---

[1] *Абзацъ редактора.*

[2] *Зачеркнуто:* необходимо

[3] *Первоначально было написано:* поглядѣлся, *но затем автор зачеркнул приставку* по *и оставил только:* глядѣлся.

[4] *Зачеркнуто:* ничего

[5] *Абзацъ редактора.*

— Все невѣжество. Нѣтъ образованія, сколько я не учу Россію.[1] Россія дура. Мужикъ трудолюбецъ, а Россія дура. Такъ ли, Василій Сергѣичъ? Я вашего батюшку зналъ. Мы, бывало, съ нимъ сидимъ, онъ и говоритъ: этотъ пойдетъ. — Вы зачѣмъ въ костюмѣ? Я люблю, — по суворовски. Зачѣмъ?

— Я иду путешествовать.

— Я самъ путешествую. Я вояжи[рую], я былъ въ Греціи, на Аѳонѣ; но лучше и праведнѣе мужика не видалъ. —

Николай Петровичъ сѣлъ, попросилъ водки и легъ спать. Василій Сергѣичъ остался въ недоумѣніи. На другой день Николай Петровичъ слушалъ, а такъ [какъ] Василій Сергѣичъ любилъ говорить, [то] Николай Петровичъ услыхалъ всю теорію Василія Сергѣича и цѣль его путешествія. Николай Петровичъ одобрилъ всё и предложилъ свое товарищество. Василій Сергѣичъ принялъ, отчасти потому что не могъ отдѣлать[ся], отчасти потому, что Николай Петровичъ, несмотря на свое полусумашествіе, умѣлъ льстить, отчасти, и главное, потому что В[асилій] С[ергѣичъ] видѣлъ въ монахѣ проявленіе замѣчательной, хотя и спутавшейся ширины русской жизни. —

Они пошли. И въ то время, какъ мы застали ихъ на большой дорогѣ, они подходили къ первому по маршруту ночлегу, пройдя первыя 22 версты своего путешествія. —

[2] Николай Петровичъ выпилъ рюмочку въ кабакѣ. Онъ б[ылъ] веселъ.

---

[1] *В подлиннике:* Россія

[2] *Зачеркнуто:* Суворо

* [ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В КРЕМЛЕ.]

I.

[1]Я давно зналъ, что на святой недѣлѣ въ Москвѣ собирается въ Кремль народъ и что тамъ на площади около вечеренъ между соборами бываютъ разговоры о вѣрѣ. Случившись на Святой въ Москвѣ, я рѣшился никакъ не пропустить этаго случая и посмотрѣть и послушать это любопытное сборище. Пріѣхавъ въ Москву, я остановился у своего товарища по Московскому Университету и сотоварища по професорству. Хотя мы были съ нимъ професорами совершенно разныхъ факультетовъ, я — русской словесности, онъ — физіологіи и хотя мы съ нимъ видались рѣдко, мы поддерживали дружескія сношенія письмами, и онъ просилъ меня, въ мой пріѣздъ въ Москву, остановиться у него.

Какъ и всегда бываетъ между [2] близкими людьми, которые долго не видались, мы почувствовали, при [3] свиданіи послѣ 4-хъ лѣтъ разлуки, что [4] то различіе взглядовъ, которое и всегда было между нами, за это время очень усилилось, [5] что мы далеко разошлись по расходящимся линіямъ отъ точки пересѣченія, на которой мы встрѣтились въ университетѣ. Почти каждый разговоръ, выходящій изъ области практической, тотчасъ же обнаруживалъ наше разобщеніе и приводилъ насъ къ несогласію и спорамъ. Картавцевъ всегда былъ матерьялистомъ и сталъ имъ еще болѣе; я же, подчинившись во время моего студенчества и въ особенности во время поѣздки за границу общимъ тогда матерьялистическимъ взглядамъ, все болѣе и болѣе отъ нихъ освобождался и даже начиналъ испытывать озлобленіе противъ [6] того, что такъ глубоко обмануло [7] меня.

[1] *Зачеркнуто:* Нѣсколько разъ въ бытность свою въ Москвѣ я собирался побывать въ Кремлѣ во время Святой недѣли.
[2] *Зач.:* прежде
[3] *Зач:* личныхъ близкихъ сношеніяхъ
[4] *Зач:* мы далеко разошлись духовно
[5] *Зач:* и что не было предмета отвлеченнаго, въ кот.
[6] *Зач.:* этихъ самыхъ взглядовъ
[7] *Написано:* обманувшихъ

Я не былъ матерьялистомъ, но и не могъ бы сказать, чѣмъ я собственно былъ. Я не успѣлъ составить себѣ никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій. Одно, чѣмъ я былъ очевидно въ это время, это — врагомъ [1] тѣхъ убѣжденій, въ которыхъ прошла моя молодость, и отрицателемъ ихъ.

Разница нашихъ съ Картавцевымъ убѣжденій и частые споры не мѣшали хорошимъ отношеніямъ. [2]

Картавцевъ зналъ, что я очень интересуюсь Кремлевскими преніями, и хотя считалъ это самымъ пустымъ, ничего незначущимъ явленіемъ — вымирающимъ остаткомъ грубѣйшихъ предразсудковъ, самъ мнѣ напомнилъ о Кремлевскихъ сборищахъ и предложилъ вмѣстѣ, вмѣсто послѣ обѣденной прогулки пойти въ Кремль. Святая была въ этомъ году поздняя — нигдѣ не было слѣдовъ снѣга, деревья уже были одѣты, и было такъ тепло, что намъ было жарко даже въ лѣтнихъ пальто.—

— Вотъ какъ разъ мы хорошо попали, — сказалъ мнѣ Картавцевъ, когда мы, пройдя Соборы, вышли на площадь, — нынче довольно народа. И вотъ онъ, Пафнутій — бывшій раскольничимъ архиреемъ, теперь обращающій раскольниковъ. Вотъ и Хомяковъ. Для васъ представленіе нынче въ полномъ сборѣ.

Издалека видна была толпа человѣкъ въ сорокъ въ чуйкахъ, сибиркахъ и пальто, тѣснившаяся около крыльца и лѣстницы Архангельскаго собора. На лѣстницѣ, на верху каменныхъ ступеней стоялъ худощавый бѣлокурый худой монахъ и, лежа почти на каменныхъ перилахъ, горячо [3] говорилъ что-то, обращая свою речь внизъ. Это былъ отецъ Пафнутій. Рядомъ съ нимъ и позади, какъ бы привелегированные [4] лица, стояли три человѣка господъ; одинъ изъ нихъ въ цилиндрѣ съ замѣчательно строгимъ и значительнымъ лицомъ.—

— Это Хомяковъ? — спросилъ я, указывая на него.

— Нѣтъ, это камергеръ Бунинъ, дуракъ большой, — отвѣчалъ Картавцевъ. — Хомяковъ внизу. Вонъ онъ.

И я увидалъ маленькаго человѣчка въ поддевкѣ съ золотой, выпущенной цѣпочкой, чернаго съ сѣдиной, съ низкимъ лбомъ, тонкими чертами плоскаго лица и общимъ выраженіемъ умной лягавой собаки, сверхъ котораго было еще выраженіе чего-то особенно яснаго, веселаго, тонкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго. — Онъ стоялъ поодаль и прислушивался, очевидно легко нетолько понимая, но обсуживая все, что говорилось. Подлѣ него стоялъ Москвичъ, господинъ очевидно гордившійся близостью своей съ Хомяковымъ и только благодаря кротости Хомякова переносимый имъ.

Спорилъ съ О. Пафнутьемъ человѣкъ въ синей сибиркѣ, бѣло-

---

[1] *Зачеркнуто:* матерьялизма
[2] *Зач.:* между нами
[3] *Зач.:* док[азывалъ]
[4] *Зач.:* слушатели

курый, мрачный,[1] широкій, прямой, не гибкій. И лицо, и платье его, и рѣчь его были необыкновенно тверды[2] и чисты. Рѣчь шла, какъ я понялъ, о старовѣрчествѣ.—

Я засталъ еще половину послѣдняго возраженія раскольника въ сибиркѣ.

....— Потому что по тѣмъ книгамъ служили святые отцы. А безъ Святыхъ отцовъ перемѣны дѣлать въ вѣрѣ не положено. Отчего же собору не созвали? — сказалъ онъ и отвернулся.

О. Пафнутій. Соборъ созывали.

Раскольникъ. Мѣстный, да и то не весь. И слушать не захотѣли.

О. Пафнутій. Да какая же важность въ этихъ книгахъ? Если бы были опечатки. Вѣдь самъ ты понимаешь типографское дѣло, какъ печатаютъ книги.

Раскольникъ. Мы очень хорошо понимаемъ.

О. Пафнутій. Ну, такъ для каждой корректуры надо соборъ собирать?

Раскольникъ. Тутъ не опечатки, а все дѣло измѣнили. Что жъ, коли такъ. Ваши книги Никоновцы теперь возьмутъ перемѣнятъ всѣ. Развѣ хорошо будетъ?

Другой раскольникъ. Да что жъ, ихніи книги уже мѣнять нечего. Они переводы подѣлали. Церкви прикрыли.

О. Пафнутій. Въ сторону не бросай. Не о церквахъ рѣчь. А о книгахъ. Хорошо, книги. Ну, да развѣ въ книгахъ вся сила? Не въ книгахъ, а [въ] Богослуженіи, въ таинствахъ. А какже у васъ совершаются таинства?

Раскольникъ. По старому закону, какъ у Святыхъ Отцевъ.

О. Пафнутій. Вотъ то-то и нѣтъ. А я тебѣ скажу, какъ. Я былъ въ Валахіи и въ Австріи. Совершаются тайны обманно. Литургія совершается безъ антиминса. Я былъ самъ. Къ нимъ Дьяконъ бѣглый пришелъ, принесъ антиминсъ. А потомъ сознался на духу, что тряпочка съ щепками, а не антиминсъ.—

Раскольникъ. Да, тебѣ говорить хорошо, когда ты къ этому приставленъ.

Раскольникъ нахмурился, отвернулся, запахнулъ халатъ и, оглянувшись, но избѣгая взглядовъ, пошелъ достойно и медленно изъ толпы. Другой, черный купецъ, занялъ его мѣсто и сталъ отвѣчать О. Пафнутію. Онъ доказывалъ, что это несправедливо, что если есть одна такая церковь, то большинство церквей правильны.

На это О. Пафнутій сталъ доказывать ему, что если и церкви правильны, то неправильно рукоположеніе. Хомяковъ вступилъ здѣсь въ споръ, уже обращаясь къ О. Пафнутію, и блестяще опровергалъ его мнѣніе въ томъ, что церковь зиждется внѣшнимъ устройствомъ. Разговоръ былъ интересенъ, но было не

---

[1] *Зачеркнуто:* угловатый
[2] *Зач.:* чисты ясны

то, чего я искалъ и ожидалъ — бесѣды народной. Я прислушивался и искалъ глазами перваго купца раскольника въ сибиркѣ. Въ его рѣчахъ было болѣе всего того народнаго, чего я ждалъ найти. Купецъ этотъ отошелъ къ...[1] собору, и около него собралась кучка народа и шла бесѣда. Я пошелъ къ этой кучкѣ. Какой то маленькой человѣчекъ съ прямыми волосами, уже старый, въ пальто, запустивъ руки въ карманы, говорилъ съ купцомъ. Онъ говорилъ тихо и робко, какъ бы не увѣренный въ своихъ словахъ.

— [2] Извѣстное дѣло, — говорилъ купецъ, — [3] дары духа святаго — любовь.

Господинъ въ пальто. Такъ я и полагаю, что вопросъ тутъ не въ книгахъ и не въ отступленіи отъ преданій, а въ томъ, что[бы][4] отказаться отъ царствующей церкви, признать ее діавольскимъ порожденіемъ, или признать ее.

Купецъ, съ улыбкой увѣренности, что онъ поймалъ его. Да какъ же ее признать, если она отступила?

Господинъ въ пальто. Это будетъ судить Богъ.

Купецъ. Ну, а Лютеране тоже?

Господинъ въ пальто. Тоже. Потому что...

Господинъ въ пальто, все болѣе и болѣе интересовавшій и привлекавшій меня по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, не могъ продолжать, его перебилъ высокій офицеръ, недавно подошедшій.

— А я думаю, — сказалъ офицеръ съ торжествующей впередъ улыбкой, входя въ самую середину кучки и отъискивая достойнаго собѣсѣдника. Онъ взглянулъ на господина въ пальто; но, очевидно, не сочтя его достойнымъ, обратился къ высокому купцу.

— А я думаю, что Богу некогда этими пустяками заниматься. Я считаю, что если человѣкъ будетъ работать, трудиться да никого не обижать, то онъ хоть ни во что не вѣруй, все будетъ хорошій человѣкъ....

Купецъ запахнулся и, наморщивъ лобъ, сталъ разсѣянно смотрѣть за Москву рѣку на золотившіяся купола церквей.

— Потому, что же мы здѣсь собираемся? О чемъ толкуемъ?— продолжалъ офицеръ. — Одинъ говоритъ — такъ надо креститься, другой — эдакъ. Одинъ говоритъ — по солнцу. Вѣдь это одно невѣжество и предразсудки. Хоть никакъ не крестись.

Купецъ не слушая медленно сталъ выходить изъ толпы; чуть замѣтное сокращеніе губъ показывало презрѣніе.

— Вѣдь вотъ онъ думаетъ, что онъ знаетъ, какія книги у начетчиковъ надо читать, онъ и слушать меня не хочетъ, — обра-

---

[1] *Многоточие в подлиннике.*
[2] *Зачеркнуто:* Конечно
[3] *Зач.:* дары духа святаго
[4] *Зач.:* гдѣ; *далее по ошибке не зачеркнуто:* будетъ больше любви
[5] *Зач.:* и признать

тился офицеръ къ господину въ пальто, — когда я дѣло заговорилъ.

— То-есть, если я такъ понялъ ваши мысли, — робко взглядывая на офицера, сказалъ господинъ въ пальто, — вы полагаете, что разговоры о вѣрѣ ни къ чему не ведутъ и что, если я такъ понялъ ваши мысли, нужны дѣла, а не вѣра.

— Ну, разумѣется, — съ презрѣніемъ сказалъ офицеръ, обращаясь къ Картавцеву, котораго онъ, очевидно, счелъ болѣе достойнымъ бесѣды. [1] — За вѣру старую держутся, а не понимаютъ того, что все это одно невѣжество.

Благодаря представительной фигурѣ офицера и нашему приближенію, толпа чуть стѣснилась около насъ.

— То-есть [2] почему же [3] намъ не судить объ этихъ предметахъ? Если есть предразсудки, ошибки, то изъ разсужденій нашихъ они окажутся.[4]

Офицеръ. Праздное занятіе.

— Извините. Вопросъ, занимающій насъ, самый не праздный. Мы, положимъ, хотимъ молиться Богу. И вотъ одна церковь, положимъ, тутъ православная, а тутъ старовѣрческая — въ какую мнѣ идти?

— Ни въ какую, — громко засмѣявшись, сказалъ офицеръ.— Лучше заняться дѣломъ.

Господинъ въ пальто. То-есть никакой религіи не нужно?

Офицеръ. Пожалуй, что и не нужно.

— Положимъ, намъ съ вами не нужно, а кому нужно, тѣмъ, которые воспитаны такъ, что безъ церкви нельзя, какже быть?

Офицеръ. Надо такъ воспитывать, чтобы искоренять предразсудки, а не вселять ихъ.

Господинъ въ пальто. [5] А можетъ быть это не предразсудки?

Офицеръ. Значитъ, стриженый — бритый.

Господинъ въ пальто. Я говорю: стриженый — бритый. Я, положимъ, говорю, что религія — дѣло, вы говорите — пустяки. Но я не одинъ говорю, со мной вмѣстѣ всѣ люди говорятъ и говорили.

— А, пустое, одно невѣжество! — сказалъ офицеръ, очевидно не зная, что отвѣчать. И то, что онъ былъ разбитъ, было замѣчено всѣми. Картавцевъ, [6] хоть и видѣлъ, что офицеръ плохъ, нашелъ нужнымъ, однако, придти на помощь ему.

Картавцевъ. Господинъ офицеръ могъ отвѣтить вамъ, что на вашей сторонѣ грубое человѣчество, а на его сторонѣ наука.

Господинъ въ пальто. Но массы.

---

[1] *Зачеркнуто:* Вотъ и
[2] *Зач.:* какже
[3] *Зач.:* невѣжество. Если
[4] *Зач:* И потомъ
[5] *Зач:* Да что же коли съ
[6] *Зач:* который удивлен

Картавцевъ. Массами нельзя считать въ этомъ вопросѣ. Черты рѣзкой нельзя провести между вѣрой и невѣріемъ.

Картавцевъ говорилъ, сначала боясь, что собесѣдникъ не пойметъ его, но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, мы видѣли ясно, что Господинъ въ пальто не только понимаетъ, но умѣетъ слушать и понимать. Онъ формулировалъ самъ рѣчь Картавцева, какъ бы резюмируя ее.

— Вы говорите, что [1] въ исторіи человѣчества происходитъ ходъ отъ вѣры [2] къ безвѣрію, и что ходъ этотъ состоитъ въ уничтоженіи предразсудковъ посредствомъ науки.

---

[1] *Зачеркнуто:* вѣра есть
[2] *Зачеркнуто:* грубой

РОМАНЫ ИЗ ЭПОХИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XIX В. *, ** [«НАЧАЛА» РОМАНА ВРЕМЕН ПЕТРА I.]

(1870—1873, 1879 гг.)

А.

[СЕМЬЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕТРА I.]

* № 1.

Стрѣльцы.

17 Марта 1629 года ⟨отъ Рожества Христова, а по старому счету лѣтъ отъ начала міра индикта 7184 года⟩, у избраннаго на царство послѣ московской смуты Царя Михаила Ѳедоровича, родился сынъ Алексѣй. 12 Іюля 1645 по смерти отца воцарился Царь Алексѣй Михаиловичъ.[1] Въ 1648 году молодой Царь сочетался бракомъ съ дѣвицею Марьею Ильиничною Милославской; 21 годъ прожилъ Царь Алексѣй Михаиловичъ съ женою, Царицею, въ мирѣ, любви и согласіи. И Богъ благословилъ ихъ дѣтьми. Живыхъ было 10, всѣ были живы и здоровы. Въ 1669 скончалась Царица Марья Ильинична. 4 сына и 6 царевенъ остались послѣ матери. Старшему Царевичу Алексѣю Алексѣевичу было 15 лѣтъ; второму, Ѳедору, 8 лѣтъ, третьему, Симеону, 4 года, меньшому, Іоанну, 3 года. Царевнѣ Маріѣ[2] 17, Аннѣ 14, Софьѣ 12, Катеринѣ 11, Маріѣ 9, Ѳедосьѣ 7 лѣтъ. Наслѣдникомъ Царства былъ объявленъ Царевичъ Алексѣй и ⟨былъ по отцу понятливъ и остеръ къ наукѣ⟩ ужъ принималъословъ и помогалъ отцу. Старшая сестра Маріа тоже была на возрастѣ. За малолѣтними было кому ухаживать. Были живы три Царевны — Ирина, Анна, Татьяна Михайловны, тетки, любимыя сестры царскія.

⟨Пускай и плохо дѣткамъ безъ родной матушки, но, казалось, надо бы Царю только Бога благодарить и, впередъ загадываючи, только радоваться на свое семейство. —⟩ Самъ Царь былъ не старъ, хотя и толстъ брюхомъ и, казалось,

---

[1] *Зачеркнуто:* сынъ Михаила Ѳедоровича Романова, избраннаго на царство въ 1612 году послѣ большой Московской смуты. Царь Алексѣй Михайловичъ царствовалъ 30 *Слово; лѣтъ по ошибке не зачеркнуто.*

[2] *В подлиннике:* Маріа

ему шутя дожить надо, пока онъ сына женитъ, къ Царству приготовитъ и всю семью на ноги поставитъ.

Но ⟨то самое, на что надежду полагать надо было по человѣческому сужденію — нестарые еще года Царевы, — отъ того самаго не польза и радость отродилась, а пагуба семьѣ Царской,⟩ пословица говоритъ: сѣдина въ бороду, бѣсъ въ ребро. ⟨Человѣконенавистникъ дьяволъ и добра губит[ель] и зла заводчикъ Дьяволъ соблазнилъ Царя.⟩ Царь былъ не старъ, жилъ въ нѣгѣ и въ соблазнѣ отъ человѣкоугодниковъ и льстецовъ и попалъ въ сѣти врагу.

Не прошло года послѣ смерти жены, какъ онъ сошелся въ любовь съ 18 лѣтней незамужней дѣвкой ⟨Натальей⟩ и черезъ два года, чтобы прикрыть грѣхъ, женился на ней. Женился онъ на ней 22 Января, а въ Маѣ она родила незаконнаго сына. Отъ Царя ли былъ этотъ сынъ или отъ кого другаго, никто не зналъ. Свелъ его съ этой дѣвкой Артамонъ Матвѣевъ, бывшій подьячій сынъ, голова стрѣлецкій.

Дѣвку звали Наталья, а потомъ ужъ по отцу стали называть ее Кириловой, а по прозвищу Нарышкиной, а никто не знаетъ теперь, какого она истинно была роду. Говорили одни, что прозвище ей было Ярыжкина и [1] что была она въ такой нищетѣ, что въ лаптяхъ ходила, что Матвѣевъ, заѣхавъ разъ въ Михайловской уѣздъ въ деревню Киркину, увидалъ въ деревнѣ—дѣвчонка плачетъ. Подозвалъ ее, ⟨пожалѣлъ⟩ и узналъ, что плачетъ она о томъ, что дѣвка у нихъ въ домѣ удавилась. Онъ пожалѣлъ дѣвчонку, посадилъ ее съ собой и привезъ женѣ. Другіе говорили, что она была наложницей Матвѣева самаго и что потомъ уже онъ подманилъ на нее Царя, приворотилъ его къ ней и женилъ на ней. — Потомъ ужъ, какъ вышла она въ Царицы, стали говорить, что она роду Нарышкиныхъ, Кирилы Полуехтыча, стрѣлецкаго полуголовы дочь, ⟨но вѣрно узнать этаго нельзя, потому что и она и сынъ ея потомъ уже свой родъ выправляли и правду закрывали. Но встарину всѣ говорили, что была взята она изъ грязи, ходила въ лаптяхъ и была сирота, жила изъ милости у Матвѣева.⟩ Вѣрнѣе всего то, что была она въ родствѣ съ Нарышкиными и съ Матвѣева женой, а потомъ уже, какъ стала въ славѣ, то принята въ дочери Нарышкину.

Какъ бы ни было, шла она замужъ не честью, и, вмѣстѣ съ мачихой, пошли бѣды за бѣдами на Царскую семью. Какъ только померла Царица Марья Ильинична и связался съ Натальей Царь Алексѣй Михайловичъ, померъ у него 4-хъ лѣтній сынокъ, Симеонъ; прошло еще полгода, захворалъ и померъ Алексѣй Алексѣичъ, большій [2] сынъ, наслѣдникъ.

---

[1] *Зачеркнуто:* что была она полюбовницей самаго старика Матвѣева. Знать этаго вѣрно нельзя

[2] *В подлинникѣ:* большой

Немного время прошло, и, надежа и Царя и народа, захворали оба наслѣдника, оба Царевича — и Ѳедоръ и Іоаннъ. Стали у нихъ пухнуть десны — языки и глаза гноиться. — ⟨Называли эту болѣзнь цингой и скорбутикой. Какая точно болѣзнь, никто не зналъ. А говорили, что похоже на отраву. И нельзя было не думать. Были 4 сына, всѣ были здоровые. Какъ вошла въ домъ мачиха и принесла своего сына, такъ заболѣли всѣ сыновья отъ прежней матери, двое померли, а двое перевалились, но уже были не настоящіе люди, а слабые и больные. Какъ не подумать, что не безъ грѣха?⟩ То были всѣ дѣти здоровые, а то вдругъ заболѣли всѣ 4, мужеска пола, дѣти наслѣдники Царству, а дѣвицы Царевны всѣ остались здоровы. ⟨Царевны не были помѣхой, а чтобы своего сына произвести на царство, надо было всѣхъ переморить.⟩

Два Царевича померли, а два остались хворые. Ѳедоръ былъ старше и перемогся, а Іоаннъ ⟨какъ хватилъ яду⟩, такъ испортился, что языкъ у него не ворочался, полонъ былъ ротъ слюни и глаза вытекли, такъ что онъ глазами [1] плохо видѣлъ.

Не долго пожилъ послѣ того и Царь Алексѣй Михаиловичъ. Черезъ 4 года послѣ женитьбы на молодой женѣ схоронили и его. Было ему 47 лѣтъ отъ роду, былъ мущина сильный, здоровый, такъ что ему бы надо еще 30 лѣтъ жить, а вдругъ свернулся и померъ, [2] и остались Царевны, два больные Царевича и молодая мачиха съ своимъ 4-хъ лѣтнимъ сыномъ.

Какъ только умеръ Царь Алексѣй Михаиловичъ, мачиха съ своимъ благодѣтелемъ Артамономъ утаили отъ бояръ то, что Царь благословилъ Ѳедора на Царство, подкупили стрѣльцовъ и уговаривали [3] бояръ объявить помимо законныхъ Царевичей Ѳедора и Іоанна Царемъ 4 лѣтняго ея мальчика Петра. Бояре не согласились, и на царство вступилъ Ѳеодоръ. Послѣ вступленія на Царство Ѳедора, всѣхъ родныхъ Натальи судили и сослали въ ссылки, а [4] Артамона, ея благодѣтеля, судили въ отравѣ Царя Алексѣя Михаиловича и сослали въ Пустозерскъ, самую же мачиху Ѳедоръ оставилъ при себѣ и съ ея сыномъ. [5]

Недолго процарствовалъ и Ѳедоръ, и не далъ ему Богъ наслѣдниковъ. Родился отъ него Царевичъ, но скоро опять померъ и съ матерью. Царь женился другой разъ на Марѳѣ Матвеевнѣ Апраксиной и черезъ 3 мѣсяца и самъ померъ. —

Остался поперегъ дороги мачихѣ одинъ законный наслѣдникъ Іоаннъ.

---

[1] *Зачеркнуто:* совсѣмъ обнищалъ

[2] *Зач.:* Клепать на мертвыхъ грѣхъ, но нельзя опять и про смерть Царя не подумать, чтобы было не просто.

[3] *В подлинникѣ:* уговоривали

[4] *Зач.:* такъ дѣло ея на этотъ разъ не выгорѣло. На Царство вступилъ Ѳедоръ, 15 лѣтъ отъ роду.

[5] *Зач.:* Царь Ѳедоръ царствовалъ 6 лѣтъ, женился, но опять по волѣ ли Божьей или по злобѣ мачихиной, но родившійся отъ Царя Царевичъ Илья скоро послѣ рожденья померъ.

Въ то время солдатскихъ наборовъ еще не бывало. Служили дворяне съ помѣстьевъ, казаки, да кромѣ того набирали по городамъ вольныхъ людей, ловкихъ къ стрѣльбѣ, записывали по полкамъ и называли стрѣльцами. Стрѣльцовъ такихъ было въ Москвѣ 22 полка, а въ каждомъ полку по 1000 человѣкъ. Начальниками въ полкахъ стрѣлецкихъ были десятники, пятидесятники, сотники, полуголовы и головы. Головы или полковники. Головъ сажали изъ дворянъ, дьяковъ и изъ нѣмцевъ.

2.

На святой, въ то время, какъ Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ умиралъ, и съ часу на часъ ждали его смерти, 23 Февраля на Красную Горку, въ Стрѣлецкой слободѣ за Москвой рѣкой въ Грибоѣдовомъ полку въ приходѣ[1] Казанской Богородицы у Калужскихъ воротъ вѣнчали двѣ сватьбы. Народъ ⟨праздничнымъ дѣломъ⟩ былъ весь на улицѣ, которые родные, сосѣди и ближніе смотрѣли сватьбу въ церкви (Церковь была рубленая, еловая въ два придѣла, ⟨крашена по бревнамъ лазоревой краской⟩ и биткомъ набита была народомъ), [другіе?] толклись у церкви, поджидая сватьбу. ⟨Женской полъ щелкалъ орѣхъ, молодые ходили наряженныя въ опашникахъ [?] кучками по улицѣ, у воротъ[2] дожидались сватьбу, какъ поѣдутъ изъ церкви,⟩ которые постарше сидѣли на приступочкахъ и у воротъ, и, сошедшись по двое и по трое; которые молодые ребята играли за церковью на кладбищѣ. Въ кабакѣ на площади стонъ стоялъ отъ пьянаго народа. У съѣзжей избы съ каланчею на другой сторонѣ площади[3] никаго не было. Только караульный стоялъ на каланчѣ.

* № 2.

7190 7190 года ⟨27 Апрѣля⟩ въ четверкъ на Ѳоминой недѣлѣ померъ послѣдній Русскій Царь, Государь Ѳедоръ Алексѣевичъ.— Ѳедоръ Алексѣевичъ царствовалъ 6 лѣтъ и 3 мѣсяца. Онъ сѣлъ на царство послѣ отца своего Царя Алексѣя Михайловича 15 лѣтъ, а померъ 21 года. Заболѣлъ онъ незадолго передъ смертью родителя и, хоть и выздоровѣлъ послѣ, но всю короткую жизнь свою болѣлъ, изчахъ и померъ въ молодыхъ годахъ.[4] Алексѣй Михайловичъ женился въ молодыхъ годахъ и прожилъ съ Царицей, своей женой, 21 годъ въ любви, мирѣ и согласіи и прижили съ нею 13 человѣкъ дѣтей. 5 сыновей и 8 дочерей.

---

[1] *Зачеркнуто:* Бориса и Глѣба у стрѣлецкой съѣзжей избы собрались стрѣльцы

[2] *Не зачеркнуто:* по улицѣ

[3] *Зач.:* сошлось человѣкъ съ 20 стрѣльцовъ, все больше старые и все еще и еще подходили и останавливались, слушая, что говорили старики,

[4] *После слова:* годахъ *ошибочно написано:* И.

Прошло 20 слишкомъ лѣтъ. Стала Царица Марья Ильинишна старѣться, сошелся Царь съ Артамономъ Матвѣевымъ, и рушилось счастье Царской семьи. Въ 7277 [году] отъ начала міра и въ 1669 умерла Царица, черезъ 3 мѣсяца померъ сынъ Семенъ, черезъ полгода и старшій сынъ Алексѣй, объявленный наслѣдникъ Царскій. Черезъ годъ съ небольшимъ вдовый Царь женился на молодой 16 лѣтней дѣвицѣ Натальи[1] Нарышкиной. — Наталья эта была сирота и жила въ домѣ у Артамона ⟨Матвѣева⟩. Артамонъ и свелъ ее съ Царемъ и выдалъ за него замужъ. Прошелъ годъ, родился у Царя сынъ отъ второй жены, потомъ дочь, а черезъ 5 лѣтъ померъ скоропостижно и Царь 46 лѣтъ отроду во всей силѣ и здоровьѣ.

Когда и простой человѣкъ помираетъ, то много бываетъ раздора и грѣха промежду родныхъ о томъ, кому достанется наслѣдство послѣ покойника; а послѣ Царей наслѣдство остается большое, — все царство, и грѣха бываетъ еще ⟨больше. Дьяволъ тутъ то радуется и сѣетъ свое зло промежду наслѣдниками и ихъ пособниками;⟩ говорили, что не безъ грѣха было дѣло. Матвѣева судили за отраву и говорили про мачиху. Мачиха Ѳедора Нарышкина съ своими родными прилаживалась посадить на Царство своего сына Петра, 4-хъ лѣтняго, помимо старшаго Ѳедора. И быть бы смутѣ во всемъ Царствѣ, кабы не застоялъ Патреархъ Іоакимъ и Князь Юрій Алексѣичъ Долгоруковъ. Говорили тогда, что Артамонъ Матвѣевъ, дядя молодой Царицы, утаилъ отъ бояръ про смерть Царя и подговорилъ стрѣльцовъ, и посадилъ на престолъ 4 лѣтняго мальчика Петра, и уговаривалъ ⟨всѣхъ⟩ бояръ присягать ему. Но Патреархъ не польстился на лесть Матвѣева, сказалъ, что Царь благословилъ Ѳедора. И Долгорукій Юрій не поддался и прямо сказалъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ Ѳедора благословилъ, а его, Долгорукаго, въ опекуновъ поставилъ. Прямое тогда дѣло было, осталось у Царя Алексѣя два сына отъ первой жены: Ѳедоръ, Іоаннъ, и одинъ отъ второй жены, — младенецъ Петръ, и самъ за живо Царь Алексѣй благословилъ по старинному порядку старшаго сына на царство, а и то чуть смуту не сдѣлали. Случилось тогда, что при смерти отца, Ѳедоръ боленъ былъ и Матвѣевъ сталъ говорить, что онъ въ Цари не годится, весь опухъ и что надо меньшаго помимо старшаго посадить на царство — видимое дѣло для того, чтобы изъ за малолѣтняго самому съ Царицей Царствомъ править. Затѣмъ и сказывалъ, что Ѳедоръ опухъ и в Цари не годится. А дѣломъ вышло такъ, что онъ не то, что не годился, а 6 лѣтъ съ мѣсяцами царствовалъ не хуже противу отца и дѣда, и зломъ его никто не поминаетъ, а добромъ и тогда поминали и всегда поминать будутъ. Померъ онъ 21 года и чахъ года три отъ скорби и отъ нея и умеръ, и тѣмъ же скорбѣлъ и другой братъ его, Іоаннъ.

[1] *В подлинникѣ:* дѣвицей Натальей

Говорили тогда, что его отравили. И грѣшить на людей страшно, а нельзя не думать, что болѣзнь и его, и брата была не спроста. Первое, что прежде при другихъ Царяхъ слуховъ объ отравѣ не бывало, а тутъ послѣ смерти Алексѣя Михайловича, стали говорить, что и его отравили, и судили за то и Матвѣева, и докторовъ. Тоже говорили и про Ѳедора, [1] когда онъ померъ. Ни съ чего бы не стали говорить. Второе то, что и самъ Царь Алексѣй Михайловичъ и первая жена его Марья [2] Ильинишна Милославская, оба были люди чистые и здоровые, дѣти отъ нихъ, царевны всѣ, тоже были дѣвицы свѣжія, чистыя, никакой на нихъ скорби не было.

Б.

[ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ (1689 г.).]

* № 3.

I.

Князь В. В. Голицынъ ужъ 12 лѣтъ былъ первый человѣкъ въ Русскомъ Царствѣ. При царѣ Ѳедорѣ Алексѣичѣ и потомъ при Царевнѣ Софьѣ онъ правилъ, какъ хотѣлъ, Русскимъ Царствомъ, только не назывался Царемъ, а богатства и власти было столько же, сколько у Царя — что хотѣлъ, то и дѣлалъ. [3] Онъ былъ и хитеръ и разуменъ, но пришло время и почуялъ онъ, что конецъ его Царству. — Меньшой царь Петръ Алексѣевичъ [4] подросъ, женился, и стали около него люди поговаривать, что не все одному князю съ Царевной царствовать именемъ старшаго Царя Ивана (Царь Иванъ былъ больной и убогій), что пора подрѣзать Царевнѣ съ ея Княземъ крылья, пора настоящему Царю въ свою власть вступить.

Василій Васильичъ ждалъ этаго, но и ждалъ, что Царевна Софья не допуститъ до этаго меньшаго брата. Такъ и случилось. Когда вернулся лѣтомъ изъ Крымскаго похода Кн. Василій Васильичъ, и меньшому Царю наговорили, что Кн. Василій Васильичъ въ походѣ понапрасну погубилъ много казны и народа, Царевна заспорила, велѣла раздавать походнымъ людямъ большія награды, а Кн. Василій Васильичъ сталъ еще больше подбивать Царевну. Онъ ей говорилъ:

— Хоть бы знать, Государыня, кому служилъ. Тогда бы и знали, за что ждать награды, а за что наказанье. Выходитъ дѣло на то, что мы, ⟨воеводы,⟩ — до послѣдняго ратника, потъ и кровь проливали, животы покладали, думали заслужить ласковое слово, а заслужили — и ласковое слово отъ тебя — на

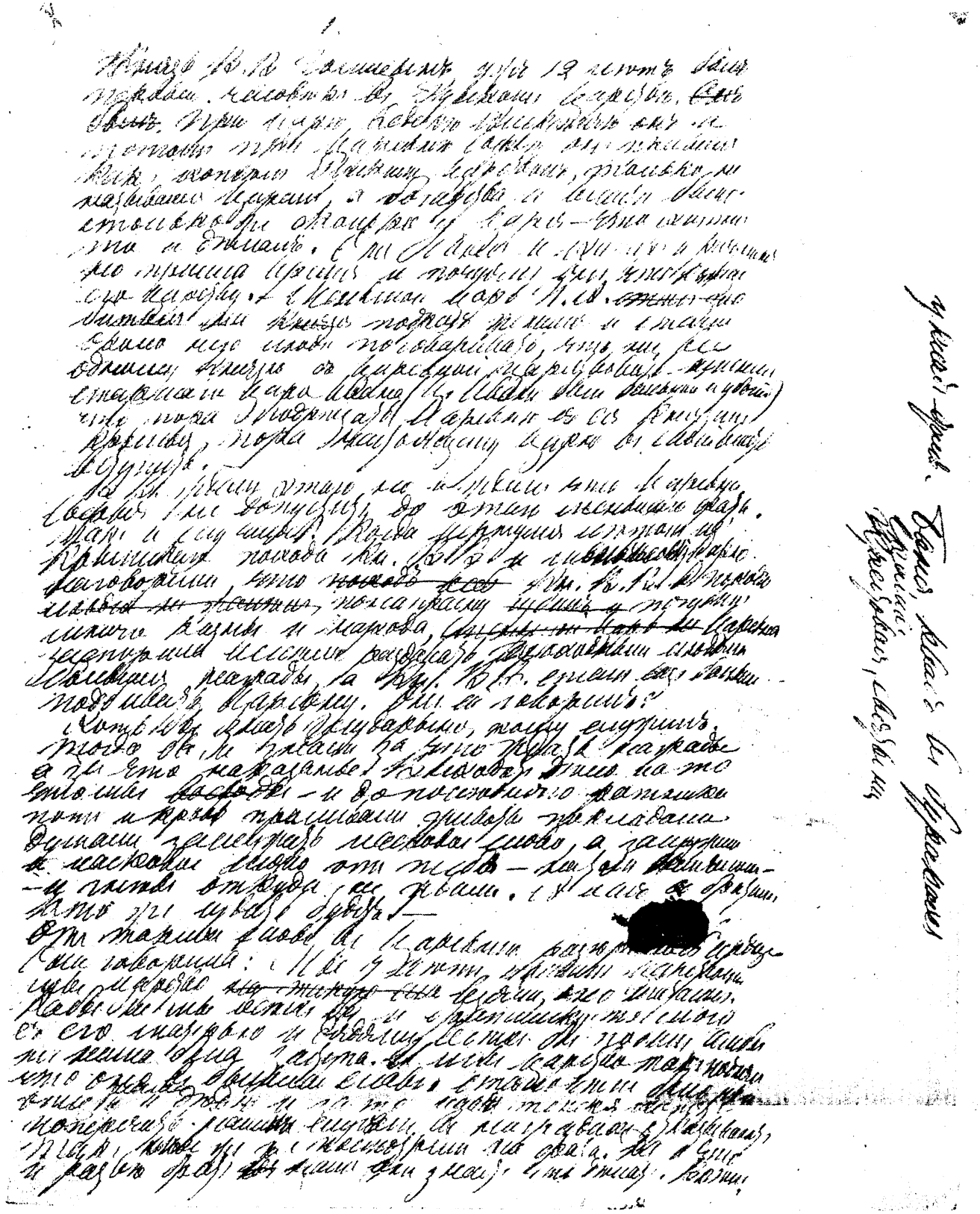
---

[1] *В подлинникѣ:* ⟨про когда⟩ Ѳедоръ

[2] *В подлинникѣ ошибочно:* Нат

[3] *Против слов:* Онъ былъ *кончая:* судить будетъ. — *на поляхъ написано:* укладъ сталь [?]. Баня, квасъ въ буракахъ скамьи. Крестовая, святыни.

[4] *Зачеркнуто:* сталъ злобиться на князя



Первая страница автографа Л. Н. Толстого одного из начал романа времен Петра I (третий вариант).

Размер подлинника)

томъ бьемъ челомъ — и гнѣвъ, откуда не ждали. А васъ съ братомъ, кто же судить будетъ. —

Отъ такихъ словъ въ Царевнѣ разгоралось сердце. Она говорила:

— Мы 7 лѣтъ правимъ царствомъ; мы царство взяли, оно шаталось. Кабы не мы, всѣхъ бы, и братишку то мого съ его матерью и дядями, всѣхъ бы побили, если бы не наша была заступа. И мы царство такъ подняли, что оно въ бо́льшей славѣ стало, чѣмъ было при отцѣ нашемъ и дѣдѣ, и за то намъ теперь хотятъ поперечить, нашимъ слугамъ въ наградахъ отказываютъ. Такъ мы же не посмотримъ на брата. Да и что, и развѣ братъ нашъ — онъ знаетъ, что дѣлать. Всѣмъ ворочаетъ мачиха, злая змѣя подколодная, съ братьями, да съ твоимъ братцомъ Борисомъ.

Отвѣчаетъ Голицынъ:

— Государыня Софья Царевна. Не отъ насъ установлено царствовать послѣ родителя сыну. Старшему сыну обычай былъ царствовать послѣ отца. Стало быть точный наслѣдникъ Царя Алексѣя одинъ есть Иванъ Алексѣичъ. Если жъ Иванъ Алексѣичъ по Божьему гнѣву убогій, надо его отстранять и меньшаго поставить на царство.

А Ивана избрали народомъ, стало быть онъ имъ годился. — Выбрать надо одно: или царство меньшому отдать, а тебѣ и Ивану постричься, или Петру указать, что не Царь онъ, а братъ онъ Царя, такъ, какъ братомъ Царя былъ при Ѳедорѣ братъ его младшій.

И нахмурила черныя брови Царевна и ударила по столу пухлой ладонью.

— Не бывать ей Царицей мужичкѣ, задушу съ мѣдвежонкомъ медвѣдицу злую. Ты скажи, князь Василій, — ума въ тебѣ много — какъ намъ дѣло начать. Ты самъ знаешь какое.

Усмѣхнулся проныра старикъ и какъ дѣвица красная очи потупилъ.

— Не гораздъ я, Царевна, на выдумки въ царскихъ палатахъ, какъ испортить невѣсту, Царя извести, это дѣло не наше. Въ ратномъ полѣ служить, съ злымъ Татариномъ биться въ степи обгорѣлой, не доѣсть, не доспать, въ думѣ думать с посла[ми], Богъ мнѣ далъ, и готовъ тѣмъ служить до упаду. А что хитрыя мудрости, крамолы ладить въ царскихъ хоромахъ, у меня нѣтъ ума, и того Богъ мнѣ не далъ. Если думу подумать о Царствѣ, народѣ, о казнѣ государевой, о послахъ, воеводахъ, подъ Азовъ воевать, строить храмы, мосты — я готовъ, а на дѣло въ хоромахъ есть стрѣльцы, есть [1] Леонтій Романычъ, твой близкій слуга Шакловитой. Я жъ усталъ, и жену, и дѣтей ужъ давно я не видѣлъ. Поживу своимъ домомъ пока, какъ

---

[1] *Зачеркнуто:* башка

въ скиту, а когда что велишь, я готовъ на всякъ часъ. Когда примешь [?]. —

Такъ прожилъ, какъ въ скиту, Князь Василій Голицынъ съ Петрова дни до перваго Спаса. Приходили къ нему отъ Царевны послы, говорили ему неподобныя рѣчи — что хотятъ извести мать Царицу [1] съ Петромъ ея сыномъ, Кн. Василій молчалъ и совѣтовалъ дѣло оставить. Покориться сходнѣе, говорилъ Кн. Василій, чтожъ, сошлютъ въ монастырь, отберутъ награжденьи, [2] земли, дворы, ⟨рухлядь⟩, золотыя... И безъ нихъ можно жить.

Еще мѣсяцъ прошелъ, по Москвѣ все бурлило. Меньшой Царь испугался, уѣхалъ ко Троицѣ, и приказы пришли, чтобы ко Троицѣ шли бы всѣ ратные люди. — [3]

Князь Василій все ждалъ, не вступался въ смятенье. Ужъ не разъ удавалось ему отсидѣться отъ смуты и къ тому притулиться, чья вверху была сила. Такъ онъ ждалъ и теперь, и не вѣрилъ, чтобъ верхъ взяла матери Царской Нарышкиной сила. А случилося такъ.

Какъ у барки навѣситъ купецъ тереза на подставки и насыпавъ въ кадушку зерно, на латокъ кладетъ гири. Десять гирей [?] положитъ, не тянетъ; одну броситъ мѣрку, вдругъ все зерно поднимаетъ и тяги и силы ужъ нѣту въ кадкѣ, пальцомъ работникъ ей колыхаетъ.

Такъ сдѣлалось съ Княземъ, чего онъ не думалъ. Вѣсы поднялись, и себя онъ почуялъ въ воздухѣ легкимъ. Вмѣсто той тяги, что чуялъ въ себѣ. Чуялъ допрежде того, что съ великой силою никто его тягу поднять не подниметъ, своротить не своротитъ, почуялъ, что онъ, какъ соломка, сбившись съ крыши, качается вѣтромъ.

Слышалъ про то Кн. Василій, что ѣздила къ Троицѣ Царевна, съ братомъ мириться, что къ брату ее не пустили, слышалъ, что Романыча Шакловитаго взяли стрѣльцы, заковали и къ Троицѣ свезли, какъ заводчика вора, слышалъ, что ратные люди и нѣмцы, солдаты къ Троицѣ ушли, что бояре туда, что ни день, отъѣзжаютъ, слышалъ все это Василій Василичъ Голицынъ Князь и зналъ еще многое, хоть и не слышалъ. Зналъ онъ, что кончилась сила его. Зналъ, потому, что послѣдніе дни было пусто въ богатыхъ хоромахъ. Непротолчно бывало стоятъ дожидаютъ и дьяки, дворяне, бояре въ его.... передней. [4] А теперь никого не бывало, и холопы его — ихъ до ты-

---

[1] *В подлинникѣ:* Царицы

[2] *Можно прочесть:* награжденые

[3] *Зачеркнуто:* Приходить стали къ Князю бояре. Начальные люди стали спрашивать, намъ кого же слушать. Отъ Царевны и Ивана одно, отъ Петра отъ Царя намъ другіе приказы. Кого слушать велишь.

[4] *Со слов:* А теперь никого *и до конца — на полях написано:* А. В. сидитъ за книгой. Приходитъ другъ Щетининъ. Открываетъ мерзость отца. Пріѣзжаетъ сынъ изъ Москвы. Отецъ заломилъ руки. Погода ⟨сѣрая⟩ осѣнь или паутины.

сячи было, ужъ не тѣ; что то видно на лицахъ и вчера спросилъ конюха, его нѣту, сказали ушелъ и другіе бѣжали. Только видѣлъ въ тѣ дни онъ любима[го[сына, невѣстку брюхатую, да старуху Авдотью, жену распостылую. —

* № 4.

I.

Какъ на терезахъ твердо, — не двинется — сидитъ на землѣ положенная гиря и также сидитъ, пока на другой латокъ въ насыпку зерно сыплятъ работники, и вдругъ отъ горсти зерна поднимается и колышется безъ силы отъ пальца ребенка, такъ точно послѣ шести лѣтъ силы при Царѣ Ѳедорѣ и 6 лѣтъ при Царевнѣ Софіи, когда Князь Василій Васильичъ Голицынъ чувствовалъ себя первымъ человѣкомъ въ Царствѣ, и всѣ просили милости, онъ награждалъ и наказывалъ, и богатству его не было смѣты, такъ послѣ 12 лѣтъ, ничего не сдѣлавъ, вдругъ Кн. Василій Васильичъ почувствовалъ, что нѣтъ больше въ ней силы, что онъ, такъ крѣпко сидѣвшій, что ничто, казалось, не могло поколебать его, что онъ виситъ на воздухѣ и, какъ соломенка, выбившаяся изъ подъ крыши, мотается по вѣтру и вотъ вотъ оторвется и полетитъ незнамо куда и никто объ ней не подумаетъ. И, какъ главное ядовитое зло при житейскомъ горѣ, сильнѣе всего мучала Князя та вѣчная злая мысль: когда же сдѣлалось, когда началось мое горе. И въ чемъ оно, горе. Когда я все тотъ же, все тѣже во мнѣ силы, тѣже года, тоже здоровье, тѣже дѣти, жена, тѣже мысли. Или нѣтъ горя или я сшелъ съ ума, что вижу, чего нѣтъ. [1]

Василій Васильичъ жилъ въ Подмосковномъ селѣ Мѣдведково и ждалъ. Онъ ждалъ, но самъ зналъ, что ждетъ того, что не можетъ случиться. Онъ ждалъ, какъ ждетъ человѣкъ передъ умирающимъ близкимъ. Онъ ждетъ, чтобъ совершилось то, что быть должно, но, чтобъ были силы ждать, утѣшаетъ себя надеждой. Такъ ждалъ Кн. Василій въ с[елѣ] Медвѣдкова конца борьбы между сестрой Царевной и братомъ Петромъ. Онъ называлъ для себя эту борьбу [борьбой] между Царевной и Царемъ, но онъ зналъ, что ни Царевна, ни Царь не боролись, а боролись за Царя бояре — Черк[асскій], Б. Голицынъ, Стрѣшневъ и др. и за Царевну стрѣльцы, Шакловитый, Змѣевъ, Неплюевъ. Что же онъ не вступалъ въ борьбу? Отчего не становился въ ряды съ ними, а уѣхалъ въ Подмосковную и сидѣлъ праздно. Онъ боролся и прежде не разъ; но теперь на другой сторонѣ онъ видѣлъ новую силу, онъ видѣлъ, что невидимая сила спустила вѣсы, и съ его стороны тяжести перекатывались на другую. На той сторонѣ была не правда. Правды нѣтъ никогда въ дѣлахъ правительства. Онъ довольно долго былъ самъ

[1] *Зачеркнуто:* Въ Москвѣ оставаться нельзя было. Ужъ съ недѣлю

правителемъ, чтобы знать это. Чтоже, правда была въ выборѣ Годунова, Шуйскаго, Владислава, Дмитрія, Михаила. Правда была развѣ въ выборѣ Петра однаго, Нарышкиныхъ, въ выборѣ Ивана и Петра и Софьи, и какая же правда была теперь въ участіи Петра въ правленіи съ Иваномъ? Или Иванъ Царь, или убогій монахъ, а одинъ Петръ Царь. Не правда была, а судьба. И рука судьбы видна была въ томъ, что творилось. Руку судьбы — это зналъ Кн. Василій, — чтобъ узнать есть вѣрный знакъ: руку судьбы обозначаютъ толпы не думающихъ по своему. Они сыплятся на одну сторону вѣсовъ тысячами, тьмами, а что ихъ посылаетъ? они не знаютъ. Никто не знаетъ. Но сила эта та, которой видоизмѣнятся правительства. Теперь эти недумающія орудія судьбы сыпались на ту, враждебную сторону вѣсовъ. Кн. Василій видѣлъ это и понялъ, что его царство кончилось. Прозоровскій ѣздилъ къ Троицѣ заступить[ся] за Царевну и самъ остался тамъ. Патріархъ тожъ. Сама Царевна ѣздила и тѣ люди, которые на смерть пошли бы за нее, выѣхали къ ней и вернули ее. На той сторонѣ была судьба, не право, Кн. Василій зналъ это. Право больше было на сторонѣ Ивана, старшаго въ родѣ. Петръ былъ младшій братъ только. А при Иванѣ, какъ при Ѳедорѣ, должны были быть бояре — правители, и кому же, какъ не ему, Кн. Василію, быть этимъ правителемъ? Но когда судьба склоняетъ вѣсы на одну сторону, другая сторона, чтобъ удержать вѣсы, употребляетъ средства, губящія право, и тѣмъ еще больше губитъ себя. При началѣ борьбы право было ровное, но теперь слабая сторона погубила свое право и чѣмъ слабѣе она становилась, тѣмъ сильнѣе неправда ея становилась видна. Перекачнись вѣсы на нашу сторону, думалъ Кн. Василій, и ясно бы стало, что Петръ съ злодѣями, съ пьяными конюхами задумали погубить старшаго брата Ивана, благодѣт[ельницу]-правительницу и хотѣли убить спасшую царство отъ смутовъ и главнаго труженика Кн. Василія, и мало было плахи для изверговъ. Теперь перекачнулись вѣсы туда и ясно, какъ день, выступало неправо Софьи, называвшейся Государыней, ея развратн[ыхъ] любовниковъ, которые правили Царствомъ и все подъ видомъ управленія за старшаго брата, безотвѣтнаго дурака и убогаго. Мало того, теперь, что поправить вѣсы: и другое страшное дѣло выступало наружу — ⟨Софья⟩ подговаривала стрѣльцовъ къ бунту, и Шакловитый собирался убить молодаго Царя. —

Кн. Василій зналъ все это, но, хитрый старикъ, онъ не дотрогивался до вѣсовъ, чтобъ уравнять ихъ, никто не видалъ, чтобъ онъ приложилъ къ нимъ руку. Онъ удалился отъ всего, послѣ того какъ Нѣмецъ Гордонъ, тотъ Нѣмецъ, который въ землю кланялся ему, просилъ отпуска, тотъ Нѣмецъ, который, какъ рабъ, служилъ ему 6 лѣтъ, пришелъ спросить, что дѣлать? Изъ Троицы, отъ младшаго Царя пришелъ приказъ идти съ полкомъ къ Троицѣ. Кн. Василій сказалъ не ходить къ

Троицѣ, и на другой день ушелъ къ Троицѣ. Кн. Василій понялъ, что Нѣмецъ и другіе съ нимъ сдѣлали это — Нѣмецъ бережетъ только свою шкуру — не потому, что онъ нашелъ, что то право, а потому, что къ Троицѣ идти было подъ гору, а оставаться — идти было на гору. Кн. Василій понялъ это и съ тѣхъ поръ уѣхалъ въ Мѣдвѣдково и только ждалъ. Каждый день летали его послы въ Москву. Онъ зналъ, что дѣлалось, и видѣлъ, что все больше и больше перевѣшивало и что онъ, какъ соломенка, вьется, и вотъ оторвется, полетитъ по вѣтру. Онъ послалъ сына въ Москву узнать про Царевну и ждалъ одинъ въ своей комнатѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ и думалъ. Думалъ уже о томъ, какъ его обвинятъ и какъ онъ оправдается. И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше онъ обвинялъ ихъ. И ясны были ему всѣ ихъ вины.

Но, какъ это бываетъ съ человѣкомъ въ несчастіи, онъ возвращался къ своему прошедшему и искалъ въ немъ того, въ чемъ упрекнуть себя, и, какъ у всякаго человѣка, особенно правителя — было много дѣлъ, за которыя и Церковь и судъ, и молва могли осудить его — и казнь Самойловича и казни другихъ, и казна присвоенная — онъ не замѣчалъ этихъ дѣлъ. Одно было, что заставляло его вскакивать, старика, ударять жилистой рукой по золотному столу: это было воспоминаніе о толстой, короткой, старой женщинѣ, румяненой, бѣленой, съ черными сурмленными бровями, злымъ и чувствен[нымъ] видомъ и съ волосами на усахъ и бородавкой [1] подъ двойнымъ подбородкомъ. Еслибъ этаго не было! Ахъ, еслибъ этаго не было! — говорилъ онъ себѣ. —

Онъ всталъ на свои длинные ноги, закинулъ длинныя руки назадъ, отчего спина стала еще сутуловатѣе и вышелъ въ крестовую. Тамъ гудѣлъ голосъ попа домоваго, читавшаго псалт[ырь] [?]

II.

Хуже всего эти послѣдніе дни было для Кн. Василія то, что жизнь его, до сихъ поръ такая полная, необходимая, вдругъ стала не нужна никому. За всѣ эти 12 лѣтъ онъ не помнилъ дня, который бы не былъ полонъ необходимыми дѣлами — дѣлами, которыя онъ одинъ могъ исполнить: быть у Царя и Царевны, быть въ посольскомъ приказѣ, подписывать, приказывать, смотрѣть войска, давать, отказывать въ наградахъ и еще много и много. Такъ что часто онъ тяготился этой вѣчной работой

[1] *Против слов:* на усахъ и бородавкой *на полях написано:* сынъ толстожопый резонеръ, не видитъ! Отецъ умнѣе. Всѣ оставили, сидѣлъ одинъ, вдругъ всѣ посѣтители, одинъ за другимъ. Проблескъ при видѣ — При горѣ — переломъ жизни. — и безъ правленья дѣлать нечего. Ни на чемъ была жизнь, хочется развратничать

и думалъ: когда это кончится и я буду свободенъ и завидовалъ своему брату и другимъ боярамъ, которые жили въ свое удовольствіе. Теперь онъ былъ[1] свободенъ, въ послѣдніе 6 дней ни одинъ человѣкъ не пріѣхалъ къ нему въ Мѣдведково, — его забыли. Безъ него могли жить люди по старому. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ, и эта тишина и свобода мучали, ужасали его. Онъ придумывалъ, чѣмъ бы ему занять свои дни. Пробовалъ читать. Все было такое чуждое, далекое. Пробовалъ говорить съ женой, невѣсткой, съ любимцемъ Засѣкинымъ; всѣ какъ будто жалѣли его и говорили только о томъ, о чемъ онъ не хотѣлъ говорить. Чтобъ наполнить пустоту жизни, онъ цѣлый день ѣлъ, цѣлый день пилъ, то спрашивалъ брусничнаго, то клубничнаго [?] меду, то варенья, то леденца, и животъ болѣлъ ужъ у него.— Послѣ 6 дней сынъ поѣхалъ въ Москву провѣдать, и въ это самое утро, какъ сговорились, одинъ за другимъ пріѣзжали гости къ Кн. Василію. Но гости были невеселые; ни одинъ не привозилъ хорошихъ вѣстей.

Какъ тереза, онъ висѣлъ, но ждалъ. Ждутъ весны и ждутъ вѣтра въ затишье. Онъ ждалъ вѣтра и зналъ, что не будетъ, но когда онъ думалъ, онъ думалъ не какъ стоять, а какъ поплыветъ и онъ думалъ, не какъ оправдаетъ, а какъ обвинитъ. А онъ зналъ, что не будетъ вѣтра. Посыпались подъ гору. Онъ былъ одинъ и ему было жутко. Полонъ домъ людей — Карлъ, шуты, но онъ былъ одинъ. Онъ всталъ рано, какъ всегда. Мылся. Карла держалъ мыло, зачесалъ расческой на лобъ, расправилъ, пошелъ къ обѣдни, позавтракалъ сѣлъ въ комнату у окна ждать. Пріѣхалъ Зміевъ — брюхатый, потомъ сынъ о Мазепѣ, о Борисѣ, о взятіи Шакловитаго. Потомъ Сашка Гладкій.[2]

Василій Васильичъ не сдается, но молчитъ — *моложавый сухой старикъ*. Карликъ сидитъ, молчитъ, ноги болтаются. Сынъ болтунъ, добродѣт[ельный], себя одурманиваетъ. Говоритъ о правѣ. Василій Васильичъ молчитъ, въ душѣ смѣется.

Жена узнаетъ, что дѣлаетъ В. В. Онъ пьетъ, ѣстъ, ласкаетъ дѣвокъ. Она видитъ, что это плохо. — Сонъ ей. «Прости». — Онъ тебя стыдится. Невѣстка — *жадная, завистливая, живая*. — Проваливается свекровь — бабища твердая, здоровая. Кормитъ грудью обѣихъ. *В. В. просыпается*. Щетининъ вѣрный другъ и слуга его ворочаютъ.

---

[1] *На поляхъ противъ словъ:* Теперь онъ былъ *кончая:* Посыпались подъ гору. *написано:* Сынъ говоритъ про незаконность. «Никогда не прощу». Карла доносить женѣ что дѣлаетъ. Сидитъ. Задралъ руки.

[2] *На поляхъ внизу страницы написано:* Карла шутъ. Жена посылаетъ узнать и судитъ.— Въ обѣдъ ложиться спать — Сонъ. — Приходитъ, — молчитъ. А. Апраксинъ. Ѣдетъ къ Троицѣ. *Далее отчеркнуто:* У Троицы ⟨К. Борисъ⟩ всѣ сіяютъ. Обросимъ Петровъ. Пытка. К. Г. молится. брюхатый. Два брата. Другой день. Казнь. Ссылка. Гладкій въ деревнѣ. Щетининъ.

* № 5.

Какъ твердо — не двинется — сидитъ на землѣ латокъ вѣсовъ, на который положена гиря, когда на другую сторону вѣсовъ сыплятъ зерно въ насыпку и какъ вдругъ отъ одной лишней пригоршни зеренъ, вдругъ дернется гиря и медленно поднимается, покачиваясь и повиснетъ, безсильная, туда и сюда мотаясь, отъ прикосновенія пальца ребенка, такъ точно непоколебима 10 лѣтъ и больше казалась сила Кн. В. Голицына, при Царѣ Ѳедорѣ и при Царевнѣ Софьѣ, правившаго Царствомъ и такъ точно вдругъ послѣ втораго Крымскаго похода дрогнула эта сила и, когда Князь Борисъ Голицынъ и Нарышкины отвезли меньшаго Царя Петра къ Троицѣ и началась борьба между сестрой и братомъ, повисла эта прежняя сила, колеблясь отъ малѣйшей случайности. Всѣ видѣли и знали это, всѣ бросили ближняго боярина и ни одинъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые прежніе годы загромаждывали его крыльцо, дожидаясь милости, ни одинъ не навѣстилъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ, боясь стрѣлецкой смуты, затѣянной Л. Р. Шакловитымъ съ Царевной, уѣхалъ въ свое подмосковное село Медвѣдкова. Онъ оставался одинъ съ своей семьей; съ женой, не простившей его за его сношенія съ Софьей, съ брюхатой, больной, слабой невѣсткой, съ двумя малыми дѣтьми, съ толпой челядинцовъ, которые, что ни день, то бѣжали отъ него и съ любимымъ старшимъ сыномъ, бояриномъ Алексѣй Васильичемъ. Сынъ этотъ, 25 лѣтній, красавецъ, молодецъ, умница, ученый, знавшій по Латыни, Гречески, по Французски, любимецъ отцовскій, былъ и прежде надежда и радость, а теперь горе и страхъ отца. Всѣ знали, что сила Князя Василія кончилась и что онъ, какъ соломенка, выбившаяся изъ крыши, вотъ вотъ упадетъ и занесется вѣтромъ въ погибель; но одинъ, самъ Князь Василій, не зналъ этаго. Онъ не могъ вѣрить тому, что такъ вдругъ отъ ничего, отъ горсти зерна, насыпаннаго на другую сторону вѣсовъ, пропадетъ его сила. Онъ только сердитъ былъ и мраченъ. И то, что сынъ его поѣхалъ въ Москву провѣдать дѣла, тревожило его. —

Онъ сидѣлъ передъ обѣдомъ одинъ въ своей комнатѣ за точеннымъ съ аспидной доской столомъ, на точеномъ стулѣ съ пуховой атласной спинкой и, открывъ книгу, смотрѣлъ въ нее и длинными пальцами водилъ ощупывая по вострымъ краямъ переплета. Въ заднемъ углу у холодной изразцовой печи сидѣлъ, свѣсивъ ноженки въ красныхъ сапожкахъ, карликъ Сусликъ, и, поднявъ брови, [1] не спуская глазъ, смотрѣлъ на хмурое, бритое въ подбородкѣ, моложавое лицо стараго Князя. Но Князь взглядывалъ только изрѣдка въ окно и не чувствовалъ взгляда карлика, не чувствовалъ и другаго взгляда

[1] *Зачеркнуто:* старался не пропустить взгляда хозяина, но хозяинъ не посмотрѣлъ на него

большихъ черныхъ, глубокихъ глазъ жены, смотрѣвшихъ изъ за приподнятого ковра въ задней двери. — Въ комнатѣ было тихо, слышалось тиканье часовъ въ головѣ олѣня — подарокъ польскаго посла, — мокрое всхлипываніе дыханія Суслика и шуршанье болтающихся ножекъ по подзору коника, дальше глухое чтенье псалтыри въ крестовой изъ за 2-хъ дверей и изрѣдка прокашливанье Князя. Въ открытыя окна врывались другіе звуки. Всѣ эти [дни] были дожди и съ ночи стала ясная осѣнняя погода съ паутинами. Съ ярко освѣщенныхъ полей слышались скрыпъ возовъ, грохотъ пустыхъ телѣгъ и крики мужиковъ и бабъ, возившихъ снопы.

У тесовыхъ крытыхъ рѣзныхъ воротъ двора послышались колокольцы и, глянувъ въ окно, Князь увидалъ заворачивающихъ выносныхъ съ кучеренкомъ въ самыхъ воротахъ, такъ что виденъ былъ передъ новой крашеной колымаги; пріѣзжіе остановились. Кучеръ и кучеренокъ заспорили, ѣхать въ дворъ или нѣтъ.

Изъ колымаги высунулась голова въ собольей шапкѣ и передовой проѣхалъ къ крыльцу, слѣзши, отдалъ одному держать кони и сталъ, дожидаясь высадить пріѣзжаго изъ колымаги.

* № 6.

Твердо, — не двинется, сидитъ на землѣ гиря на одной сторонѣ [1] вѣсовъ, пока сыплютъ зерно на другую сторону. Насыпятъ полну насыпку и все не двигается гиря; но вотъ подсыпали отъ совка горсть зерна и, покачиваясь, поднимается гиря и виситъ, дрожитъ, и дитя пальцомъ качнетъ, подниметъ и опуститъ ее. [2]

Такъ твердо сидѣла 12 лѣтъ сила Князя Василія Васильича Голицына и вдругъ, никто не зналъ, какъ и отчего, поднялась эта сила и повисла безпомощная, какъ соломенка, выбившаяся изъ подъ крыши и качающаяся вѣтромъ.

Князь Василій 6[-ой] день уѣхалъ изъ Москвы и жилъ въ Подмосковномъ селѣ своемъ Мѣдведковѣ, гдѣ уже давно жили его жена, дѣти, невѣстка и внучата, и онъ, безъ приказа котораго ничего 12 лѣтъ не дѣлалось въ Москвѣ, теперь ждалъ самъ приказа, что ему дѣ[лать]. Всю ночь Кн. Василій не спалъ, все думалъ, и всталъ поздно. Одѣвшись, отслушавъ обѣдню и позавтракавъ, Кн. Василій сѣлъ въ комнатѣ за столъ и облокотился на руки. Ст[арый] [?] Карла въ красномъ кафтанѣ сидѣлъ на конникѣ, болтая ногами, и смотрѣлъ на хозяина. Хозяинъ то читалъ рукопись, разложенную на столѣ, то смотрѣлъ въ окно на свѣтлый осѣнній день и ждалъ сына, нака-

[1] *Зачеркнуто:* латокъ

[2] *Зач.:* Такимъ чувствовалъ себя К. В. В. Г[олицынъ] послѣ 12 лѣтъ силы, когда въ 1689 году Ц[арь] П[етръ] уѣхалъ изъ Москвы въ Троицу и смутился народъ, поднялся за младшаго Царя.

нунѣ уѣхавшаго въ Москву. — Въ комнатѣ было тихо, слышно, какъ щелкали часы, и дышалъ хозяинъ и Карла. Карла смотрѣлъ то на свои мохающіяся ножки въ красныхъ сафьяновыхъ сапожкахъ,[1] то поднималъ свое старческое бритое скуластое лицо съ сплюснутымъ носомъ и старался уловить взглядъ хозяина, но блестящій твердый взглядъ хозяина не останавливался на немъ, а переходилъ отъ окна къ столу, къ развернутому свитку, заложенному фигурой изъ мѣди. —

Сухое бритое, моложавое лицо старика Кн. Василія было нахмурено, длинныя ноги вытянуты подъ столомъ и сырыя съ длинными пальцами и синими, какъ червяки, жилами руки потирали края стола, какъ-бы ощупывая вострый край. —

— Кто пріѣхалъ? — вдругъ визгнулъ Князь, такъ что Сусликъ вздрогнулъ и [в]скочилъ на ноги. Но Князь уже узналъ того, кто пріѣхалъ, и, вставъ на длинныя ноги, пошелъ къ дверямъ, но, обдумавшись, опять вернулся и сѣлъ на свое мѣсто. На широкій дворъ въѣхала кожей обитая, окованная крашенымъ желѣзомъ, новая колымага на четвернѣ разношерстныхъ, крупныхъ, косматыхъ лошадей. Трое передовые верховыхъ слѣзли съ лошадей у часто ступенчатаго тесоваго крыльца ⟨и⟩, отдавъ одному мальчику чумбуры своихъ лошадей, дожидались колымаги, чтобъ высадить хозяина.

* № 7.

[2] Всю сентябрскую длинную ночь не спалось Князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Всю ночь онъ ворочался, трещалъ тесовой кроватью за перегородкой въ кельи Троицкаго келаря, отца Авраамія. — Только забрезжилась заря, онъ тяжело вздохнулъ, поднялся, перегнувшись, досталъ разшитые шолками чоботы, надѣлъ шелковые на очхурѣ шаровары и, вздѣвъ кафтанъ на широкія плечи, сталъ передъ образомъ спасителя и, сложивъ широкія руки передъ животомъ, нагнулъ большую кудрявую голову.

— Господи Отецъ, научи твое чадо творити волю твою, Господи сынъ Іисусъ Христосъ, научи мя уподобиться тебѣ, Господи, духъ Святый, вселися въ меня и черезъ меня твори волю свою. Пресвятая Богородица, Ангелъ Хранитель, Борисъ и Глѣбъ, угодникъ Сергій заступите за меня, научите, что дѣлать буду... — Такъ онъ сказалъ и вспомнилъ всѣ свои мерзости, пьянство, обжорство, любострастье и ту бѣду, которая теперь одолѣвала его душу. —

13 лѣтъ прожилъ онъ дядькой при царевичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и только думалъ отслужить свою службу и уйти въ

[1] *Зачеркнуто:* чоботахъ

[2] *Зач.:* Хоть коротка Августовская ночь, а и ту не спала старушка Щетинина, Княгиня. Чуть забрезжилась заря и въ волоковое оконце прошелъ свѣтъ на бревенчатую стѣну, она скинула ткацкое одѣяло

монастырь спасать душу и къ 50 годамъ откачнуться отъ всей суеты житейской. Онъ ждалъ только того, чтобы женился, возмужалъ Царь и сталъ править царствомъ, а вышло не то: стали вздоры межъ Царской семьи: Софья Царевна стала мутить, и нельзя было Кн. Борису уйти въ монастырь.

[1] Все смѣшалось въ Царской семьѣ. Царевна связалась съ братомъ двоюроднымъ Васильемъ Васильевичемъ, настроила Ивана Царя, и Петра Царя забросила и народъ весь былъ въ смущеньи. Не хотѣлъ сперва Кн. Борисъ мѣшаться въ это дѣло, да нельзя было оставить, а другаго никого не было. Слово за словомъ, дѣло за дѣломъ, замѣшался онъ такъ, что совсѣмъ разстроились Царь Петръ съ Царевной, и бросилъ [Петръ] Москву и уѣхалъ къ Троицѣ. И вотъ 4-ю недѣлю жилъ Царь Петръ въ Троицѣ и шла борьба промежъ молодого Царя и Царевны. У молодаго Царя никаго не было и за всякимъ дѣломъ приходили къ Кн. Борису: что написать, что сказать, кого куда послать. И сталъ Кн. Борисъ вмѣсто монаха первымъ человѣкомъ при Царѣ. И во всемъ удача была Кн. Борису. Царевну оставляли понемногу и бояре и стрѣльцы и Нѣмецкіе полки и съ помощью Угодника, чего не чаялъ никто, ни Кн. Борисъ, вся сила сошлась къ Троицѣ и сталъ однимъ Царемъ Петръ Алексѣичъ и однимъ дѣльцомъ Кн. Борисъ Алексѣичъ. Тяжело было Кн. Борису чувствовать на себѣ всю тяжесть власти. Сколько грѣха, сколько соблазна! А пуще всего, на той сторонѣ былъ старшій братъ Василій Васильевичъ и дошло дѣло до того, что не миновать было Василію Васильевичу плахи. И всему зачинъ и коноводъ былъ онъ, Князь Борисъ. — Подумалъ онъ, вспомнилъ все это, нагнулъ еще ниже голову, и лицо и шея его налились кровью и на глаза выступили слезы. — Онъ прочелъ всѣ молитвы, поклонился три раза въ землю и кликнулъ холопа, калмыка, Ѳедьку и велѣлъ подать умываться.

** № 8.

Прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой Царь Петръ Алексѣевичъ переѣхалъ изъ Москвы въ Троицо-сергіевскую Лавру, и за нимъ переѣхали молодая и старая Царицы — жена и мать Петра Алексѣевича; и по одному, и по нѣскольку стали переѣзжать изъ Москвы въ Лавру бояре, нѣмцы, стрѣлецкіе сотники и головы. Во всемъ народѣ былъ страхъ: не знали, кого слушаться. Въ Москвѣ оставался Царь Иванъ Алексѣичъ и Царевна Софья Алексѣвна. При нихъ ближнимъ бояриномъ былъ Князь Василій Васильичъ Голицынъ. Въ Лаврѣ былъ Царь Петръ Алексѣичъ съ матерью Царицей; при нихъ былъ ближній бояринъ, Князь Борисъ Алексѣичъ Голицынъ.

Во всѣхъ приказахъ въ Москвѣ сидѣли судьи отъ Царевны

[1] *Абзацъ редактора.*

Софьи Алексѣвны и судили, приказывали, казнили и награждали по указамъ Царевны Софьи и Князя Василья Васильича.

Отъ Царевны Софьи Алексѣвны и Князя Василья Васильича читались указы стрѣльцамъ, нѣмцамъ, солдатамъ, воеводамъ, дворянамъ, чтобы подъ страхомъ казни не смѣли ослушаться, не смѣли бы слушать указовъ изъ Лавры.

Отъ Царя Петра Алексѣевича читались указы изъ Лавры, чтобъ подъ страхомъ казни не смѣли слушаться Царевны Софьи Алексѣвны, чтобъ стрѣльцы, нѣмцы, солдаты шли къ Троицѣ, чтобъ воеводы высылали запасы туда же.

Уже 7 лѣтъ весь народъ слушался указовъ Царевны Софьи Алексѣвны и Василья Васильича и слушался ихъ въ дѣлахъ не малыхъ: и войны воевали, и пословъ принимали, и грамоты писали, и жаловали бояръ и стрѣльцовъ, и деньгами, и землями, и вотчинами, и въ ссылки ссылали, и пытали, и казнили людей немало. И Патріархъ, и Царь Иванъ Алексѣичъ, и самъ Петръ Алексѣевичъ, меньшой Царь, не спорили съ Царевной.

Царь Петръ Алексѣевичъ никогда народомъ не правилъ и мало входилъ во всѣ дѣла, только слышно было про него, что онъ связался съ нѣмцами, пьетъ, гуляетъ съ ними, постовъ не держитъ и утѣшается ребяческими забавами: въ войну играетъ, кораблики строитъ. Кого было слушаться? Народъ не зналъ и былъ въ страхѣ. Страхъ былъ и отъ угрозы казни — отъ Царевны ли, отъ Царя ли, — но еще больше страхъ былъ отъ стрѣльцовъ. Только 7 лѣтъ тому назадъ били и грабили стрѣльцы всѣхъ, кого хотѣли, и теперь тѣмъ же хвалились.

Какъ устанавливаютъ тереза передъ амбаромъ, полнымъ зерна, когда ужъ собрался народъ для того, чтобъ начать работу — грузить хлѣбъ на барку; какъ ждетъ хозяинъ, глядя на стрѣлку, скоро ли она остановится, а она медленно качается, переходя то въ ту, то въ другую сторону, такъ теперь остановились на мгновеніе вѣсы Русскаго народа. Но вотъ тереза установились, чуть, какъ дышетъ, пошевеливается стрѣлка, и покачивается коромысло. Хозяинъ кинулъ гири на одну сторону и на другую посыпалось зерно въ кадушку. Выравниваютъ, сгребаютъ, высыпаютъ въ мѣшки, взваливаютъ на плечи, стучатъ ноги по намостьямъ, встрѣчаются порожніе съ нагруженными; покряхтываетъ, опускаясь, барка, и закипѣла работа.—

Такъ весь августъ 1689 года стояли, уравниваясь, вѣсы правительства Русскаго народа. Сначала были слухи, что Нарышкины и Борисъ Голицынъ мутятъ народъ, хотятъ погубить Царевну Софью, которая законно царствовала 7 лѣтъ; потомъ сталъ слухъ, что Царевна Софья съ Васильемъ Голицынымъ мутитъ народъ. Потомъ пришло время, что никто не царствовалъ. Царевна Софья приказывала и грозила казнью, если не сдѣлаютъ.., то Царь Петръ приказывалъ сдѣлать напротивъ и [тоже] грозилъ.

Въ началѣ Сентября вѣсы выравняло, и вдругъ началась работа, — началось то время, которое называется Царствованіемъ Петра Великаго.

7 Сентября къ вечернѣ ударилъ большой колоколъ соборной Троицкой церкви, и въ ясномъ осеннемъ воздухѣ тихаго вечера звонко раздался благовѣстъ. Но кромѣ звона колокола и словъ молитвы слышались другіе звуки; кромѣ монаховъ, по заведенному порядку въ черныхъ рясахъ и клабукахъ, шедшихъ съ разныхъ сторонъ изъ келій къ церковной [1] службѣ, много было въ монастырѣ другихъ людей, думавшихъ не о молитвѣ. [2] Монастырь былъ полонъ народа! Въ Царскихъ хоромахъ былъ Царь съ Царицами и со всѣми придворными. Въ обѣихъ гостиницахъ было полно народа — бояре, стольники, генералы, полковники, нѣмцы и свои. У игумна и келаря стояли [1] бояре. Всѣ кельи простыхъ монаховъ были заняты. На слободѣ тоже было полно народа. За воротами стрѣльцы и пріѣзжіе стояли обозомъ, какъ въ походѣ. Безпрестанно то проходили офицеры въ невиданномъ еще нѣмецкомъ платьѣ, то пробѣгалъ стольникъ въ красномъ кафтанѣ за какой нибудь царской посылкой, то бояринъ въ собол[ь]ей атласной шубѣ и шапкѣ выходилъ на крыльцо кельи и приказывалъ, что-то кричалъ громкимъ голосомъ. [3] Нѣсколько десятковъ бабъ за воротами выли. Вой и плачъ этотъ, переливаясь на разные голоса, то словами, то пѣньемъ, то плачемъ, не переставалъ ни на минуту. [4] Это были стрѣльчихи изъ Москвы, — матери, жены, дѣти тѣхъ стрѣльцовъ, которыхъ однихъ привозили изъ Москвы, а другіе сами пришли съ повинною. Стрѣльцовъ этихъ допрашивали все утро, а послѣ полдней привезли стрѣлецкаго приказа окольничаго, Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго, — того самаго боярина Ѳедора Леонтьевича, который не разъ бывалъ въ Лаврѣ, пожертвовалъ иконостасъ въ придѣлъ Рожества Богородицы. Его поутру допрашивали безъ пытки, а теперь, въ самыя вечерни, повели на воловій монастырскій дворъ, гдѣ за три дня монастырскіе плотники тесали и устанавливали новую дыбу для пытки. Двое монаховъ, старичокъ съ краснымъ лицомъ и курчавой сѣдой бородкой и толстый опухшій монахъ, пріостановились у входа въ церковныя двери и шептали о томъ, что происходило

---

[1] *На полях от слов:* къ церковной службѣ, *до слов:* У игумна и келаря *написано:* Б. А. въ нервномъ напряженіи Андрюша. — Былъ слухъ что ѣдетъ Голицынъ не узнаетъ никого. Забываютъ всѣ живутъ сами по себѣ. Заплакалъ, когда промокъ. Жена нарочно дразнитъ и Софьѣ и плачетъ.— Голиц. *оретъ.*

[2] *Зачеркнуто:* Но рѣдкій изъ монаховъ, шедшихъ въ Церковь, шелъ съ тѣмъ духомъ спокойствія и отчужденія отъ заботъ мірскихъ, который приличествуетъ монаху.

[3] *Зач.:* Но не столько все то, что они видѣли, развлекало монаховъ, сколько то, что они слышали и что не могли заглу

[4] *Слово:* и *по ошибке не зачеркнуто. Зач.:* не заглушался ни говоромъ, ни звономъ колокола.

на воловьемъ дворѣ. По плитамъ двора послышались быстрые, легкіе шаги тонкихъ сапогъ, и, оглянувшись, они увидали [1] подходящаго келаря, отца Авраамія. Отецъ Авраамій былъ еще не старый человѣкъ, съ сухимъ, длиннымъ и блѣднымъ рябымъ лицомъ и черными, глубоко ушедшими, блестящими глазами. На немъ была длинная изъ чернаго сукна ряса и мантія, волочившаяся до земи. Клобукъ [2] былъ надвинутъ на самыя брови, волоса, запрятанные за уши и рѣдкіе, по рябинамъ разбросанные волоса бороды были неразчесаны. Все въ немъ говорило о строгости монашеской жизни; но движенія его — быстрыя, порывистыя, особенно легкая, быстрая походка и взглядъ быстрый, твердый, внимательный и прожигающій — выказывали силу жизни, несвойственную, какъ будто неприличную, монаху. Когда онъ подошелъ къ церковнымъ дверямъ, оба монаха низко, медленно поклонились ему. Онъ отвѣтилъ такимъ же поклономъ и спросилъ: «Что?» — хотя никто не говорилъ ему ничего. Старичокъ съ краснымъ лицомъ сказалъ: «Отецъ Пафнутій сказывалъ: пытать повели Ѳедора Леонтьевича».

Отецъ Авраамій вздрогнулъ, какъ будто морозъ пробѣжалъ у него по спинѣ, и, поднявъ руку, хотѣлъ перекреститься, но въ это мгновенье съ воловьяго двора послышался страшный, сначала тихій, потомъ усиливающійся стонъ, перешедшій въ ревъ. Отецъ Авраамій поблѣднѣлъ, и рука его остановилась.

— Волы ревутъ, ихъ на дворъ не пускаютъ, — сказалъ толстый монахъ, слегка улыбаясь.

Отецъ Авраамій повернулся лицомъ къ Церкви и быстро сталъ креститься, гибко кланяясь въ поясъ и читая молитву, и потомъ также быстро разогнулся, оглянулся на заходящее за западную башню солнце и скорыми, легкими шагами прошелъ въ храмъ, гдѣ уже зажигали свѣчи и готовились къ службѣ. Онъ прошелъ на клиросъ, досталъ книгу и сталъ читать, крестясь и молясь.

Бояре допрашивали все утро Окольничаго Шакловитаго въ хоромахъ, послѣ обѣда приказали свести его на монастырскій воловій дворъ, въ подклѣть монастырскихъ воловщиковъ, гдѣ былъ устроенъ [3] застѣнокъ. Для бояръ справа у двери были поставлены двѣ лавки съ суконными полавочниками и на нихъ сидѣли ближніе бояре [4] — четверо, по два на лавкѣ. На одной сидѣлъ, въ горлатной чернолисьей шапкѣ съ темнозеленымъ

---

[1] *Против слов:* они увидали *кончая:* изъ чернаго сукна ряса *на полях написано:* хмурое остановивш закомѣнѣвшая хмурость

[2] *В подлиннике:* Каблукъ

[3] *В подлиннике:* была устроена ⟨пытка⟩.

[4] *Перед словами:* ближніе бояре — *зачеркнуто:* Съ лѣва сидѣлъ на скамейкѣ дьякъ и улаживалъ подлѣ себя бумагу, чернила и перья. — Въ задней стѣнѣ была дыба и за ней сидѣлъ палачъ, разглаживая на колѣнѣ ремень кнута.

бархатнымъ верхомъ и въ вишневой бархатной собол[ь]ей шубѣ, распахнутой на атласномъ зеленомъ кафтанѣ, маленькій сухой старичокъ, съ краснымъ, какъ будто ошпареннымъ, лицомъ и бѣлой сѣдой бородой, усами, бровями и волосами. Онъ безпрестанно потиралъ свои маленькія красныя ручки и переставлялъ ноги въ своихъ красныхъ сапожкахъ. Глаза стальные, сѣрые быстро перебѣгали на лица тѣхъ, кого допрашивали, и на лица товарищей.

Это былъ почетнѣйшій бояринъ, извѣстный щеголь — Михаилъ Алегуковичъ, князь Черкаскій. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ толстый, грузный бояринъ лѣтъ 40, сутуловатый отъ толщины и съ ушедшей небольшой головой въ плечи. Онъ также нарядно былъ одѣтъ, какъ и Черкаскій, но лицо его не выражало той живости и подвижности, которая была въ лицѣ его товарища. Этотъ, напротивъ, оперши руки на колѣна, нахмурившись смотрѣлъ прямо въ одно мѣсто своими маленькими заплывшими глазами, и цвѣтъ кожи его за ушами и на пульсахъ рукъ былъ того нѣжнаго бѣлаго цвѣта, который бываетъ только у людей неломанныхъ и холенныхъ. Это былъ Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій.

На другой лавкѣ сидѣли: Голицынъ, Князь Борисъ Алексѣевичъ, дядька молодаго Царя и Левъ Кирилычъ Нарышкинъ, его дядя. Голицынъ былъ высокій, молодцоватый мущина съ ранней просѣдью въ рыжеватой бородѣ и съ красивыми, но расписанными красными полосами щеками и носомъ и съ большими, открытыми, добрыми глазами. Онъ былъ одѣтъ въ польскій желтый кафтанъ, и на головѣ его была маленькая шапка, которую онъ, почесывая голову, переворачивалъ, то съ той, то съ другой стороны. Жилистая шея его была раскрыта, даже пуговица на рубашкѣ растегнута, и то онъ все распахивалъ, какъ будто ему было жарко. Онъ почесывалъ голову, покачивалъ ею, прищелкивалъ языкомъ и, видимо, волновался. Левъ Кирилычъ былъ [1] высокій, стройный, чернобровый, черноглазый, съ румяными щеками и глазами, красавецъ. Онъ имѣлъ одно изъ тѣхъ неподвижныхъ красивыхъ лицъ, которыя невольно притягиваютъ къ себѣ вниманіе. Онъ и говорилъ больше всѣхъ, и больше всѣхъ спрашивалъ, и къ нему обращались подсудимые, и на него вопросительно взглядывалъ дьякъ, пристроившійся на скамейкѣ у двери и писавшій на своихъ колѣнахъ.

Передъ боярами стоялъ бывшій окольничей и начальникъ Стрѣлецкаго приказа Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый. Его только сняли съ дыбы, и на голой, мускулистой, длинной бѣлой спинѣ его, перекрещиваясь и сливаясь, лежали багрово синіе рубцы отъ ударовъ кнута, руки его, оттопыренныя локтями на-

---

[1] *Зачеркнуто:* моложе всѣхъ и, несмотря на то, что на немъ былъ простой азямъ чернаго сукна, накинутый на плечи, онъ былъ виднѣе всѣхъ.

задъ, съ веревочными, обшитыми войлокомъ, петлями, за которыя держалъ палачъ, имѣли странное положеніе; плечи неестественно были подняты кверху. Все красивое, мужественное тѣло его съежилось и дрожало. — Горбоносое красивое лицо его съ мелко кудрявыми волосами и свалявшейся короткой бородой было блѣдно, зубы стучали другъ объ друга и глаза до половины были закрыты.

— Читай, — сказалъ Левъ Кирилычъ дьяку.

— Совѣтовалъ ли съ Царевной погубить Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича?

Шакловитый только вчера былъ взятъ. Вчера еще онъ садился верхомъ у своего двора на сѣраго аргамака; 5 человѣкъ держальниковъ дворянъ окружали его лошадь, держали узду и стремя, и въ рукахъ, ногахъ была сила и гибкость, а въ душѣ чувствовалась сила, которой, казалось, ничто сломить не можетъ, и вотъ тотъ же онъ, съ тоской въ спинѣ, въ вывороченныхъ плечахъ и въ сердцѣ, которое ныло больнѣе вывихнутаго лѣваго плеча, стоялъ передъ всѣми ненавистными [?] людьми, — тѣми, которые, онъ зналъ, мѣсяцъ тому боялись его, подлащивались къ нему, и у него что то спрашивали, а онъ не могъ говорить, потому что стоны только стояли въ его душѣ. Какъ бы онъ открылъ ротъ, онъ бы застоналъ, какъ баба.

Онъ опустился, охая, гдѣ стоялъ, на землю.

— Дайте поѣсть, ради Бога. Я 2-й день...

— Совѣтовалъ ли? — повторилъ дьякъ.

— Совѣтовалъ, ничего не утаю, все скажу, ѣсть дайте...

Бояре заспорили. Одни хотѣли еще пытать его — Нарышкинъ и Ромодановскій, — другіе настаивали на томъ, чтобъ дать ему ѣсть и привести стрѣльцовъ для очной ставки. Они громко кричали, особенно Голицынъ и Нарышкинъ.

— Ты дѣло говори, — кричалъ Голицынъ на Нарышкина. — Я твоихъ наговоровъ не боюсь; чего же его пытать еще? Все сказалъ.

Шакловитый смотрѣлъ съ завистью на крич[ащихъ] бояръ. Голицынъ пересил[илъ].

— Приведите Стрѣльцовъ, — сказалъ старшій бояринъ, Кн. Черкаскій.

Въ дверяхъ зазвѣнѣли кандалы, и между стрѣльцами впереди и сзади взошли закованные 2 человѣка. Это были Семенъ Черный и Обросимъ Петровъ.

[1] Семенъ Черный былъ коренастый человѣкъ съ нависшими бровями и бѣгающими, ярко черными глазами въ синихъ бѣлкахъ, Цыганъ съ виду.

Обросимъ Петровъ былъ тотъ самый Стрѣлецкій урядникъ, который былъ главный зачинщикъ въ стрѣльцахъ, какъ говорили, и который сперва одинъ отбился саблей отъ 15 стрѣльцовъ,

---

[1] *Абзацъ редактора.*

бросившихся на него, чтобы взять его, и который потомъ, когда видно стало всѣмъ, что Царская сторона пересилитъ, самъ отдался въ руки стрѣльцамъ. По молодечеству ли его, потому ли, что онъ самъ отдался, потому ли что такая судьба его была, его, — Оброську Петрова, какъ его теперь звали, и Обросима Никифорача, какъ его прежде звали на стрѣлецкой слободѣ, его знали всѣ въ народѣ, и толпа народа собралась, когда его изъ Москвы, окованнаго, привезли къ воротамъ Лавры. Онъ былъ преступникъ, измѣнникъ — всѣ знали это, но онъ занималъ всѣхъ больше даже самаго Ѳедора Леонтьевича.

— Оброську, Обросима везутъ, — кричали въ народѣ, когда его везли.

— Ишь, орлина какой! Ничего не робѣетъ. Глянька, глянька, тоже на угодника молится. —

Такъ и теперь, когда ввели Обросима Петрова въ кандалахъ, въ одной рубашкѣ распояскою, невольно всѣ, отъ двухъ палачей до бояръ, всѣ смотрѣли на него. Обросимъ, не глядя ни на кого, оглянулъ горницу, увидалъ икону и не торопливо положилъ на себя три раза со лба подъ грудь и на концы обоихъ широкихъ плечъ пристойное крестное знаменіе, гибко поклонился въ поясъ образу, встряхнулъ длинными мягкими волосами, которые сами собою загибаясь вокругъ красиваго лица легли по сторонамъ, также низко поклонился боярамъ, дьяку, палачамъ, потомъ Ѳедору Леонтьевичу и, сложивъ руки передъ животомъ, остановился молча передъ боярами, сложивъ сочныя румяныя губы въ тихое выраженье, похожее на улыбку, не вызывающую, не насмѣшливую, но кроткую и спокойную. — Изогнутый красивый ротъ съ ямочками въ углахъ давалъ ему всегда противъ воли это выраженіе кроткой и спокойной улыбки.—

Дьякъ прочелъ ему вопросы, въ которыхъ онъ долженъ былъ уличать Ѳедора Леонтьевича. Обросимъ внимательно выслушалъ, и когда дьякъ кончилъ, онъ вздохнулъ, и началъ говорить. Еще прежде чѣмъ разобрали и поняли бояре и дьяки, и палачъ, и Ѳедоръ Леонтьевичъ, что онъ говорилъ, всѣ уже вѣрили ему и слушали его такъ, что въ застѣнкѣ слышался только его звучный, извивающійся, пѣвучій и ласковый голосъ.

— Какъ передъ Богомъ батюшкой, — началъ онъ неторопливо и не останавливаясь, — такъ и передъ вами, судьи бояре, не утаю ни единаго слова, ни единаго дѣла. Съ Богомъ спорить нельзя. Онъ правду видитъ. Спрашиваете, что мнѣ сказывалъ Ѳедоръ Леонтьевичъ 8-го числа Августа прошлаго года. Было то дѣло въ Воскресенье; пришли мы къ двору Царевниному, онъ меня позвалъ и говоритъ: «Обросимъ, ты нынче поди, братъ».

И Обросимъ разсказалъ ясно, просто и живо все, что было дѣлано и говорено.

Ясно было, что всегда и во всемъ на службѣ онъ былъ передовымъ человѣкомъ, стараясь наилучше исполнять возлагаемыя

на него порученія, что начальство такъ и смотрѣло на него; что онъ сомнѣвался и представлялъ начальству сомнѣнія въ законности дѣйствій, но потомъ увлекся дѣломъ и, какъ и во всемъ, что онъ дѣлалъ, былъ послѣдователенъ и рѣшителенъ. Точно также, когда онъ узналъ, что Царевна отреклась отъ нихъ, онъ рѣшилъ, что спасенія нѣтъ и отдался.

[1] Когда Ѳедоръ Леонтьевичъ, поѣвши, сталъ противурѣчить, Обросимъ посмотрѣлъ на него долго и сказалъ:

— Ѳедоръ Леонтьевичъ, что же путать. Вѣдь дѣло какъ въ зеркалѣ видно. Развѣ мы себя справимъ, что вилять будемъ. Я говорю, какъ передъ Богомъ, потому знаю, что мой смертный часъ пришелъ.

Послѣ того, какъ онъ все разсказалъ и Шакловитый сознался во всемъ и повторилъ свое увѣреніе написать завтра, когда онъ опамятуется, все что онъ говорилъ и дѣлалъ, бояре для подтвержденія рѣчей Обросима велѣли пытать его.

У Обросима дрогнуло лицо, когда онъ услыхалъ приказъ, и онъ поблѣднѣлъ, но не сказалъ ни слова. Онъ только перекрестился. Онъ зналъ впередъ, что ему не избѣжать пытки, но онъ обдумалъ уже то, что пытка будетъ легче, если онъ скажетъ всю истину, и на дыбѣ и подъ кнутомъ ему придется повторять только то, что онъ все уже сказалъ. Вся длинная рѣчь, такая простая и послѣдовательная, была имъ загодя внимательно обдумана и приготовлена.—

Когда палачъ сталъ надѣвать ему на руки петли, Обросимъ пагнулся къ его уху и проговорилъ:

— Дядя Филатъ! Всѣ помирать будемъ, пожалѣй.

И оттого ли, что онъ это сказалъ, отъ того ли, что онъ былъ силенъ на боль, онъ не издалъ ни однаго звука, стона во время пытки и только повторялъ то, что все уже имъ сказано. Когда его сняли, съ рубцами на спинѣ и выломанной одной рукой, лицо его было тожъ. Также расходились мягкіе волной волоса по обѣимъ сторонамъ лба, тоже, какъ бы кроткая, спокойная улыбка была на губахъ, только лицо было сѣро-блѣдное и глаза блестѣли болѣе прежняго.—

Въ то время, какъ повели Чернаго на дыбу, къ дверямъ застѣнка подошелъ молодой человѣкъ въ стольничьемъ дорожномъ платьѣ и сталъ что-то на ухо шептать Голицыну. Голицынъ вскочилъ и вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ поспѣшно вышелъ изъ застѣнка.

Молодой человѣкъ былъ Царицы Марфы Матвѣевны братъ, Андрей Апраксинъ, ближній стольникъ Царя Петра Алексѣевича. — Онъ только что пріѣхалъ изъ опаснаго въ то время порученія Князя Бориса Алексѣича къ двоюродному брату Василію Васильичу.— Василій Васильичъ Голицынъ, главный

[1] *Абзацъ редактора.*

заводчикъ смуты, какъ всѣ говорили, не ѣхалъ къ Троицы и сидѣлъ въ своемъ селѣ Медведкахъ подъ Москвой. Князь Борисъ Алексѣичъ давно разошелся съ братомъ. Они ненавидѣли другъ друга, но дѣло доходило уже до того, что Голицыну, Василію Васильичу, какъ говорили Лопухины и Нарышкины, не миновать пытки и казни, и Борисъ Алексѣичъ хотѣлъ спасти родъ свой отъ сраму, и, хоть не любилъ брата, хотѣлъ спасти его. Но спасти его было трудно. Было опасно послать когонибудь съ вѣстью къ Василію Васильичу Голицыну. Послать письмо, — могли перехватить и замѣшать самаго Бориса Алексѣича въ дѣло враги его — Нарышкины, Лопухины, Долгорукіе. Враговъ было много у Бориса Алексѣича, потому что онъ былъ дядька Царя, и до сихъ поръ Царь Петръ Алексѣевичъ дѣлалъ все только по его совѣту. — Послать вѣрнаго человѣка, умнаго, который бы на словахъ все передалъ, было некого. Всѣ боялись ѣхать. — На счастье юноша честный, добрый, Андрей Апраксинъ, котораго особенно любилъ, ласкалъ и училъ Князь Борисъ Алексѣичъ, самъ вызвался поѣхать. Андрей Апраксинъ зналъ, что это было опасно, но онъ былъ обязанъ Князю Василію Васильичу, и мысль, что онъ дѣлаетъ опасное дѣло только потому, что онъ не такъ, какъ другіе въ опасности бросаетъ друга, радовала [1] его, какъ вообще радуетъ молодыхъ людей мысль о томъ, что они дѣлаютъ хорошее и трудное дѣло, которое не всякій бы сдѣлалъ. Онъ былъ у Василія Васильича въ Мѣдведкахъ и передалъ ему слова Бориса Алексѣича, что одно средство спастись это пріѣхать самому и скорѣе, покуда не велятъ взять силой, въ Лавру. И, несмотря на то, что Князь Василій Васильичъ не соглашался, Андрею Апраксину удалось уговорить его, и теперь Апраксинъ только что пріѣхалъ въ Лавру, вмѣстѣ съ Княземъ Васильемъ Васильичемъ и прибѣжалъ сказать Борису Алексѣичу, что Князь Василій Васильичъ уже подъѣзжаетъ къ воротамъ Лавры.

— Вотъ, довелъ таки, [2] — думалъ Борисъ Алексѣевичъ про своего родню Василья Васильича, — довелъ до того, что и не выпростаешь его. Вѣдь посылалъ я ему 3 раза, чтобъ ѣхалъ. Тогда бы пріѣхалъ, остался бы первымъ человѣкомъ, а теперь съ какими глазами я скажу Царю, что онъ не виноватъ, когда Ѳедька (послѣ пытки Борисъ Алексѣичъ въ первый разъ самъ для себя назвалъ Шакловитаго уже не Ѳедоромъ Леонтьевичемъ, а Ѳедькою), когда Ѳедька прямо сказалъ, что онъ зналъ про все и говорилъ стрѣльцамъ: «чтожъ не уходили Царицу». — Ахъ, народъ! — проговорилъ Борисъ Алексѣевичъ, крякнувъ, и остановился, задумавшись. Онъ вспомнилъ живо братца

[1] *В подлиннике:* радовало

[2] *На полях против слов:* Вотъ, довелъ таки, — *написано:* Царь его головы ищетъ.

своего Василья Васильича, вспомнилъ, какъ передавали ему люди, что Василій Васильичъ называлъ его не иначе, какъ пьяницей, вспомнилъ, какъ съ молодыхъ ногтей они съ нимъ равнялись въ жизни и какъ во всемъ въ жизни Василій Васильичъ былъ счастливѣе его: и на службѣ и въ милости Царей, и въ женитьбѣ — красавицу жену его, Авдотью Ивановну, онъ вспомнилъ,— и въ дѣтяхъ. У Василья Васильича была жена, дѣти. Онъ еще при Царѣ Ѳедорѣ Алексѣичѣ былъ первымъ человѣкомъ, а теперь 7 лѣтъ прямо царствовалъ, съ тѣхъ поръ, какъ связался съ Царевной. А у него, Бориса Алексѣевича, ничего не было: жена померла, дѣтей не было, и во всей службѣ своей, чтожъ онъ выслужилъ? Кравчаго, да двѣ вотчины въ 400 дворовъ, да и тѣхъ ему не нужно было. Въ немъ проснулось чувство той сопернической злобы, которая бываетъ только между родными.—

— Такъ-нѣтъ же, вотъ онъ погубить меня хотѣлъ, а я спасу его, — сказалъ себѣ Борисъ Алексѣевичъ, и быстрыми шагами, не видя никого и ничего, пошелъ, куда надо было.

[1] Какъ это бываетъ въ минуты волненія, ноги сами вели его туда, куда надо было, въ Царскіе хоромы. [2] Борисъ Алексѣичъ, уже цѣлый мѣсяцъ былъ въ томъ натянутомъ положеніи, въ какомъ находится лошадь, когда тяжелой возъ, въ который она запряжена, разогнался подъ крутую гору. Только поспѣвай, убирай ноги. И старая лѣнивая лошадь летитъ, поджавъ уши и поднявъ хвостъ, точно молодой и горячій конь. Тоже было съ Борисомъ Алексѣевичемъ. Царица больше всѣхъ, больше, чѣмъ брату родному, вѣрила ему, Царь Петръ Алексѣевичъ слушался его во всемъ. [2] И такъ съ перваго шага 7 Августа изъ Преображенскаго, когда уѣхали всѣ въ Троицу, все дѣлалось приказами Бориса Алексѣевича. И что дальше шло время, то труднѣе, сложнѣе представлялись вопросы и, чего самъ за собой не зналъ Борисъ Алексѣевичъ (какъ и никогда ни одинъ человѣкъ не знаетъ, на что онъ способенъ и не способенъ), ⟨онъ легко и свободно велъ все дѣло,⟩ ни одна трудность не останавливала его, и, къ удивленію и радости, и ужасу своему, въ началѣ Сентября онъ чувствовалъ, что въ немъ[3] сосредоточивалась вся сила той борьбы, которая велась между Троицей и Москвою.

[1] Трудъ не тяготилъ его: его поддерживала любовь къ своему воспитаннику Петру, на котораго онъ любовался и любилъ, не какъ отецъ сына, но какъ нянька любитъ воспитанника, и дружба съ Царицей Натальей Кириловной, которая любила Бориса Алексѣевича и покорялась ему во всемъ и любовь

---

[1] *Абзац редактора.*

[2] *Со слов:* Б. А. уже цѣлый мѣсяцъ *кончая:* во всемъ. *на полях написано:* Голицынъ ослабѣлъ, самъ не ждалъ, что онъ такъ великъ. Ротъ когда пьетъ.

[3] *Зачеркнуто:* какъ къ единственной тогда сильной власти сбѣгались всѣ лучи самаго разноднаго государственнаго управленія.

которой, слишкомъ простая и откровенная, стѣсняла иногда Бориса Алексѣевича.—Одно стѣсняло Бориса Алексѣевича, это то, что ему надо было пить меньше, чѣмъ обыкновенно. Хотя онъ и былъ одинъ изъ тѣхъ питуховъ, которые никогда не валятся съ вина и про которыхъ сложена поговорка: пьянъ, да уменъ — два угодья въ немъ — онъ зналъ ту степень трезвости, когда онъ былъ вялъ и нерѣшителенъ, и зналъ ту степень пьянства, когда онъ становился слишкомъ добръ, а этаго нельзя было, и онъ старался пить все это время меньше, чѣмъ сколько ему хотѣлось.

[1] Теперь, во все [2] время этаго своего управленія всѣмъ дѣломъ, онъ былъ смущенъ и затруднял[ся] именно потому, что дѣло теперь — защита Василья Васильича — было личное его. Не доходя до ⟨пріемной⟩ Царя, онъ въ сѣняхъ встрѣтивъ Карлу, послалъ его за виномъ, и истопникъ принесъ ему бутылку ренскаго вина и кубокъ. Онъ только что вылилъ всю бутылку и выпилъ, когда дверь отворилась и высокій, длинный бѣлокурый юноша въ темнозеленомъ кафтанѣ быстро, ловко и тихо вышелъ изъ двери съ двумя стамесками въ рукахъ и, увидавъ Князя Бориса Алексѣевича, низко поклонился и хотѣлъ бѣжать дальше.

— Куда, Алексашка? — сказалъ Борисъ Алексѣевичъ.

— Въ мастерскую, приказалъ наточить, да такую круглую спросить, выбирать пазы, — отвѣчалъ Алексашка, [3] показывая стамески и звѣня по ней крѣпкимъ ногтемъ пальца.

— Что дѣлаетъ?

— Столярничаетъ.

— Съ кѣмъ?

— Францъ Иванычъ, да Ѳедоръ Матвѣичъ.

Борисъ Алексѣевичъ уже хотѣлъ входить, когда въ другую дверь вышла старушка, мамка Царицына, поклонилась низко Борису Алексѣевичу и сказала:

— Царица къ себѣ зоветъ. Ужъ она сама не въ себѣ, золото мое, серебряный. Приди, отецъ, скажи ей слово.

Борисъ Алексѣевичъ понялъ, что изъ окна ужъ видѣли его, и Царица Наталья Кириловна, находившаяся все время въ ужасѣ, звала къ себѣ. Нечего дѣлать. Онъ пошелъ.

Въ Царицыной горницѣ стояли двѣ верховныя боярыни М. В. и А. И. и она, Царица, въ собол[ь]ей шапочкѣ съ бѣлымъ и въ тѣлогрѣѣ черной, между ними. Бѣлое пухлое лицо было заплакано, глаза, кроткіе, тихіе, смотрѣли умоляюще, маленькія пухлыя ручки сжаты были, какъ когда молятся; несмотря на толщину ея живота, заставлявшую ее всегда ходить выгнувшись назадъ и высоко носить голову, она нагибалась впередъ.

---

[1] *Абзац редактора.*

[2] *В подлинникѣ:* всего

[3] *Противъ словъ:* отвѣчалъ Алексашка, *на поляхъ написано:* губы сладки

[1] Не успѣлъ Борисъ Алексѣевичъ поклониться иконамъ и ей, какъ она уже начала говорить. Лица двухъ боярынь имѣли тоже выраженье.

— Чтожъ ты, Князь, не пришелъ сказать. Вѣдь измучалъ. Что злодѣи наши, что мое дитя милое, я вдова безсчастн[ая].— Всю ты мнѣ правду скажи, на кого жъ и надѣяться, что не на тебя, другъ ты нашъ вѣрный, слуга неизмѣнный; одинъ ты остался. Что сказалъ злодѣй?

— Не печалься, была печаль, теперь миновала, все разсказалъ; всѣ злодѣи побраты, все змѣя подколодная, Софья Царевна, подговаривала.

— Ну, слава Богу. Да ты чтожъ пришелъ, не дождамшись, одинъ?

— Князь Василій Васильичъ пріѣхалъ.

Лицо Царицы, доброе, вдругъ измѣнилось.

— Чего онъ? Онъ обманетъ. Ты ужъ защити.

— То-то, я пришелъ спросить Царя, принять ли его и когда?

— Батюшка, ты обдумай, наше дѣло женское. Вѣдь онъ колдунъ. Поди къ нему и я приду.

Когда Князь Борисъ вышелъ, Наталья Кириловна пошла къ невѣсткѣ, шившей кошелекъ, и стала цѣловать ее. Евдокія была весела, счастлива. Она бы желала такихъ смутъ каждый день. Мужъ былъ съ ней, спалъ съ ней каждую ночь. И нынче — радость: навѣрно узнала, что она брюхата: ребенокъ затрепыхался, и она сказала свекрови. Наталья Кириловна [2] пришла къ ней поцѣловать ее и порадоваться. Она отъ нея забирала радость. — И отъ дочери, красавицы Наташиньки. Нат[ашинька] низала бисеръ, вышивала воздухи.

Борисъ Алексѣевичъ вошелъ къ Царю. Царь — огромное длинное тѣло, согнутое въ три погибели, держалъ между ногъ чурку и строгалъ; голова рвалась, дергалась вмѣстѣ съ губами налѣво.

— Ну, чтожъ, такъ теперь, — сказалъ онъ, показывая выстроганное высокому Нѣмцу.

— Ничаво, латно, — сказалъ Нѣмецъ.

Царь посмотрѣлъ на Бориса Алексѣевича и, видимо, не видалъ его, а слушалъ Нѣмца.

— Ну, а у тебя, — онъ обратился къ Ѳедору Матвѣичу.

Тотъ только кончилъ строгать и владилъ конецъ въ пазъ.

— Экой чортъ ловкій, лучше моего.

Ѳедоръ Матвѣичъ — полузакрытые глаза, тонкія, ловкія руки и кротость.

---

[1] *Абзац редактора.*

[2] *В подлиннике:* Н. К. Кириловна

— Ну что? Отпытали? — спросилъ Царь. — Что говорятъ?

— Много говорятъ, все скажу завтра. Теперь вотъ что. Князь Василій Васильичъ пріѣхалъ. Надо принять его.

Лицо Царя затряслось больше.

〈— Куда, въ застѣнокъ〉 Онъ помнилъ только, что Василій Васильичъ не далъ ему пушекъ и за то не любилъ его.

— Чтожъ мнѣ съ нимъ говорить?

— Да пустить къ рукѣ, потому...

Въ это время отворилась дверь и дядя Царя, Нарышкинъ, вбѣжалъ въ горницу блѣдный и съ трясущейся нижней челюстью. —

— Вишь ловокъ! Къ рукѣ пустить. Знаю, что убѣжалъ изъ замѣтки [?] чтобъ здѣсь намутить. Какже, твои хитрости. Не къ рукѣ его, а туда же, гдѣ братья мои отъ стрѣльцовъ, благо въ рукахъ.

— [1] Да ты чего жъ. Погоди еще, когда Царь велитъ. Намъ съ тобой спорить непригоже.

— Пьяная твоя морда. —

Вошла Царица.

— Хоть ты скажи сыну. Если его пустятъ. Онъ погубитъ — всѣхъ.[1]

— Какъ Борисъ Алексѣевичъ скажетъ, такъ и быть.

— Да ужъ ты никогда мою руку не потянешь, тебѣ чужой ближе брата, онъ своихъ то, небось, жалѣетъ, измѣнщика не выдастъ.

— Погоди обзывать измѣнщикомъ то.

— А, правнукъ измѣнничій.

— Будетъ, говорю, — вдругъ крикнулъ Борисъ Алексѣевичъ, наступая на него и сжалъ кулаки. — Убью, сукина сына. — И къ Царю, — велишь уйти, такъ уйду, ссылай. —

Царь смотрѣлъ то на того, то на другаго, голова его тряслась больше прежняго; вдругъ движенье Бориса Алексѣевича быстро сообщилось ему.

— Молчать — крикнулъ онъ на дядю. — Кому велю говорить, тотъ говори.

Нарышкинъ умолкъ.

— Ну, матушка, приказывай, что дѣлать.

Наталья Кириловна посмотрѣла на Бориса Алексѣевича умильно.

— Все бы сдѣлалъ Борисъ Алексѣевичъ, да его, да ее не могу къ своему дѣтищу пустить. Пущай его станетъ на посадъ, а тамъ бояръ позовемъ, обсудимъ.

— Такъ и быть, — сказалъ Царь.

— А онъ уйдетъ. Стрѣльцамъ прикажи.

— Такъ и сдѣлаю.

---

[1] *Со слов:* — Да ты чего жъ. *кончая:* Онъ погубитъ всѣхъ. *на полях написано:* Н. К. противурѣчитъ себѣ.

Борисъ Алексѣевичъ поклонился и пошелъ къ воротамъ, у которыхъ ждалъ Василій Васильичъ. —

* № 9.

Только что ударили въ большой колоколъ къ вечерни; наканунѣ праздника Рожества Богородицы къ воротамъ Троицо Сергіевскаго монастыря, звѣня уздовыми цепями конныхъ и громыхая колесами колымагъ и телѣгъ, подъѣхалъ длинный поѣздъ — изъ Москвы. Въ передней каретѣ, окруженной конными людьми въ богатыхъ уборахъ, сидѣлъ главный бояринъ и печати оберегатель Василій Васильевичъ, Князь Голицынъ, съ молодымъ сыномъ. Навстрѣчу отъ воротъ монастырскихъ вышелъ урядникъ стрѣлецкій и узнавъ, кто пріѣхалъ, побѣжалъ въ калитку, вывелъ съ собой сотника и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ калитку.

Въ каретѣ стукнуло, дернулось слюденое оконце и опустилось. Худая бѣлая рука съ длинными пальцами легла на окно и вслѣдъ за рукой высунулось и знакомое сотнику бритое, продолговатое, моложавое съ усиками лицо — Главнаго Боярина и оперлось подбородкомъ, подъ которымъ оставалась невыбритая борода, на бѣлую, худую съ синими жилами руку. Сотникъ подошелъ къ окну и, снявъ съ лис[ь]ей опушкой суконную шапку, въ поясъ поклонился.

— Что-жъ ворота не отпираешь, — сказалъ тонкимъ женскимъ голосомъ Князь Василій Васильевичъ.

— Ворота приказаны Полковнику, сейчасъ къ нему побѣжали.

— Развѣ ты не знаешь меня?

— Когда же Князь Василья Васильеча не знать, — отвѣчалъ сотникъ улыбаясь и вглядываясь въ лицо боярина и въ лицо его сына въ глубинѣ кареты. Лицо боярина было такое же, какъ всегда, тихое, тонкое и задумчивое, только оно сѣро показалось сотнику отъ пыли ли, залегшей съ лѣва вдоль по [1] прямому длинному носу или отъ чего другаго и открытые большіе глаза казались блестящѣе обыкновеннаго и быстро перебѣгали съ лица сотника на лицо стрѣльцовъ и толпы дворянъ, стрѣльцовъ, солдатъ, монаховъ, собиравшейся все больше и больше у воротъ. Раза два онъ втягивалъ въ себя духъ, какъ будто хотѣлъ сказать что то, но не говорилъ. По лицу сына сразу видно было, что онъ былъ не въ себѣ. Лицо его было похоже на лицо отца, но было много красивѣе, не столько потому, что оно было моложе, сколько потому, что это было почти то-же лицо, но безъ того выдающаго[ся] впередъ подбородка и рта, надъ которымъ лежалъ длинный звѣриный лисій носъ. Это было тоже лицо, но какъ будто выпрямленное и отъ того ⟨болѣе⟩ привлекательное. Молодой Князь видимо старался не смотрѣть

[1] *Зачеркнуто:* горбатому

и не показывать волненія; но онъ не могъ мгновенья усидѣть смирно; то онъ облакачивался назадъ на подушки за спиной, то вытягивался прямо, оборачивался то къ тому, то къ другому окну, то застегивалъ, то разстегивалъ пуговицу на кафтанѣ у шеѣ. Лицо его было красно, брови нахмурены и дыханіе, слышно, давило его.

— А что Ѳедоръ.... здѣся? — спросилъ Василій Васильевичъ, не глядя на сотника.

— Нынче на разусвѣтѣ привезли, — отвѣчалъ сотникъ.

— Повели пытать, — прибавилъ стрѣлецъ стоявшій близко.

Василій Васильевичъ будто не слыхалъ словъ стрѣльца, принялъ руку и, подозвавъ своего человѣка, сталъ приказывать что-то. Но въ это время калитка отворилась, народъ разступился, и вышелъ полковникъ стрѣлецкій и дьякъ. Дьякъ подошелъ къ окну, поклонился, снялъ шапку и проговорилъ:

— Государь и Великій Князь, самодержецъ... Петръ Алексѣевичъ не приказалъ тебѣ, Боярину Василію Васильевичу, Князь Голицыну, быть въ монастырѣ, а приказалъ тебѣ ѣхать и стать на посадѣ и ждать Его Царскаго указа, а оттуда никуда не отбывать.

Голицынъ, приподнявъ шапку, поклонился и приказалъ своему человѣку везть на посадъ къ Посадскому человѣку, гдѣ онъ знаетъ дворъ получше.

Люди хотѣли трогаться, когда къ окну подошелъ Полковникъ и, низко кланяясь, сказалъ: Князь Борисъ Алексѣевичъ приказывалъ подождать — самъ къ тебѣ выдти хотѣлъ.

Лицо Василья Васильевича вспыхнуло огнемъ при словахъ Полковника.

— Пошолъ, — крикнулъ онъ. — Мнѣ его видѣть не зачѣмъ, я не къ нему... — видно съ трудомъ онъ подавилъ ругательство, просившееся въ прибавку къ упоминанію о врагѣ, — а къ Царю пріѣхалъ, пошелъ.

Человѣкъ, сидѣвшій на козлахъ, замахалъ кнутомъ передов[ому[?]], зачмокалъ. Карета тронулась, закачалась, повернулась и покатилась къ посаду. За каретой пошли стрѣльцы.

В.

[КОЖУХОВСКИЙ ПОХОД.]

* № 10.

Подъ Каширой городомъ жилъ опальный Ерлоковъ бояринъ. Былъ онъ въ славѣ, когда царствомъ правила Софья царевна. А когда сослали Князь Голицына, Василья Васильевича, когда отрубили голову Шакловитому и всю ихъ шайку разогнали и ⟨Ерлокова сослали въ свои вотчины⟩. И сталъ править Царствомъ Петръ Царь съ братомъ Иванъ Алексѣичемъ (Иванъ Алексѣичъ только что славился Царемъ. Онъ былъ слѣпой и убогій), съ

тѣхъ поръ и Ерлокова сослали съ Москвы и отняли домъ въ Москвѣ, и стали они жить въ своихъ вотчинахъ. —

Вотчины были не большія, а Ерлоковы ужъ набаловались въ Москвѣ, къ богатой жизни привыкли и житье ихъ было скучное.—

У старика Ерлокова было два сына. Старшій

*, ** № 11.

1.

Въ 203 году (1694) посланы отъ Царей грамоты въ 22 города, чтобъ собирались ратные люди въ Москву къ 18 Сентября, для ратнаго ученья. Въ Каширской разборной книгѣ записано было: Князь Иванъ, Княжь Луки сынъ Щетининъ служитъ съ 176 года 27 лѣтъ, былъ на службахъ и раненъ, — крестьянъ за нимъ 28 дворовъ. На Государевой службѣ будетъ на Аргамакѣ съ саблей, пара пистолей, да 2 лошади простыхъ. Съ огневымъ боемъ, съ пищалями 7 человѣкъ, да въ кошу 7 человѣкъ. Да рядомъ былъ записанъ Стольникъ Князь Иванъ княжь Ивановъ сынъ Хованскій, служитъ съ 181 года 22 года и былъ на 4-хъ службахъ, крестьянъ за нимъ 257 дворовъ, на государевой службѣ будетъ на конѣ съ саблей въ саадакѣ, 2 лошади простыхъ, люди съ боемъ 9 человѣкъ, 2 конюхъ, въ кошу 10 человѣкъ съ винтованными пищалями.

Оба Князя были сосѣди и жили въ деревняхъ и хотѣли ѣхать вмѣстѣ, да не дождался Хованскаго [Щетининъ], и ушелъ прежде. Щетининъ Князь противъ росписи привелъ съ собой еще лишняго сына Илью на Бахматѣ съ саблей и пистолями и пріѣхалъ въ Москву въ срокъ. А Хованскій Князь пріѣхалъ уже послѣ къ Покрову, когда всѣ войска вышли на потѣшную войну за Симоновъ монастырь на Москву-рѣку, противъ деревни Кожуховой. —

Хованскій Князь записался въ Москвѣ въ разрядѣ у боярина Стрешнева, отговорился, что не могъ поспѣть раньше; прошелъ къ сборному мѣсту и сталъ рядомъ съ сосѣдомъ Князь Иванъ Лукичемъ.

Все войско (его было тысячъ 15) раздѣлено было на двѣ части. Одна часть называлась поляки. Начальникомъ былъ Бутурлинъ Иванъ Иванычъ. А другая часть называлась Русскіе наши. Начальникомъ былъ Ромодановской Князь *Ѳедоръ Юрьевичъ*. Поляки сидѣли въ крѣпости, а Русскіе выбивали ихъ. Щетининъ и Хованскій попали въ Русскихъ. Палили изъ пушекъ, изъ ружей холостыми зарядами, бились тупыми копьями,[1] лошадьми топтались и подкапывались подъ крѣпость.

Воевали 2-ю недѣлю. Въ середу на 2-й недѣли дали отдыхъ. По нашей арміи только выслали рабочихъ людей: десятаго съ каждаго полка, а стрѣльцамъ и солдатамъ отъ Лефорта[2] ⟨по

[1] *Не зачеркнуто:* копій

[2] *Не зач.:* дана

Царскому приказу привезена была водка и всѣ гуляли.— Въ одномъ нашемъ войскѣ было 7000 человѣкъ, и мѣсто войско занимало не малое. Отъ самыхъ подкоповъ нашихъ противъ крѣпости до деревни Кожуховой на версту мѣста, стояли войска, гдѣ въ балаганчикахъ, а гдѣ и просто. Время стояло теплое — бабье лѣто. Въ Кожуховѣ стоялъ Ромодановскій Князь — начальникъ и Царь и всѣ придворные. Бабы съ ребетенками ужъ коегдѣ по овинчикамъ жались. А въ деревнѣ по избамъ, по клѣтямъ, по амбарамъ, вездѣ стояли бояре, нѣмцы генералы, офицеры и преображенскіе потѣшные. Впереди деревни стояли стрѣльцы. За деревней къ лѣсу по ручью, по сю сторону болота, стояла конница: Рейтары и драгуны, двѣ роты изъ холопей боярскихъ. Полки звались: одинъ — Налеты, а другой — Нахалы. —

У самаго края лѣса стояли стольники и дворяне.

День былъ красный, веселый. Наканунѣ шелъ дождь, съ утра былъ туманъ, а какъ разошелся туманъ, откуда ни взялась паутина разлетѣлась по всему полю и тепло стало, какъ лѣтомъ, а свѣтло такъ, что глаза рѣзало. —

По всему стану слышно были пѣсни, а изъ Кожухова [1] самаго то и дѣло палили изъ пушекъ. Выпалятъ разъ-разъ толсто изъ пушки, изъ другой, и разсыпятъ дробью изъ ружей. Какой солдатъ опоздаетъ или не выйдетъ у него ружье, слышно послѣ стукнетъ и закричатъ что-то далеко въ много голосовъ. Сизый дымъ отъ пороху такъ и стоялъ надъ деревней. Въ Кожуховѣ въ этотъ день Лефортъ, Нѣмецъ Генералъ, праздновалъ по своему имянины свои и угощивалъ и Ромодановскаго и вельможъ всѣхъ и Царя.

Хрущевъ, Аникита Пафнутьичъ, сидѣлъ на краю лѣса передъ своимъ шатромъ и обѣдалъ съ Хованскимъ, Князь Иванъ Иванычемъ, съ сыномъ Прохоромъ и знакомцами. Хоть онъ былъ и не изъ самыхъ богачей и никогда въ случаѣ не былъ. А знали его за его ласковый обычай, за то, что никого отъ себя не отпуститъ, не угостивши и не напоивши до ⟨пьяна⟩. Послѣ Царя Алексѣя Михаиловича Хрущевъ попалъ по наговорамъ въ немилость и уѣхалъ въ Каширскія вотчины. Потомъ и немилость прошла и недруговъ его не стало, да ужъ полюбилось ему вольное деревенское житье и не захотѣлъ ужъ онъ самъ въ Москву. Въ нынѣшній годъ, какъ только объявили ему грамоту Царскую, онъ первый пріѣхалъ въ Преображенское съ сыномъ женатымъ, среднимъ. Всѣхъ сыновей у него было 4. Ромодановскій, Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, ему былъ знакомъ по охотѣ по соколиной и Аникита Пафнутьичъ привезъ ему однаго въ гостинецъ. Ромодановскій зачислилъ его въ конницу съ сыномъ и велѣлъ быть урядникомъ Налетовъ и Нахаловъ. —

Теперь на роздыхъ собралось къ Аникитѣ Пафнутьичу много

[1] *В подлинникѣ:* Кожухово

народа, знакомцевъ, и они, сидя на коврахъ передъ шатромъ, гуляли. —

Столъ былъ доска, привезенная изъ дома и лежа[щая] на стульяхъ, сидѣлъ Аникита Пафнутьичъ ⟨съ⟩ Хованскимъ на боченкахъ, а сынъ и знакомцы на толстой березовой плахѣ.

— Ты поди жъ ты, — говорилъ Хрущевъ, Тараруй по прозвищу, — развѣ порохомъ берутъ города. Не порохомъ, поди жъ ты, а народомъ. — Да народомъ то еще не всякимъ. Народъ надо чтобъ былъ — вотъ что. — Онъ махнулъ рукой, зацѣпилъ за ковшъ и пролилъ медъ. — Лизутка, эй, что спишь. Подлизывай. — Такъ поди жъ ты. Мы съ Нѣмцемъ тогда подъ Чигириномъ, что дѣлали. Мы не кормили народъ, чтобъ онъ злѣй былъ.—⟩

[*Конспект и перечень действующих лиц.*]

Мужикъ Микула въ Черни. У Микулы сынъ монахъ, вотчинникъ Головина. Алексѣй Алексѣичъ учился съ внукомъ и дружен. — А. А. влюбленъ въ Щетинину, ему не позволяютъ брать, выдаютъ Щетинину за Левашова. Левашовы отдали сестру за Щепотева въ Переславлѣ.

Щепотевой-Левашовой спаситель мужикъ Щепотевской Тарасъ. Его дѣти раскольничали. — Бывшій другъ Щепотева. — Разбойникъ.

Тарасовы дѣти въ связи съ стрѣльцами и Посошковымъ.

А. А. въ связи съ Меншиковымъ и женится на его сестрѣ.

1) М[ужикъ] Микула.
2) с[ынъ] его монахъ.
3) А. Головинъ.
4) Ѳ. Головинъ.
5) Левашовъ.
6) Левашовъ.
7) Тарасъ.
8) Стра[с]тн. раскол. его сынъ.
9) Разбойникъ дьячій сынъ, другъ Щепотева.
10) Стрѣлецъ раскольникъ.
11) Стр. бунтовщ.
12) Посошковъ.
13) Менш[иковъ] [?]
14) сынъ Тараса солдатъ.

1) Щетинина дѣвка.
2) Левашова за Щепотевымъ.
3) Стрѣльчиха раскольница.
4) Головина мать.
5) внукова жена.
6) Меншикова.
7) ⟨Мона⟩.

* № 12.

Въ Сентябрѣ 1694 года подъ Москву было собрано ⟨потѣшное⟩ войско. Войско состояло изъ стрѣльцовъ Московскихъ, солдатскихъ, рейтарскихъ, драгунскихъ полковъ, изъ новаго Царскаго потѣшнаго войска, собраннаго въ Преображенскомъ селѣ и въ Семеновскомъ и обученнаго [1] нѣмецкому строю, и еще

[1] *В подлинникѣ:* обученномъ

изъ [1] служилыхъ помѣщиковъ, собранныхъ по 22-мъ городамъ.— Помѣщикамъ были посланы строгіе приказы, и большая половина явилась къ сроку. —

Подъ Москвой, за Симоновымъ монастыремъ, была на Москвѣ рѣкѣ, противъ деревни Кожуховой, построена земляная крѣпость, и, когда Царь Петръ вернулся изъ Архангельска, войска одна половина вышла изъ Семеновскаго села, заняла крѣпость и назвалась Поляки, а другая половина вышла изъ Преображенскаго и назвалась Русскіе, и началась потѣшная война. *Русскіе* — съ ними былъ Царь, а воеводой былъ Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, нападали, а Поляки, — у нихъ воевода былъ Бутурлинъ бояринъ Иванъ Ивановичъ — отбивались. Конный полкъ служилыхъ людей помѣщиковъ былъ съ Русскими.

Дворянскій полкъ служилыхъ людей былъ собранъ по старому. Какъ и въ старину по запискѣ въ разрядной книгѣ выѣхали, кто съ какой сбруей, съ какими людьми и на сколькихъ коняхъ былъ назначенъ. —

〈Походовъ не было съ Крымскихъ походовъ 3 года.〉 Дворяне знали, что вызываютъ не на настоящую службу, а на потѣшную войну, и не въ Крымъ, а въ Москву, и потому съѣхалось много и съѣхались въ щегольской сбруѣ. —

Любовался народъ и на новые царскіе полки и на затѣи новыя, на разубранныхъ рыцарей и коней и на Шута съ полкомъ и на Карловъ и на золотую карету, когда войска проходили Москву, но больше всѣхъ любовался народъ на помѣщичій полкъ, когда на сѣрыхъ Аргамакахъ, залитыхъ серебромъ съ позвонками на поводьяхъ и залитыхъ чеканнымъ серебромъ уздахъ, проходили старики и молодые стольники дворяне съ саблями, пистолетами, а кто и съ саадакомъ и колчанами, въ собольихъ и лисьихъ шапкахъ и цвѣтныхъ атласныхъ кафтанахъ и зипунахъ. —

Дворянскій полкъ стоялъ на краю лѣса, верстахъ въ двухъ отъ Кожухова. Въ Кожуховѣ стоялъ Царь, придворные бояре и потѣшные Преображенцы, кругомъ стояли рейтары, драгуны, стрѣльцы. Дворянскій полкъ стоялъ на краю. Кошевой обозъ стоялъ въ лѣсу, а передъ лѣсомъ на лугу рядкомъ стояли таборомъ палатки дворянскіе. У каждой палатки были плетеныя и вырытыя кухни. У кухонь хлопотали холопи. Въ палаткахъ гуляли дворяне. Потѣшная война уже шла 3-ю недѣлю, бились тупыми копьями, палили холостыми зарядами изъ ружей и пушекъ, палили и бомбами, только нечиненными, подкапывались подъ крѣпость и закатывали бочки съ порохомъ, выѣзжали въ чистое поле и топтались лошадьми. Было и побито и ранено человѣкъ съ десятокъ; а потѣшная война все не кончалась,

---

[1] *Зачеркнуто:* дворянъ, стряпчихъ и стольниковъ

и говорили, что до зимы Царь продержитъ войска и будутъ биться.

5 Октября данъ былъ роздыхъ всему войску. Любимецъ Царскій Лефортъ Нѣмецъ счелся именинникомъ и въ Кожуховѣ угощалъ Царя и приближенныхъ. Съ утра началась пальба изъ пушекъ и ружей въ Кожуховѣ у двора того дома, гдѣ гулялъ Царь. —

Погода была ясная, тихая, паутина нитками и клубками летала по полю и въ полдни тепло стало, какъ лѣтомъ. —

У дворянъ по полку шло свое гулянье. Собирались другъ къ дружкѣ въ таборы.[1] 3-ья палатка съ края у самаго лѣсочка была палатка Кн. Щетинина, Ивана Лукича. Въ Серпуховской разрядной книгѣ было записано про Ивана Лукича: «Кн. Иванъ, Князь Луки сынъ Щетининъ служитъ съ 176 года 27 лѣтъ, былъ на службахъ и раненъ. Крестьянъ за нимъ 127 дворовъ. На Государевой службѣ будетъ на Аргамакѣ съ саблей, да пара пистолей, 10 лошадей простыхъ, съ огневымъ боемъ, съ пищалями 20 человѣкъ, да въ кошу 7 человѣкъ». А выѣхалъ Кн. Щетининъ не одинъ, а самъ другъ съ сыномъ Аникитой на Аргамакѣ, да не съ 10 челядинцами, а съ 20. — Кн. Лука Ивановичъ былъ старый воинъ и охотникъ. И когда другіе дарили воеводъ, да отлынивали отъ службы, онъ первый пріѣзжалъ и привозилъ лишнее противъ списка. — Кн. Лука Ивановичъ любилъ и повоевать, и погулять, и похвастать, а пуще всего любилъ угостить. — ⟨Холопи его забѣгались въ это утро, угощая гостей. Въ таборѣ Луки Ивановича перебывало человѣкъ 20 и всѣ уходили пьяные и теперь (ужъ время шло къ обѣду) еще сидѣли гости, пили медъ старый. Лука Ивановичъ хвалился своими медами.⟩ Гости сидѣли на коврахъ, передъ ними стояла на двухъ чуркахъ лавка. А на лавкѣ лежали сиги копченые, сельди и стояли чашки деревянныя. А въ чашки, то и дѣло, ковшомъ подливали медъ изъ ведра самъ хозяинъ, его сынъ и Ѳедотка холопъ, любимецъ [?] Княжеской.

Гостей было 5. Почетнымъ гостемъ старикъ стольникъ Кн. Хованскій Иванъ Ивановичъ, тяжелой, рябой старикъ ⟨съ большущей волосатой русой головой и съ рыжеватой бородищей до пояса.⟩ Онъ сидѣлъ на подушкѣ, поджавъ одну ногу и поддерживалъ рукой колѣнку другой. Кафтанъ синей былъ растегнутъ въ воротѣ и рубашка тоже, и то его толстую красную шею точно давило ⟨что-то⟩, онъ все поднималъ бороду и отворачивалъ воротъ. Выпуклые глаза его, налитые кровью, перебѣгали съ того, который кончилъ говорить, на того, который начиналъ говорить, и онъ хмурился, если тотъ, кто говорилъ, хмурился, и улыбался, если тотъ, кто говорилъ, смѣялся. Когда же два вмѣстѣ или больше начинали говорить, онъ смѣялся, моталъ головой и махалъ рукой. Послушать было чего.

---

[1] *Ошибочно не зачеркнуто:* Въ

Гости выпили и заспорили. Главными спорщиками былъ хозяинъ и молодой солдатъ изъ новыхъ потѣшныхъ. Онъ былъ [1] дьячій сынъ — Щепотевъ и былъ сватъ молодому хозяйскому сыну. Женаты были на родныхъ сестрахъ. Щепотева руку держалъ Ерлоковъ, старикъ подъячій. А съ хозяиномъ за одно были Левашовы два брата, одинъ — дворянинъ, а другой — стольникъ. —

Молодой Щетининъ только слушалъ, а не говорилъ. Ему нельзя было говорить при отцѣ, а видно было, что хотѣлось. Споръ зашелъ о лошадяхъ.

Князь Лука Ивановичъ хвасталъ Аргамакомъ, а Щепотевъ не вѣрилъ и Ерлоковъ поддакивалъ, говорилъ, что отъ конницы въ бою проку мало. —

Князь Лукѣ Ивановичу было лѣтъ 60, но какъ и смолоду, такъ и теперь, онъ былъ огневый; и всегда то онъ говорилъ такъ скоро, что безъ привычки трудно понять его, и всегда онъ и руками махалъ, и вскакивалъ и въ лицахъ показывалъ, что разсказываетъ, а, когда выпьетъ, да еще раздразнятъ его, такъ онъ пыхалъ, какъ порохъ.

— Что въ конницѣ, — закричалъ онъ, схвативъ своей жилистой съ синими узловатыми жилками маленькой вогнутой рукой за длинный [?] рукавъ дьякова кафтана. Онъ нахмурилъ свои черныя тонкія брови, и соколиный загнутый носъ еще круче загнулся надъ выставленной нижней челюстью. — Въ прахъ те расшибу; вотъ какой толкъ. Выводи на меня четырехъ съ ружьями, и всѣхъ собью и на арканѣ любаго увезу. Эхъ вы, горюны. —

Щепотевъ помоталъ своей широкой головой и посмѣялся. —

— Съ однимъ попробуй, Князь. —

— Съ однимъ? Выходи.

— Ладно. —

— Никитка, — крикнулъ Князь Иванъ Лукичъ сыну, — вели вести Аргамака, — нѣтъ, самъ веди. Сейчасъ стопчу.

Молодой Князь былъ похожъ на отца, только былъ много красивѣй его. Тѣже были огненные глаза, тотъ же носъ, но прямѣе, только съ малой горбинкой, и ротъ такой, что, когда онъ улыбался промежду усовъ и бороды, которая росла у него черная, не сплошная, а оставляя просвѣтъ подъ концами губъ, нельзя было не улыбаться и весело стало смотрѣть. Онъ былъ и выше ростомъ и статнѣе отца.

Онъ взглянулъ на Щепотева, похмурился — видно не нравилось ему, что Щепотевъ дразнилъ отца, взглянулъ на отца и вышелъ изъ палатки. —

Левашовы два брата сидѣли молча. Они были крупные, крупные, толстокостные ребята. Старшему было лѣтъ 40, и онъ

---

[1] *Зачеркнуто:* боярскій

былъ по толше; и руки, и носы, и зубы у нихъ длинные, угловатые и крѣпкіе.

Старшій обтеръ рукавомъ рѣдкіе усы и сказалъ, опустивъ зрачки:

— Попытать надо.

Когда привели лошадь, Кн. Иванъ Лукичъ ужъ забылъ про нее, онъ разсказывалъ, какъ подъ Чигириномъ онъ сбилъ двухъ лошадей. —

Дѣло стало за споромъ. Кн. Лука Иванычъ былъ выпивши. [1]—

* № 13.

⟨Осенью 1694 года кромѣ потѣшныхъ воиновъ, собранныхъ въ Семеновскомъ и Преображенскомъ, собраны были и стрѣльцы и пушкари Московскіе и рейтары и драгуны и еще собраны съ 22 городовъ дворяне помѣщики съ ратными людьми. Все войско, тысячъ 8 — раздѣлили на двѣ части, построили крѣпость у Москвы рѣки, и была примѣрная война: бились тупыми копьями, топтались лошадьми, палили изъ ружей холостыми зарядами и изъ пушекъ холостыми бомбами. Потѣшная война шла ужъ 3-ю недѣлю, и все городокъ держался и Русскіе не могли взять его. —

Въ первое воскресенье [2] послѣ Покрова всему войску данъ былъ роздыхъ. —

---

[1] *На полях вариант конца:* Въ это утро у Князя Ивана Лукича случилось несчастье съ тѣмъ самымъ сыномъ любимымъ, котораго онъ привезъ съ собой.

Рано утромъ къ Князю Ивану Лукичу зашелъ въ гости сосѣдъ Екимъ Антонычъ Ерлоковъ, сосѣдъ и привелъ съ собой зятя, Щепотева молодаго. Щепотевъ ужъ два года былъ записанъ въ Потѣшные и былъ Преображенскимъ солдатомъ. Иванъ Лукичъ велѣлъ разстелить ковры, достать изъ ямы боченокъ меду и поилъ гостей. Случилось такъ, что, о чемъ бы ни заговорили, Щепотевъ спорилъ съ хозяиномъ. Стали говорить о коняхъ. Кн. Иванъ Лукичъ всегда огневый, когда бывалъ подъ хмѣлькомъ, пыхалъ, какъ порохъ. Онъ велѣлъ привесть аргамака и хотѣлъ показать его удаль. Когда Кн. Иванъ Лукичъ сталъ садиться, онъ былъ пьянъ, старъ, осклизнулся по стремени, оборвался и упалъ. Щепотевъ засмѣялся. Молодой Князь, не говоря слова, замахнулся копьемъ ⟨и⟩ ратовищемъ, расшибъ въ кровь голову Щепотьеву. Щепотьевъ выхватилъ тесакъ, хотѣлъ драться. Его удержали. Тогда Щепотевъ ушелъ въ Кожухова и черезъ часъ времени за молодымъ Щетининымъ * пришли по Государеву приказу преображенскіе потѣшные двое и 10 стрѣльцовъ, связали молодому Князю руки и отвели его въ Кожухово.

Съ старика сразу весь хмѣль [со]скочилъ, и онъ [на]томъ же аргамакѣ поѣхалъ къ свату, къ стольнику Хованскому Князю уговорилъ его ѣхать съ собой просить за сына и съ тремя людьми, держальниками своими, да съ 5 за Хованскимъ поѣхалъ просить милости за сына.

* *В подлиннике ошибочно:* Щепотевымъ.

[2] *Против слов:* Въ первое воскресенье *кончая* был роздых *на полях:* собак

Въ это воскресенье у Щетинина князь Луки Ивановича случилось несчастье. —

Лука Ивановичъ былъ стольникомъ въ молодыхъ годахъ при Царѣ Алексѣи Михаиловичѣ; но ужъ лѣтъ 30 жилъ въ своей Ефремовской вотчинѣ и выѣзжалъ только въ походы, когда высылали ратныхъ людей.

А выѣхалъ теперь въ Москву Кн. Лука Ивановичъ не одинъ, а самъ другъ съ сыномъ среднимъ, Никитой (у него было 3 сына: Петръ, Никита и Левъ) и не съ 10-ю, а 20-ю человѣками. —⟩

Въ это утро къ Князь Лукѣ Ивановичу пришелъ обозъ изъ вотчины, четыре подводы привезли овса, крупъ и три боченка меду стоялаго и поклонъ отъ Княгини старухи и отъ сыновей. Дворяне разставились въ 2-хъ верстахъ отъ Кожуховой деревни на полѣ у лѣса [?], ⟨кто въ ша⟩лашахъ плетеныхъ, кто въ шатрахъ полотняныхъ, кто промежду повозокъ ⟨подъ подвязанными оглоблями⟩. Князь Иванъ Лукичъ ночевалъ съ сыномъ на кошмахъ промежъ двухъ повозокъ. Оглобли были подвязаны кверху и накрыты кожами, а сзади завѣшены по шестамъ рогожами для затишья. —

Ивану Лукичу было далеко за 60 лѣтъ, въ курчавой русой бородкѣ его бѣлѣла сѣдинка на скулахъ, русые волоса его были рѣдки на вискахъ, но вились все еще мелкими кудряшками. Маковка у него была выстрижена, да ужъ и мало заростала, но онъ былъ румянъ, голубоглазъ и быстръ въ движеніяхъ.

Но старый Князь не бросалъ своей ухватки, какъ онъ самъ про себя говаривалъ. Огневый былъ человѣкъ. Маленькой, сухой, поворотливой, смѣлый, за что онъ ни брался, всякое дѣло кипѣло у него въ рукахъ. А ужъ разсказать, похвастать, обласкать, повеселить гостей, не было противъ него человѣка. Поглядѣть на него, подумалъ бы, что только у него[1] и было заботы, что повеселиться да погулять, а вмѣсто того, хотя не видать было, когда онъ успѣвалъ дѣла дѣлать, и на воеводствѣ (лѣтъ 30 назадъ онъ былъ воеводой въ Каширѣ), и у себя въ вотчинахъ, и на службѣ на походахъ у Князя Ивана Лукича всякое дѣло спорилось, и подвластные и любили, и боялись его.

На зорькѣ Иванъ Лукичъ вскочилъ съ войлоку, надѣлъ старые стоптанные желтые сапоги на босу ногу, накинулъ шубу лисью на рубашку, на красную шитую золотомъ тафью надѣлъ шапочку лисью, кликнулъ Ѳедотку, старика[1] холопа, и пошелъ мыться къ кухнѣ. Тамъ онъ скинулъ шубу, засучилъ рукава на сухихъ съ буграми черныхъ мясовъ рукахъ и зачалъ полоскаться, мыться, фыркать. Всю голову себѣ облилъ и раскурчавилъ волоса и бороду; накинулъ шубу, перекрестился и пошелъ къ обозу. Тамъ онъ сѣлъ на телѣгу, одной ногой упершись

---

[1] *Со слов:* у него *кончая:* Ѳедотку, старика *на полях написано:* ноги, гусемъ у старика. Молодой новая служба

въ ступицу, другой заплетя за грядку и сталъ выспрашивать крестьянъ, привезшихъ обозъ. Спрашивалъ онъ и про послѣднюю рожь — копны, свезли ли, и про прудокъ въ огородѣ, — начали ли копать, и про Княгиню, — ѣздила ли къ обѣдни, и про корма для скотины и про Семку Дранаго бѣглаго, есть ли слухи. Мужики ⟨безъ шапокъ⟩ стояли передъ нимъ, разсказывали, что знали.

Поговоривъ съ мужиками, Лука Ивановичъ обошелъ лошадей, стоявшихъ у хрептуговъ, ощупалъ овесъ, пожалъ въ горсти, сыръ ли, понюхалъ, на зубъ пощелкалъ зернушки и ⟨пошелъ опять покалякать съ мужиками⟩. Потомъ осмотрѣлъ, куда постав[или] медъ въ яму, отвѣдалъ ковшемъ, отпустилъ на водопой лошадей, погладилъ Аргамака. Встрѣтилъ [1] чужаго холопа. Это былъ холопъ сосѣда по табору Кн. Хованскаго, онъ подозвалъ къ себѣ.

— Скажи куму Князю Ивану Ивановичу, чтобъ [2] шелъ пить ко мнѣ, медъ привезли. —

Когда онъ вернулся къ повозкамъ, сынъ Аникита Ивановичъ тоже всталъ и шелъ къ повозкамъ, узнавъ, что пріѣхали люди изъ двора. —

— Что Никишъ! — такъ звалъ отецъ сокращенно Никишка. — Княгиня твоя, сказываютъ ⟨съ попомъ ушла⟩, велѣла не пріѣзжать, — безъ тебя, молъ, веселѣй, — пошутилъ отецъ.

— Чтожъ пущай. Я и здѣсь поживу. — Сынъ былъ похожъ на отца и лицомъ, и сложеньемъ, — только онъ былъ черный и больше отца. На сколько онъ былъ больше, на столько онъ былъ тише. Какъ будто огня было ровно столько же на большое тѣло и на малое. Тѣже были глаза, мягкіе, сладкіе, только у отца голубые, у сына кари, тажъ улыбка веселая, тѣже движенья складныя, достойныя. Тѣжъ волоса, только черные и покрупнѣе кудри у сына. Только отецъ не могъ быть и съ молоду такъ хорошъ, какъ сынъ. Сынъ былъ красавецъ и по росту и по лицу.

* № 14.

Отъ лѣса и до Кожухова и за Кожухово и на право къ самой рѣкѣ сплошь стояли войска. Съ вечера былъ туманъ, поутру туманъ сѣлъ на землю, и, откуда ни взялись, паутины понеслись по воздуху, садились, ложились, заплетались на жневье, на кусты, на полынь, на шапки, кафтаны, носы людей, на спины лошадей, на козлы ружей. Золотыя маковки на Симоновомъ монастырѣ, на соборахъ въ Кремлѣ горѣли огнемъ, рѣка на загибѣ у Кожухова точно серебромъ политая стояла, не шелохнулась. Голоса пѣсни слышны были издалека со всѣхъ сторонъ, а въ Кожуховѣ самомъ гремѣли пушки. Палили разъ за разомъ

---

[1] *В подлинникѣ:* Встрѣтивъ
[2] *В подлинникѣ:* чтожъ

изъ толстыхъ пушекъ и раскатами пускали дробь изъ ружей. Разсыпятъ дробь и, разъ, разъ, хлопнетъ какой отсталый солдатъ. И закричатъ много голосовъ и дымъ синій клубится, стелется надъ дерев[ней] и перевертывается, не зная, куда убраться и собраться.

Въ Кожуховѣ слышно было, гулялъ любимецъ Царскій Лефортъ Францъ Ивановичъ и угощалъ на имянинахъ Царя и всѣхъ придворныхъ; — и по всему войску на этотъ день не было службы.

II.

Обозъ Московскаго полку стоялъ на полубугрѣ у лѣсочка и въ лѣсочкѣ, верстахъ въ двухъ отъ Кожухова.

У края лѣса на чистомъ [мѣстѣ] рядкомъ стояли шатры боярскіе, у кого изъ хвороста плетеные, натрушенные сѣномъ, у кого полотняные, у кого войлочныя кибитки. Побочь шатра у каждаго была кухня въ землѣ и шалашики для дворни, спереди на лужку ⟨стояли варки съ конями или ходили спутанныя лошади⟩. Позади въ лѣсочкѣ стояли телѣги, воза съ повозками крытами и крытые коврами, кожами, циновками; другія телѣги — съ креслами и хребтугами. У этихъ телѣгъ стояли кони. Другія лошади спутанныя или по волѣ ходили по лѣсу. Тутъ же были вырыты [1] ямы, и въ ямахъ стояли бочки, боченки съ квасомъ, пивомъ, медами. —

Князь Иванъ Лукичъ Щетининъ стоялъ на лучшемъ мѣстѣ, противъ колодца. Шатеръ у него былъ войлочный, онъ самъ привезъ его себѣ изъ похода. Кухня была плетеная и повозокъ за нимъ стояло шестеро.

Дворовъ было немного за Княземъ Иваномъ Лукичемъ, а и въ деревнѣ у него и на Москвѣ онъ живалъ, какъ отъ 300 дворовъ. Всего было много и гостямъ онъ всегда радъ былъ, и голодныхъ и трезвыхъ не отпускалъ отъ себя. [2] —

---

[1] *В подлинникѣ:* вырыту

[2] *Зачеркнуто:* Сынъ Григорій въ этотъ день отпросился въ Кожухово посмотрѣть на Царя. Изъ гостей никто не заходилъ. Иванъ Лукичъ пообѣдалъ одинъ и легъ спать въ шатрѣ на двухъ коврахъ, укрывшись песцовой шубой.

Долго ему спать не давала пальба въ Кожуховѣ, все прислушивался, потомъ повернулся на правое ухо, то, что слышало. Лѣвое у него не слышало, и только сталъ задремывать, услыхалъ у самой двери шаги и голоса. Демка съ кѣмъ-то говорилъ. Онъ поднялъ правое ухо и услыхалъ. [какъ] Демка говорилъ: Какъ не узнать, батюшка, призналъ сейчасъ. Онъ небось выспался. Я разбужу. —

— Ну буди, — сказалъ другой голосъ

Иванъ Лукичъ не призналъ хорошенько, чей голосъ. Только мелькнуло ему, что не любимой кто-то.

— Ну да любимой, не любимой — гость, — подумалъ Иванъ Лукичъ, вскочилъ на колѣнки, скинулъ шубу, поморщи[лся], потеръ глаза, расправилъ бороду и всталъ. Въ дверяхъ стоялъ сватъ Василій Ефимычъ Курбатовъ, дьякъ. За его сыномъ, за Петромъ, была дочь Ивана Лукича. Такъ тогда старуха пристала: «Отдай, да отдай, дѣвка засидѣлась, а человѣкъ

Въ походахъ встрѣчались знакомые друзья, тѣ, которые въ вѣкъ не увидались бы.

Къ Василію Лукичу собрались въ этотъ [день] сосѣдъ Хованскій Князь, Левашовы двое и сватъ Курбатовъ — дьякъ съ сыномъ, Преображенскимъ солдатомъ. —

Пообѣдали и стали пить. Иванъ Лукичъ спорилъ съ Курбатовымъ Василіемъ Ефимовичемъ. Василій Ефимычъ говорилъ, что нѣмецкій строй лучше Русскаго, Иванъ Лукичъ спорилъ.

— Ты, братецъ, ты [?] съ перомъ знаешь какъ управл[яться], я тебѣ указывать не буду, а въ ратное дѣло ты не суйся, дружокъ.

Василій Ефимовичъ говорилъ:

— Почему жъ имянно дѣло это управл[ять] я не могу. Имянно. Дѣло ума. Нѣмецъ ученѣе тебя, онъ и придумалъ. Ктоже зелье выдумалъ, нашъ что ли. Кто пищаль приладилъ, нашъ что-ли? нѣтъ. —

— Того дня, именно, видалъ, анамесь, разлетѣлись, разбѣглись наши конные, какъ исдѣлали залпу изъ ружья нѣмецкаго, всѣ и осѣли. — Такъ что ли, Князь, — обратился Курбатовъ къ Хованскому Князю.

Хованскій Князь сидѣлъ прямо, смотрѣлъ на Курбатова. Изъ себя былъ человѣкъ особистый, грузный.

— Твое здоровье, — сказалъ онъ.

— Такъ что ли? — повторилъ Курбатовъ. —

— Я тебѣ вотъ что скажу. Какъ проявились Нѣмцы, стали имъ пропускъ давать, не стало строенья на землѣ, и все къ матери. — И Князь Хованскій сморщился, махнулъ рукой. — Потому въ книгахъ писано, тебѣ я чай извѣстно. Отъ чуждаго чуждое поядите.

Курбатовъ поджалъ губы и опять распустилъ ихъ, чтобъ выпить меду. Выпивъ, сказалъ: — Безъ ума жить нельзя. Теперь все по планту разнесутъ и видна.

— Да чего по планту, — сказалъ Щетининъ.

— А того, что не твого ума дѣло.

— Моего, не моего. (Межъ нихъ была враждебность, обыкновенная между сватами.) Ты пузо то отростилъ небось не на Нѣмца, а на Русскаго.

— Нѣтъ слова, а когда Царь умнѣе насъ съ тобой. —

Щетининъ вспыхнулъ, красное лицо въ бѣлой бородѣ.

— Царь! — сказалъ онъ. — Быть ему здорову, — и выпилъ.

— Царь младъ! — Хованскій махнулъ отчаянно рукой. —

— А и младъ, не младъ, намъ его не судить, намъ за него Богу молить, что онъ насъ кормитъ, насъ учитъ, дураковъ. Ты сына отдалъ и думаешь бяда. Да скажи мнѣ Царь батю[шка]:

хорошій». И отдалъ Марью, а никогда у него ни къ свату, ни къ зятю не лежало сердце. — Но Князь Иванъ Лукичъ вскочилъ, вышелъ навстрѣчу. И ⟨низко⟩ поклонился, потомъ обнялъ свата и поцѣловалъ три раза.

— Ну не взыщи, сватъ, не чаялъ тебя видѣть. Прошу милости. — Курбатовъ, Василій Ефимовичъ также

отдай сына. Возьми. Сейчасъ двоихъ отдамъ. Любаго, а то всѣхъ бери. Я ни живота, ни дѣтей [1] не пожалѣю, да не къ тому рѣчь. Ты говоришь, — тебѣ нѣмцы наболтали, а ты и брешешь, что въ Московскомъ полку силы нѣтъ. Ну выходи, кто, — ей Демка, давай Аргамака.

Демка побѣжалъ къ повозкѣ. Аргамакъ ѣлъ овесъ, куснулъ Демку и, когда понялъ, повернулся, взмылъ хвостомъ и заигралъ съ визгомъ.

— Накладывай сѣдло.

— Да съ кѣмъ же ты биться будешь? — сказалъ Курбатовъ, подсмѣиваясь.

— Выходи, кто хочетъ. Да пей же. Кушай, Князь, Гришка, подноси. (сыну.) Сынъ поднесъ.

* № 15.

Старое и новое.

1.

Въ концѣ 1693 года, (3) Ефремовскій помѣщикъ Князь Иванъ Лукичъ Щетининъ получилъ приказъ государевъ, явиться на службу подъ Москву къ новому году, 1-му Сентября съ тѣми людьми, лошадьми и съ тѣмъ оружіемъ, съ какимъ онъ записанъ былъ въ разрядномъ Ефремовскомъ спискѣ.

Въ Ефремовскомъ разрядномъ спискѣ Иванъ Лукичъ былъ записанъ такъ: «Князь Иванъ, Княжъ Луки сынъ Щетининъ, служитъ съ 176 года, 27 лѣтъ, былъ на службахъ и раненъ, крестьянъ за нимъ 132 двора. На Государевой службѣ будетъ на Аргамакѣ въ саадакѣ, (2) съ саблей да пара пистолей. Съ нимъ будетъ 8 лошадей простыхъ; да съ огневымъ боемъ, съ пищалями 10 человѣкъ, да въ кошу (1) 7 человѣкъ».

Былъ слухъ, что собираютъ войско опять въ Крымъ на Татаръ, и много помѣщиковъ отписывались больными и отплачивались деньгами, чтобъ не идти въ походъ. Но Князь Иванъ Лукичъ, хоть и много было дѣла въ деревнѣ, хоть и копны не всѣ еще свезены были, какъ получилъ приказъ, такъ сталъ собираться, приказалъ свое имѣнье старшему сыну съ Княгиней и день въ день, въ срокъ пришелъ къ Москвѣ со своими лошадьми, людьми и обозомъ. И привелъ съ собой Кн. Иванъ Лукичъ, мало того, вполнѣ всѣхъ людей и лошадей по списку, но лишнимъ привелъ своего середняго любимаго сына Никиту на Аргамакѣ съ саблей, ружьемъ и пистолетами. Молодой Князь Никишка, какъ его звалъ отецъ, за то и былъ любимцомъ отца, что такой же былъ удалый, какъ и отецъ, и, хоть только весною женатъ,

---

[1] *В подлиннике:* дѣти

Три следующие сноски принадлежат Толстому.

(1) въ обозѣ.

(2) Лукъ и стрѣлы.

(3) начало года было въ сентябре.

упросилъ отца взять его въ походъ съ собою. Въ Москвѣ старый и молодой Князь явились на смотръ въ Преображенское село къ Ромодановскому Князю.

И Ромодановскій хотѣлъ записать Щетининыхъ въ роту къ Нѣмцу Либерту, но Кн. Иванъ Лукичъ черезъ холопа Князя Ѳедоръ Юрьича Ромодановскаго упросилъ не записывать къ Нѣмцу, а записать къ боярину Кн. Борисъ Алексѣевичу Голицыну и послалъ черезъ холопа въ гостинецъ Кн. Ѳедору Юрьевичу выношеннаго бѣлаго сокола.

Въ Москвѣ Князь Иванъ Лукичъ простоялъ 3 недѣли у свата Кн. Ивана Ивановича Хованскаго и съ сыномъ ходилъ къ роднымъ и знакомымъ на площадь и на Красное Крыльцо и видѣлъ патріарха и Царя Ивана Алексѣевича и потомъ видѣлъ, какъ Царь Петръ Алексѣичъ возвращался изъ Архангельска. 23 Сентября въ воскресенье они ходили смотрѣть, какъ солдатскіе полки, подъячіе и стольники конные прошли черезъ Москву въ полномъ уборѣ съ знаменами и пушками, съ своимъ воеводой боярин[омъ] И. И. Бутурлинымъ. Черезъ три ⟨дни⟩, слышно было, что Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ будетъ называться Польской Король, и все его войско — Поляки и что съ нимъ то будетъ война; воевать будетъ Ромодановскій Ѳедоръ Юрьевичъ съ потѣшными войсками и съ дворянскими ротами, съ тѣми, въ которыя записаны были Щетинины, отецъ съ сыномъ. 26-го въ праздникъ Іоанна Богослова велѣно было собраться всѣмъ въ Преображенское село подъ Москвою.

Оттуда пошли всѣ въ походъ, тоже черезъ Москву, ⟨по Мясницкой улицѣ⟩. Щетининымъ съ людьми пришлось ѣхать за ротой Тихона Никитича Стрешнева, а позади ихъ ѣхала рота Князя Лыкова. Ратныхъ людей было такъ много, что, когда шли по серединѣ Мясницкой улицы, [1] то впередъ поглядишь, до самаго Китая города все конные во всю улицу, и назадъ поглядишь, — конца не видно. Старый Князь, хоть и 23 года не былъ въ Москвѣ — съ тѣхъ поръ какъ его сослали въ вотчины при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, все, что онъ видѣлъ въ Москвѣ и теперь въ войскѣ, было ему не въ диковину. Хоть и было новаго много теперь, чего онъ не видывалъ прежде, онъ уже прожилъ 6 десятковъ и видалъ всячину. Старому умному человѣку ничто не удивительно. Старый умный человѣкъ видалъ на своемъ вѣку много разъ, какъ изъ стараго передѣлываютъ новое, и какъ то, что было новое, опять сдѣлается старое, потому въ новомъ видитъ не столько то, почему оно лучше стараго, не ждетъ, какъ молодые, что это будетъ лучше, а видитъ то, что перемѣна нужна человѣку. Но для Никишки Щетинина [2] все, что онъ

---

[1] *В подлиннике:* улицѣ.

[2] *Зачеркнуто:* не видавшаго ничего кромѣ Ефреморскаго воеводы и полагавшаго своихъ аргамаковъ и свои сѣдлы лучше всѣхъ лошадей и сѣделъ на свѣтѣ

видѣлъ въ Москвѣ, было удивительно, и Клекотокъ, село отцовское, гдѣ онъ родился и выросъ и былъ первымъ человѣкомъ, казалось, все сѣрѣе и меньше и хуже, чѣмъ дольше онъ былъ въ Москвѣ. Теперь у него глаза разбѣгались. Ихъ было въ ротѣ 120 дворянъ, а ротъ такихъ дворянскихъ въ ихъ войскѣ было 20 и, куда онъ ни смотрѣлъ, — впередъ ли, назадъ ли, вокругъ себя, — рѣдкіе были хуже убраны, чѣмъ онъ съ отцомъ, половина была имъ ровня, а большая половина были много лучше ихъ. Они съ отцомъ ѣхали въ серединѣ перваго ряда. Подъ отцомъ былъ приземистый, толстоногій, коротконшеей чубарый Бахматъ. Бахматъ этотъ былъ первая лошадь по Ефремову. Никишка по первозимью прошлаго года забилъ съ него двухъ волковъ, не было ему устали, и скакалъ онъ хоть и не такъ прытко съ мѣста, какъ тотъ Аргамакъ, который былъ подъ нимъ, но скакалъ ровно, не сдавая на 40 верстъ. Но Бахматъ хорошъ былъ въ Клекоткѣ, а тутъ подъ отцомъ не было въ немъ виду. Даже самъ отецъ — хоть молодцоватѣе его и не было старика, мелокъ казался наравнѣ съ Хованскимъ Княземъ, который ѣхалъ рядомъ на тяжеломъ сѣромъ, въ яблокахъ, польскомъ конѣ, въ тяжелой уздѣ съ серебреной наузой, съ махрами и гремячими чепями въ поводьяхъ.

Аргамакъ бѣлесо буланый, на которомъ ѣхалъ самъ Никишка, казался мельче, глядя кругомъ. Особенно впередъ себя на Бориса Алексѣевича Голицына, который ѣхалъ впереди лошади на двѣ на бѣломъ фарѣ въ тигровомъ чепракѣ и съ золотыми махрами. Самъ Борисъ Алексѣевичъ былъ въ собольей шубѣ, крытой си[нимъ] бархатомъ, и золотая сабля гремѣла у ногъ. Но нестолько Кн. Борисъ Алексѣевичъ, сколько одинъ изъ его держальниковъ. Ихъ было 12-ть, сколько на этаго держаль-[ника], было завидно Никишкѣ. На короткихъ стременахъ, на буромъ ногайскомъ конѣ, съ карабиномъ золоченымъ, удалъ былъ. —

Когда вышли за Симоновъ монастырь, увидали поле и мостъ на рѣкѣ. У моста стояли пушки и палили на ту сторону; съ той стороны палили тоже. Закричали что-то, потомъ въ дыму велѣли скакать и Борисъ Алексѣевичъ отвернулъ въ сторону, и всѣ поскакали, смяли стрѣльцовъ и перескочили за мостъ.

Тогда закричали назадъ, и видно было, какъ стрѣльцы пошли въ крѣпость. Послѣ поля стали таборомъ у Кожухова.[1] Подъѣхалъ обозъ, и Щетинины стали въ повозкахъ у лѣска рядомъ съ пов[озками] Хованскаго Князя. На другой день опять была война. И такъ шла эта война 3 недѣли. 6 Октября воскресенье дали войскамъ роздыхъ.

---

[1] *В подлинникѣ:* Кожихова

* № 16.

[1] ⟨Было дѣло въ самый разгаръ страднаго времени.
Старымъ людямъ мало спится, много думается. [2] Анна Тихоновна Княгиня ужъ давно не спала⟩.

Уборка запоздала отъ дождей, и все подошло разомъ. Не успѣли убраться съ рожью, ужъ подошелъ овесъ, подсохъ въ 3 дня и бѣжалъ такъ, что только по зарямъ надо было убирать его. А тутъ ржаные снопы надо было довозить, разставлять, молотить, убирать землю подъ посѣвъ и сѣять. А тутъ и луга подкошенные дожидались уборки. Все подошло разомъ и народъ работалъ дни и ночи.

Только занялась заря и потухла золотая утренняя звѣздочка, задымило, забагровѣло на востокѣ, освѣтилась земля и подулъ заревой вѣтерокъ, и старики и старухи стали подниматься.

Г.

[АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ.]

* № 17.

Въ 1668 году Астраханскій воевода [3] Апраксинъ, М[атвѣй В[асильевичъ] возвращался въ Москву. Изъ Саратова Воевода поѣхалъ сухимъ путемъ. Недалеко отъ Пензы на него напали Башкирцы, разогнали и перебили его людей и его убили. — Тѣло подняли, сложили куски въ гробъ и привезли въ Москву къ молодой вдовѣ. Остались 4 дѣтей — сиротъ: 4 мальчика, Андрей, Никита, Ѳедоръ и Петръ да 5-ымъ вдова [3] осталась беременна и въ ту же зиму родила дѣвочку Марфу.

Крестилъ дѣвочку Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣевичъ и Лопухина боярыня. Вдова выростила дѣтей, только одинъ Никита умеръ, и дожила радости въ 1682 году. Когда овдовѣлъ Царь Ѳедоръ, на смотръ невѣстъ къ Царю повезли и ея дочь, 15 лѣтнюю ⟨красавицу⟩ Марфу. Никто не думалъ, чтобы Царь выбралъ Марфу: она была дробна и мелка; но Царь полюбилъ ее и женился на ней. — Женился онъ на ней въ Февралѣ, а въ Апрѣлѣ умеръ. И осталась [4] молодая царица ни дѣвка, ни баба, ни

---

[1] *Зачеркнуто:* Занялась заря, потухла только вышедшая надъ землею золотая утренняя звѣздочка, задымилось, забагровѣло по краю неба, зашелестилъ вѣтерокъ по лѣсу, по полямъ, по нескошаннымъ снопамъ на поляхъ и токахъ, запоздалымъ полосамъ и проснулся деревенской народъ: кто въ деревнѣ по избамъ, по клѣтямъ, по подънавѣсамъ, и въ полѣ у лошадей, и на дальнихъ поляхъ на жнивѣ, и на посѣвахъ. —

[2] *Зач.:* Иванъ Лукичъ старый Щетининъ Князь ужъ давно не спалъ

[3] *Против слов:* Астраханскій воевода *кончая:* вдова *написано:* ⟨Анисья Тимофевна много и горя и радости пережила на своемъ вѣку старая матерая вдова Анисья Тимофевна Апраксина. 18 Августа⟩ въ 1695 Вдова А. Т. Апраксина ⟨мать царицы Марѳы Матвѣвны⟩ пріѣхала въ Москву повидаться съ дочерью Ц. М. М. и съ любимымъ сыномъ А. М. ⟨Проѣхавъ слободы⟩

[4] *В подлинникѣ:* осталось

матерая вдова, такъ что и мать за сыновей радовалась, что они черезъ сестру попали въ силу, а дочь жалѣла больше, чѣмъ прежде. —

Изъ сыновей старшій Андрей былъ виднѣе всѣхъ, и умнѣе, и добрѣе, и былъ любимецъ матери. За годъ до выдачи дочери за Царя, мать женила его на дѣвицѣ хорошей, изъ роду Щетининыхъ, и у сына пошли дѣти. Но недолго мать радовалась на сына. Сперва онъ вдался въ книги и чуть-чуть не зашолся: ужъ сталъ заговариваться.

Мать возила его къ старцу въ монастырь и его отчитали, но потомъ, когда сестра стала Царицей, Андрей сдѣланъ былъ ближнимъ комнатнымъ стольникомъ къ Царю Ивану Алексѣевичу и съ тѣхъ поръ сталъ пить, такъ что рѣдко когда бывалъ трезвымъ. Мать все также, еще больше, любила его; но сокрушалась о немъ. —

Второй сынъ, Ѳедоръ, былъ весь въ мать, живой, быстрый и умильный. Не [1] сердился, не [1] обижалъ людей и видѣть не могъ, когда люди злобятся другъ на друга или казнятъ одинъ другаго. Онъ всегда всѣхъ мирилъ и сердца въ немъ совсѣмъ не было. Хоть онъ и почтительнѣе былъ къ матери и добрѣе всѣмъ Андрея, и съ женой жилъ хорошо, только что дѣтей не было, мать не могла совладать съ своимъ сердцемъ и больше его любила Андрея.

Третій сынъ, Петръ, былъ тоже хорошъ; но нравомъ былъ въ дѣда, материнаго отца — упрямый и грубый. Онъ тоже былъ женатъ и съ женой жилъ хорошо, и были дѣти.

Всѣхъ дѣтей любила мать; но жалчѣе всѣхъ была матери дочь — царица. Не могла она безъ слезъ смотрѣть на нее, какъ загубила она свой золотой вѣкъ, и не радовали [2] ее ни честь, ни богатство дочери. Отъ того она рѣдко бывала у дочери и, когда пріѣзжала по ея зову, то все плакала, на нее глядючи, и отпрашивалась или къ себѣ въ вотчину подъ [3] Ростовомъ къ монастырю, гдѣ жилъ монахъ старецъ, ея отецъ духовный, либо къ сыну Андрею. И у тѣхъ сыновей были жены хорошія и невѣстки почтительныя, но тѣ жили хорошо и безъ нея, а въ дому у Андрея, старушка знала, что она нужна. И невѣстку свою Евланью, Андрееву жену, она съ каждымъ годомъ больше любила. Прежде, какъ и всѣ матери, не могла она не ревновать сына къ женѣ его; но что больше узнавала она Евланью, то больше любила ее. —

Давно ужъ не бывала старушка въ Москвѣ; но лѣтомъ 1695 года пріѣхала погостить къ сыну и посмотрѣть на свою дочь Царицу.

---

[1] *В подлиннике:* ни
[2] *В подлиннике:* радовало
[3] *Зачеркнуто:* Переславлемъ

* № 18.

[1] 5 Ноября 1695 года въ Москвѣ было благодарственное молебствіе о благополучномъ возвращеніи втораго Царя Петра Алексѣевича изъ Азовскаго похода. —

Царь въ ночь пріѣхалъ съ передовыми и остановился въ Коломенскомъ дворцѣ ⟨и оттуда, какъ слышно было, намеревался со всѣми войсками съ торжествомъ вступить въ Москву, когда соберутся всѣ войска изъ подъ Азова⟩. —

Старикъ боярскій сынъ Иванъ Хованскій ужъ 3-ю недѣлю съ старухой женой жилъ въ Москвѣ, дожидался пріѣзда Царя. Онъ пріѣхалъ изъ Тульскихъ [2] вотчинъ просить за сына, за любимаго сына Князя Ивана, взятаго стрѣльцами подъ Каширою и привезеннаго въ Москву, чтобъ судить за воровство и грабежъ.

Хованскій не поѣхалъ бы. Ужъ онъ 10-й годъ, съ тѣхъ поръ какъ попалъ въ опалу, жилъ въ вотчинѣ и обжился; но жена уговорила его ѣхать просить за любимаго сына. Княгиня была изъ родовитаго дома ⟨Голицыныхъ⟩ и она надѣялась на заступу. У ней рука была у Царицы Натальи Кириловны, у Лопухиныхъ и у Царя Ивана по Апраксинымъ. Но, побившись недѣли 2 въ Москвѣ, и мужъ и жена увидѣли, что у Ивана Царя, у Лопухиныхъ нѣтъ силы, а вся сила въ Царѣ Петрѣ. Старуха и тутъ нашла дорогу черезъ мамку Царя Петра, Голицыну, она дошла до Бориса Алексѣевича и послала къ нему мужа. Борисъ Алексѣевичъ принялъ старика и обѣщалъ попросить Кн. Ѳедора Юрьевича (Ромодановскаго) подождать пытать молодаго Кн. Ивана до пріѣзда Царя.

Теперь Царь пріѣхалъ. Старики стояли во дворѣ у Головина, Ѳедора Алексѣевича. Онъ былъ свой. Утромъ рано пошли къ обѣдни.

* № 19.

I.

Весь великой постъ 1696-го года Царь Петръ Алексѣичъ прожилъ въ Воронежѣ на корабельной верфи. — Народа согнано было много тысячъ. И лѣсу свезено было зимнимъ путемъ много тысячъ деревьевъ. На луговой сторонѣ Вороны рѣки были настроены балаганы для народа; и тутъ съ ранней зари до поздняго вечера стучали топоры, сипѣли пилы, визжали подпилки, оттачивавшіе снасти, звѣнѣли обухи по желѣзнымъ гвоздямъ и скобамъ, съ утра до вечера стоялъ ровнымъ гуломъ говоръ рабочего народа; изрѣдка кое гдѣ поднимался крикъ на лошадей, подвозившихъ лѣсъ, слышались запѣвы мужиковъ,

[1] *Зачеркнуто:* 26 Января 1696 померъ Царь Іоаннъ Алексѣичъ. Остался однимъ Царемъ Петръ.

[2] *Зач.:* Казанскихъ Каширскихъ.

поднимавшихъ бревно или бабу. И въ обѣдъ и ужинъ слышали топотъ и говоръ народа. ⟨Во все мѣсто, сколько глазомъ окинуть, земля по снѣгу была устлана опилками, стружками.⟩ Со всѣхъ сторонъ дымились печи кухонъ и на стружкахъ въ котлахъ кипѣла смола. —

Весна была въ этомъ году не дружная. Начало таять съ масляницы, согнало весь снѣгъ, а потомъ подулъ сивѣръ, и холода держались долго, и ледъ не трогался. На Дарьи только взломало ледъ на Дону и завесенѣло. На Алексѣя Божья человѣка въ полдни было тепло, какъ лѣтомъ. По Воронѣ шла икра, поля были черныя, около жилья зелѣнѣлась крапива, грачи и жаворонки прилетѣли, солнце ходило высоко и пекло въ упоръ, какъ лѣтомъ. Снѣгъ оставался только по правому берегу рѣки подъ кручью и промежду балагановъ подъ лѣсомъ, досками и опилками. Вода бѣжала ручьями, грязь была липкая и густая.—

Царскій посланецъ на самаго Алексѣя Божія Человѣка пріѣхалъ изъ Архангельска, дворянинъ Алексѣй Алексѣичъ Головинъ, и привезъ съ собой оттуда корабельныхъ мастеровъ 43 человѣка: 7 нѣмцовъ и 36 русскихъ. Алексѣй Алексѣичъ только пріѣхалъ ночью въ Воронежъ на воеводскій дворъ, только дождался лошадей и пріѣхалъ на верфь, захвативъ съ собой нѣмца Флита, корабельнаго мастера и Евсея Мартемьянаго десятскаго. Алексѣя Алексѣича ямщикъ прямо провезъ къ Царской избѣ, но въ избѣ деньщикъ Александръ сказалъ, что Царь на верфи.

[1] — Изъ Москвы, что ль, — спросилъ Александръ, выходя изъ избы.

* № 20.

Старое и новое. [2]

«То Царей мало что одинъ, три — съ Царевной было, а теперь ни однаго у насъ, [2] сиротъ на Москвѣ не осталось. — Закатилася наша, солнушко, забубенная головушка. ⟨Въ пятницу провожали. Подали возокъ Царскій. Посадилъ тута шута, деньщиковъ, самъ ввалился въ деньщиковы сани, пошолъ!⟩ Теперь, я чаю, ужъ въ Воронежѣ буровитъ. Охъ, подумаю, Аникитѣ Михайлычу нашему воеводство на Воронежѣ не полюбится. Разозжетъ его тамъ наше-Питеръ-дитятко».

Такъ говорилъ Головинъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, у себя въ дому угощая гостей— Лефорта, Франца Яковлича, Рѣпнина старика, Князь Иванъ Борисьча и Голицыныхъ двухъ: Князь Борисъ Алексѣича и Князь Михаила Михайлыча.

---

[1] *Зачеркнуто:* Давай провожу.

[2] *Против слов:* Старое и новое. *кончая:* у нас, *на полях написано:* Ссора Голицыныхъ съ Долгор[укими] изъ за Лефорта. Головинъ миритъ. Его мать. Къ ней ходятъ 3 сына Алексан., Ник., Иванъ, жена съ Абокумомъ — дура, соперничество съ Долгор[укимъ.]

Домъ Головина былъ большой, деревянный, новый — на Яузѣ. Головинъ зачалъ строить его послѣ похода въ Китай. И въ Москвѣ не было лучше дома и по простору и угодьямъ и по внутреннему убранству. Ѳедоръ Алексѣевичъ много изъ Китая привезъ штофовъ, дорогихъ ковровъ, посуды и разубралъ всѣмъ домъ. А Аграфена Дмитревна, мать Ѳедора Алексѣевича, — она была изъ роду Апраксина, — собрала домъ запасами изъ Ярославской да изъ Казанскихъ вотчинъ. Подвалы полны были запасами и медами, и къ каждому разговѣнью пригоняли скотину и живность изъ вотчинъ.

Гости сидѣли въ большой горницѣ, обитой по стѣнамъ коврами. Дверь тоже завѣшана была ковромъ. Въ переднемъ углу на полстѣны въ обѣ стороны прибиты были иконы въ золоченыхъ окладахъ, и въ самомъ углу висѣла рѣзная серебряная лампада. Два ставца съ посудой стояли у стѣны. У ставцовъ стояли 4 молодца, прислуга. За однимъ столомъ, крытымъ камчатной скатертью сидѣли гости за чаемъ Китайскимъ въ китайской посудѣ, съ ромомъ, — на другомъ столѣ стояли закуски, меды, пиво и вина. Выпита была 2-я бутылка рому.

Гости были шумны и веселы. Князь Репнинъ, старшій гость, невысокій старичокъ, ⟨съ сѣдой окладистой бородой,⟩ сидѣлъ въ красномъ углу подъ иконами. Красное лицо его лоснилось отъ поту, блестящіе глазки мигали и смѣялись и всетаки безпокойно озирались, соколій носокъ посапывалъ надъ бѣлыми подстриженными усами, и онъ то и дѣло отпивалъ изъ китайской чашки чай съ ромомъ и сухой маленькой ручкой ласкалъ свою бѣлую бороду. Онъ былъ шибко пьянъ, но пьянство у него было тихое и веселое. ⟨Онъ слушалъ, посмѣивался.⟩ Рядомъ съ нимъ, половина на столѣ, облокотивъ взъерошенную голову съ краснымъ, налитымъ виномъ, лицомъ на пухлую руку, половина на лавкѣ, лежала туша Бориса Алексѣича Голицына, дядьки Царя. — Онъ громко засмѣялся, открывъ бѣлые сплошные зубы, и лицо его еще по[ба]гровѣло отъ смѣха, и бѣлки глазъ налились кровью.

— Да ужъ разожжетъ! — закричалъ онъ, повторяя слова хозяина. — Нашъ Питеръ-дитятко, охъ — и орелъ-же..

И Борисъ Алексѣичъ опрокинулъ въ ротъ свою чашку и подалъ ее хозяину и, распахнувъ соболій кафтанъ отъ толстой красной шеи, какъ будто его душило, отогнулся на лавку и уперъ руки въ колѣна. —

Другой Голицынъ, Михаилъ Михайлычъ, худощавый чернова-тый мущина съ длиннымъ красивымъ лицомъ, помоложе другихъ, сидѣлъ нахмуренный и сердито подергивалъ себя за усъ.— Онъ пилъ наравнѣ съ другими, но видно было, что хмѣль не бралъ его, и онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ. Онъ взглянулъ на двоюроднаго брата Бориса Алексѣича и опять нахмурился. Веселѣе и разговорчивѣе и трезвѣе всѣхъ былъ Францъ Яковлевичъ и хозяинъ. — Францъ Яковличъ не по одному куцему

мундиру, обтянутымъ лосинамъ и ботфортамъ [1] на ногахъ и бритому лицу и парику въ завиткахъ отличался отъ другихъ людей. И цвѣтъ лица его, бѣлый съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ, и звукъ его голоса, не громкій, но явственный, и говоръ его русскій, не совсѣмъ чистый, и обращенье къ нему хозяина и другихъ гостей, снисходительное и вмѣстѣ робкое, и въ особенности его отношеніе ко всѣмъ этимъ людямъ, сдержанное и нераспущенное, отличали его отъ другихъ. Онъ былъ высокъ, строенъ, худощавѣе [2] всѣхъ другихъ. Рука его была съ кольцомъ и очень бѣла. Онъ пріятно улыбнулся при словахъ хозяина, но, взглянувъ на Голицына, когда тотъ вскрикнулъ, тотчасъ же отвернулся презрительно. —

Хозяинъ, средняго роста, статный красавецъ лѣтъ сорока, безъ однаго сѣдаго волоса, съ высоко поднятой головой и выставленной грудью (Ему неловко было сгорбиться) и съ пріятной свободой и спокойствіемъ въ движеньяхъ и свѣтомъ и ясностью на округломъ лицѣ, соблюдалъ всѣхъ гостей, но особенно и чаще обращалъ свою всегда складную, неторопливую рѣчь звучнымъ волнистымъ голосомъ къ Францу Яковличу.

* № 21. 1.

Изъ Воронежа, къ Черкаску на корабляхъ, на стругахъ, на бударахъ, внизъ по Дону бѣжало царское войско. Войско съ запасами хлѣбными и боевыми шло въ походъ подъ Азовъ. ⟨На страстной начали въ Воронежѣ грузить на суда пушки, ядра, бомбы, порохъ, свинецъ, кули съ овсомъ, мукой, крупой, рыбу, соль, водку, сбитень, а послѣ Святой стали подходить войска. Садились на суда и плыли внизъ по Дону.⟩ [3]

Всѣхъ струговъ съ войсками и запасами было 1300. Если бъ всѣ струги шли въ нитку одинъ за другимъ, они бы вытянулись на 50 верстъ; а такъ какъ они шли въ 3 части и далеко другъ отъ друга, то передніе ужъ близко подходили къ Черкаску, а задніе недалеко отошли отъ Воронежа. Впереди всѣхъ шли солдатскіе полки на 111 стругахъ; за ними плыли потѣшные два полка [3] съ Головинымъ Генераломъ, въ третьихъ плылъ Шейнъ бояринъ, надъ всѣми воевода, со всѣми войсковыми запасами.

Позади всѣхъ, на недѣлю впередъ пустивъ войска на стругахъ, плылъ самъ Царь въ 30 вновь построенныхъ корабляхъ съ приказами, казною и начальными людьми.

Въ Николинъ день, 9-го Мая, на половинѣ пути у Хопра,

---

[1] *В подлинникѣ:* обтянутыхъ лосинамъ и ботфортахъ

[2] *В подлинникѣ:* ходя ⟨худ⟩ ужъ

[3] *Противъ словъ:* по Дону. *кончая:* два полка *на поляхъ написано:* говорятъ о томъ, что онъ строилъ флотъ, палатка. А ты самъ достань. Сейчасъ пошлю, видитъ какъ надо отвѣчать, вина дай. Петръ не пьянъ.

Царь догналъ и обогналъ середній караванъ, — тотъ самый, въ которомъ плыли его два любимые потѣшные полка, Преображенскій и Семеновскій. Въ караванѣ этомъ было 77 струговъ. Впереди всѣхъ шли 7 струговъ съ стрѣлецкимъ Сухарева полкомъ по 130 человѣкъ въ каждомъ, позади — Дементьева, Озерова, Головцына, Мокшеева, Батурина стрѣлецкіе полки на 29 стругахъ; за ними шелъ Семеновскій полкъ на 8 стругахъ, а за ними съ казною 2 струга, 2 судейскихъ, 1 дьячій, 1 духовницкій, 2 бомбардирскихъ, 1 дохтурскій, 3 Нѣмца Тимермана съ разрывными запасами, за ними — съ больными 9 струговъ, за ними генеральскіе 2 струга и, позади всѣхъ, 13 струговъ Фамендина полка, и на нихъ по 100 человѣкъ Преображенскаго полка, всѣхъ 1200.

Въ Преображенскомъ полку большая половина была новобранцы. — Собрали ихъ на святкахъ въ Москвѣ изъ всякихъ людей, ⟨и женъ и дѣтей ихъ поселили въ Преображенскомъ, а самихъ,⟩ одѣли въ мундиры темнозеленые и обучили солдатскому строю. Новобранцы были больше боярскіе холопы, но были и посадскіе люди и дворяне бѣдные. Прежніе солдаты прозвали новобранцевъ обросимами, и на плыву отпихнули обросимовъ на особые струги. Обросимы плыли позади всѣхъ. [1]

На заднемъ стругѣ плыли прапорщикъ Нѣмецъ, сержантъ Бухвостовъ [2] и 106 человѣкъ солдатъ обросимовъ. Всю ночь они плыли на греблѣ, чуть не утыкаясь носомъ въ корму передоваго струга.

Наканунѣ была первая гроза. Въ полденъ былъ громъ и молнія, и во всю короткую ночь прогромыхивало за горами праваго берега, и молонья освѣщала темную воду и спящихъ солдатъ въ повалку на новаго лѣса палубѣ и гребцовъ, стоя равномѣрно качавшихся и правильно взрывающихъ воду. Въ ночь раза два принимался накрапывать дождь, теплый, прямой и рѣдкій. Къ утру на небѣ стояли прозрачныя тучи, и на лѣвой сторонѣ, на востокѣ, каймою отдѣлялось чистое небо, и на этой каймѣ поднялось красное солнце, взошло выше, за рѣдкія тучи, но скоро разсыпало эти тучи, сначала сѣрыми клубами, какъ дымъ, а потомъ бѣлыми курчавыми облаками разогнало

Зачеркнуто: Въ тотъ самый послѣдній наборъ Преображенскихъ солдатъ записался въ Преображенскомъ поповъ сынъ Алексѣй, изъ села Всесвятскаго. Отецъ хотѣлъ его на свое мѣсто поставить, но Алешка, хоть и понятливъ былъ къ грамотѣ, не захотѣлъ быть попомъ, убѣжалъ отъ отца и задался въ холопство къ Боярину Шереметеву по знакомству съ дворецкимъ боярскимъ. И, бывши въ холопствѣ, попался въ воровствѣ и былъ пытанъ, но очистился огнемъ и отпущенъ. А въ этомъ году записался въ Преображенское и прозванъ Щепотевымъ, за то, что у него походка мелкая, съ перевальцемъ. Щепотевъ плылъ на послѣднемъ стругѣ. Щепотевъ съ двумя товарищами поутру стоялъ на рулю. 24 пары гребли, стоя, по 12 веселъ на каждой сторонѣ. Остальные солдаты, кто спалъ, кто перебувался, кашевары варили кашу.

[2] *В подлинникѣ:* Бухвостововъ

эти тучи по широкому небу[1] и свѣтлое, не горячее, ослѣпляющее, пошло все выше и выше по чистому голубому небу.

Дѣло было къ завтраку. Съ разсвѣта гребла все таже вторая смѣна 16 паръ по 8 веселъ со стороны. И ужъ намахались солдатскія руки и спины, наболѣли груди, налегая на веслы. Пора было смѣнить, и ужъ не разъ покрикивали гребцы лоцману. Лоцманъ былъ выборный изъ нихъ же, Обросимовъ, широкоплечій, приземистый солдатъ Алексѣй Щепотевъ.

— Пора смѣну, Алексѣй, что стоишь.

Но Алексѣй въ одной рубахѣ и портках, въ шляпѣ, поглядывалъ, щуря на золотое солнце свои небольшіе глаза, казавшіеся еще меньше отъ оспенныхъ шрамовъ, опять впередъ, на загибъ Дона, на струги, бѣжавшіе впереди; и только всѣмъ задомъ чуть поворачивалъ руль, и не отвѣчалъ.

— Вишь чортъ, у его не бось жопа не заболитъ поворачивать то, — говорили солдаты, раскачиваясь, занося весла.

Изъ рубленной каюты на кормѣ ⟨вышелъ⟩ Нѣмецъ капитанъ въ чулкахъ, башмакахъ, и зеленомъ [?] разстегнутомъ кафтанѣ. Оглядѣлся.

— Алексе, — сказалъ онъ, — которы смѣнъ.

— Вторая, Ульянъ Иванычъ.

— Надо смѣнить. А парусъ не можно? — спросилъ Нѣмецъ.

— Не возьметъ, Ульянъ Иванычъ, вонъ видишь — на Черноковымъ стругѣ пытались, да спустили опять, — сказалъ Щепотевъ, указывая впередъ на дальніе струги, загибавшіе опять впередъ по Дону.

— Ну смѣняй.

— Позавтракали чтоль? — спросилъ Алексѣй.

— А то нѣтъ, — отвѣчали съ носу, прожовавши хлѣбъ.

— Смѣна! — крикнулъ Алексѣй негромко, и сразу подняли веслы гребцы, и зашевелились на сырой палубѣ, потягиваясь, поднимаясь, застучали ноги, и 16 человѣкъ гребцовъ подошли на смѣну, и одинъ старшой подошелъ на смѣну лоцмана.

— Ну, разомъ, ребята! берись!

Стукнули глухо о дерево борта ясеновыя, ужъ стертыя, весла, ударили по водѣ, но заплескали не ровно.

— Но черти! заспались, разомъ!

Тихій голосъ запѣлъ: «Вы далече, вы далече... во чистомъ полѣ», — весла поднялись, остановились и разомъ стукнули по дереву борта, плеснули по водѣ, и дернулся впередъ стругъ, такъ что качнулся Ульянъ Иванычъ, закуривавшій трубку у выхода изъ каюты, и Алексѣй Щепотевъ, переходившій въ это время къ носу, скорѣе сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобъ не свихнуться. Алексѣй съ смѣной, снявшейся съ гребли, прошелъ къ носу. И всѣ стали разуваться и мыться, доставая ведромъ на веревкѣ изъ подъ носа журчавшую воду.

---

[1] *В подлинникѣ:* небо

Позавтракавъ, сидя кругомъ котла съ кашей, каждый съ своей ложкой, люди помолились на востокъ, и разсѣлись, разлеглись по угламъ на кафтанахъ, кто работая иглой, чиня портища, кто шиломъ за башмаками, кто повал[ясь] на брюхѣ на скрещенныя руки, кто сдвинувшись кучкой, разговаривая и поглядывая на берега, на деревню, мимо которой шли и гдѣ, видно, народъ шелъ къ обѣдни, кто въ отбивку отъ другихъ сидя и думая, какъ думается на водѣ. Алексѣй Щепотевъ [1] легъ на своемъ мѣстечкѣ у самаго носа на брюхо и глядѣлъ, то внизъ на смоленый носъ, какъ онъ перъ по водѣ и какъ вода, струясь, разбѣгалась подъ нимъ, то впередъ, на лодку и правило передняго струга, какъ они шаговъ за 100 впереди струили воду. [2] Кругомъ его шумѣлъ народъ, смѣялись, храпѣли, ругались, весело покрикивали гребцы, еще свѣжіе на работѣ и еще только разогрѣвшіе[ся] и развеселившіеся отъ работы. На берегу, близко, слышенъ былъ звонъ, и солдаты перекрикивались съ народомъ изъ села. Онъ не смотрѣлъ, не слушалъ и не думалъ, и не вспоминалъ, а молился Богу. И не объ чемъ нибудь онъ молился Богу. Онъ и не зналъ, что онъ молится Богу, а онъ удивлялся [2] на себя. Ему жутко было. Кто онъ такой? Зачѣмъ онъ, куда онъ плыветъ? Куда равномѣрное поталкива[ніе] веселъ съ этимъ звукомъ, куда несетъ его? И зачѣмъ и кто куда плывутъ? И что бы ему сдѣлать съ собой. Куда бы дѣвать эту силу, какую онъ чуетъ въ себѣ? Съ нимъ бывала эта тоска прежде и проходила только отъ водки. Онъ перевернулся.

— Мельниковъ! — крикнулъ онъ, — чтожъ помолить имянинника-то, — сказалъ онъ солдату Николаю Мельникову. ⟨Мельниковъ какъ разъ несъ вино въ чашкѣ.⟩

— Вотъ дай пристанемъ, — отвѣчалъ Мельниковъ.

Алексѣй всталъ и сѣлъ на корточки, оглядываясь. Два нѣмца офицера сидѣли у входа въ каюту на лавкѣ [3] и пили пиво, разговаривая и смѣясь. Кучка сидѣла около разскащика-солдата.

Алексѣй подошелъ къ нимъ, послушалъ. Одинъ разсказывалъ, какъ два Татарскіе князя, отецъ съ сыномъ, поссорились за жену. Алексѣй опять легъ.

— Быть бѣдѣ со мной, — подумалъ онъ, — это бѣсъ меня мучаетъ. —

Вдругъ позади, далеко, послышалась пальба. Бумъ, бумъ, — прогудѣли двѣ пушки. Остановили и бумъ, прогудѣла еще

[1] *Далее в подлиннике выделенная чертой вставка, неизвестно куда относящаяся:* за грамотность и за ловкость и за силу былъ сразу отличенъ между Обросимами. И капитанъ, и прапорщикъ, и сержантъ знали его и ему приказывали, когда что нужно было приказать ротѣ.

[2] *Со слов:* струили воду. *кончая:* онъ удивлялся *поверх текста написано:* Вспоминаетъ холопскую службу. Прислушивается къ разсказамъ къ тому объ Царѣ пристаетъ.

[3] *В подлиннике:* лавку

пушка, и еще три съ разу. Всѣ поднялись и столпились къ кормѣ. Но видѣть ничего нельзя было. Недавно только загнули колѣно, и въ ½ верстѣ плесо упиралось въ ту самую деревню, какую прошли, и загибалось на лѣво. Солдаты судили, кто палитъ: одни говорили — Князь какой празднуетъ, другіе смѣялись — Турки. Нѣмцы тоже подошли, говорили по своему. У старшаго нѣмца была трубка, онъ смотрѣлъ въ нее. —

— Одѣвайтесь! — крикнулъ Ульянъ Иванычъ. — Это Величество Царь!

Солдаты побѣжали одѣваться. Офицеры тоже. Когда Щепотевъ въ чулкахъ, башмакахъ, въ суконномъ зеленомъ камзолѣ вышелъ на палубу, сзади, ужъ пройдя деревню, видно было судно съ 3 парусами. На переднемъ стругѣ тоже засуетились. Нѣмцы съ передняго подошли къ кормѣ, съ задняго къ носу, и переговаривались. Солдаты одѣвали, чистили, подметали стругъ. Отъ Генерала пришло приказанье одѣть солдатъ и приготовить ружья къ пальбѣ холостыми зарядами. На водѣ, впереди, показалась лодка; въ ней сидѣли гребцы и гребли вверхъ. Въ лодкѣ сидѣлъ маленькій Генералъ въ шляпѣ нѣмецкой и камзолѣ и съ нимъ еще два офицера. Ихъ приняли на стругъ, это былъ Головинъ Автономъ Михайлычъ. Онъ пріѣхалъ встрѣчать Царя. Когда увидали, что корабли шли парусомъ, попробовали выставить свой, но вѣтерокъ былъ съ боку, и парусъ заплескивался. Солдаты встали [?] въ строй въ три шеренги, Ротный кома[ндиръ] сталъ сбоку, Генералъ съ стряпчимъ впереди. Гребцы налегали на весла и искашивались, смотрѣли изъ за спинъ на приближавшійся корабль. За кораблемъ первымъ видѣнъ былъ 2-й и 3-й. Корабль первый догналъ на выстрѣлъ, и весь былъ виднешенекъ на широкомъ плесѣ съ своими 3-мя парусами, съ рубленой горенкой на палубѣ и съ пестрымъ народомъ. Корабль былъ крутобокій, черный, высокій. Съ боковъ подъ палубой высовывались пушки. Корабль догонялъ скоро, но на новомъ поворотѣ, видно было, стали заполаскиваться паруса. Видно сало: зашевелился народъ, стали убирать паруса, упалъ передній малый парусъ, потомъ большой свалился на бокъ, и его стащили. Видно, высунулись длинныя весла, и опять корабль сталъ нагонять струги. Все виднѣе и виднѣе становилось. ⟨Народъ можно было различать. Одинъ Генералъ уже показалъ на народъ на палубѣ и сказалъ: вонъ Царь.⟩ Уже стругъ сталъ забирать влѣво, чтобъ дать дорогу кораблю справа, но корабль все шелъ прямо за нимъ; уже видны были веревки на мачтахъ, видна была фигура на кораблѣ: половина человѣчья, съ руками надъ головой, какъ будто держитъ загибъ носа, и [1] съ рыбьимъ хвостомъ, прилипшимъ къ [2] смоленой [3] спайкѣ, ужъ видно было, какъ вода разбѣгалась

[1] *Слово:* и *написано дважды.*
[2] *Зачеркнуто:* князьку
[3] *В подлиннике:* смоленому

подъ истопомъ[?]. Уже слышно стало, кромѣ своихъ ударовъ веселъ, какъ тамъ, на томъ кораблѣ, налегали, ломили въ разъ по 16 веселъ. Шагахъ въ 50 подъ кораблемъ забурчала вода, и носъ круто поворотилъ на право, и сталъ ⟨ясно⟩ виденъ народъ на палубѣ. Много стояло народа.

— Тотъ Царь, этотъ Царь?

Только стали признавать Царя со струга, какъ вдругъ опять выпалили изъ пушекъ, такъ что оглушило на стругѣ, и закачалась подъ нимъ вода, [1] и дымомъ застлало видъ. —

— Пали, — закричалъ Генералъ, и со струга стали вверхъ палить солдаты; отозвались на другомъ, переднемъ, и далеко впереди пошла стрѣльба. Когда дымъ разошелся, корабль сравнялся до половины струга. На носу, высоко надъ стругомъ, стояли три человѣка, два высокихъ, одинъ низкой. Одинъ изъ высокихъ, въ желтомъ польскомъ кафтанѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, стоялъ ближе всѣхъ къ борту, поставивъ одну ногу на откосъ и, упершись на нее лѣвой рукой, снялъ, правой [1] шляпу съ черноволосой головы, замахалъ ею и закричалъ:

— Здорово, ребята.

Это былъ Царь. Кто и никогда не видалъ его, какъ Щепотевъ, всѣ сейчасъ узнали его. Солдаты закричали.

— Здорово.

Царь ⟨подпрыгнулъ вдругъ,⟩ бросилъ шляпу, и она упала въ воду. Онъ засмѣялся и вскочилъ, повернулся и что то сталъ говорить своимъ.

Щепотевъ не видалъ ничего больше, онъ бросилъ ружье на палубу и, быстро перекрестившись, шарахнулся головой внизъ въ воду въ то мѣсто, гдѣ упала шляпа, когда онъ вынырнулъ, [2] на кораблѣ и на стругѣ перестали грести. Онъ отряхнулъ волоса, оглянулся, увидалъ шляпу и, взявъ въ зубы за самый край поля, въ размашку поплылъ къ кораблю. У веревочной лѣстницы внизу ужъ стоялъ ⟨Александръ⟩, молодой красавецъ, Деньщикъ Царскій, чтобъ принять шляпу. Щепотевъ ухватилъ рукой за лѣстницу, другой перехватилъ шляпу и, какъ будто не видя Александра, махалъ шляпой по направленію къ Царю, который, перегнувшись черезъ бортъ, смѣялся, глядя на мокраго толсторожаго солдата. Вдругъ лицо Царя передернулось; онъ сощурилъ одинъ глазъ и потянулся всей головой и шеей въ одну сторону [3] и совсѣмъ другимъ голосомъ закричалъ на деньщика:

— Куда полѣзъ! Алексашка! Пусти его.

Алексашка подхватилъ подъ руку Щепотева и, давая ему дорогу, [4] какъ кошка живо влѣзъ на верхъ.

---

[1] *Со слова:* вода, *кончая:* правой *поперек текста написано:* Зацѣпилась за веревку шляпа.

[2] *В подлиннике:* вынурнулъ

[3] *Зачеркнуто:* хрипящій

[4] *Слова:* давая ему дорогу, *написаны дважды.*

— И то посмотрѣть водолазную собаку, — сказалъ онъ Царю.

Лицо Царя все еще было сердито, онъ еще дергалъ шеей, видно, раздосадованный тѣмъ, что его заставили ждать; но лицо красавца-Алексашки не измѣнилось, онъ какъ будто не видѣлъ, что Царь сердится. Когда Щепотевъ вылѣзъ, Царь осмотрѣлъ его. Широкія плечи, толстыя кости, красная шея и умная, смѣлая рожа Щепотева видно понравились Царю. Онъ потрепалъ его по головѣ.

— Молодецъ, дать ему рубль и водки.

Щепотевъ почувствовалъ сильный запахъ вина отъ Царя, и вдругъ на него нашла смѣлость. Онъ фыркнулъ, какъ собака, и сказалъ:

— А какже я отъ своего струга отстану.

Царь опять посмотрѣлъ на него.

— Ты изъ какихъ?

— Изъ дворянъ, Государь, только дворовъ то у меня только свой одинъ былъ, и тотъ развалился.

Въ это время на корабль лѣзъ Генералъ Головинъ, и Царь пошелъ къ нему, обнялъ его, показалъ на однаго изъ своихъ: — «Иванъ тутъ!» Братья поцѣловались. Царь ушелъ въ рубку, и корабль тронулся мимо струга. —

Щепотеву дали водки. Щепотевъ покричалъ своимъ и сѣлъ на палубѣ, выжимая платье. У Царя шло гулянье. Черезъ часъ Щепотева позвали въ рубку. Всѣ были пьяны. Головинъ лежалъ подъ столомъ. На ногахъ были Царь и З[отовъ].

— Ну разсказывай, — сказалъ Царь.

Щепотевъ началъ: [1]

** № 22.

II.

Когда Алексѣй ударился головой объ воду и зашумѣло у него въ ушахъ и засаднѣло въ носу, онъ не забывалъ, гдѣ корабль и гдѣ стругъ, чтобы не попасть ни подъ тотъ, ни другой; и подъ водой повернулся влѣво и, не доставъ до дна, опять услыхалъ, какъ забулькала [вода] у него въ ушахъ, и сталъ подниматься до тѣхъ поръ, пока свѣжо стало головѣ. Онъ поднялся и оглянулся. Вправо отъ него выгнутой смоляной стѣной съ шляпками гвоздей бѣжалъ задъ корабля, влѣво буровили воду струговыя весла, шляпа чуть пошевеливалась и черпала однимъ краемъ прозрачную воду. — Алексѣй отряхнулъ волоса, втянулъ и выплюнулъ воду и по собачьи подплылъ къ шляпѣ, чуть за край поля закусилъ ее бѣлыми сплошными зубами. Кто то что-то закричалъ съ корабля. Алексѣй набралъ воздуху въ свою толстую бычачью грудь, выпросталъ плечи изъ

[1] *Поперек чистой части страницы написано:* Гол[овинъ] А. М. сѣлъ на корабль прежде.

воды и, оскаливъ стиснутые на полѣ шляпы зубы, въ размашку, да еще пощелкивая ладонью по водѣ, поплылъ за кораблемъ. Промахавъ сажень 10, Алексѣй оглянулся и увидалъ, что онъ не отставалъ, но и ничего не наверстывалъ. Тѣже шляпки гвоздей были подлѣ него и веслы впереди. Тогда онъ вдругъ перевернулся впередъ плечемъ и наддалъ, такъ что сравнялся съ веслами. На кораблѣ закричали опять, подняли весла и скинули веревочную лѣстницу.

Не выпуская изъ зубъ шляпу и обливая лѣстницу и бокъ корабля водою съ платья, Алексѣй влѣзъ, какъ кошка,[1] по продольнымъ веревкамъ, не ступая на поперечныя, и прыжкомъ перекинувшись черезъ бортъ, обмялъ еще на себѣ штаны, выдавливая воду, отряхнулся, какъ собака изъ воды, и, переложивъ шляпу на ладони обѣихъ рукъ, остановился, оскаливаясь и отъискивая глазами Царя. ⟨Хоть и мелькомъ онъ видѣлъ Царя на носу, хоть и много стояло теперь передъ нимъ господъ, бояръ и генераловъ, Алексѣй сразу увидалъ, что Царя не было.⟩ Высокій ловкій щеголь въ темнозеленомъ съ красной подбивкой мундирѣ, съ веселымъ лицомъ и длинной шеей, подошелъ, точно плылъ, такой тихой, легкой поступью ⟨и хотѣлъ взять шляпу⟩.

— Ну молодецъ! — сказалъ щеголь слово ласково, весело, какъ рублемъ подарилъ. Но Алексѣй перехватилъ шляпу въ одну руку и отвелъ ее прочь, не давая.

— Ты бы самъ досталъ, а я самъ Царю подамъ, — сказалъ Щепотевъ. —

Господа засмѣялись. Одинъ изъ нихъ, особистѣе всѣхъ, съ большой головой и большимъ горбатымъ носомъ, съ окладистой бородой, въ атласномъ синемъ кафтанѣ, окликнулъ щеголя:

— Александръ, — сказалъ онъ, — оставь, — не замай, самъ отдастъ, Государь пожалуетъ.

— Не замай, отдастъ, Ѳедоръ Алексѣичъ.

— Государь то съ Артамонъ Михайлычемъ занятъ, — отвѣчалъ щеголь Александръ, улыбаясь и тихимъ пріятнымъ голосомъ и неслышными легкими шагами отошелъ къ кормѣ и кликнулъ двухъ корабельщиковъ, чтобъ затерли воду, какую налилъ Алексѣй.

— А ты Царя знаешь чтоли? — спросилъ бояринъ.

Алексѣю жутко становилось. И, какъ всегда съ нимъ бывало, на него находила отчаянность, когда бывало жутко. Онъ сказалъ:

— А солнце ты знаешь?

Бояринъ покачалъ головой, засмѣялся, и другіе засмѣялись. —

— Вотъ онъ, Царь! — сказалъ Алексѣй, узнавъ его тотчасъ же.

---

[1] *Не зачеркнуто:* не ступая

Царь какъ будто насилу удерживался, чтобъ не бѣжать, такими быстрыми шагами шелъ изъ подъ палатки по палубѣ, прямо къ нимъ. За Царемъ пошли было, но отсталъ Генералъ Головинъ, Автономъ Михайлычъ съ братомъ[?]. —

Алексѣй прежде съ струга видѣлъ Царя и призналъ его, но теперь, въ тѣ нѣсколько мгновеній, пока Царь своимъ иноходнымъ бѣгомъ прошелъ тѣ 10 шаговъ, которые были до него, онъ разсмотрѣлъ его совсѣмъ иначе. Алексѣй былъ теперь въ томъ раздраженномъ состояніи души, когда человѣкъ чувствуетъ, что совершается въ одинъ мигъ вся его жизнь, и когда обдумаетъ человѣкъ въ одну секунду больше, чѣмъ другой разъ годами. —

Пока шелъ Царь, онъ оглядѣлъ его всего и запомнилъ такъ, что, покажи ему потомъ одну ногу царскую, онъ бы узналъ ее. Замѣтилъ онъ въ лицѣ скулы широкія и выставленныя, лобъ крутой и изогнутый, глаза черные, не блестящіе, но свѣтлые и чудные,[1] замѣтилъ ротъ безпокойный, всегда подвижный, жилистую шею, бѣлизну за ушами большими и неправильными, замѣтилъ черноту волосъ, бровей и усовъ, подстриженныхъ, хотя и малыхъ, и ⟨мягкость, не курчавость этихъ волосъ⟩,[2] и выставленный широкій, съ ямкой, подбородокъ, замѣтилъ сутоловатость и нескладность, костлявость всего стана, огромныхъ голеней, огромныхъ рукъ, и нескладность походки, ворочащей всѣмъ тазомъ и волочащей одну ногу, замѣтилъ больше всего быстроту, неровность движеній и больше всего такую же неровность голоса, когда онъ началъ говорить. То онъ басилъ, то срывался на визгливые звуки. Но когда Царь засмѣялся и не стало смѣшно, а страшно, Алексѣй понялъ и затвердилъ Царя на всегда. —

Въ то время, какъ Царь шелъ къ нему, Алексѣй смотрѣлъ на него всего, и кромѣ того думалъ о томъ, какъ и что сказать ему. Одно онъ понялъ, увидавъ Царя, что ему нужно сказать что ибудь почуднѣе и такое, что бы поманило Царю, такое, чтобы сказать о себѣ, что онъ изъ солдатъ отличенъ. Царь засмѣялся тѣмъ смѣхомъ, отъ котораго страшно стало Алексѣю, когда бояринъ Ѳедоръ Алексѣичъ сказалъ ему, что солдатъ не отдалъ шляпу деньщику и сказалъ: ты самъ слазяй.

Царь подошелъ, взялъ, рванулъ шляпу, тряхнулъ съ нее воду и мокрую надѣлъ на голову.

— Спасибо, малый, — сказалъ онъ, ударивъ Алексѣя ладонью по мокрой головѣ, она мнѣ дорога — дареная. Чтожъ Алексашкѣ не отдалъ? Алексашка! — крикнулъ Царь.

Александра не было видно, но не успѣлъ Царь сказать: Алексашка, какъ онъ уже былъ тутъ, подойдя неслышными шагами и, улыбаясь, подтвердилъ слова Ѳедора Алексѣича.

— Ну чѣмъ тебѣ жаловать за шляпу? — сказалъ Царь.

---

[1] *Ударение Толстого.*

[2] *Не вачеркнуто:* бѣлизну шеи за ушами

[Щепотевъ] въ ту же минуту ⟨сказалъ:⟩

— Намъ не [въ] привычку нырять, намъ и спасибо царское — жалованье большое.

Въ то время, какъ Алексѣй говорилъ это, онъ почувствовалъ запахъ вина изъ желудка Царя и, оскаливъ зубы, прибавилъ:

— Если хочешь жаловать, вели водки дать. —

Царь не засмѣялся, а нахмурился и пристальнѣй посмотрѣлъ на широкую, здоровенную, умную и веселую рожу солдата, на его красную бычачью шею и на весь станъ, короткій и сбитый. Ему понравился солдатъ, и задумался о немъ, отъ того и нахмурился.

— Ты изъ какихъ?

— Изъ поповъ, — проговорилъ Алексѣй и засмѣялся, но не смѣлъ и захрипѣлъ.

Всѣ засмѣялись.

— А гдѣ жъ ты, попъ, нырять выучился?

Всѣ засмѣялись громче.

— На Муромѣ свой дворишко былъ.

— А грамотѣ учился?

— Знаю.

— Зачѣмъ же ты въ солдаты попалъ?

— Отъ жены, Государь.

— А что отъ жены?

Алексѣй переставилъ ноги половчѣй, приподнялъ плечи и руки, какъ будто хотѣлъ засунуть большіе пальцы за кушакъ, но кушака не было, опустилъ ихъ назадъ; но все таки сталъ такъ, что, видно онъ сбирался, не торопясь, по порядку разсказывать.

— Женили меня родители, да попалась блядь, я ее грозить [?], а она хуже, я ее ласкать, а она еще пуще, я ее учить, а она еще того злѣе; я ее бросилъ, а она того и хотѣла.

Отъ волненія ли, отъ холоду ли [1] сохнувшаго на немъ платья, Алексѣй началъ дрожать и скулами и колѣнками, говоря эти слова. Лицо его стало сизое. Царь захохоталъ и оглянулся. То самое, что онъ [хотѣлъ] приказать, было готово: Александръ принесъ ведро водки и, зачерпнувъ ковшемъ, держалъ его. Царь мигнулъ ему. Александръ поднесъ Алексѣю. Алексѣй перекрестился, поклонился Царю, выпилъ, крякнулъ и продолжалъ:

— Съ тоски загулялъ, пришелъ въ Москву и записался въ Обросимы.

— А жена же гдѣ?

— Жена на Москвѣ въ Преображенскомъ. Начальные люди ужъ вовсе отбили. Пропадай она совсѣмъ. Нѣтъ хуже жены. Потому....

---

[1] *В подлинникѣ:* какъ ⟨это часто бываетъ лѣтомъ⟩

Царь [1], какъ будто его дернуло что то, повернулся и, ударивъ по плечу Головина, Автонома Михайлыча, сталъ говорить ему, что солдатъ этотъ малый хорошъ, что онъ его себѣ возьметъ. Автономъ Михайлычъ отвѣчалъ, что онъ пошлетъ спросить про него у Капитана и тогда пришлетъ Царю. Царь дернулся, какъ будто выпрастывая шею изъ давившаго галстука. Александръ былъ ужъ тутъ.

— А то прикажи, Государь, я его тутъ оставлю, а тебѣ, Автономъ Михайлычъ, вѣсть про него пришлетъ.

Алексѣя провелъ къ кормѣ Александръ и сдалъ его другимъ деньщикамъ.

— Царь его при себѣ оставляетъ, — сказалъ онъ, — дайте ему перемѣниться, ребята. А тамъ его рухлядишку пришлютъ. [1]

Очнувшись на другое утро отъ вина, котораго поднесли ему, Алексѣя одѣли въ новый кафтанъ и портки и башмаки и послали его къ Царю. —

* № 23.

7205 года, февраля 13 день въ субботу на сырной недѣлѣ у Краснаго села на прудѣ сдѣланъ былъ городъ Азовъ, башни и ворота и каланчи нарядные и потѣхи [2] были изрядныя, а Государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ тѣшиться. [3]

Рано утромъ ⟨въ⟩ воскресенье зазвонили во всѣхъ Московскихъ соборахъ, церквахъ и монастыряхъ къ ранней обѣдни, а потѣха на Красномъ Прудѣ еще не отошла, все еще тамъ палили изъ пушекъ и ружей.

Въ Тверскую [4] заставу на небольшихъ на дужкахъ санкахъ, на чаломъ сытомъ меринѣ въѣхали два мужика изъ села Покровскаго. Мужики эти были два брата Посошковы, Раманъ и Иванъ. Они ѣхали въ Москву къ хлѣбоѣдцу и знакомцу давному, отцу Авраамію, строителю Андреевскаго монастыря.

Посошковы работали на монастырь столярную работу и ѣхали свести счеты и получить деньги. [5] Караульные на заставѣ были

---

[1] *Со слова* Царь *кончая* пришлютъ *на полях:* что Ц[арь], то Менш[иковъ].

[2] *Со слов:* потѣхи *кончая:* Бѣлова. — *поперек текста карандашем написано:* не идетъ.

[3] *Зачеркнуто:* Два брата, Раманъ и Иванъ ⟨Михаиловичъ⟩ Посошковы, крестьяне села Покровскаго, были въ этотъ день въ Москвѣ и, отслушавъ вечерню въ Московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, возвращались къ стрѣльцу своему знакомцу Власу Понкратову Бѣлову, у Пимена въ Воротникахъ. Посошковы вели торговое дѣло кожами. Бѣловъ занимался тѣмъ же; а, наѣзжая въ Москву, Посошковы становились на дворѣ Бѣлова. [2] — По улицѣ много брело и валялось пьяныхъ и за церковью Пимена слышались крики толпы, бившейся на кулачки, а съ Краснаго села, гдѣ веселился Царь, то и дѣло трещала пальба ружейная.

[4] *В подлиннике:* Тверской

[5] *Не зачеркнуто:* что

стрѣльцы.... полка. Десятской зналъ Посошковыхъ и поздоровкался съ братьями.

— Здорово живете, Елистратъ. Да вотъ дѣльцо есть до Отца игумна Андреевскаго. —

— Какъ дѣловъ не быть.

— Да на денекъ нынче... [1]

— А это чтожъ ⟨палятъ⟩? — спросилъ Иванъ, прислушиваясь къ раскатамъ пальбы.

— У Царя гулянье. Азовъ празднуютъ.

— Такъ, — сказалъ Иванъ и посмотрѣлъ на брата.

Меньшой Иванъ былъ мужикъ невысокій, ⟨кремнястой,⟩ сухой, рыжеватый, съ маленькой бородкой и ⟨весь⟩ конопатый. Старшій Романъ былъ повыше, съ длиннымъ носомъ и длинной бородой. Романъ, какъ глядѣлъ на ворота, такъ и не спустилъ глазъ и ничего не сказалъ. —

— Такъ, такъ, — гуляетъ. А нынче дни прощеные. Приведетъ ли Богъ вернуться. Прости Христа ради, дядя Елистратъ.

— Богъ проститъ. Простите и насъ грѣшныхъ.

Романъ медленно приподнялъ высокую шапку, поклонился Елистрату, потомъ перекрестился, надѣлъ [шапку] и тронулъ лошадь по раскисшей отъ оттепели въ проѣздѣ дорогѣ.

Д.

[РАЗГАР ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ.]

* № 24.

Въ 1708-мъ году ⟨Святая⟩ Пасха приходилась [4] Апрѣля. Весна была ранняя и дружная. ⟨Въ недѣлю прошли рѣки и бугры⟩ и на Страстной еще начали пахать, Ржи вскрылись изъ подъ снѣга зеленыя и ровныя безъ вымочекъ. Зазеленѣлась осенняя травка, стала пробивать новая, скотину уже выпустили на выгоны, и мужики поѣхали пахать и свою и господскую и радовались на мягкую и разсыпчатую раздѣлку земли подъ овсяный посѣвъ. Бабы и дѣвки и на мужицкихъ и на барскихъ дворахъ, — развѣшивали по плетнямъ платье и мыли въ несбѣжавшей еще снѣговой водѣ порты, холсты, кадушки, столы и лавки, готовясь къ празднику. Было тепло, свѣтло, весело. Птица еще не разобралась по мѣстамъ и все еще летѣла надъ полями, лѣсами и болотами. На выгонѣ кричали ягнята, въ полѣ ржали жеребята, отыскивая ⟨запряженныхъ въ сохи⟩ матокъ; чижи, жаворонки, щеглята, пѣночки со свистомъ и пѣснями перелетали съ мѣста на мѣсто. Бабочки желтыя и красныя порхали надъ зеленѣющими травками, пчела шла на ракиту и носила уже поноску. Молодой народъ работалъ и веселился, старые люди и тѣ выползли на солнышко и тоже, поминая

[1] *Противъ словъ:* — Да на денекъ, нынче... *на поляхъ написано:* Звонили во всѣ колокола.

старину, хлопотали по силѣ мочи. Если и было, ⟨какъ всегда бываетъ⟩ у людей, горе, болѣзни, немощь и смерть, ихъ не видно было, и въ поляхъ и въ деревнѣ всѣ были радостны и веселы.

Въ ⟨самый⟩ чистый четвергъ ввечеру вернулся домой въ Ясную Поляну молодой мужикъ Василій, Меньшовской барщины, изъ Воздремы [1] подъ засѣкой. Онъ былъ тамъ въ работникахъ въ бондаряхъ и тамъ услыхалъ о пріѣздѣ Крапивенскаго воеводы съ наборщикомъ. Воевода съ наборщикомъ ѣхали забирать рекрутъ старыхъ наборовъ:

Василій видѣлъ, какъ на барской дворъ въѣхали на 6 тройкахъ съ солдатами, и ⟨послали собирать народъ⟩. Дядя Савелій ходилъ на барской дворъ и узналъ, зачѣмъ пріѣхали. Онъ былъ сватъ Васильеву отцу Анисиму, велѣлъ Василью бѣжать домой и дать слухъ. Василій, какъ былъ босикомъ, въ обѣдъ бросился бѣжать, да не дорогой, чтобъ не остановили, а пробѣжалъ задворками на пчельникъ, съ пчельника въ засѣку, да засѣкой чертой къ Ясной Полянѣ. Прибѣжалъ онъ въ полдни. Дома никого не было, кромѣ бабъ. Мужики пахали. Онъ побѣжалъ въ поле, нашелъ своихъ у Чернаго верха. Отецъ его Анисимъ и братъ Семенъ пахали. Увидавъ Василья, всѣ мужики, пахавшіе вблизи, побросали сохи и окружили Василья. Василій разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ. Василій былъ[2] 21 года, года два женатый. ⟨Дѣтей у него еще не было.⟩ Онъ былъ 2-й сынъ Анисима и любимый. Начальство и всегда было страшно мужикамъ, но теперь было особенно страшно. Съ 1705 по 1708 [годъ] было 5 наборовъ солдатъ и рабочихъ, и съ 5 наборовъ должно было сойти съ 23 дворовъ Ясной Поляны 6 человѣкъ, а изъ ихъ деревни поставили только 2-ихъ. Однаго двороваго поставила Бабоѣдиха, да однаго Василій Лукичъ Карцовъ, а 4 были въ недоимкѣ. Въ прошломъ году наѣзжалъ комисаръ, да Бабоѣдиха отдарила его и не поставила, съ Карцова не слѣдовало, съ Абремовой взять было нечего, а съ Дурновской и Меньшовской тогда взяли двухъ, Сергѣя Лизунова, да Никифора, но одинъ Сергѣй ушелъ, и теперь были въ деревнѣ; поэтому теперь и Меньшовскимъ и Дурновскимъ должно было придтись плохо. Расчитывали мужики, что бѣглыхъ возьмутъ, да за укрывательство передерутъ всѣхъ, да еще остальныхъ 4-хъ не изъ кого, какъ изъ нихъ возьмутъ.

Земля тогда вся была черезполосная и мужики разныхъ барщинъ пахали вмѣстѣ. Въ Чертовомъ верху, куда прибѣжалъ Василій, пахали Меньшовскихъ 4-е, Дурновскихъ — двое и Бабаѣдихиныхъ 8 сохъ. Мужики уткнули сохи, завернули лошадей, которые и борозды не дошли, и собрались всѣ около Анисима. [3]

---

[1] *Зачеркнуто:* Колпны

[2] *Зач.:* мужикъ молодой, ему было только

[3] *Против слова:* Анисима. *на полях написано:* Драка.

* № 25.

1.

[1] Деревня Ясная Поляна Тульской губерніи Крапивенскаго уѣзда, которая теперь, [въ] 1879 году, принадлежитъ мнѣ и 290 душамъ временно обязанныхъ крестьянъ, 170 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1709 году, въ самое бурное время царствованія Петра 1-го, мало въ чемъ была похожа на теперешнюю Ясную Поляну. Только бугры, лощины остались на старыхъ мѣстахъ, а то все перемѣнилось. Даже и двѣ рѣчки — Ясенка и Воронка, которыя протекаютъ по землѣ Ясной Поляны, и тѣ перемѣнились—гдѣ перемѣнили теченье, гдѣ обмелѣли, а гдѣ выбили бучилы, гдѣ было мелко, и вездѣ обѣднѣли водой. Гдѣ были лѣса, стали поля, гдѣ было не пахано, все теперь разодрано, давно выпахано и опять заброшено. Заповѣдная казенная засѣка, которая на полкруга окружаетъ землю Ясной Поляны, теперь вся порублена. Осталось мелколѣсье тамъ, гдѣ были нетронутые засѣчные лѣса, только заруба вилась по краямъ, чтобы не давать ходу Татарамъ. Гдѣ теперь три дороги перерѣзаютъ землю Ясной Поляны, одна старая, обрѣзанная на 30 саженъ и усаженная ветлами по плану Аракчеева, другая — Каменная, построенная прямѣе на моей памяти, 3-я — желѣзная, Московско-Курская, отъ которой не переставая почти доносятся до меня свистки, шумъ колесъ и вонючій дымъ каменнаго угля, — тамъ прежде, за 170 лѣтъ, была только одна Кіевская дорога и та не дѣланная, а проѣзжанная и, смотря по времени года, перемѣнявшаяся, особенно по засѣкѣ, которая не была еще прорублена, по которой прокладывали дорогу, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. — Народъ перемѣнился еще больше, чѣмъ произрастенія земли, воды и дороги. Теперь я одинъ помѣщикъ, у меня каменные дома, пруды, сады; деревня, въ которой считается 290 душъ мужчинъ и женщинъ, вся вытянута въ одну слободу по большой, ⟨старой⟩ Кіевской дорогѣ. Тогда въ той же деревнѣ было 137 душъ, [2] 5-ть помѣщиковъ, и у двухъ помѣщиковъ свои дворы были ⟨не лучше теперешняго хорошаго мужицкаго⟩ и стояли дворы эти въ серединѣ своихъ мужиковъ, и деревня была не на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь, ⟨барскій дворъ былъ пустырь, а гдѣ теперь деревня, было поле⟩, а крестьянскіе и помѣщичьи дворы какъ разселились, кто гдѣ сѣлъ, такъ и сидѣли на томъ мѣстѣ надъ прудомъ ⟨подъ лѣсомъ, гдѣ стоятъ старые двѣ сосны⟩, которое теперь называется селищами и на которомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, 40 лѣтъ сѣютъ безъ навоза и гдѣ на моей памяти находили въ землѣ кубышки съ мелкими серебряными деньгами. Теперь у

[1] *Зачеркнуто:* ⟨Было это давно.⟩ Въ царствованіе Петра 1-го въ Крапивенскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ деревнѣ Ясной Полянѣ, прихода ⟨Кочаковъ⟩ жило крестьянское семейство ⟨по прозвищу Болхины⟩.

[2] *Зач.:* на половину меньше *незачеркнуто:* душъ, *повторенное дважды.*

мужиковъ каменныя и деревянныя, въ двѣ связи, избы, есть крытыя въ зачесъ и всѣ почти бѣлыя, и живутъ мужики малыми семьями, тогда избы были маленькія 6, 7 аршинъ съ сѣнцами и клѣтью, всѣ топились по черному, а семьи были большія по 20 и больше душъ въ одномъ дворѣ. Племянники жили съ дядями, братья двоюродные не дѣлились. Помѣщики не позволяли дѣлиться, а сгоняли въ одинъ дворъ какъ можно больше народа. Старые помѣщики и ихъ прикащики и старосты говаривали, что мужиковъ надо какъ пчелиные рои сажать по крупнѣе. Пускай ссорятся и дерутся промежъ себя, а все какъ большая семья, что большой рой, всегда противъ малой семьи заберетъ силу и есть съ чего потянуть, да и для роя посуда одна. Кромѣ того и подати тогда и солдатчину, которую только стали отбывать, раскладывали еще не по душамъ, а по дворамъ. Теперь мужики ходятъ въ сапогахъ, картузахъ, и бабы въ ситцахъ и плисахъ, тогда кромѣ самодѣльныхъ рубахъ, кафтановъ и шубъ другихъ не знали. Мужики носили лѣтомъ только шляпы черепениками,[1] а зимой треухи и малахаи. Шубы шили безъ сборокъ, а съ двумя костышками на спинѣ. ⟨Лыко свое не переводилось,⟩ онучи были черные, лапти липовые. Бабы носили кики деревянныя съ назатыльниками и съ бисерными подвѣсками. Вмѣсто серегъ носили пушки гусиные, занавѣски и рубахи шитые шерстями на плечахъ. —

Заработки теперь у мужиковъ вездѣ, и на дорогахъ, и въ Тулѣ, и у помѣщиковъ; и у всякаго бѣднаго мужика въ году перейдетъ черезъ руки рублей 50 серебромъ, а у богатаго 200 и 300; тогда заработковъ за деньги нигдѣ никакихъ не было. Всѣ занимались землею, лѣсомъ въ засѣкѣ, и только и деньги бывали, когда продастъ мужикъ на базарѣ въ Тулѣ овцу, корову, лошадь, хлѣба или меду, у кого были пчелы. И у кого деньги были рублей 50, тотъ считался богачомъ и зарывалъ деньги въ землю. Теперь въ Казенной засѣкѣ раздѣлены лѣса по участкамъ, просѣки подѣланы и караулъ строгій, такъ что не только лѣсомъ, но и за орѣхи и за грыбы бабъ ловятъ и штрафы съ нихъ берутъ, а прежде подзасѣчные и помѣщики и мужики въ Казенный лѣсъ какъ въ свой ѣздили за лѣсомъ. Караулъ былъ малый и за штофъ водки любыхъ деревъ нарубить можно было. Теперь хлѣбъ не родится и по навозу, а для скотины корму въ поляхъ ужъ мало стало, и скотину стали переводить, много полей побросали и народъ сталъ расходиться по городамъ въ извощики и мастеровые, а тогда, гдѣ ни брось, безъ навоза рожывался хлѣбъ, особенно по расчищеннымъ изъ подъ лѣсу мѣстамъ, и у мужиковъ и у помѣщиковъ хлѣба много было. Кормовъ для скотины было столько, что, хоть и по многу и мужики и помѣщики держали скотины, кормовъ никогда не выбивали. —

[1] *Зачеркнуто:* купленные

⟨Мужики всѣ были господскіе.⟩ Въ то время во всей Россіи вольныхъ не было, только нечто гдѣ на сѣвѣрѣ въ Олонецкой, Архангельской, Пермской, Вятской губерніяхъ, да и въ Сибири, да въ Черкасахъ, какъ тогда называли Малороссію, а въ средней Россіи всѣ были либо помѣщичьи, либо дворцовые, тѣ же помѣщичьи, только помѣщикъ ихъ былъ Царь или Царица, или Царевна, либо монастырскіе. Однодворцы тогда еще назывались крестьянами. Они были дворяне, — такіе, которые жили однимъ дворомъ. — Въ то время вольнымъ людямъ житье было хуже помѣщичьихъ. Вольные люди часто записывались за помѣщиковъ по своей волѣ. И въ Ясной Полянѣ мужики всѣ были господскіе. Помѣщиковъ въ Ясной Полянѣ тогда, [въ] 1708 году, было 5, ⟨но только одинъ изъ нихъ, Ѳедоръ Лукичъ Карцовъ, жилъ въ деревнѣ.⟩ — Самый значительный былъ Капитанъ Михаилъ Игнатьичъ Бабоѣдовъ. У него было дворовыхъ людей 32 души, да крестьянъ 105 душъ въ 11 дворахъ. Дворъ у него былъ большой на горѣ съ краю подъ двумя соснами. И домъ на двухъ срубахъ въ двѣ связи липовыя съ высокимъ крыльцомъ. — Самъ онъ не жилъ дома, а былъ на службѣ въ полку, а дома жила его жена Анна Федоровна съ дѣтьми, а хозяйствовалъ всѣмъ староста ⟨ея⟩, Филипъ Іюдиновъ Хлопковъ. 11 дворовъ его сидѣли по сю сторону оврага одной слободой, задомъ къ пруду, противъ барскаго двора.

2-й помѣщикъ былъ Ѳедоръ Лукичъ Карцовъ. У этаго ⟨тоже⟩ было дворовыхъ 10 душъ и мужиковъ 60 ⟨въ⟩ 6 дворахъ. Дворы сидѣли за оврагомъ къ лѣсу въ другой большой слободѣ улицей, и въ ряду и перемѣжку съ ними сидѣли еще 7 дворовъ мелкопомѣстныхъ: Меньшаго, Михаила Трофимовича 4 двора (помѣщикъ не жилъ), два двора вдовы Дурновой и одинъ дворъ Абремовой вдовы. И вдова и крестьяне жили въ одномъ дворѣ.

[«НАЧАЛА» РОМАНА «СТО ЛЕТ».]

(1877—1879 гг.)

* № 26.

Карней Захаркинъ и братъ его Савелій.

Въ 1723 году жилъ въ Мценскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Сидоровой въ Брадинскомъ приходѣ одинокій мужикъ Карней Захаркинъ. Есть пословица — одинъ сынъ не сынъ, два сына — полсына, три сына — сынъ. Такъ и было съ старикомъ Захаромъ, отцомъ Карнея и Савелья. Было у него три сына — Михайло, Карней и Савелій, а подъ старость его остался у него одинъ средній Карней: Михайлу убило деревомъ, Савелья отдали въ солдаты и солдатка сбѣжала и остался старикъ съ однимъ сыномъ. Но когда старикъ померъ, Карней остался въ домѣ совсѣмъ одинъ съ женой, 3-мя дѣвченками и старухой матерью. —

Домъ при старикѣ Захарѣ былъ богатый, были пчелы, 7 лошадей, 20 [1] овецъ, 2 коровы и телка.

Но послѣ старика домъ сталъ опускаться. Какъ ни бился Карней, — онъ не могъ поддержать дома. Годъ за годомъ изъ 7 продалъ 4 лошадей, оставилъ 3, коровы выпали, продалъ половину овецъ, чтобы купить корову, пчелы перевелись. Помѣщикъ ихъ былъ [2] Нестеровъ. Онъ жилъ въ новомъ городѣ Петерб[урхѣ] при Царѣ въ большой чести, помѣстій у него было много, и со всѣхъ у него былъ положенъ оброкъ: Сидоровскіе платили кромѣ хлѣба, ржи, овса, подводъ, барановъ, куръ, яицъ, по 10 рублей съ тягла. Кромѣ 10 рублей помѣщичьихъ сходило казенныхъ съ тягла до 2-хъ рублей, кромѣ того раззоряли мужиковъ подводы и солдатской постой. Такъ что одинокому мужику было трудно тянуть и, какъ ни бился Карней, онъ опустилъ отцовской домъ и еле еле [3] вытягивалъ противъ людей. ⟨Онъ былъ не любимый сынъ у отца. Отецъ не любилъ его за то, что былъ угрюмый и грубый мужикъ.⟩ Работа все таже

---

[1] *Цыфра:* 20 *ошибочно зачеркнута.*

[2] *Зачеркнуто:* князь Вяземской, но потомъ они перешли къ Нестерову.

[3] *В подлинникѣ:* ели ели

была, какъ и при отцѣ, съ утра до поздней ночи, когда не было ночнаго или карауловъ, а когда бывали караулы, ночное или подводы, то приходилось и день и ночь работать. — Работа была все одна, больше работать нельзя было, но и работой онъ не скучалъ, но тяжело было то, что и работать и обдумывать и собирать всякую вещь надо было ему же. Бывало соберетъ и обдумаетъ старикъ, а теперь все одинъ и одинъ. Тяжело ему было то, что не могъ поддержать отцовскаго дома. Съ тѣхъ поръ, какъ опустился его домъ, и перевелъ онъ пчелъ и лишнюю скотину, — онъ уже лѣтъ 7 жилъ все въ одной порѣ, не [1] прибавлялось у него достатку [и] не убавлялось. Былъ онъ съ домашними сытъ, одѣтъ, обутъ, была крыша надъ головой и тепло въ избѣ, но подняться никакъ не могъ. Но онъ не ропталъ и за то благодарилъ Бога. Грѣшилъ онъ только тѣмъ, что скучалъ о томъ, что не давалъ Богъ ему ребятъ. Жена носила уже 7-е брюхо, и не помнилъ онъ рабочей поры, чтобы она была безъ люльки, и все были дѣвочки. Четверыхъ Богъ прибралъ, и три были живы. Хоть и избывала ихъ жена его, онъ не обижался на нихъ, но скучалъ тѣмъ, что нечего приждать было. Состарѣешься, дома некому передать, кромѣ какъ зятя въ домъ принять, — думалъ онъ, — и хоть и зналъ, что грѣхъ загадывать, часто думалъ объ этомъ и всякій разъ, какъ жена родитъ, спрашивалъ у бабки, что родила, и плевалъ, и махалъ рукой, когда узнавалъ, что опять дѣвка.

Мужицкая работа самая тяжелая бываетъ отъ Ильина дни и до Успенья. ⟨Въ эту пору трудно бывало Карнею, особенно какъ случится, что въ эту пору жена не проста. Такъ случилось и въ этомъ году. Все надо было обдумать и повсюду поспѣть.⟩ Еще покосы не докошены и не довожены, поспѣваетъ рожь. Только возьмутся за рожь, ужъ овесъ сыпется, а паръ надо передвоить, сѣмена намолотить, и сѣять и гречиху убирать. Случилось въ этомъ году — еще ненастье постояло недѣлю, отбило отъ работъ и еще круче свалилось все въ одно время. Корней все не отставалъ отъ людей. Рожь у него была свожена и разставлена для молотьбы, паръ передвоенъ, овса нежатаго оставалось полосьминника на дальнемъ полѣ. Торопился онъ свозить послѣдній овесъ съ ближняго поля, куда хотѣли скотину пускать. Возилъ онъ весь день съ Марѳой и прихватилъ ночи. Ночь была мѣсячная, видная, и онъ довозилъ бы весь, кабы на второй послѣ ужина поѣздкѣ жена не отказалась. Она въ полѣ, подавая снопы изъ копны, начала мучать[ся]. Корней самъ наклалъ, увязалъ одинъ возъ, а на другую, пустую телѣгу посадилъ ее и свезъ ее домой. Дома послалъ мать за бабкой, а самъ отпрегъ и поѣхалъ въ ночное. ⟨Ему въ этотъ день былъ черёдъ стеречь ночное съ сосѣдомъ Евстигнѣемъ. И съ вечера заходилъ повѣщать Выборной.—⟩

[1] *В подлиннике:* ни

Спутавъ своихъ двухъ замученныхъ лошадей и пустивъ ихъ, Карней ⟨пересчиталъ съ Евстигнеемъ всѣхъ лошадей,⟩ помолился Богу и подошелъ къ мужикамъ, лежавшимъ подъ шубами и кафтанами надъ лощиной у пашни, и сѣлъ у огонька, который развели мужики. Чередные караульщики съ дубинами, покрикивая ходили около лошадей въ лощинѣ, а остальные уже спали. Не спалъ только старикъ и Щербачъ.

⟨Одинъ изъ мужиковъ, караулившихъ лошадей, лежавшихъ подъ тулупами, поднялся, почесался и подошелъ къ огню и присѣлъ на корточки.⟩ Они говорили про солдатъ. Весь этотъ мѣсяцъ шли [?] солдаты [*1 неразобр.*]

— Мало ли ихъ пропадаетъ. Теперь сказываютъ, въ Перми что ихъ сгорѣло. Пришли на такое мѣсто, что изъ земли огонь полыхаетъ. Всѣ и погорѣли, — сказалъ этотъ мужикъ.

Мужикъ этотъ былъ сосѣдъ Корнею, звали его [1] Юфанъ Щербачъ. Онъ былъ мужикъ большой, здоровый, рыжій. Два зуба у него были выбиты, отъ того и звали его Щербатымъ.

— Куда ужъ онъ ихъ, сердешныхъ, не водилъ. — ⟨Царь то.⟩ И то сказываютъ, что не заправскій онъ Царь, а подмѣненый. Въ Стекольномъ городу.

— Буде, пустое болтать, чего не знаешь, — сказалъ Евстигней. Вѣрно служивый сказывалъ, вчера стояло у меня въ дому 6 человѣкъ и набольшій — капралъ — называется. У тѣхъ суда зачесаны виски, а у этаго длинные, здѣсь какъ вальки. А человѣкъ ученый. Я его про нашего барина спрашивалъ. Онъ знаетъ, да говоритъ, онъ нынче въ бѣдѣ. Какъ бы, говоритъ, васъ у него не отобрали.

— А намъ чтоже, отберутъ, за другимъ запишутъ, — сказалъ Евстигней. Все одно подати платить. —

— Ну все разница.

— Да мы и не видали этого. Чтожъ, обиды нѣтъ. —

Поговоривъ такъ, Щербатый отошелъ и остался одинъ Карней съ Евстигнеемъ. [2] Дядя Евстигней былъ крестный отецъ Корнея. Онъ былъ мужикъ богатый. У него было 3 сына: два женаты на тяглѣ. Самъ онъ былъ мужиченка маленькій, сѣдинькой, съ длинными волосами и рѣдкой бородкой — мужиченка смирный, разговорчивый и умный. — Онъ зналъ, что Корней доваживалъ овесъ.

— Довозилъ что ли? — спросилъ онъ.

— Осталось 7 крестцовъ, — ⟨махнувъ рукой,⟩ сказалъ Карней.

---

[1] *Зачеркнуто:* Анисимъ Жидковъ, Павелъ Шинтякъ

[2] *Благодаря вставке, включенной в текст, оказалось неприуроченное место:* Дядя Евстигней ⟨накинувъ тулупъ,⟩ подсѣлъ къ старику. Онъ скоблилъ ножемъ лыку, сидѣлъ у огня. Карнею не хотѣлось спать. ⟨Мѣсяцъ еще не заходилъ, и лошади видны были въ логу и мужики разговорами стали коротать уже не лѣтнюю, не короткую ночь — Корней говорилъ: Да такъ вотъ и живешь, дядя Евстигнѣй⟩

Онъ хотѣлъ было сказать, отчего, но вспомнилъ, что говорить про это не годится, что радительница хуже мучается, когда люди знаютъ, и сказалъ, что лошади стали.

— Заморилъ совсѣмъ, перемѣны нѣтъ: и возить, и пахать, и скородить; изъ хомута не выходятъ, сердечные. Все одинъ. Такъ вотъ и живешь, крестный. Люди уже отсѣялись, а я еще не зачиналъ, да хлѣбъ въ полѣ. Эхъ, крестный, плохая моя жизнь, — и Корней насупился, глядя на огонь.

Рѣдко ему доходило такъ тошно, какъ нынче. И такъ въ избу не заходилъ бы. Крики, визгъ, дѣвчонки эти, та — убилась, та — хлѣба проситъ, а теперь въ самую нужную пору еще родить — гляди опять дѣвчонку, да сляжетъ, какъ съ тѣмъ брюхомъ. Не то, что помога, а обуза. Плохая моя жизнь, — повторилъ онъ. — Головешка одна, сколько ни чади, и та затухнетъ. ⟨А вотъ все не хочется домъ упускать.⟩

— То то, я чай, жилъ старикъ, убилъ бы его, а нѣтъ, купилъ бы, — сказалъ Евстигней. —

Корней оглянулся на старика.

— Нѣтъ, Крестный, чтожъ, я противъ родителя никогда не грубилъ, — сказалъ онъ. — И при родителѣ трудно бывало, вся бывало работа на мнѣ, да я этимъ не брезгавалъ. Хоть онъ меня и не любилъ противъ Михайлы или Савелья, никогда не версталъ, а я грубить не могъ.

— Пуще всего, милый, родителей поминай. Родительское благословенье во всякомъ дѣлѣ спорину даетъ. А ты не тужи, Богъ труды любитъ. —

— Да не работа, забота сушитъ, дядюшка. Все какъ будто не хочется домъ упустить, а чтоже сдѣлаешь одинъ. Бьешься, какъ рыба объ ледъ, а толку нѣтъ ничего. Все то я распродалъ, пчелъ перевелъ, кобылу продалъ, а и приждать то нечего. Однѣ дѣвки ростутъ. Отъ нихъ помоги не приждешь.

— А ты вотъ что, Корней, ты малый крѣпкій и не дуракъ, ты не грѣши. Такъ то сказывалъ Божій человѣкъ лѣтось, у насъ ночевалъ, про святаго отца что ли. Былъ такой-то на навозѣ, говоритъ, 10 годовъ лежалъ, весь въ гною, тѣло все сопрѣло, червь напалъ на него, такъ его Макарка безпятый, нечистый значитъ, смущалъ: — «пожалься, говоритъ, на Бога, тебѣ, говоритъ, легче будетъ терпѣть» — на грѣхъ его смущалъ, такъ онъ, значитъ, не поддался ему, говоритъ: Богъ, говоритъ, далъ, Богъ, говоритъ, и взялъ. А богатый допрежь того былъ. Скота, говоритъ, тысячи чтоли было. Семья тоже была, сыновья, жена — всѣ померли. Онъ говоритъ Макаркѣ безпятому, — ты, говоритъ, меня не наущай на Бога обижаться. Когда, говоритъ, мнѣ Богъ достатки посылалъ, я, говоритъ, не брезгивалъ, прималъ, надо и теперь, говоритъ, примать, чего посылаетъ — терпѣть, говоритъ, надо. Такъ-то сказывалъ хорошо, бабы наши наплакались, слушамши. Такъ то, Корнеюшка, терпѣть надо.

Корней, ⟨начавшій перебуваться и парить на огнѣ

подвертку,〉 бросилъ перебуваться и, повернувшись къ старику, слушалъ его. Старики мало спятъ и любятъ говорить. Евстигней разговорился, онъ покачалъ головой, задумавшись, и опять началъ.

— Ну, то святые отцы, я тебѣ про себя скажу. Тоже не завсегда и мы хорошо жили. Вотъ теперь ребята подросли, благодарю Бога. — Старикъ перекрестился, повернувшись на восходъ, — а то тоже нужду видали. Охъ и видали же нужду. Про Андрея Ильича слыхалъ ли? Ну вотъ то-то. Были мы тогда Вяземскаго Князя. Онъ прикащикомъ у него былъ. Грузный, брюхо — во, на тройкѣ не увезешь. Было дѣло еще при томъ Царю, при Лексѣѣ Михалычѣ. Забунтовали на низу. Какой-то Степанъ Тимофеичъ проявился. До насъ только слухи были, что за старую вѣру поднимается народъ. Вотъ и случись, у насъ въ дому заночевали двое незнамо какіе люди. Схватили ихъ ужъ въ Рагожиномъ, во дворахъ, свезли во Мценской, позвалъ меня Андрей Ильичъ. А онъ на меня давно серчалъ, что я у него собаку убилъ. Я былъ годовъ 30, также, какъ ты — одинокій, безъ родителя остался, Егоръ еще и женатъ не былъ. Позвалъ, сказывай, говоритъ, что прохожіе люди съ тобой говорили. А чего говорили. Поужинали, покалякали объ Степанѣ Тимофеичѣ, что онъ городъ взялъ какой-то, больше и рѣчи не было, и легли, на утро проводилъ я ихъ за ворота. Съ Богомъ! Спасибо. Я сказываю. Нѣтъ, говоритъ, что еще говорили, все сказывай, а то раззорю. Ты и такъ, молъ, не работникъ. Возьму въ дворъ и бабу, а брата въ солдаты отдамъ. Говори. Да что говорить? Ничего не знаю. Сказывай, запорю. Все я сказалъ. Утаиваешь! Розогъ! Повели меня въ ригу. Ложись. Легъ. Принялись пороть. Двое держатъ, двое стегаютъ. Наше вамъ, наше вамъ. Только поворачиваешься. Сказывай. Чего сказывать. Ничего больше не знаю. Клади еще, наше вамъ. Такъ то отбузовали, что на кафтанѣ снесли. 〈Мало того. Не скажешь, говоритъ, домъ твой раззорю.〉 Да это бы ничто. Побои не на мнѣ — на немъ остались. Нѣтъ, собака, раззорилъ вѣдь. Взялъ во дворъ. Послали жену кирпичъ бить, а меня въ болото канаву копать, домъ разнесли, 〈чисто сдѣлали,〉 горно обжигалъ, самъ топилъ. 〈Такъ то, собака, мучалъ насъ три года.〉 Чтожъ прошло время, самъ же помиловалъ, отошло у него сердце. Да и тяголъ мало стало. Бѣжало много народа, опять построился, завелся, твой отецъ, кумъ помогнулъ. Вотъ живъ же.

Корней покачалъ головой.

Извѣстно дѣло, дядюшка. Развѣ я ропщу. Такъ ослабнѣшь другой разъ. А то извѣстно, мнѣ грѣхъ жаловаться. Чтожъ, слава Богу, ни холоденъ, ни голоденъ. Жить можно.

— А вотъ ты баилъ, тебя отецъ съ братьями не версталъ. Не[1]

[1] *В подлинникѣ:* ни

моги родителевъ судить. Грѣхъ. Дороже всего родителей поминать. Тому человѣку всегда счастье.

— Да я, дядюшка, не то, что съ попрекомъ. Я самъ знаю, что мнѣ до Савелья далёко. Тотъ малый былъ и ловкій и обходителенъ и ухватистъ. Родитель покойникъ серчалъ, что я не пошелъ въ службу, а Савелья взяли. Вѣдь это не моя причина. Матушка меня жалѣла, а батюшка его. Я отцовскаго приказа не ослушивался. Пришелъ тогда выборный сказывать, что съ нашего двора ставить однаго, а везти обѣхъ, который годится. Насъ обѣхъ батюшка повезъ. Только пріѣхалъ онъ, пошелъ батюшка въ воеводскую, а Савелій мнѣ и говоритъ: «Ты, говоритъ, Карней, не тужи. Я охотой пойду. Я тутъ не жилецъ. Мнѣ постыла эта жизнь. Я охотой, говоритъ».

Какъ ввели насъ въ Приказъ, только крикнули Захаркиныхъ. Онъ впередъ сунулся. Я, говоритъ, охотой иду. А, чай, помнишь, малый то былъ какой статный, бравый, смѣлый. Воевода и говоритъ: ай молодецъ. Вотъ такъ солдатъ будетъ, такихъ Царю нужно. Мѣть! — Съ той поры батюшка на меня и серчать сталъ. Ты, говоритъ, его съ бабой своей упросилъ. А я ничѣмъ не причиненъ. Онъ самъ захотѣлъ. Пожалѣлъ меня съ малыми дѣтьми. — Ну да и поминаю я его. Кажется, приди онъ вотъ, скажи: Карней, полѣзай въ огонь, для меня нужно. Полѣзу.

— Чтожъ, нѣтъ слуховъ?

— Нѣтъ, то говорили, что онъ бѣжалъ и за женой присылалъ, что она къ нему ушла, а теперь какъ въ воду кануло, 6-й годъ. Либо померъ.

⟨Въ это время лошади шарахнулись и мужики закричали.⟩

Старикъ неохотно слушалъ разговоры Ѳеофана; онъ поднялся, оглядѣлъ звѣзды.

— Ужъ не рано, — сказалъ онъ. Воздохнулъ, повернулся къ сторонѣ и помолился, и легъ, укрываясь съ головой тулупомъ. Корней сдѣлалъ тоже.

— Вотъ, — подумалъ онъ, — умный то человѣкъ слово скажетъ — дороже денегъ. Складно какъ разсказалъ крестный про святаго отца, что на навозѣ прѣлъ. Есть что послушать, а это что, зубы чесать.

И онъ потянулся, зѣвнулъ и только сталъ засыпать, какъ услыхалъ, что собака дяди Евстигнѣя не путемъ брешетъ, — бросается къ дорогѣ.

* № 27.

Тому назадъ 150 [1] лѣтъ при Царѣ Петрѣ въ деревнѣ Сидоровой Мценскаго уѣзда, жилъ одинокій мужикъ Карней Іонычъ Захаркинъ. До 1-й ревизіи 1713 [года] ихъ было у отца три сына женатыхъ: Липатъ, Карней и Савелій; но по послѣ-

[1] *В подлинникѣ:* 250

вицѣ — одинъ сынъ — не сынъ, два сына — полсына, три сына — сынъ. Прошло 6 лѣтъ, и остался у отца одинъ средній сынъ Карней. Меньшаго Савелья въ первый наборъ 17... [года] при царѣ Петрѣ сдали въ солдаты. Старшаго убило въ лѣсу деревомъ, сноху выдали замужъ за вдовца въ орловскую вотчину. Прошло еще 4 года, самъ старикъ Іона захворалъ и умеръ; и остался одинъ Карней со старухою-матерью, съ женою и тремя дѣвчонками: самъ шёстъ кормиться, а самъ другъ съ женою работать. При старикѣ дворъ Захаркиныхъ былъ богатый: было семь лошадей, три коровы, больше двухъ десятковъ овецъ, были и пчелы. Кромѣ своей жеребьевой земли каждый годъ старикъ бралъ у помѣщиковъ своего села землю. Въ селѣ было 5 помѣщиковъ, и вся земля была черезполосная: на гумнѣ у старика Іоны всегда хлѣбъ за хлѣбъ заходилъ и были у старика зарыты деньги. Но померъ старикъ, остался Карней на одномъ жеребью и лошадей, коровъ осталось у него: двѣ лошади, корова и пять овецъ.

Работалъ онъ не покладая рукъ, но, какъ ни хлопоталъ онъ, дворъ все опускался и опускался, и только только онъ кормился и справлялъ мирскія, государевы и помѣщичьи подати и кормился съ семьею. Такъ случилось въ 1723-мъ году въ самую уборку. Съ недѣлю времени шли дожди и отбили отъ работы, такъ что къ Заговенамъ вся работа свалилась въ одно время; какъ только разведрилось, мужики всѣ дружно взялись за свозку съ поля оставшихся сноповъ. Возили день и ночь. Урожай яроваго въ этомъ году былъ хорошъ. Карней на пяти осьминникахъ нажалъ девяносто шесть крестцовъ. Наканунѣ Спаса мужики свозили ужъ послѣдній овесъ и на завтра хотѣли запускать скотину въ яровое поле, но у Корнея еще оставались не свожены два осминника. Скотину уже выгнали. Мужики поужинали и поѣхали въ ночное, а Корней все еще возилъ. Стали уже приставать лошади — кобыла съ жеребенкомъ, но Корней все еще возилъ. Хотѣлось ему довозить послѣднее, чтобы не разбила копны скотина, но еще и не поздно было, какъ отказалась не лошадь, а Марѳа брюхатая, на сносѣ, жена его, подававшая ему на возъ снопы изъ крестовъ. Снопы ссохлись послѣ дождя, свясла закалянѣли и разрывались; Марѳѣ, что ни снопъ, надо было перевязывать, а то всѣ разрывались на вилкахъ. Сначала шло дѣло споро, она и перевязывала, и подавала, и Корней только успѣвалъ укладывать снопы, которыми заваливала его ловкая къ работѣ Марѳа. Но возъ ужъ былъ до половины наложенъ, какъ вдругъ Марѳа остановилась, оперлась на вилки и застонала.

— Силъ моихъ нѣту, Карнеюшка, видно нынче я тебѣ не работница.

— Э! Дуй тебѣ горой! — проговорилъ Корней. И сообразивъ, что баба родить собирается, онъ плюнулъ, соскочилъ съ воза, самъ увязалъ его, молча подсобилъ присѣвшей у колеса

и стонавшей бабѣ влѣзть на пустую телѣгу и свезъ накладенный возъ и бабу домой.

Вдвинувъ телѣги въ дворъ, онъ кликнулъ мать, высадилъ бабу, и сталъ выпрягать лошадей. Старшая дѣвченка Аксютка его 10 лѣтъ, бѣгавшая за бабкой, вышла къ нему на дворъ, когда онъ, ужъ снявъ хомуты съ лошадей, привязывалъ ихъ къ грядкѣ телеги, чтобы вести въ ночное.

— Аксютка! Аксютка. Поди у бабки хлѣба возьми, да шубу вынеси, — сказалъ онъ дѣвчонкѣ. —

— Я тебѣ, батюшка, сюда на крылечко и вынесу ужинать. Бабушка велѣла.

Босоногая шустрая дѣвочка живо вынесла отцу хлѣбъ, чашку и кувшинчикъ съ квасомъ и огурцовъ за пазухой. Поставивъ на крылечко, сбѣгала за столешникомъ, солью и ножикомъ. Какъ большая, собравъ ужинъ, стала у двери. Помолясь Богу, Корней поѣлъ и, вставъ отъ ужина, взялъ у дѣвчонки шубу и погладилъ ее по головѣ и пошелъ къ лоша[дямъ].

— Гляди, опять дѣвку родитъ, — сказалъ онъ себѣ, вслушиваясь къ доносившимся до него изъ избы стонамъ. И, кинувъ шубу на мерина, отвязалъ лошадей и повелъ къ воротамъ. Затворивъ за выведенными на улицу лошадьми скрипучія ворота, онъ взвалился, чуть поднявшись на цыпочки своимъ худымъ длиннымъ тѣломъ на чалаго потнаго подъ мѣстомъ сѣделки мерина, и, перекинувъ усталую ногу, усѣлся половчѣй на худомъ, остромъ хребтѣ лошади и, доставъ стоявшую въ углѣ чекушку, погналъ въ ночное.

Ночное сидоровскіе мужики стерегли сообща съ пашутинскими и стерегли строго, потому что въ это лѣто въ округѣ много отбито было разбойниками лошадей у мужиковъ и помѣщиковъ. Выѣзжая за околицу, Корней вспомнилъ о томъ, какъ подъ Ильинъ день слышно было: разбойники ограбили Троицкаго помѣщика и увезли семь подводъ награбленнаго добра. О томъ, какъ на прошлой недѣлѣ въ лѣсу бабы, ходя за малиной, наткнулись на недобрыхъ людей, какъ вчерась Терентій — лѣсникъ встрѣтилъ троихъ съ ружьемъ и на-силу ушелъ, и задумался о томъ, гдѣ ночуютъ нынче мужики; вчера ночевали въ Скородномъ и толковали о томъ, что голодно стало для лошадей и хотѣли назавтра гнать въ Барсуки. Карней пріостановилъ лошадь и сталъ прислушиваться и приглядываться на правую сторону къ Барсукамъ.

Слухомъ ничего разслышать не могъ Корней. Послышалось ему, что ржутъ лошади въ Скородномъ, да разобрать нельзя было изъ за собакъ, которыя, хотя и отстали отъ него, но все, встревоженныя его проѣздомъ, еще лаяли у околицы.

— Да и то, — подумалъ Корней, — можетъ наши лошади ржутъ, а можетъ дорожныя.

Большая дорога изъ Мценска въ Ефремовъ проходила мимо самаго Скороднаго и лѣтней порой проѣзжіе на ней отпрягали

и ночевали. Видѣть тоже нельзя было изъ за пару, который поднимался въ лощинѣ. (Ночь была свѣтлая и на бугрѣ, какъ днемъ, видно было.)

— Все одно, — подумалъ Корней, — прежде заѣду въ Скородный, окликну ребятъ, коли нѣтъ, и до Барсуковъ переѣхать не далече.

И трясясь рысцой на добромъ меринѣ, Корней сталъ спускаться въ лощину въ молочный туманъ къ мосту. — Послѣ ужина вся тяжелая работа цѣлаго дня сказалась Корнею, онъ не чуялъ ни рукъ, ни ногъ: ѣхалъ и спалъ. Спустившись въ лощину, Корней, почувствовавъ, что кобыла дернулась, открылъ глаза и оглянулся: на десять шаговъ передъ собой не видать было, но слышно было, что у моста жеребенокъ, забѣжавъ подъ кручь, [1] потерялъ мать и ржалъ. Корней остановился за мостомъ и сталъ звать жеребенка, да кстати и надѣлъ шубу на остывшее тѣло.

— Псе. Псе. Псе, — долго покрикивалъ, пока наконецъ не услыхалъ топотъ жеребенка по бревнамъ моста. Дожидаясь у моста и надѣвая шубу, Карней услыхалъ крики мужиковъ на право въ Барсукахъ и тамъ же увидалъ огонекъ, краснѣющій сквозь туманъ и тронулъ прямо туда. Но тутъ съ нимъ случилось чудное. Направо онъ [2] вдругъ услыхалъ голосъ, да еще чей то знакомый голосъ, окликавшій его.

— Карней, ты что ль?

Онъ остановилъ лошадей и постоялъ, соображая, почудилось ли ему это или точно это голосъ, и вглядываясь въ туманъ, туда, откуда былъ голосъ; но голосъ затихъ и сквозь туманъ не могъ онъ разобрать, что такое высокое чернѣетъ, человѣкъ ли, или такъ. —

— Должно почудилось, — подумалъ Карней и поѣхалъ дальше и громкимъ, звонкимъ голосомъ окликнулъ мужиковъ.

— Корнюха! — опять послышалось ему сзади, но голосъ былъ знакомый, но не мужицкой.

Корнею жутко стало, и онъ, махая ногами, погналъ мерина по направленію къ голосамъ, откликнувшимся на его крикъ.

— Кто идетъ? — крикнулъ на Корнея грубый веселый голосъ, который онъ узналъ тотчасъ же за Макаркинъ, — говори крещена ли душа?

И одинъ изъ 2-хъ караульныхъ нынѣшней ночи — Макаръ, въ шубѣ и треухѣ съ дубиной подошелъ къ нему.

— Аль не призналъ? — тихо сказалъ Корней, слѣзши съ лошади и снимая оброти.

— Чтожъ не окликаешься, я было убилъ, шалый право. Что поздно?

---

[1] *В подлинникѣ:* и

[2] *Слово:* онъ *по ошибкѣ написано дважды.*

— Овесъ доваживалъ. Э! Кормъ то, кормъ-то, — сказалъ Корней, путая лошадь и проведя рукой по высокой густой отавѣ и прислушиваясь къ звучному срыву длинной травы.

— А что не видалъ недобрыхъ людей?

— А Богъ е знаетъ, кто то окликнулъ меня у острова.

— Вре?

— Пра.

— А гдѣ мужики то?

— А вонъ ребята баловали, огонь развели. —

Корней, перекинувъ на спину одну ременную, другую пенечную узды, тихими шагами усталыхъ ногъ пошелъ на гору. [1] По обѣимъ сторонамъ огня, укутавшись съ головами шубами и кафтанами, какъ журавли, вытянувшись вдоль межи, лежали мужики. Не спали только и сидѣли у огня Щербачъ и старикъ Евстегнѣй.

— Что поздно? — спросилъ старикъ.

— Овесъ довозить хотѣлось.

— Что же, довозилъ что-ли?

— Нѣ, — лѣниво отвѣчалъ Корней, повернулся на восходъ къ высожарамъ, только выходившимъ изъ тумана и, снявъ шапку, сталъ молиться: Іесусу, Богородицѣ, Николи, Херувѣми, за родителей и, поклонившись, зѣвая, легъ подъ шубу.—

— Эхъ, народъ нынче, — говорилъ Евстигнѣй подошедшему Макару. — Ночка захватитъ, ужъ и валится. — Приди теперь воръ.

— А я то что? — сказалъ Макаръ. — Я этаго сна, чтобы и знать, — не знаю.

— Толкуй больше, ты, я чай, на возу день пролежалъ, за двумя сыновьями въ старикахъ, а какъ я нони 3 осьмини смахалъ гречи, солнце еще во гдѣ было, да возилъ, такъ руки то не знаю мои ли, чужія ли.

— Эка диво! слабъ ты больно.

— Ослабѣешь. Ты не ослабнешь. Вишь курдюкъ то наѣлъ, съ тебя портки не стащишь, а съ меня ползутъ.

— Да ужъ ты завистливъ больно на работу. Сталъ бы я биться, отдалъ бы землю, али безъ отдачи собралъ повозку, темной [2] ночки дождался, да и съ Богомъ.

— Чтожъ, ступай, ктожъ тебя держитъ. —

— А то и держитъ, что мнѣ слава Богу есть причемъ жить. Ай, ай, держи, — закричалъ Макарка на крикъ товарища и пошелъ подъ гору.

* № 28.

Какихъ бы мы ни были лѣтъ — молодые ли старые, — куда мы ни [3] посмотримъ вокругъ себя ли, или назадъ, на прежде

[1] *По ошибке не зачеркнуто:* На краю жневья и вершины.
[2] *В подлиннике:* темный
[3] *Не зачеркнуто:* по

насъ живших людей, мы увидимъ одно и одно удивительное и страшное ⟨явленіе⟩ — люди родятся, ростутъ, радуются, печалуются, чего то желаютъ, ищутъ, надѣются, получаютъ желаемое и желаютъ новаго или лишаются желаемаго и опять ищутъ, желаютъ, трудятся, и всѣ — и тѣ, и другіе — страдаютъ, умираютъ, зарываются въ землю и изчезаютъ изъ міра и большей частью и изъ памяти живыхъ, — какъ будто ихъ не было и, зная что ихъ неизбѣжно ожидаютъ страданія, смерть и забвеніе, продолжаютъ дѣлать тоже самое.

Зачѣмъ? Къ чему? трудиться, достигать желаемаго, когда все кончится болѣзнью, страданіемъ, смертью и забвеніемъ. Мой удѣлъ страдать, мучаться и умереть. Если уже это неизбѣжно, то не лучше ли скорѣе, чѣмъ обманываться и ждать этаго? И какая разница между 80 [1] годами жизни и однимъ часомъ, когда мнѣ предстоитъ вѣчность, безконечность времени, — смерти, безжизненности.

Для того, чтобы продолжать жить, зная неизбѣжность смерти, (а знаетъ эту неизбѣжность и 10 лѣтній ребенокъ) есть только два средства; одно — непереставая такъ сильно желать и стремиться къ достиженію радостей этаго міра, чтобы все время заглушать мысль о смерти, другое — найти въ этой временной жизни, короткой или долгой, такой смыслъ, который не уничтожался бы смертью. — И всѣ люди, которыхъ я зналъ и знаю, я самъ въ разныя времена моей жизни, всѣ люди прошедшаго, жизнь которыхъ я знаю, жили и живутъ или отдаваясь страстямъ, чтобъ заглушить мысль о смерти, или направляя жизнь такъ, чтобы дать ей смыслъ, неуничтожаемый смертью.

Только какъ исключеніе являются тѣ, всегда и всѣмъ ужасающіе, люди, которые не въ силахъ стремленіями страстей заглушить мысль о смерти и не въ силахъ найти смыслъ жизни, ⟨сами⟩ убиваютъ себя.

Желанія, заглушающія мысль о смерти, всегда свойственны человѣку, всегда однѣ и тѣже, особенно ярко они видны у дѣтей, для которыхъ такъ естественно изъ за вѣчно новыхъ, само собою возникающихъ желаній не видѣть предстоящей смерти, что этотъ путь жизни понятенъ всякому.

Другой путь, направляющій стремленія человѣка такъ, чтобы жизнь получала смыслъ, неуничтожаемый смертью — точно также простъ и естественъ для человѣка, не разрушившаго тѣ вѣрованія, которыя были внушены ему при его воспитаніи и ростѣ. Путь этотъ есть вѣра. Нѣтъ народа изъ тѣхъ, которыхъ мы знаемъ и можемъ знать, въ которыхъ дѣти въ особенности матерями не воспитывались въ извѣстныхъ вѣрованіяхъ.

Вѣрованія же, всякая вѣра есть объясненіе смысла жизни,— такое, при которомъ смерть не нарушаетъ его, и указаніе на

---

[1] *Цыфра:* 80 *переделана из:* 70

то, какое должно быть направленіе этой жизни, т. е. какъ человѣкъ долженъ направлять свою свободную волю для придания своей жизни такого внѣвременнаго значенія, не исчезающаго со смертью, — указаніе, что добро и что зло. Усвоеніе извѣстныхъ вѣрованій также естественно, неизбѣжно даже, какъ увлеченіе желаніями и страстями. Точно также, какъ желанія и страсти, не дожидаясь нашего выбора, втягиваютъ и влекутъ за собою, точно также, не дожидаясь нашего выбора, извѣстное объясненіе смысла нашей жизни, — такого, который не разрушается смертью, — передается намъ вмѣстѣ съ нашимъ ростомъ и воспитаніемъ.[1] Объясненіе это называютъ вѣрой, именно по тому, что оно передается отъ однаго поколѣнія къ другому въ дѣтскомъ, юношескомъ возрастѣ — на вѣру. Оно не доказывается, не объясняется, потому что ребенку нельзя доказывать и объяснять, а передается, какъ истина — плодъ несомнѣннаго знанія, имѣющаго[2] сверхъестественное происхожденіе. ⟨И оно не можетъ не быть передаваемо, потому что безъ него нельзя воспитывать ребенка.

(Когда объясненіе это не дается, какъ несомнѣнное знаніе, имѣющее сверхъестественное происхожденіе, то оно доказывается и объясняется, и тогда оно становится наукой — философіей.) Но такъ какъ ребенку и юношѣ нельзя передать философскаго ученія, не насилуя его, ибо по нетвердости своего ума и діалектики онъ, не будучи въ силахъ отрицать, приметъ всякое [ученіе], то философія никогда не могла быть передаваема и не передавалась растущимъ поколѣніямъ, а всегда передавалась вѣра.⟩

Вездѣ, всегда, сколько я видѣлъ и понималъ въ моей 50-лѣтней жизни, сколько я могъ понять въ изученіи жизни далеко живущихъ отъ меня и прежде жившихъ, я видѣлъ, что люди не могутъ жить и не живутъ внѣ этихъ двухъ путей жизни.

Всегда и вездѣ также неизбѣжны желанія и страсти человѣка, какъ и передача ему извѣстныхъ вѣрованій, объясняющихъ для него ⟨вѣчный⟩ невременный смыслъ жизни.

Одинаково невозможенъ и непонятенъ представляется человѣкъ, не имѣющій страстей и желаній, какъ и человѣкъ, не имѣющій вѣрованій, объясняющихъ для него смыслъ жизни и уничтожающій смерть.

Случай тѣхъ дикихъ, о которыхъ пишутъ путешественники, какъ неимѣющихъ никакихъ вѣрованій и тѣхъ, между нами живущихъ людей, которые, отрицая всякое вѣрованіе, полагаютъ, что воспитываютъ дѣтей внѣ всякаго объясненія смысла жизни, не уничтожаемаго смертью, могутъ казаться намъ исключеніями только по тому, что мы по отношенію дикихъ, слишкомъ мало зная и языкъ и воззрѣнія дикихъ, не умѣемъ для себя

[1] *Зачеркнуто:* Объясненіе этаго смысла нашей жизни, — такое, которое не уничтожается смертью, — есть вѣра.

[2] *В подлинникѣ:* имѣющее

выразить ихъ вѣрованій, по отношенію же отрицающихъ вѣру въ нашемъ обществѣ изъ за отрицанія внѣшнихъ формъ, не замѣчаемъ тѣхъ вѣрованій, которыя они кладутъ въ основу своих объясненій смысла жизни. —

Всякій дикій считаетъ или не считаетъ хорошимъ и дурнымъ что нибудь, кромѣ удовлетворенія своихъ страстей. Если нѣтъ, если онъ не знаетъ различія хорошаго и дурнаго, кромѣ въ своихъ тѣлесныхъ вкусахъ, то онъ не человѣкъ; если же онъ считаетъ по мимо и противно своимъ страстямъ одно — хорошимъ, другое — дурнымъ, — хотя бы убійство своего врага онъ считалъ хорошимъ, — у него есть вѣрованія, которыя даютъ вѣчный смыслъ его жизни, и, какъ онъ получилъ ихъ отъ предковъ, такъ и передаетъ своимъ потомкамъ. Если мыслящій человѣкъ, мысленно отвергающій всякія вѣрованія, знаетъ различіе между добромъ и зломъ, [1] ⟨то⟩ знаніе этаго различія есть вѣрованіе.

Пускай онъ думаетъ, что онъ отвергъ всякую вѣру, что одинъ разсудокъ открылъ ему это, ⟨хотя и легко бы убѣдиться, что разумомъ можетъ быть доказано, что причина и что слѣдствіе, но то, что добро и что зло, не можетъ быть доказано разумомъ,⟩ но все таки, полагая, что человѣкъ, жертвуя своими стремленіями и поборая страсти въ пользу общаго блага, дѣлаетъ хорошо, онъ ⟨только⟩ вѣруетъ въ то, что стремленіе къ общему благу есть то, что даетъ его жизни такой смыслъ, который не уничтожается смертью. И принявъ невольно это вѣрованіе отъ другихъ, онъ также невольно передаетъ его своимъ дѣтямъ. —

Вездѣ и всегда, куда ни посмотришь, — борьба, несмотря на угрожающую смерть, — [борьба] между слѣпымъ стремленіемъ къ удовлетворенію страстей, вложенныхъ въ человѣка, [2] между похотью съ требованіемъ закона добра, попирающаго смерть и дающаго смыслъ человѣческой жизни, [3] безконечно различно выражаемаго въ вѣрованіяхъ. Въ этой борьбѣ всегда и вездѣ выражается жизнь и человѣка и народовъ.

⟨Бываютъ въ жизни отдѣльныхъ людей времена, когда [человѣкъ] [4] отдается однимъ страстямъ и забываетъ смерть, бываетъ, что онъ вспоминаетъ ее и не находитъ объясненія жизни, вѣрованій, или находитъ такія, которыя болѣе не удовлетворяютъ его и ищетъ новыя и находитъ ихъ или смиряясь возвращается къ прежнимъ. Бываетъ, что онъ борется всю жизнь, то отдаваясь страстямъ, то вѣрѣ.

Съ безчисленныхъ сторонъ можно разсматривать жизнь человѣка и народовъ, но я не знаю болѣе общаго, широкаго и заключающаго въ себѣ все, чѣмъ живетъ человѣкъ, какъ тотъ

---

[1] *В подлиннике:* зло,
[2] *В подлиннике:* человѣку
[3] *Не зачеркнуто:* между совѣстью
[4] *В подлиннике:* онъ

взглядъ на него, при которомъ главный вопросъ составляетъ эта борьба между страстями и вѣрой въ добро.

Въ отдѣльномъ человѣкѣ борьба ихъ двухъ началъ производитъ безчисленныя положенія, въ которыя онъ становится, точно тоже и въ народахъ.

Но въ народахъ въ продолженіе извѣстнаго времени, какъ во всѣхъ явленіяхъ, переносимыхъ отъ частнаго къ общему, различія положеній этихъ, безконечно видоизмѣняющіяся въ отдѣльныхъ лицахъ, упрощаются и получаютъ извѣстную правильность и законченность.

Такъ въ послѣднія два столѣтія жизни русскаго народа при безконечно разнообразныхъ положеніяхъ отдѣльныхъ лицъ къ вопросу о вѣрѣ, во всемъ народѣ за это время ясно выразилось одно продолжительное и опредѣленно ясное движеніе.〉

И объ этой борьбѣ между похотью и совѣстью отдѣльныхъ лицъ и всего русскаго народа я хочу написать то, что я знаю.[1]

Судить людей я не буду. Я буду описывать только[2] борьбу между похотью и совѣстью какъ частныхъ лицъ, такъ и лицъ государственныхъ, которыхъ мнѣ необходимо описывать для того, чтобы составить болѣе полную картину жизни всего народа, но для того, чтобы описывать ихъ дѣйствія, выражающіяся въ этой борьбѣ, я долженъ устранить сужденія уже готовыя о большинствѣ государственныхъ лицъ. —

И для того, чтобы описаніе этихъ лицъ не представилось ложнымъ, одностороннимъ, мнѣ необходимо устранять[3] 〈почти〉 всегда ошибочныя сужденія, составившіяся о государственныхъ лицахъ, которыхъ мнѣ придется описывать. Я не желаю опровергать сужденія, составившагося о нихъ, если оно хорошее, не желаю доказывать противное, но желаю только указать на причины, вызывающія къ составленію преждевременныхъ необдуманныхъ сужденій о лицахъ государственныхъ, облеченныхъ властью, желаю только, чтобы люди воздержались отъ[4] составленія сужденія о нихъ, желаю, такъ сказать, чтобы та бумага, на которой мнѣ придется писать, была бы бѣлая, чтобы на томъ мѣстѣ, на которомъ мнѣ придется писать портреты историческихъ лицъ, не было бы впередъ уже положено[5] опредѣленныхъ красокъ. Если бы я не попытался устранить этихъ впередъ составленныхъ сужденій, мнѣ бы пришлось, составляя свое описаніе лицъ только по отношенію той борьбы, о которой

[1] *Зачеркнуто:* Я буду писать о частныхъ лицахъ, о государственныхъ лицахъ, но и тѣхъ я буду описывать и буду судить о нихъ только по отношенію того вѣчнаго вопроса всякаго человѣка, на сколько онъ служилъ Богу или мамонѣ.

[2] *В подлиннике:* тольку

[3] *Не зачеркнуто:* составившіяся и

[4] *В подлиннике:* о

[5] *В подлиннике:* положены

я говорилъ, — между похотью и совѣстью, спорить, отрицать или утверждать противное тому, что утверждается описывавшими уже тѣхъ же лицъ; [1] — пришлось бы судить ихъ, на что я считаю себя не имѣющимъ право. Я прошу только моихъ читателей откинуть на время тѣ сужденія, которыя составились у нихъ о лицахъ, и, вмѣстѣ со мной, воздерживаясь отъ суждения о нихъ, слѣдить за ними въ ихъ борьбѣ между похотью и совѣстью, въ которой они намъ представляются. —

Причины, побуждающія насъ составлять преждевременныя и всегда ложныя сужденія объ историческихъ дѣятеляхъ, троякія, и всѣ ведутъ къ одной и той же цѣли, къ преувеличенному и ложному значенію, придаваемому нами этимъ лицамъ. [2]

1-я причина есть присущее человѣку, въ особенности первобытному, свойство приписывать значеніе и даже достоинство силѣ и власти. Человѣкъ имѣетъ власть. Онъ можетъ жечь, убивать, лишать свободы и имущества, и первобытный человѣкъ естественно дѣлаетъ разсужденіе: если онъ имѣетъ власть, то онъ [3] имѣетъ особенное значеніе, силу, достоинство, чтобы пріобрѣсти эту власть.

Несмотря на очевиднѣйшіе примѣры пріобрѣтенія власти по наслѣдству, по любовнымъ интригамъ, по случайности, разсужденіе такъ естественно, что нетолько первобытный человѣкъ, но и образованный человѣкъ легко впадаетъ въ это заблужденіе, какъ только способъ пріобрѣтенія власти хотя нѣсколько скрытъ отъ глазъ наблюдателя, когда власть пріобрѣтается не однимъ, двумя, тремя очевидно случайными событіями, но когда случайностей этихъ много, и условія болѣе усложняются. —

Въ возвышеніи Мазарини, [4] Потемкина еще видятъ случайность и не приписываютъ его возвышеніе одному достоинству, но успѣхъ Бисмарка, [5] Наполеона III ужъ объясняются достоинствомъ.

Указывая на это, я не хочу сказать, что пріобрѣтеніе власти всегда исключаетъ достоинство, но я только прошу о томъ, чтобы не попадать въ обычную ошибку сужденія. —

— Человѣкъ властвуетъ надъ другими, стало быть онъ имѣетъ что то особенное, давшее ему власть. И это особенное есть его достоинство — сила характера, умъ, геніальность, высота душевная и т. д. Я прошу помнить только то, что власть есть таинственнѣйшее изъ таинственныхъ явленій, о которой сказано, поэтому, что она отъ Бога. И что обладаніе властью есть одно

---

[1] *В подлинникѣ:* тѣ же лица

[2] *Противъ словъ:* этимъ лицамъ. *на поляхъ написано:* 1) Герои — власть 2) Приближенные историки выгоды 3) государственное

[3] *Не зачеркнуто:* имѣлъ

[4] *В подлинникѣ:* Мазарина

[5] *Зачеркнуто:* Аракчеевъ уже опре[дѣленно] пря[мо]

явленіе, а достоинство — другое и что одно вовсе не вытекаетъ изъ другаго и не имѣетъ даже ничего, связующаго ихъ. Люди съ огромными достоинствами теряютъ власть, люди безъ достоинства пріобрѣтаютъ и удерживаютъ ее, и на оборотъ. Я прошу только о томъ, чтобы наблюдать оба явленія отдѣльно. Человѣкъ имѣетъ власть — хорошо. Теперь, независимо отъ власти, посмотримъ, имѣетъ ли онъ достоинство. Я только прошу помнить, что не все то золото, что блеститъ.

Эта причина — ошибка логическая.

2-я причина — психологическая. Люди, находящіеся около человѣка, имѣющаго власть, и раздѣляющіе ея выгоды, суть тѣ самые, черезъ которыхъ *однихъ* переходятъ въ массы и въ потомство свѣденія о владыкѣ. Люди эти должны складывать все черное и выставлять одно бѣлое, вопервыхъ для того, чтобъ оправдать передъ самимъ собой тѣ выгоды, которыми они пользуются, во 2-хъ, для того, чтобы оправдать свое подчиненіе и униженіе. Эти то люди передаютъ свѣденія и пишутъ исторію.

3-я причина — всегда ложнаго и преувеличенно похвальнаго сужденія о владыкахъ состоитъ въ томъ, что сами люди, облеченные властью, въ особенности, если они тщеславны, какъ Людовикъ XIV, Наполеонъ, Петръ, Екатерина, и при продолжительныхъ царствованіяхъ, сами пишутъ свою исторію или подготавливаютъ для нея матерьялы, старательно устраняя все невыгодное и разглашая очень часто ложное въ свою пользу. Чему очевидно содѣйствуютъ, пересаливая въ своемъ усердіи, ихъ льстецы. Какъ ни старается потомъ историческая критика разобрать истину, она не можетъ этаго сдѣлать, ибо очень часто оставшіеся матерьялы для исторіи всѣ прошли черезъ руки владыкъ или ихъ льстецовъ. При Петрѣ не велѣно было давать бумаги и чернилъ монахамъ.

4-ю причину ложнаго восхваляющаго сужденія о достоинствахъ владыкъ я назову причиной діалектической. Пишутъ о владыкахъ люди науки исторической. Мнимая наука эта имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе жизни народовъ и государствъ, и потому мѣрило достоинства, прилагаемое историками къ дѣятельности правителей, есть совсѣмъ не то, которое прилагается всѣми людьми ко всѣмъ людямъ, т. е. мѣрило борьбы между похотью и совѣстью, но совсѣмъ другое, мѣрило большаго или меньшаго содѣйствія извѣстнымъ государственнымъ или народнымъ цѣлямъ, которыя предположилъ себѣ историкъ. Не говоря уже о томъ хаосѣ мнѣній, который существуетъ въ сужденіяхъ историковъ о задачахъ исторіи и томъ мѣрилѣ, которое должно прикладываться къ изслѣдованію историческихъ явленій, т. е., что должно считаться дурнымъ, что хорошимъ, несомнѣнно уже то, что мѣрило историческое не можетъ совпадать съ мѣриломъ человѣческимъ, что то, что хорошо ⟨и полезно⟩ для процвѣтанія Германскаго народа, не можетъ быть хорошо для Франц[узовъ] и т. п.

Самое раздѣленіе Вавилонской башней рода человѣческаго на народы и государства уже исключаетъ возможность совпаденія народнаго государственнаго добра съ добромъ общимъ. Между тѣмъ историки, пользуясь уже односторонне подготовленнымъ матерьяломъ, о которомъ говорено, дѣлаютъ тутъ еще [1] иногда невольную, иногда вольную ошибку, желая слить достоинство государственнаго народнаго дѣятеля съ достоинствомъ обще человѣческимъ, и для выраженія этаго незаконнаго сліянія употребляются извѣстныя слова, скрывающія обманъ. Слова эти: гражданская добродѣтель, святая любовь къ отечеству и самое употребительное: величіе.

Какъ въ первомъ случаѣ, ошибки логической, гдѣ дѣлается ложный выводъ о томъ, что, если есть власть, то и есть достоинство, я не отрицаю возможность достоинства при власти, но прошу различать, такъ и въ этихъ послѣдующихъ случаяхъ ошибокъ я ничего не отрицаю, но прошу различать. Я прошу помнить то, что, если для приближенныхъ Наполеона III [2] его правительство было благодѣтельно, и для нихъ онъ представлялся исполненнымъ добра, то это не доказываетъ, чтобы онъ имѣлъ достоинства, но, не признавая и не отрицая его достоинствъ, на этомъ основаніи мы должны смотрѣть на него только съ обще человѣческой точки зрѣнія — борьбы похоти и совѣсти.

Точно также я прошу помнить, что восхваленіе историками не отрицаетъ и не доказываетъ его.

По отношенію же къ историкамъ, сливающимъ въ одно достоинство дѣятеля государственнаго съ человѣкомъ, надо быть тѣмъ болѣе осторожнымъ, что дѣятельность государственная по существу своему большей частью противуположна требованіямъ совѣсти. И по тому, не отрицая заслугъ дѣятеля, какъ государственнаго слуги, [3] надо твердо помнить, что достоинство, какъ человѣка, всегда совершенно независимо отъ него. Я настаиваю на этомъ особенно по тому, что восхваленіе человѣка низкаго, какъ человѣка, и рядомъ ошибокъ мысли и ложной діалектики возставленіе такого лица на мѣсто идеала и обращика добра, не говоря о вредномъ вліяніи на общество, есть самое непростительное святотатство.

И такъ, совершенно отрѣшившись отъ тѣхъ, вслѣдствіе ряда заблужденій, ложныхъ представленій [4] объ историческихъ дѣятеляхъ, я буду съ помощью Божьею описывать ихъ, когда они будутъ встрѣчаться въ моемъ разсказѣ такъ, какъ будто о нихъ не существуетъ никакого сужденія, только слѣдя въ нихъ за ихъ борьбой между похотью и совѣстью.

---

[1] *Не зачеркнуто:* тутъ
[2] *Не зачеркнуто:* б[ыло]
[3] *В подлинникѣ:* слугу
[4] *В подлинникѣ:* представленіяхъ

* № 29.

Конспектъ.

Предисловіе. —

Страхъ смерти отбиваетъ охоту жизни. Одно спасеніе — или забыть смерть или найти въ жизни смыслъ, не уничтожаемый смертью.

Забыть смерть можно, отдаваясь страстямъ, возбуждая ихъ. Смыслъ жизни, не уничтожаемый смертью — вѣра и подчиненіе ея ученію своей жизни. Въ борьбѣ между этими двумя направленіями воли — весь смыслъ и интересъ какъ всякой частной жизни, такъ и жизни народовъ.

Хочу описать эту борьбу за 100 [1] лѣтъ жизни русскаго народа. Для этаго буду описывать жизнь многихъ людей разныхъ положеній.

Въ числѣ этихъ лицъ будутъ лица историческіе, правительственные, Цари, управители. Цари и правители представятся иначе, чѣмъ они представляются историками.

Различіе произошло отъ многихъ причинъ. Историки подчиняются обману, подготавливаемому правителями, власть всегда восхваляема, но главная причина: это то, что историки, смыслъ жизни, не уничтожаемый смертью, видятъ въ государственномъ усиленіи, обособленіи. [2] Но это невѣрно для христіанскаго міра. Это остатокъ Римскаго варварства. Обособленіе государственное не дастъ смыслу жизни. Напротивъ.

I часть. I Глава.

Въ 1723 году въ концѣ Царствованія Петра I, въ тогдашней огромной Московской губерніи въ 200 верстахъ отъ Москвы, въ 15 верстахъ отъ Мценска въ деревенской глуши у одинокаго мужика Онисима родился сынъ. Онисимъ Марковъ жилъ одинъ съ старухой матерью и еще не старой женой, отъ которой до сихъ поръ у него все рожались дѣвочки.

Онисимъ былъ второй сынъ у отца, а всѣхъ было трое. Старшаго въ первый наборъ отдали въ солдаты. Отецъ умеръ и скоро послѣ смерти отца меньшой братъ бѣжалъ, и Онисимъ остался одинъ съ женой и матерью. Онисимъ былъ мужикъ черный и грубый, и голосъ и обхожденье у него были грубые. Ростомъ онъ былъ большой, широкоплечій, волоса были кудрявые, всегда лохматые, и борода небольшая, такая кудрявая, что ее пальцами разобрать нельзя было. Брови у него всегда бывали нахмурены, и носъ большой, съ горбомъ. Во хмѣлю онъ былъ еще сумрачнѣе и сердитѣе, и пьянаго его всѣ боялись. Говорить онъ много не любилъ и всегда бывалъ за работой. И рѣдко кто

---

[1] *Цыфра:* 100 *переделана из:* 150

[2] *В подлиннике:* обасобленіи

противъ него могъ сработать. Старуха Кириловна, мать Онисимова,[1] еще работала и помогала ему, а жена Марѳа была баба и работящая и умная. Но несмотря на это, какъ разстроился ихъ домъ послѣ смерти отца, такъ и не могъ подняться. Пословица говоритъ про одинокаго: что одна курушка въ полѣ сколько ни[2] чади, не миновать загаснуть, такъ и Онисимовъ домъ только курился. Но Онисимъ не давалъ ему загаснуть. Были они въ то время господскіе, Князя Вяземскаго, и платили на Князя оброкъ по 5 рублей съ дыма, по три осьмины ржи, двѣ четверти овса, двѣ подводы въ Москву, полбарана, 6 куръ, полсотни яицъ, 7 талекъ пряжи льняной и двѣ пасконной. — Уже 8 лѣтъ такъ бился Онисимъ, не давалъ загаснуть своей курушкѣ, но и не могъ разжечь ее. Прокормится съ семьей, одѣнется, отбудетъ подводы господскія и государевы, доставитъ оброкъ и только, только заткнетъ всѣ дыры, а подняться уже не съ чѣмъ — ни изъ коровъ пустить другую на зиму, ни изъ лошадокъ прибавить къ двумъ, которыхъ онъ держалъ. То овинъ поставить на мѣсто сгорѣвшаго, то дворъ покрыть, то лошадь увели, то коровы пали, то хлѣбъ не родился. Только одно дѣло поправитъ, другое разладится, такъ что подняться все и не съ чѣмъ. Все ровно съ одинакимъ достаткомъ.

Жилъ Онисимъ одинъ уже 8 лѣтъ. Была у него одна изба старая, сѣни и клѣть плетневая съ ⟨рундукомъ⟩,[3] дворишка крытый. Овинъ на задворкахъ, двѣ лошади и стригунъ, коровенка, 5 овченокъ, двѣ телеги, сани, соха, борона, да бабьи пожитки.

Въ прошломъ 22 году рожь вовсе не родилась, и кое какъ прокормились, гдѣ въ займы взялъ 5 осьминъ, гдѣ овсомъ, но скотину не продали. Въ нынѣшнемъ, 23-мъ году урожай былъ хорошъ, и озимое, и яровое, и сѣно родилось, такъ что Онисимъ надѣялся долгъ отдать, прокормиться и пустить на зиму лишнія двѣ головы.

Только уборка въ нынѣшнемъ году задержалась. Спожинками пошли дожди, и хлѣбъ отбился отъ рукъ. Съ Успенья опять стало ведро. Въ то время, какъ родился у него сынъ, Онисимъ доваживалъ послѣдніе снопы съ поля. —

Онисимъ въ этотъ день до зори пріѣхалъ изъ ночнаго. Бабы уже были вставши и издалека еще онъ увидалъ въ туманѣ дымъ изъ своей избы. Изба его была 2-я съ края. Бабы ставили хлѣбы. Марѳа выбѣжала, отворила ворота, и Онисимъ[4] тотчасъ пошелъ съ бабой мазать и запрягать обѣ телеги. Запряжомши, онъ вошелъ въ избу, закусилъ, взялъ кафтанъ и выдвинулъ лошадей

---

[1] *В подлинникѣ:* Онисимого

[2] *В подлинникѣ:* не

[3] *На поляхъ написано:* рундукъ?

[4] *Зачеркнуто:* собрался только, закусилъ хлѣбушка теплаго съ квасомъ и

на улицу. Марѳа, ходившая къ сосѣдкѣ за [1] солью, забѣжала въ избу одѣться и приказавъ матушкѣ свекрови дѣвчонокъ и надѣвая на ходу кафтанъ, [2] выбѣжала изъ сѣней, подошла къ телегѣ и вскинула въ ящикъ веревку. Увидавъ ее, Онисимъ тронулъ передовую чалую кобылу. Марѳа, хоть и кругла уже была, но живо ухватившись за грядку и подпрыгивая одной ногой по дорогѣ, пока приладилась другой стать на чеку, вскочила, взвалилась въ новую лубкомъ обтянутую заднюю телѣгу и взялась за вилы. Но, только что отъѣхали, Марѳа закричала:

— Митюха! Постой. Вилы забыли.

— На дворѣ, въ саняхъ! — крикнулъ мужъ.

⟨Баба⟩ сбѣгала ⟨и⟩ принесла вилы, и они поѣхали рысью. ⟨И они выѣхали за околицу.⟩ Но какъ ни рано они выѣхали — еще солнушко не выходило изъ за Барсуковъ, [3] — а ужъ за околицей на встрѣчу имъ попался дядя Нефедъ съ сыномъ на четверомъ.

— Не сыра? Дядя Нефедъ! — крикнулъ Онисимъ.

— Сверху росно, [4] а суха, не, ладна, — отвѣчалъ Нефедъ, хворостиной отгоняя близко набѣжавшую на него лошадь Марѳы.

Заворотивъ съ дороги на свою пашню, Онисимъ выскочилъ изъ телѣги, завернулъ за оглоблю подласаго мерина и, поддвинувъ чалую къ самымъ крестцамъ, перевернулъ, ощупалъ снопъ и — господи благослови — скидалъ верхніе снопа, которые были сыры, и сталъ укладывать сплющившіеся отъ дождя снопы волотью внутрь, гузомъ наружу, — тяжелые снопы. Марѳа подтаскивала изъ другаго крестца знакомые ей, ею нажатые, ею навязанные снопы. Какъ только ящикъ былъ полонъ, Онисимъ влѣзъ на телѣгу, и Марѳа, доставъ ⟨вилы изъ задней телеги⟩, подтаскивала ловко снопъ за снопомъ, подкидывала ему такъ скоро, что онъ не успѣвалъ съ ними разбираться.

— Будетъ чтоли?

— На ужъ, всю забирай.

И Марѳа, взявъ вилы изъ другой телѣги, всадила ихъ подъ свясла, дала послѣдніе 6 сноповъ, подлезла подъ ось, достала веревку и перекинула. Увязавъ возъ, Онисимъ спрыгнулъ, завернулъ Чалую и подвелъ подласаго къ другой копнѣ.

Другую копну Марѳа также перекидала почти всю, но вдругъ остановилась и оперлась на вилы, вложивъ локоть въ развилину.

— Кидай чтоль? — крикнулъ мужъ. — Аль умираешь.

---

[1] *Зачеркнуто:* верев[кой]

[2] *На полях написано:* кафтанъ?

[3] *Зач.:* Поповой горы

[4] *В подлиннике:* Росно

— Держи, — крикнула баба, вдругъ тряхнувъ головой, чтобы поправить кичку и докидала послѣдніе снопы.

Опять они увязали и другой возъ и вывели лошадей по неровной пашнѣ на прибитую, усыпанную зернами дорогу. Солнце уже взошло и со всѣхъ сторонъ мужики, которые накладывали, которые выѣзжали, которые уже увозили снопы. Выѣхавъ на дорогу, они попали въ [1] обозъ. Впереди ѣхали Макарычева возы, сзади рысью догналъ ихъ Савоска. —

Савоська разсказывалъ двумъ шедшимъ съ нимъ мужикамъ, какъ вчерась пріѣзжалъ на барскій дворъ воеводскій писарь описывать. Дмитрій подошелъ къ нимъ, послушалъ, но, замѣтивъ, что подласый щипетъ изъ воза, онъ большими шагами пошелъ мимо воза, поднялъ выбившіеся колосья, глянулъ искоса на Марѳу изъ подъ черныхъ насупленныхъ бровей. Она была красна и потна, какъ будто въ самую жару и шла неровно.

— Полѣзай на возъ чтоль? — сказалъ Онисимъ.

Марѳа, не отвѣчая, взялась за снопы.

— Эй, Митюха, останови мерина то, бабу посадить.

— Тпруу. — И почти на ходу Онисимъ подсунулъ перебиравшую по веревкѣ руками бабу и, когда она скрылась отъ него вверху, пошелъ къ передней лошади.

— Вишь бабу то жалѣешь, — крикнулъ Митюха.

— Нельзя же.

Когда они своротили съ слободы проулкомъ на гумно и подъѣхали къ одному конченному круглому овсяному, другому ржаному и 3-му начатому одонью, Марѳе отлегло, она встала на возу, [2] развязала и, принявъ вилы, стала скидывать мужу на одонье. Когда она скинула послѣдній снопъ, высоко держа его надъ головой и осыпая свое потное лицо зернами, грѣмѣвшими, какъ дождь, по новому лубку телѣги, ⟨она почувствовала, [3] что мочи ея нѣтъ больше⟩ и упала въ телѣгу, какъ только лошадь двинулась. Дѣвчонка старшая вышла на гумно и вынесла кувшинчикъ квасу. Онисимъ напился и передалъ женѣ. Марѳа смочила свои пересмяклыя губы и [4] напилась и опять взялась за работу. Она отогнала лошадь, дергавшую колосья изъ одонья и закрутила ее и хотѣла взяться за другую, но опять дернулась и охнула.

— Я до двора пойду, Митя. [5] Не можется мнѣ.

— Э! Дуй тебя горой! Поди, да Матушку пошли, — сказалъ ⟨Онисимъ⟩, — докидать надо.

---

[1] *Переделано из:* на

[2] *По ошибке не зачеркнуто:* раз *зачеркнуто:* вязала

[3] *Зачеркнуто:* опять боль въ поясницѣ

[4] *Зач.:* не могла больше пить, она сѣла къ одонью въ холодокъ и застонала. —

[5] *Зач.:* Онисимъ

И Марѳа побрела по тропинкѣ черезъ гумно ко двору.[1]

Проходя мимо току, Марѳа подмела раскиданныя ворошки и загнала куръ. Потомъ зашла въ конопи и подняла яичко. Кириловны не было въ избѣ, она пошла на рѣчку съ бѣльемъ.

— Поди, матушку посылай и Машку[2] возьми, — сказала Марѳа дѣвчонкѣ и сѣла на лавку противъ печки. —

Когда старуха пришла, Марѳе опять полегчило, и она хотѣла опять идти на гумно. — Но свекровь не велѣла ей.

— Ты хоть хлѣбушки вынь, а ужъ видно я съѣзжу. А коли что, ты за Сидоровной Машку пошли.

Во вторую поѣздку Онисимъ взялъ съ собой мать.

Они сѣли въ одну телѣгу съ матерью.

— Самая пора нужная, а она рожать! Такое мое счастье. —

— А ты, Онисимушка, не грѣши, — сказала мать. Все отъ Бога. А ты какъ думаешь? Вѣдь и ей не легко. Значитъ Богу они нужны, коли родятся. —

— На кой ихъ лядъ. Дѣвокъ то.

— А грѣхъ! Развѣ она виновата. Такъ Богъ даетъ. Другой и съ ребятами мучается, а другой ⟨отъ дѣвокъ [?]⟩. Вотъ Петра зятя принялъ, лучше сына почитаетъ, такъ то. —

— Думали сыра, а она такъ провяла, ⟨что какъ стекло⟩. Только теперь не упустить, — сказалъ Онисимъ про рожь.

Съ старухой накладывать дѣло шло не такъ споро, какъ съ Марѳой. И они до обѣда провозились съ другой поѣздкой.

Когда они съ матерью вернулись съ возомъ изъ другой поѣздки, Дунька выбѣжала имъ навстрѣчу.

— Бабушка, поди къ мамушки. Она умираетъ. Я за Сидоровной бѣгала, да она въ Пашутина ушла.

Старуха слѣзла на улицѣ и пошла въ избу, а Онисимъ одинъ повелъ воза на гумно.

— Гдѣ жъ бабы то? — крикнулъ ему сосѣдъ, вывершивавшій свое одонье.

— Недосугъ! — отвѣчалъ Дмитрій. — Ему хорошо, какъ самъ шестъ, а одному и одонья не скласть. Небось не придетъ подсобить.

— Эй, Максимъ, поди дядѣ Онисима поскидай воза то, — какъ бы отвѣчая на его мысли, сказалъ сосѣдъ сыну. — Ничего. Обѣдать то еще рано, а мы всю привезли. —

— Ну спаси тебя Богъ, — сказалъ Онисимъ и сталъ развязывать возъ.

— Что кумъ? Али опять крестить?

— Да ⟨должно⟩, видно, что такъ.

— То то пословица: всѣмъ бы молодецъ, да дѣвичей отецъ. —

---

[1] *Зачеркнуто:* — Матушка, поди подай съ другаго воза, мочи моей нѣтъ. — Сказала она, входя въ избу. Старушка оправила платокъ на головѣ и пошла на гумно.

[2] *В подлинникѣ:* Машки

Дмитрій нахмурился и не отвѣчая, стоя на возу, заваливалъ снопами Максимку такъ, что онъ не успѣвалъ разбираться.

Оставшись одна, Марѳа достала хлѣбы, но вдвинуть назадъ кочаргу не могла. Она даже не могла подойти къ окну, чтобы позвать дѣвочку, она легла и болѣе не вставала, пока у ней не родился ребенокъ. На нее нашелъ было страхъ, но, помолившись на образа, она успокоилась. «Быть живой — буду жива и безъ бабки». — Когда боли отпустили ее, и ребеночекъ закричалъ, она взяла его, осмотрѣла и, увидавъ, что мальчикъ, еще разъ помолилась Богу и хотѣла вставать, но ослабѣла и, застонавъ упала на спину.

— Матушка — свекровушка, жалосливая сударушка, приди, помоги мнѣ горькой. Чтобы не пропало мое дитятко, подъ сердцемъ ношеное, у Бога моленое.

Только что она стала завывать, какъ услыхала [1] шаги, и свекровь, запыхавшись, приговаривая, вошла въ избу. Дѣвчонка хотѣла прошмыгнуть въ отворенную дверь, но бабушка тукнула ее по головѣ и прогнала.

— Дитятко ты мое, болѣзная ты моя касатушка. О-охъ, милая моя. —

Увидавъ, что Богъ простилъ уже ее, старуха взялась за дѣло, повила ребенка, снесла на лавку, послала соломки, вымыла и потомъ убрала дрожавшую всѣмъ тѣломъ невѣстку и свела ее въ клѣть и тамъ положила на полу, подстлавъ ей шубу.

— Ты, матушка, пошли Митрія то за попомъ. Еще нынче окрестить можно, — сказала родильница, — ей хотѣлось окрестить и хотѣлось больше всего, чтобы мужъ узналъ, что мальчикъ. Старуха послушалась ее и, убравъ невѣстку и отдавъ ей спеленутаго ребеночка, пошла на гумно. Дмитрій, вывершивъ одонье, обивалъ его гребломъ.

— Ну, Митюха, молись Богу, — сказала старуха.

— Аль малаго родила?

— Молись Богу, говорю, да ступай за попомъ. Сынишку родила. [2]

— Вре? — сказалъ Дмитрій, но сказавъ это, перекрестился. — Вишь ты! Ну не чаялъ, — сказалъ онъ, улыбаясь. И живо отпрегъ лошадей и повелъ ихъ, чтобы пустить на выгонъ.

— Что жъ, аль плохъ?

— Все лучше, Митюха, окрестить. Да и попъ то, сказывали ⟨бабы⟩, у Баскачихи. Еще солнышко [3] высоко. [4]

---

[1] *В подлинникѣ:* услухала

[2] *Зачеркнуто:* Дмитрій снялъ шапку.

[3] *В подлинникѣ:* солнышку

[4] *Зач.:* Придя домой, онъ послушалъ въ сѣняхъ, какъ кричалъ мальчикъ, улыбнулся и ничего не сказавъ женѣ, прошелъ въ избу. Умывшись и помолившись, Онисимъ сѣлъ за столъ. Мать подала ему щи, накрошила хлѣба и квасу съ лукомъ. Когда не нашли ножа, мать отворила

— Ишь ты! Не чаялъ, — все твердилъ про себя Дмитрій, покачивая [головой и] не переставая ухмыляться. Чтожъ, матушка, хорошъ малый то?

— Хорошъ! въ чемъ душа держится, — отвѣчала ⟨умная⟩, старуха. И хорошіе мрутъ и плохіе живутъ. Какъ Богъ дастъ да матушка владычица. Въ христіанскую вѣру привести надо, а тамъ что Богъ дастъ. Ты дѣвокъ то вотъ избываешь, а они живутъ, а малаго то и радъ бы оживить, да какъ Господь Богъ не захочетъ, ничего не сдѣлаешь. То то ты не грѣши, Митюха. Чтоже ты лошадь то выдвинулъ бы къ воротамъ.

— Дай срокъ, матушка, пообѣдать. Тоже намотался, ѣсть хочется.

Хоть и понялъ Дмитрій умныя слова матери, не велѣвшей ему загадывать, но онъ не могъ удержаться отъ радости и все шелъ, ухмылялся. И, остановившись въ сѣняхъ противъ клѣти, откуда онъ слышалъ пискъ ребеночка, онъ окликнулъ жену.

— Марѳа! А Марѳа! Малый что ль? —

— Сыночекъ, Митюха. Сыночка Богъ далъ, — отвѣчалъ ему жалостный, тихій голосъ Марѳы.

— Ишь ты! Не чаялъ. За попомъ ѣду. Дай пообѣдаю только, брюхо подвело, — и онъ прошелъ въ избу.

Мать хлопотала наскоро собрать ему пообѣдать. Въ избѣ было все не прибрано еще.

Мать подала сыну щей свекольныхъ, забѣленныхъ молокомъ. Онъ поѣлъ, подозвалъ Дуньку и, лаская, покормилъ ее. И, вылѣзши изъ за стола и помолившись Богу, [1] переобулся, надѣлъ новый кафтанъ, подпоясался, взялъ новую шляпу и вышелъ собираться. Наложивъ соломки въ ящикъ телѣги и застеливъ веретями, онъ пошелъ на гумно къ дядѣ Нефеду.

— Я къ тебѣ, кумъ. Приведи сына въ Христіанскую вѣру. —

— Когда же крестить?

— Да вотъ къ кумѣ зайду, да и за попомъ. Нынче, коль поѣдетъ.

— Чтожъ; ладно.

— Спаси тебя Христосъ, — отвѣчалъ онъ поклонившись, и пошелъ къ кумѣ. —

№ 30.

Въ то время, какъ родился въ Вяземской ⟨слободѣ⟩ Иванъ Онисимовъ, самое Вяземское и всѣ его обыватели перешли къ другимъ помѣщикамъ. — Въ Вяземскомъ узнали про это уже зимою, а перешли они отъ прежняго помѣщика Вяземскаго къ новымъ еще осенью, немного послѣ того, какъ родился Иванъ Онисимовъ. Одна половина, горная, перешла къ Горчаковой къ

дверь и спросила у Марѳы ножъ. «На шесткѣ, матушка», — прокричала изъ клѣти Марѳа, — да онучи то на дворѣ въ саняхъ.

[1] *В подлинникѣ:* Бога

Троицкой Баскачихѣ, а другая, зарѣчинская, къ немцу Брантову, такъ что Иванъ Онисимовъ родился ужъ не Вяземскому, а новому барину Бранту. Рѣшилось это дѣло — кому достаться послѣ Вяземскаго имѣнью въ Петербургѣ въ 1723 году ⟨3-го Сентября въ день мученника Онисима⟩. Одну половину имѣнья этаго выпросила себѣ у Царя Петра Алексѣевича Княгиня Настасья Ѳедоровна Горчакова, урожденная Баскакова, отъ чего и звали ее Баскачихой. Она чуть не выпросила всего, и Царь ужъ было далъ ей, да Императрица другую половину попросила для своего служителя Монсова. А Монсовъ подарилъ своему повару Бранту.

Баскачиха уже 25 лѣтъ вдовѣла, и были у нея два сына: старшій Романъ и Иванъ меньшой. Мужа ея имѣнье было въ Каширскомъ и въ Московскомъ уѣздѣ, ея же собственное имѣнье было въ Чернскомъ, Новосильскомъ и Мценскомъ уѣздахъ. И жила она съ меньшимъ сыномъ Иваномъ въ Мценскомъ имѣньи селѣ Троицкомъ. Старшаго Романа она съ молоду отдала дядѣ Прову Ѳедоровичу Баскакову; и дядя выучилъ его грамотѣ и ариѳметики и отдалъ въ службу, меньшаго же Иванушку мать не отпускала отъ себя и до 26 лѣтъ, гдѣ откупала, а гдѣ силомъ отбивала отъ службы. Въ прошломъ, 22-мъ году поссорилась она съ Вяземскимъ Мценскимъ воеводой, и Вяземской забралъ ея сына и представилъ въ Москву; а изъ [1] Москвы его свезли съ другими недорослями, отлынивавшими отъ службы, въ Петербургъ и посадили въ тюрьму.

Баскачиха [2] послала письма брату, [3] Апраксину, приходившемуся ей роднымъ, чтобъ выручать сына, да ничего не могла сдѣлать и сама поѣхала къ Царю въ Москву, не застала Царя и поѣхала въ Петербургъ. Но въ хлопотахъ о сынѣ, она не забыла и вымѣстить Вяземскому за его услугу. Съ своимъ любезнымъ поповичемъ, подъячимъ Скрынинымъ, она написала на него доносъ, вывела на свѣтъ такія дѣла Вяземскаго, что запутала его въ дѣлѣ, которое велось тогда объ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ, а какъ только Вяземской попалъ ⟨подъ судъ⟩, то уже ему цѣлымъ нельзя было оттуда выбраться. Какъ въ шестерню подоломъ попалъ. Вяземскаго вызвали въ Петербургъ и посадили въ тюрьму, да не въ крѣпость, гдѣ сидѣлъ Иванъ Горчаковъ, а въ Преображенскій приказъ. [4]

---

[1] *В подлиннике ошибочно не зачеркнуто:* въ

[2] *Зачеркнуто:* не оставила этого дѣла взахалась, да ужъ поздно

[3] *Зач.*: крестному отцу

[4] *Зач.:* Баскачиха выѣхала отъ себя послѣ Святой, но покуда доѣхала до Москвы, пока въ Москвѣ погостила, поѣздила по своимъ милостивцамъ, пока доѣхала въ Петербургъ, опять Государь уѣхалъ въ море съ кораблями, такъ что только въ Сентябрѣ въ самое то время, когда былъ большой маскарадъ ⟨и⟩ праздновали миръ съ Швеціей, ей удалось добраться до Государя.

Въ первый разъ ей удалось видѣть Государя 3-го числа въ саду у Князя Меньщикова, куда ее провелъ сынъ крестный Ѳедоръ Матвѣевичъ Апра-

Баскачиха выѣхала изъ дома въ Іюлѣ, пробыла въ Москвѣ недѣлю и 3-го Сентября выѣхала въ Петербургъ. Баскачиха ѣхала сама 12-я · на 4 повозкахъ, въ которыхъ были впряжены 14 лошадей. Спереди шолъ [1] рыдванъ крытый въ 6 лошадей. Въ рыдванѣ сидѣла она съ воспитанницей Ольгой (такъ звали ея 20 лѣтнюю дочь, прижитую ею послѣ брака отъ Скрынина), Савишна, ея дѣвка старшая и дѣвки. На запяткахъ стояли Алешка и Митька. Въ повозкѣ сзади ѣхалъ Скрынинъ съ [2] Кириломъ, сзади ѣхали еще три дѣвки тройкой, и на послѣдней парѣ ѣхалъ поваръ съ стряпкой блинницей Агафьей. Кромѣ этихъ людей ѣхалъ ⟨верховой казачекъ для посылокъ⟩. Съ Краснаго Кабачка Баскачиха послала впередъ Скрынина къ Апраксину сказать, что она ѣдетъ. Скрынинъ вернулся и сказалъ, что велено въѣзжать прямо на дворъ, что Графа дома нѣтъ, но что Графиня велѣла въѣзжать. [3] Выѣхавъ утромъ послѣ завтрака изъ Краснаго Кабачка, въ 11-мъ часу утра весь поѣздъ Баскачинской въѣхалъ въ Ямскую и по указаніямъ Скрынина, поѣхавшаго впередъ, выѣхалъ на новый прошпектъ. Баскачиха [4] въ это утро встала рано и сама вышла на дворъ и при себѣ велѣла обчистить лошадей, вымыть колеса и всѣмъ людямъ надѣть новое платье. Сама она одѣлась въ новое платье нѣмецкое и на голову повязала шолковый красный платокъ. Рыдванъ хоть и пообтерся дорогой и потрескался, былъ хорошо дѣланный дома, колеса кованныя новыя, лошади, хоть и прошли дорогу большую, были хороши. Вещи уложи[ли], чище все прибрали и въ парадѣ въѣхали въ Петербургъ. Княгиня Баскачиха не хотѣла ударить въ грязь лицомъ и въѣзжала, какъ надо быть Княгинѣ. — Но на самомъ Новомъ прешпектѣ, такъ назвалъ широкую улицу Скрынинъ, случилась бѣда. Верховой солдатъ въ синемъ кафтанѣ и красн..... налетѣлъ на переднюю повозку.

— Сворачивай, не велѣно! — кричалъ онъ.

И [*1 неразобр.*]

ксинъ. Она и въѣхала прямо въ домъ Апраксина со всѣми людьми и у него и стояла. Она одарила всѣхъ людей Апраксина. Деньщику его, Савоськѣ, подарила 10 рублей, любезной его Матренѣ Марковнѣ подарила шапку и деревенскіе гостинцы, меду 5 пудовъ....

Ѳедоръ Матвѣичъ обѣщалъ ей сказать объ ней Царю 2-го числа, когда Царь былъ у него со всеми гостями, да не успѣлъ и велѣлъ ей пріѣзжать 3-го въ садъ Меньщикова съ Матреной Марковной. Для представленія этаго Матрена Марковна нарядила Баскачиху по нѣмецки, надѣла ей самару красную и парикъ завитой и башмаки нѣмецкіе съ каблуками. Въ саду Менщикова Настасья Ѳедоровна ѓасмотрѣлась на все и Царя видѣла много разъ вблизи, но не вышло ей ни разу подойти къ нему. Да и Ѳедоръ Матвѣичъ велѣлъ ей сказать, чтобы не подходила, что Царь сердитъ, а еще бъ выждала.

[1] *Не вачеркнуто:* въ

[2] *Слово:* съ *ошибочно повторено два раза.*

[3] *Не вач.:* На

[4] *Не вач.:* вста

* № 31.

156 лѣтъ тому назадъ въ Царствованіе Петра I у крестьянина села Вяземскаго Чернскаго уѣзда родился ребенокъ — мальчикъ. — Мальчикъ этотъ родился 3-го Сентября послѣ обѣда въ то время, какъ никого не было дома. Хозяинъ и отецъ Онисимъ Петровъ былъ въ полѣ, доважпвалъ послѣднюю рожь съ своей матушкой Кириловной, а въ домѣ оставались только двѣ дѣвочки — одна 7, а другая — 3 лѣтъ и брюхатая Марѳа. Она хотѣла ѣхать съ хозяиномъ за снопами, да свекровь не велѣла ей, а приказала выбрать послѣднюю конаплю. —

Набравъ 9 снопочковъ, перевязавъ и сложивъ ихъ, Марѳа хотѣла еще брать, но только хотѣла согнуться, какъ почуяла, что ей нынче ужъ больше не работать. Дѣвчонки ея обѣ были съ нею, старшая тоже помогала, дергала замашки, а маленькая сидѣла на межѣ и забавлялась съ гороховой плетью.

— Дунька! А Дунька! — крикнула мать на старшую дѣвочку, стараясь безъ стона выговорить слово, — возьми Машку на руки, ⟨да⟩ снеси въ избу, а сама бѣги телятъ загони.

Пока Дунька убиралась съ Машкой и ея стручьями, Марфа зашла въ середину конапель, туда, гдѣ она знала была лежка (Скотина еще съ весны тамъ лежала.) и, съ трудомъ, пригнувшись, стала разгребать руками рыхлую, теплую и сырую [1] отъ ночнаго дождя землю. Оправивъ лунку, она стала рожать, съ трудомъ удерживая стоны, чтобъ не слыхали сосѣдки бабы, также бравшія конопли на сосѣднемъ загонѣ. —

Марѳа мучалась недолго. Еще Дунька не прибѣжала назадъ съ улицы, какъ уже въ лункѣ лежалъ ребеночекъ и Марѳа крестилась на востокъ, благодаря Бога за то, что онъ скоро простилъ ее.

— Матушка пресвятая ⟨Пятница,⟩ Батюшка ты мой Господи, Угоднички Божіи, батюшки. Спаси помилуй, спаси помилуй, спаси помилуй! — проговорила она, радуясь за себя и за ребеночка, который копошился въ лункѣ и кричалъ. Присѣвъ надъ ребенкомъ, Марѳа разсмотрѣла его и, увидавъ, что мальчикъ, еще разъ привстала и еще перекрестилась. Потомъ она сѣла тутъ же на землю, засучила узкіе рукава рубашки до локтя, достала рукою конопельку, смяла ее между ногтей, отбила кострику, ссучила, послюнявила ниченку и, какъ она много разъ видала, перевязала пупочекъ [2] разъ и два, затянула и, проговоривъ «господи благослови», откусила его пальца на два повыше и подняла ребеночка, огладивъ со спинки его приставшую черную землю. Она хотѣла ужъ нести его въ избу, но опять заломило [3] спину, она вспомнила о мѣстѣ и, наступивъ на пуповину босой ногой, привставъ, потянулась и вывела

[1] *В подлиннике:* сырую и
[2] *В подлиннике*: попучекъ
[3] *В подлиннике:* заломила

мѣсто. Теперь уже она положила ребенка на занавѣску, поднялась съ нимъ и босыми ногами закопала мѣсто въ лунку.

— Ну Господи благослови! — и она, раздвигая плечомъ зеленую сверху и желтую снизу конопель, тяжело висѣвшую полнымъ зерномъ, выбралась на тропинку и понесла свою прибыль черезъ дворъ въ избу. — Ребеночекъ кричалъ и сосѣдка услыхала его, но теперь Марѳа не боялась того, чтобы узнали люди, она радовалась. Когда она подошла къ двору, она оглянулась на солнце. Оно уже заходило за ракиту.

— Ну теперь свекровь не будетъ корить — мужика родила, — подумала Марѳа, — и Онисимъ мой Ѳедорычъ радъ будетъ.

Проходя сѣнями, Марѳа подхватила одной рукой мальчика, а другой захватила соломки свѣжей молотьбы, которая была принесена для постели, и, отворивъ избу, вошла въ избу. Постеливъ соломки на лавку, Марѳа положила на него сына, достала изъ чугуна воды, стростила ее съ холодной въ ведеркѣ, и вымыла сына, потомъ достала изъ сундучка рубаху чистую и занавѣску, и полотна стараго, завернувъ въ него мальчика съ ногами, сѣла на [1] рундукъ передъ печью и стала кормить его. Покормивъ его, она заснула. Проснувшись, встала, приготовила ужинать и стала поджидать мужа и свекровь съ поля. — Дунька помогала ей и Дунька же первая разсказала свекрови и мужу о томъ, что мамушка родила Павлушку другаго. —

* № 32.

Онисимъ ⟨Бодровъ⟩ родился въ 1721 году въ вотчинѣ, бывшей до самаго этаго же 21 года Гагаринскою. Въ самый годъ его рожденія права на эту вотчину перешли въ другія руки. Дѣдъ Онисима въ самое это время былъ въ [2] Петербургѣ, куда его завезъ съ собой Прикащикъ Гагаринской, Платонъ Беркутъ.

* № 33.

1.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ себя помнить, Онисимъ Ивановъ Бодровъ помнилъ себя въ домѣ и во второмъ съ края дворѣ отца своего Ивана Бодрова, ⟨на краю большой деревни, сидѣвшей на большой дорогѣ⟩. Прежде всего онъ выучился называть себя — просто Аниска, а потомъ выучился называться и всѣмъ полнымъ именемъ.

— Ну ка, Аниска. Чей ты, скажи? — спрашивалъ его, бывало, отецъ, сидя послѣ обѣда на лавкѣ подъ святыми и притягивая его къ себѣ рукою. —

— Скажи, Анисушка. Не робѣй, свѣтикъ, скажи батѣ, какъ тебя звать, — говорила бабушка, выучившая его этому.

[1] *Зачеркнуто:* лавку
[2] *Зач.:* Москвѣ

И онъ помнилъ, что и отецъ, и бабушка, и мать, сбиравшая со [1] стола и останавливавшаяся при этомъ, смотрѣли на него ласково, одобрительно, и онъ дѣлалъ большія усилія памяти и выговора, и вдругъ изъ него вырывался тонкій голосокъ и, выпрямляя свою маленькую грудку и встряхивая волосами, онъ вскрикивалъ: Анисимъ Иванычъ Бодровъ.

— Ай молодецъ! — говорилъ отецъ, гладя его своей огромной рукой по головѣ. И только что отецъ выпускалъ его, онъ бѣжалъ къ бабушкѣ, и бабушка тоже ласкала его и давала либо лепешки кусокъ, либо корку кашки.

Бабушка же выучила его молиться, прежде еще, чѣмъ онъ зналъ, какъ зовутъ отца и мать и мѣсто, въ которомъ онъ живетъ.

Каждое утро, какъ только его будили, онъ спалъ съ бабушкой, — когда на печкѣ, когда на конникѣ, когда на полу въ холодной, — бабушка разглаживала ему волосы, становила его лицомъ къ [2] Богу и, показывая, какъ складывать крестъ тремя маленькими его пальчиками, она водила его рученкой не ко лбу, а почти къ маковкѣ, къ правому плечу, лѣвому, къ пупку, пригинала низко его голову къ пупку и заставляла повторять молитву «господи, Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ», а потомъ «Богородице дево, радуйся» и опять пригинала его голову, а потомъ ужъ мыла его лицо, застегивала воротъ, оправляла поясокъ, разбирала, когда былъ досугъ, разческой волосы и обувала и надѣвала шубенку и пускала на улицу. — Бога Аниска зналъ уже такъ давно, что не могъ вспомнить, когда онъ узналъ про него. Всѣ приказанія свои о томъ, что не надо было дѣлать, бабушка подтверждала указаніемъ на Бога. «Смотри, Богъ не велитъ, свѣтикъ». Когда онъ или хотѣлъ молока въ середу, или хотѣлъ побить братишку, — «Богъ накажетъ, [3] паршивецъ», — говаривала она, указывая рукой на передній уголъ и сама всегда съ ужасомъ и благоговѣніемъ глядя на него. Бабушка такъ глядѣла на образа, какъ она ни на кого и ни на что другое не глядѣла и, понимая этотъ взглядъ, Аниска самъ смотрѣлъ на Икону и свѣчку всегда съ тѣмъ же чувствомъ, которое онъ видѣлъ на лицѣ бабушки. Бабушка была самое главное и близкое лицо во время перваго дѣтства Аниски. Отецъ рѣдко бывалъ дома; мать бывала чаще дома, но всегда она хлопотала то у печки, то ткала, то пряла, то съ ребятами и Аниска мало ее помнилъ. Ребята же всѣ были меньше его. И только ужъ когда Аниска подросъ, онъ сталъ играть съ братишкой Прошкой. Аксютку дѣвку и Родьку онъ качалъ и кормилъ иногда, когда приказывала матушка или бабушка.

---

[1] *Слово:* со *написано дважды*

[2] *Зачеркнуто:* святымъ

[3] *Зач.* касатикъ

* [КНЯЗЬ ФЕДОР ЩЕТИНИН.]

(1877—1878 г.)

№ 1.

Война кончилась. Войска стояли на югѣ Россіи. — Командующимъ войсками былъ назначенъ извѣстный своимъ счастьемъ и успѣхомъ по службѣ князь Ѳедоръ Мещериновъ. Ему было 34 года, а онъ ужъ былъ Генералъ-лейтенантъ, Генералъ Адъютантъ и Командующій войсками, изъ нѣкотораго приличія только передъ старыми полными генералами не названный Главнокомандующимъ. —

Какъ у всякаго человѣка, быстро идущаго впередъ по избранной дорогѣ, [у князя] были враги и были страстные поклонники. Но враги ничего не могли сказать противъ Мещеринова, кромѣ того, что онъ молодъ и, хотя уменъ, но не такъ [1] уменъ и образованъ, какъ можно бы желать въ его положеніи; но никогда Мещериновъ не поставилъ себя въ такое положеніе, гдѣ бы замѣтенъ былъ недостатокъ ума или образованія. Для того, что онъ дѣлалъ, было всегда у него достаточно ума и образованія.

Говорили, что онъ ушелъ такъ далеко, благодаря своему искательству въ властныхъ людяхъ; но никто не могъ сказать, чтобы искательство его было не благородно. Онъ любилъ сильныхъ міра сего, и его любили. И онъ не виноватъ былъ, что его дружбы были въ этомъ сильномъ кругу. Въ униженіи себя передъ кѣмъ либо никто не могъ уличить его. Говорили, что онъ любилъ веселье и женщинъ; но онъ самъ первый говорилъ это. Говорили, что онъ умѣлъ показывать лицомъ товаръ своихъ заслугъ, что была театральность въ его дѣйствіяхъ; но онъ самъ говорилъ, что онъ любитъ [2] величіе, и онъ никогда не могъ

---

[1] *Не зачеркнуто:* какъ
[2] *Зачеркнуто:* пышность

быть смѣшенъ (для большой массы); а если были люди, находившіе смѣшное въ его величіи, то ихъ смѣхъ былъ слишкомъ тонкій, чтобъ сообщаться массамъ и казался смѣхомъ зависти. Страстные поклонники говорили, что онъ былъ великій человѣкъ, очевидно призванный къ великому. Но всѣ — тѣ, которые такъ или иначе думали, должны были соглашаться въ томъ, что человѣкъ этотъ независимо отъ своихъ свойствъ, какъ янтарь независимо отъ своихъ свойствъ, имѣлъ еще какую-то помимочную силу, очевидно сообщавшуюся всѣмъ людямъ, приходившимъ съ нимъ въ сношеніе. —

Войска — вся масса оживлялась, узнавая, что онъ пріѣзжаетъ или назначается начальникомъ, наружность, лицо, голосъ его, звукъ его имени дѣйствовалъ возбудительно. Молодые офицеры, солдаты съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлали ему честь, когда онъ съ красивымъ конвоемъ впереди и сзади коляски проѣзжалъ по улицамъ. Когда онъ говорилъ въ толпѣ начальствующихъ, окружающіе прислушивались къ его голосу и приписывали значеніе каждому его слову. Когда его неподвижное красивое лицо вдругъ измѣнялось въ улыбку, улыбка эта сообщалась невольно. Когда офицеры и солдаты, проходя мимо дворца, который онъ занималъ, видѣли съѣздъ каретъ, свѣтъ въ окнахъ и звукъ музыки, они съ удовольствіемъ безъ малѣйшей зависти думали о томъ, что нашъ Князь веселится. Его вездѣ, гдѣ онъ начальствовалъ, называли нашъ Князь.

Утренніе доклады кончились. Два Генерала и адъютантъ съ портфелемъ, излишне раскланиваясь въ дверяхъ, ушли наконецъ. Князь посидѣлъ, облокотивъ лобъ на руку. Въ головѣ его происходила всегда занимавшая нѣсколько времени перемѣна, какъ въ органѣ валовъ. Все утро у Князя не было мысли кромѣ дѣла. Теперь же валъ дѣла работы вынулся и замѣнился другимъ, валомъ удовольствія. Князь всталъ, заложивъ руки назадъ и выглянулъ въ пріемную. Съ Адъютантомъ сидѣлъ Никитинъ. Никитинъ, служащій у Князя же по гражданской части, игрокъ, свѣтскій, умный, бойкій, все знающій, услужливый человѣкъ съ неяснымъ прошедшимъ, но человѣкъ высшаго круга. Его то и нужно было Князю.

— А, Никитинъ! — Онъ подозвалъ его къ себѣ, подалъ два пальца руки. — Ну что дѣла?

Горбоносое, тонкое лицо Никитина, сангвиническое, но худое, съ мелкими жилками, какъ и всегда выражало веселую, энергическую насмѣшку надъ всѣмъ, съ чѣмъ онъ имѣлъ дѣло.

— Дѣла бездѣлья, Князь? — сказалъ онъ, пожимая два пальца также весело и просто, какъ, если бы ему съ поклономъ были протянуты обѣ руки. — Дѣла вотъ какъ. Завтра у васъ репетиція. M-me Синявинъ-Зюлейка и дѣлаетъ костюмъ. Она будетъ прелестна. Ивановъ Арабомъ.

— Ну, Ивановъ по мнѣ хоть Самоѣдомъ. Такъ зовите ихъ завтра обѣдать ко мнѣ. Нынче у меня офиціальный. Если хотите, пріѣзжайте.

— Благодарю, Князь, если позволите, не пріѣду.

— Все карты.

— И карты, и нѣжная страсть...

Князь улыбнулся и попросилъ Адъютанта велѣть подавать коляску.

Онъ ѣхалъ къ начальнику города и къ женщинѣ, которая ему уже надоѣла. Сининская была та женщина, самая блестящая въ городѣ, которую онъ выбралъ, но которая, странно ему казалось, выбрала не его, но однаго женатаго Полковника Ком[андира] ⟨Князя⟩ Семена Щетинина, однаго изъ тѣхъ дюжинныхъ героевъ послѣдней войны, который изъ отставки поступилъ на службу и что то тамъ въ глубинѣ арміи дѣлалъ, хлопоталъ, и добились той маленькой военной репутаціи, которая такъ дорого стоитъ и такъ мало даетъ. —

Князь Мещериновъ не признавался себѣ — это было бы унизительно, — но онъ ненавидѣлъ Щетинина за эту женщину и теперь съ помощью Никитина, знавшаго весь свѣтъ и все умѣющаго, добивался того, чтобы у Сининской занять мѣсто Щетинина. —

Князь зналъ Щетинина, какъ своего подчиненнаго, но никогда не любилъ его. Въ Щетининѣ было что-то неясное и жестокое, для Князя Щетининъ былъ изъ того же круга, какъ и Мещериновъ, былъ также военный и также честолюбивъ; но во всемъ есть оттѣнки: Щетининъ былъ дальше отъ Князя, чѣмъ его Адъютантъ Ефремовъ изъ мелкихъ дворянъ именно потому, что Щетининъ могъ думать, что онъ имѣетъ тѣже честолюбивые помыслы, какъ и Князь и въ особенности потому, что Щетининъ могъ думать, что онъ тогоже круга, какъ и Князь, тутъ и была огромная разница. Можетъ быть, что Щ[етинины] б[ыли] древняя ⟨фамилія⟩, можетъ быть, они были хорошей породы. Это надо было изслѣдовать, то же, что Мещ[ериновымъ] дала Екат[ерина] 40 тысячъ десятинъ и что съ тѣхъ поръ они друзья двора, это несомнѣнно, и положеніе другое. Князь не позвол[илъ] бы себѣ сказать, что онъ не лю[битъ] Щетинина, это б[ыло] б[ы] низко; но 2 нед[ѣли] т[ому] н[азадъ], онъ подпис[алъ] бумагу, подсун[улъ] назн[аченіе] Щ[етинину] бр[игаднымъ], и былъ радъ этому. Если бы онъ далъ себѣ тр[удъ] поду-[мать] чему онъ радъ, онъ нашелъ бы, что онъ р[адъ] т[ому], что Щ[етининъ] заслуж[илъ] др[угаго], но ему да[ли] (зная, что ему пріятно), и онъ подписалъ. —

Онъ одѣлся и вышелъ садиться. Князю доложили о Щетининѣ.

— Зачѣмъ не вовремя? — но благод[аря] этому чувству, чтобы быть благород[нымъ], онъ принялъ.

№ 2.

Князь Ѳедоръ Щетининъ.

1 часть.

I.

Уже прошло 2 года съ тѣхъ поръ, какъ Князь Ѳедоръ Щетининъ оставилъ свой домъ, семью и тихую, занятую жизнь и не для честолюбія, не для выгоды, не для славы, бросилъ все и поступилъ опять въ военную службу тѣмъ же чиномъ подполковника, которымъ онъ вышелъ. Онъ поступилъ тогда на службу только потому, что, прочтя въ газетахъ о томъ, какія оскорбительныя условія были предложены въ Россіи, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, ничего не могъ дѣлать, думать; и, когда пріѣхалъ въ Москву изъ деревни и увидалъ друзей и знакомыхъ и почувствовалъ, что то чувство оскорбленія было не въ немъ одномъ, а во всей Россіи, онъ понялъ, что ему нельзя жить по прежнему, вернулся домой, объявилъ своей женѣ рѣшеніе поступить въ военную службу, перенесъ слезы, отчаянье, угрозы семьи, подалъ прошеніе и уѣхалъ на войну; прошло два года, война ужъ кончилась. Имя Ѳедора Щетинина знало все войско, знала и Россія, когда читала дневникъ войны и ужъ начинала забывать его. Ѳедоръ Щетининъ былъ Генералъ маіоръ съ золотою саблей и тремя чинами, [1] Владимиромъ съ мечемъ и звѣздой, которымъ онъ не гордился, и георгіемъ за взятіе батареи, которымъ онъ гордился. Война ужъ кончилась 6 мѣсяцевъ, и большинство людей, вступившихъ на службу какъ Щетининъ только для войны, повышли въ отставку, но онъ оставался на службѣ и даже не побывалъ дома. Онъ былъ начальникомъ [2] бригады въ войскахъ, стоявшихъ ⟨въ одномъ изъ южныхъ городовъ⟩ еще на границѣ. Командующій войсками былъ сильный по богатству, знатности, придворнымъ связямъ — Князь Михайла Острожскій. ⟨Штабъ войскъ находился въ прелестномъ южномъ городѣ.⟩

Острожскій, молодой красавецъ, сильный по связямъ, холостякъ, богачъ, независимый начальникъ края, жилъ Царемъ въ маленькомъ и прелестномъ южномъ городкѣ, окруживъ себя блестящей военной самовластной роскошью, и жизнь для главныхъ лицъ войска, особенно послѣ трудовъ, лишеній и опасностей войны, была ⟨для⟩ молодыхъ военныхъ волшебно обворожительная.

Красивѣйшія женщины края, подъ разными предлогами, столпились въ городкѣ, и жизнь города была рядъ гуляній,

---

[1] *После слова:* чинами, *не зачеркнуто:* полученными за отлич

[2] *Зачеркнуто;* штаба корпуса

баловъ, музыки, [1] обѣды, все это съ военнымъ блескомъ, военно веселой безпечностью и военной самовластностью.

II.

Было время уборки винограда. Солнце только что ало поднялось изъ за горъ, и застанные ими [2] отрывки не то облакъ, не то тумана тревожно носились въ голубомъ небѣ, не зная куда дѣться: наверхъ ли уйти? лечь ли, прицѣпиться на землю? или бѣжать за одно всѣмъ туда, къ молочной полосѣ [3] залегшей за моремъ на западѣ. А солнце обливало гдѣ блестящимъ лакомъ росу и зелень и чуть крапинами чернѣющія отъ сырости росы дороги, виноградники, гдѣ крыши домовъ и разводило свои блестящія дорожки по морю, рябившемуся [4] отъ легкаго вѣтра. Городокъ шумѣлъ ужъ городскими звуками. Князь Ѳедоръ Щетининъ въ военномъ сюртукѣ и съ георгіемъ въ петлицѣ, въ военной фуражкѣ, тѣмъ невѣрнымъ [?], но молодецкимъ шагомъ, которымъ ходятъ только военные, [шелъ] мимо рѣшетки сада къ большому дому, въ которомъ была его квартира. [5] Не доходя до дома, онъ остановился, какъ будто движенье ходьбы нарушало тотъ трудный ходъ мысли, которымъ была занята его голова. Онъ постоялъ, поднялъ голову, вздохнулъ, крякнулъ и, подпявъ голову, пошелъ скорѣе и рѣшительнѣе. Когда онъ завернулъ на свой дворъ, и деньщикъ кучеръ, мывшій коляску, и адъютантъ, стоявшій на крыльцѣ, увидали его, лицо Князя Ѳедора приняло то обычное красивое выраженіе твердости и таившейся за ней веселой доброты, которое привыкли его подчиненные видѣть неизмѣннымъ въ траншеяхъ и на парадахъ, только съ той разницей, что [6] подъ огнемъ преобладало выраженіе твердости, а на парадахъ, обѣдахъ и балахъ преобладало выраженіе веселой доброты. — Теперь было больше твердости и даже строгости. Князь Ѳедоръ зналъ, что и кучеръ, и деньщикъ, и адъютантъ особенно, знали, откуда онъ шелъ, знали, что онъ шелъ отъ любовницы, у которой провелъ ночь, и это заставляло его строже смотрѣть на нихъ.

— Здравствуйте, Василій Игнатьичъ. — Онъ сказалъ адъютанту. — Что новаго? Пойдемте.

Онъ провелъ въ кабинетъ.

— Сейчасъ я приду. — Пошелъ въ спальню. Умылся, переодѣлся и вышелъ оттуда свѣжій, какъ утро. —

---

[1] *В подлинникѣ:* мызы
[2] *В подлинникѣ:* и застанныя ей
[3] *После слова:* полосѣ *в подлинникѣ:* за
[4] *В подлинникѣ:* рябившееся
[5] *Зачеркнуто:* Руки его сцѣпились назади за широкой спиной.
[6] *Не зачеркнуто:* въ

Адъютантъ подалъ бумаги и замѣтилъ, что та бумага, которая должна была непріятно подѣйствовать, не обратила его вниманія.

— Князь проситъ васъ самихъ пріѣхать, — сказалъ Адъютантъ. (Князь означалъ Князя Острожскаго.) —

— Да я пойду къ нему; ну что наши обозные, — и князь Ѳедоръ перевелъ разговоръ на другое.

Когда Адъютантъ ушелъ, Князь Ѳедоръ сѣлъ за ⟨кофе и взялъ было книгу. Но деньщикъ принесъ письма. Пробѣжавъ 4 письма, Князь Ѳедоръ открылъ 3-е и сталъ читать. Это было письмо отъ жены. Она писала:

Милый другъ! [1]

Я пишу тебѣ послѣдній разъ. Я не могу и не хочу больше этаго выносить.⟩

Князь покажетъ, [1] чего я могу ждать. И чтоже [2] скажутъ всѣ? Я неспособенъ. Карьера моя погибла, если я приму это. Вы это знаете. Но могла бы [2] быть ошибка, случайность. Я знаю, что это не случайно. Мерзости смотра. Я вижу планъ оскорбленія.

— Вы можете видѣть, что вамъ угодно, я не виноватъ.

— Позвольте, Князь. Я договорю прежде. Я бы молчалъ, но причина не въ службѣ, внѣ ея совсѣмъ видна. ⟨И это низко.⟩

— Какая причина, вѣроятно ревность къ Г-жѣ Гранди. — Улыбка высоты.

— Да, она. Вы думаете со мной (сила тонкой мысли не выражена вдругъ) дѣйствовать тѣмъ же путемъ. Съ какой то высоты мнимой дѣлать просто ничтожность, [3] давая чувствовать, что что то есть высокое. Я знаю, что ничего нѣтъ. Вся высота есть придворн[ая], и это просто низко.

Собака показала силу энергіи.

— Вонъ сію минуту вонъ, — я говорю.

— Я все сказалъ, прощайте. —

№ 3.

Назначается: Генералъ Маіоръ Князь Ѳедоръ Щетининъ 1-й командиромъ 2-й ⟨пѣхотной⟩ бригады. Полковникъ ⟨и флигель-адъютантъ⟩ Невировскій — начальникомъ штаба при войскахъ 2-й арміи. —

Когда Князь Ѳедоръ Щетининъ прочелъ ⟨въ приказахъ⟩ эти слова, широкое, красивое, блѣдное лицо его [4] вдругъ измѣни-

---

[1] *Против слов:* Милый другъ! *кончая:* Князь покажетъ, *на полях написано:* Кн. зоветъ на обѣдъ и тамъ объяснен

[2] *Против слов:* что же *кончая:* Но могла бы *на полях написано:* К. Ѳ. видѣлъ какъ она писала это письмо, какъ брос к стол

[3] *В подлиннике:* простотьничтожность

[4] *Зачеркнуто:* побагровѣло, раздвоенная жила налилась на бѣломъ красивомъ лбу, брови надвинулись

лось, и онъ, схвативъ судорожно костыль, поднялъ, упираясь ⟨на палку⟩ свое большое тѣло и сталъ, хромая, ходить по комнатѣ.[1] —

Онъ ⟨долго⟩ ходилъ, то останавливаясь и опираясь задомъ на костыль съ гладкой слоновой ручкой, надвигая шапкой брови надъ выпуклыми, блестящими, остановившимися глазами и большимъ безименнымъ пальцомъ лѣвой руки загибая въ ротъ курчавый душистый усъ, ⟨и⟩ кусалъ его, то, пожимая широкими сутуловатыми плечами и стараясь нарочно улыбнуться; но привычная твердая улыбка, такъ тепло и мягко освѣщавшая его еще молодое военное лицо, только мелькала, какъ молнія, и лицо выражало горе, злобу и отчаяніе.

И онъ опять начиналъ ходить, хромая и кусая усы. Онъ остановился, подошелъ къ большому письменному столу, на которомъ вокругъ большой, изящно вылитой бронзовой чернильницы съ орломъ, распустившимъ бронзовыя крылья, разставлены, разложены были цѣнныя изящныя принадлежности письма, 3 портрета и двѣ сафьянныя съ золотымъ обрѣзомъ книжечки. Онъ взялъ одну, разстегнулъ застежку и сталъ читать. Костыль его упалъ, загремѣлъ, и онъ вздрогнулъ, какъ нервная женщина. Въ книжкѣ онъ читалъ свои же мысли, записанныя имъ ⟨его⟩ крупнымъ своимъ особеннымъ, но четкимъ почеркомъ. —

Онъ перелистовалъ. Ему попались слова: «если непріятельская цѣпь занимаетъ»....., — не то. Дальше было:[2] «женщина проститъ все, но не равнодушіе, тогда»..., — не то. «Мы думаемъ знать, тогда какъ орудія знанія даны намъ не полныя».. И это было не то, но его заняла самая мысль, написанная имъ и забытая. Онъ читалъ дальше: «Примѣръ кругъ. Мы знаемъ лучше всего, ребенокъ простолюдинъ; а то, что составляетъ его сущность, невыразимо». Да, — сказалъ онъ, вспомнивъ, и ему стало пріятно, и лицо успокоилось. Онъ поднялъ костыль. Перевернулъ дальше и нашелъ то, что искалъ. Было написано: «спокойствіе, — calme»... и дальше: «Помни три вещи: 1) Жизнь есть тотъ день и часъ, который ты живешь. Волненіе погубило этотъ часъ и ты сдѣлалъ невозвратимую величайшую потерю».

— Да чтожъ, если я не могу быть покоенъ. Чтобъ быть покойнымъ, я долженъ высказать *ему* все.

«2-е, — читалъ онъ дальше. — Посмотри на то, что тебя мучитъ такъ, какъ будто это не съ тобой, а съ другимъ случилось». — Вздоръ. Не могу.

---

[1] *Против зачеркнутых слов:* жила налилась *кончая:* по комнатѣ.—*на полях написано:* каз[алось], ч[то] б[ыло] важ[ное] в[ъ] э[тихъ] с[ловахъ], когда к[нязь] Ѳ[едоръ] Щ[етининъ] п[рочелъ] ихъ. (Оч[ень] б[ыло] в[ажно] п.а. и п) он о пер [уд] ?

[2] *Зачеркнуто:* Любовь женщины есть слабость

«3-е. Подобное тому, что тебя мучитъ теперь, было съ тобой прежде. Но вспомни теперь о томъ, что въ прошедшемъ такъ мучало тебя и ты»... — Онъ не дочиталъ. Онъ попытался вспомнить худшіе минуты изъ своей жизни: отношенія съ отцомъ, смерть матери, раздоръ, бывшій съ женой. Все это было ничто въ сравненіи съ этимъ. Тутъ есть виновникъ. Одинъ — *онъ*. Онъ положилъ книгу. Сложилъ свои большія съ сильными, длинными пальцами руки передъ грудью, наклонилъ голову, прочелъ «Отче нашъ» и пожалъ пуговку звонку. Когда вошелъ генеральскій красавецъ деньщикъ, лицо Князя Ѳедора приняло обычное выраженіе твердой [1] мягкости.

— Никита, одѣваться пожалуйста. Мундиръ. И коляску.

Черезъ полчаса онъ ѣхалъ по городу, гремя по мостовой на парѣ рысаковъ къ дому ком[андующаго] д. войсками. Это былъ тотъ *онъ*, который былъ всему виной.

Молодые офицеры весело дѣлали честь своему любимому герою послѣдней войны. Да и у Князя Ѳедора было одно изъ тѣхъ лицъ, которое весело встрѣтить юношѣ, весело, что эта юная фигура отвѣтитъ имъ поклономъ.

Кучеръ осадилъ, часовые у крыльца заторопились, сдѣлали фрунтъ, откинувъ ружья, и Ѳедоръ Щетининъ, отвѣчая рукой, съ палкой вышелъ изъ коляски.

— Дома Князь?

— Пожалуйте.

Домъ былъ дворецъ. Пройдя галлереей, Князь Ѳедоръ вошелъ въ кабинетъ; высокій, но ниже его Генералъ въ широкомъ сертукѣ съ георгіемъ на шеѣ, всталъ и, привѣтливо улыбаясь, обратилъ свое красное, въ душистыхъ бакенбардахъ окаймленное лицо къ входившему. Привлекательное, мягкое, благородное и осторожное было въ этомъ лицѣ, которое было бы очень просто, если бы не обстановка роскоши и власти. Что то было напоминающее добрую, учтивую, выхоленную и благородной породы собаку. Лицо и фигура входившаго напоминали [2] волка съ его длинными голенями, широкимъ лбомъ и умными на выкатѣ глазами.

Какъ только эти два человѣка увидали другъ друга, во взглядахъ ихъ произошла борьба. Начальникъ очевидно хотѣлъ, чтобы отношенія были тѣ же, какъ всегда, ласковыя, приличныя. Князь Ѳедоръ хотѣлъ рѣшительнаго объясненія и выхода изъ этихъ отношеній. Одну минуту на его лицѣ отразилась улыбка начальника; но вдругъ лицо вытянулось, нахмурилось, нижняя губа дрогнула и стала искать лѣвый усъ.

— Очень радъ васъ видѣть, князь, — сказалъ Начальникъ, медленно опускаясь въ кресло и вытянутой рукой берясь за

---

[1] *Зачеркнуто:* кротости

[2] *Зач.:* волка или породистаго коня

край стола, какъ будто для того, чтобы придержаться, садясь, и потомъ подать ее.

— Князь, я прочелъ приказы и пріѣхалъ сказать вамъ...

Князь [1] пальцами какъ бы ощупывалъ кончики бакенбардъ и приподнялъ брови съ спокойнымъ удивленіемъ.

— ...Сказать вамъ, что я не того ожидалъ и, что — губа дрогнула — хотя офиціально я не имѣю никакого права ничего требовать, но что мѣра неофиціальныхъ гадостей, которыя мнѣ дѣлаются, — переполнена и что я считаю своимъ долгомъ высказать это все тому, кто ихъ дѣлаетъ.

— Вы разумѣете меня, Князь, — съ нахмуренными бровями, не сердитымъ, но такимъ, какъ будто онъ говорилъ: «сердиться и оскорбляться я не могу, но долженъ показать, что я не позволяю».

— Васъ! — Волкъ вдругъ оскалился.

— Я знаю, что есть міръ офиціальный, въ которомъ всѣ правы, я про него говорить не хочу, но есть другой міръ частныхъ людей, и я говорю не съ ком[андующимъ] Во[йсками], а съ княземъ П. Б. и я вамъ въ этомъ качествѣ говорю, что вы поступили со мной не честно.

— Въ качествѣ Начальника вашего я долженъ отдать васъ подъ судъ, [2] но въ качествѣ П. Б. я прошу васъ удалиться и прислать мнѣ извиненіе, — сказалось само собою, онъ не думалъ, но какъ птица-соловей поетъ по соловьиному, такъ онъ нечаянно говорилъ, какъ главнокомандующій.

— Но не прежде, чѣмъ я выскажу все, что я имѣю сказать.

Кн. Б. стоялъ, и рука его стучала нервно по столу, лицо выражало высоту, до которой нельзя достать. —

— Я былъ въ отставкѣ, когда началась война, я поступилъ не для честолюбія, а потому, что долгъ каждаго человѣка былъ жертвовать собой. Какъ я служилъ, знаетъ вся армія и государь, и товарищи, и начальники — не вы, который пріѣх[алъ] послѣ. — Я бы сказалъ: свидѣтели моей службы — 5 чиновъ, золотая сабля, георгій и 3 раны, если бы не зналъ, что чины и ордена даютъ не по заслугамъ, а раны — случай, и что я только требовалъ по статуту георгія, получилъ его, когда я заслужилъ его 3 раза; но правда это не къ дѣлу (отвѣчая на его движенье). Дѣло въ томъ, что на службѣ въ мирное время теперь, когда все что сидѣло, спрятавши подъ х[востъ] [?] голову [?], — служба возможна только на [войнѣ]. Я отдался весь службѣ. Я призванъ на то. Я все принесу въ жертву. (Еще злобнѣе, дрожитъ губа именно потому, что чувствуетъ это не къ дѣлу.) Я имѣю права на повышеніе. И это первый случай.

---

[1] *После слова:* Князь *в подлиннике:* кончик

[2] *В подлиннике:* судомъ

№ 4.

Это было послѣ войны. Нервность и радость послѣ страданія. — Могли спорить, что лучше б[ыло], такъ и спор[или] тѣ, у кого рукой и ногой меньше, тѣ знали, что хорошо было. — Восторгъ и блескъ юношей: кабаки [?] и соотвѣтственно имъ жизнь.

Назначается: Генералъ Маіоръ Князь ⟨Федоръ⟩ Щетининъ 1-й командиромъ 3-й бригады, Полковникъ Невировскій — начальникомъ штаба при войскахъ 2-й арміи. —

Слова эти для всѣхъ читающихъ газеты имѣли или интересъ объявленія о продажѣ новой помады, или интересъ новости подобной тому, что Австрійскій министръ проѣхалъ въ Прагу, или для знакомыхъ Щетинина и Невировскаго и прежнихъ и будущихъ ихъ подчиненныхъ самое большее тотъ интересъ, который заставляетъ сказать: «А! вотъ какъ онъ». Но для одного человѣка изъ десятка тысячъ прочитавшихъ эти слова, для Князя Ѳедора Щетинина, слова эти имѣли то, всегда странное для посторонняго зрителя значеніе нѣсколькихъ словъ, которыя вдругъ въ человѣкѣ здоровомъ, спокойномъ, счастливомъ, занятомъ, зажигаетъ внутренній огонь, неудержимо палящій человѣка и лишающій его и спокойствія и труда и счастья!

Когда Князь Ѳедоръ Щетининъ прочелъ эти слова, онъ былъ не одинъ. У него сидѣли за завтракомъ его пріятель Носковъ, членъ комиссіи, ревизовавш[ей] провіантское вѣдомство, и адъютантъ, принесшій почту. Адъютантъ зналъ, что *его* Князь (Щетининъ) ожидалъ назначенія начальника Штаба, зналъ, какъ и знала вся армія, что онъ былъ достоенъ, зналъ, что это извѣстіе огорчитъ, но, несмотря на то, что Щетининъ всѣ силы воли употребилъ, чтобы скрыть свое впечатлѣніе, Адъютантъ не ожидалъ такого дѣйствія. Знакомое Адъютанту твердое красивое лицо вдругъ задрожало внизу, багровая краска покрыла все лицо, до выпуклости ⟨кости⟩ на глазахъ, жила на вискѣ налилась, и раненная рука дернулась. — Онъ поднялъ голову.

— Носковъ — сказалъ онъ поб [?] — прочти, я назначенъ к[омандиромъ] б[аталіона].

⟨Онъ прочелъ.⟩

— ...А Неверовскій начальникомъ штаба. —

— Я ждалъ этаго, и ты знаешь, отчего? Не дожидаясь. — Она.—

— Ну хорошо. К[акой] адъ. Такъ прикажи раздать [1] въ приказъ, а отчетъ я просмотр[ю], да казначея попроси. —Онъ

[1] *Со слова:* раздать *кончая:* Ну какъ ты? *на полях слева написано:* Это онъ — черный эфіопъ.

Мать мужика — нѣжная старушка, отецъ — пьяница.

Нѣжность мужика къ Щетинину, высота, на которую его ставитъ, и нѣтъ у п р е к а за муки.

отдалъ приказаніе и остался одинъ съ Носковымъ.
Это было послѣ войны. Тогда

Женщина съ завитками губъ, растрепанная всегда. И въ томъ блескѣ красоты, въ какомъ бываютъ 1 разъ не долго.
Мужъ ее Сухотинъ, все знаетъ. Камергеръ,[1] Барят[инскій] толстожопый съ малой головой, благороденъ оттого, что никогда не сомнѣвался, что дѣлалъ дурно. И по книжкамъ стремленье благородное.

За что онъ сердится. *Онъ странный*, все объясняетъ. —

Щет[ининъ] не хочетъ сердиться.[1]
М. И. Балк. [?] ястребъ. Все понимаетъ, но далеко нейдетъ и наслаждается. Я не думалъ, чтобъ длинные сердились. Ну какъ ты? —

⟨Мальчик⟩ Губы завиваются внутри

№ 5.

Отецъ женился на бабѣ.
Имѣнье разстроилось.
Жена спуталась съ учит[елемъ]. одна дочь
Служебная карьера сѣла.
Юношу забидѣли.
Братъ чудакъ поссорил съ стар[шимъ].
Сестра заброшена (куча дѣтей).[2]
Братъ поэтъ ⟨подъ судомъ⟩ проигралъ[3]
сосланъ.
Сашу у сирены.[4]

---

[1] *Со слова:* Камергеръ, *кончая:* сердиться. *на полях направо написано:* отношеніе между братьями, н е л ю б я т ъ, р е в н у ю т ъ. и не тронь его

[2] *К слову:* дѣтей *у Толстого сноска:* ⟨1 братъ дѣл[атель] Барятинской. Сестра за⟩ дѣлателемъ. ⟨Женатъ на Барятин.⟩ Барят. и братъ. Другой братъ дѣлаетъ. Третій братъ ученый.

[3] *К слову:* проигралъ. *у Толстого сноска:* объигралъ, человѣкъ жизни

[4] *К слову:* сирены. *у Толстого сноска:* Сирена отказала Барят[инскому]. Барят. повредилъ, зато по службѣ. — (Начало въ мин. satiété)

ДЕКАБРИСТЫ.

(1863, 1877—1879 гг.)

ПЛАНЫ.

I.

чтожъ на новыя мѣста. Что Илью жалѣть.

Уборка послѣдней ржи. Ясно, морозъ. Тоска. Воспоминанье дня жены. Понять. Ночное — Умиленіе Руссо. на звѣзды — все знаютъ какъ круглая земля? Меня звали въ конторщики. —

Дождь. Сборы къ барину. Онучи. Баринъ. Внушаетъ не красть. Илья другое въ умиленіи отъ видѣннаго благочинія. Посылаютъ въ другую деревню. Тамъ полякъ или незаконный сынъ. Къ Погодину.

Выступаютъ черезъ два года. ⟨Мучаются дорогой⟩. — Пріѣзжаетъ И. на льду слышетъ мальчика жены. Уходитъ. Мучаются дорогой. Тамъ башкиры легко. То то матушка — наземлю. ⟨?⟩ Ее сахой не возьмешь. Надо хохлацкой плугой. Да къ мужикамъ съѣздить.

II.

Борисовка

1.

Во дворѣ Анисима Бровкина была радость. Анисимъ Бровкинъ, ⟨два года сидѣвшій въ острогѣ, вернулся домой⟩

Впускали ли бабъ?

Какъ одѣты?

Работали ли?

Какъ выпускали?

24 года февраль, въ Петербургѣ молодой ⟨Хма⟩ ⟨?⟩ Аспоровъ ⟨?⟩ мужикъ возвращается по Невскому домой, принятъ былъ въ высшій кругъ, у дамъ

Общее собраніе. Докладъ дѣлалъ Сенаторъ покровитель, ⟨Карцова⟩ Адуевскаго —
Адуевскій отецъ и сынъ.

⟨Выѣ⟩ Рѣшаетъ подать прошеніе о переселеніи Государю въ Царскомъ.

Государь съ больной ногой. Аракчеевъ. Рѣшеніе

Выпускаютъ изъ острога.
Весна пахота, корчеванье.
Возвращенье съ новыхъ мѣстъ. —
Свѣтло Христово воскресенье.
Любовь.
⟨Проѣздъ⟩

Іюнь проѣздъ Царя
Ланкастерскія школы. [1]
Мисти[ци]змъ. [1]
Кровь теплая, какъ горячая вода. [2]
Лапти надѣлъ, солдатъ удивляется на себя. [2]

III

1817 весной. Говѣнье — Драка на межѣ, Свѣтлохристово воскресенье, Тат[ьяна] Бабочки. Любовь. Религіозное чувство.
1817 осенью. Москва. Закладка Храма. Тихоновна прошеніе. Любовь и религі[озное] чувство Татьяны забыто. ⟨Умств⟩ Увлеченіе чувственное.
1818. Собраніе союза благодѣнствія. Равнодушіе жениха. Отдача въ рекруты. Уходъ въ Оренбургъ.
1819. Мракобѣсіе. Магницкій. Бунтъ въ Чугуевѣ. ⟨Рылѣевъ⟩ Разрывъ сватьбы съ Татьяной.
Казни. —
1820 Семеновск[ая] исторія. Пестель въ Петерб[ургѣ]

IV.

1825-й годъ Ноябрь. — Митинька хозяйничаетъ, знакомится съ Муравьевымъ. Открывается новый міръ. Совѣтуетъ бѣжать мужику. Мужикъ бѣжитъ — бѣдствія. Митинька ѣдетъ 14-го Декабря въ Петербургъ, по дорогѣ съ поповичемъ.
Деревня — монахи. —

---

[1] *Написано карандашом.*
[2] *Обведено кружком.*

ВАРИАНТЫ.

* № 1.

Такъ что единственный результатъ, который вынесъ Monsier Шевалье изъ своего длиннаго разговора съ новопріѣзжимъ былъ отнятъ у него Васильемъ. Шевалье фыркнулъ даже и произнесъ sacré matin [1] такимъ тономъ, что теперь казалось онъ уже [*край листа с одним словом оторван*].

Возвратившись къ своей супругѣ, онъ даже сказалъ, ce vieux Monsieur n'a pas l'air comme il faut. Mais du tout du tout.[2] Зато онъ похвалилъ дочь и сына. Этакихъ здоровяковъ только въ Сибирѣ можно было выкормить по его мнѣнію; ce sont des gaillards.[3] — Шевалье былъ недоволенъ, но, напротивъ, гость только теперь былъ совершенно доволенъ.

«Славный человѣкъ этотъ Шваль», сказалъ онъ. Только ямщики, вошедшіе теперь, привели было его въ такое затрудненіе по случаю недостатка мелкой монеты, что онъ уже хотѣлъ бѣжать мѣнять въ лавочку, какъ вдругъ блеснувшая мысль о томъ, что несправедливо ему одному быть счастливымъ въ этотъ вечеръ, вывела его изъ затрудненія.

«Вотъ вамъ», сказалъ онъ, таинственно всовывая ямщику въ руку всю 5 рублевую бумажку точно такимъ же образомъ, какимъ онъ дѣлалъ этотъ маневръ съ докторомъ. При томъ же въ скоромъ времени мужики повышли изъ комнатъ, нужнѣйшія вещи были разобраны, постели постелены, жена перестала возиться и сѣла возлѣ своего мужа. Не поѣхать ли нынче къ Марьѣ Ивановнѣ? А въ баню? Тебѣ надо отдохнуть, Pierre, сказала она подавая ему трубку, и улыбка сдержанной веселости морщила ея губы. Въ этой улыбкѣ подразумѣвалось и то, какъ онъ спотыкнулся нынче, и то, что теперь все хорошо, и то, что она его любитъ теперь и любила 40 лѣтъ и всегда будетъ любить, и то, что она знаетъ, какъ онъ ее любитъ. «Да», отвѣчалъ мужъ, и такая же улыбка играла на его старческихъ

[1] [сукин сын],

[2] [этот старый господин не производит впечатления человека из общества. Совершенно, совершенно не производит.]

[3] [Это — сорви-головы.]

губахъ. ⟨Она знаетъ, думалъ онъ, глядя въ ея ⟨большіе черные⟩ милые сѣрые глаза, она знаетъ, какъ я люблю баню, и знаетъ, что я не поѣду безъ нея, и хочетъ меня надуть, что ей хочется. Пускай думаетъ, что я вѣрю. Онъ согласился и устроилъ такъ, что съ Сережей поѣхалъ къ Каменному мосту.⟩

* № 2.

Но та комната для избранной молодежи (хоть не молодежи, потому что тамъ бываютъ люди 45 и 55 лѣтъ), но для избранныхъ веселыхъ мущинъ, имѣющихъ что-то. Въ чемъ состоятъ условія избранія, мнѣ бы было очень трудно сказать, хотя я очень хорошо зналъ избранныхъ. Не богатство, не знатность, не умъ, не веселость, ни французскій языкъ, а что-то такое. Я зналъ очень многихъ мущинъ, горячо желавшихъ утвердиться въ этой комнатѣ и предлагавшихъ шампанское во всякое время и всегда плативщихъ за него (что очень рѣдко), но не утвердившихся почему-то; шампанское было не то, которое надо было, и не такъ предложено и не во время — не въ тактъ однимъ словомъ; я зналъ другихъ, сгоравшихъ желаніемъ быть принятыми въ число избранныхъ, отлично выражавшихся на французскомъ языкѣ, представлявшихъ изъ себя развратниковъ, но опять не въ тактъ, и выходило такъ, что то самое, чѣмъ эти люди хотѣли заслужить избраніе, послужило имъ укоромъ, и они удалялись въ большую залу и зимній садъ.

Другіе, напротивъ, не имѣли, казалось, ничего, не имѣли ни ума, ни имени, ни веселости, ни молодости, ни даже денегъ и были самыми коренными жителями «комнаты». Со временемъ придется съ однимъ изъ нашихъ героевъ побывать въ «комнатѣ», и тогда читатель, надѣемся, пойметъ всѣ ея таинства. — Теперь прислушаемся только къ тому, что говорилось въ ней по возвращеньи Г-на ⟨Шевалье⟩ Ложье. — Увѣряю васъ, читатель, что я по французски выражаюсь очень хорошо, а написать могъ бы разговоръ даже и очень, очень недурно, повѣрьте мнѣ; поэтому не буду писать разговоръ этотъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ происходилъ, а передамъ его по русски, что и буду дѣлать впродолженіи всей этой исторіи. «А вы любите свѣжихъ женщинъ, М ⟨Шевалье⟩ Ложье, я знаю», — сказалъ одинъ изъ гостей.

* № 3.

⟨Глава 3.⟩

Молва о пріѣздѣ Лабазовыхъ произвела другое впечатлѣніе въ клубѣ. —

«Въ клубѣ». Легко сказать «въ клубѣ», но объяснить читателю вполнѣ значеніе этаго заведенія, значеніе каждой комнаты, отъ швейцарской до разговорной «умной» комнаты и всѣ силы ума и сердца, сосредоточенные и переплетенные въ этомъ

общественномъ заведеніи — дѣло великой трудности, которое мы постараемся совершить опять таки въ свое время, когда мы послѣдуемъ въ это знаменитое заведеніе за однимъ изъ нашихъ героевъ. Для поверхностнаго наблюдателя покажется все очень просто, но почему въ швейцарской одинъ старичекъ, котораго входъ въ заведеніе возвѣщенъ громкими двумя звонками, чешется своимъ гребнемъ и спрашиваетъ швейцара «Шлёпинъ здѣсь ли?» а другой, юноша, краснѣя ходитъ по комнатѣ, ожидая, чтобъ его записали, и швейцаръ напоминаетъ ему, что надо отдать шляпу? почему эти господа съ пріѣзжимъ изъ Петербурга сидятъ на диванѣ въ первой комнатѣ и не играютъ, а другіе садятся во второй комнатѣ и требуютъ картъ, третьи у стеклянныхъ дверей, четвертые въ бильярдной, а пятые въ колонной? Почему у шести или семи столовъ не достаетъ партнеровъ, а партнерамъ въ одно и тоже время недостаетъ партій? Почему этотъ юноша, выйдя изъ инфернальной комнаты, находится въ испаринѣ и ѣстъ уже восьмую грушу, и почему этотъ старецъ оглядываетъ второй разъ груши и всетаки не беретъ ни одной, а проходитъ въ сосѣднюю благовонную дверь, даже не кивая головой въ отвѣтъ на подобострастное здорованье маленькаго сморщеннаго благовоннаго лакея? почему у господъ адъютантовъ, въ бильярдной играющихъ въ табельку, стоитъ налитое шампанское, которое они не пьютъ, а въ колонной въ дверяхъ стоитъ мущина, ковыряющій въ зубахъ и жадно смотрящій на одного изъ игроковъ? почему эти два мущины отлично играютъ въ пирамидку, и никто не смотритъ на нихъ, и почтительная и большая публика молчаливо возсѣдаетъ на высокихъ диванахъ, чтобы созерцать игру старца, едва едва попадающаго кіемъ въ шаръ и, прихватываясь за бортъ, сѣменящаго вокругъ бильярда? почему въ газетной одинъ юноша перебираетъ всѣ журналы, не читая ни однаго, а одинъ старецъ генералъ, глядя сквозь лорнетку на газету, сидитъ долго на одномъ мѣстѣ, не перевертывая страницы? Почему нѣкоторые мущины смѣло и прямо входятъ въ разговорную комнату, требуя чаю или трубку, а другіе, постоявъ у дверей съ видимымъ желаніемъ войти, отходятъ назадъ? Все это обнять очень и очень трудно. Молва о пріѣздѣ Лабазовыхъ, переданная между игрой въ табельку адъютантамъ, пившимъ шампанское, быстро пробѣжала по всѣмъ комнатамъ. Иванъ Васильичъ Пахтинъ, сидѣвшій не играя подлѣ стола, съ которымъ, ежели мы пробудемъ нѣсколько времени въ Москвѣ и будемъ обращаться въ порядочномъ обществѣ, намъ нельзя не познакомиться, услыхавъ это извѣстіе, почувствовалъ тотчасъ-же безпокойство въ ногахъ и необходимость пройтись по заламъ. Проходя по стеклянной комнатѣ, онъ подошелъ къ одному генералу и поинтересовался узнать о здоровьи больной невѣстки генерала — Графинѣ было гораздо, гораздо лучше, чему онъ былъ очень, очень радъ. А Генералъ не слыхалъ, что пріѣхалъ Лабазовъ.

— Что вы говорите? вѣдь мы старые пріятели. Какъ я радъ. Ахъ, бѣдный, что онъ выстрадалъ! его жена писала разъ моей женѣ. Но генералъ не досказалъ, что она писала, потому что его партнеры, разыгрывавшіе безкозырную, сдѣлали что-то не такъ. Говоря съ Иваномъ Павлычемъ, онъ все косился на нихъ, но теперь уже совершенно бросился къ нимъ и стуча по столу, доказалъ таки, что надо было играть съ семерки. Иванъ Павлычъ прошелъ дальше, тоже между разговорами сообщилъ двумъ, тремъ почтеннымъ людямъ свою новость. (Иванъ Павлычъ по годамъ и положенью находился на распутьи между молодымъ и почтеннымъ человѣкомъ; онъ былъ статской совѣтникъ и когда танцовалъ, то уже улыбался и разсказывалъ про это.)

* № 4.

Этотъ отзывъ смутилъ Иванъ Павлыча и, чтобы получить окончательное разрѣшеніе задачи насчетъ того, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ радоваться новости и какъ судить о ней, онъ направилъ шаги свои къ умной комнатѣ, въ которой засѣдали великіе политики, мыслители, ораторы, которыхъ онъ зналъ также коротко, какъ и молодежь кутилъ, и стариковъ сановниковъ, и журналистовъ, и литераторовъ, и знаменитыхъ изгнанниковъ. — До 56 года Иванъ Павловичъ держался болѣе людей сановитыхъ, господъ и дамъ, но никогда не разрывалъ связей съ своими полковыми, служебными и холостыми товарищами и послѣ своей женитьбы, камеръ-юнкерства и довольно значительнаго мѣста точно также и послѣ 56 года, во время котораго онъ недолго былъ въ недоумѣніи: «что все это значитъ?» онъ не разорвалъ своихъ связей съ сановитыми людьми, но сталъ болѣе придерживаться людей либеральныхъ и знаменитыхъ и, какъ тѣ такъ и другіе, казалось для него и для нихъ, были его пріятелями. Никто изъ этихъ пріятелей не могъ бы сказать, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился съ Пахтинымъ, но что-то такое было. Пахтинъ всегда говорилъ немножно такъ, какъ будто онъ смѣется и кого-то передражниваетъ. Такъ что, ежели Богъ далъ, хорошо сказалъ, попалъ въ тактъ, такъ пускай это будетъ серьезно, не попалъ, такъ легко всякому понимать, что это была шутка. Кромѣ того, съ человѣкомъ, съ которымъ онъ говорилъ второй разъ, иногда даже и первый разъ въ жизни, онъ говорилъ, какъ будто напоминая ему старыя хорошія времена, когда они вмѣстѣ спорили, или волочились, или кутили, или ораторствовали. И такая была удивительная увѣренность у Ивана Павловича, что всѣмъ его собѣсѣдникамъ точно казалось, что, говоря съ нимъ, вспоминаются какія-то общія потѣхи буйной юности. Это было тѣмъ болѣе замѣчательно, что не только съ тѣми, съ которыми онъ говорилъ 2-й разъ, но ни съ кѣмъ никогда онъ не спорилъ, не кутилъ, не

волочился, ничего не дѣлалъ. Невозможно было никогда уловить никакого его убѣжденія или вкуса, исключая однаго, что онъ терпѣть не могъ платить за что бы то ни было деньги и былъ убѣжденъ, что никогда не надо звать къ себѣ обѣдать, никогда не надо ставить шампанское и нанимать дорогихъ учителей своимъ дѣтямъ и т. п. —

Только съ однѣми этими убѣжденіями сталкивалась его супруга и убѣдилась, что эти по крайней мѣрѣ были непоколебимы. —

〈Но мы остановились передъ дверью «〈умной〉 комнаты» умныхъ, передовыхъ, либеральныхъ, политическихъ людей, и мнѣ страшно за Иванъ Павловичемъ ввести въ нее читателя. Читатель можетъ быть боится компрометироваться съ этими сорванцами и не любитъ политики. Но успокойтесь, политика и либерализмъ имѣютъ совершенно особенное значеніе въ русскомъ обществѣ 56 года. Политическія новости состоятъ не въ томъ, когда будетъ избраніе, каково оно будетъ, какой новый законъ, каково значеніе этаго закона, какой дипломатическій актъ появится при такомъ то кабинетѣ и какое его значеніе.

Русскія внутреннія политическія новости состоятъ въ свѣжемъ извѣстіи о томъ, кѣмъ была содержана прежде его сіятельства любовница министра, что сказалъ министръ насчетъ производства директора, кто написалъ ходящую по рукамъ рукопись, кто сильнѣе при Д. А. или Б. — и т. д. Всѣ подробности этой политики, Богъ знаетъ, какъ, извѣстны въ умной комнатѣ и иногда даже приводятъ собѣсѣдниковъ къ отвлеченнымъ вопросамъ о [1] невыгодахъ рабства въ экономическомъ отношеніи и о выгодахъ словеснаго судопроизводства [1] и т. п.

Либерализмъ тоже не такъ страшенъ, какъ показываетъ это слово. — Въ 56 году всѣ, рѣшительно всѣ были либералы. Не былъ либераломъ только тотъ, у кого не достало умственныхъ способностей выразить что-нибудь либеральное. Консерваторовъ не было. Нельзя было себѣ представить человѣка, который бы рѣшился защищать старый порядокъ вещей. Его бы каменьями закидали. Еще разъ повторяю — это было великое время! Во многомъ выражалось это плодотворное направленіе времени, но главное проявленіе его было ругательство всѣхъ вообще чиновниковъ и въ особенности несчастныхъ Генераловъ. —〉

Когда Пахтинъ сообщилъ свою новость въ комнатѣ (Пахтинъ не имѣлъ своего особаго мѣста въ комнатѣ, онъ не былъ однимъ изъ нихъ, но его всѣ знали и приняли такъ, что онъ почувствовалъ, что можетъ) когда онъ сообщилъ свою новость, одинъ изъ «главныхъ» обрадовался и сказалъ, что только Лабазова не доставало — и что теперь всѣ знаменитые изгнанники въ сборѣ.

---

[1] *Первоначально, вместо слов:* невыгодах рабства, *кончая:* судопроизводства, *было:* необходимости освобожденія крестьянъ или уничтоженіи чиновничества

* № 5.

Но да мы еще не знали ничего. Мысль, что они не знаютъ, боязнь быть предупрежденнымъ, живое представленіе удовольствія, которое онъ доставитъ, свѣжесть сообщенныхъ свѣденій въ умной комнатѣ и много другихъ неясныхъ чувствъ, относящихся къ этому дѣлу, побудили его раньше обыкновеннаго выдти изъ клуба и, вмѣсто предположеннаго посѣщенія старой тещи, поѣхать къ Кучковымъ на вечеръ, гдѣ, онъ зналъ, что застанетъ и поразитъ новостью многихъ дѣвицъ и дамъ, въ теперешнее время особенно сочувствовавшихъ такого рода случаямъ. —

«Какже, — сказалъ онъ на вечерѣ одной изъ дамъ, имѣвшей неосторожность спросить, какой это былъ Лабазовъ, — какже извѣстный Петръ Лабазовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени. — Въ 1819 году, знаете, онъ былъ прапорщикомъ извѣстнаго Семеновскаго полка и первымъ любимцемъ Д. Знаете, что это значило въ то время. Потомъ онъ дѣлалъ кампанію знаменитую, вернулся и въ 24 году уже въ Петербургѣ былъ принятъ въ эту 1-ю масонскую ложу. И Пахтинъ съ удивительной вѣрностью, хотя и своимъ неизмѣннымъ, полушуточнымъ, полувоспоминательнымъ тономъ передалъ все то, что онъ слышалъ въ клубѣ, даже онъ сказалъ точно также, какъ тотъ, кто ему разсказывалъ, — онъ сказалъ: «*моя* тетка знавала его тогда и говаривала, что онъ былъ самый обворожительный человѣкъ, котораго она знала». — «Г-нъ Пахтинъ, все знаетъ, все знаетъ» сказала хозяйка дома (разговоръ опять происходилъ по французски). «Ну какже этаго не знать». —Ну да, ну да, — отозвалось со всѣхъ сторонъ. Я очень, очень знала, — сказала одна дама, съ добрымъ и весьма грустнымъ выраженьемъ лица, какъ будто она сейчасъ плакала. Кто живалъ въ Москвѣ, тотъ знаетъ, что это выраженіе свойственно большей части дамъ, вывозящихъ дочерей...

Мы вмѣстѣ выѣзжали тогда. Она была старше мѣня, но она удивительно хороша была, единственная дочь, и отецъ ее любилъ безъ памяти. Ее замужество очень романическая исторія. Она была почти обручена съ Мятлинымъ, который былъ убитъ на дуэли съ ⟨Васьк⟩, и отецъ очень хотѣлъ этаго. Но она мнѣ всегда говаривала, что ей почему-то казалось, что она не выйдетъ за него, что онъ ей нравится, но что ей кажется, что она не выйдетъ за него. Когда пріѣхалъ Князь Петръ, она съ перваго бала сказала, что она будетъ его или ничья. Онъ тоже влюбился страстно, но ея отецъ ему отказалъ. Его боялись какъ масона. Тогда онъ ее рѣшился увезти. Но когда все было готово, она пошла къ отцу и сказала, что, ежели бы она хотѣла, то убѣжала бы, и что все уже готово, но что она послѣдній разъ проситъ его. Онъ согласился и, напротивъ, безъ памяти привязался къ зятю. Даже говорили, что онъ на старости лѣтъ

записался въ это ихъ общество. Когда его схватили, она была близка къ родамъ, сказала разскащица, оглянувшись на барышень, но эти невинныя созданья, слушавшія всю исторію съ такимъ вниманіемъ и придумывавшія: кто бы могъ съ ними поступить такъ, какъ князь Петръ съ своей женой, не слыхали и не поняли того, чего они не должны понимать. Вѣдь барышни никакъ не должны понимать, что дѣти рожаются отъ матерей, они должны думать, что Богъ даетъ дѣтей, пошлетъ ангельчика принести дѣтеночка матери; ангельчикъ полетитъ и положитъ его на диванчикъ или въ кроватку, и ребеночекъ вдругъ закричитъ, и всѣ обрадуются. — Такъ она была въ этомъ положеніи, и другой ребенокъ грудной. Она тутъ же въ тотъ же день собрала всѣ свои вещи, простилась съ родными и поѣхала съ нимъ. Мало того, для всѣхъ ссыльныхъ она была провидѣнье тамъ. Ее обожали. У нее такая сила характера удивительная, что мущины ей удивлялись. —

Мать Гракховъ! вы знаете? посмѣиваясь произнесъ двусмысленно Пахтинъ. Но дамы не хотѣли вдаваться въ эти ученыя сравненья, хотя и отдавали полную справедливость учености Пахтина.

Какъ она могла воспитать своихъ дѣтей — тамъ? спросила одна.

— Говорятъ прекрасно.

Сынъ и дочь пріѣхали съ ними.

— Ежели они только также хороши, какъ была хороша ихъ мать! сказала печальная дама. Впрочемъ и отецъ былъ хорошъ. Желала бы я знать, останутся они здѣсь?

Марья Ивановна говорила мнѣ, что она ждетъ ихъ на всю зиму, сказала хозяйка дома. Боже мой! какая это будетъ радость для этой милой Марьи Ивановны. Какая славная эта Марья Ивановна. Вѣрно будутъ вывозить дочь. ⟨«Вѣрно сынъ будетъ ѣздить въ свѣтъ». «Вѣрно будутъ обѣды давать, балы?» Вѣрно старикъ будетъ играть въ карты, съ кѣмъ будетъ дѣлать партіи?» Всѣ эти вопросы пріятно и непріятно заняли общество, и каждый и каждая, дѣлая свои соображенія о выгодахъ и невыгодахъ появленія этихъ новыхъ лицъ въ свѣтѣ (никто не сомнѣвался, что они будутъ въ свѣтѣ), старались по извѣстной методѣ скрывать свои мысли касательно новопріѣзжихъ.⟩

— Я предсказываю, сказала одна дѣвица, что эта Сибирская барышня будетъ имѣть большой успѣхъ. Она должна быть прелестна. Всѣ эти тамошнія имѣютъ особенную печать прелести, немножко тривьяльны — но особенно прелестны.

— Да, да, да, да, сказали другія дѣвицы.

⟨Пахтинъ чувствовалъ, что привезенное имъ извѣстіе произвело впечатлѣніе, и что день его прошелъ не даромъ. Почувствовавъ спокойствіе и желаніе спать, онъ вышелъ, припоминая то, что разсказала печальная дама, и вернулся домой. Но ежели вы думаете, что онъ всѣ собранныя свѣденія сообщилъ хоро-

шенькой женѣ, сидѣвшей еще въ своемъ кабинетѣ, то очень ошибаетесь. Онъ замѣтилъ ей только то, что напрасно было жечь двѣ свѣчки, а не одну, и пошелъ спать. Дамскія извѣстія должны были завтра уже быть переданы значительнымъ сановнымъ и либеральнымъ мужчинамъ и вновь собранныя свѣдѣнія по разнымъ предметамъ опять перенесены туда, куда сегодня⟩.

⟨Онъ заснулъ также крѣпко и съ такой же спокойной совѣстью, какъ и семейство Лабазовыхъ, перекликавшееся въ 3-мъ отдѣленіи разнообразными молодыми и старыми барскими и холопскими вздохами и храпѣньями. —⟩

* № 6.

Марья Ивановна пожалѣла, что первый день она не проведетъ въ своей семьѣ, но дѣлать было нечего. Гости были позваны и, чтобы обѣдъ не былъ скученъ, надо было позвать еще, въ особенности Чиферина, сына Н. М., который написалъ что то такое. По ея соображеніямъ онъ былъ нуженъ въ особенности для Сережи, къ ея великому огорченію, занимавшемуся естественными науками. — Старикъ поваръ Тарасъ былъ позванъ. Это былъ на видъ одинъ изъ самыхъ сердитыхъ людей на свѣтѣ. Онъ никогда не смотрѣлъ на того, съ кѣмъ говорилъ. Онъ, казалось, ненавидѣлъ Марью Ивановну въ то время, какъ говорилъ ей, что можно маседуанъ сдѣлать изъ фрухтъ.. и, казалось, еще болѣе ненавидѣлъ Петра Ивановича, когда онъ потрепалъ его по плечу и напомнилъ ему, какъ они вмѣсте еще у батюшки у стараго князя ходили за утками. Маседуанъ и еще кое что прибавили къ обѣду и въ домашней бесѣдѣ ожидали гостей. Сережа тотчасъ же нашелъ себѣ занятіе въ вышучиваньи Бѣшевой, чѣмъ онъ и занялся не съ меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ съ какимъ, надо полагать, онъ занимался естественными науками. Марья Ивановна не сердилась и другіе тоже. Наталья Николаевна разсказывала свое житье. Она была слишкомъ горда собой и своей дѣятельностью. Она, какъ храбрые казаки хвастаютъ храбростью, а храбры, она хвастала своей любовью къ мужу, къ дѣтямъ и несмотря на то, было чѣмъ хвастаться. Соня вертѣлась, бѣгала и на ухо шептала, что Марья Ивановна — прелесть, но, что она только воображаетъ ее маленькою, толстенькою. Она поетъ? — Да, есть, надо учить. Начала пѣть. Сережа подпѣвалъ втору.

— Ну, твою пѣсню. — Она запѣла и забыла про гостей. Старикъ лакей улыбнулся. Вдругъ шумъ въ передней и вошелъ [*1 неразобр.*] Чистой, красивой, сильной. Они незнакомы, но оба веселы и молоды, засмѣялись.

* № 7.

⟨«Соня! поди сюда, — сказала она на фонѣ той дали, въ которую она смотрѣла, увидавъ свою дочь, подавшую трубку —

поди сюда». Совсѣмъ другой шагъ, другой видъ сдѣлался у Софьи Петровны, когда она подходила къ матери (Извините за сравненье). Выраженье ее перемѣнилось, какъ перемѣняется выраженіе собаки, которая по своимъ дѣламъ шла черезъ комнату, и которую вдругъ позвалъ хозяинъ. Наталья Николаевна протянула свою красивую, изнуренную руку. Соня поняла и положила на нее подбородокъ. Наталья Николаевна посмотрѣла на дочь, поцѣловала ее въ глаза, выпустила голову и опять стала смотрѣть въ свою любимую даль. Немножко погодя, она тоже самое сделала съ сыномъ и хотѣла удержать его, но онъ подъ какимъ то предлогомъ ушелъ отъ нее. То, что она сдѣлала съ дочерью и сыномъ, очень понятно было для каждаго, кто видѣлъ эти два здоровыя существа. Глядя на нихъ, нельзя было удержаться матери, чтобы изрѣдка не позволить себѣ этаго. Петръ Иванычъ, такъ звали старичка, между тѣмъ додумалъ свои мысли, всталъ, обошелъ комнаты и вдругъ,[1] давъ себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ онъ находится, пришелъ въ свойственный только непрактическимъ людямъ азартъ акуратности. Онъ началъ таскать, перетаскивать, приказывать, отмѣнять приказанья и суетиться такъ, что даже Н. Н. стала просить его успокоиться. То этотъ сундукъ стоялъ не на мѣстѣ, то эта комната была холодна для Сони, то Сережины вещи были перепутаны. Онъ неизвѣстно для чего принесъ изъ передней лыжи, особенно осторожно поставилъ ихъ къ притолкѣ въ гостиной и прижалъ къ ней. Вотъ забыли опять, сказалъ онъ. Но лыжи не приклеились и съ грохотомъ упали поперекъ двери. Наталья Николаевна нервически вздрогнула, но увидавъ причину шума, только сказала: «Соня, подними, мой другъ»: — «Подними, мой другъ» — повторилъ Петръ Иванычъ, и помогай мнѣ по крайней мѣрѣ, а то это никогда не устроится. Я пойду къ хозяину, что тебѣ еще нужно?»⟩

* № 8.

Онъ съ недѣлю только тому назадъ собрался идти съ выходцами и 6) Дементій Θокановъ богатый старикъ съ 3-мя сынами, дѣвкой и внучатами... ⟨Θокановск[ій] былъ годовъ 6 назадъ сильный дворъ, первый дворъ на селѣ, да сталъ падать, но все-таки⟩ и не пошли бы они съ своихъ родныхъ мѣстъ, еслибы не было обиды. Всего обоза было[2] 12 телѣгъ. У Никифора 2, у К[оз-

[1] *Вместо текста со слов:* и вдругъ давъ... *кончая словами:* азартъ акуратности, *Толстой, начав было переделывать, написал:* спросилъ у дочери книгу, которую онъ читалъ, и легъ съ ней на диванъ. «Никуда не будемъ посылать, завтра все, Натали?» сказалъ онъ. — «Да, завтра». Онъ молча читалъ до тѣхъ поръ, пока сынъ не позвалъ его въ баню.

[2] *Зачеркнуто:* всѣхъ было домъ Θокановыхъ. Много три телѣги полны добра стояли на дворѣ полные добромъ, и все выносили изъ избы и укладывали подъ кожи и кибитки [?]

лова] — 1, у Севаст[ьяна] — 2, у Дмитрія — 1, у Гавр[юхи] — 1 и у Ѳокановыхъ — 5.

Ѳокановыхъ дворъ былъ на краю, къ той сторонѣ, по которой шелъ путь выходцевъ, и къ нему собирались товарищи.

Народъ не пошелъ на работу, и толпились у дворовъ отъѣзжающихъ. — Погода стояла теплая. Скотина 3-й день ужъ ходила въ полѣ ⟨и⟩

№ 9.

Въ селѣ Никольскомъ на Зушѣ была сходка. Это было вечеромъ, въ весенній Егорій. Шесть семей выходили на новыя земли, и старики третій разъ судили о томъ, какъ ихъ выпустить. Сходка, какъ всегда, сошлась на углу проулка, гдѣ просохла и притопталась хороводами земля. Весь народъ собрался на сходку, и всѣ толпились и слушали. Въ серединѣ сходки сцѣпились, спорили Титъ Ермилинъ, грубый мужикъ, большой, черный, какъ цыганъ, съ густой, курчавой бородой, и Никифоръ, бывшій сборщикъ, худощавый мужикъ, грамотный и обходительный. Никифоръ выходилъ на новыя земли; онъ спорилъ съ Титомъ за то, что Титъ налагалъ на выходцевъ еще за три года подати.

— Вы земли покидаете намъ неродимыя, — говорилъ Титъ, грозно хмурясь. — Отъ хорошихъ земель бы не ушли. А подати-то на насъ навалятся. Добро бы земли хорошія оставляли, а то кто идетъ? Голь. Давыдка Козловъ — его пашня ненавожена отъ роду. Не пахана второе лѣто лежитъ. Макарычевы еще того хуже. Болхина Гаврюхи? Такъ она и лѣсомъ заросла, а податями насъ не помилуютъ, не спросятъ, хороши ли, дурны [ли] земли, а денежки съ души по 7 рублей подай хорошія. Ты, небось, счетчикъ — учелъ, много ли тебѣ расхода станетъ проѣздъ, а мірское дѣло не учелъ.

Никифоръ давно собирался говорить, но Титъ все перебивалъ его. Теперь Макарычевъ Дмитрій, угрюмый, широкоплечій мужикъ, съ рѣдкой бородой и въ оборванномъ зипунѣ, подпоясанномъ веревкой, перебилъ Тита. Дмитрій тоже уходилъ на новыя земли.

— Грѣхъ тебѣ, Титъ, — выступая на середку, сказалъ онъ дрожащими губами. — Отпустилъ насъ міръ православный, что же ты міръ колобродишь.

«Что же дѣлать, разобрать надо». «Титъ дѣло говоритъ». «Они уйдутъ, а отвѣчать мы будемъ», заговорили голоса.

Никифоръ выступилъ напередъ, запахивая свой ⟨дранный⟩ новый кафтанъ.

— Велите слово сказать, старички, — проговорилъ онъ, по-старинному прямо и низко кланяясь на всѣ 4 стороны. — Титъ Евсеичъ насъ коритъ, что мы будто выходимъ, на міръ тяготу сваливаемъ. — Мы въ міру выросли, міромъ вскормлены,

вспоены, намъ міръ забывать нельзя. Не мы съ своей головы вздумали на новыя мѣста идти. На то царскій указъ былъ, чтобы селился христіанскій народъ на татарскія земли. Положилъ намъ Богъ на душу идти — мы собрались и у міра спросились. Мы не тайкомъ шли, мы спрашивались. Что̀ міръ приказалъ, то мы исполняли. Мы себя очистили, за годъ внесли, послѣдніе животы пораспродали. — Кто же заплатилъ? Я да дядя Дементій. Мы за всѣхъ отдали. Что по́томъ да кровью собирали, послѣднее отдали за товарищей. Титъ Семенычъ говоритъ: «Вы, молъ, уйдете, а за васъ плати подати да рекрутства отбывай». Неправда, Титъ Семенычъ. Кто уходитъ? Дядя Дементій съ достаткомъ да я, можетъ тоже, пока Богъ грѣхамъ терпѣлъ, плательщикъ былъ, а то кто же идетъ? Козловъ, Макарычевъ, Болхинъ Гаврюха да Савостьянъ. Что же, они развѣ дома плательщики были? И прежде за нихъ платили, а теперь мы вамъ за нихъ сполна выплатили. А что насчетъ рекрутства, то невѣрно. Мы развѣ изъ Россіи куда уйдемъ, мы тамъ, если Богъ позволитъ живыми быть, тамъ отбывать будемъ, а здѣсь наши души сложатся. Міръ православный, не накладывайте намъ тяготу лишнюю, грѣхъ будетъ. Что же намъ развѣ послѣдніе повозки да коней продать, такъ съ чѣмъ же и пойдемъ, а мы всѣ тутъ.

— Богъ съ ними. Грѣхъ, ребята! Что дѣло, то дѣло, — заговорили въ народѣ.

— Какъ же всѣ тутъ — заговорилъ, еще мрачнѣе хмурясь Титъ. — Дементій, небось, 100 колодокъ пчелъ продалъ. Я чай, сундукъ денегъ везетъ. Да что и говорить, мнѣ его денегъ не нужно. Дай Богъ ему. А только не пошелъ бы онъ на новыя мѣста, чего ему идти? Первый дворъ на селѣ былъ. Мы знаемъ, зачѣмъ онъ идетъ. Кабы у него не было 3-хъ сыновъ на очереди, онъ бы не пошелъ, а онъ нынче уйдетъ, а осенью за моего сына возьмутся, а не за моего, за другого черезъ очередь. Толкуй, ты!

— Оно дѣло! Дядя Дементей, небось, догадливъ. Что дѣло, то дѣло. Онъ очисти рекрутчину и иди, — заговорили въ народѣ. —

— Грѣхъ будетъ, православные!..

— Да вотъ грѣхъ. Онъ гдѣ, дядя Дементей? Чего онъ не пришелъ, — заговорилъ Титъ.

Толпа отъ угла стала раздвигаться. Дядя Дементей сидѣлъ на углу, на завалинкѣ, облокотясь на костыль, и слушалъ. Онъ всталъ во весь свой высокій ростъ и, опустивъ голову, хромая, вышелъ въ кругъ. Онъ снялъ большую старинную шапку съ сѣдѣвшихъ густыхъ волосъ и поклонился.

— Я здѣся, старички, — сказалъ онъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.

Титъ замолчалъ, отступивъ, и всѣ молчали.

— Что жъ, старички, даете выпускъ или нѣтъ?—сказалъ онъ.

— А ты не ходи, дядя, — сказалъ ему, шутя, старикъ Игнатъ.

— Мнѣ нейти нельзя — отвѣчалъ Дементій. — Я собрался.

— Не выпустимъ тебя, дядя.

— А не выпустите, Богъ съ вами. —

— Слышалъ, дядя, что Титъ говоритъ, что ты сына отъ солдатчины уводишь.

— Что жъ, говорить все можно.

— Много ли налагаетъ міръ православный?

— Очисти подати за всѣхъ за три года, и съ Богомъ.

Старикъ прислонилъ къ ногамъ костыль и сталъ распоясываться. Распоясавшись, онъ вынулъ кошель изъ за пазухи.

— Считай, много ли будетъ! —

— Да, что, Богъ съ нимъ. Грѣхъ, ребята, — заговорили одни.

— Такъ-то лучше будетъ. Идите въ избу. Считай, староста, — заговорили другіе.

Дементій отдалъ 234 рубля.

— Сочти, много ли за кого я отдалъ, — сказалъ онъ старостѣ.

Староста счелъ за Козлова 35, за Макарычева — 62, за Болхина — 17, за Савостьяна — 43, остальные за себя.

Старикъ поклонился на всѣ 4 стороны и пошелъ домой.

* № 10.

Въ 1818-мъ году мужики казеннаго села Излегощи, собравшись у крыльца дома [1] Ѳедора Резунова, толковали объ общемъ сельскомъ дѣлѣ — объ отбитой у нихъ сосѣдомъ помѣщикомъ, ихъ собственной Грецовской пустоши. Это не была мірская сходка по наряду; а самъ собой собрался народъ у крыльца Ѳедора. [2] Сперва подошли сосѣдъ Митрій [3] Макарычъ, первый бѣднякъ въ селѣ. Онъ пришелъ просить серничковъ или сѣры взаймы, но еще не отошелъ, какъ подошелъ Базыкинъ старикъ, проходя домой изъ лѣса съ вырѣзанными имъ сѣнными вилами, показавъ вилы, пріостановился, хваля погоду. Рыжій Власъ, увидавъ вилки, перешелъ съ той стороны улицы къ нимъ же и, потрогавъ вилки, завелъ разговоръ о пахотѣ. Иванъ Брыкинъ ходатай по Грецовскому дѣлу шелъ изъ волостнаго правленія и остановился подлѣ мужиковъ. Пелагеюшкинъ печникъ, замѣтивъ народъ и полагая, что будетъ выпивка, кликнулъ невѣстку и, не входя въ избу, велѣлъ себѣ подать шапку и подошелъ къ нимъ — кликнувъ сосѣда Гаврюху Болхина. Старшина, увидавъ народъ, подошелъ къ нимъ, и у крыльца

---

[1] *Зачеркнуто:* Ивана Брыкина

[2] *Зач.:* ходатая отъ крестьянъ по Грецовскому дѣлу.

[3] *Зач.:* Хралковъ.

Брыкина собралось человѣкъ 15, и зашелъ споръ о Грецовской землѣ — пахать или не пахать ее въ нынѣшнюю весну. Пріѣзжалъ засѣдат[ель], объявлялъ, что земля отписана на Сомова. Но было подано прошеніе въ Сенатъ, и потому одни говорили, что надо пахать, другіе говорили, что не надо.

* № 11.

[1] Старикъ Михайла Θокановъ возвращался съ поля, куда онъ ходилъ смотрѣть, обсохла ли земля. Веселый, распахнутый.

— Ну благодать, — поровнявшись, проходя мимо ⟨избы Ивана Брыкина, засталъ у его крыльца человѣкъ 12 мужиковъ.⟩ Онъ остановился съ жеребой кобылой въ поводу подлѣ мужиковъ и послушалъ то, что говорили мужики. Старику Михайлѣ, не любившему ссоры, не полюбилось то, что говорилъ кудрявый Иванъ Брыкинъ.

[2] Брыкинъ налегалъ на то, что нижнимъ земскимъ судомъ пустошь утверждена за Залегощ[инскими] мужиками и въ ней надо запахивать. Кудрявый Брыкинъ, хмуря густыя брови и блестя черными глазами, толковалъ мужикамъ, что земля ихняя и по рѣшенію казенной палаты подано въ узаконенной срокъ прошеніе въ верховной Сенатъ и потому надо пахать, но старику Михайлѣ это не нравилось, онъ зналъ, что тутъ будетъ не безъ ссоры и грѣха. Онъ продвинулся поближе къ крыльцу и сказалъ:

— Пахать то пахать. Извѣстное дѣло время одно. Упустишь, на весь годъ безъ хлѣба будешь, да какъ бы вздору какого не вышло. Чего жъ отъ Воропановскаго (такъ звали они помѣщика Воропановки сосѣда Сомова) пріѣзжалъ Земскій повѣщать, чтобы мы не запахивали, а то сгонитъ.

— Да чтожъ онъ насъ въ крѣпость что ли купилъ?

— А ты его слушай, онъ у тебя и кабылу то твою отберетъ.

— Тото и надо поспѣшать.

— Развѣ намъ безъ той земли можно прожить.

— Намъ и податей не оправдать, заговорили мужики.

— Я только къ тому говорю, какъ бы вздору не вышло, а пахать время. Такую погоду Богъ даетъ, сказалъ Михайла и, приподнявъ шапку съ поклономъ мужикамъ, пошелъ къ двору.

— Такъ чтожъ, выѣзжаешь на ранѣ, чтоль, дядя Михайла? крикнулъ ему Базыкинъ.

— Какъ люди, остановившись, сказалъ Михайло.

— Сказано выѣзжать, крикнулъ Брыкинъ.

---

[1] *Зачеркнуто:* Пути жизни. Азъ рекъ: Бози есте. (Отъ Іоан. гл. 10, ст. 34) *1818 г.* — Наступило время весенней пахоты.

[2] *Зач.:* Кудрявой Иванъ Брыкинъ уже второй годъ ходилъ отъ изгегощинскихъ мужиковъ довѣреннымъ по спорной съ Бригадиромъ Сомовымъ Дѣвкинской пустоши и

[3] *Зач.:* робкій Яковъ Хролковъ

— Извѣстно, выѣзжать, подхватили другіе.

— Чтожъ, я отъ міра не отступникъ, сказалъ Михайло и пошелъ дальше.

〈Съ вечера за ужиномъ Михайла приказалъ своимъ ребятамъ на троемъ готовиться на завтра на пахоту,[1] къ Дѣвкиному верху и пошелъ спать на осикъ.

Къ утру захолодало, и Михайло, укутавшись въ саняхъ шубою, проспалъ зорю. Когда онъ приподнялъ голову изъ саней, старуха его ужъ встала и, стоя у саней, повернувшись подъ навѣсомъ къ плетню, черезъ который свѣтилась заря, молилась Богу, медленно прижимая сложенные персты ко лбу, плечамъ и пупку и быстро сгибая старческое, сгорбленное тѣло въ поясные поклоны.〉

Подойдя къ двору, Михайло встрѣтился у воротъ съ своими лошадьми — ихъ было 8, которыхъ гналъ внукъ съ водопоя. Онъ прибавилъ шагу, прошелъ черезъ сѣни, на поднявшійся [?] отъ еще неоттаявшаго навоза дворъ и хотѣлъ отпирать ворота, но сынъ Платонъ, работавшій подъ навѣсомъ, уже воткнулъ топоръ въ колоду и легко, босикомъ побѣжалъ отворять. Осмотрѣвъ коней и приказавъ пеструху кобылу загнать въ клѣть, пошелъ въ избу.

* № 12.

Пути жизни. —

Азъ рѣкъ: Бози есте.[2]
(Отъ Іоанна Гл. 10, 34.)

Въ Мартѣ 1818 года въ селѣ Маховомъ народъ толпился въ концѣ деревни у дома неб[ог]атаго помѣщика Криницына, въ которомъ былъ назначенъ отдыхъ и обѣденный столъ Государю Императору Александру I.

Позади толпы стояли два крестьянина изъ села Излегощъ. Между государственными крестьянами села Излегощъ шелъ давній споръ о Грецовской пустоши въ 725 десятинъ 1024 саженъ съ предводителемъ уѣзда[3] Бригадиромъ Сомовымъ, завладѣвшимъ этой пустошью. Предводитель Сомовъ въ своемъ блестящемъ отставномъ мундирѣ съ орденами чаще всѣхъ другихъ господъ и замѣтнѣе другихъ, какъ молодцоватый красивый мущина, виднѣлся и на крыльцѣ помѣщичьяго дома, отдавая приказанія, и у открытаго окна дома, у котораго онъ, присаживая, отдавалъ приказанія. Его повара, кухню, его столы,

---

[1] *Зачеркнуто:* а одному съѣздить вынуть пеньку изъ Кочака.

[2] *Зач.:* Я сказалъ: вы Боги.

[3] *Зач.:* Генераломъ

диваны, ковры были привезены въ домикъ Криницина, и онъ, врагъ мужиковъ, распоряжался пріемомъ Императора и потому два избранныхъ отъ общества просителя съ просьбой, которую одинъ изъ нихъ держалъ за пазухой затянутаго новаго кафтана, старались держаться вдали, не попадаясь на глаза начальству, намѣреваясь выступить впередъ въ ту минуту, какъ Императоръ ступитъ на крыльцо.

№ 13.

I.

⟨Въ 1818-мъ году Святая приходилась 14 [1] Апрѣля, и весна была поздняя — На страстной недѣли начали пахать. Въ чистой четвергъ мужики собирались запахивать.

Далеко до свѣта поднялся народъ въ избѣ старика церковнаго старосты. [2]

Въ чистый четвергъ 11 Апрѣля только что Петръ Осиповъ на зарѣ отворилъ скрипучія ворота и на себѣ вывезъ на улицу соху, какъ мимо его прокатила четвернею коляска ⟨Княж Мих Барзинскаго барина⟩⟩.

I.

⟨Въ Казенномъ селѣ Излегощи жилъ съ большою семьею богатый крестьянинъ Иванъ Борисовъ. —

Въ 1818 году въ чистый четвергъ, приходившійся въ этомъ году на 11-е Апрѣля, старикъ Иванъ Борисовъ, спавшій въ омшаникѣ пчельника, стоявшаго на задворкѣ, проснулся [3] до зари и, помолясь Богу на божничку, стоявшую посреди уже выставленныхъ ульевъ, пошелъ черезъ чистый широкой дворъ въ избу, чтобъ будить домашнихъ. [3] Но бабы въ этотъ день встали прежде его. Печка уже топилась, и дымъ стоялъ киселемъ отъ потолка до дверей.⟩

⟨Въ чистый четвергъ [4] Генералъ [5] Самойловъ долженъ былъ причащаться. [6] — Кучера готовили въ первый разъ послѣ зимы коляску для барина. Баринъ говѣлъ и въ самый чистый четвергъ ѣхалъ слушать заутреню и причащаться.⟩

Ссора и драка на полѣ между мужиками и Бурцовскими людьми, отъ которой такъ много вышло и хорошаго и дурного

---

[1] *Зачеркнуто:* Март

[2] *Слово* старосты *зачеркнуто. Или оно по ошибке зачеркнуто, или слово:* церковнаго *по ошибке не зачеркнуто. После слова:* старосты *стоит:* казеннаго ⟨села Излегощи⟩. *Слово:* казеннаго *по ошибке незачеркнуто.*

[3] *На полях рукописи у строк, начинающихся словами:* проснулся до зари *и кончающихся словами:* будить домашнихъ. *имеется помета:* 6 Мая.

[4] *Зач.:* Князь

[5] *Зач.:* Иванъ Бори

[6] *Зач.:* Иванъ Борисовичъ Бездн. Загорѣцкой. Еще до солнца на дворѣ большаго барскаго двора Крутецкаго двора

и для самого генерала Бурцова, и его семьи и еще больше для мужиковъ, ссора эта случилась въ 1818 году, въ самые страшные дни, въ самый чистый четвергъ и въ самый тотъ день, въ который генералъ кончилъ говѣнье и причастился святыхъ тайнъ въ приходской церкви того самаго казеннаго села Излегощи, съ мужиками котораго у него вышло дѣло.

Иванъ Борисовичъ Бурцовъ служилъ при Екатеринѣ, вышелъ въ отставку генераломъ и жилъ тридцать лѣтъ безвыѣздно въ своемъ большомъ Орловскомъ черноземномъ имѣньи. Имѣнье и всегда было хорошо и всегда называли его золотымъ дномъ, но послѣ 30 лѣтъ хозяйства богатаго, знатнаго и умнаго хозяина, прикупавшаго много земель и мужиковъ въ округѣ и прирѣзавшаго много земель отъ крестьянъ къ Ершову, заведшаго заводы — и винный, и конный, и кирпичный, и обстроившаго имѣнье, какъ городъ — Ершово еще болѣе славилось по всей округѣ. Церковь новая, каменная въ три придѣла, тоже была уже вся готова, и было разрѣшеніе отъ Синода о новомъ ершовскомъ приходѣ. Съ осени собирались освящать церковь. Но пока церковь еще не была готова, самъ генералъ и семья его ѣздили въ старый приходъ Излегощи.

И туда-то, за 4 версты отъ своихъ палатъ рано утромъ, до солнца, поѣхалъ генералъ, чтобы отслушать заутреню, исповѣдываться и причаститься. Генералъ былъ справедливъ и хозяинъ, и Бога не забывалъ. Не любилъ онъ ханжить и въ Божьихъ дѣлахъ тщеславиться; а самъ смѣялся надъ своей свояченицей и теткой-старушкой за то, что они бѣгали за монахами и духовниковъ особыхъ себѣ по монастырямъ выбирали. Генералъ говаривалъ, что Богъ вездѣ одинъ, и приходскій попъ Василій такъ же грѣхи ему отпуститъ властью отъ Бога, какъ и отецъ Леонидъ изъ Оптиной Пустыни, а что и Кирилушка-юродивый только людей морочитъ. Не любилъ тоже генералъ на дому службу. «Пока сила есть, — говаривалъ онъ — и есть на чемъ доѣхать, я лучше въ храмѣ Божьемъ помолюсь, чѣмъ въ гостиной или залѣ». И потому ѣхалъ къ заутрени въ церковь.

Коляскѣ шестерней съ форейторомъ велѣно было быть у подъѣзда въ половинѣ 5-го утра. И въ половинѣ пятаго генералъ, откашливаясь, вышелъ изъ кабинета, прошелъ офиціантскую, одѣлся въ бобровые шубу и шапку и, взявъ отъ Васьки выѣзднаго трость, а отъ Михайлы платокъ, вышелъ на крыльцо.

— Подавай! — крикнулъ Михайла.

— Митька, трогай! — крикнулъ Филиппъ.

Митька-форейторъ зашевелился; натянулись кожаныя постромки, задрожали зарубленные крашеные вальки, тронули вмѣстѣ дышловые, заигралъ лѣвый пристяжной, и тяжелая коляска, какъ бы легкая телѣжка, подкатилась и стала у самаго крыльца, и откинулись ступеньки.

Генералъ оглянулъ лошадей, шапки кучеровъ въ чахлахъ и,

какъ будто недовольный чѣмъ-то, нахмурился, но, вспомнивъ страшные дни и говѣнье, только нахмурился и, поддерживаемый двумя лакеями, вошелъ въ колебавшуюся отъ тяжести его грузнаго тѣла коляску и сѣлъ на лѣвую сторону, отдуваясь. Лакеи вскочили на задъ; форейторъ, скосившись, оглянулся.

— Пошелъ!

Генералъ лѣвой рукой снялъ шапку съ красивой лысой головы и наложилъ крестъ на широкую, выпуклую грудь.

Погода на шестой недѣлѣ стояла теплая и ясная, но съ страстной начались заморозки, и нынче въ четвергъ вышалъ снѣжокъ. Онъ таялъ уже, и пристяжныя съ туго и коротко подвязанными хвостами шлепали по грязи, мелькая вдоль деревъ аллеи. Генералъ на легкой качкѣ поглядывалъ на эту пофыркивающую пристяжную и на сѣдую прядь хвоста, которая была захлестнута узломъ, и, какъ знатокъ и охотникъ лошадиный, на уступами между ногъ выступающіе, и какъ угломъ отрѣзанные мослы заднихъ ногъ; но думалъ онъ не о пристяжной, а о томъ, зачѣмъ нельзя ему попросить прощенья у всѣхъ своихъ людей, какъ это дѣлалъ онъ въ дѣтствѣ.

«Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ» говорилъ онъ себѣ, вглядываясь въ широкую спину кучера Николая и вспоминая, какъ онъ постомъ наказалъ его за захромавшаго жеребца. Я бы желалъ у нихъ всѣхъ просить прощенья, и то хорошо.

«Господи, помилуй мя, грѣшнаго», проговорилъ онъ, въѣзжая въ улицу села Излегощи. На улицѣ еще никого не было, только дымъ, подымавшійся изъ трубъ, показывалъ, что народъ всталъ. «Тоже этотъ народъ, — думалъ онъ, вспоминая свой споръ о землѣ съ этими излегощинскими мужиками. — Вѣдь я просилъ ихъ смѣнять, продать, вызывалъ ихъ на межеванье. А они сами же нагрубили. Ну, что жъ дѣлать. Я бы и радъ былъ жить въ согласьи со всѣми». Но, несмотря на эти доводы, князь опять вздохнулъ и проговорилъ: «А и грѣшенъ, то, Господи, помилуй меня. Я смиряюсь передъ тобой. Да и на что имъ земля? — продолжалъ онъ думать. — Они и такъ могли бы быть богаты. Земли больше, чѣмъ у моихъ, барщины нѣтъ, а всѣ голые. Вотъ сынокъ, князь Александръ, все говоритъ: «вольность», вспомнилъ князь сына. — Вотъ и вольны. Что же имъ за польза? Всѣ нищи. Нѣшто одинъ Иванъ Ѳедотовъ», подумалъ онъ, проѣзжая мимо свѣжо покрытаго большаго, въ двѣ связи, двора съ виднѣвшимся позади его садомъ яблоновымъ, еще съ голыми листьями.

«Это аккуратный, зажиточный мужикъ». И въ самое то время, какъ князь это думалъ, подъѣзжая къ дому Ивана Ѳедотова, самъ Иванъ Ѳедотовъ, вставшій раньше всѣхъ мужиковъ своего 20-душнаго семейства, въ отворенныя ворота, прихрамывая, вывозилъ на себѣ соху съ привязанной къ оглоблямъ болтавшейся сѣделкой. Старуха его отворяла ворота. Увидавъ князя, старуха вышла на середину воротъ и, закинувшись назадъ,

сперва низко перегнулась какъ разъ, когда коляска поровнялась. Старикъ тоже, бросивъ обжи, снялъ шапку и низко поклонился.

— Простите, говѣть ѣду, — сказалъ князь и улыбнулся.

Старикъ, поднявъ голову отъ поклона, встряхнулъ густыми прямыми полусѣдыми волосами и соображалъ съ минуту. Понявъ, онъ поклонился еще разъ, тихо и строго проговоривъ: «Богъ проститъ». Поднявъ обжи и заворотивъ соху къ крыльцу, поставилъ ее.

— Чего говорилъ? — спросила старуха.

— Простите, говоритъ; къ попу ѣдетъ. Эй, Сёма, веди кобылу, что ль, — крикнулъ старикъ во дворъ.

* № 14.

⟨Въ церкви села Излегощи благовѣстили къ заутрени. Былъ чистый четвергъ, на дворѣ было сиверко, въ ночь выпалъ снѣжокъ. Народъ — старики и старушки — дожидались въ церкви. Священникъ отъисповѣдывалъ уже всѣхъ и сидѣлъ въ олтарѣ, ожидая Покровскаго Князя Одуевскаго Ивана Александровича, желавшаго въ этотъ день исповѣдоваться и причащаться. Пономарь, присѣвши на перила колокольни, задремалъ, держа въ рукѣ веревку отъ колокола, и не замѣтилъ карету шестерней, выѣхавшую уже изъ-подъ горы отъ Покровскаго и приближавшуюся къ Церкви. Густой голосъ дьякона окликнулъ его внизу. Пономарь очнулся и, увидавъ карету, кинулъ петлю на ногу и началъ звонить.⟩

№ 15.

Между тѣмъ, какъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ упрекалъ себя за это невниманіе къ службѣ и пытался настроить себя на молитву, церковный староста Иванъ Ѳедотовъ, хотя точно такъ же, какъ и богатый баринъ, бо́льшую часть времени службы не молился, а также думалъ, вспоминалъ и загадывалъ и не думалъ ни въ чемъ упрекать себя. ⟨Разница его съ бариномъ состояла въ молитвѣ въ томъ, что, когда баринъ молился, какъ онъ молился во время стиха, — онъ умилялся, и ему щипало въ носу и хотѣлось плакать, когда же⟩ Иванъ Ѳедотовъ молился, какъ онъ всегда, въ каждую службу, молился три раза: когда ставилъ свѣчу угоднику, въ «Достойную» и въ «Херувимскую», ему становилось жутко: онъ во время этой молитвы вдругъ вспоминалъ, что онъ одинъ, одинъ, безъ всякой помощи, подверженный exposé всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ ему бѣдствіямъ, и что онъ заслуживаетъ всѣхъ ихъ, и онъ начиналъ со страхомъ призывать на помощь себѣ всѣхъ тѣхъ, которые могли подать ему помощь, и простить всѣхъ, имена которыхъ онъ зналъ, и форма обращенія къ которымъ была ему

извѣстна: «Матушка, Пресвятая Богородица», «угодники Божіи», «Господи, Іисусе Христе», «Матушка, Батюшка Іисусъ Христосъ». [1] И, какъ человѣкъ, привыкшій къ физической работѣ, онъ въ эти минуты молился и мыслью и тѣломъ и, быстро вздрагивая, какъ онъ все дѣлалъ, онъ заносилъ взмахивая, судорожно сжатые персты на плѣшивую голову такъ высоко, какъ только хватала рука, и ниже кушака на пупъ и на оба плеча запахнутаго, пушистаго, новаго, сѣраго, отороченнаго армяка; онъ также судорожно сгибалъ вдвое свое, безъ живота, худое, хотя и сильное, тѣло и падалъ на колѣни и быстро, легко приподнимался и опять падалъ. И ему не такъ, какъ барину, тяжело было сгибаться и кланяться, но, напротивъ, нужно было сдѣлать усиліе, чтобы остановиться. А то, какъ только онъ налаживался, такъ сами собой сокращались гибкіе суставы ногъ, онъ падалъ на колѣни, латки, вмѣсто подошвъ, упирались носками, голова склонялась, волосы съ висковъ падали съ обѣихъ сторонъ лица до каменнаго пола, сморщенный лобъ касался холода камня, руки подталкивали, онъ поднимался, глядѣлъ на икону Николая, обвѣшанную полотенцами и украшенную подвѣсками, сіяющую изъ-за свѣчъ, и опять поднимался, и опять кланялся, прося прощенія и избавленія. Такъ онъ молился во время «Херувимской», «Достойной», остальное же время онъ или продавалъ свѣчи и ставилъ или наблюдалъ, думалъ, вспоминалъ, загадывалъ, не замѣчая, что онъ это дѣлаетъ. Продажу свѣчъ, уборку церкви, образовъ онъ считалъ дѣломъ самымъ пріятнымъ. Если было дѣло и дѣло было Божіе, въ которомъ не было страха, какъ въ молитвѣ, но которое, по его понятію, столь же угодно было Богу, какъ и молитва.

Пріѣздъ барина съ дочерьми и молодымъ барчукомъ въ его блестящемъ мундирѣ, съ двумя лакеями въ расшитыхъ ливреяхъ, бравшихъ 10-и копѣечныя свѣчи и мѣнявшихъ деньги, заняли его, хотя онъ и часто видалъ ихъ. Развлекло и заняло его тоже препирательство съ старушкой, хотѣвшей размѣнять ему негодный стертый пятиалтынный. И заняли его болѣе всего Господа, когда они вышли причащаться, снявъ шубы. Баринъ въ бѣломъ платкѣ съ крестами. Молодой барчукъ въ золотѣ, весь расшитъ, и дочери барскія въ бѣлыхъ платьяхъ съ оголенными руками и шеями, въ лентахъ и простоволосыя. Никогда онъ не видалъ этого близко, и это заняло его. Но не показалось страннымъ. Хотя деревенскія дѣвки не только въ церкви, но и дома простоволосыя и оголенныя показались бы ему мерзкими, онъ зналъ, что Господа живутъ по особенному, и, не зная, какъ это они живутъ, онъ не осуждалъ ихъ, но дивился на никогда невиданное. Но съ тѣмъ чувствомъ приличія,

[1] *Зачеркнуто:* И онъ въ тѣ минуты, когда находило это на него, призывалъ того Святого (всѣ были для него равно Святые), имя котораго онъ слышалъ произнесеннымъ, или когда видѣлъ, что священникъ кланялся въ землю.

которое свойственно хорошему человѣку, онъ избѣгалъ подолгу смотрѣть на нихъ и даже въ душѣ осудилъ другихъ, особенно бабъ, которыя, не спуская глазъ, смотрѣли на господъ, когда они, подойдя къ иконостасу, прикладывались къ мѣстнымъ образамъ. Это невиданное зрѣлище Господъ развлекало его; кромѣ того, когда онъ не занятъ былъ по церкви и не молился, онъ думалъ о домашнихъ дѣлахъ, о томъ, что онъ забылъ приказать старшему сыну, поѣхавшему въ городъ, купить палицу новую, и о томъ, какова будетъ пахота нынче, и пойдетъ ли молодой меринъ въ сохѣ.

Когда баринъ, проходя мимо, остановился и подошелъ къ нему и сказалъ: «Какъ поживаешь, Иванъ Ѳедотовъ?», это польстило ему и испугало его. И когда, послѣ разговора, баринъ ушелъ, заговоривъ что-то не по русски съ дочерью, Иванъ Ѳедотовъ покачалъ головой и долго старался понять смыслъ словъ, сказанныхъ бариномъ. Добродушная ласка выраженія, когда онъ говорилъ съ нимъ, подѣйствовала на Ивана Ѳедотова. Онъ невольно съ той же добродушной лаской отвѣчалъ ему, но разсудокъ его не соглашался съ его чувствомъ и долго послѣ все заставлялъ его искать тайнаго и враждебнаго значенія сказанныхъ словъ. Слова эти должны были относиться къ В... дачѣ и даже къ тому, что нынче мужики поѣхали пахать ее; но какъ они относились къ этому, Иванъ Ѳедотовъ не могъ себѣ уяснить.

Когда онъ заперъ церковь и снесъ ключи батюшкѣ, онъ помедлилъ у него въ горницѣ, такъ что попадья съ засученными рукавами, мывшая корчагу, полагая, что Иванъ Ѳедотовъ желаетъ поѣсть, хотя и неохотно, но предложила ему закусить. Попадья и попъ уважали Ивана Ѳедотова какъ зажиточнаго и преданнаго церкви и хорошо платившаго прихожанина, приносившаго и медку и не отказывавшаго въ лошадкѣ и насыпавшаго полный мѣшокъ ржи при требахъ.

Но Иванъ Ѳедотовъ, поблагодаривъ, отказался и обратился къ батюшкѣ, который, перемѣнивъ за перегородкой новый подрясникъ на старый, только что вышелъ, высоко завязывая старый шитый поясъ на толстомъ животѣ.

— Что жъ это, батюшка, всѣ Господа Панаринскіе были? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, еще гости были: молоденькой Князь.

— Паренекъ-то съ висками? — сказалъ Иванъ Ѳедотовъ.

Иванъ Ѳедотовъ склонилъ голову набокъ и улыбнулся задумчиво. «Что же, говоритъ, пахать время», повторилъ онъ слова барина, вопросительно глядя на попа.

— Ласковый баринъ, истинно баринъ, слишкомъ добрый. Что же, закуси, Иванъ Ѳедотовъ.

— Спаси Христосъ, батюшка, некогда — дома никого нѣту. Пойду!

И Иванъ Ѳедотовъ, низко поклонившись, взявъ въ обѣ руки

большую шапку и вздохнувъ отъ разочарованія въ томъ, что и отъ батюшки онъ не получилъ объясненія словъ барина, и чувствуя, что спрашивать объ этомъ было бы неприлично, вышелъ изъ горницы, осторожно налегши на прилипавшую дверь, и отворилъ ее. Въ сѣняхъ онъ надѣлъ шапку, взялъ лутошку изъ угла и, равномѣрно подпираясь ею, выбирая протоптанныя тропинки, перешелъ черезъ улицу и пошелъ къ дому, выдающемуся на улицу, крыльцо котораго ему издалека, за восемь дворовъ, видно было. Онъ видѣлъ не только самимъ имъ срубленное и по новому манеру построенное крылечко, на которомъ онъ любилъ сиживать по праздникамъ, но и лавки и столы, вынесенные на улицу, около которыхъ хлопотала средняя его сноха, бойкая, черноглазая Ольга. Онъ узналъ ее по синей паневѣ съ галуномъ. Выйдя отъ священника, Иванъ Ѳедотовъ забылъ про барина и думалъ уже только о предстоящемъ дѣлѣ нынѣшняго дня. Погода разъяснилась, тропинка черезъ улицу просохла. Гуси пролетѣли. Пахота хороша должна была быть, и ему хотѣлось поскорѣе выѣхать за Митькой еще съ сохой, чтобы вспахать побольше.

* № 16.

У Ивана Ѳедотова былъ еще старикъ отецъ и старуха мать. Старику Ѳедоту Алексѣичу было девяносто лѣтъ и старухѣ было тоже. Старуха была уже плоха и не вставала съ печи, но была еще въ разумѣ. Старикъ же Алексѣичъ еще до сихъ поръ ходилъ и, хоть и слѣпъ былъ, ходилъ за пчелами. Только въ роевщину онъ бралъ себѣ на помощь Иванову старуху. И только лѣтъ пять тому назадъ онъ совсѣмъ отказался отъ хозяйства и передалъ все старшему сыну Ивану. И прежде онъ все приказывалъ Ивану, но деньги все держалъ у себя. Теперь же онъ ни во что не входилъ и денегъ 800 р. отдалъ сыну, только пчелами завѣдывалъ. Но всѣ говорили, и Иванъ такъ думалъ, что у старика еще были спрятаны деньги, про которыя онъ никому не говорилъ. Въ дому было шесть мужиковъ и семь бабъ и двѣ дѣвки и ребятъ человѣкъ девять. Въ всей семьѣ считали двадцать восемь душъ. 1) Старикъ Лексѣичъ 90 лѣтъ, 2) его старуха, 3) Иванъ Ѳедотовичъ 56 лѣтъ и 4) его жена, 5) Родивонъ, Ивановъ братъ меньшой, 50 лѣтъ и его жена, 6) Ивана Ѳедотовича — трое сыновей женатыхъ — Михайло — старшій — силачъ, Егоръ — любимецъ и Петръ 9 [?] грамотникъ [1] три снохи: 12) Катерина Михайловна — слабоумная, Настасья — ласковая и Ольга — плясунья: солдатка Арина 13) и одна жена 14) Павлушка шельмецъ. У Родивона отъ первой жены, онъ овдовѣлъ, былъ одинъ сынъ женатый Иванъ грубый, жена Мавра, неряха, второй жены мальчикъ и двѣ дѣвки — Ро-

[1] *Зачеркнуто:* и солдатъ Ермилъ. Въ домѣ

машка — умница бѣлая [?], плясунья [?] и егоза 17) У Ивана одна дѣвка убогая и у Родивона ⟨2 дѣвки. (Одна на возрастѣ, одна 10 лѣтъ⟩. У Ивана Ѳедотовича шесть внучатъ и у Родивона двое. [1]

Иванъ Ѳедотовъ всегда натощакъ, послѣ церкви, бывалъ сердитъ, и теперь ему досадно стало. Первое досадно ему было, что братъ Родивонъ бросилъ дѣло, не раскидалъ завалинки и ушелъ, а Алешка, дуракъ, рохля, сидитъ, не работаетъ. Второе досадно, что бабы до сей поры не управились. «Все дурацкія свои, бабьи, причуды на чистый четвергъ дѣлали», подумалъ онъ. —

— Чего ротъ-то разинулъ? — крикнулъ онъ на внука, который, увидавъ его, взялся за вилы и сталъ неловко втыкать ихъ въ навозъ.

— Эхъ, не смотрѣли бы глаза.

Онъ вырвалъ у него вилы, и это сильное движеніе, какъ будто усилило его гнѣвъ. Онъ нахмурился и замахнулся вилами, но не ударилъ.

— Кабы не такіе дни, обломалъ бы тебѣ ребры, ты бы зналъ, какъ брюхо чесать. А, дура! И взяться-то не умѣешь. Съ борова выросъ, а ума не вынесъ.

И, поплевавъ на руки, Иванъ Ѳедотовъ сильнымъ движеніемъ запустилъ вилы, подсунулъ и, поднявъ на вилину слипшагося навоза съ полпуда, откинулъ ее.

— Такъ вотъ работай, а не то что брюхо чесать. Давно бы откидалъ, да и за другое дѣло взялся. А Родивонъ куда ушелъ?

Ольга, во все это время взглядывавшая своими бойкими, черными глазами на Алешку, и едва удерживаясь отъ смѣха поднялась и, выжимая тряпку, обратилась къ свекору.

— Дядюшка Родивонъ на рѣчку пошелъ, батюшка. Евланья (это была сноха Родивона) прибѣгала, говоритъ, Катерина рубаху упустила: на льду не держитъ, а плота нѣту. Дядюшка пошелъ плотъ издѣлать.

Иванъ Ѳедотовъ ничего не отвѣтилъ и, встряхнувъ большой шапкой, которая во время работы свалилась напередъ, вошелъ на крылечко и, поднявъ щеколду, отворилъ дверь. Удержавъ свинью, которую приготовилъ убить, запертую въ сѣняхъ и бросившуюся ему подъ ноги, вошелъ въ сѣни. Въ сѣняхъ онъ увидалъ доски палатей, которыя разбирали и мыли, и они были еще не уставлены на мѣсто. И это Родивонъ хотѣлъ сдѣлать, и это ему было досадно. Дверь направо, въ теплую избу, была отперта, а налѣво, въ холодную, была затворена, и изъ нея слышались стоны. Не обращая вниманія на это, Иванъ Ѳедотовъ вошелъ, нагнувшись, въ теплую. Въ избѣ сидѣла старуха мать на конникѣ, согнувшись въ три погибели, и съ трудомъ подняла глаза, чтобы взглянуть на сына. Она была въ

---

[1] *См. таблицу, вклеенную между 280 и 281 стр.*

одной паневѣ и грязной рубахѣ, на головѣ былъ платокъ, изъ котораго выбивались сѣдые волосы. Она заговорила и показала длинные желтые зубы.

— Здорово, матушка. Богъ милости прислалъ, потревожили тебя.

— Ничего, сынокъ, ничего. Опять положатъ.

Въ избѣ сидѣла еще въ кичкѣ жена Родиона, на лавкѣ у окна, и шила рубаху мужу. Подлѣ нея сидѣла дѣвчонка, ее дочь, качая люльку. У печки стояла Настасья, любимая сноха Ивана Ѳедотова, ножемъ рѣзала рѣдьку и, увидавъ свекора, тотчасъ оправила на головѣ платокъ и привѣтливо взглянула на него. Ея лицо, и всегда улыбающееся, было тонко и привѣтливо. [Она] [1] обратилась къ нему съ вопросомъ, гдѣ подать ему обѣдать, такъ какъ столы вынесены. Ея дѣти, двое мальчишекъ, играли на печкѣ и высунули свои головы, глядя на дѣдушку.

Марина же, жена Родивона, какъ всегда, смотрѣла волкомъ и теперь особенно зло посмотрѣла изъ своего худого лица своими черными, какъ уголь, цыганскими глазами на деверя. Марина, жена Родивона, смотрѣла сердито всегда. Она всегда была главная трудность для Ивана Ѳедотова при управленіи домомъ. Родивонъ былъ смирный, работящій мужикъ, только запивалъ, но съ нимъ однимъ не трудно было ладить. Онъ самъ о себѣ зналъ, что онъ не хозяинъ и не хотѣлъ быть хозяиномъ и не хотѣлъ дѣлиться. Но Марина была ядъ. Она не могла снести того, что Степанида, жена Ивана Ѳедотова, была хозяйкой, и всегда ссорилась съ ней изъ-за горшковъ, изъ-за синьки, изъ-за дѣтей и изъ-за внучатъ. Что она сидѣла, шила, не мыла, это было все равно Ивану Ѳедотову, но что-то было въ ея взглядѣ какъ будто радостное, злое. И смущенное что-то было въ Настасьѣ.

— Да давай сюда на конникъ. Закушу да и въ поле. [2] А гдѣ Михаловна?

Никто не отвѣтилъ. Это еще больше удивило Ивана Ѳедотова. Только Матрешка, Маринина дочь, черная егоза, подбѣжала къ матери и что-то, какъ бы въ отвѣтъ на слова Ивана Ѳедотова, стала шептать ей.

— Матушка въ клѣти была, — сказала Настасья, закрываясь, какъ бы отъ стыда, рукой.

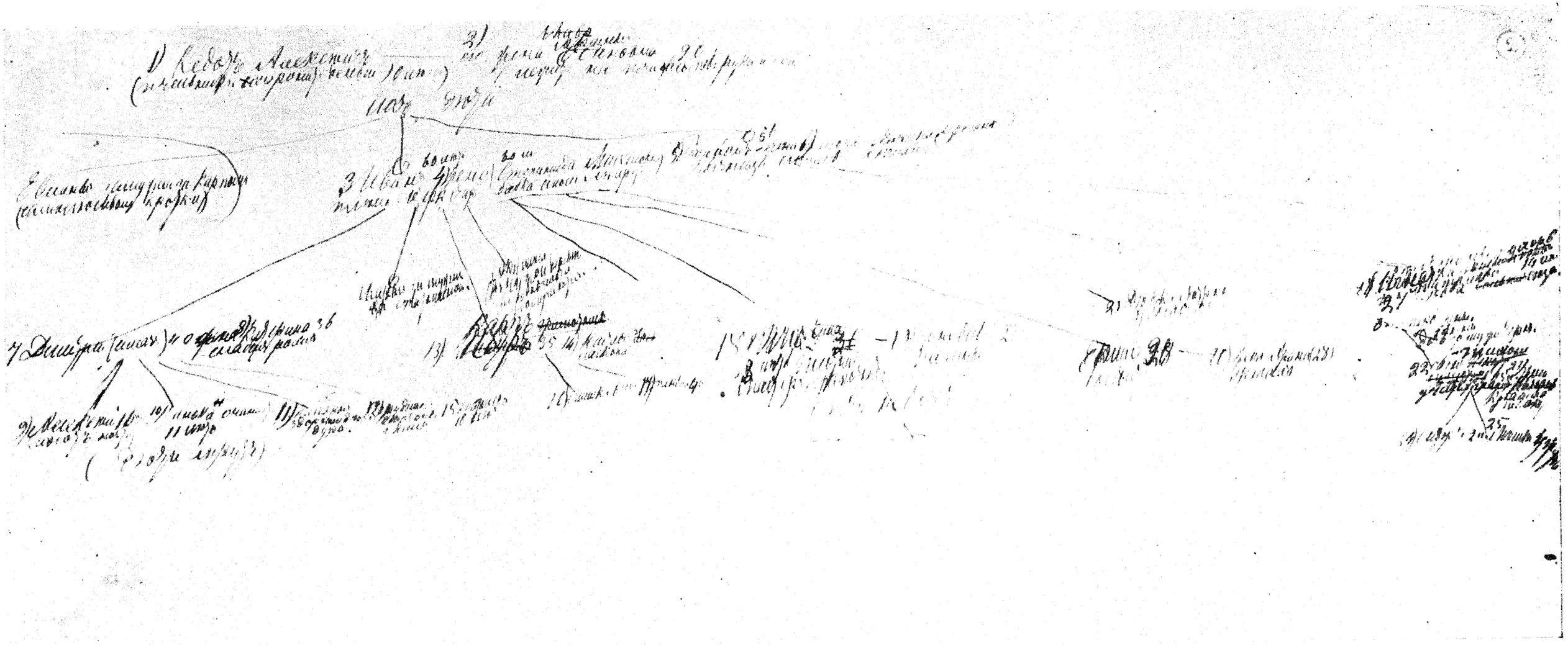
— Ну-ка покличь ее, — сказалъ Иванъ Ѳедотовъ и, снявъ

---

[1] *В рукописи:* и

[2] *Вставка на полях:* Родивонъ (говорунъ) вернулся съ топоромъ. Что ты станешь дѣлать. Принять [?] бабъ Дядюшка поставь Ну чтожъ давай Экій подлый. Я ему велѣлъ раскидать. Чтожъ пахать. Добро. А мы тутъ управимъ бабушку снесемъ въ палаты въ ея а завален [*1 сл. неразобр.*]. Что Карпъ али и Мишку съ собой взялъ? — спросилъ онъ про любимаго сына, мужа Настасьи, который уѣхалъ въ городъ.

— Давно, еще къ обѣдни не благовѣстили, и Мишутку повезъ. Я на заслонкѣ куръ кормила. Какъ же свяслами обмотали. И попряли. Я и потькала.



Таблица, относящаяся к варианту № 16 «Декабристов».

(Размер подлинника).

кафтанъ, бережно сложилъ его; одернувъ рубаху, сѣлъ на конникъ.

— Да чего же она тамъ въ клѣти?

Настасья опять не отвѣтила, но Марина обернулась.

— А чего? У Аринки повиваетъ.

Иванъ Ѳедотовъ понялъ и крики, которые онъ слышалъ, и смущеніе Настасьи и, нахмурившись, закачалъ головой. Это рожала Арина солдатка, сноха, мужъ которой уже 6-й годъ былъ солдатомъ и ни разу не приходилъ. Иванъ Ѳедотовъ не зналъ этого.

— Кликни мать-то! Ну ее... Пускай пропадетъ. Пропасти на ней нѣтъ... Давай, что ли, обѣдать.

Настасья подала ему чашку квасу, хлѣбъ и солонку. Онъ помолился и сѣлъ ѣсть.

Пока онъ ѣлъ, пришла взволнованная, потная Михаловна пузыремъ [?], сморщенная, бѣлая, съ быстрыми, легкими, мягкими движеніями и тотчасъ поклонилась въ землю, прося прощенья за невѣстку.

— То-то, добѣгалась.

— Не грѣши, Ѳедотычъ. Человѣкъ слабый. Какъ-то ей Богъ проститъ.

— Заступи, матушка, — обратилась она къ старухѣ.

Старуха [не] поняла, спросила, о чемъ и, понявъ [сказала:]

— Всѣ мы грѣшны, не серчай. Грѣхъ. Богъ ее проститъ. Грѣхъ.

Иванъ Ѳедотовъ замолчалъ и, вставъ, помолился.

— А что мерина чалаго оставили, что ли, ребята?

— Не догадалась! Никакъ нѣту.

Въ это время, запыхавшись, вбѣжалъ Тараска Настасьинъ, любимый внукъ Ивана Ѳедотова, съ такими же глазами и ямочками, какъ мать. Онъ услыхалъ слова дѣда. Онъ, увидавъ съ выгона, гдѣ онъ игралъ съ ребятами, стерегущими овецъ, что обѣдня отошла, бѣжалъ домой, чтобы встрѣтить дѣда.

— Оставили, дѣдушка, на задворкахъ.

— Ну ладно, давай, Михаловна, кафтанишко старый, поѣдемъ, Тараска, пахать. И мерина учить и тебя стану.

И Иванъ Ѳедотовъ пошелъ на задворокъ; своротилъ соху съ новой разсохи, срубленную лѣтомъ и обдѣланную передъ весной; онъ вывелъ мерина, запрегъ, подвязалъ сволока и, посадивъ внука на мерина, повелъ его въ поводу изъ воротъ въ проулокъ, на Миткину дачу. Бабы вынесли ему завтракъ мужикамъ; онъ перекинулъ мѣшокъ черезъ сѣдѣлку.

Между тѣмъ въ клѣти, на полу, на подосланной рогожкѣ, солдатка Арина съ растрепанными волосами и выпученными глазами хваталась зубами за веревки и старалась удержать стоны. Она мучалась не столько отъ боли, сколько отъ раскаянія и страха передъ свекоромъ, мужемъ и Богомъ. Преступ-

леніе ея, казавшееся столь ничтожнымъ тогда, теперь было ужасно. Присутствіе свекрови поддерживало ее. Но какъ только она вышла, ей казалось, что нечистый овладѣлъ ею. Она хотѣла перекреститься и не могла. Ужасъ хуже смерти объялъ, она закричала, чтобъ позвать Михаловну и закричала страшнымъ голосомъ кликуши и залилась крикомъ.

— Что ты, Богъ съ тобой, — тихо ступая лаптями, заговорила Михаловна, откидывая хорошо плетеную дверь клѣти.

— Матушка, погубила я себя. Батюшка свекоръ не проститъ, не помилуетъ, а и онъ проститъ, мужъ мой не помилуетъ, разорветъ мое бѣлое тѣло на части. А и онъ помилуетъ, Богъ меня не помилуетъ. Погубила я себя. Огонь... сожги... о-о-о! Матушка родимая.

— Ну буде, дѣушка, буде, — сказала Михаловна, трогая ее. И она стала успокаиваться.

— Матушка, родимая, защити ты меня. Сказала ему? — вдругъ спросила она.

— Ничего. Матушка заступилась. Сказалъ: «Богъ проститъ».

— Охъ, я горькая. Онъ проститъ, мужъ убьетъ. Хоть бы смерть взяла меня.

Такъ она мучилась, а невинный младенецъ просился на свѣтъ Божій. И черезъ часъ на свѣтѣ была лишняя человѣческая душа, чистая и непорочная; несмотря на то, что онъ былъ сынъ этой солдатки, онъ былъ чистъ, какъ первый человѣкъ прямо изъ рукъ Божіихъ.

Изъ невѣстокъ принимала участіе больше всѣхъ Ольга. Она истопила баню и свела родильницу в баню.

Между тѣмъ Иванъ Ѳедотовъ дошелъ съ своей сохой до Таловки и, перейдя ее вбродъ, перепрыгнувъ по камнямъ, вышелъ на гору и увидалъ все поле, занятое мужиками, и издалека еще узналъ своихъ сыновьевъ: Михайлу на бурой кобылѣ съ жеребенкомъ и сына Дмитрія на сивомъ. Они пахали вмѣстѣ на одномъ осьминникѣ, Тихонъ на рыжей пахалъ отдѣльно.

По тому разстоянію, которое было между сволоками и снятыми кафтанами и тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они пахали, Иванъ Ѳедотовъ видѣлъ, что дѣло шло споро, и что до вечера, если онъ присоединится къ нимъ, они выпашутъ 2 десятины. [1]

Подведя лошадь съ сохой къ пашнѣ и по дорогѣ поздоровавшись съ мужиками, мимо которыхъ онъ прошелъ, старикъ остановился и, скинувъ гужи съ обжей, перевернулъ соху и сталъ развязывать возжи, которыми были привязаны сволока. Митрій въ это время былъ на другомъ концѣ осьминника и только что занесъ соху и поворотился назадъ. Митрій еще не успѣлъ дойти, какъ у Ивана Ѳедотова сволока были отвязаны; обжи опять наложены на мерина, возжи привязаны къ уздѣ; хорошіе

[1] *После этой строки стоит цыфра:* III *другими чернилами.*

ременные гужи, пропущенные сквозь дыры, захлестнуты за концы, и сѣделка, не отвязанная, перевернута и накинута на гладкую спину и подхвачена пенёчной подпругой. Когда Митрій подъѣхалъ, старикъ уже, приказавъ внуку держать гладкаго мерина, сидѣлъ на бороздѣ, разуваясь, и разматывалъ бѣлыя онучи.

— Ишь пахота-то добро, Митюха, — сказалъ онъ сыну, срывая на межѣ уже зазеленѣвшій отпрыскъ полыни отъ стараго куска.

— Ничего, раздѣлка хороша, — отвѣчалъ высокій, широкоплечій Митрій, перегнувшись черезъ соху и оскобливая блестящей и звенящей палицей и кнутовищемъ сырую землю, приставшую къ загибамъ сошниковъ. — Только у ложочка сыренька. —

— Дѣдушка! куды мѣшочекъ-то?

— Вонъ туды, къ кафтанамъ, снеси. Бабы прислали, — сказалъ старикъ Митрію.

Тараска съ мѣшкомъ побѣжалъ быстрыми босыми ногами къ кафтанамъ. Иванъ Ѳедотовъ же, убравъ въ кучку на крестообразные сволока кафтанъ, онучи, новые лапти съ оборками, взялся за наглаженныя рукой ручки обжей и примѣрился, приподнимая соху.

— Проста твоя, батюшка, разсоха будетъ, — сказалъ Митрій.

— Должно въ самый разъ, — отвѣчалъ отецъ. — А вотъ попытаемъ. — И онъ, снявъ шапку, перекрестился.

— Господи, благослови. Ну-ка, Митрій, поведи-ка его, мерина-то, а то мальчишка не управитъ.

— А я, дѣдушка, за дядя Митревой сохой пойду, — сказалъ прибѣжавшій мальчикъ.

— Ну ладно. Господи, благослови.

Митрій босой, ступая большими ногами по бороздѣ, оглядываясь, повелъ лошадь по краю борозды. Старикъ быстрымъ движеніемъ зацѣпилъ сохой землю и тотчасъ же легко пустилъ ее, не давая ей только ни глубже ни мельче забирать противъ того, какъ она была пущена. Меринъ налегъ, рванулъ, потомъ осадилъ, но старикъ шевельнулъ возжей и закричалъ: «ближе». «Ровнѣе веди, такъ гоже!» И съ половины пашни борозда уже пошла ровная. Сзади мальчишка не отставалъ, и то и дѣло былъ слышенъ его пронзительный, подражавшій мужикамъ голосъ: «ближе, вылѣзь! Куда тебя, домовой! Тпру! Аль не видишь!» и все то, что онъ слышалъ, кричали другіе мужики.

Меринъ была лошадь мягкая, и хоть она никогда не пахала, видно было, что она пойдетъ хорошо. Заворотивъ назадъ и переложивъ палицу, Дмитрій обернулся, указывая на борозду Тараски:

— Вишь наковырялъ:

— Ты поднимай на себя, — улыбаясь, крикнулъ ему старикъ.

— Я и такъ на себя, да онъ все вертится.

— Мелокъ еще.

На третьей бороздѣ лошадь дала потъ и поняла, что не надо рвать, и пошла смирно. Мальчикъ сталъ водить, а Митрій взялъ свою соху. Черезъ нѣсколько рядовъ старикъ велѣлъ мальчику пустить, и самъ на возжахъ сталъ править лошадью. Не только лошадь, но и Иванъ Ѳедотовъ вспотѣлъ, такъ было тепло. Въ землѣ вспаханной ногамъ тепло было. Пахло червяками, и видны были взрѣзанные. Грачи летали по всему полю бочкомъ, шагомъ, не летая, переходя съ старой на новую борозду. Жаворонки вились со всѣхъ сторонъ. Солнце блестѣло на сохахъ. Съ разныхъ сторонъ слышно было жеребячье ржанье и отголоски пашущихъ матерей кобылъ. «Вылѣзь», «ближе», «ну, забыла» и пѣсни слышались съ разныхъ сторонъ большого поля до самаго лѣса, изъ желто-бураго дѣлавшагося полосатымъ.

— Дядя Иванъ, отпрягать, что ли? — крикнулъ Карпъ, пахавшій рядомъ.

Иванъ Ѳедотовъ поглядѣлъ на сволока съ своимъ кафтаномъ и лаптями, гдѣ мальчишка сидѣлъ, плетя кнутъ, и, сообразивъ, что не вспахано еще осьминника, отвѣтилъ, что рано еще. Ему жаль было оторваться отъ этаго дѣла.

— Еще высоко солнышко. Еще надо пройти, — отвѣчалъ онъ и продолжалъ работать.

Но въ серединѣ работы онъ былъ развлеченъ крикомъ людей, ѣхавшихъ верхами и въ бричкѣ прямо на нихъ. Онъ узналъ прикащика Чернышевыхъ и ихнихъ дворовыхъ. Человѣка же въ бричкѣ онъ не зналъ. —

№ 17.

Хотя отецъ Ивана Ѳедотова, старый старикъ Ѳедотъ Алексѣичъ былъ живъ, Иванъ уже давно былъ полнымъ хозяиномъ дома. Старикъ понемногу отставалъ отъ дѣла и передавалъ сыну. Теперь уже лѣтъ шесть старикъ Алексѣичъ отказалъ сыну всѣ деньги (ихъ было 520 серебряныхъ рублей, зарытыхъ на пчельникѣ, подлѣ яблони) и ни во что не входилъ, только копался на пчельникѣ. Но и тутъ, зная, что старикъ слѣпъ и роя не увидитъ, Иванъ Ѳедотовъ слѣдилъ за пчельникомъ и посылалъ во время роевщины свою старуху на помощь отцу. Она съ нимъ и огребала и сажала. Въ дому же по всѣмъ дѣламъ Иванъ Ѳедотовъ былъ полнымъ хозяиномъ. А въ домѣ было не мало дѣлъ. Бурачковы, такъ прозывался дворъ Ивана Ѳедотова, держали землю на двѣнадцать душъ, да еще снимали у другихъ столько же, а всѣхъ въ домѣ у нихъ прокормить надо было двадцать восемь душъ. Кромѣ старика, который еще таскался, старуха, мать Ивана Ѳедотова, хотя уже третій годъ не слѣзала съ печи, была еще жива. У Ивана Ѳедотова было 4[1] сына: 3-е[2] женатыхъ

[1] *Исправлено из:* 5

[2] *Исправлено из:* 4

и одинъ изъ нихъ въ солдатахъ. Солдатка жила у свекора. Да еще была дочь, убогая дѣвка, да у меньшаго брата Родивона былъ сынъ женатый отъ первой жены, да двое отъ второй жены. Да внучатъ было у Ивана семеро, да у Родивона двое. Такъ что всѣхъ было двадцать семь душъ. Надо было за всѣхъ подати заплатить и всѣхъ прокормить и всѣхъ распорядить такъ, чтобы дѣло не стояло, и ссоръ и грѣха бы не было. И съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Ѳедотовъ взялся за хозяйство, дворъ Бурачковыхъ пошелъ въ гору. Иванъ Ѳедотовъ никакимъ промысломъ не занимался, какъ другіе излегощинскіе мужики. Онъ ни горшечничалъ, ни барокъ не строилъ, ни лѣснымъ дѣломъ не занимался, а только пахалъ и захватывалъ земли, сколько могъ, больше. Излегощинскіе мужики говорили, что Ивану Ѳедотову хорошо пахать и сѣять, какъ у него въ дворѣ семь мужиковъ да восемь бабъ работницъ, да отецъ ему кубышку полну отдалъ, но они не знали всего неусыпнаго труда и заботы, которые полагалъ на свое хозяйство Иванъ Ѳедотовъ. Держать всю семью, и свою и братнину, такъ, чтобы не было ссоръ и ни обидъ не легко было. Мужики говорили, что у него много работниковъ, а того не думали, что ему не легко было. Мужики говорили, что у него много работниковъ, а того не думали, что ему не легко тоже бывало ладить съ братомъ Родивономъ. У другого большака меньшой братъ Родивонъ пьющій давно бы отдѣлился, и пошло бы все добро на двое, и работниковъ меньше бы стало, а онъ съ нимъ ладилъ и не дѣлился. Но это не легко ему было. «Не работа сушитъ — забота», говаривалъ онъ себѣ. И точно, Иванъ Ѳедотовъ спалъ меньше всѣхъ въ домѣ. Мужики говорили тоже, что Иванъ Ѳедотовъ жаденъ на землю и крѣпокъ такъ, что изъ него не выжмешь полушки. И это было справедливо, но каждому Богъ далъ свои заботы и радости. У другихъ было веселье, кабакъ и угощенье и щегольство, а Иванъ Ѳедотовъ никакой радости не зналъ, кромѣ церкви Божьей, и домашней заботы. —

Иванъ Ѳедотовъ еще и за то любилъ церковь Божію, что въ церкви онъ забывалъ про домашнія дѣла. Теперь, только что онъ вышелъ изъ церкви и вошелъ въ свою слободу, и еще больше, когда увидалъ свой дворъ, вся забота сегодняшняго дня тотчасъ же охватила его. Ему видно было, что завалинка навозная, которую взялся отвалить братъ Родивонъ съ внукомъ Алешкой, съ сыномъ старшаго сына Дмитрія, была отвалена только до половины. Родивона вовсе не было. А Алешка, толстомордый шестнадцатилѣтній парень, сидѣлъ, опершись локтемъ на вилы, и смотрѣлъ на бабъ — Ольгу и убогую дѣвку, дочь Матрену. Онѣ съ засученными рукавами мыли тряпками проножки стола. Звонкій голосъ смѣющейся Ольги издалека слышенъ былъ, но она, согнувшись въ три погибели, усердно терла.

* № 18.

Въ семьѣ Анисима Бровкина была радость. Его и другихъ троихъ мужиковъ выпустили изъ острога. Они содержались въ тюрьмѣ 3 года за драку съ землемѣромъ. ⟨Дрались не они одни, а всѣ понятые — ихъ было четырнадцать человѣкъ, а засудили и посадили въ острогъ четверыхъ: Ивана Дѣева — онъ всегда былъ спорщикъ — старика[1] Копылова — непокорный мужикъ, Болхина — отчаянная голова, и Анисима за его упрямство. Теперь ихъ выпустили.⟩ Родные ѣздили за ними въ Красно-слободскъ въ тюремной замокъ и на другой день на четырехъ саняхъ къ обѣду вернулись въ село. Онисимъ Жидковъ ѣхалъ съ старухой и среднимъ сыномъ. Большой оставался дома сдавать уголья, а меньшой, Ванька, безъ отца былъ отданъ въ работники къ Ящериновскому купцу дворнику.

⟨Дѣло было постомъ на пятой недѣлѣ. Зима еще крѣпко стояла, и снѣгъ только осунулся съ боковъ, а дорога еще была хороша полемъ. Только въ деревнѣ были заносы и ухабы, и вся дорога занавозилась. —⟩

Анисимъ зналъ все, что дѣлалось дома. Старуха его навѣщала его въ острогѣ во все время, привозила рубахи и гостинцы и совѣтовалась про домашнія дѣла. — Въ острогѣ Анисимъ передъ отъѣздомъ сходилъ къ смотрителю, поблагодарилъ его за его милости 3 рублями, а хозяйку его поблагодарилъ холстомъ деревенскимъ. Потомъ попросилъ прощенья у своихъ сторожей и товарищей, роздалъ имъ пироги деревенскіе, привозные, помолился Богу, надѣлъ новую шубу, а кафтанишка старый (ихъ посадили лѣтомъ) подарилъ Кирьяку дурачку и вышелъ за ворота на улицу.

— «Прощай, дядя Анисимъ». «Не поминай лихомъ, дядя Анисимъ». «Дай Богъ тебѣ въ добромъ здоровьи», — слышалъ со всѣхъ сторонъ Анисимъ. —

За воротами стояли 4 саней. И[2] Григорій, отдавъ лошадь матери, снявъ шапку, низко кланяясь, подошелъ къ отцу. —

— Здорово, Гришутка, — сказалъ отецъ, вглядываясь въ молодца сына и въ свѣтлую, какъ ленъ и курчавую, какъ волна, бородку, прибавившуюся безъ него. Григорій заплакалъ. Отецъ поцѣловался съ нимъ и сталъ спрашивать про Аксютку, про Мишутку.

— Всѣ слава Богу, батюшка, живы, здоровы.

Графена, у лошади стоя, заголосила, увидавъ слезы сына. — Анисимъ между тѣмъ оглядывалъ свою лошадь, знакомаго, подласаго мерина. Онъ его вымѣнялъ на ярманкѣ. Лошадь была гладка, обросла шерстью и поширѣла. И онъ обратился къ старухѣ:

— Буде, буде, давай лошадь то.

---

[1] *Зачеркнуто:* Мит[рія?]

[2] *Зач.:* Авксентій

Онъ оглядѣлъ и сани. Сани были хороши, его еще работы были кресла. Полозья были кленовые, новые, копылья дубовые, набиты ровно. Большакъ дѣлалъ. Торпище было новое, подоткнуто подъ сѣно.

* № 19.

Указъ Правительствующаго Сената, по которому, между прочимъ, предписывалось «особо начатое дѣло противъ крестьянъ села Излегощъ за недопущеніе землемѣра до утвержденія межи и за сдѣланіе прибывшимъ туда Земскому суду и губернскихъ дѣлъ стряпчему грубости оставить безъ дальнѣйшаго производства и подсудимыхъ, буде содержатся, освободить, сколько потому, что межеваніе, отъ коего возродилось сіе слѣдственное дѣло, найдено неправильнымъ, такъ и потому, что, если крестьяне за ослушаніе и подлинно заслуживали наказаніе, то оное можетъ быть имъ замѣнено долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею».

Этотъ указъ дошелъ до Краснослободска, гдѣ содержались въ острогѣ 7 крестьянъ села Излегощъ только 6-го Марта 1824 года, тогда какъ онъ былъ подписанъ въ Петербургѣ 13 Ноября.

18 Марта 1824 подсудимые Михайла Кондрашевъ 52 лѣтъ, Ѳедоръ Рѣзунъ 45 лѣтъ, Петръ Осиповъ 34 лѣтъ и Василій Прохоровъ 29 лѣтъ были выпущены изъ острога.

Въ село Излегощи извѣстіе о выпускѣ мужиковъ дошло за недѣлю до ихъ выпуска, и родные на четырехъ саняхъ пріѣхали въ острогъ за своими хозяевами и привезли имъ рубахи, гостинцы и шубы: мужики посажены были въ острогъ лѣтомъ.

За Михаиломъ Кандрашевымъ пріѣхала его старуха и средній сынъ Карпъ. Михайла былъ изъ первыхъ мужиковъ въ селѣ. Не то, чтобы онъ былъ богатѣй, какъ голова и горчешникъ Сидоровъ. Тѣ настроили себѣ дома новые, большіе, имѣли самовары, принимали господъ и носили фабричнаго сукна кафтаны и сапоги. Но Михайла былъ мужикъ старинный. Одонья у него стояли немолоченные года за два и за три. Въ сусѣкѣ у него тоже бывало полно хлѣба; въ сараяхъ и въ амбарахъ всего было запасено: и ободья, и станы, и грядки, и полозья, и шерсть, и войлока, и кадки, и бочки. Онъ самъ былъ мастеръ — бондарь. И медъ всегда былъ отъ своихъ пчелъ. Лошади были у него свои доморощенныя, старой одной породы, все больше соврасыя. И у бабъ его сундуки были полны холстовъ и сукна бѣлаго и чернаго.[1] И въ домѣ у него былъ порядокъ. Онъ самъ былъ съ начальствомъ тихъ и робокъ, а въ семьѣ его боялись, хоть онъ не дрался и дурнымъ словомъ не бранился. Только была поговорка его: едрена палка.

[1] *Зачеркнуто:* Онъ 5 лѣтъ ходилъ старостой церковнымъ, вина не пилъ, ⟨мате⟩ дурнымъ словомъ не бранился и въ семьѣ былъ строгъ. Драться не дрался, а боялись его всѣ домашніе.

Онъ попалъ въ это дѣло по своей справедливости. И изъ всего села больше всего объ немъ жалѣли.

Когда вышла на межѣ съ землемѣромъ драка, и Рѣзунъ замахнулся вѣхой на протоколиста, Михайла тутъ же былъ въ понятыхъ. Онъ тутъ еще унималъ Ѳедора и другихъ мужиковъ, но когда исправникъ призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ на фатеру къ головѣ и сталъ ихъ стращать, чтобъ они подписали сказку, Михайла сказалъ:

— Намъ, ваше благородіе, подписывать нельзя. Коли отъ насъ Меркуловскую пустошь отрѣжутъ, намъ жить не при чемъ будетъ.

Исправникъ на него закричалъ: — Молчи. Вы бунтовать вздумали. Вы что на межѣ дѣлали? Я вотъ допрошу, кто бунтовалъ.

А Михайла за правду стоялъ.

— Кто бунтовалъ? А мы всѣ свою землю показывали, не давали межу вести поперекъ.

— Такъ и ты бунтуешь?

— Что люди, то и я.

За эти слова его и посадили.

Михайла былъ росту небольшаго и согнутый. Лопатки у него выдавались. Видно было, что онъ много черезъ силу работалъ. Волоса у него, пока были не бритые, прямые, густые, висѣли напередъ, глядѣлъ онъ изъ подлобья, и нога одна была кривая. Онъ въ молодыхъ упалъ съ воза и нарѣзался на косу.

* № 20.

1824 года Января 23 было назначено къ слушанію въ Департаментѣ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и въ общемъ собраніи по Высочайше утвержденному положенію комитета Министровъ дѣло экономическихъ крестьянъ Симбирской губерніи села Излегощъ съ помѣщичьимъ селомъ Жегаловымъ о земляхъ.

Дѣло это тянулось съ 1807 года по всѣмъ инстанціямъ въ уѣздныхъ судахъ, губернскихъ правленіяхъ, казенныхъ и уголовныхъ палатахъ, въ Сенатѣ, (было и нѣсколько прошеній, поданныхъ Государю — онъ зналъ про это дѣло) съ различнымъ успѣхомъ, то въ пользу крестьянъ, то въ пользу Жегаловскаго помѣщика князя[1] Чернышева. Для крестьянъ выгодное рѣшеніе этаго дѣла могло только прибавить къ ихъ общему владѣнію 5000 десятинъ дурной земли, безъ которой они жили уже двадцать лѣтъ и взысканіе съ помѣщика денегъ для уплаты запущенныхъ ими недоимокъ, но для каждаго крестьянина лично имѣло очень мало интереса. Если и было рѣшеніе этаго дѣла важно, то только для шести человѣкъ изъ

[1] *Зачеркнуто:* Одуевск

ихъ общества, сидѣвшихъ по этому дѣлу второй годъ въ острогѣ, но уголовное дѣло (сопротивленія властямъ), по которому сидѣли эти шесть человѣкъ, было дѣло побочное, и сидящіе въ острогѣ не хлопотали о своемъ освобожденіи, и о нихъ никто не заботился. Для князя же, добраго, стараго и мягкаго [1] Одуевскаго такое или иное рѣшеніе этаго дѣла означало или жизнь, какъ прежде, уважаемая, почетная самаго и дѣтей, уже взрослыхъ, или совершенное, позорное разореніе, такъ какъ, кромѣ возвращенія насильно завлаженной его отцомъ еще земли, крестьяне просили еще о взысканіи съ него 54 тысячъ, а съ удвоеніемъ капитала, вмѣсто процентовъ, до 110 тысячъ рублей, а большія имѣнія его были отягчены долгами. Но несмотря на то, что изъ крестьянъ никто лично не былъ заинтересованъ этимъ дѣломъ такъ, какъ Князь, со стороны крестьянъ, съ которой и возникло это дѣло, оно велось во всѣхъ нижнихъ инстанціяхъ и даже въ сенатѣ чрезвычайно энергично, а со стороны князя лѣниво и вяло. — Со стороны крестьянъ дѣло вели выбранные отъ общества ходоки: Мартынъ Ивановъ Скобкинъ, [2] Ерофеевъ и Глѣбъ Ѳоминъ [3] Треповъ. Во всѣхъ бумагахъ подписывался Мартынъ Скобкинъ. Онъ былъ знатокъ и мастеръ дѣла ходатайства. Хотя и разныя лица писали ему прошенія, но всѣ были написаны хорошо, съ указаніемъ на законы, съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла, со справками и, главное, всегда подавались не только во время, но по нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же и никогда не пропускали сроковъ. Въ особенности же мастеръ былъ Скобкинъ узнавать, кого и когда, и чѣмъ надо просить. Мужики собирали ему по рублю и по два съ души, и онъ зналъ, гдѣ надо дать и не жалѣлъ давать. Дѣло его, выигранное въ уѣздномъ судѣ, было проиграно въ обѣихъ Палатахъ казенной и уголовной по связямъ Одуевскаго съ губернскими властями, но въ Сенатѣ было вновь выиграно, благодаря Секретарю, которому онъ не пожалѣлъ дать 1000 и въ особенности тому, что Одуевскій вовсе не хлопоталъ въ Сенатѣ. Въ сенатѣ было рѣшено взыскать съ Одуевскаго за завлаженныя земли 54 тысячи, а съ процентами 110 тысячъ р. сер. Велось дѣло хорошо не потому, чтобы интересъ мужиковъ былъ силенъ въ выиграшѣ дѣла, но потому что Миронъ Ивановъ былъ охотникъ до этаго дѣла. Научившись грамотѣ у дьячка, Миронъ Ивановъ былъ писаремъ въ волости и въ этой должности въ первый разъ при сдачѣ податей приведенный въ сношенія съ Нижнимъ Земскимъ судомъ и съ уѣзднымъ по дѣлу о порубкахъ, постигнувъ значеніе распоряженій властей, такъ увлекся этимъ міромъ власти, тѣмъ міромъ, въ которомъ однѣ слова, написанные извѣстнымъ лицомъ въ вицъ мундирѣ на гербовой бумагѣ, дѣлали то, что одинъ человѣкъ получалъ вдругъ, какъ въ

[1] *Зачеркнуто:* Оду Чернышова
[2] *Зач.:* Петръ Симоновъ
[3] *Зач.:* Тряп

волшебной сказкѣ, много денегъ, а другой попадалъ въ тюрьму или подъ кнутъ, такъ удивился сначала, а потомъ плѣнился этимъ міромъ, что весь отдался ему. Значеніе законовъ, словъ, выражающихъ ихъ, онъ совсѣмъ не понималъ и не искалъ ихъ пониманія, но онъ понималъ хорошо ихъ дѣйствіе, какъ человѣкъ играющій или поющій, не зная звуковъ, владѣлъ ими. Онъ имѣлъ даръ, искусство дѣйствовать въ этомъ мірѣ такое, что приказные знатоки удивлялись ему. И первые удачные шаги на этомъ пути еще болѣе утвердили его въ этой дѣйствительности и заставили его полюбить ее. Онъ, какъ художникъ, съ любовью, съ страстью занимался этимъ дѣломъ и теперь, живя в Петербургѣ, когда дѣло по прошенію повѣреннаго князя перешло въ Государственный Совѣтъ, только однимъ имъ и занимался, и просыпаясь и засыпая только думая о немъ.

Со стороны Одуевскаго дѣло велось вяло и потому, что Одуевскій никакъ не могъ вѣрить, чтобы на него, добраго человѣка, никого никогда не обижавшаго, обрушилась бы ни за что, ни про что такая бѣда, изъ за которой онъ потеряетъ все свое состояніе, и отъ кого? Отъ Излегощинскихъ мужиковъ, которые крали у него лѣсъ, и которыхъ онъ сколько разъ прощалъ, и которые всегда, хотя чужіе были, такъ ему покорны и почтительны, и потому еще, что ненавидѣлъ судиться, ненавидѣлъ и презиралъ этотъ самый темный міръ, который новизною своею и могущественностью такъ плѣнилъ Мирона Иванова, міръ, въ которомъ копошились грязные съ продажной совѣстью приказные и главное, потому что онъ не имѣлъ охоты къ этому. Если онъ и защищался и выигралъ дѣло въ Уголовной палатѣ, по рѣшенію которой засадили буйствовавшихъ на межѣ мужиковъ въ острогъ, что такъ противно было характеру добродушнаго Одуевского, то это онъ сдѣлалъ по наущенію своего дѣльца, дворового Ильи Митрофанова, такого же охотника до сутяжничества, какъ и Миронъ Ивановъ. И если онъ перенесъ дѣло въ Государственный Совѣтъ, то это онъ сдѣлалъ по требованію своего Шурина Нащокина, который, узнавъ совершенно неожиданное рѣшеніе Сената, присудившаго Одуевскаго къ уплатѣ 110 тысячъ, присталъ къ нему, чтобы онъ занялся дѣломъ, если не хочетъ остаться безъ гроша.

Съ новаго года ходатаи съ обѣихъ сторонъ Миронъ Ивановъ, Илья Митрофановъ и самъ Одуевскій были въ Петербургѣ и неусыпно хлопотали о дѣлѣ, которое готовилось къ слушанію.

Прежде было рѣшено составить засѣданіе Государственнаго Совѣта 13 Января. Но болѣзнь Государя, которому должно было быть представлено утвержденіе мнѣній Государственнаго Совѣта, остановила собраніе Совѣта, и только 23 вновь было предположено Собраніе. Въ этотъ промежутокъ обѣ стороны не теряли времени и подготовляли членовъ Совѣта и дѣйствовали на Истомина [?] и простыхъ Секретарей.

15 Января Мироновъ, ходившій къ своему Совѣтчику Та[йному] Сов[ѣтнику] Аматовскому, встрѣтивъ на Владимірской знакомаго человѣка Одуевскаго, бывавшаго у нихъ на Праздникѣ, отъ него узналъ, что сынъ ихъ священника, Михаилъ Ананскій, служащій Секретаремъ у Министра Юстиціи, былъ у его барина, и Князь, прогнѣвавшись выгналъ его изъ дома, за то, что онъ держалъ сторону мужиковъ. Узнавъ про это и квартиру Ананскаго, Мироновъ пошелъ къ нему, надѣясь отъ него, какъ Секретаря Министра и сына своего знакомаго попа, найти помощь. Три дня онъ ходилъ, не заставая Ананскаго. Онъ пришелъ на четвертый съ утра, опять не засталъ, но просидѣлъ цѣлый день и дождался къ вечеру.

* № 21.

⟨Не доходя до города, старуха сошлась съ своей дьяконицей, и они пошли вмѣстѣ. Еще на дорогѣ они сошлись съ странникомъ. Онъ былъ изъ Луговой березки.⟩ Вдвоемъ они дошли до города. Дорогой Тихоновна разсказала свое горе, и дьяконица посовѣтовала ей просить Царя, который, какъ слышно, будетъ въ Пензѣ, разсказывая ей, какъ были случаи помилованія.

Придя въ Пензу, странницы узнали, что въ Пензу уже пріѣхалъ — но не Царь, а Царскій братъ, Великій князь Николай Павловичъ.

⟨Еремушка много лишняго говорилъ. Бранилъ господъ, говорилъ, что они кровь сосутъ, Царя убить хотѣли, что надо Царя просить. «Онъ радъ, родненькая, когда узнаетъ правду, отъ него скрываютъ».⟩

Тихоновна не слушала его, но въ Пензу они какъ разъ пришли въ то время, какъ пріѣхалъ туда Царскій братъ молодой.

Еремушка посовѣтовалъ подать ⟨прошеніе Царскому брату⟩. Тихоновна при выходѣ изъ собора въ Пензѣ протѣснилась впередъ, пала на колѣни [1] и стала просить за хозяина.

Великій Князь былъ удивленъ, губернаторъ разсердился, и старуху взяли въ часть; черезъ день ее выпустили. Тихоновна пошла дальше къ Троицѣ.

Мысль о подачѣ прошенія Государю именно потому, что за него она пострадала, запала [2] въ голову Тихоновнѣ. У Троицы Тихоновна отговѣла и исповѣдовалась у Отца Паисія. На духу она разсказала ему свое горе и каялась въ томъ, что подавала прошеніе Царскому брату. Отецъ Паисій сказалъ ей, что грѣха тутъ нѣтъ, и что въ правомъ дѣлѣ и Царя не грѣхъ просить, и отпустилъ ее. И въ Хотьковѣ она была у блаженной, и блаженная велѣла ей просить самого Царя.

Тихоновна на обратномъ пути вмѣстѣ съ дьяконицей и Еремушкой зашла въ Москву къ Угодникамъ. Тутъ она узнала,

[1] *Зачеркнуто:* положила прошеніе на голову
[2] *Слова:* пострадала запала *ошибочно вычеркнуты.*

что Царь въ Москвѣ, Тихоновна подумала, что ей видно такъ Богъ велитъ просить Царя. Надо было только написать прошеніе.

Въ Москвѣ Тихоновна хотѣла пристать на постояломъ дворѣ, но дьяконица увела ее въ домъ Чернышева. Она сказала, что старушка Княгиня мать всѣхъ странныхъ принимаетъ, и тамъ они найдутъ человѣка написать прошеніе.

II.

(На утро чуть заблаговѣстили, старуха встала, глаза перекрестила и пошла въ Кремль. Отстояла утреню, обѣдню, приложилась къ мощамъ и въ обѣдъ вернулась на дворъ къ Чернышевымъ совѣтоваться съ діаконицей когда идти домой.

На дворѣ народа было много, какъ на ярманкѣ.—

Тихоновна въ жизнь не была дальше города. Теперь она того насмотрѣлась, что уже ничто ее не удивляло. И не только потому, что не удивляло, но потому, что не могла обнять всего того, что видѣла. На дворѣ были кареты, кони, господа въ галунахъ, прислуга, гладкіе кучера въ плисѣ бархатѣ. Она смотрѣла на это и не видѣла. Все, что она видѣла и понимала, были мужики изъ деревни, ихъ лошади, телѣги, пехтери съ сѣномъ и она къ нимъ направилась. Свечера Тихоновна, уставши отъ дороги и сумерками, ничего не разсмотрѣла на господскомъ дворѣ. Дворникъ позвалъ ее поужинать въ избу, и ее покормили и послѣ ужина она легла на полу, положивъ котомку подъ голова, и заснула. Утромъ она встала еще темно, и только дворникъ, тотъ самый, который позвалъ ее вчера къ ужину, окликнулъ ее, когда она выходила изъ воротъ.

— Рано поднялась бабушка! крикнулъ онъ ей. —

— Благовѣстятъ кормилецъ, проговорила она кланяясь.

— Съ Богомъ бабушка, приходи опять.

Такъ что Тихоновна ничего не видала въ дворѣ Чернышевыхъ, кромѣ однаго этаго дворника, и не замѣтила самаго мѣста. Съ трудомъ распрашивая прохожихъ, добралась она теперь до Чернышевскаго дома и вошла во дворъ, который запомнила еще вчера по двумъ большущимъ горшкамъ каменнымъ, стоявшимъ на каменныхъ столбахъ воротъ. Тихоновна, какъ и всѣ люди, имѣла свой отдѣльный міръ людей, въ которыхъ она узнавала своихъ, и съ которыми она чувствовала для себя обязательными человѣческія отношенія, и другой міръ, чуждый, къ которому она себя ничѣмъ не чувствовала обязанной, который ей представлялся наравнѣ съ другими явленіями жизни непонятнымъ и чуждымъ. Такой былъ для нея весь міръ немужицкій, и въ особенности чиновницкой, съ которымъ она имѣла дѣло въ Пензѣ, и господскій.

Во все свое трехнедѣльное [1] путешествіе она вездѣ встрѣчала этотъ міръ: дома, помѣщечьи экипажи, самихъ ихъ у Троицы, и она удивлялась на него, иногда любовалась, но старалась избѣгать его и даже не обращать вниманія. Она вездѣ искала своихъ мужиковъ, бабъ въ такихъ же лаптяхъ, зипунахъ и съ ними сближалась. Она поступала такъ, какъ поступаютъ и всѣ люди, считая своими только людей въ одинаковыхъ условіяхъ и проходя между другими, какъ между вещами.〉

II.

〈Съ тѣхъ поръ, какъ Тихоновна вошла въ Москву, она отказалась понимать смыслъ тѣхъ предметовъ, людей и дѣйствій, которые окружали ее. Все было для нея ново, невиданно, непонятно, и потому не занимательно. Она шла по Москвѣ, возвращаясь изъ соборовъ, какъ идетъ горожанинъ по никогда невиданному лѣсу, ничего не понимая и всего опасаясь. Мало того, что Тихоновна ничего не понимала изъ того, что она видѣла, она знала, что она и не можетъ никогда понять значенія тѣхъ предметовъ, которые окружали ее.〉 Отстоявъ заутреню и обѣдню и приложившись къ святынямъ, старухи, съ трудомъ отыскивая дорогу, пришли къ двору [2] Одуевскихъ. Раза два чуть не раздавили ихъ, кричали на нихъ, бранили ихъ; разъ полицейскій взялъ Дьяконицу за плечи и толкнулъ, запрещая имъ идти по той улицѣ, по которой онѣ шли, и направляя ихъ въ лѣсъ переулковъ. Тихоновна и не знала, что ихъ согнали съ Воздвиженки именно потому, что по этой улицѣ долженъ былъ ѣхать тотъ самый Царь, о которомъ она не переставая думала и которому намѣревалась написать и подать прошеніе. 〈Добравшись съ помощью указаній послѣдняго калашника до воротъ Княжескаго дома, она почувствовала облегченіе. Здѣсь былъ дворникъ, мужичекъ ихъ стороны, и здѣсь должна была быть Парамоновна, дьяконица.

Октябрь стоялъ теплый, и странницы оставили въ черной избѣ свои изъ лыкъ плетеныя котомки и шубы и на легкѣ, Тихоновна въ одномъ сѣромъ зипунѣ съ пѣтушками на спинѣ, въ чистомъ бѣломъ платкѣ, которымъ была обвязана ея голова, и въ чистыхъ онучахъ, туго обвязывавшихъ ея тонкія ноги, и новыхъ широкихъ лаптяхъ, обновленныхъ въ Москвѣ, а Дьяконица, въ солопѣ и башмакахъ на шерстяныхъ чулкахъ, ходили въ соборы.

Пройти туда и назадъ въ Кремль, обходить соборы и отстоять налегкѣ, безъ котомокъ и шубъ, двѣ службы было для странницъ отдыхомъ послѣ привычныхъ въ эти 3 недѣли ихъ странствованія 40 верстъ, которыя онѣ ежедневно проходили.〉

---

[1] *В подлинникѣ описка:* трехъдневное

[2] *Зачеркнуто:* Чернышевыхъ

Дьяконица, какъ всегда, шла тяжело и жалостно. Тихоновна, какъ обыкновенно, легко и бодро, шагами молодой женщины. — ⟨У воротъ она остановилась подлѣ дворника и присѣла на лавочку у его караулки.⟩

У самыхъ воротъ странницы задумались, не узнавая двора, но взгляды въ середину двора съ длинными досчатыми мостками, ведшими изъ кухни въ людскую черезъ грязь двора, удостовѣрили дьяконицу, что она не ошиблась. ⟨И дворникъ кривой, который вчера проводилъ ихъ, былъ тутъ, останавливая метлою собакъ, бросившихся на странницъ.⟩

— Ничего тетки, не тронутъ. У вы подлыя! крикнулъ онъ на собакъ, замахиваясь метлою. Вишь сами деревенскія, а на деревенскихъ пуще зарятся. Сюда обходи. Завязнешь. Не даетъ Богъ морозу. Но Дьяконица, заробѣвъ отъ собакъ, жалостно приговаривая, присѣла у воротъ на лавочку и просила дворника проводить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, опершись на клюку, разставивъ туго обтянутые онучами ноги, остановилась подлѣ нея, какъ всегда, спокойно глядя передъ собой и ожидая подходившаго къ нимъ дворника.

— Вамъ кого! спросилъ дворникъ.

— Али не призналъ кормилецъ. Егоромъ звать никакъ, сказала Дьяконица, да вотъ зашли къ Сіятельной.

— Излегощинская, сказалъ дворникъ, стараго дьякона будете. Какже. Ничего, ничего. Идите въ избу. У насъ принимаютъ. Никому отказа нѣтъ. А эта чья же будетъ? Онъ указалъ на Тихоновну.

— Излегощинская же Герасимова, была Ѳадѣева. Знаешь, я чай, сказала Тихоновна Тоже Излегощинская.

— Какже! Да что, сказывали, вашего въ острогъ что ли посадили?

Тихоновна, ничего не отвѣчая, только вздохнула и подкинула сильнымъ движеніемъ на спину котомку и шубу.

Дьяконица распросила, дома ли старая барыня, и узнавъ, что дома, просила доложить ей. Потомъ спросила про сына, который вышелъ въ чиновники и служилъ по милости Князя въ Петербургѣ. Дворникъ ничего не умѣлъ ей отвѣтить. И направилъ ихъ въ избу людскую по мосткамъ, шедшимъ черезъ дворъ. Старухи вошли въ избу, полную народомъ: женщинами, дѣтьми, людьми дворовыми, и помолились на передній уголъ. Дьяконицу тотчасъ же узнала прачка и горничная старой барыни и тотчасъ же обступили ее съ распросами, сняли съ нее котомку и усадили за столъ, предлагая ей закусить.

Тихоновна между тѣмъ стояла у двери, оглядывая краснаго лѣсу новую 10 аршинную горницу, печь и дежу и изобиліе всего въ этой избѣ. Красная кухарка вынимала горшокъ съ кашей изъ печи. Старикъ шилъ сапоги въ углу.

— Садись, бабушка, что стоишь. Садись вотъ тутъ-то, котомку-то сними.

— И такъ не повернешься, куда садиться-то. Проводи ее въ черную избу.

— Вотъ такъ мадамъ отъ Шальмѣ, сказалъ молодой лакей, указывая на пѣтушки на зипунѣ Тихоновны. И чулочки то и башмачки.

Онъ показывалъ на ея онучи и лапти — обновы для Москвы.

— Тебѣ бы, Параша, такъ.

— А въ черную, такъ въ черную. Пойдемъ, я тебѣ провожу.

И старикъ, воткнувъ шило, пошелъ съ ней и проводилъ ее въ другую избу. Къ Дьяконицѣ въ это время сбѣжались ея знакомыя, и М. Пим., поварова жена, повела ее къ себѣ. Тихоновна не только не обращала вниманія на то, что говорили вокругъ нея и про нее, но не видѣла и не слыхала. Она съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ дома была проникнута чувствомъ необходимости потрудиться для Бога, и другое чувство, она сама не знала, когда, западало ей въ душу — необходимость подать прошеніе. Уходя изъ чистой избы людской, она подошла къ Дьяконицѣ и сказала кланяясь: Объ дѣлу то объ моемъ, матушка Парамоновна, ты не забудь ради Христа. Спроси, нѣтъ ли человѣчка.

— А это чего старухѣ надо?

— Да вотъ обида есть, прошеніе ей люди присовѣтовали Царю подать.

— Прямо къ Царю ее и весть, сказалъ шутникъ лакей.

— Э, дура, вотъ дура-то неотесанная, сказалъ старикъ сапожникъ. Вотъ возьму тебѣ, колодкою отжучу, не погляжу на твой фракъ.

Лакей началъ браниться, но старикъ, не слушая его, увелъ Тихоновну въ черную. Въ черной, гдѣ тоже было много народа, кучера, конюха, Тихоновна сняла котомку, перебулась и не дожидаясь хотѣла закусить своего хлѣбца, но кухарка отрѣзала ей господскаго, горяченькаго и дала кваску. Поѣвши, Тихоновна, разговорилась съ старикомъ сапожникомъ и разсказала ему свою заботу. Старикъ обѣщалъ спросить у писца. И Тихоновна осталась ждать, пересучивая ниченки и разминая онучи. Она насмотрѣлась многаго невиданнаго ею въ эти три часа до господскаго обѣда.

Дьяконица была у старой Княгинѣ.

III.

Изба черная была старая горница изъ крѣпкаго краснаго лѣса. Тихоновна смѣряла ее глазомъ и нашла, что она еще побольше будетъ ихъ новой избы, которую они поставили въ прошломъ году. И печь была большая и новая, видно, недавно смазана, и полы мощеные, но прибора въ избѣ не было. Полы грязные, палатей не было. Ни конничка, ни вѣшалки. Ничто

не прибрано. Платье, шапки валялись по угламъ и по окнамъ. Не было хозяина. Кухарка изъ дворовыхъ, толстая женщина, вынимала хлѣбы и ставила горшки и ругалась съ народомъ. А народъ то входилъ, то выходилъ. Кто попросить хлѣбца, кто пошутить съ Аксиньей. А ей не до шутокъ было. Никто ей не хотѣлъ помочь. Такъ что Тихоновна пошла и принесла съ кученкомъ ушатъ воды. —

Весь народъ входилъ и выходилъ. Сидѣли въ горницѣ только птичница, мать прачки, мотавшая нитки, сапожникъ съ небритой бородой бѣлой, какъ стриженая овца, и молодой малый, лежавшій на печи и просившій Христа ради рюмочку. Черезъ часъ послѣ прихода Т. (Николавны) хлѣбы были вынуты, обѣдъ готовъ, люди пообѣдали (и то не по порядку, а то одинъ, то другой, порознь), и Николавна, прежде отказываясь, пообѣдала и разговорилась съ птичницей. — Птичница разсказ[ала], какъ живутъ господа: дворни человѣкъ было сто въ Москвѣ. Птицы привозятъ битой съ деревень. И господа хорошіе. —

— Чтожъ, скоро домой?

— Да я бы уже и шла, соскучилась. Какъ безъ хозяина дома, сама знаешь, дѣушка. Да, вотъ сказываютъ, прошенье подать. Я бы пошла подать, да написать надо. Парамоновна обѣщала, да вотъ нѣту.

— Прошенье тебѣ вотъ кто напишетъ, нашъ земскій. Онъ здѣсь. У, бѣдовый насчетъ этихъ дѣловъ.

— Я бы деньги дала.

— Чтожъ, я пойду скажу.

Птичница ушла и привела старика.

— Написать можно, — сказалъ старикъ — да у насъ эти прошенія вонъ куда высыпаютъ другой разъ. Аль ты не слыхала? Ну да что? Старуха хороша. На полштофъ прибавь. Давай рублевку. Бумаги купить. Ты думаешь Царю какъ.

— Дядюшка поднеси рюмочку, — молилъ голосъ сверху.

— Вот[ъ] дай срокъ, тебѣ поднесутъ. Послалъ за розгами. Иванъ Васильеви[чъ], дай, пріѣдетъ.

Николавна уже знала, что просившій водки, былъ слугой у Камердина Княжеск[аго], и за пьянство его нынче же хотѣл[и] наказывать. —

Пока они говорили, вошелъ самъ Иванъ Васильевичъ. Толстый, свѣжій, легкій, чистый, господскій.

— Иди, сказалъ онъ строго.

Больной всталъ съ печи. Но тутъ же вбѣжалъ молодецъ чей-то. Я думала тоже холошишка чей, — потомъ разсказы[вала] Тихоновна. «Вбѣжалъ красный весь, спѣшитъ». «Иванъ Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ!» Только смотрю, Иванъ Васильевичъ совсѣмъ другой сталъ. Какъ заробѣлъ. Это молодой баринъ.

— Маменька сказала папенькѣ, и папенька самъ сказалъ, что это не надо, и что совсѣмъ оставь его, вотъ и все! заговорилъ онъ.

Иванъ Васильевичъ недовольно ушелъ, но такъ, что все теперь погибнетъ, и онъ не отвѣчаетъ. Молодой баринъ остался, сконфуженный еще болѣе поклономъ земнымъ Кузьки. Отдѣлавши[сь] отъ Кузьки, онъ оглянулся и, увидавъ Николавну, спросилъ: «откуда?»

Николавна, какъ изъ тумана просіяло солнце, лаской просіяла на барина и на вопросы стала разсказывать ему.

№ 22.

1818 годъ —

Прологъ.

I.

Горе, испытываемое Марьей Яковлевной Гагариной послѣ столь неожиданной, страшной и неясной смерти своего мужа, было не только горе потери любимаго мужа, съ которымъ прожито семнадцать счастливыхъ и чистыхъ лѣтъ, но это было еще горе беспомощности и ужаса передъ неясной обязанностью воспитанія двухъ обожаемыхъ сыновей, оставшихся у нея на рукахъ. Старшему, геніальному, всѣми восхваляемому первенцу Сашѣ, было шестнадцать, второму Ѳедору, «Ѳедрину Тирру», какъ его прозвали въ семьѣ, было пятнадцать. И тутъ-то, именно въ ту пору, когда кончалось физическое воспитаніе, когда должно было начинаться то непонятное для матери руководствованіе этихъ юношей среди утесовъ жизни, между которыми должны были выплывать ихъ корабли, тутъ-то единственный руководитель семнадцатилѣтній другъ, мужъ, милый, добрый, несравненный ангелъ Василька умиралъ вдали какой-то странной смертью, и на нее обрушивалась вся тяжесть непосильной обязанности. О дочери мать не думала. Съ ней она знала, что дѣлать, знала все, что волновалось въ душѣ этой тринадцатилѣтней Лизы, на лету ловила проявленія ея чувствъ и мыслей и направляла ихъ туда, куда нужно было, знала, какъ это дѣлать, и была увѣрена, что можетъ сдѣлать все, что нужно. Но что дѣлается тамъ, въ душахъ этихъ двухъ прелестныхъ, полныхъ запросовъ отъ жизни мальчиковъ, и чѣмъ надо отвѣчать на эти запросы, и что выйдетъ изъ нихъ, какъ помочь имъ, — она ничего не понимала. Она невольно любовалась ими, такъ прелестны были они: старшій своей тонкой, нѣжной, скрытой, совершенно непонятной для нея натурой и меньшой, любимецъ ея, страстный, любящій, другой отецъ, только еще лучше его. Но эти-то прелестныя качества сыновей, они-то и пугали ее. Мать знала, что чѣмъ лучше были сыновья, тѣмъ опаснѣе было, чтобы изъ этихъ самыхъ дорогихъ качествъ не вышло самое большое для нихъ же зло, она знала, что ей не любоваться надо сыновьями, не испытывать къ нимъ чувства восхищенія, а напротивъ, надо было холодно руководить ими. А этого она не

могла. Куда? зачѣмъ? чего они хотятъ? Мать ничего не понимала. Если она и понимала что, то то, что она понимала, ужасало ее, показывая ей, что она не могла идти съ этими юношами, чтобы руководить ихъ туда, куда влекло ихъ.

Про несчастье свое она узнала въ Москвѣ. Это было въ началѣ Іюня 1818 года. Въ этомъ 1818 году они съ мужемъ и дѣтьми дожили въ Москвѣ до начала іюня. Мальчики сдавали экзамены. Передъ концомъ экзаменовъ Князь Василій Ѳедоровичъ уѣхалъ въ Новгородъ окончить покупку Голицынскаго имѣнія и осмотрѣть свое родовое, то, къ которому онъ прикупалъ Голицынское имѣніе. Онъ къ 15-му долженъ былъ вернуться, чтобы со всѣмъ семействомъ ѣхать въ Орловскую деревню, гдѣ они всегда проводили лѣто. Княгиня Марья Яковлевна была въ комнатѣ свекрови, старой 80-тилѣтней старушки, жившей съ сыномъ, и присутствовала при, всегда нѣсколько больныхъ материнскому сердцу, предпочтительныхъ ласкахъ, которыя бабушка оказывала старшему внуку Сашѣ. Оба юноши, вернувшись съ экзаменовъ, были въ комнатѣ бабушки.— Старшій сидѣлъ подлѣ бабушки и старался понятно и ловко отвѣчать на странные вопросы бабушки, разспрашивавшей объ экзаменѣ, и беспрестанно оглядывался на мать. Онъ понималъ, казалось, непріятное чувство матери за то, что бабушка говорила только съ нимъ, и старался разсказать про брата. Мать видѣла это и цѣнила его за это, но все-таки ей милѣй былъ этотъ здоровый, налитой кровью Ѳедя, который хмурился, мялъ руками все, что попадалось, и, казалось, только ждалъ того, когда имъ можно будетъ уйти. Мать видѣла это и думала: Саша хорошъ, разумѣется, онъ и добръ и уменъ, но онъ найдется, онъ сумѣетъ, и его всѣ полюбятъ, а Ѳедю никто, кромѣ меня, не понимаетъ. Всякій на его мѣстѣ завидовалъ бы брату, а у него и мѣста нѣтъ въ сердцѣ для зависти, — онъ только всѣхъ любитъ. —

— Ты, батюшка, мой табакъ не просыпай, — обратилась къ нему бабушка, протягивая старческую, съ узловатыми синими жилами [руку] къ табатеркѣ, которой онъ игралъ.

Онъ хотѣлъ подхватить падающую табатерку, но она проскользнула, и онъ поймалъ ее, прижавъ подбородкомъ къ столу.

— Вотъ ты бы лучше учился какъ братъ, а то все балуешься,— сказала она.

Ѳедя хотѣлъ отвѣчать, но ему такъ смѣшно показалось, какъ онъ удержалъ табакерку; что онъ засмѣялся, отъ смѣха чихнулъ и засмѣялся еще больше; взглянулъ на мать. Мать не могла не улыбнуться, и онъ залился хохотомъ, который невольно сообщился брату, матери и потомъ самой бабушкѣ и горничной Дашѣ, которая всегда съ вязаньемъ сидѣла у бабушки. —

— Вѣчно шалости! Даша, убери табакъ, — утирая слезы смѣха, сказала бабушка.

Въ это самое время Марья Яковлевна услыхала скрипъ са-

погъ быстро подходившаго къ двери человѣка и, оглянувшись, увидала Семена Иваныча Езыкова, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, дѣлавшаго ей знаки.

Семенъ Иванычъ былъ пріятель Князя. Онъ былъ сынъ бѣднаго помѣщика и воспитывался съ нимъ въ домѣ стараго князя. Онъ жилъ въ деревнѣ, а теперь, пріѣхавъ въ Москву, гостилъ въ домѣ князя.

Она вышла къ нему.

— Княгиня, матушка! Я боюсь, что что-то нехорошо.

Ѳедя выбѣжалъ и, подбѣжавъ сзади Языкова и не замѣчая его лица и лица матери, сталъ, держась за поясъ Языкова, прыгать надъ нимъ, разставляя ноги. —

— Ну тебя, ступай!

— Бабушка спрашиваетъ, что такое.

— Ничего, ничего не говори, скажи, что Машинька это (экономка) позвала.

— Ну, я не пойду.

Ѳеклуша, другая дѣвушка бабушки, выбѣжала спросить, что такое.

— Ничего, ничего,— сказала Княгиня и быстрыми шагами пошла съ Семеномъ Иванычемъ къ передней. —

— А вотъ что такое, вотъ что такое! — послышался сзади голосъ Ѳеди, и застѣнчивый радостный визгъ хорошенькой Ѳеклуши, и звуки поцѣлуевъ послышались сзади.

Въ одно и то же время Княгиня услыхала этотъ визгъ Ѳеклуши и слова Семена Иваныча о томъ, что навѣрно съ нимъ (съ Княземъ) что-нибудь случилось. И эти два впечатлѣнія слились въ одно. (Вотъ что разсказалъ Семенъ Иванычъ.)

На крыльцо пришла нищая и потребовала барыню. Семенъ Иванычъ вышелъ къ ней, и нищая передала бумаги. «Велѣно отдать».

— Отъ кого?

— Велѣно отдать, — повторила она.

«Я взялъ и только открылъ, вижу князевы векселя, контрактъ, его закладочка. Я выбѣжалъ къ ней. Ее уже нѣтъ. Послалъ искать. Не нашли Случилось что-нибудь».

Къ вечеру неизвѣстность прекратилась. Матюша, одинъ изъ камердинеровъ Князя — ихъ было два — Матюша и Петруша, два брата, — прискакалъ въ Москву съ извѣстіемъ, что князь умеръ въ Новгородѣ. Онъ шелъ по улицѣ, упалъ, и не успѣли донести его, какъ онъ умеръ. Денегъ, говорилъ Матюша, ничего не нашли, кромѣ кошелька съ двойчаткомъ-орѣхомъ и двумя монетками,

[ГРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ.]

(1879 г.)

№ 1.

1757 годъ.

1.

Князь Василій Николаевичъ Горчаковъ родился 20 Мая 1757 года въ Московской губерніи селѣ Вяземскомъ. — Родители его были Князь Николай Ивановичъ и Княгиня Наталья Петровна, урожденная Рябинина. Князь Николай Ивановичъ былъ [1] женатъ 8-й годъ; но Богъ не давалъ ему дѣтей. Тѣ, которыя рожались, не стояли. Княгиня родила 4-хъ, но всѣ умерли, не доживъ до года.

Теперь, ожидая рожденія этаго ребенка, родители по совѣту богомольной матушки, матери Князя, заказали икону съ 4-мя рожествами на ней и по совѣту странника Кирилушки обѣщались взять кумовей, которыхъ имена и ангелы были бы одни и тѣже съ родителями.

Княгиня начала мучаться съ вечера и промучалась до разсвѣта. ⟨Думали, что она жива не будетъ.⟩ Мамка Княгинина и бабка Ѳедотовна, бывшая при родахъ, передѣлавъ все, что они дѣлывали въ такихъ случаяхъ, отчаялись совсѣмъ, зажгли подвѣнечныя свѣчи у иконъ, подложили Крестъ съ мощами подъ голова родильницѣ и, стоя около больной только тяжело вздыхали и молчали, ожидая одна[го] конца — разрѣшенія или смерти.

Уже передъ разсвѣтомъ старая Княгиня послала своего крестоваго попа, всегда жившаго при ней, въ Церковь, приказала Царскія врата отворить, и только попъ Ермолай, разбудивъ поповъ, исполнивъ порученіе, вернулся изъ Церкви (Церковь была въ селѣ) и доложилъ старой Княгинѣ, какъ и Богъ простилъ родильницу, и старая толстая Ѳедотовна, запыхавшись,

---

[1] *Ошибочно не зачеркнуто:* были

прибѣжала поздравить Княгиню съ внучкомъ. Княгиня старая послала искать сына, но его не нашли въ горницѣ, куда онъ ушелъ на эту ночь, и только уже по указаніямъ караульщика нашли его подъ навѣсомъ амбара. Онъ вышелъ, какъ былъ въ шлафрокѣ, и сидѣлъ подъ крылечкомъ амбара, облокотивъ руки на колѣна и, заткнувъ уши, чтобы не слыхать крика жены въ домѣ, и плакалъ.

Ребенокъ былъ здоровенькій и крупной.

Ребенку ⟨дали молитву, свой крестовый старый Княгининъ⟩ попъ, жившій въ домѣ, и тотчасъ смѣряли въ длину пояскомъ, [1] и старая Княгиня тотчасъ же послала въ городъ по мѣркѣ списать образъ Святого Василія Великаго. На ризу къ образу [2] она тотчасъ же достала изъ сундука блюдо, стопу и 10 рублевиковъ старыхъ.

Ребенокъ былъ здоровъ и потому не надо было торопиться крестить. Послали ко всѣмъ роднымъ по деревнямъ и въ Москву письма и назначили крестины на заговены 28 числа.

Кумовьевъ съ одинакими съ родителями ангелами нашли: кумомъ — Николая [3] Ивановича, воеводу Мценскаго, Шеншина и Анну Васильевну Горчакову, рожденную Суворову жену [4] внучатнаго брата старшаго въ родѣ Горчаковыхъ, Романа Ивановича, а если нельзя ей будетъ, то послушницу Бѣлевскаго женскаго монастыря, гдѣ часто живала старая Княгиня. [5]

27 стали съѣзжаться гости. Пріѣхали: [6] Тесть Князевъ старичекъ Петръ Петровичъ Рябининъ, пріѣхалъ Архимандритъ Іовъ Мценскаго монастыря. Ергольской — помѣщикъ сосѣдъ, Семенъ Ивановичъ съ дочерьми, Скуратовы сосѣди, и ждали еще воеводу изъ Мценска крестнаго отца и старшаго въ родѣ брата, внучатнаго Князя Генерала Князя Ивана Романовича Горчакова съ молодой женой.

Князь Николай Ивановичъ Горчаковъ, хотя и былъ Князь, и стараго и знаменитаго рода, былъ не ⟨знатенъ⟩.

---

[1] *Зачеркнуто:* тесемочкой

[2] *Зач.:* Князь послалъ три сѣдельных прибора и приказалъ все вызолотить.

[3] *Зач:* бондаря однодворца изъ деревни Пашутиной

[4] *В подлиннике:* Анна Васильевна Горчакова, рожденная Суворова, жена

[5] *Зач.:* Къ 28-му наканунѣ собрались гости на крестины: Кн. Романъ Ѳедоровичъ, дядюшка князя съ княгиней и воспитанницей. Братьи меньшіе Князя — Петръ Иванычъ, Павелъ. Наканунѣ былъ обѣдъ для всѣхъ гостей и ужинъ. Къ ужину подъѣхали еще гости, и всѣхъ за столомъ сидѣло 26 человѣкъ. Столы накрыли въ прихожей для мущинъ и въ горенкѣ для женщинъ.

[6] *Со слов:* Тесть Князя *до конца на полях написано:* Какой былъ Князь. Ужинъ. Разговоръ о разбойникѣ. О войнѣ. Старичокъ о Петрѣ, юродивый (свѣтло еще). Легли спать Княгиня молиться. Сказки старика, молитву. Всполохъ.

№ 2.

Терентий Николаевъ. —

1.

[1] Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины, въ Московской губерніи, въ 100 верстахъ отъ города Тулы и въ 17 — отъ Мценска, въ лѣвой сторонѣ отъ большой Кіевской дороги, на рѣкѣ Зушѣ, [2] жилъ въ своей вотчинѣ ⟨селѣ Вяземскомъ⟩ отставной [3] штыкъ-юнкеръ Князь Николай Иванычъ Горчаковъ.[4] Князь Николай Иванычъ вышелъ въ отставку еще при Елисаветѣ [5] Петровнѣ и женился на Аннѣ Никитишнѣ Рябининой, взявъ за ней 200 душъ приданаго и съ той поры безвыѣздно жилъ въ главномъ изъ своихъ имѣній, въ селѣ Вяземскомъ, хорошимъ хозяйствомъ и степенной скромной жизнью съ каждымъ годомъ увеличивая свое состояніе. [6]

Въ 1762 [году] у него родилась дочь Пелагея, потомъ Наталья, потомъ Анна, но сына, котораго болѣе всего желалъ Князь Николай Иванычъ, Богъ не давалъ ему. Послѣ 3-й дочери Княгиня Анна Никитична заболѣла и два раза выкинула, но Князь все не отчаявался имѣть сына наслѣдника, и онъ и Княгиня давали обѣщанія и ходили молиться угодникамъ въ Кіевъ и посылали дары въ монастыри мужскіе и женскіе, прося святыхъ молить о томъ, чтобы Богъ далъ имъ сына.

Мавра Ивановна, [7] мать Князя Николая Иваныча, урожденная Княжна Мордкина, была ⟨еще⟩ жива и уже 15-й годъ жила въ [8] монастырѣ въ Хотьковѣ. И къ ней въ монастырь ѣздили Князь съ Княгиней. И у нея застали они Юродиваго Васю⟨тку⟩. Вася полюбилъ Княгиню, погладилъ ее по головѣ и велѣлъ ей молиться ангелу своему и тутъ же сказалъ: «Будетъ сынъ, будетъ Вася, да не видать тебѣ его. А ты не тужи, Николашка увидитъ, да и то зажмурится, чтобъ не видать. Тебѣ лучше будетъ, лучше. Молись ангелу». —

Князь и Княгиня часто потомъ поминали предсказанья юродиваго. Оно все сбылось на радость ихъ [и] на горе.

Черезъ годъ послѣ ихъ богомолья Княгиня родила сына Василья ⟨и радости не было конца⟩. Князь Николай Иванычъ

---

[1] *Зачеркнутое начало:* Терентій Николаевъ родился

[2] *Слова:* на рѣкѣ Зушѣ, *вписаны между словами:* большой *и* Кіевской

[3] *Зач.:* маіоръ

[4] *Зач.:* Князь Николай Иванычъ былъ записанъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ при Импер. Аннѣ. При Императрицѣ Елисаветѣ былъ въ походѣ за границей и вернувшись по слабости зр[ѣнія]

[5] *В подлинникѣ:* Елисаветы

[6] *Зач.:* Деревень у него было много. У него было 1000 душъ, когда онъ вышелъ въ отставку. Да нажилъ онъ еще 2000 душъ и все скупалъ еще и еще деревни въ своей округѣ.

[7] *Зач.:* Ѳедотовна

[8] *Слово:* въ *ошибочно написано дважды*

послалъ дары во всѣ монастыри и у себя въ вотчинѣ заложилъ новый придѣлъ въ храмѣ во имя Василія Великаго. Но предсказанье старца сбылось и не въ этомъ одномъ. Послѣ рожденія Василья Княгиня родила еще 2-хъ сыновей: Михаила и Александра, но когда любимому сыну Василью было еще только 10 лѣтъ, напала на дѣтей оспа, меньшіе оба умерли, и Княгиня съ того горя заболѣла и умерла. Остался Князь Николай Иванычъ вдовцомъ съ двумя дочерьми и сыномъ. И самъ Князь такъ много убивался и плакалъ, что и самъ ослѣпъ отъ слезъ. Одна радость ему была Васинька. И отъ Васиньки до сихъ поръ кромѣ радости ничего не было. Мальчикъ былъ здоровый, веселый, и такъ понятливъ для ученья, что всѣ на него удивлялись. Князь [1] былъ старъ (ему было тогда, въ 1776 году, за 60 лѣтъ). ⟨И домъ нельзя было оставить.⟩ Онъ, хоть и слѣпой, управлялъ всей вотчиной такъ, что сосѣди учились у него. Но сына надо было воспитывать, и онъ поѣхалъ на зиму въ Москву съ своими дѣтьми, мамками, нянъками и учителями французами и мадамами. Въ Москвѣ у него былъ свой домъ на Устрѣтенкѣ, и тамъ онъ жилъ зиму, посылая сына въ пансіонъ. Служба же сыннина шла своимъ чередомъ, и онъ уже былъ поручикомъ Преображенскаго полка. Самъ Князь, хоть не много служилъ и чинъ имѣлъ не знатный, но родня у него была въ силѣ, братъ двоюродный Иванъ Романовичъ былъ женатъ на Суворовой, а Суворовъ тогда забиралъ силу. Молодой Князь былъ шаловливъ и за женскимъ [2] поломъ рано сталъ бѣгать, но кромѣ радости отъ него до 16-ти лѣтъ Князь Николай [Иванычъ] ничего не видѣлъ. 16-ти лѣтъ Князь Василій Николаевичъ поѣхалъ съ дядькой въ Петербургъ, а Князь Николай Иванычъ благословилъ его и уѣхалъ въ деревню. Въ это же время онъ отдалъ за мужъ обѣихъ дочерей. Одну — за Депрер[адовича], а другую — за графа Илью Толстаго. — Съ той поры Князь жилъ въ деревнѣ, продолжая копить имѣніе и награждая сына и зятьевъ. Въ молитвѣ [?] [3] Богу, [4] благодаря его за всѣ полученныя отъ него милости и надѣясь на то, что горе, предсказанное юродивымъ, было смерть жены и дѣтей и ужъ прошло; но оно не прошло, а только приближалось.

Князь Василій Николаевичъ жилъ въ Петербургѣ у брата Алексѣя Ивановича, и тутъ началось горе, котораго не зналъ еще отецъ. Василій Николаевичъ сталъ пить и играть.

№№ 3—4.

1.

Село Вяземское сидѣло по обѣ стороны рѣки Зуши вдоль по большей дорогѣ отъ Мценска къ Ефремову. По сю сторону рѣки

[1] *Перед словом:* Кн. *в подлиннике не вачеркнуто:* Самому стар.
[2] *В подлиннике:* женскаго
[3] *Можно прочесть:* И молиться [?]
[4] *В подлиннике:* Бога

ко Мценску на высокой горѣ, улицей, сидѣли Княжескіе 73 двора, въ концѣ дворовъ стояла церковь, и за церковью къ спуску къ рѣкѣ сидѣли поповскіе и бобылей 8 дворовъ, да избушки дворовыхъ. Внизу, влѣво отъ дороги вверхъ по рѣкѣ саженъ на 50 была большая наливная мельница о 4 постава, Княжеская же. За рѣкой на отлогомъ подъемѣ въ гору были постоялые два двора и еще 22 двора Княжескіе въ перемежку съ дворами другихъ помѣщиковъ.

〈Въ селѣ, по обѣ стороны рѣки жили мужики боярскіе двухъ господъ. Большая часть, 73 двора были прежде Князя Вяземскаго, отъ него перешли его дочери Ртищевой, отъ Ртищевой уже перешли внукѣ его, Княгинѣ Горчаковой, и въ 1757 году были Горчаковскіе.〉 8 дворовъ были Кузьминой [1] барыни, всерединѣ зарѣченской слободы и ее самой барской дворишко, да еще 2 двора были Писарева помѣщика, остальные на выѣздѣ 17 дворовъ были однодворцы и назывались Пашутинской слободой.

〈Въ ближней сторонѣ у церкви была Горчаковская усадьба, и въ ней въ 1757 [году] жилъ самъ Князь съ Княгиней и съ тещей Матрёной Ѳедоровной Ртищевой. У церкви же жили два попа, дьяконъ, дьячки. —

За рѣкой жила Скуратова, вдова, Пулхерья Ивановна. Писаревы не жили, а въ господскомъ дворишкѣ жилъ прикащикъ. —〉

Барскій Княжескій дворъ и новые высокіе хоромы стояли по сю сторону рѣки ото Мценска, сажень на сто вправо отъ дороги, насупротивъ Церкви.

Въѣздъ на барскій дворъ былъ противъ церкви. И прямо въ заду двора стоялъ новый домъ. Налѣво отъ него шли амбары и загибались на правую сторону. На лѣвой сторонѣ были конюшни, колясочные сараи, а спереди по обѣимъ сторонамъ воротъ были людскія. Влѣво за дворомъ 〈былъ〉 молодой садъ яблочный. Въ право на склонѣ горы была дорога, а за дорогой дворы, конный и скотный и закуты дворовыхъ. Позади дома была роща дубовая. Въ рощѣ была баня. [2] Въ этой то банѣ на

---

[1] *Зачеркнуто:* Скуратовой

[2] *Зач.:* И черезъ рощу шла дорожка на гумно и черезъ другую рощу на скирдникъ. А за скирдникомъ вправо шло поле, а въ лѣво большой старый Ледовскій лѣсъ.

Случилось это на 5-й день послѣ крестинъ, въ то самое утро, какъ Князь Романъ Ѳедорычъ, погостивъ у братца, съ Княгиней собирался ѣхать домой. Было это Петровками, стояли жары. 〈Наканунѣ гостей было много. Пріѣзжали проститься съ почетнымъ гостемъ.〉 Большая половина осталась ночевать и потому Князь Романъ Ѳедорычъ задумалъ выѣхать до свѣта, чтобъ холодкомъ ѣхать и поспѣть къ обѣду въ село Сергіевское къ пріятелю и куму своему Князю Гагарину. Люди Княжескія всю эту ночь не спали. Свечера, отслуживъ за господскимъ ужиномъ и уложивъ господъ спать, пріѣзжіе люди 〈зашли на деревню,〉 сами поужинали. За ужиномъ выпили положенную отъ Князя Николая Ивановича водку, пріѣзжимъ вынесли за ворота, поиграли съ дѣвушками пѣсни, а тутъ

выкинутой изъ двери прѣлой соломѣ на 7-й день послѣ родинъ молодаго Князя нашли подкинутаго, только что рожденнаго младенца.

ужъ и заря занялась, и пошли кучера лошадямъ корму задавать, а лакеи укладывать карету. — Кареты тогда были въ нови, у Князя Николая Ивановича кареты не было, а были коляски вѣнскія и, такъ что, когда налюбовались всѣ на новую золоченую Князь Романову карету и захотѣли убрать ее въ сарай, то увидали, что она въ ворота сарая не подходитъ; и потому свезли карету за рощу въ пустой гуменный сарай и тамъ ее поставили. Туда то въ сарай и пошли двое людей: Камердинеръ Княжескій и Калмыченокъ укладывать карету. — Камердинъ прилегъ на оржаный ворохъ и послалъ Калмыченка въ домъ принесть ящикъ изъ подъ козелъ. —

Только они вышли изъ калитки на дорожку къ банѣ, какъ увидали сквозь деревья, кто то пошелъ отъ бани ⟨да не⟩ къ гумну, ⟨а лѣсомъ къ Ледовому⟩.

— Эй, что за человѣкъ? — крикнулъ онъ. — Баба никакъ, — сказалъ камердинеръ, но баба не остановилась, а побѣжала, ⟨только⟩ красная понева и ⟨пятки,⟩ босыя ноги сверкали межъ деревьевъ.

— И яй! Держи, — вдругъ весело и лихо гаркнулъ камердинеръ. — Ту его! — и пустился бѣжать за ней.

Но Савелій былъ человѣкъ грузный, такой же, какъ его баринъ, и скоро запыхался. Но повеселиться чѣмъ нибудь ему хотѣлось.

— Эй ты, косоглазый, держи, ты ⟨легокъ⟩. И яй, — гаркнулъ онъ опять. — Лови, косоглазый чортъ! И яй! Ту его! Чуръ пополамъ. — Онъ остановился и кричалъ, смѣясь и поглядывая на быстро удалявшійся отъ него красный камзолъ припустившаго калмыченка.

Калмыченку было лѣтъ 15. Его два года тому назадъ своякъ привезъ изъ Оренбурга и подарилъ князю. Калмыченокъ былъ жилистой, ловкій и рѣзвый. Онъ живо сталъ нагонять бабу. Ужъ ему видно было, что она простоволосая, молодая, небольшая ростомъ, но очень красивая, статная дѣвка. Какъ только она выбѣжала черезъ лѣсъ на гумно и подбѣжала къ воротамъ, онъ нагналъ ее и ухватилъ сзади за руку.

— Попала, — закричалъ онъ.

— Держи крѣпче! И я яй! — отозвался изъ за лѣса бѣгущій Савелій.

Но дѣвка или баба, какъ кликуши кричатъ, закричала страшнымъ голосомъ и стала вырываться и, обернувшись къ нему, она другой рукой отдернула [?] его руку и, не переставая, то визжала, то рѣвѣла, то закатывалась. ⟨Но онъ⟩ былъ цѣпокъ и держалъ ее. Вырываясь, она упала и уронила его съ собой, но онъ все не пускалъ ее. Но барахтаясь на землѣ, онъ вдругъ почувствовалъ жгучую боль въ рукѣ. Она подвела его замершія на ея рукахъ руки ко рту и, пригнувшись къ нимъ, забрала его палецъ въ зубы и, перебирая его къ кореннымъ зубамъ, откусила его.

— Собака! — завизжалъ остервенившись Калмыченокъ и, отпустивъ руку, схватился за запоръ, но она вырвала у него запоръ ⟨и побѣжала опять къ воротамъ⟩. Но у воротъ онъ опять сталъ нагонять ее. Добѣжавъ до воротъ, она ухватила колъ, которымъ притыкались ворота и, прижавшись задомъ къ вереѣ, задыхаясь, остановилась, поднявъ колъ.

— Пусти, брось! — Не хочу! Да воскреснетъ Богъ.

— ⟨Не уйдешь, сука!⟩ —

И взмахнувъ, изъ всѣхъ силъ ударила имъ Калмыченка по головѣ, и ⟨тотчасъ же, подлѣзая подъ перекладину, выскочила за ворота,⟩ и побѣжала за ригу. У Калмыченка потемнѣло въ глазахъ, но онъ оправился и выбѣжалъ за ригу, но, выскочивъ на ту сторону, онъ уже не видалъ ее.

Ребенка нашелъ ночной караульщикъ. Отстоявъ ночь у амбаровъ, онъ вышелъ со двора черезъ рощу осмотрѣть замки у риги. И тутъ то у бани увидалъ, что женщина побѣжала отъ него прочь. На соломѣ онъ нашелъ младенца.

Караульщикъ кликнулъ старосту.

— И есть младенецъ, — сказалъ староста, развернувъ биркой дерюжку.

— Вотъ чудо-то, и волосатый какой. Весь оброслъ, какъ гривой точно. —

— Пойти бабъ скликать, — сказалъ староста. — Вотъ она зачѣмъ, подлая, приходила. — И староста пошелъ въ черную избу, но по дорогѣ встрѣтилъ Акулину Ипатовну, Земскаго жену, и сказалъ ей. Земщиха позвала кухарку и пошла къ банѣ.

— Ребенокъ былъ [1] не повитой и съ мѣстомъ, но былъ живъ. Кромѣ старосты и караульщика и женщинъ столпилось вокругъ ребенка народа много. Все судили, чей бы такой былъ ребенокъ. Одни говорили: дальній, чужой, другіе говорили: здѣшній; староста угадывалъ, что зарѣчинскій. Онъ угадывалъ по дерюжкѣ, говоря, что это заведенье, дерюжки изъ оческовъ ткать, только у зарѣчинскихъ завелось и что на это самые пакостники эти однодворцы. [2]

— Чтоже, бабы, возьмите что-ли младенца-то. Надо при-

На крикъ дѣвки, Калмыченка и камердинера собралось много народа. Караульщики, мужики, ѣхавшіе изъ ночнаго, кучера — люди отъѣзжавшаго Князя и тутошніе.

Калмыченокъ, высасывая кровь изъ своего откушеннаго втораго пальца, ругался на вѣдьму за то, что она его изувѣчила; собравшіеся лакеи, мужики и кучера смѣялись надъ Калмыченкомъ.

— Видно сходить тебѣ къ бабкѣ, палецъ поправить, — говорилъ одинъ.

— Ничего, братъ, Колбашка, — (такъ звали Калмыченка) — мы у шестипалаго лишній палецъ отрѣжемъ, тебѣ приставимъ, — говорилъ другой.

— Эхъ, Колбашка, сердечный и кукиша нечѣмъ показать. — Вѣдь-[ма], — говорилъ третій.

Но караульщикъ и староста не шутя толковали, что за баба была, воровка ли или вѣдьма.

Тѣмъ временемъ уже хорошо разсвѣло.

Потолковавъ и завязавъ тряпкой палецъ Колбашки, стали уже и расходиться по своимъ дѣламъ, когда, проходя назадъ мимо бани, вдругъ и камердинеръ Савелій и староста въ разъ увидали на прѣлой соломѣ, выкинутой у крылечка бани, увидали лежитъ что-то въ дерюжкѣ. — Сразу видно было, что не увелокъ, ни штука какая, а что то живое. Развернули дерюжку, а онъ лежитъ на спинкѣ, щурится и, зажавъ кулачки, изъ обѣихъ рукъ кукиши показываетъ.

[1] *Зачеркнуто:* некрещеный, креста на немъ не было, ни рубашенки. Видно было, что онъ недавно рожденъ. Недавно отнята пуповина и ниченкой перевязана.

[2] *Зач.:* Камердинеръ разсказывалъ, какъ они увидали бабу въ лѣсу и какъ отъ нея какъ полымемъ пахнуло, какъ она побѣжала. Калмыченокъ когда его спрашивали, какая она изъ себя, говорилъ, что она большущая, здоровенная и рыжая.

братъ, — говорилъ староста. — У васъ у груди робята. Чтожъ, до времени. Князю тогда доложимъ.

— Вишь ловокъ, — закричала стоявшая подлѣ ребенка земщиха. — У меня ихъ своихъ четверо, а я бери в..., своей грудью корми. Ты бы вотъ свою бабу прислалъ.

— Такъ чтожъ, хоть ты, мать, на, возьми, — обратился староста къ кухаркѣ.

— Легко ли, возьми. Чего я съ нимъ буду дѣлать, — сказала кухарка.

Ребенокъ между тѣмъ моталъ головкой, шевелилъ губками и вдругъ закричалъ.

Земщиха вдругъ разсердилась на мужиковъ.

— Бога въ васъ нѣтъ, что мелете пустое. Экъ лясы распустили. Тоже окрестятъ, христіанская душа будетъ.

И она подошла къ ребенку, взяла его бережно [?] и положила [1] въ подолъ и понесла домой. —

Принеся домой, она положила его на печку и повила, потомъ ⟨достала⟩ чугунъ съ теплой водой, стростила воду, подложила на лавку соломки, вымыла мальчика, оправила ему пуповину и положила къ груди.

У земщихи было своихъ 4 дѣтей и двое маленькихъ и одинъ грудной. [2] Сама она была баба не молодая, и молока у нея въ грудяхъ мало было. Пока она подкидыша держала, закричалъ ея Мишка. Она положила подкидыша въ шубу и пошла, достала на загнеткѣ горшокъ вчерашній съ кашей, наскребла тупикомъ каши, принесла молока и, набравъ въ ротъ каши и молока, нажевала, изо рта накормила своего Мишутку, дала ему груди побаловаться и потомъ уложила въ одну зыбку и подкидыша и Мишку и велѣла Аксюткѣ качать, а сама, взявъ коромысло и ведра, пошла за водой. —

II.

[3] Князь Николай Иванычъ, хотя и былъ Князь изъ стараго и знаменитаго рода, не былъ ни богатъ, ни знатенъ, и жилъ не пышно и ⟨далеко⟩ не по княжески, не такъ, какъ жили въ его

---

[1] *Слова:* и положила *написаны дважды.*

[2] *Зачеркнуто:* Она была баба смирная, но нынче ее точно муха какая укусила, такъ она была сердита. Старшую дѣвчонку прибила, на мужа такъ раскричалась, что онъ и не радъ былъ, что сказалъ: зачѣмъ она ребенка взяла.

[3] *Зач.:* II. На утро староста доложилъ Прикащику; прикащикъ доложилъ Князю. —

Князь вставалъ раньше своихъ домашнихъ. Онъ сидѣлъ въ своей горенкѣ у окна на дорогу и пилъ чай ⟨и курилъ⟩ съ Ефимъ Ивановичемъ и смотрѣлъ на мимо шедшихъ и ѣхавшихъ по дорогѣ мужиковъ и бабъ; мужики и бабы низко кланялись ему, когда ровнялись съ нимъ, а онъ здоровался и шутилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Ефимъ Иванычъ былъ бѣдный дворянинъ Маклаковъ, крестникъ батюшки Николая Иваныча. Онъ по бѣдности ⟨своей и слабости къ⟩ вину безъ дѣла жилъ у Князя.

время Князья, бывшіе въ силѣ при Царяхъ: Рѣпнины, Долгорукіе, Голицыны, Трубецкіе. Семья у стараго Князя Ивана Ѳедоровича Горчакова была большая, ихъ было всѣхъ 11 человѣкъ, и живыхъ оста[лось] 4 брата и сестра. Когда они раздѣлились, то каждому досталось немного. На долю Николая Иваныча досталось всего 70 душъ. Большая часть того, что у него было теперь, было материно и женино.[1] Всего на всего у него было 300 душъ. Знатенъ же онъ не былъ ни по отцу, ни по себѣ. Ни отецъ его Иванъ Ѳедоровичъ, ни дѣдъ Ѳедоръ Васильичъ, жившій при Петрѣ, ни Василій Дмитричъ, жившій при Алексѣѣ Михайловичѣ, ни Дмитрій Петровичъ — при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, ни Петръ Ивановичъ при Годуновѣ не имѣли важныхъ должностей при Царяхъ. А всѣ больше отбывали отъ службы. Только и служилъ изъ нихъ въ послѣднее время Князь Романъ Ѳедорычъ, отецъ кума Ивана Романыча. Да ⟨вотъ⟩ теперь Иванъ Романычъ былъ ужъ генераломъ и женатый на дочери генерала Василія Ивановича Суворова. — Отецъ же Князя Николая Иваныча, Иванъ Ѳедоровичъ, служилъ при Петрѣ, но получилъ большую обиду и, по нездоровью, сержантомъ вышелъ въ отставку. Такъ что знатность ихъ рода все еще велась отъ отца Петра Ивановича, Князя Козельскаго и Перемышльскаго, Князя Ивана Ѳедоровича по прозвищу Горчакъ, жившаго въ царствованіе Іоанна IV, отъ котораго и пошелъ родъ Горчаковыхъ. Но, несмотря на то, что 7 поколѣній Горчаковыхъ прошло съ тѣхъ поръ, и ни одинъ изъ нихъ не пріобрѣлъ новой силы, знатности и богатства отъ Царей, родъ ихъ былъ такъ знатенъ и богатъ, и сами они, хотя и не служили, но многіе такъ поддерживали женитьбами, воспитаніемъ дѣтей и хорошей жизнью свое положенье, что до сихъ поръ они еще не были захудалыми Князьями, какъ многіе другіе. Князь Николай Иванычъ съ своими братьями Алексѣемъ, Петромъ, Павломъ были именно въ томъ положеніи ⟨въ 1750 годахъ⟩, что они еле еле[2] могли поддерживать свое Княжеское положеніе и отъ жизни ихъ зависѣло совсѣмъ уронить себя и выключиться изъ числа Князей или возвыситься или поддержаться такъ, чтобы и дѣтей своихъ[3] опять оставить въ томъ же положеніи, въ какомъ они и сами были, ⟨т. е.⟩ держаться на водѣ и не потонуть и имѣть возможность подняться до высшихъ степеней. — Для поддержанія себя службой при дворѣ Князь Николай Иванычъ ничего не сдѣлалъ. Онъ самъ былъ воспитанъ въ озлобленіи и даже ⟨затаенномъ презрѣніи къ власти⟩ Царской и новой Императорской власти. ⟨Дѣдъ его, котораго онъ помнилъ, былъ обритъ по приказанію распутнаго Царя Петра и никогда не могъ простить ему не столько этаго, сколько всей распутной и ⟨безбожной его жизни⟩. Отецъ, Князь Иванъ

[1] *В подлиннике:* женнино.
[2] *В подлиннике*: ели ели
[3] *В подлиннике*: свой

Ѳедоровичъ, провелъ всю свою жизнь въ своей Каширской деревнѣ, и тамъ воспитывался и Князь Николай Иванычъ съ братьями въ отвращеніи къ двору и власти, перешедшей отъ безбожнаго ⟨и распутнаго злодѣя⟩ Петра къ чухонской шлюхѣ и Менщикову и потомъ къ Нѣмкѣ Аннѣ Ивановнѣ и ея любовнику. Войдя въ возрастъ, его отдали въ службу, отъ которой деньгами и подарками матери, любившей его больше всѣхъ дѣтей, онъ скоро избавился и 20 лѣтъ⟩

Несмотря однако на отвращеніе стараго богомольнаго Князя къ новымъ порядкамъ, онъ самъ, еле [1] знавшій грамотѣ, училъ старшаго сына — (остальные были на 6 лѣтъ моложе Николая и остались послѣ отца сиротами) кромѣ русской грамоты и нѣмецкому, Французскому языку и ариѳметикѣ. Тогда это нужно было, потому что тогда всѣхъ недорослей съ 7 лѣтняго возраста водили на ѳмотръ и записывали. И всѣ должны были учиться. Указа о томъ, что по желанію родителей одинъ сынъ могъ быть оставленъ дома, еще не было. И потому Князь Иванъ Ѳедоровичъ обязался дома учить сына и дома училъ его, а въ 1745 году, ⟨въ⟩ Царствованіе Елисаветы, записалъ на службу. Въ бытность его на службѣ въ Ин[германландскомъ] полку Князь Иванъ Ѳедоровичъ умеръ. Не смотря на всѣ хлопоты матери, нельзя было въ тѣ времена отбыть отъ службы, и Князь Николай Иванычъ прослужилъ 7 лѣтъ въ полку, былъ съ Минихомъ въ 1739 [году] въ походѣ въ Турцію и дослужился до поручьичьего чина.

Въ 1740 [году] онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ къ матушкѣ въ Каширскую деревню. Тутъ онъ женился въ 745 [году] [на] 14-лѣтней дѣвицѣ Ртищевой. ⟨Тогда началась война 7-лѣтняя, а въ отставку выдти нельзя было. И такъ, оставивъ у матери молодую жену, Князь опять поѣхалъ въ полкъ и ходилъ въ походъ въ Пруссію, гдѣ и былъ раненъ пулей въ ногу при Егерсдорфѣ,[2] и тогда за раной вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню.⟩ И сталъ жить въ деревнѣ, сначала въ Каширской, управляя братниными дѣлами, а потомъ, когда братья выросли, кромѣ меньшаго Павла, и поступили на службу, онъ раздѣлился съ братьями, отдавъ имъ родовое Каширское имѣніе и переѣхалъ въ Чернскую деревню, материну, доставшуюся ему. —

Теперь, когда у него родился 1-й сынъ, онъ жилъ уже шестой годъ въ этой деревнѣ и приводилъ въ порядокъ заброшенныя безъ хозяина материну деревню и женины[3] вотчины, бывшія въ томъ же околодкѣ. Чинъ у него въ отставкѣ былъ поручицкой, имѣнье было небольшое, такъ что и онъ былъ въ томъ же положеніи, какъ его отецъ, т. е. только, только ему не стыдно было быть Княземъ, а пышности и знатности Княжеской не

[1] *В подлинникѣ:* ели
[2] *В подлинникѣ:* Егередорфѣ
[3] *В подлинникѣ:* женнины

было. Но все таки положеніе было такое, такое имѣніе, такія средства и такое воспитаніе, и такія связи, что дѣтямъ его была открыта дорога на высшія степени. И теперь, хотя самъ Князь наслѣдовалъ это отъ отца, — имѣлъ отвращеніе къ придворной жизни, онъ, для теперь только рожденнаго желаннаго Васютки, загадывалъ ни вѣсть какіе чины и званія и богатства.

Князь Николай Иванычъ воспитанъ былъ въ старинномъ богомольномъ домѣ родительскомъ, гдѣ каждый день у нихъ въ домѣ бывали службы, но самъ, отдавая дань времени, не былъ уже такъ богомоленъ, какъ его родители. Церковь Божію онъ не забывалъ, самъ даже отъ небольшаго своего достатка сталъ строить въ Вяземскомъ новый храмъ каменный и былъ странолюбивъ, такъ что у него, какъ заведено было матушкой всѣхъ странныхъ принимать, и по воскресеньямъ и праздникамъ бывали обѣды для нищихъ, и въ монастыри; не только въ тотъ, куда постриглась его матушка, онъ посылалъ дары, но и въ другіе, ближніе въ околодкѣ: въ Никольской, въ Оптинъ, въ Мценской, Духовъ, [1] но онъ, хоть и молодъ былъ, ему былъ 37 годъ, велъ жизнь строгую ⟨и богобоязненную⟩ [2] и распутства не любилъ. И самъ ему не предавался и въ своихъ подвластныхъ за это строго взыскивалъ. Больше всего любилъ онъ свое Вяземское, которое онъ осаживалъ и обстроивалъ уже 8-ой годъ. Любилъ онъ тоже гостей угощивать, и, грѣшенъ былъ, любилъ съ добрыми пріятелями выпить иногда лишнее и пошутить. Но его не столько почитали за его хорошую жизнь, сколько любили за его доброту и веселый обходительный нравъ. Особенно, когда онъ, бывало, выпьетъ, то жена его, Княгиня, уже караулитъ его, а то онъ такъ раздобрится, что никому уже ни въ чемъ отказа отъ него не бывало. [3]

---

[1] *Не вачеркнуто:* но онъ про

[2] *Не вачеркнуто:* и

[3] *Зачеркнуто:* — Глянь ка, Ефимушка, — сказалъ Князь, глядя въ окно, — это некакъ Прохоръ съ села ѣдетъ верхомъ.

Прохоръ былъ камердинеръ Князя, бывшій съ нимъ въ походѣ и теперь приставленный въ управляющіе.

— Прохоръ и есть, — сказалъ Ефимушка.

— Зачѣмъ онъ на село ѣздилъ, а навозъ сюда за Ледовой возятъ, — сказалъ Князь и ударилъ въ ладоши.

Калмыченокъ въ красномъ кафтанѣ, всегда сидѣвшій въ передней, вошелъ съ подносомъ, чтобъ принять пустые стаканы.

— Зачѣмъ Прохоръ на село ѣздилъ?

— А должно къ бабкѣ гадать.

— О чемъ гадать?

— Чьего мальчика въ баню кинули.

— Какого мальчика?

Калмыченокъ сталъ разсказывать, но Князь, не добравшись отъ него толку, позвалъ нянюшку, свою старуху, разливавшую чай, и отъ нее все узналъ. —

Князь Николай Иванычъ былъ очень огорченъ и недоволенъ. Онъ любилъ жить такъ, чтобы все честно, смирно, тихо было. А тутъ такая пакость у него на дворѣ сдѣлалась. Смущала его мысль о томъ, что не виноватъ

Собою Князь былъ мущина хоть и не очень видный, но пріятный. Онъ былъ росту 6 вершковъ, статный и ловкій въ движеніяхъ, но не тучный, живота у него совсѣмъ не было, хотя ему шелъ уже 5-й десятокъ. Лицо было бѣлое, нѣжное, съ румянцомъ, который выступалъ на щеки и кончикъ носа послѣ обѣда. Глаза были большіе, голубые, мягкіе, добрые и часто смѣющіеся. Руки у него были особенно хороши, — сильныя, складныя, и на концахъ ладоней подъ мизинцемъ была ярко красная накладка, точно пастила розовая. Такія руки были у всѣхъ Горчаковыхъ.

Жена Князя Анна.... была боярыня толстая, бѣлая, румяная, чернобровая, съ усиками на краяхъ губъ, горячая, быстрая, хлопотунья и щеголиха. Вскипитъ, разбранитъ, прибьетъ даже, и тотчасъ забыла и не попомнитъ. Гнѣвъ у ней былъ отходчивъ; бабенка она не злая, говорила про нее свекровь, но Николушкѣ далеко не пара. Всетаки онъ ее любитъ и слава Богу. Сама свекровь была женщина старая и стараго вѣку и женщина строгая. Она уже давно собиралась въ монастырь и живала подолгу въ Бѣлевскомъ монастырѣ, куда она и вклады большіе дала и теперь собиралась совсѣмъ постричься. Послѣдній сынъ — Павлуша — поступалъ на службу и Богъ далъ внучка, — она только этаго и ждала. Она ужъ 30 лѣтъ ходила въ

ли въ этомъ братъ меньшой Павлушка, жившій у него съ учителемъ, и свои дѣвки, и еще смущало то, какъ жена ⟨и⟩ свояченя на это посмотрятъ: особенно боялся онъ жены, зная ея горячій и вздорный нравъ. Начнетъ добиваться и тутъ заспоритъ и вздоръ сдѣлаетъ.

Когда Прохоръ подъѣхалъ къ калиткѣ и, слѣзши съ лошади, сталъ привязывать ее у плетня, Князь уже все зналъ и спросилъ у него.

— Ну что, дознался?

— Дознался. Скуратовская дѣвка подкинула. —

У Князя отлегнуло отъ сердца, когда онъ узналъ это. Но ему хотѣлось знать все подробно, и онъ велѣлъ Прохору разсказать все дѣло, какъ было.

Прохоръ, зная, что Князь, любитъ обстоятельные разсказы, разсказалъ: какъ староста разсказалъ ему, гдѣ и какъ нашли ребенка и потомъ, какъ они рѣшили, что надо спросить у бабки:

— Хотѣлъ къ Крючку — Сидору ѣхать, да далеко, да и онъ другой разъ не говоритъ, староста говоритъ: Малашка бабушка [?] все разскажетъ. Ну, я пріѣзжаю къ ней. Она печь топитъ. «Здорово живешь». «Здорово, Калинычъ, что, али съ прибылью?» Такъ сразу, шельма, и потрафила. «Да прибыль то неладная», молъ. «Знаю, что не ладно. Да вѣдь кудажъ ей дѣть то его. Мужики не примутъ. А Князю чего не принять».

— Да чей же онъ будетъ, Сидоровна. —

— А вотъ дай золу выгребу. Къ столу сядемъ, все узнаемъ. А ужъ ты крупицъ то мѣшочекъ пришли.

— Ну чтоже, какже она узнала? — спросилъ Князь, очевидно съ удовольствіемъ и съ насмѣшкой слушавшій разсказъ.

— Да такъ и узнала сразу. Налила чашку воды, уголекъ бросила, стала водить веретеномъ. Пошептала, пошептала. «Дѣвка, — говоритъ, — не стара, ни молода. Звать Марѳой. Скурятихина будетъ Марѳушка. Кривошея ⟨?⟩ дѣвка?»

— Чтожъ это она въ водѣ увидала?

— Да ужъ вотъ и судите, какъ знаете. Поѣхалъ къ Пулхерьѣ Ивановнѣ, позвали дѣвку. На ней и лица нѣтъ. Только постращать хотѣли, тотчасъ во всем повинилась.

черномъ и вела жизнь монашескую, была худая, строгая; рѣдко говорила и никогда не смѣялась. Кромѣ нея и ея попа и старуш⟨ки⟩ жили въ домѣ Павелъ съ учителемъ, старичокъ у Князя и двѣ сиротки.

III. [1]

Отъ кума Николая Петровича Шеншина, воеводы Мценскаго, вернулся посланный съ извѣстіемъ, что Николай Петровичъ пріѣдетъ утромъ и Князь Николай Иванычъ о кумѣ успокоился, но [отъ] кумы, — Княгинѣ Анны Васильевнѣ съ мужемъ, все еще не было извѣстія.

* * № 5.

Труждающіеся и обремененные.

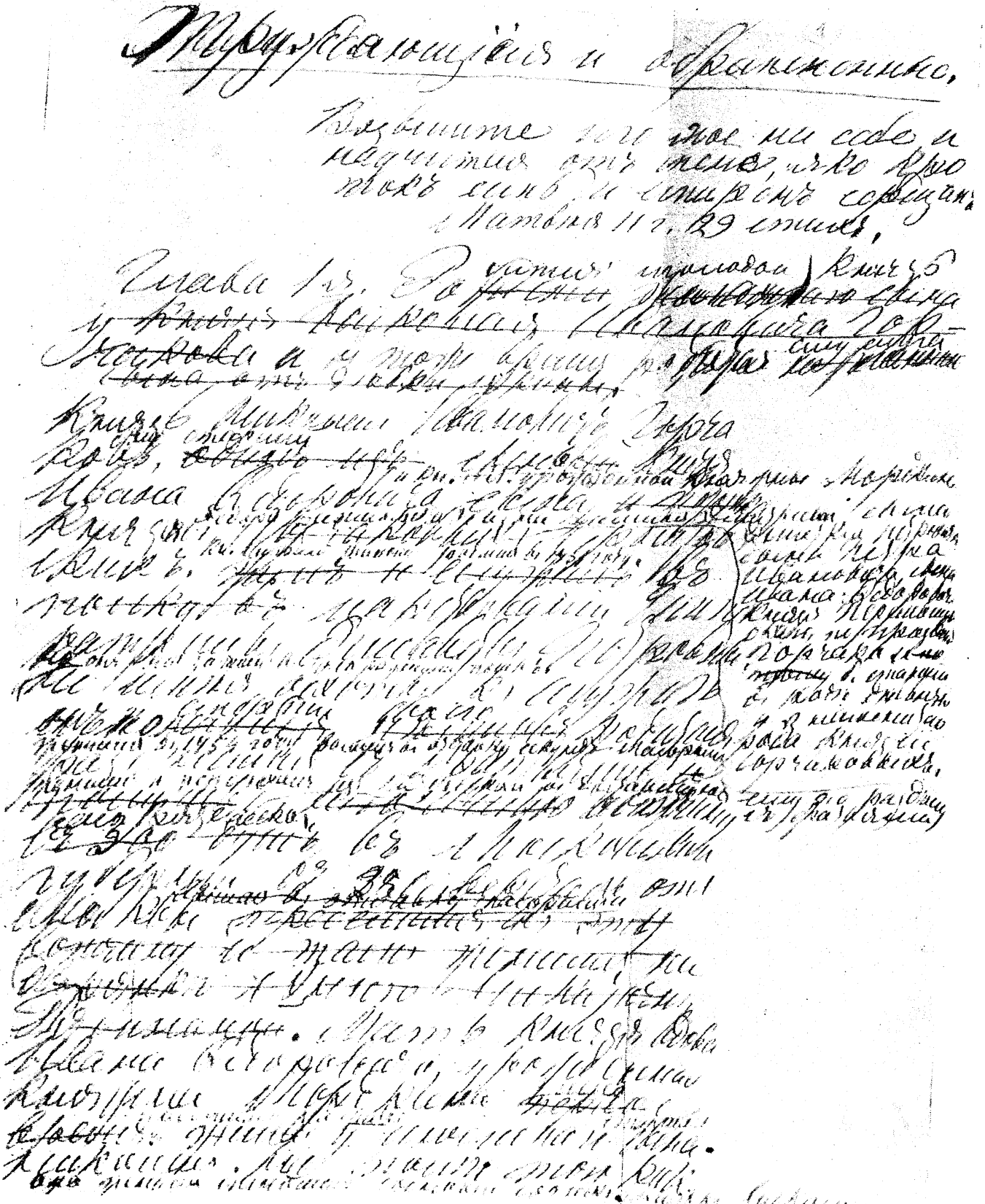
Возьмите иго мое на себе и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.
Матвѣя 11 г. 29 стихъ.

Глава I-я. Родится [2] молодой Князь и въ тоже время родится [3] ему слуга.

Князь Николай Ивановичъ Горчаковъ былъ старшій сынъ Князя Ивана Ѳедоровича, [4] сына Князя Ѳедора Васильевича, сына Василья Дмитріева, сына Дмитрія Петровича, сына Петра Ивановича, сына Ивана Ѳедоровича Князя Перемышльскаго, по прозванію Горчака, и былъ старшій въ родѣ древняго и знаменитаго рода Князей Горчаковыхъ, Черниговскихъ. Князь Николай Ивановичъ родился въ 1731 году въ царствованіи Императрицы Елисаветы Петровны. Онъ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ. Но не имѣя охоты къ службѣ, онъ ⟨ненавидя нѣмцовъ⟩, по смерти своего родителя въ 1754 году вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ, раздѣлился съ братьями, женился и переѣхалъ изъ Петербурха въ доставшуюся ему по раздѣлу съ братьями вотчину — село Вяземское ⟨въ 300 душъ⟩, въ Московской губерніи въ 350 верстахъ отъ Москвы. [5] Мать Князя, вдова Ивана Ѳедоровича, урожденная Княжна Мордкина, поселилась на житье у любимаго старшаго сына Николая. Но, послѣ того какъ она женила меньшихъ сыновей своихъ, братьевъ Николая, Петра и Павла, она раздѣлила и свое имѣнье между сыновьями, оставивъ себѣ малую часть для

---

[1] *В подлинникѣ:* II.
[2] *Зачеркнуто:* Рожденіе желаннаго сына
[3] *Зач.:* рожденіе нежеланнаго сына отъ дѣвки Арины
[4] *Зач.:* а Кн. NN, урожденной Княжны Мордкиной
[5] *Зач.:* вышелъ въ отставку маіоромъ и переселился въ эту вотчину и тамъ женился на дворянкѣ Аннѣ Никитичнѣ Рябининой.



Первая страница автографа Л. Н. Толстого повести «Труждающиеся и обремененные» (пятый вариант).

(Размер подлинника)

пожертвованій въ монастырь, въ который она желала вступить, она исполнила давнишнее свое желаніе и постриглась въ инокини въ ⟨Хотьковъ⟩ монастырь подъ именемъ матери Амвилогіи.

«Тебѣ, Николушка, меня не нужно теперь, — говорила она сыну. — Живи, какъ при мнѣ жилъ, не забывай Бога и Богъ тебя не оставитъ. А я за тебя буду Богу молиться и благословенье мое всегда будетъ надъ тобой и надъ женушкой твоей, и она добрая. Молода, горяча, но она баба добрая, ты ее наставляй и учи. А когда, Богъ дастъ, дѣти будутъ, то я крестить буду старшаго мальчика и вотъ тебѣ вотчина моя [1] Неручи на зубокъ старшему сыну. А монастырь ужъ ты не забывай и мнѣ и игумены и сестрамъ помогай, и Богъ тебя не оставитъ».

И такъ старая Княгиня еще не въ старыхъ годахъ, 45 лѣтъ, простилась съ сыномъ и уѣхала въ монастырь съ одной вдовой, да двумя крѣпостными дѣвками.

Жизнь Князя Николая Ивановича была спокойная и счастливая. Зимы онъ [2] жилъ въ Москвѣ [3] въ своемъ домѣ на Устретенкѣ, а постомъ ворочался въ свое село Вяземское. Княгиня была женщина здоровая, добрая, ⟨хотя и горячая,⟩ имѣнье у нихъ было достаточное ⟨и съ каждымъ годомъ увеличивалось по степенной жизни и разумному хозяйству Князя Николая Ивановича.⟩ Родные братья и двоюродные любили и уважали старшаго въ роду Князя и съѣзжались къ нему гостить по праздникамъ и въ Москвѣ и въ деревнѣ. ⟨И во всѣхъ дѣлахъ ему бывалъ успѣхъ за всѣ эти первые 10 лѣтъ деревенской жизни, съ 1752 по 1762 годъ.⟩ И самъ онъ не забывалъ приказа матушки, былъ усерденъ къ храму Божію, построилъ церковь у себя въ отчинѣ, принималъ странныхъ и не забывалъ монастыри. Къ матушкѣ въ монастырь каждую осень посылалъ обозы и самъ съ женою два раза въ году ѣздилъ.

Перемѣна царствованія, смерть Елисаветы Петровны и вошествіе на престолъ Петра III и потомъ Екатерины, прошло для нихъ незамѣтно. Отъ Царей милостей они не получали и не ждали. И изъ родни ихъ былъ въ случаѣ тогда одинъ Князь Иванъ Романовичъ, двоюродный Николая Ивановича, женатый на Суворовой. Одно только было горе Князя съ Княгиней, Богъ не давалъ имъ наслѣдника. На другой годъ женитьбы далъ имъ Богъ сына ⟨Михаила⟩, но ребенокъ умеръ, потомъ родилась дочь ⟨Наталья⟩. Потомъ опрокинули Княгиню въ каретѣ, спуская съ Мценской горы. Она выкинула и долго послѣ болѣла и, казалось, что ихъ желанья не могли уже исполниться. Но они не отчаявались и продолжали и сами молиться о томъ Богу и посылать богатыя милостыни въ монастыри, прося монаховъ и монахинь замолить о нихъ Бога. И Богъ исполнилъ

[1] *Ошибочно не зачеркнуто:* на
[2] *Зачеркнуто:* ѣздилъ
[3] *В подлинникѣ:* Москву

ихъ молитву. Мать Амфилогія разсказывала, что это прямо была милость Божія по молитвамъ святаго юродиваго Кирилушки, который и замолилъ Бога за нихъ и прямо предсказалъ не только рожденіе сына, но и судьбу его и его родителей. Мать Амфилогія, скончавшаяся схимницею ужъ въ 1813 году, 105 лѣтъ отъ рожденія и пережившая не только сыновей, но внуковъ и правнуковъ, видѣвшая на своихъ глазахъ совершившуюся судьбу того внука, котораго она вымаливала у Бога, ясно потомъ поняла, когда ужъ совершилось, значеніе словъ Юродиваго, но для Князя Николая Ивановича и Княгини [1] предсказаніе это было темно. —

Это было великимъ постомъ въ ⟨Хатьковскомъ⟩ монастырѣ въ келіи у матери Амфилогіи. Князь съ Княгиней по обѣщанію своему пришли изъ своей вотчины пѣшіе [2] въ монастырь и, несмотря на то, что у Княгини всѣ ноги были въ крови, всю дорогу не садились въ ѣдущую сзади карету. Послѣ молебни угоднику они переѣхали въ Хатьковъ и, отслушавъ обѣдню и отслуживъ еще молебни родителямъ Преподобнаго, они вошли въ келію къ матушкѣ и сидѣли за чаемъ, когда въ келію вошелъ босой въ одной рубахѣ Кирилушка съ можевельниковыми вѣтками въ рукахъ. Онъ всегда ходилъ лѣтомъ съ цвѣтами, зимой— съ вѣтками. Увидавъ Князя съ Княгиней, онъ пошелъ за перегородку, гдѣ стоялъ кувшинъ съ водой. Помочилъ вѣтки и подпрыскалъ и мужа и жену. «Полюбилъ васъ, слава Богу, — сказала шепотомъ Княгиня-монахиня.—Только кого полюбитъ— брызгаетъ».

— Вотъ, Кирилушка, Богъ не даетъ имъ сына, — сказала инокиня юродивому, — помолись за нихъ.

— Не тужи, старуха волнуха, — заговорилъ юродивый. — Николашкѣ сынъ Вася. У Аннушки Вася. У меня внучекъ. Не тужи, дѣушка, — обратился онъ къ молодой Княгини, гладя ее вѣткой по головѣ, — свекровь не обижай, а сынъ будетъ Васюточка маленькой, маленькой, — заговорилъ, все утончая и утончая голосъ, а потомъ большой, большой, большой станетъ. И онъ все грубѣе и грубѣе дѣлалъ голосъ. — Только не видать тебѣ его близко. Далеко, далеко. Вотъ Николашка увидитъ. Увидитъ, да зажмурится. Вотъ такъ.

Онъ самъ зажмурился. Но, открывъ одинъ глазъ и увидавъ, что Князь Николай Ивановичъ не зажмурился, вдругъ разсердился и, снявъ съ себя шапку кожаную, послушническую, надвинулъ на Князя такъ, чтобы закрыть ему глаза.

— Маленькой, маленькой. Большой, большой. [3]

И точно, черезъ полтора [года] Княгиня родила сына, круп

---

[1] *В подлинникѣ ошибочно не зачеркнуто:* и

[2] *Зачеркнуто:* къ Троицѣ

[3] *Зач.:* Мать Амфилогія помнила все предсказаніе и поняла, что все оно сбылось на радость дѣтей ея и на горе. Но родители вспомнили только про радость

наго здороваго мальчика съ большими волосами и съ двумя макушками. И родился мальчикъ въ рубашечкѣ. Много было на этой радости послано даровъ монастырямъ и заложена въ селѣ Вяземскомъ въ память этаго Храмъ Свят[ителю] Николаю съ придѣломъ во имя Василья. Припоминая слова юродиваго, мальчика назвали Васильемъ и крестили его дядя Князь Алексѣй Иванычъ и бабушка мать Амфилогія, въ послѣдній разъ для этаго случая выѣхавшая изъ своего монастыря. На крестины въ Маѣ мѣсяцѣ съѣхались родные Князя и Княгини. Хотя новый домъ, построенный Княземъ, ужъ въ чернѣ былъ готовъ, съѣздъ былъ такой, что всѣ гости не могли помѣститься въ домахъ и конторѣ, и для Князя Павла Ивановича была разбита турецкая палатка недалеко отъ дома подлѣ рощи.

Въ то самое время, какъ гости съѣхавшіеся на крестины, еще пировали у Князя, въ одну ночь къ [1] палаткѣ, въ которой [2] жилъ Князь Павелъ Ивановичъ, [3] ночью подкинули младенца. Калмыкъ, жившій въ прислугахъ у Князя [4] и чесавшій ему голову, услыхалъ у двери въ балаганъ, что что-то шуршитъ, и, тихо оставивъ засыпавшаго Князя, вышелъ посмотрѣть. Кто то босыми ногами побѣжалъ по дорогѣ къ лѣсу. Калмыкъ хотѣлъ ужъ назадъ вернуться. Вдругъ запищало что-то у него подъ ногами. — Глядь, — младенецъ, ⟨голый, какъ есть, въ дерюжкѣ завернутъ⟩. Калмыкъ взялъ мальчика, хотѣлъ внести его въ балаганъ, да вспомнилъ, что Князь чутокъ на сонъ и сердитъ, коли разбудятъ его, да раздумалъ и, разбудивъ казачка, велѣлъ ему Князю голову чесать, а самъ понесъ мальчика въ земскую избу, и, разбудивъ Земскаго, показалъ ему и разсказалъ, какъ было дѣло. Земской позвалъ караульщика, старосту, и стали судить, чей бы [5] ребенокъ и какъ Князю сказать, какъ бы бѣды не было.

⟨Ни⟩ креста на ребенкѣ [6] не было, и ни рубашонки, ничего, и пуповина, видно, недавно откушена и завязана ниченкой изъ рубахи. — Мужики судили, чей бы такой былъ ребенокъ; староста говорилъ, что по дерюжкѣ — не съ ихъ стороны, а съ зарѣченской изъ Пашутина долженъ быть, потому что толь[ко] та[мъ] пошло это новое заведеніе ткать дерюжки изъ [7] оческовъ, ⟨а у нихъ нѣту. (Пашутина была вольная деревня за рѣкой.) Земской говорилъ, что надо завтра къ бабкѣ сходить, она узнаетъ, чей. Калмыкъ разсказывалъ, какъ онъ чуть не наступилъ на мальчика. А, между тѣмъ, ребенокъ лежалъ на [8]

---

[1] *Зачеркнуто:* у балагана
[2] *В подлиннике:* въ которомъ
[3] *Зач.:* (Балаганъ стоялъ на краю усадьбы у лѣса)
[4] *Зач.:* и ночевавшій на полу
[5] *В подлиннике:* бы *повторено дважды*
[6] *В подлиннике:* ребенка
[7] *В подлиннике:* ихъ
[8] *Зачеркнуто:* полатяхъ

конникѣ, куда его положилъ калмыкъ, и, разметавшись въ дерюжкѣ, громко сталъ кричать. Земщиха, изъ за перегородки давно уже слышавшая ихъ разговоръ, закричала оттуда на нихъ.

— Бога въ васъ нѣтъ! — закричала она вдругъ. — Что ребеночка то бросили. Завтра разберетесь, а теперь надо его покормить. — И она, накинувъ шубенку, вошла въ горницу и унесла къ себѣ ребенка, а мужа послала за молокомъ.

У земщихи дѣтей не было, ребеночекъ былъ здоровый, хорошій. Она положила его на кровать. Достала чугунъ съ теплой водой. Стростила воду въ корытѣ, вымыла ребенка, обернула его въ старую рубаху, наскребла каши тушикомъ въ горшкѣ и стала жевать эту кашу съ молокомъ и изо рта кормить ребенка.

Наутро, прежде еще [чѣмъ] всталъ Князь, староста съ Земскимъ и Прикащикомъ пошли къ бабкѣ, и бабка на водѣ отгадала имъ, что ребенокъ Пашутинской и что родила его дѣвка Арина, Федота Ѳоканова дочь. Земской съ Прикащикомъ пришли въ волостную избу и послали за Ѳедотомъ. Ѳедотъ былъ мужикъ не молодой, у него уже было два сына женатыхъ, и жилъ онъ хорошо. Дѣвка его, Аришка, была первая плясунья и хороводница по деревнѣ, и старикъ про нее ничего не зналъ. Зналъ только, что она вчера дома не ночевала. А съ подругами вмѣстѣ ленъ мяли на мельницѣ.

— Пакости у меня такой въ дому не бывало, у меня и снохи со двора не ходятъ, а какъ на улицу безъ спроса пойдутъ, такъ я ихъ въ яму сажаю, а дочь и того строже, матери учить приказываю. Если же правда, я ее, суку, до смерти запорю. —

Когда привели дѣвку, то по лицу сейчасъ видно было, что она виновата. Она вся осунулась и стала такая, что краше въ гробъ кладутъ. Когда стали дѣвку спрашивать, она недолго отпиралась и скоро ⟨во всемъ⟩ созналась. ⟨Только сколько ее ни стращали, ни на кого не показала.⟩ Разсказала все дѣвка такъ:⟩

— «Пошла я [1] с дѣвками на толчею и почуяла къ вечеру, что мнѣ родить. Я пошла съ дѣвками домой, отошла отъ мельницы, и тутъ у дяди Егора въ овинъ и родила. Я и сама не знала, что со мной. Только глянула на него, онъ ворочается. Я хотѣла его задушить, совсѣмъ ужъ было сѣла на него, да онъ закричалъ. Мнѣ его жалко стало, я его и повила. Потомъ думаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать, пропала моя головушка. Думаю себѣ, убѣгу отъ него и побѣжала прочь ко двору. И далеко отошла и все слышу, онъ кричитъ, какъ ярочка плачетъ. Отбѣгу, отбѣгу, уши заткну, а онъ все кричитъ. И ⟨сама⟩ до двора добѣжала задами, а все его слышу. Опрокинулась я назадъ бѣжать, прибѣгла къ овину, а онъ лежитъ, не шевелится и не пикнетъ. Схватила я его, завернула въ дерюжку, въ которой ленъ

[1] *В подлиннике ошибочно не зачеркнуто:* на

приносила, и побѣгла [1] сама не знаю, куда. Уже смерклось, только слышу, вода на заставкахъ шумитъ. Прибѣгла я къ водѣ. А *онъ* тутъ глянетъ на меня, как захахочетъ: — кидай, — говоритъ, — сюда ко мнѣ. — Я испугалась, ⟨перекрестилась⟩ и ну бѣжать. Бѣжала, сама не помню, куда, и прибѣгла къ барскому двору. ⟨А онъ за мной.⟩ Оглянулась, а онъ тутъ. Я въ лѣсъ, тутъ у бани бросила и побѣгла домой». —

Все это она разсказала, а про прежнее ничего не сказала. Только и говорила, что «не знаю», «не помню». И только просила дѣлать съ ней, что хотятъ, а не погубить ребеночка. —

— Научилась тоже, — сказалъ Князь. — Ну, а чей, — призналась?

Все разсказалъ Пашутинской Ѳедотка. Корчагина Ивана сынъ. Онъ у скурятихи бондарничалъ.

Князь покачалъ головой.

⟨Волостный голова велѣлъ отвести ее старику домой и ребенка велѣлъ взять отъ Земскаго. Старикъ въ волостной избѣ все молчалъ и ничего не сказалъ ни дочери, ни головѣ и молча отвелъ дочь домой и привязалъ ее къ сохѣ на дворѣ. И матери велѣлъ уйти и не выходить къ нему, потомъ взялъ кнутъ и билъ кнутомъ дочь до тѣхъ поръ, что она кричать перестала. Тогда онъ кликнулъ старуху, пособилъ ей отвязать затянувшіе[ся] узлы, запрегъ телѣгу, насыпалъ овесъ и поѣхалъ сѣять⟩.

Князь Николай Ивановичъ очень огорчился, узнавъ о пакостномъ дѣлѣ и хотѣлъ скрыть его отъ домашнихъ. Но на Княгининой половинѣ [2] все уже узнали ⟨отъ калмыченка и промежду много было смѣху надъ Княземъ Павломъ, какъ ему мальчика дѣвка подкинула.⟩ Старушка Княгиня ⟨монахиня⟩ сказала сыну и невѣсткѣ, что мальчишку этаго можетъ на счастье подкинули, что его отдавать не надо, а записать за собой, что онъ можетъ быть слугой будетъ ея крестнику, а что только надо грѣхъ прикрыть.

Князь такъ и сдѣлалъ по совѣту матери, онъ позвалъ изъ за рѣки Ѳедота, выговорилъ ему за то, что слабо смотритъ за дѣвками и сказалъ, что мальчика онъ возьметъ себѣ, а дѣвку выкупитъ у Скурятихи и выдастъ за малаго. И онъ тотчасъ же послалъ Прохора къ Пулхеріи Ивановнѣ торговать дѣвку и къ однодворцу, чтобы онъ пришелъ къ нему.

⟨Ѳедотъ поблагодарилъ Князя и, молча вздыхая, пошелъ домой; за мальчика не стоялъ, а дѣвку обѣщалъ отдать замужъ за вдовца Игната. Игнатъ былъ бѣдный смирный мужикъ и прежде еще сваталъ дѣвку. Князь послалъ за Игнатомъ, обѣщалъ ему кобылу, и Игнатъ согласился взять дѣвку и отдать мальчика.

Мальчика окрестили Васильемъ же. Калмыкъ съ Земчихой были восприемниками, и мальчикъ остался на попеченіи у

[1] *Зачеркнуто:* на мельницу
[2] *В подлинникѣ:* половиной

Земчихи. Она выпаивала его на соскѣ. Аришка ходила провѣдывать. А дѣвка скоро выздоровѣла, и къ осени ее просватали за вдовца Игната въ той же деревнѣ Пашутиной и къ Пок[рову] она вышла замужъ.〉

Глава 2-я. Какъ Васька обидѣлъ молодаго Князя и какъ Ваську сослали къ матери.

Послѣ 〈Князя Василія〉 Михаилы, родился у Князя еще сынъ Василій, потомъ Александръ и еще двѣ дочери — Пелагея и Наталья. — Когда пришло время учиться, приставили къ Князю Михайлѣ молодаго попа Евграфа 〈и привезли изъ Москвы по желанію Княгини Француза Жубера〉 и, чтобы не скучно было ему одному учиться, съ нимъ вмѣстѣ посадили учиться земчихина пріемыша, — и Ваську, и воспитывавшихся у Князя двухъ сиротъ родныхъ. Васинька [1] отличался отъ всѣхъ дѣтей и 〈добротой〉 и 〈еще больше〉 остротой къ ученію. Попъ [2] Евграфъ дивился на него и говорилъ, что ему ученіе слишкомъ легко дается. Онъ прошелъ въ годъ часословъ и псалтырь, и 9 лѣтъ читалъ такъ хорошо своимъ тонкимъ нѣжнымъ голоскомъ, что всѣ заслушивались его. И мамка его, Анна Ивановна, всегда садилась его слушать и плакала. На службахъ церковныхъ, которые кромѣ обѣдни каждый день служили въ домѣ Князя, онъ, примѣтивъ, что родитель его подпѣвалъ, сталъ также подпѣвать, и голосъ у него былъ нѣжный и пріятный. Васька тоже учился хорошо. И его изъ [3] товарищей больше всѣхъ любилъ молодой Князь Василій. 〈Девяти лѣтъ онъ уже читалъ и писалъ по французски, и такъ часто говорилъ съ своимъ Эрнестъ Егорычемъ, что Князь Николай Ивановичъ, мало знавшій по французски, ужъ не понималъ его.〉

Девяти же лѣтъ Васиньку возили къ бабушкѣ, и ему очень полюбилось у нея. Полюбилась ему тишина, чистота кельи, доброта и ласка бабушки и добрыхъ старушекъ монахинь и великолѣпіе службъ. Тишину движеній монахинь, выходившихъ съ клироса и становившихся полукругомъ, ихъ поклоны игуменьѣ и [4] ихъ стройное пѣніе. Бабушка же и Гавриловна, ея послушница, и другія монахини полюбили мальчика, такъ что не могли нарадоваться на него. Бабушка не отпускала отъ себя внука и по зимамъ маленькій Князекъ больше жилъ въ монастырѣ, чѣмъ дома. Монахини и учили его. Княгиня мать 〈поторопилась уѣхать домой, потому〉, что боялась того, чего желала бабушка, чтобы мальчикъ не слишкомъ полюбилъ эту [5] жизнь и не пожелалъ, войдя въ возрастъ, уйти отъ міра въ монашество.

---

[1] *Зачеркнуто:* выдѣлялся отличался удивлялъ
[2] *Переделано: из* Отецъ
[3] *В подлиннике:* изъ *ошибочно повторено дважды.*
[4] *В подлиннике:* и *ошибочно повторено дважды.*
[5] *Зачеркнуто:* красоту

* НОВЫЙ СУДЪ ВЪ ЕГО ПРИЛОЖЕНІИ.

(1872 г.)

Всѣ очень обрадовались новымъ судамъ. Но чѣмъ больше они существуютъ, тѣмъ чаще слышатся жалобы, упреки, насмѣшки. Я тоже радовался новымъ судамъ, тоже со временемъ больше и больше видѣлъ въ нихъ дурнаго и смѣшнаго; но не принималъ этаго дѣла къ сердцу, полагая, что [1] для того чтобы судить о дѣлѣ надо изучить его. Для изученія же я не имѣлъ повода и занятая моя жизнь не давала мнѣ времени заниматься тѣмъ, что до меня не касается. Въ послѣднее же время я ⟨на-бокахъ⟩ почувствовалъ, что дѣло это очень и очень касается меня и каждаг[о] русскаго человѣка. [2] Я убѣдился, что нельзя ни одному Русскому человѣку [3] при новыхъ судахъ жить спокойно и несмотря на все уваженіе къ закону, на все стараніе обезопасить себя отъ незаслуженныхъ страданій и униженій. Я убѣдился, что для Россіи надо совершенно перевернуть то положеніе, которому насъ учили въ Университетѣ, именно, что цѣль закона и Суда есть безопасность гражданъ. Я такъ устроилъ свою жизнь, ограничивъ свои желанія и потребности и отстранивъ отъ себя всѣ возможныя случаи [4] тревогъ, что жизнь моя совершенно безопасна. Я любимъ и уважаемъ въ околоткѣ. Тяжбъ я боюсь и во всѣхъ столкновеніяхъ уступаю, чтобы только не нарушать своего спокойствія. Я не служу, отдаляюсь сколько мог[у] отъ обществен[ной] дѣятельности, предпріятій не начинаю, хозяйствомъ не занимаюсь самъ, а предоставляю управляющимъ, даже воры и разбойники, поджигатели обходятъ меня, и я въ 20 лѣтъ ни разу не [5] видалъ ни воровъ, ни разб[ойниковъ], ни поджиг[ателей] и я ошибочно считалъ свою жизнь

[1] *Зачеркнуто:* мнѣ случайно не попадаются на глаза не благовидные случаи и что

[2] *Зач.:* На меня нежданно негаданно обрушились такія непріятности отъ Новыхъ Судовъ, что

[3] *Начало фразы от слов:* Я убѣдился *до слов:* Русскому человѣку *в рукописи зачеркнуто и восстановлено.*

[4] *Зачеркнуто:* риску

[5] *В подлиннике слово:* не *по ошибке написано дважды.*

обезопашенною насколько возможно. Я забылъ про суды: жизнь моя безопасна отъ всего, кромѣ какъ отъ приложенія закона — того самаго, что имѣетъ назначеніемъ обезпечивать жизнь людей. Очень можетъ быть, что многимъ покажутся ничтожными тѣ[1] униженія и страданія, которымъ я подвергся, но прошу каждаго вѣрить, что совсѣмъ другое дѣло слышать про несправедливости и[2] испытывать ихъ на себѣ, и испытывать въ особенности тому человѣку, для котораго все счастье жизни сосредоточивается въ одномъ скромномъ желаніи ⟨чтобы⟩ его оставили въ покоѣ, также какъ и онъ всѣхъ оставляетъ въ покоѣ.

Преждѣ чѣмъ разсказать мои отношені[я] съ судомъ я хочу разсказать то впечатлѣніе, которое я еще преждѣ невольно получилъ отъ новаго Суда. ⟨Ибо какъ бы ни старался человѣкъ вѣрить наслово торжественному восклицанію Суд[ебнаго] Пристава: Судъ идетъ![3] и что это *Судъ*,[4] я невольно видѣлъ въ этомъ Судѣ очень хорошо мнѣ извѣстныхъ господъ по ихъ прошедшему и не могъ никакъ помирить мое невольное презрѣні[е] къ лицамъ съ уваженіе[мъ] къ Суду. — Даже и самый судъ, какъ что-то отвлеченное, не могъ мнѣ представляться иначе, какъ жалкимъ и смѣшнымъ, потому что я невольно зналъ и видѣлъ⟩[5]

А при неизбѣжныхъ личныхъ отношен[і]яхъ каждаго обвиняемаго къ новом[у] Суду это впечатлѣніе весьма важн[о]: ⟨возможность уваженія, или необходимость презрѣнія очень измѣняютъ положеніе подсудимаго, въ особенности не могущаго себя считать виновнымъ⟩

Ибо если, по несчастному стеченію обстоятельствъ, оказываеш[ься] въ такомъ положеніи, что можешь быть обвиняемъ въ преступленіи, каждому изъ насъ будетъ нисколько не тяжело, а даже пріятно, предстать передъ уважаемымъ судомъ и дать показанія и объясненія, которыя отъ него могутъ потребовать. ⟨Но если[6] представить себѣ, что гдѣ нибудь судъ составле[нъ] изъ извѣстнаго вамъ пошлаго развратника или стараго извѣстнаго по старымъ судамъ взяточника и пошлаго богатаго дурака, который[7] отъ убійственной скуки [и] глупости утѣшается сидѣніемъ на возвышеніи, и если бы представить себѣ, что этотъ самый Судъ, въ этой же Сессіи, умышлен[но] укралъ у казны по 3 р. 6 гривенъ, назначая нарочно Сессію въ то время, когда приходится наибольш[ее] число праздничныхъ дней, — то если

---

[1] *Зачеркнуто:* непріят[ности]

[2] *Зач.:* стѣсне[нія]

[3] *Зач.:* торжеств[енному] виду возсѣдающ[аго] на возвышен[іи] Суда

[4] *Слово:* Судъ *дважды подчеркнуто автором.*

[5] *Фраза осталась незаконченной.*

[6] *Слово:* если *зачеркнуто автором, но оно должно быть восстановлено по смыслу фразы.*

[7] *В подлиннике:* которому

представить себѣ такихъ судей (что невозможно, но я говорю для примѣра) ⟨то тогда⟩ [1]

[2] Въ противномъ случаѣ одно стояніе ваше передъ сидящими судьями, требованіе молчать и говорить, когда вамъ велятъ, уже есть для извѣстнаго рода людей, къ которому принадлежу и я, жесточайшее, незаслуженн[ое] наказані[е]. Итакъ разскажу прежде того, что со мной было, то, что я зналъ о Новомъ судѣ. Я не буду подбирать фактовъ, а разскажу, не пропуская ни однаго, все что я невольно узналъ о Судахъ, преж[де] чѣмъ вступилъ съ Судами въ отношен[іе] обвиняемаго.

То, что я не буду подбирать фактовъ, а опишу все подъ рядъ, я завѣряю своей честью и могу подтвердить свидѣтелями; то же, что я не выдумываю фактовъ, служитъ то, что я [3] прошу всѣхъ тѣхъ, до кого будетъ касаться то, что я описываю, опровергнуть мой разсказъ. — Я не буду говорить о Мировомъ судѣ, потому что, хотя въ моемъ опытѣ я и видѣлъ много ошибочныхъ и ⟨даже⟩ смѣшныхъ рѣшеній Мир[овыхъ] С[удей], я не видѣлъ, не слышалъ и не испытывалъ на себѣ тѣхъ злоупотребленій данной властью, которыя я видѣлъ, о которыхъ слыш[алъ] и которыя испыталъ на себѣ отъ дѣйствія Окружнаго суда во всемъ его составѣ. Первое [4] мое впечатлѣніе объ Окруж[номъ] Судѣ я получилъ изъ дѣла о женѣ убившей мужа, разбиравшагося [5] въ Тульск[омъ] Окр[ужномъ] Судѣ. Я просилъ знак[омаго] мне Т[ульскаго] П[рокурора] сообщить мнѣ, когда будетъ интер[есное] дѣло, онъ указалъ мн[ѣ] на это дѣло, и я пріѣхалъ. —

Дѣло было очень просто. [6] Дѣвка нечестнаго поведенія вышла замужъ за стараго и некрасиваго вдовца, которому въ упрекъ ставила она и ея защ[итникъ] только то, что онъ былъ сопливый. Она въ праздникъ, послѣ того какъ мужъ при продажѣ пеньки пригласилъ ее выпить рюмку водочки, выбрала время, когда все затихло въ обѣдъ въ деревнѣ и мужъ заснулъ на лавкѣ убила его топоромъ, спрятала топоръ на гумнѣ и отперлась отъ преступленія. Старшина уличилъ ее, она созналась и созна валась на судебномъ слѣдствіи. Баба на видъ румяная, здоровая, съ грубымъ и жестокимъ выраженіе[мъ] лица, отвѣты ея всѣ просты, толковы и ясны. Допросы свидѣтелей о томъ, какая была погода, и вообще о предметахъ, не касающихся дѣла, продолжались долго. [7] Потомъ начались такъ называемые пренія. О чемъ были эти пренія, нельзя было хорошенько понять по неясности выраженій и въ особенности потому, что дѣло

---

[1] *Вся фраза осталась незаконченной.*
[2] *Абзац редактора.*
[3] *Зачеркнуто:* печатаю
[4] *В подлиннике:* Первый
[5] *В подлиннике:* разбиравшее
[6] *Зач.:* ⟨Б⟩ Молодая
[7] *Зач.:* Замѣтно было то, что ни Прок[уроръ], ни Судьи не

было ясно какъ день. Но пренія продолжались долго. И защитникъ, къ удивленію моему, постоянно повторялъ то, что баба эта подвергалась неоднократно болѣзни, которая называется: чрезмѣрное развит[іе] живота и остановка менструаціи, и доказывалъ ⟨это тѣмъ⟩, что два раза баба эта была одержима этой странной болѣзнью — одинъ разъ, когда она вышла замужъ и когда всѣ признавали ее беременною ⟨и смѣялись⟩, но никто не видалъ, что она родила, и другой разъ въ острогѣ гдѣ тоже было чрезм[ѣрное] развитіе живо[та] и остан[овка] менструа[ціи], и была призвана акушер[ка], которая сказа[ла]: можетъ быть беремен[на], м[ожетъ] б[ыть] — нѣтъ. Для всѣхъ неодержимыхъ болѣзнью умственной было очевидно, что эта убійца мужа кромѣ того и убійца двухъ дѣтей, что странная эта болѣзнь есть очень простая беременность и тайн[ое] вытравл[еніе] плода; но на судъ позвали двухъ докторовъ, и эти два доктора, въ присутствіи суда, должны были разрѣшать тотъ вопросъ, который пытали[сь] и не разрѣшили величайшіе мудрец[ы], т. е. вопросъ о томъ, насколько дѣйствіе этой бабы могло зависить отъ физическихъ причинъ, насчетъ зависим[ости] души отъ тѣла. Два доктора эти очень мило и быстро, употребляя весьма длинныя и непонятныя слова, разрѣшили этотъ вопросъ къ полному удовлетворенію Суда. Судъ поставилъ вопросы. Присяжные, подъ предводит[ельствомъ] молодаго человѣка въ pince-nez, вышли и объявили, что баба ни въ чемъ не виновна. Пр[окуроръ] С[уда] приказалъ спустить бабу съ возвышенія, на которомъ она сидѣла. Въ публи[кѣ] послышались восторженные аплодисменты, бабу окружили дамы, а господа поздравляли, цѣловали ее и просили принять ее рубли, к[оторые] со всѣхъ сторонъ посыпались въ платокъ къ бабѣ. Я тутъ стоялъ въ недоумѣніи о томъ, нахожусь ли я въ домѣ сумашедши[хъ] или въ Судѣ, когда ко мнѣ подбѣжа[лъ] одинъ Членъ Суда, пожилой и почтенн[ый] семьянинъ, и произнесъ: Каково, графъ? — Я спросилъ: Т[о] е[сть], какъ каково? хорошо или дурно? — Онъ произнесъ: Прелестно, восхитительно! — и отошелъ отъ меня, замѣтивъ, что я не раздѣлялъ еще его мнѣнія. Я вышелъ съ убѣжденіе[мъ], что у кого нибудь голова не на мѣст[ѣ], у меня, или у всѣхъ этихъ господъ. Это было мое первое впечатлѣніе.

[1] Весьма скоро послѣ этаго знаком[ый] мнѣ Т[ульскій] П[рокуроръ] разсказалъ мнѣ, что у него есть подобное же дѣло, только обратно — убійство жены мужемъ. Я заинтересовался дѣломъ, и Т[ульскій] П[рокуроръ] далъ мнѣ прочесть слѣдствіе. Слѣдствіе это превосходно составленное раскрывало слѣдующее: Цирюльн[икъ] мужъ имѣлъ жену развратнаго поведенія. Онъ любилъ ее и старался исправить, но потомъ махнулъ рукой. Одинъ разъ, къ утру уже, жена возвращается полу-

[1] *Абзац редактора.*

пьян[ая] домой и ложится спать. Мужъ говоритъ: гдѣ была? — Жена говоритъ: знаешь гдѣ? у своего любовника. — Мужъ вскакиваетъ и говоритъ: молчи, не говори. — Жена отвѣчаетъ: не замолчу... буду [его] жено[й], а не твоей. — Замолчи! — Не замолчу. Собака для меня лучше тебя. — Мужъ хват[аетъ] топоръ, к[оторый] лежитъ тутъ же, убива[етъ] жену и тотчасъ же бѣжитъ на улицу и кричитъ, чтобъ его взяли, что онъ убилъ жену. —

Дѣло это очень интересовало меня, и я говорилъ знак[омому] мнѣ Т[ульскому] П[рокурору], что [1] невозможно обвинить этаго человѣка, какой бы ни былъ защитникъ. Каково же было мое удивленіе, что цирюльникъ обвиненъ въ сильнѣйшей мѣрѣ, безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Оказалось, что по[с]лѣ оправданія той бабы и еще другаго такого убійцы какъ-то мнѣнія здравомыслящихъ людей о томъ, что такія оправдан[ія] не имѣютъ смысл[а], распространились по Тулѣ. Подъ самый переворотъ этаго мнѣнія попалъ несчастный цирюльникъ и обвиненъ безъ снисхожден[ія]. — Вотъ мои впечатлѣнія о само[мъ] судѣ, какъ зрителя дѣйствій суда. Впечатлѣнія мои о дѣйствіяхъ предварительныхъ ⟨были⟩ слѣдующія. У прачки моей 3 года тому назадъ украли корову. Прачкинъ мужъ съ другим[и] бросил[ся] искать и по слѣду нашелъ корову, уже убитою, у помѣщика въ банѣ, уличилъ вора — крестьянина и помѣщика, подстрек[а]теля воровства. Казалось, дѣло ясно. Вора, знакомаго мнѣ мужика, посадили въ острогъ. Жена его съ двумя дѣтьми осталась безъ куска хлѣба. Мужикъ сидитъ 4-й годъ въ острогѣ, прачка 4-й годъ безъ коровы и в[с]якаг[о] вознагражденія. —

Теперь мои впечатлѣнія какъ участн[ика] Суда Пр[исяжныхъ] Зас[ѣдателей]. Дѣла, въ к[оторыхъ] я участвовалъ, слѣдующіе:

1) о покражѣ ветчины, 2) о поджогѣ, 3) о убійствѣ, 4) о превышені[и] власти, 5) о скопцахъ, 6) объ отбитіи рекрута. [2]

---

[1] *Зачеркнуто:* трудно будетъ

[2] *После слов:* объ отбитіи рекрута — *обрывается связный текст статьи Толстого, от которой сохранилось кроме того еще несколько отдельных отрывков (см. в комментариях).*

*

ВАРИАНТЫ СТАТЬИ «О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ».

№ 1.

Стр. 75, строка 16 сн.

После слов: знаютъ гораздо больше. *в рукописи следует:* ⟨Опредѣляя по качеству знанія, я бы сказалъ, что ученики Г. Морозова то что знаютъ, знаютъ сознательно, т. е. болѣе способны понять прочитанное и выразить письменно мысль; но краткость и неопредѣленность формы экзамена и самая ошибочность мысли экзамена публичнаго помѣшало тому, чтобы эти стороны могли выказаться, и потому всё, что я скажу объ этомъ, будетъ только моимъ личнымъ убѣжденіемъ.⟩

№ 2.

Стр. 80, строка 15 св.

После слов: на нем укрепляющееся. *в ркп.:* ⟨Изъ этихъ словъ видно, что сущность этой теоріи педагогіи состоитъ въ томъ, что *дикари* не знаютъ числа, не имѣютъ ни понятій, ни представленій, и школа посредствомъ развитія содѣйствуетъ образованію ихъ.⟩

№ 3.

Стр. 82, строка 2 сн.

После слов: я нашел, что *в ркп.:* ⟨Г-ну Бунакову надо учиться языку у учениковъ (что люди любящіе и старающіеся узнать языкъ постоянно и дѣлаютъ.)⟩

№ 4.

Стр. 84, строка 13 сн.

После слов: или наукой красноречия? *в ркп.:* Если ни къ какой изъ наукъ, а только къ разговору о предмѣтахъ, то почему сказано о томъ, чѣмъ покрыта лошадь, а не сказано о различныхъ ея породахъ, сказано о ея внѣшнихъ частяхъ тѣла, а не сказано о ея внутренностяхъ, а если бы было сказано о ея анатоміи, то отчего не сказано о ея происхожденіи и т. д.

№ 5.

Стр. 89, строка 1 сн.

После слов: жалко и стыдно. *в ркп.:* ⟨Итакъ сколько я умѣлъ разобрать дѣло, педагогическая теорія эта не имѣетъ никакихъ основъ въ философіи, на которыхъ она думаетъ опираться, и по формѣ и содержанію не удовлетворяетъ требованіямъ здраваго смысла.⟩

№ 6.

Стр. 95, строка 15 сн.

После слов: менее похож на прежний. *в ркп.:* Сознавъ недостатокъ своего стараго способа, мы въ 1860-тыхъ годахъ поступили совершенно такъ, какъ князь Владиміръ, отъискивавшій вѣру, послали пословъ и у ближайшихъ сосѣдей съискали вѣру и взяли ее на вѣру.

№ 7.

Стр. 102, строка 10 св.

После слов: выбралъ все-таки церковную. *в ркп.:* Недостатки одинаковы, но основа Церковной школы—почему такъ, а не иначе учатъ — есть 1000-лѣтняя Исторія и авторитетъ Св. Отцовъ. Основа нѣмецкой школы есть фантазія 10-ти человѣкъ 20 лѣтъ тому назадъ и нѣмца Вурста.

№ 8.

Стр. 104, строка 12 сн.

После слов: еще большее значение: *в ркп.:* ⟨Такъ какъ очевидно было, что точно также вредно учить классификацію, какъ и псалтырь и точно также безполезно заучивать опредѣленіе числа и сложенія, какъ и порядокъ разложенія чиселъ.⟩

№ 9.

Стр. 105, строка 14 сн.

После слов: в первоначальной школе. *в ркп.:* и въ болѣе тѣсной рамкѣ, отвѣчая на два главныхъ вопроса, чему учить и какъ учить въ народной школѣ.

Чему учить? Если одинъ человѣкъ не имѣетъ права учить другаго, чему ему вздумается, то онъ долженъ основать это право на несомнѣнной истинѣ знанія того, что нужно. Такого знанія кромѣ того, которое даетъ вѣра — нѣтъ. Слѣдовательно, остается одно руководство — учить тому, чему хочетъ учиться ученикъ. И въ справедливости этаго относительно высшаго образованія никто не сомнѣвается. Но относительно дѣтей не можетъ существовать свободы выбора и поэтому учителя берутъ на себя опредѣленіе того, чему нужно учить. Но если справедливо первое положеніе, что одинъ человѣкъ не имѣетъ права учить другаго чему ему вздумается, то и не можетъ быть опредѣлена учителями программа ученія. Разрѣшеніе вопроса

о томъ, чему учить, должно зависить только отъ тѣхъ, которые учатся, или отъ тѣхъ, которые побуждаютъ учиться — отъ родителей.

№ 10.

Стр. 107, строка 2 св.

После слов: становятся их родители. *в ркп.:* ⟨И это требованія народа. Но, скажутъ мнѣ, какимъ образомъ удовлетворить требованіямъ народа, когда между ними вы встрѣтите иногда самыя безобразныя требованія. Мужикъ потребуетъ, чтобы его сына выучили подписываться подъ всякую руку, или считать на счетахъ, такъ, чтобы пользы не было видно, или читать псалтырь какъ дьячекъ. Если встрѣтятся такія требованія, они будутъ исключеніями; но даже и въ самыхъ безобразныхъ требованіяхъ вездѣ будетъ доля законности, — такъ что если вы сведете всѣ требованія въ одно, вы найдете въ общемъ требованія здраваго смысла всего народа. Кромѣ того, и главное, другая сторона вопроса, какъ учить? которая рѣшается тоже свободой въ отношеніи учениковъ, застраховываетъ школу отъ возможности удовлетворять неразумнымъ требованіямъ родителей, если бы они и были. Родитель хочетъ, чтобы они подписывали подъ всѣ руки, но я, учитель, не могу его учить этому уже потому, что это будетъ скучно ученику; точно тоже съ чтеніемъ псалтыря и считаніемъ на счётахъ. Я научу его чисто писать, читать по Славянски и считать на счётахъ. Но изъ этихъ знаній извлечетъ ли онъ то, что хочетъ родитель, или орудіе къ дальнѣйшему образованію, это уже не дѣло школы.⟩

№ 11.

Стр. 108, строка 11 сн.

После слов: немецкие педагоги. *в ркп.:* Вопросъ этотъ — не о томъ какой способъ лучше всѣхъ, но *почемъ узнать, какой способъ лучше*, оставляютъ совершенно безъ вниманія, а между прочимъ безъ рѣшенія этаго вопроса нельзя ступить шагу. Понятно, что когда былъ только одинъ способъ обученія (не одной грамотѣ, но и всему ⟨веденію школы⟩, то и не могло быть мѣста этому вопросу. Но теперь, когда есть сотни пріемовъ, надо узнать, чѣмъ руководствоваться при выборѣ. ⟨Но навѣрное по какому нибудь изъ способовъ ученикамъ легче всего учиться. Очевидно, чтобы узнать это, нужно обратиться къ ученикамъ и отъ нихъ узнать это.⟩ Ни теоретич[ескія] разсужденія, ни даже самые результаты ученія, не могутъ вполнѣ показать это. ⟨Точно также какъ если бы мы хотѣли узнать какимъ плугомъ легче пахать, мы ничего бы не узнали ни отъ теоріи, ни отъ пахаря, ни отъ наблюденія борозды, а только отъ наблюденія лошадей — тяжело или легко имъ было.⟩

⟨Единственное, возможное, безошибочное рѣшеніе вопроса, какой способъ лучшій, могутъ дать только сами учащіеся. Но очевидно, что если учащіеся будутъ находиться подъ принужденіемъ, мы ничего не узнаемъ.⟩ Идеальный, наилучшій методъ есть тотъ, ⟨который учащіеся предпочтутъ всякому другому и⟩ при которомъ не нужно никакого принужденія и потому оцѣнка и мѣрило всѣхъ методовъ состоитъ въ большей или меньшей естественности отношеній и потому въ большемъ или меньшемъ принужденіи при ученіи... Обученіе въ семьѣ отцомъ, матерью, служитъ лучшимъ примѣромъ вѣрности этого правила... Тотъ методъ, по которому учатся съ меньшимъ принужденіемъ, будетъ всегда лучше того, по которому необходимо больше принужденія. Но если меня спросятъ, какой методъ лучше: тотъ ли, по которому учатся съ бо̀льшимъ принужденіемъ, но достигаютъ бо̀льшихъ результатовъ, или тотъ, по которому учатся съ меньшимъ принужденіемъ и достигаютъ меньшихъ результатовъ, я отвѣчу, что этаго никогда быть не можетъ. И что если окажется, что съ принужденіемъ достигнуты бо̀льшіе результаты, то это покажетъ только то опредѣленіе того, что̀ мы называемъ результатами ученія составлено неправильно. Такъ какъ это окажется при разсматриваніи результатовъ ученія келейницъ, которыя будто бы выучиваютъ читать въ 6 недѣль. Если экзаменъ этимъ ученикамъ вмѣстѣ съ учениками нашихъ школъ будетъ дѣлать дьячекъ. Найдя, что тѣ ученики бѣгло читаютъ псалтырь, а наши — нѣтъ, онъ скажетъ, что тѣ результаты большіе. Всякое движеніе впередъ педагогики, если мы внимательно разсмотримъ исторію этаго дѣла, состоятъ только въ большемъ и большемъ приближеніи къ естественному отношенію между учителемъ и учениками и меньшей принудительности и большей облегченности ученія.

№ 12.

Стр. 110, строка 13 св.

После слов: руководить школой; *в ркп.:* ⟨одинъ учитель умѣетъ работать при внѣшнемъ безпорядкѣ, другой не можетъ этого дѣлать и требуетъ большей дисциплины, и всегда тотъ учитель, который не вредя дѣлу можетъ допустить бо́льшую свободу, будетъ лучшій. Кромѣ того критеріумъ свободы о томъ, какъ учить относится болѣе къ самой теоріи педагогики, чѣмъ къ практикѣ.⟩

№ 13.

Стр. 113, строка 7 св.

После слов: до поражающего безобразия. *в ркп.:* ⟨Чтобы показать до какихъ размѣровъ дошло это раздвоеніе между требованіями народа и требованіями фантастической педагогіи, разскажу положеніе въ отношеніи народнаго образованія, извѣстнаго мнѣ Крапивенскаго уѣзда Тульской губерніи, въ которомъ я живу. Въ уѣздѣ 40 тысячъ душъ. На 40 т. душъ для того чтобы всѣ

дѣти обучились, нужно отъ 200 до 300 школъ. Существуетъ въ настоящее время 20 школъ, изъ которыхъ половина очень плохихъ, но всѣ школы подходящіе подъ требованія педагогіи, могутъ носить названіе одноклассныхъ училищъ, попадаютъ въ графу отчетовъ и ведутся учителями, побывавшими на педагогическихъ курсахъ и получающими до 200 р. жалованья... Кажется, нечего говорить о томъ, что при такомъ отношеніи количества школъ къ могущимъ учиться, только $^1/_{15}$ или $^1/_{20}$ дѣтей учится, гдѣ народу дается только отвѣдать образованія, стремленіе педагоговъ должно состоять въ томъ, чтобы упростить, удешевить сколь возможно пріемы обученія и сдѣлать его доступнымъ большинству. Что же мы видимъ? — педагоги какъ будто на пари выдумываютъ, какъ бы потруднѣе, посложнѣе, подороже устроить обученіе. Для обученія грамотѣ, въ которое, по ихъ понятію, входитъ мнимое наглядное обученіе, требуется безчисленное количество книгъ, руководствъ, картинъ, которые всё выходятъ новыя и новыя. У Г-на Бунакова я насчиталъ больше чѣмъ на 200 рублей руководствъ и картинъ, которыя онъ рекомендуетъ почти какъ необходимыя. Для ариѳметики нужны и какіе-то кубики и пуговицы и шведскіе счеты и мн. др. Самые учителя должны проходить длинный сложный курсъ учительскій, ⟨послѣ которыхъ вѣроятно ихъ нельзя будетъ нанять за 400 р., когда обычное жалованье платимое обществомъ и земствомъ есть 100 рублей.⟩ Мало того, нужны учительскіе курсы, стоящіе дорого, и училище должно имѣть по крайней мѣрѣ рублей 400 въ годъ, для того чтобы существовать. Казалось бы, что тѣ, кот[орые] заявляютъ такія дорогія требованія для училища должны бы устраивать 1) такъ чтобы дорогія училища эти были хороши 2) такъ, чтобы и средства на учрежденіе этихъ училищъ давали тѣ, кот[орые] ихъ требуютъ. Ничуть не бывало. Училища дурны и средства этихъ не даютъ. ⟨Еще только благодаря здравому смыслу Земства есть 18 училищъ въ уѣздахъ; если бы исполнили то, что требуютъ педагоги, едва ли бы достало денегъ на 4 школы. Но и тутъ училищные совѣты, составленные изъ людей не-педагоговъ, не могутъ не подчиняться хотя отчасти требованіямъ ученыхъ педагоговъ. Такъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ за послѣдніе два года закрыто 40 школъ, несмотря на то, что народъ ихъ желаетъ, но только потому, что они не подходили подъ требованія педагогіи, и въ Крапивенскомъ уѣздѣ, гдѣ Земствомъ отпускается 2000 руб., изъ этихъ денегъ менѣе половины идетъ на жалованье учителямъ, остальные деньги идутъ на педагогическіе курсы, на постройки училищъ, на пособія.⟩

№ 14.

Стр. 115, строка 1 св.

После слов: до 60 школ. *в ркп.:* ⟨Школы были мелкія и многія дурныя, но они были самородныя, они избрали тѣ пункты, к[ото-

рые] имъ были удобны, они нанимали учителей по средству и желанію, большей частью весьма дешево, пользуясь тѣми лицами, кот[орые] были въ околодкѣ, и знали, что за дешевую плату хуже, за дорогую лучше можно имѣть учителя, школы-зданія обходились дешево или учитель чередовался по избамъ крестьянъ или занимали избу учителя, занимались только зимою, потому мѣсячное жалованье ихъ было выше чѣмъ за круглый годъ.〉

№ 15.

Стр. 115, строка 20 сн.

После слов: за исключением июля. *в ркп.:* 〈Есть 3 главные предмета въ администраціи школъ: 1) Распредѣленіе ихъ по мѣстностямъ, т. е. такое, при к[оторомъ] бы наибольшее число учащихся могло ими пользоваться; 2) время занятій, т. е. время года и время дня и 3) мѣра вознагражденія учителей. Изъ правильно принятыхъ мѣръ по этимъ 3-мъ отдѣламъ вытекаетъ и увеличеніе школъ и учащихъ. Посмотримъ, какъ распоряжался въ этомъ народъ, и какъ теперь земско-министерская администрація. Въ распредѣленіи школъ народъ постоянно стремится къ децентрализаціи школъ, т. е. къ тому, чтобы во всякой деревнѣ, а если можно въ каждомъ дворѣ были учители. (И безъ сомнѣнія это есть и желаніе и цѣль всѣхъ любящихъ просвѣщеніе.) Но очевидно должны быть дѣлаемы уступки, и народъ постоянно устраивается такъ, что если одному обществу нельзя одному завести школу, онъ соединяется съ другими и они возятъ зимою дѣтей, если же далеко то одно общество готово платить дороже, чтобы имѣть школу или довольствуется дешевымъ учителемъ (15 р. въ зиму и дешевлѣ). Въ большихъ центрахъ устраиваются большія хорошія школы, въ малыхъ— дешевыя, по найму у Церк[овно-]служи[телей]; но школы устраиваются и разница той и другой видима народу и онъ готовъ дѣлать пожертвованія, чтобы получить хорошаго учителя. Въ самыхъ малыхъ, но богатыхъ деревняхъ устраиваются учителя по найму родителей за ученика и учатъ, переходя изъ двора въ дворъ. Такъ что формы школъ самыя разнообразныя и прилаживающіяся къ мѣстнымъ потребностямъ. Земско-министерская же школа имѣетъ только одну норму *одноклассное училище I-го разр[яда]*. И тамъ гдѣ нельзя собрать до 200 р. (какъ собираются эти 200 р., я скажу послѣ) и нельзя найти помѣщенія, тоже большое (всё строятъ камен[ные] желѣзомъ крытые) тамъ и не допускается школа. Тамъ же гдѣ случилось строеніе: старая станція или пожертвованный домъ, и гдѣ съ волости собралась нужная сумма, хотя бы близкихъ деревень и было мало — устроивается школа. Между тѣмъ какъ въ моемъ сосѣдствѣ есть мелкія деревни по 50, 20 душъ, составляющія въ общей массѣ бóльшую половину населенія волости, к[оторые] не могутъ по отдален[ности] ходить въ школу и никогда

не пойдутъ и ни въ какомъ дальнемъ будущемъ не могутъ имѣть школы, ибо одноклассн[аго] какого то разряда училища у этихъ быть не можетъ.〉

№ 16.

Стр. 124, строка 18 св.

После слов: Для этого нужно, *в ркп.:* 〈Не тратить ни одной копѣйки на постройку школъ, до тѣхъ поръ пока не будутъ оставаться деньги отъ жалованья учителямъ. Крестьяне отъ себя могутъ строить школы, если того желаютъ; но Земствамъ нужно стараться воздерживать ихъ отъ этаго сколько возможно.〉

*ПРАВИЛА ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСОВЪ,

учрежденныхъ графомъ Л. Н. Толстымъ въ сельцѣ Ясной Полянѣ Крапивенскаго уѣзда Тульской губерніи для приготовленія народныхъ учителей.

1875,

Глава I-я. Общія положенія.

1. Педагогическіе курсы для приготовленія народныхъ учителей учреждаются графомъ Л. Н. Толстымъ въ сельцѣ Ясной Полянѣ Тульской губерніи Крапивенскаго уѣзда.

2. Цѣль педагогическихъ курсовъ — доставить педагогическое образованіе молодымъ людямъ всѣхъ сословій, преимущественно крестьянскаго, православнаго исповѣданія, желающихъ посвятить себя учительской дѣятельности въ народныхъ школахъ ⟨Тульской губерніи⟩.

3. Для практическихъ упражненій воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ въ преподаваніи, при означенныхъ курсахъ существуетъ народное училище.

4. Педагогическіе курсы ⟨и народное училище⟩ содержатся на иждивеніи графа Л. Н. Толстаго и суть заведенія открытыя.

5. ⟨Въ педагогическихъ курсахъ состоитъ... человѣкъ учащихся.⟩ [1] Количество учащихся не можетъ быть опредѣлено въ точности; но предполагается не менѣе 50.

6. Педагогическіе курсы состоятъ изъ ⟨трехъ⟩ двухъ классовъ; курсъ ученія въ нихъ ⟨трехъ⟩ двухгодичный, по одному году въ каждомъ классѣ. ⟨Впрочемъ⟩ для ⟨нѣкоторыхъ⟩ болѣе же способныхъ воспитанниковъ онъ можетъ быть сокращенъ, по усмотрѣнію учредителя курсовъ; ⟨но воспитанникамъ, оказавшимся черезъ три года ученія не вполнѣ приготовленными для самостоятельной учительской дѣятельности, дозволяется оставаться въ заведеніи еще одинъ годъ.⟩

7. [2] Педагогическіе курсы непосредственно подчиняются Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

---

[1] *Далее вписано Толстым чернилами поверх вачеркнутого выше.*

[2] *Против п. 7 на полях неизвестной рукой помечено карандашом:* заменить

Глава II. Составъ педагогическихъ курсовъ для приготовленія народныхъ учителей.

9. Педагогическіе курсы и народное при нихъ училище состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ графа Л. Н. Толстаго.

10. ⟨Графъ Л. Н. Толстой имѣетъ бдительный надзоръ за воспитанниками въ нравственномъ отношеніи не только въ стѣнахъ заведенія, но и внѣ ихъ, по мѣрѣ возможности.⟩

11. [1] Въ концѣ года графъ Л. Н. Толстой представляетъ Попечителю Учебнаго Округа отчетъ о состояніи своего заведенія.

12. При педагогическихъ курсахъ состоятъ: одинъ законоучитель, учителя остальныхъ предметовъ — числомъ, по усмотрѣнію учредителя курсовъ, и учитель народнаго училища.

13. [2] Учителя избираются и назначаются графомъ Л. Н. Толстымъ: Законоучитель, по предварительному соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, изъ лицъ духовнаго званія, имѣющихъ на то право по воспитанію; остальные учителя изъ лицъ, по своему образованію удовлетворяющихъ требованіямъ отъ преподавателей педагогическихъ курсовъ.

14. Преподаватели обязаны: ⟨а., съ цѣлію чисто педагогическою, на сколько имъ позволяетъ время, присутствовать на урокахъ одинъ другаго; б.⟩ [3] кромѣ преподаванія своихъ предметовъ, руководить воспитанниковъ въ ихъ практическихъ занятіяхъ въ народномъ училищѣ и помогать имъ въ учебныхъ занятіяхъ внѣ классовъ; ⟨в., содѣйствовать графу Л. Н. Толстому въ нравственномъ надзорѣ за воспитанниками и внѣ стѣнъ заведенія.⟩

15. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія одного изъ преподавателей, исполненіе его обязанностей, по распоряженію учредителя, принимаютъ на себя, насколько это возможно, прочіе наличные преподаватели.

16. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія графа Л. Н. Толстаго, одинъ изъ преподавателей, по его назначенію, заступаетъ его мѣсто.

17. [4] По мѣрѣ надобности, графъ Л. Н. Толстой собираетъ учащихъ для совѣщанія по разнымъ дѣламъ, касающимся до заведенія. Таковы: а., Пріемъ желающихъ поступить въ педагогическіе курсы и снабженіе ихъ, по окончанію курса ученія, свидѣтельствами объ этомъ; ⟨б., Опредѣленіе наградъ и наказаній;⟩ в., Увольненіе изъ заведенія воспитанниковъ не благонадежныхъ, особенно въ нравственномъ отношеніи; г., устройство учебной части педагогическихъ курсовъ и на-

---

[1] *Против п. 11 на полях помечено карандашом:* заменить

[2] *Против п. 13 на полях неизвестной рукой написано:* должно быть представлено г. Попечителю

[3] *Следующие четыре слова вписаны Толстым поверх зачеркнутого выше.*

[4] *Против п. 17 на полях неизвестной рукою написано:* уведомлять об этом [*о благонадежности воспитанников*] нач. Округа.

роднаго при нихъ училища; утвержденіе программъ и способовъ преподаванія; выборъ учебниковъ и руководствъ изъ числа одобренныхъ М-вомъ Нар. Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ; распредѣленіе учебныхъ предметовъ и уроковъ между учащими; д., назначеніе къ выпискѣ книгъ для учениковъ и для фундаментальной библіотеки и е., изысканіе всѣхъ мѣръ вообще, которыя могутъ служить къ благоустройству и успѣхамъ заведенія въ учебно-воспитательномъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніи.

18. Въ педагогическіе курсы принимаются молодые люди не моложе 16 лѣтъ.

19. Общій пріемъ въ педагогическіе курсы бываетъ одинъ разъ въ годъ, предъ начатіемъ учебнаго курса; но частные пріемы, по усмотрѣнію учредителя, могутъ быть и въ теченіе года, съ тѣмъ чтобы желающіе поступить въ педагогическіе курсы по своимъ познаніямъ и развитію подходили подъ уровень того класса, въ который они желаютъ поступить.

20. Желающіе поступить въ педагогическіе курсы должны лично явиться къ графу Л. Н. Толстому и представить ему, [1] кромѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи, а: Лица податнаго состоянія: 1, паспортъ или видъ на жительство и согласіе общества, и 2, свидѣтельство отъ своего приходскаго священника или отъ лица, извѣстнаго графу, о добромъ поведеніи, если проситель лично извѣстенъ учредителю курсовъ, или училищное свидѣтельство о своихъ познаніяхъ и добромъ поведеніи, если проситель обучался въ народномъ училищѣ. Б., Лица же другихъ сословій: свидѣтельство о своихъ познаніяхъ и о добромъ поведеніи отъ тѣхъ заведеній, гдѣ воспитывались, или отъ лицъ, извѣстныхъ учредителю курсовъ, если лично ему неизвѣстны.

21. Всѣ, желающіе поступить въ первый классъ педагогическихъ курсовъ, подвергаются испытанію по тѣмъ предметамъ, которые составляютъ курсъ народныхъ училищъ, при чемъ обращается преимущественное вниманіе не на механическую бойкость отвѣтовъ, но на пониманіе и способность соображеній.

Примѣч.: Курсъ народныхъ училищъ опредѣленъ программами, приложенными къ правиламъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицомъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготой, опредѣленною п. 4 ст. 56 Устава о воинской повинности.

⟨22. Воспитанники педагогическихъ курсовъ освобождаются на все время пребыванія своего въ заведеніи отъ лежащихъ на нихъ повинностей, въ томъ числѣ и военной.⟩

23. [2] Образъ жизни воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ опредѣляется учредителемъ сихъ курсовъ.

---

[1] *Следующие семь слов зачеркнуты и восстановлены.*

[2] *В подлиннике цыфра:* 23 *переправлена на* 22 *для связи с зачеркнутым предыдущим параграфом.*

24. Воспитанники, окончившіе курсъ въ заведеніи графа Л. Н. Толстаго, не получаютъ свидѣтельства отъ заведенія на званіе народнаго учителя; но пріобрѣтаютъ это званіе узаконеннымъ порядкомъ.

[1] Впрочемъ они могутъ быть допускаемы Инспекторами народныхъ училищъ къ учительскимъ занятіямъ въ сихъ училищахъ, если инспекторы найдутъ ихъ къ тому способными.

Глава III-я. Учебно-воспитательная часть.

25. Педагогическіе курсы состоятъ изъ 2-хъ [2] классовъ: младшаго, ⟨средняго⟩ и старшаго, съ годовымъ курсомъ въ каждомъ.

26. ⟨Курсъ младшаго и средняго классовъ теоретическій;⟩ Воспитанники ⟨въ немъ только учатся; курсъ старшаго класса теоретико-практическій; воспитанники этаго класса⟩ не только учатся сами, но и постепенно [3] подъ руководствомъ своихъ учителей [4] упражняются въ преподаваніи ⟨въ⟩ состоящемъ при курсахъ народномъ училищѣ.

27. Ученіе въ педагогическихъ курсахъ начинается съ 15 Сентября [5] и продолжается до 1-го Мая. [6] Въ воскресные, праздничные и табельные дни воспитанники свободны отъ уроковъ. Ученья не бываетъ: во время Рождества Христова съ 24-го Декабря по 7-е Января, съ пятницы масляной до понедѣльника 1-й недѣли великаго поста и съ субботы вербной до понедѣльника Фоминой недѣли. На страстной недѣлѣ воспитанники говѣютъ.

28. На рождественскіе святки, страстную и свѣтлую недѣли и на лѣтніе каникулы съ 1-го Мая по 15-е Сентября воспитанники могутъ быть увольняемы къ родителямъ и родственникамъ.

29. Предметы преподаванія въ педагогическихъ курсахъ опредѣлены въ планѣ сихъ курсовъ, представленномъ г. Попечителю.

⟨30. Практическія занятія учениковъ ⟨старшаго класса⟩ въ народномъ училищѣ совпадаютъ по времени съ ихъ теоретическими занятіями въ педагогическихъ курсахъ; поэтому въ первыхъ воспитанники обыкновенно принимаютъ участіе только поочередно, небольшими партіями отъ 2 до 4-хъ человѣкъ, за исключеніемъ двухъ часовъ въ недѣлю, когда они всѣ обязаны участвовать въ этихъ занятіяхъ.⟩

31. Въ народномъ училищѣ, состоящемъ при педагогическихъ курсахъ, преподаются тѣ же предметы, какъ и въ каждомъ на-

[1] *Против первых слов карандашная пометка:* замѣнить

[2] *Цыфра:* 2 *переправлена из:* 3

[3] *Слово:* постепенно *вписано Толстым поверх зачеркнутого:* сами

[4] *Слова:* упражняются въ преподаваніи *вписаны Толстым поверх зачеркнутого:* преподаютъ

[5] *Слово:* Сентября *вписано Толстым поверх зачеркнутого:* Августа

[6] *Слово:* Мая *вписано Толстым поверх зачеркнутого:* Іюня.

родномъ училищѣ, т. е. Законъ Божій, чтеніе и письмо по-русски, славянское чтеніе, ариѳметика и пѣніе.

32. Для каждого класса педагогических курсовъ назначается въ недѣлю по 30-ти [1] часовыхъ уроковъ; въ этомъ числѣ 2 часа[2] въ младшемъ и по 3 часа въ старшемъ назначаются на собственно [3] практическія занятія учениковъ ⟨старшаго класса⟩ въ народномъ училищѣ, подъ руководствомъ или самаго учредителя курсовъ или одного изъ учителей по его указанію. ⟨Ученики народнаго училища занимаются 20-ть часовъ въ недѣлю.⟩

33. Число уроковъ по каждому предмету показано въ нижеслѣдующей таблицѣ. Измѣненія въ ней дѣлаются графомъ Л. Н. Толстымъ подъ условіемъ общаго согласія на то учащихъ. Сокращеніе же или увеличеніе числа недѣльныхъ уроковъ дѣлается только по разрѣшенію г. Попечителя Учебнаго Округа.

34. Кромѣ показанныхъ въ таблицѣ уроковъ для воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ могутъ быть назначаемы общее чтеніе и бесѣды по предметамъ ихъ курса.

⟨Таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ педагогическихъ курсахъ и народномъ при нихъ училищѣ.⟩

Предметы преподаванія въ педагогическихъ курсахъ[4]

Предметы	Въ педагогическихъ курсахъ			Въ народномъ училищѣ
	Младшій кл.	Средній кл.	Старшій кл.	
Законъ Божій	4	„	3	
Ариѳметика	6	„	3	
Русскій языкъ	6	„	6	
Славянскій языкъ . .	2	„	2	
Географія	—	„	2	
Исторія	—	„	2	
Геометрія линейное . .	2	„	2	
Черченіе землемѣр. .	—	„	2	
Пѣніе	2	„	2	
Алгебра	—	„	6	
Практическія занятія .	2	„	2	
Чистописаніе	6	„	—	
	30		30	

Инспектор [*фамил. неразобр.*]

[1] *Цыфра:* 30 *переправлена из:* 20

[2] *Следующие восемь слов вписаны Толстым поверх текста карандашом.*

[3] *Против слов:* практическія занятія учениковъ *на полях неизвестной рукою помечено карандашом:* мало практич. уроков

[4] *Последняя фраза вписана (карандашом) рукою Толстого; далее им же внесен (чернилами) и список предметов преподавания, а также количество недельных часов, установленных для Педагогических курсов.*

*[ОТРЫВОК ЗАПИСКИ О НАРОДНЫХ ШКОЛАХ КРАПИВЕНСКОГО УЕЗДА.]

(1875.)

...качества ученія. 3) Меньше расходы земства. 4) Прямое и живое участіе обществъ въ своихъ школахъ. 5) Привлеченіе изъ мѣстныхъ жит[елей] крестьянскаго сословія лицъ въ учителя. 6) Отсутствіе постороннихъ вредныхъ вліяній. —

1) Цифры. — 2) Отчетъ и соображен[ія] о народномъ пріемѣ. Мой недостаточно народенъ. 3) Расходы относительно прежняго. 4) Эпизоды недовольства за дурн[ое] ученье въ Ник. когда открываются нов[ые] въ Моск. В. нерелигіозное въ Мисоѣдовѣ — побои. — 5) Общій характеръ учителей — Духовенства, разночинцевъ, крестьянъ. Характеръ ихъ образованія и дѣятельности. 6) Эпизодъ Красногорь [?]. Общій характеръ Семинаристовъ и *Словъ* [?]. Какъ смотрятъ на это пессимисты и либералы — анекдотъ о *Борисовѣ*. Общій выводъ — соотвѣтственность этихъ мѣръ помѣщенія (%) жалованья на лѣто. Простаго пріема обученія и образованіе учителей изъ крестьянъ.

...въАмер[иканскихъ] книгахъ на концѣ тамъ гдѣ бываютъ *Money* тамъ у на[съ] скелеты. И это не хорошо. Я говорю, что это нехорошо не потому, чтобы это направлен[іе] мнѣ не нравилось и чтобы я осуждалъ его и чтобы болѣе вѣрилъ въ Псалмы чѣмъ въ Дар[вина]. Я бы очень желалъ даже, чтобы направленіе это было бы моей задушевной вѣрой именно для того, чтобы вѣра что все истина и образов[аніе] въ естеств. наукахъ я могъ всетаки искренн[о] сказать, что это нехорошо, и нехорошо не потому, что мнѣ не нравил[ось], а потому, что народъ не хочетъ и не любитъ этаго. А то что онъ любитъ не мѣшаетъ всякаго рода развитія. По псалтырю можно выучиться чита[ть], а потомъ читать Дарвина. —

Вся ⟨наша⟩ ошибка въ новой педагог[іи] та, что совершенно забыто, что народъ имѣ[лъ] 1000 лѣтнюю исторію образованія. И начинать писать на немъ [какъ] на Tabula rasa нельзя. — Вообще, чтобы образованіе пошло, не представляло опасность, надо спуститься къ требованіямъ народа, помогать ему въ удовлетвореніи его требованій, предлагая ему новое. И самое дѣло образованія предоставить изъ него выбраннымъ лицамъ. Семинаріи и школы образцовыя.

* [НАЧАЛО СТАТЬИ О ШКОЛАХ КРАПИВЕНСКОГО ЗЕМСТВА]

(1875 г.)

⟨Считаю необходимымъ⟩ При печатаніи отчета о ходѣ школьнаго дѣла Крапивенскаго уѣзда въ 1875 году, въ которомъ какъ членъ отъ Земства и какъ избранный Г-номъ Предв[одителемъ] Двор[янства] А. В. Хомяковымъ его помощникомъ я принималъ дѣятельное участіе, считаю не лишнимъ, въ разъясненіе и подтвержденіе нѣкоторыхъ мыслей о нар[одномъ] обр[азованіи], изложенныхъ мною въ статьѣ О народномъ образованіи, высказать нѣкоторыя соображенія.

Училищный Совѣтъ Кр[апивенскаго] уѣзда пришелъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года къ убѣжденіямъ, относительно дѣла Народнаго Образованія,[1] въ главныхъ чертахъ согласнымъ[2] съ выраженными мною взглядами на это дѣло, и потому въ прошломъ же учебн[омъ] году можно было ясно увидать на дѣлѣ выгоды, удобства, не выгоды и не удобства такого образа дѣйствій. — Изложить насколько съумѣю ходъ этаго дѣла будетъ составлять задачу настоящей статьи.

⟨Въ отчетѣ выписаны главные журналы Совѣта.⟩ Съ 1-го же собранія Совѣта приняты были слѣд[ующія]

---

[1] *Зачеркнуто:* почти

[2] *В подлиннике:* согласныхъ

* [1] О БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ ВНѢ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА.

(1875 г.)

Есть очень мало людей — вѣрующихъ и невѣрующихъ, которые, отрицая или признавая существованіе будущей жизни, ясно понимали бы то, что̀ мы можемъ подразумѣвать подъ будущей жизнью.

1) Для матерьялиста. — Органъ познаванія времени — (мысль), органъ познаванія пространства (глазъ, чувство, sens — вообще) уничтожены въ мертвомъ. Поэтому и не можетъ быть рѣчи о будущемъ существованіи во времени и пространствѣ. Но сознаніе времени и пространство составляетъ ли все то, что мы называемъ жизнью? Безъ сомнѣнія — нѣтъ.

2) Для идеалистовъ. Будущая жизнь не можетъ быть сознательнымъ продолженіемъ этой, ибо сознаніе и память — продукты [2] дѣятельности въ простр[анствѣ] и времени — уничтожаются; но жизнь, то что̀ есть жизнь, но не мысль, сознаніе и память могутъ продолжаться.

3) Для вѣрующихъ. Будущая жизнь справедливо возвратитъ насъ къ патреархамъ. [3] Въ будущ[ей] жизни справедливо, что души наши будутъ витать тамъ, гдѣ жили, но надо понимать какъ. Время уничтожается съ жизнью, а потому жизнь будетъ и прежде, и послѣ, и потому и съ Авраам[омъ[, Іаковомъ, и со всѣми временами, и будетъ витать здѣсь, потому что внѣ пространства она будетъ вездѣ и нигдѣ. —

Нельзя достаточно повторять это разсужденіе, ибо весьма трудно дойти до него. Дойдя же до него, объясняется все прежде необъяснимое въ вопросѣ этой и будущей жизни.

Вопросъ о томъ, *когда и гдѣ* начнется будущая жизнь, не имѣетъ смысла, ибо словами: *будущая загробная* жизнь мы

---

[1] *В подлинникѣ передъ заглавіемъ:* О будущей жизни внѣ времени и пространства *стоитъ:* Ноябрь 17, 1875 г. *Къ послѣдующему.*

[2] *Зачеркнуто:* мысли и

[3] *Такъ в подлинникѣ.*

выражаемъ временно и пространственно то, что по сущности своей не временно и непространственно.

Вопросъ о томъ, есть ли жизнь для насъ внѣ той формы, въ которой мы ее понимаемъ? Есть ли въ нашей жизни то, что не подлежитъ пространству и времени? Если оно есть, то оно есть, а *есть* въ этомъ смыслѣ значитъ — будетъ. —

Самыя понятія пространства и времени сами себя уничтожаютъ.

Если есть безконечное время, то моя жизнь есть безконечно малый моментъ времени. И вся моя жизнь здѣсь есть только моментъ (мат[ематическій] смыслъ) и обратно, т. е. жизнь есть безконечн[ость], составл[енная] изъ мом[ентовъ] въ безконечномъ ряду. Если есть безконечно малое пространство, то мое тѣло обнимаетъ безконечно великое пространство и всякая точка (матем[атически]) включена въ меня. И обратно: я — точка (м[атематически]) въ безконечномъ.

Метафизическое объясненіе жизни есть объя[сне]ніе предѣловъ жизни во времени и пространствѣ.

* ⟨О ДУШѢ И ЖИЗНИ ЕЯ ВНѢ ИЗВѢСТНОЙ И ПОНЯТНОЙ НАМЪ ЖИЗНИ.⟩

(1875 г.)

[1] Разсматривая міръ съ самой простой, матереялистической точки зрѣнія, я вижу безконечное разнообразіе. Въ этомъ разнообразіи — равно величайшій мудрецъ и первобытнѣйшее дитя — мы видимъ рѣзкую грань между всѣми разнообразнѣйшими явленіями: живое и не живое, ⟨органическое и не органическое⟩. ⟨Я могу по недостатку наблюденія принять куклу за живое и живое за мертвое, но стоитъ вникнуть, поправить ошибку, и ошибки быть не можетъ. Во всемъ не живомъ я знаю и отыскиваю законы, которымъ подлежитъ все не живое. Для первобытнаго человѣка такой законъ есть тяжесть, вліяніе на чувства; для ученаго — есть неистребимость матеріи, законъ сохраненія силъ. — Во всемъ живомъ я вижу тѣ же законы; первобытный человѣкъ съ трудомъ узнаетъ ихъ въ живомъ, но наука показываетъ и доказываетъ, что она нашла (и если не нашла, то находится на пути нахожденія) дѣйствія [2] тѣхъ же законовъ и во всемъ живомъ (органич[еская] химія, физіологія). Но допустивъ (это огромное допущеніе), что наука нашла все то, чего она ищетъ, т. е. доказательства, основанныя на строжайшихъ опытахъ, того, что все живое подчиняется общимъ законамъ неживаго міра, что организмъ есть только результатъ сложнаго воздѣйствія другъ на друга этихъ силъ, — сила или явленіе самаго организма, — т. е. [что] явленіе или сила объединенія всѣхъ этихъ воздѣйствій силъ останется всегда рѣзкимъ отличіемъ живаго и неживаго, (орг[аническаго] и неорг[аническаго]). Мало того, какъ бы полно не было доказано, что всякое проявленіе жизни есть результатъ воздѣйствія общи[хъ] для всего неживаго законовъ, для самыхъ опытовъ, долженствующи[хъ] доказать это, мы должны употреблять такіе пріемы, которые предполагаютъ въ насъ ясное под-

[1] *Зачеркнуто:* Я существую. Существованіе мое слагается изъ меня и безконечнаго разнообразія познаннаго и познаваемаго міра.

[2] *В подлиннике:* дѣйствій

раздѣленіе между живымъ и не живымъ. Подвергая лягушку прикосновенію раскаленной проволоки, мы будемъ наблюдать то вліяніе, которое произведетъ это прикосновеніе на одну только лягушку, а не на столъ, на которомъ она сидитъ. Поливая кислотой стебель растенія, мы не будемъ наблюдать измѣненій, происшедшихъ при этомъ въ землѣ, окружающей корень, но самый корень и тончайшія его волокна. И натуралистъ, и первобытное дитя одинаково несомнѣнно знаютъ, что прилипшая земля не есть часть растенія, а тончайшее волокно корня есть часть его, — одинаково знаютъ нетолько явленіе объединенія,[1] но и предѣлъ его (не предѣлъ между единицами живыхъ существъ, въ которомъ можно ошибиться, но предѣлъ между живымъ и не живымъ). Такъ что для величайшаго ученаго естественника 30 столѣтія и для негра подраздѣленіе міра на не живое и живое, объединенное, всегда останется одинаково, такъ какъ оно дано и предшествуетъ всякому опыту и изученію.〉

Грань эта по мѣрѣ изученія и наблюденія для различныхъ людей можетъ находиться въ различныхъ мѣстахъ. Дикій приметъ куклу за живое существо, а дрожжи за мертвое; но грань эта существуетъ, и безъ нея немыслимо какое-нибудь [2] знаніе.[3]

Знаніе есть предсказаніе — т. е. отысканіе тѣхъ общихъ законовъ, которымъ подчинено все существующее. Величайшій ученый и дикій, хотя и въ разной степени, в продолженіи жизни познаютъ эти законы и совершенно одинаково познаютъ ихъ въ двухъ различныхъ [4] сферахъ существующаго, никогда не смѣшивая одно съ другимъ: въ живомъ и не живомъ, въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ. Это дѣленіе всегда одинаково присуще человѣку — на низшей ступени знанія (для дикаго), сколько и на высшей (для ученаго). Безъ этаго дѣленія нельзя мыслить.

Между прочимъ въ извѣстныхъ людяхъ [и] собраніяхъ людей мы часто видимъ желаніе вырваться изъ этаго неизбѣжнаго закона раздвоенія всего существующаго. Мы видѣли и видимъ людей, ложно и произвольно предполагающихъ жизнь, одушевляющихъ мертвую природу — 〈грозу, бурю, море〉, старающихся подчинить мертвое законамъ живаго, и на оборотъ, видимъ людей, старающихся подчинить живое закону [5] мертваго.

---

[1] *В подлинникѣ:* объяденія

[2] *Зачеркнуто:* отношен[іе] къ міру

[3] *Зач.:* Никакое познаніе міра немыслимо безъ этаго дѣленія. Безъ этаго дѣленія немыслимъ и никакой интересъ познанія. — Человѣкъ живетъ и чувствуетъ себя живымъ, въ противуположность мертвому, и знаетъ, что умретъ, въ противуположность живому, — и единственная цѣль его познания (включающаго всѣ науки) есть знаніе того, что̀ есть та жизнь, которой онъ живетъ, и что̀ есть та смерть, которой онъ умретъ. —

[4] *Зач.:* областяхъ

[5] *Зач.:* законы неживаго міра не имѣютъ вліянія на міръ живой, и часто будутъ не въ силахъ отдѣлить ясно единицы живыхъ существъ другъ отъ друга и отъ міра неживаго.

Въ положеніи первыхъ находятся дикіе народы, ⟨приходящіе постоянно въ столкновеніе съ мертвыми силами и вслѣдствіе того⟩ для единства пониманія придавшіе жизнь морю, грозѣ, идоламъ; и въ положеніи вторыхъ находятся ученые натуралисты нашего времени, для единства пониманія отрицающіе дѣленіе на живое и мертвое и старающіеся объяснить все живое изъ законовъ мертваго.

Различіе между ученымъ и дикимъ состоитъ ⟨только⟩ въ томъ, что дикій, зная законы міра живаго, но не зная ⟨общихъ⟩ законовъ міра неживаго, предполагаетъ, что во всѣхъ явленіяхъ міра проявляются силы живыхъ существъ. Ученый же,[1] зная законы міра неживаго и не зная или не желая знать законовъ міра живаго, предполагаетъ, что всякое явленіе міра живаго есть только послѣдствіе общихъ законовъ неживаго, ⟨что (точнѣе сказать) каждое живое существо есть только результатъ воздѣйствія законовъ неживаго на это объединенное существо; но явленіе объединенія будетъ для него такъ же, какъ и для дикаго, несомнѣнное данное, ничѣмъ не объяснимое.⟩

Я очень хорошо знаю, что новая школа мыслителей[2] не признаетъ за собой этаго недостатка. —

Они скажутъ: мы признаемъ вполнѣ различія органическаго и неорганическаго міра; но мы видимъ, что въ мірѣ органическомъ дѣйствуютъ безъ малѣйшаго измѣненія все тѣ же законы, которые дѣйствуютъ въ мірѣ неорганическомъ, и потому не видимъ причины, почему мы должны приписывать значеніе необъяснимому разумно понятію жизни. Если что и остается неяснымъ въ самомъ понятіи организма, то мы, съ одной стороны (убѣжденны[е] въ тѣхъ быстрыхъ шагахъ, которые дѣлаютъ наук[и] для объясненія единств[а] этихъ явленій), надѣемся, что все неясное скоро будетъ объяснено; съ другой стороны, допуская дѣленіе на неорганическое и органическое, мы отыскиваемъ законы развитія организмовъ, происхожденіе ихъ и пр., и надѣемся и на этомъ пути привести все къ единству.[3]

Отвѣтъ этотъ чрезвычайно силенъ вообще и въ особенности для тѣхъ, которые вкусили соблазнительн[ой] прелести изученія естественныхъ наукъ, въ кот[орыхъ] такъ точно, ясно и неотразимо, опытами и наблюденіями доказывается общность и несомнѣнность приложенія открытыхъ законовъ для всего существующаго. —

Допущеніе подраздѣленія міра на органическій и неорга-

[1] *Зачеркнуто:* будетъ ясно видѣть и въ силахъ доказать,

[2] *Зач.:* не останавливается передъ этимъ вопросомъ, а принимаетъ явленіе объединенія живаго (органическаго), какъ что то нетребующее никакого объясненія, и въ мірѣ живаго отыскиваетъ законы, руководящія живымъ.

[3] *Зач.:* Но не говоря уже о томъ, что всѣ эти законы далеко не представляютъ той точности и доказательности, какую имѣютъ законы міра неживаго, я для философскихъ цѣлей не могу слѣдовать за ними, не могу даже признавать какого бы то ни было значенія за этими законами.

ческой, сдѣланное только какъ бы временно, для цѣлей науки, кажется столь естественнымъ и незначительнымъ, что большинство, допуская это дѣленіе, и не замѣчаетъ, что это допущеніе разрушаетъ [1] самыя основы всякаго мышленія.

Для меня иностранное слово: органическое и неорганическое имѣетъ важное значеніе. Я наблюдалъ, что вездѣ, гдѣ въ ходѣ разсужденія является течь, гдѣ ходъ разсужденія приводитъ къ противурѣчію, гдѣ необходимо эскамотировать мысль, вводится иностранное слово. И таково слово: органическое. —

Для человѣка, ясно имѣющаго передъ собой существенные вопросы всякаго познанія, при первомъ упоминаніи объ организмѣ нельзя уже идти дальше [2] для философскихъ цѣлей, до тѣхъ поръ пока не будетъ дано ясное опредѣленіе органич[ескаго] и неорг[аническаго].

Какіе бы ни были открыты законы, управляющіе міромъ неорг[аническимъ] и міромъ орг[аническимъ], для мыслителя они не представляютъ никакого значенія, пока не опредѣлено различіе, ибо въ немъ весь вопросъ.

Законы эти могутъ быть полезны для цѣлей частной науки — физики, химіи, ботаники, зоологіи, но для философіи они не могутъ имѣть значенія, потому что сущность философскаго вопроса [3] одна: что̀ есть жизнь, что̀ есть смерть? ⟨только названа другими словами.⟩ Мнѣ же хотятъ отвѣтить на этотъ вопросъ, допустивъ дѣленіе на живое и мертвое, какъ данное.

Весьма вѣроятно, что законы, по которымъ видоизмѣняется все неживое и все живое, совершенно вѣрно опредѣлены теоріями новѣйшихъ изслѣдователей; но даже если бы эти законы были несомнѣнно доказаны, если бы наука шла 100 вѣковъ по этому направлен[ію], вопросъ о томъ, что̀ составляетъ различіе между живымъ и неживымъ, остался бы не разрѣшеннымъ. [4] Ибо онъ не составляетъ цѣли изслѣдованія, а принятъ, какъ данное. Наука, достигнувъ всего предстоящаго ей на ея пути, придетъ всетаки къ тому положенію, что міръ есть соединеніе явленій неживыхъ, законы коихъ намъ извѣстны, [5] но, что въ ряду этихъ явленій есть явленія органическія, различіе которыхъ, несмотря на то, что они во всемъ подчинены неорганич[ескимъ] законамъ, всетаки намъ неизвѣстны.

---

[1] *Зачеркнуто:* основную мысль матерьялизма

[2] *Зач.:* для объясненія по пути матерьялистовъ

[3] *Зач.:* о различіи живаго и неживаго не разрѣшена и даже нѣтъ опредѣленія того различенія живаго и неживаго, которое служитъ основой наблюденія и изученія міра живаго (недостат[очность] опредѣленія орг[аническаго] и неорг[аническаго].

[4] *Зач.:* Очевидно, что по этому пути, какъ бы далеко ни ушла наука, опредѣливъ законы всѣхъ мертвыхъ силъ и происхожденіе всѣхъ организмовъ и законы ихъ видоизмѣненій, она никогда не можетъ придти къ разрѣшенію основного вопроса, что̀ есть живое, т. е. объединеніе, что̀ есть мертвое.

[5] *Зач.:* и явленій объединеній (организмовъ), законы которыхъ частью одинаки съ міромъ не живымъ, частью особые, свойственные міру живому.

А только въ опредѣленіи этаго различія заключается философскій вопросъ.

Только тѣмъ увлеченіемъ при открытіяхъ частныхъ законовъ, въ соединеніи съ жаромъ полемики съ противуположными ученіями и, къ сожалѣнію, упадкомъ въ обществѣ философскаго мышленія, можно объяснить себѣ странное заблужденіе новыхъ людей, полагающихъ, что, показавъ, съ одной стороны, подчиненность общимъ законамъ неорганическаго міра всего живаго, а съ другой стороны, открывъ развитіе законовъ живаго міра, ⟨новые люди предположили, что⟩ они рѣшаютъ философскій вопросъ, или, если не рѣшаютъ его, то дѣлаютъ его излишнимъ и показываютъ невозможность, въ которой находится философія, отвѣчать на поставленные ею съ начала вѣковъ вопросы о томъ, что̀ есть жизнь, что̀ есть смерть.[1] — Неизбѣжно признавъ необходимость того дѣленія на живое и не живое, которое составляетъ необходимое условіе всякаго мышленія, но назвавъ это дѣленіе неясными словами, новое направленіе очевидно[2] предполагаетъ, что оно разрѣшило философскій вопросъ и по обычному людямъ свойству утѣшаетъ себя ненужностью или недоброкачественностью того, чего они не имѣютъ. Позитивисты и большинство новыхъ людей съ поражающей наивностью говорятъ, что этихъ вопросовъ нѣтъ, или что ихъ не нужно знать, или что они безполезны, что это праздная метафизика.

Какіе же это безполезные, ненужные, праздные для живаго человѣка вопросы? Это вопросы о томъ, что̀ есть жизнь и что̀ есть смерть, о томъ, что̀ такое совершается съ каждымъ изъ насъ, когда мы чувствуемъ свою жизнь, мыслимъ, желаемъ, радуемся, страдаемъ, и что̀ насъ ждетъ тамъ, куда мы всѣ идемъ и куда уходятъ на нашихъ глазахъ люди, которые составляютъ для насъ всю радость, весь смыслъ жизни. Это праздные, безполезные, несвойственные людямъ, только по предразсудкамъ усвоенные людьми вопросы! Философы новой школы, за увлеченіемъ спора, открытій въ области своей науки, и за тупостью мысли, не видали, что это нетолько не праздные вопросы, но что это единственные, основные вопросы, которые когда либо дѣлаетъ себѣ человѣкъ, что всѣ тѣ (огромной заслуги) научныя открытія, которыя сдѣлали тѣ самые люди, которые такъ думаютъ ⟨открытія⟩ въ области химіи, физики, біологіи, физіологіи, зоологіи, имѣютъ смыслъ только потому, что они только яснѣе ставятъ эти вопросы. Они забыли, что приведенные къ необходимости по[3] неизбѣжной ограниченности, свойственной каждому отдѣлу наукъ, принять за данное — различіе живаго и не живаго, не опредѣляя и не доказывая его, они самымъ раз-

[1] *Зачеркнуто:* другими словами, въ чемъ состоитъ различіе органическаго и неорганическаго. Пропустивъ въ самомъ началѣ эти вопросы

[2] *Зач.:* оставило въ сторонѣ философскіе вопросы.

[3] *Зач.:* умышленной

витіемъ своей науки только содѣйствовали уясненію кореннаго вопроса, который, безъ сомнѣнія, съ ⟨еще⟩ бóльшей[1] силой представляется ⟨теперь⟩ мыслителю передъ протоплазмомо[2] и песчинкой, чѣмъ дикому между живымъ и срубленнымъ деревомъ. Заслуга — не матерьялистовъ, но естественныхъ наукъ — состоитъ въ томъ, что они показали несомнѣнно тщету мысли о томъ, что живое не подчиняется законамъ неживаго, что тщетно бы было основывать различіе живаго отъ неживаго на томъ, что будто живое исключено изъ подъ законовъ неживаго. Но тѣмъ очевиднѣе стало теперь то, что различіе лежитъ не въ отсутствіи въ живомъ какихъ нибудь силъ неживаго, не въ противуположеніи имъ другой силы, но что при подчиненіи живаго силамъ не живымъ различіе все таки существуетъ.

Все существующее подчинено однимъ законамъ, но во всемъ существующемъ есть раздѣленіе между[3] живымъ и не живымъ. Живое подчиняется, кромѣ общихъ неорганическихъ законовъ, еще другимъ, свойствен[нымъ] только живому міру, законамъ.[4] ⟨Въ чемъ же состоитъ различіе живаго и не живаго? Различіе это познается человѣкомъ непосредственно, потому что онъ чувствуетъ себя объединеннымъ и живымъ⟩.

Что такое есть сила этаго объединенія или жизни? Происходитъ ли живое по законамъ неживаго? Нѣтъ. (Manet.) Держится ли оно вслѣдствіе законовъ не живаго? Нѣтъ. Изчезаетъ ли оно[5] вслѣдствіе законовъ неживаго ⟨(самоубійство)⟩? Нѣтъ. Но есть ли въ этой силѣ или явленіи что нибудь, что бы уклонялось отъ законовъ не органическихъ, допустивъ, что наука открыла все то, къ чему она стремится? Нѣтъ. Слѣдовательно, жизнь не есть сила въ смыслѣ неорганическихъ силъ,[6] ибо, если бы это была сила, то она по закону сохраненія силъ не исчезала бы, и не послѣдствіе силъ, ибо если бы это было послѣдствіе силъ, мы бы могли найти ея причины[7] въ неорг[аническихъ] силахъ, а неорганическія силы не могутъ быть признаны причинами жизни.

Все существующее доступно мнѣ двояко: 1) какъ все неживое, подчиненное однимъ неизмѣннымъ законамъ сохраненія матеріи и силъ и взаимодѣйствія ихъ и 2) какъ все живое, дѣйствующее по тѣмъ же законамъ, но доступное мнѣ какъ живое, имѣющее значеніе и смыслъ по другимъ законамъ, недоступнымъ моему разуму. —

---

[1] *В подлинникѣ:* большой

[2] *Так в подлинникѣ.*

[3] *Зачеркнуто:* не объединеннымъ и объединеннымъ,

[4] *От слов:* Живое подчиняется *кончая словами:* міру, законамъ. *вся фраза зачеркнута и снова восстановлена.*

[5] *В подлинникѣ:* она

[6] *Зач.:* это и не явленіе въ смыслѣ результата орг[аническихъ] силъ, это что-то

[7] *Зач.:* а причины эти скрыты отъ насъ.

Первое есть отношеніе живого къ не живому — пониманіе его. Второе — отношеніе живаго къ живому и непониманіе его разумомъ, но полное знаніе его изнутри, непосредственно, знаніе самого себя. —

Законы неорг[аническіе] относятся только къ неживому, живое же внѣ этихъ законовъ и законы *его* недоступны разуму.—

Что реально: неорганич[еское] или органич[еское]?

Матеріалисты говорятъ: неорганическое. Имъ кажется, что то, что они знаютъ разумомъ, то реально. Но они забываютъ, что разумъ есть результатъ жизни органовъ жизни и потому знаніе это только относительно. Они говорятъ: понятіе души нереально. Но понятіе души есть понятіе жизни (организма), которое мы не познаемъ чувствами, органами и разумомъ, но непосредственно познаніемъ жизни. —

Безъ сознанія жизни и объединенія (организма) мы нетолько не понимали бы живаго, но и ничего мертваго. Матерія, пространство, плотность, число, — все вытекае[тъ] изъ объединенія.

Поэтому реально одно сознаніе себя объединеннымъ, живымъ организмомъ, и потому пониманіе всего безконечнаго числа объединенныхъ существъ и въ противуположность еще необъединенныхъ.

〈Что же есть сознаніе объединенія? — Интеллектъ, воля, любовь.〉

Оказывается, что мы знаемъ и можемъ знать вполнѣ — не разумомъ — только живое. Дѣлая же отвлеченія разумомъ отъ нашего знанія живаго, мы находимъ и законы неживаго. —

Теперь же матерьялисты дѣлаютъ обратную ошибку: желая все опредѣлить разумомъ, они отбрасываютъ непосредственное, не разумное знаніе живаго и берутъ за знаніе только [1] отвлеченіе отъ этихъ знаній, прилагаемое къ неживому, и съ этимъ орудіемъ подходятъ къ своему источнику (живому), желая объяснить его, и сталкиваются съ невозможнымъ. Невозможно это, *во первыхъ* потому, что, хотя и во всемъ живомъ 〈сразу〉 является подтвержденіе всѣхъ законовъ неживаго, 〈но〉 сущность жизни 〈очевидно〉 всетаки оказывается внѣ этихъ законовъ. Если бы кто хотѣлъ объяснять химическія явленія тяготѣніемъ. Тяготѣніе несомнѣнно дѣйствуетъ на каждый атомъ во время сродства, но химическое сродство дѣйствуетъ еще сверхъ тяготѣнія.

Невозможно это, *во вторыхъ* потому, что законы, предлежащія къ объясненію изъ міра живаго явленія, безчисленны и до безконечности разнообразны и, хотя понимаемы нами совершенно ясно, не могутъ быть подведены подъ законы. —

---

[1] *Зачеркнуто:* примѣне[ніе]

⟨Стоитъ вспомнить явленія органическаго міра: круговоротъ частицъ для удержанія однаго вида, развитіе частицъ, развитіе организма, половыя соединенія, смерть. И поразительно то, что всѣ эти явленія тѣмъ труднѣе для объясненія, чѣмъ они легче для всякаго простаго ума. *Полюбилъ*, *совокупился*, *родился*, *выросъ*, *состарѣлся*, *умеръ*. Всѣ самыя простыя слова и самыя важныя явленія для человѣка и самыя необъяснимыя законами неорганическихъ явленій и разумомъ.

Обращаясь къ [1] источнику своего познанія для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы ⟨невольно⟩ находимъ еще прежде этаго дѣленія другое основное дѣленіе, которое служитъ ему источникомъ. Все, что мы знаемъ, мы знаемъ двояко: какъ самаго себя и не себя. Одно мы знаемъ непосредственно, безъ всякаго опыта: (больно, весело); другое мы знаемъ посредственно, вслѣдствіи опыта и разума. Для всѣхъ насъ міръ раздѣляется на двѣ части: одну, которая есть мы, и другую, которая — не мы. То, что мы называемъ мы, есть та часть міра, которая объединена въ насъ и отдѣлен[а] отъ всего остальнаго. Все остальное находится за предѣла[ми] этаго объединенія.

То, что объединено нами непосредственно, познается собою черезъ ощущенія, безъ участія разума. То, что не объединено нами, познается нами посредственно, черезъ органы ощущеній и разумъ. То, что познается собой непосредствен[но], мы называе[мъ] своей ⟨жизнью⟩, существо[мъ]. То, что познается посредствен[но], мы называе[мъ] міромъ.

Въ мірѣ мы дѣлимъ все на существа живыя и не живыя. Живыя мы называемъ существа объединенныя также какъ мы, неживыми мы называемъ необъединенныя существа, или объединеніе которыхъ мы не видимъ. Въ этомъ мірѣ, объединеніе котораго мы не видимъ, мы находимъ присутствіе законовъ, соотвѣтствующихъ нашему разуму; въ мірѣ объединенномъ мы тоже находимъ законы, но законы эти далеко не такъ разумны; подраздѣленіе міра вытекаетъ изъ факта нашего объединенія, воплощенія, сознанія части міра (своего тѣла) собою.

Итакъ, не только предположеніе матерьялистовъ объяснить живое законами неживаго не возможно, но оно неправильно, ибо все, что мы знаемъ, происходитъ только отъ непосреднаго знанія живаго. Знаніе же законовъ неживаго ⟨нетолько ограничено, но оно вытекаетъ только⟩ изъ незнанія того живаго, котораго кажущееся намъ неживое составляетъ часть. Мы знаемъ навѣрно, непосредственно только живое. Мы называемъ неживымъ, мертвымъ, только то, жизнь или существованіе чего мы не понимаемъ.

Какъ мнѣ кажется неживымъ камень, звѣзды, такъ могутъ казаться неживыми клѣточки моего тѣла (камень) и кровяные

---

[1] *Зачеркнуто:* наблюденію самаго себя

шарики (звѣзды) микроскопическому паразиту, живущему въ моемъ тѣлѣ.

Условія объединенія суть органы, которые даютъ возможность понимать рядъ подобныхъ объединеній съ подобными же органами, но [1] объединенія, не имѣющія подобныхъ же органовъ — скрыты. Неорганическимъ мы называемъ то, чего объединеніе мы не понимаемъ и принимаемъ многое за одно (камень) или одно за многое (звѣзды). И поправить это дѣло наука не можетъ.

⟨Воплощеніе, объединеніе дали предѣлы [2] человѣ[ческаго] пониманія.⟩ Предѣлы объединенія не могутъ быть раздвинуты.

Мы имѣемъ три рода познанія: 1) знаніе себя, той части міра, которая объединена мною; это знаніе несомнѣнно[е], непосредственное, не разумное и полное; 2) знаніе тѣхъ частей міра, которыхъ объединенія, подобныя моему, мнѣ понятны; я понимаю ихъ потому, что, получивъ впечатлѣніе отъ нихъ, могу, становясь на ихъ мѣсто, представить себѣ ихъ непосредственное знаніе самихъ себя; это знаніе частью непосредственное, частью разумное ⟨по аналогіи⟩; и 3) знаніе всего того, что производитъ на меня впечатлѣніе, но на мѣсто чего я не могу стать, не могу представить себѣ, какъ оно непосредственно знаетъ себя.

Разсматривая міръ съ точки зрѣнія матерьялистовъ, приходишь въ странное затрудненіе. Изучая явленія неорганическаго міра, сущность которыхъ совершенно непонятна, опредѣленіе которой даже невозможно и постоянно противурѣчиво (вещество, сила, атомы), мы находимъ совершенно точные, разумные законы, управляющіе [3] всѣми видоизмѣненія[ми] ⟨этой⟩ непостижимой сущности (астрономія, физика, химія).

Переходя къ другому роду явленій [4] (міра органическаго), разумны[е] законы ⟨эти⟩, управляющіе [5] веществомъ, представляются недостаточными, явленія органическаго міра необъяснимы законами физики, астрономіи, химіи. [6] Является необходимость сдѣлать подраздѣленіе всего существующаго на органическое и неорганическое. И дѣленіе это дѣлается не на основаніи разумны[хъ] данныхъ, а на справедливомъ убѣжденіи, что различіе это безошибочно чувствуется каждымъ. Оставляется въ сторонѣ самая сущность различія органическаго

---

[1] *Зачеркнуто:* высшія, а низшія скрыты
[2] *Слово* предѣлы *написано дважды.*
[3] *Слово:* управляющіе *в подлиннике написано дважды.*
[4] *Переправлено из:* явленіямъ
[5] *В подлиннике:* управляющіеся
[6] *Зач.:* Придумываются новыя законы для міра органическаго, — подраздѣленіе міра на органическое и не органическо[е].

и неорганическаго ⟨и это⟩ различіе предполагается даннымъ.[1] И находятся законы управляющіе міромъ органическимъ. Законы эти болѣе шатки, менѣе точны, чѣмъ законы неорганическіе. Но за то сущность того, что опредѣляется этими законами, болѣе понятна и не представляетъ уже тѣхъ противурѣчій, которыя представляетъ сущность неорганическаго міра. Переходя далѣе отъ явленій органич[ескаго] міра вообще къ явленіямъ міра человѣческой жизни, законы неорганическіе становятся еще болѣе неприложимыми, явленія міра человѣческой жизни еще менѣе объяснимы[ми] физикой, химіей, астрономіей.[2]

Опять какъ несомнѣнное данное берется отличіе человѣка отъ животнаго, не выводимое изъ законовъ органическаго міра. Оставляется самая сущность различія, а это различіе предполагается даннымъ, и находятся новые законы, управляющіе явленія[ми] человѣческой жизни. Новые эти придумываемые законы еще болѣе произвольны, шатки, исполнены противурѣчій.[3] Но за то сущность того, что̀ опредѣляется этими законами, нетолько понятна и не представляетъ никакихъ противурѣчій, но одна несомнѣнна ⟨и одна есть источникъ всякаго знанія.⟩

Что за странное явленіе! Извѣстный пріемъ изученія обращенный на предметъ, сущность котораго намъ совершенно неизвѣстна (на неорганическій міръ), приводитъ насъ къ знанію, ⟨этаго отдѣла⟩, къ приложенію ⟨къ нему⟩ разумныхъ законовъ ⟨и совершенно[му] непониманію его сущности⟩. Тотъ же пріемъ, обращенный на другой отдѣлъ болѣе намъ извѣстный (органич[ескій], приводитъ насъ ⟨къ сомнѣнію⟩, къ шаткости приложенія къ нему разумныхъ законовъ, ⟨но къ бо́льшему[4] знанію его сущности⟩. И тотъ же пріемъ, обращенный на[5] человѣческую жизнь, приводитъ насъ къ совершенной невозможности приложенія разумныхъ законовъ къ тому, что одно мы несомнѣнно знаемъ. Происходитъ то же, что произойдетъ съ

[1] *Зачеркнуто:* Вмѣстѣ съ тѣмъ эти явленія міра органическаго по свойству своему доступны всякому человѣку и законы его одинаково понятны ученому и неученому.

[2] *Зач.:* Необходимы другіе законы.

[3] *Зач.:* и не видится никакой возможности объяснить человѣческую жизнь законами неорганическаго съ тою же точностью, и главное, по тому же разумному пути. Притомъ при попыткахъ отысканія какихъ нибудь законовъ, объясняющихъ человѣческую жизнь, оставляется въ сторонѣ сущность различія между жизнью каждаго человѣка и всего существующаго, а это различіе предполагается даннымъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, какъ и въ первомъ случаѣ, явленія жизни человѣческой безъ сравненія доступнѣе всякому человѣку, чѣмъ всѣ явленія міра органическаго и тѣмъ болѣе неорганическаго. И точно также, какъ и въ первомъ случаѣ, сущность явленій одинаково понятна ученому и неученому, и никакое изученіе подробностей и опытъ не могутъ ни на волосъ прибавить понятность ⟨главныхъ свойствъ⟩ сущности этой жизни.

[4] *В подлиннике:* большому

[5] *Зач.:* наиболѣе извѣстное, на источникъ знанія,

обращеніемъ зрительной трубы на отдаленные предметы, на ближайшіе и на самого себя.

Ошибка происходитъ отъ весьма понятнаго желанія обратить самое простое орудіе, оказавшееся полезнымъ для открытія простыхъ законовъ въ извѣстномъ родѣ явленій, на законы явленій другаго рода. Орудіе это въ этомъ случаѣ есть логическое, основанное на опытахъ, ⟨индуктивное⟩ мышленіе. — Матерьялисты хотятъ подвести подъ законы этаго ⟨индуктивнаго⟩ мышленія то, что мы знаемъ не путемъ ⟨индуктивнаго⟩ мышленія, именно — жизнь.

Матерьялизмъ хочетъ опытомъ узнать *душу*, сущность жизни индивидуумовъ.

Опытъ несомнѣненъ при наблюденіи движеній другихъ животныхъ и меня самаго посредствомъ орудія чувствъ (зрѣн[ія], слуха).

Но опыта надъ чувствами ощущеніемъ нельзя дѣлать.

Внутренній опытъ есть contradictio in adjecto.[1]

Опытъ внѣшній убѣждаетъ посредствомъ повторенія безчисл[еннаго] количества разъ того, что солнце свѣтитъ въ 2 часа. Но я смотрю на солнце, оно не свѣтитъ (затмѣніе) и ощущеніе темноты разрушаетъ всѣ данныя опыта. Для внутренняго познаванія не можетъ быть опыта.

Слѣдовательно, ощущеніе есть совершенно противуположное опыту орудіе познаванія.

Это то орудіе познаванія есть душа человѣка, его надо опредѣлить.

Тоже, что явленія ощущенія являются параллельно съ явленіями физическими, несомнѣнно.

Это не только не доказываетъ того, чтобы физич[ескія] явленія и психическія были одно и тоже. Напротивъ, это доказываетъ, что то, что мы называемъ физическими явленіями, есть только знаніе, преобрѣтенное нами изъ ощущенія. И потому паралелизмъ физич[ескихъ] и психич[ескихъ] явленій нетолько не доказываетъ[2] того, что есть одни физическія явленія, онъ доказываетъ, что есть однѣ психическіе, и что физическія явленія и всѣ знанія, преобрѣтенные изъ опыта, суть только слѣдствія ощущеній — психич[ескихъ] явленій. Ихъ то и нужно объяснить.

Вопросъ слѣдующій: Почему[3] весь міръ распадается на двѣ части. Одну, — весь міръ, — которая доступна мнѣ опытомъ, а другую, — я, которая доступна мне ощущеніемъ.

Это разграниченіе есть задача опредѣленія души. Матерьялизмъ же думаетъ объяснить силы [?] различное.

---

[1] [противоречие в исходном положении.]

[2] *Зачеркнуто:* ихъ тождеств[а]

[3] *Зач.:* все въ мірѣ живетъ движется по законамъ мы[шленія] [?]

Прежде всякаго мышленія, первое что мы знаемъ, ⟨это то,⟩ что мы живемъ, что мы составляемъ объединенную часть міра, которую мы чувствуемъ, какъ себя, и знаемъ иначе, чѣмъ все другое, ⟨не умомъ и не опытомъ,⟩ знаемъ несомнѣнно. Не знаю, въ какой степени точно выраженіе Декарта: я мыслю, потому я живу; но знаю, что, если я скажу: *я знаю ⟨несомнѣнно одно⟩ прежде всего себя: то, что я живу*, — то это не можетъ быть не точно.

Первое знаніе есть сознаніе своего объединенія отъ всего остальнаго міра. Это объединеніе мы называемъ жизнью. Изъ этаго основнаго знанія вытекаетъ слѣдующее знаніе всего также объединеннаго и живаго. Когда мы говоримъ: собака жива, дерево живетъ, мы только говоримъ: собака и дерево то же что я, также объединены, какъ и я, имѣютъ тѣ же общія свойства, к[оторыя] дикій называетъ жизнью, ученый — организмомъ, но к[оторыя] одинъ можетъ также мало опредѣлить, какъ и другой. То, что сознаніе, по Вундту, вытекаетъ изъ процеса развитія, ничего не говоритъ противъ. Почему я знаю, что я одинъ, а не два? — Органическое есть все, что мы знаемъ[1] вслѣдствіи способности ⟨воображать⟩ думать другія существа также объединенными, какъ и мы. Источникъ этаго знанія есть всетаки наше объединеніе. Неорганическое [2] есть все, что мы знаемъ вслѣдствіи нашей способности анализировать, подраздѣлять различныя элементы нашего объединенія и отвлекать ихъ одно отъ другаго.

Источникъ есть опять наше объединеніе.

Понятія вещества, силы, пространства, времени, причины, слѣдствія, числа, круга суть только понятія отвлеченныя отъ сознанія своего объединеннаго существованія. Вещество, это — я безъ жизни; сила — я безъ вещества; пространство [3] — я безъ вещества и силы; время — это я безъ пространства и вещества; причина — это мое желаніе; слѣдствіе — это достиженіе желанія; число — это я одинъ, въ противуположность многому, живому; кругъ — это границы моего зрѣнія и т. д.

Понятія эти извѣстны мнѣ во мнѣ вполнѣ, но сущность ихъ безсмысленна въ отвлеченіи. Законы же ихъ разумны только потому, что самое отвлеченіе этихъ понятій сдѣлано разумомъ для извѣстныхъ разумныхъ цѣлей и потому не можетъ быть неразумно.—

Философія матерьялистовъ основана на слѣдующемъ:

1) Человѣкъ живетъ и умираетъ; я живу и по опыту знаю, что ⟨и я⟩ умру.

---

[1] *Зачеркнуто:* частью сознаніемъ объединенія своего, которое мы переноси[мъ] на другихъ, часть мышленіемъ

[2] *Зач.:* мы познаемъ однимъ мышленіемъ

[3] *Зач.:* отношеніе меня къ существующему, время другое отношеніе меня

2) Когда я умру, то прекратится непосредственное и посредственное знаніе, такъ какъ уничтожится орудіе знанія.

3)[1] Не уничтожится только, какъ я знаю по опыту, мертвое неорганическое вещество.

4) Вещество не уничтожается.

5) Изъ этого[2] я заключаю, что несомнѣнно существуетъ одно[3] мертвое вещество.

⟨5) Изъ того же, что остается одно мертвое вещество,[4] я заключаю, что ⟨дѣйствительно⟩ несомнѣнно и всегда существуетъ одно мертвое вещество.

6) Изъ того же, что одно вещество вѣчно существуетъ, я заключаю, что сознаніе мною своей личной жизни есть только результатъ извѣстнаго сложнаго состоянія вещества, есть обманъ, есть строй міра. Плот[инъ]. Логическое разсужденіе это, дойдя до послѣдняго этого своего вывода, поражаетъ несогласіемъ съ внутреннимъ чувствомъ человѣка,[5] и произвольностью вывода о томъ, что жизнь есть результатъ извѣстнаго состоянія вещества, тогда какъ это ничѣмъ не доказано ⟨и представляется только потому, что другаго результата мы не видимъ⟩. Главная же ошибка разсужденія состоитъ въ томъ, что невѣрна 5-я посылка о томъ, что остается послѣ смерти одно мертвое вещество. Невѣрность посылки состоитъ въ томъ, что я употребляю слова: *существуетъ одно мертвое вещество*, которыя не имѣютъ смысла и заключаютъ внутреннее противурѣчіе.

Вещество отвлеченное, объективное не имѣетъ смысла. Это есть только отвлеченіе отъ сознанія моего существованія. *Мертвое вещество* значитъ только вещество, жизнь кот[ораго] я не знаю. А не зная его жизни, я не могу утверждать и его существованія. Существованіе я знаю и могу знать только какъ жизнь. —

Поэтому 5-я посылка должна быть измѣнена такъ: когда уничтожается жизнь, то для меня какъ наблюдателя остается одно отвлеченіе жизни, т. е. мертвое вещество, или такое вещество, жизнь котораго *я не понимаю*.

Я не могу сказать, что уничтожается все, ибо остается: 1) отвлеченіе жизни, вещество (тѣло), другое отвлеченіе жизни — потомство, и 3-е — слѣды воздѣйствія на другихъ людей. Все же это не объединено и непонятно мнѣ. ⟨Найти возможныя⟩

---

[1] *Зачеркнуто:* По аналогіи я вижу, что

[2] *Зач.:* матерьялисты заключаютъ

[3] *Слово:* одно *написано дважды.*

[4] *Зач.:* они заключаютъ

[5] *От слова:* Логическое разсужденіе *кончая словами:* чувствомъ человѣка, *вся фраза зачеркнута и восстановлена.*

* [О ЗНАЧЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.]

(1875 — 1876)

3.

Разсматривая значеніе Христіанскихъ религій ⟨только въ⟩ обществѣ мнѣ извѣстномъ, т. е. въ [1] европейскомъ ⟨и преимущественно⟩ русскомъ, я пришелъ къ заключенію, [2] къ которому вѣроятно пришли и всѣ мыслящіе люди, что мы уже давно не Христіане. Стоитъ трезво взглянуть на значеніе религіи въ нашемъ и Европ[ейскомъ] обще[ствѣ], чтобы не сомнѣваясь придти къ отрицательному отвѣту. [3] Значеніе религіи въ наше время представляется невольно подобнымъ перегнившей или перержавленной связи, которая когда то была главной силой сплоченія обществъ. Многія изъ связанныхъ когда [то] религіей предметовъ держутся еще вмѣстѣ и видны еще слѣды связи, но связи уже нѣтъ. И при каждомъ движеніи видно что то, [что] прежде было сплочено, ничѣмъ уже не сдерживается и свободно распадается.

[4] Взглянемъ ли на государственное право, на власть. Обладатель власти былъ помазанникъ Божій и это былъ главный и единственный titre его для власти. Въ наше время никто не можетъ вѣрить въ это, и Наполеонъ III для упроченія своей власти ищетъ уже не помазанія, а suffrage universel. [5] Очевидно, религіозная связь уже не имѣетъ силы, какую она имѣла для его дяди, и практическій человѣкъ, не мудруя, а прямо для достиженія своей цѣли избираетъ другую связь, не имѣющую ничего общаго съ религіей. —

Присяга на вѣрность точно также употребительна только въ Россіи, и каждый чувствуетъ, [6] что она есть пустая формаль-

---

[1] *Зачеркнуто:* Христіанскомъ.

[2] *От слов:* къ которому вѣроятно пришли *кончая:* къ отрицательному отвѣту: *вставлено на полях.*

[3] *Зач.:* Въ гражданскомъ отношеніи для всякаго добросовѣстнаго наблюдателя тотчасъ же бросается въ глаза

[4] *Абзац редактора.*

[5] [всеобщее голосованіе.]

[6] *Против слов:* каждый чувствуетъ *на полях приписано:* вездѣ

ность, ни къ чему не обязывающая и никого не стѣсняющая. Присяги въ судахъ, употребительныя еще, безпрестаннымъ очевидно сознательнымъ клятвопреступленіемъ, только очевиднѣе доказываютъ то, что религіозная связь, прежде дававшаяся присягой, теперь уже не имѣетъ никакой силы. Терпимость религіозная, относимая къ Евреямъ столь восхваляемая, есть въ сущности только очевиднѣйшее доказательство отсутствія религіи въ обществѣ и государствѣ. Религіозное государство, наказующее за кощунство и поношеніе вѣры, не можетъ допускать еврейское исповѣданіе, кот[орое] по самому существу своему есть отрицаніе христіанскаго вѣрованія, признаніе сына Божія обманщикомъ.

Борьба сторонниковъ религіи съ своими противниками есть еще доказательство отсутствія религіи въ обществѣ; ибо по самому свойству своему религія и ея служители не могутъ снизойти до борьбы съ гражданской властью. —

Въ семейномъ отношеніи отсутствіе религіи очевиднѣе всего выражается въ главномъ семейномъ актѣ — бракѣ, связь кот[ораго] была только религіозная. Въ наше время уже не говоря о томъ, что большинство людей того круга образованія, про который я говорю, совокупляются помимо религіознаго обряда, находя связь накладываемую религіей не стѣснительной, но только излишней, большинство Европейскихъ, т. наз. Христіанъ, въ виду практическихъ цѣлей, для того чтобы замѣнить прежн[ю]ю распадшуюся религіозную связь, пришли къ необходимости гражд[анскихъ] браковъ. И сама религія, спускаясь до требованій массъ, стала разрѣшать разводы, т. е. сама [стала] разрушать остатки своей связи, скорѣе развязывать и такъ слабое, чтобы оно не было разорвано. —

Болѣе же всего замѣтно отсутствіе религіи тамъ, гдѣ она прежде руководила всѣмъ и занимала первое мѣсто, — въ воспитаніи. Естественно, что отцы и вообще старшіе, воспитывая молодое поколѣніе, любя его, старались прежде всего, главнѣе всего, передать ему не собраніе свѣденій о мірѣ, пріобрѣтенныхъ человѣчествомъ, не изысканія о природѣ, не собраніе практически полезныхъ знаній, но то что *единое на потребу* — объясненіе смысла о значеніи жизни и смерти. Это объясненіе давала религія и потому религія занимала и теперь занимаетъ въ массѣ необразованныхъ, но обладаю[щихъ] любовью къ дѣтямъ и вѣрнымъ инстинктомъ любви, первое и главное мѣсто.

Мѣсто это теперь осталось пустымъ, вакантнымъ, и мы видимъ тѣ озабоченные, сложные, безсодержательные и, главное, безопорные споры о томъ, что должно быть главнымъ предметомъ преподаванія и цѣлью воспитанія.

Одни, наблюдая тѣ практическіе результаты, кот[орые] дало изученіе древни[хъ] послѣ возстановленія наукъ и искуст[въ], требуютъ классическаго воспитанія; другія, замѣтивъ особенно

развитіе въ послѣднее время естественныхъ наукъ, требуютъ, чтобы эти науки поставлены были на главное мѣсто; 3-и требуютъ, чтобы мѣсто это заняли практическія знанія; 4-е, слабо и безъ вѣры въ собственныя слова, говорятъ, что религія (та самая, въ которую они сами не вѣрятъ) должна служить какъ и прежде краеугольнымъ камнемъ воспитанія.

Но ни тѣ, ни другіе не могутъ быть правы. И тѣ, и другіе говорятъ только о томъ, чѣмъ съ наибольшей кажущейся имъ по тому углу, подъ которымъ они смотрятъ, пользой употребить досугъ возраста ученія, но никто не говоритъ о томъ, что должно замѣнить то единое на потребу, ту религію, которая не можетъ не быть ⟨единственнымъ,⟩ кореннымъ, главнымъ предметомъ обученія. И тѣ, [и] другіе, и 3-и, и 4-е подобны людямъ, которые бы, не имѣя никакой пищи, придумывали бы средства, какъ наполнить желудокъ голоднаго [1] животнаго. Ни классицизмъ, оказавшійся когда-то хорошей приправой кушанья, ни реализмъ, весьма полезный какъ посуда для кушанья, ни религія безъ вѣры, к[оторые] суть только объѣдки когда-то хорошей пищи, не дадутъ питанья голодному животному.

У Магометанъ есть вѣра и есть твердая система образованія, хотя и стоящая на самой низкой степени.[2] Но у Христіанъ въ настоящее врѣмя нѣтъ системы образованія, и это происходитъ отъ того, что нѣтъ религіи.

О различномъ отношеніи къ религіи людей образ[ованнаго] сословія.

4.

⟨И такъ не въ силахъ будучи принять по внутреннимъ причинамъ даваемыхъ религіей объясненій вопроса [?] жизни и смерти, я, наблюдая окружающихъ меня людей, нашелъ, что все большинство образ[ованныхъ] и мыслящихъ людей точно также какъ и я не принимаютъ объясненій религіи, не вѣрятъ въ нее; но различно относятся къ ней и къ тѣмъ оставленнымъ ею неразрѣшеннымъ вопросамъ.⟩

Посмотримъ вокругъ себя на частныхъ людей, мущинъ и женщинъ. Я живу въ той средѣ образованія, въ которой болѣе чѣмъ въ другихъ удержались религіозныя вѣрованія; но я откровенно спрашивалъ у своихъ близкихъ и не близкихъ знакомыхъ о ихъ вѣрованіяхъ и всегда, за рѣдкимъ исключеніе[мъ] на 100, получалъ отвѣтъ: Христіанство — намъ не нужно, мы не вѣримъ.

Наблюдая людей я нашелъ три различные рода отношенія къ религіознымъ вопросамъ. Одни, прійдя къ невозможности вѣры, но не найдя ничего замѣняющаго его и, находя порядокъ пока существуетъ религія для себя выгоднымъ, стараются при-

[1] *Зачеркнуто:* человѣка.
[2] *Так в подлиннике.*

твориться вѣрующи[ми] и увѣрить другихъ. Другіе откинули вѣру и, не встрѣтившись еще съ вопрос[ами] жизни и смерти, считаютъ религію излишнею. Эти люди необдуманны, но правдивы, тогда [какъ] первые обдуманны и коварны. [1] Третьи, очень малое число, откинувъ религію, пришли къ неразрѣшимымъ вопросамъ и пытаются мыслью разрѣшить ихъ. [2]

⟨*О значеніи религіи жизни и религіи смерти.*⟩

5.

⟨Для того чтобы ясно опредѣлить характеръ этихъ отношеній [человѣка] къ религіи, необходимо уяснить вполнѣ и во всей общности его понятіе религіи, не только той, кот[орая] готовитъ къ смерти, но и той, [3] которая также необходима для нравственной жизни, какъ воздухъ для [4] физической жизни.⟩

Женщины или не вѣрютъ или держутся однаго обряда — причастія и блиновъ на масленницѣ, обѣдни и красныхъ яицъ. Мало того, въ правительствѣ, въ обществѣ чувствуется, что потеряна всякая держава относительно религіи. Запрещаются статьи о смерти Павла въ Revue des deux Mondes и рядомъ статьи Revil[le] и Renan, спокойно, безъ желчи и популярно излагающія [5] изысканіе о томъ, что Іосифъ есть былина, Псалтырь — пѣсенникъ позднѣйш[аго] составленія и т. д.

Хотѣли облагородить Священство, а никто нейдетъ ужъ въ попы. Въ Европѣ, въ республикахъ Фр[анцузской] и Шв[ейцарской] разрѣшена всякая проповѣдь, только не Христ[іанская]. Да, благо будетъ тѣмъ, которые не видятъ этаго и надѣются воскресить Христ[іанство]. —

Я не спорю и не буду спорить съ ними.

---

[1] *Зачеркнуто:* Другіе точно также, усумнившись въ религіи, стараются вѣрить въ нее и заставить вѣрить другихъ. Эти большей частью обдуманны и коварны.

[2] *Против слов:* пытаются мыслью разрѣшить ихъ. *на полях вписано:* Одни необдуманно но правдиво. Другіе обдуманно и коварно.

[3] *В подлинникѣ:* та

[4] *Зачеркнуто:* дыханія

[5] *В подлинникѣ:* излагающихъ

* ОПРЕДѢЛЕНІЕ РЕЛИГІИ — ВѢРЫ.

(1875—1876 гг.)

Слово религія-вѣра есть слово понятное и несомнѣнное для всѣхъ вѣрующихъ, но для невѣрующихъ, для людей не имѣющихъ религіи или полагающихъ, что они не имѣютъ ея, слово это требуетъ точнаго опредѣленія, для избѣжанія недоразумѣній. Слово это, и соотвѣтствующее ему понятіе какъ и бо̀льшая часть словъ отвлеченныхъ (которыхъ я называю метафизическими[1] какъ слова: жизнь, сила, смерть, желанье и т. д., имѣетъ два значенія: значеніе личное (субъект[ивное]) и общее (объект[ивное]). Личное значеніе всегда ясно и одинаково у всѣхъ людей, общее значеніе весьма разнообразно, смотря по тому въ какомъ смыслѣ оно понимается. Поэтому я считаю нужнымъ объяснить, что̀ я понимаю подъ словомъ религія.

Религія есть сводъ въ одно согласное цѣлое всѣхъ[2] объясненій или отвѣтовъ на тѣ неизбѣжные и единственно интересные въ жизни вопросы относительно[3] жизни и смерти, на которыя разумъ[4] даетъ мнѣ частный отвѣтъ, согласнѣе котораго я не знаю никакого другаго и въ который вслѣдствіи того я вѣрю и считаю несомнѣнно истиннымъ и которымъ руководствуюсь въ каждомъ жизненномъ актѣ.

Религія по этому опредѣленію не только не можетъ противурѣчить даннымъ разума[5] или жизни, но всякое знаніе и всякій актъ жизни[6] основывается только[7] на религіозномъ воззрѣніи. —

---

[1] *В подлинникѣ:* метафизическихъ

[2] *Зачеркнуто:* моихъ знаній

[3] *Зач.:* личной и общей

[4] *Зач.:* не можетъ дать отвѣтовъ. И сводъ такого рода, кот[орый] не противурѣчитъ даннымъ разума и гармоничнѣе и

[5] *Зач.:* или знанію

[6] *В зачеркнутых словах:* имѣетъ цѣлью *автор зачеркнул только второе слово, но по ошибке оставил первое, вследствие чего текст всей фразы лишился общей связи.*

[7] *Зач.:* на уясненіи и содѣйствіи установленію общаго религіозна[го] свода — религіи, к[оторая] есть единственный мотивъ всякаго знанія

Опредѣленіе это есть опредѣленіе *[слово оторвано]* (субъективное) того, что я называю *вѣрою*. Опредѣленіе объективное будетъ тоже относительно другаго лица; но очевидно, сводъ объект[овъ],[1] к[оторый] даетъ себѣ Христіанинъ, удовлетворяя требованіямъ его разума, можетъ не удовлетворять вполнѣ[?], и это я называю *вѣрованіемъ*.

И такъ вѣрованія могутъ мнѣ казаться ложными, но вѣра, ка[къ] я опредѣляю ее, всегда несомнѣнна.[2]

Но на наш [?].

---

[1] *Конец слова оторван.*

[2] *Зачеркнуто:* и необ[ходима]

* ПСИХОЛОГІЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

(1875—1876 гг.)

Отдѣлъ I. — Суевѣрія тѣлеснаг[о] наказанія. Литература.
Отдѣлъ II. Семейная жизнь — сдѣлать счастіе мужа, жены — любить.
Отдѣлъ III. Характеры — доброта, злоба. Все различіе послѣдоват[ельно]
Отдѣ[лъ] IV. Воспитаніе — любовь любовью.
От[дѣлъ] V.[1] Хозяйство. Главный двигатель народа. Онъ имѣетъ свои физіологическія особенности, какъ коровы — надо дать имъ по силамъ — нетолько костями удобрять, но сѣять клеверъ не умѣютъ. Хорошо вводить, гдѣ самъ работаешь, но тутъ надо принять этотъ двигатель. —

Психологія основана на наблюденіяхъ надъ *я*. Свойства, силы человѣка, выведенныя изъ себя. Зоологическая психологія — выводы изъ вѣковыхъ результатовъ выраженій свойствъ людскихъ.
Въ 1-ой — любовь, воля, доброта и т. д.
Во 2-й — Времена доброты, мысли, воспоминанія и т. д.

---

[1] *В подлинникѣ по ошибкѣ:* IV

* [О ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-ГО.]

(1877 г.)

〈Съ началомъ новаго нынѣшняго царствованія началось и новое царство, такъ называемаго, общественнаго мнѣнія въ Россіи.〉

Правительство послѣдняго царствованія импер. Николая руководилось своими преданіями и своей личной волей, т. е. императоръ съ помощью избранныхъ имъ совѣтчиковъ предписывалъ тѣ мѣры, которыя онъ считалъ полезными, нужными, своевременными, и строго преслѣдовалъ всякое вмѣшательство частныхъ лицъ, неизбранныхъ имъ въ дѣла правительства, и не допускалъ и наказывалъ выраженія частныхъ мнѣній и въ разговорахъ, и тѣмъ болѣе въ литературѣ, всякихъ мнѣній о правительственныхъ мѣрахъ.

Имп. Николай умеръ во время Севастопольской войны.[1] На престолъ вступилъ Александръ II и, какъ всегда бываетъ, новое царствованіе[2] начало дѣйствовать въ духѣ противуположномъ предшествующему. Данное [?] свойство такъ естественно и обыкновенно, что никого нельзя упрекать въ этомъ. Всякое управленіе чѣмъ бы то ни было, вступая на мѣсто предшествующаго, ярче видитъ ошибки этаго предшествующаго и невольно поправляетъ ихъ, клонится въ противную сторону. Возьмите новаго управляющаго, новаго доктора, новаго учителя, его всегда будетъ тянуть дѣлать прямо противное тому, что дѣлали передъ нимъ. Особенность царствованія Николая была совершенная независимость и цѣльность власти и презрѣніе къ мнѣніямъ неправительственныхъ лицъ. Новый Императоръ далъ свободу мнѣніямъ. Можетъ быть и не Имп[ераторъ] далъ свободу мнѣніямъ, [а] сами люди, желавшіе выражать свои мнѣнія, столь долго лишенные этаго права, съ жаромъ принялись выражать свои мнѣнія, и правительство не мѣшало имъ, или только весьма слабо мѣшало имъ. —

Первое, на что накинулось мнѣніе людей грамотныхъ, пишу-

[1] *Зачеркнуто:* несчастной, какъ ее стали называть тотчасъ же послѣ мира, и не кончилъ этой

[2] *Зач.:* признало

щихъ, мнѣніе образованной толпы, (я не называю мнѣніе этихъ людей обществен[нымъ] мнѣніемъ по причинамъ, которыя я объясню послѣ) была та самая война, во время которой произошла перемѣна царствованія. Насколько только возможно было въ приличныхъ формахъ, не оскорбляя сына Николая, осуждать его дѣйствія въ этой войнѣ, онѣ осуждались образованной толпой въ разговорахъ, рѣчахъ, въ печати. Не доставало словъ, чтобы выразить всю глупую гордость и вмѣстѣ тупость, нераспорядительность прежняго правительства въ этой войнѣ. Стоитъ вспомнить только, какъ бывшій сидѣлецъ кабаковъ Кокоревъ, отъ имени Первопрестольн[ой] Бѣлок[аменной] Москвы привѣтствовалъ севастопольск[ихъ] воиновъ и осуждалъ прежнее правительство. Войну прекратили, всѣ признали и всѣ говорили, что эта война была грубая и жалкая ошибка деспотическаго, одурѣвшаго правительства, что мы начали войну безъ дорогъ, безъ устройства для ранены[хъ], для продовольствія, и что мы опозорились этой войной, и что намъ надо учиться. — Задлеръ укралъ провіантъ, до Севастополя не было дороги, Меньшиковъ проигралъ Альминское сраженіе. Теперь ⟨только⟩, когда прошло 20[1] лѣтъ и много Европейскихъ событій, и когда идетъ теперешняя война 1877 года, странно вспомнить тогдашнія толки. Задлеръ укралъ, дороги не было до Севастопо[ля], раненнымъ было дурно — это правда, но вся эта война, считавшаяся тогда несчастною и позорною, возстаетъ теперь передъ нами совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, и теперь, послѣ осады и взятія Парижа и въ особенности послѣ того, какъ при 4-мѣсячной войнѣ съ одной Турціей, теперь, въ 77 году, послѣ 21 года мира и приготовленій, мы чувствуемъ себя несравненно слабѣе, чѣмъ мы были тогда. Тогда мы боролись почти со всей Европой и отдали уголокъ Крыма и часть Севастополя и взяли Карсъ, а теперь мы отдали часть Кавказа однимъ Туркамъ и ничего прочно не взяли. У насъ, можетъ, не было тогда дорогъ и докторовъ, но у насъ былъ флотъ, бившійся со всей Европой, были береговыя укрѣпленія, вездѣ отбившія нападенія союзныхъ флотовъ, была армія, совершившая защиту 11 мѣсячную южной стороны Севастополя, которая не была крѣпостью. Но тогда этаго ничего не видно было. Осуждали все, что было сдѣлано прошлымъ царствованіемъ. Мы приняли постыдный миръ и начали внутреннее преобразованіе. Одно изъ[2] первыхъ на очереди, предстоящихъ внутрен[нихъ] преоб[разованій], о которыхъ громче всѣхъ говорила образованная толпа, которое, какъ говорятъ, было и всегдашней мыслью Имп. А[лександра], которое занимало и предшественниковъ его и его отца А[лександра] П[авловича],[3] б[ыло] уничтоженіе крѣпостнаго права. —

[1] *Первоначально было:* 22
[2] *Зачеркнуто:* главныхъ
[3] *В подлиннике по ошибке написано:* Н[иколаевича]

Уничтоженіе крѣпостнаго права, введеннаго насильственной мѣрой въ Россіи, представлявшаго безчисленные примѣры жестокости и злоупотребленій, было нравственно справедливо и потому несомнѣнно желательно, и потому при желаніи Государя уничтожить его, естественно, что всѣ самыя разнообразныя мнѣнія образованной толпы слились въ одно: въ желаніе уничтожить его. По преданіямъ правительства мѣра эта считалась опасною. Почему она опасна, правительство понимало такъ мало, что оно боялось бунта того народа, который освобождался, но чутье правительства б[ыло] вѣрно; мѣра эта, очевидно, была опасна, лишая цѣлый классъ народа — дворянъ — ихъ собственности, вчера еще преобрѣтавшейся куплею въ Гражд[анскихъ] Пал[атахъ] и уѣзд[ныхъ] судахъ. Но на помощь правительству пришло мнѣніе образованной толпы, состоящ[ей] преимущественно изъ дворянъ, съ самоотверженіе[мъ], вслѣдствіе однихъ доводовъ нравственной справедливости, желавшихъ [1] этой мѣры. Былъ ли это глубокій политическій расчетъ или случайность и совпаденіе, но правительство какъ разъ въ это самое время дало просторъ этому мнѣнію толпы и преобрѣло сильнѣйшаго союзника, безъ котораго оно не могло бы спокойно привести въ исполненіе эту мѣру, въ особенности въ той революціонной, крайне либеральной формѣ, въ которой она была приведена въ исполненіе. [2]

---

[1] *В подлинникѣ:* желавшіе

[2] *На поляхъ написано:* Конст[антинъ] Ник[олаевичъ]. Министерство служитъ мнѣн[ію] толпы.

* ХРИСТІАНСКІЙ КАТИХИЗИСЪ.

(1877 г.)

«Вѣрую во единую истинную святую церковь, живущую въ сердцахъ всѣхъ людей и на всей землѣ [1] и выражающуюся въ знаніи добра моего и всѣхъ людей и въ жизни людской. Выражаю же эту вѣру въ Христіанское ученіе православной церкви, [2] и потому вѣрую во единаго Бога отца и т. д.»

Вотъ символъ моей вѣры, и потому изложеніе катихизиса моего и введеніе въ него будетъ слѣдующее:

О Вѣрѣ. [3]

В. Что есть православный катихизисъ?

О. Пр[авославный] кат[ихизисъ] есть наставленіе въ [4] истинной вѣрѣ, для передачи каждому человѣку вообще и православному христіанину въ частности для спасенія [5] души—т.е. для жизни, соотвѣтственной не однимъ потребностямъ тѣла, но и потребностямъ души, ⟨въ кот[орыхъ] бы душа человѣка находила полное удовлетвореніе и соотвѣтствіе своимъ требованіямъ.⟩

В. Чѣмъ отличаются потребности тѣла отъ потребности души? И не сливаются ли онѣ въ одно? Не есть ли то что мы называемъ потребностями души, только болѣе сложныя потребности тѣла?

О. Потребности [6] тѣла имѣютъ цѣлью личное благо. Потребности же души имѣютъ цѣлью благо вообще — не только часто, но почти всегда противуположное благу личному. И потому потребности души не могутъ быть болѣе сложными [чѣмъ] потребности [7] тѣла.

---

[1] *Зачеркнуто:* и понятную для меня и вполнѣ выражающую по слабости моего ума всѣ таинства вѣры. Понимаю же это ученіе

[2] *Зач.:* вполнѣ выражающей для слабаго моего ума всѣ таинства вѣры

[3] *Заглавие: О Вѣрѣ. представляет собой вставку, внесенную в текст позднее и другими чернилами.*

[4] *Зач.:* православной

[5] *Зач.:* жизни

[6] *Зач.:* души

[7] *В подлиннике:* потребностями

(Примѣчаніе) Нынѣшняя философія, ⟨въ особен[ности]⟩ (матерьялисты) утверждаетъ, что то̀, что называли до сихъ поръ потребностями души, есть ничто иное какъ усложненныя запасы тѣхъ же послѣдствій удовлетвореній матерьяльныхъ потребностей — очѐнь часто выражающихся въ отрицаніи прямыхъ — не перешедшихъ черезъ мозговые процессы, матерьяльныхъ потребностей. Но утвержденіе это ни на чемъ не основано, такъ какъ сами матерьялисты признаютъ, что прослѣдить этотъ ходъ для нихъ нетолько невозможно, но и нѣтъ ни малѣйшаго намека на тотъ путь, к[оторымъ] это можетъ быть объяснено. — Но еслибы даже и допустить, что этотъ процессъ былъ бы раскрытъ, то и тогда противуположность душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей оставалась бы во всей силѣ и точно также потребности души, имѣющія цѣлью благо вообще, противуположное благу личному, было бы точно основано только на вѣрѣ въ это благо.

В. Что нужно для спасенія души ⟨т. е.⟩ или что нужно для того, чтобы [1] знать то, что нужно для потребностей души?

О. Ясное опредѣленіе того, [2] во что мы вѣримъ⟨и жизнь сообразная съ тѣмъ, во что мы вѣримъ.⟩

В. Что есть вѣра?

О. ⟨По апост. Павлу «есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невѣдомыхъ».⟩ Вѣра есть несомнѣнное знаніе вещей непостижимыхъ разуму.

В. Какая разница между знаніемъ вѣры и знаніемъ разума?

О. Всякое знаніе разума основано на предшествующемъ знаніи. Знаніе же вѣры имѣетъ основаніе само въ себѣ. —

В. Возможно ли знаніе разума безъ знанія вѣры?

О. Невозможно, потому что всякое знаніе разума основано на предшествующемъ знаніи; предшествующее же тоже должно быть на чѐмъ нибудь основано. И потому самый пріемъ разума, основывающій каждое знаніе на предшествующемъ, исключаетъ возможность знанія безъ какого то другаго знанія, не имѣющаго основаніемъ разумное знаніе.

В. Какое же это знаніе?

О. Знаніе вѣры.

[3] *В.* Что есть знаніе вѣры и гдѣ мы встрѣчаемъ его? [4]

О. Знаніе вѣры есть то несомнѣнное знаніе смысла окружающихъ насъ явленій, которымъ мы руководствуемся всякую минуту жизни и то [5]

---

[1] *Зачеркнуто:* душа испытывала соотвѣтствіе своимъ требованіямъ

[2] *В подлинникѣ:* о того

[3] *От слов: В.* Что есть знаніе вѣры *кончая словами:* Явленія этой жизни *весь вставленный в текст отрывок написан на полях.*

[4] *Слова:* гдѣ мы встрѣчаемъ его? *зачеркнуты и восстановлены.*

[5] *Фраза не закончена.*

[1] *В.* Въ какихъ случаяхъ жизни руководствуемся мы знаніемъ вѣры, не основанномъ на разумномъ знаніи?

О. Когда мы разсчитываемъ на завтрашній день, мы вѣримъ, что взойдетъ солнце и мы будемъ жить; когда мы даемъ ѣсть другому и когда мы жалѣемъ его, мы вѣримъ, что онъ голоденъ, что ему больно, когда мы идемъ въ другое мѣсто, зная, что тамъ земля и люди, мы вѣримъ. Ни одно изъ составляющихъ нашу жизнь простѣйшихъ дѣйствій мы не основываемъ на разумѣ, а на вѣрѣ.

В. Гдѣ въ наукахъ видно то знаніе вѣры, на кот[оромъ] онѣ основываются?

О. Въ Астрономіи мы прежде вѣрили въ существованіе небесныхъ тѣлъ и небеснаго неизмѣримаго пространства и потомъ уже вычисляли движеніе тѣлъ и мѣры пространства. Въ физикѣ и химіи мы вѣримъ въ безконечную дѣлимость, въ дѣйствія силъ, а потомъ уже вычисляемъ. Въ политическихъ наукахъ мы прежде всего вѣримъ въ смыслъ жизни людей (прогрессъ), а потомъ уже изучаемъ явленія этой жизни.

В. Возможно ли знаніе вѣры безъ знанія разума? [2]

О. Возможно, ибо оно не нуждается ни въ какомъ основаніи.

[3] *В.* Въ чемъ же будетъ состоять наставленіе въ истинной вѣрѣ, если для знанія вѣры не нужно знаніе разумное?

О. Въ томъ, что бы показать тѣ предѣлы разумнаго знанія, при которыхъ разумное знаніе останавливается и приходитъ къ тѣмъ самымъ основамъ, на которыхъ оно зиждется. [4]

Объ откровеніи.

В. Откуда почерпается ⟨разумное⟩ ⟨выраженіе⟩ знанія вѣры?

О.[5] Знанія вѣры имѣютъ основаніе въ душѣ человѣческой, ⟨но выраженіе знанія этаго передается отъ однаго человѣка другому.⟩

В. Откуда получилъ человѣкъ это знаніе?

О. Отъ источника всего — отъ Бога.

[6] ⟨*В.* Если оно передается, то ⟨гдѣ⟩ основная причина источника его⟩, ⟨кто первый⟩ изъ людей получили его?

---

[1] *Зачеркнуто: В.* Гдѣ встрѣчается это знаніе вѣры, к[оторымъ] мы руководствуемся, на которомъ основаны всѣ самыя сложныя знанія наши? *Конец фразы:* на которомъ..... знанія наши? *по ошибке в подлиннике не вачеркнут.*

[2] *От слов:* знанія разума *сделана сноска на полях:* Примѣчаніе: Такое знаніе можно вообразить въ безумныхъ и новорожденныхъ.

[3] *Зач.: В.* Почему въ ученіи при наставленіи въ истинной вѣрѣ требуется еще знаніе разумное, кромѣ знанія вѣры?

[4] *Зач.: В.* Для чего же необходимо знаніе вѣры? *О.* Вопервыхъ, для спасенія души, вовторыхъ, для того чтобы позн[ать] *Фраза не закончена.*

[5] *Зач.:* Выражен[іе]

[6] *От слов: В.* Если оно передается *кончая:* называется откровеніемъ. *несколько фраз зачеркнуто одною чертой.*

[1] *О.* Вопросъ этотъ очевидно переходитъ въ область разумнаго знанія, такъ какъ онъ требуетъ основанія знанію въ предшествовавшемъ, и потому знаніе вѣры ⟨не можетъ⟩ отвѣчать на него тѣмъ, что знаніе вѣры получено прямо отъ источника всего существующа[го], — Бога ⟨и называется откровеніемъ⟩.

[2] *В.* Одно ли это знаніе вѣры, начертанное въ сердцахъ, имѣютъ люди, и нѣтъ ли ⟨другаго⟩ еще выраженія этаго знанія, к[оторое] люди получаютъ другъ отъ друга?

О. Знаніе [3] вѣры людямъ передано Богомъ непосредственно въ душѣ каждаго человѣка, и посредственно черезъ выраженіе и передачу того, что было открыто предшествовавшимъ людямъ.

[4] *В.* Всѣмъ ли людямъ далъ Богъ одинаковое откровеніе. [5]

О. Въ душѣ каждаго человѣка одинаково открыто Богомъ знаніе вѣры, но передача того, что открыто было предшествовавшимъ людямъ, совершалась неодинаково, такъ какъ передача этаго знанія вѣры была уже дѣломъ знанія разума.

В. Существуетъ ли одно истинное знаніе вѣры ⟨общее всѣмъ людямъ?⟩

О. Существуетъ это знаніе въ сердцѣ людей. То знаніе, которое обще всѣмъ людямъ, есть истинное знаніе вѣры.

[6] *В.* Есть ли выраженія вѣръ Буддисткой, Еврейской, Христіанской, Магометанской истинныя или неистинныя?

О. Истинное знаніе вѣры одно — то, которое обще всѣмъ людямъ и к[оторое] открыто Богомъ въ сердцахъ людей, и потому всѣ выраженія вѣры истинны въ томъ, въ чемъ они сходятся. Внѣшнія же признаки вѣръ суть только особенности, зависящія отъ историческихъ, географическихъ условій, имѣющихъ значеніе разумнаго знанія, а не знанія вѣры. —

В. Истинна ли христіанская вѣра въ своемъ ученіи?

О. Истинна настолько, насколько она открываетъ знанія вѣры, открытыя въ сердцахъ людей, и насколько ученіе ея не противурѣчитъ этому знанію.

---

[1] *Зачеркнуто: О.* Источникъ знанія вѣры непостижимъ. Онъ понятенъ по двумъ причинамъ.

[2] *Зач.: В.* Какимъ образомъ, въ какомъ видѣ передается Богомъ откровеніе вѣры людямъ? *Над зачеркнутыми словами:* откровеніе вѣры *над строкой написано и не зачеркнуто:* выраженіе знанія

[3] *Слово:* Знаніе *вписано над зачеркнутым словом:* Откровеніе

[4] *От слов: В.* Всѣмъ ли людямъ *кончая словами:* есть истинное знаніе вѣры. *несколько фраз кругом обведены чертою и отмечены на полях цыфрой:* [1]

[5] *Слова:* одинаковое откровеніе *вписаны над строкой над зачеркнутыми словами:* знаніе вѣры

[6] *От слов: В.* Есть ли выраженія вѣръ *кончая словами:* не противорѣчитъ этому знанію. *несколько фраз обведены на полях чертой и отмечены цыфрой:* 2

[1] *В.* Какимъ образомъ передается [2] то, что было открыто предшествовавшимъ людямъ?

О. Посредствомъ священныхъ писанія и преданія и примѣра.

В. Что разумѣть подъ именемъ священнаго писанія?

О. Всѣ тѣ книги, [3] въ которыхъ предшествовавшіе люди передавали другимъ то знаніе вѣры, к[оторое] б[ыло] открыто ихъ сердцу, и то, которое имѣло цѣлью спасеніе души.

В. Что разумѣть подъ св[ященнымъ] пред[аніемъ]?

О. Преданіе (idem).

В. Что разумѣть под прим[ѣрами]?

О. Дѣйствія, показ[ывающія] знаніе вѣры для спасенія души.

В. Что разумѣть вообще подъ свящ[еннымъ] откровеніемъ, передаваемымъ писаніемъ, преданіемъ и примѣромъ?

О. Все то, что истинно вѣрующіе и чтущіе Бога писали, говорили и дѣлали для спасенія душ[и] [4]

В. Есть ли вѣрное хранилище священнаго откровенія?

О. Есть. Всѣ истинно вѣрующіе, соединенные свящ[еннымъ] откровеніе[мъ] совокупно составляютъ изъ себя совокупно и преемственно церковь, кот[орая] хранитъ священ[ное] откровеніе. —

В. Какое отношеніе имѣетъ Христ[іанская] церковь къ общей Б[ожіей] церкви?

О. Отношеніе частнаго къ общему. Христ[іанская] церковь есть одно изъ выраженій вселенской церкви.

В. Можетъ ли быть Христ[іанская] церковь погрѣшима?

О. Въ духѣ — нѣтъ, но въ буквѣ — да.

В. Почему?

О. Духъ соотвѣтствуетъ всегда знанію вѣры въ сердцѣ. Буква же есть орудіе передачи.

В. То ли же и съ други[ми]?

О. Тоже.

В. Какъ относится къ ученію Христ[іанство]? Гдѣ оно противуположно [5] разуму?

О. Если [6] ученіе не противуположно ученію вселен[ской] церкви и сердцу, то смирять умъ передъ непонятнымъ ученіемъ.

В. Если противуположно знан[ію] сердца?

---

[1] *От слов: В.* Какимъ образомъ передается *кончая словами:* хранитъ священ[ное] откровеніе — *несколько фраз обведены на полях чертой и отмечены цыфрой:* 3.

[2] *Зачеркнуто:* Божественное откровеніе вѣры? того что было

[3] *В подлиннике под словами:* Всѣ тѣ книги *первоначально было написано:* Все то знаніе

[4] *Против слов:* Все это..... для спасенія душ[и] *на полях поставлена сноска:* Феларетъ

[5] *Зач.:* здравому смыслу

[6] *Зач.:* тотъ отвѣтъ к. даетъ христіанство

О. Отвергать его, чтобы оставаться членомъ вселенск[ой] церкви.—

Христіанскій Катихизисъ.

В. Въ чемъ состоитъ первая передача откровенія христі[анскаго]?
О. Въ священны[хъ] книгахъ Вѣтхаго завѣта.
В. Какія?
О. Книга Бытія.
[*В.*] Почему она священна?
О. Сотвореніе

* СОБЕСѢДНИКИ.

(1877—1878 гг.)

1) (Фетъ — Страховъ — Шопенгауеръ — Кантъ — здоровый идеалистъ философъ.) Стрем..... *[послед. буквы неразобр.]*[1] Дворянинъ богатый, отставной[2] поручикъ, 42 лѣтъ.

2) (Вирховъ, Dubois Raimond, Тиндаль, Миль, естественникъ, признающій необходимость основъ. — Теорія совершенства, прогресса. — Маликовъ, 37 лѣтъ. Майковъ.[3]

3) Позитивистъ — Бибиковъ, прогрессъ, но отрицаніе нужды въ основ[ахъ] 35 [лѣтъ].

4) ⟨Архимандритъ⟩ Попъ умный, отрицающій знаніе — 56 лѣтъ. Стольнико[въ].

5) Хомяковъ — Урусовъ — тонкій діалектикъ, джентельменъ софизмами оправдывающій вѣру.[4] Юновичъ, 50.

6) (Монахъ отецъ Пименъ — кротость, любовь (спитъ) 70 л[ѣтъ].

7) *Я*. Иванъ Ильичъ. — 49 лѣтъ.

Ходъ бесѣды.

Стрем. доказываетъ невозможность вѣры въ прот[ивность] чисто[му] разуму.

Май[ковъ] поддерживаетъ эту невозможность съ точки зрѣнія опыта. Нужно наблюдать.

Стольниковъ считаетъ невозможность эту рѣшеннымъ вопросомъ.

[5] *Юновичъ*[6] вводитъ вопросъ о вѣрѣ какъ непостижимо[сти]. (Смотри Хомяк[ова].)

---

[1] *Зачеркнуто:* Семянны[й]

[2] *Зач.:* полкор[никъ]

[3] *Фамилия:* Майковъ *написана над строкой и другими чернилами.*

[4] *Первоначально написано:* Хомяковъ софизмами оправдывающій вѣру. *Затем над строкой и другими чернилами вписано:* Урусовъ... тонкій діалектикъ джентельменъ

[5] *Зач.:* Хом[яковъ]

[6] *Первоначально было:* ⟨защищаетъ⟩ вѣру

О[тецъ] П[именъ] крестится и ужасается и спитъ. Архимандритъ съ озлобленіемъ осуждаетъ науку. [1]

Стрем. отрицаетъ возможность вѣры.

И[ванъ] И[льичъ] требуетъ опредѣл[енія] вѣры.

Опредѣленіе каждаго. — *Стр.* неопредѣленно изъ исторіи религій, *[1 неразобр.]* и сливаетъ ее съ философіей. Возраженіе *И[вана] И[льича]* — почему онѣ различны. *Май[ковъ]* — какъ одну изъ формъ соціологич[ескихъ].

Стольниковъ считаетъ тьмою разсѣевающейся отъ свѣта знанія.

Юн[овичъ]. Хомяковъ. Самаринъ.

О[тецъ] П[именъ] просыпается — а то чтобы все честно, побожески было, мол[ь]бой [?] и крест[омъ] [?].

И[ванъ] И[льичъ] не находитъ нужнымъ опредѣлять; вѣра — довѣріе въ то, что говорятъ, и въ то, что это такъ, и есть только два рода знаній, и другое опредѣленіе знанія, болѣе тѣсное.

Возраженіе *Стрем.* противъ различенія знаній, по Канту. Критика Канта, берущаго абсолютный разумъ, а не какъ мы его знаемъ. Въ дѣйствит[ельномъ] же разумѣ неизбѣжна доля вѣры, и по сущности, и по громадности плодовъ.

[2] Возраженіе *Май[кова]:* Различія нѣтъ, а есть необходимость гипотезы [3] объясненій, и мы имъ не приписываемъ значенія.

Отвѣтъ [4] *Юновича* и доказательство того, что основа всякаго знанія есть вѣра, что и основа опыта [5] таже.

Стольниковъ не дѣлаетъ различенія, а основа всего впечатлѣнія совсѣмъ выносить всѣхъ изъ области.

Арх[имандритъ]. Изъ Апост. Павла и І[оанна] Злат[оуста].

И[ванъ] И[льичъ]. Я готовъ отказаться отъ дѣленія, отъ названія знанія, но обращаетъ вниманіе на то что есть — сложно [6] историческій итогъ вѣры и знаній — такъ и передается.

Столь[никовъ] отвергаетъ. Перестаетъ передаваться.

И[ванъ] И[льичъ] подтверждаетъ общій фактъ и видитъ [?] что оно не смѣшивается, что философія, какъ въ химіи, мы хотѣли бы слить одно веще[ство] съ дру[гимъ], такъ въ знаніи хотѣли бы, но оно рѣзко отличается и одно передается наукой слова, другое — чѣмъ то другимъ.

Ма[йковъ]. Что же за дѣло, что оно передается, когда оно противно разуму? Мы съ того начали. Я не могу вѣрить въ Творц[а] и т. п.

И[ванъ] И[льичъ] приводитъ отриц[аніе] науки вѣрою и отри-

---

[1] *Вся фраза от слов:* О. П. крестится *до слов:* осуждаетъ науку. *написана над строкой и другими чернилами.*

[2] *Абзац редактора.*

[3] *В подлиннике:* гипотеза.

[4] *Зачеркнуто:* Стр[ахова]

[5] *В подлиннике:* опыта основа

[6] *В подлиннике:* сложна

цаніе вѣры наук[ой] и ⟨опять подтверждаетъ о способѣ передачи.⟩

Юн[овичъ] нападаетъ: вы не вѣрующій, но размышляющій.

И[ванъ] И[льичъ] объясняетъ различіе способовъ передачи и повѣрку науки.[1]

Юн[овичъ] требуетъ катег[орическаго] отвѣта. Вѣритъ или нѣтъ въ эвхар[истію]?

И[ванъ] И[льичъ] различность перемѣны значенія словъ.

Арх[имандритъ] нападаетъ тоже текст[ами].

О[тецъ] П[именъ]. Онъ все таки добрый. Онъ спасется. —

Стольни[ковъ] твердитъ свои зады. —

Стрем. защищаетъ И. И., хотя и говоритъ, что не согласенъ. Но я вижу, что согласенъ, защищаетъ въ смыслѣ развитія религій органически.

Юн[овичъ] отвергаетъ.

Май[ковъ] защищаетъ тоже въ смыслѣ[2] единственнаго этическаго основанія.

И[ванъ] И[льичъ] излагаетъ другія основанія, но признаетъ субъективно этическій главн[ѣйшимъ] [?].

[3] *Май[ковъ]* говоритъ, что религія есть плодъ разума, что прежде человѣкъ не зналъ экономіи въ своихъ силахъ, потомъ узналъ[4] экономію въ общественныхъ силахъ — это же религія.

И[ванъ] И[льичъ]. Это обманъ: результатъ религіи была бы экономія, правда, но это не есть причина. Религія, по свойству своему, не практична — «не миръ, а мечь принесъ». Послѣдователямъ обѣщаетъ муки. По сущности своей вытекаетъ не изъ цѣли практическ[ой], а изъ отвѣта на вопросъ: что я такое? ⟨и что мнѣ дѣлать?⟩

[5] *Стольник[овъ]* злится и презираетъ.

Май[ковъ] увлекается соціологі[ей].

Стрем. — діалектикой разума.

Арх[имандритъ] съ *Юн[овичемъ]* другъ другу доказываютъ въ то, что они вѣрятъ.

И[ванъ] И[льичъ] робѣетъ *[1 неразобр.]* и находится въ жалкомъ положеніи.

Слѣдующая бесѣда о законѣ этики. Утилитаризмъ въ законѣ этики. Собесѣдник[и] *[1 неразобр.]* Степа.

Осердясь на блохъ да шубу въ печь.[6]

---

[1] *В подлиннике:* науки повѣрку. —

[2] *Зачеркнуто:* превосходст[ва]

[3] *Начиная от слов: Май[ковъ]* говоритъ. *кончая словами: ⟨*и что мнѣ дѣлать?⟩ *продолжение текста написано на полях.*

[4] *Слова:* потомъ узналъ *по ошибке написаны дважды.*

[5] *От слов: Стольник[овъ]* злится *до слов:* шубу въ печь. *отчеркнуто внизу на полях.*

[6] *Вся фраза подчеркнута Толстым.*

20 Декабря 1878. — [1] ⟨*К.* Что такое вѣра-религія?

И. Не знаю. Если вы спросите у меня о моей вѣрѣ, я вамъ все скажу, но о вѣрѣ-религіи вообще я ничего не могу сказать.—

К. Но послушайте. ⟨Это все таки суевѣріе.⟩ Вѣдь не можемъ же[2] мы вѣрить ⟨въ рожденіе дѣвою⟩ въ божественность Христа.

И. Почему же?

К. Потому что это противно разуму ⟨и не нужно.⟩

[3] ⟨*И.* Совершенно согласенъ почему это противно разуму (даже если позволительно подраздѣлить для точности): рожденіе отъ дѣвы противно опытному разуму, а божественность Христа противна отвлеченному разуму.⟩

К. [4] ⟨Хорошо, такъ будемъ спрашивать о вашей личной вѣрѣ. Ну, такъ скажите намъ, есть у васъ вѣра?

И. Есть.

К. Что же вы подъ ней подразумѣваете? Почему вы отличаете ее отъ другихъ вашихъ знаній? Это вѣдь есть знаніе, если я не ошибаюсь. Или, можетъ быть, это есть извѣстная органическая необходимость всякаго существованія, подтверждаемая намъ исторіей. [5] Признаюсь вамъ откровенно, что для человѣка находящагося на уровнѣ образованія нашего вѣка, я никакъ не могу представить себѣ того, [6] что бы могло быть названо вѣрою-религіею.⟩

И. Что это противно разуму, я не могу не согласиться, но что это не нужно — это еще не доказано.

К. Но вы лично вѣрите [въ то, что] подразумѣвается религіей?

И. [7] ⟨Вѣрю.⟩ Я имѣю религію и потому вѣрю во все, къ чему она приводитъ меня.

И. Но если вы говорите, что не можете себѣ представить въ наше время того, что можетъ быть названо религіей, то этимъ самымъ вы говорите, во первыхъ, ⟨то⟩ что вы знаете, что̀ такое называютъ религіей, и во вторыхъ то, что это самое не совмѣстимо съ состояніемъ науки въ наше время. Для того чтобы я могъ совершенно ясно отвѣтить на вашъ вопросъ, мнѣ необходимо знать то, что̀ вы разумѣете подъ религіей. Прежде всего нужно, чтобы мы подъ одними словами разумѣли одно и тоже. И такъ, я готовъ отвѣчать, но прежде скажите, почему вы полагаете, что религія несовмѣстима съ нашимъ умственнымъ развитіемъ и главное, что̀ вы разумѣете подъ словомъ религія?

---

[1] *От слов:* *К.* Что такое вѣра *до слов:* только неискренность, *весь текст вычеркнут сплошь.*

[2] *Частица:* же *по ошибке написана дважды.*

[3] *От слов:* *И.* Совершенно согласенъ *до слов:* отвлеченному разуму. *вся фраза вписана на полях и зачеркнута.*

[4] *Имена собеседников:* *К* и *И.* *в тексте не всегда правильно чередуются.*

[5] *От слов:* Признаюсь вамъ *до слов:* не могу представить *вписано на полях и зачеркнуто по ошибке.*

[6] *Зачеркнуто:* ⟨склада⟩ ⟨хода мыслей который⟩

[7] *Имя:* *И.* *написано дважды.*

Пожалуйста, говорите искренно ваше мнѣніе, я тоже буду говорить совершенно искренно, обѣщаю вамъ. Для ясности мысли и выраженi[й], по моему убѣжденію, всегда мѣшаетъ только неискренность.〉

[1]*К.* 〈Совершенно вѣрно〉 А вотъ почему: понятіе божества не соединяется съ человѣкомъ. Оно вытекло изъ признанія слабости и зависимости человѣка, понятіе Божества есть только уничтоженіе предѣловъ, отъ кот[орыхъ] зависитъ слабость человѣка. Человѣкъ смертенъ — Богъ безсмертенъ; человѣкъ пороченъ — Богъ безпороченъ; человѣкъ не знаетъ — Богъ всевѣдущъ; человѣкъ слабъ — Богъ всемогущъ; человѣкъ опредѣленъ простр[анствомъ] 〈матеріей〉 — Богъ вездѣсу[щъ]. И такъ мы, чтобы составить себѣ понятіе Бога, вывели его изъ противуположенія человѣку и потомъ опять соединяемъ это понятіе съ человѣкомъ и потому разрушаемъ его для мыслящаго человѣка, для слабомыслящаго же выставляемъ идола вмѣсто Бога, и Суботники совершенно правы, отрицая Христа на основаніи 1-й заповѣди.

Къ удивленію моему я зам[ѣт]илъ что И. И.[2]

Хотѣлъ прямо въ формѣ бесѣды высказать пришедшую мнѣ нынче мысль и запутался. Вотъ она:

20[3] Д[екабря]. Вѣра есть то знаніе, на к[оторомъ] основывается всякое разумное знаніе. Разумное знаніе само на себѣ основываться не можетъ. Оно само себя разрушаетъ. Безконечная дѣлимость безкон[ечнаго] пространства, времени, атомы и т. п.

Гдѣ основы 〈этаго〉 знанія — вѣры? Внѣ 〈человѣка, внѣ〉 разума человѣка. Въ просторѣчіи мы говоримъ: *въ сердцѣ* или въ самой вѣрѣ, т. е. въ самомъ себѣ. Отвѣтъ на вопросъ, гдѣ источникъ вѣры? — въ вѣрѣ, — служитъ главнымъ источникомъ недовѣрія къ вѣрѣ. Въ сущности же этотъ отвѣтъ соблазнителенъ только для тѣхъ, которые методы разума (разума, зиждущагося на вѣрѣ) именно причинность, прилогаютъ къ вѣрѣ. Я вѣрю, потому что вѣрю совершенно безсмысленно, въ смыслѣ всякаго разумнаго знанія; но не надо забывать, что это[тъ] отвѣтъ законенъ только по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые разумомъ не объяснимы. Если я спрошу, почему я вѣрю въ то, что изъ вина дѣлается кровь, и отвѣчу: потому что вѣрю, это будетъ[4] невѣрно; потому что вѣра въ это основана не на томъ, что я вѣрю въ таинство эвхаристіи, а на томъ, что это вѣрованіе связано съ другимъ вѣрованіемъ, возникшимъ изъ

---

[1] *От слов:* *К.* Совершенно вѣрно *до слов:* я зам[ѣт]илъ что И. И. *написано на полях.*

[2] *После слов:* что И. И. *продолжение фразы оборвано.*

[3] *Цыфра* 20 *переправлена из* 19.

[4] *Зачеркнуто:* безсмысленно

вопроса, на который разумъ не можетъ мнѣ дать отвѣта (и не можетъ не потому, что онъ недостаточно развитъ или напряженъ, а прямо потому, что вопросъ не подлежитъ ему). Такой вопросъ одинъ, вѣчный, у всего человѣчества: что̀ я такое, зачѣмъ я живу, къ чему? Я часть, но что такое все?

Основы[1] знанія разумнаго — въ разумѣ со всѣми его отправленіями и со всѣми подраздѣленіями пріемовъ разума: опытнаго, отвлеченнаго, синтетическаго, аналитическаго. Если же основы знанія-вѣры находятся въ сердцѣ, какъ[2] выражаются въ просторѣчіи и какъ должно выразиться, ибо всякій пойметъ насъ, и выраженіе: *сердце* вполнѣ выражаетъ главную цѣль этаго слова — отграниченіе извѣстной дѣятельности души человѣка отъ области разума, — то какъ въ дѣятельности разумнаго знанія мы находимъ различныя формы, такъ и въ дѣятельности сердечнаго знанія мы найдемъ различныя формы. И какъ въ разумномъ знаніи, такъ и въ сердечномъ мы найдемъ то общее обоимъ явленіе, что знаніе, какъ то, такъ и другое не преобрѣтается непосредственно и единично каждымъ человѣкомъ, а какъ въ томъ, такъ и въ другомъ знаніи мы найдемъ, что̀ каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ два отдѣльные источника знанія[3] и пріобрѣтаетъ эти знанія двоякимъ путемъ: непосредственнымъ познаваніемъ и усвоеніемъ того, что̀ было познано другими людьми. Какъ въ знаніи разумѣнія (возьмемъ самую точную изъ наукъ — математику), человѣкъ, имѣя въ себѣ всѣ данныя для познанія математики, познаетъ несомнѣнные законы ея благодаря способности усвоенія посредствомъ слова того, что познано другими людьми въ той же области; такъ точно и въ знаніи сердца — вѣры человѣкъ, имѣя всѣ данные для познаванія сердцемъ основъ вѣры, познаетъ въ этой области и все то, что̀ познано было до него другими предшествовавшими людьми. Какъ въ той, такъ и другой области познанія человѣкъ находится совершенно въ одинаковомъ положеніи относительно ⟨критер[іума]⟩ провѣрки справедливости получаемыхъ имъ отъ предшествующихъ поколѣній познаній. Какъ въ разумѣніи знаній (продолжая примѣръ математики) всякій ученикъ признаетъ справедливость: $2 \times 2 = 4$, потому что онъ узнаетъ въ этомъ[4] положеніи законъ своего разума, такъ точно и въ познаніи вѣры всякій ученикъ признаетъ положеніе о будущей жизни, узнавая въ этомъ положеніи законъ его сердца. Но точно также какъ нельзя найти никакой причины для того, чтобы доказать положеніе о томъ, что $2 \times 2 = 4$ или $1 + 1 = 2$, точно также не можетъ быть другаго доказательства существованія высшаго и мо-

---

[1] *Зачеркнуто:* вѣры

[2] *Зач.:* нельзя не сказать

[3] *Зач.:* и имѣя: *слово* и *мы восстанавливаемъ какъ зачеркнутое по ошибке.*

[4] *Зач.:* выводѣ только дальнѣйшій выводъ изъ $1+1 = 2$, к[оторый] онъ самъ уже сдѣлалъ,

гущественнѣ[йшаго] [1]начала, не можетъ имѣть другого доказательства, какъ соотвѣтствіе этаго положенія законамъ сердца, или проще — сердцу;[2] также какъ въ первомъ случаѣ доказательствомъ б[удетъ] только соотвѣтствіе законамъ разума, или проще — разуму.

[3] Соотвѣтствіе передаваемаго ⟨основнымъ⟩ законамъ разума и сердца, есть, очевидно, главное основаніе воспріятія человѣкомъ отъ предшествовав[шихъ] поколѣній, какъ тѣхъ такъ и другихъ знаній; но знанія, передаваемые человѣчествомъ послѣдующимъ поколѣніямъ, такъ сложны и совершаются [4] съ такою ранней поры возраста, что не слѣдуетъ полагать, что при воспринятіи знаній [оно] постоянно повѣрялось воспринимающими и свѣрялось съ основными законами разума и сердца.

(Я здѣсь высказываю не теорію, не предположеніе, я стараюсь держаться дѣйствительности и факта. Я говорю о томъ, какъ въ дѣйствительности пріобрѣтаются человѣкомъ знанія. И единственное *мною* дѣлаемое подраздѣленіе этихъ [5] знаній на знанія сердца и разума я дѣлаю потому, что они въ дѣйствительности существуютъ и рѣзко подраздѣляются.)

Въ дѣйствительности воспринятіе знаній, какъ тѣхъ такъ и другихъ, происходитъ не столько на основаніи постоянной повѣрки, сколько [на] основаніи довѣрія къ тѣмъ результатамъ, которые пріобрѣтены предшествовавшими поколѣніями. Ребенокъ или взрослый ученикъ, также какъ и обращаемый въ вѣру, должны довѣрять — въ разсудочномъ, положительномъ знаніи, хоть положенію [6] въ математикѣ, что счисленіе [7] степенями 10 выражаетъ вполнѣ законъ чиселъ, — какъ и обращаемый долженъ довѣрять тому, что есть Богъ-творецъ и пророки, сказавшіе то и то. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, въ довѣріи этомъ сознаніе соотвѣтствія или несоотвѣтствія передаваемаго законамъ разума и сердца поддерживаетъ или нарушаетъ довѣріе, но несомнѣнно, что для воспринятія какъ тѣхъ такъ и другихъ знаній необходимы оба основанія: довѣріе и соотвѣтственность; и что оба эти фактора служатъ основаніемъ нашихъ познаній въ обѣихъ областяхъ знанія. Въ передачѣ тѣхъ сложныхъ знаній, которыя пріобрѣло человѣчество, не только въ наше время, но и имѣло всегда (какъ я думаю) съ тѣхъ поръ какъ мы знаемъ что нибудь о людяхъ изъ этихъ двухъ основаній знанія, основаніе довѣрія есть безъ всякаго сравненія то, которое служитъ главнымъ источникомъ и пріобрѣтенія и удержанія знанія. Опять я не пишу теорію, а говорю то, что есть и что

[1] *Зачеркнуто:* и всеоб[щаго]
[2] *Слова:* или проще сердцу *вставлены над строкой и написаны другими чернилами.*
[3] *Абзац редактора.*
[4] *В подлиннике:* совершается
[5] *Зач.:* способовъ пріо[брѣтенія]
[6] *В подлиннике:* положеніе
[7] *В подлиннике:* счисленіи

каждый можетъ вспомнить о себѣ и наблюдать на дѣтяхъ и взрослыхъ. — Пусть каждый вспомнитъ свое ученье: математику — дѣленіе, изъ котораго какъ то выходитъ что-то, пусть вспомнитъ преобрѣтеніе знаній историческихъ, въ особенности космографическихъ и физическихъ. Всѣ учившіеся въ низшихъ классахъ гимназіи знаютъ и вѣрятъ въ наше представленіе о движеніи земли и планетъ, но много ли людей изъ кончившихъ курсъ въ унив[ерситетѣ] могутъ объяснить, почему это представленіе болѣе соотвѣтств[уетъ] законамъ разума, чѣмъ представленіе (подтверждаемое внѣшнимъ чувствомъ) о неподвижности земли. А атомы, эфиръ, нервная система — всѣ эти знанія за исключеньемъ 1 изъ тысячи зиждутся на довѣріи.

[1] Точно тоже что въ этомъ отношеніи происходитъ въ знаніяхъ разумныхъ, положительныхъ, тоже и въ знаніяхъ сердечныхъ — вѣры. Причина такого довѣрія одинакова для обѣихъ областей знанія. Въ области положительнаго знанія мы говоримъ себѣ: люди, тысячи, сотни тысячъ умнѣйшихъ людей, исключительно занятыхъ тѣми предметами, о которыхъ они высказываютъ результаты добытые этимъ *трудомъ*, повѣряя со всѣхъ сторонъ эти результаты, оспаривая и подтверждая ихъ на основаніяхъ тѣхъ самыхъ разумныхъ законовъ, которые я знаю въ себѣ, — въ математикѣ: $2 \times 2 = 4$, въ астрономіи ⟨правильнаго⟩ наблюденія надъ движеніемъ солнца и свѣтилъ, — приш[ли] къ[2] заключенію, что $a^{-1} = \frac{1}{a}$ и[3] что планеты движутся вокругъ солнца, — не разбирая неизбѣжности этихъ выводовъ, только смутно чувствуя, что выводъ б[ылъ] сдѣланъ на основаніи разумныхъ законовъ, я признаю единственный [?] выводъ.

⟨Почти⟩ тоже самое я дѣлаю и въ вопросахъ вѣры. Я говорю: нетолько тысячи, ⟨но⟩ десятки тысячъ людей, но всѣ люди стремились къ тому познанію сердечному, котораго я сознаю въ себѣ основанія, и лучшіе люди наиболѣе одаренные этимъ сердечнымъ познаваніемъ, наиболѣе жадные къ этому знанію, представлявшіе во всѣ вѣка образцы мученичества, искали этаго знанія и передаютъ мнѣ его въ сложной формѣ, недоступной иногда моему личному сердечному знанію, и я довѣряю имъ, чувствуя смутно, что направленіе ихъ стремленій было то самое, которое и во мнѣ. —

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ главнымъ внутреннимъ основаніемъ знанія [4] представляется сознаніе соотвѣтствія: — внѣшнимъ же — единство согласія всѣхъ людей и потому довѣріе къ нимъ. Вникнувъ ближе въ оба эти источника знанія: соотвѣтст[віе] и довѣр[іе], мы увидимъ, что въ сущности оба источника сливаются въ одинъ — соотвѣтствія законамъ

---

[1] *Абзац редактора.*
[2] *В подлиннике:* какъ
[3] *Слово:* и *по ошибке написано дважды.*
[4] *В подлиннике:* основаніемъ сознанія внутреннимъ

разума и сердца, т. е. сущности человѣка. Если не провѣряя какого бы то ни было знанія, сравнивая его съ законами своего ума и сердца, мы принимаемъ его только потому, что всѣ другіе люди сходятся въ томъ же познаніи; мы этимъ самымъ только дѣлаемъ заключеніе о томъ, что данное положеніе соотвѣтствуетъ законамъ моего разума и сердца. Если это соотвѣтствуетъ законамъ ума и сердца всѣхъ людей, то оно должно соотвѣтствовать моимъ, хотя я и не успѣлъ провѣрить его. Такъ что даже соотвѣтствіе законамъ нашему уму и сердцу мы весьма рѣдко повѣряемъ непосредственно, а всегда соединяемъ въ одно общее согласіе всѣхъ съ личнымъ соотвѣтствіемъ. Психіатрія въ лучшихъ представителяхъ своихъ признаетъ, что сумашествіе есть только такое воззрѣніе, кот[орое] не признается всѣми. Если мы одни видимъ предметъ краснымъ, когда всѣ видятъ его зеленымъ, мы, если здоровы, не станемъ искать почему предметъ красенъ, а почему мы его не видимъ зеленымъ. Такъ что мы не имѣемъ права сказать, чтобы какое нибудь наше знаніе было знаніемъ нашимъ личнымъ. Мнимый дикій, возросшій [1] въ лѣсахъ Германіи, не имѣлъ никакихъ знаній, хотя онъ и имѣлъ источники знанія.

Знаніе наше, какъ разумное такъ и сердечное, немыслимо безъ предшествующаго, окружающаго насъ, усвоеннаго и усвояемаго нами знанія, такъ что мы съ нашимъ знаніемъ — плоды этаго всеобщаго знанія, результаты его, не можемъ судить о сущности этаго знанія.

Мы можемъ только судить о томъ, ⟨изъ чего слогается,⟩ откуда берется это знаніе и почему мы считаемъ его истиннымъ, т. е. знаніемъ. Знаніе это ⟨есть плодъ довѣрія нашего,⟩ берется отъ всеобщаго [2] знанія, и мы считали его истиннымъ только потому, что всѣ, и мы въ томъ числѣ, согласны въ его истинности.

Повѣркой знанія поэтому для насъ не можетъ быть ничто иное, какъ знаніе того, что всѣ раздѣляютъ убѣжденіе въ истинности знанія. — Какъ ни непріятно можетъ показаться любителямъ философіи это положеніе, оно прямо бросается въ глаза, и нѣтъ другаго источника знанія, о которомъ бы мы могли говорить, не переносясь въ область фантазіи. Таково знаніе въ дѣйствительности; но если бы мы захотѣли искать другаго источника знанія, какого бы то ни было, разумнаго или сердечнаго, мы, если не будемъ обманывать себя, прямо придемъ, по самой сущности знанія, къ убѣжденію въ невозможности отысканія какихъ бы то ни было основъ знанія. Основа знанія математ[ическаго] есть $1+1=2$. Основа знанія опытны[хъ] наукъ есть впечатлѣніе. Какая основа того, что $1+1=2$, или что я ощущаю холодъ, шероховатость, вижу движеніе? Основа всѣхъ этихъ положеній суть опять самые эти положенія. Какая основа знаній

---

[1] *В подлинникѣ:* возросшихъ
[2] *В подлинникѣ:* всеобщему

сердечныхъ, знаніе того, что я живу и что я ищу себѣ мѣста? Никакой, кромѣ самыхъ этихъ желаній. —

Знаніе, какъ положительное — разума, такъ и сердечное — вѣры, имѣетъ своей основой всеобщее знаніе. Знаніе это въ области разума есть наука, въ области сердца есть вѣра. Повѣрка знанія можетъ происходить только на основаніи соотвѣтствія и несоотвѣтствія законамъ разума и сердца. И такая повѣрка постоянно происходитъ въ дѣйствительности. Мы требуемъ, чтобы положенія науки соотвѣтствовали законамъ нашего разума, а положенія вѣры — законамъ сердца. И точно также какъ, видя листъ краснымъ, человѣкъ страдаетъ, ищетъ возможности соединит[ь]ся съ общимъ воззрѣніемъ, несогласіе съ к[оторымъ] разрушаетъ въ немъ увѣренность въ своемъ знаніи, такъ точно при каждомъ положеніи науки, противурѣчащимъ разуму, человѣкъ ищетъ поправки своему незнанію, и при положеніи несоотвѣтствующемъ въ вѣрѣ его сердцу, ищетъ поправки и не успокоивается пока не найдетъ единства со всеобщимъ знаніемъ.

Такого рода несогласіе, противурѣчіе, является часто, какъ въ наукѣ такъ и въ вѣрѣ, и имѣетъ ⟨иногда⟩ источникомъ или невѣжество, незнаніе [1] необходимости вывода науки или религіи, или [2] ложность самаго положенія науки [3] или религіи, т. е. несоотвѣтственность его разуму или сердцу, или, что чаще всего бываетъ, отъ перенесенія [4] повѣрки положеній разума основаніями сердца [5] или на оборотъ. [6]

21 Декабря. Каждому вѣроятно не разъ случалось встрѣчаться съ несогласіемъ съ наукой перваго рода, т. е. несогласіемъ вытекающимъ [7] изъ незнанія. Помню [8] ⟨то нетолько⟩ недовѣріе, но полную увѣренность въ ложности этаго положенія, которое я, учившій физику еще по теоріи истеченія, испыталъ при этомъ сообщеніи положенія объ эфирѣ и его колеба-

---

[1] *Зачеркнуто:* дальнѣйш[ей]

[2] *Зач.:* геніальность того, кто встрѣчаетъ съ несогласіемъ и вмѣстѣ чувствуетъ возможность привести въ согласіе несогласное. Т. е. въ первомъ случаѣ усвоить себѣ знаніе другихъ, во второмъ случаѣ — передать другимъ свое знаніе. Но въ обоихъ случаяхъ согласіе всѣхъ есть главный и единственный признакъ истины. *Над зачеркнутым автор вставил, более мелким почерком и другими чернилами, конец предыдущей фразы, от слов:* ложность самаго положенія науки *до слов:* или на оборотъ.

[3] *Против слов:* положенія науки *на полях написано:* Мнимыя величины, эфиръ.

[4] *Против слов:* отъ перенесенія поверки *на полях написано:* Наша родная религія есть нашъ родной языкъ. Одинаково истинна на всякомъ языкѣ.

[5] *В подлиннике:* сердцу

[6] *Зач.:* Разница между знаніемъ разума и вѣры состоитъ только въ томъ, что при несогласіи съ знаніемъ разума

[7] *В подлиннике:* несогласія вытекающаго

[8] *От слов:* то нетолько недовѣріе *до слов:* при этомъ сообщеніи *написано* над *строкой, более мелким почерком и другими чернилами.*

ніяхъ. Я былъ тогда молодъ [1] и говорившій мнѣ объ эфирѣ почитался мною не авторитетомъ, и я помню, что его слова о колебаніи безконечно малыхъ волнъ безконечно малыхъ тѣлъ показались мнѣ просто безсмыслицей, такою если не бо̀льшею безсмыслицей эвхаристіи, [2] о кот[орой] и спорить не стоитъ. Но ⟨желая справиться съ судьями компетентными⟩ [3] узнавъ, что всѣ люди науки признаютъ это положеніе, [4] я сталъ учиться физикѣ, прочелъ ученыхъ объ этомъ предметѣ, и теорія колебаній эфира показалась мнѣ уже не произвольной безсмыслицей, а необходимой въ положеніи. Тоже [5] случалось и случается постоянно съ людьми, получающими отрывочныя знанія. Болѣе всего поразительно это [6] въ космографіи и съ особенною очевидностью это представляется въ математикѣ. Пусть знающій хорошо ариѳметику попытается растолковать значеніе мнимыхъ величинъ, и будетъ ясно, что разумъ учившагося не будетъ никогда въ силахъ допустить столь противнаго законамъ разума понятія, что есть величина съ знакомъ минусъ, образовавшаяся изъ помноженія величины одинакой съ одинакимъ знакомъ самой на себя, тогда какъ ⟨знакъ⟩ минусъ [7] въ произведеніи могъ произойти только изъ помноженія + на — .[8] Только вслѣдствіи изученія хода мысли и результатовъ, къ к[оторымъ] приводитъ это положеніе, и преимущественно [вслѣдствіе] довѣрія учащихся [9] согласится съ справедливостью этаго положенія сразу, безъ справокъ о томъ, какъ смотрятъ на это всѣ занимавшіеся этимъ предметомъ, и безъ того чтобы не прослѣдить выводы изъ этаго положенія не можетъ быть принятъ. [10]

Въ области сердечнаго знанія по этой же самой причинѣ незнанія происходитъ точно того же рода сомнѣніе. Обращаемому въ Христіанство говорятъ, что [11] Христосъ, сынъ Божій, [12] очеловѣчился ⟨и далъ людямъ новый [завѣтъ].⟩ Положеніе это не

---

[1] *Против слов:* Я былъ тогда молодъ *на полях написано:* Два рода положеній: однѣ какъ необходимыя слѣдствія; другія какъ необходимыя основанія уже выработанныхъ и согласныхъ съ дѣйствительностью результатовъ. Первыя: разстоянія звѣздъ, сумма прогрессіи. Вторыя: неподвижность солнца, эфиръ, мнимыя величины, дифер[енціальное] и интегр[альное] вычисленіе.

[2] *От слов:* о кот[орой] *до:* не стоитъ *написано над строкой другими (черными) чернилами.*

[3] *От слов:* узнав *до*: положеніе *написано над строкой другими чернилами.*

[4] *Зачеркнуто:* я почиталъ новыя сочиненія физиковъ

[5] *Зач.:* можно сказать о космографіи [*несколько недописанных слов неразобрано*].

[6] *Зач.:* невѣд[еніе]

[7] *Зач.:* могъ въ: *слово:* въ *мы восстанавливаем как зачеркнутое по ошибке.*

[8] *Зач.:* Всякій, признающій мнимыя велич[ины] за проявленіе здраваго ума, приведенъ къ этому только изученіемъ

[9] *В подлиннике:* учашимся

[10] *Конец фразы не отделан и потому смысл ее не совсем ясен.*

[11] *Зачеркнуто:* въ церкви при извѣстныхъ молитвахъ происходитъ

[12] *Зач.:* родился отъ

можетъ быть принято человѣкомъ, не видящимъ въ этомъ необ ходимости и не имѣющимъ [1] довѣрія къ учителю. [2] Точно также, какъ при мнимыхъ величинахъ или колебаніяхъ эфира, человѣкъ можетъ признать это положеніе только тогда, когда ему будетъ показано, что положеніе это вытекаетъ изъ цѣлаго ряда сердечныхъ знаній и имѣетъ за собой цѣлый рядъ необходимыхъ выводовъ, совпадающихъ съ законами сердца, т. е. выводовъ ученія христіанскаго, и кромѣ того подкрѣплено довѣріемъ къ миліонамъ лицъ, изучавшимъ это сердечное знаніе и пришедшимъ къ этому самому положенію.

22 Декабря. Другая причина несогласія или сомнѣнія есть ложность самаго положенія науки или религіи, очевидное противурѣчіе съ закономъ разума и сердца или съ другими данными науки и религіи, ничѣмъ не выкупаемое и не оправдываемое. Для Коперника положеніе о вращеніи солнца представлялось противурѣчащимъ закону движенія [3] малыхъ и большихъ тѣлъ и противурѣчащимъ знанію о движеніи планетъ, и потому онъ отвергъ это положеніе. Точно тоже теперь можно смѣло сказать, что [4] положеніе физіологическое о протопласонахъ [5] или о томъ, что наши мысли и желанія суть организмы, ибо это положеніе противно разуму, смѣшивая [6] произвольно область органическаго и неорганическаго, и главное, ничѣмъ не выкупается, ничѣмъ не оправдывается. Это въ области науки. Въ области религіи положеніе о томъ, что папа можетъ отпускать грѣхи, точно также совершенно законно отвергается, ибо оно [7] противно закону сердца, чувствующаго, что сознаніе виновности не можетъ быть уменьшено никакимъ внѣшнимъ средствомъ и не соотвѣтствуетъ тому знанію религіозному, к[оторое] вытекаетъ изъ новаго завѣта ⟨и к[оторое] говоритъ, что другой человѣкъ самъ не властенъ на[дъ] душ[ами]⟩. Точно тоже можно сказать и относительно всего ученія искупленія грѣховъ рода человѣческаго смертію Христа.

Третій, наконецъ, и самый главный источникъ [8] сомнѣнія въ истинахъ той и другой области лежитъ въ смѣшеніи одной области съ другою, т. е. въ приложеніи повѣрки разумнаго знанія законами сердца; и на оборотъ, въ самомъ обыкновенномъ пріемѣ, изъ котораго вытекало, вытекаетъ и б[удетъ] вытекать вся-

---

[1] *В подлинникѣ:* имѣющаго

[2] *Противъ словъ:* Точно также какъ при мнимыхъ *на поляхъ написано:* Повѣрка разумна[го] знанія — науки ⟨практика, факты⟩ преданія науки. Повѣрка вѣры ⟨сердца⟩ преданія вѣры — откровенія.

[3] *В подлинникѣ:* движенію

[4] *Слѣдующее слово: по ошибкѣ написано дважды.*

[5] *Такъ в подлинникѣ.*

[6] *В подлинникѣ:* смѣшиваю

[7] *Зачеркнуто:* несоотвѣтствуетъ

[8] *Противъ словъ:* главный источникъ *на поляхъ написано:* Возраженіе о единствѣ невѣрующихъ и объ авторитетѣ ихъ.

кое невѣріе,[1] есть приложеніе къ вѣрѣ, т. е. знаніямъ сердца, повѣрки законовъ разума. 999/1000 невѣрующихъ, мнимо отвергающихъ положенія сердечнаго знанія-вѣры, отвергаютъ его только по этой причинѣ, и потому необходимо подробнѣе разсмотрѣть это[тъ] пріемъ мыслей [?] и всѣ доводы, к[оторые] онъ приводитъ въ свою пользу.

Пріемъ отрицанія[2] положеній науки на основаніи вѣры всѣмъ извѣстенъ и весьма употребителенъ и точно также [*1 неразобр.*] для сторонниковъ науки и осуждается ими, какъ и обратный пріемъ. Пріемъ этотъ очень всѣмъ извѣстенъ. «Ну, мы узнали, что до солнца столько то биліоновъ верстъ, — что же намъ изъ этаго? Лучше ли будетъ жить, добрѣе ли мы будемъ?» Говорящіе это говорятъ только: знанія разума не удовлетворяютъ вопросамъ сердца. И они не правы. Наука и не имѣетъ этой цѣли. «Ну, вы изучили нервы, мозговую дѣятельность, — что же, лучше будутъ люди?» говорятъ они — и не правы, потому что физіологъ, истинный ученый, скажетъ только:[3] «вопросъ объ улучшеніи людей до меня не касается». (Ученый же, который отвѣтитъ: «да, люди будутъ лучше» и будетъ приводить доказательства почему, будетъ плохой ученый и свою дѣятельность[4] посадитъ entre deux chaise[s] le cul par terre,[5] имѣя цѣли пріемы [?] и научные и религіозные, и ничего не сдѣлаетъ кромѣ болтовни. И такихъ много.)

Вопросы такого рода, т. е. требующіе объясненія сердечныхъ вопросовъ отъ науки, очень обыкновенны и большей частью суть плодъ невѣжества и тщеславія. Разбира[я] психологически, вопросы такого рода выражаютъ то, что я не знаю того, о чемъ вы говорите, и мнѣ не хочется признаться, что я не знаю чего нибудь важнаго и нужнаго, и потому я ищу отговорку въ своемъ незнаніи и равнодушіи [къ] знанію; и отговорка эта основывается на искуственномъ, софистическомъ перенесеніи вопроса изъ одной области въ другую. «Какая же мнѣ польза, какое мнѣ или людямъ добро отъ этаго знанія?» Т. е. сердцу моему ничего не даетъ знаніе разума. Но это само собою разумѣется — это есть исходная точка.

Обратное совершается, не скажу — еще чаще, (въ сущности оно происходитъ рѣже, если принять въ расчетъ всѣхъ людей) но замѣтнѣе; замѣтнѣе потому, что отрицаніе науки на основаніи того, что она не удовлетворяетъ требованія сердца, дѣлается преимущественно людьми невѣжественными, не имѣющими[6]

---

[1] *Против слов:* б[удетъ] вытекать всякое невѣріе *на полях написано:* Почему на [*1 неразобр.*] ошибочно выражен[о] положеніе церкви. Онѣ выражены словомъ, орудіемъ шаткимъ. Они вѣрны и несомнѣнны въ сердцѣ.

[2] *Против слов:* Пріемъ отрицанія *на полях написано:* Почему мнимо отрицаютъ и то и другое знаніе. *Вся фраза обведена чертою.*

[3] *Зачеркнуто:* я не хоч[у]

[4] *В подлиннике:* дѣятельности

[5] [сидя между двух стульев]

[6] *В подлиннике:* имѣющихъ

органовъ выраженія — печати; такъ большинство мужиковъ, неграмотныхъ людей, дѣлаютъ это разсужденіе о ненужности и глупости науки. Обратное же дѣлается изъ числа людей науки, имѣющими въ своемъ распоряженіи орудія распространенія — слова. Поэтому хотя численность людей, дѣлающихъ эту обратную ошибку, т. е. отрицаніе знанія-вѣры на основаніи несоотвѣтств[ія] требованій разума, — именно ошибка эта болѣе замѣтна, обставлена болѣе искусно и потому требуетъ внимательнаго обсужденія.[1] Разсужденіе слѣдующее. —

Такое то положеніе сердечнаго знанія-вѣры, положимъ, сотвореніе міра Богомъ, не соотвѣтствуетъ законамъ разума.[2] Почему Б[огъ] сидѣлъ, сидѣлъ и вдругъ сотворилъ міръ? Какъ могъ онъ сотворить изъ ничего? Сотворить твердь нельзя было и т. д.

Источникъ психологическій совершенно тотъ же, какъ въ случаѣ отрицанія науки вѣрою: человѣку не хочется признаться въ своемъ незнаніи и въ равнодушіи къ этому незнанію и онъ отрицаетъ все знаніе сердца, перенося цѣли его въ другую, чуждую область разума.[3]

23 Декабря.

Разсмотримъ данный примѣръ: въ чемъ состоитъ знаніе вѣры, въ чемъ состоитъ опроверженіе разума и какъ разумъ мнимо исправляетъ ошибку вѣры (какъ онъ обманываетъ себя).— Въ смыслѣ вѣры, что̀ значатъ первые стихи библіи: *Ничего не было и былъ Богъ и онъ сотворилъ міръ въ 6 дней, и т. д.* На какой вопросъ отвѣчаетъ этотъ отвѣтъ? Вопросъ, вызвавшій этотъ отвѣтъ (данный Моисеемъ, Зороастромъ, Богомъ, всѣмъ человѣчествомъ — кѣмъ бы то ни было) состоитъ не въ томъ: когда Богъ сотворилъ міръ (на этотъ то вопросъ разумъ находитъ отвѣтъ неправильнымъ) не въ томъ, какъ, изъ чего онъ сотворилъ и какъ послѣдовательно во времени онъ сотворилъ, и прежде ли онъ сотворилъ твердь, а потомъ, — а вопросъ одинъ, вѣчный, лежащій въ сердцѣ каждаго человѣка. Что̀ я, откуда я и все меня окружающее взялось? Если вопросъ не всегда могъ быть выражаемъ, если и теперь есть люди, и между дикими, и между христіанами, для которыхъ вопросъ никогда не возставалъ во всей ясности, то несомнѣнно одно, что вопросъ этотъ лежитъ, хотя иногда и несознанный, въ сердцѣ каждаго человѣка. Сколько мы знаемъ, прошли вѣка прежде чѣмъ человѣкъ имѣлъ какой нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ. И вопросъ на этотъ отвѣтъ могъ быть различный и бывалъ различный. Можно было отвѣ-

---

[1] *После слов:* Разсужденіе слѣдующее. — *на полях приписано:* Поправка дѣлаемая наукой

[2] *Зачеркнуто:* и потому онъ

[3] *Далее на полях написано:* Выводы вѣрны, но вѣрно ли дѣленіе? ⟨Въ знаніи науки нужно⟩ Можетъ быть есть только одно знаніе разума, а вѣра есть только *его отраженіе.*

Последние слова подчеркнуты дважды.

чать, — и отвѣчали, и отвѣчаютъ, — что я есмь, потому что есмь, и все другое существуетъ, не имѣя причины. Можно было сказать, что я одинъ есмь и все остальное мое представленіе. Можно было сказать, что есть сила, которая сотворила меня, а другая сила сотворила другое. Но человѣчество [въ] глубочайшей древности выработало [1] на этотъ сложный вопросъ отвѣтъ, заключающійся въ томъ, что всѣ силы, ⟨движущіе⟩, ощущаемыя и видимыя мною, имѣютъ одинъ источникъ — силу, к[оторую] называютъ Богомъ, что эта же сила есть источникъ существованія и источникъ происхожденія всего. Но отвѣчая ⟨словами⟩ на вопросъ человѣчества, тотъ кто отвѣчалъ на него, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ отвѣчать въ понятіяхъ людей, сообразно съ тѣми знаніями, к[оторыя] они имѣютъ, и долженъ былъ отвѣчать ⟨тѣмъ шаткимъ слабымъ⟩ словомъ, орудіемъ преимущественно разумнаго знанія. — Если тотъ, кто сказалъ это, сказалъ: «я чувствую, что я во власти однаго Благаго существа и онъ сотворилъ меня». Ему бы сказали: «неправда, ты родился отъ отца и матери, дѣда и т. д.» Для того чтобы говорить съ людьми, онъ долженъ былъ говорить ихъ языкомъ и сказать: [2] «Богъ сотворилъ всѣхъ людей, сотворивъ первую пару». Подобныя же соображенія заставили его сказать о послѣдовательности творенія. Вся послѣдовательность и подробность творенія суть только неизбѣжная дань, отданная слабости орудія выраженія — слова, и слабости орудія воспринимания — пониманія. [3]

Представимъ себѣ хоть Моисея, человѣка, углубившагося въ себя, въ мысли о значеніи человѣка, въ тѣ самыя мысли, которыя служатъ отвѣтомъ на вопросъ: «что я такое?», — и вдругъ понявшаго единство свое съ единствомъ силъ. Кто испытывалъ эти минуты настоятельности вопроса и мгновенной ясности мысли, тотъ знаетъ это чувство. На мгновеніе онъ почувствовалъ Бога, почувствовалъ свое мѣсто. Онъ увидалъ Бога, (иначе онъ не могъ бы выразить этаго чувства). Но, желая передать это чувство, онъ долженъ былъ говорить словами, подъискивать понятныя выраженія, и онъ написалъ книгу Бытія. Онъ не могъ непосредственно передать это чувство въ книгѣ; въ личныхъ отношеніяхъ онъ передалъ его, и оно то и дало силу книгѣ (такъ дѣлали всѣ пророки). Теперь что же ищутъ въ этой книгѣ тѣ, которые критикуютъ разумомъ подробности изложенія? Они ищутъ отвѣтовъ на то, *какъ* Богъ сотворилъ міръ. Но Моисей невольно, противувольно даже, сказалъ *какъ*, — онъ отдалъ этимъ дань слабости орудію слова; онъ только одно хотѣлъ

---

[1] *Зачеркнуто:* знаніе сердечное о томъ отвѣт[ѣ]

[2] *В подлинникѣ:* сказалъ

[3] *Далее на полях вписано другими, очень бледными чернилами:* (Моисей) Онъ сказалъ *бара* по еврейски и это значило: сдѣлалъ; потомъ подъ это слово должны были подвести понятіе: сдѣлалъ изъ ничего; теперь необходимо подставить еще болѣе общее понятіе. По моему, это понятіе есть Богъ или еще общее — *есть*, *существуетъ*, начало всего.

сказать и говорилъ: то, что есть единый Богъ, источникъ всего по времени и пространству [1] и человѣкъ его произведеніе. (И теперь я, стараясь поправлять Моисея, отдаю гораздо худшую дань слабости слова, [2] чувствуя, что каждое употребляемое мною слово неадекватно понятію). Но одно ясно и несомнѣнно, это то, что центръ тяжести, смыслъ, цѣль словъ Моисея, не есть и не можетъ быть изложеніе теоріи происхожденія міра, но отвѣтъ на вопросъ; что̀ я такое? откуда взялся? зачѣмъ? Отрицать то, что отвѣтилъ на это Моисей въ Библіи ⟨Зороастръ въ Зендавестѣ⟩ мы можемъ только если вопросъ остался безъ отвѣта, или если отвѣтъ ошибоченъ, несогласенъ съ другимъ извѣстнымъ намъ отвѣтомъ на вопросы сердца. Но никакъ не потому, что форма подробностей отвѣта на вопросы сердца несогласна [3] съ совершенно другими, не имѣющими ничего общаго съ этими вопросами, другими вопросами разума. А это то самое и дѣлаетъ наука, отъискивая въ вѣрѣ несогласія съ ея положеніями. Вы говорите, что тверди нѣтъ — прекрасно. Стало быть, Богъ сотворилъ то самое, что Моисей подразумѣва[лъ] подъ словомъ — твердь. Дѣло не въ томъ, что̀ онъ подразумѣвалъ подъ твердью и не зналъ астрономіи, а въ томъ, что онъ сказалъ, что Богъ и это тоже сотворилъ, т. е. что все имѣетъ одинъ источникъ. Если это есть Божеское откровеніе, почему оно не знало астрономіи? Еслибы даже и Божеское откровеніе въ самомъ узкомъ смыслѣ, то Божеск[ому] откровені[ю] нельзя было говорить о систем[ѣ] Геркулевскаго созвѣздія и о Ракѣ [4] Евреямъ, которые видѣли твердь и спрашивали, откуда твердь. — (Боюсь, что и наше понятіе о небесныхъ тѣлахъ лѣтъ черезъ 10 000 покажется очень смѣшнымъ и грубымъ; стало быть и нашимъ языкомъ нельзя б[удетъ] говорить. [5]

Это возраженіе говоритъ только, зачѣмъ Богъ не говорилъ научно. Но это то и показываетъ, что область науки не то, что область вѣры. Отвѣтъ данъ на вопросъ сердца, а не разума, и отвѣтъ полонъ и ясенъ относительно вопроса. [6] Если отвѣтъ не полонъ и неясенъ, какъ это бываетъ, то уясните, дополните его, но не забывайте вопросъ. Всѣ геологическія изысканія не помогутъ ни на волосъ уясненію вопроса о томъ, одинъ ли я самъ по себѣ или въ связи со всѣмъ міромъ и въ зависимости отъ одной силы. Что я такое? А только на этотъ вопросъ ищется от-

---

[1] *В подлиннике:* пространство

[2] *Зачеркнуто:* каждымъ словомъ

[3] *В подлиннике:* несогласны

[4] *В подлиннике:* ракѣ. *(Рак — название одного из созвездий.)*

[5] *Слова:* Боюсь что..... б[удетъ] говорить *написаны на полях, но сноска вставлена в текст самим автором.*

[6] *Далее на полях вписано примечание, обведенное кругом чернилами:* Передается вѣра не словомъ, а непосредственно преданіемъ, дѣйствіемъ, примѣромъ; на этомъ зиждется необъяснимое иначе распространеніе и изъ него вытекаетъ обрядъ. *Последние слова:* и изъ него вытекаетъ обрядъ. *вписаны мелким почерком и другими, бледными чернилами.*

вѣтъ. Наука въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ту же ошибку, которую дѣлаетъ вѣра на основаніи своихъ требованій [1] отрицая науку; но наука, владѣя словомъ и діалектикой, хитритъ лучше чѣмъ вѣра. Скрывая свою ошибку перенесенія вопроса изъ области сердечной въ разумную, ложная наука часто,[2] отрицая такимъ незаконнымъ путемъ положенія вѣры, дѣлаетъ видъ, что она поправляетъ ихъ; и этой мнимой поправкой сама себя обманываетъ. Она говоритъ: сотвореніе міра въ одинъ прекрасный день не имѣетъ смысла. Сотвореніе паръ животныхъ еще менѣе. Мы видимъ, что все существуетъ и все развивается и изъ этаго не имѣемъ права заключать, чтобы было время, когда ничего не было. Но слѣдя за развитіемъ, мы приходимъ къ заключенію, что были низшія формы, изъ к[оторыхъ] развивались высшія,[3] и въ томъ числѣ человѣкъ, и потому вмѣсто басни творенія для насъ является разумная и подтверждаемая опытомъ теорія развитія силъ природы. И совершается та странная подтасовка, что человѣкъ, ухватившись за вопросы вѣры, послѣ многихъ манипуляцій, находитъ себя съ полными руками всякихъ вопросовъ разума, а вопросы вѣры съ ихъ отвѣтами остаются не то что отвергнутыми, а совершенно устраненными. Эшафодажъ науки, подставляемый подъ вѣру, такъ сложенъ и громоздокъ, что очень многіе даже не замѣчаютъ обмана и наивно видятъ отвѣтъ на вопросъ въ томъ, что̀ я такое, отвѣтъ въ томъ, что я есмь организмъ, въ которомъ развиваются неизвѣстныя силы по извѣстнымъ законамъ. Въ сущности же для каждаго, кто потрудится весь этотъ эшафодажъ науки привести опять къ первому вопросу вѣры, будетъ очевидно, что отвѣта не только нѣтъ, но и не можетъ быть въ области науки, разумнаго знанія. Исходная точка моя была: что есмь я, т. е. что есть моя жизнь, мое обособленіе отъ другихъ, и что такое[4] тѣ силы, которыя я чувствую, дѣйствуя и страдая, и откуда я взялся?

Наука говоритъ: ты организмъ, ты обособленъ, ты сила и на [тебя] дѣйствуютъ силы неизвѣстныя въ своей сущности, и ты взялся изъ утробы матери, а мать изъ утробы своей матери. Т. е. наука, желая разрѣшить вопросы, невольно отстранила ихъ, что неизбѣжно по сущности ея разумной дѣятельности, и вмѣсто отвѣта повторила мнѣ слова вопроса. На главный же вопросъ отвѣчала безсмыслицей, къ чему она тоже приведена неизбѣжно [5] свойствомъ своей дѣятельности. На вопросъ: откуда я? она отвѣтила: ты звѣнчикъ въ вѣчной, *безконечной* цѣпи существъ, т. е. то, что видитъ человѣкъ прежд[е] всего, что пугаетъ его, и то самое, вслѣдствіе чего онъ начинаетъ спрашивать. —

---

[1] *Зачеркнуто:* передавая
[2] *Зач.:* чувствуя
[3] *Следующие пять слов вставлены на полях*
[4] *Зач.:* то, что я дѣлаю и испытываю?
[5] *Зач.:* сущно[стью]

МАТЕРИАЛЫ К РОМАНУ ВРЕМЕН ПЕТРА I.

БУМАГИ ПЕТРА.

Петръ.

[*Соловьев.* История России с древнейших времен. Т. XIV. М. 1863.]

1695 — 22 года.

Подъ 1-мъ Азовомъ. Чинитъ гранаты. «Пѣшіе, наклонясь ходимъ, — писал он Кревету, — потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили. Однако и гнѣздо [1] по маленьку сыплется». [224]

2-й Азовскій походъ. У Петра больная нога. [226] Пасха 12 Апрѣля. Онъ опускаетъ суда въ Воронежѣ. Домикъ въ 2 горницы [где жил Петр], самъ работаетъ и пьетъ. 3 мая поплыл «морской караван». Впереди плыл капитан Петръ Алексеев на галерѣ [2] принципіумъ 1696. [228]

Кто женщина?... ...

Пишетъ сестрѣ Натальѣ: «По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мне ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили. Хоть и ходятъ, — но по ся поры вѣжливы. [229]

1697 казнены Соковнинъ, Цыклеръ, Пушкинъ, Филип[повъ], Рожинъ и выкопанъ Милославскій и гробъ его поставлен был у плах изменничьих и как головы им секли на его гробъ капала кровь. [249]

Петр не терял времени. Учился *первое* въ Пруссіи Артиллеріи. [251]

На вопрос старой курфюрстины, любит ли он охоту, отвечал: «Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не люблю. Люблю фаерверки и плаваніе. Царь с удовольствием слушал итальянских певиц, но сказал: Музыки не люблю». [254] Особенно понравилось ему в анатомическом кабинете профессора Рюйша. Он так увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался, как живой. В Лейдене, в анатомическом театре, заметив отвра-

[1] *Против слов:* Однако гнѣздо *кончая:* Побранился *написано:* Путь въ Индію. Хлопчат бумагу маренго, виноградъ — Персія

[2] *В подлиннике:* галера

щение своих русских спутников к трупам, и заставилъ зубами разрывать мускулы трупа. [257] Пьетъ и тамъ.

На извѣстіе о бунтѣ стрельцов и движении их к Москве, Петр отвечал: Буду скорѣе. Крѣпостью утишить, а кроме сего ничем сей огнь угасить не можно. Сѣмя Милославскаго ростетъ. [275]

Вообще сравненья любитъ, и особенно сѣмя, пахота.

26 Августа пріѣхалъ [из за границы в Москву.] Былъ у Монсъ, у Лефорта, у жены не былъ, ночевать поѣхалъ въ Преображенское. [275—276]

Онъ бросится на знамя противников, вырвет и потопчет его: это знамя— борода, это знамя — старинное длинное платье. Бороды стрижетъ самъ. Это изъ за границы еще мечта. [278]

Между тем делались страшные приготовления к казням: ставили висѣлицы противъ Дѣвичьяго Монастыря и у четырех съезжих изб возмутившихся полков. [279]

(*Такъ на жъ тебѣ? Затѣмъ и уѣхалъ изъ подъ Нарвы.*)

Патриарх вспомнил, что его предшественники в подобных случаях становились между царем и жертвами его гнева, печаловались за опальных, утоляли кровь: Адриан поднял икону и отправился в Преображенское к Петру. Какъ встрѣтилъ Адріана съ Иконой. «Убирайся и поставь Икону на мѣсто. Я не менее тебя чту Бога».... [279—280]

30 сентября была первая казнь стрѣльцовъ, числом 201 человек, везли из Преображенского въ телѣгахъ съ зазженными свѣчами и по 3 [1]

За телегами бежали жены, матери, дети со страшными криками. По прочтении сказки осужденных развезли вершить на указанные места; но пятерым, сказано в деле, отсечены головы в Преображенском; свидетели достоверные объясняют нам эту странность: Петр самъ отрубилъ этим 5-мъ стрельцам головы. [280]

Хотѣлъ казнить Софью. Софья была пострижена под именем Сусанны и оставлена на житье в том же Новодевичьем монастыре, под постоянною стражею из сотни солдат. Петр сам назначил доверенных людей и приписал: «Пѣвчихъ в монастырь не пускать, поютъ и старицы хорошо, лишь бы вера была». [283]

Петр повадился в Немецкую слободу, где увидал первую красавицу слободы, очаровательную Анну Монсъ, дочь виноторговца. У отца погребъ. [285]

[В] 1698 [году] еще прежде сестры Петр жену постригъ, царицу Евдокию Федоровну. [284]

14 Сентября на пиру у Лефорта раздраженъ. Побранился съ Шеинымъ. Ударилъ шпагой по столу (и не складно [?]) и сказал Шеину: «Также разобью твой полкъ и съ тебя шкуру сдеру». Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановский и Зотов стали защищать Шеина. Петр бросился на них, ударил Зотова по

[1] *У Соловьева:* по двое

головѣ, Ромодановскаго по руке; Шеин был бы убит, еслиб Лефортъ[1] не удержал Петра. Все были в ужасе, но Менщиковъ унялъ. [287]

В своем раздражении Петр не щадил ни старого, ни нового любимца: Менщикова за то, что тотъ плясалъ въ шпагѣ, так ударилъ, что у того полилась кровь изъ ноздрей, а потом на пиру у полковника Чамберса он схватил Лефорта, повалилъ на полъ и билъ ногами. [290]

Тяжелая мысль давила Петра. Особенно приводило его в отчаяние любимое дело, кораблестроение, при воспоминании о том, что он видел в Голландии и Англии и о том, что оставил в Воронеже. Через два дни после осенних стрелецких казней, вечером 23 октября Петр поехал в Воронеж и оттуда писал Виниусу: «Облакъ сумнѣнія какъ бы закрывает мысль нашу, да не укоснеет сей плод, какъ плодъ финика не для меня». [290]

В конце 1698 года царь возвратился в Москву и на Рождестве тешился одною из любимых своих забав: ѣздилъ Христа славить на 80 саняхъ наряженный с большою свитою. Передъ казнями освящалъ Лефортовъ дворецъ: назначено было большое торжество для открытия или посвящения этого храма Бахусу. [292]

Петр еще до поездки за границу разрѣшилъ продажу табака.[2] [295]

Петр во время трехдневного пребывания в Раве был вполне очарован Августом. По возвращении в Москву Петр щеголял в кафтане Августа. Восхищеніе отъ Августа — не могъ нахвалиться. [327]

1700 походъ къ Нарвѣ. 23 сентября Петр стал перед Нарвою и немедленно занялся приготовлением к осаде вместе с саксонским инженером генералом Галлартомъ [присланным] отъ Августа. [349]

Осада, по словам Гуммерта[3] не удалась, отъ того, что «мы имели лазутчиков и ведомцев и обо всем хорошо ведали, но руками никто не хотел приняться: ходили как кошки около горячей каши и никто не хотел пальцев ожечь». Какъ кошка ходилъ около угля; а былъ жаръ — остылъ [350]

К нему [Петру] приехал отлично рекомендованный генерал цесарской службы Герцогъ фон Круи. [351]

Кроме искусства, опытности и бодрости на шведской стороне главным условием успеха для Карла было то, что русские войска были растянуты на огромном протяжении, кроме того сильная вьюга била прямо в лицо; сюда же присоединилась подозрительность: предводители Нѣмцы будут ли усердно сражаться против своих? Вот почему, когда Шведы ворвались в лагерь, подъ Нарвой [раздался] крикъ: Нѣмцы измѣнили. [351]

Дисциплина исчезла; в страшном озлоблении русские начали кидаться на иностранцев и бить их. Видя это, фон Круи закричал: «Пусть сам черт дерется съ этими солдатами», бросился бежать вместе с другими иностранцами и отдался въ плѣнъ. При этом всеобщем смятении и бегстве не смялись и не побежали два полка: Преображенскій и Семеновскій полки огородились рогатками и бились. [352]

[1] *В подлиннике:* и Лефортъ
[2] *В подлиннике:* табакъ
[3] *В подлиннике:* Гуммертъ

Петръ непремѣнно обозлился на что нибудь подъ Нарвой и уѣхалъ, такъ вотъ же вамъ!

Въ Новгородѣ всѣ работаютъ, не служатъ въ Церквахъ, кроме соборной церкви, вѣшаютъ и бьютъ за взятки и лѣнь. Пришедши в Печерский монастырь, Петр назначил быть на работе полуполковнику Шеншину. Пришедши потом на работу и не заставши там Шеншина, он велел бить его плетьми нещадно и послать в Смоленск в солдаты. *Озлобленъ.* [356]

Царь очень сведущ в географии. Хорошо чертитъ, рисуетъ и прилежно занимается этими предметами.

701 собираетъ деньги, въ Троицѣ—1000 золотых, Менщиковъ дал 420 золотых и купецъ далъ 10,000 рублей. [360]

В конце 701 года Шереметев предпринял наступательное движение. Побѣда при мызе Эресферъ. Шереметевъ [возведен] в генерал-фельдмаршалы. [364]

Сам Петр прогостил [в] 702 [году] лѣто въ Архангельскѣ. В ожидании неприятельского прихода Петр занимался строением кораблей, тамъ взять прежде корабль. [377]

Взятъ Орѣшекъ. 11 октября комендант принужден был сдать город. Петр был в восторге, добывши этот ключ к морю. Радость. Петр известил и надзирателя артиллерии, приписав: «Правда, что зело жестокъ сей орѣхъ былъ, но счастливо разгрызли». [378]

На следующий 1703 год шли русские войска лесами большими и малыми и завидели канцы при устье Охты, [1] Петербургъ взятъ. Петр Михайлов и Меншиков на тридцати лодкахъ подкрались к неприятельским судам, окружили и взяли [2] их. [379]

Петр и компания были в восторге: «2 неприятельских корабля взяли! небывалая виктория!» За эту викторию бомбардирского капитана П[етра Михайлова] и поручика М[енщикова] пожаловали Андреевскими кавалерами. [379]

[*Соловьев.* История России, т. XV, М. 1865).

Петръ подъ Дерптомъ. Все не такъ заложилъ траншеи, две аппроши с батареями принуждены бросить за их неудобством, все передѣлать. Взяли. [4]

По взятии Дерпта царь отправился подъ Нарву. 9 августа был назначен штурм. Русские ворвались в город, взяли перерѣзали всѣхъ. Сам Петръ закололъ шпагою одного солдата, не хотевшего слушаться приказания, и потом показыва[я] кровь на шпагѣ Нарвским жителям, говорил: «Не бойтесь! это не Шведская, а Русская кровь». [5]

В 1701 году новый указ: Всѣмъ, кромѣ духовныхъ и пашенныхъ крестьянъ, носить кафтаны французскіе и саксонскіе, а камзолы и штаны и башмаки и шапки нѣмецкія, сѣдла нѣмецкія, а русского платья и черкесскихъ кафтанов и тулупов и азямовъ и штанов и сапогов и башмаков и шапок отнюдь никому не носить. С ослуш-

[1] *В подлиннике:* Охта
[2] *В подлиннике:* Взялъ

ников указа в воротах целовальники берут штрафъ по 13 алтынъ по 2 деньги, с конных по 2 рубля с человека. [136]

Боится казаковъ и велитъ миловать.

[В] 1705 [году] въ Полоцкѣ он зашел с своими приближенными посмотреть униатский монастырь. Масло было подлито в огонь, уже существовавшее раздражение усилилось, когда монахи не впустили его в алтарь, драка съ монахами. В этой схватке раздражение Петра достигло высшей степени. Повѣсили монаха, отличавшегося своими выходками против него в проповедях. Этим печальным событием воспользовались внутренние враги Петра, которые раскрасили событие своими красками: в 1708 году каторжный колодник, бывший солдат, говорил: «когда Петр был в Полоцке, и в то время день Петра и Павла пришелся в пятницу, государь выдумалъ всѣмъ благочестивой веры чернецам ѣсть мясо, — не стали. Петр позвал их в церковь молебен слушать, и как стали молебен служить, государь вынул палашъ и убилъ монаховъ въ Церкви. В это время было видение Іисуса Христа въ облакахъ, держа в одной руке копье, в другой огненные стрелы, говорил с гневом: «время его за такое дело покарать», но Богородица упросила ждать покаяния. [169].

1-го Августа [1705 г.] Петр выступил в Курляндию: ему хотелось перенять Левенгаупта, которого Шереметев должен был отрезать от Риги, но Левенгаупт успел перебраться за Двину к большому неудовольствию Петра, который писал Головину: «Яко Нарцизъ отъ Эхо удаляется господин Леингоптъ». [171]

Петръ дѣлалъ все по совѣту. Но все обстоятельно. Засѣки по Литвѣ.

[В 1706 г.] нездоровъ лихорадкой и скорбутъ. [183]

Чудесное распоряженіе о выступѣ изъ Гродна. [190—191]

Из Петербурга 7 апреля [1706 г.] писал Меншикову: «Какъ въ раю живемъ. [194] [Письмо от 10 мая]: «О здешних поведениях сомневаться не изволь: въ Божьемъ раю, нельзя худо [1] быть». [195]

Въ Польшѣ все дѣла шли «какъ молодая брага», по выражению Петра. [228]

1708 году боленъ, лихорадка, скорбутика, дѣятельность, толковитость удивительная. Проситъ дать ему вздохнуть. [273]

Распоряженіе въ Москвѣ слово въ слово 12 годъ. [274]

За Головчино наказалъ Репнина несправедливо, но для примѣра. Не солдатскій, а казацкій бой. [278—279]

Карл повернул на север. Встреча произошла 29 августа на Черной, при Добромъ. [280] Наши побили. Дрались хорошо. [Петр] пишетъ: «Боже! не отними милость свою отъ насъ впредь!» [281]

28 Сентября у Шклова подъ Лѣснымъ побѣда надъ Левенгауптомъ. У Русских под Лесным из 14 000 человек было побито 1111; у Шведов из 16 000 по русскому счету взято в плен 876 человек. 16 на 14.

Левенгаупт подкупил Жида и тот уведомил царя, что Шведы еще на правом берегу Днепра. Русские начали было переправляться на этот бе-

[1] *У Соловьева:* зла

рег, как встретился шляхтич, который объявил, что Шведы давно уже на левом берегу. Жидъ обманулъ. Шляхтичъ далъ знать. А достальные Шведы побежали вниз по реке Соже, вплавь за реку переплыли, за которыми сзади Калмыки гнали и зело много побили; догоняютъ, бьютъ. [282—283]

[*Соловьев*, История России, т. XVI, М. 1866.]

Переводить учитъ Зотова: не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить в переводе, а понявъ по своему передавать, уже так писать, как внятнее может быть. [19]

[*Соловьев*. История России, т. XVIII. М. 1868.]

В апреле 1724 года Петр прислал в Синод указ — Разъяснить весь законъ, что́ непременный закон божий и что́ советы и что́ предания и читать попами въ церкви. [220]

Объясненіе заповѣдей геніальное. Соловьевъ XVIII, 201, 202.

Казаки.

[*Соловьев*. История России, т. XIV. М. 1863.]

Въ первомъ Азовскомъ походѣ казаки взяли одну башню. [223]

Во 2-м [походе] 2000 малороссийских и донских казаков — первые под начальством казацкого атамана Якова Лизогуба,[1] вторые — атамана своего Фрола Минаева[2] пошли на приступъ. [229]

Войска по старинному засыпали ровъ в уровень с валом неприятельским. Помнили, что когда-то Азов был взят донскими казаками, и в Москве хотелось сильно удержать его, но не смели и отдали Туркам. Булавинъ. Азовъ былъ взятъ [казаками] прежде. [231]

В 1699 году из одного Воронежского уезда бежало около 330 дворов. Бѣгутъ на Донъ калмыки изъ Воронежа съ женами, дѣтьми по 300 дворовъ. [316]

Брали въ плѣнъ, разоряли Русскія деревни. [314—315]

[*Соловьев*. История России, т. XV, М. 1865.]

Августъ. Увязъ въ Полышѣ.

С 1705 года Башкирцы бунтуютъ; обвиняли Уфимского комиссара Сергеева, который притеснял башкирцев при сборе с них лошадей для войска и при отыскивании среди них беглых рекрут. Комисаръ Сергѣевъ дѣвокъ Башкирскихъ водилъ. [233]

Каракалпаки, Киргизы, Чуваши, Донцы [вошли в согласие с башкирцами]. [236] Терекъ, Татары, Ногаи. Батыри. Изъ луковъ. Булавинъ.

Бахмутскій Атаманъ изъ Трехъизбенскихъ казаковъ. Кондратій Афанасьевъ Булавинъ. [240] В 1707 году царь послалъ полкъ Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго для отыскивания всех беглецов. [239].

Слухъ объ Астраханцахъ. Убилъ Долгорукаго [Булавин]. [240]

Старшина Булавина: Лоскутъ — сходецъ, (пришлец) с Валуйки,

---

[1] *В подлинникe:* Лизогубъ

[2] *В подлинникe:* и Минавъ

про него говорили, что былъ при Стенькѣ Разинѣ лѣтъ 7. (Разсказъ про Стеньку). Боровский атаман говорил Булавину: «Заколыхали вы всѣмъ царствомъ, что вам делать, если придут войска из Руси, тогда и сами пропадете, и нам пропасть будет». Булавинъ говоритъ: «Не бойтесь; начал я это дело делать не просто; былъ я въ Астрахани и въ Запорожьи и на Терекахъ. Мнѣ присягали, что им быть ко мне на вспоможенье в товарищи. Всѣ придутъ, а теперь пойдемъ мы по казачьим городкам и будем казаковъ к себе приворачивать, а которые не пойдутъ — будем жечь, а животы губить.[1] Наберемъ ружей, платья, а потомъ пойдем въ Азовъ, Таганрогъ. Ссылочныхъ и каторжных освободимъ и на весну, собравшись, пойдем на Воронежъ — Москву». Тут Лоскутъ сказал Булавину: «Не бось,[2] я прямо Стенька. Лучше того, не как тот Стенька без ума свою голову потерял». [241] Осипъ Наумычъ.

Лукьянъ Максимовъ побилъ Булавина, Филатку Никифорова[3] (Филатъ), Гришку Баникова [242] (Алешка) [?]

Послали царю описание всего происшествия: «И мы, не дожидаясь света, на них били и, переимав многих рядовых, наказание чинили, мы носы рѣзали больше ста человекам, а пущих заводчиков, близь 10 человек повѣсили[4] по деревамъ за ноги, а иных перестреляли на смерть, а 12 человек послали к тебе, великому государю». [242]

Но дело не окончилось. Булавин ушел в Запорожье. Через несколько времени приехали туда к нему с Дону 40 человек с известием, что можно снова начинать дело. Булавин отправился с ними в Сечь и начал просить Запорожцев, чтоб «поступили с ним к бунту». Запорожцы согласны позволить Булавину прибирать вольницу, а пойти с ним явно на великороссийские города только тогда, когда Булавинъ подговоритъ Ногайцевъ, Горскихъ Черкесъ и Калмыковъ. Булавин разослал призывные грамоты: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочетъ с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить, да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то приезжайте въ черны вершины Самарскія. [243]

В верхние Донские городки перебрался Булавин в начале 1708 года, разослав новые грамоты по Украйне. У того письма атамана Булавина печать. «Безчинства не чинить, а нѣмцовъ и Бояръ бить, а по которым городам по тюрьмам есть заключенные люди, и тех заключенных из тюрьмы выпустить тотчас без задержания. Да еще им ведомо чинят, что с ними козаками Запорожские козаки и Бѣлгородская орда и другія орды им казакам за душами руки задавали в том, что они ради с ними стать за едино».

Въ Мартѣ въ кругу Булавин, вынувъ саблю, говорилъ: «если

---

[1] *У Соловьева:* грабить
[2] *У Соловьева:* бойся
[3] *В подлиннике:* Филатка Никифоровъ
[4] *В подлиннике.* и повѣсили

своего намерения не исполню, — то этой саблей отрубятъ [1] мнѣ голову». По хаперским городкам Булавин разослал письмо, чтобъ земли не пахать (въ доли) [?]. Рабочих, которые готовили лес, он велел взять к себе в полки неволею, и народъ лѣсъ готовятъ пустить. [243—245]

Полковник Васильев встретил Булавина 8 Апрѣля, на рѣчкѣ Лисковаткѣ, выше Черкаска. Переговоры. Во время переговоровъ Булавин напалъ неожиданно и разбилъ. [245] После сражения при Лисковатке воры роздувании взятую казну, при чем досталось по два рубля с гривною на человека. [250] За Булавина поднялись три реки. Присталъ Хоперъ, Медвѣдица, Сѣверной Донецъ, Бузулукъ. [245]

Воры грозились итти въ Тамбовъ и Тулу, [246] и въ Воронежъ.

Петръ пишетъ в «рассуждении и указе, что чинить г. майору Долгорукому: Сія Сарынь кромѣ жесточе [2] ничѣмъ уничтожена быть не можетъ (Колесовать.)

Василій Владиміровичъ Долгорукій отвечал: «Пишешь, ⟨что⟩ опасаешься, чтобъ я Булавину за его ко мнѣ дружбу понаровки какой не дѣлалъ. Нѣтъ за его к себе дружбу сколько могу платить буду». [247—248]

28 Апрѣля Булавин взялъ Черкаскъ. [250] Товарищи его Семенъ Драный, Игнатій Некрасовъ беспрестанно разъезжали с разными делами то в Черкасск, то в Рыков, то в Скородумовскую станицу,[3] тамъ пытали Лукьяна Максимова и Ефрема Петрова. Перед плахою Ефрем Петров говорил воровским старшинам: «Хотя я умру, а слово мое не умретъ, вы погубили островъ, а великому государю тот остров знатен и реку великий государь всю очистит и вас воров выведет». [251]

Товарищ Булавина Лукьянъ Михайловъ Хохлачь с отрядом, на речке Курлакѣ встретились с Бахметевым и Рихманом. У воров была не полная надежда побить царские полки, потому что они отправили Бахметеву прелестное письмо: «Нам до вас дела нет, ни до бояр, ни до солдат, нам только дело до немцев и до прибыльщиков и до неправедныхъ судей». [252—253]

Булавина въ кругу осадили. «Можем тебя и в кругу поймать». [254]

Запорожцевъ 1500 человѣкъ пошли на соединеніе с Булавиным, встретили Дранаго, [4] у которого было 5000 человѣкъ. Драный был разбитъ и убит.

С другой стороны 5 июля 5000 воров подступили къ Азову; 5000 отбиты. Вернулись к Черкаску, и много их потонуло в Дону. [258]

Булавинъ ушел от них. Заперся у себя в комнате. Илья Зерщиковъ пришел с толпою казаков и начал обстреливать курень. Булавин сначала защищался, убилъ у Зерщикова двухъ человек, но потом

---

[1] *У Соловьева:* отсеките
[2] *У Соловьева:* жесточи
[3] *В подлиннике:* станица
[4] *В подлиннике:* Драный

видя, что дальнейшее сопротивление невозможно, самъ [1] застрѣлился из пистолета. [259]

Всѣ сильные самые воры. [Когда узнали, что Драного убили, то сказали:] ежели в Черкаском то сведают о Драном, конечно Булавина убьют, для того, что Булавин был дурак, все воровство и вся надежда была на Драного. Драный голова, а Булавинъ дуракъ. [260]

Атаман и старшина къ Долгорукому привели сына и брата Булавина и сына Дранаго. [261]

(Всѣ легли.)

Семенъ Драный. Остался еще Голый. Голый ушел сам третей; городок был выжжен. [267] Атамана Ваську Тельнаго [2] Долгорукій четвертовал. [265]

[*Соловьев.* История России, т. XVI. М. 1866.]

В олонецких местах поселились раскольничьи отшельники, здесь образовалось знаменитое раскольничье пристанище, [сюда] пришел знаменитый Андрей [321] и брат Андрея Семенъ Денисьевы. [324] Было еще скудное пустынное житие. Звонили въ доску, служили съ лучиной. Мужчины жили на своей стороне, женщины — на своей, между ними стена, в стене маленькая келья; две старицы сидели в келье и наблюдали, о чем сестры и братья будут говорить. [322]

Общее.

[*Соловьев.* История России, т. XIII. М. 1863.]

Во всем свете нигде такого на девкй обманства нет, яко в Московском государстве, говорит Котошихин. Хлопотали, нельзя ли как обмануть и на царских смотринах; доктор Стефан сказывал: съехался с ним Иван Шихирев и говорил, что взята вверх племянница его для выбору, возили ее к боярину. Боярин смотрел у нея рук и сказал, что руки худы. Станутъ смотрѣть, ты скажи, что руки ничего. Доктор отвечал, что его к такому делу не призывают, да и племянницы его он не знает; на это Шихирев сказал: как рук у нее станешь смотреть, и она перстомъ за руку подавитъ, потому ее и узнаешь». Шихирев повинился. [164]

Ското и муже — ложство. — Пьянство. Подарки (Башкир.) Гостямъ, кони, ковры.

Остановимся на пострижении мужа от живой жены и на оборот. Жена, постригшаяся от живого мужа, называлась по отношении к нему посестріею, мужъ — побратимомъ. [3] Одна такая посестрия подала жалобу, что побратим избиваючи ее, бивал и мучалъ в подполы и въ коникъ, крапивы настлавши, сажалъ и в соху впрягал. Оказалось, что она пострижена была неволею, в пустой избе, а не в монастыре. Родственниковъ ее при пострижении и у записи никого не было. Насилу. [164]

Сын одного из самых образованных тогдашних вельмож князя Василия Васильевича Голицына, Алексей уже ездил в походы за государем, пода-

[1] *В подлинникe:* А самъ
[2] *В подлинникe:* Тельный
[3] *В подлинникe:* Посестрія и побратимъ

вал челобития о землях и в то же самое время только начинал склады писать. Учился складамъ 20 лѣтъ. [162]

Въ цѣломъ умѣ не поставилъ.

Всякъ бабѣ внукъ.

Аввакум в житии своем является не один, но окруженный целою дружиною подобных ему богатырей; тут же близко знакомится с особого рода богатырями и Юродивыми,[1] которым, также грузно от силушки, как от тяжелого бремени и которые освобождаются от этого бремени тем, что ходят в лютые морозы босикомъ в одной рубашке. [206—207]

Аввакумъ — однорядку. Злой, энергичный. Дочь [один начальный человек] отнялъ у матери. Аввакумъ вступился. «Пришли в село мое плясовые медведи с бубнами и домрами и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих, и медвѣдей двух великих отняв, — одного убилъ и паки ожил, а другого пустилъ в поле». [208]

Пришел указ — вести [Аввакума] в Даурию и отдать в полк Афанасию Пашкову. Пашков не был похож на Хилкова [тобольского воеводу, где одно время жил Аввакум]: «На Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать, для де тебя дощеник худо идет, еретик де ты; поди де по горам, а с казаками не ходи. О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимые, утес каменный, яко стена стоит, — голову заломя на горы смотрѣть». [211] Быстрая рѣчь, на волоскѣ шутка мрачная.

«Десять лет, говорит Аввакум, — Пашков меня мучил, *или я его, не знаю*. Бог разберет. Наконец пришла грамота — велено Аввакуму ехать на Русь. Протопоп отправился, приплыл в русские города». Себя называетъ: протопопъ. [213]

Себя отстегивалъ.

Я [Аввакум] говорю: «Мы уроди во Христѣ; вы славны, мы же бесчестны; вы сильны, мы же немощны». [216] Казакам было два выхода — или плыть за океан. Другой выход — извечное занятие богатырских казацких дружин — служить въ семи ордахъ семи королямъ. [218]

В 1661 году Гордон вступил на русскую службу в звании майора. Здесь сначала Гордону не понравилось. Его позвали к начальнику иноземного приказа Илье Даниловичу Милославскому. Тот велел Гордону:[2] «Покажи, какъ действовать копьемъ и ружьемъ». Гордон отвечал, что еслиб ему прежде сказали об этом, то он бы привел своего деньщика. Обидѣлся, но показалъ и боярин остался доволен. [220—221]

Два кречета, 6 осетровъ, вязигу, бочку лимоновъ, бѣлугу, снятки Бѣлозерскіе и Песко[вскіе] [?] Бочку уксуса, бочку вина ренскаго. —

[*Соловьев.* История России, т. XIV. М. 1864.]

В 1668 году Князь Яковъ Лобановъ разбойничалъ по Троицкой дороге, разбивал государевых мужиков с царскою казною. [84]

При входе в казенную келью, где его допрашивали, [раскольник] Мартынко не поклонился иконам и на вопрос, зачем не кланяется?

---

[1] *В подлиннике:* Юродивые.

[2] *В подлиннике:* Гордонъ.

отвечал: эти иконы не святые, ныне вера христианская исслякла. «Священники все, — продолжал Мартынко, — антихристовы предтечи. А как Царь Алексѣй за вѣру казнилъ Соловецкій Монастырь, то на третий день и умеръ». [87—88]

Как причастился таин нынешних просвир, изъ меня змѣй пошелъ и стало бить и трясти, и с того числа на исповеди не бывал и не причащался. [87] Ныне я послан от бога учить и веру христианскую проповедовать; верховные Апостолы Петра и Павелъ мнѣ сродичи. Въ трехперстномъ крестѣ сидитъ — Кика бѣсъ съ преисподнею. На пытке Мартынко объявил, что все им сказанное на допросе он слышал в Соловецком монастыре и прибавил: когда царствовал Михаилъ Федорович Царь, то царствовал не он, а Михаилъ Архангелъ. [88]

Главный заводчик Повѣнчанинъ Емельянъ Ивановъ, подучивший к самосожжению, не сгорел, но, пограбив монастырскую казну, бежал, и стал опять прельщать и собирать толпу. Научилъ сжечься и убѣжалъ. — Запершиеся в Палеостровском монастыре раскольники зажгли его и сами сгорели. *Они жглись.* [89]

В Воронежском уезде явился какой-то гулящий человек, который церкви и православную веру и священный чин хулил: «Какіе то церкви и попы. Богъ нашъ на небеси. А на землѣ Бога нѣтъ», и крестился, смотря на солнце, говорил: «Боже мой! Почто надо мной однимъ взыскалъ?» [90]

Спор не ограничился одними учеными, стал общим делом: не только священники, но и миряне, даже женщины, при встрече друг с другом, повсюду спорили о времени пресуществления. Когда пресуществляется кровь Христова. Соловьевъ. XIV 94 [95]

[*Соловьев.* История России, т. XVIII. М. 1868.]

Фабрика полотняная Тамеса или Тамсена [1] въ Москвѣ; на фабрике было 150 ткацких станковъ и приготовлялись все сорта полотна, и золотошвейное заведение Строганова, находившееся в его доме в Москве, здесь работало около 100 дѣвицъ. [172—173]

Строгановы Генина зовутъ въ пай добывать руду. «И ныне просили меня, чтоб я с ними товарищ был». [174]

Знаменитый впоследствии Василий Никитич Татищев начал свое поприще как горный чиновник. Геннин донес о нем: «К тому делу лучше не сыскать, как капитана Татищева и надеюся, что ваше величество изволите мне в том поверить, что я оного Татищева представляю без пристрастия», и сам Татищева рожи калмыцкой не любитъ. [175—176]

Соловьевъ. XVIII, 213. В 1723 году раскольники ходили по деревням и учили: пройдетъ 7 лѣтъ и Антрихристъ явится и выдастъ 70 колырствъ. [212] «Было благочестие, а ныне отпало, как и Рим, царь Петр — антихрист». Так говорил монахъ Савва въ Тамбовѣ Дьячку Степану; онъ испугался и пересталъ ходить въ церковь. Пошел к духовнику, а духовникъ былъ въ пѣвчихъ въ Воронежѣ, стал рассказывать: самъ говорилъ: ужъ и я Антихристъ. Къ чему го-

[1] *У Толстого ошибочно:* Строганова

ворилъ, Богъ знаетъ. У дьячка Степана от этих слов духовника сомнение все более и более усиливалось; да и въ Кирилловой книгѣ писано, что имать сѣсть гордый Царь во имя Симона Петра. Разговорился с одной женщиной и женщина говорила, что Царица не признаетъ. «Держите вѣру Христіанскую. Это не мой Царь. Иной выше». [213] Ему говорили: будетъ первое гоненіе на монастыри. Онъ постригся въ Тамбовскомъ Трегуляевскомъ монастыре и назван был Самуилом. Он сходится с другим монахом, и тот рассказывает: теперь над нами царствует не наш государь, царь Петр Алексеевич, а Лефортовъ сынъ. Пріѣхалъ в Трегуляевский монастырь монах Никодимъ, дядя; племянник рассказал ему о своих сомнениях относительно антихриста, дядя говоритъ: «Нѣтъ, не антихристъ, а разве предтеча. [213] Скоро потом забрали всех монаховъ Трегуляевского монастыря въ Воронежѣ по какому-то делу; там Самуил написал письмо, что Петр — антихрист и подбросил на неизвестный двор. Монахов отпустили; на дороге из Воронежа Самуил встретился с Лежневым. Сынъ боярскій Лежневъ говоритъ: носится слух, что наш государь въ Стекольномъ. А Самуил думал: антихрист! Пришелъ указъ: не читать Соборникъ и Ефремову книгу. Пришел духовный регламент: явно, что царствует антихрист, отводит от монашества, надобно бежать в пустыню! Самуилъ бѣжалъ, но его поймали, отослали снова в Трегуляевский монастырь и посадили на цѣпь.[1] Сидя на цепи, он тосковал, что царствует антихрист. Не кланялся игумну: «Как мне ему кланяться? онъ слуга Антрихристовъ. Ушелъ въ степь къ казакамъ. Тамъ поминаетъ попъ на ектениях вместо императора: *Имперетерь*, потому что людей перетерли. В это время в Самуиле, благодаря его впечатлительной натуре, произошла перемена: попались ему в руки книги, распространявшиеся правительством против раскола. Убѣдили. Вернувшись в свой монастырь, сталъ проповѣдывать православіе. Но тут новое искушение: его взяли из Трегуляевского монастыря и отвезли въ Богоявленіе въ Москву, въ школу. Былъ опять гнѣвъ: стал раздражаться против нового порядка и его виновника. А тут еще сильное искушение: жена вышла замужъ за другого. А товарищ монах все бранит духовный регламент, все поджигает этою бранью Самуила, наконец тот не вытерпел, сталъ бумажки кидать, на бумажках ругательства против императора. [214—215]

В 1723 году, по доношению коломенского инквизитора, в синод был представлен юродивый Василий Босой. Юродивый показал: Воздушные бѣсы безо всякого прекословия послушны, а водяные без уговору, безъ подачки нельзя, ничего не делают. Главный бѣсъ на[дъ] всѣми бесами, — сатана Миха. [218]

[Калмыкъ] Черен-Дундук 19 сентября [1724 г.] присягнул, а на другой день последовало торжественное объявление его Ханским наместником. Черен-Дундук был доволен, но не была довольна его мать; расплакалась,

---

[1] *Против слов:* Посадили на цѣпь. *на полях карандашом написано:* Сол. XVIII.

вырвала Ханша волосы и бросила на сына, приговаривая: эти выдранные волосы по смерти взыщутся на тебѣ. [24]

Три раза Волынский был у шаха, имел несколько конференций, вдруг позвали его на последнюю аудиенцию и объявили отпуск. Волынский писал: «здесь такая ныне глава, что он не над подданными, но у своих подданных подданный, во всем положился на своего наместника, который всякаго скота глупѣе, однако у него такой фаворит, что шах [1] у него изорта смотритъ, и что велит, то делает». [29]

23 июня [1721 г.] Волынский писал Екатерине: не прогневайся всемилостивейшая государыня на меня, раба вашего, что я умедлил присылкою к вашему величеству *Арапа съ Арапкой*, понеже арапка *беременна*, надо освободиться от бремени, *пришлю со всѣмъ заводомъ*. [33]

Волынский писал царю: зело боялся [дядя князей кабардинских] от того, что Крымскую партию держал; также при нем приехали мало не все лучшие уздени, и хотя я сначала им довольно выговаривал, для чего они, оставя претекцию вашего величества, приводили в кабарду Крымцев, однако ж напоследок то отпустил им и обнадежил и потом помирил их. Кабарды — Черкесы — лучшіе воины. *Уздени*. Мода отъ Крыма. [39]

21 июля [враги] явились у Шемаха. 7 августа взяли город и стали жечь и грабить знатные дома. Русские купцы оставались покойны, обнадеженные завоевателями, что их грабить не будут, но вечером разграбили, один Матвей Григорьев Евреинов потерял на 170 000. вследствие чего этот богатейший в России купец в конец разорился. Въ Шемахъ богатый купецъ. [37]

Император так описал свой поход [к Дербенту]: 3 часа пополудни изволил сей господин [султан] нечаянно нас атаковать (чая нас неготовых застать), которому гостю зело были ради, а особливо ребята, которые свисту не слыхали. [44]

Дѣло идетъ гнило.

Рабы неключимы.

Изъ пеленокъ вывалялся.

Общее.

[*Соловьев.* История России, т. XIV, М. 1864.]

Француз рассказывал панам с похвалою о действиях русских под Азовом. Воевода Русский говорил: «надобно Москалям поминать покойного короля, что поднял их и сделал людьми военными». Воевода Плоцкий заметил: «лучшеб было, чтобы дома сидели, это бы нам не вредило; бѣда, какъ Москали выполируются, да крови нанюхаются, увидишь, что из них будет». [231]

Стрѣлецъ Парѳенъ Тимофѣевъ говорилъ: «когда Разинъ бунтовалъ и я съ нимъ ходилъ: еще я на старости тряхну!» а другой стрѣлецъ толковал: «Стрельцам ни в Москве, ни в Азове житья нигде

[1] *В подлиннике:* А онъ

нет: на Москве от бояр, что у них жалованье отняли без указу; в Азове от Немец, что их на работе бьют и заставляют работать безвременно. «На Москвѣ бояре, въ Азовѣ нѣмцы, въ водѣ черти, въ землѣ черви». [282]

Петр пишет Ромодановскому: «В чем держат наших товарищей Скляева[1] и Лукьяна (Верещагина)? Зело мне печально. Я зело ждал паче всех Скляева, потому что лучшій морякъ попался, а ты изволил задержать. Ромодановскій отвечал:» «За то, что задрались съ солдаты, изрубили двух человек. Я его розыскал, высѣкъ и отослалъ. В том на меня не сердись: не привыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя б и не такова чину были». [291]

В апреле 1694 года закричал мужик «караул» и сказал за собою государево слово, приведен в Стрелецкий приказ и в распросе сказал: сделал он крылья, станет летать как журавль. По указу в. государей сделал он себе крылья слюденные, стали 18 рублей из государевой казны. В назначенный день боярин князь Ив. Бор. Троекуров вышел смотреть, как мужикъ журавлемъ летаетъ; мужик надел крылья, но никак не мог подняться: «тяжелы сделал крылья», говорил он, бил челом, чтоб сделать другие крылья, станут всего в пять рублей. Но боярин раскручинился и вместо крыльев учинено мужику наказание: бить батоги, сняв рубашку, и деньги 18 рублей велено доправить на нем, продать все имение. 14 т. 163 ст.

Ниже Коротояка по Дону 13 вотчинъ, живутъ только промышленники рыбы.

Соловьевъ. 14 т., 361: Войско Репнина заслужило похвалы Штейнау, описаніе отряда Репнина: «Люди вообще хороши, писал фельдмаршал: не больше 50 человек придется забраковать; у них хорошие ружья, у некоторых полков шпаги вместо штыков. Они идут так хорошо, что нет на них ни одной жалобы, работают прилежно и скоро, беспрекословно исполняют все приказания» [и т. д.]

После победы Шереметев пришел разорять Шведскую землю. Было взято 140 языков. Черкасы (Малороссійскіе казаки) разобрали Чухну по себѣ. Вывели из Ливонии в Малороссию 4000 человѣкъ. [365]

Головин просил у Мазепы совета, что делать с Запорожцами? Мазепа отвечал: «Давно [надо бы] притереть носы казакамъ, еслиб не боялся привести их в последнее отчаяние и отогнать от милости монаршеской». [371]

Разворили Ливонію и всѣхъ забрали и ничего не стало.
Убивали бабки уродовъ.
Ярливый, но скоро уходливый.
Оморокъ.

[*Соловьев.* История России. Т. XV. М. 1865.]

Создалась следующая сказка: Царь был за морем, былъ въ Стекольномъ (Стокгольме), а в Немецкой земле Стекольное царство держитъ дѣвица. Дѣвица надъ нимъ ругалась, ставила его на горячую

[1] *В подлиннике: Скляевъ*

сковороду. И как та девица была имянинница, и именинницу стали просить: ради такого своего дня его государя выпусти! и она им сказала: Подите, посмотрите, буде он валяется, и для вашего прошения выпущу. И князи, и бояре, посмотря его государя ей сказали: томенъ, государыня! и она им сказала: коли томен и вы его выньте, и они его, выняв, отпустили. Бояре его въ бочку хотели положить, и про то уведал стрелец и, прибежав к государю к постеле, говорил: Царь государь изволь встать и выйти; и он, государь, встал вышел и тот стрѣлецъ на постелю легъ на его мѣсто. [132]

В июне 1700 года в Преображенский приказ явился певчий дьяк с доносом: приходили к нему зять его с женою и сказали: живут они у книгописца Гришки Талицкого и слышат от него про государя ясякие непристойные слова; да он же Григорій Талицкой рѣзалъ доски, тетради и, напечатав, хочет бросать в народ; [Талицкий] признался, что составил письмо, будто настало ныне последнее время, что Антихристъ в мир пришел. [133] 8-й Царь будетъ Антихристъ; а ныне 8-й царь Петръ Алексеевич — он то и антихрист. [134] Талицкий показал, что о последнем веке и об антихристе он разговаривал с епископом Игнатіемъ [1] Тамбовскимъ. Потом Талицкий показал на боярина Ив. Ив. Хованского. Князь Хованскій говорил ему: Богъ далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ: брали меня в Преображенское, ставили меня в митрополиты, и дали мне для отречения столбец и по тому письму я отрицался и в отречении спрашивали вместо: веруешь ли? — пьешь-ли? [133—134]

В 1704 году в Симонове монастыре хлебенный старец говорил: Талицкій ныне мученикъ свят; вот ныне затеяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало.

В Олонецком уезде после службы Дьячокъ и попъ [2] [вели следующий разговор]. Дьячек: как будут эти указы присланы к нам в погосты, и будутъ люди въ лѣсахъ жить и горѣть, и я пойду с ними жить и гореть.

Старецъ изъ Заонежья объявил о себе стрельцу: «Я живу в Заонежьи в лесах, ко мне дороги лѣтомъ нѣтъ, а зимой ко мне ходят на лыжахъ. Про государя [старец] говорил: Петръ льстец, Антихристъ, рожденъ [3] отъ нечистой дѣвы. У него мать была какая царица? она была еретица, она дѣвокъ рожала. Сказано въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, что он головой запрометываетъ, ногой запинается и то его нечистый духъ ломаетъ. За Меншиковымъ бѣсы ходятъ и его берегутъ. Ныне все стали иноземцы, все в немецком платье ходят, да в кудрях, бороды бреют. [134—135] Впечатлѣніе мужика безъ бороды, въ кудряхъ.

26 августа [1700 г.] прибиты были по городским воротам указы о платье французском и венгерском, и для образца повѣшены чучелы, т. е. образцы платью. [136]

Дворцовый повар говорил: прежди [4] сего во дворце по погребам рыбы

---

[1] *В подлиннике:* Игнатій

[2] *В подлиннике последовательность такая:* Дьячекъ и попъ. Талицкій мученикъ.

[3] *В подлиннике последовательность такая:* Рожденъ П[етръ] Ант.

[4] *У Соловьева:* прежде

было много, и мимо дворца проезжие говаривали, что воняетъ отъ съѣстнаго, а нынче вот-де не воняетъ. [138]

Первым делом умных людей [астраханских бунтовщиков] было разослать грамоты к окрестным козакам, поднимать их за старину. В грамотах говорилось: стали мы в Астрахани за веру христианскую и за брадобритие и за немецкое платье и за табак и что не пускали въ русскомъ платьѣ къ церквамъ — (выдумка) и болванамъ заставляли кланяться. [144]

Женщины и мущины вмѣстѣ въ банѣ. Терема.

Неочесливый. [?]

Посадский человек Данила Бородулин, сидя перед кругом за столом, заметил Носову, за чем старшина такие нечестивые слова говорит? Носов, рассмеявшись, отвечал: «Не все перенять, что по Волгѣ плыветъ: мужикъ он простой, что видитъ, то и брешетъ. [1] В то же время в кругу раздавались крики: поносили государя всякими бранными словами: «Не сила божья ему помогает, ересями он силен, христианскую веру обругал и облатынил, обмѣнный он Царь. [156—157]

[Казак] Филка Архипов, прозвище Кисельная Борода. [161]

Мазепа говоритъ бездушники — [*1 неразобр.*]

Съ 3-хъ дымовъ по работнику.

Пошлина съ бань, съ меду. [144, 150]

[*Соловьев.* История России, т. XVI. М. 1866.]

Заведение флота заставило обратить внимание на леса; те из них, которые доставляли хороший материал для кораблестроения, правительство объявило заповедными. Заповѣдные лѣса. [14]

В декабре 1705 года Мусин-Пушкин приказал нищихъ, которые являются на Москве и ходят по рядам и по улицам и сидят по перекресткам брать и деньги, сколько у них сыщется, отбирать. [16]

Внѣшніе пріемы (какъ у Башкирцевъ, очень приличны), а потомъ свобода.

В 1708 году разбросаны были подметные письма, в которых между прочим говорилось: «Меньшиковой княгине седла покупят, на чем ей ездить в полках». *Менщикова жена ѣздила верхомъ.* [32—33]

Жаловались на небывалые тягости и поборы. Один сельский священник говорил другому: начали брать у нас съ бань, съ пчелъ. Священник читал в постной Триоде синаксарь; в синаксаре написано о рождении Антихр[истовѣ], что родится от блуда, от жены скверны и девицы мнимы, отъ Данова племени. Толкуется Даново племя царским племенем, а государь незаконный, родился отъ 2-й жены, так и стало, что родился он от блуда, потому что законная жена бывает первая. [30—31]

[Из подметных писем]. Не носятъ платій нѣмецкихъ и шапокъ польскихъ, а неведомо какие дьявольские камилавки, а брали они образец (шапкам ?) из монастыря Чудова от чернеца Колтычевского, чертовская мода изъ монастыря. [32]

---

[1] *У Соловьева:* бредит

[*Бантыш-Каменский*. Словарь достопамятных людей. Ч. III. Спб. 1847.]

Ушаковъ. Андрей Иванычъ.

В такой находились бедности, что у всех пяти братьев был один только крестьянин Аноха мужикъ. Он сплел из семи лык одни лапти, которые потому и называются семерички, 5 братьевъ. [438]

Крестьянки, удивляясь несоразмерной летам силе его, хвалили обыкновенно Ушакова сими словами: ай детина! здоровый дѣтина. [439]

Искренность его понравилась государю, и с того времени, когда его величеству угодно было слышать о чьих-либо делах, то приказывал Ушакову рассказывать об оных сими словами: дѣтина рѣжь. [440—441]

1707 году въ Петербургѣ Екатерина зашла къ нему *веселиться*. [440] Восхищение и откровенность, оказанные при этом Ушаковым, весьма понравились ее величеству. Петр Великий приказал рассказать и ему историю его молодости. Разсказалъ чудно исторію. Дѣтина. [440]

Дѣтина рѣжь. И онъ рѣжетъ (Аракчеевъ.)

Преданность слѣпая. Сангвиникъ. Вдали отъ интригъ. Счастливо кончилъ. Вывѣдывать мастеръ. Грубая внѣшность, ловкость. [445]

Татищевы два брата — деньщики.

Алексей Данилычъ и Афанасій Данилычъ.

Алексѣй — грубая шельма, практически ловкій, потому что нѣтъ другаго. — [394, 397]

Ледяной домъ — его выдумка. О характере Татищева можно судить также по следующему анекдоту: «Государыня, — сказал он [1754] придворным, — чрезвычайно огорчена донесениями о многих побегах преступников. Она велела мне изыскать средство к пресечению сего зла: средство это у меня в кармане». — «Какое»? — вопросили его. — «Вот оно», — отвечал Татищев, вынимая новые знаки для клеймения, — «теперь, — продолжал он, — если преступники и будут бегать, так легко их ловить». — «Но, — возразил ему один присутствовавший, — «бывают случаи, что иногда невинный получает тяжкое наказание и потом невинность его обнаруживается: каким образом избавите вы его от поносительных знаков?» — «Весьма удобным, стоит только к словам *вор*, прибавить еще на лице две литеры: «не». *Не воръ* его выдумка — [398]

Афанасій такой же, поменьше, по добрѣе. Как-то он провинился неисполнением данного повеления и услышал грозные слова: явиться к караульному офицеру, которому приказано наказать его батожьем. На дороге встретился с ним Кабинетный писарь Замятин: вдруг Татищеву пришла счастливая мысль подставить его вместо себя. Он привел его к барабанщикам. «Что ж вы стали? Принимайтесь за него». — В мгновенье ока Замятин был раздет, положен и начал кричать под палками. Подставилъ подъ себя Замятина. [398—399]

Толстой. Широкій, умный, какъ Тютчевъ блестящъ. По Итальянски отлично. [433]

Татищевъ, Василій Никитичъ. Учился въ Новгородѣ, въ Нарве и, наконец, въ Петербургской Морской Академіи. В 1716 году — (30 лѣтъ) посланъ въ Венецію до 1719 года. Въ 1720

[году] отправленъ въ Петербургъ. Вольнодумецъ. Письмоводитель Брюса. [401—402] Во взяткахъ признается — толково, ясно. [403—404]

Просторно въ головѣ, но не ясно.

[*Бантыш-Каменский.* Словарь достопамятных людей. Ч. I. Спб. 1847.]

Головинъ, Федоръ Алексѣичъ, старше Петра. Очень образованный, по латыни знаетъ, посолъ въ Китай. [429] Б[антышъ] К[аменскій] II.[1] 436. Церемоніалъ: 21 апреля (699) Головин возведен был в достоинство генерал-адмирала. [442]

Другъ Лефорта Головин передал [Петру] любопытнейшие сведения о Сибири, описал богатство, разнообразие той страны. Хорошій разскащикъ. 2-й походъ Азовскій: делая над неприятелем поиски на море, не пропускал ни одного судна в осажденную крепость. Взялъ корабли.[2] 19 августа Азов был завоеван. [439] Головин участвовал в торжественном въезде Лефорта и Шеина в столицу, ѣхалъ въ каретѣ, запряженной 6-ней[3] въ торжествѣ. [440] Умеръ 1706. —

Съ усами, статный. Добрыня. Любилъ мать, как добрый, нежный сын предался глубокой горести. [450]

[*Соловьев.* История России, т. XV. М. 1865.]

В 1706[4] [году] пишетъ [Петру] объ Астраханскомъ бунтѣ: довольно говорилъ съ ними, всѣ кажутся верны и мужики добры. Изволь, государь, хотя себя понудить и показать к ним милость. Только и въ насъ не безъ воровъ бывало. [152]

[*Соловьев.* История России, т. XIV, М. 1864.]

Борисъ Голицынъ. Ученъ, уменъ. Пьяница. [112]

Михайла Потыкъ [?]. Первое время. Въ бунтѣ стрѣльцовъ его совѣтъ — не робѣть.

Матвѣевъ Андрей *Артамонычъ*, ученъ. [113] *Первое время.*

Куракинъ, Борисъ Иванычъ, дипломатъ, образованъ, безцвѣтенъ.

Князь Ромодановскій. В Преображенскомъ происходили кровавые упражнения. Князь Ромодановский отсѣкъ 4 головы. [281]

Курбатовъ, дворецкій Шереметева. Проэктъ г[ербовой бумаги]. [308]

Б. П. Шереметевъ. Западникъ.

В начале января 1702 года Шереметев просится домой послѣ Эрестфера. «Жена на чужомъ подворьи живет, — надобно ей дом сыскать, где бы голову приклонить». [374]

Другая побѣда 709 у Гумельсгофа и раззорилъ Ливонію. [376—377]

Опять просится къ Москвѣ, тяжелъ на подъемъ. [XV 153]

Мазепа. Спокойно — ругаетъ своихъ и всѣхъ, и медлительно, прилично сластолюбецъ.

---

[1] *Ошибочно вместо:* I

[2] *У Бантыша-Каменского:* овладел двумя кораблями

[3] *В подлиннике:* 6-ню

[4] *В подлиннике ошибочно:* 1704

[*Бантыш-Каменский.* Словарь достопамятных людей. Ч. III. Спб. 1847.]

Репнинъ. Отецъ остался по старорусскому, сохранил свою седую, окладистую бороду. [14] Честный, тихій, смирный Дохтуровъ, ровесникъ Петру.

Шафировъ. Хотя он был малого роста, чрезвычайной толщины и едва передвигал ноги, но соединял ловкость в поступках с великою приятностию в лице. [547] Толстый, ⟨изъ⟩ жидовской породы. Во время похода Петра Великого в Персию произошла в Москве между Шафировым, обер-прокурором сенатским Скорняковым-Писаревым и князем Меньшиковым страшная ссора. Писарев дал предложение сенату, исполненное желчи, в котором называл барона Шафирова сыном одного боярского холопа, прозванием Шаюшки, и притом жидовской породы. [533—535] Шафиров, с своей стороны, доказывал, что дядя родной Писарева за воровство был повешен. Обер-прокурор представил тогда жалованные грамоты и просил не принимать более от Шафирова подобных прежним ябеднических, бездельных, многоглаголивых и из лжи сплетенных доношений. [536] Языкъ, знаніе, цѣпкость. [1] Шафиров оказал великую твердость во время своего несчастия. [541]

Ягужинской. В одно время государь сказал деньщику своему Ягушинскому: — хочешь ли получить нынешний день знатный подарок? — «Кто б сего не хотел?», отвечал Ягушинский. «Так слушай же: старикъ Репнинъ ныне не домогает; поезжай к нему и спроси от меня о здоровье; но умей угодить старинной его боярской суетности; оставь лошадь у ворот, и взойди на двор пеший и без шляпы». Ягушинский точно поступил по сему наставлению. Князь [в конце беседы с Ягушинским, который все время вел себя раболепно], обратясь к дворецкому своему, сказал ему: «Поди в таком то шкафе и ящике лежит мешечек с червонными; возьми и принеси его ко мне». [561—563] Граф Павел Иванович Ягушинский, высокого роста, приятной наружности, знал многие иностранные языки; с добрым сердцем соединял нрав веселый, пылкий; любил музыку и отличался честолюбием и неумеренным употреблением горячих напитков. Тогда вежливость и любезность его исчезали, и он переступал границы должного приличия. Пьяница, красивъ, ловкій, образованный, [574] развелся съ женой по причине задумчивого и странного ее нрава. Она грустна. [569]

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Базилианский орден отправил его в Римскую Академию. Там продолжал он ученье три года, но, не кончив курса наук, возвратился в Польшу. Въ Римѣ воспитанъ. [605] Возведенный в звание Префекта Академии он заменял собой нескольких преподавателей: обучал физике, арифметике и геометрии, [606] математикъ, [знал] два Европейскихъ [языка] Греческій, Латинскій, [а также] Еврейскій.

[*Соловьев.* История России, т. XVI. М. 1866.]

Феофан должен был принять на себя составление регламента для новой коллегии. Современники передавали следующий разговор Петра с Феофаном. Петр: «Скоро ль ваш патриарх поспеет» (регламентъ)? Феофан: «*шью рясу*». Петр: «а у меня *шапка* для него *готова*». [361]

[1] *У Бантыша-Каменского:* ловкость

[*Бантыш-Каменский.* Словарь достопамятных людей. Ч. III. Спб. 1847.]

Стефан в звании Президента продолжал преследовать Феофана, донес на него Петру Великому, что он живет соблазнительно, проводит время с иноверцами в гульбе и пьянстве, вызвался доказать это на деле. Однажды в полночь, когда иностранные министры ужинали у Феофана, Стефанъ Яворскій привелъ Петра в то самое время, как гремела музыка и онъ съ бокаломъ готовился пить. Феофан не оробел: дал знак, что бы музыканты умолкли, приподнял бокал, произнес громогласно: «се женихъ грядетъ в полуночи, и блажен раб его же обрящет бдяща». Феофан осмелился предложить и Петру Великому кубок. Петръ принял его из рук хозяина и остался. [608—609] Сохранилось предание, что в последние минуты жизни, [Феофан] приставил ко лбу указательный палец и произнес: «Главо. Главо! Разума упившись, куда ея приклонишь?» [624]

Курбатовъ честенъ, уменъ.

[*Соловьев.* История России, т. XV. М. 1865.]

Стефанъ Яворскій. Петр нашел в Стефане человека, какой ему был нужен в великой России, и потому он велел патриарху поставить его в архиереи на одну из ближайших к Москве епархий. В марте же очистилось место митрополита Рязанского, и Адриан объявил Яворскому, чтоб готовился к посвящению. Нейдетъ на посвященіе. Патриарх рассердился, не велел пускать Стефана из монастыря и дал знать царю. Тот велел спросить у Стефана, что за причина такого поступка? Стефан написал: «1) Къ Митрополиту Кіевскому вернуться [надо]. Онъ слабъ, 2) правила св. отцев не повелевают, живу сущу архиерею, иному касатися епархии — духовное прелюбодѣйство. Рязанский Архіерей еще живъ, 3) изощренный завистью язык многие досады и поклепы на меня говорил: иные рекли, будто я купилъ себе архиерейство за 3000 червонных золотых. 4) Не приготовился на такую высокую степень» [119—120]

[*Соловьев.* История России, т. XVI, М. 1866.]

Въ сущности боялся. Все проситься домой, боится. Грубость не понимаетъ. Мусинъ Пушкинъ жаловался на Стефана: «И так во нраве своем переменился, [как] изъ Кіева пріѣхалъ, что никто угодить не можетъ. [24—25]

Стефан подписывался: верный подданный, недостойный богомолец, раб и подножие, смиренный Стефан пастушокъ резанскій. [25]

Проповѣдываетъ противъ царя (желчный). В церкви присутствовали сенаторы; на другой день они явились к митрополиту с упреком за возмутительную для народа и оскорбительную для царской чести проповедь. Петр не считал проповедника обязанным щадить слабости и пороки сильных; но заметил, что Стефан не соблюл евангельского правила, повелевающего сначала обличить наедине, потом со свидетелями. [354]

Митрофанъ Воронежскій.

[*Соловьев.* История России, т. XV. М. 1865.]

Головкинъ. Головкин был один из самых приближенных людей к Петру с его малолетства. Давнишняя дружба. Писал к Петру шутливые фамилиарные письма, например: «Пожалуй, хотя по строчки пиши о своем здоровьи; можешь то рассудить, что того желаю, а мы с Павлюком живемъ, да рѣдьку жуемъ. [200]

Во время войны шутливые письма продолжались: например: «в письме ваша милость напомянул о болезни моей подагре, будто начало свое оная восприяла от излишества венусовой утехи, о чем я подлинно доношу, что та болезнь случилась мне от многопьянства. У меня отъ пьянства въ ногахъ, а у Мусина на лицѣ. Но тое болезнь, кроме отца нашего и пастыря (Зотова) лечить некому. [201]

[*Соловьев.* История России. Т. XVI, М. 1866.]

Дмитрий Ростовскій. После обедни к нему подошли два человека, не старые, но с бородами и сказали ему: «Владыко святой, как ты велишь? велят нам по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше нам пусть отсекутся наши головы, чем бороды обреются». Изумленный митрополит не нашелся, что вдруг отвечать им от писания, спросил: «Что отростет — голова ли отсеченная, или борода бритая?» Те, помолчавши, отвечали: «борода отростетъ, а голова нет». — «Так вам лучше не пощадить бороды, которая десять раз обритая отростет, чем потерять голову, которая, раз отсеченная, уже не отростет никогда, разве в общее воскресение». [27]

Ученый тонкій, честный.

Умеръ 28 Октября 1709 [года] 58 лѣтъ. Положили въ гробъ его черновые рукописи под голову и подо все тело по его завещанию. [29]

Іовъ Новгородскій. Мощи Оптинскія хозяинъ [?]

Задержалъ раскольниковъ, жестокъ. [325]

«Помню, писал [Дмитрий Ростовский], что в нашей Малороссийской стороне трудно сыскать Библию славянскую, и редко кто из духовенства знает порядок историй библейских, что когда происходило: для того я бы хотел издать здесь краткую исторію Библіи, книжицу не очень большую, чтоб всякий мог дешево купить». [28—29] Раскольники.

[*Соловьев.* История России. Т. XV. М. 1865.]

Мазепа. В 1707 году приносят письмо Меньшикова к полковнику Танскому. Мазепа, прочтя письмо, вскочил в бешенстве. «Может ли быть большее поругание моей особе? — кричал гетман, — всякий день князь Александр Данилович со мною видится и, не сказавши мне ни слова, ордонансы людям регименту моего посылает! Я его какъ пса разстрѣляю. Боже мой! ты видишь мою обиду и уничижение. Помози мнѣ, Господи».

Взявши письмо [Станислава Лещинского] из рук Орлика, гетман испугался, письмо выпало из рук его. Долго сидел, задумавшись; наконец сказал Орлику: Посылать ли это письмо к царскому величеству или нет? Завтра посоветуемся, а теперь ступай домой. Помолись за меня, да яко же хощет устроит вещь, может ты угоднѣе, [1] потому что ты по христианству живешь. Богъ знаетъ, что я не для себя делаю, а для васъ всех и женъ и дѣтей ваших». [295—296]

[*Соловьев.* История России. Т. XVII. М. 1867.]

Дмитрій и Михайло Голицыны. Михаилъ — рыцарь. Известен рассказ, что когда однажды Петр предложил Голицыну самому на-

---

[1] *В подлиннике после слова:* угоднѣе *написано:* А. С. Вошковъ [Вольский?] и

значить себе награду, то Голицын сказал: «Прости, государь, князя Репнина;[1] — а Репнин был ему недруг. [153]

Яковъ Долгорукій старый.

Вопросы.

Что извѣстно о Иванѣ Андреичѣ Толстомъ. Можно ли его героемъ? и его племянника — Ивана Петровича?

На комъ женатъ Толстой? —

Татищевъ Василій Никитичъ. Гдѣ о немъ?

Можно ли признать вполнѣ ученымъ.

О Брюсѣ гдѣ?

О Борисѣ Голицынѣ?

О Матвѣевѣ молодомъ?

О Ромодановскомъ.

О Стрѣшневѣ.

О Плещеевѣ.

Трубецкаго.

Головкина.

Виніусъ.

Креветъ.

О Шеинѣ.

Какіе языки зналъ Петръ?

О Лопухинѣ Петрѣ Абрамовичѣ.

Стрѣльцы, одежда.

Казнь — какъ..

Мазепа.

О Курбатовѣ.

Одноколку.

[*Соловьев.* История России. Т. XVIII. М. 1868.]

Известный шут камер-лакей Иван Балакиревъ. [245]

Какъ умеръ Петръ? Религіозное его настроеніе.

Лама. Калмыцкій бытъ.

Тарки. *Кубанцы* и вообще положеніе юго-восточныхъ окраинъ.

Яковъ Долгорукій.

Меншикова семья.

[*Соловьев.* История России. Т. XVI. М. 1866.]

Анне Монс нашлась более счастливая преемница. При дворе любимой сестры Петра жило несколько женщин, которые играют значительную роль в судьбе Петра и его любимца Меншикова. Дѣвки: Толстая и Арсеньева и другія. [69]

Жили ли внѣ Москвы бояре и какъ?

Какъ дума? Сенатъ гдѣ?

Петръ Толстой (Сосланъ въ Соловецъ съ сыномъ, тамъ умеръ.) Нуженъ чистый врагъ нововведеній.

——— Ученый. ———

---

[1] *В подлиннике:* за Репнина

Лефортъ.

[Бантыш-Каменский. Словарь достопримечательных людей. Ч. II. Спб. 1847.]

Неуспѣхи прежніе Лефорта. [270—271]

Опалилъ лицо на шутливомъ штурмѣ под Кожуховым. 1695 [1] Петръ за нимъ ухаживалъ. Сам подавал ему лекарства и делал примочки [276] Лефорту — 41, Петру — 23.

Менщиков [был сначала] слуга Лефорта. [274]

[Лефорт] в продолжение семимесячного ареста в Архангельске выучился совершенно нашему языку. По русски хорошо говоритъ. [270—271]

Упалъ с лошади подъ Азов[омъ] и сильно ушиб себе бок: чувствуемая им боль продолжалась до самой его кончины. Взялъ штурмомъ Азовъ.

Командовалъ судами.

30 сентября войско торжественно вступило в Москву: за гвардейскими полками ехал генерал-адмирал в колеснице, представлявшей морскую раковину, которая блистала златом и лазурью и была украшена изображением Тритонов, Наяд и проч. Генералъ Адмиралъ въ раковинѣ. [276—277]

Петр изумил объявлением, что он отправляется в чужие края, в свите великого Посольства. Утверждают иные писатели, будто Лефорт дал этот совет государю. Посольство. Лефортъ и мысль посольства. [277—278]

Въ Конигсбергѣ [2] Петръ плясалъ по русски съ Курфирстиной Бранденбургской. Тутъ былъ Георгий Людовик, с 1714 года Англійскій король. [281]

Петръ плакалъ, прощаясь съ Лефортомъ, уѣзжая 7 января 1698 г. на яхте изъ Амстердама въ Англію. [282]

(Лучшее поэтическое время.)

Лефортъ удержалъ [Петра] отъ казни сестры. [284]

(Менщиковъ съ 1697 [года] съ Азова.)

Церемоніалъ похоронъ Лефорта 1699 [года] Бантышъ-Каменскій, II, 287.

Петръ.

Когда непосредственно каются — милостивъ. [286]

У самой могилы Петр пожелал еще раз проститься с своим другом, велел поднять крышку гроба и цѣлуетъ трупъ Лефорта. [288]

Долго Петр оплакивал понесенную потерю и въ 1704 году, уведомляя графа Головина об одной победе, Петръ пишетъ: впервые еще послѣ смерти Лефорта былъ такъ веселъ. [290]

Петръ.

Сенаторы сравниваютъ съ Александромъ Македонскимъ, но онъ не увлекается и осторожныя предписанія отступленія.

---

[1] *Ошибочно, вместо:* 1694

[2] *У Бантыша-Каменского:* в Коппенбриггe

Телѣга и[с]порт[ится] или лошадь станетъ, изъ веревки вонъ и на другія воза. Кто оставитъ больнаго [?]
Сахаръ — русло Куры, лимоны въ сахарѣ [?]
Ненавидѣлъ сына и хотѣлъ убить.

Меншиковъ.

[*Соловьев.* История России. Т. XIV. М. 1864.]

В Преображенском происходили кровавые упражнения; любимец Петра, Алексашка (Меншиков) хвалился, что обезглавил 20 человек. Рубилъ корабли и хвалился, что отрубилъ 20 головъ. [281]

1698. 14 сентября, на пиру у Лефорта, Петр начал браниться с Шеиным. Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановский и Зотов стали защищать Шеина. Шеин был бы убит, еслиб Лефорт не удержал Петра, получивши и сам порядочный удар. Сержантъ молодой, фаворитъ унялъ Царя противъ Шеина. [287]

Петр, рассердившись однажды сильно на князя Меншикова, сказал ему: «Знаешь ли ты, что я тебя[1] опять поворочу въ широжники. Тотчас возьми кузовъ пироговъ горячихъ, скитайся по лагерю и по улицам, кричи: пироги подовые! как делывал прежде. Вон!» Меншиков добыл себе кузов с пирогами и явился с ним к Петру. Меншиковъ закричалъ: пироговъ горячихъ. Гнев прошел совершенно. Меньшиков пошел за императрицею и кричал: Пироги подовые! а Петръ вслед ему смеялся и говорил: «Помни». *Меншиковъ:* помню, ваше величество, и не забуду, пироги подовые». [288]

Люди внимательные и беспристрастные признали в нем большую проницательность, удивлялись необыкновенн[ой] ясност[и] рѣчи. [288]

В 701 году Петр возвратился в Москву и вслед за ним явился от Августа генерал-адъютант за деньгами. Взяли в Приказах, в Ратуше — недостало, взяли в Троицком монастыре 1000 золотых. Полковникъ Менщиковъ далъ 420 золотыхъ. Лакей — барину. [360]

В конце 701 года Шереметев поразил Шведов. Петр был в восторге от первой победы, Меншиков поѣхалъ съ наградой къ Шереметеву. [364]

[*Соловьев.* История России. Т. XV. М. 1865.]

Менщиковъ въ Петербургѣ съ Катериной. Петр отправился в Лодейное поле спускать суда. А между тем наступила осѣнь. Меншиков с русскими людьми познакомился тут с петербургским октябрем. Дня не видно. Тяжко стало Меншикову; он зовет Петра, пишетъ ему с обычными шутками: «Не ведаем, для чего так замешкались; видно вина много, и потому мним, что, бочки испраздня, хотели сюда приехать, или которые из них рассохлись, замачиваете и размачиваете».

В ноябре пришелъ первый иностранный купеческий корабль. Губернатор Меншиковъ далъ 500 золотыхъ шкиперу, по 30 талеров матросамъ. [2]

---

[1] *В подлинникѣ:* тебѣ

[Учитель] Никифор Вяземский говорил [наставнику Нейгебауеру]: «В сем я тебя не слушаю, потому что мы приказаны Александру Даниловичу, а не тебе». При воспитаніи царевича — главный. Нейгебауер отомстил, обещал издать подробное описание нравов, особенно обещал распространиться о подвигах царского любимца Меншикова с Немками, которых потом навязывают немецким офицерам. [108—109] Дѣвокъ нѣмокъ — портилъ.

1705 [год]. Меншикову Петр доверял больше, чем иностранному наемнику. Меншиков не оправдывается въ разногласіяхъ съ Огильви, но прямо писал Петру: «вижу очень не радъ моему пріѣзду, и все делается вопреки мне». [171]

Изъ Гродно [в] 1705 [году] Меншиков писал царю: «Все у насъ управно; только желаемъ васъ здесь видѣть». [185]

Король Август ушел к Варшаве. Меншиков, исполняя приказание царя еще прежде выехал из Гродно. В Гродно Петр написал генералу князю Репнину: «будьте у Гродни; буде же о приближении саксонских войск верного известия нет, отступить к русской границе. Убѣжалъ изъ Гродно. Репнинъ шелъ [?] [185—186]

Побѣда подъ Калишемъ. [197]

Меншиков писал царю 24 ноября: «не изволь много сомневаться, хотя король нас и оставил, можно короля скоро другаго выбрать, только ты будь покоенъ, да пріѣзжай. [199—200]

[Меншиков] писал Петру: «Августъ жалуется, что ѣсть нечего, я ему далъ свои 10000 піастровъ». [1] [196]

Всегда успокоиваетъ.

Головчино. 1708. «Кромѣ уступленія мѣста неприятелю из сей баталии утѣхи мало». Так донес Меншиков царю о Головчинской битве и ее следствиях. [278]

Послѣ Калиша. [Меньшиков писая «царю]: «Не в похвалу доношу: такая сия прежде небывалая баталия была, что радостно было смотреть, как с обоих сторон регулярно бились. Все поле устлано трупами; *зѣло чудесно видѣть*». [197]

[*Соловьев.* История России. Т. XVI. М. 1866.]

В 1703 году, у Виніуса, угрожаемого лишением всех мест, взялъ подарки. Данилыч поступил с ним нечисто; дал письмо оправдательное для доставления государю: в этом письме, которое Виниус прочел, было написано, что старик оправдался совершенно во всем. Но в то же время Меншиков отправил к Петру другое письмо обвинительное и о подаркахъ сказалъ. [3—4]

Лефортъ.

[*Соловьев.* История России. Т. XIV. М. 1864.]

2 Азовскій походъ. Боленъ, остался в Москве. Пишетъ изъ Москвы въ Воронежъ письмо государю. (Соловьевъ, томъ XIV, 227): «Путь такой, что ни в санях, ни в телеге, морозы и ветры великие,

[1] *У Соловьева:* ефимков

однакоже на той недели поеду. Обѣдалъ [1] съ Борисомъ Голицынымъ и про ваше здоровье станем пить. — У него 9 лекарей. Посылаетъ веревки, доски, мушкателвейнъ, — а новые дѣлать нельзя в такие морозы». [226—227]

Бантышъ-Каменскій [Словарь достопамятных людей.] II Т. [М. 1836].

Гагаринъ, князь Матвѣй Петровичъ, пожалован в 1693 году воеводою [2] въ Нерчинскѣ, 1711 года повелено ему быть губернатором Сибири; сынъ женатъ на Шафировой, дочь за Головкинымъ. Противузаконные поступки губернатора сибирского, взятки его, несметное богатство сделались известными. [7] Накануне казни Петр Великий лично убеждал Гагарина: принесть во всем повинную; обнадеживал его: не только избавить от смерти, но не лишать чинов, имения, предать прошедшее забвению. Ни въ чемъ не признался. Казненъ и пытанъ. «Сначала—пишет Беркгольц — Гагарин был повешен на низкой виселице, а потом на высокой, устроенной на площади и окруженной несколькими шестами, на которой воткнуты были головы разных казненных до того преступников, в том числе родного брата бывшей Царицы *Авраама Лопухина голова*. [9—10]

Удивлялъ всехъ своею пышностію. Роскошь: за обеденным столом его подавали кушанье, в постные дни, на 50 серебренныхъ блюдахъ.[3] Колеса у карет были окованы серебром — шины серебряныя, подковы у лошадей серебряные, и золотыя: в Московском доме, на Тверской стѣны были зеркальныя, потолки из стек[олъ] и на них плавали рыбы в воде. [11]

Ганибалъ. Он подносил Петру Великому несколько раз свещи, аспидную доску [4] по ночамъ. [12] (Митинька барство)

Генингъ. О характере и благородных правилах Геннинга можно судить по выпискам из двух донесений его Петру; дѣлецъ честный. [20]

Гликъ. Лифляндский пастор, взят был в плен. Съ 1703 году по 1705 год 5 мая жилъ въ Москвѣ, переводилъ Катихизис, Молитвенник, Немецкую Грамматику, Словарь. При взятии Мариенбурга пропала в рукописи переложенная им на наш язык Библия. [32—33]

Голицынъ, Борисъ Алексѣевичъ. В 1713 году отказался от почестей мирских, въ монастырѣ, въ Фролищевой пустынѣ, находящейся близъ Гороховца Владимірской губерніи. Там принял Голицын монашеский чин за несколько месяцев до своей кончины. [51]

Ланевиль оставил нам следующее изображение царевны: *Софья* с безмѣрною толщиною, маленькая, она на малом туловище имела широкую голову и волоса на подбородкѣ, чирьи на ногах. [61]

Голицынъ, Василій Васильевичъ. Сослалъ жену въ монастырь. [61]

Принужден был отступить [от Перекопа]. Со всем тем София наградила «его отличные подвиги в Крымском походе». Награды: кубки —

---

[1] *У Соловьева:* у меня будет кушать
[2] *В подлиннике:* воевода
[3] *В подлиннике:* блюдовъ
[4] *В подлиннике:* аспидная доска

кафтанъ[1] атласный на соболяхъ. [66—67] У Голицына найдено в сундуке, скрытом в погребе 100,000 червонцевъ и 400 пудовъ серебряной посуды, кроме разных монет. [69]

Голицинъ, Михаилъ Михайловичъ род. в 1675 году; находился при осаде и взятии [Азова], раненъ стрѣлою въ лѣвую ногу 1696 году; подъ Нарвою въ ногу на вылет и въ руку слегка. [82]

Голицынъ и Шереметевъ. Петр Великий отличал Голицына от прочих генералов и, на праздниках своих, только его, да фельдмаршала графа Шереметева, не принуждал пить, освобождал от наказания, состоявшего в осушении кубков большого орла. Петръ ихъ боялся. [90]

Головинъ, Автономъ Михайловичъ. Взят в плен, отвезен сначала в Нарву, потом в Стокгольм. Въ плѣну отъ Нарвы. [99]

Алексѣй Алексѣевичъ Головин женатъ на старшей сестрѣ Александра Даниловича Меншикова. [100]

Иванъ Михайловичъ Головинъ. Деньщикъ при Петре. [101] Головин находился в великой милости у государя, за обеденным столом сидѣлъ по правую руку. Петр называл корабли, построенные под надзором Головина: детьми его. Корабли — дѣти. Петр однажды сказал шуту: «Ежели я когда забуду пить за здоровье фамилии Ивана Михайловича, то подарю тебе сто тысяч рублей», — стоявшие деньщик[и] за стуломъ должны были напоминать ему о сем тосте. [106]

Головкина, графиня Екатерина Ивановна [жена Михаила Гавриловича, умершего в изгнании в Березове]. Екат. Ив. предала [тело] земле в сенях своей хижины, читала псалтырь при тусклом свете лампады, наполненной рыбь[имъ] жир[омъ]; не хотела разлучиться с супругом и по смерти его. [119]

Головкинъ, графъ Гавріилъ Ивановичъ. Можно извинить ему, при огромном состоянии, скаредство, осмеянное Беркгольцом: «граф роста высокого, чрезвычайно худощав и всегда носит один и тот же кафтан французский, кофейного цвета, весь истертый». Длинный, худой, неряха, скупой. [129]

Головкин, Иван Семенович потерпел чувствительное уничижение от Петра, врага постыдной боярской спеси: чтобы не сидеть за столом государевым ниже племянника своего, он сказался больным. Петр послал за ним телегу. *Головкина старика* (1693) на телѣгѣ свезли къ столу, потом за ослушание [Петр] лишил боярства, а за бесчестие, нанесенное [племяннику] Нарышкину, отправил в тюрьму. [153]

Девіеръ, Португальский уроженец, находился пажем у Петра, пожалован в 1718 году генерал-полицмейстером в С. Петербурге. Однажды ехал с государем в одноколке: надлежало им переправиться через небольшой мост, но мост оказался поврежденным. Петр велел деньщику своему исправить мост и, досадуя на Девиера за беспечность полиции, на том же месте поколотилъ его палкою. Между тем мост был починен и гнев государев прошел. Садясь в одноколку, сказал он весьма милостиво, как бы между ними ничего не происходило: садись, братъ. [191]

Демидовъ.

---

[1] *В подлиннике:* Кавтанъ

Долгорукій, Василій Владиміровичъ определен председателем комиссии для исследования всех похищений и подлогов по провиантской части. В числе многих сановников, употребивших во зло доверенность, находился Меншиков. Государь выслушал доклад, и, когда кончилось чтение, продолжал ходить по комнате, храня глубокое молчание: «Чем решить дело? — вопросил Петра Долгорукий. «Не тебѣ, Князь, — отвечал он, — судить меня съ Данилычемъ, а судитъ насъ Богъ. [248—250]

[Долгорукий] не умел лукавить и слишкомъ далеко простирал откровен[ность] свою. Жилъ пышно; не восставал против иностранцев, хотя не любилъ иностранцевъ.. [257]

Долгорукий, Василій Лукичъ, ловкій, говорил искусно на многих иностранных языках, один только из всех Москвитян умел говорить по франц[узски]. [272]

Григорій Федоровичъ Долгорукій, родился около 1656 г. Старше Петра. [284]

Долгорукий, князь Иван Алексеевич, разжалован, сослан в Березов. Там услаждал он горестные дни в объятиях нежной Наталии, которая, обещав соединиться с ним, когда счастие окружало его, сдержала слово во время испытаний злого рока, последовала в ссылку за своим супругом, честная, тихая. [297]

Долгорукий, Михаилъ Юрьевичъ, убитъ стрѣльцами. Толстой именем царевны Софии приказал стрельцам предать смерти врага царского, бросалъ деньги воинам (любимецъ Милославскаго). Тогда стрельцы схватили неустрашимого Долгорукого и повергли его с крыльца на копья. Убитъ стрѣльцами. [300]

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукий, р. в 1639 году — 24 получил в доме отца своего наилучшее воспитание: обучен Латинскому языку, математикѣ, богословіи. [327]

Один проповедник дерзнул в присутствии Долгорукого говорить в церкви против Петра: верный подданный, всегда пылкий, когда зрел неправду, согналъ попа. [328]

[Людовик XIV 2 августа 1687 года дал аудиенцию послам, в том числе и Долгорукому.] Король спрашивал послов о здоровье государей, изъявил благодарность за присланное к нему посольство; принял благосклонно дары и обнадежил своим благоволением. В числе даров находились живые кречеты, живые соколы, боберъ и барсъ. [331]

Подъ Азовомъ в 1696 году (14 июля) он [Долгорукий] сражался под знаменами Петра Великого и доказал на опыте, что гений его способен был ко всем предназначениям: находясь в воде по плечи, перешелъ с семью стами гвардейцев через реку Дон. [343]

Шведы, забыв свое обещание, бросились на остальные полки, обезоружив их, объявили военнопленными. В числе последних находился Долгорукий; он отвезен был в Стокгольм, где около 10 лѣтъ провел въ плѣну. [345—346]

Освобожденіе. По случаю недостатка в хлебе несколько пленных отправлены морем в Умео. В числе их находился Долгорукий; Россиян было сорок четыре человека; Шведов менее. В назначенную минуту Россияне

устремились на Шведов: обезоружили их, умертвили некоторых, столкнули в море; остальных, связав, заключили под палубу. — Везутъ ушед[шаго] [?] въ 1711 году, 70 лѣтъ ему. «Мы не имели карт морских, — писал Долгорукий, — и то море переехали, без всякого ведения, управляющим древним бедственно плавающих кормщиком, отцем Николаем. Кормщикъ Николай. Петр Великий только в сентябре месяце узнал о чудесном освобождении Долгорукого. Государь обнял верного подданного. Петръ плакалъ. [346—348]

[Рассердившись на слова царедворца, хулившего дела Алексея Михайловича и лицемерно хвалившего государя], Петр подошел к Долгорукому, остановился за его стулом, произнес: «Дядя,... уверен, что о делах отца моего и меня скажешь правду нелицемерную.

— Изволь сѣсть,— отвечал Долгорукий, а я подумаю. Все хранили молчание, которое прервал Долгорукий сими словами, поглаживая длинные усы.[1] [370] [Далее идут общеизвестные слова Долгорукого о том, в чем Петр выше отца и где, наоборот, Алексей Михайлович достиг большего.] [370—371]

Он испытал даже многие огорчения; был подозреваем царем в лихоимстве по делу Гагарина, за то только, что палатку *купилъ*, *взялъ* у Гагарина. [372]

[Долгорукий] высокій, черноглазый — горячка. От природы чрезвычайно вспыльчивый, грубый. [374]

[Монахине Новодевичьего монастыря Евфросинье] было только двенадцать лет от роду, когда государь, в присутствии ее, уличал грозным голосом преступную сестру; вдруг меч сверкнул в руке его: «умри, злодейка!» Малолетняя служанка Софии стала между государем и царевною: «Что делаешь ты, государь? Вспомни, она родная сестра тебе». Евфроська спасла Софью 1697 [378]

Іовъ Новгородскій. Когда после Нарвского сражения Петр Великий повелел Новгородцам, без различия возраста, пола и звания, делать стены вокруг города и произошел от сего ропот, архипастырь самъ копалъ 80 лѣтъ и тем водворил спокойствие. [439]

[СОБРАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТКОВ.]

Москва Города.

Царицынъ лугъ — болото. — Духовъ день.

17, 18, 19 Іюня хоронятъ всѣхъ заброшенныхъ.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ [Ромодановскій] обходитъ, объѣзжаетъ сторожей. Ворота запираются каждую ночь. — Въ Преображенскомъ кирпичный домъ.

[*Соловьев.* История России. Т. XIII. М. 1863.]

Все Русские города, с первого взгляда, были похожи друг на друга. Во всякомъ городѣ самый городъ — т. е. — стѣна, крѣпость, —

[1] *Слова:* Длинные усы. *в подлиннике написаны до слов:* «Изволь сѣсть, а я подумаю». *Восстанавливаем порядок по рассказу Бантыша-Каменского.*

соборъ, приказная или съѣзжая изба, где сидит воевода, судитъ и рядитъ. Губная изба — уголовная. Погребъ или амбаръ. Святительскій, воеводскій, помѣщичьи дворы. [96] За городомъ посадъ. Здесь большая площадь — Земская изба — гостиный, кружечный дворы. Таможня. [1]

Строеніе посадское: на дворѣ изба (теплое жилье) да баня съ предбанникомъ, да клѣть съ подклѣтью, да подпогребница. [97]

Въ концѣ города убогій домъ, хоронятъ тела казненных смертию преступников, колодниковъ, опившихся, самоубийц, утопленников, незнаемыхъ людей. [98]

[*Забелин.* Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. II. М. 1873.]

Лефортовъ и Головинской дворецъ другъ противъ друга, на Яузѣ. [191]

На Неглинной у Троицкихъ воротъ каменный мостъ; подъ его клѣтками воры — грабители. Пруды и нечистоты.

[*Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I. М. 1862.]

Вездѣ на воротахъ образа. На Срѣтенскихъ, которые вели под Сретенским собором в набережные сады, находился образ Срѣтенія; на Колымажныхъ — образ Воскресенья съ нутри. Смоленской богородицы — снаружи. На воротахъ иконы и кресты. [112—113]

До Петра Великого, даже в царском дворце, стекла не были в большом употреблении; их вполне заменяла слюда. Слюдяныя окна, — въ серединѣ кругъ, а въ округѣ боковые образцы разной формы — уголки, бруски звѣздами. [114]

С половины XVII столетия входят в большое употребление столы «немецкие и польские», на отводных ногах, украшенных резьбою, а иногда на решетчатых, также резных и прорезных подстольях. Подстолья рѣзныя. [153] Подскатертники.

Завесы, особенно оконные, почти всегда украшались подзорами из шелкового галуна, тканого с золотом или с серебром. Подзоры — драпри и др. [120]

[*Забелин.* Опыты. Ч. II.]

В XVI столетии пространство между Спасскими и Никольскими воротами Кремля обозначалось просто полым местом, а также пожаром, т. е. пожарищем, что также означало полое место, оставшееся после пожара. *Пожаръ* — площадь въ Китай городѣ, гдѣ казнили. [239]

На Арбатѣ подворье. На Ильинкѣ подворье Воскресенское.

У Никольскихъ воротъ въ Кремлѣ Архангельское подворье. На Воздвиженкѣ, гдѣ Казенная Палата — Аптекарскій дворъ. По Шуйскому [2] переулку палата для нищихъ съ двумя поставцами. — Покровское Рубцово, Измайлово. Покровская улица. — У Спасскихъ воротъ торговцы и лубочные картины. У Китай-городской стѣны, гдѣ яма — львиный дворъ.

Баня богомольцевъ за Боровицкими воротами.

---

[1] *Среди непрерывного текста после слов:* Таможня. *справка:* Соловьева 13-й т., 59 стр. О чинѣ царскомъ во весь годъ по праздникамъ.

[2] *В подлиннике:* Шуштому (sic)

Кремль.

[*Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I, М. 1862.]

В конце XVI века башенные часы стояли уже на трех воротах Кремля, с трех его сторон: Спасскіе ворота — Фроловскіе. Троицкіе — Ризположенскіе. Тайницкіе — Водяные. На Троицкихъ воротахъ вместо стрелки самый циферблатъ обращается. На Спасскихъ стрѣлки, буквы славянскія, мерою в аршин. [90, 92]

[*Забелин.* Опыты. Ч. II. М. 1873.]

Царь Алексей, в 1668 г. января 6, назначил бить набатъ въ часахъ. «В Земляном городе, в набат на Тайницкой башне, в один край, тихим обычаем бить разваломъ, съ разстановкой». [179]

[*Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I. М. 1862.]

Три лѣстницы вели на Красное крыльцо: средняя, непокрытая, золотая (потому что была расписана золотом и имела золоченую кровлю) и Благовѣщенія. [68]

Полкъ Стрѣлецкій каждый день въ Кремлѣ. 200 у воротъ Калымажныхъ, 200 въ подклѣти [?], остальные по воротамъ.

У средины теремного здания, тотчас от Спасо-Преображенского собора, лестница вела на Постельное крыльцо, потому что здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне и т. д. Постельное крыльцо внутри. [70]

Бояре ночевали въ передней дворца.

Если не съ Царицей спитъ царь, то въ спальнѣ спитъ постельничей, который всегда убирал и охранял царскую постелю, дальше два спальника, еще дальше в третьей комнате — жильцы. У внѣшнихъ дверей сторожили — истопники. [298]

Воскресенье передъ масляницей Государь рано утром, часа за три до света, обходилъ нищихъ, тюрьмы, где сидели колодники, бога дѣльни, где жили раненые, расслабленные и малолетние сироты и подкидыши и одѣлялъ. [317] На страстную субботу тоже. [332]

[*Забелин.* Домашний быт русских цариц. М. 1869.]

Городъ Москва. Изъ брусьевъ заборы отдѣляли каждую слободу от чужих улиц. В середине для проезда устраивалась брусяная решетка. Рѣшетки днем поднимались? а на ночь опускались, задвигались железным засовом и запирались замком. У каждой рѣшетки была поставлена сторожевая изба и рѣшеточный сторожъ, наблюдавший вообще за слободским уличным порядком своего участка. [522]

Хамовный дворъ въ 157 саженъ; рядомъ бѣленной 34 д. 17 ш. Палата д. 21, поперегъ — 5, каменный, на верху палаты по 6 оконъ. Семерные дворы — пѣли молебны.

Постройки — работы.

[*Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. IV. 1863.]

«Государь усмотрел, что Киевская фортеция имеет зело худую ситуацию: того ради заблагорассудил фортецию сделать в ином месте, для которой за удобное место изобрел монастырь Печерский». Начали строить

Печерскую крепость малороссийские казаки. С 1706 по 1716 строится Печерская крѣпость. Первая мысль о Печерской крепости принадлежит Меншикову. [479—480]

Города. Петербургъ.

[*Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. VI. 1859.]

Жили [Алексей Петрович с супругой] в 1712 году в особом Дворцѣ[1] Царевича на левом берегу Невы, близъ Церкви Божія Матери Всѣхъ скорбящихъ. Справа, рядомъ съ Церквью былъ домъ царевны Наталыи Алексѣевны. Слѣва домъ царицы Марѳы Матвѣевны. Там ныне придворная Шпалерная фабрика. [33]

Постройки. Петербургъ.

[*Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. IV. 1863.]

Въ 1706 году заложили каменный болверкъ Менщикова. [241] 1 апреля 1704 года была освящена церковь Петра и Павла. Церковь была небольшая, но, по показанию иноземцев, довольно красивая, окрашенная желтой краской подъ мраморъ. На высокой остроконечной колокольнѣ въ нѣсколько колоколовъ, и нарочно приставленный мастеръ вызванивалъ музыку и билъ часы. Подле православной церкви построена и лютеранская кирха, в 1704 году св. Анны. [242]

Въ 1709 году въ крѣпости — Аптека съ китайскими сосудами.

У крѣпостнаго моста[2] была австерія, впоследствии названная «торжественною австериею[3] 4 хъ фрегатовъ». Здѣсь продавалось пиво, вино, водка, табакъ и карты. [243]

Петр увидел необходимость основать корабельную верфь ближе к Финскому заливу, в С.-Петербурге, и 5 ноября 1704 года заложил на левом берегу Невы, против Васильевского острова Адмиралтейство, длиною 200 и шириною 100 саженъ, мазаное. [254] 1708 — Трубецкой бастіонъ.

Общій видъ города.

Отъ[4] нищихъ да колодниковъ пройти невозможно.

Бродячій народъ. Шерстобиты, коновалы. Офени, косари. Костромичи, Владимирцы, Ярославцы.

Игры: бабки, кубари, качели.

Лаврентій Калужскій. Ефрема Новоторжскій. Аркадій ученикъ, конц. 17. Житіе Галактіона Вологодскаго, Стефана Комельскаго, Арсенія Комельскаго.

Бытъ. Съ 1700 г. Деньги.

[*Соловьев.* История России. Т. XV. М. 1865.]

При Алексѣѣ Михайловичѣ пустили было въ ходъ клейменыя

---

[1] *В подлиннике:* Дворецъ

[2] *В подлиннике:* У Крѣпостнаго моста *после слова:* фрегатовъ

[3] *Перед словами:* 4-хъ фрегатовъ *в подлиннике:* домъ

[4] *В подлиннике:* Въ

деньги, ефимки и копейки и спутали счетъ. Счетъ остался на копейкахъ, но копеекъ не было. Счетъ велся рублями, алтынами (3 коп.) и деньгами ($^1/_2$ коп.).

Въ 1700 Петръ сталъ чеканить червонцы, одинакіе и двойкые, и серебряные полтинники и полуполтинники, и мѣдныя полушки, полуполушки. —

Въ Калугѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ вместо серебряных денежек употреблялась кожа: кожаные и другие жеребья. [91] Рубль 100, Ефимокъ 68, полтинникъ 50, алтынъ 3, грошъ 2, деньга $^1/_2$.

Духовенство 170....

Архимандритъ Печерскій. Іоаникій Сенютовичъ. Духовникъ Алексѣя Петровича. Имѣетъ большую славу.

Дмитрій Ростовскій умеръ Октября 1709. При его смерти пріѣзжали Царица Прасковья съ дочерьми.

Въ Оптиной Игуменъ Софроній въ 1709 и 15 человѣкъ братіи, въ 1709 въ Веневскомъ Монастырѣ Архимандритъ Антоній. 1698. Въ Смоленскѣ Архіепископъ Симеонъ 100 лѣтъ.

Монастырское имѣніе.

Тульской губерніи. 1) Предтеченскій монастырь, его имѣнія. Дѣдилова уѣзда. *Луговая Слобода* подъ Дѣдиловымъ въ 7 верстахъ... Бредихино Тульскаго уѣзда.

Венева Монастыря, *всѣ*.

Духову монастырю. Село *Вяжи*, князей Новосильцевыхъ. Село *Глубки*. — Икона Николая дана Алексѣю Михайловичу.

Село Подъяковлево. Крестовоздвиженское.

Одежды 1718. Царица.[1] Бытъ.

Самары женскія. Кафтаны женскіе. Махальцы.

Часы золотые съ репетиціей. Камзолъ и штаны суконныя, песочныя. Пуговицы обшиты золотомъ. Подбитъ красною камкою. Платки шелковые. Чулки шелковые. Подвязки золотыя тканыя. Пряжки башмачныя. Пара платья черная, лимонная, пуговицы обшиты серебромъ, подбито тафтою.

Камзолъ парчевой золотной по зеленой землѣ; подбитъ бѣлой тафтою. *Галстуки* кисейные.

Женскій кафтанъ долгій шелковаго штофа по коричневой землѣ. Юбка того же цвѣта.

Кафтанъ женскій короткій, штофной, золотной, по малиновой землѣ. Юпка тафтяная, двулишная. Рукавицы (перчатки), двѣ дюжины паръ: бѣлыя и желтыя.

У поповъ чтобъ сапоги были съ носками круглыми, низкіе, и сукно хоть не немѣцкое, но черное.

---

[1] *В подлинникѣ:* Царавица

Стыдно на улицу и въ церковь идти въ полукафтаньѣ, и ферязи безъ охобня.

Клобукъ бѣлый съ херувимами у патріарха.

Макушки мужики стригли.

Бытъ. Внѣшность.

[*Забелин.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст., М. 1869.]

Англичанин Коллинс, описывая обычаи русских женщин, замечает: они чернят свои зубы с тем же намерением, с которым наши женщины носят черные мушки на лице (т. е. для придания лицу большей белизны). Зубы их портятся от белил и потому они превращают необходимость в украшение и называют красотою сущее безобразие. Зубы у дамъ черные. [563]

(Веберъ). [Записки Вебера. Русский архив. 1872. М.]

У каждаго боярскаго дома чугунная доска, по которой деревянным молоткомъ выбиваютъ часы. [1360]

На колокольне в Кремле лежит большой знаменитый колокол. В один пожар колокол этот раскололся и упал на землю. Близ церкви видна еще яма, гдѣ вылитъ колоколъ, [ее] не зарывают в воспоминание об этом событии. [1363]

На Святой, звонъ и качели. [1359—1360]

Постройки.

Забѣлина. [Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., М. 1862.] 35 стр.

Стр. 56.[1] Вызван был «немчин, кирпичный мастер», который в кирпичных сараях под Даниловскою слободою «делал кирпичную ожигальную печь, и над печью деревянный шатер, по своему немецкому образцу, и кирпич делал». Кирпичъ обжигаютъ.

В 1631 году въ[2] Кормовом дворцѣ выстроили каменную поварню, на которую проведена была вода изъ Москвы-рѣки посредством водоподъемной машины. [56]

В 1672 году надъ Аптекарскимъ дворомъ в палатах был устроен театръ — потѣшный дворецъ. [60]

В 1681 году государем для своего брата Ивана построены новые хоромы:[3] *1)* Сѣни, *2)* передняя, *3)* средняя, *4)* столовая, *5)* крестовая, *6)* спальная. На верху чердаки. Въ подклѣти жильцы и мыленка. [63, 414]

В 1667 году въ садахъ висели шелковыя клѣтки съ перепелками. [81]

Водовзводная машина. [75—77]

Заведенія въ Кремлѣ 80 стр.

---

[1] *В подлиннике ошибочно:* 57

[2] *В подлиннике:* Во

[3] *После слова:* хоромы *в подлиннике ошибочно:* 5 августа 1680 г. — *дата, относящаяся к освещению церкви Успения, причем день должен быть 15 августа.*

Въ Потѣшномъ Дворцѣ жили Царевны: Дворецъ Натальи Кирилловны на внутреннемъ дворѣ. [65] Скамьи: переметныя, т. е. с спинкою глухою или решетчатою. Скамьи были также малые передаточныя и большие спальныя, заменявшие кровать, на которых отдыхали иногда после обеда съ взголовашками, съ ларцемъ. [157]

В хоромы Федора, когда он был уже царем, сделано из медной проволоки и белого железа три клетки больших попугайных, да пять канарейных. У Ѳедора Алексѣевича канареекъ — 5, попугаевъ — 4. У Ивана Алексѣевича канарейки, клѣтки золоченныя, снѣгири, перепелки. [192—193] Привѣсы къ иконамъ — кресты, серьги, перстни, золотые монеты и т. п. Из местных монастырей и некоторых храмов приносилась во дворец так называемая праздничная святыня, т. е. въ вощанкахъ святая вода. [194]

Ѳедору Алексѣевичу в апреле 1680 г. сделано много ароматниковъ слоновой кости больших, четыре тройных, два одинаких: в августе сделаны еще роматники розвертные осмерные [и т. д.]. [212] — воняетъ.

Из опочивальной ближе всего перейти в мыленку, которую в наше время заменила ванна. [Здесь употреблялись:] луженые тазы, кумганы и ковши. [215]

Стрѣльцы.

[*Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. I. Спб. 1858.]

В Москве стрелецкая слобода исстари находилась в Замоскворѣчьи,[1] где до сих пор уцелели приделы, построенные добровольными вкладами стрельцов. [Таковы:] приходы Троицы Вешнякова, Петра и Павла на Калужской, Казанской Богородицы у Калужскихъ воротъ. Тут при Федоре было 8 полковъ стрелецких. Прочие полки имели свои слободы: въ Земляномъ городѣ, у Пимена Воротники, у Сергія Пушкари, у Живоначальной Троицы въ Листахъ (где после воздвигнута Сухарева башня), у Никола Воробино, за Яузой у Спаса на Чигасахъ. [19]

Караулы: одежда состояла из цветных суконных кафтанов, цвѣта: алые, малиновые, синіе, голубые, зеленые. [20]

Стрельцы тяготились службой и [считали, что их] *угнетаютъ*. При разборе стрельцов в Астрахани в 1672[2] году послѣ Разина лучшие оставлены там на службе, прочие переведены в верховные города, в самую столицу; пришли Астраханскіе. [22]

Круги.

Расколъ стрѣлецкій. Въ челобитнѣ [мая 1682 г.] обвиняли пастырей в том, что они искажают иноческий чин, надевая клобуки, какъ бабы и, истребивъ христианскую вѣру, учатъ христіанъ своей новой вѣрѣ, какъ будто Мордву и Черемисовъ, неведающих бога. [55] Стрѣльцы Титова полка, выслушав челобитную, горько заплакали о падении благочестия и единодушно определили: постоять за старую право-

[1] *В подлиннике:* Замоскворѣчье

[2] *В подлиннике:* 672 *написано после слова:* послѣ.

славную веру, не щадя живота своего. «Мы едва и за тлѣнное душу свою [1] не положили, а за Христа свѣта какъ не умереть. [56]

Для раскольниковъ знаменіе креста и молитва Господня, т. е. Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ или Господи Іисусе Христе, боже нашъ, помилуй насъ — важно; ибо это одни внѣшніе знаки. [Во время преній со староверами в Грановитой палате] кромѣ Никиты были Сергій Нижегородецъ, Савватій Москвитинъ, другой Савватій Костромитинъ. Мужики: Дороѳей и Гавріилъ. [72]

Хованскій Иванъ Андреевичъ говорилъ: «Когда меня не станетъ, въ Москвѣ будутъ ходить по колѣно въ крови». [79] И сбылось, Михаила Ивановичъ Лыковъ поймалъ Хованскаго. [84] 17 Сентября въ день ангела царевны Софіи казнены Хованскіе. [85]

Архимандрит Адріанъ посломъ отъ Стрѣльцовъ примирителемъ [3 октября]. [93] Феерверки 1690 года убили разъ 3-хъ рабочихъ, и 2-й [раз] одного.

1680. Къ рукѣ Царя идти, такая тѣснота, что лбы бьютъ и пуговицы обрѣзаютъ.

Къ описанію бунта 1682 года. (Медвѣдевъ).

[*А. Матвеев.* Описание бунта бывшего в 1682 году. Туманский. Собрание разных записок, ч. 1. 1787.]

27 Апрѣля умеръ Ѳедоръ, объявленъ патріархомъ Петръ. Стр. 115. «тогда жъ люди раздвоились». Прямо высказано, что было двѣ партіи. Если бы Петръ, то правили бы Нарышкины. Если Іоаннъ, то Софья. Послѣднее законнѣе (оно и восторжествовало). Партія Нарышкина состояла: Голицынъ Борисъ и братъ его Иванъ большой (лобъ), Долгорукіе: Яковъ, Лука, Борисъ, Григорій. Пріѣхали въ кольчугахъ. [2] [115] — Еще были той же партіи: Одоевскіе, Троекуровы, Лыковы, Репнины, Куракины, Ромодановскіе. [117] Сумбуловъ, неважный дворянинъ, продерзливо кричалъ, что первенство слѣдуетъ Іоанну, а не Петру. [118] — Ѳедора Семенова казачка тайно ходила по слободамъ, о награждении большим числом денежного прибавочного годового им стрельцам пред прежним жалованья, обнадеживала и выдана за Озерова, Ивана Григорьева, сторонника Милославскаго, — Съ верху съ многими дарами. [132]

Партія Милославскихъ потребовала видѣть Іоанна. Увидавъ Іоанна, потребовала наказанія тѣмъ, которые при жизни старшаго ввели на престолъ младшаго. [143]

Бунтъ былъ 15 Мая въ понедѣльникъ. [142] Было тихо, тепло, сдѣлалась буря, когда кровопролитие началося. [148] Убили: 1) Долгорукаго, 2) Матвѣева, 3) из стольников Василья Лаврентьева,

---

[1] *У Устрялова:* голов своих

[2] *У Матвеева:* и одевся в панцыры скрытно под платьем своим имели

сына Иванова, 4) думного Дьяка Ларіонова, 5) подполковника Алимнія Бренева, 6) Василія Бренева. [148]

Ходили по палатамъ, никого не тронули, ничего не ограбили. Убили 7) Федора Салтыкова тирански, нечаянно и отвезли къ отцу, прося прощенія, будто бы незнанием своим то учинили, — Карла царицы — *Хомякъ* указалъ въ церкви Воскресенья Христова, на сѣняхъ, Афанасья Нарышкина и 8) [его] убили. [149] 9) [1] Иванъ Ѳоминъ Нарышкинъ за Москвой-рѣкой въ своемъ домѣ убитъ. [150] 10) Андрей Григорьевичъ Ромодановскій, 11) Григорій Григорьевичъ Ромодановский *въ своихъ* домахъ побиты за угнетеніе въ походѣ. — 12) Ларіонъ Ивановъ — дьякъ, — за то, что будучи правителем прежним стрелецкого приказу напрасно их тѣснилъ. 13) Аверкій Кириловъ будто бы правя большаго прихода приказъ, [2] на соль накладывалъ и на всякие съестные харчи пошлины гораздо тяжелые. [151] Судили и спрашивали: любо ли? Бывшие же при том от народа собрании для смотру оной трагедии или печального действа, и те хотя принуждены были с ними же стрельцами шапками махать и то *любо* гласно с ними же кричать. Вездѣ поставили караулы. [152] Пришли спросить у Юрія Алексѣевича Долгорукова прощеніе за сына, что не удержался от запальчивости своей убили. 14) Юрія (80 лѣтъ) Долгорукова 16-го Іюня [убили]. [153—154]

Говоритъ, что побили многихъ, не называя. Не правда. Ихъ судили и всё раскопали, что они сдѣлали. (Старый и торопкій Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій торопитъ Нарышкина Ивана): «сколько вам, государыня, ни жалеть, отдавать вам его будет, а тебе Ивану отсюда скорее итти надобно, нежели нам всем за одного тебя здесь погубленным быть». [161]

Должна была быть борьба Нарышкиныхъ противъ стрѣльцовъ, а то откуда злоба на нихъ?

15) Иванъ Нарышкинъ [убит], 16) Бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ. 17) Фонгаденъ, докторъ жидъ. 18) Немец Иван Гутменшъ, за одну ненависть антипатии против чужестранных иноземцев по вымыслам ложным и составным, будто бы те докторы царя Федора Алексеевича лекарствами своими отравили. [164]

1682. [3]

[*Туманский.* Собрание разных записок и сочинений о жизни Петра Великого, ч. I. 1787.]

Арапъ Иванъ из служителей, неубоявся стрелецкого страха, емело пришедши на ту Красную площадь, собрав того господина своего тело в простыню, честному предал погребению; похороны Матвѣева. [165]

---

[1] *В подлиннике:* 9) *после слова:* Нарышкинъ

[2] *В подлиннике:* приказа

[3] *Год (1682) повторен, как заглавие, на следующем листке, начинающемся с выписок из сочинения Крекшина.*

17 Мая разбили холопій приказъ и сожгли всѣ крѣпости, дали вольную. Кричали, что всем слугам боярским иным дана от них полная воля на все стороны, и что все прежние бывшие на них крепости разодраны и разбросаны. [167]

(Стр. 169) [Андрей Матвеев] прямо говоритъ: умалилось [1] прежнее самодержавіе Царицы Наталіи Кириловны. Стрѣльцы просили поставить каменный столпъ съ надписями казненныхъ, и поставили, и получали награды за истребленіе заговора Матвѣева и Нарышкина. [169—170] Кириллу Полуектовича Нарышкина (не убили, а) постригли монахом и отослан въ монастырь. Дети же его в том же бунте, одевая простых людей своих в сермяжное платье, с некоторыми из верных дому своего служителей в первый день того бунту ушедши из Москвы, спасли себя тайно, укрываясь по деревням дальным свойственников своих. Языковы, Нарышкины, переодѣваясь, спасались. [2] [171]

Андрей Матвѣевъ, 17 лѣтъ, спасенъ карломъ Петра, прозвищем Никита Комарь, [который] переодѣлъ его в простое платье стряпчего конюха. [172]

Хованскій «Тараруй» назначенъ начальникомъ стрѣльцовъ, Мая 1682. Стрѣльцы звали его «батюшка» и «Большакъ». Женился тогда на вдовѣ убитаго думнаго дьяка Ларіонова. [175]

5 Іюня. Раскольничье прѣніе. Никита казненъ 6-го [июня] на Болоте. [180]

Въ Іюнѣ, концѣ, даны грамоты надворной пѣхоты, и в тех грамотах все их стрелецкие полки почтены особой честию.. и приняв те из самого Кремля, они стрельцы несли на головахъ при колокольномъ звонѣ.

Бояре выборныхъ стрѣльцовъ почитали и за столы сажали. [180—181]

Въ Августѣ [1682 г.] стрѣльцы казнили (19) Янова полковника. [184—185]

1687. Урожай былъ такой, что четверть ржи покупали ценою по 4 алтына, овса по 7 коп. [200]

8 Августа у Троицкаго монастыря, когда привезли Шакловитаго, у ворот бесчисленное собрание народу было и *пыль* такая встала, что едва возможно было в той одному другого видеть. Шагловитый пытанъ на воловьемъ монастырскомъ дворѣ. Когда съ дыбы снятъ, попросилъ ѣсть, понеже несколько дней уж не ел. [207—208]

1689. Зима стала на Покровъ. [213] [Перед казнью стрельцов в 1797 г.] Милославскій выкопанъ по примѣру будто бы Кромвеля. Похороненъ онъ [был] у Николы Столпянскаго, на Покровкѣ, въ трапезѣ.

У трупа Милославскаго, голова у него так мала была съ ку-

[1] *В подлиннике:* умалилъ

[2] *У Матвеева:* Два брата Алексей и Михайла Лихачевы и сын боярина Языкова Семен и некоторые от стрельцов полковники..... посланы из Москвы по дальним городам в разные ссылки.

лакъ; черная борода выросла до пупа, члены невредимы, как бы у тридневного погребенного мертвеца. [227—228]

[*Крекшин.* О зачатии и рождении великого государя императора Петра первого, самодержца всероссийского и о прочем. *Туманский*, ч. I. 1787.]

Царевна Софія Алексѣевна призвала [патріарха] Іоакима и выговаривала, что мимо [1] Іоанна, Петра [возвели], что будутъ смуты. [262]

Милославск. и Толстой говорили, что подобаетъ народъ [2] спросить, а не *одной палатой* избирать на царство. Патріархъ сказалъ, что Петръ уже наименованъ и о низведении и отриновении власти не имут. [263]

Раскольники в 1682 году требуютъ собора. За это казнятъ Никиту и кнутомъ другихъ и вырѣзаютъ языки, ссылаютъ. [В] 1682 [году] Августа 29 дня Государи пошли в Коломенское. [284] 2-го Сентября великие государи с материю своею с великой государыней Натальей Кириловной и с царевной Натальей Алексеевной из села Коломенского изволили итти въ село Воробьево. 4-го Сентября из Воробьева въ село Павловское. 6-го Сентября — въ Звенигородъ, въ Савинскій монастырь. [285] 14 Сентября пошли великие государи черезъ село Павловское въ Воздвиженское. [288] Хованскаго выманили похвалами и что его пошлютъ на встрѣчу Гетману. [289]

Остается необъясненнымъ, въ чемъ состоялъ 2-й бунтъ стрѣльцовъ. Казнь Янова? мало. ⟨Не раскольничье ли движеніе за казнь Пустосвята?⟩ Неужели только то, что послѣ казни Хованскихъ, они разобрали оружіе и засѣли въ Москву. 3700 человѣкъ положили петли на шеи и пошли, исповѣдавшись, причастясь и простясь съ женами и дѣтьми. А иные взяли топоры и плахи во знамение, что они повинны смерти. [292] Пришли къ Патріарху просить заступы. Патріархъ с ликом святительским и Царевны пошли съ ними къ Троицѣ. Войско недовѣрчиво осматривало ихъ — нѣтъ ли оружія. [293] Было 6 Ноября, [когда] великие государи со всем своим царским домом из Троицкого монастыря в Москву мирно возвратишася, и с великою радостию за городом от всех граждан и стрельцов поздравлены. [297—298]

Патріархъ на колѣняхъ молитъ. — 1683 [год]. Людямъ боярскимъ награды и погреба [3] питейные даны. [297—298]

Великие государи велели московских чинов, стольников и жильцов, и дворян разделить на пять частей, и жить им в Москве по четверти года со всею службою. Люди боярскіе, караулы въ Москвѣ. [299]

[*Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. I. М. 1862.]

У Натальи Кирилловны комната обита зеленымъ атласомъ. Золотныя и серебряныя кожи на дверяхъ. [118]

---

[1] *У Туманского:* минув большого
[2] *У Туманского:* стрельцов и чернь
[3] *В подлиннике:* погребъ

У Бояръ шпалеръ 10 птицами съ охотниками. Въ сѣняхъ грановитой палаты на стене было изображено видѣніе Царя Константина. [128]

[*Устрялов.* История царствованія Петра Великого. 1858, т. II.]

Не прошло недели по возвращении царя из похода, как ɪсем ратным людям сказана вновь служба под Азов. 1695 г. 27 Ноября дьяк прочитал указ: собираться на царскую службу, запасы готовить и лошадей кормить. Собираютъ охотниковъ въ полки. [261] Женъ и дѣтей солдат отбирали от господ, селятъ въ Преображенскомъ. [262]

Желябужский присовокупляет, что сих охотников прозвали *Обросимы*. [261]

А даточные люди на пожаръ бѣгать. *Алеши.*

1696. Письмо Петра Стрешневу: «Письмо твое мне отдано, в котором пишешь, что бревен ясеневых здесь нет, а есть в засеке, и подводы по них не послать ли? Изъ Тульской засѣки на весла ясеневыя бревна черезъ Стрешнева. [422, 265]

Въ Мартѣ въ лѣсахъ по всему Воронежу болѣе 30,000 людей работали суда для перевозки войск, орудий, снарядов.

Въ Апрѣлѣ спускъ судовъ. [267] На другой день по приезде Лефортъ, подняв на галере адмиралтейский флаг, угощаетъ «мастера» веселым пиром. [268]

21 Апрѣля пиръ у Шеина. [269]

Азовъ взяли приваломъ и запорожцы штурмомъ. [284, 288]

Сентябрь. На пути к Воронежу за городком Рыбным (ныне Острогожск), встретил его гетман Мазепа с пышным приветствием и богатым угощением, состоявшим в многоценной сабле, оправленной золотом с дорогими каменьями, и в щите на золотой цепи, украшенной алмазами, яхонтами, рубинами. Свиданіе съ Мазепой въ Острогожскѣ (Рыбномъ) и въ Тулѣ на железных заводах. [297] [В торжественном шествии по поводу взятия Азова участвовал] Лима-Вице-адмиралъ. [301] В награду за службу под Азовом Лефорту [1] дана деревня Епифанскаго уѣзда, 140 дворовъ село Богоявленское. [303]

Къ Апрѣлю 1698 года должны быть готовы корабли по кумпанствамъ. [305] Александръ Петровичъ Протасьевъ до конца 1698 г. был главный начальникъ морскаго дѣла, но далеко не оправдал доверенности государя, оказался взяточникъ. [307]

Въ началѣ 1697 г. и позже выѣхали 50 стольниковъ за границу. [Среди них:] Петр Андреевич Толстой, Юрий Юрьевич Трубецкой, Лопухинъ Аврамъ Федоровичъ, родной брат царицы Евдокии. [315]

1697. Съ 9-го Сентября по 16 Ноября строился корабль, с 16 [2] августа до 24 Петр ѣздилъ въ Амстердамъ, [участвуя в празднествах, данных посольству]. [3]

---

[1] *В подлиннике:* Лефорта.

[2] *В подлиннике:* 15 *или* 17

[3] *В подлиннике ошибочно:* на конференцію. *Конференция же состоялась позднее — 29 сентября, 2, 6 и 14 октября.*

1697 г. Въ Іюнѣ 29 въ Преображенскомъ пиръ съ пальбой [по случаю имянин царя]. 100 человѣкъ. Стѣна выдалась.

1698 годъ

[*Дневник Корба.* Чтения в обществе истории и древностей российских, кн. IV. 1866.]

11 [1] Іюня 1698 года былъ пиръ у Польскаго посла. Гордонъ изо стола долженъ былъ ѣхать противъ стрѣльцовъ. [72]

[18 июля] первый министр несколько дней роскошно угощал в своей деревне царевича и его мать, Царицу, и устроил разные дорогие увеселения, достойные царского принца. У Нарышкина (въ Подмосковной, гдѣ ?) пируютъ Царица и Царевичъ, пока идутъ у Воскресенской казни. [73]

27 Іюля вдова Монсъ давала в своем доме великолепный пиръ. Музыканты Гваріента для дѣвицы.

[29 июля] Долгорукій Яковъ Ѳедоровичъ съ Мазепой воюютъ у Перекопа съ Турками. [81—82]

1 Августа — водосвятіе на реке Неглинной, протекающей чрез Москву, главное торжество этого дня. [82]

6 Августа освященіе плодовъ. [83]

16-го в городе сильный пожаръ. Сгорѣло более 100 домовъ.

20. Десять мятежников решились произвести восстание в среде Донских казаков. Полковник схватил их и связанными привел в Москву. Преступники сознались в своем замысле. Казни 10 стрѣльцовъ. [85]

[22 августа] Слухъ. Въ Азовѣ начальник поставил на одном из раскатов, окружающих крепость, орудие и при нем часового. Генерал, начальствующий войсками, обходя сторожи, застал часового спящим; тогда он с своими солдатами увезли пушку; часовые не слыхали. Сведав про такой поступок генерала, азовский воевода написал в Москву, обвиняя генерала в воровстве. А как воевода имеет здесь своих покровителей, то по тому жалоба его признана была уважительною. [86]

23 [2] казненъ одинъ капитанъ, уличенный в беззаконной связи с восьмилетней девочкой, (блудъ съ 8 [летнею] дѣвочкой.) [3] [86]

[26 августа] бороды рѣжутъ. Воевода князь Алексей Семенович Шеин первый пожертвовал своею длинною бородой, подставив ее под ножницы. У Шеина длинная. [88]

1 Сентября. Пиръ у Шеина и известный при царском дворе шут Тургеневъ стрижетъ бороды, а то пощечины. Таким образом между шутками и стаканами весьма многие, слушая дурака и потешника, должны были отказаться от древнего обычая. [90—91]

4. [4] Пиръ у Лефорта. (С6 годъ. Чтенія [в имп. обществе истории и древностей российских] книга IV.) Царь с веселым видом присутствовал при пляске. Двѣ горничныя дѣвушки пробрались было тихонько посмотреть, но государь приказал солдатам их вывести. [93]

---

[1] *В подлиннике ошибочно:* 10.
[2] *В подлиннике ошибочно:* 26.
[3] *В подлиннике:* 8. дѣв.
[4] *Переделано из: 2*

8 у полковника Граге пиръ. У Петра зубы болятъ. Узнав о прибытии царя, Гордонъ нынче вернулся изъ деревни. Гордонъ дважды кланяется государю въ ноги и просит прощения в том, что слишком поздно явился засвидетельствовать ему свое глубочайшее почтение. Ужинъ. К этому ужину были приглашены только три генерала: Лефортъ, Гордонъ, Карловичъ; [приглашен был также] и Гваріентъ. [95]

[13 сентября]. Был также Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ въ Москвѣ на пиру у Гваріента. [97]

16 [1] обѣдъ для его царского величества у Головина съ пальбой из орудий большого размера. [99]

30 сентября. [2] В Преображенском царь собственноручно отсек головы пяти преступникам. Другие 230 человек поплатились смертью на виселицах. Царь, в сопровождении четырех молодых московских дворян, шел за гробом какого-то немецкого подполковника. При этом на царе, в знак общественной печали, была надета длинная шерстяная мантия. Казни и идетъ за гробомъ нѣмецкаго полковника. [102—103]

2-го. Выпалъ снѣгъ и былъ сильный морозъ.

4 Октября. Имянины Лефорта. Пиръ. Украинцевъ, не знаю, чем-то сильно прогневал царя, так что опасался за свою жизнь, и по тому, в уничижении раболепствовал пред ним, моля о милости; валяется въ ногахъ. [104]

7. Самъ опять рубитъ головы. 8-го. У Лефорта обѣдъ. 9-го. У Чамберса пиръ; не знаю, какой вихрь расстроил веселость до того, что его царское величество бросилъ на землю Лефорта и топталъ ногами.

10. Вновь повѣшено 230 преступников; они развешены вокруг белой стены, при городских воротах. [105]

13. [Петр] называется обѣдать къ Гваріенту, но чтобы не было полекъ, польского посла и Граге. Вѣшаютъ сотни. [106]

16. Обѣдъ. Присутствовавшие дѣвицы, кромѣ Монсъ: Гюльстъ, [3] Келерманъ. Головинъ чувствует врожденное отвращеніе къ салатамъ и уксусу. Полковник Шамберс, по царскому повелению, схватил сего боярина и крепко держал, а царь в это время наполнял рот Головина салатом и уксусом, пока тот не закашлялся так, что у него бросилась из носу кровь. [107]

[20 октября]. Процессия направилась к городскому дворцу Федора Юрьевича Ромодановского; вся эта комедия заключилась насмешкою, когда вместо подарка Ромодановскому поднесли обезьяну, и всѣ из участвовавших в поезде обязаны были быть въ нѣмецкомъ платьѣ, главным образом для того, чтобы рассердить князя неприятным для него зрелищем.

22 октября [4] Посланник одного северного государства, узнав, что царь ночевалъ одну из ночей у Датскаго повѣреннаго, стал часто

---

[1] *В подлиннике нечеткая цыфра*
[2] *В подлиннике ошибочно:* 1 Октября
[3] *В подлиннике ошибочно:* Гюнстъ
[4] *В подлиннике:* 20 [22] Октября *после слова:* Ночевалъ

посещать последнего, надеясь через то приобресть у царя большую перед прочими милость, в чем ни мало не ошибся. [110—111]

[24 ноября]. Указом правительства предписано всем, имеющим лавки, на улице смежной с Кремлем, лавки снести, как можно поспешнее, под опасением телесного наказания и лишения имущества. Утверждают, что распоряжение это сделано с целью придать городу лучший вид и больший блеск. [115]

[26 ноября.] Ромодановскій забралъ [немца переводчика у царского врача] Цобота силою. [116]

Долгоруковъ Яковъ Ѳедоровичъ помирилъ солдатъ. [?]

1698. 20 Декабря Царь крестилъ у Блюмберга. Посол завел речь о наказании жен за убийство мужа и сказал, что во всеобщем обыкновении, если которая из этих несчастных проживет в яме три дня, ее вынимают и заключают в монастырь, где она должна вести труженическую жизнь. Царь разсказывалъ, какъ велѣлъ часовому пристрѣлить закопанную женщину, но генерал Лефорт был противного мнения, сказав, что недостойно воина стрелять в женщину и притом еще виновную в смертоубийстве. Сими и подобными им словами произвел Лефорт на царя такое впечатление, что он оставил несчастную ожидать своей смерти. [122]

21. Обѣдъ у Лефорта. Оклеветали одну особу. Царь, очень сильно рассердясь, сказалъ, что казнить того, кто виноватъ. Лефорт хотел было утишить гнев царя, но царь сильно оттолкнул его от себя кулаком. [122]

[*Дневник Корба.* Чтения в обществе истории и древностей российских. 1867. Кн. 1.]

22 [декабря 1698 г.]. Сегодня казнили привезенных сюда из Азова мятежников. Попу, который был их соумышленником, самъ отрубилъ голову. Казнены 6 фальшивыхъ монетчиковъ. Залили им растопленный металлъ въ горло. [123]

24. [1] Одинъ Бояринъ наказанъ кнутомъ [2] за то, что говорилъ в Преображенском слишкомъ смѣло в присутствии царя; без сомнения, боль от ударов твердо внушила ему, с какою почтительной речью должно обращаться к государю. [123]

25. Былъ у Гордона больнаго. Шеинъ вследствии того, что он продавал чины, лишенъ впредь права производить в офицерские достоинства; право это передано Гордону.

26. Обѣдъ [Петра] у Артамона Михайловича Головина. [124]

29. [3] Обѣдъ у Голицына; вдруг внезапно сделалась тревога и повестили, что вспыхнул пожар. Царь тотчас встал из за стола и поспешил на пожар. На пожарѣ гасилъ; и когда уже дом обрушился, то еще видели, как государь трудился среди его развалин. [125]

3 Января 1699. Здесь устроивается, в день рождества нашего спасителя, пышная комедия. По выбору царя значительнейшие москвитяне возводятся в разные духовные достоинства. Один играет роль патриярха,

---

[1] *В подлиннике ошибочно:* 23
[2] *У Корба:* телесно
[3] *В подлиннике ошибочно:* 30

другие — митрополитов, архимандритов, попов, дьяконов и пр. Его царское величество представляет дьякона. Театральный патриярх, в сопровождении мнимых своих митрополитов и прочих лиц, числом всего 200 человек, прокатился на восьмидесяти санях чрез весь город в Немецкую слободу, с посохом, в митре и с другими знаками присвоенного ему достоинства. Славленіе у купцовъ, богатейших москвитян и немецких офицеров и [у] Лефорта пиръ, с приятнейшей музыкой, угощением и танцами. [126—127]

6. Освященіе воды реки Неглинной в праздник Крещения. Красный мундиръ полка Гордона давал этому полку нарядный вид. Менезіусъ начальникъ стражи вел этот отряд, а полковник Гордон был на своем месте при полку. [128]

[13 п] 14. Пріѣхалъ фон Принцъ, Бранденбургскій посолъ. Посланник привез с собою мальчиков музыкантов (их зовут гобоистами); Царь купилъ мальчиковъ музыкантовъ за 1200 золотыхъ.

Драка Ромодановскаго съ Апраксинымъ: Ромодановский по привычке необразованных людей обругал Апраксина, потом, замахнувшись на него палкой, хотел было его ударить. Апраксин, человек благороднейших свойств, оскорбясь таким неприличным и грубым обхождением, обнажил саблю и грозил нанести своему противнику смертельные раны.

На похоронахъ Пристава. Царь изволил тоже присутствовать при этом, а после был на похоронном обеде: отведав вино, которое подносили гостям, царь нашел его кислым и без обиняков сказал, что это вино очень кстати при обеде, данном по случаю похорон. Петръ пьетъ. [133]

16. День рожденья какой-то девицы из простого звания (говорят, дочери золотых дел мастера) Анны Монсъ. Царь у нея. [134]

17-го. Сватьба у Каннегисера [1] с большим торжеством и великолепием. На этой сватьбе царь занимал должность, которая обязывала его принимать гостей. Царь маршаломъ.

23. У Алексашки новоселье и эпикурейская роскошь. Петръ допрашиваетъ, (пытаетъ) самъ стрѣльцовъ, приехавших из азовской крепости. [136]

26. Подвергали пытке одного соучастника в мятеже. Когда дошло вновь до допроса об измене, он опять совершенно онемел, и хотя, по приказанию царя, жгли его у огня целую четверть часа, но он все-таки не прерывал молчанья. Преступное упорство изменника так раздражило царя, что он из всей силы ударил его палкой, которую держал в руках. Вырвавшиеся при этом с бешенством у царя слова: «Признайся, скот, признайся!» — ясно показывали, как он был страшно раздражен. Пытаетъ и самъ бьетъ палкой по головѣ.

28. Врач Цопотъ начал анатомическія упражненія. Царь присутствуетъ и боярамъ велитъ находиться при этих опытах, хотя они им и противны. Обѣдаетъ у Бориса Алексеевича Голицына и у него ночуетъ.

Один из бывших на допросе мятежников воткнул себе кинжал в горло, но у него не достало сил для совершения самоубийства; однако ж, сделал

---

[1] *В подлиннике:* Каннингисера

себе такую рану, которая, без нужного пособия, могла бы причинить ему смерть. Но так как для государя было очень важно, чтобы он преждевременною смертию не освободился от пытки и истязаний, то [Петр] лечитъ самъ и даетъ лекарство стрѣльцу, хотѣвшему себя убить, и даже успокаивает преступника. [139]

29, 30.[1] Обѣдъ у Адама Вейде. Царь мраченъ; погруженный в глубокое размышление, имел более смутный, чем веселый, вид. [139—140]

1 Февраль. Всеобщими объявлениями призывался простой народ в Преображенское присутствовать при наказании стрельцов за государственное преступление. Преступников казнили в разных местах. Многим отрубали головы, ста другим обрѣзали уши, носы, некоторым палач, приложа клеймо к лицу, напечатлел на нем изображение орла, как неизгладимый знак бесчестия. [140]

3 Февраля на Красной площади и Болотѣ казнено 136[2] человѣкъ. Царь пріѣхалъ въ каретѣ съ Менщиковымъ. Царь пошел [на площадь], чтобы при нем были казнены те, которые в отсутствие его составили святотатственный замысел на столь беззаконное преступление. [Один], подойдя по очереди к плахе, сетовал, что должен безвинно умереть. Царь, находившийся от него только на один шаг расстояния, отвечал: «Умирай, несчастный! Если ты невиненъ, пусть кровь твоя падетъ на меня». Кроме царя и Александра присутствовали еще некоторые из московских вельмож. Одному из них царь сказал, чтобы и он взялся за топор; а как тот ответил, что он не имеет достаточной для этого смелости, то царь попрекнул его дураком. Дуракъ тотъ, кто не хотѣлъ казнить. Ужиналъ у Гордона, но не был весел и очень распространялся о злобе и упрямстве преступников, с негодованием рассказывал генералу Гордону, какъ одинъ сказалъ царю, стоявшему, вероятно, слишком близко к плахе: «посторонись, государь! Это я должен здесь лечь». Царь приглашалъ Гордона на завтра, так как он желал казнить преступника новым, еще неизвестным его народу способом, не топором, а мечомъ. Алексашка готовится и часто показывал обнаженный меч, давая тем знать, с каким нетерпением ожидает он кровавой трагедии следующего дня. Поймали какого-то русского разбойника, *а Петра не поймали.*[3] [141—143]

[4 февраля] сто пятьдесят мятежников проведены к Яузе. Говорят, что царь отрубил мечом головы восьмидесяти четырем мятежникам, при чем боярин Плещеевъ подымалъ за волоса их, чтоб удар был вернее. Царь рубилъ мечемъ. Три меча были приготовлены для этого употребления. Один из них, когда царь им замахнулся, разлетелся в дребезги, и удар не последовал. [143]

---

[1] *В подлиннике ошибочно:* 30, 31.

[2] *У Корба:* 200, *у Женева и Семевского, составлявших примечания к Корбу, количество казненных указано согласно правительственным известиям:* 137.

[3] *Последние четыре слова взяты не из Корба, а составляют собственное соображение Толстого.*

5 Февраля. [1] Его царское величество присутствовал на сватьбѣ у какого-то полковника Міаса.

8. Посол был приглашен к ночи в загородный дом князя Ромодановского полюбоваться потешными огнями. У Ромодановскаго фееверкъ. Первый изображал три короны с надписью: «Да здравствует!» второй два сердца соединенные в одно с надписью: «Да здравствует!» третий два сердца, соединенные в одно, но без слов. [145]

11 Февраля. Особа, играющая роль патриарха, со всею труппою своею комического духовенства, праздновала торжественное посвящение Вакху дворца, построенного царем и обыкновенно называемого дворцом Лефорта. Праздникъ Вакха. Митра [патриарха] была украшена Вакхом, возбуждавшим своею наготою страстные желания. Театральный первенствующий жрец подавал чубуком знак одобрения достоинству приношения. Он употреблял для этого два чубука, накрест сложенные. Чубуки крестомъ. [145—146]

12. Пиръ. Шереметевъ притворяется Европейцемъ. Он очень искусно подражает обычаям немцев, и носит платье одинакового с ними покроя, за что в большой у царя милости. Царь, увидев, что некоторые его офицеры, из подражания моде, носили платья просторнее обыкновенных, обрѣзываетъ платья, рукава нѣмецкіе.

13-го. *Продолжается пиръ* 3 дни [2] и не позволено было итти для отдыха домой. Иностранным послам были отведены покои, где они могли отдыхать в определенные часы, по истечении которых была смена. и они должны были становиться на места других в плясках с припевами и в разных танцах. Тутъ и спятъ, и гляшутъ всѣ. [146—147]

16 [3] у Лефорта пиръ. [148]

18 Казнены въ Преображенскомъ 150, а въ Москвѣ вблизи Кремля в двух местах 36 мятежников. Вечеромъ даны были, с царскою пышностию, разные увеселения. Собрание любовалось зрелищем потешных огней — фееверкъ. [149]

19 Пиръ у Царя. Посолъ Бранденбургскій был церемониально введен в аудиенцию. Думный дьяк Зотовъ пьетъ на поклоненіе, благословляя чубуками стоящихъ на колѣнахъ. Один только из посланников не одобрял этих шуток [и] скрытно удалился.

Царевна Наталья и Царевичъ смотрятъ, находясь в комнате, смежной с тою, в которой пировали гости. [150]

Наконец царь со всеми распрощался и уѣхалъ въ Воронежъ при игре музыкальных инструментов, громѣ пушекъ и трубъ. [151]

На похоронахъ Лефорта, 11-го [4] [марта Петр] обругалъ собаками бояръ, [так как] русские самовольно нарушили порядок, — подданные царя, шедшие прежде позади посланников, очутились теперь впереди их. [158]

13 Царь совещался с боярами, кому вручить в его отсутствие управ-

---

[1] *В подлиннике ошибочно:* 4 Февраля
[2] *У Корба:* сегодня целый день
[3] *В подлиннике ошибочно:* 14
[4] *В подлиннике ошибочно:* 12-го

ление Москвою? На это один боярин ответил: «Можно поручить эту обязанность Борису Петровичу Шереметеву». Царь дал пощечину боярину за совѣтъ, сердито возразил: «И ты стараешься снискать себе его дружбу?» [159]

21-го Царь, уѣзжая, разнымъ боярамъ поручилъ Москву. Никто *не знаетъ кому, и всѣ идетъ.* [161] *очень важно.*

Въ Азовѣ, въ маѣ избилъ Менщикова, шептавшаго что то на ухо царю, который, уезжая из Воронежа в Азов, уже находился в лодке. [От пощечин Александр] упал замертво у ног разгневанного государя. [173]

В Воронеже какой-то москвитянин обвинял в измене двух немецких полковников, но ни темница, ни жесточайшие истязания в застенке не могли их принудить сознаться в преступлении. Тем временем русский раскаялся в том, что сделал ложный донос. Царь так был разгневан, что собственноручно отрубилъ голову ложному доносчику. [1] [174]

Передъ этимъ, 14 Апрѣля сгорѣлъ домъ Нарышкина. [169]

27 августа [2] извѣстіе о страшномъ пожарѣ въ Москвѣ. Кроме многих других, сгорели [три] палаты вместе с пятнадцатью тысяч домов. Поймали восемь зажигателей: бывшие в их числе два попа сознались, что виновниками пожара стрельцы, которые тогда только успокоятся, когда обратят всю Москву в пепел. Поджогъ стрѣльцовъ. [203]

13 Сентября Затмѣніе. [206]

Бытъ — дороги.

Въ 1703 году дорога къ Воронежу отъ Москвы на Коломну. Ивань-Озеро — Ранинбурхъ, 525 столбовъ красныхъ, на верстѣ 20 деревъ. —

Шляхъ Муравскій на Костомаровъ бродъ и той стороны Упы. Почты отъ Петербурга до Москвы и Архангельска. Станціи по 35 верстъ. Значки — орлы. Верховая почта.

Войско. Названія полковъ.

1705 г. Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій, Фельдмаршала Шереметева, Фельдмаршала Огильви, Рѣпнина, Шонбека, Чамберса, Головкина, Шарфа, Бутырскій, Балка [*1 неразобр.*]

Война. Пріемы.

1706 г. От Пскова до Брянска засѣку дѣлать.

Мѣстопребываніе. Петръ.

В 1708 году боленъ венерич[еской болезнью], 20 Апреля 1709 года въ Азовѣ и Воронежѣ до Мая конца.

1708 новый годъ [Петр] въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Гродно.

---

[1] *В подлиннике перед словом:* собственноручно *ошибочно:* Въ Азовѣ

[2] *В подлиннике ошибочно:* 6 Сентября

30 Мая день рожденья. Сватьба Анны Ивановны [с герцогом Курляндским] 1710, 31 Октября.
[«Журналъ или поденная записка Петра Великого с 1698 года», часть первая. 1770.]
1707 Мая в 28 день Государь путь свой воспринял в местечко Казимер — Казимировъ и прибыл в Казимер 29, смотрел драгун у Люблина. Из Люблина государь путь свой восприял до Варшавы 6 дня июля. Августъ[1] въ Варшавѣ. [145—147]. 13[2] Октября уѣхалъ въ Петербургъ [148] 23 Октября у Апраксина. 26 Ноября попойка два дня.
29 Декабря въ Москвѣ *пьетъ*. 6 Генваря 1708 г. поѣхалъ из Москвы въ Гродно. [149] Февраля 8 1708 г. поздравляетъ съ «нововыѣзженною Анною» [рождением дочери] (Катерина въ Москвѣ). — 11 Марта поѣхалъ въ Петербургъ, 20-го пріѣхалъ. — 19 Апрѣля поѣхалъ встрѣчать Екатерину и гостей изъ Москвы. [150]
1709 годъ. Петръ съ кампаніей встрѣтился въ Сумахъ, 4-го Февраля въ Ахтыркѣ у Менщикова веселится.
9-го Февраля въ Бѣлгородъ. [184]
12[3] Февраля уѣхалъ въ Воронежъ, [185] съ нимъ Наталья Алексѣвна.
3 Марта на кораблѣ пили. — 7-го Апрѣля [отправился в] Азовъ. [187]
27[4] Іюня Полтава. — 31 Іюля Кіевъ до 15 Августа. [224]
18 Августа прибыл въ Полонное, [28—в] Люблинъ и [23 сентября в] Варшаву. [225—228]
26 Сентября встрѣчается съ Августомъ. [228] 11-го октября Август провожал государя от Торуня до местечка Свечь. [231]
15 Октября въ Маріенвердерѣ. [232]
14[5] Ноября — у Риги, бросаетъ бомбы и первые три бомбы бросил в город сам государь. 23 прибыл в Петербургъ, 7 Декабря путь свой восприял въ Москву. [234] 1710. Въ Москвѣ.
17 Февраля выѣхалъ въ Питербургъ. [241]. — 12 Іюня. Выборгъ. [248]

Бытъ.

Рекруты.

До 1712 г. ковали руки и ноги. Наборщики изъ стольниковъ. Съ 1712 на лѣвой рукѣ накалывали крестъ и вытравляли порохомъ. Было 34 набора въ 9 лѣтъ. Поручиками были домашніе, потомъ отмѣнили. Кафтанъ, шапка, рубаха, шуба и рубль денегъ. Въ лаптяхъ или нѣтъ. Съ церковниковъ лошади, а потомъ деньги, 10 и 15 р. за лошадь.

---

[1] *В подлиннике:* Августа
[2] *В подлиннике ошибочно:* 12
[3] *В подлиннике ошибочно:* 11
[4] *В подлиннике ошибочно:* 20
[5] *В подлиннике ошибочно:* 10

Нравы правительства Петра.

[*Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. VI.]

1718 [год]. Авраам Лопухин отправлен в С.-Петербург в Петропавловскую крепость, для новых розысков; участь прочих лиц по Суздальскому делу решена была в Москве 14 и 16 марта приговором министров на генеральном дворе: *Игуменью Марфу* опредѣлили кнутомъ, бита батогами. — Варвару Головину — бита батогами. Троекурову [1] кнутомъ. — Татищеву велѣно батоги и свободить, бита кнутомъ, и велѣно сослать и постричь. Княгиня Голицына опредѣлена на прядильный дворъ, а бита батоги и не сослана. [218, 221—222] Это Петръ перемѣнилъ, вѣроятно, лично присутствуя. Княгиня Голицына, дочь Прозоровскаго. Въ Преображенскомъ, на пыточномъ дворѣ въ кругу 100 солдатъ съ обнаженною спиною положена и высѣчена больно батогами.

Въ Москвѣ [в] 1718 [году] на большой площади пред дворцом, где происходила экзекуция, поставленъ 4-угольный столпъ изъ бѣлаго камня, вышиною около 6 локтей, съ желѣзными шписами по сторонамъ, на которые воткнуты головы казненных; на вершинѣ столпа находился 4 угольный камень, на немъ положены были трупы казненных, между которыми виднелся Глѣбовъ как бы сидя посерединѣ. — Стоялъ годъ. [225]

Царь Алексѣй Михайловичъ въ ссылку ссылалъ, а нынѣ за всякую вину смертью казнятъ. Дуэлей много между иноземцами.

Устрялов 2 томъ, 347 стр. Дѣло о Безобразовѣ.

Петръ. Приближенные.

Арескинъ докторъ, шотландецъ † 1719. Блюментростъ. Шутъ Лакоста. Пажъ Баклановской, наказанъ кнутомъ в 1718 году.

[*Соловьев.* История России, т. XVI. М. 1866.]

При дворе любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексеевны, жили две сестры Меншикова, Марфа и Анна Даниловны, две сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара Михайловны, Анисья Кирилловна Толстая. Под письмом названных женщин от 6 октября 1705 года к Петру подписалась [среди других]: Тетка несмышленая (Толстая). Анисья, тетка несмышленая — Толстая, живетъ съ Екатериной до 1706 года. Петръ обѣщается держать и Менщиковъ тоже. — Менщиковъ в 1706 г. въ Кіевѣ, 18 Августа женится на Дарьѣ Михайловнѣ. [69—70]— Никита Моисеичъ Зотовъ. Князь папа — походная канцелярія. «Смиренный Аникита власною рукою».—Арапъ, Карла, Балакиревъ. Авдотья Ивановна Ржевская, носившая титул Князь Игуменьи, Шаховск. и пѣвчіе. 1708 по 1718. Якимъ богатырь — карла заведывал[?] гардеробомъ. Ѳеодосій, Архимандритъ Хут[ынскій]. В 1710 году был переведен в архимандриты основанного Петром в Петербурге Александро-Невского монастыря. На Преображенскомъ въ Москвѣ 2 Карла. —

[1] *В подлиннике ошибочно:* Троекурова

[*Бантыш-Каменский.* Словарь достопамятных людей, ч. 5, 1836. Спб.]

Тихонъ Никитичъ Стрешневъ. С 1701 года начал управлять Приказом военных дел. Петр Великий поручил ему потом, сверх военного Приказа, Разрядный, въ 1698 начальникъ приказа военнаго и разряда [?] † 1719. [1]

Петръ I называлъ его отцомъ, и когда бывал в веселом расположении духа, давал ему сие название и в письмах. [104—106]

Врачъ Цоботъ [2] 1698. Царскій врачъ Карбонари де Бизенегъ. Пасторъ Штумпфъ.

[*Забелин.* Домашний быт русских цариц. М. 1869.]

Царя Ѳеодора кормилица Анна Ивановна. Псаломщица у царевны Татьяны Михайловны ее казначея: Василиса Пятово. Под казначеями в чину стояли боярышни-дѣвицы. [506] Четвертую степень царицыных чинов занимали постельныя и комнатныя бабы. [507] Пятую степень занимали мастерицы и ученицы, золотные и белые, т. е. золотошвеи и белошвеи. В 1682 г. их было: 59 мастерицъ-ученицъ золотныхъ и бѣлыхъ. Шестую и последнюю степень женского царицына чина занимали портомои или по Катошихину — мовницы, иначе прачки. В 1682 г. их было 24 [509]

Ѳедоръ Соковнинъ — дворецкій у Марьи Михайловны Милославской. Аврамъ Никитич Лопухинъ — у Натальи Нарышкиной. [510].

Медведи, постоянно жившие во дворе, вероятно ученые, назывались дворными; другие были гончие, также сступные, спускные и наконец дикие, которых поставляли на потеху прямо из лесу. Медвѣди: ручные, — дворневые, спускные (гонные), дикіе [455]

Сверчки.

Палачъ Васька заступилъ вдову. Не дошила ризъ, лицо дошила, воткнула иголку, завертѣла нить и пошла.

«Не надо.. Нѣтъ, пожалуйста милый, пожалуйста, не надо. Голубчикъ», цѣлуетъ его, жмется къ нему и отбиваетъ дерзкія жестокія руки. — Умиралъ — не можетъ говорить, рукой машетъ: идите, молъ, смотрите, какъ я умирать буду.

Позапечью лежали и нельзя ихъ сыскать. Передъ рожествомъ и Пасхой стригутъ Царей. Выходы Царей и Царевенъ на Святой къ нищимъ. — У Ѳедора Алексѣевича саврасыя лошади любимая масть.

[*Забелин,* Домашний быт русских цариц.]

Дураку Шуту Мосею изъ покромокъ платье. Дуркѣ Манке сшит желтый и червчатый опашень, шапка красная съ золотымъ мишурным круживомъ. Ожерелье накладное — медвѣдокъ [3] молодой [413]. Ноября 12 куплено еще 6 нитей белого бисеру и два

---

[1] *В подлиннике:* 713
[2] *В подлиннике:* Цопотъ
[3] *В подлиннике:* медвѣдь

листа меди шумихи на потешную кику, на низанье. Кика изъ мѣди шумихи. [415.]

У Ѳедора Алексѣевича в 1679 г. дураки: Петръ, Семенъ, и передъ смертью Ѳедора в 1682 г. взятъ дурак Тарасъ [416].

У Ѳедора Алексѣевича Карлы: Петрушка Шимшинъ, Петрушка Гавриловъ, Петръ Клопокъ, Василій Хомяковъ. Всѣхъ 9. Янка[1] Иванов Ветчинка [450]. — У Натальи Кирил. 14 карлицъ. — У Ѳедора Алексѣевича два калмыченка: Петръ Аверкіевъ и Ромашка Васильевъ [453]. В 1834 г. стрѣлецъ Петръ Иванегородецъ 135 [?] тешил государя в селе Рубцове, носилъ на зубахъ бревно [464]. — Мама Софьи Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская кн. † 1709 схимонах[инею] [495]. Анна Петровна Хитрово — мама Ѳед. Ал. Р. 1615 — † 98, находилась около 70 лет в царицыных хоромах [496] — Мастерицы, начальница мастерицъ. Верховыя боярыни, Ларешницы, Казначеи, Кадашевы. Хамовный двор находился в слободе Кадашове, от чего и боярыня, заведывавшая хамовным делом, называлась Кадашевскою боярынею [497],

Монсъ[2] вдова выдала дочь 1698 въ Іюнѣ за Ровеля. Фадемрехтъ пасторъ, отецъ Элены.

Блументростъ, старикъ 70 лѣтъ, Лаврентій, два сына Іоаннъ и Лаврентій, оба доктора. Аптекарь Гутбиръ. Монсъ — золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Петръ. Семейные.

Между 11[3] Марта и 20 Апрѣля 1711 г. Катерина объявлена Царицей. Петръ Петровичъ умеръ в 1719 г. —

[В] 1708 г. [у Петра родилась дочь] Анна. [*В*] 1709 г. 18-го Декабря [родилась дочь] Лизавета.

[В] 1710 [г.] подарилъ Курлянд. 400 солдатъ верхами.

Екатеринѣ подарилъ Сарскую и Славянскую мызы.

10 Іюня 1698 [г.] Царица съ Царевичемъ ходили къ Троицѣ. Мать умерла [в] 1695 [г.] Іоаннъ [в] 1696 [г.] Связь съ Монсовой должна быть с 1691 или 1692 г.[4]

[*Забелин.* Домашний быт русских царей. М 1862.]

Натальѣ Кирилловнѣ польскій посолъ подарилъ 8 Декабря 1671 г. вскорѣ послѣ ея сватьбы зеркало хрустальное: на верху зеркала, посторонь, хрустальные травы с висюльками; под ними две пуговицы хрустальные; по верхним углам по два репья хрустальные ж, по пуговице хрустальной; на нижнем конце зеркала по углам по два репья, да по пуговице повешены; промеж репьев два подсвечника, под ними хрустальные висюльки; промеж подсвечников перемычка хрустальная; на средней перемычке репей хрустальный, а от репья повешены висюльки

---

[1] *В подлиннике:* Яшка[?]

[2] *В подлиннике перед словом:* Монсъ *повторено заглавие:* Петръ. Приближенные.

[3] *Переделано* из: 20

[4] *В подлиннике ошибочно:* 93

хрустальные; по конец перемычки репьи ж хрустальные по обоим концам с висюльками. У Забѣлина. [161]

Петръ. Характеръ.

[*Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. VI, М. 1859.]

1715[1] [год.] Умерла сноха, [Шарлотта Вольфенбюттельская.] 22 Октября. Онъ [царь] присутствовалъ при вскрытіи ея тѣла [44].

Любопытство страстное, въ порокѣ, преступленіи, чудесахъ цивилизаціи. До чего могутъ дойти? — Матерьяльно только.

Нарушаетъ всѣ старыя связи жизни, а для достиженія своихъ цѣлей хочетъ этими связями пользоваться: вѣра, присяга, родство. — Роковое — это страсть извѣдать всего до предѣловъ. Бѣсъ ломаетъ.

26 Іюня 1718 [года] умеръ Алексѣй. 27 празднованіе Полтавской битвы. Веселье. — 29 воскресенье, именины и спускъ корабля; и пьянство до 2 ч. ночи. 30-го похороненъ.

1703. Закладка Ранинбурха. 5 воротъ, 5 чувствъ. Осязанія — Воронежскія. «Послѣднія ворота Воронежскія свершили съ великою радостью поминая грядущая».

Масальскій князь выкопанъ изъ могилы и повѣшенъ.

Анатомировать, операціи, зубы дергать. Щекотать, заставлять дѣлать противное.

Царскій домъ.

Наталья Алексѣвна въ 1700 году жила въ Преображенскомъ. [*Соловьев.* История России, т. XVI. М. 1866.]

При дворе любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексеевны, жило несколько женщин, которые играют значительную роль в судьбе Петра и его любимца Меншикова. У нея жили 6 женщинъ. Под письмом от 6 октября 1705 года к Петру подписались: Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева), Катерина сама-третья. Тетка несмышленная (Толстая). Дарья глупая (Арсеньева). Катерина сама третья. Анисья Толстая несмышленая. Арсеньевы, Менщиковы. [70] Какъ у Екатерины Ивановны, разсказываетъ Берхгольцъ. — [Наталья Алексеевна] умерла прежде 1718 [года], около 1716. Анна Ивановна вышла [замуж] въ 1710 [году], вѣнчалась въ домовой церкви Менщикова.

Марѳа Матвѣевна [Апраксина] вышла 18 лѣтъ замужъ, овдовѣла въ 1682 г. Сумашедшая жила до 1718-го.

Катерина Іоанновна вышла замужъ [за герцога Мекленбургского Карла Леопольда в] 1716 [г.]

Царевичъ Алексѣй.

[*Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. VI, М. 1859.]

[Из за границы Алексей Петрович] писал неоднократно к царице Екатерине Алексеевне, называя ее просто Madame, до объявления царского

---

[1] *В подлиннике ошибочно:* 1718

брака, когда стал именовать ее «Милостивая государыня, матушка». «Madame», — пишет царевич от 7 мая 1711 года, — слышал я, что государь-батюшка изволил вашу милость объявить себе супругою, и с сим вашей милости поздравляю и прошу, дабы я в милости вашей ко мне прѣжней содержан был, в чем имею надежду». 1711 пишетъ поздравленіе Катеринѣ I съ признаніемъ женою. [26]

Его имѣнія. Дворецъ у церкви Всѣхъ Скорбящихъ, на Васильевскомъ Острову во 2-й линіи запасный дворъ. За новыми кирпичными заводами на Невѣ дворъ Кокусъ с деревнею Купсиною.[1] Въ Копорскомъ уѣздѣ. Село Рожествено. Въ Нарвском уезде в Сомерской волости Осминская сотня съ деревнями. Въ Ладожскомъ уѣздѣ Рядки. Въ Алаторскомъ уѣздѣ Порѣцкая волость. [34]

Ефросинья Ѳедорова, — полонный человѣкъ учителя [царевича] Никиѳора Вяземскаго. Иванъ Ѳедоровъ, ея братъ — приближенный. [40, 353] Іоасафъ, Митрополитъ Кіевскій, умеръ дорогой въ Твери 70 лѣтъ. Іоаникій Архимандритъ Печерскій.

Фамиліи.

Толстой Петръ. Жалуется на подагру в 1706-мъ [году], родился 1645 [г.] Въ 1695 [году] вдовъ.

[*А. Матвеев.* Описание бунта, бывшего в 1682 г. Собрание разных записок, изд. Туманским, ч. I. 1787.]

«Союзу Александра Ивановича Милославского и двух братей родных по свойству себе племянников и стольников, видом и делом великих, сѣбеж конфрацетов или откровенных друзей, Ивана и Петра Андреевых детей Толстых, в уме зело острых и великого пронырства и мрачного зла в тайных исполненных и себе во всем единонравных, по народному прозвищу Шарпчиков. «Зѣло острыхъ» про обоихъ братьевъ по прозванію шарпчики. [129] По списку 1722 [г.] — Иванъ 37 лѣтъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ юстиц-коллегіи, слѣд., родился в 1685 [году.]

Агаоья и Настасья, тетки Петра, вожены на смотръ к Алексѣю Михайловичу.

Фамиліи. Горчаковы, Ѳедоръ Васильевичъ † 1699 [г.], его жена Настасья Ѳедоровна Баскакова, р. 1652, † 1736.[2] Иванъ Ѳедоровичъ, родился 1694[3] [г.] [В] 1731 [г.] Маіоръ, воевода въ Суздалѣ. — Василій Дмитричъ Горчаков женатъ на Афимьѣ... Уваровой. Она—Александра въ Никитскомъ монастырѣ. (1711).

Голицынъ, Борисъ Алексѣичъ, родился [в] 1654 [году.]

Постригся Боголѣпомъ въ 1714-мъ году и черезъ три мѣсяца умеръ. У него сынъ Алексѣй, посыланъ за границу. [Борис Алексеевич] женатъ на Маріѣ Ѳедоровнѣ, княжнѣ Хворостининой, р. 1651, † 1723.

---

[1] *В подлиннике:* деревня Купсина.
[2] *В подлиннике ошибочно:* 1738
[3] *В подлиннике ошибочно:* 1691

Братъ — Иванъ Алексѣевичъ, р. 1655, † 1722, женатъ на Княжнѣ Анастасіи Петровнѣ Прозоровской, † 1722. — Петръ Алексѣевичъ р. 1660, † 1722, [женат вторым браком] на Дарьѣ Лукинишнѣ Ляпуновой, родилась 1663, † 1715. — Ѳедоръ Алексѣевичъ родился 1668, † 1736. Женатъ на Анастасіи Никитишнѣ Шереметевой. — Евдокія Алексѣевна [Голицына] за княземъ Ромодановскимъ. Музыканты Поляки. Учитель Полякъ. Два молодыхъ сына кромѣ Алексѣя, — [Василий и Сергей Борисовичи].

«Могу такъ раздавить» (на поляка)

[*Дневник Корба.* Чтения в обществе истории, кн. IV, Спб. 1866.]

Деревня Дубровицы 30 верстъ отъ Москвы. Церковь, бесѣдка въ прекрасномъ саду. [80]

Село Вяземы.[1] Пріятель съ Лефортомъ и Гордономъ.

1691. 28 Января бранился съ Долгорукими, Яковомъ и Григорьемъ. Держальника его убилъ Борисъ Долгорукій наканунѣ. А онъ его дралъ за волосы. Отецъ его Алексѣй... [Андреевич] живъ еще, [умер в 1694 г.]

Фамиліи. — Хованскіе. Иванъ Андреевичъ Тараруй и сынъ Андрей казнены въ Воздвиженскомъ [в] 1682 [году] 17 Сентября. Петръ [Иванович], намѣстникъ Астраханскій, вызванъ изъ ссылки. Женатъ [вторым браком] на [Анне Кондратьевне] Загряжской. Иванъ Иванычъ умеръ, запытанъ по дѣлу Талицкаго. Иванъ, увидавъ казнь отца и брата, съ ужасомъ ускакалъ въ Москву поднимать стрѣльцовъ. У Ивана село Ильинское. Ивана 8 Октября [1682 г.] клали на плаху и сослали. — Петръ Иванычъ. Кумпанство. Иванъ Андреевичъ въ 1667[2] [году] воеводой во Псковѣ, слѣдовательно лѣтъ 35, слѣдовательно родился [в] 1632 [г.]. Когда былъ воеводой, ему и сыну водили дѣвокъ и женокъ.

[3] Меншиковъ. — Княземъ сдѣланъ 30 мая 1707 [года.] Копорье и Ямбургъ. Драка съ Кайзерлингомъ [в] 1707 [году] 29 Іюня подлѣ Люблина въ мѣстечкѣ Якобовичахъ.

Милославскіе: Иванъ Михайловичъ, Александра Кузминична.

Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Женатъ на Алмазовой.[4]

Прозоровскіе. Отецъ Голицыной. Начальникъ дворца въ Москвѣ. [Алексей Петрович Прозоровский] послѣ Цыклера назначенъ въ Азовъ. Убиты стрѣльцы. † Иванъ Семеновъ [Прозоровский убит С. Разиным после занятия Астрахани в] 1670, [5] 22 Іюня; Михаилъ Семеновичъ [Прозоровский] (тоже) [был убит]. Борисъ [Прозоровский] повѣшенъ за ноги [на городской стене]. Петръ Ивановичъ [Прозо-

---

[1] *В подлиннике:* Вяземка.
[2] *Переделано из:* 1665
[3] *На каждом листке повторяется заглавие Толстого:* Фам[иліи].
[4] *У Долгорукова: Хрущевой. Толстой взял из Корба.*
[5] *В подлиннике ошибочно:* 1671

ровский] опекунъ Петра I, его дочь Анастасія Петровна за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Голицынымъ.

[*Забелин.* Домашний быт русских цариц. М. 1869.]

Соковнины. Θедоръ Прокофьевичъ; Алексѣй Прокофьичъ. Федосья Морозова, Евдокия Урусова. Алексѣя — сынъ Василій. Алексѣй рекомендовалъ Зотова учителемъ. — Θедосья Прокофьевна вышла за Глѣба Ивановича Морозова между 1648 и 1654 [годами]. [106]

Алексѣй въ 1649 [году] назначенъ стольникомъ къ царицѣ, буде 19 лѣтъ, то р. 1630. Евдокія Прокофьевна за княземъ Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ. Он был крайчим (с 1659 г.), т. е. подавал государю за столом питья и ествы. Кравчій 1659. [107]

Глѣбу Морозову при вступлении во второй брак на Соковниной, было 50 лѣтъ, Θедосьѣ — 17. Глѣбъ Морозовъ и Θедоръ Прокофьевичъ Соковнины † 1662 г. [108]

Дом такого степенного, богобоязненного и тихого боярина, каким действительно был Глеб Иванович, должен был служить наиболее полным выражением идеалов Домостроя. Но важнее всего, что у Федосьи Прокофьевны духовникъ — знаменитый протопоп Авакумъ, [108] два юродивыхъ: Θедоръ Босой и Киприанъ, оба сожженные. [114—115] Трафимъ монахъ Симонова монастыря, крепкий старовер, и старица Меланья, которой она отдалась подъ начало. С Меланьею она по темницам ходила, пешими ногами, носили милостыню. [116—117]

Алексѣй Михайловичъ Ртищевъ — дядя ей. Онъ и его сынъ Θедоръ стоятъ за Никона. [118] Постригъ ее бывшій Тихвинскій игуменъ Досифей — старовѣръ. Прокопьевна, зря на себе иноческий чин, начала вдаватися бо̀льшим подвигам, посту и молитве и молчанию. [122]

Бралъ Морозову Дьякъ Ларіонъ Ивановъ и Іоакимъ Архимандритъ. Двѣ крѣпостныя: Аксинья Иванова и Анна Соболева, [их тоже подвергли испытанию]. Морозову посадили на подворьѣ Печерскаго монастыря на Арбатѣ подъ стражей стрѣльцовъ. [129]

Скрывшиеся старицы Морозовой очень горевали обо всем, что случилось и плакали об ней, как младенцы, разлученные с матерью. Но скоро, с небольшим через неделю, они нашли случай повидаться с нею на заднем крыльце подворья, в утаенном месте, «еже ходити ту человеком на облегчение чреву». — Старицы пришли повидаться въ нужникѣ. [129—130]

Марья Герасимовна, жена Акинфія Ивановича Данилова, стрѣлецкаго полковника, одна изъ старицъ, умыслила было бежать, но была поймана и привезена обратно в Москву. [130]

[По смерти сына Ивана Глебовича] имение, вотчины, стада коней, было роздано боярам; а вещи, золотые, серебряные, жемчужные и от дорогих камней были распроданы. Однакож, не все из имения подверглось опальному расточению. Иванъ — рабъ припряталъ для нея имѣнья у верного человека, но был предан своею женою. Жгли шесть раз, пытали и сожгли в Боровске с другими ревнителями древнего благо-

чества. Онъ не сказалъ. — Анна Амосова и Степанида Гнѣва посланы ей служить. [132]

Урусовой служила боярская дочь Акулина. Была подъ началомъ Маланьи и пострижена Анисьей. [133]

Данилову положили при ногах Морозовой и Урусовой, били в пять плетей немилостиво, в две перемены, первое по хребту, второе — по чреву. Думный дьяк промолвил при этом боярыням: если и вы не покаетесь, и вам тоже будет. Сказитель жития, между прочим, присовокупляет: Мария же по престатии биения, полотенце водя по спине своей, всѣ смочила кровию и посла своему мужу. Марья Даниловна послѣ плетей окровянено полотенце послала мужу и струпья. [141]

Морозова и Урусова [одна за другой сосланы были в Боровск]. Въ Боровскѣ нашла инокиню Устинью, за то же страдавшую. [143] Устинья сожжена въ срубѣ. А Марья переведена въ тюрьму съ злодѣями. С этого времени прерваны были их сношения с единомышленниками, и заключение их в действительности стало лютым и жестоким. Они сидели в глубокой темнице, во тьме несветимой; страдали от задухи земные; от спершего земного пару делалось им тошнота; сорочек ни переменять, ни мыть было нельзя; в верхней худой одежде, которую нельзя было скидать от холода, развелось множество насекомых, недававших им ни днем покою, ни ночью сна. Не оставлено было им даже и четок лествиц, взамен которых они навязали 50 узлов и тряпиц и по тем узлам, обе на переменах совершали свои изустные молитвы. Въ душной глухой тюрьмѣ послѣ розыску. Обовшивѣли. Четки отняли, сдѣлали изъ тряпокъ узелки. [145]

Кое-что.

Господь гордымъ противится, смиреннаго Богъ любитъ. Покорному Богъ благодать дастъ. Богъ не любитъ высокія мысли. Возносящагося смиряетъ. Возносящійся смирится. Смиряяйся вознесется.

Ѳедора Морозова вдовой обмывала прокаженныхъ, ходила въ рубищѣ съ Анной Амосовной по темницамъ, богадѣльнямъ, одѣляла рубахами, сама пряла [116]. Волосяная срачица на тѣлѣ, короткіе рукава [122]. Цѣлуя огорліе цѣпи, Морозова перекрестилась и сказала: слава тебѣ Боже, сподобилъ мя еси Павловы узы возложить [129]. — Онъ молится образу, говоритъ не знаетъ Бога. — А ты знаешь? Но сколько бы ты ни зналъ, ты отъ знанія также далекъ, какъ и она. (По отношенію къ безконечности всѣ величины равны.) Молиться Богу, служить, угодить Ему, исполнять его волю можно только смиреніемъ ума, — степенью презрѣнья къ своему ничтожеству. Изъ него всякая молитва. И тотъ выше понимаетъ Бога, кто считаетъ себя ниже. Раскольничій упрекъ духовенству: «Вы волю Царя земнаго творите». Слова Морозовой присутствовавшему при пытке Василию Воротынскому. Онъ увѣщевалъ ее пожалѣть себя. Она сказала ему про жизнь Христа: сынъ Бога сошелъ на землю, жилъ всегда въ убожествѣ и распятъ. Ты этому не удивляешься. Что же на меня дивить? [140—141]

Головины Варвара Головина, родная Настасьи Троекуровой и Абрама Лопухина. Григорій Собакинъ (племянникъ Евдокіи); бита въ 1718 кнутами.

Варвара Петровна, урожденная Дубровская [1] за Иваномъ Ивановичемъ Головинымъ.

Ольга Ивановна, дочь Ивана Михайловича [Головина], † 1738, женатъ на Марьѣ Богдановнѣ Богдановой. [2]

[3] *Троекуровы* — Настасья Троекурова [в] 1718 [году] бита кнутомъ и сослана въ Богородицкой монастырь, 15 Іюля пострижена, Александра. — Ирина Петровна Салтыкова за Иваномъ Ивановичемъ.

Иванъ Борисовичъ [Троекуров — начальник] помѣстнаго стрѣлецкаго приказа въ [4] 1689 [г.] Сынъ его Ѳедоръ Ивановичъ убитъ подъ Азовомъ [в 1695 г.] [Когда в 1689 г. Петр удалился к Троице, Софья решилась сама ехать туда.] Иванъ Борисовичъ ѣздилъ навстрѣчу Софьи, чтобы она не ходила, а то «с нею нечестно поступлено будетъ». Послѣ [казни] Шаклоѣитаго [5] Иванъ Борисовичъ [назначен] въ стрѣлецкій приказъ. Человѣкъ былъ зѣло строптивый и *ярый*.

[После воцарения Петра] посланъ къ Софьѣ объявить, чтобъ она шла въ Монастырь. Иванъ Борисовичъ жестоко казнилъ стрѣльцовъ. — Иванъ Борисовичъ [в] 1683 [году] 29 Іюня вверху матерно обругалъ Башмакова. Анна Семеновна его жена.

[3] Лопухины. — *Аврамъ Ѳедоровичъ*. Домъ у Пречистенскихъ воротъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ, отданъ Толстому. — Дворовъ своихъ 1743. Первой жены Ѳедосьи Ромодановской — 224, третьей жены — племянникъ [?] — 351. 1090 дворовъ даны Толстому. — Казненъ [в] 1718 [году] 8 Декабря.

Петръ Абрамовичъ, дядя Царицы, прозвище *Лапка*. Запытанъ Петромъ въ 1695 [году] Генваря 24, умеръ 25.

Ромодановскій, [Федор Юрьевич]. Въ Русскомъ платьѣ, большіе усы, женатъ на Евдокіи Васильевнѣ NN.

[3] Одоевскіе. Кн. Варвара Ивановна за Дмитріемъ Юрьевичемъ Трубецкимъ, дочь Князя Ивана Васильевича, женатаго на [Прасковье Ивановне] Толстой. Внука Василья Юрьевича, женатаго на Княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Лыковой, родился 1672, † 1752. — Яковъ Никитычъ [Одоевский] Суета, проситъ [Софью во время стрелецкого бунта] выдать скорѣе

---

[1] *Н. П. Чулков выявил, что фамилия Дубровская ошибочно указана Долгоруким, откуда и взята Толстым, следует:* Лопухина.

[2] *Н. П. Чулков выявил, что фамилия Богдановой ошибочно указана Долгоруким, откуда и взята Толстым, следует:* Глебовой.

[3] *В каждом листке повторяется заглавие Толстого:* Фамиліи.

[4] *В подлиннике:* въ 1680. 1689.

[5] *В подлиннике ошибочно:* Щегловитаго

И[вана] Нарышкина [из трусости]. Анна Михайловна — его жена.

[1] Лыковы. — Михаилъ Ивановичъ, р. 13 Іюля 1640, † 14 Февраля 1701 [года]; жена: (1) Анна Григорьевна Вердереѣская † 1678 [г.] (2) Евфимія Михайловна NN. — Онъ взялъ Хованскаго. Ѣхалъ въ нѣмецкомъ платьѣ на потѣшныхъ походахъ. — Ему двоюродная сестра Марья Алексѣвна за Василіемъ Юрьевичемъ Одоевскимъ.

[1] Юрій Юрьевичъ *Трубецкой.*

Въ 1702 [году] посланъ въ Берлинъ.

[Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI. М.]

В 1709 г. Юрий Юрьевич Трубецкой поѣхалъ съ Царевичемъ и Головкинымъ молодымъ за границу. [20]

Царевичъ ненавидитъ его за участіе въ женитьбѣ. [Камердинер царевича пишет]: «Царевич был в гостях, приехал домой хмелен, ходил к кронпринцессе, а оттуда к себе пришел, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: «Вот-де, Гаврила Иванович с детьми своими жену мне на шею, чертовку, навязали: как-де к ней не приду, все-де сердитует и не хочет-де со мною говорить; разве-де я умру, то я ему не заплачу. А сыну его, Александру, голове его быть на колѣ, и Трубецкого: они-де и батюшку писали, чтоб на ней жениться». [35]

Трубецкой женатъ [вторым браком] на Ольгѣ [2] Ивановнѣ Головиной, Юрій Юрьевичъ родился [в] 1668, †1739 [году]. Женатъ (1). на Еленѣ Григорьевнѣ Черкаской, (2) Ольгѣ Ивановнѣ Головиной. Юрій Петровичъ [по смерти отца] выѣхалъ [3] изъ Польши [в Россию], женатъ на Иринѣ Васильевнѣ Голицыной.

[1] Долгорукіе. Долгорукій Юрій Алексѣевичъ [в] 1670 [4] [году] не отпустилъ Разина. Поймали, повѣсили. Братья мстятъ. Посланъ противъ него послѣ.

Времена года.

Пасхи. 1703 — 4-го Апрѣля. 1709 — 22 Апрѣля. 1698 — 24 Апрѣля. 1699 — 9 Апрѣля. — 1697 — 6 Апрѣля. 1682 — 16 Апрѣля. — Весна отъ Благовѣщенія 25 Марта до Рожества Іоанна Предтечи. Иванъ Купала — 24 Іюня. Лѣто — до зачатія Іоанна Предтечи — 23 Сентября. Осень до Рожества. Зима до Благовѣщенія.

Бояринъ старикъ — из набожности пустился въ развратъ. Юноша полонъ, наравнѣ съ природой, счастья жизни.

Алешка еще не кончитъ одно, начинаетъ другое.

Высокій ростомъ, скуластый. Черная голова клиномъ, бородка рыжая. — Баба высокая, широкоплечая, съ прискока

---

[1] *На каждом листке повторяется заглавие Толстого:* Фамиліи

[2] *В подлиннике:* ⟨Ольга⟩ Варварѣ

[3] *У Долгорукого:* возвратился

[4] *В подлиннике:* 1600

ходитъ. — Большіе зрачки, кверху носъ, скулы, малъ ростомъ. Евгеній палачъ, востроносый, пучеглазый, духовнаго званія, онанистъ — Онучи 3 аршина.

Высокій старикъ, налитые глаза, брюхо, шея толще головы. Баба — атлетъ — кротость, тупость лица.

Съ Кіева на Лубны (7). Аѳанасій сидящій. Бѣлгородъ. Мощи подъ спудомъ. Полтава. Харьковъ. Воронежъ. Задонскъ. Ливны. — Никонъ Патріархъ.

Св[ѣдѣнія [?]]. 1) Ѳедоръ Алексѣевичъ, умирая, проситъ маму: перекрести и уложи меня спать, мамушка: Вотъ такъ, во.

2) Мальчикъ на рукахъ матери обнимаетъ ей шею, держится, а къ ней щечкой льнетъ, а ей до сердца доходитъ.

3) Плотничика безсмысленный, бѣсъ волосатый ⟨бѣлобрысый⟩рѣчистый, ходитъ, трясется ⟨языка не покладаетъ⟩. Бревно гнилое выворачиваетъ, къ бревну приговариваетъ. До чего дожило, одна пыль. Такъ то и ты, доживешь — согнешься, сгорбишься, сомнешься, свалишься, вынесутъ, отпоютъ, закопаютъ. Пошатнулся надъ водой, о топорѣ приговариваетъ: Топоръ уронишь, не найдешь. За то ихъ въ Тулѣ много, какой негодящій, туда ему и дорога, онъ того и стоитъ, а добрый топоръ зачѣмъ кидать, беречь надо и т. д.

4) Такъ разожгутся на кулачки, что ужъ и бабы съ рогачами выскочутъ своимъ подсоблять.

5) Останавливаются на подворьяхъ монастырей.

6) Счетъ недѣлями: Средокрестная, сплошница, Троицкая, пестрая. ⟨Родительская?⟩..

7) Чирокъ разбойникъ, жестокъ былъ до помѣщиковъ.

7) Чуваши, Черемисы, Мордва. Даютъ *шерть*. Клятву.

8) Иконы чудотворныя возятъ въ походы.

Былина Кирши Данилова о Гришкѣ Растригѣ прямо говоритъ о стрѣлецкомъ бунтѣ и Петра считаетъ за Гришку.

МАТЕРИАЛЫ К РОМАНУ «ДЕКАБРИСТЫ».

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ.

Записная книжка «А».

[л. 84_2] [1] 13 Января 1878.

Справки о статьях нужн.

Чтен. 1858 Кн. 2. О вольн. хлѣб. — Храп.

Рус. Стар. 71 года. Семеновск. полкъ. Шумская. Свіязева объ Аракч.

Др. и Н. Р. 75 г. Аракчеевъ. Очерки Сибири Ровинскаго.

Рус. Ст. 75 Май. Записки Дарагана.

Р. Ст. 75 Черныш. Камен.

Жиркевичъ.

Авеля.

Семевскаго о военныхъ поселеніяхъ.

Мирбахъ.

Свистунову прислать Pascal'a. [1]

[л. 84_1] Les cabinets et les peuples Bignon. [2]

[л. $20а_1$] 27 Августа 1878.

Описаніе школы Муравьева

Колонновожатыхъ — Путяты

52 года въ Современникѣ [3]

1824-й годъ. весна. К[нязь]. Лобановъ.

Рост[овскій] — Министръ Юстиціи.

Предсѣдатель Государств. совѣта Лопухинъ. — Шишковъ замѣняетъ Голицына. — Поповъ.

---

[1] *Вся страница написана карандашом.*

[2] *Написано карандашом.*

[3] *Следующая запись:* Какъ сдѣлана новая соха?

Румянцевъ?
Кочубей — ?
Пушкинъ на Югѣ Россіи у Воронцова — в Одессѣ.
Ермоловъ на Кавказѣ.
Карамзинъ въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, матери Никиты. —
Оберъ прокур. Секретари.[1]

[л. 20а$_2$] Семейство сосланнаго въ деревнѣ и въ губерніи. (Татариновой Зап.) Ивашевъ. — Ложные слухи — простили. Мать убита. —
Александръ I былъ въ Симбирскѣ.
14[2], 15 лѣтн. дѣвочка, самый ⟨фило⟩ духовный чистый возрастъ. Фон Виз. Опухтина, убѣжала въ монастырь

---

30 Сент. 1878. Апухтина (преле[с]ть) любитъ почти влюблена въ Одоевскаго. (пр[е]лесть) но выдти замужъ нельзя. Ей кажется, что не настоящій онъ а любитъ другаго, выходитъ за 3-го а это то была лучшая ея любовь въ жизни. —

[л. 28$_2$.] Предшеств. событія въ Европѣ
1820 Георгъ IV и хлѣбный бунтъ.
Зандъ убилъ Коцебу.
Дерево свободы удобрить кровью.
Лёнингъ покушался на жизнь Ибеля.
Вездѣ въ Герм[анскихъ] княж[ествахъ] Конституціи.
Австрія Францъ II и Метернихъ подавляетъ.
Пруссія Фридрихъ Гарденбергъ подавляетъ. Карлсбадское собраніе. — Запретить журналы лекціи — демагоговъ.
(Штейнъ[3] древней исторіей Германіи занимается, чтобы соединить въ одно (Русскіе — Рылѣевъ Карамзинъ — тоже.)
Франція 18 Лудовикъ XVIII Графъ Дартуа Герцогиня Ангулемская въ черномъ. Monsieur его сынъ Герцогъ Берійской женатъ.
Герцогъ Берійской убитъ Луве сѣдельникомъ 1820 г. Родился сынъ.
Деказъ Министръ отставленъ
Royer Collard — доктринеръ конституціонали. B. Constant членъ

---

[1] *Следующая запись:* Разсоха кривая готовить лапотки дѣтямъ.
[2] *Цыфра* 14 *переправлена из* 15.
[3] *Всё начало страницы написано карандашом кончая:* Шт

[л. 29_1] Испанія Фердинандъ VII
Ріего. Конституцію силой [1]
Португалія. Іоаннъ.
Въ 21 принужденъ принять конституцію.
20 г. 2 Іюля Пепе заставилъ Фердинанда IV [2] (I) принять конституцію (Карбонаріи). [3]

[л. 29_2.] Соловьевъ брошюра о закладкѣ храма 1817
Біографія Мудрова. Изданіе Университета.
Вѣдомости 1818 и 24
Якушкина записки.
Рылѣева біографія.
[4] 1874. Р. А. I
Галерея 1812.
Бентама Пыпина или самаго.
И. И. Дмитревъ.
Жук. для не многихъ.
Кто Александръ Муравьевъ? [5]

[л. 30_1.] Государь презираетъ людей и имѣетъ право. Дѣло о нищей [?] —

Записная книжка «Б».

[Стр. 1.] Гр. Гр. И. Чернышевъ. Женатъ на Елисаветѣ Петровнѣ Квашниной Самариной, рожденной 1773, умерш. 1828, † 1830. (Оберъ-Шенкъ и св. Алекс. Н[евскаго] Кавалеръ).

Его отецъ Ив. Гр. † 1797. При Екатеринѣ генер[алъ] Аншеф. Кав[алеръ] Андрея и Вл[адимира] I ст[епени].

Первоприсутств[ующій] въ адмирал[тействъ-] Колегіи.

При Павлѣ Ген[ералъ] Фелдм[аршалъ] женатъ на Ефим[овской] и на Аннѣ Александр[овнѣ] Исленьевой † 1794 неряха растегнутой.

Его сестры: Катерин[а] Иван[овна] за Ѳед[оромъ] Ѳед[оровичемъ] Вадковскимъ ⟨† 1817⟩ (отецъ Декабрис[та]) Анна Ив[ановна] за Александръ Алексѣевич[емъ] Плещеевымъ † 1817

Его теща Анастас[ія] Петр[овна] ([6] сестра Фельдм[аршала] Ив[ана] Петр[овича] и Дарьи Петр[овны] [7] Салтыков[ыхъ]) р. 26 Ноября 1731 † 24 Марта 1830.

---

[1] *Два слова вписаны карандашом.*
[2] *Цыфра* V *зачеркнута.*
[3] *Со слов:* 20 г. *кончая:* (Карбонаріи) *написано карандашом.*
[4] *Со слов:* 1874. Р. А. I *до конца страницы написано карандашом.*
[5] *Эти три слова написаны поперек страницы сбоку и очерчены прямыми линиями.*
[6] *Зачеркнуто:* дочь
[7] *Зачеркнуто*: Чернышевой

Дочери. Соф[ья] р. 1799 † 1847 за Ив[аномъ] Гавр[иловичемъ] Кругликовымъ?
1) Наружность?
2) Гдѣ имѣнье? Въ Могилевск[ой] губерніи
3) Гдѣ служилъ. Чириковъ. —
4) Когда вышл[а] замужъ гдѣ? Анна Родіоновна Ведель. Богородицына дочка.

Вѣнчали на Англ[ійской] Живетъ тамъ. Она вдова набережной въ домѣ Шаховскаго. Захара Григ[орьевича] Чернышева.

Алекс[андра] Гр. за Н[икитой] М[уравьевымъ]
[р.] 1800.
1) Наружность ея 23 г.
2) Когда вышла замужъ? гдѣ? Еще братъ, которому перешло 3 [?] имѣнія Скорняково черезъ Ушакова отъ Скорнякова Писа[рева]
Въ Петербургѣ (О Н[икитѣ] М[уравьевѣ] смотри)
Бакунина Кат[ерина] Павловна.

[Стр. 2.] 1804
Лизавету. за Алекс[сандромъ] Дм[итріевичемъ] Чертковымъ съ кинжаломъ.
1) Года.
2) Наружность ⟨маленькая остринька⟩
3) Когда вышла замужъ? 1827-мъ
гдѣ? — Въ Тагинѣ.

Гусарскій полкъ Фердинанда, казначеемъ *Чертковъ* [1] 1784.
1) Года
2) Гдѣ имѣнье? Воронежск[а]я
3) Гдѣ служилъ?
[р.] 1808

Вѣра за Гр. Ѳед[оромъ] Петр[овичемъ] Паленомъ
Сынъ убійцы Петр[а] Але[ксѣевича].
1) Наружность
2) Года —
3) Гдѣ, когда вышла замужъ
4) Когда умерла. — жива.
[р.] 1806

---

[1] *Зачеркнуто:* его

Наталья за Н. Н. Муравьевы[мъ] (смотри Мур.)
1) Наружность
2) Года
3) Гдѣ, когда вышла замужъ
Надежда За Кн. Гр. Алек. Долгор[уковымъ] [р.] 1813.
1) Наружность
2) Года́ M-me *Bradley*
3) Гдѣ когда вышла за- обожали.
мужъ

[Стр. 3.] Захаръ Гр[игорьевичъ].
Родился 1797. Гувернеръ Joyeux.
Связи до 28 л[ѣтъ]
Когда поступилъ на службу?
Влюбленъ въ Салтыко́- Послѣдовательность
в[у]. жизни. Гдѣ?
Салтыкова за Шуваловымъ.
Огорчился.
Какія связи?
Черн[ышевы] на Камен-
[номъ] Острову
Генер[аломъ?] не бывать.
Латинистъ. 1. Захаръ
2. Соф[ья]
переодѣваніе 3. Алекс[андра] 1800
музык[антъ] живописецъ
игрокъ..[1] 4 Лизав[ета] 1804
5 Наталь[я] 1806
6 Вѣра 1808
7 Надежда 1813

[Стр. 4.] *Гр. Лиз[авета] Петр[овна] 1773.*
Наружность
[2] Состояніе поклонница Фотія
Управляла имѣніемъ
Любовь къ дѣтя[мъ] Софья, Матери
Кого больше любила. Лиз[авета] отца

[Стр. 5.] Гр[игорій] Ив[ановичъ] Ч[ернышевъ] Обершенкъ
Наружность неряха, разстегнутой
галстучекъ
безбожникъ.
Состояніе Скорняково Тагино
Служба
Нравственность
Религіозность Волтерьянецъ
Богъ — Карлъ Иванычъ

---

[1] *Последние 3 слова написаны карандашом.*
[2] *Зачеркнуто:* Сост

Имѣнія
Дома

[Стр. 6.] Кат[ерина] Ив[ановна] Вадковская
Федоръ Ѳедор[овичъ]
сынъ. Наружность
Афинскіе вечера. Характеръ
Мужъ
Нравственность
Года

[Стр. 7.] Ан[на] Ив[ановна] Плещеева умерла 1817.
за Алекс[андромъ] Алексѣ[евичемъ]
маленькая толстая краса-
вица брюнетка. Наруж[ность]
Легкой нравствен[ности] Характ[еръ]
гордость подвластность.
Александръ Алексѣичъ
Черный
Село Знаменское. Мужъ
р. 1780.
Нравст[венность]
Года

[Стр. 8.] *Кн. Одуевскій Ив[анъ] Сергѣичъ*
р. 1770 г. Генер[алъ] Маіоръ, женатъ на Праск[овьѣ] Алекс[андровнѣ] Одоевской, дочери Алекс[андра] Ив[ановича] тайн[аго] совѣт[ника], женатаго на Мар[ьѣ] Ѳед[оровнѣ] Вадковской. (Въ родствѣ съ Чернышевымъ) Отецъ И[вана] Сергѣича Сергій Ивановичъ (полковникъ) женатъ на кж. Лиз[аветѣ] Алексѣвнѣ Львовой.
Наружность
Chopin Фр[анцузскій] учитель
Соколовъ — Секретарь Акад[еміи] Русск[ій] учите[ль] [1]
Имѣнье Владимірской губерн[іи]
Юрьевска[го] уѣзда.
дома
Связи
Мѣсто
жительство

[Стр. 9.]
Прасковья Александров[на] [Одоевская] 9.
Наружность
Года
Мѣстожительство
Имѣнья

---

[1] *Слова начиная с:* Chopin *и кончая:* Русск учите *написаны чернилами по написанным раньше карандашом.*

Ея сестра Варв[ара] Алекса[ндровна]
Ланская Дм[итрій] Серг[ѣевичъ]. Года
Наружность
Имѣнье
Житель[ство]

[Стр. 10.] *Ланской Дмитр[ій] Сер[гѣевичъ]*
Родословн[ая] [1]
Года
Наружнос[ть]

[Стр. 11.] Н[икита] М[ихайловичъ] Муравьевъ
родился 1795. Мать Е. Ѳ. Муравьев[а] Бар[онесса] Колокол[ьцева]
воспитывался дома, потомъ въ Москов[скомъ] Унив[ерситетѣ]. Не кончилъ курса.
Мих[аилъ] Ник[итьевичъ] Товарищъ М[инистра] Н[ароднаго] П[росвѣщенія] Учитель
Ал[ександра] Пав[ловича] † 7 Ѳедосья Никитишна тетка Лунина Сергѣя Михайлов[ича] ⟨Кто отецъ⟩
Александръ братъ меньшой Братья ⟨сестры⟩
1802.
⟨Ѳедось⟩
1813 Воронежской губерніи Имѣнье
Бирючин[скаго уѣзда] Ст[аро-] Ивановка.
Въ 22 год[у] ссора съ Оленин[ымъ] [2]
Ему 27 ей 22. Когда гдѣ женился
дѣдуш[ка] † весною 1818 [2]
Petra
17. бѣжалъ. Послѣдовательность жизн[и]
Андрей
повѣсившіеся.
Chanon собака
Бука собачка Жук[овскаго] Зорка Батюш[кова]

[Стр. 12.] Е. Ѳ. Муравьева
Кто урожденна[я] Колокольцева.
Наружность. Гордая —
Другъ Петръ Михайлови[чъ] Дружини[нъ] директоръ 1-й гимназіи
Когда овдовѣла 1807
Анна Ивановна Таман[ская] [?]
Секретарь ⟨Толбинъ⟩
Дружба Понятовскій
Шиллингъ — толстый
Александр[а] Николавн[а] Батюшк[ова]
Сиклитикія Софья Петровна барская барыня дурна собой.

---

[1] *Зачеркнуто:* Ло
[2] *Строка написана карандашом.*

Горничныя съ [?] Чернышев[ымъ?]

[Стр. 13.] Сер[гѣй] И[вановичъ] Муравьевъ 13.
Родил[ся] въ 1796 Воспитывал[ся] въ Парижѣ
М[атвѣй] И[вановичъ] 93 Гдѣ имѣнье
медлительный Наружность
Влюбленъ Пушкинъ Связи
стихи фр[анцузскіе] Особеннос[ть]
13 лѣтъ. Когда пріѣхалъ въ Россію.

Теща. ⟨Гр.⟩ Прасковья
Васильевна Грушецкая
Въ пансіонѣ Ніх въ Парижѣ до
Послѣдователь[ность]
— 1808 въ Петербургѣ Корп[усъ] Путей сообщенія (Бетанкуръ) 1811 прапорщикъ 1812. въ Бородино со всѣми офицерами путей сообщенія. У Ожаровскаго (какого?) въ партизанскомъ отрядѣ 1813 къ А. П. Оболенскому, полкъ Ол[ь]денб[ургской] (Ек. Павл.) За границей

[Стр. 14.] къ Н. Н. Раевскому. 1816 въ Семеновской полкъ и поступленіе въ общество. 1820 Исторія Семенов[скаго] полка.

Родители. Ив[анъ] Матв[ѣевичъ] Кавалеръ при А[лександрѣ] и К[онстантинѣ] † 50 Мать Анна Семеновна † 1810 дочь ⟨бабка⟩ Черноевичъ Л[изавета] Аристарховна Кашкина за Сербомъ въ Рус[ской] службѣ Ген[ералъ] Маіоръ Лейтенан[тъ] [1] При Павлѣ въ Гамбургѣ Вице През[идентъ] Иностр[анной] колегіи. Въ Испаніи. Дѣти въ Парижѣ — Въ 1805 возвратился въ Росс[ію] и родилс[я] Ипполитъ. 1808 въ отставку, уѣхалъ въ Полтавск[ую] губ[ернію] Миргород[скаго] уѣзду, село ⟨А⟩ Бакумовка. Въ Петербургѣ въ домѣ Самборскаго.

[2] 1 Лиз. Ив.
2 М. И.
3 Ек.
5 Ан. Ив. Хр. Женился. Когда.
6 Ели.
7 С. И.
Сестры Катерина Бибикова
Военный.
Когда вышла замужъ 18— 18 полученіе маіората
года. Хамутецъ 3000 4000 душъ
Наружность Лизаве[та] Гр. Ожаровская

---

[1] Лейтенан[тъ] *написано над словом:* Маіоръ
[2] *Зачеркнуто:* 1 М. *и переправлены первые три цыфры.*

года замуж[ества] 1810 Красавица. Придворная
Наружность Элена И[вановна] Капнистъ 23.
года замужест[ва]

[Стр. 15.] Родители Муравь[ев]ыхъ Апос[толъ] 15
Отецъ.
Дѣла разстроены
Хамутецъ.

[Стр. 16.] Мать Мур[авьева] Апост[ола]
Сербка. ⟨Кристичъ⟩

[Стр. 17.] Родные сестры тет[ки] братья 17
Ек. Ѳ. близкій домъ
Оленина
Лунины. Въ Коломнѣ домъ

[Стр. 18
чистая.] 18

[Стр. 19.] Рылѣевъ 19
Родился 96 ————Отецъ въ связи
Мать отдѣльно. ——
Манифестація.[1] Послѣдовательнос[ть] жизни

[Стр. 20.] Годъ женитьбы.
Кто мать?
Родство.

[Стр. 21.] Миха[илъ] Павловичъ Бестужевъ Рюминъ 21
Родился 1801, воспитывался дома
Городничій Бронни Родители
Галицина Кто мать
3 брата. 1 сестр[а][2] Братья
Сестры.
Родственники
Послѣдовательно[сть]
съ 16 год[а]

[Стр. 22.] 22 Андр[ей] Борисовъ р. 1797.
⟨Гдѣ имѣ⟩
Кто роди[тели]
Имѣн[ье]

[Стр. 23.] ФонВизина Н[аталья] ⟨Н⟩ 23
Мих[аилъ] Алекс[андровичъ] Ея родители
домъ подлѣ Рожествен[скаго]
монастыря. —
Адъютантъ Ермолова. Родн[я]
Братья
сестры
Имѣнь[е] отца гдѣ

[1] *Написано одно слово карандашом.*
[2] *Слова:* Городничій Бронни Галицина 3 брата. 1 сестр[а] *написано карандашом.*

Когда вышла замужъ

[Стр. 24.] Лунинъ Мих[аилъ] Але.
Родился 1782. Воспитыва[лся] въ франц[узскомъ] пансіонѣ ————

Кто родители	Сергѣй Михайловичъ гвардейскій офицеръ. Дядя Александръ Михайловичъ. Мать Ѳенюшка Муравьева. ⟨Сестра за⟩ Степной мужичекъ.
Кто родн[я]	Его зять Уваровъ Генера[лъ] изранен[ный]
Сестры	За Уваровымъ
братья	Изчезъ. — Высокой молодец
Сѣченъ 30. [1]	Камергеръ глупой тще-[с]лавный имѣнье не далъ [2]
Послѣдователь[ность] съ 16 году	Уѣхалъ за границу съ Оже. —1816 — 10-го Сент[ября].

[Стр. 25] Въ 1821 поступилъ въ Литовской полкъ подполковникомъ. Взятъ позд[нѣе]

Рязанской губерніи	имѣнье.
Спас[с]каго уѣзда	
Богородское	
Хорошъ	Наружность

[Стр. 26.] Евг[еній] Оболенской
Роди[лся] 1796. Воспит[ывался] дома.
Отецъ Петръ Николаичъ, женатъ на Алекс[андрѣ] Ѳадевнѣ Тютчевой и на Анне Евгенеевнѣ Кашкиной

Гдѣ имѣнье.	Петръ Ник[олаичъ] б[ывшій] губернаторъ Нижегородскій.
Какое?	Ховрино Московс[каго] уѣзда.
Когда умерли	9
Отецъ	1830; 1811,
и мать	
	Съ 1796 года въ Москвѣ.
По[с] —	Рожествено Церковь построилъ
	Подновинскомъ [?] *1* [*неразобр.*]
лѣ —	1812. Вологда.
до —	Невысокаго роста
	Веселый Религіозный
ва-	Журинька Барбу. [?]

[1] *Это обведено кружком.*
[2] *Можно прочесть и:* дамъ

т-
[ельность]

Кашкины. Садовая.
Александра Евгеньевна
Павловскомъ полку
Долгоногій
Олинька Сашинька
Княг. Хованска[я]

[Стр. 27.] Братъ Ник[олай] Петр[овичъ]
женат на Н. Д. Волк[онской].
Евгеній
Катер[ина] Протасьева
Конст[антинъ]
Алекс[андра] Мих[айловская]
Варва[ра]
Натал[ья]
Дми[ ]
Серг[ѣй]
Когда
выш[ли]
заму[жъ]
сестры
ихъ
мужья
Mr Madame Stadler
Евг[еній] дуэль за Кашкина.

[Стр. 28.] Петръ Иванычъ [1] Борисовъ родился 1800.
Косой глухой безбожникъ [2]
⟨Посл⟩
Подробность
Связи

[Стр. 29.] Анд[рей] [3] ⟨Александръ⟩ Бор[исовъ].

[Стр. 30.] Александръ Ив[ановичъ] Одоевскій

[Стр. 31.] Н. Н. Раевскій
на Константиновой

[Стр. 32.] Кн. Репнинъ Ник[олай] Гр[игорьевичъ].
Женатъ на дочери А[лексѣя] К[ирилловича]
Варвара Алексѣевна. —
Толстый красный
Губернаторъ Полтавы М. И. М[уравьевъ] А[постолъ] у него адъютантъ
Кушелева Безбородко
Корабль съ шампанск[имъ]
Богачъ. [4]

[Стр. 33.] М. Ѳ. Орловъ 33

[Стр. 34 *чистая*].

[Стр. 35.] Кологривовъ Истомина
Ферзенъ — рога. [5]

[Стр. 36 и 37 *чистые*].

[Стр. 38.] Луниnъ М. Серг[ѣевичъ] [6]

---

[1] *Слово:* Иванычъ *вписано карандашом.*
[2] *Слова:* Косой глухой безбожникъ *написаны карандашом.*
[3] *Написано карандашом.*
[4] *Со слова:* Кушелева *обведено кружком.*
[5] *Слова на стр. 35 написаны карандашом.*
[6] Луниnъ М. С. *написано карандашом, далее написано чернилами.*

родился 1782. — Подполковникъ Лейб. гусарской —

Былъ Кавалергардомъ — Отецъ Сергѣй Михаи-
[ловичъ]

[*Со стр. 39 по 73 книжка не исписана и только перенумерованы страницы*]

[Стр. 73.] Ротъ Французъ.
Жандармъ Лангъ. Ротъ въ связи съ его женой.
Трилѣсье
Кузьминъ носатый маленькой
Замѣчаніе Матв[ѣя] Ив[ановича] Кузьмину
Un converti.
Мертвые голые на квартирѣ Кузьмина.
Раненые въ волостн[омъ] правле[ніи]
Сани городскіе

[Стр. 74 *чистая*].

[Стр. 75.] Когда начались Цыгане?
Мода — мундиры, сапоги
Дамскіе прически уборы

[Стр. 76.] Форма ботинокъ.
Какой Катехизисъ? С. Мур[авьева] Ап[остолъ].
Вадковскій

[Стр. 77.] Сухиновъ дѣйств[овавшій?] съ С[ергѣемъ] М[уравьевымъ].
Какой? Тотъ самый.
Біографія
Жуковскаго
Плещеева.

[Стр. 78.] Кат[ерина] Аф[анасьевна] Протасо[ва]
Одна дочь за Воейковымъ
Воейковъ въ Дерптѣ и онѣ в

[Стр. 79.] Александръ, Николай, Михайла, ⟨Сергѣй⟩ Андрей, Сергѣй.
Николай Николаичъ [жена] Мордвинова
безбожникъ † 27. Школа на Дмитровкѣ.

[*Со стр. 80 по 103 книжка не исписана, и только перенумерованы страницы.*]

[Стр. 103] Горожанской
Сынъ откупщика
убилъ въ Оренбур[гѣ]
женщину
Въ Соловецк[омъ] кончилъ
Апраксинъ въ связи съ Гр. Татищево[й]
женой посланник[а] толстуха. [1]

[*Со стр. 104 по 127 книжка не исписана и только перенумерованы страницы.*]

---

[1] *Стр. 103 вся написана карандашом.*

[Стр. 128.][1] Катер[ина] Муравьева фрейлиной ⟨къ больш⟩ бывшая у Ек[атерины] Пав[ловны] къ большому двору.

Наполеонъ видѣлъ Лавалетъ.
28 Янв[аря] обрученіе Ан[ны] П[авловны] съ Кр[онъ] Пр[инцемъ] Нидерландскимъ.
Въ Казани страшный пожаръ.

Давидъ высылается изъ Франці[и] за то что.
Балъ въ пользу ранен[аго] офицера.

[*Со стр. 129 по 159 книжка не исписана и только перенумерованы страницы.*]

[Стр. 160.]

Выписать родословную книгу
Русской Старины.
О рисованьи спросить.
Свести Бѣляеву рукопись.
Свистунову письма Свербѣева.
Кни[г]и Письма Карамзина къ Дмитр[іеву].
⟨Записки Ив. Ив. Дмитріева⟩.
Жизнь Муравьева Кропотов[а]
Рылѣева

Записная книжка «В».

1816.

[Стр. 2.] Въ Россіи — правительственное.
Воронцовъ въ Мобежѣ.
Ермоловъ назначается на Кавказ[ъ].
Арк. Вас. Кочубей въ Кіевѣ вицъ губерн.
Сперанскій въ Пензѣ губернатор[ъ].
А. К. Разумовскій Министръ Просв. и Президентъ Академ. ⟨А⟩
Лабзинъ (А. Ѳ.) конфер. секрет. Академіи
Уваровъ Попечит. Петерб. округа.
[2] *Галицынъ Пр[освѣщенія] и дух. дѣлъ.*
А. К. Разумовскій — полтавской губерн.
Н[иколай] П[авловичъ] женихомъ.
Тормасовъ въ Москвѣ.
⟨Министръ внутр. дѣлъ Дмитрій Иванычъ Лобановъ Ростовскій⟩ Толстякъ холостякъ.
⟨Ив. Ив. Дмитріевъ⟩ министръ юстиціи.
Петръ Васильичъ Лопухинъ *Д. А. Гуръевъ* маленькій гаденькій
Дмитрій Прокофьичъ

---

[1] *Записи на странице сделаны верхом вниз по отношению ко всему остальному тексту.*

[2] *Начиная с этого слова до конца страницы написано другими чернилами и спустя какое-то время после того, как было написано предыдущее.*

Трощинской.
Б. Б. Кампенгаузенъ
Нессельроде. Волконской
Внутр. дѣлъ Ос. Петр. Козадавлевъ
Траверзе, Морской
П. П. Коновницынъ.
Лиз. Петр. за Нарышкинымъ
1816.

[Стр. 3.] Въ Россіи обществен[ное].

Пл. *Зубовъ* (Князь) Виленской губ. въ селѣ Яницкахъ[ъ]

⟨Гр.⟩ А. Н. *Грибовскій* (бывшій дѣлецъ Зубова) въ Коломнѣ

Откупа разорили. —

Пушкинъ кончаетъ курсъ въ лицеѣ. Первые стихи.

Коновницынъ П. П. при велик. Кн. Ник[олаѣ] и Мих[аилѣ] ⟨для⟩

Кружокъ *Имп. Мар. Θед.* Граф. Ливенъ (воспитат. (Ан. Павл.) Кат. И. Нелидова (дѣвица). Нелединскій-Мелецкій. Виламовъ (секретарь).

Уваровъ С. С. попечит. Петерб. округа. *А. И. Тургеневъ.* (толстый сонный).

Протасовы жили въ ⟨Муратовѣ подъ Орломъ⟩.[1] Дерптѣ.

Воейковъ въ Дерптѣ профессоръ Русскаго языка.

Липецкія воды Шаховскаго Баладникъ

Жуковскій. Разгаръ войны литературной.

Блудова эпиграмма.

Хотитель господа между пѣвцами
Узнать Карамзина отъявленныхъ враговъ.
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами,
И вотъ блѣднѣющій надъ риѳмами Шишковъ.
Они умомъ равны, обоихъ зависть мучитъ,
Но однаго сушитъ она, другого пучитъ.

Bouquillon Управитель у Плещеева.

Fore докторъ взятъ въ плѣнъ съ Бонами подъ Малымъ Яросл[авцемъ] живетъ у Плещеевых[ъ].

Анекдоты того времени.

⟨Une pi⟩Il a reçu une poule dans le caviar
de la jambe. On lui donne une cavalerie
une pipe a regarder.

Карамзину милости и историографъ.

Карамзинъ знаетъ Пушкина и принимаетъ въ немъ участіе.

Голицына Princesse nocturne въ разводѣ съ мужемъ — [*1 неразобр.*]

---

[1] *Слова:* подъ Орломъ *по рассеянности не зачеркнуты.*

[Стр. 4.] 1816 Въ Европѣ
Правител[ьственное] [1]
[Стр. 5.] 1816
Въ Европѣ обществен[ое]
[Стр. 6.] 1816 Въ Россіи Умеръ
литерат[урное] 16-мъ
Знаменитые живые писатели: Карамзинъ, Державинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, В. Пушкинъ, Хвостовъ, Шишковъ, Нелединской, Кутузовъ, Дашковъ.
[Стр. 7.] 1816
Въ Европѣ [2] литератур[ное]. [3]
1821
[Стр. 11.] Сомнамбулы магнитиз[мъ] [4]
[Стр. 109.] [5] ⟨въ Дрез⟩
Кто за границей

Н[икита?] М[уравьевъ?] 21 года.
Какой Корсаковъ
Сиверсъ 250 т.
Valerie? романъ.
Никол. Назар?
Кто Зеленковъ?
аферы
Алекс. Мих. важнич
[Стр. 108.] Вопросы по п[оводу] Н[икиты] М[уравьева]
1813. Алекс. Николаевна
Ланская?
Петр. и Анна Ивановн
Соколовы?
Эвенсъ Ѳома Яковл?
Андрей Никифор? Пу
Захаръ Матвѣ его
наружность
Батюшковы
Тетушки: Лиз. Карл.
Евпракс. Аристархов[на]
Челищевы
Лизав. Иван.
Пушкинъ?
1821 Александ. Осипычъ
Василій Алексѣичъ

---

[1] *Подъ этимъ написанъ карандашомъ адресъ, не имеющій отношенія къ записямъ о декабристахъ. См. томъ 49.*

[2] *Переправлено изъ:* Россіи

[3] *На странице 9-й имеется запись, датированная 6 іюня 1884 г. и не имеющая отношенія къ декабристамъ. См. томъ 49.*

[4] *Обе строки написаны карандашомъ. Дальше идутъ записи, сделанные в книжке, перевернутой верхомъ внизъ.*

[5] *Начиная со словъ:* ⟨въ Дрез⟩ *до конца записи сделаны карандашомъ.*

[Стр. 107] Кто Уваровъ пропавшій. — подр[обности]?
[Стр. 106.]
Пестели оба брата.
Каховскій?
[Стр. 105.] Эвенсъ? [1]

ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИСТЫ

Л и с т «А».

[Л. 1_1.] 24-й годъ, начало

Ермоловъ на Кавказѣ усмиряетъ бунтъ Дагестана

Вас. Серг. *Ланской* на мѣсто Кампенгаузена и Кочубея управл. Минист. Вн. Дѣлъ

Лобан. Ростовск. юстиціи

Алекс. Ник. Голицынъ. — Просвѣщенія

Шишковъ въ Петерб. другъ Мордв[инова]

Мордв. членъ Г. С. предсѣдат. департ. гражд. и дух. дѣлъ.

Государь въ Царскомъ боленъ.

Конст[антинъ] въ Варшавѣ.

Столыпинъ оберъ Прокуроръ

А. И. Тургеневъ Оберъ секретарь.

Дибичъ въ 23 занялъ временно мѣсто *Волконскаго*— начальника главнаго штаба.

Гурьевъ только что смѣненъ. — *Канкринъ*?

Дова колекція портретовъ выходитъ графъ *Румянцевъ* въ отставку.

Нессельроде управляетъ минист. Иностран. дѣлъ.

Карамзинъ жилъ на Маховой въ домѣ Мижуева.

Шишковъ кормилъ голубей въ своемъ домѣ на Фурштатской противъ Ан. церкви.

Его старушка жена жива.

Карамзинскій выходилъ 10 и 11 томъ о Ѳедорѣ Іоанновичѣ

Мордвиновъ вѣрилъ въ магнетизерку Турчанинову (въ дальней Коломнѣ).

Потоцкій членъ совѣта либералъ другъ Мордв. Г. С. во дворцѣ. [1]

[Л. 1_2] [3] Comentaires sur Filangieri de Benjamin Constant. Бенжаме читаютъ. Тургеневъ отпустилъ на волю людей. Духъ общества. Трубецкой наивно вербуетъ. Подписка смоленскому голоду, Журналъ, освобожденіе. —

---

[1] *На страницах 101 и 109 имеются записи, не относящиеся к Декабристам. См. 49 том.*

[2] *Начиная со слова:* Потоцкій *кончая:* во дворцѣ. *написано карандашом.*

[3] *Со слов:* Comentaires sur *кончая:* добрый старикъ *(стр. 461) написано карандашом.*

Мильоны выданы изъ казны Князю Разумовскому.
17 миліон. отдано въ Варшаву.
Куракинъ ч. Г. С. предсѣд. *шюшка*
К. Александ. Солтыковъ членъ Совѣта добрый старикъ.
[1]*Бетанкуръ* женатъ на Англичанкѣ въ домѣ бывш. Юсупова Инженерное училище Получаетъ 60[т] жалованья. У него архитекторы для перестро[йки] Петерб.
Фарфоровый заводъ Директоръ
Постройка Исакьевскаго Собора
Кн. Шаховской директоръ театр? [2]
[3]Милорад[овичъ] начальни[къ]
Предс[ѣдатель] *Г[осударственнаго]* *С[овѣта]* *Свѣтл[ѣйшій]* *К[нязь]* *П. В. Лопухинъ.*
Поповъ департ[амента] народн[аго] просвѣ[щенія] Библ[ейское] общ[ество]
Тург[еневъ] *исповѣданій*
[4] Герц[огъ] Алекс[андръ] Вирт[embergскій]
[5] Инженеръ Генера[лъ]
Хрущевъ Пр[авитель] Канц[еляріи] совѣта П[утей] С[ообщенія]
Сперанскій въ Сибири — до 24 го
Траверсе — морс[кой] мини[стръ]
[Л. 2$_1$.] Стар[икъ] А. И. Татище[въ] военн[ый] мин[истръ]
Бетанкуръ Исак[іевскій] соборъ
Ниж[е]гор[одская] Ярм[арка] и построй[ки]
К. Булг[аковъ] почт[ъ-] дирек[торъ] въ Моск[вѣ] у него рѣшаютъ назначе[нія]
До Бронницъ шоссе
Воронцовъ въ Одессѣ.
Инзовъ въ Бесараб[іи]
Les cabinets et les peuples Bignon
Гр. Эсенъ. Оренб[ургскій] Генер[алъ] губ[ернаторъ]
Пе[с]тель пріѣзжаетъ въ Пет[ербургъ]
Колонія Рос. уступается
21 году умеръ Наполеонъ
23 г. Война Фр[анціи] съ Испан[іей]
Герцогъ Ангулемск[ій]
Министръ Вилель

---

[1] *Со слов:* Бетанкуръ женатъ *кончая:* директоръ театр *написано чернилами.*
[2] *Знак вопроса после:* театр *написан карандашом.*
[3] *Со слов:* Милорад. начальни *кончая:* морс[кой] мини[стръ] *написано карандашом.*
[4] *Зачеркнуто:* Бетанкуръ.
[5] *Зачеркнуто:* Деволанъ

44 т[ысячи] Испанцевъ сидятъ въ тюрьмахъ
Θилики въ Греціи изъ Гетеріи
Ипсиланти погибъ 20 22
Маврокордато и Дм[итрій] Ипсилан[ти]
[Л 2_2] Байронъ 1824 прибылъ въ Мисолунги.

Л и с т «Б».

18-й годъ. Университетъ Долгорук. переулокъ домъ Монахова
Сандуновъ, Мудровъ (набожность свѣчка)
Театръ на Арбатѣ.
[1] Головнинъ Камчатка вокругъ свѣта Матюшки[нъ] 17. выпу[скъ] Лицея
17. IV [?] т[омъ] ист[оріи] Карамз[ина]
Жук[овскій] назначенъ къ А[лександрѣ] Θ[едоровнѣ]
Дмитрі[евъ] И. И. въ Моск[вѣ]

Лист «В».

25 годъ. Г[осударь] А[лександръ] 47 л[ѣтъ] [2] въ Таганрогѣ. Ник[олай] въ Бобруйскѣ. Воронцовъ на югѣ. [3] Минист[ръ] финанс[овъ] Канкринъ. 51 г[ода] женатъ на Мур[авьевой]. Вѣстникъ Европы 25 года. Качен[овскій.] Крыловъ. Олешинъ въ Академіи Худ[ожествъ]
Лабзинъ въ 24-мъ году въ Симбирскѣ. Инзовъ въ Бессарабіи. Наполеонъ умеръ въ 21. Пушкинъ до 24 года въ Бессарабіи.
Раевской Н. Н. въ Кіевѣ. М[ихаилъ] Орловъ начальникъ дивизіи. Шишковъ министръ просвѣщенія.

---

[1] *Со слов:* Головнинъ Камчатка *кончая:* в Моск[вѣ] *написано карандашом.*
[2] 47 л[ѣтъ] *вписано карандашом.*
[3] *Со слов:* Минист[ръ] финанс[овъ] *кончая:* Крыловъ *написано карандашом.*

*Пометы на копии «Списка членам тайных обществ, преданным Верховному уголовному суду по манифесту 1 июня 1826 г.»

Имена и фамилии	Звания	Число лет в 1825	Где воспитывались
Николай Цебриков. *Маленькой Наполеонъ*	Поручик Л. Гв. Финляндского полка.	25	В Горном Кадетском Корпусе, но не кончил курса.
Михаил Лунин. *Рыжій высокій*	Подполковник Л. Гв. Гродненского Гусарского полка.	43	Воспитывался у родителей дома; преподаватели большей частью были иностранцы.
Михаил Митков. *Высокій рябой*	Полковник Л. Гв. Финляндского полка.	34	Во втором Кадетском Корпусе.
Барон Владимир Штейнгель *Средній*	Отставной полковник.	43	В Морском Кадетском Корпусе.
Сергей Кривцов. *Красавецъ*	Подпоручик гвардейской конной артиллерии.	23	Сперва в Московском университетском пансионе; потом в Швейцарии в институте Фелленберга.

Имена и фамилии	Звания	Число лет в 1825 г.	Где воспитывались
Александр фон-дер Бриген. *Нѣмецъ Курлян.*	Отставной полковник Л. Гв. Измайловского полка.	32	Воспитывался в Петербурге в Немецком училище св. Петра, а потом в пансионе Мейера, преимущественно у профессора Раупаха.
Александр Фок. *Полный*	Подпоручик Л. Гв. Измайловского полка	22	Воспитывался дома; наставниками были — Моке и Лесливский.
Михаил Назимов *Кроткій тихій*	Штабс-капитан гвардейского пионерного эскадрона.	26	Воспитывался в Петербурге в частном институте у Протоиерея Каменского.
Владимир Лихарев *Жена бросила*	Подпоручик Квартирмейстерской части	23	До пятнадцати лет от рода воспитывался у родителей, под руководством Г. Делиль, и имел различных учителей, потом у пастора Галлера; окончательное же образование получил в училище Колонновожатых генерала Муравьева.
Павел Аврамов. *Служака*	Полковник Казанского пехотного полка.	35	В 1-м Кадетском Корпусе.
Василий Норов. *Служака*	Отставной подполковник.	33	В Пажеском Корпусе.

Имена и фамилии	Звания	Число лет в 1825 г.	Где воспитывались
Барон Алексей Черкасов. *Маленькой толстый*	Поручик квартирмейстерской части.	26	Воспитывался в Московском Университетском пансионе и в училище Колонновожатых генерала Муравьева.
Николай Заторецкий. *Жилистый*	Поручик квартирмейстерской части.	29	Учился дома и слушал лекции в Московском Университете; кончил воспитание в училище Колонновожатых генерала Муравьева.
Иван Фохт. *Нѣмецъ*	Штабс-капитан Азовского пехотного полка.	31	Воспитывался с детьми помещика Гора, в доме которого жил учитель Каменский, Кёнигсбергский уроженец.
Михаил Спиридонов. *Средній*	Майор Пензенского пехотного полка.	29	В доме у родителей преимущественно же пользовался уроками француза Леграна и немца Шрека.
Яков Андреевич 2-й. *Съ ума сошолъ*	Подпоручик 8-й Артиллерийской бригады.	25	Во втором Кадетском Корпусе.
Андрей Фурман. *Съ ума сошолъ*	Капитан Черниговского пехотного полка.	30	Воспитывался в Дворянском полку.
Павел Мозган *Грекъ*	Подпоручик Пензенского пехотного полка.	24	В Феодосиевском уездном училище.
Александр Фролов. *У Вольфа*	Подпоручик Пензенского пехотного полка	21	Воспитывался у родителей, которые учили его сами.

КОММЕНТАРИИ

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ — Архив Толстого во Всесоюзной Библиотеке имени В. И. Ленина (Москва);

АЧ — Архив В. Г. Черткова (Москва);

Б, II — П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. II, изд. «Посредник». М. 1908;

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва);

ГМ — «Голос минувшего»;

ГТМ — Государственный Толстовский музей (Москва);

ИВ — «Исторический вестник»;

ИРЛИ — «Институт русской литературы» (В собрание ИРЛИ входят собрания: б. Пушкинского дома, Ленинградского Толстовского музея и б. Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. (Ленинград);

КА — «Красный Архив»;

ПС — Толстовский музей. Том II. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым 1870—1894» изд. Общества Толстовского музея. Спб. 1914;

ПТ — Толстовский музей. Том I. «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой 1857—1903», изд. Общества Толстовского музея. Спб. 1911;

ПТС, 1; ПТС, 2 — Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга» 1 — М. 1910, 2 — М. 1911;

ПТСО — «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко», под редакцией А. Е. Грузинского, изд. «Окто». М. 1912;

РА — «Русский архив»;

РВ — «Русский вестник»;

РС — «Русская старина»;

ТС — „Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906, изд. «Прибой"". Лгр. 1929.

ДЕКАБРИСТЫ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ РОМАНА.

В наброске предисловия, которое Толстой хотел одно время предпослать «1805 году», он так рассказывает о том, как у него явилась мысль написать роман из жизни декабристов: «В 1856 году я начал писать повесть с известным направлением и героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию. Невольно от настоящего я перешел к 1825 году, эпохе заблуждений и несчастий моего героя, и оставил начатое. Но и в 1825 году герой мой был уже возмужалым семейным человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпадала с славной для России эпохой 1812 года. Я в другой раз бросил начатое и стал писать со времени 1812 года».[1]

Как уже указывал А. Е. Грузинский,[2] весьма трудно признать 1856 год за начальную дату работ Толстого над «Декабристами». Во всяком случае из написанного тогда мы ничего не имеем в архиве Толстого, и есть все основания думать, что в 1856 году дело ограничилось тем, что, в связи с возвращением в Россию амнистированных декабристов, Толстой заинтересовался последними, может быть, что-нибудь читал о них, и у него явилась мысль о повести или романе с главным действующим лицом декабристом.[3] Начало же работ над осуществлением этого замысла относится к осени 1863 года, о чем Лев Николаевич писал тогда же А. А. Толстой: «Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы настолько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов

[1] ГМ 1923, № 1, стр. 93.

[2] «Первый период работ над «Войной и миром» — ГМ 1923, № 1, стр. 94.

[3] Б. М. Эйхенбаум выдвигает гипотезу, что «интродукция «Двух гусаров» — след первоначальной работы над «Декабристами», нашедший себе пристанище в другой вещи» [т. е. в «Двух гусарах». М. Ц.] Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», II, изд. «ГИХЛ», стр. 190). Это предположение — плод недоразумения. Начать писать повесть, «героем которой, по словам Толстого, должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию», можно было лишь после того, как этот декабрист действительно возвратился в Россию. Произошло же это после манифеста 26 августа 1856 года, а рассказ «Два гусара» был написан в марте-апреле этого года и напечатан в майской книжке «Современника» за этот же год. Таким образом интродукция «Двух гусаров» никак не может быть «следом» вещи, писавшейся позднее.

который занимает меня вполне с осени».[1] Указание Толстого на то, что роман охватывает 1810-ые и 1820-ые годы, свидетельствует о том, что в это время «Декабристы» и будущая «Война и мир» мыслятся еще как одно произведение. В этом плане были написаны три главы романа, впервые напечатанные в 1884 г. в сборнике «XXV лет», изданном Литературным фондом, с таким примечанием:[2]

«Печатаемые здесь три главы романа под заглавием «Декабристы» были написаны еще прежде, чем автор принялся за «Войну и мир». В то время он задумывал роман, которого главными действующими лицами должны были быть декабристы, но не написал его, потому что, стараясь воссоздать время декабристов, он невольно переходил мыслью к предыдущему времени, к прошлому своих героев. Постепенно перед автором раскрывались всё глубже и глубже источники тех явлений, которые он задумывал описать: семья, воспитание, общественные условия и проч. избранных им лиц; наконец, он остановился на времени войны с Наполеоном, которое и изобразил в «Войне и мире». В конце этого романа видны уже признаки того возбуждения, которое отразилось в событиях 14-го декабря 1825 года.

Впоследствии автор вновь принимался за «Декабристов» и написал два другие, печатаемые теперь начала (в конце статьи).

Таково происхождение предлагаемых отрывков романа, которому, повидимому, не суждено быть написанным. Автор никогда не предполагал их печатать, но уступая нашей просьбе, предоставил их для издаваемого нами сборника. *Ред. 3-го октября 1884 г.*»[3]

Плод работы 1863 года мы имеем в 1—4 рукописях, дающих две редакции трех глав романа, напечатанных в сборнике «XXV лет». Содержание этих глав — рассказ о приехавшей в Москву из Сибири семьи декабриста Петра Ивановича Лабазова. В Лабазове нетрудно узнать кн. Сергея Григорьевича Волконского (1788—1865), которого Толстой видел в декабре 1860 — январе 1861 г. во Флоренции, о чем вспоминал 27 мая 1904 г.: «Его наружность с длинными седыми волосами была совсем как у ветхозаветного пророка... Это был удивительный старик, цвет петербургской аристократии, родовитой и придворной. И вот в Сибири, уже после каторги, когда у жены его было нечто в роде салона, он работал

---

[1] ПТ, стр. 192. Вопреки этому совершенно определенному заявлению Толстого о начале его работ над романом, Б. М. Эйхенбаум утверждает, что «возвращение к замыслу повести о декабристе относится к концу 1862 года» (Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», II, стр. 193.) Утверждение это основано на воспоминаниях Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», ч. 1, 2 изд., стр. 152—159. В качестве ближайшего свидетеля писания этих воспоминаний, должен заявить, что хронология в них — самое слабое место. В тех случаях, когда рассказ Т. А. Кузминской не опирается на письма и дневники, доверять ей в отношении хронологии никак невозможно. В данном случае и утверждение Татьяны Андреевны о том, что Толстой на Рождестве 1862 г. «отыскивал разные мемуары и романы, где бы говорилось о декабристах», и приводимые ею слова Софьи Андреевны, будто бы тогда же сказанные в разговоре с матерью о том, как поглощен Толстой романом «Декабристы», явно ошибочны. И то и другое может относиться к декабрю 1863 г., когда Толстой с женой гостил в Москве полторы недели.

[2] Оно написано или Толстым или с его слов Софьей Андреевной.

[3] «XXV лет», стр. 216.

с мужиками, и в его комнате валялись принадлежности крестьянской работы».[1]

На то, что в лице П. И. Лабазова выведен кн. С. Г. Волконский, намекают слова о том, что декабрист, «бывший князь», носил «одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице, близком или знакомом» (стр. 19). Но, кроме внешности, у Лабазова нет ничего общего с кн. С. Г. Волконским. Правда, у П. И. Лабазова так же, как и у Волконского есть жена и двое детей — сын и дочь, но Волконский по манифесту 26 августа 1856 г. приехал в октябре этого года с сыном в Москву, где уже с осени 1855 г. жила жена его с дочерью Еленой, вышедшей замуж в 1850 г. за Дм. Вас. Молчанова.

Б. М. Эйхенбаум [2] высказывает предположение, что фамилия «Лабазов» образована из фамилии: «Завалишин». Хотя в 1-й рукописи (стр. 15) перед первым упоминанием фамилии Лабазова и стоят зачеркнутые буквы: «За»,[3] никак нельзя видеть в этом указание на то, что Толстой намеревался здесь назвать своего героя: «Завалишиным». Ко времени написания трех глав «Декабристов» Толстой не был знаком с приехавшим из Сибири лишь 17 октября 1863 г. декабристом Д. И. Завалишиным. [4]

Самое бо́льшее, что Толстой мог о нем слышать от Аксаковых, знакомство же могло состояться не ранее декабря 1863 года, когда «Декабристы» были оставлены, и Толстой работал уже над «1805 годом». Чтобы не возвращаться в дальнейшем к Д. И. Завалишину, укажем здесь, что при работе Толстого над «Декабристами» в 1877—1879 годах Завалишин, надо думать, не играл никакой роли. Во всех сохранившихся писаниях Толстого, относящихся к роману (записи в записных книжках и на отдельных листах, тексты «начал» романа, письма), нет ни одного упоминания этого декабриста. И это — *неслучайно*. Знакомство Толстого с П. Н. Свистуновым (о чем речь дальше), весьма недружелюбно относившимся к Завалишину, которого он даже не считал декабристом, не могло́ возбудить у Льва Николаевича желания войти в общение с Завалишиным. Последнее произошло не ранее 1881 года, когда писалась вторая редакция записок декабриста, которые Толстой хотел издать на свой счет.[5]

Написав три главы романа, Толстой, по его словам, «оставил начатое,

---

[1] А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 126.

[2] Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», II, стр. 207.

[3] Фразе печатного текста: «Мы будем называть его Лабазовым» в 1-й рукописи соответствует: «Мы будемъ называть его Петромъ Ивановичемъ ⟨За⟩ Лабазовымъ».

[4] См. «Записки декабриста» Д. И. Завалишина. 2 русское издание Вольфа, стр. 457. Сообщение Т. А. Кузминской, что Толстой на рождественских праздниках 1862—1863 гг. познакомился у Аксаковых с Завалишиным, как указал уже Эйхенбаум (стр. 202), неверно.

[5] См. Ю. Г. Оксман, «Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок».— «Декабристы». Неизданные материалы и статьи. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды «Пушкинского дома» Всероссийской академии наук. М. 1925, стр. 186—187 и 194.

невольно от настоящего перейдя к 1825 году». Творчески этот «переход к 1825 году», надо думать, ни в чем не выразился, по крайней мере, в бумагах Толстого нет ничего относящегося к этой стадии работы. Затем, перенесшись мыслью к молодости своего героя, автор увлекся эпохой 1812 года. Но для понимания последней Толстому представилось необходимым обратиться к событиям 1805 г. Так возник «Тысяча восемьсот пятый год», впоследствии развернувшийся в «Войну и мир».

Одно из начал «Тысяча восемьсот пятого года», носящее заглавие: «С 1805 по 1814 год» еще связано с оставленными «Декабристами». Первый абзац этого начала читается: «Тем, кто знали князя Петра Кириловича Б. в начале царствования Александра II в 1850-х годах, когда Петр Кирилыч был возвращен из Сибири белым как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание».[1]

С другой стороны, действие в «Войне и мире» доведено до конца 1820 года. В первой части эпилога Пьер Безухий — член тайного общества, возмущающийся Аракчеевым, кн. А. Н. Голицыным, Магницким. Его жадно слушает будущий декабрист Николенька Болконский. Последние главы первой части эпилога «Войны и мира» могли бы быть первыми главами романа «Декабристы»...

Снова вернулся к замыслу «Декабристов» Толстой в 1877 году.

По окончании работы над правкой текста «Анны Карениной» для отдельного издания романа в июне-июле этого года, наступил период поисков темы нового произведения. Толстой снова обратился к сюжету исторического романа, и снова всплыла тема Петра I, но теперь зрел замысел произведения, действие в котором должно было развиваться в крестьянской среде. Об этом говорит запись С. А. Толстой под 25 октября 1877 г.[2]

А в ноябре Толстой уже читает книги по истории царствования Николая I, в частности «Описание Турецкой войны 1828 и 1829 гг.» Н. Лукьяновича.

За материалами по этой эпохе Толстой в последних числах декабря съездил в Москву, по возвращении откуда писал в первых числах января гр. А. А. Толстой, что у него «давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского». Приступ к осуществлению этого замысла можно видеть в набросках «Князь Федор Щетинин».[3]

Запись С. А. Толстой в ее тетради «Мои записи разные для справок» под 8 января 1878 г. отмечает новый поворот в замысле: «Со мной, — записала Софья Андреевна, — происходит что-то похожее на то, когда я писал «Войну и мир», — сказал мне сейчас Лев Николаевич с какой-то

---

[1] Рукопись этого «начала» хранится в ГТМ. Факсимильно воспроизведено в ПТСО, стр. 23.

[2] См. стр. 634.

[3] Об этом подробнее см. в статье П. С. Попова, стр. 690—691.

полуусмешкой, отчасти радостной, отчасти недоверчивой к словам, которые он сказал. — И тогда я, собираясь писать о возвратившемся из Сибири декабристе, вернулся сначала к эпохе бунта 14-го декабря, потом к детству и молодости людей, участвовавших в этом деле, увлекся войной 12-го года, а так как война 12-го года была в связи с 1805 годом, то и всё сочинение начал с этого времени. Теперь Льва Николаевича интересовало время Николая I, а главное — Турецкая война 1829 года: он стал изучать эту эпоху; изучая ее, заинтересовался вступлением Николая Павловича на престол и бунтом 14 декабря.

Потом он мне еще сказал: «И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там где-нибудь в Иркутске или в Самаре переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14-го декабря попадает к этим переселенцам — и «простая жизнь в столкновении с высшей». Потом он говорил, что как фон нужен для узора, так и ему нужен фон, который и будет его теперешнее религиозное настроение. Я спросила: «Как же это?» Он говорит: «Если б я знал — как, то и думать бы не о чем». Но потом прибавил: «Вот, например, смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать».[1]

В этой записи примечательны указания на замысел Толстого противопоставить в романе жизнь правящих кругов, «Олимп», жизни народных низов и на стремление изображать события и характеры в свете религиозного мировоззрения, которым в это время всё больше и больше проникается Толстой.

Вскрывает эта запись и связь замысла романа о крестьянах-переселенцах с декабристами.

Замысел произведения, в котором изображаются переселенцы в самарские степи, возник у Толстого, судя по записи Софьи Андреевны, еще в марте 1877 г., когда не была закончена «Анна Каренина».

Снова к этой мысли Толстой вернулся в октябре этого года, когда он намеревался тему о переселении развить в романе из жизни XVIII века.[2] Теперь же переселенцы должны увязываться с декабристами. Посредствующим звеном должна была быть личность гр. Вас. Алекс. Перовского (1793—1857) в 1833—1842 гг. бывшего Оренбургским военным губернатором и в 1851—1857 гг. Оренбургским и Самарским генерал-губернатором. Оренбургские степи должны были быть местом действия крестьянской части задуманного романа. Интерес к этому краю и его недавнему прошлому возник у Толстого в связи с его поездками, начиная с 1862 г., на кумыс в Самарскую губернию, где в 1871 г. Толстым было куплено имение. В сентябре 1876 г. Лев Николаевич пробыл несколько дней в Оренбурге, где виделся со своим сослуживцем по Севастополю Оренбургским генерал-губернатором (с 1865 по 1881 гг.) Ник. Андр. Крыжановским, с которым, конечно, беседовал о Перовском.[3]

За материалами о нем Лев Николаевич обращался к гр. А. А. Толстой.

---

[1] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 37—38.

[2] Об этом подробнее см. в статье П. С. Попова, стр. 634—635.

[3] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 41.

Получив от нее обещание этих материалов, Толстой писал в 20-ых числах января: «Очень, очень вам благодарен за ваше обещание дать мне сведения о Перовском. Ваше обещание было бы для меня большой заманкой для петербургской поездки, если бы, кроме этого, у меня не было сильнейшего желания побывать в Петербурге. Желание это уже дошло до maximum; теперь нужен толчек. А толчка этого нет, даже скорее толчки обратные в виде моего нездоровья. Буду ждать. Перовского личность вы совершенно верно определяете — à grands traits; таким и я представляю себе; и такая фигура — одна наполняющая картину, биография его была бы груба, но с другими противуположными ему, тонкими, мягкой работы, нежными характерами, как Жуковский даже, которого вы, кажется, хорошо знали, и с другими, и главное с декабристами, эта крупная фигура, составляющая тень к Ник. Павл., самой крупной à grands traits фигуре, выражает вполне то время. — Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время. Странно и приятно думать, что то время, которое я помню, 30-ые года — уж история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается, и всё устанавливается в торжественном покое истины и красоты. — Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мяса, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно и страшно. А обмывать провизию, раскладывать — ужасно весело.

Молюсь богу, чтобы он мне позволил сделать хоть приблизительно то, что я хочу. Дело это для меня так важно, что, как вы ни способны понимать всё, вы не можете представить, до какой степени это важно. Так важно, как важна для вас ваша вера. И еще важнее, мне бы хотелось сказать. Но важнее ничего не может быть. И оно то самое и есть».[1]

Итак, на основании приведенных свидетельств, можно с уверенностью утверждать, что в декабре 1877 г. — начале января 1878 г. в замысле романа из эпохи Николая I произошло передвижение времени действия с 1828—1829 г. на 1825 г., т. е. всплыл старый замысел «Декабристов». К этому времени (к декабрю 1877 — началу января 1878 г.) мы относим конспект нескольких глав романа, напечатанный на стр. 256 в качестве первого «плана». В начальных словах конспекта: «что ж на новые места» и особенно во второй части конспекта, начиная со слов: «Выступают через два года...», с упоминанием «башкир», нельзя не видеть развитие темы «переселение крестьян в Оренбургский край». Но кроме этой темы, содержание конспекта, стоящего совершенно обособленно от всех других дошедших до нас текстов, не поддается дешифровке.

На тему о переселении крестьян написаны и начала романа, печатаемые нами как 8 и 9 варианты. Последний вариант датируется декабрем 1877 г. — январем 1878 г., так как часть страниц рукописи варианта

---

[1] ПТ, стр. 289—290.

занята черновиками письма о гувернере к детям Толстого, писавшимися в декабре 1877 г. — январе 1878 г. [1]

Вариант 8-й представляет собою часть текста, начало которого утрачено. В утраченной части имелось перечисление переселяющихся домохозяев: 1) Никифора, 2) Давыдки Козлова, 3) Савостьяна, 4) Дмитрия Макарычева и 5) Гавриила Болхина, к которому и относится начальная фраза сохранившегося текста («Он с неделю...»). Все эти крестьяне фигурируют и в 9 варианте. Нужно отметить, что все они — яснополянцы. Внуки и правнуки их и теперь живут в деревне Ясная поляна. Никифор, не названный по фамилии, это Никифор Федорович Резунов (1842—1893), Давыдка Козлов — Давыд Фокич Козлов (1828—1881), Савостьян, не названный по фамилии — Савостьян Макарович Макарычев (1821—1898), Дмитрий Макарычев — его брат, Дмитрий Макарович Макарычев (1817—1884), Гаврюха Болхин — Гавриил Ильич Болхин (1831—1885), Дементий Фоканов — Михаил Максимович Фоканов (1801—1874) и Тит Ермилин — Тит Ермилович Базыкин (1829—1894).

В двух январских письмах (1878 г.) Софьи Андреевны к Т. А. Кузминской находим сообщения о работе Толстого. 14 января С. А. Толстая пишет сестре: «Левочка собирается писать что-то историческое, времен Николая Павловича, и теперь читает много материалов», а 25: «Левочка и сегодня нездоров, кашель, и бок болит, но очень занят своими мыслями о новом романе, и я вижу, что это будет что-то очень хорошее, историческое, времен декабристов, в роде, пожалуй, «Войны и мира». Дай бог ему только поправиться скорее, он часто стал хворать, а то работа пойдет».[2] Что именно читал Толстой в это время, неизвестно, но запись: «Справки о статьях нужных» в Записной книжке А, помеченная 13 января 1878 г. (см. стр. 445) свидетельствует о том, что Толстого интересует уже эпоха не Николая I, а Александра I. 8 февраля Лев Николаевич поехал в Москву за книгами и для того, чтобы завязать знакомство с жившими там декабристами. Накануне отъезда Толстой писал Н. Н. Страхову: «Я еду завтра в Москву за книгами. Круг нужных мне книг теперь очень определился, и чего я не найду в Москве, я имею дерзость рассчитывать на вас, о чем мы переговорим».[3]

В Москве, в день приезда, Толстой прежде всего «говорил о деле, т. е. о книгах», с Владимиром Константиновичем Истоминым, историком-дилетантом, печатавшим в «Русском архиве» исторические очерки. Истомин, как писал Лев Николаевич Софье Андреевне, «пропасть дал» ему книг. Это были преимущественно номера «Русского архива» и «Русской старины».[4]

На другой день (9 февраля) Толстой был, по его словам, «у двух декабристов». Кого именно имеет он в виду, сказать трудно. В примечании (1913 г.) к этим словам (в издании писем Толстого к жене) Софья Андреевна

---

[1] См. описание 10 рукописи, стр. 535.

[2] Письма неопубликованы. Подлинники в ГТМ.

[3] ПС, стр. 150. Письмо нужно датировать 7 февраля. Помета Страхова «8 февраля» очевидно сделана на основании одного из штемпелей на конверте.

[4] См. неопубликованное письмо В. К. Истомина к Толстому от 26 мая 1879 г., хранящееся в ГТМ.

утверждает, что Лев Николаевич разумеет здесь Свистунова и Беляева. Утверждение это, конечно, лишь догадка, основанная на том, что Софья Андреевна помнила, что Толстой был в переписке с этими декабристами, которые упоминаются и в другом письме Льва Николаевича. В числе этих «двух» декабристов нельзя разуметь Свистунова, нам кажется, потому, что в этом же письме Толстой пишет, что завтра он поедет к Свистунову. Лев Николаевич так был занят в эти дни своего короткого пребывания в Москве, что едва ли бы он был дважды у Свистунова. Одним из двух не названных декабристов был, вероятно, Матвей Иванович Муравьев-Апостол, о знакомстве с которым Лев Николаевич писал А. А. Толстой в середине апреля 1878 г. В некрологе М. И. Муравьева-Апостола В. Е. Якушкин об этом так рассказывает: «Когда гр. Л. Н. Толстой собирался несколько лет тому назад писать роман о декабристах... он приходил к Матвею Ивановичу для того, чтобы расспрашивать его, брать у него записки его товарищей и т. д. И Матвей Иванович неоднократно тогда высказывал уверенность, что гр. Толстой не сможет изобразить избранное им время, избранных им людей: «для того, чтобы понять наше время, понять наши стремления, необходимо вникнуть в истинное положение тогдашней России; чтобы представить в истинном свете общественное движение того времени, нужно в точности изобразить все страшные бедствия, которые тяготели тогда над русским народом; наше движение нельзя понять, нельзя объяснить вне связи с этими бедствиями, которые его и вызвали; а изобразить вполне эти бедствия гр. Л. Н. Толстому будет нельзя, не позволят, если бы он даже и захотел. Я ему говорил это». И Матвей Иванович, повидимому, не рассчитывал, чтобы знаменитый романист обратил достаточное внимание на указываемую сторону дела, как он обвинял автора «Войны и мира» и в совершенном непонимании 1812 года, сильные впечатления которого были так свежи для Матвея Ивановича до самого конца».[1]

Это «неприятие» «Войны и мира» представителем Александровской эпохи нам знакомо по статьям о романе кн. П. А. Вяземского и А. С. Норова. Людям этого поколения Толстой казался «непатриотичным», разрушителем величавого прошлого. Отсюда это предвзятое мнение Муравьева-Апостола, что и декабристов Толстой не поймет, как не понял он «1812 год».

Вечером 9 февраля Толстой был у Софьи Никитичны Бибиковой, которая, по словам Льва Николаевича всё в том же письме к Софье Андреевне, ему «пропасть рассказывала и показывала».

Дочь одного из выдающихся декабристов, Никиты Михайловича Муравьева, Софья Никитична родилась 10 мая 1829 г. в Чите, куда мать ее, рожденная гр. Александра Григорьевна Чернышева, последовала за мужем. Лишившись матери, скончавшейся 22 ноября 1832 г. в Петровском заводе, Нонушка, как ее звали в детстве, была предметом нежных забот отца, который, отбыв каторгу, поселился с ней в 1836 г. в Урике близ

[1] В. Е. Якушкин, «Матвей Иванович Муравьев-Апостол» — РС, 1886, июль, стр. 157—158. Вспоминал и Н. Н. Кашкин, что М. И. Муравьев-Апостол «обвинял Толстого в неверном описании Бородинского сражения, и главное — значения в нем Кутузова» (Н. Н. Кашкин, «Родословные разведки». II, Спб. 1913, стр. 294).

Иркутска, где и скончался в 1843 г. Привезенная после смерти отца в Москву, Софья Никитична под фамилией Никитиной была помещена в Екатерининский институт, где впрочем была недолго, получив разрешение уехать с теткой гр. С. Г. Чернышевой-Кругликовой за границу. В 1848 г. Софья Никитична вышла замуж за Михаила Иларионовича Бибикова (1818—1881), племянника (по матери) декабристов Сергея, Матвея и Ипполита Муравьевых-Апостолов. Дочь декабриста и сестры декабриста гр. Захара Григорьевича Чернышева, племянница декабриста Александра Михайловича Муравьева, наконец, двоюродная племянница декабриста Михаила Сергеевича Лунина, в детстве знавшая многих из декабристов, Софья Никитична, выйдя замуж за М. И. Бибикова, упрочила свои связи с ними, еще теснее войдя в их круг. Из детей декабристов никто, конечно, не знал столько об них, сколько знала Бибикова. После свадьбы Бибиковы купили у брата декабриста М. А. Фонвизина, Ивана Александровича, дом на Малой Дмитровке (ныне дом № 23), где и поселились. Описание этого дома и характеристика Софьи Никитичны имеются в воспоминаниях ее внучки А. Бибиковой. «В этот старинный и странный дом бабушка вносила столько воспоминаний прошлого, столько духа «не от мира сего», так молчаливо и таинственно, точно скрывая в себе невысказанные истории, стояли огромные шкапы с книгами и тяжелая мебель, что весь дом представлялся мне каким-то храмом, где царил культ какого-то прекрасного и далекого бога, культ воспоминаний. И в самом деле, каждая вещь была с ним связана. Старинное кресло, на котором в Сибири умер прадед Никита Михайлович; рабочий столик в виде жертвенника, старинный, массивный и тяжелый, подарок прадеда жене; всевозможные часы, портреты, миниатюры, изображавшие разных прабабок и кузенов. Важны были не имена Левицкого, Тропинина, Изабэ, Соколова, а история жизни изображенных лиц. Как всё это благоговейно показывалось и смотрелось! Это всё были страницы жизни, и при этом в рассказах и воспоминаниях проходили, как китайские тени на экране, фигуры декабристов Волконского, Трубецкого, Свистунова, Оболенского, Поджио, барона Розена, Сутгофа, Якушкина и многих других, вернувшихся из Сибири и собиравшихся у бабушки в доме по пятницам. Львиная голова А. П. Ермолова, характерная фигура Николая Николаевича Муравьева-Карского, Закревского, tante Nathalie, tante Lise и многих, многих других. И среди всего этого прошлого бабушка Софья Никитишна, в своем неизменном черном, простом платье, с крупными морщинами на характерном лице, с белыми, как серебро, волосами. Несмотря на скромное, почти бедное платье, от нее веяло таким благородством, такой истинной барственностью, которая невольно всеми чувствовалась. На всю ее жизнь и на характер неизгладимый отпечаток наложила ее жизнь с отцом, всё, что она видела и слышала в детстве. Бабушка не только любила своего отца, она его просто боготворила и свято чтила его память и всё, что он успел передать ей из своих знаний».[1] Этот фамильный музей и показывала С. Н. Бибикова Толстому, который взял у нее для прочтения какие-то

[1] А. Бибикова, «Из семейной хроники» — ИВ 1916, 11, стр. 423—425.

книги. О возврате их Лев Николаевич писал Бибиковой 14 марта.[1] В ответ она писала 17 марта: «Сейчас только что получила, Граф, ваше любезное письмо от 14 марта и спешу отвечать Вам. Разумеется Вы можете оставить книги у себя и не спешить их возвращением. Еще когда Вы были у нас, муж мой и я просили Вас навещать нас, Вы обещались побывать у нас и мы поджидали Вас. Вы всегда доставите нам истинное удовольствие, бывая у нас; и я никогда не откажусь говорить с Вами об отце моем, память которого я свято чту. Чем более Вы узнаете его, тем только более можете оценить его. Одно только смущает меня — я боюсь, что не сумею передать Вам во всей полноте характер отца моего и воспоминания моего детства о его товарищах. И потому заранее прошу Вашего снисхождения».[2]

Первым из декабристов, с которыми познакомился Толстой, был Петр Николаевич Свистунов. Он происходил из старинной дворянской фамилии. Сын камергера, Свистунов родился в 1803 г., воспитывался в иезуитском и Шабо пансионах и в Пажеском корпусе, откуда в 1823 г. вышел в Кавалергардский полк. В этом же году вступил он в тайное Северное общество, а затем был членом и Южного общества. Осужденный по II разряду за то, что «участвовал в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием, и в умысле бунта принятием в общество товарищей» был приговорен по конфирмации 10 июля 1826 г. к двадцати годам каторжных работ, сокращенных до пятнадцати лет. Выйдя в 1836 г. на поселение, Свистунов жил в с. Идинском (Каменка) Иркутской губ., а с 1838 г. в Кургане Тобольской губ. В 1841 г. Петр Николаевич был переведен в Тобольск, где служил в Общем губернском управлении и в Административно-статистическом комитете. Несмотря на то, что он занимал маленькие должности, Свистунов, благодаря своей высокой культурности, имел большое влияние на местную администрацию. В 1842 г. Петр Николаевич женился на дочери Курганского земского исправника Татьяне Александровне Дурановой, от которой имел троих детей. Большой дом Свистуновых был местом объединения тобольских декабристов. По манифесту 26 августа 1856 г. Свистунов с семьей приехал в Москву 10 марта 1857 г., но уже 16 марта принужден был выехать на жительство в Калугу. Получив от брата свою часть имения в Калужской губернии, Свистунов в 1859 г. был избран в члены Калужского дворянского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. Здесь он был в рядах либерального меньшинства вместе с декабристами кн. Е. П. Оболенским и Г. С. Батеньковым и петрашевцем Н. С. Кашкиным. В 1863 г. Свистунов приехал в Москву, где и скончался 15 февраля 1889 г., пережив всех своих товарищей, кроме Д. И. Завалишина, которого Петр Николаевич не считал «своим», себя называя «последним декабристом».

О работе Толстого по приезде в Москву Софья Андреевна записала 1 марта в своих заметках: «Всё время Л. Н. занимается чтением времен Николая Павловича и главное заинтересован и даже весь поглощен историей декабристов. Он ездил в Москву и привез целую груду книг и иногда до слез тронут чтением этих записок».[3] Об этом же 4 марта Софья

[1] Письмо это неизвестно.
[2] Письмо не опубликовано. Подлинник в ГТМ.
[3] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 41—42.

Андреевна писала Татьяне Андреевне Кузминской: «Левочка последнее время очень много читал и занимался изучением эпохи царствования Николая Павловича и истории бунта 14-го декабря 1825 г. Он даже ездил в Москву знакомиться с декабристами, стариками, бывшими в ссылке в Сибири и возвратившимися оттуда. Он хочет писать роман из этого времени и принимается за это так же, как в старые годы за «Войну и мир».[1]

Охваченный лихорадкой собирания материалов Лев Николаевич снова уехал 4 марта из Ясной поляны на этот раз не только в Москву, но и в Петербург. Но, приехав в Тулу, он должен был ожидать пять часов опоздавшего поезда. «Возвращаться, писал Лев Николаевич Софье Андреевне, не стоило того. Был у Пущиной. Много интересного от дочери Рылеева». Дочь К. Ф. Рылеева Анастасия Кондратьевна (1820—1890) с 1842 г. была замужем за Иваном Александровичем Пущиным (1809—1882).[2] Затрудняемся сказать, о какой Пущиной упоминает в письме Толстой. Возможно, что это — Евгения Ивановна (1838—1900), жена Дмитрия Александровича Пущина (1818—1894), брата Ивана Александровича. В Москве Толстой пробыл двое суток. Из всего того, что он сделал здесь по декабристским делам, мы имеем лишь скупые сведения в письме к Софье Андреевне:[3] «Потом поехал [5 марта] к Свистунову, у которого умерла дочь[4] и просидел у него 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста, Беляева. Зашел к Беляеву, потом к Бартеневу, у которого обедал».[5]

---

[1] Письмо не опубликовано. Подлинник в ГТМ.

[2] И. А. Пущин принадлежал не к той ветви Пущиных, к которой принадлежали декабристы И. И. и М. И. Пущины.

[3] Письмо № 98, датирующееся 5 марта.

[4] Младшая дочь Петра Николаевича, Екатерина Петровна Масленникова (р. в 1853 г., ум. 28 февраля 1878 г.).

[5] Упоминаемый в письме Александр Петрович Беляев, сын отставного офицера, служившего у гр. Разумовского управляющим имением, родился в 1803 г. По окончании морского кадетского корпуса, офицером фрегата «Проворный» Беляев побывал в портах Западной Европы и в Испании, с восторгом поднимал бокал в память казненного борца Риэго. Не принадлежа к членам тайного политического общества, Беляев, будучи, по его словам, «энтузиастом свободы», под влиянием товарищей принял участие в восстании 14 декабря, за что и был осужден по IV разряду к двенадцатилетней каторге и поселению в Сибири. Пребывание в тюрьме вместе с образованнейшими людьми своего времени позволило Беляеву значительно пополнить свое образование. Выучившись здесь английскому языку, Александр Петрович с братом перевел Гиббоновскую «Историю разложения и упадка Римской империи». В 1833—1840 гг. Беляев жил на поселении в Минусинске, где с братом занимался сельским хозяйством в крупных размерах. В 1840 г. их перевели рядовыми на Кавказ, а в 1845 г. они были уволены в отставку. Вернувшись в Россию, Беляев одно время управлял имением Э. Д. Нарышкина. Скончался Александр Петрович в Москве в 1887 году. Не принадлежа к крупным деятелям декабристского движения, А. П. Беляев никакой особенной известности, конечно, не приобрел бы, если бы не его обширные воспоминания, заключающие в себе немало интересных бытовых подробностей. Появлением в печати эти воспоминания обязаны Толстому. Печатая их в «Русской старине», М. И. Семевский писал в «примечании от Редакции»: «Печатаемые ныне «Воспоминания» Александра Петровича Беляева указаны нам знаменитым нашим писателем графом Львом Николаевичем Толстым. Он читал эти «Воспоминания» и, как свидетельствует их автор, «сделал на полях рукописи много отметок; согласно с указаниями гр. Л. Н. Толстого, — пишет г. Беляев, — я сделал необходимые прибавления того, что мною было упущено. Он же и поощрил меня к изданию этих воспоминаний, начатых много лет тому назад с

По поводу этих воспоминаний у Толстого с Беляевым завязалась переписка, из которой известны лишь письма Беляева. [1] Как видно из письма последнего от 6 марта 1878 г., Лев Николаевич накануне заходил к Беляеву за рукописью первой части его воспоминаний, [2] которую и взял с собою в Петербург, а затем в Ясную поляну, по приезде куда, 14 марта в письме к Свистунову посылал Беляеву какую-то записку. Вскоре после этого Толстой отправил ему и рукопись со своими замечаниями, сделанными на полях ее. [3]

В двадцатых числах октября Толстой в письме к Беляеву, посланному через П. И. Бартенева, [4] вероятно, просил прислать ему следующую часть воспоминаний, [5] что и было сделано. Возвратил рукопись Лев Николаевич в свой приезд в Москву в начале декабря 1878 г. Не застав Беляева дома (он был в Тамбовской губернии), Толстой оставил рукопись и письмо, на которое Беляев ответил 21 января. Из письма этого видно, что первая часть воспоминаний уже находится у Семевского, а в письме от 5 февраля Беляев благодарит Толстого за хлопоты, очевидно получив от него извещение, что Семевский согласен печатать воспоминания в «Русской старине». [6]

Кроме П. Н. Свистунова, М. И. Муравьева-Апостола, А. П. Беляева и Д. И. Завалишина, Толстой был знаком с декабристами: кн. С. Г. Волконским, П. И. Колошиным (1799—1854), жена которого Александра Григорьевна (рожд. Салтыкова) (1805—1871) приходилась Толстому четвероюродной теткой, М. И. Пущиным (1800—1869) и привлекавшимся к следствию, но не бывшим членом общества А. М. Исленьевым (1794—1884), дедом Софьи Андреевны Толстой.

Бартенев, у которого 5 марта обедал Толстой, — Петр Иванович Бартенев, редактор-издатель «Русского архива» в 1863—1912 гг., в 1867—1870 гг. принимавший ближайшее участие в добывании материалов для «Войны и мира» и правивший корректуру романа. Хранитель устных преданий большого числа дворянских семейств, любитель и знаток быта

единственной целью помянуть сердечным, благодарным словом всех тех, с которыми сводила судьба в различных обстоятельствах жизни, и которых прекрасные, возвышенные чувства и добродетели восторгали меня и пленяли мое сердце». (РС 1880, сентябрь, стр. 2—3.).

[1] Они опубликованы М. А. Цявловским в сборнике «Тайные общества в России в начале XIX столетия», М. 1926, стр. 205—208.

[2] В печатном тексте это первые тридцать глав первой части.

[3] О получении этой рукописи Беляев извещал 10 апреля Толстого, который 22 апреля в письме к М. И. Семевскому (письмо неизвестно) предлагал воспоминания Беляева напечатать в «Русской старине». В ответ Семевский 18 мая писал: «Вы спрашиваете меня, сколько я могу предложить за Записки Беляева? Я могу предложить 60 р. за печатный лист, но ранее декабря месяца сего года приобресть эти Записки никак не могу». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

[4] П. И. Бартенев 30 октября писал Толстому: «Я сам не знаю адреса Беляева, но он у нас бывает, и письмо ему будет передано». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

[5] т. е. XIV и XV главы первой части печатного текста.

[6] Первая часть «Воспоминаний о пережитом и перечувствованном с 1803 года» А. П. Беляева была напечатана в РС 1880 г., сентябрь и декабрь, за 1881 г. январь, март, апрель, июль, сентябрь, октябрь и декабрь. Вторая часть — в РС 1884 г., апрель и май, за 1885 г. март и декабрь, за 1886 г. февраль и ноябрь.

XVIII — первой половины XIX в., хорошо знавший, в качестве главного публикатора, фамильные дворянские архивы, Бартенев, конечно, сообщил Толстому немало ценных сведений о материалах по декабристам.

В Петербурге, где Толстой пробыл пять дней (приехал 6-го, уехал 11 марта), он был у гр. А. А. Толстой, у которой взял письма к ней В. А. Перовского, и в Петропавловской крепости (8 марта). Об этом посещении впоследствии вспоминала А. А. Толстая: «Комендант [1] принял его очень любезно, показывал, что можно было показать, но никак не мог понять, чего именно он добивается... Лев Николаевич пресмешно рассказывал нам эту беседу». [2]

В этот же приезд в Петербург Толстой познакомился с двумя очень для него полезными людьми, М. И. Семевским и В. В. Стасовым. Первый, редактор-издатель исторического журнала «Русская старина» (в 1870—1892 гг.) владел ценным собранием рукописей по декабристам, полученным им от декабристов бар. В. И. Штейнгеля (1783—1862) и Мих. Алдр. Бестужева (1800—1871). О своем знакомстве с Толстым Семевский так вспоминал через одиннадцать лет: «Лично мы имели удовольствие видеть знаменитого автора «Война и мир» только один раз, именно: в 1878-м году он посетил нас в С.-Петербурге, и затем мы провели у него, отдавая визит, более часу в самой интересной для нас беседе. Граф Лев Николаевич в то время живо интересовался источниками и материалами к задуманному им роману-хронике «Декабристы». Исполняя его просьбу, мы, после помянутого свидания, с величайшим удовольствием посылали ему в Москву, а затем в Ясную поляну, в течение нескольких месяцев, том за томом, рукописи из обширного архива «Русской старины», именно те, которые имели отношение к его художественному труду». [3]

Второй из новых знакомцев Толстого, Стасов, служа с 1856 г. в Комиссии по собиранию материалов по истории царствования Николая I, с 1872 г., кроме этого, заведуя отделением искусств в императорской Публичной библиотеке и имея обширный круг знакомств в научном мире, мог доставлять Толстому совершенно исключительные по своей ценности материалы, что, как увидим, он и делал.

Возможно, что третьим лицом, с которым познакомился Толстой в Петербурге, с целью получения от него материалов по декабристам, был Михаил Алексеевич Веневитинов, [4] археограф, член (с 1875 г.) императорской Археографической комиссии, в 1896—1900 гг. бывший директором Румянцевского музея.

В результате этой поездки, имевшей большое значение в деле учета и собирания Толстым материалов по декабристам, Лев Николаевич вступил по этому поводу в переписку с москвичами: П. Н. Свистуновым и А. П. Беляевым и петербуржцами: гр. А. А. Толстой, Н. Н. Страховым,

[1] Бар. Евграф Иван. фон-Майдель (1817—1881), бывший комендантом Петропавловской крепости.

[2] ПТ, стр. 19. Александра Андреевна неверно относит это посещение к 1879 г.

[3] РС 1889, 1, стр. 204.

[4] О знакомстве Толстого с М. А. Веневитиновым в Петербурге предполагаем на основании сохранившегося в архиве Толстого письма М. А. Веневитинова, о чем речь дальше. Возможно, конечно, что сношения между ними установились лишь путем переписки.

М. И. Семевским, В. В. Стасовым, В. А. Ислави́ным, М. А. Веневитиновым и С. А. Берс. Всех этих лиц Толстой в той или иной мере привлек к добыванию нужных ему материалов для романа.

Набравшись новых сведений и впечатлений, Толстой с увлечением принялся за работу. 14 марта он писал Страхову, что «доволен своей поездкой» «и дома, продолжает Толстой, весь ушел в свою работу и чувствую приливы радости и восторга». [1]

В этот же день Лев Николаевич написал письмо П. Н. Свистунову, свидетельствующее о том сильнейшем впечатлении, какое он вынес из общения с этим декабристом: «Многоуважаемый Петр Николаевич, писал Толстой, когда вы говорите со мной, вам кажется, вероятно, что всё, что вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль, кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны; и не потому, чтобы я особенно дорожил теми фактическими сведениями, которые вы сообщаете, а потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня. Я пишу эти несколько слов только, чтобы сказать вам это и попросить о двух вещах: 1) передать А. П. Беляеву вложенное письмо (я не знаю его адреса) и 2) пользуясь вашим позволением делать вопросы, спросить, нет ли у вас того религиозного сочинения или Записки Бобрищева-Пушкина, которое он написал в Чите, и ответа Барятинского. Если нет, то не можете ли вы вспомнить и рассказать, в чем состояло и то и другое.

Я был в Петропавловской крепости, и там мне рассказывали, что один из преступников бросился в Неву и потом ел стекло. Не могу выразить того странного и сильного чувства, которое я испытал, зная, что это были вы. Подобное же чувство я испытал там же, когда мне принесли кандалы ручные и ножные 25-го года.... Еще вопрос: что за лицо был комендант Сукин». [2]

В ответ на это письмо Свистунов сообщал (20 марта), что у него нет никаких сведений о сочинении П. С. Бобрищева-Пушкина и возражении кн. А. И. Барятинского, но что у него хранится перевод «Мыслей» Паскаля, сделанный Бобрищевым-Пушкиным. Относительно же коменданта Сукина Свистунов писал: «Мы его редко видели и, кроме официальных сношений, никаких с ним столкновений не имели. Он слыл строгим исполнителем своих непривлекательных обязанностей тюремщика. О душевных же его качествах или недостатках ничего не могу сказать». [3]

30 апреля Толстой приехал в Москву [4] снова для свидания с декабри-

---

[1] ПС, стр. 154.

[2] Александр Яковлевич Сукин (1765—1837), комендант Петропавловской крепости. Письмо опубликовано Н. Н. Гусевым в сборнике: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник». Труды Толстовского музея. М. 1928, стр. 62.

[3] Далее Свистунов, со слов плац-адъютанта Трусова, рассказывает о том, как Сукин, у которого была ампутирована нога, временами страдал от сильнейших болей. См. «Тайные общества в России в начале XIX столетия». М. 1926, стр. 200—201.

[4] Приезд датируется письмом Толстого к С. А. Толстой, начинающимся словами: «Пишу два слова». Это письмо, в издании писем Толстого к жене оказавшееся без номера (помещено между 101 и 102), датируется на основании штемпеля 30 апреля 1878 г.

стами, как писал он к Страхову.[1] На этот раз Лев Николаевич не ограничился устными рассказами Свистунова и взял у него письма, очевидно к нему, декабриста М. А. Фонвизина и «замечания» его жены, Натальи Дмитревны, рожд. Апухтиной, во втором браке бывшей за Ив. Ив. Пущиным.[2] Передавая Толстому эти рукописи, Свистунов сообщил Льву Николаевичу еще об одном имеющемся у него документе, автобиографической «Исповеди» Н. Д. Фонвизиной. Документ этот, вследствие совершенно исключительной интимности признаний автора, Свистунов не решился отдать для прочтения Толстому.

Вскоре по приезде в Ясную поляну Лев Николаевич писал (в первых числах мая) Свистунову: «Посылаю обратно письма Фонвизина и замечания его жены. И то и другое очень мне было интересно. Письма надо бы было переписать. Они сотрутся скоро... Насчет исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу — дать мне ее. Простите меня за самонадеянность, но я убежден, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть ее; в противном же случае, ее надо непременно сжечь. Тысячу раз благодарю вас за вашу ласку ко мне и снисходительность; вы не поверите, какое всегда сильное и хорошее впечатление оставляет во мне каждое свидание с вами... P. S. Тетрадь замечаний Фонвизиной я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было ее отослать, полагая, что я всё понял, но, начав нынче опять читать ее, я был поражен высотою и глубиною этой души. Теперь она уже не интересует меня как только характеристика известной, очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу еще внимательнее и несколько раз прочитать ее.[3] Пожалуйста, сообщите мне, как долго я могу продержать эту рукопись, или могу ли переписать ее?[4]

В ответном письме (от 10 мая) Свистунов разрешил Толстому снять копию с замечаний Фонвизиной, об «исповеди» же писал: «Насчет *исповеди* я ничего не могу вам сказать, потому что не понял, чего вы желаете».[5]

19 мая Толстой отослал Свистунову тетрадь замечаний Фонвизиной.[6] Неизвестно, снял ли он с них копию,[7] как неизвестно, и читал ли он «исповедь» Фонвизиной. Во всяком случае личность ее настолько привлекла Толстого, что он, как увидим, намеревался сделать Н. Д. Фонвизину-Пущину героиней своего романа.

В деле собирания устных рассказов о декабристах большие надежды, мало оправдавшиеся, Лев Николаевич возлагал на камер-фрейлину гр. А. А. Толстую, с 1846 г. жившую при дворе.

В бытность свою в Петербурге он просил ее расспрашивать о декабристах

---

[1] ПС, стр. 167.

[2] О М. А. Фонвизине см. стр. 563—564. По сообщению Б. Е. Сыроечковского, разбиравшего архив П. Н. Свистунова, в нем не оказалось ни писем М. А. Фонвизина, ни «замечаний» его жены.

[3] В Дневнике Толстого под 5 мая записано: «Читал утром записки Фонвизиной».

[4] КА, том шестой, 1924, стр. 238.

[5] «Тайные Общества в России в начале XIX столетия», стр. 201—202.

[6] См. письмо Толстого от этого числа в КА, том шестой, стр. 239.

[7] В архиве Толстого ее нет.

у придворных. Об этом же он писал через несколько дней по приезде в Ясную поляну: «То, о чем я просил вас узнать, разведать, еще больше, чем прежде, представляется мне необходимым теперь, когда я весь погрузился в тот мир, в котором я живу. Надобно, чтоб не было виноватых». [1] В ответ на это Толстая сообщала 31 марта: «Не сердитесь на меня, дорогой Лев, что до сих пор не могла доставить нужные вам сведения. Достать их гораздо труднее, чем я думала, так как смерть смела почти всех действующих лиц той эпохи. Старик Адлерберг, [2] к сожалению, жестоко осторожен; сын его [3] точно так же. Остается Суворов, [4] который, конечно, не обладает этой неприятной добродетелью, но помимо того, что в те времена он был мальчишкой, он так глух, что я не могу расспрашивать его о таком щекотливом вопросе на вечерах у государя, где мы с ним встречаемся. Однако, он обещал прийти ко мне на этих днях, и то, что мне удастся узнать, я передам вам прямо с пылу. Кто то мне недавно говорил, что князь Чернышев, [5] в то время генерал-адъютант, более всех настаивал на необходимости казни, но я сообщаю вам это, не ручаясь за достоверность, и мне не хотелось бы понапрасну чернить чью бы то ни было память. К тому же, вы ведь отыскиваете не виновных, а невинных». [6]

Ответ этот не удовлетворил Толстого, и он, как увидим, продолжал расспрашивать о главных виновниках казни.

В следующем своем письме (от 10 апреля), А. А. Толстая, не зная, что Лев Николаевич уже знаком с декабристами П. Н. Свистуновым и М. И. Муравьевым-Апостолом, называет их как лиц, могущих быть полезными Толстому, а затем, возможно, со слов А. А. Суворова сообщает, что Николай сам в Зимнем дворце допрашивал арестованных декабристов. По этому поводу Александра Андреевна распространяется о том, как у Николая под впечатлением показаний декабристов «родилась мысль создать корпорацию наблюдателей-жандармов, обязанность которых должна была состоять в том, чтобы открывать правду и восстановлять правосудие; как Николай написал собственноручно устав для жандар-

---

[1] ПТ, стр. 296.

[2] Гр. Влад. Фед. Адлерберг (1791—1884), во время восстания 14 декабря один из самых близких к Николаю людей, помощник правителя дел следственной комиссии над декабристами, в 1852—1872 гг. министр двора.

[3] Гр. Алдр. Влад. Адлерберг (1818—1888), министр двора в 1872—1881 гг.

[4] Алдр. Арк. Суворов, гр. Рымникский, кн. Италийский (1804—1882), внук полководца, в 1825 г. был юнкером л. гв. Конного полка, и в качестве такового принимал участие в подавлении восстания; впоследствии (в 1848—1861 гг.) генерал-губернатор Прибалтийского края, а затем (в 1861—1866 гг.) военный петербургский генерал-губернатор. Будучи приятелем декабриста кн. А. И. Одоевского, Суворов имел прикосновение к тайному обществу и был арестован, но после допроса Николая освобожден. О Суворове как декабристе см. в кн. «Восстание декабристов. Библиография». Составил Н. М. Ченцов. Гиз. 1920 (по указателю).

[5] Кн. Алдр. Ив. Чернышев (1786—1857), участник войн 1805—1814 гг., близкий Александру, а затем Николаю человек, в качестве члена следственной комиссии над декабристами фактически один из главных следователей, отличавшийся грубостью и жестокостью, военный министр в 1827—1852 гг. Чернышева Толстой вывел в «Хаджи Мурате».

[6] ПТ, стр. 299.

мов, который «несмотря на утопическую и идеальную сторону» является «chef d'oeuvre чувства и благородства». [1]

В ответ на это Толстой очень кратко писал: «Свистунова, Муравьева я знаю. Знаю и план адской мостовой жандармов [2] и очень благодарю вас за ваши заботы обо мне». [3] Очевидно Льву Николаевичу стало ясно, что из придворных сфер о декабристах мало узнаешь путного. Необходимо было обратиться к архивным материалам. Поставщиком последних явился прежде всего М. И. Семевский.

Уже на другой день по отъезде Толстого из Петербурга Страхов побывал у Семевского, от которого получил том рукописей, отправленный Страховым Толстому 13 марта. 15 марта Страхов писал Толстому: «Третьего дня пошла от меня, бесценный Лев Николаевич, посылка к Вам. Семевский рассыпался в сожалениях, что Вы не могли лично выбрать из его запаса, и уверял, что посылаемый том будет для Вас всего любопытнее. Он готов переслать Вам и всё, что у него есть, но не иначе, как по одному тому, то есть, когда возвратите ему один, он пошлет Вам другой... У него оказалось большое собрание ненапечатанных стихов и прозы Кюхельбекера, и его дневник. Куча тетрадей произвела на меня самое привлекательное и грустное впечатление; но я побоялся труда и времени, которых будет стоить чтение и обдумывание этих рукописей. А Вы ведь хвалили Кюхельбекера? Семевский живет близехонько от меня, так что мне очень удобно быть посредником между им и Вами. Но Вы удостоите его конечно и письмами, в которых выскажете свои желания». [4]

Еще до получения этого письма Толстой написал (15 марта) Семевскому, извиняясь, что он не был у него перед отъездом в Москву. На это, не дошедшее до нас, письмо Семевский отвечал 19 марта 1878 г.: «Милостивый государь, граф Лев Николаевич! Письмо ваше имел удовольствие получить. — Не скрою от вас, что я действительно от души пожалел, что вы не удосужились посетить меня в условный час и продолжить нашу беседу — среди тех самых материалов, о которых мы говорили.

На другой же день после Вашего отъезда был у меня добрый и уважаемый Н. Н. Страхов — по вашему поручению — благодарю вас за внимание. — С своей стороны — я верен изъявленной мною самой искренной готовности служить Вам всем, чем только могу. — Надеюсь, Вы получили уже от Н. Н. Страхова целый том *подлинных* писем (всего 107) умнейшего и даровитейшего из декабристов Николая Александровича *Бестужева?* Письма эти принадлежат моему собранию рукописей, мною приведены в порядок и, как видите, заботливо переплетены. Они объемлют три периода в жизни Н. А. Бестужева: 1) до катастрофы 14 декабря; 2) на каторге — когда от имени его писала письма Юшневская или кто-нибудь из других дам-спутниц мужей-декабристов и 3) когда Н. А.

---

[1] ПТ, стр. 302.

[2] Толстой имеет в виду известную французскую поговорку, что «ад вымощен благими намерениями».

[3] ПТ, стр. 305.

[4] ПС, стр. 154.

Бестужев, как поселенец, имел уже возможность писать письма от своего собственного имени. [1]

Прочтите эти документы, и весь нравственый облик этого в высочайшей степени симпатичного человека отпечатлеется в будущем Вашем художественном произведении.

В письме Вы выражаете желание получить теперь же записки Михаила Александровича *Бестужева*. Посылаю к Вам два тома, — копия с подлинных, переплетенная. — В копии есть несколько описок, которые вы легко заметите. Из двух томов рукописи в «Русской старине» 1870 г. напечатаны три небольшие отрывка и то сильно искаженные цензурой.— Посылаемая рукопись не есть собственно *записки*. Это ответ на вопросы, разновременно мною задававшиеся по почте в 1859—1861 гг. — в *Селенгинск* из Спб. и на все эти вопросы — Михаил Александрович — весьма обстоятельно и охотно отвечал мне, до того вовсе меня не зная и никогда не видавши. Лично мы познакомились лишь в 1867 году, когда М. А. Бестужев приехал из Селенгинска чрез Москву в Петербург. [2]

Дальнейший порядок высылки Вам рукописи будет таков: по прочтении высланного Вам тома чрез Н. Н. Страхова и ныне посылаемых 2-х томов, — потрудитесь их мне возвратить; я — немедля — вышлю Вам следующие книги, так же по одной или по две. * Искренно Вас уважающий Мих. Семевский. [3]

Полученный через Страхова от Семевского том писем Н. А. Бестужева Толстой чуть ли не в тот же день послал обратно Семевскому. Очевидно, письма Н. А. Бестужева не представили для него интереса. 16 марта Лев Николаевич писал Страхову: «Очень благодарен вам, дорогой Николай Николаевич, за присылку тетради Семевского. Я ее прочел и отослал и прошу другую — именно записки Бестужева». [4]

По получении от Толстого тома писем Н. А. Бестужева Семевский писал 25 марта Льву Николаевичу: «Сегодня получил от вас том писем Н. А. Бестужева. Сердечно благодарен за аккуратность возврата этих драгоценных для меня бумаг; но очень был бы рад, если бы узнал, что

---

[1] Посылавшийся Толстому том писем Н. А. Бестужева ныне хранится в составе собрания декабристских рукописей М. И. Семевского в ИРЛИ (по описи М. И. Семевского — № 5578). В сборнике имеется запись Семевского: «Сборник этот был препровождаем к гр. Льву Николаевичу Толстому, как материал для его романа «Декабристы». Из ста семи писем Н. А. Бестужева до сих пор опубликованы И. М. Троцким пять в сборнике «Бунт декабристов» Лгр. 1926 и им же и М. К. Азадовским двадцать два в книге «Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири». Вып. I. Изд. Иркутской секции научных работников. Иркутск. 1929, Г. В. Прохоровым одно и Н. В. Измайловым одно в сборнике Академии наук Союза ССР «Памяти декабристов», в. I, Лгр. 1926 и одно — М. К. Азадовским и И. М. Троцким в издании 1931 г. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев воспоминаний Бестужевых.

[2] Посылавшиеся Толстому два тома записок М. А. Бестужева ныне хранятся в ИРЛИ (по описи М. И. Семевского — №№ 5588 и 5589). Эти «записки» публиковались частями М. И. Семевским в газ. «Век» 1861, № 13, в РС 1870, т. I и II (август) и 1881 № 11; П. Е. Щеголевым в «Былом» 1907, № 8, в «Откликах» № 21 прил. к газ. «День» 1914 г. и «Воспоминаниях братьев Бестужевых» изд. «Огни» 1917 г. и М. К. Азадовским и И. М. Троцким в книге «Воспоминания Бестужевых». М. 1931.

* В конце мая я уезжаю месяца на 4 за границу.

[3] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

[4] ПС, стр. 155.

и этот сборник вами просмотрен и найден не бесполезным. Получили ли вы 2 тома рук[описных] зап[исок] М. А. Бестужева? Между тем верный своему обещанию, в обмен на возвращаемую мне книгу посылаю вам 26 марта еще два тома рукописей. Одно — это подлинник, автограф записок *барона Штейнгеля* — под заглавием «Записки несчастного». В рукописи помещен рассказ о жертвах доноса некоего Ипполита Завалишина в Оренбурге 1827 г. Здесь интересно *предисловие*, не бывшее в печати, и весь тон и слог рассказа, крайне характеризующие Штейнгеля и тот круг, которому он принадлежал. «Записки» составлены в Сибирском остроге для прочтения их на литературных вечерах, которые устраивались декабристами в их каморках друг у друга, под «отческим» покровом их добрейшего стража Лепарского.[1] Кстати о стражах. Комендантом в Петропавловской крепости 1825 г. был *Сукин*, калека на одной ноге, плац-майором — *Подушкин*. Впрочем обстоятельная справка о стражах будет вам сообщена.

В другой рукописи (копия), посылаемой ныне вам, вы найдете: 1) о Рылееве; 2) Воспоминанье о нем Оболенского; 3) Дневник путешествия из Читы в Петровск в 1830 г. декабристов, составлено бар. В. И. Штейнгелем; 4) «Одичалый» — стих. Батенкова; 5) Письма Батенкова и Штейнгеля и 6) некоторые мелочи из бумаг Штейнгеля.[2]

О получении этих двух сборников пожалуйста не оставьте меня уведомить».[3]

---

[1] Отрывок из «Записок несчастного» «Этапы и полуэтапы» был напечатан в газете «Век» 1861 г. (№ 12) полностью (с цензурными сокращениями). «Записки» были изданы по рукописи, посылавшейся Толстому, Семевским в «Заре» 1869 г. (кн. IV и V) и РС 1881 (т. XXXII) и 1882 (т. XXXIII). Предисловие Штейнгеля до сих пор полностью не напечатано.

[2] По описи М. И. Семевского это — рукопись № 5590. В начале этого тома имеется такая аннотация Семевского: «Настоящий сборник, в числе некоторых других моих рукописных сборников, был дан мною графу Льву Николаевичу *Толстому*, когда знаменитый и высокоталантливый романист этот обратился ко мне лично весною 1879 г. [ошибка, вместо: 1878 г. М. Ц.] в Спб., с просьбою дать ему возможность познакомиться с материалами о декабристах. — Гр. Л. Н. Толстой предполагал тогда писать роман из эпохи 1825—1826 гг., но мысль эта затем была им, к сожалению, оставлена». По нашей просьбе В. В. Гиппиус любезно сделал описание этого тома. Из этого описания видно, что часть тома, названная Семевским «о Рылееве» заключает в себе: 1) «О Рылееве». Заметки о его бумагах. Статья Евгения Ивановича Якушкина (было напечатано в «Пол. Звезде» 1862 г.) [последнее указание (М. И. Семевского) — ошибочно. М. Ц.]. Копия; 2) письма Рылеева к жене 1825—1826 гг. Копия и 3) примечания к первой части «Войнаровского». Копия. «Воспоминанье о нем Оболенского» — воспоминания о Рылееве кн. Е. П. Оболенского, напечатанные в сборнике «XIX в.» 1. М. 1872. «Дневник путешествия из Читы в Петровск в 1830 г. декабристов составлено бар. В. И. Штейнгелем» напечатан в сборнике «Декабристы. Неизданные материалы и статьи», «Одичалый» — стихотворение Батенкова, впервые напечатанное в «Русской беседе» 1859, т. III, кн. 15. Письма Г. С. Батенкова к бар. В. И. Штейнгелю 1856—1857 гг. (не опубликованы). Семевский описался, написав «и Штейнгеля»: писем Шгейнгеля в этом томе нет. «Некоторые мелочи из бумаг Штейнгеля» это — 1) Заметки Шгейнгеля о крепостном праве и раскольниках 1833 г. 2) выписка его из указа 1725 г. о чернеце Федосе, 3) пословицы и поговорки, записанные Штейнгелем, 4) выписки и заметки: а) из указа о кулачных боях 1726 г., б) высочайшая резолюция о браках с польками, в) об отдаче арестантов в солдаты (обе резолюции Николая I), г) стих. Державина о рабстве, д) пространство и населенность Сибири 1829 г. и копии разных стихотворений.

[3] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

Вероятно, во исполнение этой просьбы Толстой и писал 2 апреля Семевскому. [1] В следующем письме (от 22 апреля) [2] Толстой, вероятно, извещал об отправке Семевскому рукописей, отправленных им Льву Николаевичу 26 марта, и просил о присылке новых, что и было исполнено Семевским, который 18 мая писал Толстому: «Извините, граф, что за всевозможными недосугами до сих пор не отвечал вам на письмо ваше от 22 апреля, но ответом могли послужить два новых тома Бестужевских писем (А. А. Бестужева-Марлинского), которые я поспешил послать к вам на просмотр и прочтение. Эта новая посылка, которую вы, вероятно, своевременно получили, — пусть послужит доказательством постоянной готовности моей быть вам полезным.

Все тетради, прежде посланные вам, я исправно получил обратно, а именно: 1. Письма Н. А. Бестужева; 2. Два тома «Записок» М. А. Бестужева; 3. Один том «Записок» Штейнгеля. 4. Один том мелких по объему статей о Батенкове, Рылееве и пр.». [3]

Судя по сохранившимся в архиве Толстого его рукописям, относящимся к роману «Декабристы», ничто из материалов, полученных от Семевского, не привлекло внимания Льва Николаевича: ни в записных книжках, ни в «началах» романа нет следов чтения этих материалов. Это объясняется тем, что документы, принадлежавшие Семевскому, относятся преимущественно к эпохе после 14 декабря, тогда как тематика сохранившихся Толстовских записей и «начал» взята из времени, предшествующего событиям 14 декабря.

Полезней, чем Семевский, оказался для Толстого В. В. Стасов. В том же письме (от 16 марта) к Страхову, в котором Лев Николаевич извещал его о посылке Семевскому тома писем Н. А. Бестужева, Толстой обращается с тем же вопросом, с каким он обращался к А. А. Толстой: «Стасова, как члена Комитета и т. д. Николая I, [4] я очень прошу, не может ли он найти, указать, — как ⟨кто⟩ решено было дело повешения 5-х: кто настаивал, были ли колебания и переговоры Николая с его приближенными?» [5] В ответ на это Страхов 28 марта писал: «Стасову передал вашу просьбу, и он изъявил величайшую готовность и через несколько дней пришлет вам». [6]

Сам Стасов, вместо ответа на вопрос Толстого, решил послать ему копию с письма известного архимандрита Фотия (1792—1838). В сопроводительном письме (от 31 марта) Стасов писал: «Итак, посылаю вам копию с письма Фотия, оно авось принесет вам несколько золотников той атмосферы, которая носилась около этого русского изувера, грубого и шершавого как самый захолустный мужик, а смышленного и лукавого как петербургский лавочник. Письмо это примечательно тем, как вы,

[1] Письмо это неизвестно. О нем упоминает Семевский в своей заметке о Толстом в РС 1889, № 1, стр. 205.

[2] Оно также не сохранилось. Упоминается в письме Семевского к Толстому от 18 мая.

[3] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

[4] т. е. Комитета для собирания материалов по истории царствования императора Николая.

[5] ПС, стр. 155—156.

[6] ПС, стр. 156.

конечно, и сами увидите, что этот дрянной попишка обдувает своих доверчивых корреспондентов и наивных поклонников, уверяя их, что видел в сонном видении их покойную дочь, и в каком она теперь положении. Если этот документ (доставленный мною Публичной Библиотеке) окажется вам годным, то я пожалуй достал бы вам еще другие — иного сорта, из той же эпохи. Например, я бы постарался добыть и списать вам копию с собственноручной записки императора Николая I о всем военном и др. обряде, какой надо соблюсти при повешении 5-ти декабристов, — хотите? Только я лучше пошлю вам это при какой-нибудь оказии или вручу лично, буде вам случится как-нибудь еще раз прикатить сюда в Питер. А вашего приезда я бы желал не только для вручения вам того или этого, и *даже* не для того одного, чтоб мне с вами увидаться, — вот для чего. Нынче уже совсем мало осталось людей на лицо из эпохи декабристов, а если и остались такие, то всё это *дворяне* и иные люди среднего сословия. Представьте же себе, что мне случилось набрести на отличного человека того времени, и этот человек — во-первых, женщина (разумеется, старая), а, во-вторых, — женщина из «низшего» сословия. А именно — это няня, умная, толковая, энергичная, которая в 1826 г. молодой горничной последовала за своим сосланным господином и его молодой женой, добровольно поехавшей с ним; что это за женщина такая, и с какой благоустроенной душой, вы можете судить по тому, что пришло одно такое время, когда ее «барским детям» нечем было существовать, она вязала чулки, продавала их, — и только этим они все и жили. И так далее, и так далее. Мне кажется, вам бы не худо при случае повидать эту хорошую старушку и послушать ее. [1] Что касается до вашего поручения (через Страхова), у меня *мало* надежды узнать то, что вам хочется, ведь это можно открыть разве в каких-нибудь рукописных записках, а где их добудешь? Впрочем, я всё-таки еще не теряю кураж. Погодите еще немножко, и что узнаю, то напишу вам». [2]

В ответ на предложение Стасовым записки Николая I Толстой писал 6 апреля: «Копия с записки Николая, о которой вы пишете, была бы для меня драгоценностью, и не могу вам выразить мою благодарность за это». [3] В свою очередь Стасов 12 апреля писал Толстому: «Я очень рад, что вам пригодится та записка Николая, про которую я вам писал. Но копия всё еще не в моих руках; раньше начала мая я ее не получу, потому что тот барин, кому теперь принадлежит оригинал, недавно уехал с женой за границу.... он в начале мая воротится сюда, и тогда я тотчас спишу вам копию, а с кем отправлю — посмотрим». [4]

«Барин», которому принадлежала записка Николая, был приятель

---

[1] Речь идет о няне детей декабриста В. П. Ивашева (1794—1840), воспитывавшихся у бабушки Леданте. Няню Стасов видел у дочери Ивашева Марьи Васильевны Трубниковой (1835—1897).

[2] ТС, стр. 27—28. Посланная Стасовым копия письма Фотия не сохранилась в архиве Толстого. Письмо это, по словам Стасова, «доставленное им Публичной библиотеке», на самом деле доставлено не было; по крайней мере, по наведенным по моей просьбе справкам заведующим рукописным отделением Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, И. А. Бычковым, этого письма в Библиотеке не имеется.

[3] ТС, стр. 31.

[4] Там же, стр. 32—33.

Стасова, гр. Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848—1913), поэт, внук гр. Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, бывшего в 1825—1830 годах Петербургским генерал-губернатором.

Лишь 3 июня Страхов писал Толстому: «Стасов говорит, что записку Николая он перешлет через меня;[1] а может быть удастся ее захватить и Степану Андреевичу»,[2] а затем приписывал в конце письма: «Сейчас Стасов условился, что завтра передаст свой драгоценный документ, но просил о строжайшем секрете».[3]

Получив, наконец, привезенную С. А. Берс копию записки Николая, Толстой писал Стасову 9 июня: «Не знаю, как благодарить вас, Владимир Васильевич, за сообщенный мне документ. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня. Считаю себя вечным должником за эту услугу. За discrétion[4] свою могу ручаться. Я не показал даже жене, и сейчас переписал документ, а писанный вашей рукой разорвал».[5]

В архиве Толстого не сохранилась и эта, сделанная им, копия: вероятно, и ее Лев Николаевич впоследствии уничтожил. Но до этого он читал документ своему знакомому кн. Д. Д. Оболенскому, который так об этом рассказывает: «Когда Л. Н. Толстой начал писать роман «Декабристы», из коего впоследствии вылилась «Война и мир», ему доступны были архивы, и он был поражен собственноручной запиской Николая Павловича, в которой весь церемониал казни декабристов был предначертан им самим во всех подробностях (с особенным правописанием императора без буквы ѣ, так как он ее не признавал и заменял всегда е). Мне Толстой читал снятую им копию; там встречается такая фраза: *когда их выведут, то барабанам пробить мелкую дробь* и т. д. «Это какое-то утонченное убийство», возмущался Л. Н. Толстой этой запиской».[6]

Получив ее, Лев Николаевич снова (в письме от 9 июня) обращается к Стасову: «Вот еще просьба. Меня интересовало и интересует особенно, кто особенно настаивал на смертной казни? Свистунов, декабрист, ска-

---

[1] Страхов собирался в июле приехать в Ясную поляну.

[2] Брат С. А. Толстой С. А. Берс уезжал в ближайшие дни в Ясную поляну.

[3] ПС, стр. 179. В этом же письме Страхова читаем: «Стасов немного сетует на вас, но не велел сказывать, а всё-таки просил написать, что будто бы Пыпин *мне* говорил о трех любопытных для вас вещах: 1) Что в Пскове живет декабрист Назимов, старик лет 80, еще свежий и умеющий рассказывать; 2) Что здешний попечитель Учебного округа, кн. Волконский — сын декабриста и обладает большими материалами; 3) Что он, Пыпин, обладает несравненною редкостью, уставом Союза благоденствия и, если вы желаете, для вас, но только для вас может изготовить копию». Неизвестно, воспользовался ли Лев Николаевич этими предложениями: в письмах его к Страхову и Стасову нет об этом ни слова.

[4] [скромность]

[5] ТС, стр. 35.

[6] «По поводу казней декабристов». Заметка кн. Д. Д. Оболенского. — «Наша старина» 1917, в. 2, стр. 35—36. Имеется еще свидетельство об этом документе в статье П. Е. Щеголева «Николай I и декабристы». (Очерки. Изд. «Былое». Пгр. 1919, стр. 33.) «Существует, пишет Щеголев, один любопытный документ, о котором говорил нам Н. К. Шильдер. Сам Шильдер не только не привел его в своем труде о Николае I, но даже и не упомянул о нем. Это — составленный и собственноручно написанный Николаем Павловичем с многочисленными помарками обряд, по которому должна была быть совершена казнь и экзекуция над декабристами».

зал мне, что особенно настаивал Карамзин и доказывал необходимость Правда ли это? Есть ли какие указания? Где?» [1]

На это Стасов отвечал 15 июня: «Что касается *Карамзина* и того, что вы спрашиваете, надеюсь дать вам скоро ответ. Правда, ни в каких мемуарах, письмах и записках, мне до сих пор доступных, я ничего подобного не слыхал и ничего вообще не знаю об этих совещаниях и о том, кто из заседающих на чем настаивал; но по моей просьбе будет спрошен *Богданович* (военный писатель) — единственный до сих пор человек, которому было позволено развернуть «подлинное дело». Что узнаю, напишу вам». [2] Но, вероятно, Стасов ничего не узнал, по крайней мере в письмах его ничего нет об этом, да и не могло быть, так как ни опровергающих, ни подтверждающих утверждение Свистунова о Карамзине данных до сих пор неизвестно. [3]

Насколько сильно заинтересовался Толстой запиской Николая о повешении декабристов, настолько же он остался равнодушен к предложению Стасова познакомиться с няней детей Ивашевых. На предложение это (в письме от 31 марта) Лев Николаевич ничего не ответил, и в конце мая Страхов писал Толстому: «Стасов огорчается вашим молчанием», [4] на что Лев Николаевич ответил 29 мая: «Что сказать Стасову? Об Ивашеве я почти всё знаю. Очень благодарю за участие, но прошу особенно о записке Николая», [5] а самому Стасову Толстой писал 9 июня: «По переданному мне Степой [6] я понял, что вы недовольны мною за мое равнодушие к переписке Ивашева. Недостаточное чувство интереса к Ивашевской переписке происходит во мне оттого, что из всей истории декабристов Ивашев сделался модною историей: и Дюма писал, и все дамы рассказывают, и один господин прислал мне повесть, составленную из подлинной переписки Ивашева и Le Dantu, и в бумагах, которые я имею из Казани, опять речь об этом. Я мало интересуюсь не потому, что это сделалось пошло, и пошлое бывает значительно, но потому, что тут много фальшивого и искусственного, и к несчастью только поэтому это сделалось так пошло». [7]

---

[1] ТС, стр. 36.

[2] Там же, стр. 37.

[3] Б. в. к. Николай Михайлович старался доказать, что на смертной казни пяти декабристов настаивали А. И. Чернышев, В. В. Левашев и П. В. Голенищев-Кутузов (ИВ, 1916, № 7, стр. 105), но, кажется, правильнее будет утверждать, что они только поддерживали решение Николая казнить главных виновников события 14 декабря. По крайней мере, уже 15 декабря царь писал брату Константину: «Страшно сказать, но необходим внушительный пример, и так как в данном случае речь идет об убийцах, то их участь не может не быть достаточно сурова». («Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. 1926, стр. 147.)

[4] ПС, стр. 172.

[5] Там же, стр. 177.

[6] т. е. Степ. Андр. Берс.

[7] ТС, стр. 35. В этой характеристике переписки Ивашева Толстым допущена неточность: Дюма описал в романе «Учитель фехтования» историю не Ивашевых, а И. А. Анненкова и Полины Гебль, об Ивашевых же писал Герцен в «Былом и думах». Под «господином, приславшим повесть, составленную из подлинной переписки Ивашева и Le Dantu» Толстой разумеет М. А. Веневитинова, о чем речь дальше. О бумагах, полученных Толстым из Казани, ничего неизвестно.

В том же письме (от 12 апреля), в котором Стасов сообщал Толстому о записке Николая, он обещал достать тридцать три портрета декабристов, награвированных «тотчас после тогдашней истории лично для самого императора (вдруг как-то заинтересовавшегося)» и отпечатанных лишь в трех экземплярах, один из которых был в Зимнем дворце, а другой «после тысячи корридоров попал в частные руки». «Если вы будете в сентябре или октябре здесь в Петербурге», — писал Стасов, — «я могу вам показать — раньше нет». [1] Неизвестно, видел ли Толстой эти портреты, о существовании которых, кроме сообщения Стасова, есть свидетельство П. И. Бартенева, видевшего портреты (по его словам, «литографированные») в собрании Г. Н. Геннади. [2]

Кроме записки Николая I об обряде повешения декабристов, Стасов (15 июня) посылал Толстому копию еще с какого-то автографа Николая, о котором писал: «Он, конечно, менее важен, чем предыдущий, но всё-таки *очень важен и интересен* [курсив Стасова]. Вот вы сами увидите. Как и прежний, этот документ писан к графу Голенищеву-Кутузову, бывшему дядьке Николая I, а в это время военному генерал-губернатору Петербурга». [3] О каком документе идет речь, остается неизвестным, так как и этой копии в архиве Толстого не имеется.

Этим пока и ограничились сношения Толстого с Стасовым по вопросу о декабристских материалах.

Вслед за Семевским и Стасовым доставил в первой половине апреля 1878 г. Льву Николаевичу рукописные материалы и М. А. Веневитинов. Материалы эти, сохранившиеся в архиве Толстого, [4] заключают в себе: 1) извлечения из переписки гр. Мих. Юр. Виельгорского (1788—1856) [5] о преследовании масонов правительством; 2) извлечения из писем гр. Г. И. Чернышева и Жуайе, гувернера его сына гр. З. Г. Чернышева, о дуэли последнего с кавалергардом С. А. Горяиновым; [6] 3) отрывок из письма Жуайе о дуэли Д. Я. Ланского с И. А. Анненковым, с пояснением гр. Егора Евгр. Комаровского (1803—1875); 4) запись со слов гр. С. Вл. Комаровской (март 1873 г.) по поводу «Русских женщин» Некрасова; 5) запись рассказов гр. Е. Е. Комаровского (2 и 5 августа 1874 г.): а) о поездке гр. Евгр. Федот. Комаровского 15—17 декабря 1825 г. из Петербурга в Москву и встрече по дороге с П. Н. Свистуновым, [7] б) о гр. Ег. Евгр. Комаровском и А. Ф. Орлове (рассказ не имеет отношения к декабристам) и в) о сношениях кн. А. И. Одоевского с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым, об Одоевском на Сенатской площади

[1] ТС, стр. 33.

[2] См. РА 1881, II, № 2, стр. 277. О судьбе этих портретов ничего неизвестно.

[3] ТС, стр. 37.

[4] Рукопись в шестнадцать страниц в лист руки неизвестного с поправками руки М. А. Веневитинова, начинающаяся словами «1. Отрывки из переписки графа Мих. Ю. Вьельгорского...». АТБ, папка XVI, № 1.

[5] Гр. М. Ю. Виельгорский приходился дедом (по матери) М. А. Веневитинову.

[6] На основании этих извлечений из писем история дуэли изложена С. А. Панчулидзевым в биографии С. А. Горяинова в «Сборнике биографий кавалергардов 1801—1826 гг.» под ред. С. Панчулидзева. Спб. 1906, стр. 308, где указан источник: «Письма к гр. М. Ю. Вьельгорскому, сообщ. М. А. Веневитиновым».

[7] См. этот эпизод в «Воспоминаниях» гр. Е. Ф. Комаровского, изд. «Огни», 1914, стр. 247—248.

14 декабря и выдаче его властям В. С. Ланским; [1] 6) запись со слов не названного лица о дуэли в 1813 г. Сергея Павловича Шипова с кн. И. С Голицыным. [2]

Судя по тому, что в этих записях М. А. Веневитинова имеются рассказы о трех дуэлях, можно думать, что Толстой специально просил Веневитинова сообщить, что ему известно об этом характерном, особенно для Александровской эпохи, явлении среди гвардейских офицеров.

В сопроводительном при посылке рукописей письме (от 9 апреля) Веневитинов сообщал: «Наконец, документы мною вам обещанные, переписаны и отправлены мною вам по почте. Прошу вас простить мне медленность исполнения этого моего обещания. Письмо от 6 апреля было уже мною написано, когда я получил переписку Ивашева. Поэтому я ничего не прибавил про нее в первом письме. [3] Спеша удовлетворить ваши ожидания, я посылаю вам мои материалы в сыром виде, в каком они были у меня записаны. Ивашевскую переписку когда-нибудь хочется мне обработать в исторической форме, в числе других материалов, которые я еще надеюсь добыть. По поводу этой переписки повторяю вам то же доверие, о котором писал вам 6 числа». [4]

«Ивашевская переписка», посылавшаяся М. А. Веневитиновым, это — та «повесть, составленная из подлинной переписки Ивашева и Le Dantu», о которой писал Толстой Страхову 9 июня. Рукопись, посланная Веневитиновым Толстому, сохранилась в его архиве. [5] Первые тридцать четыре страницы ее заняты очерком «Роман декабриста», составленным М. А. Веневитиновым на основании семейных писем и прошения, относящихся исключительно к 1830 г. [6] Самая «переписка по поводу брака В. П. Ивашева и Камиллы Ледантю» в качестве «приложения» к «Роману», занимает последние четырнадцать страниц рукописи и заключает в себе копии пятнадцати документов. [7]

В поисках декабриста, прототипа одного из героев своего романа, Толстой, очевидно, одно время остановился на кн. А. И. Одоевском, о чем свидетельствует письмо (от 30 мая) приятельницы Толстого Прасковьи Федоровны Перфильевой, рожд. гр. Толстой ко Льву Николаевичу. Мать мужа П. Ф. Перфильевой Анастасия Сергеевна Перфильева, рожд. Ланская, приходилась троюродной сестрой декабристу кн. А. И. Одоевскому. Из письма П. Ф. Перфильевой видно, что Толстой интересовался, во-первых, вопросом, какие имущественные отношения существовали между декабристом кн. А. И. Одоевским и его двоюродной теткой

---

[1] Об этом рассказывается в записках кн. С. П. Трубецкого.

[2] Если не ошибаемся, в печати известий об этой дуэли не имеется.

[3] Это письмо не сохранилось.

[4] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

[5] Рукопись в двенадцать листов (сорок восемь страниц) in f°, сшитых в тетрадь; хранится в ГТМ.

[6] «Роман декабриста» М. А. Веневитинова, датированный 25 марта 1875 г., был им напечатан в «Русской мысли» 1885, 10, стр. 116—142. Текст, посланный Толстому, имеет незначительные стилистического характера отличия от журнального текста.

[7] Документы эти перечислены в предисловии к «Роману декабриста» в «Русской мысли» (стр. 116).

Варварой Ивановной Ланской, рожд. кж. Одоевской, и, во-вторых, наружностью кн. А. И. Одоевского. О последней Перфильева пишет: «Высокого росту, худощавый с прекрасными большими голубыми глазами и каштановыми волосами». Больше Maman [1] ничего не помнит, потому что ей было 12 лет, когда она его видала». [2]

Наконец, обращался Толстой за сведениями о казненном декабристе М. П. Бестужеве-Рюмине к его племяннику, историку Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину, [3] сообщившему ряд интересных семейных преданий о декабристе и его родных [4] и приславшему копии письма декабриста от 16 ноября 1824 г. к С. М. Мартынову и ответа последнего. [5]

Все эти устные предания и рукописи, передававшиеся Толстому гр. А. А. Толстой, С. Н. Бибиковой, М. И. Семевским, В. В. Стасовым, М. А. Веневитиновым и П. Ф. Перфильевой — всё это было дворянское, Толстому же, кроме этих материалов, по его выражению, «Олимпа», нужны были материалы по крестьянам. За этими материалами Лев Николаевич обратился к дяде Софьи Андреевны, Владимиру Александровичу Исславину, служившему в Министерстве государственных имуществ членом Совета министра.

В архиве этого Министерства хранились интересовавшие Толстого «дела» о переселении крестьян в Оренбургский край и Сибирь. В бытность свою (в марте) в Петербурге Лев Николаевич взял с собою из этого архива пять «дел». Отсылая их обратно, вскоре по приезде в Ясную поляну, Толстой писал В. А. Исславину: «Я просил Петю [6] с тем, чтобы не утруждать тебя, отобрать мне, сколько можно еще взять дел о переселениях 20-х годов в Оренбургские и Сибирские края, и прислать, и об этом прошу тебя». [7]

В ответ В. А. Исславин писал Толстому 13 апреля: «Вчера, любезный друг, приехал ко мне Степа [8] и взял целую кипу переселенческих дел за время от 1809 до 1825 года. Сестра Люба [9] взялась переслать тебе первую эту кипу (в 10 дел) по почте, другую же (тоже в 10 дел) я оставил покуда у себя: во-первых, потому что было бы слишком грузно, а во-вторых, чтобы по первому транспорту ты мог бы судить и дать мне ответ, годен ли тебе второй, тем более, что в этих последних делах перекочевка,

---

[1] Т. е. свекровь, А. С. Перфильева.

[2] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

[3] Письмо Толстого к К. Н. Бестужеву-Рюмину неизвестно. Лев Николаевич обратился к нему, вероятно, по совету, а может быть и при содействии его брата, начальника Тульского оружейного завода в 1876—1889 гг. Василия Николаевича Бестужева-Рюмина, бывавшего в Ясной поляне.

[4] Письмо К. Н. Бестужева-Рюмина к Толстому (без даты) сохранилось в АТБ и опубликовано М. А. Цявловским в сборнике: «Декабристы и их время». Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Изд. политкаторжан, I, М. 1928, стр. 206—209.

[5] Копии эти сохранились в АТБ. По подлинникам письма напечатаны Б. Л. Модзалевским в сборнике Академии наук СССР «Памяти декабристов», III, Л. 1926, стр 202—227.

[6] Петр Андреевич Берс, брат С. А. Толстой.

[7] Письмо не опубликовано; подлинник в ГЛМ.

[8] С. А. Берс.

[9] любовь Александровна Берс, рожд. Исславина, теща Толстого.

как видно, из средних губерний на восток, в Оренбургскую и особенно Саратовскую губернию стала увеличиваться, и заметно стало сильное движение в 26, 27, 28 и т. д. годах. Впрочем, собственно для твоих целей достаточно, может быть, будет и того, что я тебе посылаю; но если бы кто возымел намерение написать серьезную статью о передвижении народонаселения в России за нынешнее столетие, то в архиве Министерства государственных имуществ материалы богатые, и они все к твоим услугам». [1]

«Дела» эти Толстой держал у себя долго. Еще в сентябре 1878 г. он писал В. А. Ислявину: «У меня дела твои о переселении, и не думай, чтобы я забыл возвратить их. Они мне нужны. Можно еще держать?» [2] Ответ В. А. Ислявина неизвестен, но вероятно, об этих материалах писал П. А. Берс Толстому 9 ноября 1879 г.: «У Владимира Александровича я был и передал ему твои бумаги». [3]

Летом 1878 г. в занятиях Толстого произошел перерыв. Числа 12 июня он (с сыновьями Ильей и Львом и их гувернером Нифом) уехал в свое Самарское имение, откуда вернулся в первых числах августа. Ко времени отъезда в Самарскую губернию работа Льва Николаевича над романом состояла главным образом в чтении печатных и рукописных материалов, сопровождаемом записями нужных книг и статей, какова, например, запись от 13 января 1878 г. в Записной книжке А (стр. 445). Кроме этого, Толстой в Записной книжке Б заносил сведения об интересовавших его людях, почерпнутые как из книг (преимущественно из «Русского архива» и «Русской старины»), так и из устных рассказов М. И. Муравьева-Апостола, П. Н. Свистунова, вероятно, С. Н. Бибиковой и других, нам неизвестных, лиц.

Решающим же моментом для дальнейшей работы над текстом романа явилось, надо полагать, получение Толстым дела о тяжбе за землю государственных крестьян с помещиком. 16 марта 1878 г. С. А. Берс писал Льву Николаевичу: «Бумаги присылаю тебе все, которые мне дал Утин; ежели еще что нужно, напиши мне». [4] Упоминаемый Утин — вероятно, Яков Осипович Утин, в это время член консультации министра юстиции, заведующий статистическим отделом Министерства юстиции, до этого служивший в Сенате. «Бумагами», которые он передал Берсу, было, как мы полагаем, «дело», извлеченное из архива Сената. За это говорит такая

---

[1] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

[2] КА, том седьмой, стр. 250.

[3] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ. В записках Д. П. Маковицкого под 20 октября 1905 г. читаем: «Я читал в Брокгаузе статью «Переселение». Лев Николаевич спросил, что я там прочел, и осведомился, сколько переселилось в Ташкент. «Я этим занимался, сказал Лев Николаевич, читал бумаги из архива министерства государственных имуществ [в записи Маковицкого стоит: «министерства земледелия?»]. Переселение шло вопреки правительству; правительство своими мерами только препятствовало ему. Переселенцы, которые надеялись на помощь правительства, пришли в Бузулук, остановились там и начали жать. Другие же шли дальше, нанимались к башкирцам сено косить из части, продавали свою часть и шли дальше. Читал даже про таких, которые взяли с собой семена, осенью посеяли рожь, собрали, продали и на эти деньги ехали дальше; а до урожая косили траву башкирцам». — ГМ 1923, 3, стр. 22.

[4] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

запись в дневнике С. А. Толстой от 6 октября 1878 г.: «Утром взошла к Левочке, он сидит внизу за столом и пишет что-то. Это он начал, говорит, в десятый раз начало своего произведения. Начало — это прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком. Дело это он вычитал из подлинных документов и даже числа оставил». [1]

Дело это, давшее Толстому материал для завязки романа, заключалось в том, что между государственными крестьянами села Излегощи [2] и соседним помещиком, владельцем Воропановки [3] шла тяжба из-за участка земли. [4] Благодаря энергичным хлопотам поверенного крестьян, они выиграли дело в уездном суде и осенью засеяли землю. Но тотчас после решения уездного суда помещик, увидев опасность, дал доверенность ловкому дельцу, который и добился в губернской инстанции перерешения дела в пользу помещика. В свою очередь, не обескураженный этим поверенный крестьян убедил их перенести дело в Сенат.

Когда весной пришло время пахать яровое поле, мужики на сходке стали толковать, пахать ли им в нынешнем году спорную землю и, несмотря на то, что приказчик помещика приезжал к ним с увещанием не пахать, решили пахать. В чистый четверг между крестьянами и землемером с понятыми произошла драка, за что несколько [5] крестьян были посажены в тюрьму. Но в Сенате дело крестьянами было выиграно, и у помещика не только отрезалась спорная земля, но с него взыскивались в пользу крестьян еще большие деньги, [6] крестьяне же, сидевшие в тюрьме, по указу Сената освобождались. Но, проиграв дело в Сенате, помещик добился рассмотрения его в Государственном совете. Такова история этой тяжбы, поскольку о ней можно судить по сохранившимся рукописям Толстого. Самое «дело», которое он читал, нам пока, несмотря на поиски, не удалось видеть.

Прежде чем излагать историю работ Толстого над романом, необходимо привести два ценных свидетельства о замысле произведения в целом. Первое свидетельство принадлежит самому Льву Николаевичу. В письме к П. И. Бирюкову от 6 марта 1897 г. он писал: «В моем, начатом романе «Декабристы» одной из мыслей было то, чтобы выставить двух друзей, одного, пошедшего по дороге мирской жизни, испугавшегося того, чего нельзя бояться, преследований, и изменившего своему Богу, и другого, пошедшего на каторгу, и то, что сделалось с тем и другим после 30 лет: ясность, бодрость, сердечная разумность и радостность одного и разбитость, и физическая, и духовная, другого, скрывающего свое хрониче-

---

[1] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 113.

[2] В 11 и 13 вар. село Излегощи — Орловской губернии, в 20 вар. — Симбирской губ., а в напечатанном в сборнике «XXV лет» «первом варианте» первой главы романа — Пензенской губ.

[3] Так названо имение в 11 вар., в 13 вар. оно названо Ершовым, а в 14 вар. — Жегаловым.

[4] В 12 вар. размер участка — 725 дес. 1024 саж., в 20 вар. — 5000 дес., в печатном тексте «первого варианта» — 4000 дес.

[5] В 18 вар. — четверо, в 19 вар. — семеро (но поименно названо четверо), в 20 вар. и в печатном тексте «второго варианта» первой главы романа — шестеро.

[6] В 20 вар. — 110 тысяч, а в печатном тексте «второго варианта» — 107 тысяч.

ское отчаяние и стыд под мелкими рассеяниями и похотями и величание перед другими, в которые он сам не верит». [1]

Второе сообщение о замысле романа совершенно неожиданно находим в письме Ф. Д. Батюшкова к В. Г. Короленко от 28 января 1901 г. «Дорогой Владимир Галактионович,— писал Батюшков, — знаете ли, что история декабриста Чернышева должна была составить содержание романа Л. Н. Толстого? Я на это набрел недавно по указанию некоего А. Д. Свербеева, [2] который слышал схему романа от самого Толстого. Вы помните, что была напечатана в Сборнике Литературного фонда глава из этого романа в двух вариантах; во втором варианте рассказывалась история процесса Чернышевских крестьян, которые в конце концов сосланы в Сибирь (из-за присвоения помещичьей земли). Так вот, по замыслу Толстого, Чернышев-декабрист, тоже сосланный, должен был попасть в поселок бывших крестьян своих родичей, и когда таким образом «барин», в силу превратностей судьбы, разделяет участь крестьян, — начинается по-Толстовски «опрощение» барина. Всё это весьма подходит к тем отголоскам предания о Чернышеве, которые Вам довелось слышать. Сестра сосланного Чернышева — замужем за Муравьевым. Кажется, Толстой и хотел дать имя Муравьева своему герою, — но вообще, кроме факта, что в романе идет речь сперва о ссылке крестьян Чернышева, а затем и сам Чернышев появляется на сцену (я перечел эту главу) — остальное догадки, ибо особенно довериться рассказам Свербеева нельзя. Теперь для меня вопрос, который обещали на-днях выяснить, — что известно положительного о дальнейшей судьбе гр. З. Г. Чернышева: его племянники и внуки (Муравьевы) здесь в Петербурге, но повидимому фамильные предания не особенно устойчивы. Заставляя циркулировать Ваш очерк, я надеюсь получить какие-нибудь более определенные ответы. Эта история и меня самого заинтересовала». [3]

Из всех перипетий дела Толстой первоначально решил использовать как завязку романа драку в поле крестьян с землемером и понятыми. На это указывают между прочим многозначительные начальные слова вар. № 13: «Ссора и драка на поле между мужиками и бурцовскими людьми, от которой так много вышло и хорошего и дурного для самого генерала Бурцева и его семьи и еще больше для мужиков, ссора эта случилась....» Ни один из набросков романа не начинается с описания этой драки, как и вообще в дошедших до нас рукописях нет этого описания, но значительное большинство «начал» более или менее явственно подводят

[1] Об этом же писал Толстой 24 февраля 1901 г. духобору И. Е. Конкину: «Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов и знал этих товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всякими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проведшие жизнь на службе, обедах, картах, были жалкие развалины, ни на что никому ненужные, которым нечем хорошим было помянуть свою жизнь». См. том 73.

[2] Александр Дмитриевич Свербеев (1835—1917), самарский губернатор, затем сенатор, знакомый Толстого.

[3] Текст письма любезно сообщен покойным А. Е. Грузинским. В письме речь идет об очерке В. Г. Короленки «Последний луч», напечатанном в «Русском богатстве» 1901, № 1. Судя по письмам В. Г. Короленки к Ф. Д. Батюшкову, он никак не отозвался на это сообщение.

изложение к этой сцене, содержание же другой части «начал» является повествованием о последствиях драки. Все сохранившиеся тексты романа, писавшиеся в 1878 году и представленные четырнадцатью рукописями (с 11-й по 24-ю) [1] довольно четко делятся на четыре группы, из которых две заключают в себе наброски, являющиеся введением к описанию столкновения в поле.

Первую группу составляют три рукописи (11-я, 12-я и 13-я), содержащие два «начала» романа, носящего здесь название «Пути жизни».

Первое «начало» имеется в двух вариантах, тема которых — сходка излегощинских крестьян, толкующих о том, пахать или не пахать им спорную землю. Первый вариант (вар. № 10 из 11 рукописи) [2] — небольшой, скоро оставленный набросок, без определенной установки на какое-нибудь одно из главных действующих лиц романа. Крестьяне этого наброска — опять яснополянцы. Кроме уже упоминавшихся в набросках романа о переселении крестьян Дмитрия Макарычева и Гавриила Болхина, здесь фигурируют Федор Резунов, рыжий Влас, печник Пелагеюшкин и старик Базыкин. Федор Резунов — это Федор Николаевич Резунов (1805—1865), выведенный в «Поликушке» и одно из главных лиц в «Дневнике помещика». [3] Рыжий Влас — Влас Кириллович Власов (1803—1881), также изображенный в «Дневнике помещика». Печник Пелагеюшкин — Степан Михайлович Пелагеюшкин (1812—1885). Старик Базыкин — вероятно, Кузьма Артемович Базыкин (1793—1866). Название земли, из-за которой идет тяжба, «Грецовская пустошь», опять-таки не сочинено Толстым: он сам владел деревней Грецовкой, в 10 верстах от Ясной поляны. Второй вариант (вар. № 11 из 12 рукописи), [4] дающий более развитой, чем в первом варианте, текст, уже явно имеет главным героем старика крестьянина, названного здесь Михаилом Фокановым. Этот зажиточный, степенный мужик, тип «идеального» крестьянина, будет главным действующим лицом ряда текстов. Прототипом его явился яснополянский крестьянин Михаил Максимович Фоканов (1801—1874), у которого был упоминаемый в наброске внук Тараска, [5] Тарас Карпович Фоканов (1852—1924), один из учеников Толстого. Сын Михаила Фоканова, Платон — вероятно, Платон Кузьмич Зябрев (р. в 1825). Упоминаемый в наброске Яков Хролков — крестьянин Ясной поляны Яков Андреевич Фролков (1820—1876). Кочак — ручей близ Ясной поляны. Противник крестьян в этом варианте тот же Сомов, названный здесь бригадиром (в следующем наброске он, кроме этого, уездный предводитель дворянства)

В отличие от предыдущего варианта этот набросок ближе подводит изложение к сцене драки, которую предвидит старик Фоканов.

Третий набросок «Путей жизни» (вар. № 12 из 13 рукописи) [6] —

---

[1] См. описание рукописей, стр. 535—538.

[2] См. стр. 269—270.

[3] См. том 5, стр. 249—258. На стр. 346 приведено ошибочное мнение, что Резун в «Дневнике помещика» — Сергей Резунов.

[4] См. стр. 270—271.

[5] Он назван в зачеркнутом месте, нами не печатаемом.

[6] См. стр. 271—272.

только намеченное начало романа. Содержание этого начала по своей краткости не заключает в себе данных, позволяющих судить о замысле автора.

Писание «начал» этой группы нужно отнести ко времени после получения Толстым дела из архива, что было, как мы знаем, в середине марта, и до писания «начал» второй группы, что было не ранее 6 мая (дата в 14 рукописи). Вероятно, тексты эти были написаны в середине марта, так как 28 марта Софья Андреевна писала Т. А. Кузминской, что Лев Николаевич «не может писать и работать, и это ему отравляет жизнь», [1] а 9 апреля сам Толстой писал Страхову: «Я читаю — и то немного — глаза начинают болеть, и ничего не пишу», [2] а 26 апреля Софья Андреевна писала сестре: «Он много читает и думает, но еще ничего не пишет, говорит: «нет энергии». [3]

Все три наброска не дают нам возможности проникнуть в содержание и идею замысла Толстого в целом. О каких и чьих «путях жизни» будет рассказываться в романе, и на что намекает эпиграф из Евангелия, на основании разобранных текстов сказать невозможно. Лишь последующие циклы «начал» несколько проясняют это.

Вторая группа, самая большая, заключает в себе тексты шести рукописей (с 14-й по 19-ю). [4] Сохранившиеся не в полном составе рукописи этой группы не позволяют с полной отчетливостью определить, сколько «начал» мы здесь имеем. В этих текстах к сцене драки в поле Толстой хотел подвести читателя с двух сторон — со стороны барина и со стороны мужика. Сначала он повел было с крестьянина и написал приступ в 14-й рукописи (первые три абзаца вар. № 13) о том, как начал день в чистый четверг 1818 г. крестьянин Петр Осипов (это всё тот же Михаил Фоканов), но, написав эти абзацы, зачеркнул их и начал снова о том же в новой редакции (герой — Иван Борисов). Написав несколько фраз, снова зачеркнул их и повел рассказ о помещике.

Таким образом 14 рукопись заключает в себе два «начала», из которых первое имеется в двух редакциях.

В конце текста (вар. № 13 из 14 рукописи), содержание которого — описание поездки помещика в церковь, имеются пометы: по середине страницы: «II. Былъ чистый четвергъ» и на полях: «Сборы, отъѣздъ на пашню, пахота. III. Говѣнье, возвращенье». Первая помета означает, что II глава будет начинаться с этих слов, остальные пометы — темы дальнейшего изложения.

Текст следующей (15) рукописи [5] можно рассматривать как продолжение текста 14 рукописи, а можно рассматривать и как новое «начало» романа. Как бы то ни было, этот текст (15 рукопись) очень скоро был оставлен.

К этой теме — ожидание в церкви приезда помещика — Толстой снова возвратился, взял новый лист и написал первый абзац 18 рукописи (вар.

---

[1] Письмо не опубликовано; подлинник не сохранился. Копия в ГТМ.
[2] ПС, стр. 158.
[3] Письмо неопубликовано. Подлинник в ГТМ.
[4] Описание этих рукописей см. стр. 536—537.
[5] См. о нем в описании рукописей, стр. 536.

№ 14), но оставил и этот листок и в третий раз написал, как приехал в церковь помещик, в рукописи, полностью до нас не дошедшей. От нее сохранилась лишь часть с текстом, содержание которого описание того, как уже молятся в церкви барин и крестьянин (вар. № 15 из 16 рукописи).

Вероятным продолжением текста вар. № 15 является текст 17 рукописи (вар. № 16), новой редакцией которого является текст 18 рукописи (вар. № 17). Таким образом в вариантах с 13 (или с 14-го) по 17-й мы имеем связный рассказ (с разрывом текста между 14 и 15 вариантами из-за пропажи части листов 16 рукописи) о помещике и крестьянине в утро чистого четверга 1818 года. В этом рассказе Толстой покидает по окончании обедни помещика и ведет повествование о крестьянине, доведя свой рассказ до сцены драки в поле.

В этой «крестьянской» части рассказа необходимо остановиться на эпизоде родов Арины. Этот эпизод аналогичен с рождением ребенка в романе «Сто лет» и в особенности с рождением «незаконного» ребенка в романе «Труждающиеся и обремененные». [1] Несомненно ребенку Арины, как и там, предназначалось играть видную роль в романе. Возможно, что «путь жизни» этого сына солдатки и должен был перекрещиваться с «путем жизни» другого героя, вероятно, декабриста.

Такой семьи, какая изображена в вар. 15—17, судя по имеющимся у нас материалам, не было в Ясной поляне. Вероятно, большинство перечисленных и включенных в генеалогическую таблицу членов имело прототипами яснополянских крестьян (и может быть соседней деревни Телятенок), но брал их Толстой из разных семей. Несомненно взяты члены семей Фокановых и Базыкиных (позднее называвшихся Зябревыми). Сын Ивана Федотова Карп — это Карп Михайлович Фоканов (1826—1899), у которого, как мы уже указывали, был сын Тарас. Жену Карпа Михайловича, действительно, звали Настасьей Федоровной. Другой сын Ивана Федотова «грамотник» Петр это Петр Осипович Зябрев (1843—1906), ученик Толстого, читавший философские сочинения и собравший собственную библиотечку.

Интересна смена фамилии помещика в ряде текстов. Сомов 10—12 вариантов в 13 варианте назван был первоначально Загорецким, а затем Иваном Борисовичем Самойловым, владельцем Орловского имения Ершова. Но во второй части наброска Толстой называет его уже князем (без фамилии), а размышления князя о сынке Александре, говорящем о «вольности», явно намекают на то, что герой — отец декабриста, князя Александра. В следующем кратком «начале» (вар. № 14) [2] едущий в церковь помещик назван князем Иваном Александровичем Одуевским, в котором, конечно, нужно видеть князя Ивана Сергеевича Одоевского (1769—1839), отца декабриста кн. Александра Ивановича (1802—1839). В следующем (№ 15) варианте Одоевский переименован в Григория Ивановича Черны-

---

[1] См. №№ 29 и 31 набросков романа «Сто лет» стр. 238, 242 и наброски «Трудящихся и обремененных», писавшихся после 15 января — в начале марта 1879 г. стр. 303—318.

[2] См. стр. 275.

шева, т. е. в гр. Григория Ивановича Чернышева (1762—1831), отца декабриста (1796?—1862).

Последним (можно считать, четвертым) «началом» романа в разбираемой группе текстов является текст 19 рукописи, очень близкий к тексту, впервые напечатанному в сборнике «XXV лет» 1884 г. в качестве «первого варианта» первой главы романа. [1]

Существенным отличием этого текста от текста вариантов с 13-го (или 14-го) по 17-й заключается в том, что в нем отсутствует вся «крестьянская» часть предыдущего текста; выброшено и описание поездки помещика в церковь, но зато дано описание возвращения его из церкви домой. Описанию пребывания помещика в церкви предпослано теперь введение (в двух абзацах), кратко рассказывающее историю тяжбы за землю крестьян с помещиком. О драке в поле в печатном тексте нет упоминания, но в конце текста 19 рукописи [2] повествование подводится к этому эпизоду на этот раз со стороны помещика. В первых же строках этого текста фамилия помещика Чернышева переменена на Апыхтина. Эта фамилия явно намекает на фамилию Апухтина, как и написано несколько раз в рукописи.

Эта перемена фамилии — существенный момент в творческой истории романа, отмечающий новый поворот в построении сюжета. Помещика, отца декабриста Чернышева, одного из главных героев романа, Толстой теперь делает отцом героини, прототипом которой должна была быть Наталья Дмитриевна Апухтина (1805—1869), бывшая в первом браке (с 1822 г.) за декабристом М. А. Фонвизиным (1788—1854), а во втором (с 1857 г.) за И. И. Пущиным (1798—1859). Ее и нужно видеть в дочери Апыхтина, «очень уж всё к сердцу принимающей» девочке Маше, которой боится отец. Как видно из вышеприведенных писем Толстого к Свистунову, Лев Николаевич был очень заинтересован незаурядной личностью Н. Д. Пущиной, сведения о жизни которой, он, надо думать, в первую очередь имел из ее каких-то «замечаний». [3] Мысль сделать Наталью Дмитриевну героиней своего романа Толстой не оставлял в продолжение всей работы над ним. Об этом свидетельствуют и записи в Записной книжке А [4] и III план романа, о чем речь ниже.

По возвращении из Самарской губернии в первых числах августа, Лев Николаевич не сразу приступил к работе над «Декабристами». В ответ на вопрос гр. А. А. Толстой (в письме от 1 июля), продолжает ли он писать свой роман, [5] Толстой отвечал: «Писать не пишу и не желаю». [6] А между тем издатели журналов начали уже обращаться к нему с просьбами печатать роман на страницах их изданий. Так М. И. Семевский, спрашивая Толстого, «не имеет ли он надобности в некоторых печатных

---

[1] См. стр. 38.
[2] См. стр. 537.
[3] См. выше, стр. 483.
[4] См. стр. 446.
[5] ПТ, стр. 306.
[6] Там же, стр. 307. Письмо, датированное здесь «концом лета», нужно датировать августом, не ранее числа 7-го (упоминание об убийстве Мезенцова).

источниках: Ник. Ив. Тургенева, [1] Сергея Трубецкого, [2] бар. Розена, [3] книжку Корфа, [4] критику Герцена, [5] тоже печатанное донесение 1825 г. [6] и пр. и пр.», просит «хотя один отрывок в лист, два или три печатанных поместить в «Русской старине» в начале будущего года за полистный гонорар, какой назначает сам Толстой». [7]

С аналогичными предложением и просьбой обратился 24 августа из Бретани ко Льву Николаевичу и издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич: «...Другое известие, сообщенное мне Тургеневым, было неприятного свойства: я, вместе со всеми, на основании, правда, слухов, ожидал вскоре иметь большое наслаждение — читать Ваш новый роман, который, как говорили, послужит продолжением «Войне и миру». По Вашим словам Тургеневу, это случится вовсе не так скоро. [8] Начиная с октября в журнале у нас будут печататься новые материалы для истории времени могущества Фотия; это имеет прямое отношение, как я слышал, к эпохе, которую Вы теперь изучаете, а потому позвольте мне прислать Вам листы оттиска до выхода их в журнале.

Таких писателей, как Вы, редакции журналов не выбирают: наоборот, они выбирают себе редакцию. «Вестник Европы» очень будет счастлив, если когда-нибудь Ваш выбор падет на него. Если Вы по этому поводу обвините меня в навязчивости, то я, в свое оправдание, могу сказать одно, что в настоящем случае всякий найдет мою навязчивость похвальною с точки зрения выгод читателей «Вестника Европы». [9]

«Новые материалы для истории времени могущества Фотия», предлагавшиеся Стасюлевичем вниманию Толстого, это статья С. И. Миропольского «Фотий Спасский, юрьевский архимандрит», напечатанная в ноябрьской и декабрьской книжках «Вестника Европы» за 1878 г.

В свою очередь, Страхов 11 октября писал Толстому: «В газетах печатают, что Ваши «Декабристы» появятся в журнале «Русская речь», новом журнале, издаваемом Навроцким». [10] Наконец, А. С. Суворин в письме от 15 декабря просил Толстого дать в «Новое время» отрывок из романа

---

[1] Разумеется «La Russie et les russes». Брюссельское издание 1847 г. этого сочинения имеется в библиотеке Толстого. См. стр. 579.

[2] Книга: «Записки декабристов». Вып. второй и третий. Лондон. 1863, где впервые напечатаны записки кн. С. П. Трубецкого, имеется в библиотеке Толстого.

[3] Имеются в виду «Записки декабриста», Лейпциг, 1870. Толстой читал эти мемуары. См. стр. 554.

[4] «Восшествие на престол императора Николая I. Составлено по высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом», в библиотеке Толстого имеется в двух экземплярах. Один четвертого (второго для публики) издания 1857 г. и другой — пятого (третьего для публики) издания 1857 г.

[5] Разумеется книга: «14 декабря 1825 и император Николай издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа», London, 1858, имеющаяся в библиотеке Толстого.

[6] «Донесение Следственной комиссии. Печатано по высочайшему повелению». s. a., в 8^0 96 стр., имеется в библиотеке Толстого.

[7] Письмо (от 31 июля 1878 г.) не опубликовано; подлинник в АТБ.

[8] Тургенев был в Ясной поляне 8 и 9 августа, когда, очевидно, у него и был разговор с Толстым о «Декабристах». Об этом писал Тургенев Стасюлевичу в письме, до нас не дошедшем.

[9] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

[10] ПС, стр. 190.

«листа в два примерно, на тысячу рублей». «Одно время, писал Суворин, я хотел было просить у Вас весь роман с тем, чтобы печатать его в фельетонах четыре раза в неделю, но мне стали говорить, что Вы на это не согласитесь, а потом я прочел, что роман будет в «Слове». [1]

Все эти сообщения были выдумками газетных репортеров, так как Толстой, конечно, никаких обещаний никому не давал, да и не мог давать: роман не только не был написан, но и работа над ним еле-еле подвигалась.

В ответ на предложение Стасюлевича Толстой писал 5 сентября: «Очень благодарен вам за обязательное обещание сообщить мне статьи о Фотии [2] и за лестное приглашение — печататься в вашем журнале. Писание мое еще лежит для меня в таком дальнем ящике, что я и не позволяю себе загадывать о его печатании».

Вторую половину августа и весь сентябрь Толстой занят чтением материалов преимущественно, надо думать, печатных. Но и рукописные продолжали поступать в Ясную поляну. 19 сентября из Тарусы (Калужской губ.) сын декабриста кн. Е. П. Оболенского кн. Иван Евгеньевич, с которым Лев Николаевич познакомился в Москве у его двоюродного брата кн. Леонида Дмитриевича Оболенского, [3] прислал Толстому обширнейшую переписку (вероятно до двух тысяч писем) своих родных. [4]

О предварительной работе Толстого в августе и сентябре, до приступа к самому писанию романа, свидетельствуют прежде всего записи на л. 20а в Записной книжке А, [5] первая из которых датирована: 27 августа 1878 г., а последняя — 30 сентября 1878 г. Среди этих записей запись, имеющая как бы заглавие: «1824-й год. Весна», заключает в себе список нескольких

---

[1] Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

[2] Оттиск статьи Мирополъского Стасюлевич выслал Толстому 9 октября, о чем писал: «...высылаю вам чистый оттиск статьи о Фотии, или лучше сказать, извлечение из рукописных материалов, но у вас, вероятно, скопилось уже такое количество материалов, что едва ли вы найдете тут много нового». Толстой своевременно оттиска не получил, о чем, очевидно, и писал Стасюлевичу. В ответ на это последний писал 2 декабря: «Обещанные мною вырезки из автобиографии Фотия я выслал вам давно». Лишь 5 декабря Лев Николаевич благодарил Стасюлевича за биографию Фотия, которую он «прочел с величайшим интересом». Письмо Стасюлевича не опубликовано; подлинник в АТБ. Письма Толстого напечатаны в издании: «М. М. Стасюлевич и его современники в переписке», V, Спб. 1913, стр. 328—329.

[3] Кн. Л. Д. Оболенский был женат (с 1871 г.) на племяннице (дочери сестры) Толстого, Елизавете Валерьяновне, рожд. гр. Толстой, которая любезно и сообщила нам о знакомстве Льва Николаевича с сыном декабриста.

[4] Вместе с письмом кн. И. Е. Оболенского в архиве Толстого сохранилась краткая опись этой переписки, из которой видно, что среди писем были письма декабристов: М. А. Фонвизина и М. М. Нарышкина (36 п.), И. Д. Якушкина (19 п.), кн. С. П. Трубецкого и его жены (74 п.), И. И. Пущина и его жены (100 п.), П. С. Бобрищева-Пушкина (94 п.), Г. С. Батенкова (21 п.). кн. Е. П. Оболенского (60 п.), И. И. Горбачевского (14 п.), бар. А. Е. Розена (93 п.), М. И. Муравьева-Апостол (72 п.), В. Л. Давыдова (70 п.), П. Н. Свистунова (20 п.), М. К. Кюхельбекера (19 п.), А. Ф. Фон-дер-Бриген (20 п.), И. В. Киреева (45 п.), кн. С. Г. Волконского (2 п.), А. В. Поджио (1 п.), А. З. Муравьева и М. К. Юшневской (53 п.), А. П. Беляева и Н. Р. Цебрикова (26 п.) и Д. И. Завалишина (3 п.). В письме к Толстому И. Е. Оболенский просил у него совета по делу издания этой переписки, мысль о чем подал Оболенскому Лев Николаевич. Издание это не осуществилось, вероятно, потому, что в 1880 г. Оболенский скончался. Дальнейшая судьба архива кн. Е. П. Оболенского нам неизвестна.

[5] Описание ее см. на стр. 542—543, тексты записей — стр. 445—446.

лиц, занимавших важные административные посты, и указание на местонахождение Пушкина, Ермолова и Карамзина весной 1824 г. В более разработанном виде эту запись Толстой сделал на отдельном листке А (л. 1). Обе редакции этой записи указывают на замысел Толстого начать повествование с весны 1824 г., к чему, как увидим, Лев Николаевич и приступил в октябре. Слова первой редакции: «Обер прокурор. Секретари», уточненные во второй редакции: «Столыпин обер прокурор А. И. Тургенев обер секретарь», явно говорят о разбирательстве дела в Сенате, описание которого намеревался дать Толстой.

Главнейшим источником наших сведений о работе Толстого над романом с конца сентября по первую половину ноября 1878 г. являются дневник и письма Софьи Андреевны. 27 сентября С. А. Толстая записала в дневник: «Занятия его [Льва Николаевича] еще не идут, и у него болит спина»,[1] а 3 октября писала сестре Татьяне Андреевне: «Левочка перешел в комнату мальчиков со сводами, восхищается всё тишиной и пытается всё заниматься, раза три писал».[2]

Под 6 октября в дневнике С. А. Толстой имеется запись о признании Толстого, что он «в десятый раз» начинает свое произведение, и что начало это «прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком». Запись эта приведена нами выше.[3] Через пять дней (11 октября) Софья Андреевна записала: «Левочка много читает материалов к новому произведению, но всё жалуется на тяжесть и усталость головы и писать еще не может».[4] На другой день об этом же пишет сестре: «*Ваш папаша* очень занят, читает, читает, так что голова трещит. Писать еще не начинает, не готово еще в голове».[5] Через четыре дня запись в дневник (16 октября): «Левочка не занимался сегодня, только утром мне сказал: «Как у меня это хорошо будет».[6] Под 18 октября: «Левочка... вял, молчалив и сосредоточен. Всё читает».[7] Под 21 октября: Вчера он [Лев Николаевич] немного писал что-то, мне еще не показывал».[8] Под 23 октября: «Левочка нынче говорит, что столько читал матерьялов исторических, что пресыщен ими и отдыхает на чтении «Мартин Чеззльвит» Диккенса. А я знаю, что когда чтение переходит у Левочки в область английских романов — тогда близко к писанью».[9]

Софья Андреевна не ошиблась: действительно вскоре после некоторой заминки наступил прилив творчества, правда, кратковременный. 24 октября С. А. Толстая записывает: «Он [Лев Николаевич] желчен и вял... Писать еще он не может. Нынче говорит: «Соня, если я что буду писать, то так, что детям можно будет читать всё, до последнего слова».[10]

---

[1] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 111.

[2] Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

[3] См. стр. 495—496.

[4] Дневник С. А. Толстой I, стр. 114.

[5] Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

[6] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 116.

[7] Там же, стр. 116. В этот же день Лев Николаевич писал брату Сергею Николаевичу: „Посылаю тебе лошадей и прошу прислать кобылу и «Русскую старину»". Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

[8] Там же, стр. 117.

[9] Там же, стр. 118.

[10] Там же, стр. 118.

Под 29 октября: «Левочка пытался заниматься». [1] В этот же день Толстой писал Страхову: «...не мог ничего делать всё это время... Работа всё найдет». [2] Но уже 31 октября Лев Николаевич читает Софье Андреевне новое начало романа. На другой день (1 ноября) она так записывает об этом в своем дневнике: «Вчера утром Левочка мне читал свое начало нового произведения. Он очень обширно, интересно и серьезно задумал. Начинается с дела крестьян с помещиком о спорной земле, с приезда князя Чернышева с семейством в Москву, закладка храма Спасителя, богомолка баба старушка и т. д.». [3] На другой день после этой записи (2 ноября) С. А. Толстая писала Страхову: «[сегодня Лев Николаевич] занимался всё утро, очень устал... Начало нового произведения написано; работа умственная Льва Николаевича идет самая усиленная, а план нового сочинения по-моему — превосходен». [4] В этот же день Софья Андреевна писала и сестре: «Левочка же теперь совсем ушел в свое писанье. У него остановившиеся странные глаза, он почти ничего не разговаривает, совсем стал не от мира сего и о житейских делах решительно не способен думать». [5] Под 4 ноября в дневнике Софьи Андреевны записано: «Левочка не пишет почти и упал духом». [6] Под 6 ноября: «Скучает, что не может писать; вечером читал Диккенса «Domby and Son» и вдруг мне говорит: «Ах, какая мысль мне блеснула!» Я спросила, что, а он не хотел сказать, потом говорит: «Я занят старухой, какой у ней вид, какая фигура, о чем она думает, а надо главное ей вложить *чувство*. Чувство, что старик ее Герасимович сидит безвинно в остроге, с половиной головы обритой, и это чувство ее не оставляет ни на минуту». [7] Под 7 ноября: «Он [Лев Николаевич] повеселел, и мысли его для писанья уясняются». [8] Под 11 ноября: «Левочка сегодня говорил, что у него в голове стало ясно, типы все оживают, он нынче работал и весел, *верит* в свою работу». [9]

Под 16 ноября: «Левочка говорит: «Все мысли, типы, события — всё готово в голове». Но ему всё нездоровится, и он писать не может». [10]

На основании приведенных свидетельств Софьи Андреевны можно с полной уверенностью утверждать, что написанное в октябре — первой половине ноября мы имеем в сохранившихся 6-й и 20—24 рукописях. [11] Это, во-первых план (рук. 6), начинающийся словами: «Борисовка...» [12] и, во-вторых, третья группа «начал» (20—22 рукописи). План явно свидетельствует о том, что теперь Толстой задумал начать повествование

---

[1] Там же, стр. 120.
[2] ПС, стр. 194.
[3] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 120.
[4] Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.
[5] Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.
[6] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 121.
[7] Там же, стр. 122.
[8] Там же, стр. 122.
[9] Там же, стр. 123.
[10] Там же, стр. 124.
[11] См. описание рукописей, стр. 535, 537—538.
[12] См. стр. 256—257.

с весны 1824 г., момента выпуска из тюрьмы излегощинских крестьян, посаженных туда за драку с землемером в поле. Разделенный вертикальной чертой текст плана графически отражает высказанную Толстым еще в январе этого года Софье Андреевне мысль о повествовании в двух планах — «Олимп» с «богами» и «земля» с крестьянами. «Олимп» — это в плане Петербург, Государственный совет, «земля» это деревня Борисовка с Анисимом Бровкиным. Смысл вопросов в левой колонке текста легко вскрывается — вопросы относятся к пребыванию крестьян в тюрьме и намечают мотивы, которые нужно было развить в повествовании. Во исполнение этой части плана и написан был текст 20 рукописи (вар. № 18). [1] Анисим Бровкин этого текста, названный затем Онисимом Жидковым, это яснополянский крестьянин Онисим Григорьевич Жидков (1823—1878), жену которого звали Марьей Власьевной, а не Графеной, как она названа в отрывке. У О. Г. Жидкова было четыре сына: Дмитрий (1854—192.), Алексей (1860—192.), Григорий (1864—1929) и Иван (1867—1888). Последние двое так и названы в отрывке. Иван Деев, старик Копылов и Болхин тоже яснополянцы: первый — Иван Деев (1815—1885), второй — Иван Еремеевич Копылов (ум. в 1864 г.), третий — вероятно, тот же Гавриил Ильич Болхин, который выведен в вар. № 10.

Текст варианта № 19 является второй редакцией того же «начала», которое имеем в 20 рукописи. Михайла Кондрашов этого текста это опять тот же Михаил Максимович Фоканов, выведенный в вар. №№ 8, 9, 11, 13—17, о чем между прочим свидетельствует его хромота (ср. вар. № 9), средний сын его Карп — упоминавшийся в вар. № 10— Карп Михайлович Фоканов, Федор Резун — Федор Николаевич Резунов, выведенный в вар. № 10, Петр Осипов — Петр Осипович Зябрев, упоминавшийся в вар. № 16.

Обе редакции этого очень скоро оставленного «начала» (можно считать восьмого) не заключают в себе «зерен» дальнейшего повествования. Куда оно пошло бы, что́ было бы с выпущенными из тюрьмы крестьянами, из этих текстов не видно. Но ход повествования точно был намечен в записи II-го плана, начиная со слов: «Выпускают из острога...» и кончая зачеркнутым словом: «Проезд». По этой записи выходит, что сцену пахоты, изображенную в вар. № 17, Толстой намеревался теперь поместить сюда, но, очевидно, уже без драки в поле. «Возвращение с новых мест» может быть нужно понимать, как возвращенье ходоков, побывавших в Оренбургском крае и уговаривающих излегощенцев переселяться туда. Дело в том, что тема переселения крестьян, как увидим, одна из основных тем романа, за которую Толстой упорно держится: недаром он просил в сентябре этого года у В. А. Ислявина разрешения оставить у себя дела о переселении. «Они мне нужны», писал Толстой.

Следующим (по нашему счету девятым) «началом» является текст 22 рукописи (вар. № 20). [2] Тема его — «Олимп». Или об этом или о тексте, являющемся другой до нас недошедшей редакцией этого текста, мы считаем, говорит запись Софьи Андреевны под 6 октября о том, как Толстой начал,

[1] См. стр. 286—287.
[2] См. стр. 287—288.
[3] См. стр. 288—291.

по его словам, «в десятый раз» свой роман. «Начало, пишет Софья Андреевна, это прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком... Из этого дела, как из фонтана, разбрызгается действие и в быт крестьян и помещика, и в Петербург, и в разные места, где будут играть роль разные лица».

Нельзя сказать, что содержание вар. № 20 — «прямо разбирательство дела»: самого разбирательства тут еще нет, и потому этот вариант или не то, что читал Лев Николаевич жене, или он, прочитав этот текст, дальнейшее, т. е. самое разбирательство дела в Государственном совете рассказывал ей. Содержание повествования, которое должно было продолжать текст вар. № 20, намечено во II плане, начиная со слов: «24 года февраль.....» и кончая словами: «Аракчеев. Решение». Но и этот замысел был оставлен, и после перерыва недели в три Толстой приступил к работе над новым «началом» (по нашему счету, десятым). Об этом говорит приведенная выше запись Софьи Андреевны в дневнике под 1 ноября. Читал ей Лев Николаевич 31 октября, конечно, текст 23 рукописи, [1] тема которого «Тихоновна». Повествование в этом «начале» ведется с осени 1817 г., когда проигравший дело с крестьянами в Сенате помещик (теперь он снова назван князем Григорием Ивановичем Чернышевым) приехал с семьей из имения Студенца в Москву для того, чтобы хлопотать о перенесении дела в Государственный совет. В Москву должен был приехать государь для закладки храма Спасителя.

В Москву же отправилась подавать прошение государю Тихоновна, жена Михаила Герасимовича (всё тот же Михаил Максимович Фоканов), одного из шести излегощинских крестьян, сидевших в краснослободском остроге за драку в поле с землемером. В Москве остановилась она в доме Чернышевых, где встретилась с сыном кн. Г. И. Чернышева, будущим декабристом. [2] На этом и обрывается текст 23-й рукописи. 24-я рукопись дает вторую редакцию конца текста предыдущей рукописи. На основании приведенных выше дневниковых записей Софьи Андреевны можно утверждать, что занят был Толстой работой над этими текстами в первой половине ноября.

И на этот раз написанному «началу» не суждено было развернуться в законченное произведение. 23 ноября Толстой писал Страхову: «Не пишу я вам только от того, что нечего. Попытки, искания, очарования и разочарования мои при работе моей не годится рассказывать», [3] ему же 6 декабря писала Софья Андреевна: «А мой муж иногда мрачен от напряжения умственного, он очень работает и очень устает. Пишет еще мало, но в голове здание всё растет и растет. Вы не можете себе представить, как сложен и труден даже просто механизм нового задуманного им произведения». [4] Возможно, что к этому времени (вторая половина ноября — начало декабря) «построения здания» относится III план, [5] намечающий развитие повествования дальше, чем все сохранившиеся

---

[1] См. описание рукописи, стр. 538.
[2] См. вар. № 21, стр. 291—297.
[3] ПС, стр. 197—198.
[4] Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.
[5] См. стр. 257.

«начала». В этом плане лишь первые темы — 1817-го и 1818-го годов: «Говение — Драка на меже» и «Москва. Закладка храма. Тихоновна прошение» легко раскрываются: это темы написанных «начал».

Имя героини — Татьяна — указывает на то, что прототипом ее является Наталья Дмитриевна Апухтина, по первому мужу Фонвизина, по второму — Пущина. Дело в том, что в воспоминаниях М. Д. Францевой рассказывается предание о том, что фабула «Евгения Онегина» будто бы взята Пушкиным со слов Солнцева (очевидно мужа тетки поэта, М. М. Солнцева) из жизни Натальи Дмитриевны. Францева рассказывает, как девушкой Апухтина влюбилась в «одного молодого человека», [1] не пожелавшего тогда стать ее мужем, и как потом в Москве, она, будучи женой генерала М. А. Фонвизина, отвергла ухаживания этого человека. [2] Сама Наталья Дмитриевна в своих письмах к И. И. Пущину называла себя Таней, искренно считая, что поэт именно ее изобразил в лице героини своего романа». [3]

Жених «Татьяны», несомненно декабрист, в плане не назван, но на основании записи в Записной книжке А можно думать, что Толстой и здесь предполагал назвать героя Одоевским.

Параллельно с развитием любовной фабулы намечено развитие и «крестьянской» темы о переселении в Оренбург.

«Декабристский» элемент в романе — намеченные темы: «Собрание союза благоденствия» в 1818 г., «Бунт в Чугуеве», «Казни», «Семеновская история» и «Пестель в Петербурге», т. е. события, подготовлявшие 14-е декабря. Им противопоставлена правительственная реакция: «Мракобесие. Магницкий».

Весьма вероятно, III план представляет собою начало плана, из продолжения которого до нас дошла только запись о 1825 годе на отдельном листке, печатаемая нами как IV план. [4] «Митенька» этого плана, надо думать, второй главный герой романа, противопоставляемый герою декабристу, названному здесь Муравьевым. О том, что Толстой хотел назвать Муравьевым декабриста гр. З. Г. Чернышева, мы имеем свидетельство в выше приведенном письме Ф. Д. Батюшкова к В. Г. Короленке.

Запись как будто говорит о том, что события 14 декабря Толстой предполагал описать с точки зрения этого Митеньки, подобно тому, как в «Войне и мире» описание пожара Смоленска дано с точки зрения Алпатыча.

6 декабря Толстой поехал в Москву. [5]

Об этой поездке мы не имеем никаких сведений, но безусловно она означает, что в замыслах Толстого произошел какой-то сдвиг, ему срочно

---

[1] В. И. Шенрок в статье, посвященной Н. Д. Пущиной, «Одна из жен декабристов» («Русское богатство» 1894, 11, стр. 104) говорит, что это был некто Рунсброк.

[2] ИВ 1888, № 5, стр. 394—396 и 1917, № 3, стр. 698—699.

[3] Так, в одном письме 1855 г. к Пущину Наталья Дмитриевна пишет: «Ваш приятель Александр Сергеевич, как поэт, прекрасно и верно схватил мой характер, пылкий, мечтательный и сосредоточенный в себе, и чудесно описал первое его проявление при вступлении в жизнь сознательную...» Указ. соч. Шенрока — «Русское богатство» 1894, 11, стр. 105.

[4] Текст его см. на стр. 257, описание рукописи — стр. 535, № 8.

[5] С. А. Толстая писала 6 декабря Страхову: «Лев Николаевич уехал сегодня в Москву».

понадобились какие-то новые материалы, за которыми он и поехал в Москву. Это подтверждается письмом Льва Николаевича к Свистунову от 25 декабря, в котором Толстой, извиняясь, что он «бывши в Москве, не выгадал время заехать» к Петру Николаевичу «еще раз» и не возвратил взятую у него книгу, писал: «Извинить меня можно только потому, что я, вернувшись из Москвы, куда я и поехал не совсем здоровый, заболел и только нынче, в день Рождества, опомнился и почувствовал себя лучше. Пожалуйста же, не сердитесь на меня, в особенности во внимание того уважения, которое я имею вообще к людям вашего времени и в особенности к вам, расположением которого я так желал бы пользоваться...

Работа моя томит и мучает меня и радует и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни больного, ни здорового, мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь.

Что за человек был Федор Александрович Уваров, женатый на Лунинoй? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети?

На какой дуэли, — с кем и за что, — Лунин, Мих. Серг. был ранен в пах? [1]

Написав все эти вопросы, мне стало совестно. Пожалуйста, если вам скучно и некогда, ничего не отвечайте, а если ответите хоть что-нибудь, я буду очень благодарен. Если же всё, что вы знаете про это, слишком длинно, то напишите — я приеду, чтобы послушать вас изустно.

Во всяком случае, поручаю себя вашему расположению и только прошу верить, что дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь, и еще в то, что я дорожу моими отношениями к вам столько же по той помощи, которую вы оказываете и можете оказать мне, сколько по искреннему и глубокому уважению к вашей личности.

Гр. Л. Толстой.

Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?» [2]

Задаваемые Свистунову вопросы точно бы свидетельствуют о том, что замысел свести с переселившимися в Оренбургский край крестьянами декабриста Чернышева оставлен Толстым, и он теперь ищет для этого другое лицо, намечая между прочим загадочно исчезнувшего Ф. А. Уварова. [3]

О напряженной работе обдумывания плана романа, о которой писал Толстой Свистунову, сообщал и Страхов, гостивший в Ясной поляне с 25 декабря 1878 г. по 3 января 1879 г. В письме его к П. Д. Голохвастову

---

[1] Об этом Толстой прочел в записках И. Оже, в РА, 1877 № 4, стр. 519.

[2] КА, том шестой, стр. 239—240.

[3] Уход представителя привилегированного класса в народные низы, как вид наиболее решительного и последовательного «опрощения» — тема, к которой Толстой неоднократно возвращался. Вспомним «Отца Сергия», «Воскресение», «Живой труп», «Записки Федора Кузмича».

от 9 марта 1879 г. читаем: «На святках я ездил к Л. Н. Толстому и провел у него дней десять. Вот где творятся чудеса — я уверен, что новое его произведение будет настоящим чудом. Он вложит туда всю свою душу, не так как в *Анну Каренину*, которую даже писал не с полной охотой. Действие должно происходить между 1816 и 1836 годами. Он сам говорил, что никогда работа так не занимала его, как эта. Но в каком положении дело, не знаю. Когда я уехал, еще ничего не было написано — только пробы, начала, сцены». [1]

Согласно с показанием Страхова, что действие романа должно происходить в 1816—1836 годах, Толстой в недошедшем до нас письме к В. В. Стасову в январе просил его найти списки лиц, приглашавшихся на придворные балы в 1816 году. В ответ Стасов 8 февраля писал: «... посылаю вам выписку из камер-фурьерских журналов за 1817 и 1815 годы, [2] — авось в первой вы многое полезное себе найдете. В 1816 году кажется вовсе не было балов и собраний, потому что и император и великие князья почти все были в разъездах. Впрочем, если вам известно, что были собрания и балы, я еще поищу; ...если понадобятся фамилии и подробности титулов, можно будет посмотреть в *придворных календарях того времени;* ... заметьте, что *балы* [3] — нынче *все* иначе называются: если вам нужны будут подробности, я сообщу; ...очень много подробностей *придворных* 1816 г. я могу вам добыть от уцелевшего до сих пор из тех времен обер-камерфурьера Алексеева, много видевшего и всё помнящего; угодно? — и *что именно* требуется? ...имели ли в виду *Записки Тарасова* [4] и *камер-пажа Дараганова* («Р. Стар.») [5] и *Рибопьера* («Рус. Арх.»). [6] Там много можно найти». [7]

Вероятно, еще во время пребывания Страхова в Ясной Поляне Лев Николаевич просил его навести справки, нельзя ли получить доступ к следственному делу о декабристах. 23 января Страхов писал: «Дело декабристов — недоступно. Но его видели два человека: историк Богданович, так справедливо Вами не любимый [8] и какой-то Дубровин (?). [9] А. Ф. Бычков обещал мне обратиться к нему и попробовать что-нибудь вытя-

---

[1] Письмо не опубликовано (хранится в ИРЛИ). Текст письма любезно сообщен П. С. Поповым.

[2] Этой выписки в архиве Толстого нет.

[3] Зимнего дворца.

[4] «Воспоминания моей жизни». Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова, напечатанные в РС 1871 и 1872 гг., Толстой читал. См. стр. 549, 584.

[5] «Воспоминания П. М. Дараган, первого камер-пажа в. к. (императрицы) Александры Федоровны 1817—1819 гг.», напечатанные в РС 1875 г. см. стр. 547.

[6] Записки гр. А. И. Рибопьера, напечатанные в РА 1877 г.

[7] ТС, стр. 38.

[8] Военный историк Мод. Ив. Богданович (1805—1882). В его сочинении «История царствования императора Александра I и России в его время» в томе VI (1871 г.) в главах LXXX и LXXXI скудно использованы следственные дела о декабристах. Толстой читал этот том. См. стр. 546, 548, 578, 579, 585.

[9] Историк, с 1886 академик Ник. Фед. Дубровин (1837—1904). Собранные им материалы по декабризму (преимущественно копии с документов) хранятся в ИРЛИ, См. краткое описание этого собрания в «Памяти декабристов». Сборник материалов. Изд. Академии наук СССР. Лгр. 1926, III, стр. 228—229. Извлечения из показаний декабристов приведены в работе Н. Ф. Дубровина «После Отечественной войны» — РС 1903, №№ 11 и 12 и 1904, №№ 1, 3—5.

нуть». [1] По получении этих сведений Лев Николаевич писал в конце января А. А. Толстой: «Существует в Петербурге подлинное дело декабристов, при нем существуют биографии с портретами, как мне говорили, всех декабристов. [2] К этому делу был допущен один только Богданович — историк. Есть ли надежда, чтобы меня допустили к этому делу? И если есть, то кого и как просить об этом? Ну, что будет, то будет!» [3] Между тем Страхов в следующем своем письме (от начала февраля) сообщал дополнительные сведения: «...меня очень заняла мысль о подлинном деле декабристов. Оказывается, что его рассматривали Богданович, покойный Кропотов [4] и неизвестный мне генерал Дубровин. Если так, то отчего же и Вам нельзя посмотреть? Бычков говорит, что это делается не иначе, как с личного разрешения государя, и что, кажется, всего удобнее обратиться к наследнику. Я впрочем добьюсь, как сделал Кропотов». [5] Оптимизм Страхова оказался неосновательным. То, что было доступно казенным историкам, генералам и полковникам, осталось запретным для Толстого. Гр. А. А. Толстая (3 февраля) писала: «Что касается декабристов, вот ответ, полученный мною от Дрентельна: [6] «Допущение графа Л. Н. Толстого в архив III Отделения представляется совершенно невозможным». [7] Столь категорический отказ не мог не произвести самого охлаждающего влияния на Льва Николаевича. Невозможность познакомиться с основным архивным материалом о декабристах была одной из главных причин, почему Толстой оставил работу над романом. В ответ Стасову на приведенные выше предложения его сведений о придворных балах, Лев Николаевич 17 февраля кратко писал: «Из того, что вы предлагаете, и за что очень вам благодарен, мне ничего не нужно». [8] Таким образом, несомненно, с первой половины февраля 1879 г. Толстой «Декабристами» уже не занимался.

В последний период работ его над романом — с декабря 1878 г. по начало февраля 1879 г. — Толстой, кроме напряженной, можно сказать, мучительной, работы обдумыванья, был занят почти исключительно чтением материалов [9] и выписками из них. Так, вероятно, к этому времени нужно отнести записи на листах А и Б, основанные на главе: «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 г.» книги Н. И. Тургенева «Россия и русские», на пятой и шестой частях воспоминаний Ф. Ф. Вигеля и на

---

[1] Афан. Фед. Бычков (1818—1899), в 1868—1882 гг. помощник директора Императорской публичной библиотеки.

[2] Толстой имеет в виду сообщение В. В. Стасова в письме от 12 апреля 1878 г., о чем см. стр. 492.

[3] ПС, стр. 309.

[4] Полковник Дм. Андр. Кропотов (1871—1875), автор книги «Жизнь гр. М. Н. Муравьева» 1874, в которой он использовал некоторые данные «дел» о декабристах.

[5] ПС, стр. 208.

[6] А. Р. Дрентельн, в 1878—1880 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения собственной е. в. канцелярии.

[7] ПТ, стр. 311.

[8] ТС, стр. 40.

[9] В письме к С. Н. Толстому, относящемся к концу декабря 1878 г. — началу января 1879 г., Лев Николаевич писал: «Я всё читаю историческое, и много прекрасного». Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

других материалах. [1] Для ориентации в событиях и «расстановке» исторических лиц в романе Толстой составляет списки тех и других, начиная с 1816 года, с которого Толстой, как мы знаем, в это время предполагал начать повествование романа. [2]

Что касается до писания самого произведения, то от этого времени сохранилась лишь 25 рукопись, текст которой имеет заглавие: «1818 год. Пролог». Содержание текста — получение Марьей Яковлевной Гагариной известия о загадочной скоропостижной смерти ее мужа. Текст этот мы ставим в связь с выше приведенными в письме Толстого к П. Н. Свистунову (от 25 декабря 1878 г.) вопросами о загадочно пропавшем Ф. А. Уварове. Свистунов в письме от 30 декабря отвечал Льву Николаевичу: «Уваров известен был вспыльчивостью своего характера, но не отличался умственными способностями, командовал эскадроном в кавалергардском полку и счел за большое счастье, что пожалован был в камергеры. О существовании общества не ведал. Во время суда на циркулярный вопрос, сделанный всем подсудимым, Лунин заявил, что по духовному завещанию он передал свое имение двоюродному брату; Уваров, узнав о том, написал жалобное письмо государю, который велел ему сказать, чтоб он вперед не смел бы так писать ему. Уваров, которому прозвище было *черной*, как истый царедворец, пришел в отчаяние, вышел из дому и более не возвращался; слух пронесся, что он должно быть утопился. Екатерина Сергеевна пламенно любила брата; была восторженница и первоклассная музыкантша; у нее было два сына — старший, гусар, женат был на кж. Горчаковой, дочери Сибирского генерал-губернатора, и умер за границей помешанным, о другом сыне ничего верного не знаю.

На какой дуэли был ранен Михаил Сергеевич, не знаю. Из декабристов никто не бежал. О попытках, какие были, при свидании с Вами могу рассказать». [3]

В лице М. Я. Гагариной «Пролога» (вар. № 22), [4] весьма вероятно, можно видеть Екатерину Сергеевну Уварову, рожд. Лунину, у которой было (как и у М. Я. Гагариной) два сына: Александр (это имя оставил Толстой) и Сергей. Толстой прибавил еще дочь и изменил хронологию: в день таинственного исчезновения Ф. А. Уварова его старшему сыну было одиннадцать лет, а младшему шел седьмой год, и было это в январе 1827 года, а не в июне 1818 г., как это происходит в «Прологе». Содержание же «Пролога» это страница из семейной хроники Толстых. В январе 1837 г. семья Толстых — отец Льва Николаевича, гр. Николай Ильич, с сыновьями Николаем, Сергеем, Дмитрием и Львом и дочерью Марьей поселились вместе с матерью Николая Ильича гр. Пелагеей Николаевной в Москве. Уехав по делам в Тульскую губернию, Николай Ильич скоропостижно скончался в Туле на улице 21 июня 1837 г. Об его смерти родные узнали так, как рассказано в «Прологе»: какая-то нищая принесла

---

[1] Тексты записей см. на стр. 445—457, примечания к ним — на стр. 542—543.

[2] См. записи на стр. 128 Зап. кн. Б и на стр. 2—7 Зап. кн. В.

[3] «Тайные общества в России в начале XIX столетия», М. 1926, стр. 202—203. О планах побега декабристов см. статью М. Азадовского «Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы» — «Декабристы и их время», т. I.

[4] См. стр. 297—299.

им именные билеты Николая Ильича. Прототипом старшего сына Гагариной Толстой взял своего старшего брата Николеньку, а Федя Гагарин это Сергей Николаевич Толстой. Бабушка «Пролога» это, конечно, гр. Пелагея Николаевна Толстая, столь известная по бабушке «Детства» Толстого. Семен Иванович Езыков это крестный отец Льва Николаевича Семен Иванович Языков, о котором Толстой рассказывает в своих «Воспоминаниях детства».

В этих же воспоминаниях рассказывается и о лакеях Николая Ильича, братьях Матюше и Петруше, которых подозревали, кажется, неосновательно в убийстве отца Толстого. Они выведены и в «Прологе», где говорится, что один из них «прискакал в Москву с известием, что князь умер в Новгороде». Вероятно, в дальнейшем повествовании должна была выясниться ложность этого известия: князь не умер, а скрылся. Запись: «Сечен 30» (вероятно нужно читать: «Сечен в 1830 г.»), сделанная Толстым (в Зап. кн. Б, стр. 24) среди записей, относящихся к исчезнувшему Ф. А. Уварову, надо полагать, указывает на то, что Льву Николаевичу была известна легенда о том, что скрывшийся из Петербурга Уваров, как «беспаспортный» был сечен и впоследствии жил в Сибири под именем старца Даниила, с которым общались декабристы. [1]

Возможно, что «начало», озаглавленное «1818 год. Пролог», относится уже не столько к роману «Декабристы», как он был задуман в 1878 г., сколько к замыслу произведения «Сто лет», которым Толстой был занят в марте 1879 г. [2]

По ряду причин не был написан Толстым роман «Декабристы». Внешней причиной, которую скорее можно назвать поводом, оставления работы над романом нужно считать неразрешение познакомиться с подлинным следственным делом о декабристах. Это, конечно, очень охладило творческое горение писателя. Но были и другие причины, внутреннего порядка, заставившие Толстого отказаться от замысла, которым он так долго и так напряженно был занят. 12 августа 1879 г. В. В. Стасов писал Льву Николаевичу: «Тут было у нас сто нелепых слухов, будто вы бросили «Декабристов», потому, мол, что *вдруг* вы увидали, что всё русское общество было не русское, а французятина!?! [3] Писал это Стасов, вероятно, со слов гр. А. А. Толстой, которая впоследствии вспоминала, что на ее вопрос, почему Лев Николаевич не продолжает романа, он отвечал: «потому что я нашел, что почти все декабристы были французы». [4] Об этом же пишет в своих воспоминаниях и С. А. Берс: «Но вдруг Лев Николаевич разочаровался и в этой эпохе. Он утверждал, что декабрьский бунт есть результат влияния французской аристократии, большая часть которой эмигрировала в Россию после французской революции. Она и воспитывала потом всю русскую аристократию в качестве гувернеров. Этим объясняется, что многие из декабристов были католики. Если всё

[1] О том, что старца Даниила Ачинского считали (совершенно неосновательно) за скрывшегося Ф. А. Уварова см. в книге К. В. Кудряшова «Александр Первый и тайна Федора Кузьмича», Спб. 1923, стр. 126.

[2] См. стр. 216—245.

[3] ТС, стр. 45.

[4] ПТ, стр. 19.

это было привитое и не создано на чисто русской почве, Лев Николаевич не мог этому симпатизировать». [1]

Наконец, когда в 1892 году кто-то в присутствии П. А. Сергеенки спросил Толстого, правда ли, что он хочет опять приняться за «Декабристов», — «Нет, я навсегда оставил эту работу, — ответил Лев Николаевич неохотно, — ...потому что не нашел в ней того, чего искал, т. е. общечеловеческого интереса. Вся эта история не имела под собою корней». [2]

Такая, на первый взгляд славянофильская, оценка декабризма находит себе объяснение в том, что рассказывала в январе 1881 года С. А. Толстая С. А. Юрьеву в ответ на его вопрос, почему Лев Николаевич бросил писать «Декабристов». В своей тетради «Мои записи разные для справок» Софья Андреевна под 31 января 1881 г. между прочим записала: «Изучив матерьялы, набросав кое-что для «Декабристов», он не успел еще написать ничего серьезного, как наступило лето. Чтоб не терять времени и вместе с тем здорово его употреблять, он стал делать продолжительные и длинные прогулки по проходящему от нас в двух верстах шоссе (Киевский тракт), где летом можно всегда встретить множество богомольцев, идущих со всех концов России и Сибири на богомолье в Киев, Воронеж, Троицу и прочие места.

Считая свой язык русский далеко не хорошим и не полным, Лев Николаевич поставил целью своей в это лето изучать язык в народе. Он беседовал с богомольцами, странниками, проезжими и всё записывал в книжечки народные слова, пословицы, мысли и выражения. Но эта цель привела к неожиданному результату... Придя в близкое столкновение с народом, богомольцами и странниками, его поразила твердая, ясная и непоколебимая их вера. Ему стало страшно за свое неверие, и он вдруг всей душой пошел той же дорогой, как народ». [3]

Конечно, это изложение страдает упрощенностью. Тот процесс, который привел Толстого к «Исповеди» и религиозно-философским трактатам 1880-х годов, был и гораздо сложнее и по времени бо́льшим, чем он представлен в изложении Софьи Андреевны, но о значении, которое имело в этом процессе общение с простым народом Толстого, рассказывает он сам в VIII и X главах своей «Исповеди». Декабризм, как явление в мире «образованных», резко теперь противопоставляемых «огромным массам отживших и живущих простых, не ученых и не богатых людей» («Исповедь», глава VIII), и стал по меньшей мере неинтересен Толстому. На вопрос Фета (в недошедшем до нас письме) о работе над романом Толстой писал 17 апреля 1879 г.: «Декабристы» мои, бог знает, где теперь, я о них и не думаю, а если бы и думал и писал, то льщу себя надеждой, что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стреляющих в людей для блага человечества». [4] В последних словах имеются в виду, конечно, не столько декабристы, сколько революцио-

---

[1] «Воспоминания о графе Л. Н. Толстом (в октябре и ноябре 1891)» С. А. Берса. Смоленск. 1893, стр. 51.

[2] П. Сергеенко, «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой». М. 1898, стр. 12.

[3] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 42—43.

[4] А. Фет, «Мои воспоминания», ч. II, М. 1890, стр. 364.

Веры-семидесятники, ведшие в это время бой с самодержавием, закончившийся убийством царя. [1]

В истории духовного развития Толстого в 1879 году наступил момент, когда художник в нем с категорической необходимостью должен был уступить моралисту. «Два раза переставали меня интересовать художественные сочинения, — вспоминал Лев Николаевич 1 января 1905 г. — В первый раз в 1875 году, когда я писал «Анну Каренину», и во второй раз, в 1878, когда я снова взялся за «Декабристов», а потом начал «Исповедь». [2] Об этом есть и современное свидетельство С. А. Толстой, которая 18 декабря 1879 г. сделала такую запись: „Пишет о религии, объяснение Евангелия и о разладе церкви с христианством. Читает целые дни, постное ест по средам и пятницам... Все разговоры проникнуты учением Христа. Расположение духа спокойное и молчаливо-сосредоточенное. «Декабристы» и вся деятельность в прежнем духе совсем отодвинуты назад, хотя он иногда говорит: «Если буду опять писать, то... напишу совсем другое, до сих пор всё мое писание были одни этюды»". [3]

Оставив в январе 1879 г. писание романа «Декабристы», Толстой ненадолго вернулся к нему в 1884 г. В этом году, по случаю исполнявшегося (в ноябре) двадцатипятилетия основания «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (обычно называлось «Литературным фондом»), решено было издать юбилейный сборник. Редакционный комитет (в его состав входили В. П. Гаевский, А. А. Краевский, А. М. Скабичевский и К. К. Случевский) обратился к Льву Николаевичу с просьбой дать что-нибудь из неопубликованных его произведений. [4] Толстой, принимавший в 1858—1859 гг. ближайшее участие в организации Общества, решил дать в сборник три наиболее законченные из написанных «начал» «Декабристов». Для приготовления к печати трех глав, написанных в 1863 г., Софья Андреевна списала для сдачи в набор вторую редакцию этих глав с рукописей 1-й, 2-й и 4-й. Копия Софьи Андреевны сохранилась в архиве Толстого (рукопись 26-я). Текст ее был прочитан Толстым, сделавшим довольно многочисленные стилистического характера исправления. Но Толстой, конечно, не выверял текста копии, сделанной Софьей Андреевной, с текстом рукописей, служивших для копии оригиналом, почему искажения в тексте копии остались неисправленными.

В копии Софьи Андреевны оказались следующие искажения текста: [5]

1. *Стр. 35, строки 39—40* — со мной, с бабой, спорить — *вместо* — со мной спорить, с бабой.

2. *Стр. 36, строка 13* — как и был, — *вместо* — как был,

3. *Стр. 36, строка 17* — ноготки, — *вместо* — коготки,

4. *Стр. 36, строка 20* — вы не знаете теперь меня — *вместо* — вы меня не знаете теперь

---

[1] За две недели до письма Толстого к Фету, 2 апреля, землеволец А. К. Соловьев стрелял в Александра II.

[2] Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», I. М. 1922, стр. 64.

[3] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 42.

[4] В архиве Толстого не сохранилось ни одного письма о печатании «Декабристов» в сборнике Общества.

[5] Такие разночтения как «чтоб» вместо «чтобы», «помещение» вместо «помещенье» не приводим.

Кроме этого слоя искажений, текст сборника «XXV лет» имеет следующие отличия от текста наборной рукописи (т. е. копии, сделанной Софьей Андреевной):

1. *Стр. 10, строка 34* — на кресло, — *вместо* — на кресла.
2. *Стр. 11, строка 34* — не устроитесь; — *вместо* — не устроите;
3. *Стр. 13, строка 27* — членов — *вместо* — членам.
4. *Стр. 13, строка 30* — После обделки всех этих дел,—*вместо*: — Обделав все эти дела,
5. *Стр. 14, строка 15* — 3-го отделения гостиницы. — *вместо* — 3-го отделения.
6. *Стр. 18, строка 17* — много был — *вместо* — был много.
7. *Стр. 19, строка 10* — развернул — *вместо* — развернув.
8. *Стр. 20, строка 18* — установленным — *вместо* — уставленным.
9. *Стр. 20, строка 23* — в свой шар, — *вместо* — в своего шара,
10. *Стр. 20, строка 30* — Иван Вавилович—*вместо*—Иван Павлович[1]
11. *Стр. 21, строка 15* — узнать — *вместо* — знать
12. *Стр. 21, строка 16* — в 14-х числах — *вместо* — в 14-м числе
13. *Стр. 22, строка 8* — так говорит, — *вместо* — так говорят,
14. *Стр. 22, строка 32* — как прозвание посетителей — *вместо* — как[2] посетителей
15. *Стр. 22, строка 33* — обсуждать — *вместо* — обсуживать
16. *Стр. 24, строка 1* — не ответил: даже сжал — *вместо*—отвечал: «да», но сжал
17. *Стр. 24, строка 13* — строками — *вместо* — строчками
18. *Стр. 24, строка 37* — развеселили — *вместо* — развеселило
19. *Стр. 25, строка 4* — с Мятлиным — *вместо* — с Мятлевым
20. *Стр. 25, строка 20* — графини Г. — *вместо* — графа Г.
21. *Стр. 25, строка 36* — вспоминал — *вместо* — вспоминали
22. *Стр. 26, строка 20* — решил, чтоб — *вместо* — решил, что
23. *Стр. 26, строка 25* — тот — *вместо* — этот
24. *Стр. 27, строка 29* — козла — *вместо* — козлы
25. *Стр. 27, строка 36* — английском — *вместо* — аглицком
26. *Стр. 28, строка 3* — и не модная — *вместо* — а не модная.
27. *Стр. 28, строка 13* — *стр. 29, строка 8* — *отсутствуют*[3]
28. *Стр. 29, строка 15* — и то что бы — *вместо* — и что, что бы
29. *Стр. 29, строка 33* — и что было угодно, — *вместо* — что будет угодно.
30. *Стр. 22, строка 39* — приезжавших. — *вместо* — приезжающих,
31. *Стр. 30, строка 8* — чего бы ни — *вместо* — чего бы то ни

---

[1] В рукописи слово «Павлович» написано так, что его можно прочесть «Вавилович». Так и прочел кто-то, вычитывавший рукопись до сдачи ее наборщикам и приписавший карандашом под словом «Павлович» «Вавилович». Так это «Вавилович» и осталось.

[2] В рукописи Софьей Андреевной был оставлен пробел: очевидно она не разобрала слова в рукописи, с которой она списывала. Слово «прозвание» вписано в наборной рукописи вычитывавшим ее до сдачи в набор.

[3] Пропуск этот объясняется тем, что, очевидно вычитывавший в Петербурге текст рукописи до сдачи ее в набор зачеркнул (карандашом) указанные абзацы. Почему это было сделано, непонятно.

32. *Стр. 30, строка 36* — протвержая — *вместо* — протверживая

33. *Стр. 31, строка 16* — Наталья Николаевна, — *вместо* — Наталья Николаевна же,

34. *Стр. 32, строка 10* — без зубов — *вместо* — без зуб

35. *Стр. 32, строка 32* — у ней — *вместо* — в ней

36. *Стр. 33, строка 22* — говаривала — *вместо* — говорила

37. *Стр. 34, строка 12* — одобряла — *вместо* — одобрила

38. *Стр. 34, строка 31* — в носу щекотало — *вместо* — в носу этом щекотало

39. *Стр. 35, строка 3* — Николая — *вместо* — Николай

40. *Стр. 35, строка 5* — хвалят — *вместо* — хвалют

41. *Стр. 35, строка 8* — Наташа — *вместо* — Натали

42. *Стр. 35, строка 14* — стало быть — *вместо* — стало

Главы романа появились в сборнике «XXV лет» с примечанием (см. стр. 470).

Копия, сделанная Софьей Андреевной и служившая оригиналом для набора при печатании трех глав романа в сборнике «XXV лет», послужила оригиналом для набора при печатании этих глав и в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого (часть вторая, страницы 491—535).

Первый лист рукописи занят примечанием (к заглавию) для шестого издания. Текст этого примечания списан был Софьей Андреевной или с текста, посылавшегося в 1884 г. в Редакционный комитет Литературного фонда и не сохранившегося в рукописи или с текста «XXV лет». Но, естественно, Софья Андреевна не списала конца примечания, напечатанного в сборнике «XXV лет» (начиная со слов: «Автор никогда не предполагал...»)

Шестое издание собрания сочинений Толстого готовилось Софьей Андреевной в Москве в октябре 1885 г. 22 октября она писала Льву Николаевичу: «...Кое что переписала для «Декабристов», «Исповеди» и «Стариков». Дело подвигается тихо с изданием, всё бумаги нет». Кое-что переписанное для «Декабристов» это и есть примечание к главам романа.

В тексте трех глав романа в шестом издании (1886 г.), собрания сочинений Толстого из указанных сорока двух отступлений от текста наборной рукописи текста сборника «XXV лет» повторены двадцать три: 1—5, 7, 9—11, 13, 14, 17—20, 25, 26, 30, 34, 37—40. Но кроме этих двадцати трех отступлений, в тексте шестого издания имеются еще отступления от текста наборной рукописи:

1. *Стр. 7, строка 2* — время цивилизации, — *вместо* — время — время цивилизации,

2. *Стр. 8, строка 6* — говорили, готовили проекты — *вместо* — говорили проекты.

3. *Стр. 9, строка 6* — сего все искали — *вместо* — сего искали

4. *Стр. 13, строка 30* — за визит. — *вместо* — за визиты.

5. *Стр. 17, строка 1* — устраивать — *вместо* — устроивать

6. *Стр. 22, строка 12* — Пахтин произнес — *вместо* — произнес Пахтин

7. *Стр. 23, строка 25* — вокруг — *вместо* — вкруг

8. *Стр. 24, строка 14* — вами — *вместо* — вам

9. *Стр. 28, строка 30* — широкие — *вместо* — широкий

10. *Стр. 28, строка 38* — одет был очень — *вместо* — одет очень

11. *Стр. 29, строка 5* — спрашивать его — *вместо* — спрашивать и его

12. *Стр. 31, строка 10* — веке, этого — *вместо* — веке, и этого

13. *Стр. 33, строка 17* — У нея — *вместо* — У ней

14. *Стр. 34, строка 23* — руками его плешивую — *вместо* — руками плешивую

15. *Стр. 34, строка 39* — Петрушка, — *вместо* — Петруша,

16. *Стр. 36, строка 15* — нынешних — *вместо* — нонешних

В основу печатаемого нами текста трех глав романа положен текст копии Софьи Андреевны с исправлениями Толстого (рукопись 26-я). В этот текст внесены исправления по тексту рукописей 1-й, 2-й и 4-й, служивших оригиналом для копии Софьи Андреевны, и следующие конъектуры:

1. *Стр. 7, строка 18* — в то время — *вместо* — то время

2. *Стр. 13, строка 25* — вжав — *вместо* — вжал

3. *Стр. 22, строка 7* — частью, как шутка—*вместо*—частью шутка

4. *Стр. 29, строка 29* — выражения — *вместо* — выражение

5. *Стр. 31, строка 10* — чрезвычайно интересно. Еще — *вместо* — чрезвычайно. Еще

В рукописи 26-й отчество декабриста написано трояко: «Иванович», «Иваныч» (в равных падежах) и сокращенно «Иван.» Так как форма «Иванович» употреблена один раз, то нами «Иван.» всюду развертывается как «Иваныч».

Текст двух, названных, вероятно, Софьей Андреевной, «вариантами первой главы», «начал» романа списал с рукописей Толстого гостивший в Ясной поляне муж сестры Софьи Андреевны Александр Михайлович Кузминский. Текст «первого варианта первой главы» списал он с рукописи 19-й. Отнесся Кузминский к этой работе недостаточно серьезно, не только искажая и переставляя слова, но и заменяя их другими, а неразобранные просто пропуская. Толстой, конечно, не помня написанного им шесть лет тому назад, при очень беглом прочитывании копии, сделанной Кузминским, нанес в тексте ее несколько стилистического характера исправлений.

Копия, сделанная Кузминским, с поправками Толстого (рукопись 27-я), послужила оригиналом для набора при печатании текста «первого варианта первой главы» сначала в сборнике «XXV лет» (стр. 252—262), а затем в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого (часть вторая, стр. 537—549).

Отличия текста «первого варианта первой главы» романа в сборнике «XXV лет» (т. е. текста копии, сделанной Кузминским (рукопись 27-я), с ошибками, вкравшимися в печатный текст) от текста рукописи 19-й (автограф Толстого), с которой делал копию Кузминский:

1. *Стр. 38, строка 1* — завладении — *вместо* — завлажении

2. *Стр. 38, строка 7* — лесом *вместо* — лесами

3. *Стр. 38, строка 14* — уверенный в этом деле в — *вместо* — в этом деле уверенный в

4. *Стр. 38, строка 16* — крестьян, сухой, — *вместо* — крестьян, по ремеслу горшечник, сухой,

5. *Стр. 38, строка 19* — тотчас после — *вместо* — тотчас же после

6. *Стр. 38, строка 22* — который подал в Палату апелляцию — *вместо* — подал апелляцию в Палату

7. *Стр. 38, строка 25* — подарки, розданные — *вместо* — подарки из собранной с крестьян по 50 к. с души суммы розданные

8. *Стр. 39, строка 10* — поручить — *вместо* — приказать

9. *Стр. 39, строка 16* — с ним — *вместо* — с князем

10. *Стр. 39, строка 17* — спорной земле, а теперь апыхтинской, мужики — *вместо* — спорной, а теперь апыхтинской земле, мужики

11. *Стр. 39, строка 19* — посеяно на — *вместо* — посеяно в

12. *Стр. 39, строки 19 — 20* — Апыхтин, не желая их обидеть, хотел о нем полюбовно с ними сходиться — *вместо* — Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними полюбовно сходиться,

13. *Стр. 39, строка 25* — неделе, причащался и поехал — *вместо* — неделе, поехал

14. *Стр. 39, строка 28* — исповедался, — *вместо* — исповедовался

15. *Стр. 39, строка 34* — 50 лет, — *вместо* — 52 года,

16. *Стр.* 39, *строка 35* — посещал церковь и говел — *вместо* — посещения церкви и говения

17. *Стр. 40, строка 3* — все в церкви смотрят — *вместо* — все вот в церкви всё смотрят

18. *Стр. 40, строка 10* — он стар — *вместо* — он и стар

19. *Стр. 40, строка 15* — склоняется, прикасаясь — *вместо*—склоняется к земле, прикасаясь

20. *Стр. 40, строка 18* — они знали — *вместо* — он знал

21. *Стр. 40, строки 23 — 25* — Благовидный старик, ровно шагая вывернутыми лаптями, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, войдя в алтарь, — *вместо* — Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь

22. *Стр. 40, строка 26* — пошел — *вместо* — прошел

23. *Стр. 40, строка 27* — Иван — *вместо* — Кузьма

24. *Стр. 40, строки 31 — 32* — лучших, богатых, семейных хозяев, которым нужна была земля, которые — *вместо* — лучших, один из редких богатых, семейных хлебосевцев, которым нужна была земля, и которые

25. *Стр. 40, строка 35* — оборочки — *вместо* — обортки

26. *Стр. 40, строка 36* — одной — *вместо* — той

27. *Стр. 40, строка 39* — Мани — *вместо* — Маши

28. *Стр. 41, строка 1* — простить, «подумал — *вместо* — простить их», подумал

29. *Стр. 41, строка 6* — сорок — *вместо* — 10

30. *Стр. 41, строка 2* — вдова, сына — *вместо* — вдова, та самая, сына

31. *Стр. 41, строка 12* — оставалось — *вместо* — осталось

32. *Стр. 41, строка 13* — две — *вместо* — обе

33. *Стр. 41, строка 17* — чернышевский, приехавший — *вместо* — чернышевский лакей, приехавший

34. *Стр. 41, строка 19* — его, замолкли. — *вместо* — его, почтительно замолкли.

35. *Стр. 41, строка 21* — прикрывая — *вместо* — закрывая

36. *Стр. 41, строка 23* — старушка, — *вместо* — старуха,

37. *Стр. 41, строка 25* — коленях — *вместо* — коленах

38. *Стр. 41, строка 25* — средине — *вместо* — середине

39. *Стр. 41, строка 32* — старушку — *вместо* — старуху

40. *Стр. 41, строка 3* — вздыхала и отнимала — *вместо* — вздыхая отнимала

41. *Стр. 42, строка 5* — дотрагивалась — *вместо* — дотрагиваясь

42. *Стр. 42, строка 7* — опускала голову — *вместо* — опускалась головой

43. *Стр. 42, строка 20* — сметливый ум — *вместо* — шутовской ум

44. *Стр. 42, строка 24* — мне коврик — *вместо* — мне еще коврик

45. *Стр. 42, строка 36* — я чем— *вместо* — я в чем

46. *Стр. 42, строка 39* — понял и усмехнулся нежно. — *вместо* — понял усмехнулся нежной улыбкой.

47. *Стр. 43, строка 11* — ты говеешь — *вместо* — или говеешь

48. *Стр. 43, строка 16* — Обедня — *вместо* — Преждеосвященная обедня

49. *Стр. 43, строка 20* — Мишке —*вместо* — Мишку

50. *Стр. 43, строка 22* — Михайла — *вместо* — Михайла М[ихайловича?]

51. *Стр. 43, строка 24* — неуважения — *вместо* — уважения

52. *Стр. 43, строка 36* — в сапогах — *вместо* — на сапогах

53. *Стр. 43, строка 36* — острыми — *вместо* — вострыми

54. *Стр. 44, строка 2* — места — *вместо* — место.

55. *Стр. 44, строка 4* — тою же — *вместо* — тою

56. *Стр. 44, строка 15* — поздравление. — *вместо* — поздравления.

57. *Стр. 44, строка 16* — пахать? — *вместо* — пахать? Пашете?

58. *Стр. 44, строка 18* — заробевши. — *вместо* — заробев.

59. *Стр. 44, строка 21* — Раннее время — *вместо* — Раннее еще время.

60. *Стр. 44, строка 23* — поклонился — *вместо* — поклониться

61. *Стр. 44, строка 23* — в коляску шестериком с форейтором. — *вместо* — в коляску.

62. *Стр. 44, строка 27* — на туго закрученный — *вместо* — туго скрученный

63. *Стр. 44, строка 30* — Слава богу, — *вместо* — И слава богу,

64. *Стр. 44, строка 36* — улицы села Излегощи — *вместо* — улицы в Излегощах.

65. *Стр. 45, строка 3* — выезда — *вместо* — въезда,

66. *Стр. 45, строка 5* — крикнул форейтору — *вместо* — крикнул на форейтора

67. *Стр. 45, строка 16* — Чираков — *вместо* — Чирикова

68. *Стр. 45, строка 17* — белелся — *вместо* — белел

69. *Стр. 45, строка 26* — всего, что — *вместо* — всего того, что

70. *Стр. 45, строка 29* — подумал он. — *вместо* — подумал улыбаясь он.

71. *Стр. 45, строка 31* — баб — *вместо* — талек.

72. *Стр. 55, строка 36* — привычке разрешая всякое затруднение, недоразумение шуткою,— *вместо* — привычке всякое затруднение, недоразумение разрешая шуткою,

73. *Стр. 46, строка 15* — лужка — *вместо* — ложка.

74. *Стр. 46, строка 18* — вода, и — *вместо* — вода по всем швам, и

75. *Стр. 46, строка 21* — а за ними — *вместо* — и за ними

76. *Стр. 46, строка 25* — мамаша обеспокоятся. — *вместо* — мамашу обеспокоите.

77. *Стр. 46, строка 27* — слушала ее; как — *вместо* — слушала и как

78. *Стр. 46, строка 27* — отец, она схватила — *вместо* — отец, схватила

79. *Стр. 46, строка 39* — сидит внизу. — *вместо* — сейчас выйдет.

80. *Стр. 47, строка 1* — Иванович — *вместо* — Ил[ьич]

81. *Стр. 47, строка 3* — сидела — *вместо* — сидели

Текст «первого варианта первой главы» романа в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого воспроизводит текст сборника «XXV лет», за исключением разночтений: 47[1], 49, 51, 65, 73 и 81. Эти места читаются в тексте шестого издания так же, как в рукописи. С другой стороны, в тексте шестого издания имеются еще свои искажения:

1. *Стр. 40, строки 23—25* — Благовидный старик, ровно шагая вывернутыми лаптями, с густыми седыми волосами, в шубе с новой заплаткой на половине спины, войдя в алтарь — *вместо* — Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь

2. *Стр. 41, строка 21* — шубе, которой — *вместо* — шубе, в которой

3. *Стр. 42, строка 1* — обращено было к иконе — *вместо* — обращено к иконе

4. *Стр. 42, строка 4* — руку от живота с размахом — *вместо* — руку, с размахом

5. *Стр. 43, строка 37* — тихой и скромной — *вместо* — тихой, скромной

6. *Стр. 45, строка 34* — увидав — *вместо* — увидал

7. *Стр. 46, строка 15* — взлев — *вместо* — влез

В основу печатаемого нами текста «первого варианта первой главы» романа положен текст копии А. М. Кузминского с исправлениями Толстого (рукопись 27-я). В этот текст внесены исправления по руко-

---

[1] *В шестом издании:* иль говеешь — *вместо* — или говеешь

[2] Кроме этого, имеется вариант искажения: стр. 547, — Чираково — *вместо* — Чирикова

писи 19-й всех искажений, сделанных Кузминским, и введена конъектура:

Стр. 43, строка 16 — Обедня — *вместо* преждеосвященная обедня

Текст «второго варианта первой главы» романа списан был Кузминским с рукописей 23-й и 24-й. В отличие от текста «первого варианта» этот текст (рукопись 28-я) в одной части (абзацы: «Из всех замешанных...» и «В Москве странницы...») подвергся переработке Толстого. Одну страницу пришлось Софье Андреевне даже переписать заново. Но текста копии, сделанной Кузминским, Толстой, конечно, не сверял с текстом рукописей 23-й и 24-й, с которых списывал Кузминский, и в его копии осталось неисправленным большое количество искажений, вошедших и в печатные тексты (сборника «XXV лет» и шестого издания собрания сочинений Толстого), для которых копия Кузминского служила оригиналом.

Отличия текста «второго варианта первой главы» романа в сборнике «XXV лет» (т. е. текста копии, сделанной Кузминским (рукопись 28-я) с ошибками, вкравшимися в печатный текст) от текста рукописей 23-й и 24-й (автографы Толстого), с которых делал копию Кузминский:

1. *Стр. 47, строка 8* — и Чернышевым — *вместо* — и кн. Чернышевым
2. *Стр. 47, строка 17* — нагрубивших — *вместо* — грубивших
3. *Стр. 47, строка 18* — После того — *вместо* — После этого
4. *Стр. 47, строка 24* — села Излегощи и без этой земли живут хорошо, не нуждаются — *вместо* — села Излегощь живут хорошо и без этой земли, не нуждаются
5. *Стр. 47, строка 30* — хлопотал в Сенате — *вместо* — хлопотал о деле в Сенате
6. *Стр. 48, строка 2* — уже поздно было хлопотать — *вместо* — уже было поздно хлопотать
7. *Стр. 48, строка 7* — князь — *вместо* — гр[аф]
8. *Стр. 48, строка 19* — Арбате, послан был обоз — *вместо* — Арбате и посланы были обозы
9. *Стр. 48, строка 30* — говорил о деле — *вместо* — говорил ему о деле
10. *Стр. 48, строка 38* — оставшиеся — *вместо* — оставшееся
11. *Стр. 49, строка 8* — них. Одна — *вместо* — них, но одна
12. *Стр. 49, строка 18* — обещанное — *вместо* — обещание
13. *Стр. 49, строка 26* — По выходе — *вместо* — При выходе
14. *Стр. 50, строка 31* — насосом — *вместо* — насосами
15. *Стр. 51, строка 6* — узнал — *вместо* — признал
16. *Стр. 52, строка 17* — отучу — *вместо* — отжучу
17. *Стр. 52, строка 21* — выгнали — *вместо* — выслали
18. *Стр. 52, строка 24* — похожее — *вместо* — похоже
19. *Стр. 53, строка 37* — коленях — *вместо* — коленах
20. *Стр. 53, строка 15* — в правильном — *вместо* — в ее правильном
21. *Стр. 53, строка 16* — наряде, кладущую — *вместо* — наряде, истово кладущую

22. *Стр. 53, строка 16* — кланявшуюся — *вместо* — кланяясь

23. *Стр. 53, строка 20* — платье, и поверила — *вместо* — платье, поверила

24. *Стр. 53, строка 31* — приподнялся и подвинулся — *вместо* — приподнялся, подвинулся

25. *Стр. 53, строка 35* — портного, не зная — *вместо* — портного, как бы не зная

26. *Стр. 53, строка 37* — ходили — *вместо* — ходила

27. *Стр. 53, строка 37* — был форейтор — *вместо* — был переросший форейтер

28. *Стр. 54, строка 2* — ставишь — *вместо* — ухватом за

29. *Стр. 54, строка 17* — зипун — *вместо* — чупрун.

30. *Стр. 54, строка 17* — и бережно — *вместо* — и оправив рукава из-под поддевки и

31. *Стр. 54, строка 18* — и начала — *вместо* — начала

32. *Стр. 54, строка 24* — подтвердила Тихоновна. — *вместо* — подтвердила старуха.

33. *Стр. 54, строка 32* — красивую — *вместо* — торопливую

34. *Стр. 55, строка 1* — выездным — *вместо* — выездные

35. *Стр. 55, строка 2* — мохнатый — *вместо* — лохматый

36. *Стр. 55, строка 3* — Панкрат — *вместо* — Когда Панкрат

Текст «второго варианта первой главы» романа в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого воспроизводит текст сборника «XXV лет», за исключением разночтений: 11, 12, 14, 15 и 26. Эти места читаются в тексте шестого издания так же, как в рукописи. С другой стороны, в тексте шестого издания имеются свои искажения:

1. *Стр. 48, строка 27* — развлекали — *вместо* — развлекли
2. *Стр. 49, строка 9* — Герасимовича — *вместо* — Герасимова
3. *Стр. 50, строка 15* — старая — *вместо* — старушка
4. *Стр. 52, строка 4* — видала — *вместо* — видела
5. *Стр. 54, строка 12* — успокоить — *вместо* — упокоить
6. *Стр. 55, строка 10* — отмачивать. — *вместо* — отмахивать.

В основу печатаемого нами текста «второго варианта первой главы» романа положен текст копии А. М. Кузминского с исправлениями Толстого (рукопись 28-я). В этот текст внесены исправления по рукописям 23-й и 24-й всех искажений, сделанных Кузминским.

Кроме этого, сделано еще два исправления:

Стр. 48, строка 29 — заплатит всё, — забывал о деле — *вместо* — заплатит всё, что он забывал о деле, — как в рукописях 23-й и 28-й и в сборнике «XXV лет».[1]

Стр. 49, строка 20 — снесли — *вместо* — снесла — как в рукописях 23-й и 28-й и в сборнике «XXV лет».[2]

После 1884 г. Толстой к роману о декабристах больше не возвращался, но сами декабристы в течение, можно сказать, всей его жизни продолжали интересовать Льва Николаевича. Прежде всего, он продолжал

---

[1] *В шестом издании собр. соч. Толстого:* заплатит всё — забывал о деле

[2] *В шестом издании соб. соч. Толстого:* снесли

общаться с П. Н. Свистуновым и М. И. Муравьевым-Апостолом, о чем свидетельствует письмо первого к Толстому от 10 ноября 1881 г. [1] К этому же времени относится общение Толстого с Д. И. Завалишиным, которому, по его словам, Лев Николаевич предлагал на свой счет издать его записки. [2] На чтение Толстым записок Завалишина до их опубликования (в 1904 г.), кажется, указывает слышанный С. А. Берсом рассказ Льва Николаевича о том, «как один декабрист, заключенный в крепость, упросил сменявшегося часового купить ему яблоко и дал последние деньги. Часовой принес прелестную корзину фруктов и деньги назад. Оказалось, что посылал это купец, когда узнал о личности заключенного». [3] Этот рассказ имеется в записках Завалишина (ч. III, гл. III). [4]

В статье «Стыдно» (1895 г.) Толстой использовал рассказ, который он слышал от другого декабриста, М. И. Муравьева-Апостола. Последний рассказывал как его брат, казненный Сергей Иванович, отказавшись от применения телесного наказания к солдатам своей роты, нравственным воздействием исправил вора и пьяницу.

Через два слишком года (статья «Стыдно» написана в декабре 1895 г.) Лев Николаевич снова вспомнил С. И. Муравьева-Апостола. В дневнике дочери Толстого, Татьяны Львовны, записано, что 3 февраля 1898 г. Лев Николаевич предложил Репину сюжет картины — С. И. Муравьев-Апостол с М П. Бестужевым-Рюминым идут на казнь. [5]

Вплотную подошел к декабристам Толстой во второй половине 1902 г., когда, написав вчерне «Хаджи-Мурата», работал над XI главой повести, посвященной Николаю I. Работа эта очень напоминает работу Льва Николаевича над «Декабристами» четверть века тому назад. И теперь, как тогда, Толстой обратился к ряду лиц, и в первую очередь к тому же В. В. Стасову, за помощью [6] в деле добывания печатных и рукописных материалов, [7] на основании которых и была написана характеристика Нико-

---

[1] Напечатано в сборнике «Тайные Общества в России в начале XIX столетия», стр. 204.

[2] См. письмо Д. И. Завалишина к гр. Н. П. Игнатьеву от 6 апреля 1882 г. в сборнике: «Декабристы», Неизданные материалы и статьи под редакцией В. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского дома Всероссийской Академии наук, стр. 194.

[3] Указанные воспоминания С. А. Берса, стр. 47.

[4] Рассказ этот Толстой мог услышать от Завалишина. Кроме этого рассказа, Берс приводит еще три рассказа Льва Николаевича о декабристах: об азбуке перестукивания, изобретенной М. А. Бестужевым, о чем Толстой читал в «Русской старине» 1870, т. I, о письме М. С. Лунина к сестре по поводу учреждения Министерства государственных имуществ, прочитанном Толстым в «Полярной звезде» на 1861 г. (6 книга), и о том, как прикованный к тачке Лунин смешил смотрителя каторжных работ, «полного майора, немца по происхождению». Источник последнего рассказа нам неизвестен.

[5] «Толстой. Памятники творчества и жизни», III, М. 1923, стр. 66—67. Толстой очевидно очень живо представлял себе эту сцену. Об ней он снова говорил 7 августа 1903 г. См. Гольденвейзер «Вблизи Толстого», I, 117.

[6] Другой усерднейший исполнитель поручений Толстого, Н. Н. Страхов, скончался 24 января 1896 г.

[7] Об этом были сообщения в газетах. Так, в «Русском слове» 1903, № 4 от 5 января появилась заметка «Новый труд Л. Н. Толстого»: «По словам немецких газет, гр. Л. Н. Толстой вновь обратился к всегда интересовавшей его эпохе декабристов и теперь занят работой, посвященной им. Лев Николаевич обратился к В. Стасову с просьбой сообщить ему об имеющихся по данному вопросу материалах в иностранной литературе».

лая I, в одной из редакций которой читаем о царе и декабристах: «Царствование его началось ложью о том, что он, играя роль, уверял при всяком удобном и неудобном случае, что он не знал того, что Александр назначил его наследником, и что он не желает престола. Это была ложь.

Властолюбивый, ограниченный, необразованный, грубый и потому самоуверенный солдат, он не мог не любить власти и интересовался только властью, одного желая — усиления ее. Его присяга Константину, из которой он и его льстецы сделали потом подвиг самоотвержения, была вызвана страхом. Не имея в руках акта престолонаследия и не зная решения Константина, провозглашение себя императором подвергало его опасности быть свергнутым, убитым, и он должен был присягнуть Константину. Когда же Константин опять отказался, вспыхнул мятеж, состоящий в том, что люди хотели облегчить то бремя, которое будто бы так тяготило его. И на это он ответил картечью, высылкой и каторгой лучших русских людей. Ложь вызвала человекоубийство, человекоубийство вызвало усиленную ложь».

Работой над главой о Николае I Толстой был занят и летом 1903 г. Под 18 июня этого года в Дневнике записано: «Решил Николая Павловича оставить почти как есть, и, если понадобится, писать отдельно». 25 февраля 1904 г. Лев Николаевич снова было взялся за эту работу, когда записал в Дневнике: «Нынче поправил Николая Павловича в «Хаджи-Мурате» и бросил. Если будет время, напишу отдельно о Николае». К окончательной отделке повести Толстой больше не возвращался, но его не оставляла мысль «написать отдельно о Николае», и 22 апреля 1904 г. он обратился к Стасову: «Хотелось бы получить некоторые записки декабристов, изданные за границей, именно: Трубецкого, Оболенского, Якушкина и вообще такие, которые не изданы в России». [1] Получив эти записки, а также записки Розена и еще какую-то «Записку о декабристах» Толстой писал 8 мая: «Спасибо за присылку книг, Владимир Васильевич... Только что окончил статью о войне и занят Николаем I и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, которую хотелось бы художественно изобразить в связи с декабристами». [2]

Перечитывание записок последних напомнило Толстому знакомство его с кн. С. Г. Волконским, о чем он рассказывал 27 мая, [3] а 1 июля Лев Николаевич писал внуку кн. С. Г. Волконского, кн. Григорию Михайловичу Волконскому: «Декабристы больше чем когда-нибудь занимают меня и возбуждают мое удивление и умиление». [4]

---

[1] ТС, стр. 338.

[2] Там же, стр. 345.

[3] А. Б. Гольденвейзер «Вблизи Толстого», I, стр. 126—127. Еще отзыв Толстого о кн. С. Г. Волконском имеется в записи Д. П. Маковицкого под 1 января 1905 г. См. Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», II, стр. 64.

[4] Письмо опубликовано адресатом в газете «Освобождение» 1904, № 55. По поводу воспоминаний Ив. Захарьина (Якунина) о гр. А. А. Толстой, напечатанных в «Вестнике Европы» (1904, № 6) в «Новом времени» 1904, № 10148 от 3 июня появился за подписью: W. W. «Маленький фельетон», в котором автор между прочим писал: «Как известно, по крайней мере по слухам, он [Толстой] не нашел в фигурах декабристов достаточно характерных русских черт, да и вообще достаточной важности, чтобы можно было из них сделать центр большого эпического создания». Эти строки и вызвали

По своему обыкновению, Стасов не ограничивался доставлением присимых Толстым книг и предлагал 2 декабря 1904 г. выписки из архивных материалов по декабристам, над которыми в это время работал Н. П. Павлов-Сильванский. В ответ Лев Николаевич в конце декабря писал: «Ваше предложение о бумагах декабристов me fait venir l'eau à la bouche. [1] Если можно, пришлите маленькую партию, чтобы я мог знать, какого рода материалы». [2] 23 января П. И. Бирюков привез от Стасова какие-то выписки. Прочитав некоторые из них, Лев Николаевич сказал: «Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу». [3]

Не получая от Толстого извещения о получении этих материалов, Стасов писал 12 февраля 1905 г.: «Лев Николаевич, несмотря на свое обещание, Павел Иванович Бирюков так до сих пор и не написал мне ни слова. А мне так хотелось что-нибудь услышать про то, как вам понравились *выписки* и *извлечения* про декабристов... В настоящую минуту я могу еще доложить вам, что, если те выписки и извлечения вам пригодились и заинтересовали вас (что дай бог!), то я имею возможность сообщить вам еще другую большую пачку подобных же извлечений и из тех же превосходных источников». [4] Лев Николаевич отвечал 2 марта: «... получил и выписки из дела декабристов, прочел с волнением и радостью и несвойственными моему возрасту замыслами. Есть ли еще такие бумаги? Если есть, пришлите, очень, очень буду благодарен». [5]

Что отвечал на это письмо Стасов — неизвестно. Письмо последнего, очевидно, не сохранилось в архиве Толстого. Или материалы, привезенные Бирюковым в январе 1905 г. или те, которые просил Толстой в письме от 2 марта, или и те и другие Лев Николаевич отправил Стасову, о чем писал ему 24 декабря 1905 г.: «Посылаю вам, Владимир Васильевич, бумаги декабристов. Передайте, пожалуйста, владетелю их мою благодарность». [6]

Запись Д. П. Маковицкого в его «Записках» под 26 июня 1905 г. отмечает приезд в Ясную поляну младшей дочери декабриста Д. И. Завалишина, привезшей мюнхенское (1904 г.) издание записок ее отца, а затем в записях под 26 июня, 2, 6, 7, 13, 26 июля, 14 августа [7] и 2 октября 1905 г. [8] приведены отзывы Льва Николаевича об этих записках. Отмечая не раз самохвальство Завалишина [9] («Записки Завалишина так само-

письмо к Толстому кн. Г. М. Волконского, который писал: «Неужели это верно? Я предполагаю, что это просто скверная инсинуация «Нового времени», совершенно запутавшегося в современных вопросах русской жизни и в вопросах русской истории». В приведенных словах нововременского фельетониста правда смешана с ложью, и Лев Николаевич, не считая нужным входить в подробные объяснения, назвал сообщаемое фельетонистом «неточными сведениями».

[1] [заставило у меня «слюнки потечь».]

[2] ТС, стр. 366.

[3] Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», II, стр. 7.

[4] ТС, стр. 371.

[5] Там же, стр. 372.

[6] Там же, стр. 391.

[7] Эти записи не опубликованы и в корректурных оттисках (несостоявшегося издания) любезно предоставлены были Н. Н. Гусевым.

[8] ГМ 1923, № 3, стр. 5.

[9] См. еще запись у А. Б. Гольденвейзера под 20 августа 1905 г. — «Вблизи Толстого», I, стр. 165.

«вальны, что противно читать», зап. 2 июля), Толстой тем не менее признал их «самыми важными из записок декабристов» (зап. 2 октября). Такая высокая оценка объясняется прежде всего тем, что Завалишин в своих рассуждениях по поводу описываемого высказывал мысли, весьма близкие к учению Толстого. [1] Известно, как Лев Николаевич всегда радовался и умилялся, найдя у кого-нибудь родственные своим мысли. Так было и с Завалишиным, о чем между прочим свидетельствуют сделанные Толстым на экземпляре «Записок» многочисленные подчеркивания и отчеркивания тех мест, которые явно ссзвучны идеям Толстого.

Ценность «Запискам» Завалишина в глазах Толстого придавало и то обстоятельство, что мемуарист, не будучи близок ни с одним из декабристов, «писал про их теневые стороны». «Другие их, — говорил Толстой, — как пострадавших людей, идеализировали. И сами они выставляли себя с хорошей стороны. Между этими двумя взглядами находится истина» (зап. 6 июля). [2]

Кроме отзывов о записках Завалишина, у Маковицкого находим указания на чтение Толстым записок И. Д. Якушкина (записи 8, 9 мая, 15 июля [3] и 16 октября [4] 1905 г.) и бар. А. Е. Розена (зап. 24 июня 1904 г.), [5] «Обозрение проявлений политической жизни в России» М. А. Фонвизина (зап. 22 и 23 октября 1905 г.) [6] и «проект конституции 1824 г.» Г. С. Батенкова (зап. 23 января 1905 г.). [7]

На другой день после последней записи Д. П. Маковицкий записал такой отзыв Толстого о декабристах: «Это были люди все на подбор — как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул». [8]

---

[1] На это указал Ю. Г. Оксман (в статье «Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок» в сборнике «Декабристы» — Труды Пушкинского дома Всерос. Академии наук, стр. 195) и развил Б. М. Эйхенбаум в своей книге «Лев Толстой» II, стр. 202—207).

[2] Важно заметить, что читал в 1905 г. «Записки» Завалишина, Толстой ни разу не сказал, что они для него не новость, и что он читал их в рукописи. Очевидно, в начале 1880-х годов Лев Николаевич или очень бегло просмотрел рукопись Завалишина, или, что вероятнее, выразил мысль о напечатании «Записок», не читая их.

[3] Записи не опубликованы.

[4] ГМ 1923, № 3, стр. 17.

[5] Запись не опубликована.

[6] ГМ 1923, № 3, стр. 25, 27. Толстой читал это сочинение в издании: «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I. Декабристы. Спб. 1905.

[7] Текст записи об этом такой: «Вечером, когда я без четверти 9 пришел в столовую, Лев Николаевич читал вслух проект конституции Батенкова 1824 г. Батенков просидел 15 лет в одиночном заключении. Царь «забыл» про него, нарочно издевался над ним, присылая ему в тюрьму пряников. В тюрьме Батенков пришел к сознанию, что душа его свободна, и один раз так громко расхохотался над тем, что царь запер его, что прибежала стража». Откуда взяты Толстым приведенные Маковицким сведения о Батенкове, сказать не можем. О Батенкове, расхохотавшемся в тюрьме, Толстой рассказывал и в 1895 (?) г., причем заметил, что про это «сегодня читал в Архиве». (П. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» М. 1898, стр. 62.) В «Русском архиве» мы этого рассказа не нашли. Точно так же непонятно, откуда читал Толстой «проект конституции 1824 г.» Батенкова. В печати этот проект (не 1824 г., а 1826 г.). появился лишь в 1906 г. в книге М. В. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов». Киев, 1906, и потому Толстой читал его вероятно в рукописи, возможно, присланной Стасовым.

[8] «Яснополянские Записки», II, стр. 8. См. еще запись под 25 января 1905 г., стр. 10.

В одной из записей Маковицкого, о которых идет речь, Толстой между прочим сказал Софье Александровне Стахович: «Я писал и пишу о декабристах» (зап. 26 июля 1905 г.). Что имел в виду Лев Николаевич, неизвестно. Только упоминаются декабристы (опять, как в «Хаджи-Мурате» в связи с Николаем I) в рассказе «За что?», писавшемся в январе — феврале 1906 г.

На то, что Толстой и в 1908 и 1909 гг. не оставил своего замысла 1903—1904 гг. написать о Николае и декабристах, указывают записи у Н. Н. Гусева под 17 марта 1908 г. и 12 февраля 1909 г. В первой читаем: «Вам Саша [1] говорила, что я отдал ей бумаги от Николая Михайловича? Вот надо будет отвечать ему. Я обещался не показывать, но рассказать можно. Письма Николая Павловича о декабристах. На плохом французском языке с орфографическими ошибками называет их мерзавцами, волнуется и успокаивается, когда они казнены. Я хочу ему написать, что это не только интересно, но и ужасно по тому мраку, который... (Дальше я не запомнил)». [2]

В архиве Толстого (в ГТМ) сохранились как письмо в. к. Николая Михайловича, так и копии с трех писем Николая I, к матери, императрице Марье Федоровне от 12 и два от 13 июля 1826 г., напечатанных в 1916 году в. к. Николаем Михайловичем в его статье «Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I». [3] В частности, Толстой имел в виду, конечно, письмо от 13 июля 1826: «Deux mots à la hâte, chère Maman, pour Vous annoncer que tout s'est passé tranquillement et dans le plus parfait ordre; les misérables se sont conduit en misérables, avec une lâcheté complète. Чернышевъ part ce soir, et témoin oculaire, poura Vous donner tous les détails. Excusez ce court récit écrit; mais sachant et partageant Vos inquiétudes, chère Maman, j'ai voulu Vous donner la nouvelle aussitôt que je l'ai eu». [4]

Запись под 12 февраля 1909 г. говорит о чтении Толстым статьи П. Е. Щеголева «Петр Григорьевич Каховский» в «Былом» (1906 г. №№ 1 и 2). Отзыв Толстого о Каховском и Трубецком в этой записи является последним из известных нам упоминаний о декабристах Льва Николаевича.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РОМАНУ «ДЕКАБРИСТЫ».

Автографы 1863 года.

1. Рукопись в сорок страниц в лист, состоящая из 1 л. + 1 л., внутрь которого вложен один полулист, + 1 полулист + 7 лл. Страницы 6 и

---

[1] Дочь Толстого.

[2] Н. Н. Гусев «Два года с Толстым», изд. 2. М. 1928, стр. 115.

[3] ИВ 1916, июль, стр. 104—106.

[4] В статье в. великого князя, в тексте письма исправлены ошибки, о которых говорил Толстой. В переводе: «Два слова наспех, дорогая матушка, чтоб сообщить вам, что всё прошло спокойно и в совершеннейшем порядке. Презренные и вели себя, как презренные — с величайшей низостью. Чернышев уезжает сегодня вечером и, как очевидец, сможет сообщить вам все подробности. Извините меня за краткость, но зная и разделяя ваше беспокойство, дорогая матушка, я хотел вам сообщить эти сведения, как только я их получил».

10 — чистые. Начиная со стр. 11-й до конца исписаны половины страниц, другие же оставлены чистыми для исправлений и дополнений. Все страницы перенумерованы Толстым. *Начало:* «Глава I. Это было недавно въ царствованіе Александра II...». *Конец:* «Надо сидѣть здѣсь, потомъ ѣхать въ деревню и дѣтямъ показать все». Текст рукописи с многочисленными исправлениями представляет собою первую редакцию глав романа, впервые напечатанных в книге: «XXV лет» 1859—1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Спб. 1884, стр. 216—251 и затем помещаемых в полном собрании сочинений Толстого, начиная с 6 издания (1886 г.). Нижняя часть 35 страницы факсимильно воспроизведена в ПТСО, стр. 7. Наиболее значительные отличия текста рукописи от печатного текста следующие.

Текст первого абзаца в рукописи очень близок к печатному тексту первого абзаца, кроме таких отличий:

Стр. 7, строка 6, после слов: уничтожение черноморского флота — *в рукописи идет:* и въ лицѣ великаго, изъ народа вышедшаго экономиста и оратора поздравляла остатки черноморскаго флота съ этимъ счастливымъ событіемъ.

Стр. 7, строка 12, после: потерю двух великих людей — *в рукописи идет:* однаго увлекшагося и павшаго съ полкомъ подъ..... другаго погибшаго въ Симферополѣ при раздачѣ корпіи и чаю, то время, когда со всѣхъ сторонъ

Стр. 7, строка 22, после: без особого призвания и цели — *в рукописи идет:* Въ то время, когда на юбилеѣ Московскаго университета такой восторгъ обуялъ все передовое русское сословіе, когда упроченное тостомъ на этомъ обѣдѣ явилось общественное мнѣніе.

Стр. 8, строки 11—14, вместо слов, начиная с: когда появилось вдруг столько журналов *до слов:* всё являлись еще новые и новые названия — *в рукописи:* когда появились объявленія журналовъ «Русскаго Вѣстника», развивающаго Европейскія начала на Европейской почвѣ, съ русскимъ сознаніемъ, и «Русской Бесѣды», на почвѣ народной развивающей великія мысли съ народнымъ сознаніемъ, когда появились журналы «Звѣзда» и «Звѣздочка», «Орелъ» и «Орликъ» и «Русская рѣчь» и «Русское слово» и «Русское письмо» и многіе, многіе другіе,

Стр. 8, строка 24, после слов: финансовый, банковый, полицейский, эмансипационный и много других *(в рукописи эти слова читаются:* въ то время наконецъ, когда готовились въ Россіи перемѣны финансовой, экономической, административной, законодательной, судебной, полицейской образовательной, морской, военной и другихъ системъ...) — *в рукописи:* когда наконецъ безплатно стали выдавать паспорты заграницу, и всѣ передовые люди уѣхали въ Парижъ

Стр. 9, строка 10, после слов: Поэтому пишущий эти строки может оценить то великое незабвенное время. Но не в том дело. *(в рукописи:* Поэтому пишущий эти строки можетъ оцѣнить то великое время — Онъ былъ.... Но не о томъ рѣчь.) — *в рукописи идет:*

Въ это же время возвращались изъ изгнанія преступники 25 года. Одинъ изъ этихъ изгнанниковъ ⟨есть герой настоящей исторіи⟩ поздно вечеромъ зимой — 56 года, послѣ 35 лѣтняго отсутствія и путешествія, продолжавшагося полтора мѣсяца, вернулся на свою родину ⟨въ Москву въ сердце Россіи⟩. Онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ женою, послѣдовавшей за нимъ въ изгнаніе, ⟨и съ⟩ дочерью и сыномъ, рожденными и воспитанными въ Восточной Сибири. Господинъ Швалье пошелъ встрѣтить гостя.

Наискось, по этим словам о декабристе, Толстым написано, крупно, карандашом: Онъ сюсюкаетъ.

Затем в рукописи идет текст, соответствующий печатному тексту, начиная с абзаца. «Глава семейства торопливым, взволнованным...» *и кончая абзацем:* «Покуда человек ходил...» *но с следующими отличиями. В рукописи жена декабриста называется сначала* «Варвара Дмитриевна ⟨Варя⟩ *затем* «Варвара Николаевна» *и, наконец,* «Наталья».

По словам: Но Pierre находился под влиянием восторженного состояния, производимого приездом на место. «Ты смотри Сережины вещи не смешай, вот его лыжи....» *карандашом крупно написано:* щетка

Стр. 12, строка 19. После слов: пытался с мужиком перетащить эту мебель, вошел в комнату хозяин-француз *(в рукописи читается:* «Г-нъ Шевалье засталъ его въ то самое время, какъ онъ съ мужиками собственноручно пытался перетаскивать эту мебель) — *в рукописи:* Послѣдній этотъ поступокъ, казалось, рѣшительно разсердилъ или огорчилъ жену. Она даже по французски строго сказала, взявъ его за руку: Pierre, vous vous ferez du mal.[1] Извѣстно всѣмъ, какое значеніе въ устахъ русской женщины получаютъ извѣстныя слова, сказанныя по французски. Такого рода замѣчаніе, казалось, подѣйствовало. Pierre оставилъ диванъ и обратился къ хозяину, который, судя по низкимъ занятіямъ самаго главы семейства, сейчасъ же составилъ свое особенное и невысокое мнѣніе о новопріѣзжихъ. *Затем в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца:* «Вы меня спрашивали?» *кончая словами:* Ах, да, так ненадобно чаю.

Поперек всего этого абзаца Толстой крупным почерком, черниламі написал: «Дочь практична мать задумчива интересная grande dame. У Шевалье спрашиваетъ о семействѣ и дѣтяхъ».

Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 1 стр. 258—259), а за ним текст, соответствующий в печатном абзацам: начиная с абзаца: «Соня, как сидела...» *кончая абзацем:* «Не на ту, не на ту»; *абзацу:* «В гостиной кипел самовар» *и следующему, кончая словами:* «Того уж не будет завтра». *Этими словами кончается первая глава текста, а вторая глава начинается:*

⟨Вотъ почему ужъ не будетъ завтра. Когда Г-нъ Швалье вернулся въ свою комнату и сообщилъ замѣчанія насчетъ

[1] [Пьер, вы себе повредите.]

новопріѣзжихъ своей подругѣ жизни въ кружевахъ и барежевомъ платьѣ, сидѣвшей по парижскому манеру за конторкой, въ этой комнатѣ, имѣющей особое значеніе, сидѣло нѣсколько привычныхъ посѣтителей заведенія.

Комната эта, въ которую намъ придется впослѣдствіи часто вводить читателя, имѣетъ слѣдующее значеніе.〉

Затем в рукописи идет текст, соответствующий в печатном абзацу: «Ежели вы скромный мужчина...» *кончая в нем словами:* «трюфелей сколько вамъ угодно». *А затем идет текст, помещаемый нами в вариантах (см. вар. № 2, стр. 259). Вслед за ним в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца:* — «О! очень люблю...» *и кончая абзацем:* — «Да кто они...», *после чего в рукописи идет:* «Между тѣмъ принесли подорожную, которую выдалъ самъ Pierre съ нѣкоторой скромной гордостью. Онъ ожидалъ, что имя его произведетъ сильное впечатлѣніе. И боялся въ душѣ, чтобы нынче же по этому случаю не обезпокоили его какимъ нибудь торжествомъ. 〈В. Н. вздохнула почему-то. Женское чутье сказало ей, что это мишура, когда они вступаютъ въ новую жизнь. Ей стало что-то страшно.〉 М-г Ложье началъ читать: Мы Александръ deux самодержѣсъ и т. д. но одинъ изъ гостей вырвалъ у него листъ и дѣйствительно имя 〈декабриста〉 старичка произвело на него сильное впечатлѣнье. Онъ сложилъ бумагу».

После этого текста в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца: — «Ну, угадайте же...» *кончая словами:* «Скоро после рассказа один из золотых молодых людей встал и поехал в клуб». *Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 3, стр. 259—261).*

После этого текста в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная со слов: «Почтенные люди все были...» *(в абзаце:* «Но Северников не досказал...»), *кончая абзацем:* « — Ежели он приехал....» *Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 4, стр. 261—262).*

После этого текста в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца: — „Он был «один из стаи славных...»“ *и кончая абзацем:* « — Кто же этого не знает...», *с следующими отличиями:*

Стр. 23, строка 6, после слов: В 1819 году он был прапорщиком Семеновского полка — *в рукописи следует:* и первымъ любимцемъ Д.

Стр. 23, строка 8, после слов: первую масонскую ложу — *в рукописи следует:* Потомъ у него стали собираться всѣ тогдашніе масоны 〈А. Б. В.〉 Иванъ А. Никита Б. Федоръ Д.

Стр. 24, строка 21, после слов: знания достаточно доказаны здесь (*в рукописи:* знанія уже доказаны здѣсь) — *в рукописи следует:* Какъ видите, въ умной комнатѣ (пріемы) привычки парламентской учтивости рѣчи были не хуже распространены, чѣмъ въ Вестминстерскомъ дворцѣ. Тотъ, чья память была доказана въ этой комнатѣ, продолжалъ такимъ образомъ исторію Лабазова. Пахтинъ тотчасъ понялъ, что здѣсь только новость эта

была принята, какъ слѣдуетъ, и будетъ также разработана. Въ Москвѣ онъ вышелъ въ отставку.

Стр. 23, строка 29, после слов: человека обворожительнее его. — *в рукописи следует:* Тутъ-то былъ съ нимъ знаменитый анекдотъ, что онъ привезъ къ своей сестрѣ больнаго нищаго отъ Иверской и уложилъ его въ гостиной. Извѣстная Марья Ивановна Лабазова, которая теперь живетъ на Стожинкѣ. У ней онъ и женился на Кринской за нѣсколько мѣсяцевъ до бунта. — — Дочь Сергѣя Кринскаго

Стр. 23, строка 40, после слов: разве брат был замешан? — *в рукописи следует:* Разскащикъ помычалъ и показалъ глазами, что они не одни, и нельзя всего разсказывать, что онъ знаетъ. Пахтинъ тоже взглянулъ на однаго молодаго человѣка, не обычнаго посѣтителя комнаты, и умолкнулъ, онъ и не думалъ допустить предположенье, что собственно изъ за него считали неудобнымъ разсказывать все, что знали. Удивительно честный былъ его поступокъ съ братомъ, продолжалъ разскащикъ. Во первыхъ онъ скрылъ его, хоть этимъ ухудшилъ свое положенье, во вторыхъ все имѣнье, которое перешло къ брату, онъ оставилъ ему и писалъ изъ Сибири, что ему ничего не нужно. Потомъ въ Сибири, мнѣ говорили многіе, онъ всѣми отъ самыхъ низкихъ людей до начальниковъ, онъ всѣми былъ боготворимъ.

Стр. 24, строка 25, после слов: отвлеченную сферу, неинтересовавшую Пахтина — *в рукописи следует:* Притомъ же теперь, все нужное было объяснено ему, и онъ опять почувствовалъ безпокойство въ ногахъ и принужденъ былъ выдти.

Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 5, стр. 263—265). Вместо последних абзацев вар. № 5, начиная с слов: «Верно будут вывозить дочь...» *кончая словами:* «вздохами и храпеньями» *в рукописи имеется и окончательная редакция конца II печатной главы, начинающаяся абзацем:* «Что значил 56 год!»

Затем в рукописи идет IV глава, текст которой соответствует тексту печатной III главы, кончая абзацем: — Надо сидеть здесь, потом ехать в деревню и детям показать всё» *с следующими отличиями:*

На полях, против слов (стр. 27): «и эти колокольные московские звуки» *написана программа:* «Стар. одѣв. занятъ собою. Ихъ видъ. Сынъ дома завтракаетъ. Пахтинъ и либералъ. Мар. Ива. зоветъ. Какой ты дуракъ. Обѣдаетъ».

Перед абзацем (стр. 28): «Сережа остался дома...» *в рукописи имеется текст:*

Что думалось имъ во время обѣдни, Богъ знаетъ. Что можетъ думаться людямъ, возвращающимся въ отечество послѣ 35 лѣтъ.

В абзаце: Ну, поедем к Марье Ивановне...» *(стр. 32) вместо слов:* «и Петр Иваныч вышел, неся высоко голову» — *в рукописи первоначально было:* «И [Петръ] И[ванычъ] вышелъ, чувствуя себя счастливымъ и великимъ человѣкомъ, для котораго теперь только начинается настоящая плодотворная дѣятельность».

В абзаце: «— Какой ты дур...» *(стр. 34)* вместо: «Я не читала, но

хвалят» — *в рукописи первоначально было:* «Я по русски не читаю, но хвалютъ».

2 (Папка 3. № 12). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам. Исписаны первые три и три четверти четвертой страницы. Все четыре страницы перенумерованы рукой Толстого: «41—44». *Начало:* «Мое правило не вмѣшиваться...» Этот полулист — отбившийся от предыдущей рукописи: текст этих страниц непосредственно примыкает к тексту последней страницы рукописи № 1, что подтверждается и пагинацией Толстого. Текст представляет собою конец III главы, напечатанной впервые в вышеназванной книге: «XXV лет», стр. 249—251. Текст рукописи очень близок к печатному, но, вместо последних трех абзацев его, в рукописи читается:

Скоро пышащія холодомъ и счастьемъ вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня.

— Дайте мнѣ на нее посмотрѣть, руками взя[ла] ее за лицо.

Наталья Николаевна разсказывала. Сережа между тѣмъ съѣздилъ къ Ник. Масл. (?], брату Н. Ник. Тамъ онъ сошелся съ писателемъ. Писатель говоритъ: «я пріѣду... хорошо». О направленіи. Сережа пошли портить себѣ апетитъ, кошелекъ и желудокъ къ Шевалье, самъ познакомился съ Барт. — Къ обѣду немножко опоздалъ.

3 (Папка 3. № 12а). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам, ┼ 1 л. в 4 д. л. (чистый). Исписаны первая и начало второй страницы. *Начало:* «М[арья] И[вановна] пожалѣла, что первый день...» Текст рукописи представляет собою вариант конца III главы романа, напечатанной впервые в книге «XXV лет», стр. 251. Печатаем текст рукописи в вариантах (см. вар. № 6, стр. 265).

4. Рукопись в десять полулистов, сложенных пополам (сорок страниц в 4 д. л.). Страницы не нумерованы (есть позднейшая нумерация листов, сделанная в императорской Публичной библиотеке И. А. Бычковым). *Начало:* «Глава I. Это было недавно...» *конец:* «...этими новыми лицами сильнѣе чѣмъ въ уѣздномъ городѣ». Текст представляет собою вторую редакцию двух первых глав романа, впервые напечатанных в книге «XXV лет», стр. 216—240.

Наиболее значительные отличия текста рукописи от печатного текста следующие.

Стр. 9, строка 11, после слов: «Но не в том дело» — *в рукописи:* Въ это же время возвращались изъ изгнанія политическіе преступники 25 года. Одинъ изъ этихъ изгнанниковъ поздно вечеромъ зимой 56 года послѣ 32 лѣтняго отсутствія и путешествія, продолжавшегося 2 мѣсяца, вернулся въ Москву на свою родину. Онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ женой, послѣдовавшей за нимъ въ изгнаніе, съ дочерью и сыномъ, рожденнымъ и воспитаннымъ въ восточной Сибири. —

Два возка и сани стояли у подъѣзда лучшей Московской гостиницы. Молодой человѣкъ вбѣжалъ въ двери узнать о квартирѣ, самъ же онъ сидѣлъ въ возкѣ съ женой и дочерью и съ жаромъ разсказывалъ имъ о томъ, что Поляки никогда не

могли бы завладѣть Москвою при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, и какъ бы они ни были сильны, потому что въ нихъ не было того славянства, которое сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ стороны человѣка.

Последние слова, начиная со слова: «славянства» передѣланы на: «порабощающаго свойства, которое было у Римлянъ, у Германцевъ, у русскихъ».

Стр. 9, строка 28, после слов: какъ будто остальное до него не касалось (абзац: «Потому ли, что это было...») — *в рукописи:* Посмотри на каждаго Поляка, хоть нашъ Шмилецкій [?], онъ хорошій малый, но каждый самъ по себѣ».

Стр. 9, строка 39, после слов: принялъ его под руку — *в рукописи:* но тотчасъ же оставилъ. Этотъ старичекъ съ бѣлой бородой въ смятой шапкѣ безъ козырька и распахнутомъ крытомъ тулупѣ не показался ему достаточно значительнымъ. «Такъ какой-нибудь при господахъ» — подумалъ онъ. Но другого не вышло. Это былъ самъ глава семейства.

Стр. 10, строка 32, после слов: — Да, да, да; узнай, пожалуйста, у Каменного моста. — *в рукописи:* Соня, дай трубку, — прибавилъ онъ. Соня, что-то тоже возившаяся съ дѣвушками въ другой комнатѣ, нашла, набила трубку и принесла ему. Онъ не глядя взялъ ее и продолжалъ молчать, должно быть все еще додумывая ⟨то, что онъ говорилъ о Полякахъ⟩ свои мысли [1]

Затем в рукописи идет текст, соответствующий печатному, *начиная с абзаца:* «Наталья Николаевна, убравшись оправила свои...» *и кончая:* «женщина не могла бы дать своему мужу». После этого в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 7, стр. 265—266), а затем текст (позднее перечеркнутый), соответствующий печатному тексту, *начиная с абзаца:* «— Лучше за ним послать, Pierre...» *кончая словами:* «... его повезли в баню» (в абзаце: «Ах, да, так ненадобно чаю...») *и начиная с абзаца:* «В гостиной кипел самовар» *кончая II главой..*

Шевалье печатного текста в рукописи называется Ложье, Пахтин в рукописи сначала назван Иваном Васильевичем, а потом Иваном Павлычем.

Рукописи №№ 1 и 4 хранятся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а рукописи №№ 2 и 3 в АТБ.

Автографы 1877—1878 гг.

Планы.

5 (Папка 3. № 9). Один лист писчей бумаги в 4 д. л. Исписано полстраницы. *Начало:* «что жъ на новыя мѣста. Что Илью жалѣть». Время написания предположительно относим к декабрю 1877 г. — началу января 1878 г. Печатается впервые (план I, стр. 256).

6 (Папка 3. № 9). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам. Исписана одна страница. *Начало:* «Борисовка. 1. Во дворѣ Ани-

[1] Все эти места переделаны в рукописи так, как в печатном тексте.

сима Бровкина...» Датируется октябрем 1878 г. Печатается впервые (план II, стр. 256—257).

7 (Папка 3. № 9). Один полулист писчей бумаги, сложенной вчетверо. Исписана одна страница в 8 д. л. *Начало:* «1817. весной Говѣнье...». Датируется второй половиной ноября — началом декабря 1878 г. Печатается впервые (план III, стр. 257).

8 (П. 3. № 9). Один лист почтовой бумаги большого формата. Исписана часть первой страницы. *Начало:* «1825-й год Ноябрь. — Митинька хозяйничаетъ...» Датируется второй половиной ноября — началом декабря 1878 г. Печатается впервые (план IV, стр. 257).

«Начала» романа.

9 (П. 3 № 6). Один лист писчей бумаги в 8 д. л. Исписана одна страница. *Начало:* «Онъ съ недѣлю только тому назадъ собрался идти...». Текст представляет собою часть рукописи, начало которой утрачено. Время написания декабрь 1877 г. Печатается впервые (вариант № 8, стр. 266—267).

10 (П. 3 № 5). Два полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (восемь страниц в 4 д. л.). Исписаны первые четыре и три четверти пятой страницы. Остальные страницы заняты черновиками французского письма о гувернере к детям Толстого, писавшимися в декабре 1877 г. — январе 1878 г.

Начало: «Въ селѣ Никольскомъ на Зушѣ была сходка...». Текст впервые напечатан М. Цявловским в книге: Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа. Вступительная статья М. Цявловского. Изд. «Огонек». М. 1925, стр. 20—24. (Вариант № 9, стр. 267—269).

11 (П. 3. № 4). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Текст занимает первую страницу и две строки на второй. *Начало:* «Въ 1818-мъ году мужики казеннаго села Излегощи...». Время написания — предположительно вторая половина марта — апрель 1878 г. Печатается впервые (вариант № 10, стр. 269—270).

12 (П. 3. № 2). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые три и половина четвертой страницы. *Начало:* «⟨*Пути жизни*. Азъ рекъ: Бози есте (отъ Іоанн. гл. 10, ст. 34). *1818*. Наступило время весенней пахоты. Мужики казеннаго села Излегощи...»⟩ Пометы на полях 4 стр.: «Врагъ Михайлы. Наемъ пастуха. Дѣлить землю. Если — ». Время написания — предположительно вторая половина марта — апрель 1878 г. Печатается впервые (вариант № 11, стр. 270—271).

13 (П. 3. № 3). Один лист в 4 д. л. Исписаны первая и четверть второй страницы. *Начало:* «*Пути жизни*. Азъ рѣкъ: Бози есте. ⟨Я сказалъ: вы Боги⟩ (Отъ Іоанна Гл. 10, 34) Въ ⟨самомъ началѣ весны⟩ Мартѣ 1818 года...». Время написания — предположительно вторая половина марта — апрель 1878 г. Печатается впервые (вариант № 12, стр. 271—272).

14 (П. 3. № 14а). Два полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (восемь страниц в 4 д. л.). Исписаны первые шесть и начало седьмой страницы. *Начало:* «⟨I. Въ 1818-мъ году Святая приходилась 14 ⟨Март⟩ Апрѣля..⟩».

На полях 2 страницы помета: «6 Мая». Время написания на основании пометы считаем 6 мая 1878 г. Впервые напечатано (со словъ: «Ссора и драка...»). М. Цявловским в книге: Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки, стр. 24—28. В настоящем томе (вариант № 13, стр. 272—275) этот отрывок печатается в бо́льшем виде, чем в указанной книге: введены зачеркнутые начальные абзацы. В рукописи после напечатанного текста стоит: «II. Былъ чистый четвергъ» и на поляхъ приписано: «Сборы отъѣздъ на пашню пахота. III. Говѣнье возвращенье».

15 (П. 3. № 14). Один лист в 4 д. л. Исписано три четверти страницы. *Начало:* «⟨Былъ страшный⟩ Это было въ чистый четвергъ на страстной недѣлѣ...». Текст очень близок к зачеркнутому началу в 18-й рукописи (вариант № 14) и потому нами не печатается.

16 (П. 3. № 14б). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны все четыре страницы. *Начало:* «Между тѣмъ какъ Гр. И. Ч. ⟨столь многое думалъ, вспоминалъ и загадывалъ и⟩ упрекалъ себя...». Этот полулист представляет собою часть несохранившейся рукописи, текст которой содержал описание приезда в церковь гр. Г. И. Чернышева, заутрени и обедни. Впервые напечатано М. Цявловским в книге: «Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа», стр. 28—33. Вариант № 15, стр. 275—278.

17 (П. 3. № 14в). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписана первая страница; вторая и третья заняты генеалогической таблицей. *Начало:* «У И. Ѳ. живъ былъ еще старикъ отецъ...». Возможно, что текст этой рукописи является непосредственным продолжением текста предыдущей рукописи. Печатается впервые (вариант № 16, стр. 278—284).

18 (П. 3. № 14г). Три полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (двенадцать страниц в 4 д. л.). Исписаны первые десять и три четверти одиннадцатой страницы. *Начало:* «⟨I. Въ ⟨старой деревянной⟩ церкви села Излегощи благовѣстили къ заутрени...⟩». Первый (зачеркнутый) абзац рукописи (впервые печатаемый вариант № 14, стр. 275) представляет собою приступ к более раннему, чем весь остальной текст рукописи, «началу». Полулист с этим приступом был Толстым оставлен недописанным и позднее использован для нового варианта, являющегося переработкой и продолжением варианта № 16.

Пометы: *стр. 4:* «Просвирку старухѣ. Старуха слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается, одобряя и не одобряя. Старикъ кудрявый таинственный похожій на дерево»; *стр. 7:* «разговоръ о проѣздѣ барина»; *стр. 8:* «образокъ и свѣча въ головахъ»; «хочетъ голосить но не умѣетъ») «грачи», «сволока», «кафтаны», «веселье пахоты».

К этой же рукописи нужно отнести один лист в 4 д. л., на котором: «Палати разбирали. Старуху сняли. ⟨Двѣ бабы на рѣчкѣ.⟩»

Запись эта относится к тому месту (стр. 280), где рассказывается об уборке избы, когда мать Ивана Федотова сняли с палатей и посадили на конник.

Ниже этой записи еще две: «Отецъ Апухтинъ бѣшенный самодуръ Бурлитъ съ своимъ лакеемъ. Наташа убѣгаетъ послѣ сцены съ бабой про-

сящей за мужа» и «Институтка дочь губернатора». Эти записи говорят о намерении изобразить в лице героини романа Наталью Дмитриевну Фонвизину-Пущину.

Из текста этой рукописи впервые напечатано со слов: «И. Ѳ. и всегда натощакъ, послѣ церкви, бывалъ сердитъ...» М. Цявловским в книге: «Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа», стр. 33—42. Вариант № 17, стр. 284—285.

19 (П. 3. № 10). Четыре полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (шестнадцать страниц в 4 д. л.). Исписаны первые тринадцать и три четверти четырнадцатой страницы. *Начало:* «Спорное дѣло о завлаженіи Пензенской губерніи Краснослободскаго уѣзда помѣщикомъ отставнымъ гвардіи Поручикомъ ⟨Княземъ⟩ Иваномъ ⟨Чернышевымъ⟩ Апыхтинымъ...». Текст этой рукописи, послужившей оригиналом, с которого была сделана копия в 1884 г. Кузминским (27-я рукопись), близок к тексту, впервые напечатанному в сборнике «XXV лет», в качестве «первого варианта» первой главы романа (стр. 252—262). Кроме стилистических отличий, основные отличия текста рукописи от печатного текста заключаются в том, что эпизод просьбы Ивана Петровича прощения у Федотова изложен (кратче, чем в печатном тексте) в начале абзаца (печатного текста): «В самый тот день как мужики...», т. е. не между заутреней и обедней, а перед заутреней. Но написав было здесь эту сцену, Толстой зачеркнул ее и заново написал в том месте, где она находится в печатном тексте. Второе отличие заключается в том, что после текста, соответствующего печатному, в рукописи имеется еще текст: «Онъ пилъ кофе съ миндальнымъ молокомъ и ѣлъ крендельки на миндальном молокѣ. Принималъ поздравленья. Позвольте надѣть архалукъ и трубку. За кулисами шла пальба за крендельки и волненія по случаю запашки мужиками земли.

Жена распорядилась послать за землемѣромъ тайно отъ Ивана Петровича. Онъ видѣлъ, что что-то дѣлается, но обошелъ оранжереи и, наконецъ, узнавъ, хотѣлъ разсердиться, но жена уже больше разсердилась, и онъ только усмирялъ ее и съ ней поссорился.

Обѣщаются пріѣхать на Святой къ Чернышевымъ».

Иван Федотов печатного текста в рукописном то Кузьма Федотов, то Иван Федотов; Иван Петрович Апыхтин — то Апыхтин, то Апухтин; Луиза Карловна Тругони — Луиза Карловна Трусон.

Пометы на полях: *стр. 6:* «Что же пашете. Обѣдня прямо», *стр. 11:* «коляска шестерикомъ. Форейторъ оглядывается. Ручьи бѣжали». Вследствие близости текста рукописи к печатному тексту первый не воспроизводится.

Время написания рукописей 15—19 — предположительно май (после 6-го) 1878 г.

20 (П. 3. № 8а). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые две и три четверти третьей страницы. *Начало:* «Въ семьѣ Анисима Бровкина была радость...». Печатается впервые (вариант № 18, стр. 286—287).

21 (П. 3. № 8). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам

(четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые три и четверть четвертой страницы. *Начало:* «Указъ Правительствующаго Сената ⟨дошелъ до Красн⟩ по которому между прочимъ предписывалось...». Печатается впервые (вариант № 19, стр. 287—288).

22 (П. 3. № 7). Два полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (восемь страниц в 4 д. л.). Исписаны первые шесть и четверть седьмой страницы. *Начало:* «1824 года Января 23 было назначено къ слушанію...». Печатается впервые (вариант № 20, стр. 288—291).

Время написания 20—22 рукописей — октябрь 1878 г.

23 (П. 3. № 11). Четыре полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (шестнадцать страниц в 4 д. л.). Исписаны первые четырнадцать и половина пятнадцатой страницы. *Начало:* «⟨Сентября⟩ 2 ⟨6⟩ Августа 1817 года въ 6-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената...».

Пометы: *стр. 8:* «Тих. въ избѣ черной. Лакея сѣчь. Мальчикъ спасаетъ. Баньку. Лобъ насуп. и сжатый ротъ. Твердость пріемовъ»; *стр. 12:* «Странникъ внукъ».

Текст рукописи представляет собою первую редакцию текста, напечатанного впервые в книге «XXV лет» в качестве «второго варианта» первой главы романа. Текст рукописи, соответствующий печатному тексту с начала до слов: «Дорогой Тихоновна разсказала свое горе», очень близок к последнему, дальнейший же текст помещаем в вариантах (вариант № 21, стр. 291—297).

24 (П. 3. № 13). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые две и треть третьей страницы. *Начало:* «Николавна рада была, что ее выслали....» Текст представляет собою вторую редакцию части текста, напечатанного впервые в книге «XXV лет» в качестве «второго варианта» первой главы романа, а именно: начиная с абзаца: «Тихоновна рада была» (стр. 52) до конца. Текст рукописи очень близок к печатному, но после последних слов печатной редакции в рукописи идет:

«Во все время кучеренокъ учился играть «Спирю», но дальше перваго колѣна не могъ дойти и надоѣлъ такъ, что портной выгналъ его».

Время написания 23-й и 24-й рукописей — первые числа ноября 1878 г.

25 (П. 3. № 1). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам, + один лист в 4 д. л. (шесть страниц в 4 д. л.). Исписаны первые пять и четверть шестой страницы. *Начало:* «1818 годъ Прологъ. I. Горе, испытываемое ⟨вдовой Гар⟩ Марьей Яковлевной Гагариной...». В конце текста помета: «Ходитъ Саша и думаетъ, что она будетъ дѣлать».

Время написания рукописи — декабрь 1878 г. — январь 1879 г. Текст рукописи впервые напечатан М. Цявловским в книге: «Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа», стр. 43—47. Вариант № 22 (стр. 297—299).

Копии (с поправками Толстого) 1884 года.

26 (П. 3. № 15). Копия руки С. А. Толстой. Рукопись в сто восемнадцать страниц в 4 д. л., состоящая из 1 л. в 4 д. л. + 7 полулистов писчей

бумаги, сложенной пополам, + 2 лл. в 4 д. л. + 4 полулистов, слож. пополам, + 2 лл. в 4 д. л. + 1 полулиста, слож. пополам + 2 лл. в 4 д. л. + 2 полулистов, слож. пополам + 4 лл. в 4 д. + 4 полулистов, слож. пополам + 2 лл. в 4 д. л. + 1 полулиста, слож. пополам + 2 лл. в 4 д. л. + 3 полулистов, слож. пополам. Все листы с дырками, пробитыми для шнуровки. Рукой С. А. Толстой перенумерованы все страницы и рукой неизвестного (карандашом) — все листы. О тексте рукописи см. стр. 515. Нами печатается с поправками. Текст представляет собою копию, сделанную С. А. Толстой в сентябре (?) 1884 г. с 1, 2 и 4 рукописей. Первые две главы печатного текста списаны с 4-й рукописи, а третья глава — с 1-й и 2-й рукописей. Толстым во многих местах сделаны исправления и переделки стилистического характера. Рукопись (с отпечатками пальцев наборщиков и записями их фамилий) служила оригиналом для набора трех глав романа, впервые напечатанных в книге «XXV лет», стр. 216—251 и помещаемых в полном собрании сочинений Толстого, начиная с 6 издания 1886 года. Перед сдачей рукописи в набор кем-то она вычитана: поставлены знаки препинания, дописаны слова и т. п. *Начало:* «Декабристы. Роман. Глава I. Это было недавно...».

27 (П. 3. № 16). Десять полулистов писчей бумаги, сложенной пополам + один лист в 4 д. л. (сорок две страницы в 4 д. л.). Копия руки А. М. Кузминского с поправками (в пяти местах) руки Толстого. *Начало:* (рукой С. А. Толстой): «Варианты первой главы»; затем рукой А. М. Кузминского: «I. Спорное дело о завлажении...». Рукопись эта, представляющая собою копию с 19-й рукописи, написана в 1884 г. и послужила оригиналом набора (на ней следы пальцев наборщиков) для книги: «XXV лет», где (стр. 252—262) впервые был напечатан текст рукописи в качестве «первого варианта» первой главы романа. «Вариант» входит в полное собрание сочинений Толстого, начиная с 6 издания. Нами печатается текст наборной рукописи, с многочисленными исправлениями по рукописи 19-й. См. об этом стр. 519—522.

28 (П. 3. № 17). Двадцать два листа в 4 д. л. (сорок четыре страницы в 4 д. л.). Копия руки А. М. Кузминского (кроме одной страницы (л. 9^1), написанной С. А. Толстой) с большим количеством поправок руки Толстого. *Начало:* «II. 2-го Августа 1817 года въ 6-мъ Департаментѣ». Текст рукописи, представляющий собою копию с 23-й и 24-й рукописей, написан в 1884 г. и послужил оригиналом набора (на ней следы пальцев наборщиков) для книги: «XXV лет», где (стр. 262—271) впервые был напечатан текст рукописи в качестве «второго варианта» первой главы романа. «Вариант» входит в полное собрание сочинений Толстого, начиная с 6 издания. Нами печатается текст наборной рукописи, с многочисленными исправлениями по рукописям 23-й и 24-й. См. об этом стр. 522—524.

Рукописи с 5-й по 28-ю хранятся в АТБ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ РОМАНА, НАПЕЧАТАННЫМ В СБОРНИКЕ «XXV ЛЕТ», И К ЧЕРНОВЫМ ТЕКСТАМ ЭТИХ ГЛАВ.

Стр. 7, строки 5—6. По Парижскому миру (30 марта 1856 г.), закончившему Крымскую кампанию, Черное море было нейтрализовано, и в

него был запрещен доступ военным судам всех наций, в том числе и России, которая обязалась срыть все укрепления по берегам Черного моря.

Стр. 7, строки 6—9. Чествования севастопольских офицеров и матросов происходили в Москве 17—28 февраля 1856 г. 18 февраля при встрече у Серпуховской заставы первых двух эшелонов, пришедших из Николаева, главный организатор торжеств, откупщик-миллионер В. А. Кокорев, поднеся морякам хлеб-соль на серебряном блюде, поклонился им в ноги. «Чарку водки» выпивали прибывшие на Серпуховской площади, где им было предложено угощение от купечества. В течение десяти дней в честь севастопольцев давались обеды, балы, маскарады и гулянья.

Стр. 7, строки 10—11. Под «дальновидными девственницами — политиками» Толстой, надо думать, разумел камер-фрейлину гр. Антонину Дмитриевну Блудову и фрейлину Анну Федоровну Тютчеву, впоследствии Аксакову. С обеими Толстой был знаком.

Стр. 7, строка 11. «Софийский собор» — Ая-София в Константинополе (VI в.) «Мечтаниями о молебне в Софийском соборе» преисполнены были в начале Восточной войны националистически настроенные круги интеллигенции во главе с славянофилами.

Стр. 7, строки 12—16. «Великий» человек, павший в полях Валахии — старший сын историографа Андрей Николаевич Карамзин, командовавший гусарским князя Варшавского полком и убитый в бою под Каракалом в Малой Валахии 16 мая 1854 г.

Стр. 7, строки 16—18. «Другой» «великий человек» — гр. Михаил Михайлович Вьельгорский, в качестве председателя комиссии, имевшей наблюдение за провиантскою и госпитальною частями в Севастополе, приехал сюда в мае 1855 г. и умер от тифа в Симферополе 22 ноября 1855 г.

Стр. 7, строки 22—24. Пятидесятилетний юбилей деятельности актера М. С. Щепкина праздновался в Москве торжественным обедом 26 ноября 1855 г. Перед обедом была прочитана статья С. Т. Аксакова о Щепкине, а во время обеда говорили речи М. П. Погодин, К. П. Барсов, С. П. Шевырев, С. В. Шумский, Н. А. Рамазанов, С. М. Соловьев и К. С. Аксаков, провозгласивший тост в честь общественного мнения, на что и намекает Толстой.

Стр. 8, строка 1—4. «Целовальник» — вышеупоминавшийся В. А. Кокорев. Его речь, приготовленная к произнесению на обеде литераторов 28 декабря 1857 г. (в Купеческом собрании) по поводу высочайшего рескрипта от 20 ноября об освобождении крестьян, вызвала цензурные затруднения при своем появлении в свет. После обеда у Кокорева 16 января 1858 г., на котором говорили речи сам Кокорев, Ю. Самарин и А. Н. Карамзин, обеды с речами были запрещены.

Стр. 8, строки 7—10. Как видно из первоначальной редакции этого места (см. стр. 530), под «журналами, развивающими европейские начала на европейской почве, но с русским миросозерцанием» Толстой разумел «Русский вестник» Каткова.

Стр. 8, строки 10—14. Указываемое Толстым явление может быть иллюстрировано количеством новых периодических изданий по годам. В 1850 году появилось таковых 4; в 1851 г. — 7; в 1852 г. — 7; в 1853 г. — 4; в 1854 г. — 5; в 1855 г. — 8; в 1856 г. — 10; в 1857 г. — 22; в 1858 г. —

32; в 1859 г. — 38; в 1860 г. — 43; в 1861 г. — 39. Под «Вестником» Толстой, возможно, разумеет «Русский вестник», под «Словом» — «Русское слово» (1859—1866), под «Беседой» — «Русскую беседу». Журналов «Наблюдатель» и «Звезда» не было, но журнал «Орел» издавался ежемесячно в 1859 г.

Стр. 8, строки 15—17. Толстой имеет в виду полемику «Русской беседы» с «Московскими ведомостями» в 1856 г.

Стр. 8, строки 17—19. Под писателями, «описывающими рощу и восход солнца и грозу», вероятно, в первую очередь нужно разуметь Фета, описывающих «любовь русской девицы» — Тургенева, описывающих «лень одного чиновника» — Гончарова, как автора «Обломова», описывающих «дурное поведение многих чиновников» — Салтыкова.

Стр. 8, строки 37—38 сн. Толстой участвовал в вылазке из осажденного Севастополя в ночь на 11 марта и пробыл на 4 бастионе с 30 марта по 15 мая 1855 г.

Стр. 8, строка 38 — стр. 9, строка 2. Разумеются так называемые «Севастопольские рассказы», печатавшиеся в «Современнике» в 1855—1856 гг.

Стр. 9, строки 2—4. Прибыв из Севастополя в Петербург 21 ноября 1855 г. Толстой был зачислен в ракетное заведение, где и состоял на службе до 11 мая 1856 г.

Стр. 9, строки 6—9. Толстой по приезде в Петербург до 9 января 1856 г. не вел дневника, и остается неизвестным, кто те «сильные мира сего», которые искали его знакомства.

Стр. 15, строки 1—2. Стихи приведены из стихотворения Шиллера «Würde der Frauen» («Доблесть женщин») (1795 г.) Первый из приведенных стихов у Шиллера читается: «Sie flechten und weben» («они вьют и вплетают»).

Стр. 17, строка 1 — стр. 24, строка 32. Хотя гостиница с рестораном Ипполита Шевалье и существовала в Москве (в Старо-газетном переулке), Толстой здесь, по свидетельству Н. С. Кашкина, описал комнату в ресторане (при гостинице) Дюссо (на Театральном проезде). «Я помню, вспоминал Н. С. Кашкин, мы часто с ним бывали на балах. Ему очень нравилась бар. Елизавета Ивановна Менгден, красивая, молодая, интересная женщина, а мне Нелли Молчанова, рожд. Волконская. Наши дамы уезжали с балов обычно до ужина, мы их провожали, а затем отправлялись ужинать к Дюссо. Это бывало часто. Толстой в «Декабристах» описывает именно тот кабинет у Дюссо, в котором мы любили ужинать». (Н. Н. Кашкин, «Родословные разведки». Спб. 1913, II, стр. 572—573). Судя по Дневнику Толстого рассказываемое Кашкиным происходило во второй половине января 1857 года.

Стр. 20, строка 25 — «записанный юноша» — не член клуба, а записанный, как гость, кем-нибудь из членов.

Стр. 20, строка 30. — По предположению Ю. Г. Оксмана, в лице И. П. Пахтина изображен писатель Николай Филиппович Павлов (1805—1864) (см. Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», кн. вторая, Лгр. 1931, стр. 412).

Стр. 21, строка 3 сн. — Прототипом для графа Северникова послужил, по мнению Б. М. Эйхенбаума (указ. соч. стр. 191—192), гр. Ф. И. Толстой — американец.

Стр. 23, строка 30. — Как указал Б. М. Эйхенбаум (указ. соч. стр. 199) фамилия Кринская явно намекает на фамилию жены кн. С. Г. Волконского М. Н. Раевской.

Стр. 23, строка 31. — Отец М. Н. Раевской, Николай Николаевич Раевский — старший (1771—1829), один из главных деятелей военной кампании 1812 г. при Бородине с успехом защищал редут, получивший его имя, против главных сил французской армии.

Стр. 31, строка 5 — Аксатовы, как указал уже Б. М. Эйхенбаум (указ. соч. стр. 201), конечно Аксаковы — Сергей Тимофеевич и его сыновья — Константин и Иван.

Стр. 31, строки 6—7. — Под «его изданием» Толстой мог разуметь или еженедельную газету И. С. Аксакова «Парус» 1859 г., закрытую цензурой после выхода в свет второго номера, или еженедельную газету «День», первый номер которой вышел 15 октября 1861 г., приостановленную в июле 1862 г., возобновившуюся в октябре этого года и прекратившуюся в 1865 г.

Стр. 47, строка 3 — Луиза Карловна Тругони образована, конечно, из Луизы Ивановны Трузсон, по мужу кн. Волконской (1825—1890), жены троюродного брата Толстого кн. Александра Алексеевича Волконского. Кн. Л. И. Волконскую Толстой изобразил в «Войне и мире» в лице кн. Лизы Болконской.

Стр. 47, строка 8. — О семье гр. Г. И. Чернышева см. стр. 552—556.

Стр. 48, строки 10—15. С октября 1817 г. по 21 февраля 1818 г. Александр I с двором и отрядом гвардии пробыл в Москве, где на Воробьевых горах 12 октября состоялась закладка храма Спасителя. В это время происходили заседания декабристов, на которых был принят новый устав общества.

Стр. 265, строка 14. — Чиферин — конечно Б. Н. Чичерин.

Стр. 529. — «Великий экономист и оратор» — упоминавшийся выше откупщик В. А. Кокорев.

Стр. 529. Заседания, обеды и вечера по случаю столетнего юбилея Московского университета происходили 12—15 января 1855 г. Толстой спутал речи на этом юбилее с речами на юбилее Щепкина. В следующей редакции ошибка была исправлена.

Стр. 530. «Звездочка» — детский журнал, издававшийся в 1850—1863 гг., «Русская речь» издавалась в 1861 г. Журналов «Орлик» и «Русское письмо» не существовало.

Стр. 530. Высокая пошлина с заграничных паспортов, являвшаяся фактическим запрещением выезда за границу, была отменена манифестом 26 августа 1856 г.

МАТЕРИАЛЫ К РОМАНУ.

Записные книжки.

1 (Инв. № 93). Записная книжка «А», описанная в 48 томе настоящего издания. В этой книжке среди записей разного рода записи, относящиеся к работе Толстого над романом «Декабристы», находятся: 1) на вырванном из книжки листе, предположительно помещаемом нами между

20 и 21 листами (обозначен: 20а); 2) на л. 28 (оборот); 3) на л. 29; 4) на л. 30_1 и 5) на л. 84 (последнем). Записи на последних двух страницах Толстой сделал, перевернув Записную книжку верхом вниз, чтобы отделить их от всех остальных.

Из указанных записей первыми по времени были записи на обороте 84 листа. Часть их датирована: 13 января 1878 г., а одна запись сделана не ранее второй половины марта этого года (см. об этом ниже). Запись на лицевой странице 84 листа сделана в мае этого года (см. об этом ниже). Записи на вырванном впоследствии из книжки листе (20а) датированы: 27 августа 1878 г. и 30 сентября 1878 г., и поэтому записи, находящиеся между этими датами, сделаны после 27 августа и до 30 сентября 1878 г. Остальные записи не поддаются точной датировке, но, вероятно, сделаны в октябре-декабре 1878 г.

На лл.: 11—14 (об.) начиная с записи: «1877. 8 Мая Къ слѣдующему послѣ Анны Карениной. Мужики ладятъ сохи, бороны покупаютъ. Загнуть. Пашутъ. Первая пахота, сыро. Жеребята махая хвост. на тонкихъ ногахъ бѣгаютъ за сохами. Выросла трава...» идут записи (с датами дня и месяца), отмечающие весенние явления метеорологического характера, явления из жизни растений, птиц, работы крестьян. Слова: «К следующему после Анны Карениной» означают, что эти записи должны быть использованы в произведении, которое будет писаться после того, как будет закончена «Анна Каренина». Весьма вероятно, что описание весенней пахоты в одном из «начал» «Декабристов»[1] явилось осуществлением этого замысла весны 1877 г., но, наоборот, видеть в этих записях 1877 г. указание на то, что в это время были уже задуманы «Декабристы» никак нельзя, почему записи 1877 г. мы здесь и не воспроизводим. К записям на лл. 11 (об.)—14, отмечающим, как мы уже сказали, и крестьянские весенние работы, относятся две записи: «Какъ сдѣлана новая соха» и «Разсоха кривая готовитъ лапотки дѣтямъ». Обе эти записи (на л. $20а_1$) сделаны были на чистой странице, которую осенью 1878 г. Толстой заполнил материалом, относящимся к «Декабристам». Все записи печатаются впервые.

2 (Инв. № 94). Записная книжка «Б» в 8° (15,5 × 10 сант.), сделанная, вероятно, самим Толстым, в картонном переплете, оклеенном зеленой бумагой, заключающая в себе сто шестьдесят страниц. Первые тридцать страниц перенумерованы Толстым. Страницы: 18, 34, 36, 37, 39—72, 74, 80—102, 104—127, 129—159 — чистые. Таким образом исписанных страниц всего сорок три.

Записная книжка была заведена для того, чтобы в известной системе заносить определенные сведения о лицах, которые должны были в той или иной мере действовать в задуманном романе. Первые двадцать девять страниц книжки (1—29, причем 18-я осталась чистой) отведены записям о членах десяти семей, из которых вышли декабристы. Это семьи гр. З. Г. Чернышева, кн. А. И. Одоевского, Н. М. и А. М. Муравьевых, М. И., С. И. и И. И. Муравьевых-Апостолов, К. Ф. Рылеева, М. П. Бестужева.

[1] См. вар. № 16 на стр. 282—284.

Рюмина, А. И. и П. И. Борисовых, М. А. Фонвизина, М. С. Лунина и кн. Е. П. Оболенского.

Сведения о членах этих семей Толстой располагал по установленным им рубрикам. Его интересовали, с одной стороны, наружность, годы жизни, годы браков, «последовательность» жизни, «связи», т. е. родственные связи и знакомства, — с другой, имущественное положение семьи — вопрос об имениях проставляется, за исключением Рылеева и Бестужева-Рюмина, при всех фамилиях.

Следующие тринадцать страниц (30—33, 35, 38, 73, 75—79 и 103) заполнялись не под ряд, страница за страницей, а вразбивку и притом записями, которые делались без какой-либо системы.

Наконец, записи на последней (160-й) и 128-й страницах Толстой сделал, перевернув книжку верхом вниз, отделяя таким образом эти записи от всех остальных.

Записи на первых двадцати страницах, судя по тому, что начинаются они с записи о членах семьи гр. Чернышевых, сделаны в то время, когда Толстой решил взять главным героем своего романа декабриста гр. З. Г. Чернышева, а было это, вероятнее всего, в апреле — мае 1878 г. [1] Не случайно на втором месте стоят записи о членах семьи кн. А. И. Одоевского. И этого декабриста Толстой намечал в герои романа, что видно и по рукописям «начал» романа и по обращению к П. Ф. Перфильевой с вопросами о кн. А. И. Одоевском. [2] Точнее датировать записи не представляется возможным. Можно только утверждать, что записи на стр. 128-й и 160-й, судя по тому, что Толстой сделал их, перевернув книжку верхом вниз, написаны после того, как какое-то количество страниц было уже заполнено. Запись (на стр. 160-й): «Свести Беляеву рукопись» сделана, вероятнее всего, в ноябре 1878 г., после того, как Толстой получил от Беляева рукопись второй части его воспоминаний, [3] и до того, как числа 7—8 декабря отвез ее в Москву, а записи на стр. 128-й как относящиеся к 1816 году сделаны, надо полагать, в декабре 1878 г. — январе 1879 г., когда Толстой задумывал начать повествование в романе с 1816 г. [4] Все записи печатаются впервые.

Обе Записные книжки хранятся в ГТМ.

3. Записная книжка «В» в 8° (17 × 11 сант.) в картонном переплете, оклеенном песочного цвета бумагой (корешок и углы из дермантина); ярлык фабрики конторских книг Т. И. Гаген в Москве. Страницы разграфлены для записей «прихода» и «расхода». В книжке сто десять ненумерованных страниц. Страницы: 1, 8, 10, 12—100, 102—104 и 110 — чистые. Таким образом исписанных страниц всего четырнадцать. Записи на страницах 105—109 Толстой сделал, перевернув книжку верхом вниз.

Книжка заведена для записей по «Декабристам», но когда работа над этим произведением была оставлена, Толстой пользовался книжкой для других записей. Последние сделаны на 4, 9 и 101 страницах. Запись на стр. 9-й имеет дату: «6 Июня 1884». Текст этих записей дается в 48 томе.

---

[1] См. в „Истории писания и печатания романа «Декабристы»" стр. 500—501.
[2] См. стр. 493—494 и 500.
[3] См. стр. 479—480.
[4] См. стр. 510.

Записи на страницах 2—7, судя по тому, что все они относятся к 1816 г., сделаны, надо полагать, в декабре 1878 г. — январе 1879 г., когда Толстой задумывал начать повествование в романе с 1816 г.[1] Запись на стр. 107-й (об Уварове пропавшем) сделана, вероятно в декабре 1878 г.[2] Все записи печатаются впервые.

Записная книжка принадлежит сыну Льва Николаевича С. Л. Толстому, который нашел ее в ящике письменного стола Толстого в его доме в Хамовниках (в Москве).

Отдельные листы.

4 (Инв. № 93а). Лист «А». Один полулист писчей бумаги, согнутой пополам. Исписаны первые три и одна строка на четвертой странице. *Начало:* «24-й годъ, начало. Ермоловъ на Кавказѣ...». Первая группа записей — сначала и кончая *словами:* «въ дальней Коломнѣ» — сделана, вероятно, в сентябре 1878 г. (см. об этом на стр. 503—504); группы записей: вторая — *со слов:* «Потоцкій членъ совѣта...» *кончая:* «... членъ Совѣта добрый старикъ», сделанная на основании главы «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 г.» книги Тургенева «Россия и русские», третья — *со слов:* «Бетанкуръ женатъ...» *кончая:* «Инзовъ въ Бесараб.», сделанная на основании пятой и шестой частей воспоминаний Ф. Ф. Вигеля, четвертая — *со слов:* «гр. Эсенъ. Оренб.» *кончая:* «... уступается», сделанная по сборнику «Девятнадцатый век» и, наконец, пятая — *со слов:* «21 году...» до конца записей, основанная на неизвестных нам материалах — все эти записи, надо думать, были сделаны в декабре 1878 — январе 1879 г. Все записи печатаются впервые.

5 (Инв. № 93а). Лист «Б». Один лист писчей бумаги в 4°. Исписано полстраницы. Нач.: «18-й годъ...». Записи такого же содержания, как и записи в листе «А» сделаны по материалам, напечатанным в «Русском архиве» 1875 и 1866 гг. и тоже занесены, вероятно, в декабре 1878 г. — январе 1879 г. Все записи печатаются впервые.

6 (*Папка* 3. № 9). Лист «В». Один полулист писчей бумаги, согнутой пополам. Исписана половина первой страницы. *Начало:* «25 годъ. Г[осударь] А[лександръ]....». Записи такого же содержания, как и на листах А и Б, представляющие собою, очевидно, сводку сведений, добытых из разных источников, сделаны тоже, вероятно, в декабре 1878 г. — январе 1879 г. Все записи печатаются впервые.

Рукописи 4 и 5 хранятся в ГТМ, а 6-я в АТБ.

Пометы на копии «Списка членам тайных обществ, преданным Верховному уголовному суду по манифесту 1 июня 1826 г.»

7 (Папка XVI, № 2). Рукопись в шестнадцать страниц в лист + два полулиста писчей бумаги, согнутой пополам (восемь страниц в 4 д. л.,

[1] См. стр. 509.

[2] См. письмо Толстого к П. Н. Свистунову от 25 декабря 1878 г. об этом Уварове, стр. 510.

из которых исписаны первые шесть) руки неизвестного. Текст представляет собою копию (с пометками Толстого) «Списка», напечатанного в книге М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и Россия в его время», Спб. 1871, т. VI, стр. 62—67. Пометы печатаются впервые. Рукопись хранится в АТБ.

ПРИМЕЧАНИЯ К III ПЛАНУ.

1818. Собрание Союза благоденствия. Имеются в виду совещания членов Союза спасения, происходившие с осени 1817 г. до весны 1818 г., в результате которых был принят новый устав тайного общества, получившего наименование «Союза благоденствия». Об этом Толстой мог прочесть в «Всеподданнейшем докладе высочайше утвержденной Комиссии для изысканий о злоумышленных обществах» и подробнее в книге Кропотова «Жизнь гр. М. Н. Муравьева». 1874, стр. 212—219.

1819. Мракобесие. Магницкий. Деятельность Мих. Леонт. Магницкого (1778—1855) по искоренению вольнодумства и безбожия началась в 1819 г., когда он, в качестве члена Главного правления училищ, ревизовал Казанский университет. В отчете по ревизии Магницкий предлагал даже разрушить здание университета.

Бунт в Чугуеве... Казни. «В конце июня 1819 г., при наряде поселян чугуевского округа на сенокошение для строевых лошадей, люди, не вошедшие в состав эскадронов, отказались итти на работу и упорствовали в неповиновении, несмотря на увещания своего командира.... Комиссия военного суда под председательством Аракчеева приговорила главных зачинщиков мятежа в Чугуевском округе 229 человек и в Таганрогском округе 44 человека к смертной казни, и кроме того в обоих округах 72 человека к телесному наказанию. В действительности же прогнаны сквозь строй пятьсот человек, от 6-ти до 24-х раз до семидесяти важнейших бунтовщиков, кроме того, из состоявших под судом 235 человек отосланы без наказания на службу в Оренбург, а из прочих подсудимых и не состоявших под судом 160 человек переведены в 3 уланскую дивизию гр. Витта». М. И. Богданович «История царствования императора Александра I и Россия в его время». Спб. 1871 т. V, стр. 467—470. В статье Г. А. Верещагина «Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I» («Дела и дни» 1922, книга третья, стр. 158—160) опубликован список прогнанных сквозь строй с собственноручными пометами Аракчеева («умре»). Из этого списка видно, что в первые 10 дней после наказания из пятидесяти двух наказанных умерло двадцать пять человек.

1820. Семеновская история. Об этом Толстой мог прочесть тоже в книге Кропотова «Жизнь гр. М. Н. Муравьева». Спб. 1874, стр. 152—164.

Пестель в Петербурге. О собраниях Коренной Думы в Петербурге «в начале 1820 г.» в присутствии Пестеля Толстой прочел в «Всеподданнейшем докладе».

ПРИМЕЧАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ К РОМАНУ.

Записные книжки.

Записная книжка «А» (стр. 445). Л. 84 г. — Первые десять строк страницы заняты записями интересовавших Толстого статей и мемуаров в исторических периодических изданиях.

Чтен. 1858..... Храп. — Статья в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских» 1858, кн. 2. «Мысли по случаю учреждения вольных хлебопашцев в России 1803 г.» М. В. Храповицкого. В этом сочинении Мих. Вас. Храповицкий (1758—1819), брат статс-секретаря Екатерины II, автора «Памятных записок», является противником крепостного права.

Рус. Стар..... об Аракч. — В РС 1871 г. Толстым отмечены: *Семеновский полк.* — «Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка 1820 г.», статья, приписываемая К. Ф. Рылееву и «Письма ген.-адъют. И. В. Васильчикова к кн. П. М. Волконскому», где имеются сведения о возмущении (в № 11); *Шумская* — рассказ А. Г. Пупарева «Убийство любовницы гр. Аракчеева» (в № 9); и *Свиязев об Аракчееве.* — Воспоминания академика архитектуры д. с. с. Ив. Ив. Свиязева. 1824—1826 гг. Император Александр I и граф Аракчеев (в № 11).

Др. и Н. Р..... Ровинского. — В «Древней и новой России» 1875 г. Толстым отмечены: *Аракчеев.* Это — «Черты из жизни графа Аракчеева» И. К. Отто (тт. I и III) и *Очерки Сибири Ровинского.* Это — «Очерки восточной Сибири» П. Ровинского (тт. I, II и III).

Рус. Ст. 75..... Авеля. — В РС 1875, май Толстым отмечено: *Записки Дарагана.* Это — «Воспоминания первого камер-пажа в. к. Александры Федоровны 1817—1819» П. М. Дарагана. В главе VI этих воспоминаний рассказывается о приезде в Москву в 1817 г. императорской фамилии, о заложении храма Спасителя на Воробьевых горах и о балах в Москве, о чем Толстой писал В. В. Стасову.

В РС 1875 г. Толстым еще отмечены: *Жиркевич Черныш[евы] Камен[ский].* Это — «Записки» И. С. Жиркевича (№ 8), где в гл. VI рассказывается о гр. Сергее Михайловиче Каменском и его театре в Орле в 1816—1819 гг., а в гл. XI о семействе гр. Г. И. Чернышева в Тагине под Орлом в 1818—1819 гг. Помета Толстого *Авеля* означает статью «Предсказатель монах Авель» в № 2 РС 1875 г.

Семевского о военных поселениях — Смысл этой записи тот, что М. И. Семевского нужно запросить о литературе о военных поселениях. С М. И. Семевским Толстой познакомился в Петербурге числа 10 марта 1878 г., поэтому запись сделана не ранее второй половины марта этого года. В сохранившихся в архиве Толстого письмах Семевского нет ничего о военных поселениях.

Мирбах — Кто такой Мирбах, сказать не можем.

Свистунову прислать Pascal'a — Запись сделана в мае 1878 г. после приезда (вероятно, числа 2-го мая) в Ясную поляну из Москвы, где Толстой взял у П. Н. Свистунова рукопись перевода П. С. Бобрищева-Пушкина «Мыслей» Паскаля, и до 19 мая, когда Лев Николаевич послал Свистунову эту рукопись. Но запись может относиться и к изданию Louandre'a

«Мыслей» Паскаля, которое просил прислать ему П. Н. Свистунов в письме от 10 мая 1878 г. В ответ Толстой извещал Свистунова, что Паскаля пришлет «на днях». В этом случае запись могла быть сделана и несколько позднее 19 мая. Письма Толстого к Свистунову см. в КА, т. VI, а Свистунова к Толстому в сборнике: «Тайные общества в России в начале XIX столетия». М. 1926.

Л. 84$_1$. Les cabinets et les peuples Bignon — сочинение французского публициста и историка Луи Биньона (1771—1841): «Des cabinets et des peuples depuis 1815» [«Правительства и народы с 1815 г.»], изданное в Париже в 1822 г.

Л. 20а$_1$. Первая запись имеет в виду статью Н. В. Путяты «Николай Николаевич Муравьев» в «Современнике» 1852, № 5. Запись сделана, вероятно, на основании «Воспоминания о Н. В. Путяте» П. И. Бартенева в РА 1878, № 1, где на стр. 125 указана эта работа Путяты.

О значении второй записи: «1824-й год. Весна». см. стр. 503—504.

О том, что кн. Дмитрий Иванович *Лобанов-Ростовский* (1758—1838) был в 1824 г. министром юстиции Толстой прочел, вероятно, в книге М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время», т. VI, стр. 397.

О светл. кн. Петре Васильевиче *Лопухине* (1753—1827), как председателе Государственного совета в 1816—1827 гг. говорит Вигель в своих (стр. 62 пятой части изд. 1865 г.) воспоминаниях, внимательно штудированных Толстым.

Шишков заменяет Голицына. — Попов — 15 мая 1824 г. на место кн. А. Н. Голицына (1773—1844), бывшего министром народного просвещения с 1816 г., а в 1817—1824 гг. стоявшего во главе объединенных в одно министерство ведомств духовных дел и народного просвещения, был назначен А. С. Шишков (1754—1841). Василий Михайлович Попов (1771—1842), изувер мистик, был с 1817 г. директором департамента народного просвещения и был уволен одновременно с своим покровителем кн. А. Н. Голицыным. О смене Голицына Шишковым говорится в указанной книге Богдановича, стр. 389—395.

Румянцев? — Гр. Ник. Петр. Румянцев (1754—1826) был министром иностранных дел в 1809—1814 гг. По выходе в отставку проживал в своей усадьбе в Гомеле.

Кочубей? — Кн. Виктор Павлович Кочубей (1768—1834) был в 1819—1823 гг. министром внутренних дел, а в 1824 г. жил в Одессе и за границей.

Пушкин... в Одессе. — Пушкин в качестве чиновника канцелярии новороссийского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова жил в Одессе с июля 1823 г. по июль 1824 г., когда был выслан в Михайловское. О Пушкине на юге Толстой читал в статье Бартенева «Пушкин в южной России» в РА 1866 г.

Ермолов на Кавказе — А. П. Ермолов (1772—1861) был главноуправляющим Грузии и командиром Отдельного Кавказского корпуса в 1816—1827 гг.

Н. М. Карамзин с семейством в 1824 г. жил в доме не Е. Ф. Муравьевой (о ней см. стр. 559), а в доме Мижуева, как и записал Толстой во второй редакции записи о 1824 годе (см. стр. 460). О том, что Карамзин с

1818 г. жил в доме Е. Ф. Муравьевой, Толстой прочел, вероятно, в примечании Бартенева к письму Карамзина к Е. Ф. Муравьевой в РА 1867, стб. 458.

Обер прокурор. Секретари — нужны были Толстому для описания разбирательства дела в Сенате.

Л. 20а₂. Семейство сосланного.... Мать убита — Запись непонятная. Ивашев — конечно, декабрист В. П. Ивашев.

Александр I был в Симбирске — О пребывании Александра I в Симбирске 5-7 сентября 1824 г. рассказывается в «Воспоминаниях моей жизни» Д. К. Тарасова в РС 1872, № 3, стр. 357.

14, 15 летняя девочка... в монастырь — Дочь костромского помещика Дмитрия Акимовича Апухтина (1768—1838) и жены его Марии Павловны Фонвизиной (1779—1842) Наталья Дмитриевна Апухтина (1805—1869), натура в высшей степени экзальтированная, под влиянием чтения жизнеописаний святых, шестнадцати лет тайком ушла из дома в монастырь. Источник, откуда Толстой взял эти сведения о Н. Д. Апухтиной, неизвестен, но в воспоминаниях М. Д. Францевой рассказывается об этом. См. ИВ 1888, № 5, стр. 393—394.

30 сент. 1878. Апухтина... любовь в жизни — О том, что Н. Д. Апухтина девушкой была влюблена в одного молодого человека, приезжавшего в имение Апухтиных из Москвы, рассказывается в воспоминаниях М. Д. Францевой (ИВ, 1888, № 5, стр. 394). Толстой назвал этого человека Одоевским, намереваясь декабриста кн. А. И. Одоевского сделать героем своего романа. В сентябре 1822 г. Н. Д. Апухтина вышла замуж за своего двоюродного дядю, впоследствии декабриста, М. А. Фонвизина (1788—1854), а после его смерти, в мае 1857 г. за декабриста И. И. Пущина (1798—1859).

Л. 28₂. Предшествовавшие события в Европе — события в Европе, предшествовавшие 1824 году.

1820 Георг IV и хлебный бунт. — Георг IV (1762—1830), сын английского короля Георга III, вступил на престол в январе 1820 г. В 1819 г. в Манчестере произошло восстание пролетариата, вызванное высокими ценами на хлеб.

Занд убил Коцебу. — Студент Иенского университета Карл Занд (1795—1820) 23 марта 1819 г. заколол кинжалом писателя, агента русского правительства Августа Коцебу, выступавшего против академической свободы германских университетов. Занд был казнен в Мангейме 20 мая н. с. 1820 г.

Дерево свободы удобрить кровью — перевод лозунга «Für den Freiheitsbaum den Boden mit Blut düngen» [т. е. почву для дерева свободы удобрить кровью], популярного в студенческих радикальных кружках, из которых вышел Занд.

Ленинг покушался на жизнь Ибеля — В подражание Занду, в Швальбахе аптекарский помощник Ленинг неудачно покушался 1 июля 1819 г. на «президента правительства» герцогства Нассау Ибеля, закрывшего патриотическое «Германское общество».

Везде в германских княжествах конституции. — В 1816 г. была дана конституция великим герцогом саксен-веймарским; в 1818 г. — великим герцогом баденским и королем баварским; в 1819 г. — королем

вюртембергским; в 1820 г. — великим герцогом гессен-дармштадтским; в 1821 г. — герцогом саксен-кобургским и в 1823 г. — герцогом саксен-мейнингенским.

Австрия Франц II и Метерних подавляет — Австрийский император Франц II (1792—1835) и канцлер Меттерних (1773—1859), ведя реакционную политику, являлись оплотом абсолютизма в Западной Европе.

Пруссия Фридрих Гарденберг подавляет — Прусский король Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) и канцлер Гарденберг (1750—1822) по вступлении Пруссии в 1815 г. в Священный союз проводили реакционную политику.

Карлсбадское собрание. — Запретить журналы, лекции демагогов — Совещание в Карлсбаде 3-31 августа 1819 г. германских министров для подавления революционного и оппозиционного движения, вынесшее ряд постановлений, учреждавши надзор над университетами, вводивших строгую цензуру периодических изданий и образовавших центральную следственную комиссию для раскрытия «революционных козней и демагогических обществ».

Штейн древней историей Германии занимается, чтобы соединить в одно — Государственный деятель Пруссии Штейн (1757—1831), стремившийся к объединению германских государств, задумал издание сборников источников и актов по истории немецкого средневековья, которое было предпринято основанным в 1819 г. обществом для изучения древнейшей немецкой историографии.

Русские — Рылеев — Имеется в виду интерес К. Ф. Рылеева к русской истории, выразившийся между прочим в его «Думах». Сближение Штейна с Рылеевым и Карамзиным принадлежит, конечно, Толстому.

Людовик XVIII (1755—1824) — брат казненного французского короля Людовика XVI, бывший с 1791 г. в эмиграции и после провозглашения реставрации Бурбонов в 1814 г. вступивший на престол.

Граф д'Артуа — титул будущего короля Франции (в 1824—1830 гг.) Карла X (1757—1836) в бытность его принцем. *Герцогиня Ангулемская* (1778—1851), дочь Людовика XVI, носившая до казни отца титул Madame Royale. В 1799 г. вышла замуж за своего двоюродного брата, герцога Ангулемского (1775—1844), сына графа д'Артуа. *Monsieur* — титул, который имел младший брат короля Франции. Последним, носившим этот титул, был граф д'Артуа при Людовике XVIII. *Герцог Беррийский* (1778—1820), второй сын графа д'Артуа, был женат на Каролине (1798—1870), дочери короля обеих Сицилий.

Герцог Беррийский был убит 13 февраля 1820 г. шорником Лувелем, имевшим намерение уничтожить династию Бурбонов. Через семь месяцев после смерти отца, 20 сентября 1820 г., родился сын герцога герцог Бордосский, граф Шамбор (1820—1883), последний представитель старшей ветви Бурбонов.

Деказ Эли (1780—1860) — министр внутренних дел при Людовике XVIII, получивший отставку под влиянием ультра-роялистов, считавших его виновником убийства герцога Беррийского.

Ройе-Коллар Пьер (1763—1845), философ и политический деятель. В эпоху реставрации и июльской монархии в палате депутатов возглавлял

партию «доктринеров», старавшихся примирить конституционный порядок с монархической властью.

B. Constant — Констан Бенжамен (1767—1830) — известный писатель и политический деятель, член Палаты депутатов с 1819 г.

Л. 29₁. Испания. Фердинанд VII — Фердинанд VII (1784—1833) — король испанский в 1814—1833 гг., в царствование которого в стране господствовал реакционный террор.

Риего. Конституцию силой — Риего-и-Нуньец (1785—1823) — испанский революционер, офицер, глава военного заговора и восстания в Андалузии в 1820 г., автор гимна, доныне являющегося испанской марсельезой. Под влиянием восстаний Фердинанд VII восстановил конституцию 1812 г., Риего был назначен генерал-капитаном Арагонии, но в сентябре 1821 г. при возобновившейся реакции отставлен. Был взят в плен французскими войсками и выдан испанскому правительству, по приговору которого был повешен.

Португалия. Иоанн — Иоанн VI (1767—1826) — король португальский (1816—1826).

В 21 принужден принять конституцию — Иоанн VI в 1821 г. признал принятую кортесами (португальский парламент) испанскую конституцию 1812 г.

20 г. 2 июля Пепе... (Карбонарии) — Гульельмо Пепе (1782—1855) — неаполитанский политический деятель, организатор революционного движения в Неаполе в 1820 г. Бежав из Неаполя, прибыл в Авелино, где стал во главе революционных войск. Король неаполитанский Фердинанд IV (1751—1825), в 1816 г. принявший титул короля Обеих Сицилий под именем Фердинанда I, при известии об успехе восстания, возглавляемого Пепе, провозгласил конституцию, и 9 июля 1820 г. Пепе торжественно вступил в Неаполь. Карбонарии — тайное политическое общество, боровшееся в начале XIX в. против деспотизма Бурбонов, а затем против французского владычества в Неаполе.

Записи на л. 29₁ сделаны, вероятно, на основании третьего тома «Истории XIX столетия» Гервинуса.

Л. 29₂. — Записи представляют собою преимущественно список книг и статей, которые нужны были как источник исторических сведений для романа.

Брошюра о закладке храма 1817 принадлежит не Соловьеву, как записал Толстой, а Соколову. Книга эта называется: Историческое описание торжества, происходившего при заложении Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, 1817 года 12 октября. Соч. Павла Соколова. М. 1818. О существовании этой книжки Толстой узнал из записок А. Л. Витберга в РС 1872 г. № 2, стр. 192.

Биография Мудрова. Издан[ие] Университета — биография профессора патологии, терапии и клиники Московского университета Матвея Яковлевича Мудрова (1772—1831) в книге «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета» ч. II. М. 1855.

Ведомости 1818 и 24 — вероятно, газета «Московские ведомости», за 1818 и 1824 гг.

Якушкина записки. — Ко времени, когда была сделана запись, Записки И. Д. Якушкина были изданы Герценом в «Полярной звезде», кн. седьмая, вып. I. Лондон. 1861 и отдельной книгой в 1862 г. Затем «Записки» были изданы в Лейпциге Э. Л. Каспровичем дважды в 1874 г. В России «Записки» были напечатаны (не полностью) в РА 1870, № 8—9.

Рылеева биография — Толстой, вероятно, не имел в виду какую-нибудь определенную биографию.

1874. Р. А. I — Толстой, вероятно, описался и, вместо: «Р. В.», т. е. «Русский Вестник», написал: «Р. А.», т. е. «Русский Архив». В последнем в I книге за 1874 г. ничего нет по декабристам, а в «Русском вестнике» 1874, I имеется статья Д. А. Кропотова «Из биографии гр. М. Н. Муравьева».

Галерея 1812 — «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галлерея Зимнего дворца». Изд. В. Межевича и И. Песоцкого. Спб. 1845—1849 в шести томах, заключающих 159 литографированных портретов и биографий, составленных А. И. Михайловским-Данилевским.

Бентама Пыпина или самого — Запись имеет в виду статьи Пыпина «Русские отношения Бентама» в «Вестнике Европы» 1869, февраль и апрель, а также и собственные сочинения английского публициста и философа Иеремии Бентама (1748—1832).

И. И. Дмитриев — «Взгляд на мою жизнь». Записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева. В трех частях. М. 1866. Эта книга имеется в библиотеке Толстого.

Жу[ковского] для немногих — изданные В. А. Жуковским в Москве в 1818 году шесть маленьких книжек под заглавием «Für wenige» «Для немногих» — (книжки не поступали в продажу), заключавших в себе текст произведений немецких поэтов на немецком языке и рядом перевод этих произведений на русский язык, сделанный Жуковским. О существовании издания «Для немногих» Толстой мог узнать из книги Ег. Ковалевского «Граф Блудов и его время». Спб. 1866, стр. 117 (эта книга имеется в библиотеке Толстого), из письма К. Н. Батюшкова к А. И. Тургеневу (от июля 1818 г.), напечатанного в РА 1867, стб. 1517—1518 или, наконец, из сообщения кн. П. А Вяземского «Письма Н. М. Карамзина к Жуковскому» в РА 1868, стб. 1836.

Александр Муравьев — вероятно, один из двух декабристов, или Александр Николаевич (о нем см. стр. 570—571) или Александр Михайлович (о нем см. стр. 558).

Л. 30$_1$. Происхождение записи об Александре I объяснить не можем.

Записная книжка Б: Стр. 1 (стр. 447—448) — Записи на этой странице представляют собою выписки из «Российской родословной книги, издаваемой кн. Петром Долгоруковым», части второй, Спб. 1855, стр. 103. Выписки Толстой сопроводил краткими записями, сделанными, вероятно, со слов лица, сообщавшего семейные предания.

Своему возвышению Чернышевы были обязаны денщику Петра I Григорию Петровичу Чернышеву (1672—1745), возведенному в графы (в 1742 г.) императрицей Елизаветой Петровной и положившему основание большому состоянию этого рода.

Сын гр. Григория Петровича гр. Иван Григорьевич (1726—1797). Павлом был пожалован президентом адмиралтейств-коллегии с чином, для него сочиненным «генерал-фельдмаршала по флоту». Первым браком он был женат на Елизавете Осиповне Ефимовской (1734—1755). Дочь его (как и все дети, от второго брака) гр. Екатерина Ивановна (1766—18..) с 1789 г. была замужем за сенатором Федором Федоровичем Вадковским (1756—1806). Вторая дочь гр. Анна Ивановна (17.. — 1817) была замужем за Александром Алексеевичем Плещеевым (р. в 1778, а не в 1780 г., как записано Толстым на стр. 7).

Сын гр. Ивана Григорьевича, отец декабриста, гр. Григорий Иванович, р. в 1762 г., ум. 2 января 1831 г. (а не в 1830 г., как показано у Долгорукова и списано Толстым).

Теща гр. Григория Ивановича, рожд. гр. Анастасия Петровна Салтыкова, дочь фельдмаршала гр. Петра Семеновича Салтыкова (1700—1772) и Прасковьи Юрьевны, рожд. кж. Трубецкой, была замужем за д. т. с. Петром Федоровичем Квашниным-Самариным (1743—1815).

Брат ее, фельдмаршал гр. Иван Петрович Салтыков (1730—1805) был женат на гр. Дарье Петровне Чернышевой (1739—1802).

Старшая дочь гр. Григория Ивановича, гр. Софья Григорьевна, была замужем с 1828 г. за т. с. Иваном Гавриловичем Кругликовым (1787—1847), наследовавшим Чернышевский майорат и получившим фамилию гр. Чернышева-Кругликова. Дочь их, гр. Елизавета Ивановна — мать В. Г. Черткова.

Записав четыре вопроса о гр. Софье Григорьевне и ее муже, Толстой на оставленном месте для ответов на эти вопросы записал сведения о дяде отца декабриста, гр. Захаре Григорьевиче Чернышеве (1722—1784), вероятно, сыне Петра I и фаворите Екатерины II, генерал-фельдмаршале, наместнике Белоруссии в 1774—1782 гг. и главнокомандующем в Москве в 1782—1784 гг. По смерти отца став владельцем имения Ярополец (Волоколамского уезда Московской губ.) с 6000 десятин и 1200 крепостных «мужского пола душ», Захар Григорьевич получил в 1774 г. в пожалование местечко Чечерск (Чичерск) (Гомельского уезда Могилевской губ.) с 84000 десятин и 4500 душ и разнообразными угодьями. В этом же году из этих имений был образован первый в России майорат, собственником которого после смерти бездетного Захара Григорьевича сделался брат его Иван Григорьевич. Фактически владела и управляла майоратными имениями вдова Захара Григорьевича Анна Иродионовна, рожд. бар. фон-Ведель (1745—1830), дочь бар. Иродиона Кондратьевича фон-Ведель (ум. 1754 г.) и Анастасии Богдановны Пассек (ум. в 1756 г.). О семье Ведель Пушкин в 1831 г. со слов не названного им лица записал рассказ, дав ему заглавие «Богородицыны дочки». В записи этой говорится о том, что вдова денщика Петра I Веделя, будто бы заколовшего царевича Алексея Петровича, с тремя дочерьми жили в большой бедности. «Об них напомнили императрице Елизавете, она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых Ведель. Князь Одоевский выдумал сказку о Богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девицы призваны были ко двору и приняты на ноге фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине; одна за Панина, другая за Чернышева (Анна

Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья не помню за кем».[1] О венчании в д. Шаховского Анны Иродионовны с гр. Захаром Григорьевичем, вероятно, и говорит запись Толстого. Слова: *Живет там* разумеют жизнь Анны Иродионовны в Чечерксе (о Чечерксе в 1830-ых гг. см. в «Записках декабриста» бар. А. Е. Розена. Изд. «Общественная польза», стр. 272 и в воспоминаниях М. Д. Бутурлина — РА, 1897, № 8, стр. 577).

Слова: *Еще брат, которому перешло 3 имения Скорняково через Ушакова от Скорнякова Таг[ино]* говорят о брате гр. Захара Григорьевича Чернышева гр. Петре Григорьевиче Чернышеве (1712—1773), бывшем в 1740—1755 и в 1760—1763 гг. посланником при Датском, Прусском, Английском и Французском дворах, женатом на Екатерине Андреевне Ушаковой (1715—1779), дочери начальника тайной розыскной канцелярии при Анне Иоанновне, Андрея Ивановича Ушакова (1672—1747). Имение Тагино (Тагин) в 7 в. от Орла заключало в себе 14000 десятин прекрасного чернозема. В селе Скорнякове (Архангельское) Задонского уезда Воронежской губ., на левом берегу Дона, был винокуренный завод. В третьем имении, не названном Толстым — Пустотине Ряжского уезда Рязанской губ. была ткацкая фабрика. В этих имениях в 1830-ых гг. было около 4500 ревизских душ.

После смерти гр. Петра Григорьевича и его вдовы, не оставивших мужского потомства, имения эти перешли к гр. Ивану Григорьевичу, а после смерти последнего к его сыну, гр. Григорию Ивановичу.

Год рождения второй дочери гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых — гр. Александры Григорьевны до сих пор не был известен и поставленный Толстым «1800», вероятно, правилен.

Указанием бар. А. Е. Розена, что гр. Александра Григорьевна была «единственная белокурая из всех смуглых Чернышевых» («Записки декабриста» гл. IX) воспользовался Толстой во «втором варианте» первой главы романа «Декабристы» (см. стр. 48). 22 февраля 1823 г. в Петербурге она вышла замуж за декабриста Никиту Михайловича Муравьева, за которым последовала в Сибирь, где и умерла 22 ноября 1832 г. в Петровском заводе.

Екатерина Павловна Бакунина (1795—1863), дочь д. с. с. Павла Петровича и Екатерины Александровны Саблуковой (1779—18..), вышла замуж в 1834 г. за Александра Александровича Полторацкого (1792—1855). Екатерина Павловна — предмет первой любви Пушкина, воспевшего ее в ряде лицейских стихотворений. Непонятно, почему Толстой здесь о ней сделал запись.

Третья дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых — гр. Елизавета Григорьевна (р. по родословной у Лобанова-Ростовского в 1805 г., а не в 1804, как записано у Толстого, ум. в 1858 г.). Описывая ее наружность, гр. М. Д. Бутурлин говорит о «правильных и тонких античных чертах лица» и о том, что «с ранних лет она была неимоверно худа и осталась таковою до смерти». («Записки» гр. М. Д. Бутурлина в РА 1897, № 5, стр. 39—40). В 1828 г. (а не в 1827, как записано у Толстого) она вышла замуж за Але-

[1] По записи П. Ф. Карабанова у А. Б. Ведель было не три, а две дочери. (РС, 1870, 3 изд. II т., стр. 471.) О двух же дочерях говорит и Т. П. Пассек в своих «Воспоминаниях» (РС, 1876, № 6, стр. 344).

ксандра Дмитриевича Черткова (р. в 1789 г., а не в 1784, как записано у Толстого, ум. в 1858 г.), бывшего в 1849—1857 гг. президентом имп. Общества истории и древностей российских, основателя «Чертковской» библиотеки в Москве. В 1809—1822 г. Чертков служил в л.-гв. Конном полку, где в 1815—1822 гг. исполнял должность казначея; в Гусарском эрцгерцога Фердинанда полку он служил в 1827—1829 гг. и казначеем не был. Имение Александра Дмитриевича Черткова при дер. Дегтярной, Валуйского у. Воронежской губ. в 9000 д.

Что значат слова: *с кинжалом* объяснить не можем.

Пятая дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых — гр. Вера Григорьевна (1808—18..) была замужем с 1830 г. за сыном организатора заговора против Павла I гр. Петра Алексеевича Палена, д. т. с. гр. Федором Петровичем Паленом (1780—1863). О ее внешности гр. М. Д. Бутурлин писал, что «это было такое создание, от которого трудно было отводить глаза» («Записки» гр. М. Д. Бутурлина, РА 1897, № 5, стр. 40).

Четвертая дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых — гр. Наталья Григорьевна (1806—1884) была замужем с 26 августа 1834 г. за Николаем Николаевичем Муравьевым (Карским) (1793—1867), кавказским наместником в 1854—1856 гг., первым браком (с 22 апреля 1827) женатым на Софье Федоровне Ахвердовой (1809—1830).

Шестая дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых — гр. Надежда Григорьевна (1813—1853) была замужем с 1838 г. за кн. Григорием Алексеевичем Долгоруковым (1811—1856). М. Д. Бутурлин писал, что Надежда Григорьевна «роста была мужского, смуглая, как цыганка, и с сильным, киноварным румянцем во всю щеку, до самых ушей, с выразительными темными глазами... Вся ее фигура была величава и эффектна» (РА 1897, № 5, стр. 40).

Слова «*M-me Bradley обожали*» объяснить не можем. Вероятно, m-me Bradley — англичанка гувернантка у Чернышевых, но в мемуарной литературе она не упоминается.

Стр. 3 (Стр. 449). Гр. Захар Григорьевич Чернышев (р. в 1796 или 1797 г., ум. в 1862 г.) воспитывался дома под руководством «прусского урожденца из города Берлина» француза Жуайе (о нем см. РА 1897, № 5, стр. 21), а затем в Муравьевской школе колонновожатых. Поступил в Кавалергардский полк в 1817 г. Произведен в ротмистры в 1824 г. Как член Южного общества был арестован в Тагине 20 декабря 1825 г. и посажен в Петропавловскую крепость. Осужденный по VII разряду был приговорен в каторжную работу на два года (срок был сокращен до одного года). В апреле 1827 г. поступил в Нерчинские рудники, затем жил на поселении в Якутске. В апреле 1829 г. переведен рядовым на Кавказ, где принимал участие в боях с горцами. В январе 1837 г. уволен в отставку с обязательством жить в имении Яропольце. В 1841—1846 гг. состоял на гражданской службе в Орле и в Москве. В 1856 г. гр. З. Г. Чернышев с женой выехал за границу, где (в Риме) и умер. Женат был с 1834 г. на Екатерине Алексеевне Тепловой.

Влюблен был гр. З. Г. Чернышев в кж. Софью Александровну Салтыкову (1806—1841), внучку фельдмаршала кн. Ник. Ив. Салтыкова, дочь т. с. кн. Александра Николаевича (1775—1837) и гр. Натальи Юрьевны

Головкиной (1787—1860). Кж. С. А. Салтыкова была замужем за гр. Григорием Петровичем Шуваловым (1804—1859), сыном гр. Петра Андреевича Шувалова (1771—1808) и кж. Софьи Григорьевны Щербатовой (ум. в 1849 г.). В литературе о З. Г. Чернышеве нет указаний на его юношеское увлечение Салтыковой.

В Петербурге *на Каменном острове* у Чернышевых была собственная дача, где они живали по летам. (См. РА, 1873, II, стр. 182.)

Записи, повидимому, относящиеся к З. Г. Чернышеву: *Генер[алом?] не бывать ..... игрок* объяснить не можем по отсутствию сведений об этом в литературе о З. Г. Чернышеве.

Стр. 4 (стр. 449). О гр. Е. П. Чернышевой М. Д. Бутурлин вспоминал, как о «женщине с сильным характером, граничившим даже со строгостью в деле семейного управления». (РА, 1897, № 6, стр. 204.) Муж ее был плохой хозяин, и именьями и домами управляла Елизавета Петровна. Фотий, поклонницей которого она была — известный изувер, архимандрит, настоятель новгородского Юрьевского монастыря (до пострижения Петр Никитич Спасский р. 1792, ум. 1838).

Запись: *Софья матери Лиз[авета] отца* очевидно, нужно понимать как: «Софья — любимица матери, Лизавета — любимица отца».

Стр. 5 (стр. 449—450). Гр. Григория Ивановича Чернышева Бутурлин характеризует, как «офранцуженного екатерининского вельможу», очень любезного в обществе, свободно писывавшего французские вирши и довольно плохо знавшего русский язык. В молодости он служил военным и участвовал во взятии Измаила, но скоро сменил военную карьеру на службу при дворе, где одно время управлял французской труппой». В мемуарной литературе о нем нет указаний на то, что он был «безбожник», «вольтерьянец», как записано у Толстого. Известно, что он был видным масоном. (См. М. Д. Бутурлин «Записки» РА, 1897, № 5, стр. 43 и Н. М. Дружинин «Семейство Чернышевых и декабристское движение», — «Ярополец». Сборник статей. Труды Общества изучения Московской области. Вып. 8. М. 1930, стр. 19. Статья Дружинина основана на неопубликованных архивных материалах.)

Большое наследство от отца досталось Григорию Ивановичу в расстроенном состоянии, которое он мог только ухудшить своей расточительностью. Поэтому над всеми имениями был назначен опекуном гр. Я. Е. Сиверс, замененный в 1798 г. Г. Р. Державиным, который и управлял делами Чернышева до 1806 г., значительно их улучшив. (См. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е академическое издание. Спб. 1876, т. VI, стр. 678—680 и указ. ст. Дружинина стр. 20.) Кроме названных выше имений и дачи (см. стр. 553—554), Г. И. Чернышев имел дом в Петербурге (на Мойке у Синего моста), проданный им в начале 1820-ых годов в казну (см. РА 1897, № 5, стр. 43).

Стр. 6 (стр. 450). Кроме приведенных выше (см. прим. к стр. 1) сведений об Е. И. Вадковской, можно добавить, что ей принадлежит автобиографический роман «Правдивая история женщины, которую считали очень лживой» (см. РА, 1914, № 6—7).

Сын ее Федор Федорович Вадковский (1800—1844) учился в Московском университетском и в частных пансионах. Поступил в Кавалер-

гардский полк в 1822 г., но в 1824 г. «за неприличное поведение», выразившееся, кажется, в том, что Вадковским были написаны стихи против начальства и в. к. Михаила Павловича, был переведен в Нежинский конно-егерский полк. С 1822 г. Вадковский был членом Северного общества, а в 1824 г. перешел в Южное. Поддавшись на провокацию Шервуда, был выдан последним и арестован 10 декабря 1825 г. Осужденный по I разряду, приговорен в «вечную» каторжную работу, замененную 20 годами каторги. По выходе из Петровского завода жил на Туркинских минеральных водах, а затем в с. Оёке (Иркутского округа), где и умер от чахотки.

«*Афинские вечера*». В литературе о декабристах об этом нет сведений.

Стр. 7 (стр. 450). Об Анне Ивановне Плещеевой, рожд. гр. Чернышевой, см. прим. к стр. 1.

Александр Алексеевич Плещеев (р. в 1778 г., а не в 1780 г., как записано у Толстого, ум. в 1862 г.) сын Алексея Александровича Плещеева и Настасьи Ивановны, рожд. Протасовой, которым посвящены «Письма русского путешественника» Карамзина, женатого первым браком на Елизавете Ивановне Протасовой (1767—1802), сестре Настасьи Ивановны. Александр Алексеевич, человек весьма одаренный, писал пьесы, стихи, сочинял музыку, хорошо играл на сцене. С ним очень дружили Карамзин, Жуковский, А. И. Тургенев, кн. П. А. Вяземский. По смерти жены, приехав в Петербург, Плещеев, по предложению Жуковского, был избран в члены «Арзамаса», где получил прозвище «Черного врана». В имениях своих Болховского уезда Орловской губ. Черни и Знаменском Плещеев жил на широкую ногу, устраивая многочисленным гостям всякого рода празднества и увеселения.

Стр. 8 (стр. 450). Отец декабриста кн. Иван Сергеевич Одоевский (р. в 1769 г., а не в 1770 г., как записано у Толстого, ум. в 1839 г.), сын кн. Сергея Ивановича Одоевского (1743—1811) и кж. Елизаветы Алексеевны Львовой (1743—1800), первым браком был женат на кж. Прасковье Александровне Одоевской (1770—1820), дочери кн. Александра Ивановича Одоевского (1738—1797) и Марьи Федоровны Вадковской (1751—1786). В одном из своих показаний Следственной комиссии кн. А. И. Одоевский писал: «Воспитывался я у моих родителей. Учители мои были: российского языка и словесности д. с. с. непременный секретарь Императорской Российской Академии Соколов; Французского: Геро, Шопен». («Восстание декабристов». Материалы. Том II, 1926, стр. 245.)

Жан Мари Шопен (1794—1870), родившийся и умерший в Петербурге, служил секретарем русского посла в Париже кн. А. Б. Куракина, занимался переводами на французский язык произведений русских писателей. Шопену принадлежит первый перевод «Бахчисарайского фонтана» Пушкина. В «Revue indépendante» 1843, т. VIII Шопен напечатал очерк русской литературы, в который включил перевод стихотворения своего ученика кн. А. И. Одоевского «Молитва русского крестьянина». (См. Б. Николаевский, «Затерянное стихотворение А. И. Одоевского». — «Декабристы и их время», т. I. Изд. об-ва политкаторжан.).

Петр Иванович Соколов (1764—1835) член Российской Академии и непременный секретарь в 1802—1835 гг., автор учебников и словарей, переводчик с французского и греческого языков.

Кн. Александр Иванович Одоевский (1802—1839), поэт, друг Грибоедова, А. А. Бестужева и Рылеева, получив домашнее образование, служил с 1821 г. в л.-гв. Конном полку. В качестве члена Северного общества был арестован 17 декабря 1825 г. Осужденный по IV разряду, был приговорен в каторжную работу на 12 лет, сокращенную на 8 лет. По выходе на поселение в 1832 г. жил сначала в Иркутской, а затем в Тобольской губ. В 1837 г. переведен рядовым на Кавказ, где и умер от малярии.

Имение кн. И. С. Одоевского — с. Николаевское Юрьевского у. Владимирской губ. с 117 ревизскими душами в 1826 г.

Стр. 9 (стр. 450—451). Кн. Прасковья Александровна Одоевская — мать декабриста. О ней см. выше, прим. к стр. 8.

Сестра ее Варвара Александровна (17..—1845) была замужем за Дмитрием Сергеевичем Ланским (1767—1834), бывшим в 1806—1811 гг. Московским, а в 1811—1812 гг. — Киевским губернатором.

Стр. 10 (стр. 451). Дмитрий Сергеевич Ланской — сын Сергея Артемьевича Ланского и Анны Федоровны Ушаковой (1724—1809).

Стр. 11 (стр. 451). Никита Михайлович Муравьев (р. в 1796 г., а не в 1795 гг., как записано у Толстого, ум. в 1843 г.) первоначальное образование получил дома, а потом в Московском университете, где слушал лекции у профессоров математических наук. Поступив в 1813 г. в свиту Александра I по квартирмейстерской части, участвовал в войне 1812 г. По взятии Парижа довольно долго жил там. В 1814 г. перевелся в Гвардейский генеральный штаб. В 1820 г. вышел в отставку, но в 1821 г. снова поступил на службу. Один из самых видных декабристов, член Союза спасения и Союза благоденствия, автор проекта монархической конституции, член Верховной Думы Северного общества. Был арестован в имении Чернышева Тагине 20 декабря 1825 г. Осужденный по I разряду, был приговорен к 20 годам каторжных работ, которые были сокращены сначала до 15, а затем до 10 лет. Вышел на поселение в 1836 г. и поселен в Иркутской губ., где и умер.

Отец его Михаил Никитич (1757—1807), друг Карамзина и его последователь, как писатель. С 1785 г. по приглашению Екатерины II преподавал в. к. Александру и Константину Павловичам русскую словесность, русскую историю и нравственную философию. В 1800 г. назначен сенатором; в 1803—1807 гг. был товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета.

Сестра Михаила Никитича, тетка декабриста, Федосья Никитична, была замужем за Сергеем Михайловичем Луниным, отцом декабриста.

Брат Никиты Михайловича, тоже декабрист, Александр Михайлович Муравьев (1802—1853) служил с 1824 г. в Кавалергардском полку. Как член Северного общества, осужденный по IV разряду, был приговорен к каторжным работам на 12 лет, сокращенным до 8 лет. В 1832 г. должен был выйти на поселение из Петровского завода, но остался в тюрьме, не желая расставаться с братом. В 1835 г. поселился с братом в Иркутской губ. В 1844—1853 гг. служил чиновником в Тобольске, где и умер.

Имение Муравьевых Старо-Ивановка Бирючского у. Воронежской губ.

в 11 000 десятин принадлежало в 1861 г. дочери декабриста Екатерине Никитичне Муравьевой.

С семьей директора импер. Публичной Библиотеки Алексея Николаевича Оленина (1763—1843), женатого на Елизавете Марковне, рожд. Полторацкой (1768—1838), была очень близка семья Михаила Никитича Муравьева. У Алексея Николаевича были дети: Николай, убитый под Бородиным, Петр (1793—18..), впоследствии генерал-майор, Алексей (1797—1854), Анна (1808—1888), за которой ухаживал Пушкин, вышедшая замуж за Ф. А. Андро, и Варвара (1802—1877).

О какой ссоре с кем из них говорит запись Толстого, сказать не можем. В 1823 г. Никита Михайлович женился на гр. Александре Григорьевне Чернышевой. (См. выше прим. к стр. 1.). В это время Н. М. Муравьеву шел 27-й год, а Александре Григорьевне 23-й.

Дед декабриста по матери, бар. Федор Михайлович Колокольцов (1732—1818), сенатор, последние годы своей жизни жил у дочери Е. Ф. Муравьевой.

Petra — воспитатель Никиты Михайловича Муравьева. О смерти Petra писал К. Н. Батюшков 1 мая 1812 г. В. А. Жуковскому (Сочинения Батюшкова. Спб. 1886, т. III, стр. 180).

В 1812 г. Никита Михайлович убежал из дому воевать с французами, но был задержан и доставлен родителям. Об этом рассказывает в своей статье декабрист П. Н. Свистунов в РА 1871, стб. 336—337, где Н. М. Муравьев назван «17-летним студентом Московского университета».

Записи об *Андрее, повесившихся* и о *собаке* — непонятны.

Стр. 12 (стр. 451—452). Мать декабриста, Екатерина Федоровна (1771—1848) — дочь бар. Федора Михайловича Колокольцова (см. прим. к стр. 11) и Марьи Ивановны Аничковой (1747—1806).

Петр Михайлович Дружинин (1764—1827) — в 1802—1827 гг. директор училищ Московской губ. В бытность Мих. Ник. Муравьева попечителем Московского университета Дружинин пользовался его покровительством и был близок к его семье.

Записи: *Анна Ивановна Таман[ская]* и *Секретарь* объяснить не можем.

Какого Понятовского разумеет запись, сказать трудно. Может быть это Евгений Осипович Понятовский (1796—185?), служивший в 1819—1823 гг. в Кавалергардском полку, приятель декабриста гр. З. Г. Чернышева. (О Е. О. Понятовском см. «Сборник биографий кавалергардов», 1801—1826. Составлен под ред. С. Панчулидзева. Спб. 1906, стр. 340.)

Запись: *Шиллинг — толстый* несомненно разумеет бар. Павла Леонтьевича Шиллинга фон-Канштадта (1786—1837), изобретателя электромагнитного телеграфа и синолога, в 1814—1827 гг. служившего в Коллегии иностранных дел. О П. Л. Шиллинге К. С. Сербинович в своих воспоминаниях пишет, что он был «необыкновенно толстый» (РА 1874, № 10, стр. 247).

Александра Николаевна Батюшкова (ум. в 1826 г.), сестра поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787—1855), приходившегося двоюродным племянником Михаилу Никитичу Муравьеву, в доме которого воспитывался поэт.

Последние записи на 12 странице объяснить не можем.

Стр. 13 (стр. 452). Сергей Иванович Муравьев-Апостол (1796—1826) — вождь восстания Черниговского полка, казненный 13 июля 1826 г. Один из основателей Союза Спасения и Союза Благоденствия (в 1817 г.), член Южного общества (с 1822 г.), автор «Катехизиса», прочитанного восставшему полку. Был ранен 3 января 1826 г. при столкновении с правительственными войсками и взят в плен.

Сравнение записей на страницах 13—14, во-первых, с текстом биографического очерка «С. Муравьев-Апостол», написанного Мих. Баласом во многом со слов Матвея Ивановича Муравьева-Апостола и напечатанного в майской книжке РС за 1873 г. (стр. 654—676), во-вторых, с текстом замечаний самого Матвея Ивановича на очерк Баласа, напечатанных в июльской книжке РС за этот же год (стр. 105—111), приводит к заключению, что записи сделаны Толстым не только по этим печатным источникам, но и, надо думать, со слов Матвея Ивановича Муравьева-Апостола.

Старший брат Сергея Ивановича, Матвей Иванович (1793—1886) воспитывался вместе с братом в Париже в пансионе Hix'a, а по приезде в Россию в Корпусе инженеров путей сообщения, откуда в 1811 г. поступил в Семеновский полк, с которым проделал кампанию 1812—1814 гг.; в 1818—1821 гг. был адъютантом Малороссийского генерал-губернатора Н. Г. Репнина, в 1822—1823 гг. служил в Полтавском пехотном полку, откуда вышел в отставку. Один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества; принял участие в восстании Черниговского полка. Осужденный по I разряду, был приговорен к 20 годам каторжных работ, сокращенных до 15 лет. Из тюрьмы в Рогенсальме был отправлен на поселение в Якутскую область, затем жил в Омской области и в Тобольской губ. С 1857 г. жил в Московской губ., Твери и Москве, где и умер. Его «Воспоминания и письма», собранные С. Я. Штрайхом, изданы в 1922 г.

Запись *медлительный* относится к Сергею Ивановичу. Может быть, она сделана на основании замечания в очерке Баласа, что переговоры комиссаров Южного общества С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина с представителями Польского тайного общества велись «вяло и медленно» (указ. соч. стр. 665).

Запись: *Влюблен Пушкин* — непонятна.

Стихи французские — очевидно, стихи Сергея Ивановича, напечатанные в очерке Баласа в качестве эпиграфа (стр. 654).

Прасковья Васильевна Грушецкая (1780—184.) — не теща, как записано у Толстого, а мачеха Сергея Ивановича Муравьева-Апостола.

Первоначальное обучение Сергей Иванович получил в парижском пансионе Hix'a (очерк Баласа, стр. 656—657). В 1809 г. (см. там же, стр. 657 и 658), а не в 1808 г., как сказано у Толстого, вместе с братом Матвеем привезен был матерью в Петербург. Здесь оба брата были отданы в Институт инженеров путей сообщения, основанный Августином Августовичем Бетанкуром (1758—1824). Из Института Сергей Иванович был выпущен прапорщиком в 1811 г. (очерк Баласа, стр. 658). «Весь офицерский класс корпуса путей сообщения, в котором брат находился, прибыл на службу в армию перед Бородинским сражением, в котором и участвовал». (Замечания М. И. Муравьева-Апостола. РС, 1873, № 7, стр. 108.)

Сергей Иванович состоял «в партизанском отряде ген. ад. Петра Ожаровского», сказано у Баласа (стр. 658), ошибшегося в имени Ожаровского, которого звали не Петром, а Адамом Петровичем. А. П. Ожаровский (1776—1855) — участник войн с Наполеоном, отличавшийся храбростью.

В 1813 г. Сергей Иванович был переведен в сформированный по мысли сестры Александра I Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской, батальон из ее удельных крестьян, которым командовал кн. Александр Петрович Оболенский (1780—1855). (См. очерк Баласа, стр. 658, где, впрочем, нет инициалов имени и отечества кн. Оболенского.)

Стр. 14 (стр. 452—453). В декабре 1814 г. Сергей Иванович был переведен бессменным ординарцом к командовавшему корпусом Николаю Николаевичу Раевскому (1771—1829) (см. там же, стр. 658—659 и замечания М. И. Муравьева-Апостола, стр. 108), а в 1816 г. — в Семеновский полк (очерк Баласа, стр. 659; Матвей Иванович (стр. 108) указывает 1815 г.). В 1817 г. Сергей Иванович явился одним из основателей Союза спасения (Балас, стр. 659). За участие в известной «истории» Семеновского полка 1820 г. переведен в армию.

Иван Матвеевич Екатериной II был определен «кавалером», т. е. воспитателем внуков ее, Александра и Константина Павловичей.

Мать декабриста Анна Семеновна, рожд. Черноевич (р. ок. 1770—1810), дочь серба, Семена Михайловича Черноевича (ум. в 1772 г.), генерала австрийской службы, перешедшего на службу в Россию, и Елизаветы Аристарховны Кашкиной (ум. 179.). См. очерк Баласа, стр. 655.

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (р. в 1762 г., ум. в 1851 г., как указано у Баласа, стр. 656, а не в 1850 г., как записано у Толстого), один из образованнейших людей своего времени, был посланником в Гамбурге в 1796—1799 гг., вице-президентом Иностранной коллегии в 1800—1802 гг. и посланником в Мадриде в 1802—1805 гг. Выйдя в этом году (см. замечания М. И. Муравьева-Апостола, стр. 107, 108, а не в 1808, как записано у Толстого со слов Баласа на стр. 656) в отставку, Иван Матвеевич поселился в своем имении Бакумовке Миргородского у. Полтавской губ. Младший сын его Ипполит Иванович р. м. б. в 1806 г. (а не в 1805, как указано у Баласа на стр. 674), член Северного Общества, участник восстания Черниговского полка, был ранен в бою и тут же застрелился, 3 января 1826 г.

Сергей Иванович родился в Петербурге в доме протоиерея Андрея Афанасьевича Самборского (1732—1815). См. очерк Баласа, стр. 656.

Женился на Анне Семеновне Черноевич Иван Матвеевич в 1790 г., а на Прасковье Васильевне Грушецкой в 1812 г.

От первого брака были дети: 1) Елизавета Ивановна (1791—1814), бывшая замужем (как указано у Толстого с 1810 г.) за камергером Францем Петровичем Ожаровским, в 1812—1816 гг. управляющим Царскосельским дворцовым управлением. Ее красотой восхищался К. Н. Батюшков. 2) Матвей Иванович, женившийся в Сибири (в 1832 г.) на Марье Константиновне Константиновой (1811 (?)—1883), 3) Екатерина Ивановна (р. в 1795), бывшая замужем за ген.-лейт. Илларионом Михайловичем Бибиковым (17..—1861), Нижегородским в 1829—1836 гг., Калужским в 1831—1837 гг. и Саратовским в 1837—1839 гг. губернатором, и получившая в приданое имение Хомутец Миргородского у. Полтавской губ.

По сообщению Малороссийского военного губернатора в 1826 г. у Ив. Матв. Муравьева-Апостол в Миргородском повете Полтавской губ. состояло 3478 душ (см. КА, т. 15, стр. 186). 4) Сергей Иванович, холост, 5) Анна Ивановна (р. в. 1797), бывшая с 1820 г. замужем за Александром Дмитриевичем Хрущевым и получившая в приданое Бакумовку, 6) Елена Ивановна (р. в 179.), бывшая замужем с 1823 г. за Семеном Васильевичем Капнистом (1791—1843) и 7) Ипполит Иванович, холостой. От второго брака: 1) Василий Иванович (1817—1867), женившийся на Мариамне Владимировне Гурко, 2) Евдокия Ивановна (ум. в 1850 г.), бывшая замужем за кн. Александром Петровичем Хованским, и 3) Елизавета Ивановна младшая, бывшая в первом браке за бар. Стальдингом и во втором за Видбургом.

Стр. 15 (стр. 453). Хомутец — имение И. М. Муравьева-Апостол Миргородского у. Полтавской губ. В согласии с записью Толстого о расстроенных делах находится сообщение Малороссийского военного губернатора 1826 г. о материальном положении семьи Муравьевых-Апостол. См. КА, т. 15, стр. 786. Об имениях Ив. Матв. Муравьева-Апостол см. еще в КА, т. 30, стр. 218.

Стр. 17 (стр. 453). Запись: *Родные сестры, тетки, братья* разумеет, очевидно, всё тех же Муравьевых-Апостол, т. е. то, что записано на стр. 14. Родных теток (со стороны отца) у Матвея и Сергея Ивановичей не было.

Екатерина Федоровна Муравьева (о ней см. стр. 11—12) по мужу приходилась Матвею и Сергею Ивановичам Муравьевым-Апостол двоюродной теткой. Семьи Михаила Никитича Муравьева, Ивана Матвеевича Муравьева-Апостол и Алексея Николаевича Оленина были очень близки между собой, о чем свидетельствуют, между прочим, письма К. Н. Батюшкова. Анна Семеновна Муравьева-Апостол скончалась в московском доме Екатерины Федоровны Муравьевой.

О Ф. Н. Луниной см. стр. 11. У Луниных действительно был дом в Коломне.

Стр. 19 (стр. 453). Кондратий Федорович Рылеев — один из виднейших декабристов. По окончании Первого кадетского корпуса, поступил в конную артиллерию и в 1814—1815 гг. участвовал в заграничной кампании. Выйдя в 1818 г. в отставку, женился и переехал в Петербург, где занялся литературной деятельностью, служа в 1821—1824 гг. заседателем от дворянства Петербургской палаты Уголовного суда, а с 1824 г. правителем канцелярии Российско-Американской компании. Член Северного общества и один из его директоров, был главным организатором восстания 14 декабря на Сенатской площади. Казнен 13 июля 1826 г.

К. Ф. Рылеев р. в 1795 г., а не в 1796, как записано у Толстого. Отец его Федор Андреевич (ум. в 1814 г.), управляющий имениями кн. В. В. Голицыной, был женат на Анастасии Матвеевне Эссен (ум. в 1824 г.). Человек грубый и жестокий, он плохо жил с женой и имел побочную дочь Анну Федоровну Федорову (ум. в 1858 г.).

Под *манифестацией* Толстой разумеет события на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Стр. 20 (стр. 453). Женился К. Ф. Рылеев 22 января 1820 г. на Наталье Михайловне Тевяшевой (ум. в 1853 г.), дочери воронежского помещика Михаила Андреевича Тевяшева.

Стр. 21 (стр. 453). Михаил Павлович Бестужев-Рюмин (1801—1826)— деятельный член Южного общества. В 1818 г. Бестужев-Рюмин поступил в Кавалергардский полк, откуда в 1820 г. перешел в Семеновский. После восстания полка переведен в Полтавский пехотный полк. Казнен 13 июля 1826 г.

Отец Михаила Павловича, Павел Николаевич Бестужев-Рюмин (1760—1826) был городничим в Горбатове Нижегородской губ., а не в Бронницах (Московской губ.), как, очевидно, записал Толстой. Мать декабриста Екатерина Васильевна (ум. в ноябре-декабре 1825 г.) была дочерью Грушецкого и Надежды Ивановны рожд. Вихляевой, вышедшей вторично замуж (в 1787 г.) за кн. Ивана Федоровича Голицына (1731—1798), ген.-от-инфантерии (с 1796 г.), у которого детей от Надежды Ивановны не было.

У декабриста было три брата — Николай Павлович (1790—1848), отец историка, первым браком (с 1809 г.) женатый на Евдокии Петровне Свечиной и вторым браком на Вере Николаевне Поливановой, Иван Павлович (1787—1866), умерший членом департамента уделов, и Владимир Павлович, убитый в сражении под Фридландом в 1807 г. О сестре их не имеем никаких сведений.

Стр. 22 (стр. 453). Андрей Иванович Борисов — основатель Общества соединенных славян. Служил в 8 артиллерийской бригаде. Выйдя в отставку, в 1824 г. жил в Курской губернии, но в 1825 г. принимал участие в делах Общества. Осужденный по I разряду, был приговорен в «вечную» каторжную работу, замененную 20 годами. По выходе из Петровского завода в 1839 г. жил на поселении в Иркутской губернии. Страдал психическою болезнью и после смерти брата, с которым жил вместе, покончил с собой в 1854 г.

А. И. Борисов родился в 1798 г., а не в 1797, как записано у Толстого. Он был сыном отставного штаб-офицера Черноморского флота Ивана Андреевича Борисова (р. в 1758 г.) и Прасковьи Емельяновны Дмитриевой. По сообщению Слободско-украинского гражданского губернатора в 1826 г. отец А. И. Борисова, «имеющий от роду 68 лет, живет с женою своею и детьми: двумя дочерьми и одним сыном Слободско-Украинской губернии Ахтырского уезда в слободе Боромле. Имения у него нет никакого; находится в самом бедном положении и поддерживает себя одним получаемым из казны пенсионом, из 200 р. в год состоящим» (КА, т. 15, стр. 172).

Стр. 23 (стр. 453—454). Наталья Дмитриевна Апухтина (1805—1869), дочь капитана Дмитрия Акимовича Апухтина (1768—1838) и Марьи Павловны Фонвизиной (1779—1842), первым браком (с 1822 г.) была за Михаилом Александровичем Фонвизиным (1788—1854), а вторым (с 1857 г.) за Иваном Ивановичем Пущиным (1798—1859). В 1828 г. поехала к мужу в Сибирь, где жила до 1853 г.

Наталья Дмитриевна была единственной дочерью. При выходе ее замуж за Фонвизина в приданое отцом было дано 177 душ. У Д. А. Апухтина в 1826 г. было 269 душ в Костромской губернии (имение Давыдово). (См. КА, т. 15, стр. 195 и ИВ 1888, № 7, стр. 78.)

Михаил Александрович Фонвизин, племянник автора «Недоросля», сын Александра Ивановича Фонвизина (1749—1819) от брака его с

двоюродной сестрой Екатериной Ивановной (1750—1823). В 1801—1822 гг. служил в нескольких пехотных полках, а затем был бригадным командиром. В 1812 г. состоял адъютантом А. П. Ермолова. Член Северного общества. Осужденный по IV разряду, был приговорен к каторжным работам на 12 лет, сокращенным до 8 лет. По выходе из Петровского завода (в 1832 г.) жил в Енисейске, Красноярске и Тобольске. По возвращении в Россию жил в имении брата Марьине Бронницкого уезда Московской губ., где и умер.

Отцу декабриста А. И. Фонвизину в Москве на Рождественском бульваре принадлежал дом (ныне дом № 12). В этом доме происходили заседания членов тайного общества и в 1821 г. съезд, постановивший распустить Союз благоденствия.

Стр. 24 (стр. 454). Михаил Сергеевич Лунин — один из видных декабристов. В 1805—1815 г. служил в Кавалергардском полку, в 1817 г. вступил в Союз спасения, а затем в Союз благоденствия и Северное общество. В 1822 г. поступил снова на службу в л.-гв. Гродненский гусарский полк в Варшаве и состоял адъютантом при в. к. Константине Павловиче. Осужденный по I разряду, был приговорен к каторжным работам на 20 лет, сокращенным до 15 лет. По выходе из Петровского завода в 1836 г. жил в с. Урике (близ Иркутска), здесь за сочинение «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год» 27 марта 1841 г. был арестован и заключен в Акатуевскую тюрьму, где и умер в 1845 г.

Михаил Сергеевич (Толстой описался в его отчестве) Лунин родился в 1783, а не в 1782, как записано у Толстого.

Указание, что Лунин воспитывался во французском пансионе, надо думать, неверно, так как в показаниях Следственной комиссии Лунин писал только, что «воспитывался у родителей», перечислив учителей иностранцев.

Сыну упомянутого Толстым *дяди Александра Михайловича* Лунина, Николаю Александровичу М. С. Лунин в 1819 г. завещал свои имения, что вызвало процесс с ним мужа сестры Лунина Ф. А. Уварова.

Сестра С. М. Лунина Екатерина Сергеевна была замужем за Федором Александровичем Уваровым, о котором И. Оже в своих записках, напечатанных в РА 1877, кн. 1, пишет, что «генерал Уваров был тяжело ранен в последнюю войну, и на лице его были еще видны следы недавней болезни» (стр. 525). Но кроме записок Оже, у Толстого был еще какой-то источник сведений об Уварове. Из этого источника Толстой узнал, что Уваров «исчез», и что он был «высокой молодец». 25 декабря 1878 г. Толстой писал о нем П. И. Свистунову: «Что за человек был Федор Александрович Уваров, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Но что онъ был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал?» И из этих вопросов явствует, что Толстой знал об Уварове не только из записок Оже, у которого нет отчества Уварова и нет указаний, что Уваров был ранен в голову в Бородинском сражении.

Запись: *Камергер глупый тщеславный именье не дал* сделана, очевидно, на основании слов письма П. Н. Свистунова от 30 декабря 1878 г.,

приведенных выше. [1] К. В. Кудряшев в книге: «Александр Первый и тайна Федора Кузьмича» Спб. 1923 доказывает, что исчезнувший из Петербурга Ф. А. Уваров жил в Сибири под именем Федора Кузьмича.

Запись: *Уехал за границу с Оже 1816—10 сентября* сделана на основании записок И. Оже, где (на стр. 536) говорится об отъезде Лунина с Оже за границу морем 10 сентября 1816 г. Указание на то, что Лунин в 1821 г. поступил в Литовский полк, неверно. Как уже сказано, Лунин в 1822 г. поступил в л.-гв. Гродненский гусарский полк.

Слова: *Взят позднее* говорят о том, что Лунин был арестован позднее других, так как против его ареста возражал в. к. Константин Павлович, писавший об этом 16/28 февраля 1826 г. Ф. П. Опочинину (РС 1873, № 9, стр. 390).

В опубликованных документах нет указания на то, что у Лунина было имение в Рязанской губернии.

И. Оже пишет, что лицо Лунина было «с красивыми, правильными чертами», что «он был высокого роста, стройно и тонко сложен» (РА 1877, кн. I, стр. 519).

Стр. 26 (стр. 454). Кн. Евгений Петрович Оболенский (1796—1865) по окончании домашнего образования служил с 1814 г. в гвардейской артиллерии, в л.-гв. Павловском и Финляндском полках. Член Союза благоденствия и Северного общества. Осужденный по I разряду, был приговорен в «вечную» каторжную работу, замененную 20 годами каторги. По выходе из Петровского завода в 1839 г. жил на поселении в Иркутской губ., а затем в Туринске и Ялуторовске. В 1856 г. приехал в Калугу, где и умер.

Отец декабриста кн. Петр Николаевич Оболенский (1782—1830?) первым браком был женат на Александре Фадеевне Тютчевой, вторым — на Анне Евгеньевне Кашкиной (р. в 1778 г., ум. в 1810 г., а не в 1811 г., как сказано у Толстого), матери декабриста, дочери ген.-аншефа Евгения Петровича Кашкина (1738—1796) и Екатерины Ивановны Сафоновой (1745—1803).

Кн. П. Н. Оболенский был в 1797—1798 гг. Тульским, а не Нижегородским губернатором, как записано у Толстого.

Имение Ховрино — Московского уезда в 12 в. от Тверской заставы.

С. Рожествено — село Рождествено Московской губ. Звенигородского у. в 17 в. от монастыря Новый Иерусалим — имение кн. П. Н. Оболенского.

Дом кн. П. Н. Оболенского — в Москве на Новинском бульваре (ныне дом № 103).

Об имущественном положении кн. П. Н. Оболенского в 1826 г. доносил генерал-губернатор Хованский: «Имения за ним состоит: в Москве три дома, приносящие доходу до 5 т. р. в год, и в разных губерниях 1348 душ крестьян, приносящих до 28 т. руб. доходу. Долгу на нем до 338800 р.» (КА, т. 15, стр. 188). В этом же году Евгений Петрович показывал: «Сколько мне известно, он [т. е. отец] имеет около тысячи пятисот душ в разных губерниях» (ИВ, 1897, № 8, стр. 504).

---

[1] См. стр. 512.

Кн. П. Н. Оболенский жил в Москве, выйдя в отставку не с 1796 г., а с 1798 г.

Запись: *1812 Вологда* говорит, очевидно, о том, что семья Оболенских уезжала в 1812 г. в Вологду. Кн. П. Н. Оболенский был среднего роста, по словам Е. А. Сабанеевой (см. ее «Воспоминания о былом» Спб. 1914, стр. 60). Она же говорит о том, какой он был религиозный человек и как любил шутить с детьми (стр. 60, 61).

Запись: *Журинька Барбу* объяснить не можем.

С семейством кн. Петра Николаевича была очень дружна семья брата его жены Николая Евгеньевича Кашкина (1768—1827), женатого на Анне Гавриловне Бахметевой (1777—1825). Кашкины жили в своем доме (с 1806 г.) «за Земляным городом, в приходе Покрова Богородицы, что в Кудрине, в Пресненской части, в 1-м квартале, № 89, по Новой Садовой улице».

Детей кн. Петра Николаевича от Анны Евгеньевны, рано умершей, воспитывала ее сестра фрейлина Александра Евгеньевна Кашкина (1773—1847), жившая в доме Петра Николаевича.

В л.-гв. Павловском полку кн. Е. П. Оболенский служил в 1817—1824 гг.

Долгоногий не может относиться к кн. Е. П. Оболенскому, так как был он росту лишь 2 аршина $7^1/_2$ вершков (см. ИВ, 1897, № 8, стр. 496).

Оленька — вероятно, Ольга Андреевна Бочкарева (1805—1857), дочь мелкопоместного тверского помещика, воспитывавшаяся в семье кн. Петра Николаевича Оболенского и вышедшая замуж за Ивана Семеновича Веселовского (1795—1867), в 1835—1867 гг. бывшего профессором физики в Московском университете (см. Е. А. Сабанеева, «Воспоминания о былом», стр. 65—70).

Сашенька — может быть, сестра декабриста Александра Петровна.

Княгиня Хованская — может быть, упоминаемая в воспоминаниях Е. А. Сабанеевой (где, правда, она названа «княжной») кн. Марья Алексеевна Хованская, рожд. Яковлева (ум. в 1847), жена кн. Федора Сергеевича Хованского (1754—1821), двоюродного брата кн. Петра Николаевича Оболенского.

Стр. 27 (стр. 455). От первого брака у кн. Петра Николаевича Оболенского было двое детей: 1) кн. Николай Петрович (1790—1847), женившийся на кж. Наталье Дмитриевне Волконской (ум. в 1843 г.) и 2) кж. Марья Петровна, вышедшая замуж за Сергея Борисовича Леонтьева. От второго брака — восемь: 1) кн. Евгений Петрович (1796—1865), декабрист, женившийся в 1846 г. на Варваре Самсоновне Барановой, 2) кн. Константин Петрович (1798—1861), женившийся на Евдокии Матвеевне Чепчуговой, 3) кж. Екатерина Петровна, вышедшая замуж за Андрея Васильевича Протасьева, 4) кж. Александра Петровна, вышедшая замуж за Алексея Ивановича Михайловского, 5) кж. Варвара Петровна (ум. в 1888 г.), вышедшая замуж за Алексея Владимировича Прончищева, 6) кж. Наталья Петровна (ум. в 1887 г.), вышедшая в 1838 г. замуж за кн. Александра Петровича Оболенского (1788—1853), 7) кн. Дмитрий Петрович (1809—1854), женившийся на Александре Тимофеевне Афремовой (1808—1878) и 8) кн. Сергей Петрович (р. в 1810 г.), женившийся на Александре Андреевне Бочкаревой (ум. в 1884 г.).

Стадлер — француженка гувернантка сестер кн. Евгения Петровича Оболенского, жившая с мужем в доме Оболенских. О ней рассказывается в воспоминаниях Е. А. Сабанеевой (стр. 83—86). В этих же воспоминаниях передается и семейное предание о «дуэли Евгения Петровича за Кашкина». В 1819—1820 гг. Евгений Петрович жил вместе со своим двоюродным братом Сергеем Николаевичем Кашкиным (1799—1868), сыном Ник. Евг. и Анны Гавр. Кашкиных, служившим так же, как и Оболенский в л.-гв. Павловском полку. Кто-то из товарищей по полку вызвал на дуэль Сергея Николаевича, но Евгений Петрович, попечению которого был поручен Кашкин, счел своим долгом принять вызов. Дуэль состоялась, и Оболенский убил противника. (См. указ. воспоминания Сабанеевой, стр. 105.)

Стр. 28 (стр. 455). Петр Иванович Борисов (1800—1854) — основатель Общества соединенных славян. Служил в 8 артиллерийской бригаде. Осужденный по I разряду, был приговорен к «вечной» каторге, замененной 20 годами каторжных работ. По выходе из Петровского завода в 1839 г., жил на поселении с братом (см. стр. 22) в Иркутской губернии, где и умер.

О П. И. Борисове писал М. А. Бестужев М. И. Семевскому: «Он был очень глух, потеряв слух от пушечных выстрелов еще бывши юнкер м артиллерии» (см. «Воспоминания Бестужевых». Редакция, вводные статьи и примечания М. К. Азадовского и И. М. Троцкого. М. 1931, стр. 306). М. К. Юшневская писала С. П. Юшневскому в 1845 г. о П. И. Борисове: «наш Петруша Борисов очень некрасивый собою» («Былое» 1925, № 5(33) стр. 144).

Об атеизме П. И. Борисова пишет в своих воспоминаниях А. П. Беляев: «... в Борисове господствующею мыслью была та, что можно быть добродетельным, отвергая Бога. Христианство они [т. е. И. В. Киреев и П. И. Борисов] считали рабскою религией». (РС, 1881, № 4, стр. 815.) Толстой читал воспоминания Беляева, мог он прочесть и заметку М. А. Бестужева о Борисовых, получив ее от М. И. Семевского.

Стр. 29 (стр. 455). См. прим. к стр. 22.

Стр. 30 (стр. 455). См. прим. к стр. 8.

Стр. 31 (стр. 455). Николай Николаевич Раевский (1771—1829) — один из главных деятелей кампании 1812 — 1814 гг., отец приятелей Пушкина Александра и Николая, привлекавшихся по делу о декабристах.

Дочь его, Марья Николаевна, была замужем за декабристом кн. С. Г. Волконским. Зять Н. Н. Раевского, муж дочери Екатерины Николаевны Михаил Федорович Орлов (1788—1842) был членом Союза Благоденствия, в качестве такового привлекался к следствию и исключенный со службы был выслан под надзор в Калужскую губернию.

Н. Н. Раевский - старший с 1796 (?) г. был женат на внучке Ломоносова, Софье Алексеевне Константиновой (1769—1844).

Стр. 32 (стр. 455). Брат декабриста кн. С. Г. Волконского, кн. Николай Григорьевич (1778—1845) получил фамилию в память отца своей матери фельдмаршала кн. Н. В. Репнина, последнего в своем роде. Кн. Н. Г. Репнин был женат с 1802 г. на гр. Варваре Алексеевне Разумовской

(1776—1864), дочери гр. Алексея Кирилловича Разумовского (1748—1822) и Варвары Петровны Шереметевой (1750—1824). В 1816—1834 гг. кн. Н. Г. Репнин был не «губернатором Полтавы», как записано Толстым, а Малороссийским генерал-губернатором. Матвей Иванович Муравьев-Апостол был у него адъютантом в 1818—1822 гг.

Дочь кн. Н. Г. Репнина кж. Александра Николаевна (ум. в 1836 г.) была с 1828 г. замужем за гр. Александром Григорьевичем Кушелевым-Безбородко (1800—1855), устроителем Нежинского лицея.

Мать гр. Александра Григорьевича гр. Любовь Ильинишна Кушелева, рожд. гр. Безбородко, приходилась племянницей государственному екатерининскому деятелю А. А. Безбородко, не оставившему детей. Большая часть громадного состояния А. А. Безбородко после смерти (в 1815 г.) брата его гр. Ильи Андреевича перешла к Любови Ильинишне.

Старший сын ее Александр Григорьевич вместе с имениями получил фамилию гр. Кушелева-Безбородко.

Вероятно, записи на стр. 32 сделаны Толстым со слов М. И. Муравьева-Апостол.

Запись: *Корабль с шампанским* объяснить не можем.

Стр. 33 (стр. 455). См. прим. к стр. 31.

Стр. 35 (стр. 455). Запись: *Кологривов*, *Истомина*, *Фервен-рога* объяснить не можем. Истомина — конечно, известная балерина Евдокия Ильинишна Истомина (1799—1848), воспетая Пушкиным в «Евгении Онегине». Кологривов — может быть Александр Лукич Кологривов (р. в 1795 г.), служивший в 1814—1824 гг. в Кавалергардском полку, член Северного, а потом Южного общества, просидевший год в крепости, но к суду не привлекавшийся. Может быть, и Фервен — служивший в Кавалергардском полку в 1819—1821 и в 1823—1829 гг. гр. Павел Карлович Фервен (1800—1884).

Стр. 38 (стр. 455—456). См. прим. к стр. 24.

Стр. 73 (стр. 456). Записи на этой странице сделаны со слов Матвея Ивановича Муравьева-Апостол, рассказывавшего Толстому о восстании Черниговского полка 29 декабря 1825—3 января 1826 г. Запись Толстого свидетельствует о том, что М. И. Муравьев-Апостол рассказывал ему с такими подробностями, каких нет в опубликованном в РА 1871, № 6, стб. 0229—0238 рассказе об этом Матвея Ивановича.

Логгин Осипович Рот (1780—1851) — в 1823—1826 гг. генерал-лейтенант, командир 3 Пехотного корпуса, в состав которого входил поднявший восстание Черниговский полк. По происхождению Рот был француз и службу начал во французской армии. Затем, приняв русское подданство (в 1802 г.), он выдвинулся как исполнительный служака. В подавлении восстания Черниговского полка Рот принимал самое деятельное участие. Ланг — поручик жандармского полка, живший в Житомире (где жил и Рот) и посланный Ротом 26 декабря арестовать в Василькове М. П. Бестужева-Рюмина. О том, что Рот был в связи с женой Ланга, нет в напечатанном в РА рассказе М. И. Муравьева-Апостол.

Трилесье (обычно называется Трилесы) — село Васильковского уезда Киевской губернии, где была расположена 5 мушкатерская рота Черниговского полка, и где на квартире А. Д. Кузьмина произошло избиение ко-

мандира Черниговского полка Г. И. Гебеля, послужившее началом революционных событий 29 декабря 1825—3 января 1826 г.

Афанасий Дмитриевич Кузьмин по окончании 2 Кадетского корпуса был выпущен в 1817 г. в армию. Служил в Черниговском полку. Член Общества соединенных славян. Принимал участие в восстании Черниговского полка. При аресте на поле близ Ковалевки 3 января 1826 г. был ранен картечью и в тот же день застрелился в корчме в с. Трилесах. О внешности Кузьмина («носатый, маленький») М. И. Муравьев-Апостол не говорит в рассказе, напечатанном в РА.

Под *замечанием Матвею Ивановичу Кузьмину* разумеется случай, рассказываемый М. И. Муравьевым-Апостол в напечатанных в РА воспоминаниях его, когда Муравьев-Апостол стыдил А. Д. Кузьмина за применявшиеся последним телесные наказания солдат. Этот укор произвел сильное впечатление на Кузьмина, он понял безнравственность своего поведения и вступил в члены тайного общества. Об этом и говорит запись: *Un converti* [обращенный]. См. РА, 1871, № 6, стб. 0236 — 0237.

Тела убитых в сражении 3 января 1826 г. брата М. И. и С. И. Муравьевых-Апостол, прапорщика квартирмейстерской части Ипполита Ивановича Муравьева-Апостол (р. в 1806 г.), поручика Черниговского полка, члена Общества соединенных славян Михаила Алексеевича Щепилло и солдат были привезены в Трилесы и положены в «нежилой довольно пространной хате», как сказано в печатных воспоминаниях М. И. Муравьева-Апостол (РА, 1871, № 6, стб. 0237), а не на квартире Кузьмина, как записано у Толстого.

«На полу́ лежали голые тела убитых», писал в своих воспоминаниях Матвей Иванович. (См. там же.) *О раненых в волостном правлении* ничего нет в напечатанных воспоминаниях М. И. Муравьева-Апостол. О *санях* у него сказано только: «Меня посадили [в Трилесах] в сани вместе с раненым братом» (там же).

Стр. 75 (стр. 456). Вопрос, очевидно, разумеет начало цыганских хоров в Москве и Петербурге. По преданию, первый цыганский хор Соколова был у гр. А. Г. Орлова-Чесменского. Большой известностью пользовался хор И. О. Соколова в 1810-ых — 1840-ых годах. Сам Толстой в молодости увлекался цыганским пением (см. «Святочная ночь» в 3 томе, стр. 262—263).

Запись: *Мода — мундиры.... форма ботинок* говорит о постоянном стремлении Толстого быть точным, верным действительности в описаниях внешности своих героев.

Стр. 76 (стр. 456). Вероятно, записи на этой странице сделаны при чтении статьи М. Шугурова «Бунт Черниговского полка» в РА, 1871, № 1. Здесь на стб. 280 читаем (в донесении подполковника Бакуревича): «Для возмущения черни и нижних чинов составлен был катехизис, который со всею трудностью доставши, оригиналом у сего прилагаю». На столбцах же 286—287 говорится о катехизисах, как произведениях С. И. Муравьева-Апостол (о нем см. прим. к стр. 13).

Запись: *Вадковский*, вероятно, сделана при чтении тоже стб. 281, где Вадковский значится среди арестованных по делу о восстании

Черниговского полка. Это брат Ф. Ф. Вадковского, о котором см. прим. к 6 стр., Александр Федорович Вадковский (р. в 1801), член Северного общества, служивший сначала в Семеновском полку в 1819—1820 гг., по раскассировании полка переведенный в Кременчугский пехотный полк, а затем (с 1824 г.) в 17 егерский полк. По отбытии 4-месячного заключения в крепости был переведен на Кавказ, где участвовал в Турецкой кампании 1828—1829 гг.

Стр. 77 (стр. 456). И запись о Сухинове сделана при чтении стб. 281, где говорится о том, что «переведенный из Черниговского пехотного полка в Александрийский гусарский и обмундированный при переводе Муравьевым поручик Сухинов бежал». Слова *Тот самый*, являющиеся ответом на вопрос: *Какой* означают, что Сухинов «тот самый», которому посвящен очерк бар. В. Н. Соловьева, [1] напечатанный в РА, 1870, № 4—5 и, конечно, прочитанный Толстым.

Иван Иванович Сухинов (1795—1828), сын мелкого чиновника из дворян, сначала служил по вербовке в гусарах, затем в Черниговском пехотном полку. Член Общества соединенных славян. После восстания бежал в Кишинев, где был арестован 15 февраля 1826 г. Сосланный на каторгу, в Зерентуйских рудниках организовал вооруженный побег, за что был приговорен к расстрелу. До приведения приговора в исполнение Сухинов повесился.

Под *биографией Жуковского* Толстой, вероятно, не разумел какого-нибудь определенного сочинения.

О Плещееве см. прим. к стр. 7,

Стр. 78 (стр. 456). Екатерина Афанасьевна Протасова, рожд. Бунина (1771—1848), единокровная сестра Василия Андреевича Жуковского, была замужем за Андреем Ивановичем Протасовым (ум. в 1796 г.), от которого имела двух дочерей: Марию (1793—1823), вышедшую в 1817 г. за профессора Дерптского университета Ивана Филипповича Мойера (1786—1858), и Александру (1795—1829), вышедшую в 1814 г. за писателя Александра Федоровича Воейкова (1778—1839), бывшего в 1815—1819 гг. профессором Дерптского университета.

Стр. 78 (стр. 456). Николай Николаевич Муравьев (р. в 1768 г., ум. в 1840, а не в 1827 г., как записано у Толстого) — писатель и общественный деятель. В 1810 г. Муравьевым в своем доме на Б. Дмитровке (ныне дом № 9—11) были открыты публичные лекции по математике и военным наукам, преобразованные в 1816 г. в училище колонновожатых, существовавшее до 1823 г. Указание на то, что Н. Н. Муравьев был *безбожником*, сделано Толстым, вероятно, с чьих-нибудь слов.

Н. Н. Муравьев с 1791 г. был женат на Александре Михайловне Мордвиновой (1768—1809) и имел пятерых сыновей и дочь.

Александр Николаевич (1792—1863) служил офицером в 1810—1818 гг., выйдя в отставку полковником Генерального штаба. Член Союза Благоденствия. Осужденный по VI разряду, был сослан в Сибирь без лишения

---

[1] О принадлежности очерка бар. В. Н. Соловьеву см. в статье Ю. Г. Оксмана «Поимка поручика И. И. Сухинова» в сборнике «Декабристы». Неизданные материалы и статьи под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925, стр. 53—54.

чинов и дворянства. В 1837—1839 гг. был Архангельским, а в 1856—1861 гг. Нижегородским губернатором.

Николай Николаевич Карсский (1793—1867), участник кампаний 1812—1814 гг., Турецкой 1828—1829 гг. и Польской 1830—1831 гг., Кавказский наместник в 1854—1856 гг.

Михаил Николаевич (граф с 1865 г.) (1796—1866), участник кампании 1812—1814 гг. Член Союза спасения и Союза благоденствия, в составлении устава которого принимал ближайшее участие. Просидев полгода в тюрьме, был освобожден с аттестатом. Был министром государственных имуществ в 1857—1862 гг., а в 1863—1865 гг. Виленским генерал-губернатором.

Андрей Николаевич (1806—1874) — писатель, автор «Путешествия по святым местам в 1830 г.» и многих других книг по религиозным вопросам.

Сергей Николаевич (1809—1874) в молодости служил военным, потом в министерстве финансов и министерстве государственных имуществ.

Стр. 103 (стр. 456). Александр Семенович Горожанский, сын псковского помещика, служил в Кавалергардском полку с 1821 г. Член Северного общества. Просидев четыре года в Петропавловской крепости, отправлен на службу в 7 линейный Оренбургский батальон; за «дерзкий поступок и произнесение неприличных слов насчет особы его величества» отправлен в 1831 г. в Соловецкий монастырь (М. Колчин, «Ссыльные и заключенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв.», изд. «Посредник», М. 1908, стр. 115). Здесь в припадке сумасшествия заколол ножом часового. Умер в 1846 г. в Соловецком монастыре.

Неверные сведения о Горожанском Толстой, надо думать, записал с чьих-нибудь слов.

Дмитрий Павлович Татищев (1767—1845), в 1802—1803 гг. и 1805—1808 гг. посланник в Неаполе, в 1815—1826 гг. посланник в Мадриде, в 1826—1841 гг. посол в Вене, был женат на Юлии Александровне Конопка, по первому мужу Безобразовой. Какого Апраксина разумеет запись Толстого, сказать трудно. М. П. Щербинин в своих воспоминаниях (РА, 1876, № 11, стр. 292—293) говорит, что у Татищевых в Вене жила гр. Елена Николаевна Апраксина, жена гр. Александра Петровича Апраксина (ум. в 1845 г.), рожденная Безобразова. Возможно, что об этом Апраксине и говорит запись Толстого.

Стр. 128 (стр. 457). Екатерина Ивановна Муравьева-Апостол (о ней см. прим. к стр. 14), в 1811—1816 гг. фрейлина сестры Александра I в. к. Екатерины Павловны (1788—1818), жившей с мужем, принцем Ольденбургским, в Твери, была взята к «большому двору», т. е. фрейлиной жены Александра I Елизаветы Алексеевны, так как Екатерина Павловна 12 января 1816 г. вступила во второй брак с принцем Виртембергским.

Наполеон видел Лавалет. Запись непонятна. Так как все остальные записи на этой странице относятся к 1816 г., то, казалось бы, и эта должна относиться к этому году, но с Ла Валетом (1769—1830), своим адъютантом, участником походов, с 1808 г. стоявшим во главе почтового

ведомства, Наполеон в 1816 г. не видался. Вероятно, речь идет о жене ла Валета.

Дочь Павла I Анна Павловна (1795—1865) обручена была 28 января 1816 г. с Вильгельмом, крон-принцем Нидерландским (1792—1849), бывшим в 1840—1849 гг. королем Нидерландским.

О страшном пожаре Казани в 1816 г. Толстой прочел, вероятно, в записной книжке гр. П. П. Сухтелена, напечатанной в РА 1876, кн. 1. См. стр. 351.

Известный французский художник Давид (1748—1825), в качестве члена Конвента голосовавший за казнь Людовика XVI, затем пользовавшийся милостями Наполеона, по закону 12 января 1816 г. был выслан навсегда из Франции.

Запись о *бале в пользу раненого офицера* объяснить не можем.

Стр. 160 (стр. 457). Русская родословная книга изд. ж. РС (I т. 1873 г. и II т. 1876) — анонимно изданный труд кн. А. Б. Лобанова-Ростовского. Эта книга имеется в библиотеке Толстого, но экземпляр не разрезан.

Запись: *О рисовании спросить* может быть значит, что нужно спросить декабристов А. П. Беляева и П. Н. Свистунова о занятиях рисованием их товарищей в Петровском заводе.

Бар. А. Е. Розен в своих воспоминаниях пишет, что Н. А. Бестужев занимался живописью, а Н. П. Репин и И. В. Киреев сняли виды Читы и внутренность острога. Кроме этого, П. И. Борисов, собирая гербарий, прекрасно рисовал растения местного края.

Свести Беляеву рукопись — Запись говорит об отвозе декабристу А. П. Беляеву рукописи его воспоминаний, взятой Толстым 5 марта 1878 г. и к 10 апреля обратно полученной Беляевым. Об этом см. стр. 480.

О каких *письмах Свербеева* говорит запись, непонятно. В переписке Толстого с декабристом П. Н. Свистуновым нет речи о письмах Свербеева. Упоминаемый Свербеев — м. б. Николай Дмитриевич Свербеев (ум. в 1860 г.), зять декабриста кн. С. П. Трубецкого, женатый (с 29 апреля 1856 г.) на его дочери кн. Зинаиде Сергеевне (р. в 1837 г.)

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. Спб. 1866. Эта книга имеется в библиотеке Толстого.

Записки И. И. Дмитриева — «Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева». В трех частях. М. 1866. Эту книгу Толстой записал дважды. См. стр. 552.

Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно». Биографический очерк, составленный Д. А. Кропотовым. Спб. 1874. Эта книга имеется в библиотеке Толстого, причем разрезана в ней лишь первая часть (кончая стр. 280).

Запись: *Рылеева* может быть значит собрание сочинений К. Ф. Рылеева. В библиотеке Толстого имеется экземпляр (неразрезанный) издания 1872 г. и экземпляр второго издания 1874 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В.

Стр. 2 (стр. 457—458). Невозможно указать все источники, откуда Толстой почерпнул записанные на этой странице сведения: при чтении очень многих книг и статей он мог сделать эти выписки.

Гр. (с 1845 г. — князь, с 1852 г. свет. князь) Михаил Семенович Воронцов (1782—1856), впоследствии, в 1823—1844 гг. Новороссийский генерал-губернатор, а в 1844—1856 гг. Кавказский наместник, в 1815—1818 гг. был командиром оккупационного корпуса, занимавшего Францию, и жил в городе Мобеже, на севере Франции, близ бельгийской границы.

Алексей Петрович Ермолов был назначен главноуправляющим Грузии и командиром Отдельного Кавказского корпуса в апреле 1816 г. Толстой мог прочесть об этом в статье М. П. Погодина «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии» в РВ, 1863 г. XLVII, стр. 642.

Аркадий Васильевич Кочубей (1790—1878) был киевским вице-губернатором в 1827—1830 гг., а не в 1816 г., как записано у Толстого.

Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) был пензенским гражданским губернатором в 1816—1819 гг.

Гр. Алексей Кириллович Разумовский (1748—1822) был министром народного просвещения в 1809—1816 гг. Ни президентом Академии наук, ни президентом Академии художеств он не был. Возможно, что Толстой спутал его с его отцом гр. Кириллом Григорьевичем (1728—1803), который был в 1746—1798 гг. президентом Академии наук.

Александр Федорович Лабзин (1766—1825) был конференцсекретарем Академии художеств в 1799—1818 гг.

Гр. Сергей Семенович Уваров (1786—1855) был попечителем Петербургского учебного округа в 1811—1822 гг.

О кн. А. Н. Голицыне см. прим. к Записной книжке А, стр. 548.

Гр. Алексей Кириллович Разумовский не был полтавским губернатором. Вероятно, Толстой спутал его с кн. Ник. Григ. Репниным, женатым на гр. Варваре Алексеевне Разумовской (дочери гр. Алексея Кирилловича), который был в 1816—1834 гг. Малороссийским генерал-губернатором. В другом месте (см. стр. 455) Толстой называет кн. Н. Г. Репнина полтавским губернатором.

Будущий император в. к. Николай Павлович (1796—1855) был женихом не в 1816 г., а в 1817 г. (обручен с принцессой Прусской 25 июня, а повенчан 1 июля 1817 г.)

Гр. Александр Петрович Тормасов (1752—1819) главнокомандующим в Москве был в 1814—1819 гг.

Кн. Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758—1838) был не министром внутренних дел, а министром юстиции в 1817—1827 гг., почему эта запись и зачеркнута Толстым.

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) был министром юстиции в 1810—1814 гг.

Кн. Петр Васильевич Лопухин (1753—1827) в 1803—1810 гг. был министром юстиции, а в 1816—1827 гг. председателем Государственного Совета и Комитета министров.

Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754—1829) в 1814—1817 гг был министром юстиции.

Гр. Дмитрий Александрович Гурьев (1751—1825) был министром финансов в 1810—1823 гг.

Барон Балтазар Балтазарович Кампенгаузен (1772—1823) — член интимного кружка Сперанского, в котором вырабатывался план государственных реформ последнего; в 1811—1823 гг. был государственным контролером.

Гр. Карл Васильевич Нессельроде (1780—1862) был министром иностранных дел в 1816—1856 гг.

Кн. Петр Михайлович Волконский (1776—1852) в 1815—1823 гг. был начальником Главного штаба.

Осип Петрович Козодавлев (1754—1819) был министром внутренних дел в 1811—1819 гг.

Иван Иванович де Траверсе (1754—1830) был морским министром в 1811—1828 гг.

Гр. Петр Петрович Коновницын (1764—1822) был военным министром в 1815—1819 гг. Он был женат на Анне Ивановне Корсаковой (1769—1843), от брака с которой имел дочь гр. Елизавету Петровну (1801—1867), бывшую замужем с 1823 г. за Михаилом Михайловичем Нарышкиным (1798—1863), декабристом, осужденным по IV разряду и по конфирмации приговоренным в каторжную работу на 12 лет.

Стр. 3 (стр. 458). Последний фаворит Екатерины II светл. кн. Платон Александрович Зубов (1767—1822) жил в своем имении Янишках Виленской губ. Шавельского уезда с 1814 г.

Адриан Моисеевич (Толстой описался в инициале его отчества) Грибовский (1766—1833) был правителем канцелярии кн. П. А. Зубова. Устраненный от дел Павлом I, Грибовский в царствование Александра I, ведя широкий образ жизни в Москве, растратил свое состояние. Запись о нем Толстого сделана на основании следующего места очерка: «Кн. П. А. Зубов»: «... нуждаясь в деньгах, он [Грибовский] не изменяя образа жизни, начал продавать одно за другим свои имения. В это время вздумалось ему пуститься в откупа и, сняв с торгов город Зарайск (Рязанской губ.) Грибовский переселился в него, продав свои московские дома... откуп лопнул... В 1814 г. ...Грибовский вместе с женою поселился в городе Коломне...» (РС, 1876, № 12, стр. 723—724).

А. С. Пушкин (1799—1837) окончил Царскосельский лицей в июне 1817 г., а не в 1816, как записано у Толстого. Впервые стихотворения Пушкина появились в печати в 1814 г., начал же он писать стихи, вероятно, в 1808—09 гг.

О Пушкине в лицее Толстой прочел в «Извлечениях из писем Илличевского к Фуссу», сделанных Я. К. Гротом и напечатанных в РА 1864 г., стб. 946—966 (второго издания 1866 г.).

Граф П. П. Коновницын был при в. к. Николае и Михаиле Павловичах во время их пребывания при заграничной русской армии в 1814—1815 гг.

Запись о лицах кружка вдовы Павла I Марии Федоровны (1759—1828) сделана Толстым на основании письма А. И. Тургенева к Жуковскому от 1 января 1815 г., напечатанного в РА, 1864 г., стб. 884—885

(второго издания). В письме есть такие строки: «Я должен описать тебе подробно чтение (твоего послания), которое происходило в комнатах ее величества, в присутствии ее, великих князей, великой княгини Анны Павловны, графини Ливен, Нелидовой, Нелединского-Мелецкого, Виламова и Уварова». К этому тексту П. И. Бартенев сделал примечания: графини Ливен — «воспитательницы великой княгини»; Нелидовой — «Екатерины Ивановны, бывшей другом императрицы Марии Федоровны»; Виламова — «секретаря императрицы».

Гр. (с 1826 г. светл. кн.) Шарлотта Карловна Ливен (ум. в 1828 г.) с 1783 г. была воспитательницей дочерей Павла I. О в. к. Анне Павловне см. прим. на стр. 572. Екатерина Ивановна Нелидова (1756—1839) — камер-фрейлина Марии Федоровны. Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1751—1828) — поэт. Григорий Иванович Виламов (1773—1842) — статс-секретарь. О С. С. Уварове см. выше (стр. 573).

Александр Иванович Тургенев (1784—1845) в 1810—1824 гг. директор департамента духовных дел, друг Жуковского, Карамзина, кн. П. А. Вяземского. Запись о нем: *толстый, сонный* сделана Толстым на основании слов в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г.: «Знаете ли что мешает ему [т. е. Тургеневу] быть одним из первых людей? *Толстота*, которая заставляет его часто спать вместо того, чтобы действовать» — РА, 1864, стб. 889 (второго издания 1866 г.).

Запись о Протасовых (о них см. стр. 570) сделана Толстым сначала на основании примечания И. И. Бартенева к письму Жуковского к родным (от 9 января 1815 г.): «Вид села Муратова под Орлом: там жили прежде Протасовы». РА 1864, стб. 888 (второго издания 1866 г.). Затем Толстой исправил запись и сделал следующую о Воейкове на основании примечания П. И. Бартенева к письму Жуковского к родным (осень 1815 г.): «В Дерпте тогда поселилась Екат. Афан. Протасова с двумя дочерьми, из которых младшая была за А. Ф. Воейковым, незадолго перед тем получившим место профессора русской словесности в тамошнем университете». — РА, 1864, стб. 894 (второго издания 1866 г.)

Запись о «Липецких водах» сделана на основании слов Жуковского в том же письме: «Теперь страшная война на Парнассе» и примечания П. И. Бартенева: «Первое представление комедии кн. Шаховского *Липецкие воды*, где под именем балладника Фиалкина был осмеян Жуковский, — 23 сентября 1815 г.» — там же, стб. 894. Речь идет о борьбе «карамзинистов» с «шишковистами» и организации литературного общества «Арзамас».

Эпиграмма Д. Н. Блудова (1785—1864) списана Толстым, вероятно, из «Записок» Ф. Ф. Вигеля (часть вторая, глава IV). Приведена эта эпиграмма и в книге Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время». Спб. 1866, стр. 107, которая имеется в библиотеке Толстого.

Запись: Bouquillon «Управитель у Плещеева» сделана на основании стб. 945 РА 1864, где помещено французское стихотворение Жуковского этому Букильону, о котором в примечании П. И. Бартенева сказано, что это «управитель у Плещеева». Об А. А. Плещееве см. прим. на стр. 557.

Запись о Форе сделана на основании примечания П. И. Бартенева к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г.: «Доктор Фор—

пленный француз, взятый вместе с генералом Бонами под Малоярославцем и живший у Плещеевых в Черни» — РА, 1864, стб. 888.

«Анекдоты того времени» списаны Толстым из письма товарища Пушкина по лицею А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 28 февраля 1816 г.: «Одна дама... сказала, говоря о своем брате: Il a reçu une poule (пулю, вместо balle) dans le caviar de sa jambe (в икру ноги)— beau ruthénisme et on lui a passé la cavalerie (т. е. кавалерственный орден) à travers les épaules... une pipe à regarder — подзорную трубку, вместо lunette d'approche».

О Карамзине и Пушкине Толстой мог прочесть или в книге М. П. Погодина «Карамзин». Материалы для биографии. М. 1866, ч. II, стр. 329—331, или в книге: «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». Спб. 1866, стр. 243, 286.

Голицына Princesse nocturne — кн. Евдокия Ивановна Голицына, рожд. Измайлова (1780—1850) жена кн. Сергея Михайловича Голицына (1774—1859), бывшая с ним «в разъезде», не получив формального развода. В обществе она была прозвана «princesse nocturne» («ночная княгиня»), потому что гости у нее собирались поздно вечером и засиживались до утра. Толстой о ней прочел, вероятно, в отрывке «Из старой записной книжки, начатой в 1813 году» кн. П. А. Вяземского, напечатанном в РА, 1875, кн. II, стр. 173—179.

Стр. 6 (стр. 459). Перечень писателей в 1816 г. заимствован Толстым из письма А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 20 марта 1816 г., где он пишет «... в лицее видел я Дмитриева, Державина, Жуковского, Батюшкова, Василия Пушкина и Хвостова; еще забыл: Нелединского, Кутузова, Дашкова». (РА, 1864, стб. 966.) Толстой из названных здесь не включил в свой список Жуковского и прибавил Карамзина и Шишкова.

Стр. 11 (стр. 459). Запись, вероятно, имеет в виду «радения» в квартире Екатерины Филипповны Татариновой (1783—1856), на которых члены ее кружка неистово кружились, впадали в беспамятство и «пророчествовали». Об этих собраниях есть в записках Вигеля (часть шестая, глава III) и в статье Ю. Толстого «О духовном союзе Е. Ф. Татариновой» — сборник «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872.

Стр. 109 (стр. 459). Найти источник записей на этой и следующей страницах мы не смогли. Возможно, что записи сделаны при чтении, до сих пор остающихся неопубликованными, материалов.

По аналогии с записями на следующей странице, где инициалы «Н. М.» мы расшифровываем как «Никита Муравьев», может быть и здесь эти буквы означают имя и фамилию декабриста Никиты Михайловича Муравьева (о нем см. стр. 558). Двадцать один год Н. М. Муравьеву исполнилось в июле 1817 г. Таким образом может быть последующие записи на этой странице относятся к событиям приблизительно этого времени.

Корсаков — может быть упоминаемый в письмах К. Н. Батюшкова 1818 г. к матери Никиты Михайловича Е. Ф. Муравьевой (в РА, 1867, стр. 1507 и 1522) Григорий Александрович Римский-Корсаков (Батюшков его называет просто «Корсаков») (ум. в 1852 г.), приятель Вяземского и Пушкина.

Запись о Сиверсе объяснить не можем.

Valerie — роман бар. Юлии Крюднер (1764—1825), вышедший на фран-

цузском языке в декабре 1803 г. и переведенный на русский в 1807 г. В записках И. Оже рассказывается, как в 1816 г. он с Луниным увлекались чтением этого романа.

Николай Назарьевич — Ник. Наз. Муравьев (1775—1845), статс-секретарь, управляющий собственной е. в. канцелярией в 1826—1832 гг., писатель, дальний родственник Никиты Михайловича Муравьева.

Запись о *Зеленкове* объяснить не можем.

Алекс. Мих. — может быть младший брат Никиты Михайловича Муравьева, о котором см. стр. 558.

Стр. 108 (стр. *459*). *Александра Николаевна* — может быть сестра К. Н. Батюшкова, о которой см. стр. 559.

Кто такая *Ланская*, сказать не можем.

Петр Иванович Соколов — уже упоминавшийся на стр. 8 Записной книжки Б (см. стр. 450) секретарь Российской академии. Анна Ивановна может быть его жена.

Фома Яковлевич Эвенс (1785—1849) — лектор английского языка и словесности в Московском университете в 1809—1826 гг., упоминаемый в письмах 1818 г. К. Н. Батюшкова к Е. Ф. Муравьевой (в «РА», 1867, стб. 1514 и 1523). Как видно из этих писем, у Ф. Я. Эвенса воспитывался Ипполит Иванович Муравьев-Апостол, о котором см. стр. 569.

Андрей Никифор. — Андрей Никифорович Пушкин (1792—1813), сын Никифора Изотовича Пушкина (1758—1831) и Евпраксии Аристарховны Кашкиной, писатель, автор книг по военному делу.

Захар Матвеевич — Захар Матвеевич Муравьев (1759—1832), двоюродный дядя декабриста Ник. Мих. Муравьева и отец декабриста Артамона Захарьевича Муравьева (1794—1845).

О родстве поэта К. Н. Батюшкова с Муравьевыми см. стр. 559. Об этом Толстой мог узнать в РА, 1867 г., стб. 1346.

Елизавета Карловна Муравьева, рожд. Поссе, по мужу, Захару Матвеевичу Муравьеву (1759—1832), приходилась Никите Михайловичу Муравьеву двоюродной теткой.

Евпраксия Аристарховна Пушкина, рожд. Кашкина (1765—1826) была в отдаленном свойстве с Никитой Михайловичем Муравьевым.

Сестра ее, Елизавета Аристарховна Черноевич, была бабкой (по матери) декабристам Матвею, Сергею и Ипполиту Муравьевым-Апостол, троюродным братьям Никиты Михайловича Муравьева.

Тетка (сестра матери) Никиты Михайловича Муравьева бар. Евдокия Федоровна Колокольцева была замужем за кн. Мих. Серг. Хованским. Дочь их, Марья Михайловна (1790—1846), была замужем за Ник. Андр. Челищевым (1783—1859).

Кто такая *Елизавета Ивановна*, объяснить не можем.

Пушкин — вероятно, Андрей Никифорович, о котором см. выше.

Кто такие *Александр Осипыч* и *Василий Алексеевич*, объяснить не можем.

Стр. 107 (стр. 460). Об *«Уварове пропавшем»* см. стр. 512 и 513.

Стр. 106 (стр. 460). Декабрист Павел Иванович Пестель (1793—1826), сын Сибирского генерал-губернатора Ивана Борисовича Пестеля (ум. в 1843 г.) и Елизаветы Ивановны Крок (ум. в 1836 г.), воспитывался

дома, затем вместе с братом Владимиром в Дрездене у А. Е. Зейделя и в Пажеском корпусе, откуда в 1811 г. выпущен в л.-гв. Литовский полк, с которым и совершил кампанию 1812—1814 гг., в 1814—1821 гг. служил в кавалерийских полках, а в 1821—1825 гг. — командир Вятского пехотного полка. Член и директор Южного общества, составитель «Русской правды». Осужденный вне разрядов, казнен.

Владимир Иванович Пестель (р. ок. 1798 г., ум. в 1865 г.), младший брат Павла Ивановича, служил в 1813—1831 гг. в Кавалергардском полку, впоследствии был Херсонским, а затем Таврическим губернатором, с 1855 г. сенатор.

О братьях Пестелях Толстой мог узнать из РА, 1875, кн. I, где были напечатаны «Бумаги И. Б. Пестеля».

Возможно, что запись на стр. 109: ⟨*въ Дрез*⟩ *Кто за границей* относится к Пестелям.

Петр Григорьевич Каховский (1797—1826), из дворян Смоленской губернии, воспитывался в Московском университетском благородном пансионе, в 1816 г. служил в л.-гв. Егерском полку юнкером, но за «разные шалости» был разжалован в рядовые и переведен в 7 Егерский полк, откуда в 1818 г. перешел в Астраханский кирасирский полк. Выйдя в 1821 г. в отставку, ездил на Кавказ лечиться, а в 1823—1824 путешествовал за границей. Приехав в декабре 1824 г. в Петербург, был принят Рылеевым в члены Северного общества. На Сенатской площади 14 декабря 1825 г. смертельно ранил петербургского генерал-губернатора гр. М. А. Милорадовича и командира л.-гв. Гренадерского полка Стюрлера. Осужден вне разрядов и казнен.

Стр. 105 (стр. *460*). О Ф. Я. Эвенсе см. прим. к стр. 108.

Отдельные листы.

Лист «А»: Как уже указывалось (см. стр. 504), почти вся первая страница (кончая словами: в дальной Коломне) представляет собою разработанную запись, в кратком виде набросанную на л. 20а$_1$ зап. кн. А (см. стр. 445—446).

Л. 1$_1$ (стр. 460). Об усмирении А. П. Ермоловым восстания горцев в Дагестане в начале 1824 г. Толстой прочел, вероятно, в письме Ермолова к П. А. Кикину от 22 января 1824 г., напечатанном в РС, 1872, № 11, стр. 515.

О том, что Василий Сергеевич Ланской (1754—1831) в 1824 г. был управляющим Министерством внутренних дел, Толстой прочел тут же — РС, 1872, № 11, стр. 516.

Приписка: *на место Кампенгаузена и Кочубея* сделана Толстым, вероятно, на основании «Истории царствования императора Александра I и России в его время» М. И. Богдановича, где в VI т., на стр. 388—389 сказано, что в 1819—1823 гг. министром внутренних дел был гр. В. П. Кочубей, а с июня по август 1823 г. Б. Б. Кампенгаузен.

Тут же (стр. 397) сказано, что «министром юстиции, по прежнему, оставался князь Дмитрий Иван. Лобанов-Ростовский».

О кн. А. Н. Голицыне см. стр. 548.

О дружбе А. С. Шишкова с Н. С. Мордвиновым (1754—1845), и о том,

что Мордвинов с 1810 г. был членом Государственного совета, а с 1821 г. и председателем департамента гражданских и духовных дел, Толстой узнал из статьи В. С. Иконникова о Мордвинове в РС, 1872, № 1, стр. 39, 41.

О болезни Александра I (рожистое воспаление ноги) в январе-феврале 1824 г. Толстой прочел в воспоминаниях Д. К. Тарасова в РС, 1871, № 12, стр. 625—633.

Тут же (стр. 633) о приезде из Варшавы в феврале 1824 г. в. к. Константина Павловича (1779—1831).

О том, что Аркадий Алексеевич Столыпин (1778—1825) был обер-прокурором Сената, Толстой узнал из указанной статьи Иконникова в РС, 1872, № 1, стр. 42, но обер-прокурором I департамента Сената А. А. Столыпин был в 1818—1819 годах.

Об А. И. Тургеневе в 1824 г. см. стр. 575. Откуда Толстой взял неверное указание, что А. И. Тургенев был обер-секретарем, сказать не можем.

О том, что И. И. Дибич (1785—1831) в 1823 г. занял временно должность начальника главного штаба, вместо кн. П. М. Волконского (1776—1852), Толстой прочел в примечании к письму А. П. Ермолова к П. А. Кикину, напечатанном в РС, 1872, № 11, стр. 514.

На этой же странице говорится об отставке министра финансов гр. Д. А. Гурьева в 1823 г. О назначении на его место Е. Ф. Канкрина (1774—1845) есть у Богдановича (т. VI, стр. 397).

Дова коллекция портретов — собрание портретов генералов, участников войны с Наполеоном 1812—1814 гг., работы английского художника Дау. Этим портретам в Зимнем дворце отведена специальная зала. Портреты были изданы в шести томах «Военная галлерея Зимнего дворца» в 1845 г. Этим изданием Толстой пользовался при работах над «Войной и Миром».

О гр. Н. П. Румянцеве см. стр. 548.

О гр. К. В. Нессельроде, как министре иностранных дел, в первых главах указанной книги М. И. Богдановича.

О том, что Карамзин в 1824 г. жил на Моховой в доме Мижуева, о Шишкове, кормящем голубей в своем доме на Фурштатской против Аннинской лютеранской церкви, о его старушке жене, Дарье Алексеевне (ум. 1 сентября 1825 г.) и о выходе в свет 10-го и 11-го томов «Истории государства российского» Карамзина Толстой прочел в воспоминаниях Сербиновича о Карамзине в РС, 1874, № 9, стр. 65, 66—67, 70, 71.

Запись о *Н. С. Мордвинове, верящем в магнитизерку Турчанинову, живущую в Коломне* (в Петербурге), сделана по воспоминаниям О. А. Пржецлавского в РС, 1874, № 12, стр. 669.

Следующие записи, *начиная со слов:* «Пстоцкий член совета...» *кончая:* К. Александр Салтыков член Совета добрый старик» сделаны на основании I тома сочинения Н. И. Тургенева «Россия и русские», которое Толстой читал (на французском языке) в первом (брюссельском) издании 1847 г. (в трех томах), сохранившемся в библиотеке Толстого. [1]

---

[1] Дальше мы приводим страницы I тома этого издания, рядом с ними в скобках ставя цыфры страниц русского издания: «Россия и русские» Николая Тургенева. Том I. «Воспоминания изгнанника». Перевод Н. И. Соболевского. Под редакцией А. А. Кизеветтера. Изд. Некрасова. М. 1915.

О Потоцком, члене Совета, либеральном друге Мордвинова и о том, что Государственный совет заседал во дворце, Тургенев говорит на стр. 92—94 (90—91) своей книги. Потоцкий — гр. Северин Осипович (1762—1829) бывший в 1803—1817 гг. попечителем Харьковского учебного округа, член Государственного совета с 1810 г.

Л. 1_2 (стр. 460—461). «Commentaires sur Filangieri de Benjamin Constant» — трактат либерального итальянского экономиста и юриста Гаетана Филанджиери (1752—1788) «La scienza della legislatione» («Наука о законодательстве») был издан на французском языке в Париже в 1822 г. (в пяти томах) с комментариями Бенжамена Констана. О чтении этого трактата Тургенев говорит на стр. 82—83 (79).

О выдаче «вольной» своим крепостным Тургенев говорит на стр. 82 (78—79).

О духе общества, настроении умов в 1816—1824 гг. у Тургенева на стр. 63—66 (59—62), 73—77 (69—73).

О вербовке Трубецким в члены тайного общества Тургенев рассказывает на стр. 77—78 (73—74).

Трубецкой — кн. Сергей Петрович Трубецкой (1790—1860), член Северного общества, «диктатор», не оправдавший это звание 14 декабря, осужденный по I разряду на вечную каторгу, замененную 20 годами.

О подписке в пользу голодающих крестьян Смоленской губернии, открытой Н. И. Тургеневым и его друзьями, последний говорит на стр. 89 (86).

О своем проекте ежемесячного журнала Тургенев говорит на стр. 84—85 (81).

О пропаганде Тургеневым идеи освобождения крестьян от крепостной зависимости — на стр. 91—95 (88—92).

О выдаче ссуды Разумовскому Тургенев пишет: «Так, при мне, из казны было отпущено несколько миллионов князю Р., бывшему посланнику в Вене и на различных конгрессах, под залог, притом совершенно недостаточный, его поместий» (стр. 101 (90)). Фамилия Разумовского в тексте Тургенева напечатана в таком виде: «prince R....ky». Толстой правильно ее раскрыл. Это — светл. кн. Андрей Кириллович Разумовский (1752—1836), бывший послом в Вене в 1790—1799 и в 1801—1806 гг.

О том, что «на украшение Царства Польского и города *Варшавы* русская казна ежегодно вносила *семнадцать* миллионов в польскую казну», Тургенев пишет на стр. 102 (100).

О кн. Алексее Борисовиче Куракине (1759—1829), бывшем в 1807—1810 гг. министром внутренних дел, а с 1811 г. председателем департамента гражданских и уголовных дел Государственного совета, Тургенев пишет на стр. 119—120 (116—117), а на стр. 376—377 дает специальную заметку, посвященную характеристике этого вельможи. Слова «шюшка» нет у Тургенева, но это слово есть в III гл. «начала» романа «Декабристы», напечатанного в сборнике «XXV лет».

О кн. Александре Николаевиче Салтыкове (1775—1837) бывшем в 1810—1817 гг. членом Государственного Совета по департаменту законов, Тургенев пишет на стр. 120 (117), как о *«добром* и благородном» человеке. Толстой ошибочно назвал его стариком: в 1816 г. ему был 41 год.

Следующие записи, *начиная со слов:* «Бетанкур женат..» *кончая:* «Инзов в Бессарабии» сделаны по пятой и шестой частям «Воспоминаний» Ф. Ф. Вигеля, которые Толстой читал или в РВ 1865 г., или в отдельном издании Каткова 1865 г.

О Бетанкуре, женатом на англичанке и жившем в Институте инженеров путей сообщения, помещавшемся в купленном у кн. Юсупова доме, Вигель пишет во II гл. пятой части «Воспоминаний» (стр. 13—15 издания 1865 г.) [1]

Августин Августинович Бетанкур (1758—1824) — инженер-строитель и писатель, учредитель Института инженеров путей сообщения, с 1819 г. директор Главного управления путей сообщения.

О получении Бетанкуром 60 000 рублей в год не жалованья, как записал Толстой, а на расходы по устройству ассигнационной фабрики—у Вигеля на стр. 21 пятой части.

Об архитектурном комитете под председательством Бетанкура, занимавшемся перестройкой Петербурга, — у Вигеля на стр. 22 пятой части.

О проекте Бетанкура определить архитектора Монферрана (1786—1858) на фарфоровый завод Вигель говорит на стр. 29 пятой части.

О назначении Монферрана строителем Исаакиевского собора и его постройке Вигель рассказывает на стр. 32—33 пятой части.

О кн. А. А. Шаховском (1777—1846), как директоре русского театра в 1824—1826 гг., Вигель пишет на стр. 23 шестой части.

Здесь же (стр. 23) Вигель говорит о гр. М. А. Милорадовиче (1771—1825), как начальнике петербургских театров.

О светл. кн. Петре Васильевиче Лопухине (1753—1827), как председателе Государственного совета в 1816—1827 гг., Вигель говорит на стр. 62 пятой части.

О Василии Михайловиче Попове (1771—1842), как директоре Департамента народного просвещения в 1817—1824 гг. и секретаре Библейского общества в 1813—1824 гг., и об Александре Ивановиче Тургеневе (1784—1845), как директоре Департамента духовных дел, Вигель говорит на стр. 66—67 пятой части.

О герцоге Александре Вюртембергском (1771—1833), бывшем с 1822 г. главноуправляющим Ведомства путей сообщения и публичных зданий, Вигель говорит на стр. 43—44 шестой части.

Об инженере-генерале Франце Павловиче Де-Волан (ум. в 1818 г.), бывшем в 1812—1818 гг. главным директором путей сообщения, Вигель говорит на стр. 171 пятой части.

Об Александре Павловиче Хрущеве, правителе канцелярии Совета путей сообщения, Вигель говорит на стр. 172—173 пятой части.

Указания на то, что М. М. Сперанский был Сибирским генерал-губернатором до 1824 г. у Вигеля нет.

О маркизе Жане-Франсуа (Иване Ивановиче) де-Траверсе (1754—1830), бывшем в 1811—1828 гг. морским министром, Вигель говорит на стр. 47 шестой части.

Л. 2_1 *(стр. 461—462).* Здесь же Вигель говорит о гр. Александре

[1] Дальше приводятся страницы этого издания.

Ивановиче Татищеве (1762—1833), бывшем в 1823—1827 гг. военным министром, называя его «стариком».

О Бетанкуре в 1821—1822 г. Вигель говорит на стр. 41—45 шестой части.

О постройке Исаакиевского собора в 1817—1820 гг. Вигель говорит на стр. 18—21 шестой книги.

О постройке Бетанкуром в 1817—1818 гг. ярмарочных зданий в Нижнем-Новгороде Вигель говорит на стр. 174—176 пятой части.

О Константине Яковлевиче Булгакове (1782—1835), бывшем в 1816—1819 гг. московским, а в 1819—1835 гг. петербургским почт-директором, и об его вечерах, на которых намечались назначения на должности, Вигель говорит на стр. 55—56 шестой части.

Говоря о своей поездке из Петербурга в Москву летом 1823 г. Вигель пишет на стр. 61 шестой части: «Только *до Бронниц*, за Новгородом, устроено было *шоссе*».

О гр. М. С. Воронцове в Одессе Вигель говорит в VII гл. шестой части.

Об Иване Никитиче *Инзове* (1768—1845) в 1820—1823 временно исправлявшем должность Бессарабского наместника, Вигель пишет на стр. 120—121.

«Les cabinets et les peuples» Bignon. — Эту книгу Толстой уже отметил в зап. кн. А (см. стр. 445 и 548).

Следующие три записи сделаны по книге: «Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым». Книга первая. М. 1872.

Упоминание о Петре Кирилловиче Эссене (1772—1844), бывшем в 1817—1829 гг. Оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса, находится в «Очерке жизни и службы Е. А. Головина» Юрия Толстого. Эта запись может быть находится в связи с замыслом Толстого взять местом действия своего романа Оренбургский край.

О приезде П. И. Пестеля «в конце 1823 года или в начале 1824 г.» в Петербург пишет в своих воспоминаниях о Рылееве кн. Е. П. Оболенский (стр. 315).

О передаче Россией Северо-Американским Соединенным Штатам русской колонии Росс говорится там же (стр.315).

Источник следующих записей указать не можем.

Наполеон умер на острове св. Елены 23 апреля/5 мая 1821 г.

Развивавшееся революционное движение в Испании Веронский конгресс 1822 г. поручил подавить *Франции*. Во главе карательной экспедиции стоял герцог Ангулемский (1775—1844), сын графа д'Артуа, позднее Карла X.

Гр. Виллель (1773—1850), вождь партии ультра-роялистов, с 1822 г. министр финансов, фактически глава министерства, ведший крайне реакционную политику.

Гетерия Филике — тайное общество греков для низвержения турецкого ига, организованное в 1814 г. Александр Константинович Ипсиланти (1783—1828) — вождь восстания греков против турок, служивший в России и бывший флигель-адъютантом Александра I. 22 февраля/6 марта

1821 г. Ипсиланти во главе небольшого отряда перешел Прут и отправился в Яссы, где издал прокламацию с призывом к борьбе с турками. После неудачных сражений бежал в Австрию, где был заключен в тюрьму.

Александр Маврокордато (1791—1865) — деятель греческого восстания, организатор съезда революционеров в Миссолонги в 1821 г. и президент первого греческого национального собрания в Эпидавре в январе 1822 г.

Дмитрий Константинович Ипсиланти (1793—1832), брат Александра Ипсиланти, тоже офицер русской службы, член гетерии, высадившийся в июне 1821 г. в Морее, где он руководил восстанием. Организовал национальное собрание в Эпидавре, в котором оказался в меньшинстве со своей военной партией.

Лит. 2_2 (стр. 462). Байрон высадился в Миссолонги 5 января н.с. 1824 г.

Лист «Б» (стр. 462). Записи на этом листе, подобно записям в Записной книжке В, представляют собою отметки о событиях и бытовых подробностях, приуроченных к определенным годам.

Запись *со слов:* «18-й год. Университет...» *кончая:* «... на Арбате» сделана на основании «Студенческих воспоминаний 1818—1822 гг.» Ф. Л. Ляликова, напечатанных в РА, 1875, кн. III. Здесь (стр. 376) Ляликов пишет: «... повел меня в университет, который временно помещался в д. Яковлева (теперь купца Монахова), в Долгоруковском переулке».

О Николае Николаевиче Сандунове (1769—1832), профессоре в 1811—1832 гг. гражданского и уголовного судопроизводства Московского университета, у Ляликова на стр. 379—382.

О Матвее Яковлевиче Мудрове (1772—1831), профессоре патологии и терапии Московского университета в 1805—1831 гг. у Ляликова на стр. 377—379. Рассказывая о набожности Мудрова, Ляликов пишет: «Раз мне захотелось сходить ко всенощной к Николе Явленному, летом. При тишине в храме, отворенных дверях и окнах слышен был подъезд экипажа. Входит Матвей Яковлевич, у свечного ящика покупает большую свечу (так в рубль или и более) и сам, протискиваясь между народом, ставит эту свечу пред иконою в главном иконостасе, делает два - три поклона в землю и уезжает» (стр. 378).

У Ляликова же говорится (стр. 381) о театре в здании университета, т. е. на Никитской улице. Толстой ошибся, написав: «на Арбате».

Запись о Головнине, Матюшкине и лицеистах сделана на основании письма товарища Пушкина по лицею Федора Федоровича Матюшкина (1799—1872) от 10 июня 1817 г., напечатанного в статье Я. К. Грота «Старина Царскосельского лицея» в РА 1875, кн. I, стр. 484.

В письме Матюшкин сообщает: «Капитан Головнин отправляется на фрегате «Камчатка» в путешествие кругом света, и я надеюсь, почти уверен, итти с ним». Василий Михайлович Головнин (1776—1831) — известный путешественник, прославившийся своим пребыванием у японцев.

Письмо Ф. Ф. Матюшкина написано на другой день после выпускных экзаменов в лицее, чем и объясняется запись Толстого о выпуске лицеистов.

О назначении в 1817 г. Жуковского преподавателем русского языка жене в. к. Николая Павловича, Александре Федоровне, и о том, что в этом году И. И. Дмитриев жил в Москве, Толстой прочел, вероятно, в

примечании Бартенева к письму Жуковского к Дмитриеву от 18 февраля 1816 г., напечатанному в РА, 1866, стб. 1629. Здесь же (стб. 1629 и 1630) говорится, что в феврале 1816 г. Карамзин жил в Петербурге, где хлопотал об издании своей «Истории», восемь томов которой вышли в феврале 1818 г. Запись же Толстого: *17 IV т.* непонятна.

Лист «В» (стр. 462). И эти записи такого же характера, как на л. Б и в записной книжке В.

О пребывании с 4 сентября 1825 г. *в Таганроге Александра I* рассказывает Д. К. Тарасов в своих воспоминаниях, напечатанных в РС, 1872, № 8.

Осенью 1825 г. Николай Павлович в последний раз, как великий князь, произвел инспекторский смотр войск и крепости *в Бобруйске*. Об этом упоминается в книге Lacroix «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I», Paris, 1864, т. I, стр. 293, которая имеется в библиотеке Толстого.

Гр. М. С. Воронцов в 1823—1844 гг. занимал пост новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области.

Егор Францевич Канкрин (род. 26 ноября 1774 г.) с 1823 по 1844 г. занимал пост министра финансов. Канкрин был женат (с 1816 г.) на Екатерине Захаровне Муравьевой, родной сестре декабриста (I разряда) Артамона Захаровича Муравьева, который по определению верховного уголовного суда «умышлял на цареубийство с собственным троекратным вызовом на совершение оного; участвовал в умысле произвести бунт; привлекал в тайное общество других; и приуготовлял товарищей к мятежу».

Декабристы братья Никита и Алдр. Мих. Муравьевы, а также братья Матв., Серг. и Николай Ивановичи Муравьевы-Апостолы приходились Е. З. Канкриной троюродными братьями. О том, что Е. Ф. Канкрин был женат на Е. З. Муравьевой, Толстой мог прочесть в записках Вигеля (часть шестая) или в очерке о Канкрине в РА 1866, № 1, стб. 120.

Журнал «Вестник Европы», основанный в 1802 г. Н. М. Карамзиным, в 1815—1830 гг. редактировал профессор истории Московского университета М. Т. Каченовский (1775—1842). Запись говорит, вероятно, о том, что Толстой хотел познакомиться с содержанием журнала за 1825 год.

И. А. Крылов в 1810—1841 гг. служил в Императорской Публичной библиотеке.

А. Н. Оленин в 1817—1843 гг. был президентом Академии художеств.

А. Ф. Лабзин, известный масон, автор трудов мистического содержания, издатель «Сионского вестника» и вице-президент Академии художеств, с мая 1823 г. жил в ссылке в Симбирске, где и умер 26 января 1825 г. Об А. Ф. Лабзине в Симбирске Толстой мог прочесть в РА 1866, № 6, в очерке П. Бессонова и в воспоминаниях М. А. Дмитриева.

Об И. Н. Инзове см. стр. 582.

О смерти Наполеона там же.

Пушкин жил в Бессарабии не «до 1824 г.», а до июля 1823 г.

Н. Н. Раевский-старший в 1816—1824 гг. командовал 4 пехотным корпусом и жил в Киеве.

Михаил Федорович Орлов (1788—1842) в 1820—1823 гг. был начальником 16 пехотной дивизии и жил в Кишиневе.

О А. С. Шишкове, как министре народного просвещения, см. стр. 548.

Пометы на копии «Списка членам тайных обществ, преданным Верховному уголовному суду по манифесту 1 июня 1826 года».

Большинство из девятнадцати помет, нанесенных на копии «списка» из книги Богдановича (см. описание рукописи, стр. 545—546), сделано, надо полагать, со слов знакомых Толстого декабристов. Сведения о сумасшествии Якова Андреевича 2-го и Андрея Фурмана, возможно, взяты Толстым из книги «Записки декабристов». Выпуск второй и третий. Лондон. 1863, где на стр. 120 в 5 примечании к «Разбору донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 г.» Никиты Муравьева и Лунина сказано: «Сходившие с ума: Батенков, Матвей Муравьев-Апостол, Андреевич, Фурман, Фаленберг, Враницкий, Фохт и другие». Книга эта имеется в библиотеке Толстого.

Кроме указанных нами книг библиотеки Толстого в Ясной поляне, в ней имеются еще следующие книги по декабристам, вышедшие в свет не позднее 1878 г.:

1) Верховный уголовный суд над злоумышленниками, учрежденный по высочайшему манифесту 1 июня 1826 г. Спб. 1826. В мал. 8° 64 стр.

2) «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I empereur de Russie» par Paul Lacroix. Paris t. II. 1865.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ.

[О методах обучения грамоте.]

После своей женитьбы (в сентябре 1862 г.) Толстой прекратил свои занятия в Яснополянской школе, однако его интересы к педагогическому делу не ослабели. В своих письмах к друзьям Толстой вспоминает о своей педагогической работе с большим сочувствием. 14 ноября 1865 г. он пишет гр. А. А. Толстой: «Я всё много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, сбираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать résumé всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает». В начале сентября 1868 г. Толстого посетил Американский консул в Москве Евгений Скайлер (Schuyler) и провел в Ясной поляне несколько дней; впоследствии об этом посещении Толстого и о своих беседах с ним Скайлер напечатал интересные воспоминания в американском журнале «Scribner's Magazine», переведенные на русский язык в «Русской старине» 1890 г. В беседах со Скайлером Толстой довольно много говорил о своей педагогической деятельности в Яснополянской школе, — между прочим о методах обучения грамоте, которыми он особенно интересовался. «Что всегда особенно озабочивало его и занимало его внимание, было — найти лучшую методу для обучения детей чтению. Он много расспрашивал меня о новых методах, употребляемых в Америке, и по его просьбе я мог доставить ему, благодаря любезности г. Гаррисона из «Nation» — хороший выбор американских начальных и элементарных способов обучения чтению». [1]

В сентябре 1871 г. Толстой приступил к работе над составлением «Азбуки» и занимался ею с большим увлечением. Эти занятия снова привели его к изучению давно интересовавшего его вопроса о лучших методах обучения грамоте, которым он посвятил специальную статью в 2-й книжке основанного им в 1862 году журнала «Ясная поляна» (см. том 8 настоящего издания, стр. 126—145). Но, не ограничиваясь теорией, Толстой решил проверить на практике те приемы обучения грамоте, которые он считал наиболее практичными и целесообразными. Для этого он снова устроил домашнюю школу в Ясной поляне

[1] «Граф Л. Н. Толстой в воспоминаниях Евг. Скайлера». «Русская старина», 1890, 10, стр. 268.

для обучения деревенских ребятишек чтению и письму. 2 февраля 1872 г. гр. С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской: «Мы вздумали после праздников устроить школу, и теперь каждое после обеда приходят человек 35 детей, и мы их учим. Учат и Сережа, и Таня, и дядя Костя, и Левочка, и я. Это очень трудно учить человек 10 вместе, но за то довольно весело и приятно». [1] 20 февраля и сам Толстой пишет об этом Фету: «Еще новость, это то, что я опять завел школу; и жена, и дети, и мы все учимся, и все довольны».[2] 3 марта пишет он о том же Страхову: «Жизнь наша в деревне та же. Прибавилось новое только — школа крестьянских детей, которая сама собой завелась. И всё нас с детьми моими очень занимает».

Об этих занятиях Толстого с крестьянскими детьми сохранились некоторые сведения и у его сына, Ильи Львовича, который также принимал в них участие: «Когда мне было 6 лет, я помню, как папа учил деревенских ребят. Их учили в «том доме», [3] где жил Алексей Степаныч,[4] а иногда и в нашем доме внизу. Деревенские ребята приходили к нам и их было очень много. Когда они приходили, в передней пахло полушубками, и учили их все вместе и папа, и Сережа, и Таня, и дядя Костя. [5] Во время уроков бывало очень весело и оживленно. Дети вели себя совсем свободно, сидели, где кто хотел, перебегали с места на место и отвечали на вопросы не каждый в отдельности, а все вместе, перебивая друг друга и общими силами припоминая прочитанное. Если один что-нибудь пропускал, сейчас же вскакивал другой, третий, и рассказ или задача восстанавливались сообща». [6]

«Азбука» Толстого вышла в свет в начале ноября 1872 г. и вызвала в печати целый ряд рецензий. Большинство рецензентов, признавая высокие достоинства языка и изложения автора, отрицательно отнеслись к его педагогическим взглядам, приемам и методам, в особенности по отношению к обучению грамоте и письму. Толстой не признавал так называемого звукового метода, считая его совершенно неподходящим к духу русского языка и заимствованным у нас от немецких педагогов; поэтому в своей Азбуке он ввел усовершенствованный им буквослагательный метод, который он считал более свойственным русскому народному духу. Наоборот, рецензенты отстаивали звуковой метод, как наиболее легкий и простой, и резко критиковали метод, предложенный Толстым, доказывая, что он представляет собой вариацию стародавнего способа «азов», отвергнутого новой, научной педагогией («С. Петербургские ведомости», «Вестник Европы», «Семья и школа», «Современность», «Народная школа» и др.). Толстой, впрочем, довольно равнодушно отнесся к этим нападкам; еще до выхода его Азбуки в свет он писал Страхову: «Издавая «Войну и мир», я

---

[1] Подлинник хранится в ГТМ.

[2] «Мои воспоминания» А. Фета. Часть II, стр. 248.

[3] Так назывался каменный флигель, в котором и раньше, в 1860—1862 гг. происходили занятия в Яснополянской школе.

[4] А. С. Срехов (ум. 1882 г.) — Яснополянский приказчик; ранее слуга Толстого, которого он брал с собою в Севастополь,

[5] Константин Александрович Исславин, дядя С. А. Толстой.

[6] И. Л. Толстой, «Мои воспоминания», изд. «Мир» М. 1933, стр. 29.

знал, что она исполнена недостатков, но знал, что она будет иметь тот самый успех, какой она имела, а теперь вижу очень мало недостатков в Азбуке и не жду успеха, именно того, который должна иметь учебная книга». После первой же рецензии (П. Н. Полевого в «С. Петербургских ведомостях»), резко критиковавшей педагогические приемы и методы Толстого, он писал Страхову (12 ноября 1872 г.): «Азбука не идет и ее разбранили в «Петербургских ведомостях», это меня почти не интересует. Я так уверен, что я воздвиг памятник этой азбукой». В феврале того же года, после выхода в свет в «Вестнике Европы» отрицательного отзыва об «Азбуке», Толстой писал тому же лицу: «Признаюсь, как ни совестно, почувствовал оскорбление и уныние». Он сначала думал написать ответ на отзывы своих рецензентов, но скоро отказался от этой мысли. Но, вместо полемического выступления в печати, Толстой решил предложить сторонникам звукового метода вместе с ним «сделать опыт обучения нескольких учеников по тому и другому способу», для того чтобы наглядно выяснить, который из этих способов является наиболее легким и быстрым при обучении детей грамоте. Для этого он обратился с открытым письмом в редакцию «Московских ведомостей», с просьбой напечатать в этой газете свое предложение относительно методов обучения грамоте. Это предложение Толстого было опубликовано газетой 7 июня 1873 г. в № 140.

«Письмо к издателям» в собраниях сочинений Л. Н. Толстого не печаталось; рукопись его не сохранилась; печатаем по тексту «Московских ведомостей».

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ.

[О Самарском голоде.]

В конце лета 1871 года Толстой приобрел себе именье, хутор Таналык, в Бузулукском уезде (Самарской губ.), недалеко от большого села Патровки. В следующем году он снова посетил Самарскую губернию, отчасти для лечения кумысом, отчасти для устройства своего нового хозяйства; а летом 1873 года он отправился туда со всем семейством. Последняя поездка совпала с тяжелым бедствием — трехлетним неурожаем, посетившим Самарский край. Еще в начале июля 1872 г. Толстой писал жене со своего хутора: «Чем ближе подъезжал я к Самаре, тем мрачнее слухи об урожае. Говорят — всё пропало. У Тимрота я узнал следующее: то, что взошло весной, очень редко, то всё засохло».[1]

Размеры бедствия Самарского голода 1873—1874 гг. объясняются, с одной стороны «повторными неурожаями двух предыдущих годов (1871 и 1872), истощившими продовольственные запасы населения, а с другой стороны, недостатками продовольственной организации, неумением своевременно перебросить избыток хлеба из соседних, благополучных по урожаю районов в пораженные голодом места».[2] Местная администрация не только не принимала никаких мер для облегчения положения крестьянского населения, но даже старалась скрыть положение дела с продовольствием и продолжала сообщать министерству, что всё обстоит благополучно. Это было первое серьезное народное бедствие, со времени передачи в 1866 г. продовольственного дела в руки земских учреждений. Благодаря этому на начавшееся народное бедствие было обращено внимание прессы, взбудоражившей общественное мнение, причем первым застрельщиком в этом деле оказался Л. Н. Толстой. Эту роль последнего в деле помощи голодающим признает и автор обширной официальной записки о Самарском голоде 1873—74 гг. Е. Н. Анучин, занимавший должность управляющего самарской Казенной палаты.[3]

Приехав в начале июня 1873 г. в Самарскую губернию, Толстой увидал в ней тяжелую картину народного бедствия. 8 июля С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской: «Тут с Страстной недели не было

[1] «Письма Л. Н. Толстого к жене». М. 1913, стр. 98.
[2] В. Щепкин, «Голода в России»—«Исторический вестник», 1886, стр. 514.
[3] А. С. Пругавин, «О Льве Толстом и толстовцах». М. 1911, стр. 22—23.

ни одного дождя; вот и мы месяц живем, и на наших глазах понемногу засыхало это огромное пространство, и понемногу находит ужас на весь вдешний народ, который третий год бьется из последних сил как-нибудь прокормиться и посеять для будущего года. Наш старый башкир, который живет у нас и доставляет нам кумыс, говорит, что только 40 лет тому назад был такой бедственный год». [1] Лев Николаевич близко принял к сердцу положение крестьянского населения Самарской губернии. Не ограничиваясь ближайшими окрестностями своего хутора и случайными наблюдениями при проезде к нему, Толстой решил обследовать часть района, окружающего его именье, для полного выяснения положения населения в продовольственном отношении. Это обследование установило широкие размеры неурожая, бедственное положение крестьян и необходимость немедленной помощи голодающим.

При статистическом обследовании деревень, постигнутых неурожаем, принимал участие шурин Толстого С. А. Берс («Степа»), который летом 1873 г. гостил в его Самарском именьи. Некоторые сведения об этом сам Берс сообщает в своих воспоминаниях о Толстом: «В этом году в именьи была сделана первая большая запашка, но был неурожай и голод, известный под названием Самарского. Картина была в высшей степени грустная. Лев Николаевич принял участие в голодающих и был инициатором всех сделанных в России пожертвований на этот предмет. Он отправился в ближайшие деревни, взял меня с собой и сделал опись, т. е. перечень всего находящегося на лицо в крестьянском дворе хлеба и вообще имущества, а я писал под его диктовку. Несчастные наперерыв просили описать их дворы, предполагая, что только описанные дворы получат помощь».[2] — С другой стороны, Илья Львович Толстой, в своих воспоминаниях об отце также сообщает некоторые сведения, сохранившиеся в его памяти относительно помощи голодающим крестьянам: «Я помню, как папа ездил по деревням, сам ходил по дворам и записывал имущественное положение крестьян. Я помню, что в каждом дворе он прежде всего спрашивал хозяев, русские они или молокане, и что он с особенным интересом беседовал с иноверцами о вопросах религии». [3]

Окончив опись крестьянских дворов, давшую яркую и удручающую картину продовольственной нужды самарского крестьянства, Толстой, на основании собранных материалов написал довольно большую статью и послал ее Каткову с просьбой опубликовать ее в его газете. Статья эта была напечатана, в форме «Письма к издателям», в № 207 «Московских ведомостей» от 17 августа 1873 г., еще до его возвращения в Ясную поляну (см. письмо к Фету от 25 августа). Но Толстой не ограничился этим призывом к обществу с целью побудить его прийти на помощь голодающему крестьянскому населению Самарской губернии. Одновременно с своим письмом в редакцию влиятельной газеты, он обратился с частным письмом к своей родственнице, гр. А. А. Толстой, в том расчете, что она, благодаря своим придворным и общественным связям, может оказать содействие делу борьбы с голодом. Препровождая к ней экземпляр своего обширного «Письма к из-

[1] Архив С. А. Толстой в ГТМ.

[2] С. А. Берс, «Воспоминания о графе Л. Н. Толстом». Смоленск, 1893, стр. 57.

[3] И. Толстой, «Мои воспоминания». М. 1933, стр. 72.

дателям», он писал ей (30 июля 1873 г.): «Я написал в газеты, с свойственным мне неумением писать статьи, очень холодное, неуклюжее письмо и от страха полемики представил дело менее страшным, чем оно есть, и написал кое-кому своим друзьям, чтобы подвинуть дело, но боюсь, что оно не пойдет или пойдет туго, и прибегаю к вам. Если вы захотите и можете заинтересовать сильных и добрых мира сего, которые, к счастью, одни и те же, то дело пойдет, и тогда и моя и ваша радость в успехе будут такими ничтожными песчинками в том огромном добре, которое сделается для тысячи людей, что мы об нем и не подумаем. Я не люблю писать жалостливо, но я 45 лет живу на свете и ничего подобного не видал и не думал, чтобы могло быть. Когда же живо представишь себе, что будет зимою, то волос дыбом становится. Сейчас — уже письмо написано было — мы узнали, что заболел холериной молодой мужик — жнец. Есть нечего, кроме дурного черного хлеба, и если бы это не было около нас, то очень может быть, что этот человек бы умер от недостатка хорошей пищи для ослабевшего желудка. Особенно поразительно и жалко для того, кто умеет понимать эту терпеливость и скромность страдания русского человека — спокойствие, покорность. Нет хорошей пищи, так и нечего жаловаться. Умрет — воля Божия. Точно не овцы, но добрые, сильные волы выпахивают свою борозду. Упадут — их оттащут; другие потянут... Так вот в ваши руки это важное и близкое нашему сердцу дело. — Вперед благодарю вас за всё, что вы сделаете». [1]

Мы не знаем точно, в чем именно проявилось содействие гр. А. А. Толстой делу помощи голодающим; однако она, повидимому, не осталась безучастной к призыву Льва Николаевича, судя по его позднейшему письму от 15 августа 1874 года, в котором он благодарит ее за оказанную поддержку: «Я на-днях приехал из Самары, куда ездил смотреть хозяйство в моем купленном там имении. Вы можете быть совершенно спокойны совестью в том участии, которое вы принимали в помощи тамошнему народу. Бедствие было бы ужасное, если бы тогда так дружно не помогли тамошнему народу. И я видел и узнал, что, хотя и не без греха прошло это дело раздачи, всё-таки помощь была действительная и в большей части случаев умная». [2]

Статья Толстого о Самарском голоде произвела сильное впечатление на всю читающую публику, и его призыв к содействию и помощи голодающим крестьянам вызвал в обществе соответственный отголосок. Автор официального отчета о Самарском голоде, Е. Н. Анучин, следующим образом характеризует значение публичного выступления Толстого в официальной записке: «До корреспонденции графа Л. Н. Толстого никому и ничего вне Самарской губернии не было известно, что в ней происходит. Даже есть основание предполагать и больше, что и в самой-то Самарской губернии многие ничего не знали, или не хотели знать, что в ней делается и что ожидает ее население. Корреспонденция графа Толстого была громом, заставившим всех перекреститься». [3] В результате призыва Толстого

---

[1] ПТ, стр. 247.
[2] Там же, стр. 254.
[3] А. С. Пругавин, «О Льве Толстом и толстовцах», стр. 22.

начали поступать пожертвования, как со стороны частных лиц, так и со стороны различных учреждений и организаций. Еще несколько лет спустя местные жители с благодарностью вспоминали о помощи, оказанной им Толстым в этом деле. «Когда в 1881 году, — пишет А. С. Пругавин, — нам пришлось посетить Бузулукский уезд, то от крестьян Патровской волости мы слышали много рассказов о сердечной заботливости, которую проявлял Толстой, живя среди них во время голодовки 1873 года, как он лично обходил наиболее нуждающиеся крестьянские дворы, с каким вниманием входил он в их интересы и нужды, как он помогал беднякам, снабжая их хлебом и деньгами, как он давал средства на покупку лошадей и т. д. Воспоминание об этой деятельности знаменитого писателя и до сих пор сохраняется в среде крестьянского населения Патровки, Гавриловки, Землянок и других сел того района». [1]

Статья о Самарском голоде вошла в Собрание сочинений Л. Н. Толстого лишь в посмертном, 12-м издании С. А. Толстой (Часть 16-я, М. 1911, стр. 347—355).

Рукописного оригинала статьи не сохранилось; печатаем ее по тексту «Московских ведомостей».

---

[1] А. С. Пругавин, стр. 34.

О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ СТАТЬИ «О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ».

Вопрос о лучшем способе обучения безграмотных чтению к письму издавна интересовал Толстого, и он еще в 1862 году посвятил ему особую статью: «О методах обучения грамоте», напечатанную во 2-й книжке его педагогического журнала «Ясная поляна» (см. 8-й том настоящего издания). 7 июня 1873 г. он напечатал в «Московских ведомостях» открытое письмо, в котором предлагал лицам, интересующимся делом народного образования, и в частности вопросом о наилучшем способе обучения грамоте и письму, «сделать опыт обучения нескольких учеников» по различным методам, для определения наиболее легкого и простого способа обучения. С этой же целью он пригласил и нескольких учителей ближайших деревенских школ, для того чтобы вместе с ними проверить результаты его собственного метода. 16 октября 1873 г. С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской: «В том доме у нас целая толпа учителей народных школ, человек 12-ть, приехали на неделю. Лёвочка им показывает свою методу учить грамоте ребят и что-то они там обсуждают, навезли много ребят из Телятинок и Груманта, таких, которые еще не начинали, и теперь вопрос о том, как скоро они выучиваются по Лёвочкиной методе». [1]

По этому же вопросу о лучшем методе обучения грамоте Толстой обратился и к председателю Московского комитета грамотности И. Н. Шатилову, с которым он был лично хорошо знаком. В заседании Московского комитета грамотности от 23 октября 1873 г. председатель И. Н. Шатилов «просил высказаться по поводу предложения гр. Л. Н. Толстого — проверить на опыте его способ обучения грамоте, причем гр. Л. Н. Толстой заявил И. Н. Шатилову, что этот опыт обучения он желал бы произвести в присутствии гг. членов комитета, с целью определения, насколько его способ обучения прост, удобопонятен для каждого мало-мальски способного учителя и насколько быстро посредством этого способа обучения можно выучить читать». Это заявление вызвало продолжительные прения, причем некоторые из членов комитета (Д. И. Тихомиров, Н. П. Малинин)

[1] Архив Т. А. Кузминской в ГТМ.

высказались против этого предложения Толстого; однако, возражая против этого предложения, Д. И. Тихомиров вместе с тем выразил желание, чтобы председатель Комитета обратился к Толстому с просьбой, «выяснить пред Комитетом теоретические положения, на которых зиждется его способ, и внести в комитет реферат, который и мог быть подвергнут разбору в одном из заседаний». Со своей стороны И. Н. Шатилов «пояснил, что он уже говорил с гр. Л. Н. Толстым и начал свой разговор именно с того, что предлагал ему дать разъяснения в Комитете, но не просил его производить опыт, так как это последнее сопряжено с некоторыми затруднениями, но что гр. Л. Н. Толстой сам вызвался произвести опыт обучения и помочь со своей стороны устранить могущие встретиться затруднения». В результате прений большинством голосов было постановлено «предложить гр. Л. Н. Толстому произвести опыт обучения неграмотных детей по его способу и просить при этом гр. Л. Н. Толстого дать объяснение его способа в одном из заседаний Комитета».[1]

Публичное заседание Московского комитета грамотности с участием Л. Н. Толстого происходило 15 января 1874 г. По воспоминаниям одного из участников этого заседания, Д. И. Тихомирова, оно «было и многолюдно, и разнообразно по своему составу; в поместительной зале Сельскохозяйственной школы при Московском обществе сельского хозяйства собралась вся интересующаяся народным образованием Москва: видные общественные деятели и педагоги, учителя и учительницы школ и др. Места не доставало в просторном зале, — вплоть стояли в дверях и сидели на широких подоконниках. Одинаково интересовал и самый вопрос об обучении грамоте в народной школе, и участие в заседании Л. Н. Толстого. Вопрос в заседании был поставлен узко — об обучении грамоте... Дебаты сосредоточивались главным образом на выяснении преимуществ буквослагательного и осуждении звукового метода — со стороны Л. Н. Толстого, и преимуществ звукового метода, — со стороны молодых педагогов». [2]

В виду важности настоящего заседания, к нему был приглашен стенограф для ведения протокола и точной записи прений; протокол этот был затем напечатан в приложениях к «Московским епархиальным ведомостям» от 3 марта 1874 г.

Открывая заседание Комитета, председатель И. Н. Шатилов обратился к Л. Н. Толстому с просьбой, изложить сущность метода, принятого им при обучении грамоте.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я совершенно готов ответить на вопросы, которые будут мне предложены... Я в своей азбуке изложил, в чем состоит мой способ, но так как он вышел из практической моей деятельности, то всех подробностей нельзя мне было изложить, а потому я желал бы, чтобы те члены, которым неясны некоторые пункты, высказали мне свое мнение... Я уже заявлял, что в преимуществе моего способа я убедился

---

[1] «Московские епархиальные ведомости». Протоколы заседаний Московского комитета грамотности. 1874 г. № 10.

[2] Д. И. Тихомиров, «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» — «Педагогический листок», 1910, 8, стр. 556.

из практики, и предлагаю его с практической стороны. При открытии мной школы мне было предложено много различных способов по обучению грамоте и мною был выбран сначала звуковой, но результат того способа был не удовлетворителен. Я был принужден искать другого способа и напал на тот, который мною был изложен».

Н. П. Малинин выступил в качестве сторонника звукового метода и предложил Л. Н. Толстому дать ответ на следующие три вопроса: «1) Чем способ, предлагаемый им, ближе соответствует русскому языку, чем звуковой? 2) В чем состоит легкость этого способа? 3) Даются ли способом, предлагаемым графом, посильные работы детям?»

«Гр. Л. Н. Толстой. Я с удовольствием отвечу на вопросы, которые предложил мне г. Малинин, но прежде я должен спросить г. Малинина, почему он считает звуковой метод удовлетворяющим всем трем условиям? Я нахожу, что он не удовлетворяет, потому что с ним неудобно обращаться. Если ученик не скажет *бъ*, то я не могу ему подсказать этот звук, а должен выставить перед ним картину *быкъ*, это неудобство для меня всегда казалось ощутительным. Относительно же самого способа, предлагаемого мною, скажу, что это есть самый естественный способ, который мы нашли с помощью учителей и самих учеников. Теперь я отвечу на первый вопрос г. Малинина. Я упоминал уже, что звуковая система применима в Германии, но что в русском языке существуют безгласные буквы, как теперь принято называть твердый и мягкий знаки, а потому, приняв систему звукового метода, мы не можем избежать тех же неудобств и, при слиянии согласного с гласным, мы должны будем откидывать ъ и ь, как откидываю я звук *е* от *бе*, *ве*, *ре* при их слиянии, тогда как для Европейских языков звуковой метод не представляет этой трудности. Как способ он совершенно верен теоретически, но не практически. Вся трудность звукового способа состоит в том, что в русском языке есть известные безгласные звуки, которые слышатся лишь при слиянии их с гласными. Способ этот не удовлетворяет практике и потому, что нет возможности выговорить *бъ*, *въ*, *гъ*, а также и потому, что по свойству русского языка некоторые из его букв имеют большое сходство между собою в произношении. Трудно показать детям различие в произношении *въ* и *фъ*. Вот почему я нахожу, что звуковой метод труднее и более неприменим к русскому языку, чем к другому. Теперь отвечу на 2-й вопрос. Я уже заявлял, что по моему способу преподавания грамоте можно выучить детей читать в несколько уроков. В 1-й урок они узнают всё музыкальное искусство, лежащее в основании этой системы, и овладеют им совершенно. Способ этот покажется неясен, потому что вкратце нельзя его изложить. По этому способу ученик как бы ухом привыкает откидывать *е* от каждой согласной буквы, и после того как вы еще раз повторите ему все звуки, то уже почти все мальчики называют их без ошибок. Легкость этого способа бывает поразительна. Теперь мне остается ответить на 3-й вопрос. Я нахожу, что этот способ, более чем другой, дает самостоятельную работу детям, потому что он основан на музыкальном слухе. Ребенок, называя *не*, *ре*, *о*, привык по слуху откидывать существующие ненужные гласные звуки и уже прямо читает *нро*. То самое, что нам было трудно при звуковом способе, то с видимой легкостью давалось при этом способе. Самостоятельная

же работа состоит в том, что ребенок выучивается читать и понимать смысл того, что читает».

Н. П. Малинин замечает, что предлагаемый метод нисколько не легче звукового и нисколько не способствует самостоятельной работе учащихся; напротив того, ребенок привыкает отбрасывать гласный звук *е* и делает это чисто механически.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я прошу высказать свой метод на практике, прошу, чтобы был сделан опыт, так как, видимо, я не сумел его хорошо разъяснить. Способ, предлагаемый мною, состоит в соединении согласных с гласными, но все они складываются без книги и ничего не имеют общего со складами; слоги заучиваются на слух. При способе же складов ученик должен непременно выучить склады. По этому же способу ученик выучивает все буквы без книги, и все остальные упражнения идут на слух, и коль скоро ученик узнал отбрасывать ненужный гласный звук *е*, тогда весь процесс учения кончен. Теперь я должен указать, в чем я нахожу, что звуковой метод не удовлетворяет привычкам русского языка. При звуковом способе вам легко сказать: *бъ*, *въ*, но как произнести звуки: *въ*, *фъ*, когда мальчик смешивает эти два звука, и вместо *въ* говорит *фъ*? Я буду свистеть, но он всё-таки не поймет меня, а звуковой способ лишает меня средств объяснить ему. Другая причина, почему я считаю звуковой метод неудовлетворительным, состоит в том, что по звуковому способу говорят: сложи *бъ* с *я*, или *бъ* с *и*, но это не будет *бя* и *би*, потому что мы здесь согласный звук произнесли с твердым знаком. Как при моем способе неизбежно откидывать звук *е*, так точно и при звуковом методе вам необходимо отбрасывать твердый знак».

Д. И. Тихомиров спрашивает оппонента, с чего он начинал работу при обучении грамоте?

«Гр. Л. Н. Толстой. Я прежде всего чертил по стене углем или мелом на доске огромные буквы, хворостиной указывал на букву и называл ее, а дети повторяли. Таким образом я в один урок проходил всю азбуку и уже на другой день все дети ее знали без ошибки».

Д. И. Тихомиров. Вы пишете не одну букву, а целый алфавит?

«Гр. Л. Н. Толстой. Да, а затем я начинал учить склады подобным же образом и мне удавалось, что на второй же урок дети уже знали все склады».

Д. И. Тихомиров. До сих пор дети у вас упражнялись в чтении, а как вы переходите к письму?

«Гр. Л. Н. Толстой. Я тотчас же начинаю их учить писать. Сперва я им даю писать печатные буквы. Большей частью в руководствах азбуки детям дается одновременно одна печатная и одна скорописная буква, и я иногда делаю точно так же».

Д. И. Тихомиров. Какие же из этих букв дети скорее других начинают писать?

«Гр. Л. Н. Толстой. Они одинаково скоро пишут как те, так и другие».

Д. И. Тихомиров. Все упражнения у вас ведутся в известном порядке, в системе?

«Гр. Л. Н. Толстой. Всякий учитель сам сможет легко заметить,

что трудно дается ребенку, и тогда он увидит, что следует остановиться».

Д. И. Тихомиров. Звуковой метод состоит в том, что он начинает не с отдельных звуков, а с целого слова, которое делится на слоги и из них выделяются звуки... Здесь ученик, знакомясь со звуком, знакомится и с процессом разложения слов на звуки и с процессом слияния звуков.

«Гр. Л. Н. Толстой. А если он забудет звук?»

Д. И. Тихомиров. Он не может забыть его. Раз ученик знаком с процессом разложения, то он не может забыть звук; учитель может напомнить ему, приводя слово, из которого легче всего выделяется этот звук... Существенная важность звукового метода состоит в том, что он идет от известного к неизвестному, доводит ученика до разумения процессов чтения и письма вполне естественно. По этому способу ученик занимается вполне самостоятельно — пишет ли, читает ли он слово, он знает, что он делает.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я хотел бы более подробно анализировать звуковой метод. Вы так легко коснулись его, что я всё-таки не могу его хорошо понять. В Германии мне пришлось присутствовать на уроке немецкого педагога, который обучал детей по звуковому методу. Так детям дают нарисованную рыбу с подписью Fisch и говорят, что первая буква будет голова, вторая тело, а третья хвост. Если этот немец думал, что этим он всё объяснил детям, то он вполне ошибается, и я боюсь, что в звуковом методе часто бывает то же самое. Если педагоги думают, что они выдумали новый, легчайший способ, где ученик доходит до всего путем анализа, это не облегчает, а затрудняет ученика, и если педагоги думают, что анализ помогает детям, то это радует только самого учителя, а не учеников».

Д. И. Тихомиров, отвечая на вопросы Толстого, более подробно излагает способы, употребляемые педагогами звуковой школы, при обучении детей грамоте.

«Гр. Л. Н. Толстой. Когда я привел в пример способ немецкого педагога, то услыхал следующее возражение со стороны г. Тихомирова, что это дело минувших дней. Услыхав это, я думал, что упустил что-нибудь из виду, но в том, что мне пришлось сейчас слышать, я не вижу ничего нового против способа немца-педагога. Я начну тем же самым, чем начали и вы. Вы сказали, что идете от известного к неизвестному, но это не правило, а необходимость, потому что невозможно итти от неизвестного к известному, а потому мы необходимо должны пользоваться тем же самым способом. Когда 8,12-летние ученики приходят в школу, то вы начинаете свои занятия с ними обращением их внимания на то, что содержится в комнате, что их окружает. Вы их спрашиваете о таких предметах, которые им уже давно знакомы, а потому на такого рода вопросы вам ответит и самый неумный ученик. Затем вы говорите, что начинаете свои занятия с бесед; но я их считаю положительно вредными, так как для того, чтобы беседа не была скучна, от учителя требуется гениальность; дальше вы даете детям слово *ау*, заставляете называть и спрашивать, что слышно в начале этого слова и что — в конце, а этого-то слова, собственно, они и не поймут.

Мне не раз приходилось видеть такого рода примеры: мальчику давали слово и затем спрашивали, что̀ стоит в начале и что̀ в конце, но он не мог ответить. Для того, чтобы уяснить ему, вы должны сказать это слово протяжно: *а-у*. Следовательно, вы точно так же должны назвать ему звуки, как делаю это я, показывая ему на стене. Объясняя детям согласный звук *с*, вы им даете слово *ус*. Он знает звук *у*, но никак не узнает, что̀ стоит в начале и что̀ — в конце, пока вы не сделаете того же самого и не скажете: *у-с*; а произнося так слово, вы опять-таки не минуете того же самого, что делал я в своем способе, потому что вы согласный звук *с* произносите с твердым знаком. Далее вы переходите к целому ряду упражнений и бесед: но все эти беседы только одурачат ребенка, оттолкнут его и возбудят недоверие родителей к учащим, потому что они видят, что ребенок их учится, а всё-таки ничего не знает. И вот, наконец, через три недели ребенок приходит домой и на вопрос родителей, что̀ ты выучил? что̀ знаешь? ребенок отвечает: звук *у*. То же самое, что мы с ним говорили сначала, к тому же самому приходите и вы, но только через некоторый промежуток времени. Таким образом основным отличием звукового метода будет медленность, а в противоположность этому, в моем способе — быстрота. Если допустить при занятиях по звуковому методу возможность анализа, то мы неизбежно придем к высшей философии. Это было бы то же самое, еслибы при первоначальных занятиях арифметикой стали учить детей.... корни; как то, так и другое — одинаково неразумно и не свойственно детскому возрасту».

Д. И. Тихомиров, не соглашаясь с Толстым, считает, что при применении звукового метода ученики постепенно подготовляются к сознательному отношению к словам, путем предварительных бесед, которые вовсе не требуют от педагога особой гениальности и вместе с тем очень привлекают детей.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я остаюсь при своем мнении, потому что во всем том, что было высказано, я не нахожу доказательств, говорящих в пользу звукового метода. Замечу еще, что мой способ есть способ народа русского, я ему выучился у народа; я охотно перешел бы на сторону звукового метода, еслибы опыт показал мне искусство соединения ъ и ь. Вопрос же о беседах и развитии — это вопрос, который не относится к делу. Я, как учитель, должен в этом случае только отвечать потребностям народа; родители требуют от учителя, чтобы он научил ребят читать и писать так, чтобы они могли прочитать указ, написали письмо; а о развитии родители не просят, за это жалования не платят; следовательно, учитель и не имеет никакого права развивать учеников».

За этим следуют речи Н. П. Горбунова, Ф. Н. Королева, М. А. Протопопова, Н. П. Малинина, И. А. Вертоградского, Ф. Г. Савенко, Ф. И. Егорова. Защитники звукового метода в особенности настаивали на развитии, которое, по их мнению, дает звуковой метод, а обвиняли способ гр. Л. Н. Толстого в отсутствии этого развития. В этом отношении многие из оппонентов гр. Толстого пошли далее и приписали ему вообще нежелание давать детям в школе какое-либо развитие, а только одно умение прочитать и написать, к чему гр. Толстой дал отчасти повод, заявив, что цель его способа единственно — научить поскорее читать и

писать. Приводим заключительные слова Ф. И. Егорова, на которые возражает Л. Н. Толстой.

Ф. И. Егоров. Я желал бы знать, действительно ли гр. Толстой отвергает всякое развитие в обучении и сводит его к одной цели — дать детям несколько навыков, пригодных в жизни, или полагает только обращать внимание на эту сторону обучения лишь впоследствии, после обучения грамоте.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я не считаю себя в праве давать какое-либо развитие, потому что всякое развитие предполагает собою известное направление. В школу отдают детей, не для того чтобы развить в каком-нибудь направлении, а чтобы научить их чтению и письму. Мы можем смело учить тому, что̀ не имеет вредного направления. Под развитием понятий я не разумею такого развития, которое, напр., дается при изучении арифметики, но известное направление ума, характера, которое не должно себе находить места в школе... Я допускаю в народной школе только математику и грамматику, так как преподавая эти предметы я могу избежать всякого направления. Арифметика не может иметь того вредного направления в смысле политическом, тогда как обучая, например, истории и зоологии вы можете оказать вредное нравственное влияние, смотря по тому, какой материал вам дан. Естественный материал, который может подлежать изучению детей в школе, это наша образцовая литература».

Ф. И. Егоров заметил, что при подборе образцов можно влиять на развитие детей в нежелательном направлении.

«Гр. Л. Н. Толстой. Но всё-таки не в такой степени, как преподавая естественную историю и историю».

Ф. И. Егоров считает необходимым не только развитие логического мышления в области математики и языка, но и в области других понятий.

«Гр. Л. Н. Толстой. Но на развитие можно взглянуть различно».

В прения вступают К. К. Мазинг, В. А. Бронзов, Ф. Н. Королев, Н. П. Малинин — краткими возражениями на предыдущие речи названных лиц. Председатель И. Н. Шатилов считает, что окончательное решение вопроса о преимуществе того или другого метода для обучения грамоте можно решить только при помощи опыта, и поэтому предлагает Комитету просить Л. Н. Толстого дать несколько наглядных уроков по его методу.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я готов к услугам Комитета».

По предложению Председателя, Комитет постановил произвести показательный опыт обучения грамоте 16 и 17 января 1874 г. в школе при фабрике Ганешина. [1]

Прения в Комитете грамотности, повидимому, произвели на Толстого неблагоприятное впечатление; по крайней мере, вернувшись из заседания, он писал жене: «Одно нехорошо: это то, что я обещал завтра давать образцовые уроки, и это займет все мои вечера, которые я бы употребил приятнее. И пользы, боюсь, не будет, т. к. никого не убедишь, слишком

[1] «Московские епархиальные ведомости». Протоколы заседаний Московского комитета грамотности. 1874, № 10.

глупы и упорны. Я не сердился, и Дьяков, и другие говорят, что я говорил хорошо».[1]

16 января Толстой не мог приехать к назначенному часу по нездоровью, и предположенный опыт состоялся только на следующий день. Некоторые сведения о нем сохранились в воспоминаниях Д. И. Тихомирова, присутствовавшего при этом выступлении Толстого. «На дальней окраине Москвы, в фабричной школе Ганешиных собрана была группа неграмотных рабочих. Собрались в большом числе члены Комитета грамотности, и Лев Николаевич дал урок грамоты. Кроме трудности и новизны для учеников дела, и вся обстановка не благоприятствовала занятиям: присутствие посторонних лиц, духота в тесной и закрытой комнате — развлекали и утомляли учеников. И с учеников, и с учителя пот катил градом. Примерный урок оказался неудачным. — По мысли председателя, организована была «пробная» школа из двух групп неграмотных детей: в одной группе занимался яснополянский учитель по методе Л. Н. Толстого, в другой — учитель одной школы бар. Корфа — по звуковому методу. В шесть недель дети обеих групп должны были выучить читать, писать под диктовку, счету и решению задач... По сущности дела такого рода «пробы» ни в коем случае не могут быть признаны ценными для определения достоинств и недостатков того или другого метода. Не привели ни к чему и обнаружившиеся на экзамене результаты знаний «пробной» школы: успехи учеников той и другой группы оказались более или менее одинаковыми, при некотором перевесе на сторону звуковой группы».[2]

16 марта 1874 г. в заседании Комитета грамотности была избрана экзаменационная комиссия из шести членов. 3 апреля Толстой писал своему брату Сергею Николаевичу: «Я жду каждый день известия, когда будет экзамен в моей Московской школе, на который мне необходимо ехать, и нынче получил телеграмму, что в субботу. И в субботу буду в Москве... Весь смысл в том, что будет на экзамене».[3] 6 апреля экзаменационная комиссия произвела экзамены учеников обеих групп, а на следующий день были рассмотрены результаты экзаменов, причем большинство членов комиссии признало, что ученики, учившиеся по звуковому методу, обнаружили в чтении, письме и счете бо́льшую успешность, чем ученики, учившиеся по способу Л. Н. Толстого.

13 апреля 1874 г. состоялось экстренное заседание Московского комитета грамотности, в присутствии многочисленной публики. Сначала прения сосредоточивались вокруг разбора практического результата чтения и письма учеников, причем приводились многочисленные примеры и обсуждались приемы преподавания, применявшиеся обоими учителями; между прочим Протопопов, учивший по звуковому методу, заявил, что Морозов, учитель Яснополянской школы, занимавшийся по методу Толстого, принял в свою группу ученика, уже раньше обученного им чтению по этому методу.

---

[1] «Письма Л. Н. Толстого к жене». М. 1913, стр. 101.

[2] Д. И. Тихомиров, «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом». — «Педагогический листок», 1910, кн. 8, стр. 558.

[3] Подлинник хранится в АТБ.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я просил бы председателя разъяснить этот вопрос».

Председатель Комитета грамотности И. Н. Шатилов, по заявлению Л. Н. Толстого, дал необходимые разъяснения.

«Гр. Л. Н. Толстой. Это очень интересное явление и было бы еще интереснее, если бы здесь присутствовал г. Морозов. Обо всех подробностях я хорошо знаю от г. Морозова, который обо всем рассказывал мне. Он говорил, какие ученики поступили, где они учились, как Комитет разделил этих учеников и кто себе каких выбрал. Но я всё-таки думаю, что нам лучше оставить этот вопрос и перейти к другому... Я просил бы председателя экзаменационной комиссии ответить на мой вопрос: была ли в комиссии речь о превосходстве методов и если этот вопрос несколько затемнен, то я просил бы выяснить его».

Вопрос перешел к сравнительной оценке обоих методов обучения грамоте, на основании результата экзаменов. Большинство выступавших педагогов отстаивало преимущества звукового метода и доказывало, что необходимо стремиться к тому, чтобы в школах дети обучались чтению именно по этому методу. В защиту Толстовского метода из числа педагогов выступил только Ф. Н. Королев. В свою очередь, защищаясь от высказанных нападок, Л. Н. Толстой произнес следующую речь:

«Гр. Л. Н. Толстой. В прошлом заседании было решено устроить 2 школы, в которых дети обучались бы по двум различным методам, и экзамен учеников обеих школ должен был решить вопрос о том, какой из способов лучше. Но при устройстве школ было сделано много ошибок, которые и сделали то, что экзамен ничего не решил. Первая ошибка была та, что ученики взяты были слишком малолетние, а для учения требуется известная зрелость. Понятно, что если взять 4-х-летнего ребенка, то он не сделает никаких успехов ни по тому, ни по другому способу, и что судить по ним нельзя. Поэтому я в своих суждениях буду основываться только на учениках старших, которых было по нескольку в каждой школе и на которых могло быть заметно преимущество того или другого способа. Другая ошибка состояла в том, что в школу были допущены посетители. Это обстоятельство было особенно невыгодно для моей школы, в которой не требуется дисциплины, а учитель должен постоянно поддерживать внимание детей занимательностью ученья, а при постоянном входе и выходе новых лиц это было очень трудно. Обстоятельство это было прямо противно тому положению, выраженному в моей Азбуке, как руководство для учителя — чтобы в комнате, где учатся, не было новых предметов и лиц. Третья ошибка — было отступление г. Протопопова от наглядного обучения. Во всяком учебнике по звуковому способу считается за правило начинать с бесед. Г. Бунаков, по книжкам которого велось обучение, говорит, что надо начинать с наглядного обучения и отнюдь не торопиться с чтением. Г. Протопопов отступил от этого условия своего метода и напротив, сколько возможно, торопил обучением чтению и для этого давал своим ученикам книги на дом, хотя это не только не требуется по звуковому способу, а напротив, считается вредным сторонниками звукового способа. Четвертая ошибка состояла в том, что некоторые ученики г. Протопопова знали буквы и склады. Хотя я хорошо знаю, что это было

противно желанию г. Протопопова, но тем не менее, они знали буквы и склады и читали не по звуковому способу, а только в угоду учителю выговаривали слова по звуковому, разбирая их по старому способу. Пятая ошибка, и главная, состояла в близости школ между собой. Ученики школы г. Протопопова учились невольно от учеников г. Морозова моему способу чтения, и все ученики г. Протопопова умели складывать и читать по моему. Но несмотря на эти ошибки, несмотря на несогласие членов экзаменационной комиссии, мне кажется, что результаты ясны, если рассматривать, как и должно, только тех учеников, которые способны были по возрасту к учению. Таких учеников было в школе Морозова три. Эти ученики читают и пишут, по моему, лучше чем ученики того же возраста школы Протопопова и, кроме того, успели выучиться читать по славянски, нумерации и 4-м правилам арифметики, чего не знают ученики г. Протопопова; следовательно, по количеству знаний они знают гораздо больше. Если же судить о быстроте способа, по времени, то все посещавшие школу могут подтвердить то, что эти ученики, через две недели после своего поступления, читали так же, как теперь читают лучшие ученики г. Протопопова. Но экзамен был так неудачен, что это мнение остается только моим мнением и тех лиц, которые согласны с тем, что я говорю, так как здесь были выражены совершенно противуположные суждения. — Причина неудачи экзамен , и возможности таких противуположных мнений состоит в том, что успехи измеряются сторонниками звукового метода не по знаниям, а по развитию. Казалось бы, при чем тут развитие? Но оказывается, что для обучения грамоте главное дело — развитие. Г. Бунаков, знаменитый педагог, читавший лекции всем учителям России, говорит: что для того, чтобы наверно знать, что метод хорош, он должен быть способом *развивающим умственные силы ребенка*, чтобы умение грамоте достигалось вместе с развитием и укреплением мышления. А звуковой способ, по мнению г. Бунаков, вполне хорош, потому что: «Звуковой способ представляет следующие выпуклые качества и особенности: 1) как способ *звуковой* он сохраняет всецело все характеристические особенности всякого звукового способа, исходит из впечатлений слуха, с первого раза устанавливая правильное отношение к языку, и потом присоединяет к ним впечатление зрения, таким образом явно различая звук, материал и букву, его изображение. 2) Как способ, *соединяющий чтение с письмом*, он начинает с разложения и переходит к сложению, соединяя анализ с синтезом. 3) Как способ, *переходящий к изучению слов и звуков от изучения предметов*, он идет естественным путем, способствует правильному образованию представлений и понятий и действует *развивающим* образом на все стороны детской природы; побуждает детей к наблюдательности, к группировке наблюдений, к словесной передаче их, развивает внешние чувства, ум, воображение, память, дар слова, сосредоточенность, привычку работать в обществе, уважение к порядку. 4) Как способ, *дающий посильную работу всем душевным силам ребенка*, он вносит в обучение личный интерес, возбуждая в детях охоту и любовь к учению и обращая его в процесс самообучения». — Я ничего не пропустил и не прибавил, но вопрос, почему этот способ будет развивающим и что такое значит развитие, остался для меня без ответа, как прежде, так и после прочтения этих 4-х пунктов,

Теоретических объяснений о том, что̀ такое развитие и к чему оно нужно, я не нашел, а потому я сам попытался найти из наблюдений, что̀ такое это развитие и откуда оно взялось. Из наблюдений я вижу, что под развитием подразумевается сообщение детям сведений о предметах, которые им известны. Напр., что деревья растут, а рыбы плавают, что вода мокрая и т. д. Все педагоги наши — Ушинский, Бунаков и др. единогласно настаивают на том, что главная часть времени должна быть занята беседами этого рода. Г. Бунаков говорит кроме того: «надо же сообщить этим маленьким дикарям главные порядки школьного обучения, и привести в их сознание такие начальные понятия на первых уроках рисования, чтения, письма и всякого элементарного обучения, как-то: правая и левая стороны, вправо и влево, вверх, вниз, рядом, подле, около, вперед, назад, вблизи, вдали, пред, за, над, под, скоро, медленно, тихо, громко и т. п.» Видал ли кто такого русского мальчика, который бы не знал этого и которого надо было учить этому? Я прежде слыхал такие рассуждения, но не думал, чтобы это могло быть; но на экзамене я видел пример тому. Учитель велел мальчику положить руку на книгу и под книгу, желая этим показать, что он выучил мальчика или развил его так, что он знает *на* и *под*, но мальчик тут же ошибся; но вовсе не потому, чтобы он не знал этого, но потому, что он так умен, что не мог вообразить, чтобы у него спрашивали это. — Но откуда же взялось это развитие? Ответ на это можно только найти в иностранной педагогической литературе. Там оно имеет смысл, и у первого же Песталоцци, мы встречаем следующее; он говорит: «Пусть кто-нибудь, живши среди простого народа, опровергнет мои слова, что ничего нет труднее, как передать какое-либо понятие этим существам. Да этому никто и не противоречит. Швейцарские священники подтверждают, что когда народ приходит к ним для обучения, он не понимает, что ему говорят, а священники не понимают, что говорит народ. Городские жители, переселяющиеся в деревню, изумляются неспособности туземцев говорить. Проходят года, пока деревенская прислуга научается объясняться с хозяевами. Но отношение швейцарского священника к своим ученикам совершенно иное, чем у нас. Те, т. е. швейцарские простолюдины говорят patois,[1] а у нас дети говорят правильно, а их учат дурному русскому языку наши педагоги. Большею частию учебники наши все говорят языком patois. Образцом может служить тот же Бунаков который слово «косарь» употребляет вместо «косец», уменьшительное из «лисы» делает «лиска» и т. д.

Но может быть это развитие, столь ложное относительно формы языка рациональнее, когда дело идет о содержании. К несчастию там, где только в образцах бесед речь выходит из того, чтобы учить детей тому, что они знают, т. е. что у человека 2 ноги, а у лошади — 4, там ошибка на ошибке. Так у Бунакова — глотка есть часть рта и т. п. Но может быть, всё-таки развитие полезно и на практике мы можем видеть его результаты? В школе г. Протопопова дети доказали развитие на практике тем, что тут же, на первый вопрос учителя — положи руку на книгу, положи под книгу — ученик это сделал навыворот. Но может быть, овладев умом детей посредством развития, учитель ведет их дальше; к несчастию и этого

[1] [местное наречие,]

нет. У Бунакова, напр., идут объяснения в роде—под, над, внизу, вверху— на 40 стр., но дальнейших занятий, таких, где бы объяснялось что-нибудь новое, мы не видим. Родиноведение, напр., начинается с описания классной комнаты, здания... вот, наконец, должно бы кажется, уже начаться вполне серьёзное учение, но этого и нет. На этом останавливаются все; и образцовых описаний классной комнаты — тьма, а образцов географии нет. Так точно и в арифметике целые томы написаны о том, как учить детей складывать один да один, два да два, а как учить науке, т. е. счислению, об этом или умалчивается или предлагаются старые руководства с определениями и механическими приемами. Где видно, чтобы русский мальчик не умел считать до 40, до 60? Они играют в бабки, считают козны и шестеры, и всякий мальчик, проигравши 4-ре пары, сочтет и скажет, сколько это составляет шестеров. В мою школу поступили мальчики, из которых процентов 10 могли решать и объяснять задачу гусей; кроме того, в арифметике я не могу постигнуть, что̀ хотят сделать этой пресловутой методой Грубе. Учить арифметике без нумерации нельзя, как нельзя читать без букв. Всякое учение есть сообщение законов науки. А нумерация есть первый закон математики. Если я выучил ребенка нумерации, то я уже ввел его в науку, я сделал шаг к дальнейшему его развитию. Учителя же по Грубе предполагают, что дети не знают того, что они знают, и обучение кончается ничем, и нет никакого нового процесса мышления. Так что̀ в конце концов те цели, которые поставлены рядом с целью развития новыми педагогами — самообучение и интерес ребенка, эти две цели уничтожаются, вследствие этого развития. И для детей нет скучнее и мучительнее уроков, как эти уроки развития. Без сомнения, этого не признают те лица, которые держатся этой методы. Бунаков говорит, что ученик, выучивши 12 букв, будет читать только одну эту книгу, в которой написано, что лиса ходила и ела лошадиное мясо, и как плакал Лука... и будет утешаться мыслью, что он уже читает книгу, и ему будет очень весело (чтение, ка́к плакал Лука). [*Смех в публике.*]

Это смешно, но когда подумаем, что по этим книгам должно учиться всё молодое поколение, то становится грустно.

Остается еще вопрос, каким образом это странное понятие могло вкрасться в эту новую педагогическую науку. Каким образом люди образованные, искренно преданные этому делу, могут так заблуждаться? Этому я нахожу 4 причины: 1) привычка подражать западной Европе, и в особенности немцам. Немцы-педанты составили целую на ученую педагогию. Эта наука для своих целей составила свою психологию и решала на ее основании философские вопросы; здесь в этой науке, всё решено, всё объяснено, и на этой сомнительной философии основана целая система педагогии. И эту-то сомнительной немецкую науку мы целиком взяли себе. (Надо заметить, что эта звуковая метода, кроме как в Германии, не принята нигде, ни во Франции, ни в Англии, ни в Америке). 2-я причина — это есть незнание народа и предположение, что отношение Песталоцци к своим дикарям есть образец отношения нашего учителя к русскому простолюдину. 3-я причина та, что способ этот легче других, что по этому методу нужно только рассказывать то, что знает мальчик, а самому учителю угадывать мысли, настроение

ученика, не нужно. Самая же главная причина состоит в том, что вообще критика легка, между тем как дело трудно. Новые методы возникли из критики старых способов обучения. Мы отнеслись критически к церковной школе потому, что она притупляет учеников, что прежние способы обучения не удовлетворяют нас. Но как всё это изменить, мы этого не решили. Как ни дурен казался прежний метод, мы ничем лучшим, своим заменить его не могли, а взяли уже готовое, выработанное другими, приняв это за лучшее, за совершеннейшее. Лет 15-ть тому назад, когда я горячо занимался педагогией, я задал себе вопрос: как узнать, чему и как надо учить? Мои изыскания и опыты привели меня к убеждению, что вопрос этот не решается тем, чтобы держаться старых порядков, и еще менее тем, чтобы заимствовать новую немецкую школу. Новая школа построена на тех же основаниях, как и та, которая учит по часовнику и псалтирю. Она, точно так же, как и старая школа, не имеет никаких оснований и потому, несмотря на свою вражду к старой школе, несмотря на внешнее различие, внутренно поразительно похожа на старую школу своими приемами. Например, если ученик, еще до поступления в школу, выучился называть буквы — буки, аз, то новая школа считает нужным переучивать, находя способ, по которому учился ученик, вредным; то же самое я слышал от церковников, которые говорят, что ежели дети начали учиться по другому способу, то их нужно переучивать. Как в этой, так и в другой школе имеются определенные пособия: у одних указки, у других — картины; в той и в другой школе — дисциплина и строгость на первом плане. Как в той, так и в другой школе особенное внимание обращается на чистоту в письме; как в новой школе, так точно и у церковников, главная задача состоит не в чтении, а в чем-то другом; у одних — чтобы дети выучили псалтирь и часовник, у других, — чтобы дети развились. Почему, спросите вы, так ведутся занятия? Церковники вам скажут, что так учили тысячу лет; новые педагоги ответят: так велели Дистервег и Вурст. Если нужно выбирать между двумя школами, — церковной и новой, то я отдам предпочтение первой, так как церковная школа не так дурна, как новая, и даже не так притупляет учеников, как последняя. Так думаю я и некоторые члены из присутствующих, большинство же, может быть, не согласны со мною. Но мы здесь только говорим, спорим, а кто прав и виноват, судья в этом — народ, те самые крестьяне, которые платят нам и нанимают нас для того, чтобы мы им работали. Но что скажет народ, когда его детей не выучат читать и писать, но за то разовьют? Народ не знает, что такое развитие, и не требует его от школы; а все его желания состоят в том, чтобы школа сделала детей грамотными. Повторяю, что предлагаемый мною способ не мной выдуман, он взят от народа, и он легче и удобнее, чем звуковой, что и замечено на опыте в моей Яснополянской школе, где преподавание ведется по этому способу; звуковой же способ есть сложная система, которая кажется легкою и удобною в теории, а не на практике. Очень может быть, я даже уверен, что звуковой способ преподавания будет продолжаться еще очень долго, но я думаю, что чем скорее мы откажемся от этого способа, тем будет лучше, так как он только может задерживать дело народного образования».

Ф. И. Рахманинов полагает, что следовало бы поставить вопрос

на практическую почву: сравнить оба способа обучения грамоте с условиями и нуждами народной школы; способ гр. Толстого он считает более подходящим для народной школы...

П. Д. Голохвастов предлагает устроить новый опыт по вопросу о методе обучения грамоте, в виду того, что первый оказался недостаточным, в виду неблагоприятных условий.

Кн. Черкасский выражает убеждение о необходимости стремиться к тому, чтобы школа удовлетворяла и подходила ко всем условиям сельского быта, чтобы крестьянин был расположен и сочувственно относился к ученью, чтобы школа вполне удовлетворяла его потребностям, которые совершенно правильно охарактеризованы в докладе гр. Толстого.

Д. Ф. Самарин считает, что на основании произведенного испытания трудно произвести беспристрастную оценку результатов этого опыта, причем он указывает на неправильную оценку знаний учеников по арифметике, произведенную Протопоповым по отношению к ученикам Морозова.

Ф. И. Егоров заявляет относительно учеников Морозова, что в протоколе комиссии категорически сказано: один из учеников оказался удовлетворительным, из остальных же третий умел складывать.

«Гр. Л. Н. Толстой. Это был худший ученик, про которого говорил г-н Самарин. Я своим долгим опытом убедился в том, что решение учениками подобных задач зависит собственно от возраста ученика. Если вы помните, то на экзамене хорошим учеником оказался самый старший».

Ф. И. Егоров считает, что подобные задачи решит и семилетний ребенок, если только он достаточно подготовлен.

«Гр. Л. Н. Толстой. Я с этим согласен».

После новых выступлений Н. П. Горбунова, М. А. Протопопова, Ф. И. Егорова, Д. И. Тихомирова и Д. Ф. Самарина, председатель, закрывая заседание Комитета грамотности, заявил: «Мы производили опыт, но он оказался недостаточным, чтобы высказать окончательное мнение относительно преимущества того или другого метода, а потому я предлагаю оставить этот вопрос открытым». [1]

Дискуссия с московскими педагогами, сторонниками звукового метода, и неудачное применение его собственного способа обучения грамоте Морозовым, его помощником, задели Толстого за живое. Под влиянием этого раздражения он написал письмо к А. С. Суворину, в котором очень резко отзывался о своих оппонентах. «Несмотря [на то], что я не исполнил вашей просьбы, судя по вашему Никону и по тому участию, которое вы принимали когда-то в «Ясной поляне», я уверен, что вы исполните мою просьбу, если это только возможно. Дело в том, что Моск. Комитет грамотности втянул меня в разъяснение моего приема обучения грамоте и, занявшись этим делом, я к удивлению и ужасу своему увидал, что то педагогически-тупоумное немецкое отношение к делу народного образования, с которым я боролся в «Ясной поляне», за последние 15 лет пустило корни и спокойно процветает, и что дело это нетолько не пошло вперед, но значительно стало хуже, чем было. В последнем заседании Комитета я, насколько умел,

---

[1] «Московские епархиальные ведомости». «Протоколы заседаний Московского комитета грамотности». 1874 г. № 35.

высказал, как я смотрю на это и надеюсь, что расковырял немного этот муравейник тупости. Но я уверен, что слова мои, *неполные*, спешные, переврут, и почерком пера решат, что я ретроград, хочу воротиться к Псалтырю и т. д. и преспокойно опять наладят свою машину. Мне не нужно вам объяснять, как я смотрю на дело. Мне кажется, вы сочувствовали направлению «Ясн. пол.» и вам легко будет, пробежав протоколы заседаний, освежить в своей памяти мои положения, выраженные в Педагог. статьях 1860-х годов, от которых я ни на шаг не отступил. Просьба моя к вам состоит в том, чтобы в газете, в которой вы участвуете, противодействовать легкомысленному отношению к этому делу, и если есть человек, интересующийся и понимающий дело (я думаю, что это вы такой человек), то отнестись к делу серьезно. Серьезный разбор дела не может не быть благоприятным».

Раздраженный своей неудачей в кругу московских педагогов, Толстой решил обратиться к более широкой аудитории — к печати. Возможно, что к этому побуждал его и председатель Московского комитета грамотности И. Н. Шатилов, очень сочувственно относившийся к педагогическим взглядам Толстого и поддерживавший его во время его выступлений в заседаниях Комитета по вопросу о методах обучения грамоте. Поэтому Толстой придал своей статье форму открытого письма, адресованного на имя И. Н. Шатилова. В виду того, что в это время наиболее распространенным и наиболее влиятельным в кругах русского образованного общества органом печати являлись «Отечественные записки», Толстой решил опубликовать свою статью именно в этом журнале, придав своему педагогическому спору о методах обучения грамоте более широкое общественное значение. Н. К. Михайловский в своих «Литературных воспоминаниях» рассказывает об этом выступлении Толстого в журнале русской радикальной интеллигенции: «В 1874 году гр. Толстой обратился к Некрасову с письмом, в котором просил «Отечественные записки» обратить внимание на его, графа Толстого, пререкания с профессиональными педагогами в Московском Комитете грамотности... Граф выражал лестную для нашего журнала уверенность, что мы внесем надлежащий свет в эту педогогическую распрю. Письмо это, совершенно неожиданное, возбудило в редакции большой интерес... В конце концов порешили на том, чтобы предложить самому гр. Толстому честь и место в «Отечественных записках»; он, дескать, достаточно крупная и притом вне партий стоящая фигура, чтобы отвечать самому за себя, а редакция оставляет за собой свободу действий. Но гр. Толстому это было мало. В новом письме к Некрасову он повторял уверенность, что у него с «Отечественными записками» никакого разногласия быть не может и, выражая готовность прислать статью по предмету спора, настаивал на том, чтобы наш журнал предварительно сам высказался. Я взял на себя труд познакомиться с делом». [1]

Писем Толстого по вопросу о печатании его статьи не сохранилось, так же как не сохранилось ни оригинала статьи, с которого она набиралась, ни корректурных гранок набора; сохранилась только записка Некрасова,

---

[1] Н. К. Михайловский, «Литературные воспоминания и современная смута», I, 1900, стр. 199—200.

относящаяся к этому делу и написанная им в конце августа или начале сентября 1874 г. «Милостивый Государь, Лев Николаевич. Потрудитесь прислать Вашу статью, я напечатаю ее (может быть, если успею) в 9 № От[ечественных] З[аписок], а не то в 10-м, не позже. По 150 р. платить согласен... Корректуру пошлю, кому укажете; если нужны отдельные оттиски, заметьте на рукописи». [1] Статья Толстого «О народном образовании» была напечатана в сентябрьской книжке (№ 9) «Отечественных записок» за 1874 г. (стр. 147—204). По поводу нее Н. Н. Страхов писал Толстому 22 сентября: «... злодей Некрасов не приготовил оттисков; я положился на него, а следовало самому похлопотать. Он обещал мне наконец 10 оттисков, но и тех не послал». [2]

Весною следующего года статья «О народном образовании» была перепечатана во 2-м приложении к журналу «Гражданин» 1875 г., №№ 12—14; текст напечатан без всяких перемен, в два столбца, in-folio. Н. Н. Страхов, принимавший деятельное участие в этом журнале, писал Толстому 24 марта: «Мещерский 24 марта выпустил номер с продолжением Вашей статьи, вероятно половину. Он обещал 600 оттисков, которые и пришлет Вам. Я просил его переверстать и сделать брошюру маленького формата; он обещал сделать это, если цензура ничего не выбросит». [3] Действительно, статья «О народном образовании» была переверстана с набора «Гражданина» в виде небольшой брошюры (in-16) в 92 страницы, с цензурной пометой — 4 апреля 1875 г. Толстой сам интересовался распространением этой брошюры. В начале сентября он писал о ней Н. М. Нагорнову, мужу своей племянницы, который в это время исполнял в Москве его поручения, в связи с изданием Азбуки: «Страхов привезет в Москву 300 экз[емпляров] отдельной брошюркой изданную статью «О нар[одном] образ[овании]. Ее надо раздать по книж[ным] маг[азинам]». В следующем письме, в середине сентября, Толстой пишет ему же: «Брошюрку, которая у Соловьева уже давно, раздайте по хорошим книгопр[одавцам], и расходится ли она?» 26 октября он снова напоминает Нагорнову: «Брошюрку я желал бы, чтобы продавали просто по всем книжным лавкам по 15 коп.» Наконец в ноябре того же года он запрашивает Нагорнова: «Что брошюрка о Народ[ном] обр[азовании] и включили ли вы ее в объявление?» — т. е. в объявление об издании Азбуки. [4]

Значительно позднее статья «О народном образовании» была напечатана в 12-м томе «Собрания сочинений Л. Н. Толстого»: «Произведения последних годов» (1886), причем при новом печатании этой статьи было выброшено обращение к И. Н. Шатилову и все начало текста, до слов: «Я думаю, что каждый из нас...», а также произведены значительные сокращения во многих других местах; все эти сокращения коснулись однако только одного вопроса о результатах педагогического опыта, произведенного в одной московской фабричной школе, по двум различным методам, для определения лучшего способа обучения детей грамоте. Можно предположить, что эти сокращения были произведены,

[1] Подлинник в АТБ.
[2] ПС, стр. 53.
[3] Там же, стр. 61.
[4] Не опубликовано; рукопись хранится в АТБ.

вероятно, с согласия самого Толстого Н. Н. Страховым, который в середине июля прогостил несколько дней в Ясной поляне, где как раз в это время возник вопрос о новом издании собрания сочинений Л. Н. Толстого, в том числе и произведений последних годов. Уже и ранее Страхов принимал деятельное участие в издании «Азбуки» (1872 г.) и 3-го «Собрания сочинений Л. Н. Толстого» (1873 г.), как это видно из их переписки того времени. Поэтому естественно, что к нему же обратился Толстой и относительно издания произведений последних годов. 21 июля Страхов, вернувшись из Ясной поляны, писал ему: «Благополучно добрался до Петербурга и принялся за свои работы, которые теперь в полном ходу. Едва ли много монахов, которые жили бы так уединенно, как я теперь. Никого нет в городе, и я по целым дням один в своей квартире. Начал выправлять 12-й том, и дня через два пошлю Графине [1] первые листы. Дело пойдет скоро, и непременно — я теперь вижу, и прошу Вас передать это Софье Андреевне». [2]

При печатании статьи Толстого «О народном образовании» в издании «Произведений последних годов» издателями (вероятно, Страховым) было внизу, перед текстом, напечатано примечание: «Статья эта, напечатанная в 1875 [3] году в «Отечественных записках» и не вошедшая в прежние издания полного собрания сочинений гр. Л. Н. Толстого, была, по недосмотру, пропущена при печатании IV части настоящего издания, куда она по содержанию относится. И потому помещается в последней, XII части, Издат.» [4] Начиная со следующего, 5-го издания сочинений Л. Н. Толстого, статья «О народном образовании» стала печататься в 4-м томе его произведений, в который вошли его педагогические статьи.

В настоящем издании статья «О народном образовании» печатается по тексту «Отечественных записок», так как окончательной редакции текста ее не сохранилось, так же как не сохранилось и корректурных гранок, с которых производился набор этой статьи для журнала. Повидимому, сам Толстой не держал этой корректуры и поручил это дело кому-нибудь (вернее всего, Страхову); некоторый намек на это мы видим в письме Некрасова к Толстому от начала сентября 1874 г.: «Корректуру пошлю кому укажете». [5] Ошибки, вошедшие в журнальный текст статьи, мы исправляем ниже по автографическим текстам Толстого:

Стр. 84, строка 18 сн.

Вместо: ответы в *«Отеч. записках»:* ответов

Стр. 89, строка 17 св.

Вместо: проходилось *в «Отеч. записках»:* приходилось

Стр. 96, строка 3 св.

Вместо: Денцель *в «Отеч. записках»:* Деншь *В автографе Толстого ошибочная описка:* Генцель

---

[1] Софье Андреевне Толстой, которой Лев Николаевич в это время предоставил издание своих сочинений.

[2] ПС, стр. 334.

[3] Ошибка в датировке статьи; следует: 1874.

[4] Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть двенадцатая. Произведения последних годов. М. 1886. Стр. 521—597.

[5] См. выше, стр. 608.

Стр. 100, строка 7 св.

Вместо: сядет *в «Отеч. записках»:* сядем

Стр. 115, строка 8 св.

Вместо: Тросны *в «Отеч. записках»:* Троены

Стр. 117, строка 14 сн.

Вместо: дешевенького *в «Отеч. записках»:* дешевенскаго

Стр. 130, строка 1 св.

Вместо: он дает *в «Отеч. записках»:* они дают

Стр. 150, строка 1 св.

Вместо: $^2/_3$ которых *в «Отеч. записках»:* $^2/_3$ которые

Считаем необходимым включить в наш комментарий некоторые объяснительные примечания к статье «О народном образовании».

Звуковой метод обучения грамоте состоит в том, что дети и вообще неграмотные люди при обучении грамоте приучаются выделять отдельные звуки из слогов (звуковой анализ), а затем сливать их вместе для произнесения целого слова (синтез). Этот метод резко отличается от старого звукослагательного способа («чтения по складам»), при котором к каждой отдельной букве присоединяются другие буквы, не имеющие к ней никакой органической связи, и таким образом получаются так назыв. «склады» (буки-аз — ба, веди-аз — ва и т. д.), а затем эти прибавленные и ненужные буквы снова откидываются при их слиянии с целым словом. Звуковой метод впервые был введен в Германии в начале XIX века немецким педагогом Стефани, членом баварского школьного совета; в России же он получил известность в конце 1850 гг., причем его усвоению в русской школе особенно содействовали представители новой педагогической мысли, В. А. Золотов, бар. Н. А. Корф, К. Д. Ушинский, Ф. Ф. Резенер и многие другие.

Петр Васильевич Морозов — учитель Яснополянской школы. Подробнее о нем см. в 8 томе настоящего издания.

Толстой в своей статье о методах обучения грамоте нападал преимущественно на педагога-писателя Н. Ф. Бунакова, как видного представителя звукового способа. Резкие нападки Толстого вызвали со стороны Бунакова ответ в форме «Письма к редактору *Семьи и школы*», написанную с заметным раздражением. Однако, впоследствии Бунаков сам признавал справедливость многих замечаний Толстого в его статье «О народном образовании», которая вообще произвела большое впечатление среди читателей, интересующихся вопросами народного образования, и заставила многих педагогов отрезвиться от господствовавшего крайнего увлечения новыми методическими приемами (см. статью В. Латышева о Н. Ф. Бунакове в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, том 5, Спб. 1897. Стр. 369—372).

Грубе Август-Вильгельм в своей книге «Руководство для обучения счету в низших школах» («Leitfaden für das Rechnen in der Elementarschule», 1842), внес особый прием для обучения детей основным началам арифметики, прием, основанный на изучении свойств чисел первой сотни, от 1 до 100. В России метод Грубе применяли в своем преподавании Евтушевский, Паульсон, Воленс и многие другие русские педагоги. Но Толстой уже в 1862 г., в августовской книжке журнала

«Ясная поляна», в статье: «Об общественной деятельности на поприще народного просвещения», выступил с резкой критикой против метода Грубе и его русских последователей (см. 8-й том настоящего издания).

Денцель, Бергард, немецкий педагог, в своих педагогических сочинениях особенно отстаивавший метод наглядного обучения. В яснополянской библиотеке сохранилась его книга: «Denzel's Entwurf des Anschauungsunterrichts» («Очерк наглядного обучения Денцеля», 1850), о которой Толстой неоднократно упоминает в своих статьях.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ СТАТЬИ «О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ».

Подлинник, с которого производился набор статьи «О народном образовании», не сохранился, но сохранились две рукописи, относящиеся к этой статье.

1) Первая, черновая рукопись *А*, автограф Толстого, представляет собой первую редакцию текста статьи «О народном образовании». Рукопись написана на тонкой, графленой почтовой бумаге большого формата (21×26 сант.), без фабричного клейма и водяных знаков. Она занимает 21 лист (20 лл. + 1 листок in 8° такой же бумаги, вложенный между лл. 4—5). Между лл. 7—8 есть пропуск, вследствие утери двух листов текста, *от слов:* «произвольно сообщается имъ ни на чемъ...» *до слов:* «Ребенокъ не можетъ и не хочетъ...». Такой же пропуск между лл. 12—13, *от слов:* «вызвалъ звуковой методъ»; *до слов:* «Бун[аковъ] стр. 10 со слов:» На обороте л. 17 после слов «азбука г-жи Дараган» написано следующее замечание, не вошедшее в печатный текст: «(долженъ замѣтить, что это вовсе недурная азбука)». Текст писан на обеих сторонах листа, очень крупным, размашистым почерком, с помарками, поправками и дополнениями автора, сравнительно немногочисленными. Полей нет, но с левой стороны текста оставлены очень небольшие отступы, для внесения мелких вставок. Чернила довольно темные. Авторская пагинация имеется лишь на лл. 1—6, дальше идет только пагинация музейная.

Текст написан в форме письма к председателю Московского Комитета грамотности, И. Н. Шатилову. Начало: «Милостивый государь, Іосифъ Николаевичъ! Постараюсь исполнить...»; конец: «...наши попытки образовывать [1] направлять и учить его. Гр. Л. Толстой. 13 Мая».

2) Вторая рукопись *Б* представляет собой копию, начисто переписанную с первой рукописи. Копия эта писана неизвестной, повидимому, женской рукою, четким, каллиграфическим почерком, на той же тонкой почтовой бумаге большого формата, как и ркп. *А*. Всего в рукописи 52 листа, причем копия переписчика занимает 34 листа, представляющих вторую редакцию Толстовского оригинала, с многочисленными поправками и дополнениями автора, а остальные 18 листов заключают в себе весьма значительные вставки, написанные самим автором на отдельных листах и листочках на бумаге различного качества и размера.

Копия переписчика занимает лл. 1—4; 7—13; 16; 17 verso; 23—26; 27—28; 32, 34, 36, 37, 51—52. С правой стороны листа оставлены не-

[1] *В подлиннике:* образываветь

большие поля (ок. $^1/_3$ страницы). Текст писан на обеих сторонах листа. Авторская пагинация не вполне выдержана, и последовательность текста подверглась значительным изменениям, вызванным тем, что, в одних случаях, в текст рукописи были внесены автором новые страницы, а в других случаях — перенесены им целиком некоторые листы текста с одного места на другое (см. лл. 29—31, 30—37).Кроме основной копии, в рукописи имеются вторые экземпляры, снятые переписчиком с первой копии, с поправками автора: лл. 5—6, 14—15, 21—22. Напротив того, 5 листов копии утеряны, именно между лл. 26—27 *от слов:* «это былъ способъ самый» *до слов:* «и несомнѣнно что надо»; однако, текст легко можно восстановить по ркп. *А*. В копии имеются помарки, поправки и дополнения, сделанные рукою автора между строк и на полях; эти дополнения местами довольно значительны, особенно в последних листах рукописи (лл. 31, 32, 34, 36). Но с другой стороны, во многих листах текст зачеркнут автором или целиком, или в значительной части (лл. 2 об., 4 об., 15, 22, 28, и об. 31 и об. 32 и об., 37 и об., 51). Сплошной текст копии кончается на л. 36 об. *на словах:* «...выучиваются ему сами»... Продолжение текста переходит на л. 51 recto, *от слов:* ⟨внѣ школы.⟩ *и до слов* ⟨... учащихся къ его преподаванію.⟩ От этих слов и до середины страницы весь текст копии, вместе с авторскими исправлениями и дополнениями на полях был зачеркнут, но затем снова восстановлен автором и целиком вошел в печатный текст.

Во многих местах копии переписчиком внесены в текст отдельные выдержки из книг Бунакова и Евтушевского, согласно отметкам Толстого, сделанным им в ркп. *А*.

Кроме копии, писанной рукою переписчика, в ркп. *Б* имеется значительное число отдельных вставок, писанных рукою самого автора на бумаге различного формата, качества и цвета; одни из них занимают целые страницы рукописи, а другие представляют собой небольшие обрывки бумаги. Перечислим эти вставки Толстого, с указанием их связи с основным текстом рукописи:

Л. 17 об. и л. 20 писаны на двойном листе тонкой графленой почтовой бумаги большого формата, такого же качества, как и в ркп. *А*. Эта вставка представляет собой продолжение текста копии переписчика (л. 17 об.), кончающегося словами: «требованіямъ здраваго смысла». Непосредственным продолжением текста является вставка, писанная рукою автора, крупным размашистым почерком, и начинающаяся с середины л. 17 об. *словами:* «Въ теоретическомъ отношеніи...» до конца л. 20: «...трактуют о законах его». Дальнейшее продолжение текста л. 19 занимает четвертушка, вырванная из полулиста почтовой бумаги такого же качества, как в ркп. *А*. Текст писан рукою Толстого, на обеих сторонах листа, довольно крупным почерком, с помарками и поправками. *Начало:* «Я боюсь, что мнѣніе»... *конец (на обороте:)* «и жалко и гадко». Л. 18 об. — обрывок почтовой бумаги того же качества, написанный мелким, но разборчивым почерком. *Начало:* «Такимъ мнѣ представляется...»: *конец:* «...обученіе Русскихъ дѣтей». На обороте несколько строк текста, зачеркнутых рукою Толстого. — Авторские вставки (лл. 18 и 19), представляющие собой продолжение текста л. 20, имеют соответствующие сноски (крестик с кружком). Л. 20 об. пустой. Весь текст лл.

17—20, со вставками Толстого внесен переписчиком во вторую чистовую копию (лл. 21—22), в которую автор снова внес некоторые изменения.

Л. 33 — полулист небрежно оторванный от листа почтовой бумаги такого же качества. Текст Толстого написан очень крупным почерком, почти без помарок. *Начало:* «... совершенно правъ.» относится к л. 32 об. (на полях): «Я думаю, что народъ...» *конец вставки:* «отъ своего основнаго критеріума».

Л. 35 — полулист почтовой бумаги такого же качества. Текст написан очень крупным почерком, почти без помарок. На обороте — алгебраические выкладки, писанные частью рукою Толстого (чернилами), частью чужою рукой (карандашом). *Начало:* «образованіе, ученіе,»; *конец:* «...принудительность, строгость, дисциплина.» — Последних двух слов в печатном тексте нет. В начале текста авторская сноска (крестик с кружком), отнесенная к л. 34. *к словам:* «вполнѣ показать этого».

Л. 38 — обрывок почтовой бумаги такого же качества, небрежно оторванный от полулиста. Текст писан рукою Толстого, очень крупным почерком и крест на-крест зачеркнут; однако, он снова восстановлен автором и целиком вошел в печатный текст статьи. Оборот чистый. *Начало:* «Этотъ разладъ съ дѣйствительностью...»; *конец:* «... уѣздовъ средней Россіи». Имеющаяся в тексте сноска (крестик с кружком) относится к л. 37, *к словам:* «... дошло до поражающаго безобразія».

Лл. 39—40 — двойной лист сероватой, довольно плотной писчей бумаги, без фабричного клейма и водяных знаков. Полей нет, но с левой стороны текста оставлены небольшие отступы. Текст написан на обеих сторонах листа, сжатым, но крупным почерком с значительными помарками и немногими поправками. Нижняя половина л. 40 небрежно оторвана; конец л. 40 recto зачеркнут, так же как и все продолжение текста на обороте листа. *Начало:* «Въ 1862 году въ участкѣ...»; *конец:* «...за исключеніемъ Іюля».

Лл. 41—42 — двойной лист писчей бумаги такого же качества. Текст писан на обеих сторонах листа сжатым, но крупным почерком, с помарками и поправками (впрочем, незначительными). Полей нет, но с левой стороны текста оставлены небольшие отступы. Начало: «Отрѣшившись отъ вопроса...»; конец: «...солдатъ, дьяконъ, Священникъ...» В л. 42 имеются три отдельные вставки, относящиеся к тексту л. 41; места ссылок точно означены автором.

Лл. 43—44 — двойной лист писчей бумаги такого же качества; бо́льшая половина л. 43 сверху небрежно оторвана; немного оторвана и помята также и верхняя часть л. 44. Текст писан крупным, но сжатым почерком; поправок и помарок мало. *Начало текста на л. 44:* «только бы былъ человѣкъ хорошій...»; *конец:* «чьи дѣти учатся». — В середину текста внесена небольшая вставка из л. 43 об., *от слов:* «Кромѣ того у большей части...» до слов: «самые вредные люди». Место вставки точно означено автором. Продолжение текста см. л. 45.

Л. 45 — полулист почтовой бумаги такого же качества. Текст писан крупным почерком: помарок и поправок мало. *Начало:* «Кажется излишне распространяться»...; *конец:* «...что онъ недоволенъ». Продолжение текста см. л. 46.

Л. 46 — полулист тонкой почтовой бумаги голубого цвета. Текст писан рыжеватыми чернилами менее крупным почерком, почти без помарок. *Начало:* «Слѣдуя своему правилу...»; *конец:* «... въ устройствѣ школъ». Продолжение текста см. л. 47. В конце текста, на обороте, между строками авторского оригинала, написаны неизвестной рукой отдельные слова: «Троиц... Крапивенскій».

Лл. 47—48 — двойной лист тонкой графленой почтовой бумаги большого формата (как и в ркп. *А*). Текст писан на обеих сторонах листа, крупным почерком с довольно многочисленными помарками и вставками, на полях (очень небольших) и между строк; вставки написаны очень мелким почерком. *Начало:* «...условій для успѣшнаго хода...»; *конец:* «... опредѣленную будущность».

Лл. 49—50 — двойной лист почтовой бумаги того же качества. Текст писан на обеих сторонах листа крупным почерком с довольно многочисленными помарками и вставками на полях, очень небольшими, и между строк; вставки писаны очень мелким почерком. *Начало:* «... условій для успѣшнаго хода...»; *конец:* опредѣленную будущность». Конец текста л. 50 об. зачеркнут. Продолжение его переходит на л. 51 копии переписчика, *от слов:* «Вижу, что желая...» текст кончается на л. 52 *словами:* «и учить его», *и подписью автора:* «20 Мая 1874 г. Гр. Л. Толстой».

Со второй редакции статьи «О народном образовании» (рукопись *В*) была снята новая копия, поступившая в типографию при печатании статьи, но эта наборная копия не сохранилась.

Из не вошедших в печатный текст мест статьи Толстого, зачеркнутых им в рукописи *Б*, отброшенных или измененных им по разным соображениям, наиболее интересные (лл. 7 об., 10 об., 12 об., 15, 22, 26 об., 28, 30, 31, 32, 32, 34, 36, 37, 39, 40 и 47) включены нами в число рукописных вариантов под №№ 1—16.

Кроме того в архиве Толстого сохранилось несколько небольших заметок, написанных им на отдельных листах или даже клочках бумаги, на которые он в краткой форме набросал различные мысли и соображения, использованные им затем в его работе над своей статьей. Эти заметки представляют собой беглые, отрывочные записи, сделанные автором наспех, для памяти, без заботы о внешней форме и синтаксической связи текста, вследствие чего они в некоторых местах с трудом поддаются прочтению. К числу этих заметок принадлежат следующие:

1) Автограф Толстого, занимающий полулист тонкой, графленой почтовой бумаги крупного формата, такого же качества, как и в рукописи письма к И. Н. Шатилову «О народном образовании». Бумага сильно помята. Текст писан на обеих сторонах листа; на л. recto оставлены широкие поля, использованные автором для отметок и дополнений: оборот писан без полей. Почерк очень крупный и размашистый, особенно на обороте листа. *Начало:* «4 Условія». 1) *Молодость учеников*».

Содержание представляет собой бегло набросанный конспект полемических возражений Толстого против постановлений экзаменационной комиссии, рассматривавшей результаты экзаменов двух «пробных» уроков, устроенных в Москве для определения лучшего способа обучения грамоте,

Этот конспект использован Толстым в начале его статьи «О народном образовании» (см. стр. 71—73).

К этому же конспекту относятся и два следующих отрывка:

2) Автограф Толстого, написанный на оторванном клочке тонкой почтовой бумаги, на которой писано и письмо к Шатилову, и таким же крупным и беглым почерком. Бумага сильно помята и порвана, отчего пострадал и самый текст рукописи. *Начало:* «4 условия вредные. 1) Молодость. Грудных не выучишь».

3) Автограф Толстого, писанный in-8° рыжими чернилами на желтоватой писчей бумаге, на обороте повестки со штемпелем: «Самара 15 фев. 1874». Почерк очень крупный и беглый. *Начало: «Недостатки опыта.* 1) Молодость учен. 2) Сосѣдство». *Конец записан отдельно на полях:* «Критеріумъ чему учить? родителей спроси. Как лучше учить? у учениковъ».

4) Автограф Толстого, писанный на листе, in-folio, сероватой писчей бумаги с клеймом фабрики Говарда. Текст писан на левом перегибе листа, со вставками на полях. Почерк крупный и размашистый; многочисленные сокращения в отдельных словах и целых выражениях, от которых оставлены лишь первые буквы, свидетельствуют о торопливости, с которой автор спешил удержать свою мысль, не заботясь о форме ее выражения. Последние пять строк текста, писанных на обороте листа настолько неразборчиво, что местами не поддаются прочтению. *Начало: представляющее собой продолжение текста, не дошедшее до нас:* «ученики они начинали все снова по системѣ». *Конец:* «и главное о развитіи». На обороте — алгебраическіе выкладки, писанные рукою Толстого. По своему содержанию набросок относится к полемике Толстого против звукового метода (см. стр. 95—108). К этому же отрывку относится и следующий:

5) Автограф Толстого, писанный на обороте отрывка № 2 и таким же крупным и размашистым почерком. По своему содержанию он относится также к полемике Толстого против звукового метода и отчасти использован им в предыдущем отрывке. *Начало: «Забитость. Не далась грамота.» Конец: после слов:* «Соединять эти понятія» *оторван и сохранилось только несколько несвязных слов.*

6) Автограф Толстого, написанный на клочке довольно плотной писчей бумаги, крупным, но очень сжатым и торопливым почерком, особенно в конце текста. По своему содержанию, он представляет собой полемику против увлечения некоторых новых педагогов (Бунаков) понятием «развитие». *Начало:* «а) послѣ I: Я знаю что...»

7) Автограф Толстого, оторванный от полулиста тонкой почтовой бумаги, какою писано и письмо к Шатилову. Бумага сильно помята и лист небрежно разорван пополам, вследствие чего от текста сохранились только отдельные слова и выражения, лишенные общей связи. Почерк очень крупный и торопливый. *Начало:* «Мой пріемъ имѣетъ... онъ народенъ»... *Конец (на обороте):* «Рутина великое дѣло... я говорилъ о своемъ...»

8) Автограф Толстого — помятый и порванный клочек тонкой почтовой бумаги. Текст писан на обороте письма неизвестного лица по поводу имения Л. Н. Толстого с. Никольское-Вяземское Чернского уезда. *Начало:* «Я боюсь ч[то] публика относится...»

Все рукописи хранятся в АТБ *(Папка XVI).*

«СКАЗКА»

Публикуемый отрывок представляет единственный в творчестве Толстого (если не считать уже опубликованного [1] наброска: «Из апрельского номера» Русской старины «2085 года») образец памфлета. Отрывок остался неоконченным. Предполагаемое содержание его видно из следующих замечаний планового характера, написанных на полях рукописи.

Разговоръ съ ученымъ. Мы никогда не узнаемъ. Такъ что провести время. Покраснѣлъ, разозлился. Разговоръ съ мужикомъ. Такъ порядки. Разговоръ съ эпикурейцемъ. Разговоръ съ матерью. Разговоръ съ священникомъ. Разговоръ съ богачемъ. Разговоръ съ общественнымъ дѣятелемъ. Разговоръ о собственности мнимой, бумажка.

Религія-прогрессъ.

Какой-же смыслъ.

Отрывок относится, повидимому, к 1873 году, потому что в той же тетради (с обратной стороны) находятся разного рода заметки Толстого, датированные 5 ноября — 28 декабря 1873 г. Сшитая тетрадь, заключающая всего 6 листов, 4°, из которых 2 листа не заполнены, хранится в ГТМ. «Сказка» занимает лист 1 и лицевую стороны листа 2.

---

[1] См. Лев Толстой, «Неизданные тексты», редакция Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева, изд. «Academia», М.—Л. 1933, стр. 29—30.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ МУЧЕНИКА ЮСТИНА ФИЛОСОФА.

В свою «Азбуку» Толстой включил несколько небольших статеек из житий святых («О Филагрии монахе», «О дровосеке Мурине», «Житие преподобного Сергия Радонежского» и др.). В связи с этим у него явилась мысль заняться изданием отдельных книжек для народного чтения житийного характера. В ноябре 1874 г. он писал П. Д. Голохвастову: «Вы говорили, что Леонид знаток житий и готов помочь составлению чтения для народа. Не будет ли он так милостив составить список наилучших, наинароднейших житий из Макарьевских, Дмитрия Ростовского и Патерика. Я хочу попытаться не переделать, а выбрать для народного чтения и издать». Несколько дней спустя он пишет уже самому Леониду: «П. Д. Голохвастов сообщил мне радостное известие, что дело составления для народа книги чтения, составленной из избранных житий, не только одобрено вами, но что вы не отказываетесь даже в своем личном содействии этому делу. Постараюсь при первом досуге воспользоваться вашим разрешением побывать у вас и переговорить подробно обо всем, теперь же мне хочется как сумею, изложить мой взгляд на это дело и вызвать ваше, так высоко ценимое мною мнение о нем. В предполагаемой мною книге (или ряде книг) я разделяю две стороны: форму — язык, размер (т. е. краткость или длину) и содержание — внутреннее, т. е. нравственно-религиозные основы, и внешнее, т. е. описываемые события... 1) По языку, я думаю, надо начать с Макарьевских житий в роде ⟨Евлогия⟩ тех, которые напечатаны в моей азбуке, и 2) по размеру самые краткие, переходя постепенно к более трудным по языку, до языка Дмитрия Ростовского, и по размеру до жития хоть Николая Чудотворца... Вообще по языку я предпочитаю простоту и удобопонятность, и сложный язык допускал бы только тогда, когда он живописен и красив, как он бывает часто у Дмитрия Ростовского». В свою очередь, архимандрит Леонид, бывший гвардейский офицер, впоследствии постригшийся в монахи в Оптиной пустыни, человек образованный, археолог, библиограф и писатель, отвечал Толстому письмом, в котором выражал свое сочувствие задуманному им делу издания народных книг, взятых из житий святых. Толстой отвечал ему (март — апрель 1875 г.): «Получив ваше письмо, я получил большое духовное наслаждение. Я читал выражения дорогих для меня взглядов на дорогое мне дело,

и выражение гораздо более высокое тех самых мыслей, которые смутно представлялись мне. Издание для народа избранных мест из нашей древней литературы и именно в тех больших размерах, как вы предполагаете, представляется мне таким важным и хорошим делом, что я непременно намерен посвятить на это дело те силы, знания и средства, которые могу. Я сам дам свой пай денежный на это дело и начал и буду собирать по вашему указанию людей для общества с целью такого издания. Самая большая трудность есть выбор и издание, т. е. сокращения и объяснения, если они нужны».

Однако широко задуманная Толстым работа не пошла, и от нее сохранился только небольшой отрывок: «Житие и страдание мученика Юстина философа». В своем письме к Леониду Толстой между прочим говорит о необходимости обратить особое внимание на язык и форму изложения предполагаемых народных книг, в смысле простоты и удобопонятности. Поэтому в сохранившемся отрывке он сам пытался вести изложение в духе народной речи, сбиваясь, однако, местами к церковно-славянским оборотам, вследствие чего получилась некоторая двойственность стиля, как напр.: «будучи остр разумом», «узнал их мудрование», «пожимши немного времени», «потому что де эти учения самые надобные», «надеючись постигнуть», «упражняясь в Богомыслии», «однова прохаживаясь одиношенек» и др. Повидимому, сам Толстой быстро почувствовал искусственность стиля, совершенно несвойственную его языку, и поэтому после первой же попытки он оставил «Житие Юстина философа» и более к нему не обращался. Только гораздо позднее, в 1885 г., в связи с возникновением издательства «Посредник», организованного специально для издания книг и брошюр для народного чтения, Толстой написал два небольших «жития»: «Страдания св. мученика Феодора» и «Страдания св. Петра, Андрея, Павла и Христины», но эти «жития» по языку и изложению носят совершенно другой характер, чем «Житие Юстина философа».

Отрывок «Житие и страдание мученика Юстина философа», автограф Толстого, занимает два неразрезанных полулиста писчей бумаги, вложенных один в другой; бумага Каменской фабрики, плохого качества. Всего в автографе $2^1/_2$ страницы, из коих исписаны страницы 1-я, 2-я и часть 3-й, остальные — чистые. Первые две страницы — без полей, на 3-й странице поля в $^1/_3$ стр. Почерк довольно крупный. Много мелких помарок, поправок и вставок, свидетельствующих о работе автора над стилистической отделкой его произведения. Поправки и вставки эти внесены в текст более мелким, мало разборчивым почерком. Заглавие: «Житіе и страданіе мученика Юстина философа».

Рукопись хранится в АТБ *(Папка VII)*.

Печатается впервые.

[РАЗГОВОР О НАУКЕ.]

Рукопись, автограф Толстого, занимает полный лист (in-folio) писчей бумаги, довольно плотной, без фабричного клейма и водяных знаков. Бумага сильно помята. На первом полулисте оторван сбоку клочек бумаги, отчего текст несколько пострадал; у второго листа текст надорван сверху. Исписано всего $2^1/_2$ страницы; на последней, 4-й странице внизу — какие-то арифметические выкладки. Полей не имеется.

Текст написан рыжими чернилами. Почерк крупный и размашистый и довольно разборчивый. Судя по общему впечатлению, рукопись написана автором сразу, за один присест, почти без помарок и переделок. Заглавия нет. *Начало:* «*4 Іюня.* Ник[олай] Николаевичъ былъ позванъ...» Рукопись вложена в обложку из полулиста писчей бумаги такого же качества. На первом листе этой обложки рукою Толстого очень крупным почерком написаны слова: «Началы философс... прогресс. Письма [?], а на обороте обложки: «Азбука 2-я».

Время написания рукописи можно отнести к первой половине 70-х годов, ко времени работы Толстого над «Азбукой» и «Анной Карениной». С одной стороны, некоторое указание для датировки рукописи дает упоминание «Азбуки» в обложке самой рукописи; с другой же стороны, идейное содержание этого отрывка имеет некоторое сходство с рассуждениями Константина Левина (в «Анне Карениной») и напоминает его манеру мыслить и выражаться, а вместе с тем отражает и взгляды самого Толстого на современную науку и его отрицательное отношение к идее прогресса; в частности, слова московского историка в «Разговоре о науке» напоминают рассуждения Кознышева об «исторических» народах, которые одни только имеют будущность («Анна Каренина», часть 3-я, глава III).

Отрывок: «Разговор о науке» впервые был напечатан в издании: «Лев Толстой. Неизданные художественные произведения», со вступительными статьями А. Е. Грузинского и В. Ф. Саводника, изд. «Федерация». М. 1928, стр. 255—259.

Рукопись хранится в АТБ. *(Папка XXX.)*

[ДВА ПУТНИКА.]

Отрывок «Два путника» — автограф Толстого, занимает две четвертушки, оторванные от полулиста сероватой писчей бумаги, фабрики Говарда (всего 4 страницы). Заглавия в рукописи не имеется и дано нами условно, согласно содержанию текста. Начало отрывка, *до слов:* «Сергѣй Васильевичъ Борсинъ» писано рукою Толстого; продолжение текста, *до слов:* «Оторванность жизни...» писано рукою Софьи Андреевны Толстой, вероятно, под диктовку мужа; наконец *от слов:* «Петровскій переворотъ и т. д.» до конца отрывка снова идет авторский текст, писанный рукою самого Толстого, крупным размашистым почерком, почти без помарок и дополнений. Полей нет, но вместо них с левой стороны страниц оставлены небольшие отступы. Отрывок писан рыжеватыми чернилами.

Никаких данных о времени написания этого отрывка не имеется; работа эта была брошена автором в самом начале и от нее не сохранилось дальнейших следов. Но по характеру содержания этого отрывка, его можно отнести к середине 70-х годов, к эпохе работы над «Анной Карениной», к которой, между прочим, мы относим и очерк: «Разговор о науке». В обоих отрывках упоминаются лица, связанные с кругом Московского университета. Одним из путников является магистр Московского университета, отправляющийся путешествовать по России пешком, в зипуне и мужицких сапогах, для изучения народного быта и русского народного духа, — подобно тому, как путешествовал по России писатель Якушкин, посетивший Толстого в Ясной поляне в мае 1862 года. — В лице другого путника, Серпова, повидимому, изображен Ник. Серг. Воейков. В юности он служил в кавалерии (гусаром), затем пошел в монахи, но и там не ужился, и оставил монастырь, отчасти вследствие своей склонности к спиртным напиткам; несмотря на свой уход из монастыря, он сохранил монашеское одеяние. Он вел скитальческий образ жизни, блуждая по разным местам России (и даже за границей), но иногда подолгу проживал в знакомых домах; между прочим, он довольно часто бывал и в Ясной поляне у Толстого, который относился с большой симпатией к этому красивому и оригинальному старику, несмотря на его склонность к спиртным напиткам и к постоянному вранью. По словам А. Б. Гольденвейзера, Толстой следующим образом отозвался о нем, в ответ на вопрос своей сестры Марии Николаевны, почему он никогда не опишет

Воейкова: «Бывают в жизни события и лица, как в природе картины, которых описать нельзя: они слишком исключительны и кажутся неправдоподобными. Воейков был таким. Диккенс таких описывал». К этим словам Гольденвейзер прибавляет: «Насколько мне известно, Лев Николаевич еще в пятидесятых годах думал изобразить Воейкова в одном из своих произведений».[1] В своем отрывке [«Два путника»] он и пытался ввести занимавшую его фигуру Воейкова, но затем отказался от этой попытки, признав ее в художественном отношении невозможной, как об этом он и сам говорил в своей беседе с сестрой, Марьей Николаевной.

Некоторые сведения о Воейкове мы находим в воспоминаниях Т. А. Кузминской[2] и в записках А. А. Фета.[3]

Рукопись отрывка «Два путника» хранится в ИРЛИ.

Впервые он был напечатан в издании «Последние художественные произведения Л. Н. Толстого». Изд. А. Л. Толстой, т. III, стр. 121—123.

---

[1] А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого», М. I, 1922, стр. 161.

[2] Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», ч. 2. М. 1927, стр. 92—93.

[3] А. Фет. «Мои воспоминания». 1848—1889. Часть I. М. 1890, стр. 295—296.

ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В КРЕМЛЕ.

Отрывок датируется началом мая 1878 г. на основании письма Льва Николаевича к Софье Андреевне от 30 апреля 1878 г. Письмо это было написано Толстым в первый день по приезде в Москву. Поездка имела несколько целей: свидание с декабристами для получения от них материалов для романа из эпохи декабристов, которым тогда был занят Толстой; переговоры с издателями о новом издании собраний его сочинений и, наконец, присутствие на прениях о вере старообрядцев с православными в Кремле около церквей. В указанном письме к Софье Андреевне Толстой писал: «Собрания раскольников не было».[1] Но, очевидно, оно состоялось в один из ближайших дней, и, вернувшись в Ясную поляну, Толстой начал печатаемый отрывок.

Что отрывок был написан именно в 1878 году, подтверждается и имеющимся в нем упоминанием о поздней пасхе: пасха в 1878 году была 17 апреля.

Споры старообрядцев с православными в Московском кремле на пасхальной неделе происходили с давних пор. По словам М. П. Погодина, в Кремле в 1850—1860-х гг. ежегодно происходили «жаркие словопрения о догматах веры и обо всех духовных предметах на паперти Успенского собора и около прочих церквей в Кремле». Погодин посещал эти собрания несколько лет под ряд; часто в них принимал участие и Хомяков.[2]

Толстой в своем неоконченном рассказе в реальную жизненную обстановку ввел несколько эпизодов, созданных его творческой фантазией. Таким эпизодом является введение А. С. Хомякова в число полемистов. С широко известным в свое время одним из вождей славянофильства, поэтом, историком и богословом Алексеем Степановичем Хомяковым Толстой был хорошо знаком и неоднократно виделся с ним в Москве в 1856—1859 гг., о чем свидетельствуют записи его Дневника этих лет. 4 февраля 1859 г. в заседании Общества любителей российской словесности, председателем которого состоял тогда А. С. Хомяков, Толстой, избранный членом Общества, произнес речь (см. т. 5) и выслушал ответную речь Хомякова.

---

[1] Письмо напечатано без даты и без № в «Письмах гр. Л. Н. Толстого к жене». М. 1913, стр. 115.

[2] Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XVI, стр. 487.

В 1878 году, когда написан комментируемый отрывок, Хомяков был давно уже в могиле (он умер в 1860 году). Но Толстой, быть может, от самого Хомякова слышавший о его выступлениях в спорах с старообрядцами, ввел его в число действующих лиц своего рассказа, как яркого представителя определенных религиозных воззрений.

Другое, названное по имени действующее лицо рассказа — отец Пафнутий. Существовал старообрядческий епископ в Казани Пафнутий Шикин, умерший в 1890 году. Подобно изображенному в рассказе Толстого Пафнутию, он бывал за границей; он был человек умеренных взглядов и не питал непримиримой вражды к православной церкви; но, конечно, совершенно невозможно себе представить, чтобы он выступал публично против старообрядчества. Таким образом нельзя установить тождество толстовского Пафнутия с действительным лицом, носившим то же имя.

В 1877—1878 гг. Толстой переживал самый острый период своих религиозных исканий. Он интересовался всеми религиозными течениями, в том числе и расколом. 16 марта 1878 г. он просил Страхова в письме к нему прислать сочинения «попа раскольника Аввакума и раскольничьего, что есть, но не обработанного, а сырого материала».[1] Изучал он и богословские сочинения Хомякова, о чем есть упоминание в «Анне Карениной» (часть восьмая, гл. IX), а позднее — в «Исповеди» и «Исследовании Догматического богословия».

Очевидно, под формой изображения народного собрания в Кремле, Толстой хотел изложить свои религиозные взгляды. Отрывок, следовательно, подходит по форме к другому, печатаемому в этом же томе и также незаконченному произведению — «Собеседники», также имеющему целью в форме диалогов разных лиц изложить глубоко волновавшие в то время Толстого вопросы.

Отрывок заглавия не имеет, озаглавливаем его по содержанию «Прения о вере в Кремле».

Рукопись хранится в Архиве В. Г. Черткова в ГТМ (папка 103, № 4). Содержит 6 лл. 4° с отогнутыми полями. Исписаны первые 4 лл. с обеих сторон и несколько строк в начале л. 9. Лист 6 не заполнен. Рукопись нумерована автором по сложенным пополам полулистам писчей бумаги цыфрами 1 и 2. Весь текст написан целиком рукою автора с рядом исправлений.

Судя по тому, что в начале рассказа проставлена первая глава, очевидно, что по замыслу автора рассказ должен был заключать несколько глав.

Отрывок публикуется впервые.

---

[1] ПС, стр. 155.

РОМАНЫ ИЗ ЭПОХИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XIX В.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ РОМАНОВ.

За 1870-ые годы не имеется дневников Толстого, по которым можно было бы проследить творческую историю его произведений этого времени. Тем не менее об истории его работ над историческими романами имеются данные, которые можно почерпнуть как из дневника С. А. Толстой «Мои записи разные для справок», так и из записных книжек Толстого, а равно из переписки Толстого с целым рядом лиц. Первое упоминание о новых исторических работах после завершения «Войны и мира» мы имеем у С. А. Толстой, которая записала под 15 февраля 1870 г.: «Нынче утром Л. завзал меня в кабинет, когда я проходила мимо, и говорил много об русской истории и исторических лицах. Я застала его за чтением истории Петра Великого Устрялова. Типы Петра Великого и Меншикова очень его интересуют. О Меншикове он говорил, что чисто русский и сильный характер, только и мог быть такой из мужиков. Про Петра Великого говорил, что он был орудием своего времени, что ему самому было мучительно, но он судьбою назначен был ввести Россию в сношения с Европейским миром. В истории он ищет сюжета для драмы и записывает, что ему кажется хорошо. Сегодня он записал сюжетом историю Мировича, хотевшего освободить Иоанна Антоновича из крепости. Вчера он сказал мне, что опять перестал думать о комедии, а думает о драме, и всё толкует: «как много работы вперед!» Запись сюжета о Мировиче не сохранилась. Согласно указанию С. А. Толстой видно, что первоначально Толстой думал облечь свое художественное произведение времен Петра в драматическую форму. Следующая запись С. А. Толстой от 24 февраля свидетельствует о том, что роман Толстым уже начат. «Наконец после долгих колебаний сегодня Л. приступил к работе. Вчера он сказал, что когда думает серьезно, тогда ему представляется не драматическое, а опять эпическое. На-днях он был у Фета, и тот сказал ему, что драматический не его род, и, кажется, теперь мысль о драме и комедии оставлена. Сейчас, утром, он написал своим частым по́черком целый лист кругом. Действие начинается в монастыре, где большое стечение народа и лица, которые потом будут главными». Упоминаемый С. А. Толстой отрывок сохранился (рукопись IX, вар. № 8), в нем описываются исторические события, происходившие в Троицкой лавре 7 сентября 1689 г. Вероятно, в ту же пору Толстым были

написаны и другие начала романа, связанные с событиями осени 1689 г. Пять различных вариантов этого цикла включают один характерный образ, который должен был выявить сущность исторического момента и весь ход дальнейших событий. Это — образ весов (терез), у которых один лоток с тяжелой гирей покоится на земле, а на другой незримой исторической рукой сыплятся зерна до тех пор, пока первый лоток вдруг не начнет подниматься вверх; этим Толстой хотел подчеркнуть, что историческая судьба незаметно вдруг сворачивает на новый путь, и наступает новая эра, каковой и было начало царствования Петра I. Исторический смысл этого сравнения роднит подход у Толстого к событиям конца XVII века с судьбой исторических событий в 1812 г. в его понимании. На страницах последней части «Войны и мира», по написанию довольно близко примыкающих к началу работ Толстого над эпохой Петра, мы имеем такое сравнение: «И тотчас же, так же верно, как начинают бить и играть в часах куранты, когда стрелка совершила полный круг, в высших сферах, соответственно существующему изменению сил, отразилось усиленное движение, шипение и игра курантов» (См. т. 12 настоящего издания, стр. 71).

Свой взгляд на эпоху преобразования, которой так усиленно занялся Толстой в 1870 г., он охарактеризовал следующим образом в своей «Записной книжке» под 2 апреля. «Петр, т. е. время Петра сделало великое необходимое дело, но, открыв себе путь к орудиям Европ. цивилизации, не нужно брать цивилизацию, а только ее орудия для развития своей цивилизации. Это и делает народ. Во времена Петра сила и истина были на стороне преобразователей, а защитники старины были пена-мираж». Эта последняя мысль легла в основание двух набросков романа (рукоп. XVI и XX), так и названных: «Старое и новое». Далее Толстой записал в своей Записной книжке: «Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут Европейцы — казаками. Народ казаками желает быть. Голицын при Софьи ходил в Крым, острамился, а от Палея просили пардона крымцы, и Азов взяли 4000 казаков и удержали. Тот Азов, который с таким трудом взял Петр и потерял. Как просто мы говорим теперь: как глупо было учреждение пытки. Пытка затемняла, а не открывала правду. Через... лет будут удивляться: как могли не понимать глупость учреждения присяжных и обвинителя и защитника! Это затемняло правду и была игра. Петр — охотник. Признаки: баб, детей, baby не любит, пышности не любит. Любит доходить сам». Под 4 апреля Толстой писал: «Читаю историю Соловьева. Всё по истории этой было безобразно в допетровской России: жестокость, грабеж, правеж, грубость, глупость, неуменье ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвел великое и единое государство?! Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю. Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормили хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья,

камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил чернобурых лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и ростил этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную? Кто сделал, что Богд[ан] Хмельницкий передался Р[усским], а не Т[атарам] и П[олякам]. Народ живет, и в числе отправлений народной жизни есть необходимость людей разоряющих, грабящих, роскошествующих и куражущихся. И это — правители, — несчастные, долженствующие отречься от всего человеческого». Следующая запись под 5 апреля выясняет те задачи художественной истории («истории — искусства»), установление которых должно было осветить ход исторических работ автору и определить теоретические предпосылки его писания в связи с новым замыслом художественного эпоса из эпохи Петра I. «История хочет описать жизнь народа — миллионов людей. Но тот, кто не только сам описывал, даже жизнь одного человека, но, хотя бы понял период жизни не только народа, но человека из описания, тот знает, как много для этого нужно. Нужно знание *всех* подробностей жизни, нужно искусство, дар художественности, нужна любовь. Кроме того, при величайшем искусстве нужно много и много написать, чтобы вполне мы поняли одного человека. Как же в 400-х печатных листах (самое многотомное историческое сочинение) описать жизнь 20 миллионов людей в продолжение 1000 лет, т. е. 20 000 000 × 1000. Не придется буквы на описание года жизни человека. Но и это не вся еще беда. Искусства нет, и не нужно, говорят, нужна наука. Не только подробностей всех о человеке нет. Но из миллионов людей об одном есть несколько недостоверных строчек и то противуречивых. Любви нет, и не нужно, говорят. Напротив, нужно доказывать прогресс, что прежде всё было хуже. Как же тут быть? А надо писать историю. Такие истории писали и пишут, и такие истории называются *наука*. Как же тут быть?! Остается одно: в необъятной и неизмеримой массе явлений прошедшей жизни не останавливаться ни на чем; а на тех редких, на необъятном пространстве отстоящих друг от друга, памятниках — вехах протягивать искусственным, ничего не выражающим, языком воздушные воображаемые линии, не прерывающиеся и на вехах. На это дело тоже нужно искусство: но искусство это состоит только во внешнем: в употреблении бесцветного языка и в сглаживании тех различий, которые существуют между живыми памятниками и своими вымыслами. Надо уничтожить живость редких памятников, доведя их до безличности своих предположений. Чтобы всё было ровно и гладко и чтобы никто не заметил, что под этой гладью ничего нет. Что же делать истории? Быть добросовестной. Браться описывать то, что она может описать, и то, что она знает — знает посредством искусства. Ибо история, долженствующая совокупить необъятное, есть высшее искусство. Как всякое искусство, первым усло ием истории должна быть ясность, простота, утвердительность, а не предположительность. Но зато *история-искусство* не имеет той связанности и невыполнимой цели, которую имеет история-наука. *История-искусство*, как и всякое искусство, идет не в ширь, а в глубь, и предмет ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужика в XVI веке. — »

Из приведенных записей следует, что в 1870 г.: 1) Толстым усиленно изучалась эпоха Петра (в особенности труды Устрялова и Соловьева, извлечения из которого, различным образом систематизированные, составляют целую пачку бумаг, сохранившихся в архиве); 2) Толстой сосредоточенно размышлял над общими историческими предпосылками эпохи и выяснял задачи своей предполагаемой «поэмы в прозе», как называла С. А. Толстая этот труд. Эти исторические размышления Толстого, перенесенные на другую эпоху, представляют собою продолжение рассуждений из области философии истории, которыми замыкается последний том «Войны и мира». Мысль о невозможности научно «описать жизнь не только человечества, но одного народа» («Война и мир» т. IV, настоящее издание — т. 12, стр. 296) явилась отправным пунктом для приведенной выше записи под 5 июня 1870 г. 3) Кроме этих подготовительных занятий Толстым за 1870 г. был написан ряд приступов из эпохи 1689 г. [1]

За 1871 г. мы не имеем свидетельств о продолжении работ над историческим романом. В это время Толстой был отвлечен изучением греческого языка и началом работ над «Азбукой».

Имеется лишь следующая запись С. А. Толстой под 27 марта 1871 г.: «Мечтает написать из древней русской жизни».

За 1872 г. и начало 1873 г. сохранились разнообразные сведения о занятиях Толстого над романом времен Петра, которые за данный промежуток времени развивались с наибольшей интенсивностью. У самого Толстого в его Записной книжке под 18 (16) января [2] мы находим следующую запись: «Гости угостили войска под Кожуховым. Лефорт. Posselt, II т. 213 и далее: стреляли и ранили». Эта запись позволяет приурочить к январю и следующим месяцам 1872 г. составление начал, относящихся ко времени Кожуховского похода (потешная война 1694 г.). Стр. 213 Поссельта начинается со слов: Der 4 October war der St. Franciscus-Tag, Lefort's Namensfest. Der Zaar und die Officiere der verschiedenen Truppenkörper waren bei ihm zum Mittagsessen versammelt. Срв. вариант № 14: В Кожухове, слышно было, гулял любимец царский Лефорт, Франц Иванович, и угощал на именинах царя и всех придворных. Срв. также вариант № 11. Эта группа «Кожуховского похода» состоит из восьми начал (№№ 10—16).

20 февраля Толстой писал А. А. Фету: «Я кончил свои Азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочинение, которое не только в письме, но и на словах едва ли расскажу, несмотря на то, что вы тот, кому можно рассказать». [3]

16 марта Толстой в досаде, что печатание Азбуки идет черепашьими шагами, жалуется Фету, что «Азбука моя не дает мне покоя для другого занятия».

О том, с каким интересом Толстой приступал к роману времен Петра, свидетельствует его письмо к гр. А. А. Толстой от марта того же года: «Теперь я начинаю новый, большой труд... Я теперь вообще чувствую себя отдохнувшим от прежнего труда и освободившимся совсем от влияния на

---

[1] См. об этом подробнее стр. 647—649.

[2] Год явствует из предшествующей записи Толстого в Записной книжке от 15 января 1872 г., тоже имеющей отношение к роману времен Петра.

[3] Л. Н. Толстой. Собрание сочинений, XVIII т., изд. Саблина, 1911, стр. 176.

себя своего сочинения [В. и м.?] и главное освобожденным от гордости, от похвал. Я берусь за работу с радостью, робостью и сомнениями, как и в первый раз». [1] Для своего романа помимо чтения исторических книг Толстой начинает привлекать новые материалы. В письме от 5 июня той же гр. А. А. Толстой Лев Николаевич пишет: «Надеюсь, что Илье Андреевичу лучше... Очень благодарен за его приписку. Сведения эти для меня очень важны, но хотелось бы знать их источник. Еще не знает ли он или вы чего-нибудь о наших предках Толстых, чего я не знаю. Мне помнится, граф Илья Андреевич собирал сведения. Если есть что написанное, не пришлет ли он мне. Самый темный для меня эпизод из жизни наших предков, это изгнание в Соловецком, где и умерли Петр и Иван. Кто жена Ивана (Прасковья Ивановна, рожд. Троекурова)? Когда и куда они вернулись? — Если бог даст, я нынешнее лето хочу съездить в Соловки. Там надеюсь узнать что-нибудь. Трогательно и важно то, что Иван не захотел вернуться, когда ему было возвращено это право. Вы говорите: время Петра не интересно, жестоко. Какое бы оно ни было, в нем начало всего. Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени, — в нем конец». [2] В соответствии с запросом к гр. А. А. Толстой мы находим следующие записи в черновых бумагах Толстого: «Что известно о Иване Андреиче Толстом. Можно ли его героем? и его племянника?» И далее: «Петр Толстой. Сослан в Соловец с сыном, там умер». Но как не состоялось поездки Толстого в Соловки, так мы не обнаруживаем никаких набросков об Иване Толстом. Лев Николаевич, очевидно, пришел к отрицательному выводу относительно возможности изобразить этого своего предка героем романа, но продолжал им интересоваться, о чем свидетельствуют такие поздние записи, как рукопись о Корнее Захаркине (№ XXVI), о которой речь впереди. А именно: в конце текста этой рукописи, поперек листа рукою Толстого написано: Въ 1720 гр. П[етръ] А[ндреевичъ] 75 лѣтъ. Гр. Ив[анъ] П[етровичъ] 35 л. Его жена, Праск. Ив. Троек[урова] 30 лѣтъ. Ея отецъ Ив. Ив. Троек[уровъ]. Его мать Настасья Ѳ. Троек. 70 лѣтъ.

Об упорном интересе Льва Николаевича к лицам своей родословной первой половины XVIII века свидетельствует кроме приведенного целый ряд документов, хранящихся ныне в ГТМ (по книге поступлений № 4523). Сюда относятся: поколенная роспись роду Толстых 1755 г. и сведения о Петре Андреевиче и сыне его, Иване Петровиче Толстых (на 10 лл.), выписки о Петре Андреевиче, касающиеся его имущественных дел (3 лл.) и справки в письме архивиста Николева от 23 марта 1879 г. со сведениями о Петре Андреевиче, о роде жены его, Соломониды Тимофеевны Дубровской, а также о П. П. Толстом. Но материалы о Толстых начала XVIII века не получили отражения в писаниях Толстого 1879 г., также мы не имеем ни одного наброска романа, где бы фигурировали Толстые, среди тех рукописей, которые можно отнести к 1872 г.

В работах Толстого этого года над историческими темами наступает перерыв. Толстой уезжает на хутор в Самарскую губернию, работает над

---

[1] ПТ, стр. 231.

[2] Там же, стр. 234.

арифметикой и занят печатанием «Азбуки». На осень 1872 г. падает значительное количество свидетельств о работе Толстого над романом времен Петра.

В письме к А. А. Фету от начала сентября 1872 г. Толстой пишет: «Пришла дурная погода и дух работы и тишины приближается и я ему радуюсь». Около 30 сентября Толстой писал Н. Н. Страхову: «Все эти последние дни насилу удерживал потребность начать свою настоящую работу. Теперь, благодаря вам, я могу начать и забыть про Азбуку». [1] (Страхов помогал Толстому при печатании Азбуки). В письме к А. А. Толстой, относящемся к октябрю 1872 г., Лев Николаевич сообщает: «... В последнее время, кончив свою Азбуку, я начал писать ту большую (я не люблю называть романом), о которой я давно мечтаю». [2] В начале ноября в письме А. А. Фету Толстой пишет: «Я прилаживаюсь всё писать, но не могу сказать, чтобы начал». [3] В неопубликованном письме С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 28 октября 1872 г. мы читаем: «Около 1-го ноября выйдет наша Азбука. Левочка уже начал новый роман, и очень весел и радуется будущему своему труду» (ГТМ). В письме Софьи Андреевны к Ст. Андр. Берсу от 19 ноября мы находим следующую картину занятий Толстого: «Левочка сидит, обложенный кучею книг, портретов, картин и нахмуренный читает, делает отметки, записывает. По вечерам, когда дети ложатся спать, рассказывает мнѣ свои планы и то, что он хочет писать; иногда разочаровывается, приходит в грустное отчаяние и думает, что ничего не выйдет, иногда совсем близок к тому, чтобы работать с большим увлечением; но до сих пор еще нельзя сказать, чтобы он писал, а только готовится. Выбрал он время Петра Великого». [4] Под 27 ноября в Записной книжке Толстого перечислены книги, освещающие эпоху Петра: «Голиков, Гордон, Устрялов, Пекарский, Посошков и Бантыш-Каменский». 30 ноября С. А. Толстая пишет своей сестре Т. А. Кузминской: «Теперь Левочка очень усердно работает над историей Петра Великого. Собирает материал, читает, пишет, ужасно трудится и хочет писать роман из этой эпохи. Мы ведем более, чем когда-либо уединенную и трудовую жизнь». Подлинник хранится в ГТМ. Не довольствуясь имеющимися материалами, Толстой 6 декабря запрашивает П. Д. Голохвастова о следующих книгах: «1) *Posselt.* 2) Жизнь Лефорта и анекдоты Штелина. 3) *Гордона дневник.* 4) *Забелин. Домашний быт русск. царей* и 5) *Забелин. Опыт изуч. русской древности.* 6) *Болотова.* 7) *Записки Щербатова.* 8) Котошихин. 9) *Олеариус.* 10) Вебер. 11) Кабинет П. В. 12) Записки Базевича. 13) *Путешествие по России англичанина.* Вот сколько мне нужно и у меня нет книг. Я и боюсь злоупотреблять вашей любезностью, да и очень мне хочется иметь эти книги. Те, которые я подчеркнул, мне особенно нужны. [5] В письме Толстого Н. Н. Страхову от

---

[1] Толстой. Собр. соч., XVIII т., изд. Саблина, стр. 187.

[2] ПТ, стр. 241.

[3] А. А. Фет, «Мои воспоминания», II, стр. 256. (Датировано неверно)

[4] С. А. Берс, «Воспоминания о Толстом», 1894, стр. 45.

[5] ПТСО, стр. 8—9. В архиве С. А. Толстой (ГТМ) сохранился счет книжного магазина И. Г. Соловьева от 4 декабря 1872 г. Из него явствует, что для своей работы над романом Толстым были приобретены следующие книги: 1) П. В. Туманский, «Собрание разных записок и сочинений служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого»,

17 декабря мы читаем: «До сих пор не работаю. Обложился книгами о Петре I и его времени, читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника. На что ни взглянешь, — всё задача, загадка, разгадка которой только и возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут. Мне даже кажется, что ничего не выйдет из моих приготовлений. Слишком уж долго я примериваюсь и слишком волнуюсь. Я не огорчусь, если ничего не выйдет». [1] Через день С. А. Толстая пишет брату: «Левочка всё читает из времен Петра Великого исторические книги. Записывает разные характеры, черты, быт народа и бояр, деятельность Петра и проч. Сам он не знает, что будет из его работы, но мне кажется, что он напишет опять подобную «Войне и миру» поэму в прозе, но из времен Петра Великого». [2] Эти записи Толстого, на которые указывает С. А. Толстая, сохранились, и соответствующие материалы печатаются в настоящем томе. [3]

Благодаря П. Д. Голохвастова за присланные им по запросу книги, Толстой пишет 12 января 1873 г.: «Мучаюсь, волнуюсь, ужасаюсь перед представляющимся, отчаиваюсь, обнадеживаюсь и склоняюсь к тому убеждению, что ничего, кроме муки, не выйдет». [4] В тот же день, 12 января, Толстой обращается за сведениями к своему знакомому В. К. Истомину, жившему в то время в Новочеркасске: «У меня к вам просьба. Вы живете недалеко от Азова. Может быть и сами бываете, а может быть знакомые ваши. Мне нужно вид — картину того места, где стояли войска и были военные действия при Петре. Мне нужно знать, какие берега Дона, Мертвого Донца, Кутерьмы там, где высоко, где низко. Есть ли горы, курганы. Есть ли кусты — чилига или что-нибудь подобное — какие травы? Есть ли ковыль? Какая дичь? Да и вообще течение Дона от Хопра, какой общий характер имеет, какие берега? Может быть есть книги об этом специальные, то назовите». И в приписке: «Да нет ли чего-нибудь мне неизвестного, местного об Азовских походах Петра». Хотя на письме помета адресата о получении письма 17 января 1872 года, считаем год проставленным ошибочно, что часто случается в начале нового года. [5] 16 января 1873 г. С. А. Толстая занесла в свою записную книжку: «Занят он теперь чтением материалов из истории времен Петра Великого. Его вдруг охватило какой-то бессознательной потребностью избрать себе умственную деятельность

тт. 1, 2, 3, 4, 7. 1787—1788. 2) «Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г.», Спб. 1840. 3) «Словарь достопамятных людей русской земли...», сост. Бантышом-Каменским. М. 1836. 4) «Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России, в царствование Петра Великого, с 1721—1725 гг.». Перевод с немецкого И. Аммона. 4 части. 1721—1725 гг. Изд. 2. М. 1863. (Сохранился в Яснополянской библиотеке со многими пометами Толстого). 5) «Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения». М. 1845. 6) «Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого (1672—1872)». Текст П. Н. Петрова и С. Н. Шубинского. Спб. 1872 и 7) «Современники и деятели императора Петра 1-го Великого». Исторический альбом портретов известных лиц. Составлен художником А. М. Лушевым. Спб. 1872.

[1] Толстой. Собр. соч., XVIII, стр. 193—194. Датировано неверно.

[2] Берс, «Воспоминания о Толстом», стр. 45.

[3] Стр. 414—444.

[4] ПТСО, стр. 10.

[5] Текст письма опубликован в «Литературной газете», 1935 г., № 64 (555).

именно из этого времени. Как это подкралось — было даже незаметно. Он записывает в разные записные книжечки всё, что может быть нужно для верного описания нравов, привычек, платья, жилья и всего, что касается обыденной жизни особенно народа и жителей вне двора и царя. А в других местах записывает всё, что приходит в голову касательно типов, движения, поэтических картин и проч. Эта работа мозаичная. Он вникает до таких подробностей, что вчера вернулся с охоты особенно рано и допытывался по разным материалам, не ошибка ли, что написано, будто высокие воротники носились при коротких кафтанах. Л. предполагает, что они носились при длинных верхних платьях, особенно у простонародья. Вечером мы читали вслух записки [в тексте пробел][1] о свадьбах и обычаях русских времен Алексея Михайловича. Левочка очень ценит и хвалит историю Устрялова, как труд вполне добросовестный».[2] Такого рода интерес к старинной одежде и обмундированию побудил Толстого обратиться с запросом о военной форме к А. А. Берсу. В недатированном ответе Берса читаем: «Посылаю тебе картинки, по которым можешь судить об мундирах того времени. Это картины пикинера, он с пикою, были же мушкатеры, они с ружьями, и у них перевязь от тесака через плечо; как видишь, брились, кто их брил, не узнал пока. Сапоги существовали и надевались взамен башмаков прямо на чулки, которые и торчали поверх голенищ сапог. Форма, как кажется, оставалась без перемены во всё время, как ты ее видишь на первом солдате преображенце, так она и [в] 1700-м г. такая же. Были плаши, я таковой видел в нашем музеуме; он короткий по колен, весь зеленый без всяких цветных петлиц и отметин и пуговиц, у горла широкий отложной ворот зеленый, такой же капюшон, но очень короткий и затем плащ без рукавов. Одно не мог пока узнать, принадлежал ли он всем солдатам или исключительно офицерам, всё это напишет тебе Петя [Берс], узнавши наверно и подробно у генерала Штейнгеля, директора военной хроники». (Хранится в АТБ.)

Толстой не удовольствовался книгами, присланными Голохвастовым по первому его запросу. 24 января 1873 г. он просит П. Д. Голохвастова о дополнительной присылке новых, нужных ему изданий: «Не успел отказаться от вашего предложения, как мне уже понадобились 3 книги. Справился с вашим предпоследним письмом — две из них там есть: Корба и Есипова «Раскольничьи дела». Если я вам не надоел, пришлите их, пожалуйста. Третья книга это — Кирилова «Статистика», о которой упоминает Устрялов. Если она есть в продаже, то, когда будете у Соловьева, возьмите у него на мой счет и пришлите мне, пожалуйста. Я уже дошел в своем изучении времени до той степени, что начинаешь вертеться в заколдованном кругу. С разных сторон повторяют одно и то же и знаешь откуда. Неужели только? С другой стороны я дошел до того периода, когда, начитавшись описаний того времени, всегда ложных, с пошлой европейской, героичной точки зрения, испытываешь одно биение на эту фальшь, и

---

[1] Вероятно А. Олеария: «Подробное писание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах». Срв. содержание книги III, гл. VI—IX.

[2] Дневники С. А. Толстой, I, стр. 34 и 35.

желая разорвать этот волшебный круг фальши, теряешь спокойствие и внимательность, которые так нужны. [1]

От собирания материала Толстой переходит к новым наброскам, и работа идет по двум направлениям. 31 января С. А. Толстая отмечает в своем дневнике: «Чтение материалов продолжается. Типы один перед другим возникают перед ним. Написано около 10 начал, и он все недоволен. Вчера говорил: «Машина вся готова, теперь ее привести в действие». [2]

Сведения об усиленных исторических занятиях Толстого проникли в печать того времени. В газете «Биржа» от 20 февраля 1873 г. читаем: «нам сообщают из достоверных источников, что граф Л. Н. Толстой, автор романа «Война и мир», занят в настоящее время собиранием исторических материалов для нового романа с широко-задуманным планом, из времен императора Петра Великого. Героем романа будет державный преобразователь России. До настоящего времени более двух третей материала уже собраны, а равно и написаны первые главы романа». Эта информация была перепечатана «Петербургскими ведомостями» в № 51 от 21 февраля того же года.

23 февраля С. А. Толстая писала С. А. Берсу: «Лёвочка всё читает и пытается писать, а иногда жалуется, что вдохновения нет, а иногда говорит, что недостаточно подготовлен, и всё больше и больше читает материалы из времен Петра Великого». [3] Работал Толстой с большим усилием, но дело шло туго. Он жалуется А. А. Толстой 1 марта: «Работа моя идет дурно», а А. А. Фету так: «Работа моя не двигается; но я не очень этим огорчаюсь». [4]

Вскоре наступила остановка. Внезапно на смену «Петру» возник усиленный интерес к «Анне Карениной». Под 19 марта С. А. Толстая записала: «Вчера вечером Л. мне вдруг говорит: «А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо». Думая, что это новая попытка писать из времен Петра Великого, я не обратила большого внимания. Но потом я узнала, что начал он писать роман из жизни частной и современной эпохи». [5] На следующий день С. А. Толстая так описала сестре эту внезапную перемену: «Вчера Лёвочка вдруг начал неожиданно писать роман из современной жизни. Сюжет романа неверная жена и вся драма, происшедшая от этого. Я этому рада, ты тоже, верно, будешь рада. А все лица из времен Петра Вел. у него готовы, одеты, наряжены, посажены на своих местах, но еще не дышат. Я это ему вчера сказала и он согласился, что правда. Может быть и они еще задвигаются и начнут жить, но еще не теперь». [6] Сразу увлекший Толстого сюжет «Анны Карениной» задержал на время работу над романом времен Петра, отодвинул ее в сторону, но не остановил окончательно.

Исследователи до сих пор полагали, что в начале 1870-х годов работа Толстого над эпохой Петра и кончилась. Еще С. А. Берс в своих воспоминаниях писал: «Летом 1873 года Лев Николаевич прекратил изучение этой

---

[1] ПТСО, стр. 10—11.
[2] Дневник С. А. Толстой, I, стр. 35.
[3] Берс, стр. 45.
[4] Письмо от 18 марта. Фет, «Мои воспоминания», II, стр. 268.
[5] Дневники С. А. Толстой, т. I, стр. 35.
[6] Неопубликованное письмо от 20 марта 1873 г.

эпохи». [1] Вслед за ним и П. И. Бирюков в своей биографии заключает: «Л. Н. написал несколько начал, но всеми был недоволен и принужден был наконец оставить эту работу». [2] Очень категорично у А. Е. Грузинского: «Можно предположить с уверенностью, что почти всё, что вообще Толстой успел изложить на бумагу из романа, было сделано в данную зиму 1872—1873 гг.» [3] И в другом месте: «Работы над «Петром» остановились как-то сразу в марте 1873 г.». [4] Также у В. И. Срезневского: «По мере изучения эпохи, постепенно он совершенно разочаровался в личности Петра..... В середине марта 1873 г. его захватил другой замысел». [5] Лишь Б. Л. Модзалевский совершенно правильно указывает в одном примечании к письмам Толстого и Н. Н. Страхова: «...эпохи Петра Великого, которою [Толстой] занят был в 1873 г. и которою не переставал заниматься в 1879 г.». [6]

Благодаря «Анне Карениной» образуется значительный перерыв в работах Толстого над «Петром». В связи с этим можно отличать два периода работ Толстого над историческим романом: 1870—1873 гг. и с 1877 по 1879 г. Перерыв, образуемый «Анной Карениной», дает некоторые вехи и в смысле хронологии написания отдельных отрывков. Так, с несомненностью можно сказать, что вариант № 7 (рукоп. № VIII), в которой четвертый абзац начинается с фразы: «Всё смешалось в царской семье», — написан до приступа к работам над «Анной Карениной». Эта фраза, стилистически родственная классическому началу «Анны Карениной»: «Всё смешалось в доме Облонских», могла быть написана только до первой главы «Анны Карениной», ибо из *напечатанного* текста Толстой не мог бы перенести эту форму начала в другое произведение. Дальнейшая работа Толстого над «Петром» сопровождалась не менее усидчивым чтением материалов по этой эпохе. Такие фундаментальные произведения, как «Дневник Корба», «Раскольничьи дела» Есипова и «Статистика Кириллова», могли быть присланы Толстому по его запросу не ранее февраля 1873 г. В Яснополянской библиотеке сохранились книги Кириллова и Есипова. Книга Есипова испещрена многочисленными отметками Толстого, а Корб почти сплошь использован в выписках, сделанных на отдельных листках (они напечатаны в настоящем томе, стр. 414—444). Имея в виду, что раскольничьими делами Толстой интересовался по преимуществу в конце 1870-ых гг., следует думать, что изучение книги Есипова не может быть отнесено лишь ко времени до середины марта 1873 г.

В том самом письме к Голохвастову, в котором Толстой запрашивал его о перечисленных книгах, он писал также: «Есть у меня еще надежда на родословные. Не знаете, нет ли чего в этом роде? В особенности Шереметевы и Апраксины». В ответном неопубликованном письме от 27 января 1873 г. Голохвастов указывает Толстому, что Шереметевы имеются

---

[1] Берс, стр. 45.
[2] Б, 2, стр. 203.
[3] «Новый мир», 1925, стр. 27.
[4] Там же, стр. 36.
[5] Л. Толстой. Полное собрание художественных произведений, III. Л — М. 1929, стр. 534.
[6] ПС, 2, стр. 215

во второй части, так называемой, бархатной книги. На ряду с этим Голохвастов упоминает также родословную книгу, составленную П. Долгоруковым. Эту родословную книгу Толстой себе приобрел. Примечательно, что в январе 1874 г. в письме к П. И. Бартеневу Толстой сообщает о передаче через книгопродавца Соловьева 10 рублей, «так как я Родословную книгу желаю удержать». Следовательно, когда уже работа над «Анной Карениной» была в разгаре, Толстой продолжал накапливать у себя материалы, связанные с его работой над эпохой Петра I.

С 1877 г. мы имеем ряд свидетельств о продолжении работ Толстого над его историческим романом времен Петра I. В начале года Толстой закончил свою работу над «Анной Карениной», а летом этого же года он вновь проредактировал весь роман для отдельного издания.

В Записной книжке, начинающейся с записей, касающихся «Первой книги для Чтения» и «Азбуки» (хранится в ГТМ, инвент. номер 93) под 8 мая 1877 г. Толстой записал: «К следующему после Анны Карениной. Мужики. Ладят сохи, бороны покупают. Загнуть. Пашут, первая пахота, сыро. Жеребята, махая хвостами, на тонких ногах бегают за сохами. Выросла трава. Поехали в ночное бабы за травой. Циплята» и т. д.

Эти записи намечают тему из крестьянской жизни. По содержанию эта схематичная наметка совершенно недифференцирована и может быть сопоставлена, как с «Декабристами» (вариант № 16), так и с романом XVIII века. Первый абзац соответствует картине, данной в варианте «Декабристов». Слова: «Поехали в ночное» можно сопоставить с замыслом «Корнея Захаркина» цикла исторических романов XVIII—XIX вв. Во всяком случае, можно сказать, что по окончании «Анны Карениной» вновь всплывают оба замысла исторических романов. Следующее свидетельство уже определенно относится к роману XVIII века. Под 25 октября 1877 г. С. А. Толстая записала о Толстом: «Сегодня он мне говорил: «А эта пословица, которую я прочел вчера, мне очень нравится: *«Один сын не сын, два сына — пол сына, а три сына — сын»*. Вот для моего начала эпиграф. У меня будет старик, у которого будет три сына. Одного отдали в солдаты, другой так себе, дома, а третий, любимец отца, выучивается грамоте и смотрит вон из мужицкого быта, что больно старику. И вот она, семейная драма, в душе зажиточного мужика для начала». Потом, кажется, этот выучившийся сын-мужик придет в столкновение с людьми другого образованного круга, и потом ряд событий. Во второй части, как говорит Л. Н., будет переселение, русский Робинзон, который сядет на новые земли (Самарские степи) и начнет там новую жизнь с самого начала мелких, необходимых, человеческих потребностей. «Крестьянский быт мне особенно труден и интересен, а как только я описываю свой — тут я как дома», говорит Л. Н.»[1] Запись эта относится к новому циклу начал романа из времен Петра, в которых изображается уже крестьянская среда, живущая неясными толками о пришествии антихриста в лице Петра и о «подменном» царе. Приурочено действие к 1723 г., — к последним годам царствования. Эти отрывки имеют заголовок «Корней Захаркин»; их было несколько, и они тесно связаны с рядом других набросков, о которых речь впереди.

[1] Дневники С. А. Толстой, т. I, стр. 39—40.

К концу мая 1878 г. относится список книг, составленный для Толстого В. В. Стасовым и пересланный ему через Н. Н. Страхова. В этом списке тридцать одно название, всё исключительно по эпохе Петра и его ближайших преемников.[1] Но в летние месяцы 1878 г. Толстой к работе над своим историческим романом не возвращался, о чем свидетельствует его письмо В. В. Стасову от 9 июня после присылки вышеупомянутого списка книг: «Всё то, о чем вы писали мне и передавали мне разумеется мне нужно и я очень благодарен вам, но теперь до августа я ни за что новое взяться не могу».[2]

Сохранилась Записная книжка Толстого, в которую занесены записи былин сказителя олончанина Щеголенка, гостившего в Ясной поляне летом 1879 г.; в этой книжке мы находим ряд записей о Петре I, о его рождении, с ссылками на историю Соловьева, на Забелина, свидетельствующими о неослабевшем интересе Толстого к этой эпохе. 16 февраля 1879 г. Толстой пишет вступление к историческому роману (вариант № 28, рукопись XXVII),[3] тесно связанное с вариантом № 29 (рукопись XXVIII),[4] развивающим тему «Корнея Захаркина». Другой вариант № 25 (рукопись XXIV),[5] дающий картину жизни самого бурного времени царствования Петра (1708—1709 гг.), написан тоже в 1879 г., согласно утверждения Толстого, заключенного в первую фразу наброска.

В 1879 г. Толстой обращается к изучению рукописных материалов XVIII века и начинает их извлекать из московских архивных фондов. Будучи в Москве в марте 1879 г., Толстой двадцатого числа направляет в Московский архив Министерства юстиции прошение с просьбой допустить его к занятиям в архиве. Его привлекают дела Сената и Сыскного приказа. Получив разрешение, Толстой поручает начальнику I и II отделений архива Иннокентию Николаевичу Николеву делать ему выписки и извлечения из интересующих его архивных дел. Сохранилось девять писем Николева к Толстому (хранятся в АТБ и ГТМ), первое от 23 марта, последнее от 26 мая 1879 г. Николев пересылал Толстому лично или через Н. М. Нагорнова извлекаемые материалы. Сюда прежде всего относятся дела Сыскного приказа. Присланные Николевым Толстому извлечения из этих дел относятся к 1730 гг.; их содержанием являются уголовные дела, характеризующие быт того времени: убийства, разбои, пристанодержательство, побеги колодников, раскол, блуд, в том числе мужеложство, и «волшебство». О соответствующих выписках, сделанных Николевым, см. подробнее в отделе «Материалы к романам», стр. 676. Вторую группу составляют присланные Николевым материалы комиссии о ворах и разбойниках при Правительствующем сенате; содержание этих материалов аналогично первой группе: сюда относятся убийства, разбои, грабежи и т. п.; в документах, относящихся к такого рода обстоятельствам, всегда находят отражение как нравы эпохи, так и бытовые подроб-

[1] ПС, стр. 173—175.
[2] ТС, стр. 36.
[3] См. настоящий том стр. 225—232.
[4] См. стр. 233—239.
[5] См. стр. 213—215.

ности, могущие привлекать взор романиста. Дела охватывают период 1720-ых, 1730-ых и 1740-ых гг. Срв. стр. 676—677. Особую группу дел составляют выписки из архива Сената, касающиеся дела обер-фискала Нестерова. В письме к Н. Н. Страхову, с пометой адресата 25 марта, Толстой пишет: «Где может находиться дело об обер-фискале Нестерове, казненном в 1724 г. [1] В своем ответе Н. Н. Страхов указывает на три дела о Нестерове в архиве Сената, — от 1722, 1723 и 1724 гг. [2] О специальном интересе Толстого к делу Нестерова свидетельствуют следующие строки письма к нему Николева от 2 апреля 1879 г.: «Из письма вашего сиятельства от 28 минувшего марта я заключаю, что об обер-фискале Нестерове выписки вашему сиятельству гораздо нужнее прочих отмеченных вами дел, а потому я к оным прежде всего и приступаю». (Соответствующее письмо Толстого не сохранилось.) В своем письме от 2 апреля Николев сообщает такие первоначальные данные об заинтересовавшем Толстого лице: «Обер-фискал Алексей Яковлевич Нестеров (скольких лет еще не узнал), женат в 1707 году на вдове Стефаниде Фатеевской жене Тютчева (умершей в 1722 году в феврале), имел сына Николая (умершего 25 ноября 1722 года); невестка его Михаилова жена Нестерова, Анна Савина дочь Уварова. Имения за фискалом Нестеровым состояли в шестнадцати уездах, а именно: Переяславль-Залесском, Юрьево-Польском, Веневском, Елецком, Тульском, Алексинском, Костромском, Белевском, Соловском [Крапивенском], Саранском, Рязанском, Коломенском, Шацком, Галицком, Московском и Брянском. Сверх того имел в Москве двор в приходе церкви Иоанна предтечи, что на Болоте, и загородный двор под Симоновым монастырем; около С.-Петербурга мызы и в С.-Петербурге на С.-Петербургском острове двор в Малой Никольской улице, да на Васильевском острову двор. Переяславль Залесские и Юрьевские Нестерова вотчины 24 февраля 1723 года пожалованы кабинет-секретарю Алексею Васильевичу Макарову; двор на С.-Петербургском острову отдан генерал-рекетмейстеру Василию Кондратьеву Павлову 13 мая 1723 года. Нестеров колесован 24 генваря 1724 года на Троицкой площади». Более подробные сведения о родных Нестерова и родословную Ивана Федоровича Нестерова Николев дает в своем письме к Толстому от 28 апреля. Кроме того касательно дела Нестерова Николев переслал Толстому семь документов: 1) повинную Нестерова в злоупотреблениях (39 пунктов) и указ о колесовании его; 2) справку об имениях Нестерова, 3) о свойстве Нестерова с обер-секретарем Сената Масловым и надворным интендантом Мошковым и 4—7) сведения о сообщниках Нестерова — Желябужском, Ратманове, Болотном и Щетинине. Обер-фискал Нестеров, которым так интересовался Толстой, фигурирует в двух вариантах его романа (№№ 26 и 30), [3] связывая замысел «Корнея Захаркина» 1877 г. с повестью «Сто лет» 1879 г. О том, как писалась эта повесть, мы имеем следующее свидетельство С. А. Толстой в ее ненапечатанном письме к сестре Т. А. Кузминской от 5 марта 1879 г.: «Лёвочка читает, читает, читает... пишет очень мало, но иногда говорит: «теперь

[1] ПС, стр. 215.
[2] Там же, стр. 220.
[3] См. стр. 216, 218, 240.

уясняется» или: «Ах, если бог даст, то то, что я напишу, будет очень важно!» Но эпоха, которую он взял для своего произведения, простирается на сто лет! Этому стало быть конца не будет». Возникший замысел исторического романа у Толстого получает новый уклон: Толстой выходит за пределы времен Петра I, теперь эпоха простирается у него значительно далее и цикл исторических событий по плану должен охватить период с 1723 г. по 1823 г. Этим установка нового романа «Сто лет» до некоторой степени связывается с замыслом «Декабристов». Тематически «русский Робинзон», картина переселения крестьянских масс, уже намеченная в первоначальном плане «Корнея Захаркина», сродни новому плану «Декабристов», как они всплыли у Толстого в конце 1870-ых гг., когда он снова обратился к эпохе Александра и Николая I.

Но дальше писания «начал» нового романа дело не пошло, и сохранившиеся приступы сюжетно приурочены к концу царствования Петра.

Помимо дел Сената и Сыскного приказа, которыми Толстой занимался до мая 1879 г.,[1] ему хотелось получить доступ к делам Преображенского приказа. В письме от конца марта 1879 г. к гр. А. А. Толстой Лев Николаевич пишет: «Другая моя просьба к вам, чтобы мне были открыты архивы секретных дел времен Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы. Я был в Москве преимущественно для работ по архивам (теперь уже не декабристы, а 18-й век, начало его интересует меня)».[2] По совету гр. А. А. Толстой Лев Николаевич обратился к товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу со следующим письмом от 14 апреля 1879 г.: «Желая воспользоваться для начатого мною исторического труда времен Петра I и Анны Иоанновны сведениями из отдела, так называемых, секретных бумаг, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании мне разрешения для рассматривания этих дел, как в Петербургском государственном архиве, так и в Московских Главном и Архиве министерства юстиции». 11 мая того же года Толстому было послано разрешение на занятия в Государственном и Московском Главном архиве министерства иностранных дел. Что же касается архива министерства юстиции, то Толстому пришлось вновь обратиться за разрешением к министру Набокову, которому он писал 20 августа 1879 г.: «Начав исторический труд из времени конца XVI и начала XVII века, я просил г-на министра иностранных дел об исходатайствовании мне высочайшего разрешения для работ в архивах по «секретным делам», кое и получил; но к сожалению разрешение это не относится до архива министерства юстиции и я поставлен в необходимость утруждать ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой об исходатайствовании для меня разрешения на пользование «секретными делами» архива министерства юстиции».[3] — В прошении очевидно описка: Толстой имел в виду конец XVII и начало XVIII века, т. е. эпоху Петра I. Получив разрешение, Толстой начал свои занятия в Московском архиве 8

[1] Срв. пометы Николева на последней странице выписок из дела Сената № 356 лл. 314—348: «На сем месте застало письмо вашего сиятельства о прекращении дальнейших выписок, а потому окончания этого дела и не продолжаю».

[2] ПТ, стр. 319.

[3] «Красный архив», 1927, т. III, стр. 248.

октября 1879 г. и закончил их 20. Согласно отметкам в книге записей выдаваемых документов Толстой был в архиве не менее четырех раз и не более восьми; во всяком случае он посетил архив 8, 12, 18 и 20 октября 1879 г. Согласно справкам, наведенным Н. П. Чулковым, [1] все дела, просмотренные Толстым, относятся к 90-ым гг. XVII века и к первым годам XVIII. Только одно дело — более позднее — 1721 года. По содержанию они касаются лиц, выражавших недовольство новыми порядками, заведенными Петром, а также личным его поведением. Чаще всего встречается обвинение в наименовании Петра антихристом. Так в деле № 1027 (1701 г.) речь идет об усманском солдате Гавриле Шмуилове, который по показаниям двух лиц произносил следующие слова: «Последние времена стали, в последние времена, пишется в книгах, будет антихрист, а ныне де знатно — антихрист — государь, потому что людей своими руками бьет». Сведения, почерпавшиеся Толстым из архивных документов, находятся в соответствии с теми толками о Петре, которые Толстой вложил в уста мужиков, беседующих в ночном у костра, что царя «и огонь не берет, и куда уж он не гонял, и в стекольном городу были и в туретчине были..... говорят, что он не заправский царь, а подменный». [2] Свидетельством интереса Толстого к толкам о царе и антихристе являются многочисленные выписки его из XVIII тома Истории Соловьева со страницы 212 до 215. [3] В Записной книжке того времени мы находим также следующую запись: «Дела секретного Преображенского приказа ⟨1697⟩ [?] № 335, 925».

Дело № 335 1692 г. касается иконописца Трифона Иванова, который оказался виновным в произнесении непристойных слов о государе, и за это приговорен был боярами к смертной казни, но по просьбе царицы Натальи Кирилловны вместо смертной казни наказан на козле кнутом и по наказании отпущен (10 лл.). В деле № 925 речь идет о беглом драгуне Иване Малыгине, объявившем за собою государево слово и при допросе в Преображенском приказе показавшем: 1) что будто старец Вологодского Спасского монастыря Герасим произносил следующие слова: «лучше бы государя убили, так бы де службы не было и мир бы отдохнул», 2) что старец того же монастыря Феодосий ему, Малыгину, говорил: «видишь, ныне царь стал жить не по царски, да и брат де его царь Иоанн Алексеевич на него извещал всему народу: брат мой живет не по царски, ездит в Немецкую слободу, знается с немцы», и 3) что дьячек того же монастыря Иван Евстряков на вопрос его, Малыгина, почему Евстряков не живет в монастыре, отвечал: «в монастыре здесь я не живу для того, что в прошлом в 1700 г. в понедельник светлого воскресения после обедни здешний игумен читал поучение и в поучении говорил такие слова: ныне де нет правды ни во властях, ни в судьях; это де как я живу правдою, и нет де такого праведного как я, один де человек есть мне подобен правдою, на Москве де человек хотел жениться на немке, и тот де человек ему запретил, а впредь де остоится о том, или нет, бог весть. Лиц, на которых извещал Малыгин, велено было представить в Преображенский приказ. (Окончания нет. 7 лл.)

[1] «Красный архив» 1927, т. III, стр. 249.
[2] См. рукописи №№ XXV и XXVI, стр. 216—225.
[3] Срв. Бумаги Петра, стр. 396—397.

Занятия архивными материалами Преображенского приказа Толстой не свел лишь к посещениям самого архивохранилища: он снова сговорился с Николевым о переписке нужных ему документов; в результате все дела (за исключением одного — столбец № 355), помеченные в книге записей за октябрь 1879 г. на имя Толстого, были переписаны Николевым и присланы в Ясную поляну. Таких дел было двадцать одно. Также сохранился в архиве Толстого список дела Преображенского приказа секретных дел (столбец 335) о непристойных словах иконописца Трифона Иванова 7200 г. Кроме того мы имеем еще в архиве Толстого шестнадцать списков (рукой Николева же) дел Преображенского приказа аналогичного содержания; в них по преимуществу речь идет о «непристойных» словах и других оскорблениях, касающихся особ государей. В одном деле (вязка 5, д. 22) инкриминируемые слова таковы: «Государя-де на Москве нет, он-де государь в Склянишном царстве крутитца, да из под Азова-де он, государь, приехав к Москве и не ездя вверх, проехал в Немецкую слободу для блудного дела»; в другом: «Какой-де он государь, он-де не государь — немчин, государь де ездил в Стекольное и попал там в неволю; и ныне-де он, государь, в неволе в Стекольном, а вместо-де его к Москве прислан немчин, а к тому де немчину и сестра приехала из немецкой земли, и ныне она на Москве» (столбец № 635); в третьем: «разорил свое государство и живет с немкою, и как я захочу, так и бога переворочу; какой он государь, людей перевел» (из выписок и изложения ряда дел 1702—1704 гг.); наконец, в деле Петра Яковлева о «затейных словах» (оговоре) на Прасковью Черноусову, приведены непристойные слова, якобы ею сказанные: «та-де Прасковья на Москве была и ее-де Прасковью государь за плечо держал и она-де ему отказала» (вязка 5, д. 7). Все эти речи отражают тон в отношении царской семьи, который был взят Толстым при писании последних его «начал»: «Стрельцы» (№ 1, ркп. А I и сл.).

Последним свидетельством работ Толстого над историческим романом времен Петра является письмо В. В. Стасова от 6 марта 1880 г. «А как я радуюсь, что вы крепко присели к работе, если не к Декабристам, то к Петровским раскольникам и старой Руси».[1] Отражением этих интересов к «Петровским раскольникам» являются обильные выписки на отдельных листках из первого тома собрания Туманского старинных бумаг о бунте 1682 г.

С начала 1880 г., мы больше не имеем указаний на работу Толстого над историческим романом начала XVIII века. Нет также никаких рукописей, написанных в более позднее время. Таким образом, нужно считать, что замыслы, связанные с эпохой Петра, иссякли у него в 1879—80 гг. вскоре после остановки работ над «Декабристами».

О причинах неудачи работ над эпохой Петра сам Толстой в письменной форме не высказывался. Мы имеем лишь следующие свидетельства: П. И. Бирюков приводит слова Толстого: «Никак не могу живо восстановить в своем воображении эту эпоху, встречаю затруднения в незнании быта мелочей, в обстановке и это тормозит мою работу».[2] Г. А. Русанову Толстой говорил в 1883 г.: «Из Петровской эпохи я не мог написать потому,

[1] ТС, стр. 51.
[2] Б, II, стр. 203.

что она слишком отдалена от нас и я нашел, что мне трудно проникнуть в души тогдашних людей, до того они не похожи на нас». [1] 4 февраля 1911 г. С. А. Толстая, переписывая отдельные листки Толстого о Петре I и его эпохе, приписала: «Записки эти, повидимому, относились к задуманному Львом Николаевичем сочинению Петра I. Несколько начал хранится в настоящее время в Историческом музее. На мои вопросы, почему Лев Николаевич не продолжал этой работы, он мне говорил, что не мог в своем воображении восстановить обыденную жизнь в ту эпоху русских людей, народа, общества, двора и проч.» В полном соответствии с вышеприведенными свидетельствами стоит запись биографа Толстого Левенфельда, который приводит следующие слова Толстого, высказанные им в беседе 1890 года по поводу неудачи работы над Петровской эпохой. Толстой сказал: «ни один образ не рисовался живо моему воображению... Царь Петр был от меня очень далек» (Левенфельд, «Граф Л. Н. Толстой в суждениях о нем его близких и в разговорах с ним самим» — «Русское обозрение», 1897. XLVII).

Более сомнительно и неприложимо к остановке работ над Петровской эпохой в 1873 г. другое объяснение, которое впервые было высказано С. А. Берсом, а вслед за ним приводится такими исследователями, как Бирюков, Гусев, Грузинский и Срезневский. Берс писал: «[Толстой] говорил, что мнение его о личности Петра I диаметрально противоположно общему и вся эпоха эта сделалась ему несимпатичной. Он утверждал, что личность и деятельность Петра I не только не заключали в себе ничего великого, а напротив того все качества его были дурные. Все, так называемые, реформы его отнюдь не преследовали государственной пользы, а клонили к личным его выгодам». [2] Вместе с этим С. А. Берс заявляет, что ему неизвестно, было ли что-либо написано Львом Николаевичем из этой эпохи.

Высказывания Берса не находят себе документального подтверждения. Противопоставление «дурной» и «симпатичной» личности — чуждо записям Толстого. На роль исторических личностей Толстой смотрел глубже, поскольку для него место личности в истории определялось неизбежностью исторического процесса. Он неоднократно говорит, что Петр был орудием своего времени и действовал в рамках неизбежного хода событий. Что касается личного характера Петра, то приводим наиболее яркие строки из отдельных записей Толстого. «Любопытство страстное, в пороке, преступлении, в чудесах цивилизации..... нарушает все старые связи жизни, а для достижения своих целей хочет этими связями пользоваться: вера, присяга, родство. Роковое — это страсть изведать всего до пределов. Бес ломает». Обращают на себя внимание и такие пометы Толстого: «1708 г. Болен, лихорадка..... деятельность, толковитость удивительная»; в отношении ветхозаветных заповедей о толковании, данном Петром, Толстой записал: «объяснение заповедей

---

[1] Толстовский ежегодник за 1912 г., стр. 63.

[2] См. Берс, стр. 46. В иностранной литературе о творчестве Толстого высказывается тот же взгляд. Моод, объясняя почему не состоялся роман времен Петра I, пишет: «Толстой почувствовал, что его оценка Петра Великого шла бы в разрез с общепринятой, ибо он ни в характере, ни в деятельности Петра не нашел ничего достойного внимания или что бы могло вызвать его симпатию» (Aylmer Maude, «The life of Tolstoy. First fifty years», London, 1908, p. 344 [Моод, «Жизнь Толстого. Первые пятьдесят лет»].

гениальное». Из этих записей видно, что в первой половине 1870-ых гг. Толстой далек был от недооценки личности Петра и что, во всяком случае, остановка работы не могла быть связана с переменой взгляда Толстого на личность преобразователя. Это произошло гораздо позднее, и на ход работ Толстого не могло оказать существенного воздействия, потому что в работе произошел радикальный перелом тематического порядка, с которым нельзя не считаться при высказываниях о работах Толстого в области исторических романов.

Срезневский утверждает, что Толстой совершенно разочаровался в личности Петра и создавать романа, в котором главная фигура с течением времени стала для него отвратительной, он не мог. [1] Следует учесть, что среди тридцати пяти начал только три начала включают в себе фигуру Петра в действии. Последний цикл набросков не только не намечает Петра в качестве главного героя, но и вообще не предполагает введения его личности в круг действующих лиц романа: остался только общий исторический фон, быт, люди, нравы Петровской эпохи и глухие толки о царе. Поэтому вызывает сомнения также рассуждение Берса, повторяемое другими биографами, что мнение Толстого о личности Петра сделало то, что вся эпоха стала ему несимпатична. Известно, что на конец 1879 г. падает работа Толстого над первым своим религиозно-философским опытом, где мы находим следующие резко-отрицательные оценки Петра («на молитве дьякон половина времени кричит многая лета православной благочестивой блуднице Екатерине II или благочестивейшему разбойнику, убийце Петру, который кощунствовал над евангелием» и в другом месте той же рукописи Петр назван великим мерзавцем, который кощунствует у пастырей). Как раз начало писания данной рукописи совпадает с последней вспышкой интереса к исторической эпохе, избранной для романа, — в октябре месяце 1879 г., когда Толстой занимался в архивах. Тогда взгляд на Петра, как мы видим, оказался радикально иным у Толстого, но эпоха не переставала интересовать его. Итак, не оспаривая перемены взгляда Толстого на личность Петра за 1870-ые гг., приходится заключить, что обе приостановки писания романа этой переменой не обусловливались; в 1873 г. такой отрицательной оценки личности Петра еще не было; [2]

[1] Л. Толстой. Полное собр. худ. произведений, III. Л.—М. 1928, стр. 534.

[2] Единственное свидетельство, которое может до известной степени подтвердить отзыв Толстого о Петре со слов С. А. Берса и подкрепить позицию названных выше исследователей, исходит от А. С. Суворина. Его характеристика ценна тем, что относится к 1875 г., когда эволюция взглядов Толстого конца 1870-ых гг. не могла еще отразиться на переоценке личности Петра I. Слабая сторона отзыва заключается в плохой осведомленности Суворина, который в своем «литературном портрете» Толстого допускает ряд промахов. Суворин писал: «Если (Толстой) напишет роман из времен Петра Великого — года два тому назад об этом много говорили — эту нелюбовь к выдающимся людям мы увидим еще яснее. По рассказам людей, с которыми граф Л. Н. беседовал о Петре Великом, выходит, что этого государя он низведет в разряд скорее смешных, чем великих людей. Я не выдаю этого за истину, но я считаю, что это возможно, потому что ни мало не противоречит его логике. «Народу Петр представлялся шутом», говорил будто бы о нем граф Л. Н., «народ смеялся над ним, над его затеями и все их отвергнул». Опять народ и его воззрение («Незнакомец» (А. С. Суворин) «Очерки и картинки», I, изд. 2, Спб. 1875, стр. 20—21). — Как видим, Суворин сам пишет о взглядах Толстого на Петра I очень условно и предположительно.

непосредственной причиной отказа от романа была невозможность созерцать в образах эпоху, что было необходимо Толстому для художественного изображения, поэтому «Анна Каренина» так легко перебила «Петра». После «Анны Карениной» интерес к историческому роману остался, но уже это был другой роман — крестьянский, без правительственных фигур на первом месте, и тут перелом во взглядах на Петра не мог отразиться в силу различия тематического. При окончательной же остановке работ над историческим романом XVIII века сыграло свою роль не то обстоятельство, что в конце 1879 г. Толстой в силу наплыва новых религиозных идей стал отрицательно расценивать Петра, а то, что он в связи с общим сдвигом в своих взглядах в то время потерял интерес к художественной обработке исторических тем. Еще в феврале 1879 г. он бросил своих «Декабристов»; очевидно те же общие побудительные причины повлекли за собой окончательную остановку работ и в области исторического романа конца XVII и XVIII вв.

КЛАССИФИКАЦИЯ И ОБЗОР ВАРИАНТОВ РОМАНОВ.

В рукописном наследии Толстого имеются разнообразные материалы, свидетельствующие о том, что Толстой неоднократно приступал после создания «Войны и мира» к написанию исторических повестей. Содержанием этих отрывков являются события как конца XVII века, так XVIII-го и XIX-го. Естественно выделить из них группу рукописей, относящихся к эпохе Петра, его предшественников и ближайших его преемников. Если взять промежуток времени с 1682 по 1725 год, то мы имеем тридцать пять «начал» или «приступа», распадающихся в свою очередь на несколько групп или циклов. Естественным расположением этого материала является хронологическая последовательность их писания, т. е. распорядок в зависимости от того, какие наброски были сделаны Толстым первоначально, и так последовательно до конца. Но с безусловною точностью распределить весь материал по этапам написания отрывков автором оказывается невозможным. Мы имеем лишь несколько точных приурочиваний. А именно: на основании записи С. А. Толстой от 24 февр. 1870 г. точно приурочивается к этой дате написание варианта № 8 (ркп. IX); под 25 октября 1877 г. С. А. записывает со слов Толстого замысел, имеющий отношение к содержанию варианта № 26 (ркп. XXV); в начале отрывка за № 28 (ркп. XXVII) поставлена самим Толстым дата написания: 16/II — 79 г.; из первых слов варианта № 25 (ркп. XXIV) явствует написание его в 1879 г. Эти основные вехи дают возможность также приурочить и некоторые другие наброски, если не к определенным месяцам, то хотя бы годам. Так на основании того, что в варианте № 4 в конце дан краткий конспект событий сентября месяца 1689 г., несомненно, что составление начала № 4 предшествует написанию варианта № 8, в котором эти события представлены в развернутом виде, а так как вариант № 4 начинается с зачеркнутой фразы, которая имеется в неизъятом виде в варианте № 3, то, очевидно, что вариант № 3 предшествует написанию варианта № 4.

Это небольшое количество «вех» позволяет в двух отношениях охарактеризовать этапы творчества Толстого в отношении исторического романа

времен Петра. По хронологии исторических событий Толстой переходил от более древнего времени к позднейшей эпохе. В 1870-м г. он останавливался на событиях перехода власти от Софьи к Петру, т. е. на 1689 годе. «Корней Захаркин» (вариант № 26, составленный в 1877 г.) характеризует народную жизнь в самом конце царствования Петра; здесь описывается жизнь крестьянства в 1723 г. В общем путь обратный тому, по которому Толстой шел при написании «Декабристов» и «Войны и мира». Там он шел вглубь: от 1856 г. к 1825 г., затем к 1812 г., а с 1812 г. спустился к 1805 г. В романе времен Петра Толстой от XVII-го века перешел к XVIII. Этот путь этапов творчества романа из эпохи Петра претерпевает определенную эволюцию и по содержанию. Если в начале Толстой исключительно интересовался «верхами» тогдашнего общества — жизнью царей, царской семьи и боярско-дворянской среды, то в дальнейшем он перешел к «низам» тогдашнего общества, его стало интересовать, как исторические явления отражались на жизни народа, и он носителем исторических событий хотел сделать тогдашнюю крестьянскую Русь. Распределить весь материал в порядке его написания не представляется возможным, — мы имеем только основные показатели, что начат роман в 1870 г., а последние попытки его написания относятся к 1879 г., — в связи с этим при классификации материала приходится прибегнуть к двум принципам: расположив отрывки в основном по хронологии написания, мы внутри распределяем варианты, приурочивая их к определенным историческим моментам, поскольку основной сдвиг шел в направлении от более ранней к более поздней исторической эпохе. В результате мы имеем шесть исторических циклов, которые объединяют все начала романа времен Петра.

А. Семья Алексея Михайловича и происхождение Петра — два начала (варианты №№ 1 и 2).

Б. Переход власти от Софьи к Петру (1689 г.) — семь начал (№№ 3—9).

В. Кожуховский поход (осень 1694 г.) — восемь начал (№№ 10—16).

Г. Азовские походы — семь начал (№№ 17—23).

Д. Разгар великой северной войны (1708—1709) — два начала (№№ 24 и 25).

Е. Конец царствования Петра (1723 г.) — девять начал (№№ 25—33).

Начала последней группы, по общему замыслу предполагавшегося романа, тяготеют в сторону всего XVIII и даже первой четверти XIX века. Правда, фактически написанные начала, оставшиеся без продолжения, как таковые, по своему содержанию не выходят из пределов эпохи Петра, но по замыслу романа в целом подлежавшие изображению исторические события, судя по некоторым отрывкам этого цикла, должны были охватить период с 1723 по 1823 год. В связи с тем, что эти девять начал шестой группы по замыслу имеют уклон в сторону всего XVIII века, тематически весьма отличны от других вариантов и носят особое заглавие («Корней Захаркин», «Сто лет»), они должны быть выделены в самостоятельную группу и поставлены особняком от других групп начал романа времен Петра. С последним они объединяются лишь однородностью изученных Толстым исторических материалов и интересом его к данной эпохе; действительно, записи «Бумаг Петра» и на отдельных листках-карточках, куда Толстой заносил свои выписки из литературы эпохи Петра I, нельзя

разбить по группам написанных Толстым вариантов. Выделяем последние девять художественных отрывков, озаглавливая их, как начала романа «Сто лет». Это приурочение заглавия «Сто лет» ко всем отрывкам последнего цикла оправдывается тем, что «Корней Захаркин» послужил лишь исходным пунктом дальнейших переработок и первоначальное содержание его перелилось в новые варианты, которые и получили заглавие «Сто лет».

На ряду с основными «вехами» и некоторые косвенные показатели истории творческой работы над романом времен Петра оказываются в соответствии с расположением материала по содержанию: если на основании дневниковой записи С. А. Толстой составление начал группы Б следует отнести к 1870 году, то рукописи группы В писались, повидимому, в начале 1872 г., поскольку отправной датой можно принять дневниковую помету Толстого от 18 января 1872 г. (См. об этом подробнее в Истории писания, стр. 627.) На основании дневниковой записи от 12 января 1873 г. («Комары под Азовом») составление «Азовских отрывков» можно отнести к началу следующего 1873 г. Подтверждением того, что рукописи группы В были написаны до составления начал группы Г, является эволюция интересов Толстого от высшего общества — к жизни простонародья. В началах, относящихся к эпохе Кожуховского похода, фигурирует Щепотев, солдат из новых потешных. Здесь он у Толстого по своему социальному положению является то боярским, то дьячим сыном, во всяком случае он сродни кн. Щетинину, — молодой Щепотев и Щетинин женаты на родных сестрах. В отрывках эпохи Азова фигурирует тоже Щепотев, но сильно демократизированный, он — попович, деклассированный, с тоски записавшийся в число «обросимов», — солдат всяких чинов. Это обстоятельство также говорит за то, что Кожуховские отрывки были составлены до начал эпохи Азова. Срв. также письмо Толстого к Истомину (стр. 630).

Наконец, из помет самого Толстого на рукописях видно, что написание циклов Д и Е падает на вторую половину 1870-х гг. (1877—1880 гг.)

В целом последовательность хронологии написания отрывков, насколько она нам известна в настоящее время, совпадает с последовательностью хода описываемых исторических событий. Нет исчерпывающих данных относительно написания отрывков группы А (варианты №№ 1 и 2, стр. 151—156), но ряд свидетельств говорит за конец 1870-х гг. О том, почему по содержанию и стилю вариант № 1 естественно отнести к концу 1870-х гг. см. ниже в анализе этого отрывка. Мы имеем также следующее свидетельство со стороны: в письме от 12 августа 1879 г. В. В. Стасов пишет Толстому: «Что бы вы теперь ни писали, из времен ли Александра или Петра или Алексея Михайловича, или из нашего времени, — ведь всё будет чудесно». [1] В письме от 6 марта 1880 г. В. В. Стасов темой работ Толстого называет Петровских раскольников и старую Русь. [2] (О работах Толстого В. В. Стасов знал от Н. Н. Страхова.) На ряду с этими свидетельствами показательны записи Толстого 1879 г. в его Записной книжке о

[1] ТС, стр. 45.
[2] Там же, стр. 51.

рождении Петра и Федоре Алексеевиче — как раз царствование Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и рождение Петра составляют содержание вариантов №№ 1 и 2, и нигде больше эта ранняя эпоха Толстым не воспроизводится. Помещаем эти отрывки в начале, исходя исключительно из хронологии описываемых исторических событий. Другую условность мы допускаем в отношении рукописей группы Д: вариант № 25 должен был бы стоять после варианта № 26, если точно держаться хронологии написания. Допуская эти перестановки, мы получаем возможность представить читателю весь материал в наиболее интересном для прочтения и удобном для обозрения виде.

До настоящего времени из всех отрывков романа времен Петра I по подлинникам были напечатаны две рукописи, заключающие в себе три варианта: №№ 8, 21 и 22. А. Е. Грузинский насчитывал всего 17 начал: шесть он относил к 1689 г.; пять — к военным маневрам 1694 г. и шесть начал ко второму Азовскому походу.[1] При таком исчислении им не учитывались пять других вариантов этих трех циклов. Кроме того им совсем игнорировались два отрывка, относящиеся к семье Алексея Михайловича и событиям 1682 г., а равно одиннадцать приступов, описывающих события начала XVIII века, причем Грузинский утверждал, что «ни одна завязка не захватывает XVIII века, не исходит из Шведской войны» и т. д. Непосредственно к самому «бурному времени» царствования Петра (по выражению Толстого) относятся отрывки №№ 24 и 25. В 24 варианте, например, описывается рекрутский набор перед военными событиями, приведшими к Полтавскому бою.

Сохранившиеся рукописи романа представляют собой ряд «начал»; всё это — пробы Толстого, каждая проба отменяет другую, почему их и можно называть вариантами. Отдельные наброски могли бы служить друг по отношению к другу начальными главами разных частей романа, но только в том случае, если их отделить рядом промежуточных глав. Таким образом отрывки не являются продолжением друг друга; исключение составляют варианты №№ 29 и 30 (ркп. XXVIII и XXIX) (из них набросок № 30 может служить продолжением наброска 29), а также варианты №№ 13, 14 и 15, связанные между собой (подробнее см. стр. 652—653). Что касается вариантов №№ 28 и 29, то они примыкают друг к другу, как вступление и I глава романа.

Сохраняем за отрывками циклов А — Д начатого Толстым произведения название, данное этим наброскам С. А. Толстой, которая, переписав один вариант Толстого (№ 4, см. рукопись Б V), озаглавила его так: «Отрывки из задуманного романа времен Петра I-го». Против обозначения замысла романом как будто говорит следующая фраза Льва Николаевича из письма к А. А. Толстой: «Я начал писать ту большую (я не люблю называть романом), о которой я давно мечтаю».[2] Но во-первых Толстой сам не написал здесь слова «повесть», которое, очевидно, подразумевается, во-вторых, в словах «не люблю называть романом», он дал понять, что может быть объективно всё же пришлось бы отнести это про-

[1] «Новый мир» 1925, 5, стр. 29, 32.
[2] ПТ, стр. 241.

изведение к романам. Поэтому сохраняем традицию, установленную С. А. Толстой, которая в своих дневниках обычно называет этот труд Толстого романом. Сам Толстой нигде не дает точного заглавия своего задуманного труда; в двух сохранившихся вариантах имеется заголовок «Старое и новое», который выражает основную коллизию, привлекшую внимание Толстого. Но это заглавие Толстой мог относить как ко всему произведению, так и к части его или даже к отдельной главе, поэтому им нельзя воспользоваться для обозначения романа в целом. При первой публикации в журнале «Новый мир» (1925, № 5) отрывки романа были озаглавлены А. Е. Грузинским: «Два начала неоконченного романа из эпохи Петра I». Слово эпоха не употреблялось Толстым в его письмах и бумагах, относящихся к роману, оставляем более свойственное Толстому и встречающееся в соответствующих записях слово «время». При второй публикации отрывков уже отдельной брошюрой издательство «Огонек» на обложке этого выпуска (№ 73) поставило «Петр I». С легкой руки этого обложечного обозначения «Огоньком» в двух собраниях сочинений Толстого, Ленгиза и Гиза (приложение к журналу «Огонек» за 1928 г.), было принято данное заглавие «Петр I». Это наименование подлежит устранению, как несоответствующее замыслам автора. Ниоткуда не видно, чтобы в течение всего времени работ Толстого над этим произведением ему представлялся Петр в качестве главного героя; наоборот, по последним наброскам Толстого видно, что, когда он их писал, то для него в центре внимания стояла народная жизнь, а царская среда и сам царь могли составлять лишь исторический фон.

Всего отрывков тридцать пять. Соответствующих же рукописей — тридцать три; из них — тридцать один автограф и две копии. В настоящем издании мы публикуем тридцать три варианта.

Вариант № 1 (ркп. А. I). Заключает рассказ о семье Алексея Михайловича и краткие биографические сведения о царском роде вплоть до смерти Федора. Затем идет описание свадьбы в Стрелецкой слободе. Обращает на себя внимание крайне отрицательная характеристика Натальи Кирилловны («девка», «полюбовница Матвеева»), аттестация Петра, как незаконного сына, а также то, что второй период жизни Алексея Михайловича, когда он вступил в брак с Нарышкиной, объясняется кознями врага («дьявол соблазнил царя»). Выделяется отрывок и по стилю — он в народном духе: «которые родные соседи смотрели сватьбу в церкви, которые молодые ребята играли за церковью на кладбище». Известны отрицательные и подчас весьма резкие аттестации Толстым Петра с 1879 г., в те же приблизительно годы Толстой стал работать над своим стилем с целью вовлечения народного языка в свои произведения, поэтому есть основание относить написание этого отрывка к позднему периоду работы над романом. По содержанию же он примыкает к вариантам раннего периода (1870 г.). Помещаем этот отрывок первым, исходя из хронологии описываемых событий.

В датах у Толстого следующие ошибки: 1629 году по летосчислению от сотворения мира соответствует 7137 год, а не 7184. Год смерти Мих. Фед. — 7153. Марья Ильинична скончалась не в 1699, а в 1669 г. (Считаем проставленный Толстым 1699 год за простую описку и исправляем.) Красная горка ошибочно отнесена Толстым к февралю.

Вариант № 1 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 2 (ркп. А. II). *Содержание:* смерть Федора в 1682 г. Рассказывается о семье Алексея Михайловича. Брак с Натальей Нарышкиной. Вопрос о Петре при смерти Алексея Михайловича. Вмешательство Иоакима и Долгорукова. Слухи об отравлении при кончине Алексея Михайловича и Федора. — Срв. Соловьева «История России». Т. XIII, изд. I, стр. 233—234, а также начало записной книги «царя и великова князя Петра Алексеевича в 190 году»: «Лета 7190 апреля в 27 день нарекли на Российское государство, в цари..... Петра Алексеевича, по преставлении брата ево Феодора Алексеевича..... в четверк Фомины недели» т. XIV, стр. XXV, приложение); у Толстого тоже четверк через *к*.

В исчислении лет от сотворения мира у Толстого ошибки: 1682 году соответствует 7190, а не 7290; 1669-ому — 7177, а не 7277.

Вариант № 2 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 3 (ркп. Б. III). *Содержание:* о взаимоотношениях Софьи и Петра. Разговор В. В. Голицына с Софьей после возвращения из Крымского похода. Голицын уединяется. Отъезд Петра к Троице. Сравнение с «терезами». Неудачная поездка царевны к брату. Уединение, в котором оказался Голицын. — В трех местах рукописи проставлены цыфры над гласными, которыми Толстой хотел выявить стихотворную форму, а также знаки долгот и краткости для установления гекзаметра: «Ēслй ж Йвăн Ăлĕксēйч пŏ бо̄жьĕмў гнĕвў ўбо̄гий». На последней странице на полях карандашом написан (не рукой Толстого) первый стих «Метаморфоз» Овидия с обозначением долготы: Īn nŏvă fĕrt ănĭmūs mūtātās dĭcĕrĕ fŏrmăs. Отрывок представляет попытку писать ритмизированной прозой.

Вариант № 3 в настоящем издании впервые печатается (по подлиннику).

Вариант № 4 (ркп. Б. IV). *Содержание:* Голицын удалился в свою подмосковную. Тяжелые мысли князя, чувствующего, что сила на стороне Петра. Вспоминает прошлое. Находит свою вину. Затем конспективно: Апраксин едет к Троице, у Троицы, пытка. Казнь. Ссылка и т. д. Конспективное изложение дальнейшего пребывания Голицына дома (Приезд Змиева и т. д.). — Намек на сюжет варианта мы находим в следующих строках истории Петра Устрялова: «князь Василий Васильевич, не взирая на убеждение двоюродного брата своего, князя Бориса Алексеевича....., не хотел ехать в Лавру и не трогался из подмосковного села своего Медведкова. Он, кажется, всё еще надеялся, что Софья восторжествует» (II, стр. 79—80). Устрялов в данном случае опирается на дневник Гордона, соответствующая выписка из которого имеется в бумагах Толстого. Этот сюжет (одинокое пребывание Голицына в Медведкове во время крупнейших исторических событий 1689 г.) разрабатывался Толстым в ряде последующих вариантов (см. варианты №№ 5 и 6). Данная рукопись несомненно была написана после рукописи III, так как она начинается с той же фразы, что и рукопись III, но эта фраза в рукописи IV зачеркнута. Следовательно Толстой сначала переписал ее из рукописи III, как годную, затем решил ее отбросить и зачеркнул. С другой стороны,

рукопись IV несомненно предваряет рукопись IX, так как в ней имеется конспект событий 7 сентября и следующих дней, в рукописи же IX эти события представлены в развернутом виде. Для данной рукописи имеется своего рода конспект, сохранившийся в записной книжке 1865 и следующих гг. (хранится в Толстовском музее, № 92); в этой книжке на отдельном листке значится: «понемного вспоминает величие и всё тяжелее. Вспоминает и вещи. Противнее всего Царевна и своя ложь».

Вариант № 4 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 5 (ркп. Б. VI). *Содержание:* Голицын в немилости в своем Медведкове, всеми оставленный, тревожится за сына. Сидит один за точеным столом; в углу карлик. Слышно только глухое тиканье часов и чтение псалтыря в крестовой. Вдруг въезжает колымага. — Эта рукопись написана после рукописи IV, ибо в рукописи IV карла шут значится только в конспекте, а в рукописи VI он уже введен в действие. Также сравнение с «терезами» дано в рукописи IV в конспекте (затем вписано в начало отрывка), а в рукописи VI представлено в развернутом виде в начале.

Вариант № 5 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 6 (ркп. Б. VII). Набросок по содержанию аналогичен предшествующему (Голицын в Медведкове), — но еще более сжатый. По признаку сжатости текста можно сказать, что менее компактный текст рукописи VI предшествовал более компактному тексту рукописи VII, о том же говорит первая фраза обеих рукописей: в рукописи VI в этой фразе имеется слово «лоток», в рукописи VII это слово воспроизводится как при переписке, а затем вычеркивается.

Вариант № 6 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 7 (ркп. Б. VIII). *Содержание:* у Петра, уехавшего в Лавру после ссоры с Софьей, не было никого. За всяким делом шли к князю Борису Алексеевичу. Он стал первым человеком при дворе и узнал всю тяжесть власти. Описывается бессонная ночь и думы кн. Голицына. — У Толстого в бумагах имеются выписки из дневника Гордона (на немецком языке неизвестной рукой), среди них мы находим следующие строки: «князь Борис Алексеевич Голицын заправлял всеми делами у Троицы, так как никто больше не рисковал вмешиваться в такое щекотливое дело». (Т. II, стр. 273.) Отсюда сюжет данного отрывка Толстого.

Вариант № 7 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 8 (ркп. Б. IX). Описание событий 7 сентября 1689 г. в Лавре. Допрос и пытки Ф. Шакловитого и Обросима Петрова. Приезд В. В. Голицына. Б. А. Голицын советуется с царем и царицей матерью. — На отдельных листках имеется следующая запись Толстого, соответствующая содержанию данного отрывка: «8 августа у Троицкого монастыря, когда привезли Шакловитого, *пыль*. Шакловитый пытан на монастырском дворе. Когда с дыбы снят, попросил есть». Сведение о том, что Шакловитый попросил есть «перед признанием, после пыток», так как «не ел уже несколько дней» заимствовано Толстым из «Записок» Матвеева (по публикации Туманского, I, стр. 207—208). Подробность эта использована в печатаемом отрывке в следующих словах Шакловитого:

«Дайте поесть, ради бога! Я второй день....» — Ошибочная дата 8 августа находит свое объяснение в публикации Туманского.

Под именем Алексашки в отрывке выведен Меншиков, под Францем Ивановичем разумеется Лефорт, отчество которого Толстой обозначает Иванович вместо Яковлевич. Федор Матвеевич — Ф. М. Апраксин.

Согласно дневнику С. А. Толстой отрывок написан 24 февраля 1870 г.: «сейчас утром он написал своим частым почерком целый лист кругом. Действие начинается в монастыре, где большое стечение народа и лица, которые потом будут главными».

Вариант № 8 впервые напечатан в журнале «Новый мир» в 1925 г., № 5, стр. 3—14.

Вариант № 9 (ркп. № Б. X). Описывается приезд В. В. Голицына в Лавру 7 сентября 1689 г. — Сюжет исходит из следующих слов дневника Гордона: «7 сентября около 5 часов пополудни прибыли к воротам монастыря князь Василий Васильевич Голицын, боярин Леонтий Романович Неплюев, окольничий Бенедикт Андреевич Змиев и др.; их однако не впустили, но приказали подождать. Через четверть часа им было объявлено, чтоб они стали на свои квартиры и ждали бы указа». (II, стр. 278.) Из сличения источников варианта и толстовского текста в данном случае очень четко явствует, в чем заключалась работа автора: Толстой старался образно во всех деталях восстановить картину, данную в полунамеке в дневниковой записи, и вложить в изображаемую историческую ситуацию соответствующее психологическое содержание (внешний вид князя В. В. Голицына, его настроение и т. п.).

Вариант № 9 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 10. (В. «Бумаги Петра», л. 10.)

Отрывок об Ерлоковых, начинающийся со слов: «Подъ Каширой городомъ жилъ опальный Ерлоковъ», извлекается из десятого листа «Бумаг Петра», содержащих выписки и конспективные пометы. Помещаем данный отрывок первым среди других набросков, относящихся к Кожуховскому походу, в виду состава отдельных фраз и выражений, нанесенных Толстым на тот же лист (на нижнюю часть его). Эти отдельные выражения предвосхищают ряд вариантов Кожуховского цикла, являясь подготовкой или своего рода памяткой к рассказу, и, несомненно, написаны до этих вариантов, но после связного текста листа 10, печатаемого в качестве варианта № 10 (стр. 180—181). Слова: «Ей Лизутка, пей еще привези» использованы в эпизоде с Хрущевым, ркп. XII (стр. 183). «Спитъ послѣ обѣда» — естественно отнести к описанию послеобеденного сна И. Л. Щетинина рукописи XV (стр. 190). «Хованскій. Сынъ къ Голицыну» — имеет явное отношение к рукописи XVI (стр. 193). Заметка о Курбатове (Курбатовъ умеръ подъ судомъ) также имеет отношение к Кожуховскому походу, поскольку в нем фигурирует Курбатов в качестве свата Щетинина. Наконец слова: «припасы везли» и первая фраза «привезъ провіантъ мужикъ барину» связываются с содержанием рукописи XIV (стр. 188): «В это утро к князь Луке Ивановичу пришел обоз из вотчины, четыре подводы привезли овса, круп и три боченка меду стоялого».

В отрывке о Ерлоковых ничего не говорится о Кожуховском походе,

но связь с набросками этого цикла несомненна — фамилия Ерлокова фигурирует еще в двух Кожуховских отрывках (вар. №№ 11 и 12, стр. 186), причем из отмененной и неиспользованной в дальнейшем фразы о Ерлокове варианта № 11 явствует, что он — из Каширы, так как в следующей фразе у Толстого вместо Ерлокова фигурирует Щетинин из Каширы, а в дальнейшем описывается еще Хрущев тоже Каширский. («После царя Алексея Михайловича Хрущев попал по наговорам в немилость и уехал в Каширские вотчины».)

В записках Желябужского под 1695 г. имеется запись: «генваря в... день, в стрелецком приказе пытаны Каширские дети боярские... Петр да Федор Ерлоковы за воровство» (стр. 39).

Вариант № 10 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 10-а (ркп. В. XI). *Содержание:* Петр согнал 40 тысяч войска, построил город против Кожухова. Описывается потешная война. — Если не считать предшествующего варианта, то это — самый незначительный по размерам набросок из цикла «Кожуховских начал», довольно бессвязный по содержанию и почти весь перечеркнутый. Судя по дневниковой записи от 18 января 1872 г. этот очерк, равно как и рукописи XIII и XV, по написанию должны быть отнесены к январю и следующим ближайшим месяцам 1872 г. (подробнее см. историю писания стр. 626).

Вариант № 11 (ркп. В. № XII). *Содержание:* Собираются ратные люди, выходят за Симонов в деревню Кожухово. Описывается пир у Хрущова. — Очевидно заимствование Толстым описания соответствующих исторических событий из записок Желябужского: «и сентября... день по указу великих государей посланы из разряду великих государей грамоты в разные городы о высылке стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов к ратному учению.... и всего посланы великих государей грамоты в двадцать два города» (стр. 29—30). Далее Желябужский приводит текст одной из грамот. При наличности записок Желябужского, сохранившихся с многочисленными пометами Толстого в Яснополянской библиотеке, очевидно, что Толстой опирался на данный материал, а равно на главу седьмую («Кожуховский поход») II т. «Истории Петра Великого» Устрялова. Приведенные источники служили для Толстого исторической базой при написании всех вариантов «Кожуховского цикла».

Одним из признаков написания рукописи XII после рукописи XI является то, что упоминание о начале потешной войны после возвращения Петра из Архангельска здесь зачеркнуто, а в рукописи XI имеется в неизъятом виде. Вообще же рукопись XII почти сплошь с вычеркнутыми строками, что свидетельствует об ее сравнительно раннем написании в серии рукописей о Кожуховском походе.

Вариант № 11 впервые печатается в настоящем издании.

Вслед за вариантом печатаем конспект и перечень действующих лиц, приведенные на последней странице рукописи XII. Этот конспект-перечень (единственный план к роману, который нам оставил Толстой) вскрывает некоторую связь между рукописями двух циклов — В и Г. В нем фигурируют Щетинины и Щепотевский мужик Тарас, а о Тара-

совых детях сказано, что они в связи с стрельцами и Посошковым. Таким образом вариант № 23 цикла Г (о Посошковых) (стр. 210—211) по внутреннему замыслу Толстого оказывается имеющим отношение к Кожуховским отрывкам, где речь идет о Щетининых. Но всё это осталось невыявленным, и связь намеченной лишь в замысле. Конспект был впервые опубликован Грузинским в его статье «Работа Л. Н. Толстого над романом из эпохи Петра I» («Новый мир», 1925, № 5, стр. 35).

Варианты № 12 (ркп. В. XIII). Подробное описание характера войны. Два стана — поляков и русских. Роздых 5 октября. Палатка Щетинина. Гости (Левашевы, солдат Щепотев). Спор из-за лошадей. Щетинин хочет драться с Щепотевым. — Рядом на полях другое изложение: во время спора из-за лошадей сын Щетинина выхватывает тесак и расшибает в кровь голову Щепотева. Щепотев уходит в Кожухово и вскоре молодого Щетинина арестовывают. — По сравнению с предшествующими рукописями изложение разработанное.

Имя и отчество Щетинина на протяжении отрывка меняется: то он Лука Иванович, то он Иван Лукич; то же смешение мы находим в следующем варианте.

Вариант № 12 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 13 (ркп. В. XIV). *Содержание:* Потешная война; обоз Щетинина; его характер. Утреннее вставание. Щетинин обходит обоз. Сравнительное описание наружности Щетинина отца и сына Аникиты.

Вариант № 13 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 14 (ркп. В. XV). Описывается московский обоз во время Кожуховского похода. У Щетинина кутеж; спор о немцах с Курбатовым, поклонником немецкого строя. Хованский — противник немцев; Щетинин пьет за здоровье царя, возбуждается, хочет биться.

В одном месте отрывка (начало стр. 191) имя Ивана Лукича меняется на Василия Лукича.

Вариант № 14 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Подобно тому, как пять вариантов цикла Б объединяются проходящим в них образом весов («через»), так в рукописи XII, XIII и XV цикла В имеется общее аналогичное описание того, как после тумана осенью на полях летает паутина. Эта совпадающая деталь определяет близость времени написания данных отрывков, а также и последовательность их: в рукописи XII читаем: «откуда ни взялась паутина разлетелась по всему полю»; в рукописи XV: «откуда ни взялись, паутины понеслись по ⟨всему полю⟩ воздуху». То, что слова: «всему полю» оказались отмененными Толстым и замененными другим словом в рукописи XV определяет, что рукопись XII, где эти слова налицо, написана до рукописи XV.

Вариант № 15 (ркп. В. XVI). *Содержание:* Щетинин получает приказ явиться 1 сентября на службу под Москву. Он приезжает в срок с обозом и вооружением. С ним сын Никита. В Москве оба являются для записи к Ромодановскому. Он хочет приписать их к немцу Либерту, но Щетинин просится к Б. А. Голицыну. Молодой Щетинин впервые в Москве. Поход ратных людей через Москву к Симонову.

Вариант составлен после варианта № 12, так как в этом последнем

в записях о Щетинине в разрядной книге значится, что лошадей ему нужно было привести 10, после зачеркнутых 20, в настоящем же варианте поставлено 10, затем исправлено на 8 лошадей.

Варианты №№ 15, 14 и 13 несомненно связаны между собой. Вариант № 15, описывающий приезд Щетининых в Москву на поход, кончается выездом из Москвы к Кожухову, расположением Щетининского обоза рядом с обозом Хованского и указанием на то, что в воскресенье 6 октября войскам был дан роздых. Рукопись написана очень тщательным почерком и отчасти использует рукопись XIII (вариант № 12). Между тем до написания варианта № 15 Толстым был написан вариант № 13; в нем мы находим вычеркнутыми первую страницу и начало второй. Это вычеркивание привело к тому, что последующий незачеркнутый текст оказался без необходимого начала. Можно предположить, что этим вычеркиванием начала варианта № 13 Толстой хотел приладить содержание оставшегося текста варианта № 13 к варианту № 15 в такой последовательности, чтобы вариант 13 был продолжением варианта № 15. И действительно, можно незаметно перейти в чтении от варианта № 15 к варианту № 13; в этом отношении непрерывность текста может быть засвидетельствована следующими подробностями: по обеим рукописям ближайшим соседом по Кожуховскому лагерю у Щетинина был Хованский; срв. также — вар. № 15: «хоть и копны не все еще свезены были», а в вар. № 13 в том месте, где рассказывается о приезде обоза из деревни Щетинина, последний спрашивает: «копны свезли ли». Но приходится добавить, что, приладив более раннюю рукопись в виде продолжения к вновь написанному, Толстой затем бросил эту работу, так как налицо известная несогласованность: повторения и даже противоречия. Повторением является указание в обеих рукописях отдельно возраста старика Щетинина (60 лет). Несогласованностью — то, что в рукописи XIV (вар. № 13) говорится, как старик Щетинин называл сына сокращенно вместо Никишки — Никиш; в вар. же № 15 сказано: «молодой князь Никишка, как его звал отец».

В рукописи XV сватом Щетинина назван Курбатов, между тем как в рукописи XVI сватом является И. И. Хованский. Поэтому нельзя безоговорочно считать одну рукопись продолжением другой. В виду этого и печатаем их в порядке их написания.

С другой стороны и рукопись XV (вар. № 14) может служить продолжением рук. XVI, если брать ее содержание, начиная со второй страницы, где поставлена римская цыфра II. Эта римская цыфра II также указывает на то, что Толстым предполагалось приладить этот вариант в качестве продолжения другого начала. Таким началом могла служить рук. XVI, ибо она кончается указанием на праздничный роздых, а как раз предшествующая цыфре II фраза говорит о том, что в день именин Лефорта «по всему войску... не было службы». То обстоятельство, что и здесь Толстой не доработал рукописи так, чтобы она тесно примкнула к началу ркп. XVI и даже не зачеркнул предшествующих строк, тоже не позволяет соединить эти рукописи. Поэтому все три варианта печатаются раздельно в предположительном порядке их написания. Бумага всех трех отрывков одинакового качества.

Эти отрывки по содержанию связаны основным действующим лицом —

главой семьи Щетининых. У Толстого в вариантах фигурируют следующие Щетинины: Иван Лукич (ркп. В. XVI, В. XIV, В. XII), иногда он называется Толстым Лукой Иванычем (ркп. В. XIII, В. XIV и В. XVII), иногда Василием Лукичем (В. XV); упоминаются его дети: Григорий (В. XV), Илья (В. XII), Лев (В. XIV), Петр (В. XIV) и более детально представлена фигура среднего сына — Никиты. В двух отрывках упоминается Щетинина жена (XIV, XVII), в одном из этих отрывков она названа Анной Тихоновной. — Родом Щетининых Толстой интересовался, поскольку его весьма занимал собственный род, а его прабабкой, женой Андрея Толстого, была Александра Ивановна Толстая, рожденная Щетинина (ум. 1811 г.). В родословной, составленной Толстым и сохранившейся среди его бумаг, написано после перечня ряда лиц: «из них известны и живут в 20-ых гг.» (очевидно 18 в.) — далее названы Головин, Н. Ф. Горчакова, П. А. Толстой, затем стоит: «имена известны» и назван Ив. Б. Щетинин. У Ивана Борисовича был сын Иван Иванович, дочерью последнего и являлась Александра Ивановна Толстая. В «Русской родословной книге» Лобанова-Ростовского значатся следующие «Иваны» из рода Щетининых времен XVII и XVIII вв.: Иван Васильевич Щетинин, московский дворянин (упом. под 1658 г.), Иван Иванович большой, дворянин московский (упом. под 1669 г.), Иван Иванович меньшой, дворянин московский (упом. под 1669 г.).

Вариант № 15 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 16 (ркп. В. XVII). Описание конца летних работ. Упоминается Л. И. Щетинин и кн. Анна Тихоновна. В виду этого упоминания Щетинина относим отрывок к роману времен Петра, а именно к циклу Кожуховского похода.

Вариант № 16 печатается впервые в настоящем издании.

Вариант № 17 (ркп. Г. XVIII). В начале идет вводный рассказ о семье Апраксиных по выходе замуж Марфы за царя Федора в 1682 г. Затем — непосредственный приступ, как летом 1695 г. в Москву приехала погостить старушка Апраксина к сыну и дочери царице. На этом рукопись обрывается. В виду того, что события отнесены к 1695 г., включаем отрывок в цикл вариантов времен Азовских походов.

Вариант № 17 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Варианты №№ 18 и 19 (ркп. Г. XIX). В первом приступе описывается приезд боярина Хованского в Москву; он хочет хлопотать перед царем за любимого сына, арестованного за грабеж. В «Бумагах Петра» (л. 14) мы находим следующую конспективную запись Толстого, предопределившую настоящий отрывок: «Хованский в Москву просить за сына, один сын в потешных. Притворяется старик прогрессистом. Нанюхался крови. Пытал Лопухина».

Во втором приступе, набросок которого имеется в той же рукописи, описывается постройка кораблей. Весь великий пост Петр в Воронеже. Народа согнано много тысяч. Весна. Вскрытие Дона. Прибытие из Архангельска А. Головина с корабельными мастерами. — Этот отрывок соответствует следующей записи на листке № 21: «в марте в лесах по Воронежу более 30 000 людей, работали суда. — В апреле спуск судов».

Картина весны, данная Толстым во втором абзаце отрывка, находится в соответствии со следующим историческим описанием погоды в Воронеже в марте месяце 1696 г.: «Ненастное время увеличивало тяжесть труда: до половины марта шли проливные дожди, так, что реки вскрылись; потом вдруг наступила стужа; реки опять стали, и от жестокого холода не было возможности работать на верфи в продолжение пяти дней. В конце марта весеннее солнце согрело воздух и оживило природу, реки выступили из берегов». (Устрялов, «История царствования Петра», II, стр. 266.)

Варианты №№ 18 и 19 в настоящем издании впервые печатаются по подлинникам.

Вариант № 20 (ркп. Г. XX). Содержание: Ф. А. Головин принимает у себя в доме на Яузе гостей: Лефорта, Репнина и двух Голицыных. Дано лишь описание действующих лиц. — Сохранился следующий конспект Толстого: «Головин Фед. Алексеич, старше Петра. Очень образованный, по латыни знает, посол в Китае. Друг Лефорта. Хороший рассказчик. С усами, статный». Конспект составлен по «Словарю достопамятных людей» Бантыша-Каменского (С.П.Б. 1847, ч. I, стр. 429 и сл.).

Вариант № 20 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Варианты №№ 21 и 22 (ркп. Г. XXI). Описывается начало второго похода на Азов. Солдат Алексей Щепотев. Встреча царского корабля. Петр бросает шляпу в воду. Щепотев достает шляпу и подает ее царю. Он остается на корабле.

С седьмого листа рукописи — другой вариант, в котором дается подробное описание того, как Щепотев ныряет и достает шляпу Петра. Описание наружности Петра. Щепотев рассказывает о себе, о том, почему он ушел в солдаты. В награду просит водки. Петр оставляет его у себя. — По сравнению с предшествующим (21) вариантом этот вариант более яркий, с конкретными деталями.

По вопросу о прототипе Щепотева в изображении Толстого следует указать на сержанта Михайлу Щепотева, которого, как верного человека, Петр приставил для наблюдения за действиями Шереметева в 1705 г. Шереметев жаловался Петру на Щепотева, но царь не выдал его, из чего видно, что Петр полагался на Щепотева (Соловьев, XV, стр. 153, 159—160). Во время приготовления ко второму Азовскому походу фигурировал другой Щепотев, Иван Андреев, который, будучи стольником, был послан «приводить разных людей солдат» (Желябужский, стр. 62—63). Толстовский Щепотев действует во время Азовских походов и попадает в милость Петру.

Варианты №№ 21 и 22 впервые напечатаны в журнале «Новый Мир», 1925, 5, стр. 14—23.

Варианты № 23 (ркп. Г. XXII). Описывается въезд в Москву братьев Посошковых через Тверскую заставу. Слышна пальба. Празднование Азова. Разговор Посошкова с десятским.

Начало отрывка взято Толстым почти дословно у Желябужского (Записки, стр. 105): «И февраля в 13 день, в субботу, на сырной неделе, у Красного села на пруде сделан был город Азов, башни, и ворота, и колапчи нарядные, и потехи были изрядные, и государь изволил тешиться».

В публикуемом варианте введены в действие два брата Посошковых. Из них Иван — известный автор трактата «О скудости и богатстве», — книги, которая сохранилась в Яснополянской библиотеке с многочисленными отметками Толстого. Толстой в задуманном им рассказе отправлялся от следующих исторических данных. В конце 1696 или начале 1697 г. монах Авраамий, строитель в Московском Андреевском монастыре, подал царю тетради с указанием того, что в поведении царя соблазняет народ. Авраамия пытали, и он указал, кто именно у него бывал: «...да села Покровского крестьяне Ивашка да Ромашка Посошковы, — и те все, бывая у него в монастыре, такие слова, что в тетрадях написано, говаривали» (Соловьев, XIV, стр. 242). Толстой описывает поездку Посошковых в Москву, причем они, по замыслу Толстого, как раз едут в Андреевский монастырь.

В этом отрывке примечательно как то, что Толстой хотел выдвинуть в одном из замыслов романа этого интересного самоучку, первого русского экономиста, так и вообще переход Толстого от картин жизни высшего общества того времени к попыткам изображения народной среды эпохи Петра. Этот интерес к крестьянской жизни Толстого всего более раскрывается в дальнейших вариантах циклов Д и Е.

Вариант № 23 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 24 (ркп. Д. XXIII). Описание Пасхи 1708 г. В чистый четверг в Ясную поляну возвращается крестьянин Василий Меньшовской барщины; он должен попасть в набор. С 1705 по 1708 гг. было пять наборов солдат. — В подлиннике Толстым не проставлен день Пасхи 1708 г., хотя на отдельных листках-картотеке в разделе «времена года» значится: «Пасха 1708 г. 4-го Апреля».

Толстой замыслил изобразить средостение между велениями власти и преломлением распоряжений Петра в трудовых условиях жизни народной гущи, вызывавших народные бунты и бегство к казакам в вольную степь. Об этом свидетельствует следующий конспект к данному отрывку, сохранившийся на отдельном клочке бумаги: «в Ясн. п[оляне]. Бежали от рекрутчины. Волк[онский] в баню у Бабаед[ихи]. Василий отдается», и далее: «Дмитрий Раскольник. — Башкирцы и Булавин».

Вариант № 24 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 25 (ркп. Д. XXIV). Дан облик Ясной поляны, в каком виде она была при Петре в 1709 г. Описание местности. Количество населения. Избы и быт. Заработки. Крестьянские порядки. 5 помещиков: Бабоедов, Карцов, Меньшой, Дурнова, Абремова. — Имена помещиков, указываемые Толстым, подтверждаются документально. Сохранилась в бумагах Толстого копия «росписи Крапивенского уезда села Кочеков церкви... о состоящем при оной церкви в приходе нижеименованных чинов людям с оставлением против каждого имени о бытии в нынешнем 1740 г. у исповеди». В этой росписи по деревне Ясная поляна значатся: капитанша вдова Анна Феодорова дочь Максимовская жена Бабаедова, у нее — дворовых людей 29 чел., крестьян 76; Феодор Лукин сын Карцов, дворовых людей 10 и 65 крестьян; вдова Аксинья Григорьева дочь Михайловская, жена Дурного, крестьян 17; Татьяна Григорьева дочь, Ивановская жена Абремова, крестьян 4; Михайло Трофимов Мень-

шой, крестьян 28. — Имена помещиков, значащихся в наброске Толстого, соответствуют приведенному перечню; совпадает в приблизительном исчислении и количество крестьян. В рукописи ошибка — вместо Абремовой надо читать Абрескова или Обрезкова. Ошибка росписи отразилась на рукописи Толстого. Подобные данной росписи материалы и могли служить Толстому исторической ориентировкой при составлении вариантов №№ 24 и 25. Роспись находится в папке L Архива Толстого, хранящегося в Библиотеке им. Ленина, и заключена в следующую обложку: Выписка из бумаг, присланных от преосвященного архиепископа тульского Никандра. Кроме того в распоряжении Толстого была рукопись: «Родословная Карцовых, владеющих Ясной поляны, Крапивенского (бывшего Соловского) уезда с 1736 по 1746 год и краткая *записка* о переходе той деревни в род Карцовых» (16 лл.). Рукопись эта хранит на себе пометы, сделанные рукой Толстого. Архивные выписки этой рукописи были сделаны И. Николевым в Москве и посланы Толстому 1 мая 1879 г. Хранится рукопись в ГТМ (№ 4523).

Отрывок писан в 1879 г. (сравни первую фразу: «теперь в 1879 г.»).

Вариант № 25 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 26 (ркп. Е. XXV). Действие происходит в 1723 г в деревне Сидоровой Мценского уезда. Дана картина деревенской жизни и психологии угнетенных крестьян. Описывается отец Захар, потом жизнь крестьянина Корнея после смерти отца. Роды его жены в рабочую пору и разговор Корнея в ночном с мужиками. Разговор сначала касается политических событий того времени (что Петр остался в Стекольном и что теперь другой царь, подменный), потом переходит на личную и семейную жизнь Корнея.

Отрывок писан в 1877 г. или несколько позднее, судя по следующей записи С. А. Толстой от 25 октября 1877 г.: «Сегодня он мне говорит: один сын не сын, два сына — пол сына, а три сына сын. Вот для моего начала эпиграф» (ДТ, I, стр. 39), сравни с фразой Толстого в данном варианте: «есть пословица — один сын не сын, два сына — пол сына, три сына — сын». В связи с этим нужно счесть ошибочной датировку Дружкиной, утверждающей со слов Грузинского, что «приблизительно в 1873—74 гг. Толстой создает отрывки крестьянского романа, озаглавленного «Корней Захаркин». («На Лит. посту», 1927, 14, стр. 23.) Другая ошибка Дружкиной заключается в том, что она относит этот отрывок «Корней Захаркин» к роману Толстого «Декабристы», тогда как этот набросок изображает события конца царствования Петра. Тихон Полнер тоже неверно датирует варианты №№ 26, 30 и 31, относя их написание к 1872 году («Голос минувшего на чужой стороне», 1926, I (XIV), стр. 19).

В своих черновых выписках («Бумаги Петра», второй и четвертый раздел) Толстой намечал для широких масс населения начала XVIII века два возможных исхода из условий невыносимого гнета, наложенного государственной властью: 1) уход в степи, объединение в казачестве, бунты — активное сопротивление, 2) бегство в леса, раскол, молитвы и тяготение к старине — пассивная реакция. В сохранившихся же отрывках «Корнея Захаркина» Толстой развернул повествованье лишь в сторону пас-

сивно-созерцательного изживания русским человеком XVIII века невзгод жизни.

В связи с частичной переменой и вставками, сделанными Толстым, текст не всюду согласован. Так на стр. 221 упоминается Феофан; при намеченной Толстым последовательности он здесь не уместен, следовало бы поставить Корней.

Вариант № 26 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 27 (ркп. Е. XXVI). Набросок представляет собою третью редакцию отрывка «Корней Захаркин» рукописи № XXV. Вторая редакция, с которой списывал переписчик данной рукописи, отсутствует. Доказательством того, что данный вариант — позднейший по сравнению с предшествующим наброском, является конспективная запись на обороте третьей страницы рукописи XXV: «Искалъ въ туманѣ мужиковъ, сказали въ Барсукахъ, а они въ Скародномъ, человѣкъ наѣхалъ». В варианте № 28 излагается, что накануне описываемого дня мужики ночевали в Скародном, что стояла мгла из-за пара, поднимавшегося в лощине, и что Корней из Скародного хотел проехать в Барсуки. Несомненно запись предшествующей рукописи определила данный эпизод в развернутом виде. В первой фразе отрывка Толстой ошибся, поставив «250 лет» вместо «150 лет».

Печатаем отрывок до того места, где кончается правка Толстого; остающаяся часть почти тождественна соответствующему месту рукописи XXV. Более подробно изложена лишь следующая часть разговора между Щербачом и Евстигнеем:

Они говорили про солдатъ, которые весь этотъ мѣсяцъ замучили ихъ постоемъ, проходя назадъ изъ Персіи, куда ходили воевать въ прошломъ году.

«Тоже и ихъ сердечныхъ жалко, — говорилъ Евстигнѣй, покачивая головой, на которой вмѣстѣ съ головой тряслась высокая, надѣтая на затылокъ шапка. — Тоже, намедни, стоялъ у насъ Копралъ, сказывалъ про Баку городъ. Загнали, говоритъ, ихъ въ такое мѣсто, что изъ земли огонь полыхаетъ, погорѣло, говоритъ, ихняго брата. Половина до смерти, а у кого руки и ноги обгорѣли и царь, сказываютъ, самъ въ томъ мѣстѣ былъ».

«Его и огонь не беретъ, сказалъ Щербачъ, куда и куда ужъ онъ ихъ негонялъ и въ Стекольномъ городу были и въ Туретчинѣ были. Теперь, сказываютъ, всѣхъ за̀ море погонитъ».

Вариант № 27 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 28 (ркп. Е. XXVII). Вступление к историческому роману. Устанавливаются две основных причины деятельности людей: «похоть» (страстей) и «совесть»; в жизни скрещиваются оба эти пути, борьбой обоих начал и движется история. Затем следует рассуждение о причинах, благодаря которым составляются ложные суждения об исторических деятелях: 1) преклонение перед властью, 2) психологическая причина, заставляющая людей, находящихся около человека, имеющего

власть, писать о нем только положительное, 3) государственные деятели сами пишут свою историю и подготавливают для нее материал, 4) причина, которую можно назвать диалектической, — желание историков слить достоинство народного деятеля с достоинством общечеловеческим.

Содержание настоящего предисловия к историческому роману по выраженным в нем взглядам стоит в близкой связи с «Исповедью». Так аналогична постановка вопроса: «иначе выраженный, вопрос будет такой: «зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?» Еще иначе выразить вопрос можно так: «есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежной, предстоящей мне смертью?» (*«Исповедь»*, ч. XIII Сочинений Толстого, 1911, стр. 24); совпадает и определение веры: «вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни» (там же, стр. 48).

На последней странице рукописи вкраплены два абзаца, по содержанию не имеющие отношения к данному предисловию, а представляющие конспективный набросок исторического романа XVIII в. с упоминанием голода, казни попа, старика — петровского солдата, староверов и т. п. Это — наметка того возможного повествования, к которому настоящее предисловие могло бы служить введением.

Поскольку настоящий вариант примыкает по содержанию к следующему отрывку (№ 29 ркп. XXVIII), открывающемуся конспективным предисловием, где речь идет о страхе смерти (а в варианте № 28 рассуждение тоже исходит из мысли о неизбежности смерти), естественно отнести настоящее предисловие к роману «Сто лет». Порядок написания был таков: сначала Толстой набросал вариант № 29, включающий краткий конспект предисловия (всего 1 страница) и затем излагающий в развернутом виде содержание первой главы романа «Сто лет». Затем уже Толстой решил развить конспективное введение и составил вариант № 28. Сообразуясь с требованиями строгого соответствия рукописям и текстологической точности, печатаем сначала полное введение, затем первую главу романа с непосредственно ей предшествующим и с ней связанным конспективным приступом. Мысли, выраженные в предисловии, впрочем, не связаны только с планом писания романа из XVIII века. В определенный этап работ над «Декабристами» Толстой так же точно смотрел на задачи художника в области исторической прозы XIX века. Так 8 января 1878 г. Толстой говорил жене, что, как фон нужен для узора, так и ему нужен фон, который и будет его теперешнее религиозное настроение, «вот, например, смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать» (Дневники С. А. Толстой, 1860—91. М. 1928, стр. 41). Публикуемый нами набросок предисловия тоже кончается словами: «я буду с помощью божьей описывать их так, как будто о них не существует никакого суждения».

Еще в 1853 г., читая русскую историю Устрялова, Толстой высказал мысли на задачи историка, близкие к взглядам, которые он выразил в настоящем вступлении к историческому роману: «Каждый исторический факт необходимо объяснять *человечески* и избегать рутинных истори-

ческих выражений. Эпиграф к Истории я бы написал «Ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая». Запись в Дневнике от 17 декабря 1853 г., см. т. 46 настоящего издания. стр. 212.

На рукописи помета, свидетельствующая о времени написания: «1879 февраль 16».

Вариант № 28 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику. Первый абзац варианта приведен Б. М. Эйхенбаумом в статье «Лев Толстой и Петр Первый» («Литературный Ленинград» 1934, № 23 (45) от 20 мая).

Вариант № 29 (ркп. Е. XXVIII). После предисловия (исторического введения, в котором характеризуется замысел автора описать за 100 лет жизнь русского народа) идет рассказ о мужике Онисиме из под Мценска. Описание семьи и хозяйства. Приезд из ночного. Выезд на работу. Вследствие наступления родов, беременная жена уходит с работы. Рождение мальчика. Приготовления к крестинам.

Имя Онисима в отрывке неустойчиво: то это Онисим, то Дмитрий (Митюха); часто, зачеркивая ранее стоявшее «Онисим», Толстой надписывает «Дмитрий». Не унифицируем имени и оставляем всюду так, как стоит в рукописи. В одном месте отрывка (стр. 236), где воспроизведен разговор, как будто фигурируют зараз два лица: и Дмитрий и Онисим; но возможно такое понимание реплик, что они принадлежат ехавшему с обозом Савоське, который догнал Онисима.

Вариант № 29 в настоящем издании впервые печатается по подлиннику.

Вариант № 30 (ркп. Е. XXIX). Описание перехода Вяземского поместья в другие руки после смерти Вяземского. Ссора Настасьи Федоровны Горчаковой («Баскачихи») с Вяземским. Арест сына Баскачихи. Поездка ее в Петербург. — Единственный отрывок, где фигурирует новая столица (описание въезда в Петербург и «нового прешпекта»). Рукопись может служить продолжением предшествующего начала.

Образ Н. Ф. Горчаковой усиленно занимал Толстого, о чем свидетельствуют многочисленные записи о ней. На листке-карточке № 40 мы читаем: «Горчаковы Фед. Вас. † 1699, его жена, Настасья Федор. Баскакова, р. 1652 † 1738. Ив. Фед. род. 1691. 1731 — майор, воевода в Суздале». В конце рукописи № XXVI среди других имен стоит: «Горчакова, Настасья Федор., ур. Баскакова 70 лет. Ее сыновья. Иван. Роман». Значится она также в одной родословной схеме, сделанной Толстым на отдельном листе бумаги; срв. также Горчаковых в набросках романа «Труждающиеся и обремененные».

Вариант № 30 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант 30-а (ркп. Е. XXX). По содержанию этот вариант, озаглавленный «Сто лет», тесно примыкает к варианту № 29. Действие происходит в том же 1723 г. в Чернском уезде. Главные действующие лица: крестьянин Дмитрий (вначале он фигурирует как Онисим, имя, которое Толстой тут же всякий раз зачеркивает), жена его Марфа. Рассказывается, как Дмитрий был в ночном и потом приехал домой. Подозревает, что жена родит девочку. Описания самих родов нет.—Текст исключительно сложный

с большим количеством отмен и вычеркнутых мест (вначале почти сплошь); многочисленные вставки. В целом вариант далек от того, чтобы представить цельный доработанный текст.

Вариант № 31 (ркп. Е. XXXI). Описываются роды, которые происходят в поле в противоположность варианту № 29. В общем по сравнению с вариантом № 29 данный отрывок лаконичнее, описывая событие родов с точки зрения матери, а не отца.

Первой фразой отрывка: «156 лет тому назад» определяется время написания варианта: 1879 год.

Вариант № 31 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 32 (ркп. Е. XXXIII). Вариант состоит всего из трех предложений. К этому листку тесно примыкает следующий набросок.

Вариант № 32 впервые печатается в настоящем издании.

Вариант № 33 (ркп. Е. XXXIII). Воспоминания Онисима Иванова Бодрова о начальных годах своей жизни. Первые детские впечатления. Образ бабушки.

Варианты №№ 26, 27, 29—33 связаны между собою общностью замысла и содержания. Фигуры крестьянина и его жены всюду повторяются, меняется лишь имя: сначала это Корней Захаркин (варианты №№ 26 и 27), затем Онисим Марков (варианты №№ 29), Дмитрий, перемежающийся, впрочем, с Онисимом (вар. №№ 29 и 30-а), опять Онисим (вар. № 30), наконец этот Онисим Петров (вар. №№ 31) превращается в Ивана Бодрова, а сын его становится Онисимом (вар. № 32 и 33). Повсюду дана одинаковая крестьянская среда, и описывается рождение сына или ожидается рождение ребенка. Толстой менял точку зрения на то же событие: так последняя рукопись вводит в описание той же среды, но от лица мальчика, постепенно подрастающего, предшествующие же очерки исходят от лица рассказчика, повествующего о мальчике и его рождении, как объективном факте (особенно это оттеняется сопоставлением данного варианта с содержанием предшествующего начала).

Вариант № 33 впервые печатается в настоящем издании.[1]

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РОМАНАМ.

В архиве Л. Н. Толстого, хранящемся в Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина, имеются следующие рукописи, относящиеся к романам из эпохи конца XVII — начала XIX в.:

А. I (папка XXII) (вариант № 1). Автограф, 4°, 3 лл., исписано 6 страниц. Бумага Каменской фабрики № 3. Много правки. Чернила выцветшие. Начало: «Стрѣльцы. 17 Марта 1629 года».

А. II (папка XXII) (вар. № 2). Автограф, 4°, 1 л., исписанный кругом, по качеству бумаги и бледным порыжевшим чернилам напоминающий рук. № XXVII—XXXIII; по содержанию отрывок примыкает к первым наброскам романа. Начало: «7290 года ⟨27 Апрѣля⟩ въ четверкъ на ѳоминой недѣлѣ померъ послѣдній Русскій Царь».

[1] При описании рукописей не принимались во внимание римские цыфры, проставленные, судя по чернилам, рукой С. А. Толстой в левом углу первой страницы каждой отдельной рукописи. С последовательностью рукописей эти цыфры не совпадают.

Б. III (папка XXII) (вар. № 3). Автограф, 4°, 2 лл., бумага фабрики Гончарова, низкого качества, чернила черные. Начало: «1. Князь В. В. Голицынъ ужъ 12 лѣтъ былъ первый человѣкъ въ Русскомъ Царствѣ».

Б. IV (папка XXII) (вар. № 4). Автограф, 4°, 4 лл. бумаги фабрики Гончарова, низкого качества. Чернила черные. Исписано шесть с небольшим страниц. В конце четвертой страницы рукой Толстого написано шесть строк, имеющих отношение к «Азбуке» и не связанных с текстом настоящей рукописи. Эти строки написаны в обратном порядке и зачеркнуты. Зачеркнутое начало: «Князь Василій Васильевичъ Голицынъ». Не зачеркнутое: «Какъ на терезахъ твердо — не двинется сидитъ».

Б. V (папка XXII) (вар. № 4°). Копия автографа IV, сделанная рукой С. А. Толстой; 4°, 10 лл. бумаги фабрики Говарда; чернила лиловые; исписано 13 страниц. Заглавие: «Отрывки изъ задуманнаго романа временъ Петра I-го, гр. Л. Н. Толстого». В виду авторитетности данной копии, сделанной рукой С. А. Толстой и использования ее в редакторских комментариях, включаем этот манускрипт в число рукописей романа, хотя на нем нет следов правки Толстого.

Б. VI (папка XXII) (вар. № 5). Автограф, 4°, 2 лл., бумага низкого качества; чернила черные; исписано 3 страницы. Начало: «Какъ твердо — не двинется — сидитъ ⟨положе⟩ на землѣ латокъ вѣсовъ». В конце рукой Толстого написано: «Гавно» и зачеркнуто С. А. Толстой другими чернилами. Цвет чернил, которыми С. А. Толстая проставляла другие пометы на автографе, свидетельствует о том, что данное зачеркивание принадлежит ее руке.

Б. VII (папка XXII) (вар. № 6). Автограф, 4°, 1 л., исписана одна страница; чернила черные. Начало: «Твердо — не двинется сидитъ на землѣ гиря на одной сторонѣ ⟨латокъ⟩ вѣсовъ».

Б. VIII (папка XXII) (вар. № 7). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги фабрики Гончарова низкого качества, чернила черные, исписано 3 страницы. Первый абзац, начинающийся со слов: «Хоть коротка Августовская ночь» зачеркнут, затем начало: «Всю Сентябрьскую длинную ночь не спалось Князю Борису Алексѣевичу Голицыну».

Б. IX (папка XXII) (вар. № 8). Автограф, 4°, 12 лл. бумаги фабрики Говарда, чернила черные, исписано 22 страницы. Начало: «Прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой Царь Петръ Алексѣевичъ переѣхалъ изъ Москвы въ Троицо-сергіевскую Лавру».

Б. X (папка XXII) (вар. № 9). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги фабрики Говарда, чернила черные, исписано 3 страницы и начата 4-я. Начало: «⟨Князь⟩ Только что ударили въ большой колоколъ къ вечерни, наканунѣ праздника Рожества Богородицы».

В. (папка XXII) (вар. № 10). Взят из «Бумаг Петра», л. 10. См. материал к роману времен Петра I, стр. 679—680.

В. XI (папка XXII) (вар. № 10-а). Автограф, 4°, 1 л., исписано полторы страницы, много зачеркнутого; чернила черные. Начало: «Осенью 1694 года ⟨Царь⟩ пока Царь Петръ Алексѣичъ ⟨только вернулся изъ⟩ былъ въ Архангельскѣ». В настоящем издании не печатается.

В. XII (папка XXII) (вар. № 11). Автограф, 4°, 3 лл. бумаги Сергиевской фабрики; текст на 5 страницах, 6-я содержит конспект; чернила

черные. Начинается с зачеркнутых слов: «Послѣ уборки хлѣба въ 1694 году пришли грамоты». Потом рукопись была переработана, и начальными словами оказались помещенные на 5-й странице: «Въ 203 году (1694) посланы отъ Царей грамоты», затем идет вторая половина четвертой страницы, а потом должны по содержанию следовать страница первая, вторая, третья и начало четвертой.

В. XIII (папка XXII) (вар. № 12). Автограф, F°, 3 лл. бумаги фабрики Говарда, с полями в половину листа; чернила порыжевшие, правка черными чернилами. Начало: «Въ Сентябрѣ 1694 года, подъ Москву было собрано ⟨потѣшное⟩ войско».

В. XIV (папка XXII) (вар. № 13). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги фабрики Говарда. Первая страница, начинающаяся со слов: «Осенью 1694 года», зачеркнута. Незачеркнутое начало на второй странице: «Въ это утро къ Князь М. [?] И. пришелъ обозъ изъ вотчины».

В. XV (папка XXII) (вар. № 14). Автограф, 4°, 4 лл. бумаги Сергиевской фабрики, исписано пять с половиной страниц, чернила черные. Зачеркнутое начало: «Обозъ Московскаго полку стоялъ за рѣчкой». Ниже зачеркнутое, но восстановленное начало: «Отъ лѣса и до Кожухова».

В. XVI (папка XXII) (вар. № 15). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги фабрики Говарда, чернила черные. Начало: «*Старое и новое.* I. Въ ⟨началѣ осени 1694 года⟩ концѣ 1693 года Ефремовскій помѣщикъ Князь Иванъ Лукичъ Щетининъ».

В. XVII (папка XXII) (вар. № 16). Автограф, 4°, 1 л. бумаги низкого качества, исписана одна страница с небольшим. На обратной стороне математические исчисления; чернила черные. Вначале поставлено «I», зачеркнуто 20 строк, начинающихся со слов: «Только стала заниматься заря». Незачеркнутое начало: «Уборка запоздала отъ дождей».

Г. XVIII (папка XXII) (вар. № 17). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги фабрики Говарда. Чернила черные. Начало: «Въ 1668 году Астраханскій воевода Апраксинъ».

Г. XIX (папка XXII) (вар. №№ 18 и 19). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги Сергиевской фабрики, чернила черные. Содержит два варианта: первый (18) начинается с зачеркнутых слов: «26 Января 1696 года померъ», незачеркнутое начало: «5 Ноября 1695 года въ Москвѣ было ⟨молебствіе⟩ благодарственное молебствіе о благополучномъ возвращеніи втораго Царя Петра Алексѣевича изъ Азовскаго похода».

Другое начало (19), занимающее следующие две страницы, начинается со слов: «I. Весь великой постъ 1696-го года Царь Петръ Алексѣичъ прожилъ въ Воронежѣ на корабельной верфи».

Г. XX (папка XXII) (вар. № 20). Автограф, 4°, 2 лл. плотной бумаги, чернила черные. Начало: «*Старое и новое*». «То Царей мало что одинъ, три — съ Царевной было».

Г. XXI (папка XXII) (вар. №№ 21 и 22). Автограф, 4°, 10 лл. бумаги фабрики Говарда. Чернила черные. Начало: «I. Изъ Воронежа, ⟨внизъ по Дону⟩ къ Черкаску на корабляхъ, на стругахъ, на бударахъ, внизъ по Дону бѣжало царское войско».

С листа 7 — другой вариант, начинающийся со слов: «II Когда Алексѣй ударился головой объ воду».

Г. XXII (папка XXII) (вар. № 23). Автограф, 4°, 1 л., чернила рыжеватые. Начало: «7205 года, февраля 13 день въ субботу на сырной недѣлѣ, у Краснаго села на прудѣ».

Д. XXIII (папка XXII) (вар. № 24). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги Сергиевской фабрики. Исписаны две страницы, начата третья. Чернила порыжевшие. Начало: «Въ 1708-мъ году ⟨Святая⟩ Пасха».

Д. XXIV (папка XXII) (вар. № 25). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги Каменской фабрики; исписано четыре страницы, чернила порыжевшие. Первые пять зачеркнутых строк начинаются со слов: «Было это давно». Далее незачеркнутое начало: «Деревня Ясная Поляна».

Е. XXV (папка XXII) (вар. № 26). Автограф, 4°, 24 лл. бумаги Каменской фабрики № 7, чернила порыжевшие. Первые два листа чистые. Начиная с третьего листа текст писан рукой переписчика. Этот переписанный текст представляет собою очерк «Ванька Каин» неизвестного автора. С 12 листа начинается автограф Толстого: «Карней Захаркинъ и братъ его Савелій. В 1723 году жилъ въ Мценскомъ уѣздѣ». Писано с одной стороны листа, за исключением трех вставок, сделанных на обороте. Всего, считая и эти две страницы, 11 страниц. Чернила основного текста черные, правки — порыжевшие. Последовательность текста такова: первая страница, вторая, третья и четвертая; против полей четвертой страницы на соседней странице стоят крест и слова: «Они говорили на 8 стр.». На самом деле фраза, начинающаяся со слов: «Они говорили» стоит на полях седьмой страницы и текст отсюда продолжается далее на восьмой странице до слов: «назад на 4 стр.»; отсюда надо читать оставшуюся часть текста на полях четвертой страницы, затем то, что написано на обороте ее, далее текст идет непрерывно на пятой, шестой и седьмой странице, кончая словами: «Вотъ живъ же», далее следует вставка на обороте шестой страницы и заключительный абзац на странице восьмой.

Е. XXVI (папка XXII) (вар. № 27). Копия рукой неизвестного переписчика с поправками рукой Толстого, 4°, 8 лл. бумаги Каменской фабрики № 7, вложенных в обертку из бумаги фабрики Сергеева; чернила черные; исписано переписчиком пятнадцать с небольшим страниц, затем исправленных рукою Толстого. К странице одиннадцатой две вставки на полулистке почтовой бумаги рукою Толстого. Далее основная рукопись уже без поправок Толстого. В пяти случаях слова при переписке не разобраны, вместо них переписчиком оставлены пустые места. На обороте последнего листа рукописи сведения о гр. Петре Андреевиче Толстом и о других предках Льва Николаевича и их летах в 1720 г. (рукой Толстого). Начало: «Тому назадъ 250 лѣтъ, при царѣ Петрѣ».

Е. XXVII (папка XXII) (вар. № 28). Автограф, 4°, 6 лл. бумаги фабрики Говарда, исписано 12 страниц выцветшими чернилами. Читать текст рукописи следует так: сначала идет первая страница, потом четвертая, пятая, восьмая, девятая, десятая, одиннадцатая и двенадцатая, до половины страницы, где поставлен крест и слово «назадъ», приводящие обратно к странице второй, затем страница третья, потом следует основной текст шестой, седьмая страница, поля шестой страницы и, в заключение, самый конец страницы двенадцатой. Данный переход со страницы на страницу явствует из расставленных знаков и находится в соот-

ветствии с содержанием отрывка. Начало: «Какихъ бы мы ни были лѣтъ».

Е. XXVIII (папка XXII) (вар. № 29). Автограф, 4°, 6 лл. бумаги фабрики Говарда, чернила порыжевшие, исписано десять с половиной страниц. Начало: «Конспектъ. Предисловіе. Страхъ смерти ⟨уничтожаетъ⟩ отбиваетъ охоту жизни».

Е. XXIX (папка XXII) (вар. № 30). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги фабрики Говарда, чернила порыжевшие. Исписано кругом четыре страницы. Начало: «Въ ⟨тотъ самый день⟩ то время какъ родился въ ⟨селѣ Зарѣчномъ⟩ Вяземской ⟨слободѣ⟩ Иванъ Онисимовъ». Текст рукописи обрывается на полуслове; продолжение утрачено.

Е. XXX (папка XXII) (вар. № 30-а). Автограф, 4°, 6 лл. Листы неровно вырезаны из тетради, так что обрезаны слова. Чернила рыжеватые, исписано шесть линованых страниц с многочисленными поправками, на обратной стороне этих шести листов имеются лишь две вставки. На обороте седьмого, уже не линованого, последнего листа тетради две вставки в шесть строк. Начало: «Сто лѣтъ. 1 часть. 1 глава. Рожденіе Ивана». В настоящем издании не печатается.

Е. XXXI (папка XXII) (вар. № 31). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги фабрики Говарда № 4, чернила порыжевшие, исписано две с половиной страницы. Начало: «156 ⟨года⟩ лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Петра I ⟨въ селѣ Вяземскомъ Чернскаго уѣзда ро⟩ у крестьянина села Вяземскаго Чернскаго уѣзда родился ребенокъ — мальчикъ.

Е. XXXII (папка XXII) (вар. № 32). Автограф, 4°, 1 л. бумаги фабрики Говарда, чернила выцветшие, исписана одна четверть первой страницы. Начало: «Онисимъ ⟨Бодровъ⟩ родился въ 1721 году».

Е. XXXIII (папка XXII) (вар. № 33). Автограф, 4°, 2 лл. бумаги Каменской фабрики, чернила порыжевшие, исписано две страницы с небольшим. Начало: «1. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ себя помнить».

ПРИМЕЧАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ РОМАНА ВРЕМЕН ПЕТРА I.

Кроме рукописей, которые представляют ряд художественных набросков к роману времен Петра I, в архиве Толстого сохранились различные бумаги, имевшие значение подготовительных материалов к его работам. Сюда относятся: 1) отдельные рукописные листы в общей обложке с надписью «Бумаги Петра», 2) пятьдесят девять листков с записями в форме своеобразной картотеки. (Записи этих двух разрядов документов сделаны собственноручно Толстым.) 3) «Ванька Каин»—статья неизвестного автора, переписанная рукой неизвестного переписчика; 4) выписки из дневника Гордона на немецком языке, переписанные неизвестной рукой; 5) копии различных актов времен Петра I, сделанных для Толстого в Тульских архивах; 6) девяносто две копии разных дел XVII и XVIII вв. из Московского архива министерства юстиции.

В настоящем издании подлежат опубликованию материалы за №№ 1 и 2. В том виде, в котором эти заметки набросаны Толстым, они представляют ряд обрывочных, часто бессвязных записей, не представляющих вразумительного материала для чтения. Разбросанные кое-где Толстым указания на ряд книг, откуда он делал свои выписки, и анализ содержа-

ния отдельных записей позволили установить, что, как «Бумаги Петра», так и отдельные листки-картотека представляют собою свод записей из исторических исследований и материалов, относящихся к концу XVII и началу XVIII века. В публикуемых «Бумагах Петра» имеется девять ссылок на исторические книги; из них шесть относятся к «Истории России» С. М. Соловьева, три — к двум многотомным произведениям Д. Бантыша-Каменского, а именно, к его пятитомному «Словарю достопамятных людей русской земли», изд. 1836 г. и трехтомному дополнительному словарю, изд. 1847 г. Из всех ссылок Толстого восемь указывают на определенные томы и соответствующие страницы, как «Истории» Соловьева, так и Словарей Бантыша-Каменского, одна же ссылка представляет собою глухое указание на XVIII том «Истории» Соловьева, сделанное на полях рукописи. Подробный анализ всех записей Толстого в «Бумагах Петра» показывает, что все они извлечены из этих двух источников: шести томов «Истории России в эпоху преобразования» С. М. Соловьева и из Словарей Бантыша-Каменского.

Все извлечения делались Толстым под известным углом зрения и вводились в известную систему записей, объединенных общими заглавиями. Первый раздел записей Толстого представляет собою выписки из Соловьева специально о Петре. Второй раздел он обозначил: «Казаки». Раздел этот представляет собою свод выписок о движении казаков в эпоху Петра, о Булавине и бунтах того времени. Третий и четвертый разделы озаглавлены Толстым: «Общее». Под этим следует понимать общую характеристику эпохи. Свод выписок по этим четырем разделам составлен по Соловьеву, причем для каждого раздела в отдельности Толстой последовательно делал извлечения из ряда томов истории Соловьева в эпоху преобразования. Для первого раздела использованы томы XIV—XVI и XVIII, для второго — XIV—XVI, для третьего—XIII—XIV и XVIII, для четвертого — XIV—XVI. После этих четырех разделов идут разделы, содержащие в себе ряд выписок с характеристиками следующих деятелей эпохи Петра: Ушакова, Татищевых, П. А. Толстого, В. Н. Татищева, Ф. А. Головина, Бориса Голицына, Андрея Матвеева, Куракина, Ромодановского, Курбатова, Шереметева, Репнина, Шафирова, Ягужинского, Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Головкина, Дмитрия Ростовского, Иова Новгородского, Мазепы и Михаила Голицына. Эти краткие характеристики состоят из извлечений, сделанных, главным образом, по Бантышу-Каменскому, куда вкраплены отдельные выписки, сделанные по Соловьеву. После этих выписок с характеристиками отдельных лиц следует листок с рядом вопросов, которые хотел выяснить для себя Толстой. Следующий ряд выписок — о Лефорте и Петре — сделан по Бантышу-Каменскому. Дальнейшие подробные выписки о Меншикове и почти незаполненный лист с записями о Лефорте сделаны по XIV, XV и XVI томам Соловьева. Наконец, последний ряд выписок составлен более или менее последовательно в алфавитном порядке по второму тому Словаря достопамятных людей, изд. 1836 г., и включает в себе сведения о следующих лицах: Гагарине, Ганнибале, Генинге, Глике, Б. А. Голицыне, В. В. Голицыне (с попутными выписками о царевне Софье), М. М. Голицыне, А. М. Головине, И. М. Головине, Головкиных, Девиере, В. В.

Долгоруком, В. Л. Долгоруком, Г. Ф. Долгоруком, М. Ю. Долгоруком, Я. Ф. Долгоруком и Иове Новгородском. К этим листам in F° приложены клочки бумаги и обрывки листов, на которых вдоль и поперек сделаны отдельные пометки Толстым, вне всякой связи друг с другом, представляющие собою разрозненные записи для памяти.

Все записи первого цикла («Бумаги Петра»), за исключением упомянутых разрозненных помет, представляют собою выписки из печатных исторических источников, лишь в двадцати трех местах имеются отрывочные характеристики и пометы, повидимому, принадлежащие самому Толстому. 1. «Вообще сравненья любит, и особенно «семя», «пахота» (о Петре). 2. «Так на ж тебе? затем и уехал из под Нарвы» (о Петре). 3. «Петр непременно обозлился на что нибудь под Нарвой, — так вот же вам». 4. «Петр делал все по совету, но все обстоятельно». Далее: «Чудесные распоряжения о выступе из Гродна», несколькими строками ниже: «1708. Болен, лихорадка, скорбутика, деятельность, толковитость удивительная... Распоряжение в Москве слово в слово 12 год». 5. «Объяснение заповедей гениальное» (о Петре). 6. По поводу Петра Толстого: «Нужен чистый враг нововведений — ученый». 7. О нем же: «Широкий, умный, как Тютчев блестящ». Сравнение с поэтом Ф. И. Тютчевым. 8. О пребывании Петра I с Лефортом за границей: «Лучшее поэтическое время». 9. О Петре: «Сенаторы сравнивают с Александром Македонским, но он не увлекается и осторожные предписания отступления». За этим идет ряд несвязанных между собою слов (см. в тексте стр. 410) и в конце: «Ненавидел сына и хотел убить». 10. «Катерина — ха-ха-хи». 11. О Мазепе: «Спокойно ругает своих и всех, и медлительно, прилично, — сластолюбец. 12. Толстому же принадлежит сопоставление Андрея Ушакова с Аракчеевым. 13. Толстой дал следующую характеристику В. Н. Татищева: «Во взятках сознается толково, ясно. Просторно в голове, но не ясно». 14. Об Аввакуме: «Злой, энергичный. Быстрая речь, на волоске шутка мрачная». 15. Сравнение Бориса Голицына с Михайлом Потыком. 16. Характеристика Куракина («образован, бесцветен»). 17. О Стефане Яворском — «желчный». 18. О Дмитрии Ростовском: «ученый тонкий, честный». 19. О Михаиле Голицыне — «рыцарь». 20. О Геннинге — «делец честный». 21. Помета: «не пускали в русском платье к церквам — выдумка». 22. По поводу того, что Меншиков дал 420 золотых для выплаты польскому королю за участие в шведской войне, Толстой пометил: «Лакей — барину». 23. По поводу услуг, которые оказывал Ганнибал Петру, помета «Митенька барство». Толстой отметил, как бы его брат Д. Н. Толстой отнесся к требованиям Петра. На ряду с этим самому Толстому принадлежит формулировка тех вопросов, которые он ставил себе в виде заданий.

Состав записей на отдельных листках второго цикла сложнее. На них имеются записи со следующими заголовками: 1. «Москва. Города». 2. «Кремль». 3. «Г. Москва». 4. «Постройки, работы». 5. «Города. Петербург». 6. «Постройки. Петербург». 7. «Общий вид города». 8. «Бродячий народ». 9. «Игры». 10. Список «святых». 11. «Быт. Деньги». 12. «Духовенство». 13. «Монастырское имение». 14. «Одежды». 15. «Быт. Внешность». 16. «Постройки». 17. «Стрельцы». 18. «Круги». 19. «К описанию бунта 1682 г.»

20. «1682 г.». 21. «1695». 22, «1698». 23. «Быт. Дороги». 24. «Войско. Название полков». 25. «Война. Приемы». 26. «Местопребывание. Петр». 27. «Быт. Рекруты». 28. «Нравы правительства Петра». 29. «Петр. Приближенные». 30. «Петр. Семейные». 31. «Петр. Характер». 32. «Царский дом». 33. «Царевич Алексей». 34. «Фамилии». 35. «Времена года» и ряд записей с художественными наметками без заглавия и с пометой: «Кое-что».

Для выяснения того, откуда брались Толстым выписки для его своеобразной картотеки, мы находим в ней еще менее данных, чем в «Бумагах Петра». Лишь дважды Толстой сослался с точным обозначением страниц на XIII том истории Соловьева и на второй том «Истории Петра Великого» Устрялова. Другие ссылки таковы: 1) Забелина 35 стр. без обозначения соответствующего произведения, 2) 66 год. «Чтения», кн. IV. 3) Глухие ссылки: «У Забелина», «рассказывает Берхгольц» и в другом месте: «Вебер». 4) Просто указание страниц без автора и названия книги: 80 стр., стр. 169, стр. 115. Подробное изучение всех записей обнаружило, что выписки на листках-карточках сделаны из следующих источников: *Забелин*: 1. «Домашний быт русских царей». 2. «Домашний быт русских цариц» и 3. «Опыты изучения русских древностей и истории». *Устрялов*, I—IV и VI томы «Истории царствования Петра Великого». *Туманский*, «Собрание разных записок и сочинений о жизни Петра Великого», ч. I (сюда входят сочинения А. Матвеева и Крекшина). *Соловьев*, «История России»; «Журнал или поденные записки Петра Великого с 1698 г.». *Корб*, Дневник. *Вебер*, Записки, а также родословные книги Долгорукова и Лобанова-Ростовского и один том Словаря Бантыша-Каменского.

Если в «Бумагах Петра» Толстой комбинировал извлечения из Соловьева и Бантыша-Каменского, то таких комбинированных записей на листках-карточках еще больше. Здесь Толстой еще менее сохраняет последовательность страниц своих источников, делая выписки из разных мест: то начала, то конца, то середины книги. Собственные суждения Толстого на листках таковы: 1. «Остается невыясненным, в чем состоял второй бунт стрельцов. Казнь Янова — мало. Неужели только то, что после казни Хованских они разобрали оружие и засели в Москву. Не раскольничье ли движение за казнь Пустосвята?». 2. «Для раскольников знамение креста и молитва господня, т. е. господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас или господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас — важно, ибо это одни внешние знаки». 3. «Поймали разбойника, а Петра не поймали». 4. По поводу того, что царь уезжая разным боярам поручил Москву и никто не знает кому, и всё идет — помета: «Очень важно». 5. В разделе «Петр. Характер» вся характеристика Петра дана Толстым от себя. 6. О нем же: «Зубы дергать, щекотать, заставлять делать противное». 7. Самостоятельные наброски даны Толстым на четырех листках. 8. Фраза по поводу того, что, в случае объявления царем Иоанна, Софья сразу получила бы власть: «Последнее законнее (оно и восторжествовало)». 9. О стрелецком бунте: «Говорит, что побили многих, не называя. Неправда. Их судили и всё раскопали, что они сделали». 10. О тех же событиях 1682 г.: «Должна была быть борьба Нарышкиных против стрельцов, а то откуда злоба на них». 11. Собственный вывод Толстого, что в песне о Гришке Растриге имеется в виду Петр.

Текст записей Толстого воспроизводится следующим образом. Корпусом печатаются слова, написанные самим Толстым. Для того, чтобы текст был удобочитаем, вставляются петитом отдельные цитаты из тех источников, откуда Толстой делал свои выписки. В начале каждого абзаца, с которого начинаются новые цитаты, в квадратных редакторских скобках указывается источник, откуда Толстой заимствовал соответствующие выписки. В конце цитаты, в квадратных скобках ставится соответствующая страница источника. Слова, принадлежащие Толстому, или помещаются внутри той фразы, из которой он их извлек и, таким образом, вкрапливаются в цитату соответствующего исторического источника, или приводятся в начале или конце цитаты (смотря по смыслу и расположению выдержек); при этом, если приводимая цитата из исторического источника требует изменения падежа или времени глагола и т. п. в словах Толстого, то это всякий раз оговаривается в сноске; для экономии места цитаты, извлекаемые нами из исторических источников, приводятся в сокращенном, сжатом виде, с пропуском отдельных слов или выражений; соответствующие многоточия не проставляются, а равно не оговаривается изменение падежей и т. п. В случаях, когда, соблюдая экономию места, не удавалось подвести под цитату слова Толстого, вставлялись вместо цитат из исторических источников отдельные фразы, выражения или слова редактором, каждый раз в квадратных скобках.

Таким образом, текст печатаемых материалов состоит из трех слоев: 1. Слова, написанные Толстым — корпусом, с соблюдением строгих правил транскрипции и правописания Толстого, по старой орфографии. Отдельные ошибки Толстого всякий раз оговариваются; при включении слов Толстого в цитату изменение прописной буквы на строчную не оговаривается. 2. Цитаты, взятые из исторических источников — петитом. 3. Слова, вставленные редактором — петитом в квадратных скобках.

С отдельных листков Толстого была сделана копия рукой С. А. Толстой (хранится в ГТМ). На первой странице этой копии значится следующее:

«Копия с отдельных листков, найденных в одном из ящиков отцовской шифоньерки гр. Льва Николаевича Толстого и с тетрадочки небольшой в виде записной книжечки.

Переписано графиней С. А. Толстой февраля и марта 1911 года.

Записки эти, повидимому, относились к задуманному Львом Николаевичем сочинению времен Петра I. Несколько начал хранятся в настоящее время в Историческом музее. На мои вопросы, почему Лев Николаевич не продолжал этой работы, он мне говорил, что не мог в своем воображении восстановить обыденную жизнь в ту эпоху русских людей, народа, общества, двора и прочее. Гр. С. Толстая.

4 февраля 1911 г.

Дальше переписан мною дневничек в листах и другие заметки, мысли и проч.».

После этих слов Софьи Андреевны приписано: «Карандашные исправления сделаны мною по сверке с оригиналом в сентябре 1912 г. в Ясной поляне. А. Грузинский».

В своей статье «Работа Л. Н. Толстого над романом из эпохи Петра I» Грузинский пишет: «Помимо материалов, хранящихся в Москве, автор

этих строк еще в 1912 г. имел возможность в Ясной поляне видеть и перечитать с разрешения С. А. Толстой те «Записные книжки», о которых она говорит. Точнее, это были отдельные, разноцветной плотной бумаги, ровно обрезанные в восьмушку листы. Их было около сотни; С. А. их уже переписала, но, проверяя по оригиналу, я внес ряд поправок, главным образом, в неразобранные ею или неверно прочтенные, старинные слова и специальные термины. Спустя семь лет, производя музейную опись в Ясной поляне, уже после смерти С. А., я не видел вновь оригинала, и теперь материалы эти известны пока лишь в копии, исправленной, как сказано, мною, но, конечно, не вполне, так как тогда не было возможности навести справки». («Новый мир», 1925, № 5, стр. 26.)

В настоящее время этот оригинал, как и «Бумаги Петра», хранится в АТБ. В виду того, что записи представляют собою отдельные разрозненные листки, последовательный порядок текста не мог быть установлен с полной достоверностью. Первая С. А. Толстая пыталась расположить текст в известной последовательности. В ее копию были внесены поправки А. Е. Грузинским в связи с расположением материала. Мы отступаем от намеченного в копии порядка, главным образом, при группировке разделов № 17—25, в которых мы усматриваем хронологическую последовательность. Кроме известной условности в расположении материала, в записях имеются неточности, допущенные самим Толстым. Это в особенности касается перевода дат дневника Корба, проставленных у автора по новому стилю, — их Толстой весьма неточно переводил на старый стиль. Имеется также ряд других ошибочных дат. В публикуемый в настоящем издании текст внесены исправления, сделанные на основании сличения выписок Толстого с теми историческими источниками, из которых он их заимствовал. Всякий раз такие исправления оговариваются в сноске. Не всегда правильная последовательность текста, сложность самих записей — компилятивный их характер, а также несомненное пользование Толстым кроме печатных материалов и рукописными, не позволили свести все записи Толстого к определенным источникам, которыми он пользовался. Надо также помнить, что время наиболее интенсивных занятий Толстого над историческими материалами падает на юбилейный 1872 г., когда праздновалось двухсотлетие рождения Петра I. По свидетельству Межова за этот год вышло свыше тысячи названий книг, журнальных и газетных статей, посвященных Петру I и его времени. При обильно поступавшей в Ясную поляну прессе теперь трудно установить, что могло попасть в поле зрения Толстого. Отсюда пропуски в отнесении ряда выписок к определенным источникам. Оговорим это по разделам, согласно приведенным выше заголовкам. [1]

Первый раздел: «Москва — Города» составлен Толстым по двум томам Истории Соловьева и по двум книгам Забелина: «Домашний быт рус-

[1] В «Бумагах Петра» таких мест, которые остаются неподведенными под цитаты из определенных источников, очень мало. Остались невыявленными последние три строчки третьего листа («Общее»), а также список разных яств и продуктов, перечисленных на том же листе. Отдельные выражения и имена, которые не покрываются приводимыми источниками, столь отрывочны и немногочисленны, что мы их специально не оговариваем: в печатаемом тексте их легко установить, так как они обычно сопровождаются знаком вопроса в редакторских скобках. В других случаях они выделяются тем, что не замыкаются ссылкой на определенную страницу источника. Таковы: стр. 394, 395.

ских царей в XVI и XVII ст.» и второй части «Опытов изучения русских древностей и истории». Не сведены к первоисточникам восемь начальных строк, три строки о мосте на Неглинной — в середине текста, а также пятнадцать последних строк. (Строки обозначаются по листкам подлинника.)

Раздел: «Кремль» составлен по обеим упомянутым книгам Забелина, а также по его труду «Домашний быт русских цариц». Раздел о Москве не выявлен.

Раздел «Постройки-работы» составлен по четвертому тому «Истории царствования Петра Великого» Устрялова.

Разделы о Петербурге и его постройках составлены по четвертому и шестому тому «Истории царствования Петра» Устрялова.

Следующие четыре небольшие раздела остались невыявленными.

Раздел «Деньги» составлен по XV тому Истории Соловьева.

Остались неизвестными источники следующих двух разделов: «Духовенство» и «Монастырское имение». При составлении последнего Толстой, повидимому, пользовался какими-то рукописными источниками.

В основе раздела «Одежды» лежат, повидимому, записки Вебера и книга Забелина «Домашний быт русских царей». Впрочем, отдельные предметы списка одежды и украшений нельзя свести к какому-либо определенному источнику. Раздел «Быт. Внешность» сводится к Веберу и Забелину. Раздел «Постройки» опирается на Забелина. Раздел «Стрельцы» и «Круги» составлен по первому тому Устрялова. Раздел о бунте 1682 г. всецело опирается на записки Матвеева, напечатанные в первом томе собрания разных сочинений о жизни Петра Великого Туманского. Поставленная в заголовке в скобках фамилия Медведева, надо думать, связана с мыслью Толстого о необходимости использования записок Сильвестра Медведева, составившего описание первого стрелецкого бунта.

Раздел «1682 г.» опирается как на Матвеева, так и на старинную рукопись Крекшина, напечатанную в том же томе собрания бумаг Туманского. Последние восемь строк, писанные другими чернилами, заимствованы из Забелина.

Сведения по разделу «1695 г.» взяты из Устрялова. Все выписки раздела «1698» (три листка, заключающие также сведения по 1699 г.) сделаны по дневнику Корба. Датировка записей, приведенных из Корба, переведена Толстым на старый стиль.

Следующие три небольшие раздела к источникам не сведены.

Хронологическая канва для раздела «Местопребывание. Петр» заимствована из журнала Петра Великого, куда вкраплены отдельные указания из неизвестного источника.

Раздел «Быт. Рекруты» к источнику не сведены. «Нравы правительства Петра» составлены по Устрялову, хотя данные сведения не вполне покрываются этим источником.

Раздел «Петр. Приближенные» составлен по Соловьеву, Бантышу-Каменскому и по Забелину (Домашний быт русских царей и цариц). Впрочем, здесь встречаются сведения биографического характера, которые могли быть заимствованы из разных исторических источников, и трудно определить, из каких именно. К этому разделу примыкает наметка художественного характера, а затем снова идут выписки из Забелина. Далее

следуют заметки (о выдаче за Ровеля дочери Монс, о Фадемрехте, Блументросте и об аптекаре Гутбире), которые не удалось свести к первоисточнику. Раздел «Петр. Семейные» опирается на Забелина и другие источники, которые трудно точно фиксировать.

В разделе «Петр. Характер» восемь строк остаются не выясненными; что же касается средних двух абзацев и последних четырех строк, то это характеристика, сделанная самим Толстым; она была впервые неполностью опубликована А. Е. Грузинским (см. «Новый мир», 1925, 5, стр. 27—28).

Разделы «Царский дом» и «Царевич Алексей» составлены по Устрялову и Соловьеву, причем не все сведения покрываются этими источниками. Последние три строки не удалось выявить. Относительно загадочной фразы: «Как у Екатер. Иван. рассказывает Берхгольц» можно лишь указать, что о Е. И. в дневнике Берхгольца идет речь в двадцати трех местах (срв. алфав. указ. к четырем частям дневника Берхгольца).

Что касается раздела «Фамилии», то данные о членах девяти семейств взяты из Родословной Долгорукова: сюда относятся Горчаковы, Голицыны, Хованские, Апраксины, Прозоровские, Головины, Лопухины, Одоевские и Трубецкие. Сведения о семье Лыковых заимствованы из Родословной Лобанова-Ростовского (первое анонимное издание). Об остальных семьях Толстой мог заимствовать из общих пособий. Несомненно, в данном разделе он пользовался рукописными источниками (например о Лопухиных. Об имуществе А. Ф. Лопухина, переданном А. П. Толстому, Лев Николаевич располагал архивными справками, наведенными для него Николевым) и изустными указаниями, но основные сведения брались из родословных. Доказательством последнего служат значки: † и NN (вместо «умер» и «фамилия неизвестна»), которые налицо именно в этом разделе и которые характерны для техники при составлении родословных изданий. Характеристику Толстых, как «шарпчиков», Толстой взял из А. Матвеева. Неизвестно, что им имелось в виду во фразе о Петре Андреевиче Толстом, что он «в 1695 г. вдов», хотя его жена Соломонида Дубровская умерла в 1722 г.; не решаемся помощью коньектуры изменить дату 1695 на 1722 г.», ибо, по мнению Н. П. Чулкова, П. А. Толстой мог быть женат дважды. Сведений об этом нет, но и Соломониду Дубровскую удалось вскрыть совершенно случайно. Сведения об И. П. Толстом Лев Николаевич заимствовал из сохранившейся в ГТМ «Поколенной росписи Толстых 1755 г., где приведены данные по спискам 1721 и 1722 гг. О них имеется следующее примечание Николева: «что это за списки 721 и 722 годов, никак не могу придумать. Судя по тому, что в 721 году Петр Андреев был 6 лет, можно полагать, что списки эти составлены в 721 и 722 годах, но лицам не того времени, а лицам прежних служб». Приведенные Толстым материалы о Соковниных, Урусовых и знаменитой Морозовой покрываются данными, которые находятся в книге Забелина «Домашний быт русских цариц». (В разделе «Кое-что», в котором речь также о Морозовой, данные из Забелина совмещаются с собственными характеристиками и размышлениями Толстого.) Сведения об имении Голицына «Дубровицы» без сомнения взяты у Корба. Подтверждением этого является следующая запись в Записной книжке, того времени, хранящейся в Толстовском

Музее: «80 стр. дн. Корба в 30 верстах от Мо[сквы] Дубровицы, деревня Голицына». Поскольку данные, имеющиеся в родословных Долгорукова и Лобанова-Ростовского, столь же сухи, схематичны и немногосложны, как и записи Толстого, мы не дополняем этих записей из источников и, поэтому, не вводим в текст Толстого обозначения томов и страниц этих изданий.

Сведения «О временах года» нельзя приурочить к какому-либо определенному источнику, использованному Толстым. Далее идут художественные наметки Толстого. Последний листок свидетельствует об интересе Толстого к песне, посвященной Гришке Растриге, из сборника Кирши Данилова. В издании 1901 г. под редакцией Шеффера мы находим эту песнь на стр. 43—44. В ней говорится о царице Марфе Матвеевне, а также о стрельцах.

Листки с заголовками «Заговоры, песни, молитвы», «Образы», «Пословицы», «Слова» и «Грамматика», хотя и служили несомненной базой для выработки языка и стиля при писании данного исторического романа, не являются материалом лишь для этого произведения, почему эти разделы не печатаются в настоящем томе, а подлежат воспроизведению в третьем томе серии Дневников и записных книжек.

С опубликованием данных материалов выясняются ошибки, допущенные П. И. Бирюковым и А. Е. Грузинским в характеристике черновой работы Толстого при писании им романа времен Петра I. П. И. Бирюков в своей Биографии Толстого приводит ряд цитат из Записной книжки Льва Николаевича в красном кожаном переплете 1860—1870 гг. (хранится в ГТМ, № 92). В этой книжке, действительно, имеются отдельные Заметки, касающиеся романа времен Петра. (Они нами использованы в комментариях к художественным отрывкам романа.) Приводимые П. И. Бирюковым наброски весенней и летней картин природы прямого отношения к роману не имеют. Они тесно связаны с текстом одной записной книжки Толстого 1870-ых гг., хранящейся в Кабинете Толстого Ленинской библиотеки. Это дневник по дням, описывающий исключительно погоду и явления природы. Самостоятельный характер этого дневника несомненен, поэтому он опубликовывается в серии Дневников. Повторяя промах П. И. Бирюкова и даже заимствуя цитаты не из первоисточника, а из книги П. И. Бирюкова, А. Е. Грузинский ошибочно считает, что в материалах к роману «дан длинный ряд метких наблюдений жизни природы в виде сжатых признаков каждого времени года» («Новый мир», 1925, 5, стр. 26). Вообще А. Е. Грузинский при описании рукописей смешал два различных цикла текстов: специальных записей, касающихся времени Петра — на отдельных листках, и из названной нами записной книжки, хранящейся в Толстовском музее в Москве. Благодаря этому А. Е. Грузинский в описание материалов к роману включил схему Толстого, которую он называет «попыткой подвести разнообразие человеческих характеров под главнейшие сочетания душевных сил» (Там же, стр. 26). Эта схема Толстого с датой от 15 января 1872 г. не из материалов к роману времен Петра, а из хранящейся в Толстовском музее записной книжки, и к роману непосредственного отношения не имеет.

Так как дальше составления ряда начал роман у Толстого не продви-

нулся, то он использовал сравнительно мало данных из собранного материала для своих художественных набросков. Следует указать лишь на толки об антихристе, занесенные Толстым в раздел первый «Общее» (Бумаги Петра, л. 3), которые были использованы им при написании «Корнея Захаркина»; на данные о Борисе и Василии Голицыных (Бумаги Петра, л. 5), использованные в вариантах цикла Б; сведения о Хованском (Бумаги Петра, л. 14) (срв. с вариантом № 18), на раздел «Стрельцы» (листок № 17), послуживший материалом для варианта № 1; в разделе «Круги» имеются сведения о Шакловитом, допрос которого является сюжетом варианта № 8; в разделе «1695» включены фразы, послужившие отправными пунктами при написании вариантов №№ 19 и 21; раздел о бунте 1682 г. связан по содержанию с вариантами цикла А.

Публикуемые материалы в обработанном виде легко вскрывают тот подбор книг и исследований, которые действительно читались и изучались Толстым. Этот подбор четко характеризует историческую подготовленность Толстого. Опираясь на публикуемые данные, можно составить конкретную картину исторических чтений Толстого. Ими легко опровергается скептическое отношение к его историческим занятиям (срв. Виктор Шкловский, «Материал и стиль Льва Толстого в романе Война и мир», стр. 43 — о списке книг, составленном для Толстого, как материале к истории Петра Великого). Анализом публикуемого материала устраняются ошибки, допущенные П. И. Бирюковым при составлении списка источников к роману: Бирюков дает свод имен авторов, исходя из того, что «эти имена попадаются нередко в заметках его Записных книжек» (Б, II, стр. 203). При установлении подлинного списка книг, изучавшихся Толстым, надо исходить из следующего: 1) несомненно, что Толстой изучал те исторические книги, из которых им делались выписки, а также те произведения, сведения из которых были использованы Толстым в качестве исторической основы при написании отдельных художественных отрывков романа, [1] 2) к этим книгам следует присоединить те издания, которые имеются в Яснополянской библиотеке с пометами Толстого, 3) наконец, сюда необходимо включить и те книги, о чтении которых известно по дневниковым записям Толстого и С. А. Толстой. Нельзя опираться в этом вопросе на два списка книг — из писем Толстого к П. Д. Голохвастову от 6 декабря 1872 г. и от 24 января 1873 г., а также на список В. В. Стасова, как это часто делается исследователями. Толстому могли рекомендовать ту или иную книгу, но он фактически мог советом и не воспользоваться; равно он мог затребовать то или иное издание, но не использовать его. Также нельзя безоговорочно принимать пометы в дневниках и записных книжках, поскольку Толстой мог записать какое-либо название, но не воспользоваться этим указанием и не иметь даже соответствующей книги в руках. В этом отношении нельзя принять и наиболее полного списка источников к роману времени Петра I, составленного Н. Н. Гусевым («Толстой в расцвете художественного гения»,

[1] Сюда относятся: *Желябужский*, «Записки с 1682 по 2 июля 1709», *Посошков*, «О скудости и богатстве», «Tagebuch des Generals Patrick Gordon», Posselt. «Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit».

стр. 149—150). Так, например, пока мы не имеем никаких данных о том, читал ли Толстой книги: Пекарского «Наука и литература при Петре Великом», «Анекдоты о Петре I» Штелина и «Деяния Петра Великого», составленные Голиковым. В Яснополянской библиотеке не имеется ни одной книги из тридцати томов этого последнего издания и ни одна запись в подготовительных материалах Толстого не соответствует этому источнику.

О материалах, к которым прибегал Толстой, следует сказать, что это не столько первоисточники, сколько научные труды по эпохе Петра I; сюда прежде всего относятся работы Соловьева и Устрялова. В научном отношении Толстой обращался к наиболее фундаментальным исследованиям, не устаревшим и поныне, даже после капитального труда М. М. Богословского «Петр Великий. Материалы для его биографии» 1925 (машинопись). Но в своих выписках он отмечает такие моменты, которые не были бы выделены историком-ученым в его выписках из прочитанного: выписки Толстого имеют чисто художественное значение; так он отмечает то обстоятельство, что лампада Головкиной была наполнена рыбьим жиром, что у дам были черные зубы, что Петр поцеловал отлично приготовленный после анатомирования труп ребенка, что боярыня Морозова виделась со старицами в нужнике, что, когда Шакловитого везли на розыск, стояла пыль от толпы. Примечательно, что оба писателя, интересовавшиеся Петром, — Пушкин и Толстой — обратили внимание на одну и ту же деталь при допросе Шакловитого, которую не найти в многотомных материалах «Розыскных дел Шакловитого», а именно, — что Шакловитый попросил есть, когда был снят с дыбы. Пушкин это заимствовал из Голикова, на которого он по преимуществу опирался, Толстой из записок Матвеева (см. стр. 171).

В период подготовки к писанию романа для Толстого имело значение не только чтение книг, но и изустная беседа с теми лицами, которые были компетентны в вопросах русской истории и культуры и которые могли всегда рекомендовать ему исторические материалы, соответствовавшие его замыслам. В этом отношении на ряду с Н. Н. Страховым, который за 1870 гг. был помощником Толстому во всех его литературных начинаниях, следует упомянуть П. Д. Голохвастова и И. Е. Забелина. Первый — автор исследования «Законы стиха русского народного и нашего литературного» — хорошо знал русские былины и русскую старину. Его переписка с Толстым за 1870 гг. свидетельствует о том участии, которое он принимал в работах Толстого над исторической прозой.

Есть основание думать, что уже в 1870 гг. Толстой имел общение с И. Е. Забелиным. Во всяком случае в Записной книжке Толстого того времени сохранился личный адрес Забелина: Третья Мещанская, Ив. Егор. [рядом с церковью] Филиппа митрополита, дом Панова против Кечера. Судя по фразе в письме к С. А. Толстой от 19 марта 1879 г. [1] «К Соловьеву — историку — его нет», Толстой был знаком с С. М. Соловьевым. Широко пользуясь и внимательно читая «Историю России» Соловьева, Толстой, однако, не выказывал особого расположения к историку. На клочке бу-

[1] «Письма Толстого к жене», изд. второе, стр. 126.

маги, ныне утраченном, сохранилась любопытная помета Толстого о нескольких лицах (в том числе и о Соловьеве) с точки зрения сочетания разных человеческих способностей: «Голохвастовъ не знаетъ, слишкомъ азарт[ен]ъ; поэтъ Григорьевъ не можетъ выраз[ить], Соловьевъ знаетъ не важно, слишкомъ азартенъ и не пытается выражать». Этот клочек лежал среди других бумаг, связанных с замыслами исторических романов XVIII века. Кроме П. Д. Голохвастова и И. Е. Забелина помощь в подыскании исторических материалов оказывал и В. В. Стасов, уже во второй период работ Толстого над романом (срв. ТС, стр. 20—21).

Наконец, кроме печатных материалов и изустных бесед, имели значение рукописные источники.

Ниже мы даем описание и характеристику тех архивных и рукописных документов, которые имеются в архиве Толстого, хранящемся в Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина, и в Ясной поляне.

Сюда прежде всего относится статья неизвестного, писанная рукой переписчика, озаглавленная «Ванька Каин» (о самой рукописи см. в описании рукописей, относящихся к роману времен Петра I, XXV). В ней имеется целый ряд стилистических особенностей, которые резко говорят против авторства самого Толстого (встречаются такие выражения, как «светлые рельефы прошлого», «эпические когномены», «собственный кодекс нравственности»; вообще язык слишком книжный для Толстого).

Но есть основание предполагать, что статья эта написана или под идеологическим воздействием Толстого или принадлежит перу автора, близкого по воззрениям к Толстому. Таковым мог быть тот же П. Д. Голохвастов. Статья размером приблизительно в треть печатного листа составлена по XI тому «Песен, собр. П. В. Киреевским». Автор статьи обильно использовал примечания редактора Бессонова. Однако, он только пользовался ими, но идеологически сильно расходился со своим источником: тенденции автора более демократические, чем у Бессонова, без того официального славянофильства, которое так сильно у последнего. Основная мысль статьи ярко выражается в следующих словах второй и третьей страниц, которые и стилистически родственны Толстому: «По отношению к выдающимся личностям, к более или менее крупным единицам из своего прошлого, народная память относится не менее своеобразно: она большею частью останавливается не на светлых личностях, которых общественная деятельность, или личные не рядовые качества, или слепое счастье высоко поднимало над общим уровнем, но большею частью на личностях иного закала или на тех, которых воля, зло направленная, и память по себе оставила недобрую, или на тех, которые своими страданиями купили себе право на народную память или же заслужили эпические когномены «несчастненьких». Таковым и был живший в первой половине XVIII века «прóклятый» герой голытьбы удалой Ванька Каин». Помимо совпадения исторических эпох имеется связь между рассуждениями этой статьи и точками зрения, высказанными Толстым в его теоретическом предисловии к задуманному роману «Сто лет» (см. вариант № 28, стр. 225—232), а также с записями, касающимися казачества.

Далее, сохранились на двух страницах в архиве Толстого (папка XXII) выписки на немецком языке из дневника Гордона, сделанные неизвестной

рукой. Выписки касаются князя Бориса Алексеевича Голицына и использованы Толстым в варианте № 7, стр. 165—166.

Наконец, в папке № XL сохранился перечень грамот XVII века и копии девяти документов: 1) послания патриарха Иоакима от 15 апреля 1682 г., 2) выпись с межевых и мерных книг, по которым определяются границы вотчины Предтечева монастыря, 3) список с грамоты Алексея Михайловича на Коломну об очищении домовых и дворовых мест, 4) выпись о вводе казначея Предтечева монастыря во владение поместьем села Малинова, 5) копия жалованной грамоты игумену Предтечева монастыря, по которой ему отдана во владение мельница на реке Упе в Туле, 6) об отказе Предтеченскому монастырю двора с хоромным строением на берегу Упы, 7) копия с грамоты на владение Предтечевым монастырем деревни Лысковой, 8) о даче послушной грамоты на вотчину Каширского уезда и 9) выпись из Каширских писцовых книг. Из перечисленных девяти бумаг в пяти речь идет о владениях Тульского Предтеченского монастыря; этот монастырь интересовал Толстого, о нем, очевидно, должна была итти речь в романе, и в своих листках — картотеке в разделе «Монастырское имение» Толстой в первых набросках заносит несколько заметок об этом монастыре. Но данные, имеющиеся в Записной книжке, взяты не из перечисленных выше документов, а извлечены из какого-нибудь иного, неизвестного нам, источника.

Кроме документов, хранящихся в АТБ, в ящике дивана в кабинете Толстого в Ясной Поляне лежит кипа дел — копии рукой архивиста И. Николева. Всего девяносто два документа. Их источник троякий: это — извлечения из дел Сыскного приказа, из архива Правительствующего сената и из секретных дел Преображенского приказа. Состав бумаг таков:

А. *Дела Сыскного Приказа.*

Сюда относятся: 1—2) дела об убийствах (1738 г., № 530, $2^1/_2$ лл. и 1739 г., № 561, 2 лл.); 3) «Убийство и побег колодников» (1738 г., № 260, $18^1/_2$ лл.); 4) «Побег» (1737 г., № 328, $3^1/_2$ лл.); 5-6) два дела о побеге колодников (1737 г., № 274, 14 лл. и № 321, 7 лл.); 7) «Побег колодников» (1738 г., № 450, $10^1/_2$ лл.); 8) «Побег колодницы» (1738 г., № 387, 4 лл.); 9—10) два дела о расколе (1738 г., № 385, $6^1/_2$ лл. и 1739 г., № 616); 11) «Разбой» (1737 г., № 532, 66 лл.); 12) «Разбой и убийство в Ряжском уезде» (1737 г., № 434, $38^1/_2$ лл.); 13) «Разбой и пристанодержательство» (1732 г., № 188, 12 лл.); 14) «Блуд» (1739 г., № 316, 3 лл.); 15) «Блуд и убийство» (1739 г., № 537, $2^1/_2$ лл.); 16) «Мужеложство» 1739 г., № 460, 3 лл.); 17) «Волшебство» (1738 г., № 474, 2 лл. — «чтоб от блудного дела детей не родить, давала невнамо какое лекарство»).

Б. Дела из архива Сената.

Сюда относятся, прежде всего, материалы комиссии о ворах и разбойниках: 18—24) семь дел об убийствах: 1745 г., № 356, лл. 267—273, в копии $7^1/_2$ лл.; 1746 г., № 356, лл. 88—94, в копии 3 лл.; 1746 г., № 356, лл. 98—106, в копии 4 лл.; 1746 г., № 356, лл. 119—121, в копии 2 лл.; 1746 г., № 356, лл. 141—144, в копии 2 лл.; 1746 г., № 356, лл. 161—166, в копии 4 лл.; 1746 г., № 356, лл. 183—186, в копии 2 лл.; 25—26) два дела о мужеубийстве (1744 г., № 356, лл. 193—197, в копии $4^1/_2$ лл. и 1746 г., № 356, лл. 145—149, в копии 2 лл.); 27) «Смертоубийство» (1746 г., № 356,

лл. 45—54, в копии 4 лл.); 28) «Отцеубийство» (1746 г., № 356, лл. 95—97; в копии 1 л.); 29) «Мужеубийство» (1746 г., № 356, л. 134—140, в копии 2 лл.); 30) «Женоубийство» (1726г., № 691, лл. 181—184, в копии 2 лл.); 31) «Разбой» (1745 г., № 356, лл. 129—133, в копии 4 лл.); 32) «Разбой и убийство» (1746 г., № 356, лл. 314—348, в копии 16 лл.); 33—35) три дела о разбоях и убийствах (1746 и 1745 гг., № 356, лл. 55—67, 68—87 и 167—182 лл.); 36—37) два дела о разбое и пристанодержательстве (1746 г., № 356, лл. 150—160 и 234—266); 38) «Грабеж и разбой» (1746 г., № 356, лл. 1—44, в копии 34 лл.); 39) «Побег и кражи» (1745 г., № 356, лл. 205—209, в копии 3 лл.); 40) «Побег из ссылки и убийство» (1745 г., № 356, лл. 107—118, в копии 6 лл.); 41) «Пристанодержательство» (1745 г., № 356, лл. 122—128, в копии 5 лл.); 42) «Блуд» (1728 г., № 696, лл. 219—222, в копии $2^1/_2$ лл.); 43—45) три дела о блуде и детоубийствах (1746 и 1747 гг., № 356, лл. 187—192, в копии 2 лл.; лл. 198—204, в копии 2 лл.; лл. 226—233, в копии $2^1/_2$ лл.); 46) «О Рязанове (преступления его)» 1723 г., № 273, лл. 823—828, в копии $3^1/_2$ лл.; на последней странице рукой Толстого набросана таблица прямых предков Льва Николаевича (по отцу пяти поколений); 47) «О Панове (преступления его)» (1723 г., № 273, лл. 736—741, в копии $2^1/_2$ лл.).

Особняком стоят специально интересовавшие Толстого документы сенатского архива по делу обер-фискала Нестерова и его сообщников (1724 г.); сюда относятся: 48) «О Нестерове (преступления его)» (№ 273, лл. 683—694, в копии 10 $^1/_2$ лл.); 49) «О Нестерове (имения его)» (№ 273, лл. 1118—1128, в копии 2 лл.); 50) «О свойстве обер-фискала Нестерова с обер-секретарем Сената Масловым и надворным интендантом Мошковым» (1726 г., № 691, лл. 137—140, в копии 2 лл.); 51) «О Щетинине (преступления его)» (1724 г., № 273, лл. 699—702, в копии $2^1/_2$ лл.); 52) «О Желябужском, Ратманове, Болотном и Щетинине» (1724 г., № 273, лл. 726, в копии 1 л.); 53) «О Желябужском (преступления его)» (1724 г., № 273, лл. 715—720, в копии 4 лл.); 54) «О Желябужском (имения его)» (1724 г., № 273, лл. 538—547, в копии 10 лл.).

В. Дела Преображенского приказа.

За 1695 г. 55) Столбец Преображенского приказа секретных дел № 388 (дело Гришки Тарлыкова, наказанного за воровство, за непристойные на его боярина Петра Тимофеевича Кондырева слова и за непочитанье его; 12 лл.).

За 1696 г. 56) Столбец № 497 (дело по поводу непристойных слов, сказанных Василиской Кабылиной; $2^1/_2$ лл.); 57) Столбец № 519 (о наказании Илюшки за его воровство, за раскол и непристойные слова — «де ныне вера новая и старый животворящий крест переменен и в церквах служат по новому»; 7 лл.).

За 1700 г. 58) Столбец № 739 (о наказании Парамошки нагого за его воровство и непристойные слова; 8 лл.); 59) Столбец № 1027 (об Усманском солдате Ганке Шмуйлове — о непристойных его словах про великого государя; 26 лл).

За 1701 г. 60) Столбец № 484 (об Авраамии, бывшем строителе Андреевского монастыря; 20 лл.); 61) Дело № 1017 (о споре про государя и непристойные слова; 3 лл.); 62) Столбец № 101 (о непристойных словах Григория Букреева); 63) Столбец № 1021 (о воровстве и непристойных словах

Евтюшки Никонова — де великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич проклят, потому что он в Московском государстве завел чулки и башмаки; 4 лл.).

За 1702 г. 64) Столбец № 1085 (о битье кнутом и урезании языка келейнику Осипу Захарову за рассказ его о том, как во сне пришед стар человек с бородою говорил ему, Осипу: «государя де в Москве нет, а которой государь на Москве и есть, и это де не государь, антихрист»; $1^1/_2$ лл.); 65) Вязка 4, дело 41 (дело Дементьевой, говорившей: «ныне де антихристовы воины приехали и землю разворили всю и большой [sic] де благочестивый в среду и пятки и в посты все мясо едят»; 3 лл.).

За 1703 г. 66) Вязка 4, д. 21 (дело Петра Никифорова, уличенного в расколе; 5 лл.); 67) Вязка 4, д. 26 (дело Евтифия Шишкина о непристойных словах, сказанных им про государя: «ныне де спрашивают с крестьян наших подводы, а и так де мы от подвод и от наборов и податей разворились; у меня де один двор крестьянский, а сходит с него рубли по четыре на год; а ныне де еще сухарей спрашивают; государь де свою землю разворил и выпустошил; только де моим сухарем он государь подавитца; а живет де он государь все в немцов и думы думает с ними; и выбранил де он Евтифей его государя матерно»; после пыток Шишкин умер; $21^1/_2$ лл.); 68) Вязка 4, д. 33 (об укоризне [агитации] против брадобрития; $26^1/_2$ лл.); 69) Вязка 4, д. 34 (дело Юрия Никитина; 2 лл.); 70) Вязка 4, д. 49 (об учинении наказания Ивану Кондратьеву за слова: «государь де наш сидит ныне в заключении, и для того де выбирают из слобод нашу братью, чтоб его государя выручить»; 3 лл.); 71) Вязка 4, д. 53 (об учинении наказания Подшиваловой за то, что она тужила о казненных стрельцах — бить батоги; $9^1/_2$ лл.); 72) Вязка 4, д. 84 (об учинении наказания за непристойные слова Марье Большаковой; 5 лл.); 73) Вязка 4, д. 88 (дело Карпа Панкратова, говорившего непристойные слова: «государь де изволил тягло положить на мелких мужиков, а на нас де не положил, глупый де государь, что на нас тягло не положил»; $2^1/_2$ лл.); 74) Вязка 4, д. 90 (о наказании Семена Романова за его ложные воровские слова; 2 лл.).

За 1721 г. 75) Вязка 37, д. 3 (о Николае Иванове — за непристойные слова: «дурак де царь Петр Алексеевич — такая мать»; $2^1/_2$ лл.).

Двадцать один документ за номерами 55—75 по настоящему списку составляют копии тех самых дел, которые были затребованы Толстым в архиве Министерства юстиции во время его пребывания в Москве в октябре 1879 г. Срв. «Красный архив», т. XXII, стр. 248. Следующая копия примыкает к предшествующим, поскольку о соответствующем деле есть собственная помета Толстого в его записной книжке. Это — 76) столбец № 335 (о непристойных словах иконописца Трифона Иванова; 1692 г.; $5^1/_2$ лл.).

Сверх всего затребованного Толстым специально Николевым были высланы копии еще целого ряда секретных дел Преображенского приказа. Сюда относятся:

За 1697 г. 77) Столбец № 656 (о непристойных словах Никитина, Богданова и Нагибина; $3^1/_2$ лл.).

За 1698 г. 78) Столбец № 686 (о непристойных про царское величество словах, произнесенных кн. Алексеем Петровичем Прозоровским; 3 лл.).

За 1699 г. 79) Столбец № 684 (об Афанасии Ефремове и Сеньке Микифорове; 2½ лл.); 80) Столбец № 700, лл. 42—45 (о бабе, Алексеевой дочери, о которой говорили, будто она «испортила блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича», 3 лл.).

За 1700 г. 81) Столбец № 635 (дело Лариона Зломана; 7 лл.); 82) Столбец № 817 (об оговоре попа Ивана и дьячка Ефремка, — последний будто говорил: «как де будут такие указы к нам в погосты присланы, и я де от того пойду жить в лес, а не стану де здесь жить и мясо в среды и пятки и в великий пост есть»; 6 лл.).

За 1701 г. 83) Столбец № 913 (об оговоре изветчика расстриги Ивашки; 10½ лл.); 84) Столбец № 900 (дело о попе Павле и Тарасии по поводу неистовых слов попа Павла; 5½ лл.).

За 1703 г. 85) Вязка 5, д. 2 (о наказании изветчика Семена Жегулина за его затейные слова; 6 лл.); 86) Вязка 5, д. 22 (дело о рылянах; 13 лл.).

За 1704 г. 87) Вязка 5, д. 7 (дело Петра Яковлева; 5 лл.); 88) Вязка 5, д. 8 (дело Ивана Ильина о воровстве и непристойных словах; 3 лл.); 89) Вязка 5, д. 14 (дело по поводу вора Васьки Окользина, который будучи на Москве, «пел панихиду блаженные памяти по великом государе царе, и великом князе Алексее Михайловиче..., а на гробе его государеве ставил он, Васька, сальные свечи, да он же де Васька его ж государеву гробницу облил дехтем; 2½ лл.); 90) Вязка 5, д. 21 (о наказании Амирева, «чтоб он впредь врак не врал»; 6 лл.).

91) Столбцы Преображенского приказа секретные. 3 тетради. Выписки из 49 дел с 1623 по 1699 г.; на 25 лл.; 92) Вязки с секретными делами Преображенского приказа; 2 тетради. Выписки и изложение ряда дел 1702—1704 гг.; 17½ лл.

Подлинники материалов к роману времен Петра I, печатающихся в настоящем издании, таковы:

I. Архив Толстого, хранящийся в Всесоюзной библиотеке им. Ленина (папка XXII). Отдельные листы в общей обложке, с надписью рукою Толстого: «Бумаги Петра». На последней странице его же рукой: «неотвѣченныя письма». F°, 4°, 8°, 16°; 19 лл. Пагинация не Толстого.

Л. I, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, чернила черные. *Начало:* «Петръ. 1695—22 года. Подъ I-мъ Азовомъ». Исписаны обе страницы. На полях карандашом: «Объясненіе заповѣдей геніальное. Сол. XVIII, 201—2». Печатается впервые.

Л. 2, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, чернила черные. *Начало:* «Казаки. Въ первомъ Азов. походѣ взяли баш[ню]». Исписаны одна с третью страницы. Печатается впервые.

Л. 3, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, черные чернила, четыре строки писаны карандашом. *Начало:* «Общее. Станутъ смотрѣть, ты скажи». Исписаны полторы страницы. Печатается впервые

Л. 4, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, чернила черные. *Начало:* «Обще[е]. Бѣда, какъ Москали выполируются». Во второй части второй страницы много отдельных подчеркнутых слов и выделенных, обведенных мест. Исписаны обе стороны. Против слов: «Впечатление мужика без бороды в кудрях» Толстой чернилами нарисовал соответствующее лицо. Печатаем *до слов:* Сцена у церкви.

Л. 5, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, разными чернилами: черными и рыжеватыми. *Начало:* «Ушаковъ. Андрей Иванычъ. Аноха мужикъ, лапти семерички». Исписаны без малого обе стороны. Печатается впервые в настоящем издании.

Л. 6, автограф, 4°, бумага фабрики Сергеева № 6, чернила черные. *Начало:* «Вопросы. Что извѣстно о Иванѣ Андреичѣ Толстомъ». Исписаны полторы страницы. Печатается впервые.

Л. 7, автограф, 4°, бумага фабрики Сергеева № 6, чернила черные. *Начало:* «Меньшиковъ. Петръ Толстой. Сосланъ въ Соловец. съ сыномъ». Первая страница писана в два столбца. Первый столбец узкий, второй — более широкий съ пробелом. На второй странице написано в обратном по отношении к первой странице направлении семь строк, начинающихся с заглавия: «Петръ». Печатаем текст широкого столбца первой страницы и написанное на обороте.

Л. 8, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, чернила черные. *Начало:* «Меншиковъ. Рубилъ корабли и хвалился, что отрубилъ 20 гол.». Исписана половина первого листа. Печатается впервые.

Л. 9, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, чернила черные. *Начало:* «Лефортъ. 2 Аз. походъ. Боленъ». Исписано пять строк. Печатается впервые.

Л. 10, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6. После тринадцати строк связного текста, писанного чернилами, идет ряд мелких отрывочных заметок, чернилами и карандашом, писанных в разных направлениях; лист неровно оборван. *Начало:* «⟨Окѣ⟩ Подъ Каширой городомъ жилъ опальный Ерлоковъ бояринъ». Исписана одна страница. На обороте несколько фраз, писанных в обратном направлении по отношению к первой странице, начинающихся со слов: «⟨Кн. разрѣ⟩ Спайка впереди». Связная часть текста впервые печатается в отделе вариантов романа, № 10, стр. 180—181.

Л. 11, автограф, F°, бумага фабрики Сергеева № 6, исписано карандашом полторы страницы. *Начало:* «Бант. К. II т. Гагаринъ». Печатается впервые в настоящем издании.

Л. 12. автограф, 4°, исписана карандашом первая страница. *Начало:* «1708. Меншиковъ». Ряд имен и разрозненных слов, писанных вдоль и поперек. На обороте математические вычисления.

Л. 13, автограф, 4°. *Начало:* «Евд. сначала горд.». Ряд разрозненных фраз и слов, писанных карандашом, размашисто в разных направлениях первой страницы. На обороте — три строки.

Л. 14, автограф, 4°, два с половиной разорванных листа. Исписана карандашом первая страница. *Начало:* «Тимермана взрывы побили Русскіе подъ Азовомъ». Часть текста воспроизводится в комментариях к вариантам №№ 18 и 19, см. стр. 652.

Л. 15—16, автограф, 4°, бумага фабрики Гончарова низкого качества, чернила черные. *Начало:* «Возвратъ въ семью Щитин. разсказъ о Голицынѣ». Написано девять строк на первой странице и семь на второй. Кроме того, на второй и третьей странице ряд математических вычислений.

Л. 17, автограф, 16°, четвертка почтового листа, начинающаяся со *слова:* «Бухвостовъ». Ряд имен на первой странице.

Л. 18, автограф, 16°, карандашом и чернилами исписаны обе странички. *Начало:* «Драгуны?»; на обороте рукой С. А. Толстой список вещей, подлежащих закупке. Среди отдельных заметок следующие вопросы рукой Толстого: «Брился ли П[етръ] до Азова? Блюлъ ли посты?», а также следующая запись: «Воронежская верфь». Ея мѣсто, ея окрестности. Стройка кораблей. Кто воевода въ Воронежѣ?» Последние двенадцать слов имеют отношение к печатаемому в настоящем издании варианту № 19.

Л. 19, автограф, 8°, писано карандашом на обратной стороне клочка какого-то делового письма по вопросу транспортирования сельскохозяйственных продуктов. *Начало:* «Бабій голосъ». Среди другихъ отрывочных помет стоит: «Есипова. Russische Günstlinge», — два источника, которые интересовали Толстого в связи с эпохой Петра. Последняя книга Гельбига.

II. АТБ (папка 126, № 6—10). Пятьдесят девять листков. Автографы. 16°. Из них сорок семь листков нарезаны из писчей бумаги разного качества, шесть — из почтовой бумаги с линейками, четыре листка — зеленого и по одному — фиолетового и малинового цветов. Описываем листки в порядке последовательности текста настоящей публикации.

№ 1 — *начало:* «Москва. Города». Исписаны обе стороны. Писано чернилами за исключением первых трех строк, писанных карандашом. На обороте одиннадцать строк писаны первоначально карандашом и обведены чернилами С. А. Толстой. «Шуйскому переулку» С. А. Толстая не поняла и, обводя чернилами, ошибочно переделала на «Шуштому».

№ 2 — *начало:* «Кремль. Спаскіе ворота». Исписана первая страница; на обороте — одна строка. Писано чернилами за исключением оборота (карандаш). Двенадцать строк писано первоначально карандашом. Обведены чернилами С. А. Толстой.

№ 3 — *начало:* «Г. Моск. Изъ брусьевъ». Написано десять строк; пять — чернилами, пять — карандашом.

№ 4 — *начало:* «П о с т р о й к и р а б о т ы».[1] Написано три строки чернилами. На обороте рукой Толстого карандашом цыфровые исчисления.

№ 5 — *начало:* «Г о р о д а. П е т е р б у р г ъ». Семь строк — карандашом.

№ 6 — *начало:* «П о с т р о й к и. П е т е р б у р г ъ». Двадцать строк чернилами.

№ 7 — *начало:* «Общій видъ города». Три строки чернилами.

№ 8 — *начало:* «Бродячій народъ». Три строки карандашом.

№ 9 — *начало:* «Игры». Две строки чернилами.

№ 10 — *начало:* «Лаврентій Калужскій». Семь строкъ чернилами

$$\begin{array}{r} 7\,050 \\ 5\,508 \\ \hline 442 \end{array}$$

Между шестой и седьмой строчкой выкладка: , заключающая перевод годов с летосчисления от «сотворения мира» — на летосчисление согласно нашей эре. Отрезок бумаги в треть листка in 16°.

---

[1] Напечатанное разрядкой — в подлиннике подчеркнуто Толстым.

№ 11 — *начало:* «Бытъ. Съ 1700. Деньги». Исписано чернилами больше половины первой страницы.

№ 12 — *начало:* «Духовенство». Тринадцать строк писано чернилами, две — карандашом.

№ 13 — *начало:* «Монастырскія имѣнія». Исписана первая страница с пробелами.

№ 14 — *начало:* «Одежды. 1718». Исписано полторы страницы чернилами, за исключением последней строчки, писанной карандашом.

№ 15 — *начало:* «Бытъ. Внѣшность». Исписана первая полустраница карандашом.

№ 16 — *начало:* «Постройки. Забѣлина 35 стр.» Писано карандашом за исключением пяти строк — чернилами.

№ 17 — *начало:* «Стрѣльцы». Исписано чернилами полторы страницы.

№ 18 — *начало:* «Къ описанію бунта 682 года (Медвѣдевъ)». Исписаны чернилами обе страницы.

№ 19 — *начало:* «1682. Арапъ Иванъ». Исписаны чернилами обе страницы.

№ 20 — *начало:* «1682. Царевна Софья». Исписано чернилами полторы страницы.

№ 21 — *начало:* «1695. 27 Ноября». Первая страница исписана чернилами, на обороте — семь строк карандашом.

№ 22 — *начало:* «698 годъ. 10 Іюня». Исписаны чернилами обе страницы.

№ 23 — *начало:* «698. 20 Декабря». Исписаны чернилами обе страницы.

№ 24 — *начало:* «11 Февр. Праздникъ Вакха». Исписаны чернилами полторы страницы. На первой странице с края арифметическое исчисление рукой Толстого.

№ 25 — *начало:* «Бытъ — дороги». Восемь строк писаны чернилами, четыре — карандашом.

№ 26 — *начало:* «Войско. Названіе полковъ». Написано чернилами семь строк.

№ 27 — *начало:* «Война. Пріемы». Написано чернилами три строки.

№ 28 — *начало:* «Мѣстопребываніе. Петръ». Исписаны обе страницы: первые семь строк — чернилами, остальная часть карандашом.

№ 29 — *начало:* «Бытъ. Рекруты». Исписано чернилами полстраницы.

№ 30 — *начало:* «Нравы правительства Петра». Исписана чернилами первая страница, на обороте — одна строка.

№ 31 — *начало:* — «Петръ приближенные». Исписано полторы страницы, последние четыре строки чернилами.

№ 32 — *начало:* «Царя Феод. кормилица». Исписана первая страница, четыре строки — чернилами.

№ 33 — *начало:* «позапечью лежали». На обороте другое начало: «Кое что». Писано частью карандашом, частью чернилами. Считаем текст оборота приуроченным к данному листку случайно и печатаем этот текст вслед за текстом листка № 47, близким по содержанию.

№ 34 — *начало:* «Петръ прибл. Монсъ вдова». Четыре строки писаны карандашом, семь — чернилами.

№ 35 — *начало:* «Петръ. Семейныя». Шесть строк писаны чернилами,

двенадцать — карандашом. Одно слово, писанное карандашом, обведено чернилами С. А. Толстой.

№ 36 — *начало:* «П е т р ъ. Х а р а к т е р ъ». Исписана первая страница, частью чернилами, частью карандашом.

№ 37 — *начало:* «Царскій домъ». Исписана первая страница. Четырнадцать строк — чернилами, шесть — карандашом.

№ 38 — *начало:* «Ц а р е в и ч ъ А л е к с ѣ й». Семнадцать строк писано карандашом, три — чернилами.

№ 39 — *начало:* «Фамиліи. Толстой Петръ». Пять строк чернилами, пять карандашом.

№ 40 —*начало:* «Фамиліи. Горчаковы». Четыре строки — карандашом, семь строк — чернилами.

№ 41 — *начало:* «Голиц. Борисъ Алексѣйчъ». Исписано полторы страницы, часть карандашом, часть — чернилами.

№ 42 — *начало:* «Фам. Хованскіе». Восемнадцать строк писаны чернилами, две — карандашом.

№ 43 — *начало:* «Фам. Менщик.» Писано семь строк карандашом.

№ 44 — *начало:* «Фам. Милославскіе». Три строки писаны карандашом.

№ 45 — *начало:* «Ф. Ѳедоръ Матв. Апраксинъ». Две строки—чернилами.

№ 46 — *начало:* «Фам. Прозоровскіе». Одиннадцать строк карандашом.

№ 47 — *начало:* «Соковнины». Исписано полторы страницы чернилами, две строки писаны карандашом. Вслед за настоящим листком печатаем текст с оборота листка № 33, в котором также идет речь о Морозовой (Соковниной).

№ 48 — *начало:* «Фамиліи. — Головины». Написано тринадцать строк, два первых слова — карандашом.

№ 49 — *начало:* «Т р о е к у р о в ы». Исписана первая страница, частью — чернилами, частью — карандашом.

№ 50 — *начало:* «Лопухины». Исписано полстраницы, четыре слова — карандашом.

№ 51 — *начало:* «Ромодановскій». Четыре строки карандашом и чернилами.

№ 52 — *начало:* «Кн. Одоевскіе». Исписано полстраницы, последние три строки — карандашом.

№ 53 — *начало:* «Лыковы». Исписано полстраницы (чернила).

№ 54 — *начало:* «Фамиліи. Юр. Юр. Т р у б е ц к о й». Исписано полстраницы чернилами и карандашом.

№ 55 — *начало:* «Фам. Долгорукіе». Пять строк чернилами.

№ 56 — *начало:* «Времена года. П а с х и». Исписано полстраницы карандашом, одна строка — чернилами.

№ 57 — *начало:* «Бояринъ старикъ». Исписано около полуторы страницы карандашом. Внизу первой страницы нарисован узор.

№ 58 — *начало:* «Св.) 1) Ѳедоръ Алексѣичъ». Исписана первая страница чернилами.

№ 59 — *начало:* «Былина». Четыре строки карандашом.

Толстой, приступив к писанию романа времени конца XVII — начала XVIII века, много работал над своим слогом и языком. Он стремился накопить достаточный лексический материал, чтобы лица романа могли заговорить свойственным эпохе и своему социальному положению языком. Поэтому в художественных отрывках романа Толстого, а равно в подготовительных материалах к нему, встречается не мало выражений и слов, характерных для эпохи XVII-XVIII вв., а также свойственных крестьянскому обиходу. Многие из этих слов вышли из употребления; считаем необходимым дать список встречающихся у Толстого терминов и слов, вызывающих затруднение в понимании.

Австерия (с латинского) — в эпоху Петра I — гостиница, трактир, харчевня.
Азям — верхний долгополый кафтан.
Алеша, алеха — лгун, хвастун, бахвал.
Алтын — серебряная монета в шесть денег или в три копейки.
Анамесь — намедни, недавно.
Аргамак — рослая и дорогая азиатская верховая лошадь.
Ароматник — склянка для духов, ароматница.

Батыри — по Волге так называлось особое сословие подрядчиков, занимавшихся нагрузкой, выгрузкой и перегрузкой судов и т. п.
Бахмат — малорослая, крепкая лошадь.
Ближний — старинный придворный сан, комнатный, позднее «камер».
Будара — долбленая лодка, барка.
Бурак — берестовый стоячек с крышкой.

Варок — загон, скотный двор.
Ведомец — искусник, знаток.
Венусова утеха — любовные наслаждения.
Волоковое оконце — маленькое, задвижное оконце, через которое также выволакивается дым в курных избах.
Волоть — верхняя часть, вершина снопа, колосовище.
Вощанка — сосудец, сделанный из воску.
Вывершить — свести верх.
Выносной — ездовой, верховой, форейтор.
Высожары — собственно висожары, иначе стожары — созвездие плеяд; часто так называют созвездие медведицу.

Галера — двухмачтовое судно размером от 125 до 160 футов длины и 18—30 футов ширины; в каждое весло садилось по несколько человек, нередко невольников или каторжников (katorga — галера). О русских галерах эпохи Петра I см. С. Елагин, «История русского флота. Период Азовский». Спб. 1864, стр. 255—264.
Головы стрелецкие — были в чине полковника.
Горлатная шапка — из горлового, дутатого меха; горлатка — дошлый пушной зверь.
Гривна — серебряная монета, в настоящее время гривенник; при Петре I гривна содержала 16 лотов серебра.
Губная изба — присутственное место, где заседал губной (уголовный) староста и где шел уголовный суд и расправа.
Гуз, гузырь — срез снопа.

Даточный — сданный в солдаты, военно-служащий из сословий, обязанных рекрутчиной.
Двулишний — о ткани, в настоящих отрывках: с переливом, с отливом, с игрой.
Держальник — помощник воеводы; держальниками назывались бедные дворяне, постоянно проживавшие при людях родови-

тых; они предшествовали своим патронам при их выездах, принимались как гости в домах, куда приезжал их патрон, но во время приезда патрона во дворец оставались у крыльца при лошадях.

Дужки-санки — маленькие загородные санки с дугообревной спинкой.

Думный дьяк — письмовод царской думы, государственный секретарь.

Дым — дом, изба, двор.

Ефимки — иностранные монеты, талеры.

Жеребий, жеребьевая земля — доля, участок, доставшийся в надел по жребию.

Занавеска — длинный женский передник, фартук с лифом.

Затейное слово — оговор.

Зачес — заглаживание, приравнивание.

Земская изба — первая степень суда и расправы в городах и селах в старину.

Изветчик — доносчик,

Индикт — пятнадцатилетний период со счетом с 1 сентября.

Камка — шелковая китайская ткань с разводами, ныне мало употребительная.

Камчатная скатерть — сделанная из камчатки, узорчатой льняной ткани.

Каракалпаки (черные шапки) — когда-то сильное киргизское племя в Средней Азии.

Кика — бабий головной убор, с рогами, род повойника.

Кичка. См. Кика.

Клеть — чулан, холодная половина избы через сени.

Колырство — не поддающееся точному объяснению слово, которым раскольник на допросе обозначал что-то загадочное, связанное с представлением антихриста.

Конник — лавка, ларь для спанья с подъемной крышкой.

Конопатый — рябой, щедристый.

Кормщик — управляющий ходом судна, рулем.

Корчага — большой глиняный горшок или чугун.

Кош — стан, лагерь.

Кошма — войлок, полость.

Кравчий или крайчий — придворный сан, чин.

Крестец — 13—20 снопов, сложенных крестообразно; на копну приходится по четыре-пять крестцов.

Крестовая — молельня в доме, образная.

Кумган — металлический азиатский рукомойник, кувшин с носком, ручкою и крышкой.

Кумпанство или компанство — сообщество, товарищество, круг. Задуманная Петром I по взятии Азова постройка нового флота облеклась в форму особой общенародной повинности. К 1698 г. землевладельцы и горожане должны были выстроить определенное количество кораблей, с этой целью и образовывались «кумпании».

Курень — шалаш, землянка, избы или хаты в одной кучке, стан.

Курушка — головня.

Курфюрстина — жена курфюрста, владетельного князя.

Ларешница — ключница, которой доверялись припасы.

Лествица, лестовка — ремень, сложенный борками с лопастками на сшивке, кожаные четки староверов.

Малахай — большая ушастая (или с лопастями) шапка на меху; две лопасти кроют щеки, одна затылок, небольшая четвертая — лоб.

Махальце — опахало, веер.

Набор — рекрутов, введен в России в 1699 г. Петром I; перед войною со шведами повелено было произвести первый «набор» 32 тысяч солдат на новых началах.

Науз — часть конской сбруи; кисть, бляха и др. украшения, привешиваемые на ремне или шкуре под шеей лошади.

Неключимый — негодный, неспособный, непотребный.

Ногаи — полукочевая тюркская народность, жившая в Дагестане и Северном Кавказе.

Обросимы — от слова оброснить — брить; обросимы — те, у кого забрили лоб. Желябужский пишет: «И по указу великих государей из людей боярских, которые записывались в Преображенском, взяты в новоприбылые солдаты и стрельцы, и взяты на Воронеж и Азов... И прозвание им было Обросимы. («Записки русских людей. События времен Петра Великого». Спб. 1841 — Записки И. А. Желябужского, стр. 29.)

Огорлие — ошейник.

Однорядки — долгополый кафтан, без ворота, с прямым запàхом и пуговками, однобортный.

Одонье — круглая кладь хлеба в снопах; одонье обозначает также подстил или сено, лежащее в самом низу стога.

Окольничий — о происхождении звания окольничего нет никаких положительных сведений. Обязанности окольничего были весьма разносторонни: во время путешествия государей они должны были ехать впереди и наблюдать за исправностью и безопасностью дорог; они же представляли иностранных послов при публичных аудиенциях, присутствовали главными судьями в приказах. Иногда окольничие служили в войне полководцами. Звание окольничего уничтожено при Петре I (Елагин. «История русского флота. Период Азовский». 1864, стр. 265).

Опашник — опашень — верхняя мужская одежда, широкий, долгополый кафтан с короткими, широкими рукавами.

Осьминник — четверть десятины,

Охобень — верхняя одежда, с прорезами под рукавами и с четвероугольным откидным воротником.

Очхура, очкура — пояс на брюках, шароварная опояска, с застежкой, завязкой или пряжкой, чем штаны затягиваются на поясе.

Офеня — разнощик, коробейник, мелкий торгаш вразноску с книгами, бумагой, шелком, иглами, колечками, колбасой, сыром и проч.

Перевалиться — устать, похудеть.

Передваивать, передвоить пашню — вторично вспахать.

Пестрая неделя — простонародное название недели перед масляницей.

Побратим — товарищ, друг, приятель.

Повенчанин — житель Повенца, уездного города Олонецкой губернии.

Под — кирпичная гладкая выстилка или глиняная набойка и смазка внутри всякой русской печи, где кладутся дрова.

Подклеть — нижнее жилье деревянного дома, людская, черная или рабочая нижняя изба.

Подласый или подвласый — масть лошади: всякая масть с большими подпалинами более светлого цвета.

Подскатертник — подстилка под скатерть.

Подстолье — часть стола: ножки с обвязкой, на которой лежит столечница (доска).

Подьячий — приказный служитель, писец в судах.

Полавочник — половик или полотнище, холст, ковер для покрытия лавок.

Полушка — полденьги, четыре на копейку, самая малая монета, четь-копейки.

Помолить — поздравить и выпить.

Понаровка — поблажка (по нраву), снисхождение.
Посестрея — названная сестра.
Поставец — стол.
Постельничий — спальник, боярин, который смотрел за спальней, почивальней государя.
Прибыльщик — особая должность, учрежденная Петром I. Прибыльщик обязан был следить за правильностью поступления доходов и измышлять возможное их увеличение, «прибыль».
Приваломъ — взять толпой, натиском.
Приказы — органы центрального управления Московского государства, заведывавшие каждый особым родом государственных дел.

Раздуванить — поделить добычу.
Разряд — приказ или место, заведывавшее определением к должностям.
Расточение опальное — разорение имущества в связи с опалой, т. е. немилостью царской власти.
Ратовище — древко копья, бердыша или рогатина, копеище.
Регимент — полк.
Рейтар (немец.: Reiter) — конный воин, всадник.
Репей — украшение в виде бориста собранной ленты.
Развертной — с отвертывающейся пробкой.
Рундук — род ларя, прилавок, закром.

Саадак — прибор: лук с наличником и колчан со стрелами.
Самара — долгая, долгополая одежда.
Сарынь — толпа, чернь.
Сбитень — напиток из подожженного меда с пряностями.
Свясло — витень из травы и соломы для вязки снопов; соломенный жгут.
Селище — уничтоженное, снесенное селение, остатки жилого места.
Сержант — старший унтер-офицер или фельдфебель; из дворян и детей вельмож многих записывали в сержанты ради одной выслуги.
Сермяжное платье — суконный кафтан, кафтан грубого некрашенного крестьянского сукна.
Синаксарь — краткое житие святых и толкование праздников.
Скарбутика — цынга.
Собор — собрание чинов от земли или от духовенства для решения важных дел. В 1682 г. был собран не собор, а торжественное собрание духовенства в Грановитой палате в присутствии царей и правительницы для прений о вере.
Случай — дело служебное, которое вносилось в послужной список; служебная награда, входившая в расчет по местничеству.
Спальник — придворный сан; спальник находился в государевой опочивальне.
Сплошница — неделя, предшествующая пестрой (см.).
Спожинки, спожина, спожа — успенский пост (с 1 по 15 августа).
Спорина — успех, удача, прибыль.
Средокрестная неделя — четвертая неделя великого поста.
Ставец — стенной шкафчик, посудный шкаф.
Столешник — скатерть.
Стольник — придворный сан, смотритель за царским столом.
Стрельцы — постоянное войско Московского государства XVI — начала XVIII вв., набиралось из «молодых и резвых», «гулящих людей», принимавшихся на службу по поручительству нескольких лиц. Стрелецкая служба была пожизненной и наследственной, обставлялась рядом привилегий.
Стростить — развести одну жидкость другой, развести горячую воду холодной.

Струг — речное судно, гребное и парусное.
Стряпчий — чиновник при государе, для поручений.
Стряпчий конюх — заведывающий каретником и конюшней.
Сурмленый — зачерненный сурмою, особой сернистой краской. Сурмят для украшения волосы, усы, особенно брови.
Сходец — пришлец.
Съезжая изба — часть, где производилась расправа.

Талька — моток ниток, снятый с тальки — ручного мотовила для пряжи; в тальке 10 пучков, пучек местами исчисляется в 120 ниток.
Тафья — шапочка, ермолка, тюбетейка.
Терева, терезы — торговые, базарные, коромысленные весы.
Треух — теплая шапка с тремя спускными лопастями, вообще мужская шапка.
Тягло — совокупность податей, платимых целыми обществами крестьян по общей раскладке; люди, подлежавшие таким платежам, назывались тяглыми. Главным предметом тяглового обложения были земли и дворы, которые также назывались тяглыми (Ключевский).

Фарь — верховой конь (с персидского).
Ферязь — мужское долгое платье, с длинными рукавами, без воротника и перехвата.
Фортеция — крепость.

Хрептуг — посконная холстина, сшитая конусообразно; хрептуг извозчики подвязывают к приподнятым оглоблям для корму коней овсом.

Целовальник — присяжный человек, сборщик казенного имущества — при таможнях, весах, при продаже соли и пр.

Чекушка — деревянная колотушка.
Чепрак — суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло, сверх потника.
Чепь — цепь, цепочка.
Черкасы — в старину так назывались великорусские обитатели Украины.
Черепеник — гречневик; шляпа черепениками — шерстяная валеная шляпа в форме стопки.
Чоботы — мужская и женская обувь, высокий башмак по щиколотки, с острыми кверху носками.
Чубарый — о конской масти — мешанной нечистой шерсти, — темные пятна по светлой шерсти, примесь рыжей шерсти к серой или к черной и белой.
Чумбур — особый повод уздечки, за который водят верхового коня, привязывают или дают валяться.

КНЯЗЬ ФЕДОР ЩЕТИНИН.

В период занятий Толстого над историческими материалами времен Александра I и Николая I в связи с писанием им романа «Декабристы» у него обнаруживается специальный интерес к Турецкой войне 1828—1829 гг. 12 ноября 1877 г. он писал Н. Н. Страхову: «Пожалуйста, будьте так добры — подумайте и посоветуйте мне, что есть о первом времени Николая Павловича и специально о войне 28, 29 года» («Толстой и о Толстом», № 2, стр. 37). В следующем письме Толстого к Н. Н. Страхову мы читаем: «Я чувствую, что скоро начну работать, и с большим увлечением, и забуду себя..... Очень благодарен за книги. Но Lacroix необходимы следующие томы. Простите, что утруждаю вас. Нет ли каталога книг, относящихся к царствованию Николая. De Lacroix говорит в предисловии, что Корф ему говорил о таком каталоге» (стр. 38). Lacroix — автор восьмитомного труда о Николае I («Histoire de Nicolas I», 1864—1875). В письме от 12 декабря 1877 г. Н. Н. Страхов, доставлявший материалы Толстому, писал: «Последними двумя посылками книг я сам очень доволен. Лукьянович [«Описание Турецкой войны 1828 и 1829 гг.», в 4 частях. Спб. 1844 г.] мне достался за 4 рубля — очень дешево. Теперь у вас есть всё главное о войне 1828 г.» (ПС, стр. 135). 8 января 1878 г. С. А. Толстая записала в своем дневнике: «Теперь Льва Николаевича заинтересовало время Николая I, а главное турецкая война 1829 г.» (Дневник С. А. Толстой, 1860—1894, стр. 41).

В недатированном письме от января 1878 г. Толстой писал А. А. Толстой: «Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-ых годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время. Странно и приятно думать, что то время, которое я помню, 30-ые года — уже история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и всё останавливается в торжественном покое истины и красоты» (ПТ, стр. 290).

Отражением интереса к войне 1828—1829 гг. являются четыре сохранившиеся отрывка повести Толстого «Князь Федоръ Щетининъ»; эта повесть, судя по приведенным указаниям, писалась в конце 1877 г. или начале 1878 г.

Наиболее определенные признаки того, что Толстой имел в виду в «Федоре Щетинине» именно эту эпоху, мы находим в рукописи II, где упоми-

нается, что война длилась два года и что театром войны являлся юг. Описан южный город «еще на границе», где стоит штаб войска. Время окончания войны у Толстого падает на осень. Исторически, при заключении мира с Портою, после войны 1828—1829 гг., главная квартира находилась в Адрианополе. Мирный договор подписан 2 сентября. Характер эпохи, поскольку он выражен в бытовых признаках — одежды, обстановки (письменный стол Щетинина, кнопка звонка) и т. п. явно свидетельствует о XIX веке. Нет оснований связывать «Федора Щетинина» с многочисленными Щетиниными конца XVII века, фигурирующими в романе времен Петра: Щетинины, взятые из собственной родословной Толстого, могли интересовать его в разные эпохи жизни этого рода.

Есть основание считать, что прототипом Федора Щетинина в повести Толстого является гр. Василий Алексеевич Перовский (1794—1857), бывший Оренбургским и Самарским генерал-губернатором. Перовский был близким человеком гр. А. А. Толстой. Л. Н. Толстой писал ей в начале января 1878 г.: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского. Теперь я привез из Москвы целую кучу материалов для этого. Я сам не знаю, возможно ли описывать В. А. Перовского и, если бы и было возможно, стал ли бы я описывать его; но всё, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично. Что бы сказали вы и его родные? И дадите ли вы и его родные мне бумаг, писем? с уверенностью, что никто, кроме меня, их читать не будет, что я их возвращу, не переписывая, и ничего из них не помещу. Но хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу». Гр. А. А. Толстая ответила 12 января 1878 г.: «Готовлю всё, что имею писанного материала, и поставила на ноги ленивого Бориса [Перовского], чтобы и он сыскал всё, что осталось после брата. К сожалению, это не много. Покойный граф имел привычку всё сжигать, но словесный материал даст вам полную возможность взглянуть в эту душу и эту натуру, в которой всё было à grands traits [крупного масштаба], качества и недостатки. Брат мой может вам сообщить многое об его служебной деятельности, а за остальным приезжайте ко мне». Присоединяясь к мнению о значительности личности Перовского, Толстой в ответном письме говорит, что «такая фигура — одна, наполняющая картину». В марте 1878 г. Толстой съездил в Петербург; известно также, что бумаги В. Перовского были в руках Толстого и изучались им. И. Захарьин (Якунин), разбиравший архив гр. А. А. Толстой и, в частности, читавший письма Перовского к последней, свидетельствует, что на полях и в тексте документов были пометы синим карандашом, — кавычки, подчеркивания и вопросительные знаки, — «как будто кто собирался делать из них выписки». Пометы эти, по указанию гр. А. А. Толстой, были сделаны рукой Л. Н. Толстого («Вестник Европы» 1904, VI, стр. 446). Еще в 1860-ых гг. Толстой интересовался записками Перовского о 1812 годе («Русский архив», 1865, стр. 257—286) и использовал их в «Войне и мире». В виду того, что от «Федора Щетинина» мы имеем только наброски, нет достаточного материала, чтобы составить себе полную картину замысла романа в целом, также и о степени близости Щетинина Перовскому можно судить лишь

условно. Несомненно внешнее сходство (курчавые усы и т. п.). Перовский, как и Щетинин, был участником русско-турецкой войны. В 1828 г. он принимал участие во взятии Варны и был ранен в левую сторону груди. В том же году он произведен в генерал-майоры и получил орден Анны первой степени. Федор Щетинин в изображении Толстого — генерал-майор с золотой саблею, Владимиром с мечом и звездой; он ранен во время турецкой войны и ходит с костылем. Предполагал ли в дальнейшем Толстой развернуть роман в сторону Перовского и сделать местом действия Оренбургский край, на основании отрывков судить нельзя.

Фамилия главного действующего лица начатой повести Толстого может быть объяснена двояко: возможно предположить, что Толстой трансформировал фамилию Перовского на основании ассоциации слов: *перо — щетина*, таким образом Перовский превратился в Щетинина (аналогично у Толстого — из «Ясная поляна» — «Лысые горы»); нельзя также игнорировать того обстоятельства, что Толстой в своих исторических писаниях всегда обращал взор к своим предкам, а прабабкой Толстого была Щетинина. Есть и еще одна любопытная параллель в отношении называния данного героя Толстым — с полным совпадением и имени и фамилии. В марте 1879 г. Толстой проявляет особый интерес к делу обер-фискала Нестерова (1724 г.), обвинявшегося во взяточничестве; среди сообщников последнего фигурирует подьячий Федор Щетинин. Его дело в копии, затребованной Толстым, сохранилось в Ясной поляне (книга Правительствующего сената за № 273, лл. 699—702). О специальном интересе к этому Федору Щетинину свидетельствует особая справка об отце Щетинина и о нем самом, сообщенная Николевым Толстому в письме первого от 28 апреля 1879 г. (пункт письма четвертый). (Подлинник хранится в ГТМ.) Имеем ли мы дело с простым совпадением имени данного исторического лица с героем художественных набросков Толстого или данное совпадение указывает на необходимость предположения, что настоящие художественные наброски, отнесенные нами в виду изложенного на стр. 689, к 1877—1878 гг., следует приурочить к 1879 г., когда Толстой уже был знаком с делом подъячего Федора Щетинина, — сказать затрудняемся.

В архиве Толстого, хранящемся во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина (папка XXII), имеются следующие рукописи, относящиеся к повести «Князь Федор Щетинин».

1. Рукопись I, автограф, 4°, 14 страниц. Писано с одной стороны размашистым почерком рыжеватыми чернилами. Пагинация авторская. Бумага фабрики Говарда № 4 и Сергеева № 6. *Начало:* «Война кончилась». В этом отрывке характеризуется не сам Щетинин, а его начальство — командующий войсками Федор Мещеринов, с которым у Щетинина происходит столкновение. Сам Щетинин здесь именуется Семеном. Впервые печатается в настоящем издании.

2. Рукопись II, автограф, 4°, 6 страниц, исписанных кругом. Бумага фабрики Говарда № 6. *Начало:* «Князь Ѳедоръ Щетининъ. I часть. I». Рукопись представляет непрерывный текст, кончая пятой страницей; на этой странице рассказ уже становится конспективным и обрывается *словами:* «Я все сказалъ, прощайте». Последняя, шестая страница использована Толстым при написании рукописи III и к тексту рукописи II не

примыкает. Начальник Щетинина здесь носит фамилию Острожского, а не Мещеринова, как в предшествующем отрывке. Данный автограф — единственный с заглавием, которое мы распространяем на все сохранившиеся отрывки. Конспект, которым кончается данная рукопись, намечает диалог, развернутый в рукописи III, что свидетельствует о том, что написание рукописи II предшествовало III. Впервые печатается в настоящем издании.

3. Рукопись III, автограф, 4°, 6 страниц, исписанных кругом; продолжением текста является шестая страница предшествующей рукописи. Почерк размашистый. Бумага фабрики Говарда № 6. *Начало:* «Назначается Генералъ маіоръ Ѳедоръ Щетининъ». По содержанию рукопись III составляет параллель к отрывку № 1: описывается то же событие — столкновение двух военных (начальника и подчиненного); в первом случае Толстой ведет рассказ, исходя из описания первого лица (командующего), в настоящей же рукописи рассказ развивается в связи с описанием умонастроения другого действующего лица — Федора Щетинина. Фигура начальника едва намечена, имя его скрывается под инициалами. Печатается впервые в настоящем издании полностью; конец варианта впервые опубликован в «Литературном наследстве», 19—20, 1935.

4. Рукопись IV, автограф, 4°, 2 страницы. Бумага фабрики Сергеева № 6. Полторы страницы непрерывного текста, затем он переходит в конспективное изложение с большим количеством отдельных замечаний и помет. Текст несомненно был написан после рукописи III: первая фраза рукописи III, составленная там с помарками, выписана в рукописи IV в качестве начальной; уже после Толстым были надписаны в рукописи IV пять строк, составивших новое конспективное начало. Впервые печатается в настоящем издании.

5. Рукопись V, автограф, F°, 1 лист. Бумага фабрики Говарда. Исписана первая часть первой страницы. Далее, и на обороте геометрические чертежи и математические исчисления. *Начало:* «Отецъ женился на бабѣ». Содержит конспективный план, примыкающий к конспекту, находящемуся на последней странице предшествующей (IV) рукописи. Оба конспекта выходят за пределы рассказа, как он отразился в сохранившихся художественных отрывках. Эти планы — конспекты остались неосуществленными. План из рукописи V впервые печатается в настоящем издании. В обоих планах-конспектах значится фамилия Барятинского. «Барятинским» объединяются как эти конспекты, так и все отрывки начатой повести: в лице начальника Ф. Щетинина Толстой описал кн. Александра Ивановича Барятинского (1814—1879), главнокомандующего кавказской армией; под его начальством Толстой служил в 1850-ых гг., будучи знаком с ним лично.

Изображаемого в повести начальника края Толстой наделил как наружностью Барятинского, так и чертами его характера: величавостью, независимостью и самовластием, при этом в первых двух отрывках начальник фигурирует под именем Мещеринова и Острожского, в третьем же отрывке Толстой называет его: П. Б.

ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ.

Подобно тому, как в «Войне и мире» Толстой искал воплощения событий 1812 г. в действующих лицах, которых он знал, как своих предков, так и при писании других своих исторических повестей он пытался вовлекать в свой рассказ лиц из собственной родословной. Сюжет неоконченной повести «Труждающиеся и обремененные» связан с жизнью князей Горчаковых. Доныне в зале Яснополянского дома висят портреты прадеда Толстого слепого Николая Ивановича Горчакова и его матери, урожденной кж. Мордкиной, в одеянии монахини. Усиленный интерес Толстого к родословной кн. Горчаковых и отдаленным членам этого рода падают на начало 1879 г. Об этом прежде всего свидетельствует переписка Толстого того времени с Н. Н. Страховым, гр. И. А. Толстым и кж. Е. С. Горчаковой. В письме от 17 января [?] 1879 г. к Н. Н. Страхову, к которому Толстой обычно обращался с просьбами для получения через него литературных и архивных материалов в Петербурге, читаем: «2-я наглая назойливая просьба, обращать которую к вам я не имею никакого права; но мне, ей-ей, *до вареза* нужно, необходимо. Вот в чем дело: у князя Николая Иван. Горчакова, моего прадеда, умершего в 1811 г. было 3 сына: Михаил, Василий (генер.-майор, женат на Стромиловой, от него дочь Катерина замужем за Уваровым и Перовским), и Александр. Один из этих Горчаковых за какие-то дурные дела судился и был сослан в Сибирь. Судился он, вероятно, в конце столетия — не ранее 80 г., так как родился около 60-го и судился вероятно в Сенате. Нельзя ли найти о нем дело?» (ПС, стр. 202—205). Еще до того, как Толстой был достаточно ориентирован в биографиях нужных ему лиц, он делает наброски задуманной повести. Вариант № 2 задуманного произведения («Терентий Николаев») имеет помету: «1879, 15 Ген.» В том же январе 1879 г. Толстой запрашивает о кж. Горчаковой и Льве Перовском гр. А. А. Толстую (ПТ, стр. 309). Интерес к задуманному роману из жизни В. Н. Горчакова сильно захватил Толстого. Судя по телеграмме к С. А. Толстой от 19 января 1879 г. он даже хотел ехать в Петербург в связи с розыском соответствующих исторических материалов. Но поездка не состоялась, и после письма Н. Н. Страхову от 17 января 1879 г. (не позднее 12 февраля) Толстой уже подробно запрашивает о кн. Горчаковых брата Александры Андреевны, гр. И. А. Толстого (письмо

не опубликовано, хранится в Рукописн. отделении Академии наук): «Мне при моей работе понадобились сведения о двоюродном деде моем князе Горчакове, сыне Николая Ивановича Горчакова, судившегося, как мне известно, за какие-то дела и разжалованным [sic!] и сосланным в Сибирь. Как звали этого деда, я не знаю; знаю только, что он был один из трех братьев моей бабки, которых звали Михаил, Василий и Александр. Они обозначены в родословной книге Долгорукова в 1-й части на стр. 63. Мне нужно знать года рождения и смерти всех братьев и того, который судился и за что и, если возможно, найти дело о нем. Оно должно быть в архиве Сената. Если возможно, сделайте мне это, добрейший дядюшка. Мне это ужасно нужно. Наследников и потомства у всех их не осталось. У одного Василья была дочь Перовская, от которой отец получил наследство. Но une fois que j'y suis, я хочу довести свою бессовестность до последней степени и просить вас еще об одном одолжении. Князь Александр Михайлович Горчаков, которого дед был родной брат моего прадеда, должен многое знать и помнить из семейных преданий. Через кого и как обратиться к нему, чтобы узнать следующее: 1) на ком были женат мой прадед кн. Николай Иванович и когда она [жена] родилась и умерла и подробности о ней. 2) Что известно о его сыновьях, когда родились, умерли, где служили и *который был под судом и за что*. 3) Что известно ему про своего деда, женатого на Пещуровой и других двух братьев Петра и Павла. На ком женаты, где служили..... Еще нельзя ли узнать у князя Алекс. Михайловича, как звали в миру его прабабку, а мою прапрабабку, урожденную княжну Мордкину и в каком монастыре она была инокинею и под каким именем. У меня есть ее портрет и, к сожалению, я отдавал его реставрировать и мне закрасили надпись, бывшую на нем».

Из ответных писем Н. Н. Страхова на запрос Толстого видно, что сведения о Горчаковых извлекались из архивных материалов с трудом и, в смысле конкретных указаний, которых искал Толстой, были скудны. В ответ на письмо от 15 февраля 1879 г., в котором Н. Н. Страхов просил Толстого какого-нибудь признака — «чего-нибудь наводящего на след», Толстой в письме от 27 [?] февраля 1879 г. пишет: «Он был генерал-майор, Василий Николаевич и, кажется, сослан за фальшивые ассигнации. Я ничего не написал. Всё пухну замыслами». (Стр. 212.) (На самом деле несколько начал уже было написано.) В письме Толстого от 23 [?] марта 1879 г. читаем: «Вас. Ник. Горчаков был сослан, говорят, за фортепиано, полное фальшивых ассигнаций, вывезенное им из-за границы». (Стр. 215.) Сведения о фортепиано с ассигнациями Толстой получил от своей троюродной сестры кж. Е. С. Горчаковой, которая писала так 8 февраля 1879 г. в ответ на неимеющийся в нашем распоряжении запрос Толстого по тому же вопросу: «Что касается до подробностей о нашем прадеде кн. Петре Ивановиче, и брате его кн. Николае Ив. и о их матери, то маменька о них решительно ничего не знает и никогда о них ничего не слыхала от моего отца..... Я же слышала от покойного отца, что сын Николая Ив. *Василий* был человек умный, развитый (передовой по нынешнему) и был сослан в Сибирь за *что-то* нехорошее, но не по политическому делу; вообще мой отец не любил говорить об этом, а женат он был на Стромиловой и был генерал-майором, это я узнала из книги родословной Кн. Долгорукова,

которая, конечно, есть у вас, жалею, что не могу вам сообщить более подробных сведений, любезный граф, но никаких не имею и не знаю где достать. Тем более, что у кн. Василия была только одна дочь, которая была замужем за Перовским. Жалею, что с молодости не слушала внимательно, что говорила о них покойная бабушка, которую вы конечно хорошо помните, мать Афанасию из Зачатьевского монастыря, в миру кн. Анна Петровна Горчакова; она много обо всем этом говорила и раз помню сказала, что кн. Василий будто бы был сослан в Сибирь за то, что выписал из-за границы фортепиано для дочери и в него наложил фальшивых ассигнаций; но она этому не верила..... Еще я слышала, что кн. Анна Петровна пошла в монастырь от любви к двоюродному брату именно *Василию Ник.*».

Запрашивал Толстой также и брата кж. Е. С. Горчаковой Дмитрия Сергеевича, но ответное письмо последнего от 4 февраля свидетельствует, что от него Толстой ничего почерпнуть не мог. Наконец, в письме от 15 [?] апреля 1879 г. Толстой пишет Н. Н. Страхову: «О Горчак. я знаю, что он был ген.-майор, Вас. Ник. и попал под суд в нынешний век, 1801 или 2-м. А архивы эти в Петербурге». В это же время Толстой проявляет интерес к историческим материалам XVIII века и ищет доступа в Архивы. В письме к гр. А. А. Толстой конца марта он писал: «Другая моя просьба к вам, чтобы мне были открыты архивы секретных дел времен Петра I. Анны Иоанновны и Елизаветы. Я был в Москве, преимущественно для работ по архивам (теперь уже не декабристы, а 18 век, начало его — интересует меня)». (ПТ, стр. 319.) Публикуемые варианты романа относятся ко времени царствования Елизаветы Петровны, и один из них носит заглавие «1757 годъ». В этот год, по замыслу Толстого, родится главный герой повести, Василий Николаевич Горчаков.

В АТБ хранятся письма к Толстому Иннокентия Николева и Дмитрия Позднышева от марта и апреля 1879 г., свидетельствующие об архивных розысках для романа Толстого XVIII века, связанного тематически с Горчаковыми. Оба названных лица работали в архивах по заданию Толстого. По записке Позднышева от 24 марта 1879 г. видно, что Толстому доставлены какие-то копии документов за 1740 и 1770 гг. В письме от 23 марта Г. Николев дает следующую справку: «о Горчаковой, постригшейся в монахини, узнал только то, что ее звали в мире Татьяна Григорьевна дочь Григорья Федоровича Мордкина». В другом письме Николева, от 20 апреля 1879 г., речь идет о названии деревень, принадлежавших Роману и Ивану Горчаковым, а равно об имениях Г. и Ф. Мордкиных и о роде жены Ник. Ив. Горчакова.

В ГТМ (по книге поступлений № 4523) хранятся бывшие в распоряжении Толстого: родословная Горчаковых, составленная по книгам Вотчинной коллегии, дело о завещании кн. Н. И. Горчакова на имя Василия (15 лл.) и выписки из Разрядного архива по затребованию кн. Н. И. Горчакова о чинах и окладах кн. Горчаковых с поколенной росписью их (9 лл.). Всё это — подсобный материал по интересовавшей Толстого теме романа XVIII века.

Данные архивные материалы, равно как и сведения из писем Николева, касались, в большинстве случаев, второстепенных персонажей задуманного

романа, главный же интерес Толстого был направлен на кн. В. Н. Горчакова, долженствовавшего занять центральное место в повести.

Биография В. Н. Горчакова такова: В. Н. Горчаков, младший брат бабки Толстого, Пелагеи Николаевны, родился в 1771 г., служил на военной службе и в 1793 г. был секунд-майором лейб-кирасирского полка. Французский король Людовик XVIII пишет в своих записках, что Горчаков, находясь в царствованіе Екатерины II в Риме, был арестован вследствие какой-то неблаговидной истории, посажен в крепость св. Ангела, а потом выключен Екатериною из службы с лишением капитанского чина («Рус. арх.» 1877, III, стр. 53); последнее, повидимому, неверно, так как он продолжал именоваться отставным майором. При Павле I он снова был на службе уже в чине подполковника «в штате его величества» и становится любимцем императора; в 1799 г. — он полковник, а в 1800 г. — генерал-майор и кавалер ордена Анны I степени. 23 августа/4 сентября 1797 г. Горчаков привез в штаб французского эмигрантского корпуса принца Конде предложение Павла предоставить корпусу убежище в России и затем остался в этом корпусе в качестве комиссара. Между прочим, 7 апреля 1800 г. Горчаков получил выговор от Павла за то, что без его позволения осмелился требовать от Конде знамена, данные его корпусу. Он оставил по себе дурную память у французов. Людовик XVIII называет его пустым, заносчивым и неспособным ни к чему доброму человеком. Вигель писал о нем: «Он попал в милость к императору Павлу, который, под именем главного военного комиссара, определил его лазутчиком к принцу Конде. С его корпусом делал он поход в Германию и безжалостно обирал бедных, храбрых эмигрантов, удерживая часть сумм, от щедрот царя через него им доставляемых» («Записки», ч. II, стр. 188). В записках Д. П. Рунича находим указание, что Горчаков, состоя военным комиссаром при армии Конде, выдавал паспорта всем, кто по своим делам оставлял армию с тем, чтобы потом присоединиться к ней уже в Волыни. Паспорта начинались таким образом: «Мы, Василий, князь Горчаков...» («Рус. стар.» 1901, I, стр. 335—336). По словам того же Рунича Горчаков пользовался величайшей милостью императора, был в самых близких отношениях с кумирами дня, вел жизнь миллионера. В 1800 г. он был назначен Ревельским военным губернатором, а затем инспектором Харьковской инспекции. Оттуда он был послан на Дон. По воцарении Александра I Горчакова постигла печальная участь: он был обвинен в подделке векселя и сослан в Сибирь. По рассказу декабриста Штейнгеля («Историч. вестник», 1900, т. 80, стр. 445—446), познакомившегося с кн. Горчаковым в Сибири в 1811 г., дело по словам самого Горчакова было так: Горчаков получил от Александра I разрешение поехать за границу; перед отъездом он сильно проигрался и, нуждаясь в деньгах и не получив их от богатой тещи, решил рискнуть: предъявил банкиру Ливио один из векселей на банкирские дома в Европе, эти векселя оставались у него по должности интенданта армии Конде. Получил по векселю деньги и уехал за границу. Но вскоре, по ответу того дома, на который вексель был адресован, узнали, что соответствующая сумма уже была выплачена. Горчаков был арестован в Кенигсберге, судим, причем в числе судей были и лица его обыгравшие, лишен чинов и сослан на поселение в Сибирь. Он

был поселен в Тунке, выучился по-монгольски, приобрел доверие бурят, а после вошел в особенное расположение губернатора, у которого был своего рода церемониймейстером: никакой праздник не совершался без него. Вигель, бывший в Иркутске в 1805 г., вспоминает в своих записках: «Двое несчастных, как их называют в Сибири, устроили в Иркутске театр. Один из них имел большой чин и носил знатное имя, — князь В. Н. Горчаков. От природы расточитель и плут, еще в первой молодости, разными постыдными средствами и обманом проживал он чужие деньги... Богатая жена, которой имение начинал он проматывать, разошлась с ним. Лишенный всех способов кидать деньги, он прибегнул к деланию фальшивых векселей; мошенничество его скоро открылось, и он очутился в Иркутске. Другой — Алексей Петрович Шубин был жалкое, ничтожное создание, блудливый, как кошка, глупый, как баран... Горчаков лицом и взглядом походил на ястреба, Шубин — на овцу. Ссылка связала их дружбой, любовь их поссорила. Примадонна, дочь одного сосланного польского шляхтича, тайно оказывала милости обоим антрепренерам; когда неверность ее открылась, сумасшедшие вызвали друг друга на поединок. Их до него не допустили, и все взяли сторону Шубина: Горчакова же послали в Тункинский острог. Через несколько времени воротился он из него; но Шубин торжествовал, оставшись один властелином театра и примадонны. Оба, признаюсь, были мне гадки, но Горчаков во сто раз гаже низостью души и откровенностью порока» («Записки», ч. II, стр. 188—189).

По поводу биографии Горчакова Модзалевский замечает: «Судьба князя Горчакова была, действительно, драматична и романтична и могла заинтересовать Толстого своею необычайностью. Впрочем, интерес этот не вылился в письменную форму» (ПС, стр. 205). На самом деле мы имеем шесть вариантов этой неоконченной повести. Все они касаются рождения и первых лет Василия Николаевича Горчакова, лишь в варианте № 2 (стр. 303) кратко рассказывается о Василье Николаевиче, как он жил с шестнадцатилетнего возраста. Характерна фраза, на которой обрывается рукопись: «Василій Николаевичъ сталъ пить и играть». В точности трудно установить, что именно было известно Толстому по семейным преданиям о В. Н. Горчакове до получения точных данных. В этом отношении любопытны сохранившиеся в яснополянском кабинете ширмочки с портретами Горчаковых: нижний левый овал в них пуст, так как соответствующий портрет — Василия Николаевича — был изъят в виду того, что семья хотела вычеркнуть из своего прошлого неблаговидную фигуру этого своего предка, — нужно думать, что с этим лицом был связан ряд фамильных преданий. Они не были точны и не вполне соответствовали действительности. В смысле основных данных Толстой пользовался первым томом «Российской родословной книги» Долгорукого. Родословная Горчаковых в этой книге представлена далеко не полно. Даты рожденья Василья Николаевича не имеется, поэтому Толстой наугад приурочил это рождение к 1757 г.[1] (вместо 1771 г.). О матери Василия

[1] Так первоначально именовалась и самая повесть у Толстого: «1757 год». Есть основания предполагать, что это название взято из рассказа Тургенева «Три портрета», в котором героиня Ольга Ивановна родится в 1757 г. Самый литературный интерес Толстого к своим семейным Горчаковским портретам соответствует основной

Николаевича в родословной нет данных; отсюда неустойчивость ее наименования в отрывках Толстого: то она Наталья Петровна, рожденная Рябинина (вариант № 1, стр. 300), то она Анна Никитична, то Ртищева (варианты №№ 2 и 3, стр. 302, 309, 311), фактически же матерью Василия Николаевича была Екатерина Александровна Лукина. Так же неточно названа бабка Василия Николаевича — монахиня, рожденная кж. Мордкина. У Толстого она именуется Мавра Ивановна (вариант № 2), в монашестве Амфилогия (вариант № 5, стр. 313), на самом деле ее имя Татьяна Григорьевна, в монашестве Афанасия. Точные справки об имени и происхождении жены кн. Н. И. Горчакова и о монахине Мордкиной были получены Толстым по вышеприведенным письмам Николева в марте и апреле 1879 г. Но этими сведениями Толстой уже не воспользовался, из чего явствует, что все отрывки писаны Толстым в промежутке между началом января и концом марта 1879 г.

В своем романе Толстой отнюдь не предполагал быть апологетом своего рода. Наоборот, — тенденции Толстого здесь явно демократические. Замысел, развиваемый во всех сохранившихся отрывках, таков: кн. Николай Иванович Горчаков томится в ожидании наследника; наконец, после разных вещаний и предсказаний юродивых в 1757 г. родится долгожданный сын. Это рождение обставляется всяческим вниманием и торжествами. На крестины собираются все почетные родственники, закладывается храм с приделом во имя Василия и т. п. И в тот же день крестьянка родит незаконного сына. Его подбрасывают на княжеский двор. В одних вариантах он зовется Васькой, в других это — Терентий Николаев (этим именем и озаглавлен третий отрывок). Судьба князя Василия и жизнь незаконнорожденного, никому ненужного Васьки сплетаются, — эти фигуры должны были оттенять друг друга, причем явно — не в пользу князя Василия. Характерно в этом отношении и заглавие последнего, наиболее полного отрывка: «Труждающиеся и обремененные». Сохранился один конспект, который намечает схему рассказа по биографическим датам В. Н. Горчакова:

1. 57. Рожденіе
2. 62. Переворотъ Сонъ видѣлъ
3. 68. — Раздоръ съ подк[идышемъ]
4. 75. — Петербургъ, служба, Экатер[ина], Потемкинъ.
5. 80. Любовь няни
6. 85. Рожденіе
7. 90. Судъ ⟨Ссылка⟩
8. 95. — ⟨Ссылка⟩ Сибирь — Павелъ
9. 801. Появленіе
10. 806. Подря
    813. [1 неразобр.]

Кроме связи сюжета «Труждающихся и обремененных» с лицами из родословной Толстого, имеется другая связь — по бытовой линии, поскольку

установке повести Тургенева, начинающейся с созерцания старых фамильных портретов. Василий Горчаков — сколок с Тургеневского Василия Лачинова, прожженного авантюриста и скандалиста, а намеченный Толстым тип «Труждающихся и обремененных» соответствует смиренному и безответному Рогачеву из «Трех портретов»,

Толстой любил в свои произведения привносить элементы из своей жизни. Толстой был владельцем села Никольского-Вяземского, которое фигурирует в вариантах повести с точным и детальным описанием местности (варианты №№ 3 и 4). Село Никольское-Вяземское, находившееся на границе Мценского у. Орловской губ. и Чернского у. Тульской губ. перешло в род Толстых через бабку писателя, Пелагею Николаевну, рожденную Горчакову. При дележе имений между братьями Никольское-Вяземское досталось брату Льва Николаевича — Николаю Николаевичу Толстому, а после смерти брата перешло Льву Николаевичу. Среди бумаг Толстого сохранился список дворовых и крестьян соседнего имения Сидоровки, принадлежавшего кн. Н. И. Горчакову; этот список («Духовная роспись» за 1777 г.) служил бытовой ориентировкой при писании повести.

В архиве Толстого, хранящемся в Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина, имеются следующие рукописи, относящиеся к повести «Труждающиеся и обремененные» (папка XXII).

1. Рукопись I (вариант № 0), автограф, 4°, 1 л., чернила рыжеватые. *Начало:* «I. Князь Василій Николаичъ Горчаковъ». Весь текст перечеркнут, после чего на обороте — *новое начало:* «Въ 1757 году у кн. Н. И. Горч.» Далее следует пять строк текста. Содержание текста обеих страниц вошло в состав второй сохранившейся рукописи за исключением следующей характеристики:

Изъ всѣхъ 160 дворовъ, принадлежащихъ Князю въ Вяземскомъ, Неручи и изъ Введенскаго выбирали кормилицъ и выбрали Авдотью изъ Введенскаго и приставили къ мальчику. Мамка была таже, что и принимала его, еще Княгинина няня, а на помощь ей взята была кучерова жена Афимья и еще двѣ дѣвчонки на побѣгушки. Для молодого Князя отвели въ новыхъ хоромахъ весь верхъ, и сталъ мальчикъ сосать свою сильную красавицу кормилицу и веселить родителей и сжимать кулачки и учиться держать головку.

Рукопись I в настоящем издании не печатается.

2. Рукопись II (вариант № 1), автограф, 4°, 2 лл., исписано две с половиной страницы, бумага фабрики Говарда, по качеству тожественная бумаге, на которой написан вариант № 28 (ркп. Е. XXVII) романа «Сто лет» с датой 16/II 1879 г.; чернила рыжеватые. *Начало:* «1757 годъ. I. Кн. Василій Николаевичъ». Печатается впервые в настоящем издании.

3. Рукопись III (вариант № 2), автограф, 4°, 2 лл., исписано четыре страницы, бумага фабрики Говарда того же низкого качества, чернила рыжеватые. *Начало:* «Терентій Николаевъ. I. ⟨Терентій Николаевъ родился⟩. Рукопись точно датируется пометой: «1879, 15 Ген.» Впервые печатается в настоящем издании.

4. Рукопись IV (варианты №№ 3—4,), автограф, 4°, 9 лл., бумага фабрики Говарда, чернила рыжеватые. Зачеркнутое начало на третьей странице: ⟨«Въ царствованіе И. Е. II».⟩ Сверху надписано другое начало: «Село Вяземское сидѣло». Исписано четырнадцать с четвертью страниц. Рукопись заключает в себе два слоя текста: вычеркивание отдельных мест первоначальной рукописи сопровождалось писанием вариантов к этим местам на полях, так что весь текст можно счесть за совмещение

двух вариантов отрывка. Печатаем оба варианта, беря за основу окончательный текст этой рукописи и приводя зачеркнутые места под строкой. Из сличения страницы девятой этой рукописи со страницей седьмой рукописи V явствует, что рукопись IV предшествовала написанию рукописи V: на данных страницах — аналогичный по содержанию текст (как Земщиха взяла к себе ребенка и накормила его), причем в рукописи IV соответствующий текст менее устойчив и упорядочен, чем в рукописи V. Выражение «стростила воду» стилистически связывает по времени написание данных рукописей с рукописью Е XXXI (вариант № 31, стр. 243) романа «Сто лет». Впервые печатается в настоящем издании.

5. Рукопись V (вариант № 5), автограф, 4°, 6 лл., бумага фабрики Говарда лучшего качества, чем бумага предшествующих рукописей. Чернила рыжеватые, менее бледные, чем в рукописях I — IV. Исписано одиннадцать с третью страниц. Начало: «Труждающиеся и обремененные». «Возьмите иго мое на себе». Поскольку заглавие «Труждающиеся и обремененные» проставлено над наиболее отделанным последним вариантом, объединяем этим заглавием все шесть сохранившихся вариантов. В начале второй главы Толстой изменил имя Василия Горчакова на Михаила, но затем опять фигурирует Васинька. Вариант впервые напечатан в № 176 (5729) «Известий ЦИК СССР» от 29 июля 1935 г.

Кроме перечисленных рукописей художественных отрывков сохранились еще три листка, имеющих отношение к «Труждающимся и обремененным»:

6. Рукопись VI, автограф, 8°, 1 л. писано на обороте разграфленого листка, где проставлены баллы; текст листка с баллами на французском языке, вероятно принадлежит руке гувернера Рей. *Начало автографа:*

Къ Кн. приходятъ бѣглые. На крестинномъ пиру слѣпые. Кн. любуется на свой домъ, стулья, шкафы. Столы покрыты коврами, зеркала.

Печь изразцовая.

Свои всю мебель дѣлали.

Старица.

Въ немшоной банѣ взвѣсила.

Кто болѣе потянетъ.

Свечера показываетъ домъ.

Скромно ужинаютъ.

Серьги съ жемчугомъ.

Посуда оловянная и фарфоровая.

Ниже выцветшими чернилами набросан план повести, приведенный выше.

7. Рукопись VII, автограф, 8°, 2 лл. Исписано рукой Толстого начало первой страницы. На второй и третьей страницах конторский счет, написанный неизвестной рукой. Текст автографа таков:

⟨Село ⟨Вяземское⟩ Крутое ⟨Михаиломъ Ѳедоровичемъ⟩ Алексѣемъ Михайловичемъ пожаловано ⟨Матвѣеву. Иль⟩ Волконскому.⟩

Вольные.

Село Крутое за Чернью, вольное до ⟨Петра⟩ Софьи. При Софьѣ пожаловано Гагарину.

⟨Въ 1721 взято въ казну и пожаловано ⟨Морд⟩ Шафирову.
Въ 1723. Отобрано въ дворцовое вѣдомство и пожаловано.⟩
До Черни Мордкиныхъ.
⟨Село Крутое принадлежало⟩

8. Рукопись VIII, автограф, 4°, 2 лл. *Начало:* «То-то жиренъ больно, нужды не знаетъ, сказалъ Кор⟨ней⟩, закрываясь». Далее набросок родословной схемы. Вторую страницу занимает родословная; в правом нижнем углу план, имеющий отношение к вариантам №№ 24 и 25 романа времен Петра I. На четвертой странице следующая запись, имеющая известную связь с «Труждающимися и обремененными», если отожествить Николая с Терентьем Николаевым или Васькой публикуемых художественных отрывков:

2 Апрѣля 1879. Цѣль стремленія русскаго человѣка ⟨святой,⟩ угодникъ Божій. Угодить Богу и быть прославленнымъ.
Менщиковъ жалокъ отъ нужды, домъ въ 300 т.
Николай, мой герой, родился 23-мъ, крестный раскольникъ, другъ Докукина. Въ 42-мъ бѣжитъ изъ дома въ монастырь. Расколъ на обѣ стороны (не отколъ).
Ближе къ жизни искать (безпользы).
Спасенье — Дядя разбойникъ, въ монастырь православный.
Слова «Раскол на обе стороны, не откол» иллюстрированы рисунком Толстого разветвляющегося ствола.

Рукописи VI, VII и VIII полностью в настоящем издании не воспроизводятся.

НОВЫЙ СУД В ЕГО ПРИЛОЖЕНИИ.

Летом 1872 года в Ясной поляне произошел несчастный случай: молодой бык из яснополянского стада забодал на смерть пастуха. Сам Толстой в это время находился в Самарской губернии, в новоприобретенном им степном имении; но когда он в начале сентября вернулся в Ясную поляну, то молодой судебный следователь, производивший следствие, взял с него подписку о невыезде, впредь до выяснения всех обстоятельств дела. Это неожиданное и незаслуженное, по его мнению, стеснение свободы крайне болезненно подействовало на Толстого. Не чувствуя себя ни в чем виноватым, он увидел в распоряжении судебного следователя проявление произвола и несправедливости со стороны нового, реформированного суда и пришел в состояние крайнего раздражения, которое и выразилось в написанных им по этому поводу письмах к гр. А. А. Толстой и к Н. Н. Страхову. К первой он писал (18 сентября 1872 г.): «Нежданно, негаданно на меня обрушилось событие, изменившее всю мою жизнь. Молодой бык в Ясной поляне убил пастуха, и я под следствием, под арестом — не могу выходить из дома (всё это по произволу мальчика, называемого суд[ебным] следователем, и на днях должен обвиняться и защищаться в суде — перед кем? Страшно подумать, страшно вспомнить о всех мерзостях, которые мне делали, делают и будут делать. С седой бородой, с 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к судам новым, сколько я их видел, с одним желанием, чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое, невыносимо жить в России, с страхом, что каждый мальчик, которому лицо мое не понравится, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге; но перестану злиться. Всю эту историю вы прочтете в печати. Я умру от злости, если не изолью ее, и пусть меня судят за то еще, что я высказал правду... Говорят, что законы дают securité. [1] У нас напротив. Я устроил свою жизнь с наибольшей securité. Я довольствуюсь малым, ничего не ищу, не желаю, кроме спокойствия; я любим, уважаем народом; воры и те меня обходят; и я имею полную securité, но только не от законов». [2]

[1] [безопасность].
[2] ПТ, стр. 235.

Под влиянием раздражения, овладевшего Толстым, у него явилась мысль продать именье, ликвидировать все свои дела в России и переехать со всей семьею в Англию, где он считал себя более обеспеченным от произвола и вмешательства в свою личную жизнь. С этой целью он и обратился к своей тетке, которая могла бы оказать некоторое содействие, по своим связям с английскими аристократическими кругами. «План наш состоит в том, чтобы поселиться сначала около Лондона, а потом выбрать красивое и здоровое местечко около моря, где бы были хорошие школы, и купить дом и земли». Но уже на следующий день (19 сентября) Лев Николаевич писал тому же лицу, что обстоятельства переменились, что он только что получил от председателя Тульского окружного суда извещение о том, что привлечение его к следствию по делу о смерти пастуха произошло по недоразумению, и что в виду этого он решил не приводить в исполнение задуманного им сгоряча плана об отъезде за границу. Вместе с тем Толстой сообщал некоторые подробности обо всем этом, так взволновавшем его эпизоде. «Приезжает какой-то юноша, говорит, что он следователь, спрашивает меня, законных ли я родителей сын и т. п. и объявляет мне, что я обвиняюсь в действии противузаконном, от которого произошла смерть, и требует, чтобы я подписал бумагу, что я не буду выезжать из Ясной поляны до окончания дела. Я спрашиваю, подписывать или не подписывать? Мне говорит прокурор, что, если я не подпишу, меня посадят в острог. Я подписываю и справляюсь: скоро ли может кончиться дело? Мне говорят: по закону товарищ прокурора в неделю срока должен кончить дело, т. е. прекратить или составить обвинение. А я знаю — у меня в деревне мужик дожидается 4-й год этой недели. И я знаю, что может протянуться год, два, сколько им угодно. Проходит 3 недели; я утешаю себя мыслью, что для меня, хоть не в неделю, а в 3 недели сделают заключение; справляюсь: Что же? Не только не сделано заключение, но дело еще не получено — за 15 верст. Справляюсь, от кого зависит сделать обвинение или прекратить. От одного тов[арища] прокурора, большей частью мальчика лет 20. — Если тов[арищ] прок[урора] такой же, как следователь, то конечно — я в остроге на 4 месяца». Несмотря на юмористическую форму изложения, в письме ясно чувствуется не улегшееся еще негодование по поводу пережитого беспокойства. «Злишься и чувствуешь унижение злости, и еще более злишься. И теперь [председатель] мне пишет, что следователь ошибся, а товарищ прокурора не успел, а суд тоже мог иначе взглянуть, и что всё прекрасно, что во всем могут быть маленькие несовершенства. Маленькое несовершенство то, что я месяц целый (и теперь еще) нахожусь под арестом, что по какому-то счастью тов[арищ] прок[урора] догадался, что меня обвинять нельзя, а то бы я был судим, т. е. они бы вполне повеселились. Да и теперь я еще ничего не знаю официально».[1]

Несколько дней спустя, 23 сентября, немного успокоившись, Толстой писал Н. Н. Страхову, с которым в эти годы у него завязалась дружеская переписка: «Тревога моя понемногу утихла. Я могу уже без злости любоваться на полноту того безобразия, которое называют самая жизнь. Можете себе представить, что меня промучили месяц, и до сих пор подписка

[1] ПТ стр. 237—238.

о невыезде не снята, и нашли, что кто-то (следователь) ошибся, что точно это дело до меня не касается, и что если, вместо того чтобы по закону кончить всякое дело в 7-дневный срок, идет дело 2-й месяц и еще не кончилось, то это «маленькое несовершенство свойственное человечеству». Точно как бы приставленный дворник убил бы своего хозяина, и все дворники побили бы тех, кого они приставлены стеречь, и сказали бы: что же делать, человеческое несовершенство. Я было начал писать статью, но бросил: совестно сердиться на такую очевидно сознательную и самодовольно глупую и смешную шутку, т. е. всё это правосудие. В Англию тоже не еду, потому что дело не дошло до суда. А я решил, что в случае суда уеду, и уехал бы».[1]

Некоторые дополнительные сведения об этом эпизоде из жизни Толстого сохранились в записках кн. Д. Д. Оболенского, в имении которого, селе Шаховском, в 35 верстах от Ясной поляны, Лев Николаевич бывал неоднократно. «Однажды Л. Н. Толстой опоздал на охоту на сборный пункт, который был у меня в Шаховском и приехал крайне расстроенный: оказалось, что судебный следователь в это утро допрашивал его в качестве обвиняемого за неосторожное держание скота, так как его бык забодал пастуха, и следователь обязал Толстого невыездом из Ясной поляны, т. е. отчасти лишил его свободы. Как человек горячий, Лев Николаевич был крайне возмущен действиями следователя, ибо считал себя страшно стесненным подпиской о невыезде... «Одного яснополянского крестьянина полтора года следователь продержал в остроге по подозрению в краже коровы, а после оказалось, что украл вовсе не он. Так и меня продержат теперь год. Это бессмысленно, это полнейший произвол этих господ. Я всё продам в России и уеду в Англию, где есть уважение к личности всякого человека, а у нас всякий становой, если ему не кланяются в ноги, может сделать величайшую пакость». П. Ф. Самарин живо возражал Льву Николаевичу, доказывая, что не только смерть человека, но и увечие, ему причиненное, настолько серьезный факт сам по себе, что не может остаться необследованным со стороны судебных властей, как в данном случае. Спорили долго и, кажется, Самарин переубедил Толстого, который, ложась спать, сказал мне: «Удивительная способность Самарина успокаивать людей». — Но утром Л. Н. Толстого опять рассердили. Приехал за ним нарочный от жены. Он забыл, что был назначен присяжным заседателем в Крапивне, где за неявку его оштрафовали». Какая нелепость: с одной стороны обязывают невыездом из именья, а с другой стороны штрафуют за неприезд в то же время».[2]

В момент наиболее острого развития этого эпизода, Толстой задумал изобразить «всю эту историю» в статье, предназначенной для опубликования в печати: об этом он сам говорит в своем письме к гр. А. А. Толстой от 18 сентября 1872 г. В этой статье он хотел, не ограничиваясь этим частным случаем, коснуться также и общего положения дел в новых судебных учреждениях, насколько ему приходилось их наблюдать. Незадолго до этого Толстому пришлось присутствовать в качестве присяжного заседателя при разборе дела в Тульском окружном суде. 11 мая 1870 г. он писал Фету:

[1] Б, II, стр. 112.

[2] «Из воспоминаний кн. Д. Д. Оболенского» — «Русский архив», 1895, I, стр. 246—247.

«Я только что отслужил неделю присяжным и было очень, очень для меня интересно и поучительно».[1] Побывал Толстой и позднее при разборе некоторых судебных дел (об убийстве), на которые указал знакомый ему товарищ прокурора Тульского окружного суда Н. А. Шепелев. К этим сведениям он и обратился, когда задумал написать статью о новых судах, под влиянием взволновавшего его эпизода. Однако Толстой очень быстро охладел к этому замыслу и уже 23 сентября он писал Страхову, что «бросил» свою статью. Это заявление, с одной стороны, позволяет нам с значительной точностью датировать начало работы Толстого над предполагаемой статьей, а с другой стороны — установить, что работа эта не была доведена до конца и была брошена самим автором.

Отрывок «Новый суд в его применении», автограф Толстого, написан на полулистах писчей бумаги, сложенных в четвертку. Сплошной текст занимает два полулиста и одну четвертушку, — всего 10 страниц; на последней написано лишь две строки, кончающиеся словами: «Объ отбитіи рекрута». В тексте имеются помарки, поправки и дополнения. Почерк крупный и разборчивый, за исключением вставок, в которых почерк значительно мельче. Чернила рыжие, очень выцветшие. С левой стороны небольшие поля. На 1-м полулисте фабричное клеймо: «Д. С.» в овале с дворянской короной; сверху и снизу овала: «Сергиевской фабрики». 2-й полулист — без фабричного клейма и водяных знаков. 3-й полулист — четвертушка с клеймом фабрики Говарда.

Кроме этого отрывка сохранились еще три небольших наброска, относящихся к той же работе Толстого над задуманной им статьей.

1-й набросок, автограф Толстого, написан на четвертушке писчей бумаги фабрики Говарда. Текст занимает две страницы, из которых записано только половина второй страницы. Поправок и помарок немного. Характер почерка тот же, как и в основном тексте отрывка. *Начало:* «Это несовершенство»; *конец:* «...выше его въ общественн. смыслѣ». Слова: «Это несовершенство» относятся, несомненно, к письму прокурора Тульского окружного суда, о котором Толстой упоминает в письме к Страхову от 23 сентября (см. выше).

Это несовершенство. Но гдѣ же совершенство? Изъ за чего я буду прощать несовершенство? Понятно, что если я въ Англіи, во Франціи даже, рискую тѣмъ, что меня потревожатъ по подозрѣнію или обвиненію, подобному[2] тому, которому я подвергся, то я переношу это легко, увѣренный въ томъ, что за то, если у меня украдутъ корову, ее найдутъ, и мнѣ заставятъ заплати[ть], что если убьетъ убійецъ моег[о] сына, то его казнятъ; но при н[ашихъ] Р[усскихъ] судахъ я несу не тѣ тягости, к[оторыя] бы я несъ во Фр[анціи], что меня потревожатъ по подозрѣнію или случайному обвиненію, которое разрѣшится въ установлен[ный] срокъ, но я рискую по волѣ С[уда] и Т[ульскаго] П[рокурора] сгнить въ острогѣ по такого рода обвиненію, а выигрываю что? То, что если у меня украдутъ ко-

[1] «Мои воспоминания» А. Фета. Часть II. М. 1890, стр. 215.

[2] *В подлиннике:* подобнаго

рову, то пройдетъ много лѣтъ, пока еще станутъ разбирать дѣло, и мнѣ ничего не возвратятъ, а если у меня убьютъ сына, то [1] мен[я] буду[тъ] вертѣ[ть], на меня кричать на судѣ, убійцу спустятъ съ возвыше[нія], надаютъ ему рублей и отпустятъ назадъ въ мѣсто жительств[а]. [2] Такъ что разсужден[іе] о несовершенствѣ не можетъ быть примѣнимо. Если исполнитель закона имѣетъ право на волосъ уклониться отъ него, то законъ не есть огражденіе, а бѣдствіе. Уклоненіе всѣми принятое, взошедшее въ обычай, отъ 7-днев[наго] срок[а] есть не уклонені[е], а уничтоженіе закона. [3] В[ора] слѣдуетъ можетъ быть наказ[ать] 1 годомъ [4] тюрьмы, а онъ уже просидѣлъ тр[и]. Мнѣ можетъ быть наказаніе 2 мѣсяца, а я подъ арестомъ пробуду 6.

Главное же то, что наложеніе самаго наказанія обставлено всѣмъ обезпечивающимъ личность, задержаніе же, лишеніе свободы всякаго, предоставле[но] произволу кого?—дѣтей выпущенныхъ изъ школы.—И какихъ дѣтей? большей частью враждебно относящихся именно къ тѣмъ лицамъ, для к[оторыхъ] законъ предписываетъ прини[мать] во вним[аніе] лѣта, положе[ніе] въ свѣ[тѣ] и т. д. Какъ ни грустно это сказать, но для каждаго мальчик[а] Слѣд[ователя], безъ положенія въ свѣтѣ, безъ средствъ, всегда будетъ сильное искушеніе въ приложеніи своей власти на людяхъ, стоящихъ выше его въ общественн[омъ] смыслѣ.

2-й набросок, автограф Толстого, состоит из полулиста писчей бумаги, без фабричного клейма и водяных знаков. Записана одна страница, разлинованная карандашом в две линейки, причем написанный текст идет не по линейкам, а поперек их. В начале отрывка почерк довольно крупный, но затем он становится мельче и менее разборчивым; чувствуется торопливость писания, многие слова недописаны. От слов: «И насъ увѣряютъ»... до конца отрывка весь текст на полях отчеркнут. *Начало:* «Что тутъ нехорошо...»; *конец:* «... и я погибъ». Внизу текста — арифметические выкладки (деление).

Что тутъ нехорошо, пусть рѣшаютъ юристы и государствен[ные] люди, но я знаю, что это нетолько нехорошо, но ужасно, что [5] легче жить в Турціи, гдѣ мой револьверъ мнѣ судья, но нельзя жить спокойно въ Россіи, гдѣ насъ увѣряютъ, что мы обезпеч[ены] закономъ.

И насъ увѣряютъ, что ссылки административ[ныя] суть безобраз[іе], несправед[ливость]. Отъ администра[тивнаго] взыск[анія] я могу обезпечить себя; я могу воздержаться отъ того, за что быва[ютъ] администт[ративныя] взыскан[ія], я могу оставаться человѣкомъ и спокойно, не восхваляя комуну и не

[1] *В подлинникѣ слово:* то *по ошибке написано дважды.*
[2] *Зачеркнуто:* меня же будутъ
[3] *Зачеркнуто:* Какое наказаніе
[4] *В подлинникѣ:* года
[5] *Зачеркнуто:* при такихъ условіяхъ нельзя жить. Ихъ

браня власти, я знаю, кого надо уважа[ть] и кому покоряться; но отъ суда я ничѣмъ не обезпеченъ; у мен[я] три им[ѣнія][?] въ разн[ыхъ] уѣздахъ, вездѣ коло[дцы], лош[ади], быки, собаки, и вездѣ слѣдов[атели], Тов[арищи] Про[курора] и Суды, кот[орые] могутъ посадить меня въ остр[огъ], лишить жизни. Я бы готовъ былъ на колѣняхъ стоя[ть] и цѣловать ручку каждую суботу у каждаго Сл[ѣдователя] и Пр[курора], но только чтобъ недѣля был[а] споко[йно] моя, но я не поспѣю угодить всѣмъ,[1] непонравится мо[е] лицо одному, и я погибъ.

3-й набросок заключает в себе две заметки, написанные на обороте письма Н. Н. Страхова к С. А. Толстой от 15 июня 1872 г. Текст обеих заметок написан поперек последней страницы письма, согнутого втрое. Текст, автограф Толстого, написан карандашом и представляет, повидимому, первоначальный набросок, в форме программы предполагаемой статьи, наскоро наброшенной автором для памяти. *Начало:* «I. Обвинені[е] отъ Слѣд.»; *конец:* ...« на полож. въ общ.»

1) Обвинені[е] отъ Слѣд[ователя] и арестъ
2) Това[рищъ] Проку[рора] обв[иняетъ]
3) Законъ о недѣль[номъ] срокѣ не исполн[яется]
4) ⟨Составъ⟩ Что они юноши.
5) Судъ имѣетъ слишк[омъ] большую власть.
6) Что составъ его дуренъ;
7) и что мы доволь[ны] и горды. —

⟨8[2] Что судъ не обращаетъ внимані[я] на полож[еніе] въ обществѣ⟩

Другая заметка написана (чернилами), рядом с первой, на том же полулисте почтовой бумаги. Почерк довольно мелкий, в особенности в конце текста, написанного очень торопливо, со многими сокращениями, на очень тонкой и плохой (протекающей) бумаге, выцветшими рыжими чернилами; поэтому отдельные места рукописи не поддаются прочтению. *Начало:* «И все это случилось...», *конец:* «... злыхъ мальчик[овъ]».

И все это случилось, когда я кончалъ работу. Мнѣ скажутъ: очень жаль; но я скажу: это ужасн[о] жалко, п[отому] ч[то] это виситъ надъ каждымъ: громъ [?]к[олодцы]. И это не страшно, если имѣешь дѣло съ человѣкомъ, но тутъ дѣло съ чѣмъ [то] страшнымъ, безчеловѣчн[ымъ], безлогичнымъ — съ міромъ, въ к[оторомъ] бумаги ходятъ 10 мѣсяцевъ. Чтожь дѣлать, это несовершенс[тво]. Какъ несовершенство? Это все. Отъ этаго то выходитъ обратное, что законы есть не *обезпечені[е]*, *а бѣдствіе.*

И отъ[3] мальчик[а] слѣдоват[еля] зависитъ обвинить и лиш[ить] свободы, отъ др[угаго] маль[чика] Т[оварища] П[рокурора]

---

[1] *Зачеркнуто:* захочетъ ме[ня]

[2] *В подлиннике: 7. Цыфра 7 повторена по ошибке.*

[3] *Зачеркнуто:* суда, того само[го] что крадетъ

зависитъ обвинить, отъ Суда, краду[щаго] по 1 р. 80, зависитъ посадить въ остро[гъ] на 4 мѣсяца, [1] въ тотъ острогъ, въ к[оторомъ] сидѣла и выпуще[на] съ блес[комъ] [?] мужеубій[ца] [*2 слова неразобр.*]

И жалобы нѣтъ, и нѣтъ лица, къ к[оторому] бы вы мог[ли] обратиться какъ къ человѣку, къ сердцу его, а одн[а] связь солидарная злыхъ мальчик[овъ] [2]

Все рукописи, относящиеся к статье «О новом суде», хранятся в АТБ *(Папка № 50)*.

---

[1] *Зачеркнуто:* что для меня и многи[хъ].

[2] *От слов:* И все это случилось *до слов:* злыхъ мальчик[овъ] *приписано сбоку поперек текста.*

ПРАВИЛА ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КУРСОВ.

Неудача в Московском комитете грамотности не подействовала на изменение педагогических взглядов Толстого. Твердо уверенный в правильности принятого им способа обучения грамоте, он не хотел сдавать своих позиций сторонникам звукового метода. Был один момент, когда Толстой думал даже заинтересовать в этом деле высшие правительственные власти, убедив их в целесообразности своего способа обучения, который он считал более простым, практичным, более соответствующим духу русского народа и складу русского языка, чем звуковой метод, целиком заимствованный от немецких педагогов. В архиве Толстого сохранилось его письмо к министру народного просвещения гр. Дмитрию Андреевичу Толстому от 18 апреля 1874 г., писанное, очевидно, под свежим впечатлением, вынесенным им из прений в Комитете грамотности, в которых большинство ораторов, из числа молодых московских педагогов, выступало против Толстого, в защиту нового звукового метода обучения грамоте. Поэтому в своем письме к министру Толстой резко критикует этот метод своих противников, как «построенный на бесцельно усложненных и ложных началах, совершенно чуждых и даже противных духу русского языка и народа...» «Во всяком случае, — пишет он, — я убежден, что при немецких педагогических основах дело народного образования не может идти успешно. Вместо этой искусственной системы, по которой так продолжительно и сложно выучиваются учителя и неуспешно, с помощью дорогих пособий, учат детей, я предлагаю простой, народный и понятный прием обучения... Смею Вас уверить, что долгий и добросовестный опыт показал мне всеобщую удобоприменительность того очищенного от его недостатков народного способа, который я только для краткости называю своим; и что если бы Министерство нашло это дело заслуживающим внимания, я бы мог представить подробную программу и план преподавания в народной школе и план образования народных учителей в самых школах». [1]

Письмо это не было отправлено Толстым по назначению, вероятно потому, что, по зрелому размышлению, он признал невозможным осуществить свои планы при сложившихся в Министерстве народного просвещения

[1] Подлинник хранится в АТБ.

узко-бюрократических порядках. В связи с этим он писал, между прочим, своей двоюродной тетке гр. А. А. Толстой в письме от 23 июня 1874 года: «Я занят практическими делами, а именно педагогией: устраиваю школы, пишу проэкты и борюсь с петербургской педагогией вашего protégé [1] Дм[итрия] Андр[еевича], который делает ужасные глупости в самой важной отрасли своего управления, в народном образовании». [2]

Однако мысль, высказанная Толстым в его письме к министру народного просвещения, мысль о необходимости «образования народных учителей в самых школах» не была им оставлена. Вообще вопрос о постановке дела элементарного образования в народных, в частности сельских, школах настолько интересовал Толстого, что еще осенью 1873 года он решил даже, вопреки своему обычному нерасположению к официальным выступлениям, баллотироваться в гласные Крапивенского уездного земства, для того чтобы иметь возможность принять непосредственное и активное участие в общественной работе в пользу близкого ему школьного дела. Избранный единогласно в члены Училищного совета, он серьёзно занялся исполнением взятых на себя обязанностей. В декабре 1874 года он писал тому же лицу: «Я теперь весь из отвлеченной педагогии перескочил в практическое с одной стороны и в самое отвлеченное с другой стороны дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, эти тысячи ребятишек, с которыми я имею дело... Когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, в роде того, который испытывал бы при виде тонущих людей... Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех, тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе. И дело у меня идет хорошо, очень хорошо. Я вижу, что делаю дело и двигаюсь вперед гораздо быстрее, чем я ожидал». [3] Об этом увлечении школьным делом, охватившем Толстого, говорит и С. А. Толстая в своем письме к брату С. А. Берсу от 20 ноября: «Лёвочка весь ушел в *народное образование*, школы, учительские училища, т. е. где будут образовывать учителей для народных школ, и всё это его занимает с утра до вечера». [4]

В своей статье «О народном образовании» Толстой, полемизируя против насильственного внесения в народную школу новых программ, приемов и методов, заимствованных у немцев, искусственных и чуждых народному духу, высказывает свое глубокое убеждение, что всё дело народного образования должно быть основано на полной свободе и всецело предоставлено самому народу, потому что только при таком условии народное образование может развиваться быстро и успешно. Шурин Толстого Степан Андреевич Берс, одно время помогавший ему в его работе с яснополянскими школьниками, сообщает в своих воспоминаниях, что Толстой неоднократно высказывал мысль, что учителя, вышедшие из интеллигентной среды «не в состоянии образовать простого народа так, как это нужно

---

[1] [покровительствуемый].
[2] ПТ, стр. 251.
[3] Там же, стр. 258.
[4] Подлинник хранится в ГТМ.

народу, потому что видят благо народа в прогрессе и цивилизации».[1] Поэтому Толстой считал необходимым создание дешевых народных школ, с учителями, близкими народу, вышедшими из той же народной, крестьянской среды. «Я помню, — говорит Берс, — что главная цель Льва Николаевича в этом деле заключалась в том, чтобы будущего учителя-крестьянина удержать в той же обстановке, в которой живут крестьяне, и чтобы образование не развивало в нем новых внешних потребностей, кроме духовных». Одно время у Толстого возникла даже мысль о создании высшего учебного заведения для народа, но такого, чтобы поступление в него и обучение в нем не требовало изменения в условиях жизни учеников. «Пусть это будет *университет в лаптях*», говорил Лев Николаевич.[2]

В ноябре 1874 года Крапивенский Училищный совет разослал, вероятно по представлению Толстого, во все волости Крапивенского уезда предложение всем молодым, хорошо грамотным крестьянам, желающим занять места учителей в деревенских школах, заявить об этом Училищному совету. В связи с этим предложением Толстой несколько месяцев спустя писал одному общественному деятелю Нижегородской губернии: «Мера эта превзошла все ожидания Совета. В настоящее время большое число вновь открытых школ замещено учителями из молодых крестьян, оказавшимися в высшей степени ревностными, понятливыми, нравственными и постоянно развивающимися учителями». Эти учителя некоторое время (иногда несколько дней, а иногда неделю, две три) совершенствовались в знаниях в Яснополянской школе; жалование им платилось от 4 до 8 руб. в месяц. «Школ с такими учителями, — писал далее Толстой, — около 20, и результаты их — некоторые существуют $2^1/_2$ месяца — необычайны. Приписать ли это близости учителя к ученику, добросовестности и серьезности отношения к делу учителей, но результаты учения в этих школах не хуже и иногда лучше, чем в школах с учителями в 300 руб. жалованья — учащих по усовершенствованным способам. В четырех таких школах, открытых $2^1/_2$ месяца, все ученики (до 30) пишут, читают и знают сложение и вычитание».[3]

Летом 1875 года Толстой решил организовать в Ясной поляне Педагогические курсы для подготовки народных учителей, преимущественно из крестьянской молодежи. Для получения соответствующего официального разрешения он обратился в управление Московского учебного округа, с приложением разработанной им программы предполагаемых курсов. 16 июля он получил от директора народных училищ Тульской губернии бар. Н. Нольде официальное письмо, в котором сообщается, что Попечительский совет Московского учебного округа в заседании 20 июня, по рассмотрении предложенного проекта педагогических курсов, нашел нужным сделать в этом проекте некоторые изменения и дополнения.

«Чтобы не замедлить ход дела внесением исправленного проекта на обсуждение в новом заседании Попечительского совета, которое не может состояться раньше начала будущего учебного года, прилагается еще переписанный набело проект в исправленном виде, согласно замечаниям

[1] С. А. Берс, «Воспоминания о графе Л. Н. Толстом». Смоленск, 1893, стр. 59.
[2] Б, 3, стр. 94—95.
[3] Подлинник хранится в АТБ.

Попечительского совета, именно в том виде, в каком он, подписанный Вашим Сиятельством, в случае согласия с мнением Попечительского совета и возвращенный в Управление округа, мог бы быть немедленно представлен на утверждение Министерства народного просвещения. Всё это г. Попечитель округа изложил в письме на имя Директора народных училищ и поручил сообщить Вашему Сиятельству». [1]

Получив разрешение на устройство Педагогических курсов, Толстой обратился к Тульскому губернскому земскому собранию с просьбой о пособии на первоначальное обзаведение курсов классными принадлежностями и на жалование учителям. Тульская губернская управа поддержала это ходатайство Толстого, а губернское собрание, в заседании 12 декабря 1876 года приняло его просьбу о пособии для устройства Педагогических курсов и постановило ассигновать для этой цели некоторую сумму, в зависимости от количества слушателей, посланных от уездных земств для обучения педагогическому делу. Тульская губернская управа, ознакомившись с условиями поступления на яснополянские курсы, установила, что для бесплатного обучения на курсах может быть прислано всего 43 человека, причем на содержание их в течение шести зимних месяцев может быть отпущено 24 рубля на каждого. Открытие курсов было предположено на сентябрь 1877 года.

Но, несмотря на незначительность предстоящих расходов для предполагаемых курсов, большинство училищных советов и уездных управ уклонилось от сделанного им предложения, и только пять уездных управ заявили о своем желании прислать на эти курсы молодых слушателей, в числе 12 человек. Такое незначительное число желающих поступить на проектируемые педагогические курсы, «совокупно с другими обстоятельствами, встреченными графом Толстым», как сказано в отчете губернской управы, заставили Толстого отказаться от задуманного им проекта. [2]

Рукопись «Правила для педагогических курсов» занимает 8 листов, in-folio, белой писчей бумаги с клеймом Сергиевской фабрики, и представляет собой копию, писанную неизвестной рукой, красивым четким почерком, на обеих сторонах листа, на левом перегибе. Текст занимает лл. 1—6 об.; лл. 7 и 8-пробельные. В разных местах копии имеются поправки и дополнения, вписанные в текст рукою Толстого и вносящие различные изменения в его содержание; в других же местах автором зачеркнуты в тексте отдельные слова и целые фразы, а параграфы 22 и 30 целиком исключены из программы. Кроме того на полях рукописи встречаются различные отметки, сделанные карандашом неизвестной рукою, вероятно, одному из чинов управления Московского учебного округа, которому был поручен просмотр присланной Толстым программы педагогических курсов; этому же лицу принадлежит, повидимому, и подпись «Инспектор [*фамилия неразобр.*]».

Рукопись хранится в АТБ *(Папка XVI)*.

Текст печатается впервые.

---

[1] Хранится в АТБ.

[2] Н. Н. Гусев, «Жизнь Льва Николаевича Толстого. Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862—1877)». Труды Толстовского музея, М. 1928, стр. 196—197.

[ОТРЫВОК ЗАПИСКИ О НАРОДНЫХ ШКОЛАХ КРАПИВЕНСКОГО УЕЗДА.]

В архиве Толстого сохранились некоторые материалы, относящиеся к его земской деятельности в качестве помощника председателя Училищного совета Крапивенского уезда. Помимо чисто официальных писем и рапортов, полученных им от различных лиц и учреждений по вопросам школьной жизни, к числу этих материалов относятся и два отрывка, принадлежащие самому Толстому и связанные с его докладами уездному земскому собранию о работе сельских школ Крапивенского уезда, вверенных его наблюдению.

Сохранившийся отрывок, автограф Толстого, писан на оторванном от двойного листа тонкой линованной почтовой бумаги и представляет собой черновые заметки, в виде на-скоро, для памяти, набросанной программы предполагаемого доклада. Почерк в начале очень крупный и размашистый, на обороте — более мелкий и сжатый. Верхний правый край листа оторван и от него сохранились только отдельные слова, лишенные общей связи:

«Мѣры и.... Съѣзды... Результаты.... 2) заявленіе же.... Неудача съѣз[да].... Общій результа[тъ].... число учащихся 2...»

На обороте листа текст также начинается с отдельных оторванных несвязных слов:

«.... новѣйшей педа[гогіи]....ся. Всѣ Азбуки [пр]едназначенныя для ... ти всегда естественно-исто[рическим][?]....ми положеніемъ. Кро....начел[?] Прем. но зато.... [ч]тобы сѣять или en regard.... къ обезьяны животное растенье.... вленье упорно и нами ?] просвѣчиваетъ ....[вс]ѣхъ этихъ книгахъ также как[ъ]»

Связный текст начинается со слов: «въ Амер. книгахъ...».

На обороте — конец (несколько строк) письма Варвары Валерьяновны Толстой («Варя»), писанного рыжими, сильно выцветшими чернилами. Текст Толстого писан темными чернилами между строк письма его племянницы. Разница в содержании текста, и в почерке автографа заставляет думать, что отрывок писан не одновременно, а в два приема.

Рукопись хранится в АТБ *(Папка XVI)*.

Печатается впервые.

[НАЧАЛО СТАТЬИ О ШКОЛАХ КРАПИВЕНСКОГО ЗЕМСТВА.]

Второй отрывок также связан с докладом Толстого, сделанным им в заседании Училищного совета Крапивенского земства и посвященном результатам годовой деятельности сельских школ Крапивенского уезда, в которых проводились в жизнь взгляды Толстого, легшие в основу его статьи «О народном образовании». Толстой одно время даже думал изложить результаты этой деятельности в особой статье и обратился по этому поводу к Некрасову, желая поместить ее в том же журнале, в котором была напечатана и его статья «О народном образовании». Письмо это не сохранилось, но сохранился ответ Некрасова от 8 апреля 1875 г., в котором он писал Толстому: «Место для вашей новой педагогической статьи будет отведено в майской книжке Отеч. записок... Статью доставьте не позже 25—27 апреля». Однако, отправив Некрасову свое письмо, Толстой быстро охладел к задуманной им работе, и от нее сохранился среди его бумаг только небольшой отрывок, представляющий собой начало предположенной статьи.

Отрывок, автограф Толстого, занимает один лист писчей бумаги (in folio), небрежно оборванный с нижнего края. Бумага сероватая, с клеймом Тальской фабрики. Почерк очень крупный и размашистый. Начало: «⟨Считая необходимымъ⟩ При печатаніи...» Внизу, под текстом — арифметические выкладки. На обороте — заметки, сделанные Толстым для памяти и не имеющие никакого отношения к тексту:

Коблевск. Волости
Кочанѣ Сатинки Кобельск. Ивакинск
не платятъ по приговору
некоторые зачинщики сбиваютъ.

Заметки эти относятся к служебным делам Толстого, в период его заведывания земскими школами в качестве товарища председателя Училищного совета Крапивенского уезда.

Рукопись хранится в АТБ. *(Папка XIV.)*

Отрывок печатается впервые.

О БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА.

Отрывок «О будущей жизни вне времени и пространства» относится к числу философских писаний Толстого. Уже в ранние годы жизни у Толстого пробуждается интерес к вопросам философским, моральным и религиозным. В «Отрочестве», произведении, автобиографическое значение которого не подлежит сомнению, целая глава (гл. XIX) посвящена философским размышлениям Николеньки, который в своих попытках самостоятельно разрешить возникшие в его уме проблемы, доходит до полного и мучительного скептицизма. Подобными же философскими рассуждениями начинается и вторая половина «Юности», впервые напечатанная только во 2 томе, настоящего издания, стр. 343—345. К молодым годам жизни Толстого, к периоду его студенчества (1844—1847 гг.) относятся несколько отрывков философского содержания, опубликованных среди «Юношеских опытов» в I томе того же издания («Замечания о Лябрюйере и Руссо», «О цели философии», «Отрывок без заглавия»); несмотря на незначительные размеры этих отрывков и на их незаконченность, они интересны для нас в том отношении, что свидетельствуют о раннем возникновении философских интересов у Толстого и о характере его философии. Такого же рода размышления встречаются и в дневниках Толстого (см. например, т. 46, стр. 30—31, записи 17 апр. 1847 г., стр. 90—91, от 5 февр. и стр. 133—134, от 13 июля 1852 г., стр. 183—184, от 26 окт. и стр. 198—199, от 15 нояб. 1853 г. и др.).

Этот интерес к философским вопросам получает у Толстого новый толчек в конце 1860 гг., повидимому, в связи с его работой над «Войной и миром»; в этом произведении, как известно, включен целый ряд философско-моральных размышлений (о силах, руководящих движениями народов, о свободе воли, о фатализме и тому под.), имеющих характер отдельных экскурсов, не связанных непосредственно с ходом действия самого романа. О своем увлечении философией сам Толстой говорит в письме к Фету от 30 августа 1869 г.: «Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? Неперестающий восторг перед Шопенгауером и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения и читал и читаю (прочел и Канта), и верно ни один студент в свой курс не учился так много и столь многого не узнал, как я в нынешнее лето».[1]

---

[1] «Мои воспоминания» Фета, ч. II, стр. 199.

Об этом увлечении Толстого философскими вопросами свидетельствует и Софья Андреевна в своих заметках (14 февр. 1870 г.): «Все лето прошлое он читал и занимался философией; восхищался Шопенгауером, считал Гегеля пустым набором фраз. Он сам много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит». [1] К Шопенгауеру же он возвращается неоднократно в своих письмах к друзьям, к Фету и Страхову, с которым он познакомился лично в конце лета 1871 г. и с которым он сблизился на почве общих интересов и симпатий.

Хотя Страхов, по своему образованию, был естественник и математик, однако интересы его охватывали обширный круг вопросов, в числе которых входила и философия, с ее родственными дисциплинами: этикой, психологией и др. После личного знакомства со Страховым, Толстой сразу оценил, как нравственный его характер, так и его высокие умственные способности. В одном из первых писем к Страхову (Ясная поляна, 13 сентября 1871 г.) Толстой писал ему: «Я уверен, что вы предназначены к чисто философской деятельности. Я говорю: «чисто» в смысле отрешения от поэтического, религиозного объяснения вещей. Ибо философия чисто умственная есть уродливое западное произведение, и ни грек Платон, ни Шопенгауер, ни русские мыслители не понимали ее так». [2] После первого свидания с Толстым Страхов ежегодно приезжал к нему и иногда по месяцам гостил в летнее время в Ясной поляне, проводя целые часы в беседах с гостеприимным хозяином. 21 июля 1876 года Толстой писал Фету: «У меня неделю тому назад был Страхов, с которым, беспрестанно поминая вас, я нафилософствовался до устали». [3]

Личное сближение Толстого со Страховым привело их к многолетней переписке, продолжавшейся до смерти последнего (умер 24 января 1896 г.). Переписка эта дает нам понятие о характере тех интересов, которые в данное время особенно занимали обоих писателей. В частности в первые годы их сближения интересы эти нередко касались вопросов философского порядка (см. письма от 10 марта 1872 г., 12 нояб. 1872 г., 4 дек. 1872 г., 8 янв. 1873 г., 15 апр. 1873 г., лето-осень 1873 г., 7 дек. 1873 г., 13 дек. 1873 г., 24 июля 1874 г., 1 янв. 1875 г., 7 нояб. 1875 г., 16 нояб. 1875 г., 25 дек. 1877 г. и след.).

В своих письмах к Страхову и в личных беседах с ним Толстой нередко касался общих вопросов: о жизни и смерти, о свободе воли, о цели человеческой жизни и т. п. Этот постоянный обмен мнений привел Толстого к мысли изложить свои взгляды в форме философского рассуждения. Первое из этих философских рассуждений, сохранившееся среди архивных материалов Толстого, мы находим в заметке, озаглавленной: «О будущей жизни вне времени и пространства», помеченной автором: «Ноября 17, 1875». Это рассуждение имеет характер предварительного наброска, относящегося к задуманной Толстым философской работе; на это ясно указывает отметка: «Къ послѣдующему», сделанная автором ниже внесенной им в рукопись даты. Однако, замысел автора получил затем иное течение,

---

[1] Дневники С. А. Толстой, I, стр. 30.
[2] ПС, стр. 12.
[3] Там же, стр. 317.

значительно изменившее его содержание; повидимому, именно к этому новому замыслу относится философский трактат Толстого: «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни», начатый им 25 декабря 1875 г. (см. ниже).

Заметка «О будущей жизни вне времени и пространства», автограф Толстого, написана на четвертке, небрежно оторванной от полулиста сероватой писчей бумаги фабрики Говарда. Текст написан с обеих сторон листа, почти без помарок и дополнений. На обороте имеются небольшие поля (в $^1/_4$ страницы). Почерк довольно крупный и разборчивый. *Начало (после заглавия):* «О будущей жизни...»

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ).

Заметка печатается впервые.

⟨О ДУШЕ И ЖИЗНИ ЕЕ ВНЕ ИЗВЕСТНОЙ И ПОНЯТНОЙ НАМ ЖИЗНИ.⟩

Отрывок ⟨«О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни»⟩ относится к числу философских писаний Толстого и содержит в себе его рассуждение о сущности явлений жизни, в котором он старался точнее установить понятия живого и мертвого, органического и неорганического. Вопросы эти очень интересовали Толстого, и эти интересы нашли себе отражение в его переписке со Страховым и в его беседах с ним. В письме к Толстому от 10 марта 1872 г. Страхов говорит между прочим: «Теперь я задумал написать общую статью о природе организмов». Этого же вопроса коснулся он и в своей книге: «Мир как целое», которая, по выражению К. Н. Бестужева-Рюмина, представляет собой «стройный, изящный и цельный трактат о философии природы». Книга Страхова вышла в свет в конце 1872 г. и самим автором была вручена Толстому при их свидании в Ясной поляне. Книга эта произвела на Льва Николаевича очень сильное впечатление, и он немедленно и с увлечением занялся ее изучением. 12 ноября он писал Страхову: «Всё время после вашего отъезда (4 дня) занимался исключительно вами, читал вашу книгу. И хотя, может быть, вовсе вам не нужно мое мнение, она произвела на меня такое сильное действие, что я чувствую потребность написать вам о ней. Я читал ее и не мог оторваться, я читал внимательно, с карандашом — делал отметки там, где был поражен, и перечитывал те места».[1] В этом большом письме, Толстой касается различных вопросов, входящих в состав поднятых Страховым проблем; между прочим он отмечает, что в 4-й главе книги Страхова «прекрасно проведено понятие организма из совершенствования», и что в этой главе мы находим «гениальное определение основ деления на неорганическое, органическое и животное».

Поднятые Страховым вопросы дали Толстому толчек для дальнейших размышлений и вызвали в нем желание изложить накопившиеся в нем мысли в связной форме. Об этом он сам говорит в письме к Страхову от 2 января 1876 г.: «Получил ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и сейчас же отвечаю кратко по первому впечатлению. На днях же пришлю вам длинное переписанное письмо. Пожалуйста, и вы делайте тоже. Та

[1] Б, 2, М. 1908, стр. 242.

переписка сама собой, а дружеская и быстрая сама собой.... В третьих, наше умственное родство поразило меня еще тем, что вы говорите о разумности, несомненности и тщете законов мира неорганического. Почти тоже я писал в это же время в отрывке, который пришлю вам в следующем письме. Впрочем, эта мысль ваша. Она несколько раз выражается и чувствуется в вашей книге, которую я вновь перечитал и перечитал как новое. Как бы я хотел читать эту книгу с вами, спрашивая вас и делая свои возражения. Вопросы, поднятые и решаемые в ней теперь особенно занимают меня, в особенности о различии органического и неорганического».

Цитируемое письмо относится к задуманной Толстым философской работе, озаглавленной автором: «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни». Работа эта была начата 25 декабря 1875 г. и, повидимому, увлекла автора, который занимался ею и в следующие дни, 26 и 27 декабря. Затем всё написанное им за эти дни он отдал в переписку; может быть он имел в виду отправить эту копию Страхову, что видно из его письма от 2 января. Однако копия эта не была тогда отослана автором, так как, по своему обыкновению, Лев Николаевич испестрил ее многочисленными поправками и значительными дополнениями. — Таким образом эта копия представляет собой вторую редакцию рукописи Толстого, сохранившуюся среди его архивных материалов. Повидимому, эта вторая редакция, в свою очередь, была значительно переработана автором и дополнена многими новыми соображениями, существенно изменявшими первоначальный текст. Работа эта затянулась, так как затронутые в ней темы разрослись в целый философский трактат, в котором был, вероятно, включен ряд вопросов, не входивших первоначально в замысел работы. Таким образом составилась третья, последняя редакция, которая и была, в переработанном и расширенном виде отправлена Страхову.

Однако это «философское» письмо Толстого в архиве Страхова не сохранилось, или, по крайней мере, до сих пор не найдено; но за то у нас имеются два письма Толстого к Страхову, относящиеся к тому времени, когда Лев Николаевич заканчивал свою работу. В первом письме, пересланном Страхову в середине февраля 1876 г., Толстой, отвечая своему корреспонденту на вопросы, особенно занимавшие их обоих, касается между прочим и вопроса о сущности жизненных явлений и дает свое собственное определение жизни, над установлением которого он усердно работал в своем трактате. «Я определяю жизнь — объединением части любящей себя от остального. Может быть это не ясно, но это необходимо. Без этого определения жизни неизбежно повторился бы круг, по которому человек был бы центр всего. — Жизнь есть объединение части от остального. Человек знает только живое. Поэтому для живущего доступно только живое, подобное ему; всё же представляющееся мертвым есть живое, недоступное ему. Оно то и есть *непостижимое* и не только *соприкасающееся*, но и *обнимающее* его. Выражаю вам может быть наивно, но зато ясно мою мысль. Клеточка есть объединенное — живое, клеточка любит себя и знает другую клеточку и ей подобные, — т. е. и чувствует, не зная ⟨человека⟩, и остальная жизнь ее составляется из отношений к себе подобным и неподобным. Неподобные ей представляются ей мертвыми. Человек знает и любит себя и все включенные в него клеточки, чувствуя их собою и ⟨точно также⟩

относится ⟨к организмам⟩ и к мирам, представляющимся ему неорганическими, также как клеточка к целым организмам. Из бесчисленного количества людей и других существ составляется, вероятно, одно целое живое, жизнь которого нам недоступна, как недоступна жизнь всего организма клеточке... По Канту вследствие свойств разума не может быть конца пространству, времени и причинам; по моему же ⟨точно также⟩ не может быть конца объединения жизни, включающих в себе одно другое, потому что человек может понимать только жизнь. Но если человек может понимать только жизнь и не может понимать конца объединениям, то у него необходимо понятие бесконечного живого, объединяющего в себе *всё*. Объединение же *всего* есть явное противуречие. Противуречение ⟨это неизбежно и это противуречие⟩ есть Бог живой и Бог любовь ⟨так как ист[очник] объединения есть любовь.—⟩» [1]

Во втором письме (от 15 февраля 1876 г.) Толстой сообщает своему корреспонденту, что он на-днях посылает ему большое письмо, в котором говорится «о многом». Это письмо к Страхову и является тем трактатом, над которым так усердно работал Толстой в это время. Сам автор был, повидимому, очень доволен своей работой, и выразил свое удовлетворение в этом письме. «Я расхожусь со всеми философами и говорю то, что я не раз пытался и не умел на словах вам высказать. Высказано еще далеко неясно и неполно; но если вы дадите себе труд прочесть, отрешившись от всяких предвзятых мыслей, то надеюсь, что вы поймете то, что я хотел сказать. И тогда пожалуйста напишите мне подробно свое мнение. Очень прошу вас об этом. Как вы увидите, это очень простое воззрение на мир и, как мне кажется, новое и включающее в себе другие воззрения. Сущность моей мысли то, что априорная истина или знание (как называет Кант) есть одно, включающее в себе всё другое. Это априорное знание заключается только в одном: я живу — есть мир, есть существующее, объединенное мною и необъединенное мною. Всё это знание обыкновенно разделяют на понятия жизни, организма, силы, единства, множества, времени, пространство, — но всё это заключается в одном: *Я живу*, и всё это составляет (понятие); это знание 1) не может быть познано разумом, и 2) без этого знания не может существовать ни одного разумного понятия». [2]

Получив «философское» письмо Толстого, Страхов только 5 марта собрался ответить ему: «Каждый день мне не дает покоя мысль, что я не отвечал вам, бесконечно уважаемый Лев Николаевич, — и не знаю, что с собою сделать. Ваше письмо о *живом* и *мертвом* поразило меня необыкновенною ясностью и как бы теплотою мыслей, очень отвлеченных и глубоких. Я собирался и собираюсь отвечать вам длинным письмом». В письме от 5 марта Толстой напоминает ему об этом намерении: «Вы не можете себе представить, как я желаю узнать ваше мнение о том, что я писал вам в последнем письме и с какой уверенностью в твердости своей позиции я ожидаю вас и желаю сильной атаки, чтобы доказать мою твердость». В ответном письме от 20 марта Страхов сообщает, что он очень занят служебными делами и потому не может «писать о философии»; и только в письме

[1] ПС, стр. 74—75.
[2] Там же, стр. 77—78.

от 8 мая он приписывает: «К этому письму присоединяю неоконченное *философское* письмо, писанное уже недели три назад. Примите его как оно есть. Только теперь я понял вашу мысль о *любви*, как принципе целого взгляда». Это «философское» письмо Страхова, служащее ответом на философское письмо Толстого, не сохранилось. [1]

К отрывку *«О душе и жизни ее...»* относятся две рукописи. Первая рукопись *(ркп. А)* автограф Толстого, состоит из пяти полулистов писчей бумаги, согнутых пополам; бумага сероватая, плохого качества, с клеймом фабрики Баркова и Южина. В рукописи 10 листов (всего 20 страниц), исписанных с обеих сторон; на некоторых листах (лл. 5—8) имеются небольшие поля в $^1/_4$ страницы, другие исписаны сплошь.

Из характера рукописи и из имеющихся на ней авторских пометок видно, что она написана в три приема. Начало работы носит в рукописи дату: «1875, 25 Дек[абря]». Толстой, повидимому, принялся за нее с большой энергией и за один присест написал $6^1/_2$ листов крупным и ровным почерком, почти без помарок и поправок. Продолжение работы (помета: «26 Дек[абря]», *от слов:* «Оказывается, что мы знаем»... *до слов:* «мы сознаем однимъ сознаніемъ». носит иной характер; в этой части отрывка работа пошла с перебоями: повидимому, автору не всегда удавалось сразу формулировать свои идеи и поэтому он оставлял между отдельными мыслями пробелы, отделяя их чертою друг от друга; почерк становится более мелким и сжатым, а вместе с тем появляются в тексте помарки и переделки. Наконец, последняя часть отрывка (помета: 27 Дек[абря] *от слов:* «Понятія вещества, силы, пространства...» написана очень крупным и размашистым почерком и явно обнаруживает торопливость, с которой автор спешил набросить свои мысли. Работа не была автором доведена до конца и оборвана им на полу-фразе: «Найти возможный смыслъ...»

Начало отрывка (после заглавия): «Глядя на жизнь съ самой простой здравой нефилософской (материалистической) точки зрения...»

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ).

Вторая рукопись *(ркп. Б)* — копия, писанная рукою переписчика крупным, ясным и красивым канцелярским почерком. [2] Она состоит из шести полулистов писчей бумаги, сложенных пополам; бумага фабрики Говарда, сероватая, невысокого качества. В рукописи 12 листов (всего 24 страницы); однако текст ее сохранился не вполне, так как два листа (между лл. 6 и 7) утрачены; 6-й лист кончается словами: ...«признаны причинами жизни», а 7-й лист начинается словами: «...могут быть подведены подъ законы». — Впрочем, пробел этот может быть восстановлен по автографу Толстого *(ркп. А) от слов:* «Все существующее доступно мнѣ...» *до слов:* «...совершенно ясно, не...» Кроме того бо́льшая часть последнего листа рукописи отрезана и от нее остались только три строчки текста, кончая *словами:* «...заключаютъ внутреннее противорѣчіе»; на обороте того же листа сохранилось также три строчки текста *от слов:* «... и 3-е слѣды воздѣйствія...»; однако весь текст можно дополнить по рукописи *А*, от слов:

[1] ПС, стр. 84.

[2] Судя по почерку, текст этой рукописи переписан одним из учителей яснополянской школы Дм. Фед. Троицким, который в 1870-х годах занимался копированием рукописей Толстого, во время его работы над «Анной Карениной».

«Вещество отвлеченное...,» кончая словами: «...другое отвлеченіе жизни — потомство...»

Наконец, к рукописной копии *Б* относится и отдельный листок — автограф Толстого, написанный им крупным размашистым почерком на полулисте тонкой, голубоватой почтовой бумаги, оторванной от письма: этот отрывок, писанный поперек листа, внесен самим автором, при помощи соответствующих знаков (кружок с крестиком внутри) в текст переписанной копии (на обороте 11-го листа). *Начало отрывка:* «Матерьялизмъ хочетъ...»; *конец:* «объяснить силы [?] различное».

Рукописная копия *Б* была подвергнута Толстым существенной переработке: некоторые страницы в ней целиком зачеркнуты и заменены новым текстом, и вообще в нее автором внесено много помарок, поправок и дополнений, сделанных на полях и между строк. Однако сохранившаяся копия не представляет собой окончательной редакции философского трактата Толстого и является лишь черновым его наброском (см. выше, стр. 716).

Над заглавием, написанным рукою переписчика и зачеркнутым автором, другою неизвестною рукой вверх ногами написано: Григорій. На обороте 2-го листа имеются цыфровые расчеты, может быть, самого Толстого (120: 12).

Рукопись Б хранится в АТБ *(Папка 11)*.

Отрывок печатается впервые.

Текст печатаем по рукописи *Б*. Описки и пропуски переписчика исправляем по автографу *(ркп. А)*. Эти исправления оговариваются нами ниже; кроме того по автографу исправляем мы и изменения, сделанные переписчиком в области орфографии; так напр., мы печатаем, без всякой оговорки, такие выражения, как: *матерьялизмъ*, *противурѣчіе*, *тоже*, *и такъ*, относящиеся к числу обычных словоупотреблений Толстого. Наконец, в некоторых, очень немногих случаях, редактором допущены конъектуры, вызванные требованиями логической и грамматической связи.

Стр. 340, строка 19 св.

Слово: органич[еская] — *печатаем по автографу, вместо неправильно прочитанного переписчиком слова:* органія

Стр. 341, строка 2 сн.

Слово: будем — *печатаем по общему смыслу фразы, вместо:* не будемъ

Стр. 341 строка 14 св.

Слова: 30 столѣтія — *печатаем по автографу, так как слова эти в рукописи Б пропущены переписчиком.*

Стр. 344, строка 12 св.

Слово: показываютъ — *печатаем по автографу, вместо:* покажутъ

Стр. 347, строка 5 св

Слово: совокупился — *печатаем по автографу: вместо,* совокупили

Стр. 347, строка 13 св.

Слово: посредственно — *печатаем по общему смыслу фразы, вместо:* непосредственно

Стр. 347, строка 10 сн.

Слово: ибо — *пропущено переписчиком и взято нами из ркп. А.*

Стр 352, строка 14 св.

Слова: 5-я посылка — *печатаем по автографу, вместо:* 4-я посылка.

[О ЗНАЧЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.]

От вопросов, входящих в область философии, Толстой постепенно перешел к интересам, относящимся к области религиозных проблем. В письме к гр. А. А. Толстой от февраля 1877 г. он писал между прочим: «...для меня вопрос религии такой же вопрос как для утопающего вопрос о том, за что ему ухватиться, чтобы спастись от неминуемой гибели, которую он чувствует всем существом своим. И религия уже года два для меня представляется этой возможностью спасения». [1] Таким образом сам Толстой относил возникновение в нем усиленного интереса к религиозным вопросам к середине 1875 года. Эти же вопросы в ближайшие годы всё чаще появляются в его переписке со Страховым и Фетом. Отвечая на письмо Фета от 14 апреля 1877 г., Толстой пишет ему: «Вы не поверите, как меня радует то, что вы приписываете в предпоследнем, как вы говорите, [письме], «о сущности божества». Я во всем согласен и многое хотел бы сказать, но в письме нельзя и некогда. Вы первый раз говорите мне о божестве, — Боге. А я давно уже не перестаю думать об этой главной задаче. И не говорите, что нельзя думать. Не только можно, но и должно. Во все века лучшие, т. е. настоящие люди думают об этом. И если мы не можем *так же* как они думать об этом, то мы обязаны найти — *как*». [2] К Страхову же Толстой в эти годы нередко обращается с просьбой о книгах, относящихся к религиозным вопросам.

Сохранилось несколько отрывков, относящихся к периоду религиозных исканий Толстого, 1875—1879 гг. Первый отрывок не имеет заглавия и мы условно обозначаем его согласно содержанию: «О значении христианской религии» Отрывок этот, автограф Толстого, занимает два полулиста писчей бумаги, сложенных в четвертку (всего 4 лл.); бумага сероватая с клеймом фабрики Говарда. Листы с боков смяты и местами оборваны, хотя текст не пострадал. С правой стороны оставлены небольшие поля (в $^1/_4$ страницы). Текст написан рыжеватыми чернилами, крупным размашистым почерком, с помарками и изменениями, вписанными поверх зачеркнутых строк более мелким почерком и другими чернилами; более крупные изменения и дополнения внесены на полях,

[1] ПТ, стр. 278.
[2] «Мои воспоминания» А. Фета. Ч. II, стр. 327.

против соответствующих мест текста. Сохранившийся отрывок заключает в себе три главы, отмеченные цыфрами: *3*, *4* и *5*; две первые главы, повидимому, утеряны.

Начало: «3. Разсматривая значеніе христіянск[ой] религіи...»; *конец текста:* «... и не буду спорить съ ними».

Отрывок довольно точно датируется, благодаря записи, сделанной Толстым на обороте 4-го листа: «Спиритизмъ, Медіумизмъ. Октябрь 1875. Рус[кія] Вѣдомости]». Слова эти кругом обведены чернилами. К тому же отрывку относятся и две заметки Толстого, представляющие собой наброски, сделанные им наспех, для памяти. Первая заметка относится к вопросу о методах мышления, который в это время особенно занимал Толстого. В своей переписке со Страховым он нередко обращался к этому вопросу, выступая против чрезмерного увлечения индуктивным методом.

Наблюденіе, опытъ, факты, индуктивн[ый] методъ. — Индуктивный, дедуктивный — только слова относительно сущности мышленія. Это различіе и противуположеніе имѣетъ смыслъ только относительно подробностей (пути) діалектики мышленія, но не относительно сущности мысли. Т. е. я могу доказывать или высказывать что нибудь индуктивно или дедуктивно, но мысль приходитъ мнѣ, появляется ни индуктивно, ни дедуктивно. И потому производить мысль индуктивно нельзя. Для того чтобы дѣлать опыты, надо имѣть уже *цѣль* опытовъ, для того чтобы видѣть факты, надо видѣть то, что они доказываютъ. Такія явленія какъ медіумизмъ только доказываютъ бѣдность ума людей, утверждающихъ мед[іумовъ.] Цѣль имѣющаяся при опытахъ медіумизма есть мысль. И мысль эта есть суевѣріе — т. е. отсутствіе разумнаго міросозерцанія.

Упоминание о спиритизме и медиумизме свидетельствует о знакомстве Толстого с этими явлениями. Еще в 1857 году, в Париже, он присутствовал при одном медиумическом сеансе известного в то время американского медиума Дугласа Юма, о чем он упоминает в записи Дневника от 16 марта: «Hume и сделал и не сделал. Надо попробовать самому». В 1858 г. Юм приехал в Петербург, где он имел большой успех в придворном и великосветском кругу (А. Ф. Тютчева, «При дворе двух императоров», стр. 147—149, 186—188 и др.). В середине 70-х годов в аристократических салонах Петербурга выступал и другой медиум — француз Бредиф, о котором упоминает Тургенев в одном письме к Полонскому («Первое собрание писем И. С. Тургенева», стр. 259). Толстой, повидимому, совершенно отрицательно относился к этому увлечению высших кругов русского общества, и это отношение ясно выразилось в тонком юморе, которым проникнуто изображение медиумического сеанса в салоне графини Лидии Ивановны («Анна Каренина», часть 7-я, гл. XX—XXI).

Однако спиритизм и медиумизм вызвали в русской печати 70-х годов довольно оживленную полемику, причем в защиту их выступили два русских ученых: химик А. М. Бутлеров и зоолог Н. П. Вагнер;

но большинство русских журналов высказывались против этого увлечения. В «Русских ведомостях» (1875 г., 9 ноября) [1] напечатана была рецензия на статью проф. Вагнера: «По поводу спиритизма» («Вестник Европы», 1875, 4), в которой описываются медиумические явления Кэтти Кинг в Лондоне и братьев Эдди в Гиттендене в штате Нью-Йорк; рецензент «Русских ведомостей» резко выступал против статьи проф. Вагнера и заключил свою заметку словами: «До какой степени у людей еще сильна склонность к суеверию и мистицизму, даже в самых диких их проявлениях!» Страхов писал 25 декабря 1875 г. Толстому: «Я приготовился и хочу писать о *спиритизме*... Я предполагаю, что спиритизм основан на нашем стремлении к иррациональному, что ищет он его не там, где следует». [2] Толстой отвечал Страхову в письме от 2 января 1876 г.: «Я был поражен новым доказательством нашего умственного родства. Вы пишете о спиритизме, я чуть было не написал о нем. Статья моя вся готова. Меня статьи в Ру[сских] В[едомостях] страшно волновали». Впрочем, эта статья о спиритизме, о которой в этом письме к Страхову сообщает Толстой, среди его архивных материалов не сохранилась.

Во второй заметке Толстой выступает против некоторых взглядов Спенсера и Дарвина, которые он нашел в одной статье французского журнала «Revue des deux Mondes».

Revue d[es] 2 M[ondes]. 1875, 1 Novembre.

Spencer, Darwin и т. п. требуютъ убійства слабых, запрещенія браковъ, потому что прогрессъ человѣческ[ій] замедляется. Это несомнѣнно для тѣхъ, кот[орые] не видятъ цѣли челов[ѣческой] жизни внѣ земной жизни. Но это противно любви, основному чувству челов[ѣческой] природы, и этимъ самымъ доказываетъ, что цѣль жизни не можетъ лежать въ одной земной жизни.

Журнал «Revue des deux Mondes» в течение многих лет получался в Ясной поляне. В указанном в заметке Толстого номере этого журнала была напечатана статья французского философа Каро: «Демократия и мораль будущего». (M. Caro. La démocratie devant la morale de l'avenir.)

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ).

Отрывок печатается впервые.

---

[1] *В заметке Толстого ошибочно указано:* «Октябрь»

[2] ПС, стр. 71.

ПСИХОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

Рукопись, автограф Толстого, занимает полулист довольно плотной почтовой бумаги, без фабричного клейма и водяных знаков. Бумага была оторвана от письма и сильно помята; нижний край листа надорван, но текст не пострадал. Записана только одна сторона листа; оборот листа чистый. Начало (после заглавия) *«Отдѣлъ I. — Суевѣрія...»* Большая часть текста, до слов: «...принять этотъ двигатель». — написана карандашомъ, который от времени местами сильно стерся. Конец, от слов: «Психологія основана...» написан чернилами. Почерк в первой части отрывка, написанной карандашом, довольно крупный; во второй части — более мелкий.

Отрывок представляет собой программу какой-то предполагаемой статьи или рассуждения. Время написания его можно отнести к середине 70-х годов, ко времени работы Толстого над «Анной Карениной». 5-й отдел намеченной Толстым программы: «Хозяйство», близко напоминает мысли Константина Левина о значении «народа» в сельско-хозяйственной жизни и о «работнике», как главном двигателе этой жизни (см. «Анну Каренину», часть III, стр. 28; часть VII, стр. 3).

Заглавие: «Психология обыденной жизни» заимствовано из книги Льюиса (Lewes. Physiology of common life. 1860), русский перевод которой впервые был напечатан в 1861 году и затем неоднократно переиздавался.

Рукопись хранится в АТБ *(Папка 50)*.

Отрывок печатается впервые.

[О ЦАРСТВОВАНИИ ИМП. АЛЕКСАНДРА II-го.]

В 1860—70 годах политические вопросы мало занимали Толстого и он относился к ним даже с некоторым пренебрежением. 4 февраля 1870 г. он писал Фету: «Я нынешний год не получаю ни одного журнала и ни одной газеты и нахожу, что это очень полезно». В эпоху увлечения славянским вопросом и борьбы турецких славян за независимость (1875—1876 гг.), чрезвычайно сочувственно встреченной значительной частью русского общества, Толстой совершенно отрицательно относился к этому увлечению и неоднократно выражал свой взгляд, иногда даже в иронической форме, в письмах к друзьям (Страхову, Фету, гр. А. А. Толстой и др.), а также в последней части «Анны Карениной». Но когда на почве сочувствия к борьбе турецких славян за свое освобождение возник вопрос о войне с Турцией, вопрос этот вызвал в Толстом совершенно иное отношение. Еще до объявления войны он писал Фету (13 ноября 1876 г.): «Ездил я в Москву узнавать про войну. Всё это волнует меня очень. Хорошо тем, которым всё это ясно; но мне страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тех условий, при которых совершается история».[1] После объявления войны гр. С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской: «У нас теперь везде только и мыслей, только и интересов у всех, что война и война... Левочка странно относился к Сербской бойне; он почему-то смотрел не так, как все, а с своей, личной, отчасти религиозной точки зрения; теперь он говорит, что война настоящая и трогает его».[2] В самом начале военных действий, Толстой писал (в начале мая 1877 г.) гр. А. А. Толстой: «Как мало занимало меня сербское сумашествие и как я был равнодушен к нему, так много занимает меня теперь настоящая война и сильно трогает меня».[3] В августе же, в момент наших военных неудач под Плевной и в Малой Азии, он писал Н. Н. Страхову: «И в дурном, и в хорошем расположении духа мысль о войне застилает для меня всё. Не война сама, но вопрос о нашей несостоятельности, который вот-вот должен решиться, и о причинах этой несостоятельности, которые мне становятся всё яснее и яснее... Мне кажется, что мы находимся на краю большого переворота».[4] В дневнике Софьи Андреевны, в записи от 25 августа, есть

[1] «Мои воспоминания», А. Фета. М. 1890. Часть II, стр. 322.
[2] Подлинник хранится в ГТМ.
[3] ПТ, стр. 283.
[4] Б, 2, стр. 121.

определенное указание на работу Толстого над какой-то статьей, вызванной современными военными событиями и политическими обстоятельствами: «Его очень волнуют неудачи в Турецкой войне и положение дел в России, и вчера он писал всё утро об этом. Вечером он мне говорил, что знает, какую форму придать своим мыслям, именно написать письмо к государю»,[1]

В связи с задуманной им статьей о текущей войне и о причинах наших неудач, Толстой просил Н. Н. Страхова поискать в Публичной библиотеке и прислать ему книги, касающиеся общего положения дел в России за последнее десятилетие. По этому поводу Страхов писал ему 16 августа: «Буду вам искать книги и пособия для изучения нынешнего царствования... прошу Вас только дать мне время — поговорить и навести справки». [2] 2 сентября Толстой писал своему корреспонденту: «Чувство мое по отношению к войне перешло уже много фазисов, и теперь для меня очевидно и несомненно, что эта война, кроме обличения и самого жестокого и гораздо более яркого, чем в 54-м году, не может не иметь последствий». [3] Н. Н. Страхов в письме от 8 сентября сообщал Толстому о новых вышедших книгах, относящихся к интересующему его вопросу, между прочим, о книге проф. Янсона по исследованию крестьянских наделов и платежах. Отвечая на это письмо, Толстой писал Страхову 23 сентября: «Книгу Янсона пожалуйста пришлите», предполагая, вероятно, использовать ее для своей статьи. Однако задуманная им работа, повидимому, у него не спорилась: по крайней мере, сам он писал в письме от 12 сентября: «Пока война, ничего не могу писать, так же, как если пожар в городе, то нельзя ни за что взяться, и всё туда тянет». Возможно также, что Толстой сам усумнился в возможности опубликования его политических рассуждений. Кроме того в это время его стали особенно привлекать вопросы религиозно-философского порядка и он уже тогда написал несколько отрывков, относящихся к этим вопросам. Увлечение этими интересами, повидимому, совершенно отвлекло Толстого от задуманной им работы о Русско-турецкой войне и о царствовании имп. Александра II, от которой сохранился лишь небольшой отрывок, не имевший дальнейшего продолжения.

Рукопись отрывка «О царствовании имп. Александра II», автограф Толстого, написана на полулисте писчей бумаги желтоватого цвета, сложенной в четвертку; бумага без фабричных клейм и водяных знаков; с внешней стороны листа — небольшие поля. Почерк довольно крупный и связный. Исписаны все четыре страницы; в последней странице исписаны $^3/_4$. В тексте встречаются поправки и дополнения, впрочем незначительные. Время написания отрывка определяется упоминанием в тексте о «теперешней войне 1877 года» и указанной выше записью в дневнике Софьи Андреевны от 25 августа, в которой говорится о том, что «накануне» Толстой всё утро писал по поводу войны и современного положения дел в России; таким образом написание отрывка можно точно датировать 24 августа 1877 года. Заглавия нет; печатаем его по общему содержанию.

---

[1] «Дневники С. А. Толстой» 1860—1891». I, стр. 39.
[2] ПС, стр. 127.
[3] Там же, стр. 134.

Отрывок остался незаконченным, но, судя по сохранившемуся началу, задуманная Толстым статья должна была заключать в себе критику царствования Александра II, причем сопоставление текущей Русско-Турецкой войны с Крымской кампанией и Севастопольской обороной заставляет думать, что мнение Толстого склонялось отнюдь не в пользу правительства Александра II, которое после 20-летнего мира и долгих приготовлений оказалось слабее в борьбе с одною Турцией, чем в 1854—1856 гг. в борьбе с целой коалицией европейских держав.

Рукопись хранится в АТБ *(Папка 37)*.

ПРИМЕЧАНИЯ.

... *бывший сиделец кабаков Кокорев* — заметка Толстого относится, очевидно, к известному в то время богачу и дельцу Василию Александровичу Кокореву (1817—1889), происходившему из мещан гор. Солигалича и в молодости состоявшему сидельцем в питейных лавках. В конце 1840-х годов Кокорев переехал в Петербург, где на него обратил внимание тогдашний министр финансов Вронченко, при помощи которого Кокорев занялся операциями по винным откупам, доставившими ему миллионное состояние. В начале царствования Александра II Кокорев неоднократно выступал с речами и статьями, имевшими в публике успех. Когда в феврале 1856 года русские моряки, участвовавшие в обороне Севастополя, прибыли в Москву, Кокорев принимал в их чествовании участие, о чем подробно рассказывает Барсуков в своей книге «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Кн. 14-я. Спб. 1900, стр. 470—508).

... *Задлер* — правильнее, Затлер Федор Карлович (1805—1876) — ген.-майор и военный писатель. Во время Восточной войны 1853—1856 гг. Затлер был генерал-интендантом Крымской армии. В связи с обнаружившимися во время войны громадными недостатками во всех частях административного аппарата и в особенности в деле продовольствия и снаряжения войск, приведших Россию к проигрышу кампании, в июне 1856 г. была учреждена особая комиссия для расследования деятельности этого ведомства. В 1858 г. в «Военном вестнике» была напечатана, под заглавием: «Изнанка Крымской войны», анонимная статья, направленная главным образом против Затлера; такие же статьи появились и в других русских печатных органах, а также в Герценовском «Колоколе». По постановлению Генерального военного суда Затлер был приговорен «к разжалованию в рядовые, лишению чинов, орденов и дворянского достоинства, с наложением денежного взыскания, в размере исчисленного судом казенного ущерба». Однако, по ходатайству главнокомандующих действующей армии кн. Горчакова и гр. Лидерса, указывавших на крупные заслуги Затлера во время войны, приговор этот был смягчен царем и наказание Затлера было ограничено исключением его из службы, с оставлением, однако, денежного начета в полной силе. О деле Затлера см. «Русская старина», 1877, сентябрь, стр. 127—165.

ХРИСТИАНСКИЙ КАТИХИЗИС.

Отрывок «Христианский катихизис» — автограф Толстого, занимает два листа писчей бумаги (in-folio), перегнутые пополам для внесения вставок на полях; бумага фабрики Говарда, сероватая, № 7. Текст занимает $3^1/_2$ страницы. В тексте встречаются довольно значительные помарки, поправки и дополнения, вписанные между строк и на полях. Почерк крупный и четкий, за исключением некоторых вставок, вписанных над строкой. Более значительные дополнения вставлены на полях; кроме того на полях внесены и цыфровые отметки: 1, 2 и 3; относящиеся к ним строки текста в рукописи обведены чернилами кружком.

Рукопись не имеет заглавия, но оно внесено в конце текста, содержанию которого оно вполне соответствует. *Начало:* «Вѣрую во единую истинную святую церковь...»

Отрывок «Христианский катихизис» относится к периоду возникновения у Толстого интереса к богословским вопросам и датируется довольно точно, благодаря сохранившемуся письму его к Н. Н. Страхову, относящемуся к осени 1877 г. «На днях слушал урок священника детям из катихизиса. Всё это было так безобразно. Умные дети так очевидно не только не верят этим словам, но и не могут не презирать этих слов, что мне захотелось попробовать изложить в катихизической форме то, во что я верю, и я попытался. И попытка эта показала мне, как это для меня трудно и, боюсь — невозможно. И от этого мне грустно и тяжело». Попытка Толстого изложить для детей христианское учение в догматической форме не удалась ему, и он быстро в ней разочаровался; поэтому рукопись его резко обрывается, и последние строки ее носят характер краткого конспекта. Впоследствии Толстой вернулся к изложению катехизиса в 1884—85 гг.; но в эту эпоху в его миросозерцании произошел решительный перелом, и самые догматы христианского учения получили другую оценку и истолкование.

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ).

Отрывок печатается впервые.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛИГИИ — ВЕРЫ.

Отрывок «Определение религии — веры», автограф Толстого, занимает четвертушку, оторванную от полулиста сероватой писчей бумаги фабрики Говарда. С боков бумага смята и местами оборвана, вследствие чего текст немного пострадал. Текст написан с обеих сторон листа крупным размашистым почерком, бледными чернилами, очень выцветшими от времени. С правой стороны оставлены небольшие поля (в $^1/_4$ страницы). В тексте встречаются помарки и поправки, вписанные поверх зачеркнутых строк, более мелким почерком и другими чернилами.

Начало текста (после заглавия): «Слово религія — вѣра есть слово понятное...» *На обороте текст обрывается на словах:* «Но на чащ[?]»

Время написания этого отрывка можно предположительно отнести к ноябрю — декабрю 1877 г., судя по письму Толстого к Страхову от 27 ноября этого года: «Есть ли в философии какое-нибудь определение религии — веры, кроме того, что это предрассудок?» [1]

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ).

Отрывок печатается впервые.

---

[1] ПС, 93.

СОБЕСЕДНИКИ.

Религиозные искания Толстого особенно усилились к зиме 1877—1878 гг. Об этом можно судить по его переписке со Страховым, к которому Толстой в эти годы особенно часто обращался с просьбой о книгах, относящихся к вопросам, касающимся истории религий. К сожалению, не все письма Толстого сохранились, однако об их содержании можно судить по сохранившимся ответам Страхова. 12 декабря 1877 г. последний пишет Толстому: «Вопросы о религии, которые вы задали мне, давно уже занимают меня. Я сам искал книг, излагающих это дело философски и исторически — и признаюсь, до сих пор мало нашел». Однако он указывает несколько книг по истории религии, которые могли бы заинтересовать Толстого, именно на книги Эмиля Бюрнуфа, Макса Мюллера и Арх. Хрисанфа («Религии древнего мира»). Несколько дней спустя (27 декабря) Страхов писал Толстому: «То, что вы пишете об необъяснимых основах, божественных, держащих нас в своей власти, без которых не было бы никакого знания и существования — я конечно признаю вполне». 20 января 1878 г. Страхов писал: «Ваши мысли об *искании веры*, которое так часто встречается, очень меня занимают. Сегодня еще я просматривал 4 тома Шеллинга: Philosophie der Mythologie и Philosophie der Offenbarung — конечно, последняя грандиозная попытка этого рода». [1] Сам же Толстой, отвечая Страхову на вопрос об *искании веры*, писал ему 28 января 1878 г.: «Я об этом начал писать и написал довольно много, но теперь оставил, увлекшись другими занятиями... Разум мне ничего не говорит и не может сказать на три вопроса, которые легко выразить одним: что я такое? Ответ на эти вопросы дает мне в глубине сознания какое-то чувство. Те ответы, которые мне дает это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами (орудием мысли). Но я не один искал и ищу ответов на эти вопросы. Всё жившее человечество в каждой душе мучимо было теми же вопросами и получало те же смутные ответы в своей душе. Миллиарды смутных ответов однозначущих дали определенность ответам. Ответы эти — религия. На взгляд разума ответы бессмысленны. Бессмысленны даже по тому одному, что они выражены словом, но они все-таки одни отвечают на вопросы сердца. Как выражение, как форма, они бессмысленны, но как содержание они одни истинны... На эти вопросы с тех пор, как существует род человеческий,

[1] ПС, стр. 136 и 142.

отвечают люди не словом, орудием разума, частью проявления жизни, а всею жизнью, действиями, из которых слово есть одна только часть. Все те верования, которые я имею и вы и весь народ, основаны не на словах и рассуждениях, а на ряде действий, жизней людей, непосредственно (как зевота) влияющих одни на другую, начиная от жизней Авраамов, Моисеев, Христов, святых отцов, их [образов] жизней, но внешними даже действиями — коленопреклонениями, постом, соблюдением дней и т. п. Во всей массе бесчисленных действий этих людей, почему-то известные действия выделялись и составляли одно целое предание, служащее единственным ответом на вопросы сердца. И потому для меня в этом предании не только нет ничего бессмысленного, но я даже и не понимаю, как к этим явлениям прилагать проверку смысленного и бессмысленного. Одна проверка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти предания, это то, согласны ли даваемые ответы с смутным одиночным ответом, начертанным у меня в глубине сознания». [1]

Эти вопросы о значении религии — веры в это время особенно интересовали Толстого и он задумал изложить их в диалогической форме, для чего он своему философскому этюду дал заглавие: «Собеседники». В этом произведении должны были выступать разные лица, с разными взглядами и убеждениями, в форме беседы или спора, причем на этом диспуте одни из участников должны были выступать с точки зрения философии и религии, другие — возражать с точки зрения науки. Начало работы Толстого над этим произведением можно установить довольно точно, благодаря записи С. А. Толстой, сделанной ею 26 декабря 1877 г. в ее «тетради для разных справок»: «Неделю тому назад он [т. е. Л. Н. Толстой] начал писать в большой переплетенной книге какое-то религиозно-философское сочинение. Я еще не читала, но сегодня он сказал брату Степе: «Вот то, что я пишу в большой книге, составляет мою цель доказать несомненную необходимость религии». [2] Очевидно, сохранившийся отрывок этого задуманного Толстым философского сочинения вырван был из этой самой «большой переплетенной книги», о которой упоминает в своих записках гр. С. А. Толстая.

Рукопись «Собеседники», автограф Толстого, заключает в себе 7 листов, написанных на бумаге, вырванной из переплета конторской книги крупного формата ($26^1/_2 \times 33^1/_2$ сант.); первый лист взят из форзаца этой книги Бумага различного качества, плотности и цвета: лл. 2,4 и 6 — бумага желтовато-грязного цвета, очень плотная и глазированная; листы 1, 3, 5 и 7 — бумага белая, менее плотная и шероховатая; фабричного клейма и водяных знаков нет. Листы исписаны с обеих сторон, за исключением 1-го листа, в котором текст начинается с оборота и оканчивается на середине 7-го листа об. Лист 1-й (форзац) и 2-й, а также лл. 4, 5 и 6 склеены вместе, причем в 5-й лист вклеена бумага другого качества и цвета, чем в остальных. С правой стороны листа оставлены довольно большие поля (около $^1/_3$ страницы), за исключением 1-го листа, у которого вместо полей оставлены с левой стороны листа небольшие отступы, для вставок и допол-

[1] ПС, стр. 145—146.
[2] «Дневник С. А. Толстой» М. 1928, стр. 40.

нений. Текст писан чернилами различного цвета и качества: лл. 1—5 писаны большей частью рыжеватыми, бледными чернилами, местами очень выцветшими; лл. 6 и 7 писаны темными чернилами. В разных местах текст написан разными почерками, с помарками, вставками и изменениями, вписанными между строк и на полях; особенно много вставок на лл. 1 об. и 2; эти вставки сделаны в некоторых местах таким мелким и сжатым почерком, что не поддаются прочтению. Начиная от л. 2 об. и до конца л. 7 текст написан крупным размашистым и четким почерком; в нем гораздо меньше помарок и вставок, чем в первых двух страницах (за исключением л. 4 об. и л. 5), причем вставки большей частью сделаны на полях.

Непосредственно после заглавия в тексте следует длинный список лиц, имена которых характеризуют их миросозерцание и вместе с тем дают общее представление о содержании задуманного произведения. Первыми в этом списке выступают представители идеалистического миросозерцания: Фет, Страхов, Шопенгауер, Кант и др.; в качестве представителей позитивного знания указаны Вирхов, Дюбуа-Реймон, Тиндаль и Милль; в качестве носителя христианского вероучения выставлен Хомяков. Однако все эти лица не включены в число «собеседников»: они только выражают собой те основные точки зрения, из которых исходят диспутирующие между собой «собеседники», выступающие у автора под произвольно взятыми псевдонимами: Стальников, Юнович и др. Наконец, в число «собеседников» Толстой включил и самого себя в лице Ивана Ильича *(«Я»)*. — За списком лиц в рукописи следует «ход беседы», в которой, по мысли автора, должны выступить отдельные собеседники, со своими различными взглядами и идеалами. Весь первый лист рукописи представляет собой беглый конспект, сделанный автором наспех, для памяти, в немногих словах; поэтому многие фразы этого конспекта недописаны или вовсе пропущены, вследствие чего общий смысл речи того или другого «собеседника» местами представляется мало понятным.

Широко задуманная Толстым диалогическая форма «собеседования», повидимому, оказалась для него мало подходящей и, после первого же приступа, он оставил ее и вернулся к этой работе только год спустя (лист 2). Однако на этот раз форма изложения «беседы» изменилась и из диалога были исключены все личные имена: вместо них автор внес только условные буквы *К* и *И*, причем и эти условные означения в тексте не были строго выдержаны. Впрочем, Толстой скоро убедился в неудобстве для него принятой им диалогической формы, даже и в этом измененном виде, и в самом тексте внес следующую запись: «Хотел прямо в форме беседы высказать пришедшую мне нынче мысль и запутался». Поэтому в дальнейшем он продолжал свою задуманную работу уже от собственного лица, в обычной форме философского рассуждения.

Начало работы Толстого не датировано им, но оно легко устанавливается из указанной выше заметки гр. Софии Андреевны; продолжение же работы точно датировано самим автором: *20 декабря — от слов:* «Вера есть то знание...»; *21 декабря — от слов:* «Каждому вероятно не раз случалось...»; *22 декабря — от слов:* «Другая причина несогласия...»; *23 декабря — от слов:* «Рассмотрим данный пример...»

Задуманная работа не была автором доведена до конца, и он оборвал ее *на словах:* «...вследствие чего он начинает спрашивать».

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ) в Москве.

Отрывок печатается впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ.

... *Фет* — Фет уже в начале 1870-х годов заинтересовался философскими вопросами и в особенности увлекся Шопенгауером, настолько, что решил перевести на русский язык его главное философское произведение: «Мир, как воля и представление». Толстой очень сочувствовал этому, так как и сам чрезвычайно высоко ценил Шопенгауера, как мыслителя, и называл его «гениальнейшим из людей» (см. письмо к Фету от 30 августа 1869 г.). Поэтому, когда Толстой задумал написать философский этюд в диалогической форме, он в числе предполагаемых собеседников внес в первую очередь Фета.

О *Страхове* и его отношениях к Толстому и об их общих философских интересах см. выше стр. 716.

Стрем... — условная фамилия; последние буквы не разобраны.

Вирхов — основатель так назыв. целлюлярной (клеточной) патологии, создавшей ему мировую известность. По своим взглядам Вирхов стоял на строго-научной точке зрения и был убежденным противником метафизических и умозрительных теорий.

Дюбуа-Реймон кроме научных трудов в области физики и физиологии, написал также несколько философских статей, переведенных на русский язык: «О границах познания природы» (1872), «Семь мировых загадок» (1876) и др. Во время своего второго заграничного путешествия Толстой посетил одну из его лекций в Берлинском университете (см. запись дневника от 12 июня 1860 г.).

Тиндаль — английский физик и писатель, его популярные лекции по физике пользовались большим успехом; некоторые из них были переведены и на русский язык, напр.: «Тепло, как вид движения» (1867), «Шесть лекций о звуке» (1875) и др.

Милль в переписке Толстого с Страховым нередко поминается, как один из наиболее видных представителей современной позитивной философии (см. например, письма от 25 декабря 1875 г., 12 октября 1876 г., 28 сентября 1878 г. и др.).

Маликов Александр Константинович (1841—1904) — публицист, автор книг: «Край без будущего» и «На задворках фабрики». В молодости он вращался в кругу революционной молодежи и был сослан в Архангельскую губ. Позднее он увлекся религиозными исканиями, которые привели к созданию особой «религии богочеловечества». Два года Маликов прожил в Америке, в основанной им земледельческой коммуне. Вернувшись в Россию летом 1877 г., он посетил Толстого, который в письме к Страхову от 3 января 1878 г. писал, что «познакомился с тремя лучшими представителями социалистов». В задуманной в это время статье «Собеседники» Маликов должен был выступать в качестве сторонника позитивизма и точной науки, под условной фамилией Майкова; подобные

замены фамилий нередко употреблялись Толстым для того, чтобы замаскировать действительные имена выведенных им лиц (Исленьев — Ислявин, Волконский — Болконский и т. п.).

Бибиков Алексей Алексеевич (ум. 1914 г.) несколько лет провел в ссылке; возвратившись на родину, он познакомился в Орле с Маликовым и сблизился с ним, так что считался сторонником его учения о «богочеловечестве». Впрочем, по своим взглядам Бибиков всегда был убежденным материалистом и позитивистом. Толстой хотел изобразить его в «Собеседниках» под условной фамилией Стальникова.

«Архимандрит». — Из числа высших лиц духовного звания Толстой в это время был знаком с архимандритом Ювеналием (Половцевым), бывшим в молодости гвардейским офицером, а в 1870-х годах настоятелем Оптиной пустыни (Калужской губ.). В августе 1877 г. Толстой посетил Оптину пустынь и при этом побывал у архим. Ювеналия и беседовал с ним.

Хомяков оставил целый ряд писаний богословского содержания; среди этих сочинений наиболее оригинальным почиталось его учение о церкви, которое, повидимому, должно было найти свое отражение в речах одного из предполагаемых «собеседников», в лице Юновича (см. ниже).

Урусов — старый знакомый Толстого, с которым он состоял в переписке; в 1870-х годах в их письмах нередко затрагивались религиозные вопросы, которыми Урусов очень интересовался (см., например, письма от 21 февраля 1876 г. и 30 мая 1878 г.).

Юнович — под этой условной фамилией Толстой, повидимому, хотел вывести философа П. Д. Юркевича (1827—1874), профессора Киевской духовной академии и Московского университета, который по своим философским взглядам примыкал к метафизической школе и неоднократно выступал в своих статьях против материализма и позитивизма.

Пимен — монах Оптиной пустыни, очень понравившийся Толстому, который сам рассказывал своему биографу Бирюкову о комическом эпизоде, случившемся во время беседы его с архим. Ювеналием в Оптиной пустыни: «Во время обычных в таких случаях разговоров, отец Пимен, один из старцев пустыни, присутствовавший на этом приеме, преспокойно, сидя на кресле, уснул. Сознавая пустоту разговора, Лев Николаевич позавидовал о. Пимену, избравшему «благую часть». Впоследствии, Лев Николаевич не раз вспоминал это обличительное равнодушие о. Пимена и приводит его в пример кроткого обличения мирской суеты».[1] Этот эпизод упоминается и в конспекте «Собеседников».

«Субботники» — русская религиозная секта, с представителями которой Толстой встречался в Самарской губ., во время своих приездов в 1870-х годах. Субботники усвоили себе еврейское вероучение: отрицали божественность Христа, чтили Ветхий завет, как главную основу религиозного учения, и праздновали субботу (отчего секта эта и получила свое наименование).

---

[1] Б, II, стр. 211.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

В настоящий указатель введены имена личные и географические, названия исторических событий (войн, революций) и учреждений, заглавия книг, названия статей, произведений слова, живописи, скульптуры и музыки, а также имена героев художественных произведений не Толстого и самого Толстого, когда они приведены в комментарии или упомянуты Толстым не в тех произведениях, где они выведены. В виду обилия в настоящем томе лиц и событий, встречающихся в исторических набросках Толстого и особенно в материалах к ним, ряд имен и названий (главным образом в исторических романах эпохи конца XVII — начала XIX века) оставлен без пояснительных примечаний в комментариях; из экономии места примечания эти перенесены в указатель; однако эти аннотации приведены в указателе лишь в тех случаях, когда соответствующее лицо или событие не вскрыты в комментарии: поэтому, указатель дает имена и названия, как с аннотациями, так и без них — в зависимости от наличности или отсутствия пояснений в тексте комментария. Знак || обозначает, что страницы, стоящие до него, указывают на страницу текста Толстого или материалов к его историческим романам; страницы, стоящие после знака ||, указывают на комментарий. К названиям «Москва», «Петербург», «Россия» и «Ясная поляна» в указателе приводятся только страницы текстов самого Толстого.

Абремова. См. Обрескова.

Аввакум (сожжен в 1681 г.) — протопоп, вождь и основоположник старообрядческого движения, противник церковных нововведений — 395, 440, || 623, 666.

Август II (Фридрих) (1670—1733) — король польский, в начале войны со Швецией был в союзе с Петром I, свергнут с престола Карлом XII, в отношении к России вел двоедушную политику — 388, 391, 410.

Авеллино — город Кампании на юге Италии — || 551.

Авель (в мире крестьянин Василий Васильев) (1757—1841) — 445, || 547.

Аверкиев Петр — калмык — 436.

Авраам — легендарный родоначальник (патриарх) древне-еврейского народа — 338, || 733.

Авраамий — строитель Андреевского монастыря, монах, пострадавший за выражение неудовольствия по поводу новых порядков при Петре I — 210, 211, || 653, 677.

Аврамов Павел Васильевич (1791 — 1836) — 464.

Австрия — 147, || 550, 583.

Адлерберг гр. Александр Владимирович — || 484.

Адлерберг гр. Владимир Федорович — || 484.

Административно-статистический комитет в Тобольске — || 478.

Адриан (1627—1700) — последний патриарх — 387, 405.

Адриан — архимандрит — 421.

Адрианополь — || 687.

Азадовский Марк Константинович — || 486.

«Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы» — || 512.

«Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письмо из Сибири» — || 486.

«Воспоминания Бестужевых» — || 567.

Азия — || 139, 685.

Азов — город на берегу Дона — 157, 197, 200, 210, 211, 386, 391—393, 398, 399, 403, 408, 412, 413, 425, 428, 432, 433, 439, 442, || 625, 630, 639, 644, 654, 680, 681, 685.

Азовский пехотный полк — 465.

Азовский поход — предпринимался Петром Великим дважды — в 1695 и 1696 гг. В 1696 г. Азов был взят — 197, 391, 403, 410, || 630, 643, 645, 653, 654, 679, 680.

Академия наук — 457, || 573, 694.

Академия художеств — в Петербурге, основанная в 1758 г. — 457, 462, || 573, 584.

Акатуевская тюрьма. См. Акатуйская тюрьма.

Акатуйская тюрьма — находилась при Акатуйском руднике, в 680 в. от Читы — || 564.

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — || 542.

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1850) — || 540, 542.

Аксаков Сергей Тимофеевич — || 540, 542.

Аксакова Анна Федоровна, рожд. Тютчева (1829—1889) — || 540, 724.

Аксатовы — действующие лица в «Декабристах». См. это произведение Толстого.

Акулина — боярская дочь, служила Урусовой, в постриге Анисья — 441.

Алатырский уезд — Симбирской губернии — 438.

Александр I (1777—1825) — 49, 446, 452, 460, 462, || 472, 475, 484, 525, 542, 545, 546, 549, 552, 558, 561, 571, 574, 579, 582, 584, 637, 644, 690, 696.

Александр II (1818—1881) — 7, 360—361, || 472, 515, 529, 531.

Александр — герцог Вюртембергский — 461, || 581.

Александр Македонский (356—323 до нашей эры) — монарх-завоеватель — 408, || 666.

Александр, Алексашка. См. Меншиков А. Д.

Александр Осипович — 459, || 577.

Александра Федоровна (1798—1860) — жена Николая I — 462, || 583.

Александрийский гусарский полк — || 570.

Александро-Невская Лавра — в Петербурге — 434.

Александровский лицей — в Петербурге (б. Царскосельский); основан в 1811 г. — 458, || 574.

Алексеев Петр Афанасьевич (р. 1806 г.) — камер-фурьер шестого класса — || 510.

Алексей (1654—1670) — царевич, сын царя Алексея Михайловича — 151, 152, 155.

Алексей божий человек (360—411) — римлянин, пустынник, наречен «святым». Праздновался 17 марта ст. ст. — 198.

Алексей Михайлович (1629—1676) — царь — 151 — 157, 182, 188, 193, 220, 308, 396, 414, 416, 417, 434, 438, || 631, 643—646, 650, 676, 679, 700.

Алексей Петрович (1690—1718) — сын Петра Великого и Евдокии. Противник петровских реформ, был оплотом приверженцев старины. Как государственный изменник присужден к смертной казни с согласия отца — 417, 431, 437—438, || 553, 667, 671, 683.

Алексинский уезд — Тульской губернии — || 636.

Алмазова — жена Ф. М. Апраксина — 439.

Алпатыч — действующее лицо в романе «Война и мир». См. Толстой «Война и мир».

Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого (1672—1872)» — || 630.

Альминское сражение — 8 сентября 1854 г. между высадившимися в Крыму французскими, английскими и турецкими войсками с одной стороны и русскими с другой у р. Альмы, близ Евпатории; русские были побеждены и открыли дорогу на Севастополь — 361.

Америка — || 586, 604.

Амирев; его дело Преображенского приказа — || 679.

Амосова Анна — единомышленница боярыни Морозовой — 441.

Амстердам — главный город в Голландии — 408, 425.

«Анастасья, Анастасья,

отворяй-ка ворота» — народная песня — 21.
Английская набережная — в Петербурге — 448.
Англия — 388, 408, || 604, 702—705.
Ангулемская Мария-Тереза-Шарлотта — 446, || 550.
Ангулемский Людовик-Антоний Бурбонский — герцог, последний французский дофин — 461, || 550, 582.
Андалузия — область юго-западной Испании — || 551.
Андреевич Яков Максимович (1800—1840) — декабрист — || 465, 585.
Андреевский монастырь — в Москве. — 210, || 655, 677,
Андрей повесившийся — 451, || 559.
Андро Анна Алексеевна, рожд. Оленина — || 559.
Андро Федор Александрович — кавалергард, умер президентом г. Варшавы — || 559.
Аникита. См. Зотов Н. М.
Анна Алексеевна (1655 — 1659) — дочь царя Алексея Михайловича — 151.
Анна Ивановна — кормилица царя Федора — 435.
Анна Иоанновна (1693—1740) — занимала русский престол с 1730 г. — 302, 309, 433, 437, || 554, 637, 695.
Анна Михайловна — дочь царя Михаила Федоровича от второго брака — 151.
Анна Павловна — Нидерландская королева—457, 458, || 572, 575.
Анна Петровна (1708—1728) — дочь Петра и Екатерины I, герцогиня Голштинская — 436.
Анненков Иван Александрович (ум. 1877 г.) — декабрист — || 491, 492.
Анненкова Прасковья Егоровна, рожд. Гебль, Полина (1800—1876) — || 491.
Аннибал. См. Ганнибал.
Аннинская лютеранская церковь — в Петербурге — 417, 460, || 579.
Анофрий (Аноха) — 402, || 680.
Антоний — архимандрит Веневского монастыря — 418.
Антоновка — деревня Бузулукского уезда Самарской губернии — 63.
Антоновка (вторая)—деревня Алексеевской волости Бузулукского уезда Самарской губернии на р. Съезжей — 63.
Анучин Е. Н. — управляющий Самарской казенной палатой в 1870—1880-х гг. — || 591.
Апраксин гр. Александр Петрович — 456, || 571.
Апраксин Андрей Матвеевич (1663—1731) — стольник Петра I — 162, 173, 174, 195, 196.
Апраксин Матвей Васильевич (ум. 1668 г.) — стряпчий, воевода — 195.
Апраксин Петр Матвеевич (1659—1728) — 195, 196.
Апраксин гр. Федор Матвеевич (1661—1728) — сподвижник Петра, генерал-адмирал русского флота. Женат на Хрущевой. Был архангельским губернатором, затем — Азовским. Кроме главного начальства над флотом ему поручалось командование над сухопутными войсками. За спасение флота во время Северной войны возведен в графское достоинство. Начальствовал при взятии Выборга. Способствовал утверждению России на водах Балтийского моря и выгодным условиям Ништадтского мира. Обвинялся в злоупотреблениях — 177, 180, 196, 240, 241, 427, 429, 433, 439, || 647, 649, 683.
Апраксина Домна Богдановна (ум. 1702 г.), рожд. Хрущева — 439.
Апраксина Анисья Тимофеевна. Толстой называет так мать царицы Марфы, в действительности ее звали Домной Богдановной; Анисья же Тимофеевна — вторая жена Петра Матвеевича Апраксина — 195.
Апраксина гр. Елена Николаевна, рожд. Безобразова — 456, || 571.
Апраксина Марфа Матвеевна. См. Марфа, царица.
Апраксины—197, || 633, 653, 671.
Аптекарский двор — в Москве — 415, 419.
Апухтин — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Апухтин Дмитрий Акимович — 453, || 549, 563.

Апухтина Марья Павловна, рожд. Фон-Визина — 446, 453, || 549, 563.

Апухтина Наталья Дмитриевна. См. Пущина Н. Д.

Апыхтин Иван Петрович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы»

Арагония — область Северо-восточной Испании — || 551.

Аракчеев гр. Алексей Андреевич (1769—1834) — самое влиятельное лицо при Александре I в последние реакционные годы его царствования, военный министр и начальник военных поселений — 213, 230, 257, 402, 445, || 472, 507 546, 547, 666.

Арбат — улица в Москве — 48, 415, 440, 462, || 583.

«Арзамас» — литературное общество (1815—1818 гг.) — || 557, 575.

Арескин (ум. 1719 г.) — доктор — 434.

Аркадий — русский святой, «преподобный» Новоторжский — 417.

Арсений Комельский (ум. 1550 г.) — русский «святой, преподобный», игумен Комельский — 417.

Арсеньева Варвара Михайловна — сестра кн. Меншиковой, приближенная Меншикова — 434, 437.

Арсеньева Дарья Михайловна — дочь стольника, жена А. Д. Меншикова, повенчавшаяся с ним в 1706 г. — 407, 434, 437.

д'Артуа гр. См. Карл X.

Арина — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Архангельск. — В 1693 г. Петр I в первый раз посетил Архангельск, заложил адмиралтейство и около него поселил слободу матросов и рабочих — 184, 193, 198, 389, 408, 432, || 650, 653.

Архангельская губерния — 215.

Архангельский собор — в Московском кремле — 146.

Архангельское подворье — у Никольских ворот в Кремле в Москве — 415.

Археографическая комиссия в Петербурге — || 481.

Архив Правительствующего сената — || 676, 694.

Архив Толстого в Публичной библиотеке Союза ССР им. Ленина — || 480, 486 — 488, 493—495, 502, 503, 534, 539, 545, 600, 608, 615, 618, 619, 656, 660, 669, 672, 675, 676, 679, 680, 691, 695, 699, 708, 712—714, 726, 729.

Архипов Филька — казак, прозванный Кисельная борода — 401.

Астраханский бунт — 1705 года — 403.

Астраханский кирасирский полк — 578.

Астрахань — город у устья Волги. В 1665 г. впервые явился под стенами А. Степан Разин. В 1670 г. город взят Разиным. В 1705 г. здесь вспыхнуло возмущение стрельцов. В 1717 г. А. назначена губернским городом — 392, 401, 420, 439.

Афанасия монахиня. См. Горчакова кн. Т. Г.

Афанасьев Ф. — сельский писарь села Гавриловки — 68.

Афон Старый, монастырь на Пелопонесском полуострове — 144.

Африка — 135, 139.

Ахтырка — уездный город Харьковской губернии; в 1708 г. сделана провинциальным городом Киевской губернии — 433.

Ачинский Даниил. См. Даниил Ачинский.

Ая - София — храм в Константинополе, основанный в 325 г. — || 540.

Бабоедиха (Бабоедова) Анна Федоровна — помещица в Ясной поляне в первой половине XVIII века — 212, 215, || 655.

Бабоедов Михаил Игнатьевич — капитан — 215.

Базевич. См. Бассевич.

Базилианский орден — 404.

Базыкин Кузьма Артемович — 269, || 498.

Базыкин — действующее лицо «Декабристов». См. Толстой «Декабристы».

Базыкин Тит Ермилович — 267, 270, || 475.

Баклановский — паж — 434.
Баку — || 656.
Бакумовка — деревня Миргородского уезда Полтавской губернии — 452, || 561—562.
Бакунин Павел Петрович (1766—1805) — || 554.
Бакунина Екатерина Александровна, рожд. Саблукова — || 554.
Бакунина Екатерина Павловна. См. Полторацкая Е. П.
Бакуревич — || 569.
Балакирев Иван Алексеевич (р. 1699 г.) — шут, камер-лакей Екатерины I. Среди набросков рассказов для «Азбуки» Толстого сохранилось два его отрывка о Петре и Балакиреве — 407, 434.
Балас Михаил «С. Муравьев-Апостол» — || 560—561.
Балка полк (по имени полкового командира Федора Николаевича Балка, мужа сестры Анны Монс) — 432.
Банников Григорий — сотоварищ Булавина, участник бунта — 392.
Бантыш - Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850) — историк — 403, 404, 408, 414, || 629.
— «Словарь достопамятных людей русской земли» М. 1836; 5 томов — 411, 435, || 630, 665, 667, 670, 680.
— «Словарь достопамятных людей». Спб. 1847; 3 тома — 402—405, 408, || 654, 665.
Барашковы — крестьяне с. Гавриловки — 67.
Баркова и Южина писчебумажная фабрика — || 721.
Барсов К. П. — || 540.
Барсуки — деревня; под этим именем есть деревня в Калужской губернии под Юхновом — 223, 224, 235, || 656.
Барсуков Н. П. «Жизнь и труды М. П. Погодина» — || 623, 729.
Бартенев Петр Иванович (1829—1912) редактор «Русского архива» — 479—481, 492, 575, 584.
— «Пушкин в южной России» — || 548.
— «Воспоминания о Н. В. Путяте» — || 548.
Бархатная книга. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих — || 634.
Барятинский — действующее лицо в «Князе Федоре Щетинине». См. Толстой «Князь Федор Щетинин».
Барятинский гр. Александр Иванович — || 482, 692.
Баскаков Пров Федорович — 240.
Баскачиха. См. Горчакова Н. Ф.
Бассевич гр. Геннинг-Фридрих (1680—1749) — президент тайного совета герцога Шлезвиг-Голштинского, автор записок о политических делах Петра I с 1713 г. до его смерти с многими анекдотами. Перевод «записок» Бассевича напечатан в «Русском архиве» за 1865 г. Полное заглавие изданных извлечений из бумаг Б.: Eclaircissement sur plusieurs faits relatifs au règne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761, à la requisition d'un savant, des papiers du feu comte Henningue Fréderic de Bassewitz. («Пояснения многих событий, относящихся к царствованию Петра Великого, извлеченные в 1761 г. по желанию одного ученого из бумаг покойного графа Г. Ф. Б.») — || 629.
Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863) — || 478, 487, 503, 585.
«Одичалый» — || 487.
«Проект конституции 1824 г.» — — || 527.
Батурина полк — 201.
Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — 459, || 552, 559, 561, 562, 576.
Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) — || 497, 508.
Батюшкова Александра Николаевна (ум. 1826 г.) — 451, 459, || 559, 577.
Байрон Джорж-Ноэль Гордон (1788—1824) — 462, || 583.
Бахметев Степан — стольник, участник разгрома булавинских казаков — 393.
Бахмут — город на Украине Екатеринославской губернии; в 1703 г. в нем построена крепость — 391.
Бахус. См. Вакх.
Башмаков Дементий Минич

— государевых дел дьяк — 442.

Безбородко кн. Александр Андреевич (1746—1799) — || 568.

Безбородко гр. Илья Андреевич (1756—1815) — || 568.

Безобразов Андрей — стольник, «старичишка дряхлый, увечный, почти оглохший и ослепший, с переломанными ногами и руками», был заподозрен в знакомстве с Шакловитым и в хитростях волшебных; привезен из Нижнего в декабре 1689 г., пытан и приговорен к отсечению головы. Казнь совершена 8 января 1690 г. — 434.

Безобразова Елена Николаевна. См. Апраксина Е. Н.

Безухий кн. Петр Кириллович (Пьер) — герой романа «Война и мир». См. Толстой Л. Н., «Война и мир».

Белгород — город на Украине. В 1719 г. Б. сделан главным городом Белгородской провинции Киевской губернии — 433, 444.

Белевский монастырь — б. Крестовоздвиженский женский монастырь в Белеве б. Тульской губернии; основан в 1625 г. — 311.

Белевский уезд б. Тульской губернии — || 636.

Беляев Александр Петрович — 457, || 476, 479—482, 503, 544, 567, 572.

— «Воспоминания о пережитом и перечувствованном с 1803 года» — || 479, 480, 572.

Бенжамен Констан (B. Constant) (1767—1830) — 460, 580.

Бентам Иеремия — 447, || 552.

Березов — город в западной Сибири — 412, 413.

Берриjская Каролина (Berry Marie-Caroline-Ferdinande-Louise de Bourbon) дочь короля Фердинанда первого — || 550.

Берриjский герцог Карл-Фердинанд — второй сын графа д'Артуа — 446, || 550.

Берлин — 444, || 555.

Берс Александр Андреевич (1845—1918) — брат С. А. Толстой — || 630.

Берс Любовь Александровна, рожд. Ислявина (1826—1886) — — 494.

Берс Петр Андреевич (1849—1910) — брат С. А. Толстой — || 494, 495, 631.

Берс Степан Андреевич (1856—1909) — брат С. А. Толстой — || 482, 490, 491, 494, 495, 513, 524, 590, 629, 630, 632, 640, 641.

— «Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом». Смоленск. 1894 — || 514, 590, 629, 630, 640.

Берхгольц Фридрих-Вильгельм (1699—1765) — камер-юнкер при герцоге Голштинском, с которым в 1721 г. прибыл в Россию. В продолжение пяти лет ежедневно вел дневник. Полное заглавие его труда: «Wilh. v. Bergholz, grossfürstichen Oberkamerherrn Tagebuch, welches er in Russland von 1721—1725 als holsteinischer Kammerjunker geführt hat». Есть русский перевод Аммона; два издания — 411, 412, 437, || 630, 667, 671.

Бессарабия — область между Днестром и Прутом, принадлежавшая России с 1809 по 1917 г. — 461, || 545, 581, 582, 584.

Бессонов Петр Алексеевич (1828—1898) — исследователь народного творчества — || 584, 675.

Бестужев Александр Александрович (Марлинский) (1797—1837) — || 488, 492, 558.

Бестужев Михаил Александрович — ||481, 486—488, 524, 567.

Бестужев Николай Александрович (1791—1855) — || 485, 486, 488, 572.

Бестужев-Рюмин Василий Николаевич (1835—1910) — || 494.

Бестужев-Рюмин Владимир Павлович — 453, || 563.

Бестужев-Рюмин Иван Павлович — 453, || 563.

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — || 494.

Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801—1826) — 453, || 494, 524, 543, 544, 560, 563, 568.

Бестужев-Рюмин Николай Павлович — 453, || 563.

Бестужев-Рюмин Павел Николаевич — 453, || 563.

Бестужева-Рюмина, Вера Николаевна, рожд. Поливанова — 453, || 563.

Бестужева-Рюмина, Евдокия Петровна, рожд. Свечина — 453, || 563.

Бестужева-Рюмина Екатерина Васильевна, рожд. Грушецкая — 453, || 563.

Бестужева - Рюмина Надежда Ивановна. См. Голицына кн. Н. И.

Бестужевы братья «Воспоминания» — || 486.

Бетанкур Августин Августович—451, 461, || 545, 560, 581, 582.

Бибиков Илларион Михайлович — 452, || 561.

Бибиков Михаил Илларионович — || 477.

Бибикова А., «Из семейной хроники» — || 477.

Бибикова Екатерина Ивановна, рожд. Муравьева-Апостол — 452, 457, || 561, 571.

Бибикова Софья Никитична, рожд. Муравьева (Нонушка) (Никитина) (р. 1829 г.) — || 476—478, 494, 495.

Бибиковы — || 477.

Библейское общество — 461, || 581.

Библия —384, 406, 411.

Биньон Луи «Des cabinets et des peuples depuis 1815». См. Bignon.

«Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского московского университета» — || 551.

«Биржа» — газета — || 632.

Бирюков Павел Иванович (1860—1931) — || 526, 631, 640.

— «Биография Л. Н. Толстого»— || 631, 639, 672, 673.

Бисмарк кн. Отто Леопольд-Эдуард (1815—1898) — германский государственный канцлер, способствовал внешнему возвышению Пруссии путем дипломатии и войн — 230.

Блудов гр. Дмитрий Николаевич — 458, || 575.

Блудова гр. Антонина Дмитриевна (1812—1891) — || 540.

Блументрост. См. Блюментрост.

Блюмберг — барон, полковник — 428.

Блюментрост Иоанн-Лаврентьевич (1676—1756) — доктор, сын главного врача Алексея Михайловича, брат президента Академии наук — 436, || 670—671.

Блюментрост Лаврентий Алферьевич (1619—1705) — главный врач Алексея Михайловича — 436.

Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич (1692—1755) — доктор, лейб-медик Петра, президент Академии наук — 434, 436.

Бобрищев-Пушкин Павел Сергеевич (1802—1865) — || 482, 503.

— «Записки» — || 482.

— Перевод «Мыслей» Паскаля — || 482.

Бобровка — село Ромашкинской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на р. Бобровке — 63.

Бобруйск уездный город Минской губернии — 462, || 589.

Богданов; его дело Преображенского приказа — || 678.

Богданова Мария Богдановна. См. Головина М. Б.

Богданович Модест Иванович — военный писатель — || 491, 510, 511, 585.

— «История царствования императора Александра I и Россия в его время»— || 510, 546, 548, 578, 579.

Богдановка — село, волостной центр, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — 62, 63.

Боголеп. См. Голицын кн. Борис Алексеевич.

Богородицкий монастырь в Тотьме б. Вологодской губ. — 442.

Богородское Спасского уезда б. Рязанской губ. — 454.

Богословский М. М. (1867—1928) — академик, автор труда «Петр Великий. Материалы для его биографии» 1925 (не напечатано) — || 674.

Богоявленское — село Епифанского уезда б. Тульской губернии — 425.

Бодров Онисим Иванов. См. Онисим.

Божьей матери всех скорбящих — церковь в Петербурге — 417.

Болверк Меншикова — бастион Петропавловской крепости, состоявшей из шести болверков: первый болверк был заложен Петром, второй — Меншиковым — в 1706 г. — 417.

Болконский кн. Николай Андреевич (Николенька) — действующее лицо в романе «Война и мир». См. это произведение Толстого.

Болотный Федор — бурмистр, сообщник обер-фискала Нестерова — || 636, 677.

Болото — площадь в Москве, ныне улица Серафимовича — 430, || 636.

Болотов Андрей Тимофеевич (1738—1833). — Ему принадлежат мемуары: «Жизнь и приключения Андрея Болотова» 1871—1873 гг.— || 629.

Болхин Гавриил Ильич (1831—1885) — 286, || 475, 498, 506.

Болхин Гаврюха — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Болховской уезд б. Орловской губернии — || 557.

Большая Дмитровка — улица в Москве — 456, || 570.

Большакова Марья; ее дело Преображенского приказа — || 678.

Бонами Карл-Август-Жан-Батист-Людвиг-Иосиф (р. между 1764 и 1770 г., ум. 1830 г.) — французский генерал, прославился при Маренго, участник похода Наполеона в Москву в 1812 г.—458, || 576.

Борис Годунов (1552—1605) — боярин, потом царь московский (с 1598 г.) — 160, 308.

Бориса и Глеба приход — в Замоскворечьи в Москве — 154.

Борисов Андрей Иванович (1798—1854) — 453, 455, || 544, 563.

Борисов Иван Андреевич — 453, || 544, 563.

Борисов Иван — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Борисов Петр Иванович — 455, || 567, 572.

Борисова Прасковья Емельяновна, рожд. Дмитриева—453, || 563.

Боровицкие ворота — у Московского кремля, против улицы Знаменки, ныне улицы Фрунзе — 415.

Боровск — уездный город б. Калужской губернии. В 1708 г. приписан к Московской губернии — 441.

Бородино — село Можайского уезда б. Московской губернии — || 542, 459.

Бородинское сражение между русскими и французами 26 августа 1812 г. — 452, || 509, 560, 564.

Бородулин Данило — посадский человек — 401.

Боромля — слобода Ахтырского уезда б. Слободско-украинской губернии — 453, || 563.

Борсин Сергей Васильевич — действующее лицо в отрывке «Два путника». См. Толстой «Два путника».

Борск (Борское) — село, волостной центр Бузулукского уезда Самарской губернии — 62.

Бочкарева Ольга Андреевна. См. Веселовская О. А.

Брадинский приход — Мценского уезда б. Орловской губернии — 216.

Бредиф — 724.

Бредихино — село б. Тульского уезда — 418.

Бренев Олимпий — подполковник, убит 15 мая 1682 г. во время бунта — 422.

Бренев Василий — подполковник, убит 15 мая 1682 г. во время бунта — 422.

Бретань — северо-западный полуостров Франции — || 502.

Бригген фон-дер Александр Федорович (1792—1859) — декабрист — 464, || 503.

Бровкин Анисим — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Брокгауз. См. Энциклопедический словарь.

Бронзов В. А. — || 599.

Бронницы — уездный город б. Московской губернии — 453, 461, || 563, 582.

Брянск — уездный город б. Орловской губернии — 432.

Брянский уезд б. Орловской губернии — || 636.

Брюс Яков Вилимович (1670—1735) — генерал, участник Кожуховского и Азовского походов, присутствовал при закладке Петербурга, участник Полтавского боя— 403, 407.

Бузулук — река — 393.

Бузулук — уездный город б. Самарской губернии — 62, || 495.

Бузулукский уезд б. Самарской губернии — || 592.

Букреев Григорий; его дело Преображенского приказа — || 677.

Булавин Кондратий Афанасьевич (1660—1708) — атаман, предводительствовал бунтом на

Дону в 1708 г. — 391—394, || 655, 665.

Булгаков Константин Яковлевич — 461, || 582.

«Бумаги Ивана Борисовича Пестеля» — || 578.

Бунаков Николай Федорович (1837—1904) — педагог. Толстой противопоставляет свой способ обучения звуковому методу, который находил поддержку в Бунакове, обосновывавшем этот метод в книге: «Обучение грамоте по звуковому способу в связи с предметными уроками и начальными упражнениями в русском языке», 1871 г. — 76—83, 86, 89, 91—93, 95, 98, 99, 101, 103, 122, 324, 328, || 601, 604, 610.

— «Семья и школа» — 77.

— «Родной язык, как предмет обучения» — 77.

— «Уроки чтения» — 85.

Буняковский Виктор Яковлевич (1804—1889) — математик — 121.

Бурбоны — французская королевская фамилия, царствовавшая с 1589 г. до 1789 г. и с 1814 г. по 1830 г. — || 550, 551.

Бурдин Степан — сельский староста села Гавриловки — 68.

Бурцев — генерал — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886) — химик — || 724.

Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — стольник, участник азовских походов, сдался шведам под Нарвой и был взят в плен; сопровождал Петра в Голландию — 181, 184, 193.

Бутурлин — «Записки» — || 554—556.

Бутырский полк — 432.

Бухвостов Сергей Леонтьевич (1642—1728) — «первый русский солдат», поступил в Преображенский полк из придворных служителей — 201, || 680.

«Былое» — журнал, выходивший с 1900 г. по 1904 г.; с 1906 г. по 1907 г.; с 1917 г. по 1927 г. — 486.

Бытия книга — первая книга из так называемого пятикнижия, входящего в состав Ветхого завета — 383.

Бычков Афанасий Федорович — || 510—511.

Бычков Иван Афанасьевич — || 489, 533.

Бюрнуф Эмилий (1801 — 1852) — ориенталист и историк религий — || 732.

Вавилонская башня — 231.

Вагнер Николай Петрович (1829—1907) — зоолог и писатель — || 724—725.

Вадковская Екатерина Ивановна, рожд. гр. Чернышева — 447, 450, || 553, 556.

— «Правдивая история женщины, которую считали очень лживой» — || 556.

Вадковский Александр Федорович — || 569, 570.

Вадковский Федор Федорович (1800—1844) — 450, 456, || 556—557, 570.

Вадковский Федор Федорович (1756—1806) — 147, || 553.

Валахия — юго-западная часть Румынии — 447, || 540.

Вакх — греческий бог вина, сын Зевса, научил людей виноделию — 431, || 682.

Валаамские чудотворцы — Сергий и Герман — 400.

Валуйки — уездный город б. Воронежской губернии; город сильно пострадал в 1698 г. от стрелецкого бунта и в 1707 г. от мятежных булавинцев; первоначально был приписан к Азовской губернии — 391.

Ванька Каин — вор и грабитель, ставший легендарным героем удальства и воровских приключений. В 1741 г. является в Москву и приносит повинную. С готовностью принятый, начинает новую деятельность в качестве сыщика и провокатора. Наказан и сослан в Сибирь в 1755 г. Ему приписывается авторство песни «Вниз по матушке, по Волге» — || 675.

«Ванька Каин» — рукопись неизвестного автора среди бумаг Толстого о Петре — || 663, 664, 675.

Варвара Дмитриевна — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Варна — город в Болгарии на берегу Черного моря — || 691.

Варшава — столица Польши — 23, 410, 433, 460, 461, || 564, 579, 580.

Василий Алексеевич — 459, || 577.

Василий Босой — юродивый — 397.

Василий — крестьянин, упоминается в варианте № 24 романа времен Петра.— 655.

Василий Великий — (329—379) — один из «отцов церкви» — 301, 303.

Васильевский остров — в Петербурге — 417, 438, 442, || 636,

Васильев — полковник, был разбит К. Булавиным — 393.

Васильев Роман —калмык— 436.

Васильков — уездный город б. Киевской губернии — || 568.

Васильчиков Илларион Викторович (1777—1847) — || 547.

Вебер Христиан Фридрих — Ганноверский резидент, жил в России при Петре шесть лет (с 1714 по 1720). Написал сочинение в виде дневника. Заглавие: «Das veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist- und weltlichen Regiments, der Kriegs Staat zu Lande und zu Wasser... vorgestellt werden. Franckfurth und Leipzig, 1721 — 419, || 629, 667, 670.

Ведель фон, бар. Анастасия Богдановна, рожд. Пассек — || 553.

Ведель фон, бар. Иродион Кондратьевич — || 553.

Вейде Адам — генерал — 430.

Великая французская революция — 8.

Вена — столица Австрии — || 571; 580.

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы — || 610.

Венев монастырь. — Возможно, что имеется в виду Николаевский монастырь, давно упраздненный; он находился в Веневском уезде б. Тульской губернии — 418.

Веневитинов Михаил Алексеевич (1844—1901) — || 481, 482, 491—494.

— «Роман декабриста» — || 493.

Веневский уезд — б. Тульской губернии — || 636.

Венеция — город у северного берега Адриатического моря — 402.

Верещагин Г. «Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I» — || 546.

Верещагин Лукьян, корабельный мастер — 399.

Веронский конгресс — был созван в Италии в 1822 г. для прекращения европейских революций — || 582.

Вертоградский Иван Александрович — педагог, составитель руководств по русскому языку — || 598.

Верховная дума Северного общества — || 558.

Верховная Следственная комиссия по делу декабристов — || 557.

Верховный уголовный суд — 463, || 545, 585.

Веселовская Ольга Андреевна, рожд. Бочкарева — 455, || 566.

Веселовский Иван Семенович — || 566.

Вестминстерский дворец в Лондоне — || 531.

«Вестник Европы» — журнал, основанный в 1866 г. — 502, || 525.

Ветхий завет — 368.

Ветчинкин Янка Иванов — карла — 436.

Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — || 548, 581, 582.

— «Записки» — || 511, 545, 548, 575, 576, 581, 582, 584, 696, 697.

Видбург Елизавета Ивановна, рожд. Муравьева-Апостол, по первому мужу бар. Стальдинг — 452, || 562.

Виельгорский гр. Михаил Михайлович (1822—1855) — || 540.

Виельгорский гр. Михаил Юрьевич — || 492.

Виламов Григорий Иванович — 458, || 575.

Виллель гр. Жозеф — 461, || 582.

Вильгельм (1792—1849) — Нидерландский король — 457, || 572.

Виниус Андрей Андреевич — думный дьяк, был уличен во взяточничестве и наказан Петром — 388, 407, 410.

Виргилий Марон Публий (70—19 до нашей эры) — римский поэт, автор «Энеиды». Толстой

оттеняет необразованность посетителей ресторана Шевалье, приписывая им утверждение, что автором «Энеиды» является Шекспир — 19.

Виртембергская принцесса Екатерина Павловна, по первому мужу принцесса Ольденбургская — 452, 457, || 561, 571.

Витберг Александр Лаврентьевич (1787—1855) — русский живописец и архитектор — || 551.

Вирхов Рудольф (1821—1902) — немецкий ученый, медик — 369.

Витт гр. Иван Осипович (1781—1840) — || 546.

Вихляева Надежда Ивановна. См. Голицына кн. Н. И.

Владимир (ум. 1015), князь — 325.

Владимирская губерния — 450.

Владимирская улица — в Петербурге — 291.

Владислав (1595—1648) — претендент на русский престол; с 1632 г. — король польский — 160.

Влас рыжий — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Власов Влас Кириллович — || 498.

Воейков Александр Федорович — || 570, 575.

Воейков Николай Сергеевич (1803—18. .) — || 620, 621.

Воейкова Александра Андреевна, рожд. Протасова — 456, || 570, 575.

«Военная галлерея Зимнего дворца», 1845—447, || 552, 579.

Воздвиженка — улица в Москве, ныне улица Коминтерна — 50, 415.

Воздвиженское — подмосковное село б. Дмитровского уезда; во время стрелецкого бунта здесь жили цари Петр и Иоанн и царевна Софья — 424, 439.

Воздрема — деревня в 10 верстах от Ясной поляны. Название «Воздрема» было использовано Толстым в 1870-х гг. в «Анне Карениной» (1 часть, гл. XXV), где организованная Николаем Левиным слесарная артель географически приурочена к селу «Воздрема» б. Казанской губернии — 212.

Войнаровский Андрей (ум. 1740 г.) — || 487.

Волга — река — 491, || 684.

Воленс — педагог — || 610.

Волжанкин — крестьянин села Гавриловки — 65.

Волконская кн. Луиза Ивановна, рожд. Трузсон — || 542.

Волконская кн. Мария Николаевна, рожд. Раевская (1807—1863) — || 542, 567.

Волконский кн. — || 655.

Волконский кн. — || 700.

Волконский кн. Александр Алексеевич (1818—1865) — || 542.

Волконский кн. Григорий Михайлович (р. 1864 г.), — || 526.

Волконский кн. Михаил Сергеевич (1832—1859) — || 490.

Волконский кн. Петр Михайлович — 458, 460 || 547, 574, 579.

Волконский кн. Сергей Григорьевич — || 470, 471, 480, 503, 542, 567.

Вологда — 454, || 566.

Волынский Артемий Петрович (1689—1740) — посол, губернатор, с 1738 г. кабинет-министр — 398.

Волынь — 696.

Вольский Франциск — шляхтич, был послан с тайными предложениями от Станислава Лещинского к Мазепе — 406.

Вольф Фердинанд Богданович (ум. 1854 г.) — 465.

Воробьево — подмосковное село — 424.

Воробьевы горы — село и возвышенность над Москвой, ныне Ленинские горы — || 551.

Ворона — река, правый приток Хопра — 198.

Воронеж — приобрел большое значение при Петре I, посетившем город в первый раз в 1694 г. и учредившем верфь на нижней части острова, находящегося на р. Воронеже; в верхней Петр построил крепость и в ней адмиралтейство. В 1708 г. В. приписан к Азовской губернии, в 1725 г. Азовская губерния переименована в Воронежскую — 198, 200, 386, 388, 391, 392, 396, 397, 410, 428, 431—433, 437, 444, || 514, 652, 654, 681, 686.

Воронка — речка близ Ясной поляны — 213.

Воронцов гр. Михаил Семенович (1782—1856) — светлейший

князь с 1852 г. — 446, 457, 461, 462, || 548, 573, 582, 584.

Воротынский Иван — 441.

Воскресенская площадь в Москве, ныне площадь Революции — 426.

Воскресения Христова церковь — в Москве — 415, 422.

Воскресенское подворье — монастырское подворье в Китай-городе в Москве — 415.

Восточная война 1853—1856 гг. — между Россией с одной стороны и Турцией, Англией, Францией и Сардинией, — с другой — 360, || 539 — 540.

Восточная война 1877—1878 гг. (Сербская война, Русско-Турецкая война) — между Россией и Турцией из-за славянских областей на Балканском полуострове — || 727, 729.

Восьмая артиллерийская бригада — 465, || 567.

Вотчинная коллегия — || 695.

Вошков С. [?] — быть может следует читать Вольский (см.)

Враницкий Василий Иванович (ум. 1832 г.) — || 585.

Всех скорбящих церковь — на Васильевском острове в Петербурге — 417, 438.

Всехсвятское — подмосковное село — 201.

Второй кадетский корпус — в Москве — 463, 465.

Вундт Вильгельм-Макс (1832—1920) — один из основателей экспериментальной психологии — 351.

Вурст Раймонт Якоб (1800 — 1845) — немецкий педагог — 96, 325, || 605.

Вяжи — село Новосильского уезда б. Тульской губернии в 7 верстах от Новосиля — 418.

Вяземская слобода. См. Вяземское.

Вяземский кн. — мценский воевода — 216, 220, 234, 239, 240, 304, || 659.

Вяземский Никифор Кондратьевич — учитель Алексея Петровича — 410, 438.

Вяземский кн. Петр Андреевич (1792 — 1878) — || 476, 557, 575.

— «Письма Н. М. Карамзина к Жуковскому» — || 552.

— «Из старой записной книжки, начатой в 1813 году» — || 576.

Вяземское — имение Толстых Никольское-Вяземское Чернского уезда б. Тульской губернии — 239, 242, 300, 302, 310, 312, 313, 315, || 659, 664.

Вяземы — село Звенигородского уезда б. Московской губернии. В 1694 г. пожалованы Петром I Б. А. Голицыну за спасение жизни во время стрелецкого бунта — 439.

Вятская губерния — 215.

Вятский пехотный полк — || 578.

Вюртембергский герцог. См. Александр, герцог Вюртембергский.

Выборг — город в Финляндии — 433.

Гавриил — мужик, представитель старообрядчества, участвовавший в прениях в Грановитой палате в 1682 г. — 421.

Гаврилов Петр — карла — 436.

Гавриловка — село Патровской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на реке Съезжей — 63, 68, || 592.

Гагарин — 304, || 700.

Гагарин Алексей Матвеевич — сын Матвея Петровича, был женат на бар. Шафировой — 411.

Гагарин Матвей Петрович — воевода, сибирский губернатор, взяточник, казнен в 1721 г. — 411, 414, || 665, 680.

Гагарин Сергей — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Гагарин Федя — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Гагарина, рожд. бар. Шафирова — 411.

Гагарина Мария Яковлевна — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Гагена Т. И. — фабрика — || 544.

Гаден фон — доктор (убит во время бунта 1682 г.) — 422.

Гаевский Виктор Павлович (1826—1888) — библиограф и историк русской литературы — || 515.

Галактион Вологодский — «преподобный», убит поляками и литовцами в 1611 г. — 417.

Галичский уезд б. Костромской губернии — || 636.
Галлярт (Алларт) — генерал-инженер — 388.
Галлер — пастор — 464.
Гамбург — город на севере Германии — 452, || 561.
Ганешина С. В. — фабрика — || 599, 600.
Ганибал (Ганнибал) Авраам Петрович (1690—1782) — арап, купленный русским послом и присланный Петру, камердинер при нем, впоследствии генерал-майор — 411, || 665, 666.
Ганнибал (247—183 до н. э.) — Карфагенский полководец — 140.
Гаррисон Вильям-Ллойд (1804—1879) — американский журналист, основатель противоневольнического общества (в 1832 г.) — || 586.
Гарденберг кн. Карл Август — 446, || 550.
Гвардейский Генеральный штаб — || 558.
Гвардейцы — село Заплавинской волости Бузулукского уезда б. Самарской губернии, на реке Таволжанке — 63.
Гвариент Ралль — Христофор-Игнатий — стоял во главе посольства Леопольда I, бывшего в России в 1698—1699 гг. — 426.
Гебель Густав Иванович — подполковник, командир Черниговского пехотного полка — || 569.
Гёбль Полина. См. Анненкова П. Е.
Гегель Фридрих-Вильгельм (1770—1831) — философ-идеалист, установивший значение диалектического метода — || 716.
Гельбиг — автор книги «Russische Günstlinge» Тюбинген, 1809. Перевод: «Случайные люди в России» («Русский архив», 1865, стр. 383—444) — || 681.
Геннади Григорий Николаевич (1826—1880) — || 492.
Геннинг (Генин) Георгий (1676—1750) — полковник, затем генерал-майор, директор сибирских заводов — 396, 411, || 665, 666.
Генрих IV (1553—1610) — французский король (с 1589 г.) — 114.
Георг II (Людовик) (1683—1760) — английский король с (1714 г.) — 408.
Георг III (1738—1820) — английский король (с 1760 г.) — || 549.
Георг IV — английский король — 446, || 549.
Герасим — старообрядец, старец Вологодского монастыря — || 638.
Германия — 96, 99, 114, 446, || 550, 595, 604, 610, 696.
Геро — || 557.
Герцен Александр Иванович (1812—1870) — || 502, 552.
— «Былое и думы» — || 491.
— «14 декабря 1825 и император Николай» издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа» — || 502.
Гиббон «История разложения и упадка Римской империи» — || 479.
Гиппиус Василий Васильевич — || 487.
Гирс Николай Карлович (1820—1895) — товарищ министра иностранных дел — || 637,
Гиттенден — || 725.
Главное управление училищ — || 546.
Главное управление путей сообщения — || 581.
Гладкий Никита — стрелец, пятидесятник стременного полка, участник заговора против Петра. Был приговорен к смертной казни, затем сослан в Сибирь. Толстой ошибочно называет его «Сашка» — 162.
Глебов Степан — офицер, посажен на кол за связь с инокиней-царицей Евдокией — 434.
Гнева Степанида — прислуживала Морозовой — 441.
Глик Эрнст Абт (ум. 1705 г.) — лифляндский пастор, учредил в Москве гимназию — 411, || 665.
Глубки или Гдубки (Городилово) — село Новосильского уезда, б. Тульской губернии, в 17 верстах от Новосиля при р. Зуше — 418.
Говарда бумажная фабрика — || 615, 661—664, 691, 692, 699, 700, 705, 717, 721, 723, 730, 731.
Годунов Борис. См. Борис Годунов.
Голенищев-Кутузов гр. Арсений Аркадьевич (1848—1913) — || 490.
Голенищев-Кутузов кн. Михаил Илларионович (1745—1813) — || 476.
Голенищев-Кутузов

гр. Павел Васильевич (1772 — 1843) — || 490, 492.

Голиков Иван Иванович (1735—1801) — сын курского купца, самоучка, автор многотомного произведения «Деяния Петра Великого»; два издания — || 629, 674.

Голицын кн. — || 680.

Голицын кн. Алексей Андреевич (1622—1694) — отец Б. А. Голицына — 439.

Голицын кн. Александр Николаевич — 445, 457, || 460, 472, 548, 573, 578.

Голицын кн. Алексей Борисович — сын кн. Б. А. Голицына — 438.

Голицын кн. Алексей Васильевич — сын кн. В. В. Голицына, боярин, выдвинулся при Софии Алексеевне, был вице-канцлером Посольского приказа, затем был сослан вместе с отцом; освобожден в 1713 г. — 163, 179, 394.

Голицын кн. Борис Алексеевич (1654—1714) — воспитатель Петра I, главный распорядитель во время свержения царевны Софии. За год до смерти постригся в монахи под именем Боголепа — 159, 163, 165—167, 170, 171, 173—180, 193, 194, 197—200, 403, 407, 411, 428, 429, 438, 439, 441, || 648, 651, 665, 666, 673, 676, 683.

Голицын кн. Василий Борисович (1681—1710) — сын Бориса Алексеевича Голицына — 439.

Голицын кн. Василий Васильевич (1693—1714) — главный советчик царевны Софии, был сослан Петром I — 156—167, 174—180, 394; 411, 412, || 625, 647—649, 665, 673.

Голицын кн. Дмитрий Михайлович (1665—1738) — тайный советник, член Верховного тайного совета, сторонник Петра II, автор «условий» при вступлении на престол Анны Иоанновны. Умер в заточении в Шлиссельбурге — 406.

Голицын Иван Алексеевич (1655—1722) — комнатный стольник, был женат на Анастасии Петровне Прозоровой — 421, 439, 440,

Голицын кн. И. С. — || 493.

Голицын кн. Иван Федорович — 453, || 563.

Голицын кн. Михаил Михайлович (1674—1730) — участвовал в усмирении стрельцов, деятельный полководец Великой Северной войны, фельдмаршал, член Верховного тайного совета — 198, 199, 406, 412, || 665, 666.

Голицын кн. Петр Алексеевич (1660—1722) — посланник в Вене, губернатор (Архангельский, Рижский) — 439.

Голицын кн. Сергей Борисович (1688—1758) — сын кн. Б. А. Голицына — 439.

Голицын кн. Сергей Михайлович — || 576.

Голицын кн. Федор Алексеевич (1668—1736) — 439.

Голицына кн. Авдотья Ивановна — жена Василья Васильевича Голицына, из рода Стрешневых — 162, 175, 411.

Голицына кн. Анастасия Никитична, рожд. Шереметева — жена Федора Алексеевича Голицына — 439.

Голицына кн. Анастасия Петровна, рожд. Прозоровская (1665—1722) — жена Ивана Алексеевича Голицына — 434, 439, 440.

Голицына кн. В. В. — || 562.

Голицына кн. Дарья Лукинична, рожд. Ляпунова (1668—1715) — вторая жена Петра Алексеевича Голицына — 439.

Голицына кн. Евдокия Ивановна, рожд. Измайлова—458, || 576.

Голицына кн. Мария Федоровна, рожд. Хворостинина (1651—1723) — жена Бориса Алексеевича Голицына — 439.

Голицына кн. Надежда Ивановна, рожд. Вихляева — в первом браке за Василием Грушецким — 453, || 563.

Голицыны кн. — 308, 671.

Голландия — 388.

Головин Автоном Михайлович (1667—1720) — генерал, был взят в плен под Нарвой и 18 лет оставался в заключении у шведов — 183, 200, 204, 206—208, 210, 412, 427, 128, || 665.

Головин Алексей Алексеевич — генерал-майор; был женат на Марфе Даниловне Меншиковой — 198, 412, || 653.

Головин Иван Иванович — 442.

Головин Иван Михайлович (ум. 1738 г.) — брат Автонома Михайловича, участвовал в российском посольстве 1697 г., был люби-

мым денщиком Петра — 412, 442, || 665.

Головин Федор Алексеевич (1650—1706) — боярин, фельдмаршал — 183, 197—199, 390, 399, 403, 408, || 654, 665.

Головина Варвара Петровна, рожд. Лопухина — жена Ивана Ивановича Головина — 434, 442.

Головина — мать Ф. А. Головина, жена Алексея Петровича — 183, 198, 199.

Головина Марфа Даниловна, рожд. Меншикова — сестра фельдмаршала — 434.

Головина Марья Богдановна, рожд. Глебова, — жена Ивана Михайловича Головина — 442.

Головина Ольга Ивановна. См. Трубецкая кн. О. И.

Головинский дворец — в Москве, сооружен при Петре I — 415.

Головины — || 671, 683.

Головкина полк — 432.

Головкин гр. Александр Гаврилович (ум. 1760 г.) — посланник в Берлине, Париже и Голландии — 443.

Головкин гр. Гавриил Иванович (1660—1734) — первый канцлер, дипломат. С 1718 г. президент коллегии иностранных дел — 405, 407, 412, || 665.

Головкин Иван Семенович — боярин — 412.

Головкин гр. Михаил Гавриилович (ум. 1755 г.) — вице-канцлер и кабинет-министр. При Елизавете Петровне был сослан в Сибирь — 412.

Головкина гр. Екатерина Ивановна, рожд. Ромодановская (1701—1791) — жена М. Г. Головкина — 412, || 674.

Головнин Василий Михайлович — 462, || 583.

Головчино (Головчин) — местечко б. Могилевской губернии и уезда, в 30 верстах от города. В 1708 г. здесь была битва со шведами — 390, 410.

«Голос минувшего» — журнал, выходил в 1913—1923 гг. — || 495, 526, 527.

«Голос минувшего на чужой стороне» — эмигрантский журнал, выходящий в Париже с 1925 г. — || 656.

Голохвастов Дмитрий Дмитриевич — || 606.

Голохвастов Павел Дмитриевич (1839—1892) — || 509, 617, 629 — 631, 633, 673, 674, 675.

Голый — Донской атаман — 394.

Гольденвейзер А. Б., «Вблизи Толстого» — || 471, 525 — 527, 620.

Гомель — уездный город б. Могилевской губернии — || 548.

Гончарова бумажная фабрика — || 661, 680.

Гончаров Иван Александрович (ок. 1812—1891) — || 541.

— «Обломов» — || 541.

Гор — помещик — 465.

Горбатов — город б. Нижегородской губернии, на правом берегу Оки — || 563.

Горбачевский Иван Иванович (1800—1869) — || 503.

Горбунов Н. П. — московский педагог, агроном, секретарь московского общества сельского хозяйства в 1870 гг. — || 598, 606.

Гордон Джон Патрик (1635—1699) — полковник, родом шотландец, с 1661 г. на русской службе, участник Крымских и Азовских походов, автор дневника «Tagebuch des Generals Patrick Gordon» (издан Поссельтом в трех томах, 1849—1853). Устрялов отзывается о дневнике так: «сокровище неоцененное, материал по преимуществу исторический, не уступающий никакому акту в достоверности, исполненный множества любопытнейших подробностей» — 160, 161, 395, 426—430, 439, || 629, 648—649, 664, 673, 675.

Горный кадетский корпус в Петербурге — 463.

Горожанский Александр Семенович (ум. 1846 г.) — 456, || 571.

Гороховец — уездный город б. Владимирской губернии. В 1708 г. Г. приписан к Казанской губернии; в 1719 г. — к Владимирской провинции Московской губернии — 411.

Горчаков кн. Александр Михайлович — || 694.

Горчаков кн. Александр Николаевич — 303, 318, || 693, 694.

Горчаков кн. Алексей Иванович (1737—1805) — брат Николая Ивановича — 303, 308, 315, || 694.

Горчаков кн. Василий Дми-

триевич (р. 1627 г.) — стольник царя Алексея Михайловича, был женат на Афимье Уваровой — 308, 312, 438.

Горчаков кн. Василий Николаевич — был женат на Елене Петровне Стромиловой — 300—303, 312, 315, 318, || 693—700.

Горчаков кн. Дмитрий Петрович — жил во времена Годунова, был стряпчим воеводой, строитель Козельской засеки — 308, 312.

Горчаков кн. Дмитрий Сергеевич (1828—1907) — || 695.

Горчаков кн. Иван Романович (1716—1801) — генерал-поручик (на стр. 301 он ошибочно назван Толстым Романом Ивановичем)— 301, 308, 309, 313.

Горчаков кн. Иван Федорович (1694—1750) — воевода в Суздале и Переяславле, по прозвищу Горчак—240, 308, 309, 312, 438, || 659, 695.

Горчаков кн. Михаил Николаевич — брат Василия Николаевича — 303, 313, 318, || 693, 694.

Горчаков кн. Николай Иванович (1725—1811)—секунд-майор, прадед Л. Н. Толстого. По преданию был богат и скуп. В старости ослеп—300—315, 317, ||693—695, 698, 699.

Горчаков кн. Павел Иванович (1730—1780) — премьер-майор, брат кн. Н. И. Горчакова — 301, 308, 309, 311—313, 315, || 694.

Горчаков кн. Петр Иванович — князь Козельский; в 1611 г. защищал Смоленск от поляков — 308, 312.

Горчаков кн. Петр Иванович — секунд-майор, брат кн. Н. И. Горчакова — 301, 308, 312, 313, 315, || 694.

Горчаков кн. Роман Федорович (1689—17..) — статский советник—240, 301, 304—306, 308, || 659.

Горчаков кн. Федор Васильевич (1646—1699) — стольник, был женат на А. Ф. Баскаковой — 308, 312, 438, || 659.

Горчакова кн. Анна Васильевна, рожд. Суворова (1744—1813) — 301, 303.

Горчакова кн. Анна Ивановна, рожд. Пещурова — || 694.

Горчакова кн. Анна Никитична, рожд. Ртищева — под этим именем в вариантах №№ 2 и 3 повести Толстого «Труждающиеся и обремененные» фигурирует жена кн. Н. И. Горчакова — 302, 309, 311, || 698.

Горчакова кн. Анна Петровна, в монашестве Афанасия— || 695.

Горчакова кн. Афимья Федоровна, рожд Уварова. Сведения о ней, как игуменье Александре Толстой почерпнул из письма Николева от 1 мая 1879 г.—438.

Горчакова кн. Екатерина Александровна, рожд. Лукина — жена кн. Н. И. Горчакова — || 698.

Горчакова кн. Елена Петровна, рожд. Стромилова — || 694.

Горчакова кн. Елена Сергеевна (1824—1897) — || 694, 695.

Горчакова кн. Настасья Федоровна, рожд. Баскакова (1652—1736) — жена кн. Федора Васильевича Горчакова—240, 241, 438, || 659.

Горчакова кн. Наталья Ивановна (р. 1724)—302, 313, 318.

Горчакова кн. Наталья Петровна, рожд. Рябинина — под этим именем в варианте № 1 повести Толстого «Труждающиеся и обремененные» фигурирует жена кн. Н. И. Горчакова — 300, 301, || 698.

Горчакова кн. Пелагея Николаевна. См. Толстая гр. П. Н.

Горчакова кн. Татьяна Григорьевна, рожд. кж. Мордкина — после смерти мужа постриглась в монахини под именем Афанасии, умерла 70 лет. Толстой в своей повести «Труждающиеся и обремененные» называет ее вымышленным именем Марфы Ивановны, а в монашестве Амфилогией — 301, 309—315, 317, 318, || 694, 695, 698.

Горчаковы кн. — 308, 439, || 659, 671, 683, 693, 695.

Горяинов Сергей Алексеевич (1797—1860) — || 492.

Государственный Литературный Музей— || 494.

Государственный совет — 290, 460, 461, 496, || 506, 507, 573, 579—581.

Граге — полковник — 427.

«Гражданин» — журнал-газета, издававшаяся в 1872—1914 годах — || 608.

Гракх Кай (153—121 до н. э.) — 264.

Гракх, Тиберий (163—133 до н. э.)—264.

Грановитая палата — выстроена в Московском Кремле в 1491 г., Марко Руфом и Петром Антонием. Представляла собой передний приемный покой дворца и в царском быту получила значение главной церемониальной залы— 421, || 687.

Графена — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Грековка — деревня Алексеевской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на р. Съезжей — 63.

Гренадерский л.-гв. полк— || 578.

Греция — 144, 461.

Грецовка (Грецовская пустошь) — деревня в 8 верстах от Ясной поляны — 269, 271, ||498.

Грибовский Адриан Моисеевич — 458, || 574.

Грибоедов Александр Сергеевич (1798—1829) — || 558.

Грибоедовский полк — по имени стрелецкого полковника Грибоедова — 154.

Григорьев — вероятно Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) — критик-славянофил, писавший также и стихи — || 675.

Гришка Расстрига. См. Отрепьев Григорий.

Гришкино — деревня Барабановской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на реке Самаре — 63.

Гродненский л.-гв. гусарский полк — 463, || 564, 565.

Гродно — в Гродно были сосредоточены русские войска в 1706 г.; город был взят Карлом XII в 1708 г. — 390, 410, 433, || 572, 666.

Гросс-Егерсдорф — селение в восточной Пруссии, при котором происходило 19 августа 1757 г. сражение между русскими войсками и прусским корпусом — 309.

Грот Я. К., «Извлечения из писем Ильичевского к Фуссу» — || 574.

«Старина Царскосельского лицея» — || 583.

Грубе Август-Вильгельм (1816—1884) — немецкий педагог— 89, || 604, 610, 611.

Грузинский Алексей Евгеньевич (1858—1930) — || 469, 497, 618, 633, 640, 645, 656, 668, 669, 671, 672.

— «Первый период работ над «Войной и миром» — || 469.

— «Работа Л. Н. Толстого над романом из эпохи Петра I» — || 651.

Грузия — в Закавказьи, составляла часть Тифлисской и Кутаисской губерний — || 548, 573.

Грумонт — деревня Крапивенского уезда Тульской губернии в 3 верстах от Ясной поляны — || 593.

Грушецкая Екатерина Васильевна. См. Бестужева-Рюмина Е. В.

Грушецкая Прасковья Васильевна. См. Муравьева-Апостол П. В.

Гуммельсгоф — мыза, при которой была одержана победа русскими над шведами в 1702 г. — 403.

Гуммерт — служилый иностранец, изменивший Петру при осаде Нарвы — 388.

Гурко Мариамна Владимировна. См. Муравьева-Апостол М. В.

Гурьев гр. Дмитрий Александрович (1751—1825) — 457, 460, || 574, 579.

Гусарский князя Варшавского полк — || 540.

Гусарский эрцгерцога Фердинанда полк—448, || 555.

Гусев Н. Н. — || 482, 527, 640, 673, 712.

«Два года с Толстым» — 528.

Гутбир — аптекарь — 436, || 671.

Гутменш Иван — немец, врач, убит во время бунта 1682 г.— 422.

Гюльст-де (de Hülst) — девица — 427.

Давид Жак-Луи — художник — 457, || 572.

Давыдов Василий Львович (1792—1855) — || 503.

Давыдово б. Костромской губернии — || 563.

Дагестан — горная местность между главным Кавказским хребтом и Каспийским морем — 460, || 578, 686.

Дан — сын библейского патриарха Иакова — 401.

Даниил Ачинский (Делие Даниил Корнилович) (1784—1843) — 513.

Данилов Акинфий Иванович — стрелецкий полковник — 440.

Данилова Мария Герасимовна — жена стрелецкого полковника — 440.

Даниловская слобода в Москве — 419.

Дановo племя. См. Дан.

Дараган Анна Михайловна (1806—1855), автор «Азбуки», М. 1845 — 103, || 611.

Дараган П. М. «Воспоминания первого камер-пажа в. к. Александры Федоровны 1817—1819 гг.» — 445, || 510.

Дараганов. См: Дараган П. М.

Дарвин Чарльз (1809—1882) — английский натуралист, создатель теории естественного отбора — 336, || 725.

Д'Артуа, граф. См. Карл X.

Дарья «святая» (праздновалась 19 марта по ст. ст.) — 198.

Дау (Дова) — художник—460, || 579.

Даурия — горная страна в Забайкальской области Восточной Сибири — 395.

Дашков Дмитрий Васильевич (1784—1839) — 459, ||576.

«Двадцать пять лет. 1859—1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Спб. 1884 — || 470, 496, 515, 517, 518, 522, 529, 533, 539, 580.

Двина Западная — река — 390.

Дворянский полк — 184, 465.

Девиер гр. Анна Даниловна, рожд. Меншикова — жена гр. Антония Мануиловича Девиера — 434, 437.

Девиер Антон Мануилович (ум. 1745 г.) — денщик Петра, впоследствии генерал-полицеймейстер, был женат на сестре Меншикова — 412, || 665.

Девичий монастырь. См. Новодевичий монастырь.

Де-Волан Франц Павлович (ум. 1818 г.) — || 581.

«Девятнадцатый век» — сборник — || 576, 582.

Дегтярная — деревня Валуйского уезда б. Воронежской губернии — || 555.

Дедилов уезд. — Дедилово — село б. Тульской губернии Богородицкого уезда в 26 верстах от города Богородицка — 418.

Деев Иван — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Деев Иван — || 506.

«Декабристы и их время» — сборник т. I. М. 1928; Т. II. М. 1932 — 494.

«Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири» — 486.

«Декабристы». Неизданные материалы и статьи под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. М. 1925 — || 471, 524, 527.

Деказ Эли (1780—1860) — 446, || 550.

Декарт (Descartes) Рене (1596—1630) — французский философ — 351.

Делиль — 464.

Дементьева; дело ее Преображенского приказа — || 678.

Демидов Никита (1656—1725) — основатель горного дела в России — 412.

Денисьев (Денисов) Андрей — из рода кн. Мышецких, глава Выговской раскольничьей общины — 394.

Денисьев Семен — старообрядец, брат Андрея Денисьева — 394.

Денцель Бернард (1773—1838) — немецкий педагог — 96, || 609, 611.

«День» — еженедельная газета, издавалась в Москве в 1861—1865 гг. — || 486, 542.

Департамент гражданских и духовных дел — 460.

Департамент духовных дел — || 581.

Департамент народного просвещения — 461, || 581.

Депрерадович — Леонтий Иванович — 303.

Депрерадович Наталья Николаевна, рожд. кж. Горчакова — жена генерал-майора Леонтия Ивановича Депрерадовича — 302, 303, 313.

Дербент — портовый город

на западном берегу Каспийского моря; во время персидского похода 1722 г. завоеван Петром I — 398.

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — 459, ||487, 556, 576.

Дерпт — город в Эстонии, взят русскими в 1704 г. — 389, 456.

Дерптский университет — ||570.

Дехтеревы — крестьяне села Гавриловки — 68.

Дибич Иван Иванович — 460, ||579.

Диккенс Чарльз (1812—1870) — ||621.

— «Domby and Son» — ||505.

— «Мартин Чеззльвит» — ||504.

Димитрий Ростовский (1651—1709) — митрополит, сын украинского казака, составитель житий святых, боролся с расколом — 406, 418, ||617, 665, 666.

Дистервег Фридрих-Адольф-Вильгельм (1790—1866) — немецкий педагог — 96, ||605.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — 447, 457, 459, 462, ||573, 576, 583, 584.

— «Взгляд на мою жизнь» — ||552.

Дмитриев М. А. — ||584.

Дмитриева Прасковья Емельяновна. См. Борисова П.Я.—

Дмитриевка — село, волостной центр, Николаевского уезда, б. Самарской губернии, на р. Моче — 63.

Дмитрий (Лже-Дмитрий), убит в 1606 г.—160.

Дмитрий — действующее лицо в неоконченной повести «Сто лет». См. Толстой Л. Н., «Сто лет».

«Дневник путешествия из Читы в Петровск в 1830 г. декабристов. Составлено бар. В. М. Штейнгелем» — ||487.

Днепр — 390.

Доброе — местечко, б. Могилевской губ.— 390.

Довнар-Запольский М. В., «Мемуары декабристов» — ||527.

Докукин Борис — участник астраханского бунта 1705 г. — ||701.

Долгорукая кн. Наталья Борисовна, рожд. гр. Шереметева (1714—1771) — жена Ивана Алексеевича Долгорукова — 413.

Долгорукие кн. — 174, 198, 308, 443, ||683.

Долгорукий кн. Борис Федорович — стоял за избрание на престол Петра I — 421, 439, ||647.

Долгорукий кн. Василий Владимирович (1667—1746) — участник Полтавской битвы и Прутского похода. С 1728 г. фельдмаршал — 393, 413, ||665—666.

Долгорукий кн. Василий Лукич (1672—1739) — посол, член Верховного тайного совета в царствование Петра II — 413, ||666.

Долгорукий Григорий Алексеевич — 449, ||555.

Долгорукий кн. Григорий Федорович (1657—1723) — участник Полтавской битвы, посол Польши — 198, 414, 421, 439, ||666.

Долгорукий кн. Иван Алексеевич (1708—1739) — обер-камергер — 413.

Долгорукий кн. Лука Федорович — 421.

Долгорукий Михаил Юрьевич — боярин, начальник Разрядного приказа, убит стрельцами в 1682 г. — 413, 421, ||666.

Долгорукий кн. Петр — автор «Российской родословной книги», четыре части, 1854—1857— ||552, 553, 634, 667, 671, 672, 694, 697.

Долгорукий кн. Юрий Алексеевич — боярин, боролся с С. Разиным, начальник Стрелецкого приказа; убит в 1682 г. восьмидесяти лет — 155, 422, 443.

Долгорукий кн. Юрий Владимирович (1664—1708) — майор Преображенского полка, убит Булавинскими казаками — 391.

Долгорукий кн. Яков Федорович (1639—1720) — любимец Петра, участник обоих Азовских походов, взят в плен в битве под Нарвой, находился в плену свыше десяти лет; с 1717 г. — председатель ревизионной коллегии — 407, 413, 414, 421, 426, 439, ||666.

Долгорукова кн. Надежда Григорьевна, рожд. гр. Чернышева (1813—1853) — 449, ||555.

Долгоруковский переулок в Москве — 462, ||583.

Долго-Хамовнический переулок в Москве, ныне улица Льва Толстого — ||545.

Домострой — письменное наставление священника Сильвестра XVI века своему сыну. Содержит правила житейского благоразумия, благочестия и домашней экономии — 440.

Дон — 198, 200, 202, 391—393, 399, 413, || 554, 630, 653.

«Донесение Следственной комиссии». Печатано по высочайшему повелению — || 502.

Дорофей — представитель старообрядчества, участник прений в Грановитой палате в 1682 г. — 421.

Досифей — игумен, старовер, участник смуты 1682 г. — 440.

Дохтуров — какого именно Дохтурова имел в виду Толстой сказать точно нельзя. Известен стрелецкий полковник Андрей Дохтуров, но он не ровесник Петра I, а старше его — 440.

Драный Семен — атаман, стоял во главе взбунтовавшихся на Донце в союзе с Булавиным — 189, 393, 394.

«Древняя и новая Россия» — 445, || 547.

Дрезден — столица Саксонии — || 578.

Дрентельн Александр Романович (1820—1888) — || 511.

Дружинин Н. М., «Семейство Чернышевых и декабристское движение» — || 556.

Дружинин Петр Михайлович — 451, || 559.

Дружкина В. А. — || 656.

Дубавовы — крестьяне села Гавриловки — 68.

Дубровин Николай Федорович — || 510, 511.

— «После Отечественной войны» — || 510.

Дубровицы — село б. Подольского уезда, в 30 верстах от Москвы; имение кн. Б. А. Голицына — 439, || 671, 672.

Дубровская — ошибочно названная Толстым девичья фамилия В. П. Головиной — 442.

Дубровская Соломонида Тимофеевна. См. Толстая С. Т.

Дурнова Аксинья Григорьевна — яснополянская помещица — 212, 215, || 655.

Духов монастырь — заштатный монастырь в селе Задугине в 4 верстах от Новосиля б. Тульской губернии — 310, 418.

Дьяков Дмитрий Алексеевич (1823—1891) — тульский помещик, старый знакомый Толстого — || 600.

Дюбуа-Раймон Эмиль (1818—1896) — немецкий ученый, педагог — 369, || 732.

Дюма А. (1803—1870) — || 491.

— «Учитель фехтованья» (Mémoires d'un maître d'arme ou dix-huit mois à St. Pétersbourg» 1840)—491.

Дюссо — гостиница и ресторан — || 541.

Евангелие — 14, 99, || 515.

Евгений, «Словарь русских светских писателей» — || 630.

Евдокия Лопухина (1669—1731) — первая жена Петра I. Из-за границы Петр просил уговорить Ев. постричься; Ев. была отправлена в Суздаль, пострижена в 1698 г. под именем Елены, только полгода носила иноческое платье, затем стала жить мирянкой, вступив в связь со Степаном Глебовым. Вместе с Алексеем Петровичем составляла центр партии, враждебной Петру. В письме к Петру во всем повинилась. Казнив всех замешанных в деле, в отношении Ев. Петр ограничился переводом ее в другой монастырь — 177, 425, 436.

Евлогий — || 617.

Евреинов — Матвей Григорьевич — купец — 398.

Европа — 52, 95, 103, 105, 354, 356, 359, 446, 459, || 549, 604, 696.

Евстигней — действующее лицо отрывка «Корней Захаркин». См. Толстой Л. Н., «Корней Захаркин».

Евстрыков Иван, дьячек — || 638.

Евтушевский Василий Адрианович (1836—1888) — педагог, математик. Толстой критикует метод преподавания арифметики Е., опиравшегося на немецкого педагога Грубе — 76—82, 87—89, 93, 97, 101, 122, || 612.

— «Методика арифметики» — 80, 88.

Евфросинья — монахиня московского Новодевичьего монастыря, спасла в 1697 г. Софью от меча Петра I — 414.

Егерсдорф. См. Гросс-Егерндорф.

Егерский л.-гв. полк — || 578.

Егоров Федор Иванович (р. 1845 г.) — составитель сборников геометрических и арифметических задач — || 598, 599, 606.

Егорцевы — крестьяне села Гавриловки — 65.

Езыков Семен Иванович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Екатерина I Алексеевна (1684—1727) — дочь литовского крестьянина, носила прежде имя Марты, была в услужении пастора Глюка. Затем перешла к Шереметеву и Меншикову. В 1705 г. с ней познакомился Петр; от Екатерины у Петра были две дочери — Анна и Елизавета. В Прутском походе Ек. была большой поддержкой Петру, оказывая благотворное влияние на Петра при его вспышках гнева. Провозглашена императрицей после смерти Петра — 309, 398, 402, 409, 433—438, || 666.

Екатерина II Алексеевна (1724—1796) (София-Августа-Фредерика) — принцесса Ангальт-Цербтская, занимала русский престол с 1762 г. — 231, 247, 302, 313, 447, || 553, 558, 561, 574, 641, 696, 698.

Екатерина Алексеевна (1658—1718) — дочь царя Алексея Михайловича — 151.

Екатерина Иоанновна (1691—1723) — дочь царя Иоанна Алексеевича, жена Мекленбургского герцога Леопольда — 497, 671.

Екатерина Павловна вел. кж. См. Виртембергская, принцесса Е. П.

Екатерининский женский институт в Москве — || 477.

Елагин С., «История русского флота» — || 684, 686.

Елены св. — остров в южной части Атлантического океана — || 582.

Елецкий уезд, б. Орловской губернии — || 636.

Елизавета Алексеевна (1779—1826)—жена Александра I — || 571.

Елизавета Ивановна — 459, || 577.

Елизавета Петровна (1709—1761) — дочь Петра, занимала русский престол с 1741 г. — 302, 309, 312, 313, 436, || 552, 553, 556, 637, 695.

Енисейск — б. губернский город в Сибири — || 564.

Епифанский уезд — б. Тульской губернии — 425.

Ергольский — 301.

Ерлоков — опальный боярин, фигурирует в варианте № 11 (Толстой здесь затем вычеркнул Ерлокова, почему его и нет в публикуемом тексте варианта) и № 12 романа времен Петра. См. это произведение Толстого.

Ерлоков Петр — сын Каширского боярина — || 650.

Ерлоков Федор — сын Каширского боярина — || 650.

Ермилин Тит — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — 446, 457, 460, || 477, 504, 545, 548, 564, 573, 578, 579.

Есипов Григорий Васильевич — историк, архивист, автор книги «Раскольничьи дела XVIII столетия» (Спб. 1861—1863) — || 631, 633, 681.

Ефрем Новоторжский (ум. 1053 г.) — «преподобный», архимандрит Новоторжского монастыря — 417.

Ефремка — дьячок; дело его Преображенского приказа — || 679.

Ефремова книга — раскольничий сборник поучений по преимуществу русского состава; есть материал также византийской литературы — 397.

Ефремов Афанасий; его дело Преображенского приказа — || 679.

Ефремов — город. Причислен сперва к Азовской, потом к Воронежской губернии. В 1777 г. назначен уездным городом Тульского наместничества — 187, 192, 194, 223, 303, || 662.

Жегулин Семен; его дело Преображенского приказа — || 679.

Желябужский Иван Афанасьевич (р. 1638 г.) — окольничий с 1684 г., оставил заметки о современных ему событиях с 1682 по 1709 г. Лучшее, полное издание

дневника — Д. Языкова 1840 г. — 425, || 630, 650, 654, 673, 686.

Желябужский Михаил; его дело Преображенского приказа — || 636, 677.

Жемчужкино Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — 63.

Женев Б. — 430.

Живоначальной троицы на Листах — церковь у Сухаревой башни — в Москве — 420.

Жидков Алексей Онисимович — || 506.

Жидков Анисим — имя, которое Толстой хотел вовлечь в свою повесть «Корней Захаркин» («Сто лет»). Известен яснополянский крестьянин Онисим Григорьевич Жидков — 286.

Жидков Григорий Онисимович — || 506.

Жидков Дмитрий Онисимович — || 506.

Жидков Иван Онисимович — || 506.

Жидков Онисим Григорьевич — || 506.

Жидков Онисим — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Жидкова Мария Власьевна — || 506.

Жиркевич И. С., «Записки» — 445, || 547.

«Житие преподобного Сергия Радонежского» — || 617.

Жуайе — 449, || 555.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 451, 456, 458, 462, || 474, 552, 557, 559, 570, 574, 575, 576, 583, 584.

— «Для немногих» — 447, || 552.

«Журнал или поденная записка Петра Великого с 1698 г. до заключения Нейштадтского мира» Спб. 1770 — 433, || 670.

Забелин Иван Егорович (1820—1908) — археолог и историк — || 667, 670, 675, 682.

— «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» — первая часть «Домашнего быта русского народа в XVI и XVII ст.», т. I. М. 1862 — 416, 419, 424, 436, || 629, 667, 669—670.

— «Домашний быт русских цариц» — вторая часть «Домашнего быта русского народа в XVI и XVII ст.», т. I. М. 1869 — 416, 435, 440, || 667, 670, 671.

— «Опыты изучения русских древностей», 2 части М. 1872 — 415, || 629, 667.

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892) — декабрист — || 471, 478, 480, 503, 524, 527.

— «Записки декабриста» — || 471, 527.

Завалишин Ипполит Иринархович, автор книги «Описание западной Сибири» — М. 1862 — || 487.

Завалишина — || 526.

Заворцев Илья; его дело Преображенского приказа — || 677.

Задлер (Затлер) Федор Карлович — 361, || 729.

Задонск — уездный город б. Воронежской губернии — || 444, 554.

Загорецкий — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой, «Декабристы».

Загорецкий Николай Александрович (1796—1885) — 465.

Закревский гр. Арсений Андреевич (1783—1865) — || 477.

Замоскворечье — 420.

Замятин — кабинетный писарь — 402.

Занд Карл (1795—1820) — 446, || 549.

Заонежье — полуостров в Онежском озере — 400.

Западная Европа — || 479.

«Записка о декабристах» — || 525.

Запорожье — край за порогами Днепра, состоял из островов этой реки — 392.

Заратуйские рудники — || 570.

Зарайск — уездный город б. Рязанской губернии — || 574.

Заречинская слобода — близ с. Никольского-Вяземского Чернского уезда, б. Тульской губернии — 240, 304, || 664.

«Заря» — литературно-политический журнал, выходивший в 1869—1872 гг. в Петербурге — || 487.

Засека Тульская — засеки — линии укреплений и заграждений из поваленного леса;

устраивались на южной окраине Московского государства для защиты от набегов татар — 214, 425.

Захар — отец Корнея Захаркина в отрывке под тем же заглавием. См. Толстой Л. Н., «Корней Захаркин».

Захаров Осип — келейник; его дело Преображенского приказа — || 678.

Захарьин (Якунин) Иван Николаевич (1839—1906) — || 526, 690.

Зачатьевский монастырь — в Москве — || 692.

Звездочка, журнал — || 529, 542.

Звенигород — город; в 1708 г. приписан к Московской губернии — 424.

Звенигородский уезд б. Московской губернии — || 565.

Зейдель Андрей Егорович — состоял на русской службе правителем Иностранного отделения при канцелярии петербургского губернатора — || 578.

Зеленков — 459, || 577.

Землянки — деревня, Николаевка тож, Неплюевской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — 63, || 592.

Земляной город — часть Москвы — 420, || 566.

Зенд-Авеста — двенадцать древне-персидских священных книг, содержащих учение Зороастра — 384.

Зерщиков Илья — донской атаман; был избран на место Булавина — 393.

Зимний дворец — в Петербурге — || 484, 510, 579.

Зломан Ларион; его дело Преображенского приказа — || 679.

Змеев Бенедикт Андреевич — окольничий и начальник Стрелецкого приказа — 159, 162, || 647, 649.

Знаменское — имение А. А. Плещеева, Орловской губернии — 450, || 557.

Золотов Василий Андреевич (1804—1882) — педагог и писатель, автор «Таблиц для обучения чтению и письму», П. 1851 — 103, || 610.

Зороастр (Заратустра) — древний мифический мудрец, реформатор персидской религии VII века до нашей эры — 382, 384.

Зотов Никита Моисеевич (ум. 1717 г.) — дядька и учитель Петра, думный дьяк. Петр, создав в 1690-х годах «всещутейший и всепьянейший собор», сделал Зотова «князем-папой». В 1710 г. Зотов возведен в графское достоинство. После смерти жены в 1815 г., когда Зотову было 80 лет, была разыграна шутовская свадьба «патриарха» Зотова — 206, 387, 391, 409, 431, 434, 440.

Зубов кн. Платон Александрович (1767—1822) — 458, || 574.

Зуша — река, протекающая в б. Тульской и б. Орловской губерниях — 267, 302, 303, || 535.

Зябрев Платон Кузьмич — || 498.

Зябрев Петр Осипович — || 500, 506.

Зябревы — || 500.

Иаков — один из ветхозаветных патриархов. — 338.

Иафет — сын Ноя по рассказу «Библии» — || 87.

Ибель — 446, || 549.

Ивакино — деревня Крапивенского уезда, б. Тульской губернии — || 714.

Иван — арап боярина Матвеева — 422, 682.

Иван — крепостной Морозовой — 440—441.

Иван. См. Иоанн.

Иван — действующее лицо в неоконченной повести «Сто лет». См. Толстой Л. Н., «Сто лет».

Иван Онисимов — действующее лицо в неоконченной повести «Сто лет». См. Толстой, «Сто лет».

Иван — поп — || 679.

Иванов Емельян — 396.

Иванов Ларион — думный дьяк, управлявший посольским приказом. Убит в 1682 г. — 422, 423, 440.

Иванов Николай; его дело Преображенского приказа — || 678.

Иванов Трифон — иконописец — || 638, 678.

Иванова Аксинья — крепостная боярыни Морозовой — 440.

Иван-озеро — или Ивановское озеро, б. Тульской губернии на границе Веневского и Епифанского уездов — 432.

Ивановка — село Покровско-Тананыкской волости Николаевского уезда, б. Самарской губернии — 63.
Ивашев Василий Петрович 444, || 489, 491, 493, 549.
Ивашев Петр Васильевич (1837—1896) — || 489.
Ивашева Вера Васильевна. См. Черкасова В. В.
Ивашева Мария Васильевна. См. Трубникова М. В.
Ивашка расстрига — его дело Преображенского приказа — || 679.
Ивлиев — крестьянин села Гавриловки — 67.
Игнатий — епископ тамбовский — 400.
Игнатьев гр. Николай Павлович (1832—1908) — государственный деятель — || 524.
Идинское — село (Каменка) Иркутской губернии — || 478.
Иезуитский пансион в Петербурге — || 478.
Иенский университет — || 549.
Изабэ Жан-Батист (1767—1855) — французский художник, миниатюрист — || 477.
Измаил — уездный город и порт б. Бессарабской губернии — || 556.
Измайлов Николай Васильевич — || 486.
Измайлово под Москвой — 415.
Измайловский л.-гв. полк — 464.
Измайлова Евдокия Ивановна. См. Голицына кн. Е. И.
Иконников Владимир Степанович (р. 1841 г.) — || 579.
Илличевский Алексей Демьянович (1798—1839) — || 576.
Ильин Иван — действующее лицо в отрывке «Собеседники». См. Толстой, «Собеседники».
Ильин Иван; его дело Преображенского приказа — || 679.
Ильинка — улица в Москве — 415.
Ильинское — село, принадлежавшее Ивану Хованскому — 439.
Ингерманландский полк — 309, 432.
Индия — 386.
Инзов Иван Никитич (1768—1845) — 461, 462, || 545, 581, 582, 584,
Иностранная Коллегия. См. Коллегия иностранных дел.
Институт инженеров путей сообщения (Инженерное училище) — 461, || 581.
Институт русской литературы в Ленинграде (ИРЛИ) — || 510, 621.
Иоаким — архимандрит — 440.
Иоаким — патриарх с 1663 г. по 1690 г. — 155, 193, 421, 424, || 647, 676.
Иоанн Богослов — 93.
Иоанн Златоуст (344—407) — был епископом в Византии — 370.
Иоанн IV — Васильевич (Грозный) (1530—1584) — «царь и великий князь всея Руси» — 308.
Иоанн V (1666—1696) — с 1682 г. царь вместе с Петром I под опекой сестры Софьи — 151, 153, 155—157, 160, 167, 180, 193, 196—198, 420, 421, 424, 436, || 638, 647, 667.
Иоанн VI Антонович (1740—1764) — занимал русский престол с 17 октября 1740 г. по 25 декабря 1741 г. — || 624.
Иоанн Алексеевич — сын царя Алексея Михайловича. См. Иоанн V.
Иоанн VI (1767—1826) — король Португалии (с 1816 г.) — 447, || 551.
Иоанн Предтеча — 443.
Иоанна Предтечи — церковь в Москве — || 636.
Иоаникий — архимандрит Печерский — 438.
Иоасаф — митрополит Киевский — 438.
Иов Новгородский (ум. 1716 г.) — митрополит, приверженец Петра I, любил благотворительность, учреждал школы и больницы — 406, 414, || 665, 666.
Иосиф — сын Иакова и Рахили, герой еврейских сказаний, изложенных в книге Бытия — 356.
Ипсиланти Александр Константинович — || 582, 583.
Ипсиланти Дмитрий Константинович — 462, || 583.
Ирина Михайловна (1627—1679) — царевна, старшая

сестра царя Алексея Михайловича — 151.

Иркутск — город в Сибири — 14, || 473, 477, 564, 697.

Иркутская губерния — 478, || 558, 563, 565, 567.

Исакиевский собор в Петербурге — 461, || 581, 582.

Ислави на Любовь Александровна. См. Берс Л. А.

Ислави н Владимир Александрович (1818—1895) — ||494, 495, 506.

Ислави н Константин Александрович (1827—1903) — || 587.

Исленьев Александр Михайлович — || 480.

Испания — 447, 452, 461, || 479, 551, 582.

Истомин Владимир Константинович (1847—1914) — || 475, 630.

Истомина Евдокия Ильинична — 455, || 568.

«Исторический вестник» (ИВ) — журнал, издававшийся в Петербурге в 1880—1917 гг. — || 549, 566, 693.

Исторический музей в Москве — || 640, 668.

Иустин Философ (89—167) — первый из христианских писателей, стремившийся поставить христианство в связь с философскими проблемами — 137, 138, || 617, 618.

Кабарда — страна на Северном Кавказе — 398.

«Кабинет Петра Великого. Издано Осипом Беляевым, служившим в кунсткамере Санктпетербургской Академии наук» — || 629.

Кабылина Василиса; ее дело Преображенского приказа — || 677.

Кавалергардский полк — || 478, 555 — 559, 563, 564, 568, 571, 578.

Кавказ — 361, 446, 457, || 479, 545, 555, 558, 570, 578, 686.

Кадашова слобода в Москве — 436.

Казанский пехотный полк — 464.

Казанский университет — || 546.

Казанской богородицы церковь — у Калужских ворот в Москве — 154, 420.

Казань — 457, || 572, 623.

Казенная палата в Москве — 415.

Казимиров — собственно — Казимер или Казимерж — польский город, разрушенный до основания шведами. Здесь был казнен Паткуль — 433.

Кайзерлинг — 439.

Кайзерлинг Анна Ивановна, рожд. Монс де-ла Круа; красивая иностранка, выделявшаяся в обществе Немецкой слободы; ею увлекался Петр I. Отвергла его и вышла замуж за Кайзерлинга. После 1704 г. — в опале — 387, 407, 427, 429, 436.

Калиостро гр. Александр (1743—1795) — авантюрист; был осужден в Риме на пожизненное заключение, как франк-масон — 19.

Калиш — город в Польше — 410.

Калуга — в 1719 г. провинциальный город — 418, || 478, 565.

Калужская губерния — || 478, 503, 567.

Калужские ворота — в Москве, за Москвой-рекой — 154.

Калужский дворянский комитет — || 478.

Калымажные (Колымажные) ворота — 415, 416.

Каменный мост — в Москве — 10, 11, 259, || 534.

Каменный остров — в Петербурге — 449, || 556.

Каменская — бумажная фабрика — || 618, 660, 663, 664.

Каменский гр. Сергей Михайлович (1771—1835) — генерал, известный в свое время театрал — 445, || 547.

Каменский, учитель — 465.

Каменского институт — 464.

Кампенгаузен Бальтазар Бальтазарович — 458, 460, || 574, 578.

«Камчатка» — фрегат — 462, || 583.

Каненгисер — купец — 429.

Канкрин гр. Егор Францевич — 460, 462, || 579, 584.

Канкрина гр. Екатерина Захаровна, рожд. Муравьева — 462, || 584.

Кант Эммануил (1724—1804) — немецкий философ, основатель философского критицизма — 79, || 715, 720, 734.

Канцы — древнее название Шлотбурга, по шведски Ниеншанц, невская крепость, город, взят русскими в 1703 г. — 389.
Капнист Елена Ивановна, рожд. Муравьева-Апостол — 453, || 562.
Капнист Семен Васильевич (1791—1843) — || 562.
Карабанов Павел Федорович (1767—1851) — || 554.
Каракал — город в Румынии — || 540.
Карамзин Андрей Николаевич (1814—1854) — || 540.
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — 446, 459, 460, || 491, 504, 548—550, 558, 575, 576, 579, 584.
— «История государства российского» — 460, || 579, 584.
— «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» — 457, || 572, 576.
— «Письма русского путешественника» — || 557.
Карамзина Дарья Алексеевна — 460, || 579.
Карамзина Елизавета Ивановна, рожд. Протасова — || 557.
Карбонари де Бизенег — царский врач — 435.
Карбонарии — 447, || 551.
Карл X Филипп (1757—1836) — король Франции в 1824—1830 гг. — 446, || 550, 582.
Карл XII (1682—1718) — шведский король с 1697 г. — 388.
Карл Иванович — 449.
Карл Леопольд — герцог Мекленбургский — 437.
Карлович — саксонский генерал — 427.
Карлсбад — город в Северной Богемии — || 550.
Каро «Демократия и мораль будущего» — || 725.
Карс — город в юго-западной части Закавказья — 359.
Карцов Василий Лукич — яснополянский помещик XVIII века — 212.
Карцов Федор Лукич — яснополянский помещик XVIII века — 215, || 655.
Карцовы — 656.
Катков Михаил Никифорович (1821—1887) — || 540, 590.
Кауфман А. «Переселения»; статья в словаре Брокгауза—Эфрона — 495.
Каховский Петр Григорьевич — 460, || 529, 578.
Качеповский Михаил Трофимович — 462, || 584.
Кашира — город. В 1708 г. приписан к Московской губернии — 180, 188, 197, || 649, 680.
Каширский уезд — 240, || 676.
Кашкин Евгений Петрович — 565.
Кашкин Николай Евгеньевич — 455, || 566, 567.
Кашкин Н. Н. «Родословные разведки» — || 476, 541.
Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914) — || 478, 541.
Кашкин Сергей Николаевич — 455, || 567.
Кашкина Александра Евгеньевна — || 566.
Кашкина Анна Гавриловна, рожд. Бахметева — || 566, 567.
Кашкина Екатерина Ивановна, рожд. Сафонова — || 565.
Квашнин-Самарин Петр Федорович — || 553.
Квашнина-Самарина Анастасия Петровна, рожд. Салтыкова — || 553.
Келлерман — девица — || 427.
Кенигсберг — город Восточной Пруссии — 408, 465, || 696.
Кетти Кинг — призрак женщины, якобы появлявшийся во время сеансов с медиумом Кук и заявлявший, что раньше ее звали Анни Морган — || 725.
Кетчер Николай Христофорович (1809—1886) — переводчик Шекспира — || 674.
Киев — 405, 433, 434, 444, 457, || 514, 584.
Киевский тракт — старая Екатерининская большая дорога из Москвы на Киев — 213, 302, || 514.
Кикин Петр Андреевич (1772—1834) — || 578, 579.
Киприан — юродивый — 440.
Киреев Иван Васильевич (1803—1866) — || 503, 567, 572.
Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — || 675.
Кириллов Аверкий Степанович — 422.

Кириллов Иван — секретарь при Сенате, в 1727 г. составил по подлинным документам первое статистическое описание России, издано Погодиным, под заглавием «Цветущее состояние всего Российского Государства». М. 1831 — || 631, 633.

Кириллова книга — раскольничий сборник, содержит поучения нравственного общежития — 397.

Киркино — деревня Михайловского уезда, б. Рязанской губернии — 152.

Кирша (Кирилл) Данилов — предполагаемый составитель сборника былин и песен — 444, || 672.

Китай — 139, 199, 403, || 654.

Китай-город — средняя часть Москвы — 415.

Кишинев — главный город Бессарабии — || 570.

Клекотки — село Епифанского уезда б. Тульской губернии — 194.

Клопок Петр — карла — 436.

Ключевский Василий Осипович — || 688.

Книга Бытия. См. Бытия книга.

Коблевская (Кобельская) волость б. Крапивенского уезда — || 711.

Ковалевка — деревня б. Киевского уезда — || 569.

Ковалевский Ег., «Граф Блудов и его время» — || 552, 576.

Кожухово — село под Москвой, возле Симонова монастыря — 181, 182, 184, 185, 187—190, 194, 408, || 627, 650, 651, 652.

Кожуховский поход — потешная война, которую организовал Петр осенью 1694 г., чтобы доказать разницу между войсками, обученными по-европейски, и войсками, действовавшими по-старинному — 180, || 627, 643, 649, 650, 651.

Козлов Давыд Фокич — || 475.

Козлов Давыдка — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой, «Декабристы».

Козодавлев Осип Петрович — 458, || 574.

Кознышев Сергей Иванович — действующее лицо в романе «Анна Каренина». См. Толстой Л. Н., «Анна Каренина».

Кокорев Василий Александрович («великий экономист и оратор») откупщик, миллионер — 361, || 540, 542, 729.

Кокус — двор на Неве под Петербургом — 438.

Коллегия иностранных дел — || 561.

Коллинс Самуил — англичанин, был с 1659 г. по 1667 г. врачом царя Алексея Михайловича — 419.

Кологривов Александр Лукич (р. 1795 г.) — || 455, 568.

Колокольцов бар. Федор Михайлович — || 559.

Колокольцова бар. Мария Ивановна, рожд. Аничкова — || 559.

Коломенский дворец — построен при Михаиле Федоровиче. См. Коломенское.

Коломенское — село под Москвой, старинная вотчина русских государей; любимое место и летняя резиденция царя Алексея Михайловича — 424.

Коломенский уезд Московской губернии — || 636.

Коломна — уездный город Московской губернии — 432, 453, || 562, 574, 676.

Коломна — квартал Петербурга — 460, || 545, 578, 579.

Колошин Павел Иванович — || 480.

Колошина Александра Григорьевна, рожд. Салтыкова — || 480.

Колпна — деревня в 6 верстах от Ясной поляны — 212.

Колтычевский — чернец Чудова монастыря — 401.

Колчин М., «Ссыльные и заключенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв.» — || 571.

Колымажные ворота — в Москве — 415.

Кольцов-Масальский кн. Дмитрий Андреевич — бахмутский комендант, был уличен в присвоении 80 тысяч рублей, приговорен к смертной казни, но умер своей смертью 30 октября 1718 г.;

Петр распорядился выкопать его и повесить его труп — 437.

Комаровская гр. Софья Владимировна, рожд. Веневитинова (1808—1876) — сестра поэта, жена гр. Е. Е. Комаровского — || 492.

Комаровский гр. Евграф Федорович (1769—1843) — || 492.

«Воспоминания» — || 492.

Комаровский гр. Егор Евграфович — || 492.

«Комитет для собирания материалов по истории царствования императора Николая» в Петербурге — || 481.

Комитет министров — || 573.

Конвент — || 572.

Конде Людовик-Иосиф (1736—1818) — принц, в 1789 г. оставил Париж и организовал корпус эмигрантов, действуя против французских войск; в 1797 г. перешел на русскую службу — || 696.

Кондратьев Иван; его дело Преображенского приказа — || 678.

Кондрашев Михаил — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Кондырев Петр Тимофеевич — боярин — || 677.

Конкин Иван Евсеевич — || 497.

Конный л.-гв. полк — || 484, 555, 558.

Коновницын гр. Петр Петрович — 458, || 574.

Коновницына Анна Ивановна, рожд. Корсакова — || 574.

Констан де Ребекк, Бенжамен — 446, || 551.

Константин (274—337) — первый христианский император; по церковному преданию (Евсевию) накануне решающего сражения видел крест на небе с надписью «этим побеждай», соответствующее изображение имеется в Грановитой палате — 425.

Константин Николаевич (1827—1892) — второй сын Николая I — 362.

Константин Павлович (1779—1831) — второй сын Павла I — 452, 460, || 491, 525, 558, 561, 564, 565, 579.

Константинова Марья Константиновна. См. Муравьева-Апостол М. К.

Коперник Николай (1473—1543) — 380.

Копорье — село б. Петербургской губернии, взято русскими в 1703 г. — 439.

Коппенбриг (Коппенбрюге) — город в Германии — 408.

Копылов Иван Еремеевич — 286, || 506.

Копылов, старик — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Коран — священная книга магометан — 105.

Корб (Iohann Georg Korb) — секретарь посла, отправленного императором Леопольдом I в Московское государство к Петру Алексеевичу; с января 1698 г. по сентябрь 1699 г. вел дневник, в котором описаны многие сподвижники Петра и стрелецкий розыск 1698 г. Дневник К., озаглавленный «Diarium itineris in Moscoviam», был издан в Вене без обозначения года. По-русски дневник издан в «Чтениях общества истории и древностей» (1866, VI; 1867, I и III) и отдельно — 426, 428, 430, 431, 439, || 633, 669, 670, 671.

Кормовой дворец — в Москве (XVIII век) — 419.

Корнеевка — деревня Герасимовской волости Бузулукского уезда б. Самарской губернии, на р. Колманке в 30 верстах от Богатого — 63.

Королев Ф. Н. — московский педагог — 101, || 598, 599, 601.

Короленко Владимир Галактионович (1853—1920) — || 497, 508.

— «Последний луч» — || 497.

Коротояк — город близ Воронежа на Дону — 399.

Корпус инженеров путей сообщения — в Петербурге — 452, || 560.

Корф бар. Николай Александрович (1834—1883) — педагог, писатель и общественный деятель — 108, || 600, 610.

Корф бар. Николай Андреевич (1800—1872) — директор Петербургской Публичной библиотеки — || 502.

Костомаров брод — находился на месте села Костомарова на р. Упе б. Тульской губернии

по дороге из г. Крапивны в г. Богородицк — 432.
Костромская губерния — || 563.
Костромской уезд — || 636.
Котошихин (Катошихин, Кошихин) Григорий — подьячий посольского приказа, бежал за границу при Алексее Михайловиче, автор сочинения «О России, в царствование Алексея Михайловича» (Спб. 1840) — 394, 435, || 629.
Коцебу Август (1761—1819) — 446, || 549.
Кочак — ручей близ Ясной поляны — || 498.
Кочаки (Кочеки) — || 213, 655.
Кочубей Аркадий Васильевич (1790—1878) — 457, || 573.
Кочубей кн. Виктор Павлович — 460, || 548, 578.
Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — || 515.
Крапивенский уезд б. Тульской губернии — 113—115, 119—122, 125, 130, 213, 327, 328, 331, 337, || 635, 655, 711, 713, 714.
Крапивенское земство — 116, || 710, 714.
Крапивна — уездный город б. Тульской губернии — 212, || 704.
Красная площадь — в Москве — 430.
Красное крыльцо — с половины XVII века так называлось крыльцо, которое шло по всей передней стороне московского царского дворца от Благовещенского собора до Грановитой палаты — 193, 416.
Красное село — под Москвой, впоследствии Красносельская улица — 210, || 653, 663.
Краснослободский уезд, б. Пензенской губернии — 38, 286, 287.
Красноярск губернский город, б. Енисейской губернии — || 564.
«Красный архив» (КА) — исторический журнал. Выходит с 1922 г. — || 637, 678.
Красный Кабачек — небольшой загородный трактир близ Петербурга, на десятой версте Петергофской дороги. Принадлежал наследникам герцогини Кингстон — 241.
Красный пруд — у Немецкой слободы в Москве — 210.
Кревет — переводчик Посольского приказа; состоял в дружине Петра I — 386, 407.
Крекшин Петр (ум. около 1763 г.) — новгородский дворянин; в 1742 г. закончил труд под заглавием: «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого.... Том первый, содержащий в себе частей четыре». Начало первой части, о зачатии и рождении Петра I, напечатано Туманским в 1787 г. («Собрание разных записок.....» ч. I, стр. 233—310) — 424, || 667, 670.
Кременчугский пехотный полк — || 570.
Кремль — городская крепость; имеется в виду Московский кремль — 27, 50, 145, 146, 189, 415, 416, 419, || 622, 623, 670, 681.
Крестовоздвиженское — вероятно имеется в виду Крестовоздвиженский женский монастырь в г. Белеве, б. Тульской губернии — 418.
Кривцов Сергей Иванович (1802—1864) — 463.
Кринская — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Кристич — 453.
Кромвель Оливер (1599—1658) — лорд протектор республик Англии, Шотландии и Ирландии. Помощью парламентских войск сверг короля Карла I — 423.
Кропотов Дмитрий Андреевич — || 511.
— «Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно» — 457, || 511, 546, 572.
Кругликов Иван Гаврилович — 448, || 553.
Кругликова Софья Григорьевна, рожд. гр. Чернышева — 448, 449, 477, || 553, 556.
Круи-фон Корнелий Иванович (1657—1727) — сподвижник Петра I. Адмирал. Организатор русского флота — 338.
Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888) — || 473.
Крылов Иван Андреевич (1768—1844) — 462, || 584.
Крым — 184, 192, 361, 398, || 625.
Крымская кампания. См. Восточная война.

Крымский поход — предпринимался дважды в 1687 г. и 1689 г. под начальством кн. В. В. Голицына и оба раза неудачно — 163, 184, 411, || 646.

Крюднер бар. Юлия — || 576.

— «Valerie» — 459, || 576—577.

Кудрино — квартал в Москве — || 566.

Кудряшев К. В., «Александр Первый и тайна Федора Кузьмича» — || 513, 564—565.

Кузминская Т. А., рожд. Берс (1846—1925) — || 470, 475, 479, 499, 504, 587, 589, 593, 621, 629, 636, 727.

— «Моя жизнь дома и в Ясной поляне» — || 470, 620.

Кузминский Александр Михайлович (1845—1917) — || 518, 522, 523, 537, 539.

Кузнецкий мост — улица в Москве — 9, 28.

Кузьмин Афанасий Дмитриевич — 456, || 569.

Куканова — крестьяне села Гавриловки — 64.

Кульмановка — село Петропавловской волости, б. Самарского уезда и губернии — 63.

Кулянины — крестьяне села Гавриловки — 67.

Кунца — магазин готового платья — 28.

Купеческое собрание — в Москве — 540.

Купсино (Купчино) — деревня в 8 верстах от Петербурга — 438.

Куракин кн. Алексей Борисович — 461, || 557, 580.

Куракин кн. Борис Иванович (1677—1727) — гвардии подполковник — 403, || 665, 666.

Куракины кн. — 421.

Курбатов Алексей Александрович (ум. 1721 г.) — дворецкий Шереметева, составил проект введения гербовой бумаги, прибыльщик, в 1705 г. назначен обер-инспектором ратушного правления. Возможно, что Толстой имел в виду тип Курбатова в варианте № 14 романа времен Петра I, но называл его Василием Ефимовичем — 190, 191, 403, 405, 407, || 649, 651, 652, 665.

Курган — уездный город б. Тобольской губернии — || 478.

Курляндия. — Во время Северной войны К. служила в продолжение 10 лет второстепенным театром военных действий; Карл XII, после победы при Нарве, занял ее в 1701 г., но во время польских походов принужден был уступить ее русским — 390, 436.

Курская губерния — || 563.

Кутерма — рукав дельты Дона.

Кутузов. См. Голенищев-Кутузов М. И.

Кутузов Николай Иванович — поэт, сотрудник «Журнала древней и новой словесности» и «Сына отечества» — 459, || 576.

Кушелев - Безбородко гр. Александр Григорьевич — || 568.

Кушелева - Безбородко гр. Александра Николаевна, рожд. кж. Репнина (ум. 1836 г.) — 455, || 568.

Кушелева гр. Любовь Ильинична, рожд. гр. Безбородко — 455, || 568.

Кюхельбеккер Вильгельм Карлович (1797—1846) — || 485, 503.

Лабазов Петр Иванович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Лабзин Александр Федорович — 457, 462, || 573, 584.

Лавалет (Лавалет) гр. Антуан — 457, || 571.

Лаврентий Калужский — юродивый, ум. 1515 г.; Лаврентьевский монастырь находился под Калугой — 417.

Лаврентьев Василий — стольник, убит в 1682 г. — 421—422.

Лаврентьевка — село Покровско-Тананыкской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на р. Тананыке — 63.

Ладожский уезд б. Петербургской губернии — 438.

Лакоста — шут — 434.

Лама — буквально «небесная мать». У калмыков лама — верховный жрец — 407.

Ламинсово (Кузнецово тож) (Ламинцево) — село Крапивенского уезда, б. Тульской губернии — 115.

Ланг — поручик корпуса жандармов — 456, || 568.

Ланевиль — 411.
Ланская — 459, || 577.
Ланская Анна Федоровна, рожд. Ушакова — 558.
Ланская Варвара Александровна, рожд. кж. Одоевская — 451, || 558.
Ланская гр. Варвара Ивановна, рожд. кж. Одоевская — 494.
Ланской Василий Сергеевич — 460, || 493, 578.
Ланской Дмитрий Сергеевич — 451, || 558.
Ланской Дмитрий Яковлевич (ум. 1821 г.) — || 492.
Ланской Сергей Артемьевич — || 558.
Ларионов. См. Иванов Ларион.
Латышев В., «Н. Ф. Бунаков» — || 610.
Лачинов Василий — действующее лицо в рассказе «Три портрета». См. Тургенев И. С., «Три портрета».
Левашев гр. Василий Васильевич (1783—1848) — || 491.
Левенгаупт (1659—1719)— шведский генерал. Осенью 1708 г. во время следования на соединение с армией был аттакован русскими войсками и разбит на голову—390.
Левенфельд, «Граф Л. Н. Толстой в суждениях о нем его близких и в разговорах с ним самим» — || 640.
Левин Константин — герой романа «Анна Каренина». См. Толстой Л. Н., «Анна Каренина».
Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735 или 1736—1822) — || 477.
Легран — 465.
Леданту Камилла Петровна (1808—1839) — || 493.
Леданту Мария Петровна (Marie-Ceile Wable), (р. 1773 г.) — по первому мужу Varmot — 489, 491.
Ледовый лес близ Никольского-Вяземского — 304, 305, 310.
Лежнев — сын боярский, распространял сплетни о Петре—397.
Лейден — город в южной Голландии на Рейне — 386.
Лейпциг — || 552.
Ленинг — 446, || 549.
Леонид (Лев Александрович Кавелин) (1822—1891) — архимандрит, писатель, археолог и библиограф — 273, || 617—618.
Леонтьев Сергей Борисович — || 566.
Леонтьева Марья Петровна, рожд. кж. Оболенская — || 566.
Лепарский Станислав Романович (1754—1837) — || 487.
Лесливский — 464.
Лесная — деревня б. Могилевской губернии. 28 сентября 1708 г. при Лесной была одержана победа русскими над шведами — 390.
Лефорт Франц Яковлевич (1653—1699) — первый русский адмирал, имел сильное влияние на Петра I, в его доме на Немецкой слободе царь бывал постоянным посетителем. Л. был участником Кожуховского похода; в день его именин решено было штурмовать крепость. Во время штурма Лефорт получил сильный ожог. Л. был энергичным участником Азовских походов. Умер в 1699 г., горячо оплакиваемый Петром I. Лефорту посвящена монография: M. Posselt. Der General und Admiral Franz Le Fort. Sein Leben und seine Zeit. Bd. 1. 2. SPtrs. 1865—1866, изучавшаяся Толстым. Лефорту Толстой уделил также много внимания в своих исторических записях («Бумаги Петра») — 181, 182, 185, 190, 198, 200, 387, 388, 403, 408, 409, 425—429, 431—433, 439, || 627, 629, 649, 654, 665, 666, 680.
Лефортов дворец — в Москве, сооружен при Петре — 388, 415.
Лещинский Станислав (1677—1766) — воевода Познанский, потом король польский; вследствие его интриг против России Петр хлопотал о непризнании его королем; Л. сносился с Мазепой — 406.
Ливен гр. Шарлотта Карловна — 458, || 575.
Ливио — банкир — || 696.
Ливны — уездный город Орловской губернии — 444.
Лифляндия — Лифляндия, завоевана и разорена русскими в 1701—1702 гг., уступлена России по Ништадтскому мирному договору в 1721 г. — 399, 403.
Лизогуб Яков — наказный атаман — 391.

Лима (Лим) Юрий — вице-адмирал — 425.

Липовка — село Тупиковской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на р. Домашке — 63.

Лисковатовка или Лисковатка — река; при Л. в 1708 г. Булавин разбил царское войско — 393.

Литва — 390.

«Литературная газета» — || 630.

«Литературное наследство» — || 692.

Литовский полк — || 565, 578.

Лихарев Владимир Николаевич (1800—1840) — 464.

Лихачев Алексей Тимофеевич — окольничий, книголюб и писатель — 423.

Лихачев Михаил Тимофеевич — окольничий — 423.

Лобанов-Ростовский кн. А. Б. — автор русской родословной книги. Толстой пользовался первым анонимным изданием: «Русская родословная книга» Спб. 1873 — || 554, 572, 667, 671, 672.

Лобанов-Ростовский кн. Дмитрий Иванович — 445, 457, 460, || 548, 573, 578.

Лобанов-Ростовский Яков — разбойничал на Троицкой дороге и бит за это кнутом — 395.

Лобанова-Ростовская кн. Анна Никифоровна — 436.

Лодейное поле — уездный город б. Олонецкой губернии. На месте нынешнего города в 1702 г. Петром была заложена корабельная верфь — 409.

Ложье — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — || 567, 710.

Лондон — || 552, 703, 725.

Лопухин Авраам Никитич — думный дворянин — 435.

Лопухин Авраам Федорович — брат царицы Евдокии, казнен в 1718 г. по делу царевича Алексея. Его дом находился в Б. Знаменском переулке в Москве — 411, 425, 442, || 671.

Лопухин Петр Авраамович (Большой; прозвище «Лапка») — дядя царицы Евдокии Федоровны; боярин, ведал Ямским приказом. Принимал участие в Кожуховском походе. Умер после пыток в 1695 г. — 407, 442.

Лопухин кн. Петр Васильевич — 445, 457, 461, || 548, 573, 581.

Лопухин Федор Авраамович (ум. 1713 г.) — боярин, отец Евдокии, жены Петра I — 174, 197.

Лопухина Федосья Федоровна, рожд. Ромодановская — 442.

Лопухины — 174, 197, 442, || 671, 683.

Лоскут — булавинский полковник — 391, 392.

Лубны — уездный город б. Полтавской губернии — 444.

Лувель — Пьер-Луи (1783—1820) — 446, || 550.

Луговая слобода — под Дедиловым. Дедилово между Тулой и Богородицком — 418.

Лукьянович Н. А., «Описание Турецкой войны 1828—1829 гг.», в 4 частях, Спб. 1844 — || 472, 689.

Лунин Александр Михайлович (ум. 1816 г.) — 454, || 564.

Лунин Михаил Сергеевич (1783—1845) — 454, 455, 463, || 477, 509, 524, 544, 564, 565, 577, 585.

— «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 года» — || 564.

Лунин Николай Александрович (1789—1848) — || 564.

Лунин Сергей Михайлович — 451, 454, 456, || 558.

Лунины — 453, || 562.

Лунина Федосья Никитична, рожд. Муравьева — 451, 454, || 558, 562.

Лушев А. М., «Современники и деятели императора Петра 1-го Великого». Спб. 1872 — || 630.

Лыков кн. Михаил Иванович (1640—1701) — 193, 421, 443.

Лыкова Анна Григорьевна, рожд. Вердеревская (ум. 1678 г.) — первая жена М. И. Лыкова — 443.

Лыкова Ефимья Михайловна — вторая жена М. И. Лыкова — 443.

Лыковы — 421, 443, || 671, 683.

Лысково — деревня б. Тульского уезда — || 676.

Львиный двор — в Москве. Примыкал к Львиным (Воскресенским) воротам — 415.

Люблин — город в Польше, во время Северной войны Л. держал сторону Августа II, за что

имел разные привилегии — 433, 439.

Людовик XIV (1638—1715)— французский король (с 1643 г.) — 140, 231, 413.

Людовик XVI (1754—1793)— французский король (с 1744 г.) — || 550, 572.

Людовик XVIII (1755—1824) — французский король (с 1814 г.) — 446, || 550, 696.

Яяликов Ф. А., «Студенческие воспоминания 1818 — 1822 гг.» — || 583.

Льюис Джордж-Генри (1817—1878) — английский ученый и писатель, представитель позитивной философии — || 726.

— «Психология обыденной жизни» — || 726.

Маврокордато кн. Александр — 462, || 583.

Магницкий Михаил Леонтьевич — 257, 472, || 508, 546.

Мадрид — столица Испании — || 561, 571.

Майдель фон бар. Евграф Иванович — || 481.

Мазарини (1602—1661) — кардинал, французский государственный деятель — 230.

Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман, в 1708 г. изменивший Петру I — 162, 399, 401, 403, 406, 407, 425, || 665, 666.

Мазинг Карл Карлович — основатель и директор реального училища в Москве — || 599.

Макарий (1482—1563) — митрополит всероссийский — || 617.

Макаров Алексей Васильевич — кабинет-секретарь — || 636.

Макаровы — крестьяне села Гавриловки — 66.

Макарычев Дмитрий — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Макарычев Дмитрий Макарович — 267, 269, || 475, 498.

Макарычев Савостьян Макарович — 267, || 475.

Маковицкий Душан Петрович (1866—1921) — || 527.

— «Яснополянские записки» — || 495, 515, 526—528.

Максимов Лукьян — донской атаман, казнен Булавиным — 392—393.

Малая Азия — || 727.

Малая Дмитровка — улица в Москве — || 477.

Малая Никольская — улица в Петербурге — || 636.

Маликов Александр Капитонович — 369, || 735.

Малинин Н. П. (ум. 1899 г.)— московский педагог, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук, автор пособий по географии — || 593, 595, 596, 598, 599.

Малиново — село Данковского уезда, б. Рязанской губернии — || 676.

Малороссия. См. Украина.

Малоярославец — уездный город, б. Калужской губернии — 458, || 576.

Малыгин Иван — беглый драгун — || 638.

Мамоновы — крестьяне села Гавриловки — 66.

Манка (Марья)—шутиха—435.

Маннгейм — город в Германии в герцогстве Баденском — || 549.

Манчестер — город в Англии — || 549.

Мариенбург — город в Пруссии — 411.

Мариенведер — город в Пруссии, в 70 верстах от Данцига — 433.

Мария Федоровна (1759—1828) — жена Павла I — 458, || 528, 574, 575.

Марков Онисим — действующее лицо в неоконченной повести «Корней Захаркин». См. Толстой Л. Н., «Корней Захаркин».

Мартынов Савва Михайлович (1780—1864) — || 494.

Мартынко Кузьмич — старообрядец, распространявший раскол в Печерском посаде — 395.

Марфа Алексеевна (1652—1707) — вторая дочь царя Алексея Михайловича; в 1698 г. была сослана в монастырь в Александрове — 151.

Марфа — жена Дмитрия — действующее лицо неоконченной повести «Сто лет». См. Толстой Л. Н., «Сто лет».

Марфа — игуменья — 434.

Марфа Матвеевна, рожд. Апраксина (1664—1715) — царица, дочь стольника Матвея Василье-

вича, вторая жена овдовевшего царя Федора Алексеевича — 173, 195, 196, 417, 437, || 653, 671.

Марьино — б. Бронницкого уезда Московской губернии—|| 564.

Марья Алексеевна (1660—1723) — дочь царя Алексея Михайловича — 151.

Марья (Марья Ильинична Милославская) (ум. 1669 г.) — жена Алексея Михайловича — 151, 152, 155, 156, || 646.

Масальский кн. См. Кольцов-Масальский кн. Дмитрий Андреевич.

Масленникова Екатерина Петровна, рожд. Свистунова—|| 479.

Маслов Анисим — обер-секретарь — || 635, 677.

Матвеев гр. Андрей Артамонович (1666—1728) — сотрудник Петра I. С 1719 г. сенатор и президент юстиц-коллегии. Автор описания бунта, бывшего в 1682 г. Сочинение его опубликовано в собрании записок о Петре Великом (М. 1787), изд. Туманского т. I, стр. 111—229) — 403, 407, 421, 423, || 665, 667, 671, 674.

Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682) — друг и советник царя Алексея Михайловича. В доме Матвеева царь Алексей Михайлович познакомился со второй своей женой Нарышкиной. М. один из первых стал ценить западную культуру. Погиб во время стрелецкого бунта — 152, 153, 155, 156, 195, 421, 422, || 646.

Матвей Андреев — охотник. Любимый дворовый гр. Н. И. Толстого — 299, || 513.

Матерекины — крестьяне с. Гавриловки — 68.

Матюшкин Федор Федорович (1799—1872)—462, || 583.

Маша девочка — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Медведев Семен Петрович (Сильвестр) — 421, || 670, 682.

Медведица — река; левый приток Дона — 393.

Медведково — подмосковное село кн. Голицыных — 159, 161—164, 174, || 647, 648.

Межов Владимир Измаилович (1831—1894) — библиограф, автор «Русской исторической библиографии за 1865—1876 гг. включительно», т. I—VIII, Спб. 1882—1890 — || 669.

Мезенцев Николай Владимирович (1827—1878) — || 501.

Мейера пансион — 464.

Меланья — старица — 440, 441.

Менгден бар. Елизавета Иванова, рожд. Бибикова (1821—1902) — || 541.

Менезиус — полковник, начальник стражи — 429.

Меншиков гр. Александр Данилович (Алексашка) (1672 — 1729) — сначала служил денщиком, через Лефорта попал к Петру I. Участник Азовского похода, заграничного путешествия и Северной войны. Петербургский генерал - губернатор. Получил графский титул и звание фельдмаршала. В 1711 г. становятся известными его взятки; благодаря заступничеству Екатерины I не подвергся преследованию Петра. При возведении на престол Екатерины обеспечил себе роль правителя государства, подготовляя свадьбу Петра II со своей дочерью. Домогательствам Меншикова был положен предел Долгорукими. В 1727 г. Меншиков был арестован и сослан в Березов, где и умер. — 176, 183, 205—210, 240, 241, 309, 388—390, 400, 404, 406, 408—410, 412, 413, 417, 429, 430, 432—434, 437, || 624, 649, 665, 666, 679, 680, 683.

Меншиков кн. Александр Сергеевич (1789—1869) — главнокомандующий крымской армией в кампании 1854—1855 гг. — 361.

Меншикова Анна Даниловна. См. Девиер гр. А. Д.

Меншикова гр. Дарья Михайловна (1682—1727), рожд. Арсеньева — жена Александра Даниловича — 401, 434, 437.

Меншикова Марфа Даниловна. См. Головина М. Д.

Меншиковы — 437, 439.

Меньшой Михаил Трофимович—яснополянский помещик начала XVIII века — 212, 215, ||655—656.

Мертвый Донец — || 630.

Меттерних кн. Клеменц-Лотар - Венцель - Непомук. — 446, || 550.

Мещанская третья — улица в Москве, — || 674.

Мещеринов Федор — действующее лицо в неоконченной повести «Князь Федор Щетинин». См. Толстой Л. Н., «Князь Федор Щетинин».

Мещерский кн. Владимир Петрович (1839—1914) — писатель — || 608.

Миас — полковник — 431.

Мижуева дом в Петербурге — || 548.

Милорадович гр. Михаил Андреевич — 461, || 578, 581.

Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский мыслитель и экономист — 369, || 735.

Милославская Александра Кузминична — жена И. М. Милославского — 439.

Милославская Марья Михайловна — 435.

Милославские — старинный дворянский род, с которым породнились Романовы через женитьбу Алексея Михайловича на Марье Ильиничне — 421, 438, || 683.

Милославский Александр Иванович — комнатный стольник — 438.

Милославский Иван Михайлович (1629—1685) — играл важную роль в событиях царствования Иоанна и Петра Алексеевичей, организовал заговор против царицы Натальи — 386, 387, 398, 413, 421, 423, 424, 439.

Милославский Илья Данилович, боярин — 395.

Минаев Флор — донской атаман — 391.

Министерство внутренних дел — || 578.

Министерство государственных имуществ — || 494, 495, 524.

Министерство юстиции — || 495, 678.

Миних гр. Бурхард-Христофор (1683—1767) — первоначально простой инженер, затем фельдмаршал; совершил Крымские походы 1736—1739 гг. — 309.

Минусинск — окружной город Енисейской губернии — || 479.

Минькина Анастасия (убита в 1825 г.) — любовница Аракчеева — || 547.

Мирбах — 445, || 547.

Миргородский уезд — 452, || 562.

Мирович Василий Яковлевич — подпоручик; за попытку освободить Ивана Антоновича из Шлиссельбурга был судим и казнен — || 624.

Мироновы — крестьяне села Гавриловки — 65.

Миропольский Сергей Иванович (р. 1842 г.) — || 503.

— «Фотий Спасский, юрьевский архимандрит» — || 502.

Миссолонги (Мисолунги) — город в западной части средней Греции, в бывшей Этолии — 462, || 583.

Митрофан Воронежский (1623—1703) — епископ, возведен в «святые», оказывал содействие Петру в его делах, прославлял намерение относительно заведения флота, убеждал народ помогать царю, отдал собственные деньги на войну — 405.

Митьков Михаил Фотиевич (1791—1849) — 463.

Михаил Герасимович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Михаил Павлович (1798—1848) — третий сын Павла I — 458, || 557, 574.

Михаил Федорович (1596—1645) — царь, избранный на царство в 1613 г. после смутного времени — 151, 160, 308, 396, || 646, 700.

Михайловка — в Бузулукском уезде, б. Самарской губернии имеются четыре селения под этим именем: два села и две деревни — 63.

Михайлов Петр — предпринимая заграничное путешествие, Петр хотел, чтобы отъезд его из России оставался тайною для Европы; ему могли писать не иначе как с надписью: «Господину Петру Михайлову»; он числился в качестве урядника Преображенского полка — 389.

Михайловская Александра Петровна, рожд. кж. Оболенская — 455, || 566.

Михайловский - Данилевский Алексей Иванович (1790—1848) — || 566.

— «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галлерея Зимнего дворца» — || 552.

Михайловский Николай

Константинович (1842—1904) — социолог, критик и публицист — || 607.

— «Литературные воспоминания и современная смута» — || 607.

Михайловский уезд, б. Рязанской губернии — 152.

Михайловское — Опочецкого уезда, б. Псковской губернии — || 548.

Мобеж — город во Франции — 457, || 573.

Могилевская губерния — 448, || 553.

Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — || 494, 524, 633, 697.

Мозган Павел Дмитриевич (1801—1843) — 465.

Мойка — река в Петербурге — || 556.

Моисей — ветхозаветный «пророк», по преданию вывел евреев из египетского плена, законодатель — 382—384, || 733.

Мойер Иван Филиппович — || 570.

Мойер Мария Андреевна, рожд. Протасова — || 570.

Моке — 464.

Мокшеева полк — 201.

Молчанов Дмитрий Васильевич (ум. 1857 г.) — || 471.

Молчанова Елена Сергеевна. См. Рахманова Е. С.

Монахова дом в Москве — 462, || 583.

Монс Анна Ивановна. См. Кайзерлинг А. И.

Монс — вдова, мать Анны, за которой ухаживал Петр I — 426, 436, || 670, 682.

Монс Иван — отец Анны — 387, 436.

Монс Уилльям — брат Анны, сначала камер-юнкер, потом камергер, был вместе с сестрой (Балк) обвинен в лихоимстве и казнен в 1724 г. — 240.

Монферран Август (1786—1858) — || 581.

Мооd (Aylmer Maude) — биограф Толстого, председатель Толстовского общества в Лондоне — || 640.

Мордвинов гр. Николай Семенович (1754—1845) — 460, || 578—580.

Мордвинова Александра Михайловна. См. Муравьева А. М.

Мордкин кн. Григорий Федорович — || 695.

Мордкин Федор — || 695.

Мордкина Татьяна Григорьевна. См. Горчакова кн. Т. Г.

Мордкины — || 698.

Морея — полуостров на юге Греции — || 583.

Морозов Глеб Иванович — женат на Федосье Морозовой — 440.

Морозов Иван Глебович — сын Федосьи Морозовой — 440.

Морозов Петр Васильевич — 71, 73—76, 86, 111—112, 324, || 601, 602, 606, 610.

Морозова Федосья Прокофьевна, рожд. Соковнина — боярыня, пользовалась почетом при дворе; страстная последовательница старообрядчества, за это подверглась пытке и умерла в земляной тюрьме в Боровске — 440, 441, || 671, 674, 683.

Морская академия в Петербурге — 462.

Морской кадетский корпус — в Петербурге — 463, 465.

Мосей — шут — 435.

Москва — 7, 9, 13, 17, 23, 25—27, 32, 33, 35, 48—50, 71, 112, 142, 145, 154, 158, 161—166, 168, 174, 175, 179, 181—184, 187, 188, 190, 192—199, 201, 209, 210, 233, 234, 240, 241, 243, 248, 257, 260, 263, 291—293, 295, 296, 298, 299, 301, 303, 312, 313, 318, 359, 387, 388, 390, 392, 396—399, 401, 403—405, 407—411, 414, 416, 420, 422, 424, 426, 431—434, 442.

Москва-река — 148, 154, 181, 187, 419, 422.

Московская губерния — 213, 233, 300, 302, 312, || 559, 560.

«Московские ведомости» — газета, основанная Московским университетом в 1756 г. — 336, || 541, 551, 588, 590, 592, 593.

«Московские епархиальные ведомости» — еженедельная газета, выходившая в Москве с 1869 г. по 1879 г. — || 594, 599, 606.

Московский архив министерства юстиции — || 635, 637, 678.

Московский комитет грамотности — учрежденный в 1845 г. при Московском обществе сельского хозяйства — 60, 71, || 594, 599, 600, 601, 606, 607, 611, 709.

Московский уезд—240, || 636.
Московский университет — 142, 145, 451, 462, 465, || 529, 542, 558, 559, 566, 583, 584, 620.
Московский университетский благородный пансион — 463, || 578.
Московское государство — 394, || 678, 687.
Московское общество сельского хозяйства — || 594.
Московско-Курская железная дорога — 213.
Моховая улица в Петербурге — 460, || 579.
Мошков Петр — надворный интендант — || 677.
Мудров Матвей Яковлевич — 447, 462, || 551, 583.
Муравьев — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Муравьев Александр Михайлович — 447, 451, 459, || 477, 543, 552, 558, 577, 584.
Муравьев Александр Николаевич — 447, 456, || 552, 570—571.
Муравьев Андрей Николаевич — 456, || 571.
— «Путешествие по святым местам в 1830 г.» — || 571.
Муравьев Артамон Захарович — || 503, 577, 584.
Муравьев Захар Матвеевич — 459, || 577.
Муравьев Михаил Никитич — 451, || 558.
Муравьев гр. Михаил Николаевич — 451, || 558, 559, 562.
Муравьев Никита Михайлович — 448, 451, 459, || 476, 543, 554, 558, 559, 576, 577, 584, 585.
Муравьев Николай Назарьевич — 459, || 577.
Муравьев Николай Николаевич (Карсский) — 456, || 477, 555, 571.
Муравьев Николай Николаевич (1768—1840) — 445, 456, || 548, 570.
Муравьев Сергей Николаевич — 456, || 571.
Муравьев-Апостол Василий Иванович (1817—1867) — 452, || 562.
Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1762—1851) — 452, 453, || 561, 562.
Муравьев-Апостол Ипполит Иванович — 452, || 477, 543, 561, 562, 569, 577.
Муравьев-Апостол Матвей Иванович — 452, 456, || 476, 477, 480, 484, 495, 503, 524, 543, 560, 561, 568, 569, 577, 584, 585.
— «Воспоминания и письма» — 560, 569.
Муравьев-Апостол Сергей Иванович — 452, || 477, 524, 543, 560—562, 569, 570, 577, 584.
— «Катехизис» — 456, || 560.
Муравьева Александра Григорьевна, рожд. гр. Чернышева — 448, 449, || 476, 554, 559.
Муравьева Александра Михайловна, рожд. Мордвинова — 456, || 570.
Муравьева Екатерина Федоровна, рожд. Колокольцова — 451, || 548, 549, 559, 562, 576, 577.
Муравьева Елизавета Карловна, рожд. Поссе — 459, || 577.
Муравьева (Карсская) Наталья Григорьевна, рожд. гр. Чернышева (1806—1884) — 449, || 555.
Муравьева (Карсская) Софья Федоровна, рожд. Ахвердова — || 555.
Муравьева Софья Никитична. См. Бибикова С. Н.
Муравьева-Апостол Анна Семеновна, рожд. Черноевич — 452, 453, || 561, 562.
Муравьева-Апостол Екатерина Ивановна. См. Бибикова Е. И.
Муравьева-Апостол Елизавета Ивановна. См. Видбург Е. И.
Муравьева-Апостол Мариамна Владимировна, рожд. Гурко — || 562.
Муравьева-Апостол — Марья Константиновна, рожд. Константинова — || 561.
Муравьева-Апостол Прасковья Васильевна, рожд. Грушецкая — 452, || 560, 561.
Муравьевой Е. Ф. — дом в Петербурге — 446, || 548, 549, 562.
Муравьевы — || 558, 562.
Муравский шлях — дорога, по которой ходили орды крымцев для разорения Московского государства. Она проходила через б. губернии: Таврическую, Екатеринославскую, Харьковскую, Курскую, Орловскую и Тульскую — 432.

Муратово — имение б. Орловского уезда — 458, ||575.

Муром — город б. Владимирской губернии — 209.

Мусин-Пушкин Иван Алексеевич — боярин — 401, 405, 406.

Мценск — город б. Орловской губернии — 223, 233, 302—304, ||659.

Мценский уезд — 216, 220, 221, 240, ||656, 699.

Мюллер Фридрих-Макс, (1823—1900) — лингвист и историк религий, профессор Оксфордского университета —||732.

Мясковка — деревня б. Самарской губ.— 63.

Мясницкая улица в Москве, ныне Кировская — 193.

Мясоедово (Мисоедово) — деревня Крапивенского уезда б. Тульской губернии — 436.

Набоков Дмитрий Николаевич (1827—1904) — министр юстиции — ||637.

Навроцкий Александр Александрович (1839—1914) — генерал-лейтенант, писатель — ||502.

Нагибин; его дело Преображенского приказа — ||678.

Нагой Парамон; его дело Преображенского приказа — ||677.

Нагорнов Николай Михайлович (1845—1896) — муж племянницы Толстого —||608, 635.

Нагорнова Варвара Валериановна, рожд. Толстая — ||608, 713.

Назимов Михаил Александрович (1801—1888) — 464, ||490.

Налеты — потешная рота — 182.

«На литературном посту» — журнал — ||656.

Наполеон I (1769—1821)— французский император (с 1804 г.)— 8, 231, 457, 461, 462, ||561, 571, 572, 582, 584.

Наполеон III (1808—1873)— французский император (с 1852 г.)— 8, 230, 232, 353.

Нарва — город в Эстонии, был осажден русскими, которые потерпели сильное поражение под Нарвой в 1700 г., Н. взята русскими в 1704 г. — 387, 388, 389, 402, 412, 414, ||666.

«Народная школа» — ежемесячный педагогический журнал, выходивший в Петербурге в 1869—1889 гг. — ||587.

Нарцисс — Нарцисс — в греческой мифологии — красавец-юноша, который, увидев свое отражение в воде, влюбился в себя — 390.

Нарышкин Афанасий Кириллович — комнатный стольник, убит стрельцами в 1682 г. — 421, 422.

Нарышкин Иван Кириллович (1658—1682) — боярин, старший брат царицы Натальи. Был выдан стрельцам во время бунта и убит ими — 422, 443.

Нарышкин Иван Фомич — убит стрельцами в 1682 г. — 422.

Нарышкин Кирилл Полуехтович (ум. 1691 г.) — в связи с браком Алексея Михайловича с его дочерью получил ряд подарков и наград; во время бунта 1682 г. по требованию стрельцов пострижен и сослан — 152, 423.

Нарышкин Лев Кириллович (1664—1705) — брат царицы Натальи, вместе с Б. А. Голицыным был самым приближенным к ней человеком, в 1690 г. назначен начальником Посольского приказа — 170, 171, 178, 423, 426.

Нарышкин Михаил Михайлович (1798—1863) — ||503, 574.

Нарышкин Эммануил Дмитриевич (р. 1813 г.) — ||479.

Нарышкина дом в Москве— 432.

Нарышкина Елизавета Петровна, рожд. гр. Коновницына 458, ||574.

Нарышкина Наталья Кирилловна (1651—1694) — мать Петра I; дочь К. П. Нарышкина и жены его Анны Леонтьевны, рожд. Леонтьевой. Воспитывалась в доме Артамона Матвеева, тяготела к западной культуре. В 1671 г. царь Алексей Михайлович повенчался с Н. К. Во время пребывания у Троицы в 1689 г. Голицын навлек на себя сильное негодование Н. К. за то, что выгораживал кн. В. В. Голицына — 152, 153, 155, 158, 166, 175, 176, 177, 197, 420, 423, 424, 435, 436, ||638, 646, 647.

Нарышкины — 160, 163, 167, 174, 421—423.
Наталья Алексеевна (1673—1716) — любимая сестра Петра I — 386, 417, 424, 431, 433, 434, 437.
Нахалы — потешная рота — 182.
Неаполь — город на юге Италии — ||551, 571.
Неаполис Флависский — город в Сирии — 137.
Нева — река — 417, 438, ||482.
Невский (Новый) проспект — 241, 256, ||659.
Неглинная — речка, протекавшая по Москве — 415, 426, 429, ||670.
Нежинский конно-егерский полк — ||557.
Нейгебайэр Мартин — немец, воспитатель царевича Алексея Петровича; арестованный и затем изгнанный из России, написал памфлет: «Письмо знатного немецкого офицера к тайному советнику одного высокого владетеля о дурном обращении с иноземными офицерами, которых вызывают к себе на службу московиты» — 410.
Некрасов Игнатий — донской казак, участник башкирского и булавинского бунтов, основатель старообрядческого согласия «некрасовцев» (липован) — 393.
Некрасов Николай Алексеевич — ||607, 608, 609, 714.
— «Русские женщины» — || 492.
Нелли Молчанова. См. Молчанова Е. С.
Нелидова Екатерина Ивановна (1756—1839) — 458, ||575.
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1751—1828) — 458, 459, ||575, 576.
Немецкая слобода — в Москве — 429, ||638, 639.
Немецкое училище св. Петра — в Петербурге — 464.
Неплюев Леонтий Романович — окольничий, осужден в 1689 г. вместе с кн. В. В. Голицыным за нерадение во время Крымского похода и сослан в Пустозерск — 159, ||649.
Нерчинск — в 1708 г. причислен к Сибирской губернии; в XIX веке — город Забайкальской области — 19, 411.
Нерчинские рудники — золотые прииски, открытые в 1830 г.; являлись центром Нерчинской каторги — ||555.
Несмеяновка — село Летниковской волости, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — 63.
Нессельроде гр. Карл Васильевич (1780—1862) — 458, 460, ||574, 579.
Нестеров Алексей Яковлевич — обер-фискал, вследствие оговора в 1722 г. над ним был назначен розыск. При расследовании обнаружились ранее бывшие злоупотребления. Высший суд приговорил Нестерова к смерти — 216, 240, ||636, 677, 691.
Нестеров Иван Федорович — ||636.
Нестеров Михаил Алексеевич — ||636.
Нестеров Николай Алексеевич (ум. 1722 г.) — ||636.
Нестерова Анна Саввишна, рожд. Уварова — ||636.
Нестерова Стефанида (ум. 1722 г.) — ||636.
Нижний-Новгород — 454, ||582.
Никандр (в мире Николай Иванович Покровский) (1816 — 1893) — тульский архиепископ — ||656.
Никита Комарь (Комар) — прозвище карлика, принадлежавшего Петру I — 423.
Никита Пустосвят — первый вождь раскола, отлучен в 1666 г., выступал на созванном Софьей соборе в 1682 г., в том же году был схвачен и казнен — 421, 423, ||667.
Никитин; его дело Преображенского приказа — ||678.
Никитин Юрий; его дело Преображенского приказа — ||678.
Никитина Софья Никитична. См. Бибикова С. Н.
Никитская — улица в Москве — ||583.
Никитский монастырь — в Москве — 438.
Никифор — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Никифоров Петр — раскольник — ||678.
Никифоров Семен; дело его Преображенского приказа — ||679.

Никифоров Филатка — сподвижник Булавина — 392.

Никола — почитавшийся в народе «святой», так называемый, «Николай чудотворец» — 225, || 617.

Никола Воробино — церковь — на Воронцовом поле в Москве — 420.

Никола Явленный — церковь на Арбате в Москве — || 583.

Николаев — военный порт на Черном море — || 540.

Николаевский Б., «Затерянное стихотворение А. И. Одоевского» — || 557.

Николаевское — село Юрьевского уезда б. Владимирской губ. || — 558.

Николай — кормщик, с которым спасся кн. Я. Ф. Долгорукий — 414.

Николай Михайлович (1859—1918) — 458, || 491, 528.

— «Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I» — || 528.

Николай I (1796—1855) — 49, 257, 291, 358, 457, 460, 462, || 472—478, 479, 481, 484, 487, 488, 490—492, 525, 528, 658, 689.

Николай. См. Терентий Николаев.

Николев Иннокентий Николаевич — || 635, 637, 639, 656, 671, 676, 678, 691, 695.

Николенька — герой повестей: «Детства», «Отрочества», «Юности». См. Толстой Л. Н., «Детство», «Отрочество», «Юность».

Никольские ворота — в Москве — 415.

Никольский монастырь — может быть, Белобережский-Николаевский монастырь в 15 верстах от Брянска или Николаевский монастырь б. Курской губернии в Подмонастырной слободе близ города Рыльска — 310.

Никольское (Никольское-Вяземское) — село Чернского уезда, б. Тульской губернии (см. также Вяземское) — 266, || 535, 615, 699.

Николы Столпянского — церковь в Москве на Покровке — 423.

Никон — (1605—1681) — патриарх (с 1652 г.). Настоял на необходимости исправления богослужебных книг и церковных обычаев по греческим образцам. Отсюда — раскол (старообрядчество). Вследствие стремления Н. к независимости, он был отдан под суд, лишен сана и сослан — 440, 444.

Никонов Евтихий; его дело Преображенского приказа — || 678.

Ниф (Nief) (р. около 1843 г.) — настоящая фамилия — Montels — гувернер, живший в семье Толстого в 1878—1879 гг. — || 495.

Новая Садовая — улица в Москве — || 566.

Новгород — 298, 299, 389, 402, 414, || 513, 582.

Новинский бульвар — в Москве — || 566.

Новодевичий монастырь — в Москве — 387, 414.

«Новое время» — литературная и политическая газета, основанная в Петербурге в 1865 г.— || 503, 526.

Новороссийск — || 573.

Новосильский уезд, б. Тульской губернии — 240.

Новосильцовы кн. — 418.

Новочеркасск — || 630.

«Новый мир» — журнал, выходит в Москве с 1925 г.— || 645, 649, 654, 669, 672.

«Новый труд Л. Н. Толстого» (заметка) — || 524.

Новый Иерусалим — мужской монастырь Звенигородского уезда, б. Московской губернии — || 565.

Ной — последний из ветхозаветных патриархов — 87.

Нольде Н. бар. — || 711.

Нонушка. См. Бибикова С. Н.

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — || 476.

Норов Василий Сергеевич (1793—1853) — 464.

Носов Яков — ярославский гость, главный заводчик астраханского бунта 1705 г.— 401.

Нью-Йорк — 27, || 725.

Няня Ивашевых. См. Ямщикова М.

Облонские — из «Анны Карениной». См. Толстой Л. Н., «Анна Каренина».

Оболенская кн. Александра Андреевна, рожд. Бочкарева — 455, || 567.

Оболенская кн. Александра Тимофеевна, рожд. Афремова — 455, ||566.

Оболенская кн. Александра Петровна — 455, || 566.

Оболенская кн. Александра Фадеевна, рожд. Тютчева — 454, ||565.

Оболенская кн. Анна Евгеньевна, рожд. Кашкина — 454, ||566.

Оболенская кн. Варвара Самсоновна, рожд. Баранова — 455, || 566.

Оболенская кн. Евдокия Матвеевна, рожд. Чепчугова — ||566.

Оболенская Елизавета Валерьяновна, рожд. гр. Толстая (1852—1935) — племянница Толстого — || 503.

Оболенская кн. Наталья Дмитриевна, рожд. кж. Волконская — 455, ||566.

Оболенская кн. Наталья Петровна, рожд. кж. Оболенская — 455, ||566.

Оболенский кн. Александр Петрович (1788—1853) — ||566.

Оболенский кн. Александр Петрович (1780—1855) — 452, ||561.

Оболенский кн. Дмитрий Дмитриевич (р. 1844 г.) — ||490, 704.

— «По поводу казней декабристов» — ||490.

Оболенский кн. Дмитрий Петрович — 455, || 566.

Оболенский кн. Евгений Петрович — 454, 455, || 477, 478, 487, 503, 525, 544, 565, 566, 567, 582.

Оболенский кн. Иван Евгеньевич (1856—1880) — || 503.

Оболенский кн. Константин Петрович — 455, || 566.

Оболенский кн. Леонид Дмитриевич (1844—1888) — || 503.

Оболенский кн. Николай Петрович — 455, || 566.

Оболенский кн. Петр Николаевич — 454, || 565, 566.

Оболенский кн. Сергей Петрович — 455, || 566.

Обресков Иван — яснополянский помещик — ||655.

Обрескова Татьяна Григорьевна — яснополянская помещица начала XVIII века, называемая Толстым Абремовой вследствие ошибки переписчика в списке документа, которым пользовался Толстой — 212, 215, || 655.

«Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» («Литературный фонд») — || 515, 559.

Общество соединенных славян — тайная организация декабристов — ||563, 567, 569, 570.

Овидий Назон, Публий (43—17 г. до н. э.) — римский поэт. Автор «Метаморфоз» — ||647.

Огильви — фельдмаршал, приглашенный на русскую службу, взял Нарву в 1704 г., ловко маневрировал под Гродно — 410, 432.

«Огонек» — журнал — || 535, 646.

Одесса — 446, 461, || 548, 582.

Одоевская кн. Анна Михайловна — жена Якова Никитича Одоевского — 443.

Одоевская кн. Елизавета Алексеевна, рожд. кж. Львова — 450, ||557.

Одоевская Марья Алексеевна, рожд. Лыкова (1672—1752) — 442, 443.

Одоевская кн. Мария Федоровна, рожд. Вадковская — 450, ||557.

Одоевская кн. Прасковья Александровна, рожд. кж. Одоевская — 450, ||557, 558.

Одоевская кн. Прасковья Ивановна, рожд. гр. Толстая (1710—1758) — 442.

Одоевские кн. — 421, 442, ||671, 683.

Одоевские кн. — действующие лица в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Одоевский кн. Александр Иванович (1738 — 1797) — ||500, 557.

Одоевский кн. Александр Иванович — 446, 455, || 484, 492, 493, 494, 500, 543, 544, 549, 558,

— «Молитва русского крестьянина» — ||557.

Одоевский кн. Василий Юрьевич — 442, 443.

Одоевский кн. Иван Васильевич (1710—1758) — 442.

Одоевский кн. Иван Сергеевич — 450, || 500, 557, 558.

Одоевский кн. Сергей Иванович — 450, || 557.
Одоевский кн. Яков Никитич (ум. 1697 г.) — был воеводою в Астрахани — 422, 442, 443.
Одуевский кн. Александр Иванович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Одуевский кн. Иван Александрович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Оек — село Иркутского округа — || 557.
Ожаровская Елизавета Ивановна, рожд. Муравьева-Апостол (1791—1814) — 452, || 561.
Ожаровский Адам Петрович — 452, || 561.
Ожаровский Франц Петрович — || 561.
Оже Ипполит, «Записки» — || 564, 565, 577,
Озеров Иван Григорьев — стрелецкий полковник — 201, 421.
Окольвин Василий; его дело Преображенского приказа — || 679.
Оксман Ю. Г., «Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок» — || 471, 527, 541.
— «Поимка поручика И. И. Сухинова» — || 570.
Олеариус Адам — секретарь посольства герцога Голштинского 1633—1639 гг., бывшего в России и Польше. Составил подробное описание этого путешествия. Имеется на русском языке в переводе Барсова. «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное А. Олеарием». М. 1870 — || 629, 631.
Оленин Алексей Алексеевич — || 559.
Оленин Алексей Николаевич — 453, 462, || 559, 562, 584.
Оленин Николай Алексеевич (убит 1812 г.) — || 559.
Оленин Петр Алексеевич — || 559.
Оленина Анна Алексеевна. См. Андро А. А.
Оленина Варвара Алексеевна — || 559.
Оленина Елизавета Марковна, рожд. Полторацкая — || 559.
«Олимп» — гора в Греции, на которой по представлению греческой мифологии обитали боги; более широко — местопребывание недосягаемых лиц «высшего» общества — || 473, 494, 506.
Ольденбургская герцогиня Екатерина Павловна. См. Виртембергская принцесса Е. П.
Омская область — || 560.
Олонецкая губерния — 215.
Олонецкий уезд — 400.
Ольга Ивановна — действующее лицо в рассказе «Три портрета». См. Тургенев И. С., «Три портрета».
Онисим — действующее лицо неоконченной повести «Сто лет». См. Толстой Л. Н., «Сто лет».
Опочинин Федор Петрович (1778—1852) — || 565.
Оптина пустынь — мужской монастырь Козельского уезда, б. Калужской губернии — 273, 310, || 617.
Орел — 458, || 554, 555, 575.
«Орел» — литературный иллюстрированный журнал, выходивший в Петербурге в 1859 г. — 8, || 529, 541.
Оренбург — 257, 305, || 473, 487, 508, 546.
Оренбургский край — || 472, 474, 494, 495, 506, 509, 582, 690.
Оренбургский отдельный корпус войск — || 582.
Оренбургский 7 линейный батальон — ||571.
Орехов Алексей Степанович — || 587.
Орешек (Шлиссельбург) — шведский Нотебург, взят русскими в 1702 г. — 389.
Орлик Филипп — малороссийский писарь, был выбран в гетманы казаками, изменившими Москве — 406.
Орлов кн. Алексей Федорович (1787—1862) — || 492.
Орлов Михаил Федорович — 455, 462, || 567, 584.
Орлов-Чесменский гр. Алексей Григорьевич (1737—1808) — || 569.
Орлова Екатерина Николаевна, рожд. Раевская — || 567.
Орловская губерния — || 557.
«Освобождение» — газета — || 525.
Осипов Петр — действующее

лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Осминская сотня — в Нарвском уезде Петербургской губернии — 438.

Острогожск — уездный город б. Воронежской губернии. — 425.

Острогожский — действующее лицо в неоконченной повести «Князь Федор Щетинин». См. Толстой Л. Н., «Князь Федор Щетинин».

Остроградский Михаил Васильевич (1801—1861) — математик — || 710.

Отдельный кавказский корпус войск — || 548, 573.

«Отечественные записки» — журнал, выходивший в Петербурге в 1818—1830 гг. и в 1839—1884 гг. — || 607—610, 711.

Отрепьев Григорий (см. также Дмитрий) — || 444, 667, 672.

Отто И. К. «Черты из жизни графа Аракчеева» — || 547.

Охта — предместье Петербурга — 389.

Павел — апостол, — 362, 370.

Павел I (1754—1801) — 356, 447, 452, || 572, 574, 575, 696.

Павел — поп; его дело Преображенского приказа — || 679.

Павлов Василий Кондратьевич — генерал-рекетмейстер — || 636.

Павлов Николай Филиппович (1805—1864) — || 541.

Павлов-Сильванский Николай Павлович — || 526.

Павловка — село, волостной центр Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на р. Самаре в версте от Богатого — 63.

Павловский л.-гв. полк — 455, || 565, 566.

Павловское — село Звенигородского уезда, б. Московской губернии — 424.

Пажеский корпус в Петербурге, основанный в 1755 г. — 464, || 478, 578.

Палей Семен Филиппович — казак; не раз помогал русским войскам в войнах с татарами; в 1709 г. получил звание полковника. Умер в 1710 г. — || 625.

Ален гр. Вера Григорьевна, рожд. гр. Чернышева — 448, || 555.

Ален гр. Петр Алексеевич (1745—1826) — || 555.

Ален гр. Федор Петрович — 448, || 555.

Палеостровский монастырь — в Новгородской области; сожжен в 1685 г. старообрядцами-самосжигателями — 396.

Палестина — 137.

«Памяти декабристов» — сборник Академии наук Союза ССР — || 494, 510.

Панина, рожд. фон-Ведель — || 553.

Панкратов Карп; его дело Преображенского приказа — || 678.

Панов; его дело Комиссии о ворах и разбойниках — || 677.

Панова дом — на третьей Мещанской улице в Москве — || 674.

Панчулидзев С. А., «Сборник биографий кавалергардов 1801—1826 гг.» — || 492, 559.

Парецкая волость Алатырского уезда б. Симбирской губернии — 438.

Париж — 17, 26, 27, 359, 452, || 530, 557, 560, 580.

Парнасс — гора в Греции, посвященная Аполлону и девяти музам — || 575.

«Парус» — еженедельная газета, выходившая в 1859 г. в Москве под редакцией Ив. С. Аксакова — || 542.

Паскаль Блэз (1623—1662) — 445, || 547.

— «Мысли» — || 547, 548.

Пассек Анастасия Богдановна. См. Ведель-фон бар. А. Б.

Пассек Т. П. — «Воспоминания» — || 554.

Патерик — сборник житий так называемых святых отцов православной церкви — || 617.

Патровка (Романовка тож) — село, волостной центр, Бузулукского уезда, б. Самарской губернии на реке Съезжей — 63, || 589.

Патровская волость Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — || 592.

Пафнутий (Шикин) (ум. 1890 г.) — старообрядческий епископ — || 623.

Пахтин Иван Павлович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Пашков Афанасий Филиппович (ум. 1664 г.) — воевода (Ени-

сейский, в Даурии и других местах) — || 395.

Пашутино — деревня близ Никольского-Вяземского Чернского уезда, б. Тульской губернии — 237, 304, 315, 318.

«Педагогический листок» — журнал, выходивший в Петербурге в 1871—1885 гг. — || 594, 600.

Пекарский Петр Петрович (1828—1872) — академик, автор сочинения «Наука и литература при Петре Великом» (2 т. 1862) — || 629, 674.

Пелагеюшкин — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Пелагеюшкин Степан Михайлович — 269, || 498.

Пенза — 49, 195, 291, 292, || 457.

Пензенская губерния — 38, || 537.

Пензенский пехотный полк — || 465.

Пепе Гульельмо — 447, || 551.

Первый кадетский корпус — в Москве — 464, || 562.

Перевлесский Петр Миронович (ум. 1866 г.), автор «Практической русской грамматики», 1854 — 92, 98.

Перекоп — селение на Крымском перешейке; служило укреплением во времена Крымского ханства — 411, 426.

Переяславль Залесский—Владимирской губернии — || 636.

Пермь — 218.

Пермская губерния — 215.

Перовская Екатерина Васильевна, рожд. кж. Горчакова (ум. 1833 г.) — 692.

Перовский гр. Борис Алексеевич — || 690.

Перовский гр. Василий Алексеевич — || 473, 474, 481, 690, 691.

Перовский Лев Алексеевич (1792—1856) — || 693.

Персия — 386, 403, || 657.

Перфильева Анастасия Сергеевна, рожд. гр. Ланская (181.—1891) — || 493, 494.

Перфильева Прасковья Федоровна, рожд. гр. Толстая (1831—1887) — 493, 494, 544.

«Песни, собранные В. П. Киреевским» — изд. под ред. Бессонова. 10 вып. 1860—1874 гг.— || 675.

Песталоцци Иоганн-Генрих (1746—1827) — швейцарский педагог и писатель — 96, 99, || 603, 604.

Пестель Владимир Иванович — 257.

Пестель Елизавета Ивановна, рожд. Крок — || 577.

Пестель Иван Борисович — || 577.

Пестель Павел Иванович — 460, 461, || 508, 546, 577, 578, 582.

— «Русская правда»— || 578.

Петербург — основан 16 мая 1703 г. — 7, 32, 39, 48, 51, 216, 240, 241, 243, 256, 257, 263, 290, 303, 312, 389, 402, 409, 412, 417, 432—434, 442, 448.

Петербургская палата уголовного суда — || 562.

«Петербургские ведомости» — газета — || 587, 588, 632.

Петербургский остров или Петербургская (ныне Петроградская) сторона — остров, образуемый Большой и Малой Невой, Большой и Малой Невкой — || 636.

Петербургский учебный округ — 457 || 573.

Петра и Павла — церковь в Петербурге — 417.

Петра и Павла — церковь на Калужской площади в Москве — 420.

Петр — шут — 436.

Петр Алексеев — капитан. Петр I принимал участие в походах первоначально в качестве шкипера и бомбардира, затем в качестве капитана Петра Алексеева — 386, 389.

Петр — апостол, — 396, 397.

Петр «грамотник» — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Петр Иванегородец — стрелец — 436.

Петр — охотник. Любимый дворовый гр. Н. И. Толстого — 299, || 513.

Петр I (р. 30 мая 1672 г. ум. 28 января 1725 г.) — (с 1721 г.) — 153, 155—160, 163—168, 170, 171, 173—178, 180, 184, 185, 191, 193, 197—200, 205—211, 218, 221, 222, 231, 233, 240—242, 308, 309, 386, 394, 396, 397, 399—416, 418, 421,

423, 427—437, 442, 472, 552, 553, 624—627, 629, 630, 632—635, 637—648, 650, 653—657, 664—667, 669—671, 673, 674, 677—679, 681—686, 695, 700, 701.

Петр Петрович (1715—1719) — сын Петра I и Екатерины I — 436.

Петр III Федорович (1728—1862) — 313.

Петров Ефрем — казацкий старшина, казнен Булавиным — || 393.

Петров Обросим — стрелецкий урядник, участник заговора против Петра; казнен 11 сентября 1689 г. — 162, 171, 172, 173, || 648.

Петров Онисим — действующее лицо из отрывков «Сто лет». См. Толстой «Сто лет».

Петровский завод — Верхнеудинского округа на реке Баляге — ||476, 487, 554, 557, 558, 563—565, 567, 572.

Петропавловская крепость — основана Петром I в Петербурге в 1703 г. Служила местом заключения — 434, || 481, 482, 487, 555, 571,

Печерская крепость — В 1679 г. около Печерской лавры в Киеве был возведен земляной вал. Петр I по собственному плану заложил здесь в 1706 г. новую крепость, оконченную в 1716 г. — 416—417.

Печерский монастырь — на Арбате в Москве — 440.

Печерский монастырь. См. Псково-Печерский монастырь.

Пимена в Воратниках церковь в Москве — 210, 420.

Пимен — монах Оптиной пустыни — 369, 371.

Питер. См. Петербург.

Пифагор (VI века до нашей эры) — греческий философ — 137.

Пичугины — крестьяне села Гавриловки — 68.

Платон (428—347 гг. до нашей эры) — греческий философ, главный представитель древне-греческого идеализма — 79, 138, || 716.

Плевна — город Болгарии. В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. турецкие войска отстаивали Плевну от нападения русских войск в продолжение нескольких месяцев — || 727.

Плещеев Александр Алексеевич — 447, 450, 458, || 553, 557, 575.

Плещеев Алексей Александрович — || 557.

Плещеев—спальник Петра I — 407, 430.

Плещеева Анна Ивановна, рожд. гр. Чернышева — 447, 450, || 553, 557.

Плещеева Настасья Ивановна, рожд. Протасова — || 557.

Плотин (204—296) — греческий философ — 352.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк — 256, || 540, 576, 622.

— «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии» — || 573.

— «Карамзин. Материалы для его биографии» — 576.

Поджио Александр Викторович (1798—1873) — || 477, 503.

Подушкин — плац-майор — || 487.

Подшивалова — || 678.

Подъяковлево — село — 418.

Позднышев Дмитрий — || 695.

Покрова Богородицы — церковь в Москве — || 566.

Покровская улица — в Москве — || 415.

Покровка (вторая) — деревня Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — 63.

Покровка на Тананыке — село, волостной центр на реке Тананыке Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — 63.

Покровское (Рубцово) — подмосковное село — 210, 415, 436.

Покровское — село — || 655.

Полевой Петр Николаевич (1839—1902) — писатель — || 587.

Поливанова Вера Николаевна. См. Бестужева-Рюмина В. Н.

Полнер Тихон Иванович — комментировал заграничное издание отрывков романа времен Петра I Толстого — || 656.

Полонное — Новоград-Волынского уезда Волынской губернии — 433.

Полоцк — город б. Витебской губернии, находился во владении Польши — 390.

Полтава — 433, 444, 455, || 568.

Полтавская битва — 27 июня 1709 г. — 437, 645.
Полтавская губерния — 452, || 561, 562.
Полтавский пехотный полк — || 560, 563.
Полторацкая Екатерина Павловна, рожд. Бакунина — || 554.
Полторацкий Александр Александрович — || 554.
Польское восстание и война 1830—1831 гг. — || 571.
Польское тайное общество — || 560.
Польша — 390, 391, 404, 443.
«Полярная звезда» — ежемесячный литературно-исторический журнал, выходивший в Петербурге в 1881—1882 гг. — || 487, 524, 552.
Понятовский Евгений Осипович — || 451, 459.
Попов Василий Михайлович — 445, 461, || 548, 581.
Попов Павел Сергеевич — || 472, 473, 510.
Порта. См. Турция.
Португалия — королевство на юго-западе Пиренейского полуострова — 447, || 551.
Посольский приказ — заведывал в XVII—XVIII вв. делами Министерства иностранных дел. — 161.
Посошков Иван Тимофеевич (1652—1726) — крестьянин, писатель, автор книги «О скудости и богатстве», за которую был арестован — 183, 210, 211, || 629, 651, 654, 655, 673.
Посошков Роман Тихонович — крестьянин, брат Ивана Посошкова — 210, 211.
Посошковы — || 651, 654, 655.
«Посредник» — издательство, основанное в 1884 г. — || 618.
Поссельт Мориц Федорович (р. 1804 г.) — писатель, биограф Лефорта: «Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit» — 2 тома, 1866 г. Он же издал: «Tagebuch des Generals Patrick Gordon» за 1655—1694 гг. 3 тома (М. 1849, 1851—1853 гг.) — || 627, 629, 673.
Постельное крыльцо — в Московском кремле — 416.
Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — «князь Таврический», фаворит Екатерины II — 230, || 698.
Потешный дворец — в Московском кремле — 420.
Потешный поход. См. Кожуховский поход.
Потоцкий гр. Северин Осипович — || 460, 545, 579, 580.
Потык Михайла — богатырь, известен в северно-русских былинах, красавец и змееборец — 403, || 666.
Прага — 254.
Прасковья Федоровна (1664—1723) — царица, жена Иоанна Алексеевича, дочь Федора Петровича Салтыкова — 418.
Предтеченский монастырь — Иоанно-Предтечев мужской монастырь в г. Туле; существовал с 1552 г. по 1799 г. — 418, || 676.
«Предсказатель монах Авель (1757—1841)» — 445, || 574.
Преображенский полк — потешный полк, организованный Петром I — 182, 201, 302, 303, 312, 432, 686.
Преображенский приказ — канцелярия Петра I; с 1702 г. — место пыток для обвиняемых в государственных преступлениях; упразднен 4 апреля 1729 г.— 240, 400, || 637—639, 677—680.
Преображенское — село близ Москвы, на берегу р. Яузы; основано Алексеем Михайловичем; здесь Петр, живший в Преображенском с малых лет, завел свои потешные полки и построил Потешный городок, крепость Пресбург — 175, 182, 183, 187, 193, 201, 209, 387, 403, 409, 414, 426, 427, 428, 431, 437.
Пресненская часть — в Москве — || 566.
Пречистенка — улица в Москве, ныне улица Крапоткина — 30.
Пречистенские ворота — в Москве — 442.
Пржецлавский О. А. «Воспоминания» — || 579.
Прибалтийский край — б. Эстляндская и Лифляндская губернии — || 484.
Приказ военных дел — 435.
Принципиум — галера, на которой плыл Петр под Азов, предпринимая второй Азовский поход — 386.

Прозоровский Алексей Петрович — сначала кравчий, в 1690 г. боярин — 439, 678.

Прозоровский кн. Борис Иванович (младший) убит 1670 г. — 439.

Прозоровский Иван Семенович — боярин, воевода в Астрахани, убит при взятии города рукой С. Разина (в 1670 г.)— 439, || 683.

Прозоровский Михаил Семенович — погиб при взятии Астрахани Разиным (в 1670 г.) — 439.

Прозоровский кн. Петр Иванович — опекун Петра I — 160, 434, 439.

Прончищева Варвара Петровна, рожд. кж. Оболенская — 455, || 566.

Протасов Андрей Иванович (ум. 1796 г.) — || 570.

Протасова Екатерина Афанасьевна, рожд. Бунина — 456, 458, || 570, 575.

Протасова Александра Андреевна. См. Воейкова А. А.

Протасьев Александр Петрович (ум. 1699 г.) — окольничий, заведывал адмиралтейством, будучи главным распорядителем по постройке кораблей в Воронеже — 425.

Протасьев Андрей Васильевич — || 566.

Протасьева Екатерина Петровна, рожд. кж. Оболенская — 455, || 566.

Протопопов Михаил Алексеевич (р. 1848 г.) — критик — || 598, 601—603, 606.

Прохоров Гр. В. — || 486.

Пругавин А. С. — «О Льве Толстом и толстовцах» — || 589, 592.

Пруссия — королевство Германии — 309, 386, 446, || 550.

Прут — приток Дуная, вытекающий из гор Галиции — || 583.

Псалтырь — сборник поэтических песнопений (псалмов), входящих в число библейских книг Ветхого завета. Составление псалмов приписывается царю Давиду— 336, 356, || 605, 607.

Псков — 432, 439, || 490.

Псково-Печерский монастырь — в трех верстах от Печер и 43 верстах от Пскова. В 1701 г. монастырь был укреплен валом и рвом; в 1703 г. русские отбили здесь шведов — 389.

Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (б. Императорская Публичная библиотека) — || 489, 533, 534.

Пунические войны — между римлянами и карфагенянами за преобладание первенства на Средиземном море: первая Пуническая война — с 264 по 141 г.; вторая — 218 г. по 201 г. и третья— 149 г. по 146 г. до нашей эры — 140.

Пупарев А. Г. «Убийство любовницы гр. Аракчеева» — || 547.

Пустозерск — село Печорского уезда Архангельской губернии — 153.

Пустотино — деревня Ряжского уезда Рязанской губернии — || 554.

«Путешествие по России англичанина» — возможно, что под этим названием Толстой имел в виду книгу Коллинза: «The present state of Russia in a letter to a friend at London written by an eminent person residing at the Great Tzars Court of Moscow for the space of nine years» (Лондон, 1667). Русский перевод — «Русский вестник» за 1841 г. (№№ 8 и 9), и «Чтения в обществе Истории и древностей» (Т. I, ч. I) — || 629.

Путята Н. В., «Николай Николаевич Муравьев» — 445, || 548.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 446, 452, 455, 458, 462, || 504, 508, 553, 554, 557, 560, 567, 568, 574, 576, 583, 584, 674, 710.

— «Бахчисарайский фонтан» — 557.

— «Богородицыны дочки» — 448, || 553.

— «Евгений Онегин» — || 508, 568.

Пушкин Андрей Никифорович — 359, || 577.

Пушкин Василий Львович (1770 —1830) —459, || 576.

Пушкин Никифор Ивотович — || 577.

Пушкин Федор Матвеевич — участник заговора на жизнь Петра I, казнен в 1697 г. — 386.

Пушкина Евпраксия Аристарховна, рожд. Кашкина (1765— 1826) — 459, || 577.

Пущин Дмитрий Александрович (1818—1894) — || 479.

Пущин Иван Александрович (1809—1882) — || 479.
Пущин Иван Иванович — 483, 503, 549, 563.
Пущин Михаил Иванович — || 480.
Пущина Анастасия Кондратьевна, рожд. Рылеева — || 479.
Пущина Евгенья Ивановна — || 479.
Пущина Наталья Дмитриевна, рожд. Апухтина, по первому мужу Фонвизина (1805—1869) — 453, || 483, 501, 503, 508, 537, 549, 563.
— «Исповедь» — || 483,
Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — || 490, 552.
— «Русские отношения Бентама» — 447, || 552.
Пятово Василиса — псаломщица у царевны Татьяны Михайловны — 435.

Рава — местечко в Галиции — 388.
Раевская Марья Николаевна. См. Волконская кн. М. Н.
Раевская Софья Алексеевна, рожд. Константинова — 455, || 567.
Раевский Александр Николаевич (1795—1868) — || 567.
Раевский Николай Николаевич — 452, 455, 462, || 542, 561, 567, 584.
Раевский Николай Николаевич (1801—1883) — || 567.
Разин Степан Тимофеевич — донской атаман, вождь крестьянского восстания XVII века, завладел Царицыным и Астраханью; казнен в Москве в 1671 г. — 220, 392, 398, 420, 439, 443.
Разрядный архив — || 695.
Разрядный приказ — центральное учреждение, ведавшее всякие воинские дела, строение и починку крепостей, вооружения их и т. п. — 435.
Разумовская гр. Варвара Петровна, рожд. гр. Шереметева — || 568.
Разумовский гр. Алексей Кириллович — 455, 457, 460, || 568, 573.
Разумовский кн. Андрей Кириллович — || 580.
Разумовский гр. Кирилл Григорьевич — || 573.
Разумовский гр. — || 479.
Рамазанов Николай Александрович (1815—1867) — || 540.
Раненбург — уездный город, б. Рязанской губернии; Петр подарил его кн. Меншикову; Р. был первоначально местом ссылки Меншикова — 432, 437.
Ратманов Андреян — дьяк — || 636, 677.
Раупах — профессор — 464.
Рахманинов Федор Иванович — 105, || 605.
Рахманова Елена Сергеевна, рожд. кж. Волконская, по первому мужу Молчанова, по второму Кочубей (1835—1916) — 471, || 541.
Резенер Федор Федорович (1825—1881) — педагог и писатель — || 610.
Резунов Никифор Федорович — 266, || 475.
Резунов Сергей — || 498.
Резунов Федор — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Резунов Федор Николаевич —269, 287, 288, || 498, 506.
Рей Жюль (Jules Rey), швейцарец из Фрибургского кантона, гувернер старших детей Толстого. Жил в Ясной поляне с 1 апреля 1875 г. по январь 1878 г. — || 700.
Репин Илья Ефимович (1844—1930) — || 525.
Репин Николай Петрович (1796—1831) — декабрист — || 572.
Репнин Иван Борисович (ум. 1697 г.) — боярин и дворецкий — 198, 199.
Репнин Никита Иванович (1668—1726) — неразлучный сподвижник Петра I; отличился во время Азовского похода; был при взятии Шлиссельбурга и Ниеншанца, участник битвы под Нарвою 1704 г.; в 1707 г. потерпел поражение при Головчине от Карла XII, за что разжалован царем в солдаты; за отличие в битве при Лесном восстановлен в прежнем чине. Командовал центром армии в Полтавском сражении. При взятии Риги первым вошел в город; во время Прутского похода командовал авангардом. При коронации Екатерины I пожалован в фельдмаршалы — 390, 399, 404, 407, 410, || 654, 665.

Репнин кн. Николай Васильевич — (1734—1801) — || 567.
Репнин кн. Николай Григорьевич — 455, || 560, 567, 568, 573.
Репнина кн. Варвара Алексеевна, рожд. гр. Разумовская (1776—1864) — 455, || 567, 573.
Репнина полк. — В 1699 г. Аниките Ивановичу Репнину поручено было сформировать в Москве девять солдатских полков; набор произведен был Р. лично. Формирование было закончено в 1700 г., и полки эти, сведенные в «дивизию», составившую «третье генеральство» действующей армии, поступили под команду Репнина — 432.
Репнины кн. — 308, 421.
Ржевская Авдотья Ивановна — 434.
Рибопьер гр. А. И., «Записки» — || 510.
Рига — в настоящее время столица Латвии; город был взят русскими в 1710 г. По Ништадтскому миру Р. перешла к России — 380, 433.
Рим — 396, 404, || 555, 696.
Римская академия — коллегиум св. Афанасия — 404.
Римский - Корсаков Григорий Александрович (ум. 1852 г.) — 459, || 576.
Рихман — подполковник, разбил булавинских казаков — 393.
Риэго-и-Нуньец — 447, || 479, 551.
Робинзон — герой романа английского писателя Дефо. Р. — моряк, спасшийся при кораблекрушении, заброшенный на необитаемый остров, но и при этих обстоятельствах сумевший устроить свою жизнь — || 634.
Ровель — муж дочери Монс (см.) — 436.
Ровинский П., «Очерки восточной Сибири» — 445, || 547.
Рогачев — действующее лицо в рассказе «Три портрета». См. Тургенев И. С., «Три портрета».
Рождествено — село Звенигородского уезда, б. Московской губернии — || 565.
Рождествено — село Копорского уезда, б. Петербургской губернии — || 438.
Рождественский бульвар — в Москве — || 564.
Рожин — стрелецкий пятидесятник, участник заговора против Петра, казнен в 1697 г. — 386.
«Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», изд. Археографической комиссии. 4 тома. Спб. 1884—1893 — || 674.
Ройе-Коллар — Пьер — 446, || 550.
Розен бар. Андрей Евгеньевич (1799—1884) — || 477, 502, 503, 527, 554, 572.
— «Записки декабриста» — || 502, 525, 554.
Романов Семен; его дело Преображенского приказа — || 678.
Ромодановская кн. Евдокия Алексеевна, рожд. кж. Голицына — 439.
Ромодановская кн. Евдокия Васильевна — жена Федора Юрьевича Ромодановского — 442.
Ромодановские кн. — 421.
Ромодановский кн. Андрей Григорьевич — по свидетельству А. Матвеева убит во время первого стрелецкого бунта 1682 г. Устрялов оспаривает это, ссылаясь на свидетельство датского резидента, подтверждаемое Медведевым — 422.
Ромодановский кн. Григорий Григорьевич — боярин; погиб во время стрелецкого бунта 1682 г. — 422.
Ромодановский кн. Федор Юрьевич (ум. 1717 г.) — ближний стольник и управляющий Преображенским приказом. Избран Петром начальником над потешным и регулярным войском. В Кожуховском походе Р. занимал самое видное место, командуя «Русскою» армиею. Тогда же стал именоваться генералиссимусом. Петр, отправляясь за границу в 1697 г., вверил Р. управление государством, присвоив ему титул князя-кесаря и его величества. Розыск по возникшему бунту был поручен Ромодановскому. Придерживался старорусских обычаев — 170, 171, 181, 182, 184, 193, 197, 387, 388, 399, 403, 407, 414, 427, 429, 431, 433, 442, || 651, 665, 683.
Россе — русская колония в Аляске — 461, || 582.
Российская академия — || 577.

Российская империя—82.
Российско-Американская компания — || 562.
Россия — 7—9, 12, 22, 30, 48, 59, 62, 83, 99, 107, 113, 144, 215, 245, 248, 319, 358, 360, 443.
Ростов (Великий) — город. б. Ярославской губернии — 196.
Рот Логгин Осипович — 456, || 568.
Рохманинов. См. Рахманинов Федор Иванович.
Роченсальм или Котка — местечко в Финляндии, близ Выборгской на берегу Балтийского моря — || 560.
Ртищев Алексей Михайлович — никонианец, дядя боярыни Морозовой — 440.
Ртищев Федор Алексеевич — сын Алексея Михайловича Ртищева — 440.
Румянцев гр. Николай Петрович — 446, 460, || 548, 579.
Румянцевский музей в Москве — 481.
Рунич Д. П. (1780—1860) — государственный деятель, обскурант — || 696.
Рунсброк — || 508.
Русанов Гавриил Андреевич (1844—1907) — || 639.
«Русская беседа» — журнал, выходивший в Москве в 1856—1860 г. С 1859 г. редакцией негласно заведывал Ив. С. Аксаков — 8, || 529, 541.
«Русская речь» — журнал, выходивший два раза в неделю в 1861 г. Издательницей была Евгения Тур — || 502, 529, 542.
«Русская старина» — ежемесячное историческое издание, выходившее в 1870—1918 гг. в Петербурге — 457, || 475, 480, 495, 545, 569, 570, 574, 578, 584, 690, 696.
«Русские ведомости» — газета, выходившая в Москве в 1863—1918 гг. — || 724, 725.
«Русский архив» — историческо-литературный журнал, издававшийся в Москве в 1863—1917 гг., основанный П. И. Бартеневым — 445, || 475, 481, 495, 502, 504, 524, 560, 578, 579, 616, 696.
Русско-Турецкая война (1828—1829 гг.). См. Турецкая война.
«Русское слово» — литературный ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1859—1862 гг. и в 1863—1866 гг. — 8, || 529, 541.
«Русское письмо» — вымышленное Толстым название журнала в одном из отрывков «Декабристов» — || 529, 542.
Русско-турецкая война. См. Восточная война.
Русь — 395, || 638, 644.
Рыбное. См. Острогожск.
Рыков — Рыковская станция близ Черкасска — 393.
Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 446, 447, 453, || 479, 492, 543, 544, 550, 552, 558, 572, 578, 582.
— «Думы» — || 550.
Рылеев Федор Андреевич (ум. 1814 г.) — || 562.
Рылеева Анастасия Матвеевна, рожд. Эссен (ум. 1824 г.) — || 562.
Рылеева Наталья Михайловна, рожд. Тевяшева (ум. 1853 г.) — || 562.
Рюиш Фредерик (1638 — 1731) — профессор анатомии. Будучи в Амстердаме в 1698 г. Петр весьма часто посещал анатомический театр Р. Во время второго заграничного путешествия Петр купил в 1717 г. анатомический кабинет Р. —386.
Рядки — Ладожского уезда, б. Петербургской губернии — 438.
Ряжский уезд — || 676.
Рязанов; его дело Преображенского приказа — || 677.
Рязанская губерния — 454, || 554, 574.
Рязанский уезд — || 636.

Сабанеева Е. А. «Воспоминания о былом» — || 566.
Саблукова Екатерина Александровна. См. Бакунина Е. А.
Савва — тамбовский монах — 396, 397.
Савватий Костромитин — чернец — 421.
Савватий Московитин — боярский холоп — 421.
Саввинский монастырь — близ Звенигорода, б. Московской губернии. Монастырю особенно покровительствовал царь Алексей Михайлович и его сын Федор — || 424.
Савенко Ф. Г. — московский педагог — || 598.

Савинкины — крестьяне села Гавриловки — 63.
Савостьян — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Савоська — действующее лицо в отрывках «Сто лет». См. Толстой Л. Н., «Сто лет».
Садовая улица в Москве — 455.
Салтыков кн. Александр Николаевич — ||555, 579, 580.
Салтыков гр. Иван Петрович — 447, ||553.
Салтыков кн. Николай Иванович (1736—1816) — ||555.
Салтыков Петр Семенович — ||553.
Салтыков Федор — убит во время бунта 1682 г. — 422.
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — ||541.
Салтыкова гр. Дарья Петровна, рожд. гр. Чернышева — 447, ||553.
Салтыкова кн. Наталья Юрьевна, рожд. гр. Головкина — ||556.
Салтыкова Прасковья Юрьевна, рожд. кж. Трубецкая — ||553.
Самара, ныне г. Куйбышев — ||473, 589.
Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901) — писатель и общественный деятель — ||606.
Самарин Петр Федорович (1830—1901) — тульский помещик — ||704.
Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — писатель и общественный деятель — 370, ||540.
Самария — средняя часть Палестины — 137.
Самарская губерния — 61, 62, 70, ||473, 495, 501, 589—592, 628, 702.
Самарская епархия — 68.
Самарская казенная палата — ||589.
Самарский край — (Самарские степи) — ||589, 634.
Самборский Андрей Афанасьевич — 452, ||561.
Самойлов Иван Борисович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой, Л. Н. «Декабристы».
Самойлович Иван Самойлович — гетман. В 1687 г. получил приказание выступить в поход; он соединился с великорусским отрядом, бывшим под начальством В. В. Голицына. Поход был очень тяжел, степи горели; среди окружающих кн. Голицына возникло предположение, что гетман приказал зажечь степь. Голицыну, имевшему личные счеты с гетманом, было наруку свалить всю вину на него. В результате С. был арестован и сослан сначала в Орел, Нижний и, наконец, в Тобольск, где он умер в 1690 г. — 161.
Самуил — монах. Тамбовского Трегуляевского монастыря — 396, 397.
Сандунов Николай Николаевич — 462, ||583.
Саранский уезд Пензенской губернии — ||636.
Саратов — 195.
Саратовская губерния — ||495.
Сарская мыза — «Саари» по-фински — «остров». Нынешнее «Детское село», в дореволюционное время — Царское, называлось в начале XVIII века Саарским селом — 436.
Сатенки — деревня Крапивенского уезда, б. Тульской губернии — ||714.
«Сборник биографий кавалергардов 1801—1826 гг.» под ред. С. Панчулидзева — ||492, 559.
Свербеев Александр Дмитриевич — ||497.
Свербеев Николай Дмитриевич (ум. 1860 г.) — 457, ||572.
Свербеева Зинаида Сергеевна, рожд. кж. Трубецкая — ||572.
Свечина Евдокия Петровна. См. Бестужева-Рюмина Е. П.
Свечь — местечко в Польше — 433.
Свистунова Татьяна Александровна, рожд. Дуранова — ||478.
Свистунов Петр Николаевич (1803—1889) — 445, 457, ||471, 476—485, 490—492, 495, 501, 503, 509, 524, 545, 559, 564, 572.
Свиязев И. И., «Воспоминания. 1824—1826. Император Александр I и граф Аракчеев» — 445, ||547.
Священный союз — заключен в Париже 26 сентября

1815 г. императорами русским и австрийским и королем прусским для распространения религиозно-нравственных начал. По смерти имп. Александра I союз распался—|| 550.

Севастополь — военно-портовый город на юго-западной оконечности Таврического полуострова — 7, 8, 33, 359, || 473, 540, 541, 587.

Севастопольская война. См. Восточная война.

Севастопольская оборона. См. Восточная война.

Северная война (1700—1721) — между Швецией с одной стороны и союзом России, Польши, Саксонии и Дании — с другой. Борьба шла за обладание берегами Балтийского моря. По Ништадтскому миру Швеция уступила России Ингерманландию, Эстляндию, Лифляндию, часть Карелии и Кексгольм — 211, || 643, 645.

Северный Донец — правый приток Дона — 393.

Северников граф — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Северное тайное общество — Верховная дума — 478, || 557, 558, 562, 564, 565, 568, 570, 571, 578.

Северо-Американские Соединенные штаты — || 582.

Седьмой Егерский полк — || 578.

Семеновский полк — 23, 201, || 532, 560.

Селенгинск — город Забайкальской области — || 486.

Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — издатель «Русской старины» — 430, 445, || 479—482, 485—488, 494, 501, 567.

Семен — шут — 436.

Семен — другое имя князя Федора Щетинина в ркп. № 1 отрывков соответствующей повести. См. Толстой «Князь Федор Щетинин».

Семенова Феодора — казачка — 421.

Семеновский полк — сформирован в 1683 г. в подмосковном селе Семеновском, под названием потешных Семеновцев; с 1687 г. они стали называться Семеновским полком — 23, 201, 263, 388, 445, 452, || 547, 560, 561, 563, 570.

Семеновское — подмосковное село — 183, 184, 187.

«Семья и школа» — педагогический журнал, выходивший в Петербурге в 1871—1888 гг. — 77, || 587.

Сенат — высшее государственное учреждение (с 1711 по 1917 г.) в Российской империи, на которое был возложен верховный надзор в делах суда, финансов и администрации — 287, 289, 407, || 495, 496, 507, 538, 549, 579, 635, 636, 637, 691, 693.

Сенатская площадь — в Петербурге — || 562.

Сенютович Иоаникий—418.

Сербинович Константин Степанович (1797—1874) — писатель — || 559, 579.

Сербия — 31.

Сергеев Александр Саввич—уфимский комиссар, притеснявший башкирцев — 391.

Сергеева бумажная фабрика — || 663, 679, 680, 691, 692.

Сергеевка — село (Жилинка тож) Твердиловской волости Бузулукского уезда, б. Самарской губернии на реке Березовке — 63.

Сергеенко П. А. «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой»— || 514.

Сергей Радонежский (1319—1392) — «преподобный», преобразователь монашества в северной России — || 617.

Сергиевская бумажная фабрика — || 661—663, 705, 712.

Сергий Нижегородец — монах, старообрядец, участник смуты 1682 г., после чего сослан — 421.

Сергия в Пушкарях церковь — в Москве — 420.

Серпов Николай Петрович—действующее лицо в рассказе «Два путника». См. Толстой Л. Н., «Два путника».

Серпухов — уездный город, б. Московской губернии. В 1708 г. был приписан к Московской губернии под именем провинциального города — 185.

Серпуховская застава — в Москве — || 540.

Серпуховская площадь, ныне Добрынинская в Москве — || 540.

Сибирь. — В 1708 г. была учреждена Сибирская губерния с губернским городом Тобольском. Это была самая большая губерния, когда-либо существовавшая. Сибирский приказ в 1710 г. заменен губернской канцелярией — 18, 19, 22, 25—27, 32, 33, 258, 403, 461, ||470—473, 477, 479, 487, 494, 497, 513, 514, 530, 532, 534, 563, 570, 577, 690, 694—697.

Сиверс гр. Яков Ефимович (1731—1808) — 459, ||556, 576.

Сидорово — деревня Мценского уезда, б. Орловской губернии — 216, 221, ||656, 699.

Сиклитиния Софья Петровна (?) — 451.

Сим — сын Ноя — 87.

Симбирск — 446, ||462, 584.

Симеон Алексеевич (1665—1669) — четвертый сын царя Алексея Михайловича — 151, 152, 155.

Симеон — архиепископ Смоленский — 418.

Симонов монастырь — в Москве — 181, 184, 189, 194, 400, 440, ||636, 651.

Симферополь — ||529, 540.

Синаксарь — толкование праздников и краткий житейник — 401.

Синий мост — в Петербурге — ||556.

Синичкины — крестьяне села Гавриловки Бузулукского уезда, б. Самарской губернии — 67.

Синод — верховное учреждение, управлявшее русскою церковью. Основан Петром I в 1721 г. — 391.

«Сионский вестник» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1806 г., 1817 и 1818 гг. — ||584.

Сирия — возвышенная область Азиатской Турции на юго-восточном берегу Средиземного моря — 137.

Сихем — город в Самарии — 137.

Сицилия — остров в Средиземном море, составляет часть Италии — ||550, 551.

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — ||515.

Скайлер (Schuyler) Евгений — ||586.

Скародное — деревня Черн-ского уезда, б. Тульской губернии — 224, ||656.

Скляев (ум. 1728 г.) — корабельный мастер, лучший судостроитель петровского времени, обучавшийся кораблестроению за границей — 399.

Склянишное царство. См. Стекольное.

Скорняков Писарев Григорий Григорьевич (р. во второй половине XVII века, ум. после 1745 г.) — обер-прокурор сенатский, присутствовал в суде над Алексеем Петровичем — 404.

Скорняково — (Архангельское тож) Задонского уезда, б. Воронежской губернии — 448, 449, ||554.

Скородное. См. Скародное.

Скородумовская станица — 393.

Славянская мыза — б. Петербургской губернии на месте современного Павловска (Слуцка) на реке Славянке — 436.

Следковы — крестьяне села Гавриловки — 66.

Слободско—Украинская губ. — ||563.

«Слово» — научный, литературный и политический журнал, выходивший в Петербурге в 1878—1881 гг. — ||503.

Случевский Константин Константинович (1837—1904) — ||515.

Смоленск — 389, ||508.

Смоленская губерния — ||578, 580.

Собакин Григорий — 442.

Соболева Анна — крепостная боярыни Морозовой — 440.

Сборник — собрание нравственно-назидательных общежитейских поучений. С. был популярен у старообрядцев — 397.

Совет министров — ||494.

«Современник» — литературный журнал, издававшийся в Петербурге в 1847—1866 гг. — 445, ||469, 541, 548.

Сож — река, левый приток Днепра — 391.

Соковнин Алексей Прокофьевич — казнен в 1697 г. за участие в заговоре Цыклера — 386, 440.

Соковнин Василий Алексеевич — 440.

Соковнин Федор Прокофьевич — дворецкий у М. Милославской — ||435, 440.

Соколов Илья Осипович (регент, запевало цыганского хора) — || 569.

Соколов Павел, «Историческое описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах» — || 551.

Соколов Петр Иванович (1764—1835) — 450, 459, || 477, 557, 577.

Соколова Анна Ивановна— 459, || 577.

Соловецкий монастырь (Соловки) — на юго-западном берегу Соловецкого острова в Белом море Кемского уезда Архангельской губернии. Так как Соловецкие монахи не хотели принимать новопечатных книг, то в 1667 г. началось возмущение; это привело к осаде Соловецкого монастыря, длившейся семь лет. В результате все защитники монастыря были казнены или разосланы по тюрьмам — 396, 407, 456, || 571, 628, 680.

Соловской уезд. Впоследствии Крапивенский уезд.

Соловьев. Ошибочно у Толстого вместо Соколов, Павел (см.)— 447.

Соловьев Александр Константинович — землеволец, казнен в 1879 г. — || 515.

Соловьев бар. Вениамин Николаевич (1798—1871) — || 570.

Соловьев Иван Григорьевич (ум. 1881 г.) — книгопродавец — || 608, 629, 631, 634.

Соловьев Михаил—священник церкви села Гавриловки — 68.

Соловьев Сергей Михайлович (1829—1879) — историк, автор «Истории России», 1—29 тт. (1851—1879 гг.) — 386, 390—401, 403—407, 409—411, 434, || 540, 551, 625, 627, 638, 647, 655, 665, 667, 669, 670, 671, 674, 675.

Сомерская волость Нарвского уезда, б. Петербургской губернии — 438.

Сомов — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Сонцов Матвей Михайлович (1779—1847) — || 508.

Софийский собор. (Ая-София.) —

Софроний — игумен Оптиной пустыни — 418.

Софья (1657—1704) — царевна, дочь Алексея Михайловича, в виду малолетства Ивана и Петра Алексеевичей, под давлением стрельцов была избрана правительницей России (1682—1689). Свергнутая и постриженная Петром I, умерла в монастыре — 151, 156—161, 163, 166—168, 171—173, 180, 387, 411, 413, 414, 421, 424, 436, 442, || 625, 643, 647, 648, 665, 667, 682, 700.

Союз благоденствия— || 508, 546, 560, 564, 565, 570, 571.

Союз спасения — || 560, 561, 564, 571.

Спаса на Чигасах церковь — в Москве — 420.

Спасо - Преображенский собор в Московском кремле — 416.

Спасские ворота (Фроловские) — в Московском кремле, соединяют Кремль с Красной площадью, против церкви Василия блаженного — 415, 416, || 680.

Спасский монастырь — б. Вологодской губернии — || 638.

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ — || 725.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — 457, 461, || 573, 581.

«С.-Петербургские ведомости» — газета, выходившая с 1728 г. по 1918 г. — || 632.

Спиридов Михаил Матвеевич (1796—1854) — 465.

Срезневский Всеволод Измайлович — || 633, 640, 641.

Сретенка (Устретенка) — улица в Москве — 303, 313.

Сретенские ворота — в Москве было двое Сретенских ворот — в Белом и Земляном городе, между ними находилась улица Сретенка — 415.

Сретенский собор в Москве — 415.

Стадлер — француженка — 455, || 567.

Стальдинг бар. Елизавета Ивановна. См. Видбург Е. И.

Стальников — действующее лицо в рассказе «Собеседники». См. Толстой Л. Н., «Собеседники».

Старо-Газетный переулок в Москве — || 541.

Старо-Ивановка — деревня Бирючевского уезда, б. Воронежской губернии — 451, || 558.

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — || 481, 482, 488—492, 494, 510, 513, 524—527, 635, 639, 644, 673, 675.

Стасюлевич Михаил Матвеевич — || 502, 503.

«М. М. Стасюлевич и его современники в переписке» — || 503.

Стахович Софья Александровна — || 528.

Стекольное (Стекольня, Склянишное) — так русскими в XVII и XVIII вв. назывался Стокгольм, столица Швеции — 218, 397, 399, || 639, 655, 657.

Степан — дьячок, в монашестве Самуил (см.) — 396, 397.

Стефан — доктор — 394.

Стефан Комельский — «преподобный», построил себе келью на берегу Комельского озера в 35 верстах от Вологды. Умер в 1542 г. — 417.

Стефани Генрих (1761—1851) — баварский педагог, основатель звукового метода обучения грамоты, автор многих методических и педагогических сочинений — || 610.

Стокгольм — столица Швеции — 412, 413.

Столыпин Аркадий Алексеевич (1778—1825) — 460, || 504, 579.

Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — 369, 370, || 475, 481—484, 485, 486, 488—491, 493, 499, 502, 505, 507—511, 525, 587, 588, 608, 609, 623, 628, 633, 635, 636, 644, 674, 689, 693—695, 702, 703, 705, 707, 716, 718—721, 724, 725, 727, 728, 730—732, 734, 735.

— «Мир как целое» — || 718.

Стрелецкая слобода — в Москве. Стрельцы делились на приказы, жившие отдельными слободами — 154, || 646.

Стрелецкий бунт — в мае 1682 г. Осенью того же года бунт был ликвидирован, его руководители (Хованский и др.) казнены — 421—422, 667.

Стрелецкий полк — 154.

Стрелецкий приказ — заведывал первоначально всеми стрельцами как московскими, так и городскими, собирал для них стрелецкие деньги с разных классов жителей, выдавал им жалованье, давал суд и расправу и т. п. В конце XVII века С. п. стал, повидимому, ведать только московских стрельцов — 170, 399.

Стрешнев Тихон Никитич (ум. 1719 г.) — боярин. Дядька Петра I. В 1689 г. производил розыск по делу кн. В. В. Голицына. Заведывал Разрядным приказом. Участник Кожуховского похода. Выполнял разнообразные поручения в 1696 г. при поездках Петра в Воронеж. В 1708 г. — московский губернатор, в 1711 г. — сенатор. Петр часто называл его «отцом» — 159, 181, 193, 407, 425, 435.

Строганов бар. Александр Григорьевич (1698—1754) — крупный солепромышленник. Вместе с братом возведен Петром I в баронское достоинство. Владел золотошвейным заведением в Москве — 396.

Стюрлер Николай Карлович — || 578.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — писатель и журналист — || 502, 503, 606, 641.

Суворов Василий Иванович (1705—1775) — в 1753 г. произведен в ген.-майоры, губернатор Пруссии (1760—1761); ген.-аншеф — 303, 308.

Суздаль — уездный город Владимирской губернии — 438.

Сукин Александр Яковлевич (1765—1837) — || 482, 487.

Сумбулов Максим — дворянин, стоял за Иоанна против Петра I после смерти Федора Алексеевича — 421.

Сумы — уездный город, б. Харьковской губернии — 433.

Сусанна — под этим именем была пострижена царевна Софья в монастырь (см.) — 387.

Сутгоф Александр Николаевич (1801—1872) — || 477.

Сухарев стрелецкий полк — 201.

Сухинов Иван Иванович (1795—1828) — || 456, 570.

Сухотина Татьяна Львовна,

рожд. Толстая (р. 1864 г.) — ||524, 587.

Сухтелен гр. Павел Петрович (1788—1833) — ||572.

Сыроечковский Борис Евгеньевич — ||483.

— «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи» — ||491.

Сыскной приказ — приказ исполнял поручения царя по разным делам, а также занимался розыском по делам, на него возложенным. Вероятно был уничтожен вместе с учреждением тайного приказа — ||637, 676.

Таганрог — город на берегу Азовского моря — 392, ||462, 584.

Таганрогский округ — ||546.

Тагино — имение б. Орловского уезда — 448, 449, ||554, 555, 558.

Тайницкие ворота (Водяные) — ворота в Кремле — 416.

«Тайные общества в России в начале XIX столетия» (ТО) — ||480, 482, 483, 512, 524.

Талицкий Григорий — книгописец, раскольник. Учил, что Петр I — антихрист. Сослан в Сибирь. Против Т. написана книга С. Яворского: «Знамения пришествия антихристова и кончины века» — 400, 439.

Тальская бумажная фабрика — ||714.

Таманская Анна Ивановна — 451, ||559.

Тамбов. — В 1719 г. Т. сделан главным городом учрежденной Тамбовской провинции Азовской губернии — 393.

Тамес или Тамсен — фабрикант при Петре I — 396.

Тананык — река в б. Самарской губернии — 63, 70, ||589.

Танский — молдавский полковник, вступивший на русскую службу — 406.

Тарас — шут — 436.

Тарасий; его дело Преображенского приказа — ||679.

Тараска. См. Фоканов Т.

Тарасов Д. К., «Воспоминания моей жизни» — ||510, 549, 579, 584.

Тарлыков Григорий; его дело Преображенского приказа — ||677.

Таруса — уездный город б. Калужской губернии — ||503.

Татаринова — 446.

Татаринова Екатерина Филипповна — ||549, 576.

Татищев гр. Александр Иванович (1762—1833) — 461, ||581—582.

Татищев Алексей Данилович (1697—1760) — в молодых годах служил денщиком у Петра. При дворе Анны Иоанновны отличался изобретением развлечений. Ему принадлежит идея постройки ледяного дома с устройством в нем шутовской свадьбы. В 1740 г. между Зимним дворцом и адмиралтейством был построен дом из ледяных плит, с ледяными пушками, дельфинами, выбрасывавшими из пасти зажженную нефть и т. п. При Елизавете пожалован в генерал-аншефы — 402, ||665.

Татищев Афанасий Данилович (1685—1750) — начал службу комнатным стольником, затем был в числе потешных Петра I; подобно брату был денщиком Петра. Дослужился до чина генерал-майора — 402, ||665.

Татищев Василий Никитич (1686—1750) — историк, участник взятия Нарвы, Полтавской битвы и Прутского похода. Бывал за границей, письмоводитель Брюса. В 1720 г. он был послан «в Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные места, построить заводы и из руд серебра и медь плавить». В 1730 г. составил политический проект ограничения царской власти сенатом — 396, 402, 407, ||665, 666.

Татищев Дмитрий Павлович — 456, ||571.

Татищева — подверглась наказанию по Суздальскому делу 1718 г. — 434.

Татищева Юлия Александровна, рожд. Конопка, по первому браку Бевобразова — 456, ||571.

Татьяна — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Татьяна Михайловна (1636—1706) — дочь царя Михаила Федоровича — 151, 435.

Ташкент — ||495.
Тверская застава — в Москве — 210, ||565, 653.
Тверская улица в Москве, ныне улица Горького — 9, 411.
Тверь, ныне гор. Калинин — 438, ||560, 571.
Театральный проезд — в Москве — ||541.
Тевяшев Михаил Андреевич — острогожский помещик — ||562.
Тельный Василий — донской атаман — 394.
Телятинки — деревня Крапивенского уезда, б. Тульской губернии — ||593.
Терек — река в б. Терской области на Кавказе — 391, 392.
Терентий Николаев — действующее лицо неоконченной повести «Труждающиеся и обремененные». См. Толстой Л. Н., «Труждающиеся и обремененные».
Тимофеев Парфен — стрелец, участник бунта Разина, поднял Азовских стрельцов — 398.
Тимрот Егор Александрович — ||589.
Тиммерман Франц Федорович (ум. 1702 г.) — голландский купец, учитель Петра I по геометрии и фортификации, корабельный мастер — 201, ||680.
Тиндаль Джон-Николас (1820—1893) — английский физик — 369, ||735.
Титов полк — 420.
Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915) — московский педагог — ||593, 594, 596—598, 600, 606.
— «Из воспоминаний о Толстом» — ||594, 600.
Тихоновна — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».
Тобольск — ||478, 564.
Тобольская губерния — ||478, 558, 560.
Тобольское общее губернское управление — ||478.
Толбин — 451.
Толстая Агафья — тетка Петра Андреевича Толстого — 438.
Толстая гр. Александра Андреевна (1817—1904) — 469, 472, 473, 481, 483, 484, 494, 501, 511, 513, 526, 586, 590, 591, 627, 628, 629, 637, 645, 689, 690, 693, 695, 699, 702, 710, 723, 727.
Толстая Александра Ивановна, рожд. кж. Щетинина (ум. 1811 г.) — жена Андрея Толстого — ||653.
Толстая Александра Львовна — ||528.
Толстая Анисья Кирилловна — 407, 434, 437.
Толстая Мария Николаевна (1830—1912) — сестра Толстого — ||503, 512, 620.
Толстая Настасья — тетка Петра Андреевича Толстого — ||438.
Толстая гр. Пелагея Николаевна, рожд. кж. Горчакова (1762—1838) — жена гр. И. А. Толстого, бабка Толстого — ||512, 513, 694, 696.
Толстая Прасковья Ивановна. См. Толстая Прасковья Михайловна.
Толстая гр. Прасковья Михайловна, рожд. Ртищева (ум. 1748 г.) — жена Ивана Петровича Толстого. В «Родословной Долгорукова» ошибочно женой И. П. Толстого названа Прасковья Ивановна Троекурова, вслед за Долгоруким и Толстой считал женой И. П. Толстого Троекурову. Об этой ошибке см. статью Модзалевского, «Род Графа Л. Н. Толстого» («Толстой. Памятники творчества и жизни» т. I, стр. 29) — ||628.
Толстая гр. Соломонида Тимофеевна, рожд. Дубровская (ум. 1722 г.) — ||628, 671.
Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс (1844—1919) — жена Толстого — ||470, 472, 473, 475, 476, 478—480, 482, 490, 494—496, 504—508, 514—517, 518, 519, 522, 538, 539, 586, 589, 590, 592, 593, 609, 620, 622, 624, 627, 629—632, 634, 636, 640, 642, 644, 645, 649, 656, 658, 660, 661, 668, 669, 673, 674, 681, 683, 689, 693, 707, 710, 716, 728, 734.
— «Дневники С. А. Толстой 1860—1891». Изд. Сабашниковых. 1928 — ||473, 478—479, 485—490, 504, 505, 514, 630—632, 634, 643, 656, 689, 716, 728, 733.
— «Мои записи разные для справок» — ||472, 514, 624.
Толстовский ежегодник — ||640.

Толстовский музей государственный (включ. архивы Т. А. Кузминской, С. А. Толстой и В. Г. Черткова) — || 472, 475, 478, 479, 487, 493, 494, 499, 504, 505, 507, 511, 528, 544, 587, 593, 616, 623, 668, 671, 695, 717, 721, 725.

Толстой гр. Андрей Иванович (1721—1803) — || 653.

Толстой гр. Дмитрий Андреевич (1823—1889) — писатель и государственный деятель; с 1866 г. по 1880 г. был министром народного просвещения — || 709, 710.

Толстой гр. Дмитрий Николаевич (1827—1856) — || 512, 666.

Толстой Иван Андреевич — разделяя убеждения отца, выступил вместе с братом Петром активным участником бунта 1682 г.; три года спустя по смерти А. Милославского примкнул к сторонникам Петра I — 402, 407, 413, 438, || 628, 671, 680.

Толстой гр. Иван Петрович (1685—1728) — был отправлен с отцом в Константинополь в 1702 г. В 1726 г. — президент юстиц-коллегии; в 1727 г. был вместе с отцом сослан в Соловки, где и умер в следующем году. Так как восстановление в правах Толстые получили уже при Елизавете, то следует счесть ошибкой запись Толстого: «Трогательно и важно то, что Иван не захотел вернуться, когда ему было возвращено это право» — 407, || 628.

Толстой гр. Илья Андреевич (1757 — 1820) — дед Толстого — 303.

Толстой Илья Андреевич (ум. 1879 г.) — || 693—694.

Толстой Илья Львович (1866—1933) — || 495, 587, 590.

— «Мои воспоминания» — || 587, 590.

Толстой Лев Львович (р. 1869 г.) — || 495.

Толстой Лев Николаевич:

— «Азбука» — || 586—588, 601, 608, 609, 617, 619, 627, 628.

— «Анна Каренина» — 472, 510, 515, 543, 619, 620, 623, 632—634, 642, 721, 726, 727; (Кознышев) 619; (Левин) 619; (Облонские) 633.

— «Бумаги Петра» — || 638, 443, 649, 653, 656, 664—667, 669, 673, 679—680.

— «Война и мир» — 469, 470, 472, 475, 476, 479—481, 490, 502, 508, 517, 542, 579, 587, 624, 625, 627, 630, 632, 642, 673, 690, 693, 715; (Алпатыч) 508; (Пьер Безухий) 472; (Лиза Болконская) 542; (Николай Болконский) 472.

— «Воскресенье» — || 509.

— «Воспоминания» — || 513.

— «Два гусара» — || 469.

— «Два путника» — 620—621; (Борсин) 620; (Серпов) 620.

— «Два старика» — || 518.

— «Декабристы» — || 469, 470, 471, 472, 474, 475, 481, 486, 488, 490, 501, 513—515, 517, 518, 525, 529, 535, 536, 539, 541—544, 554, 580, 634, 637, 639, 642, 656, 658, 689; (Аксатовы) 542; (Апухтин) 501, 537; (Апыхтин) 501, 537; (Арина) 500; (Базыкин) 498, 500; (Болхин) 475, 498, 506; (Борисов) 499; (Бровкин) 506; (Бурцев) 497; (Варвара Дмитриевна) 530; (Влас) 498; (Гагарин Сергей) 512; (Гагарин Федор) 513; (Гагарина М. Я.) 512; (Графена) 506; (Деев) 506; (Евыков) 513; (Ермилин) 475; (Жидков) 506; (Загорецкий) 500; (Карп) 500, 506; (Козлов) 475; (Кондрашев) 506; (Копылов) 506; (Кринская) 542; (Лабазов) 470—471; (Ложье) 534; (Макарычев) 475; 498; (Маша) 501; (Митенька) 508; Михаил Герасимович) 507; (Настасья Федоровна) 500; (Никифор) 475; (Одоевский) 549; (Одуевский) 500; (Осипов) 506; (Пахтин) 534, 541; (Пелагеюшкин) 498; (Петр) 500; (Платон) 498; (Резунов) 498, 506; (Севостьян) 475; (Самойлов) 500; (Северников) 541; (Сомов) 498, 500; (Тараска) 498; (Татьяна) 508; (Тихоновна) 507, 508; (Тругони) 542; (Федотов Иван) 537; (Фоканов) 498; (Хролков) 498; (Чернышев гр. Григорий Иванович) 500—501, 505, 507, 536, 542; (Чиферин) 542; (Шевалье) 541.

— «Детство» — || 513; (Иртеньев) 736.

— «Дневники» — || 525, 527, 541, 715.

— «Дневник помещика» — || 498.

— «Живой труп» — || 509.

— «Житие и страдания мученика Юстина Философа» — || 618.

— «Житие преподобного Сергия Радонежского» («Азбука») — || 617.

— «Замечания о Лябрюейре и Руссо» — || 715.

«Записки Федора Кузмича» — 509.

«Записные книжки» — || 542—544, 547, 552, 573, 624, 625, 629,634, 635, 644, 669, 671, 673, 674, 676.
— «Исповедь» — || 514, 515, 518, 623, 658.
— «Исследование догматического богословия» — || 623.
— «Князь Федор Щетинин» — || 689, 691; (Барятинский) 692; (Мещеринов) 691, 692; (Острожский) 692; (Семен) 691; (Федор Щетинин) 690, 692.
— «Корней Захаркин» — 627, 634—637, 643, 656, 657; (Евстигней) 657; (Захар) 656; (Феофан) 657; (Щербач) 657.
— «Неизданные художественные произведения» со вступительными статьями А. Е. Грузинского и В. Ф. Саводника — || 612.
— «Новый суд в его приложении» — || 705.
— «О будущей жизни вне времени и пространства» — || 715—717.
— «О дровосеке Мурине» — || 617.
— «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни» — || 718, 719, 721.
— «О значении христианской религии» — || 723.
— «О народном образовании» — 337, || 593, 608—611, 614, 714.
— «Определение религии-веры» — || 731.
— «Отец Сергий» — || 509.
— «Отрочество» (Николенька) — || 715.
— «Отрывок без заглавия» — || 715.
— «О Филагрии монахе» — || 617.
— «О царствовании императора Александра II» — || 728.
— «О целях философии» — || 715.
— «Первая книга для чтения» — || 634.
— «Письмо к издателям» — || 588.
— Письма Толстого:
П. И. Бартеневу — || 634.
С. Н. Бибиковой — || 478.
П. И. Бирюкову — || 496.
кн. Г. М. Волконскому — || 526.
Н. К. Гирсу — || 637.
П. Д. Голохвастову — || 617, 629—631, 633.
В. А. Ислявину — || 494, 495, 506.
И. Е. Конкину — || 497.
Леониду, архимандриту — || 617—618.
Д. Н. Набокову — || 637.
Н. М. Нагорнову — || 608.
П. Н. Свистунову — || 482, 483, 509, 545, 564.
М. И. Семевскому — || 485.
В. В. Стасову — 489, 490, 525—527, 635.
М. М. Стасюлевичу — || 503.
Н. Н. Страхову — || 475, 482, 483, 488, 490, 493, 505, 507, 587, 588, 629, 636, 689, 690, 693, 695, 702, 703, 710, 716, 718, 719, 720, 723, 725, 728, 730, 732—733.
А. С. Суворину — || 606.
гр. А. А. Толстой — || 469, 472, 484, 485, 501, 511, 586, 590, 591, 627, 628, 629, 637, 645, 689, 690, 693, 702, 710, 723, 727, 735.
С. А. Толстой — || 475, 479, 482, 589.
гр. И. А. Толстому — || 693—694.
гр. С. Н. Толстому — || 504, 511, 600.
А. А. Фету — || 590, 627, 629, 632, 704—705, 715, 723, 727.
— Письма к Толстому:
А. П. Беляева — || 480, 482.
А. А. Берса — || 631.
С. А. Берса — || 495.
К. Н. Бестужева-Рюмина — || 494.
С. Н. Бибиковой — || 478.
М. А. Веневитинова — || 493.
кн. Г. М. Волконского — || 526.
кн. Д. С. Горчакова — || 695.
кж. Е. С. Горчаковой — || 694.
В. А. Ислявина — || 494—495.
Н. А. Некрасова — || 608, 609, 714.
И. Н. Николева — || 635, 636, 691, 695.
кн. И. Е. Оболенского — || 503.
П. Ф. Перфильевой — || 493, 494.
Д. Повднышева — || 695.
П. Н. Свистунова — || 483.
М. И. Семевского — || 485—486, 488, 501—502.
В. В. Стасова — || 488—489, 491, 492, 510, 513, 639, 644.
М. М. Стасюлевича — || 502, 503.
Н. Н. Страхова — || 485, 488, 490, 491, 502, 510, 608, 609, 689, 694, 720, 725, 728, 732.
А. С. Суворина — || 502—503.
гр. А. А. Толстой — || 484, 501, 511, 690.
— «Поликушка» — || 498.
— «Полное собрание сочинений» (пятое издание) — || 517, 521.
— «Полное собрание художественных произведений» ГИЗ. 1928 (в 15 томах) — || 633, 641, 646.

— «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого» под ред. В. Черткова. Издание А. Л. Толстой. Т. III. М. 1911 — || 621.
— Правила для педагогических курсов — || 712.
— Прения о вере — || 623.
— «Произведения последних годов» — || 609.
— «Пролог» («Декабристы») — || 512, 513, 538.
— «Психология обыденной жизни» — || 726.
— «Пути жизни» — || 498, 499, 535.
— «Разговор о науке» — || 619.
— «Роман времен Петра I» — || 627, 632, 633, 634, 643—646, 664, 673, 674, 679, 690; (Ерлоков) 649, 650; (Хрущев) 650; (Алексей Щепотев) 650, 651, 654; (Анна Тихоновна Щетинина) 653; (Никита Щетинин) 651, 653; (Илья Щетинин) 653; (Иван Лукич Щетинин) 649, 651, 652; (Лев Щетинин) 653; (Петр Щетинин) 653; (Григорий Щетинин) 653.
— «Святочная ночь» — || 569.
— «Севастопольские рассказы» — || 541.
— «Сказка» — || 616.
— «Собеседники» — 623, 733; (Стальников) 734; (Юнович) 734.
— «Собрание сочинений Л. Н. Толстого (двенадцатое издание) — || 592.
— «Старое и новое» — || 625, 646, 662.
— «Сто лет» — 500, 513, 636, 637, 643, 644, 658, 659, 664, 675, 699; (Дмитрий) 659; (Бодров) 660; (Иван) 660; (Марфа) 659; (Онисим) 659, 660; (Савоська) — 659.
— «Страдания св. мученика Феодора» — 618.
— «Страдания св. Петра, Андрея, Павла и Христины» — 618.
— «Стрельцы» — || 639, 646.
— «Стыдно» — || 524.
— «Терентий Николаев» — одно из заглавий (по ркп. № III) повести «Труждающиеся и обремененные» — || 693, 698, 699, 701.
— «Труждающиеся и обремененные» (Терентий Николаев) — 500, 659, 693, 698—701.
— «Тысяча восемьсот пятый год» — || 469, 472.
— «Тысяча семьсот пятьдесят седьмой год» — || 697, 699.
— «Хаджи Мурат» — || 484, 525, 528.
— «Христианский катехизис» — || 730.
— «Юность» — || 715.
— «Юношеские опыты» — || 715.
— «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. Труды Толстовского музея» — || 482.
— «Толстой. Памятники творчества и жизни» — || 525.
Толстой гр. Николай Ильич (1795—1837) — отец Толстого — || 512, 513.
Толстой гр. Николай Николаевич (1823—1860) — брат Толстого — || 512, 513, 699.
Толстой гр. Петр Андреевич (1645—1729) — стольник государев. Примыкал к партии Милославских. Павлов Сильванский говорит о Т.: «В искусной подготовке стрелецкого бунта, доставившего власть царевне Софии Алексеевне, он впервые проявил дипломатические свои способности, которыми славился позднее, в Петровское время». Известны слова Петра I к Т.: «Голова, голова, кабы не так умна ты была, давно бы я отрубить тебя велел». Петр говорил также о Толстом, что «он очень способный человек, но, ведя с ним дело, надо из предосторожности держать за пазухой камень, чтобы выбить ему зубы, если он вздумает укусить». Т. с 1701 г. занимал ответственный пост посла в Турции. После Полтавской победы был посажен турками в Семибашенный замок. Пожалованный в сенаторы Т. был привлечен к следствию над царевичем. В 1724 г. получил графский титул. За агитацию в пользу Елизаветы был сослан в 1727 г. в Соловки, где и умер — 407, 424, 425, 442, || 628, 653, 671, 680, 683.
Толстой Сергей Львович (р. 1863 г.) — || 545, 587.
Толстой гр. Сергей Николаевич (1826—1904) — || 504, 511—513, 600.
Толстой гр. Федор Иванович (1787—1846) — || 541.
Толстой Юрий, «О духовном союзе Е. Ф. Татариновой» — || 576.
— «Очерк жизни и службы Е. А. Головина» — || 582.
Толстые — || 512, 628.

Тормасов гр. Александр Петрович — 457, || 573.
Торунь — местечко в Польше — || 431.
Траверсе Жан-Франсуа (Иван Иванович) — 458, 461 || 574, 581.
Трегуляевский Тамбовский монастырь — 397.
Третий пехотный полк — || 568.
Трех избенский городок — 391.
Трилесье (Трилесы) — село Васильковского уезда, б. Киевской губернии — 456, || 568, 569.
Триодь постная — богослужебная книга, которая содержит изменяемые молитвы для дней приготовительных к великому посту и для самого великого поста — 401.
Троекуров кн. Иван Борисович — боярин, начальник стрелецкого приказа — 399, 442.
Троекуров кн. Иван Иванович — комн. стольник — || 442.
Троекуров кн. Федор Иванович (ум. 1693) — стольник и спальник — 442.
Троекурова кн. Анастасия Феодоровна, рожд. Лопухина — 434, 442, || 628.
Троекурова кн. Анна Семеновна — вторая жена Ивана Борисовича Троекурова — 442.
Троекурова кн. Ирина Петровна, рожд. Салтыкова—жена Ивана Ивановича Троекурова — 442.
Троекуровы кн. — 442.
Троица. См. Троице-Сергиевская лавра.
Троицкая дорога — дорога из Москвы в Троицкую лавру — 395.
Троицкая площадь — в Петербурге — || 636.
Троице-Сергиевская Лавра — монастырь б. Дмитровского уезда Московской губернии, в 68 верстах от Москвы. Служил для царей охраной в тяжелые времена: сюда удалились государи в 1682 г., сюда бежал Петр в 1689 г., спасаясь от убийц. События, происходившие в Троицкой лавре в сентябре 1689 г., воспроизведены Толстым в ряде вариантов цикла Б Романа времен Петра I — 49, 158, 160 — 168, 172, 174, 175, 179, 291, 293, 389, 409, 423, 424, 436, 514, 647, 648.
Троицкая церковь — в Троице-Сергиевской лавре — 415, 416.
Троицкие ворота — (Ризположенские) — начаты постройкой Фрезином Петроком в 1535 г., ведут из Московского кремля в сторону Воздвиженки — 415, 416.
Троицкий Дмитрий Федорович — || 721.
Троицы в Вишняках — церковь в Москве — 420.
Тропинин Василий Андреевич (1780—1857) — 477.
Тросны (Тросна) — деревня Ефремовского уезда Тульской губернии — 115.
Трофим — старовер, монах Симонова монастыря — 440.
Троцкий Исаак Моисеевич — || 486, 567.
Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) — 458, || 574.
Трубецкая кн. Варвара Ивановна, рожд. Одоевская — жена кн. Дмитрия Юрьевича Трубецкого — 442.
Трубецкая Екатерина Ивановна, рожд. Лаваль (ум. 1854 г.) — || 503.
Трубецкая кн. Елена Григорьевна, рожд. кж. Черкасская — первая жена Юрия Юрьевича Трубецкого — 443.
Трубецкая кн. Ирина Васильевна, рожд. кж. Голицына — жена кн. Юрия Петровича Трубецкого — 443.
Трубецкая кн. Ольга Ивановна, рожд. Головина, — жена кн. Юрия Юрьевича Трубецкого — 443.
Трубецкие кн. — 308, || 671.
Трубецкой бастион — в Петропавловской крепости в Петербурге — 417.
Трубецкой кн. Дмитрий Юрьевич — 442.
Трубецкой кн. Сергей Петрович (1790—1860) — 460, || 477, 493, 502, 503, 525, 529, 572, 580, || 671. — «Записки декабристов» — || 493, 502.
Трубецкой кн. Юрий Петрович (ум. 1679 г.) — 443.
Трубецкой кн. Юрий Юрьевич (1668—1739) — 407, 425, 443.
Трубникова Мария Ва-

сильевна, рожд. Ивашева (1835—1897) — || 489.

Тругони Луиза Карловна — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой Л. Н., «Декабристы».

Трузсон Луиза Ивановна. См. Волконская кн. Л. И.

Трусов — плац-адъютант Петропавловской крепости — || 482.

Трухменская степь — в северо-восточной части Ставропольской губернии — 13.

Тула — 142, 214, 302, 323, 392, 425, 444, || 479, 512, 664, 676.

Тульская губерния — 113, 119, 213, 327, 331, 418, || 512.

Тульский окружной суд — 321, || 703, 704.

Тульский оружейный завод — || 494.

Тульское земство—125, || 712.

Тульский уезд — 119, 125, 418, || 636.

Туманский Федор «Собрание разных записок и сочинений о жизни Петра Великого» ч. 1—10. Спб. 1787—1788. Собрание это имеется в яснополянской библиотеке — 424, 438, || 629, 667, 670.

Тунка — село б. Иркутской губернии и уезда — || 697.

Тургенев Александр Иванович — 458, 460, 461, || 504, 552, 557, 574, 575, 579, 581.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 502, 541, 597, 598.

— «Три портрета» — 697; (Лачинов) 698; (Ольга Ивановна) 697; (Рогачев) 698.

Тургенев Николай Иванович — || 511, 579, 580.

— «La Russie et les russes» — || 502, 511, 579.

— «Воспоминания изгнанника»— || 579.

Тургенев Яков — шут Петра I — || 426.

Турецкая война (1828—1829 гг.) — Официальным поводом к началу войны, прикрывавшим стремление правительства Николая I к захвату проливов, была защита прав единоверных греков против деятельности султана Махмуда, отстаивавшего интересы ислама. Русским судам был запрещен вход в Босфор. Турецкая столица была перенесена в Адрианополь, турки стали укреплять дунайские крепости. Объявив войну Турции, Николай I приказал войскам, стоявшим в Бессарабии, вступить в турецкие пределы. Война 1828—1829 гг. кончилась поражением Турции, приведшим к Адрианопольскому миру—|| 473, 570.

Турецкая война. См. Восточная война.

Туринск — окружной город, б. Тобольской губернии — || 565.

Туркинские минеральные воды — в б. Забайкальской области, Баргузинского округа, на юго-восточном берегу Байкала — || 557.

Турчанинова — магнитизерка — || 460, 579.

Турция — 309, 359 || 686, 706.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — поэт. Известны отзывы Толстого о Тютчеве, которого Толстой очень высоко ставил и как поэта и как человека. В связи со своей встречей с Тютчевым в 1871 г. Толстой писал Страхову: «это гениальный, величавый и дитя старик». В письме к Фету Толстой характеризует Тютчева, как «величественного и простого и такого глубокого, настояще-умного старика». Отсюда сравнение Петра Андреевича Толстого с Тютчевым, намеченное Толстым в «Бумагах Петра» — 402, || 666.

Тютчева Анна Федоровна. См. Аксакова А. Ф.

Уваров гр. Сергей Семенович (1786—1855) — 457, 458, || 573, 575.

Уваров гр. Александр Федорович — || 512.

Уваров гр. Сергей Федорович — || 512.

Уваров гр. Федор Александрович (р. 1780 г.) — участник Наполеоновских войн, в 1827 г. пропал из дома — 454, 460, || 509, 512, 513, 545, 564, 565, 577.

Уварова Афимья — жена кн. Василия Дмитриевича Горчакова — 438.

Уварова гр. Екатерина Сергеевна, рожд. Лунина — 454, || 509, 512, 564.

Уварова гр. Наталья Петровна, рожд. кж. Горчакова — || 512.

Уваровы — крестьяне села Гавриловки — 66.

Украина — 406, || 573.
Украинцев Емельян Игнатьевич — думный дьяк, убеждал стрельцов присягнуть Петру I. Был приверженцем кн. В. В. Голицына, в 1689 г. прощен Петром и оставлен на прежнем месте; позднее — думный советник и посланник — 427.
Умео — город в Швеции — 413.
Упа — река, правый приток Оки — 432, || 676.
Уральского войска земля — 64.
Урик — селение близ Иркутска — || 476, 564.
Урусов кн. Петр Семенович — участвовал в подавлении Равинского бунта — 440.
Урусов кн. Сергей Семенович (1827—1897) — 369, || 736.
Урусова кн. Евдокия Прокофьевна, рожд. Соковнина (ум. 1672 г.) — единомышленница своей сестры Морозовой, заточена за преданность расколу — 440, 441, || 671.
Усмань — уездный город, б. Тамбовской губернии. Основан в 1646 г., как жилой острог в безлюдной Ногайской степи — || 638.
Успенья церковь — в Москве — 419.
Успенский собор — в Московском кремле, основанный в 1326 г. — 11.
Устинья — инокиня, раскольница, сожжена в срубе — 441.
Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — историк, автор «Истории царствования Петра Великого», усиленно изучавшейся Толстым. Вышло всего пять томов: I, II и III — в 1858 г.; IV — в 1863 г.; VI — в 1859 г. Изложение истории Петра I доведено до событий 1706 г.: отдельно изложена жизнь царевича Алексея Петровича — 416, 417, 420, 425, 434, 437, || 624, 627, 629, 631, 647, 650, 654, 658, 667, 670, 671, 674.
Утин Яков Осипович — || 495.
Уфа — губернский город — 391.
Уфимская губерния — 62.
Училище колонновожатых — 445, 464, 465, || 555, 570.
Училищный совет Крапивенского земства — 337, || 713, 714.
Ушаков гр. Андрей Иванович (1672—1747) — начальник тайной розыскной канцелярии, сын бедного дворянина. В 1714 г. получил звание тайного фискала. В 1730 г. — сенатор: в 1731 г. — начальник канцелярии тайных розыскных дел. Предал своего благодетеля Бирона и получил за это Андреевскую ленту. В 1744 г. возведен в графское достоинство. Бантыш-Каменский пишет про У.: «Его упрекают в пристрастных действиях, особливо когда Бирон подозрительный, кровожадный, подавлял Россию своею железною рукою. Управляя тайною канцеляриею, он производил жесточайшие истязания, но в обществах отличался очаровательным обхождением и владел особенным даром выведывать образ мыслей собеседников» — 402, || 554, 665, 666, 680.
Ушинский Константин Дмитриевич — 92, 97, 115, || 603, 610.

Фадемрехт Елена — дочь пастора — 436.
Фадемрехт — пастор — 436.
Фаленберг Петр Иванович (1791—1873) — || 585.
Фамендина полк — 201.
Федор Алексеевич (1661—1682) — царь (1676—1682); был женат первым браком на Агафье Семеновне Грушецкой, вторым — на Марфе Матвеевне Апраксиной — 151, 153—157, 159, 160, 163, 175, 195, 420, 421, 435, 436, 444, || 645—647, 653, 679, 682, 683.
Федор Босой — юродивый, раскольник — 440.
Федор Кузьмич — || 565.
Федор Щетинин. См. «Князь Федор Щетинин».
Федоров Иван — крепостной, брат Ефросиньи, любовницы царевича Алексея — 438.
Федорова Анна Федоровна, рожд. Рылеева — || 562.
Федорова — Ефросинья — крепостная учителя царевича Алексея Петровича, была его любовницей — 438.
Федос — чернец — || 487.
Федосья Алексеевна (1662—1713) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича — 151.
Федотов Иван Кузьмич — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».
Филарет. См. Филарет.

Феодосиевское уездное училище — 465.
Феодосий—старец Спасского-Вологодского монастыря — || 638.
Феодосий Хутынский — 434.
Феофан — действующее лицо в отрывке «Корней Захаркин». См. Толстой «Корней Захаркин».
Феофан Прокопович (1681—1736) — член Синода, архиепископ, составитель «Духовного регламента»; писатель и проповедник, сотрудник Петра I, величайший его поклонник — 404, 405, || 665.
Феленберга — институт в Швейцарии — 463.
Фердинанд IV — король неаполитанский — 447, 551.
Фердинанд VII — испанский король — 447, || 551.
Фервен гр. Павел Карлович — 455, || 568.
Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — поэт — 369, || 515, 541, 590, 621, 624, 627, 629, 632, 704, 715, 716, 723, 727, 735.
— «Мои воспоминания» — || 621, 629, 632, 705, 715, 723, 727.
Филанджиери Гаетан — || 580.
— «La scienza della legislatione» — || 580.
Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867) — московский митрополит — 367, || 710.
Филиппа митрополита церковь — на Мещанской улице в Москве — || 674.
Филиппов Василий — стрелецкий пятидесятник; участник в заговоре на жизнь Петра I; казнен — 386.
Финляндский полк—463, || 565.
Финский залив — 417.
Флит — немец, корабельный мастер — 198.
Флоренция — город на севере Италии на реке Арно — || 470.
Фок Александр Александрович (ум. 1854 г.)—464.
Фоканов Карп Михайлович — || 500, 506.
Фоканов Михаил Герасимович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».
Фоканов Михаил Максимович — || 475, 498, 499, 506, 507.
Фоканов Тарас Карпович — || 498.
Фоканова Настасья Федоровна (р. 1832 г.) — || 500.
Фонвизин Александр Иванович — 453, || 563, 564.
Фонвизин Иван Александрович (1790—1853) — || 477.
Фонвизин Михаил Александрович — 453, || 477, 483, 503, 508, 528, 544, 549, 563.
— «Обозрение проявлений политической жизни в России» — || 527.
Фонвизина Екатерина Ивановна, рожд. Фонвизина (1750—1823) — || 563.
Фонвизина Н. Д. См. Пущина Н. Д.
Фонвизина Марья Павловна. См. Апухтина М. П.
Фор — французский доктор — 458, || 575.
Фотий (Спасский Петр Николаевич) — архимандрит — 449, || 488, 502, 503, 556.
Фохт Иван Федорович (1794—1842) — 465, || 585.
Франц II — австрийский император (с 1806 г.) — 446, || 550.
Францева М. Д. — || 508, 549.
Франциск Ассизский св. (1182—1226) — || 627.
Франция — 446, || 457, 461, 550, 573, 582, 604, 705.
Фридланд — город в Пруссии — || 563.
Фридрих-Вильгельм III — германский император — 446. || 550.
Фролков Яков Андреевич — || 498.
Фролов Александр Филиппович (1804—1885) — 465.
Фроловская (Фролищева) пустынь — близ Гороховца Владимирской губернии — 411.
Фроловы — крестьяне села Гавриловки — 66.
Фурман Андрей Федорович (1795—1835) — 465, || 585.
Фуршатская улица — в Петербурге — 460, || 579.
Фусс Павел Николаевич (1797—1855) — || 576.

Хам — сын Ноя — 87.
Хамовники. См. Долго-Хамовнический переулок.
Хамовный двор — в Моск-

ве в Кадашевской слободе — 416, 436.
Харьков — 444.
Харьковский учебный округ — || 580.
Хворостинина Марья Федоровна. См. кн. Голицына М. Ф.
Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — поэт — 459, || 576.
Хилков кн. — тобольский воевода — 395.
Хитрово Анна Петровна — 436.
Хмельницкий Богдан (1593—1657) — || 626.
Хованская кн. Анна Кондратьевна, рожд. Загряжская — жена кн. Петра Ивановича Хованского — 439.
Хованская кн. Евдокия Ивановна, рожд. Муравьева-Апостол (ум. 1850 г.) — 453, || 562.
Хованская кн. Евдокия Федоровна, рожд. бар. Колокольцова — 451, || 577.
Хованская кн. Мария Алексеевна, рожд. Яковлева (ум. 1847 г.) — 455, || 566.
Хованские кн. — 421, 424, || 667, 671, 683.
Хованский кн. Александр Петрович — || 562.
Хованский кн. Андрей Иванович — сын Ивана Андреевича (Тарарую), ведал Судным приказом; казнен вместе с отцом в сентябре 1682 г. — 439.
Хованский кн. Иван Андреевич (по прозванию Тараруй) (1632—1682) — участвовал в усмирении первого стрелецкого бунта 15 мая 1682 г. После этого назначен начальником стрельцов. Будучи приверженцем старой веры, явился посредником между правительством и раскольниками. Помощь, оказываемая раскольникам, не нравилась правительству. В виду ожидавшегося нового стрелецкого бунта правительство выехало из Москвы и затребовало в Воздвиженское Хованского, который и был там казнен в сентябре 1682 г. — 423, 424, 439.
Хованский кн. Иван Иванович (ум. 1701 г.) — боярин, противник реформ Петра I. Был разжалован в московские дворяне. В 1700 г. Х. был замешан в дело Талицкого. Возможно, впрочем, что Толстой не имел в виду этого Хованского в своих художественных отрывках, в которых фигурирует И. И. Хованский — сват Щетинина — 181—183, 185, 187, 189, 191—194, 197, 400, 439, || 651—653.
Хованский кн. Михаил Сергеевич — || 577.
Хованский кн. Николай Николаевич — || 565.
Хованский кн. Петр Иванович — наместник Астрахани — 439.
Хованский кн. Федор Сергеевич — || 566.
Ховрино — селение б. Московского уезда — || 565.
Хомутец (Хамутец) — имение Миргородского уезда Полтавской губернии—452, 453, || 561, 562.
Хомяков Александр Васильевич — предводитель дворянства Крапивенского уезда Тульской губернии (1874—1876 гг.) — 337.
Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель—369, 370, || 622, 623, 736.
Хомяков Василий-карла — 436.
Хопер — река, левый приток Дона — 200, 393, || 630.
Хотьков монастырь — в 10 верстах от Троице-Сергиевской лавры — 291, 302, 313, 314.
Хохлач Лукьян Михайлов — 393.
Храм Спасителя — в Москве, был первоначально заложен на Воробьевых горах, где выстроен не был, ныне на месте его строится Дворец Советов — 48, 447, || 505, 507, 542, 551.
Храмовы — крестьяне села Гавриловки — 67.
Храповицкий Михаил Васильевич (1758—1819) — 445, || 547.
— «Мысли по случаю учреждения вольных хлебопашцев в России 1803 г.» — 445, || 547.
Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) — || 547.
— «Памятные записки» — || 547.
Христанф (Ретивцев Владимир Николаевич) (1832—1883) — архимандрит, духовный писатель— || 732.
Хролков Яков — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».
Хрущев — действующее лицо

в романе времен Петра. См. Толстой Л. Н., «Роман времен Петра I».

Хрущев Александр Дмитриевич — || 562.

Хрущев Александр Павлович — 461, || 581.

Хрущева Анна Ивановна, рожд. Муравьева-Апостол — || 562.

Хрущева — жена Федора Матвеевича Апраксина. Толстой женой Ф. М. Апраксина называет Алмазову — 439.

Хутор на Тананыке — б. имение Толстого Бузулукского уезда, Самарской губернии — 70.

Царицын луг («Болото») — в Москве в Садовниках, за Москвой-рекой — 414.

Царское Село — город Петербургской губ., ныне Детское Село. См. также Сарская мыза — 460.

Царскосельский лицей. См. Александровский лицей.

Царскосельское дворцовое управление — || 561.

Царство Польское — || 580.

Чебриков Николай Романович (ум. 1866 г.) — 463, || 503.

Циклер (Цыклер) Иван Елисеевич — был стрелецким подполковником, наперсником Ф. Шакловитого, «собеседником» И. М. Милославского и орудием царевны Софьи. В 1689 г. сообщил Петру о заговоре царевны, за что получил награды. В 1697 г. было обнаружено намерение Циклера «с братьею стрельцов» умертвить Петра. После казни всех заговорщиков головы их, воткнутые на «железные рожны», были выставлены на несколько дней на Красной площади — 386, 439.

Цобот (Цопот) — царский врач — 428, 429, 435.

Цявловский Мстислав Александрович — || 480, 494, 535—537.

— «Л. Н. Толстой «Декабристы». Неизданные отрывки из романа» — || 535, 536.

Чамберс (Шамберс) Иван Иванович — генерал-поручик, англичанин по происхождению, один из второстепенных деятелей эпохи Петра I — 388, 427.

Чамберса полк — в бытность Чамберса (см.) бригадным командиром его именем называли полк («генерал-майора Чамберса пехотный полк») — 432.

Чапраковы — крестьяне села Гавриловки — 65.

Челищев Николай Андреевич — 559, 577.

Челищева Марья Михайловна, рожд. кж. Хованская (1790—1846) — 459, || 577.

Ченцов Н. М. «Восстание декабристов. Библиография» — || 484.

Череп Дундук — калмык — 397.

Черкасов бар. Алексей Иванович (1799—1855) — 465.

Черкасова Вера Васильевна, рожд. Ивашева — || 489.

Черкасск — иначе Старочеркасская станица б. области Войска Донского на Дону в 40 верстах от Новочеркасска; одна из древнейших станиц области и бывшая резиденция областного атамана — 393, 394.

Черкасский кн. Владимир Александрович (1824—1878) — писатель и общественный деятель — || 606.

Черкасский кн. Михаил Алегукович — боярин. В 1680-х гг. пользовался большим влиянием при дворе, с ним считался кн. В. В. Голицын. С возвращением Петра I — роль и значение Ч. возросла, как верного и деятельного члена партии Натальи Кирилловны. Петр почти всегда оставлял своим заместителем кн. Ч. — 159, 170, 171.

Чермный Кузьма — казнен вместе с Шакловитым 11 сентября 1689 г. У Толстого: Семен Черный. — 171, 173.

Чермошенская волость Крапивенского уезда, б. Тульской губернии — 118.

Черная — речка Могилевской губ. — 390.

Черниговский пехотный полк — 465, || 560, 561, 568, 569, 570.

Черное море — || 539, 540.

Черноевич Анна Семеновна. См. Муравьева-Апостол А. С.

Черноевич Елизавета Аристарховна, рожд. Кашкина (ум. 179. г.) — 452, || 561, 577.

Черноевич Семен Михайлович (ум. 1772 г.) — || 561.

Черноусова Прасковья — ‖ 639.
Чернский уезд б. Тульской губернии — 240, 242, ‖ 659.
Чернышев кн. Александр Иванович — ‖ 484, 491.
Чернышев кн. Григорий Иванович — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».
Чернышев гр. Григорий Иванович — 46 — 48, 275, 445, 447, 449, ‖ 492, 501, 507, 509, 536, 547, 553, 556.
Чернышев Григорий Петрович — ‖ 552, 553.
Чернышев гр. Захар Григорьевич (1722—1784) — 448, ‖ 553, 554.
Чернышев гр. Захар Григорьевич (1796—1862)—449, ‖ 554—556.
Чернышев гр. Иван Григорьевич — 449, ‖ 477, 492, 497, 501, 529, 543, 544, 554 — 556, 559.
Чернышев гр. Петр Григорьевич — ‖ 554.
Чернышева гр. Александра Григорьевна. См. Муравьева А. Г.
Чернышева гр. Анна Александровна, рожд. Исленьева — 447.
Чернышева гр. Анна Иродионовна, рожд. бар. фон-Ведель— 448, ‖ 553, 554.
Чернышева гр. Екатерина Алексеевна, рожд. Теплова— ‖ 555.
Чернышева гр. Екатерина Андреевна, рожд. Ушакова— ‖ 554.
Чернышева гр. Екатерина Ивановна. См. Вадковская Е. И.
Чернышева гр. Елизавета Осиповна, рожд. Ефимовская — 447, ‖ 553.
Чернышева - Кругликова гр. Софья Григорьевна. См. Кругликова С. Г.
Чернышева гр. Елизавета Петровна рожд. Квашнина-Самарина — 447, 449, ‖ 556.
Чернышевы гр. — 449, ‖ 507, 544, 552, 554—556, 558.
Черныь — уездный город Тульской губернии — 183, ‖ 557, 576, 700, 701.
Чертков Александр Дмитриевич — 448, ‖ 555.
Чертков Владимир Григорьевич (р. 1854 г.) — ‖ 553.
Черткова Елизавета Григорьевна, рожд. гр. Чернышева — 448, 449, ‖ 554.
Черткова Елизавета Ивановна, рожд. гр. Чернышева-Кругликова — ‖ 553.
Чертковская библиотека в Москве — ‖ 555.
Чертов верх (Черный верх) — овраг близ Ясной поляны — 212.
Четвертый бастион — самое южное укрепление оборонительной линии в Севастополе во время осады 1854—1855 гг. — ‖ 541.
Чечерск — имение Гомельского уезда Могилевской губернии — ‖ 553, 554.
Чигановы — крестьяне села Гавриловки — 67.
Чигирин — уездный город, б. Киевской губернии. Чигиринские походы (1676—1678 гг.) предпринимались Федором Алексеевичем для утверждения за ним Украины. Ч. был взят русскими, а затем сожжен турками — 183, 187.
Чириков. Быть может Толстой так называет Чечерск (см.) — 448.
Чирок — крестьянин, во времена Разинского бунта нападал на помещиков. Сведения Толстым взяты из Соловьева — 442.
Чита — областной город Забайкальской области — ‖ 476, 482, 487, 572.
Чиферин — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».
«Чтения в императорском обществе истории и древностей российских» — журнал, издававшийся при Московском университете — 445.
Чугуев — заштатный город Змиевского уезда б. Харьковской губернии — 257, ‖ 508, 546.
Чугуевский округ— ‖ 546.
Чудов монастырь в Московском кремле — 401.
Чулков Николай Петрович— 442, ‖ 638, 671.

Шаболовка — деревня Покровско-Тананыкской волости Бузулукского уезда, б. Самарской губернии, на реке Тананыке — 63.
Шакловитый (Щегловитый) Федор Леонтьевич — окольничий,

начальник стрелецкого приказа. Приверженец царевны Софьи, презиравший бояр. Подготовлял венчание Софьи на царство. Когда возобладал Петр I, Ш. был выдан Софьей. Пытан в Троицкой лавре и казнен 11 сентября 1689 г. В двух вариантах Толстой называет Ш. вместо Федора Леонтьевича — Леонтьем Романовичем—157—160, 162, 163, 168—174, 180, 423, 442, ||648, 672—674.

Шамберс. См. Чамберс.

Шамбор гр. Генрих-Карл-Фердинанд-Мария-Дьедонне, последний представитель старшей линии Бурбонов, носил титул герцога Бордосского — ||550.

Шариковы — крестьяне села Гавриловки — 67.

Шарлотта Вольфенбюттельская (1694—1715) — жена царевича Алексея Петровича—437.

Шарфа полк — Шарф Александр Вилимович, генерал-майор. В 1704 г. командовал отрядом под Нарвой. В 1705 г. командовал полком в Вильне — 432.

Шатилов Иосиф Николаевич (1824—1889) — агроном и общественный деятель — 71, ||593, 594, 599, 601, 607, 608, 611, 614, 615.

Шафиров — ||701.

Шафирова — жена кн. М. П. Гагарина — 411.

Шафиров бар. Петр Павлович (1670—1739) — дипломат, вице-президент коллегии иностранных дел. Ссора Ш. с обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым окончилась обвинением его в неправильной трате казенных денег и непристойном поведении в Сенате. Ш. был приговорен к смертной казни, помилован и сослан — 404, ||665.

Шаховского дом — в Петербурге — 448.

Шаховской — 434.

Шаховской кн. Александр Александрович (1777—1846) — 458, 461, ||575, 581.

— «Липецкие воды» — 458, ||575.

Шацкий уезд — ||636.

Швальбах — ||549.

Шевалье (Шевалье) — действующее лицо в «Декабристах». См. Толстой «Декабристы».

Шведская война. См. Северная война.

Швейцария — 463.

Швеция — 240, 399.

Шевалье — гостиница в Москве — 541.

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — ||540.

Шеин Алексей Семенович (1662—1700) — ближний боярин, генералиссимус в царствование Петра I. Главный воевода в русском войске при осаде Азова. В церемонии триумфального въезда в Москву, после взятия Азова, занимал первое место. Принимал деятельное участие в усмирении стрельцов в 1698 г. — 200, 387, 388, 403, 407, 409, 425, 426, 428.

Шекспир Вильям (1564—1616) — 19.

Шеллинг Фридрих-Вильгельм (1775—1854) — немецкий философ — ||732.

Шемаха — город, возглавлявший Шемахинское ханство, после перехода к России — уездный город Бакинской губернии — 398.

Шенрок В. И. «Одна из жен декабристов» — ||508.

Шеншин — полуполковник — 312, 389.

Шепелев Николай Александрович (ум. 1889 г.) — ||705.

Шервуд Иван Васильевич (1798—1856) — ||557.

Шереметев гр. Борис Петрович (1652—1719) — фельдмаршал. Принимал участие в сражении под Нарвой, осадил Мариенбург, одержал победу при Эрестфере и получил звание фельдмаршала. В 1702 г. взяты при его командовании Нотебург, Ниеншанц, Копорье, Ямбург, Везенберг. В 1704 г. взял Дерпт, в 1705 г. подавил восстание в Астрахани, за что получил титул графа. Во время Полтавской битвы, командуя центром армии, способствовал победе. В 1710 г. взял Ригу, в 1711 г. — командовал армией на Пруте — 201, 389, 390, 399, 403, 409, 412, 431, 432, ||654.

Шереметева фельдмаршала полк — 432.

Шереметевы гр. — ||633.

Шеффер П. П. — ||672.

Шиллер Иоган-Фридрих (1759—1805) — ||541.

— «Würde der Frauen» — ||541.

Шиллинг бар. фон Кан-

штадт Павел Львович — ориенталист и физик — 451, || 559.

Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — ген.-лейтенант, начальник Николаевской инженерной академии в Петербурге — || 490.

Шинкины — крестьяне села Гавриловки — 65.

Шинтяк Павел — имя, которое хотел вовлечь Толстой в свою повесть «Карней Захаркин» («Сто лет»). Известен яснополянский ямщик Павел Федорович Шентяков (р. 1826 г.) — 218.

Шипов Сергей Павлович (1789—1876) — || 493.

Шихирев Иван — 394.

Шишкин Евтихий; его дело Преображенского приказа — || 678.

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — 458—460, 462, || 548, 576, 578, 579, 584.

Шклов — местечко б. Могилевской губернии в 32 верстах от Могилева. Много раз упоминается в истории борьбы между Москвою, Польшею и Швецией — 390.

Шкловский Виктор. «Материал и стиль Льва Толстого в романе «Война и мир». М. 1928 — || 673.

Шмуйлов Гаврила — солдат; его дело Преображенского приказа — || 638, 677.

Шонбека полк — 432.

Шопен Жан-Мари (1794—1870) — 450, || 557.

Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ — 369, || 715, 716, 735.

Шрек — немец — 465.

Штейн бар. Генрих-Фридрих-Карл (1757—1831) — прусский государственный деятель—446, || 550.

Штейнау — саксонский генерал-фельдмаршал, разбит Карлом XII под Ригой — 399.

Штейнгель бар. Владимир Иванович — 463, || 481, 487, 696.

— «Дневник путешествия из Читы в Петровск в 1830 г. декабристов» — || 487.

— «Записки несчастного»—|| 487, 488.

Штейнгель бар. Вячеслав Владимирович (1823—1897) — генерал-от-инфантерии. Редактор «Российской военной хроники». Издал альбом всех форм российских военных частей. Когда редакция «Русской военной хроники» слилась с магазином образцовых вещей в «Музеум главного интендантского управления», Штейнгель был назначен управляющим этого музеума — || 630.

Штелин Яков (1712—1785)— академик — составитель книги «Анекдоты о Петре I» (Лейпциг 1785). Переведена на русский и французский языки — || 629, 674.

Штрайх С. Я. «Воспоминания и письма» — || 560.

Штумпф — пастор — 435.

Шубин Алексей Петрович — || 697.

Шувалов гр. Григорий Петрович — 449, || 556.

Шувалов гр. Петр Андреевич)— || 556.

Шувалова гр. София Александровна, рожд. Салтыкова — 449, || 555, 556.

Шувалова гр. Софья Григорьевна, рожд. кж. Щербатова — || 556.

Шугуров М. «Бунт Черниговского полка» — || 569.

Шуйский Василий Иванович (1552—1612) — московский царь (1606—1610), был низвержен и насильственно пострижен в монахи— 160.

Шуйский переулок — впоследствии Ваганьковский, — в настоящее время улица Маркса и Энгельса в Москве — 415, || 681.

Шумская — 445, || 547.

Шумский Сергей Васильевич (1821—1878) — || 540.

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — || 486, 490.

— «Николай I и декабристы» — || 490.

— «Петр Григорьевич Каховский» — || 529.

Щеголенков Василий Петрович (р. 1806—ум. в 1880-х гг.)— олонецкий крестьянин, один из выдающихся сказителей былин. Гостил у Толстого в Ясной поляне — || 635.

Щепилло Михаил Алексеевич (убит 1826 г.) — || 569.

Щепкин В. Н. — «Голода в России» — || 589.

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — || 540, 542.

Щепотев Алексей — действующее лицо в отрывках «Романа времен Петра I» (встречается в цикле Кожуховского похода и Азовском цикле). См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щепотев Иван Андреевич— стряпчий с 1676 г.; стольник с 1678 г. Приближенный Петра I — || 654.

Щепотев Михайло — сержант — || 654.

Щербатов кн. Михаил Михайлович (1733—1790) — русский историк — || 629.

Щербач — действующее лицо в отрывке «Корней Захаркин». См. Толстой «Корней Захаркин».

Щербинин М. П. «Воспоминания» — || 571.

Щетинин Григорий — действующее лицо варианта № 14 «Романа Времен Петра I». См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щетинин Иван Борисович— || 653.

Щетинин Иван Васильевич (XVII в.) — || 653.

Щетинин Иван Иванович (большой) (XVII в.) — || 653.

Щетинин Иван Иванович (меньшой) (XVII в.) — || 653.

Щетинин Иван Лукич (он же Лука Иванович, он же Василий Лукич) — действующее лицо в отрывках «Романа времен Петра» (Кожуховский цикл). См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щетинин Илья Иванович — действующее лицо в варианте № 11 «Романа времен Петра I». См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щетинин Лев — действующее лицо варианта № 13 «Романа времен Петра I». См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щетинин Никита — действующее лицо вариантов «Романа времен Петра I» (Кожуховский цикл). См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щетинин Петр — действующее лицо варианта № 13 «Романа времен Петра I». См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щетинин кн. Федор — действующее лицо повести «Князь Федор Щетинин». См. Толстой «Князь Федор Щетинин».

Щетинин Федор — подьячий — || 636, 677, 691.

Щетинина Анна Тихоновна — действующее лицо варианта № 16 «Романа времен Петра I». См. Толстой «Роман времен Петра I».

Щетинины — || 653.

Эвенс Фома Яковлевич (1785—1849) — 459, || 577, 578.

Эдди — братья — || 722.

«Энеида» — Виргилия — 19.

Энциклопедический словарь под редакцией проф. И. Е. Андреевского. Издатели: Брокгауз Ф. А. (Лейпциг), Ефрон И. А. (С. Петербург) — || 495.

Эпидавр — город в Греции — || 583.

Эрестфер — мыза в Ливонии, при которой в 1701 г. русские побили шведов — 389, 403.

Эйхенбаум Борис Михайлович, «Лев Толстой» — || 469 — 471, 527, 541, 542.

— «Лев Толстой и Петр Первый» — || 659.

Эссен Петр Кириллович (1772—1844) — 461, || 545, 582.

Ювеналий (Половцев) — настоятель монастыря Оптиной пустыни в 1871—1884 гг. — || 736.

Южина писчебумажная фабрика. См. Барков и Южин.

Южное общество — тайное общество декабристов — || 478, 555, 557, 560, 563, 568, 578.

Юм Даниэль Дуглас (1833—1886) — || 724.

Юнович — действующее лицо в рассказе «Собеседники». См. Толстой «Собеседники».

Юпитер — верховный римский бог — || 473.

Юркевич Памфил Данилович — || 736.

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888) — писатель и журналист — || 514.

Юрьево-Польский уезд б. Владимирской губернии —450, || 558, 636.

Юрьевский монастырь — б. Новгородской губернии — || 556.

Юсупова дом — в Петербурге — 461, || 581.

Юшневская Мария Казимировна, рожд. Круликовская — || 485, 503, 567.

Ю ш н е в с к и й Сергей Петрович (р. 1801 г.) — член южного общества — || 567.

Я в о р с к и й Стефан (1658—1722) — духовный писатель, киевлянин, для завершения образования был послан за границу. С 1700 г. — местоблюститель патриаршего престола и проректор Духовной академии. Расходясь во взглядах с Петром I, навлекал на себя его гнев. В 1721 г. вопреки своему желанию был назначен президентом Синода — 405, || 665, 666.

Я г у ж и н с к и й гр. Павел Иванович (1683—1736) — генерал, прокурор Сената — 404, || 665.

Я з ы к о в Иван Максимович — боярин, любимец Федора Алексеевича. Был заподозрен во взяточничестве. Изрублен на части во время стрелецкого бунта 15 мая 1682 г. — 422.

Я з ы к о в Семен — 423.

Я з ы к о в Семен Иванович (1787?—1865) — крестный отец Толстого — || 513.

Я з ы к о в ы — 423.

Я к и м б о г а т ы р ь — карла — 434.

Я к о б о в и ч и — местечко близ Люблина в Польше — 439.

Я к о в л е в Петр; его дело Преображенского приказа — 639, 679.

Я к о в л е в а дом — в Москве — || 583.

Я к у т с к — областной город — || 555.

Я к у т с к а я область — || 560.

Я к у ш к и н Вячеслав Евгеньевич «Матвей Иванович Муравьев-Апостол» — || 476.

Я к у ш к и н Евгений Иванович (1826—1905) — || 487.

Я к у ш к и н Иван Дмитриевич (1796—1857) — 477, 503, 552.

— «Записки» — 447, || 525, 527, 552.

Я к у ш к и н Павел Иванович (1820—1872) — || 620.

Я л у т о р о в с к — город б. Уральской области — || 565.

Я м б у р г — уездный город б. Петербургской губернии. Взят Петром в 1703 г. — 439.

Я м с к а я улица — в Петербурге — 241.

Я м щ и к о в а Марфа — прислуга Ивашевых — || 489.

Я н и ш к и — имение Шавельского уезда Ковенской губернии — 458, || 574.

Я н о в — стрелецкий голова — 423, 424, || 667.

Я н с о н Юлий Эдуардович (1835—1893) — статистик и публицист — || 728.

Я р о п о л е ц — имение Волоколамского уезда, б. Московской губернии — || 553, 555.

«Я р о п о л е ц» — сборник статей — || 556.

Я р ы ш к и н а — Прозвище Нарышкиной Н. К. (см.).

Я с е н е ц к а я волость — Крапивенского уезда, б. Тульской губернии — 118.

Я с е н к а — речка — 213.

Я с н а я п о л я н а — имение и деревня Крапивенского уезда, б. Тульской губернии — 60, 115, 212, 213, 215, 331.

«Я с н а я п о л я н а» — педагогический журнал, выходивший в Москве в 1862—1863 гг. — 73, 104, || 593, 606, 607, 611.

Я с н о п о л я н с к а я школа — 74, 111, || 586, 600, 610, 711.

Я с с ы — город в восточной Румынии — || 583.

Я у з а — левый приток реки Москва — впадает в Москву в центре города — 199, 415, 430, || 654.

B i g n o n — «Les cabinets et les peuples» — 461, || 582.

B o u q u i l l o n — управляющий А. А. Плещеева — 458, || 575.

B r a d l e y — англичанка у гр. Чернышевых — 449, || 555.

B ü c h n e r. См. Бюхнер.

C o n s t a n t. См. Констан де Ребекк.

D a r w i n. См. Дарвин.

D u b o i s - R a i m o n d. См. Дюбуа-Раймон.

F o r e. См. Фор.

J o y e u x. См. Жуайе.

H a r r i s o n. См. Гаррисон.

H i x — пансион в Париже — || 560.

L a c r o i x — «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I». 1864—1875 — || 584, 585.

Le Dantu. См. Леданту.
Louandre — издательство — || 547.

Madame Royale. См. Ангулемская герцогиня.
Maude Aylmer — «The life of Tolstoy. First fifty years» — || 640.
Müller Max. См. Мюллер Ф. М.

«Nation» — американский журнал — || 586.

Pascal. См. Паскаль.
Petra — воспитатель Н. М. Муравьева — || 559.
Posselt — «Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit». B. I—II, 1866— || 627, 629, 673.

Renan Ernest (1823—1892) — 356.
Reville Albert (p. 1826) — французский протестантский писатель — 356.
«Revue des deux mondes» — популярный французский журнал, основанный в 1829 г. — 356, || 725.
«Revue independante» — журнал — || 557.
Royer Collard. См. Ройе-Коллар.
Russische Günstlinge. См. Гельбиг.

«Scribner's Magazine» — американский журнал — || 586.
Schelling F. W. — «Philosophie der Mythologie» — «Philosophie der Offenbarung» — || 732.
Spencer. См. Спенсер.
Stadler. См. Стадлер.

«Tagebuch des Generals Patrick Gordon» B. I—II. 1849—1853 — || 673.
Tante Lise. См. Черткова Е. Г.
Tante Natalie. См. Муравьева Н. Г.

W. W. — «Маленький фельетон» — || 526.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие к семнадцатому тому VII
Редакционные пояснения IX

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Декабристы (1863 и 1884) 7

СТАТЬИ

Письмо к издателям [О методах обучения грамоте] (1873) 59
Письмо к издателям [О самарском голоде] (1873) 61
О народном образовании (1874) 71

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

* Сказка 135
* Житие и страдание мученика Юстина философа (1874—1875) . 137
* [Разговор о науке] (1875—1876) 139
** [Два путника] (1875—1876) 142
* [Прения о вере в Кремле] 145
Романы из эпохи конца XVII — начала XIX вв. 151
[«Начала» романа времен Петра I] (1870—1873, 1879) 151
* [А. Семья Алексея Михайловича и происхождение Петра I] 151
* [Б. Переход власти от Софьи к Петру (1689 г.)] 156
* [В. Кожуховский поход] 180
*,** [Г. Азовские походы] 195
* [Д. Разгар Великой Северной войны] 211
* [«Начала» романа «Сто лет»] (1877—1879) 216
* [Князь Федор Шетинин] (1877—1878) 245
Декабристы (1863, 1877—1879) 256
* Планы 256
*,** Варианты 258
*,** [Труждающиеся и обремененные] (1879) 300
* Новый суд в его приложении (1872) 319
* [Варианты статьи «О народном образовании»] 324
* Правила для педагогических курсов 331

Стр.

* [Отрывок записки о народных школах Крапивенского уезда.] (1875) 336
* [Начало статьи о школах Крапивенского земства.] (1875) 337
* О будущей жизни вне времени и пространства (1875) 338
* О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни (1875) . 340
* [О значении христианской религии] (1875—1876) 353
* Определение религии-веры (1875—1876) 357
* Психология обыденной жизни (1875—1876) 359
* [О царствовании императора Александра II-го] (1877) 360
* Христианский катехизис (1877) 363
* Собеседники (1877—1878) 369

* Материалы к роману времен Петра I
Бумаги Петра 386
[Собрание отдельных листков] 414

* Материалы к роману «Декабристы»
Записные книжки 445
Отдельные листы 460
Пометы 463

КОММЕНТАРИИ

Список условных сокращений 468

М. А. Цявловский
«Декабристы»
История писания и печатания романа 469
Описание рукописей, относящихся к роману «Декабристы» . 528
Материалы к роману 542

В. Ф. Саводник
Письмо к издателям. [О методах обучения грамоте] 586
Письмо к издателям. [О самарском голоде] 589
О народном образовании
История писания и печатания статьи 593
Описание рукописей статьи 611

Н. Н. Гусев
«Сказка» 616

В. Ф. Саводник
Житие и страдание мученика Юлиана философа 617
[Разговор о науке] 619
[Два путника] 620

В. И. Срезневский
Прения о вере в Кремле 622

П. С. Попов
Романы из эпохи конца XVII — начала XIX вв.
История писания романов 624
Классификация и обзор вариантов романов 642
Описание рукописей, относящихся к романам 660
Примечания к материалам романа времен Петра I . . . 664
Князь Федор Щетинин 689
Труждающиеся и обремененные 693

В. Ф. Саводник
Новый суд в его приложении 702
Правила для педагогических курсов 709

Стр.
[Отрывок записки о народных школах Крапивенского уезда.] . 713
[Начало статьи о школах Крапивенского земства] 714
О будущей жизни вне времени и пространства 715
〈О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни.〉 . . 718
[О значении христианской религии] 723
Психология обыденной жизни 726
[О царствовании Александра II-го.] 727
Христианский катихизис 730
Определение религии-веры 731
Собеседники 732
Указатель собственных имен 737

Иллюстрации

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1880—1881 гг. (фотография Везенберг и К° в С.-Петербурге) между XII и 1 стр.
Автотипия с первой страницы автографа Л. Н. Толстого одного из начал романа времен Петра I (третий вариант) (размер подлинника) — между 156 и 157 стр.
Автотипия с таблицы, относящейся к варианту № 16 «Декабристов» (размер подлинника) — между 280 и 281 стр.
Автотипия с первой страницы автографа Л. Н. Толстого повести «Труждающиеся и обремененные» (пятый вариант) (размер подлинника) — между 312 и 313 стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г.

Отпечатано во 2-й типографии «Печатный Двор», треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26. Гослитиздат № 396. Тираж 10 000 экз. Уполномоченный Главлита № Б-17625. Форм. бумаги 68×100 1/32. 77 600 зн. в 1 бум. л. 26 б. л. 52 п. л. Сдано в набор 21 декабря 1934 г. Подписано к печати 5 марта 1936 г. Зак. № 2342.

Корректор
М. А. Перфильева.

*

Техническая редакция
Н. И. Гарвея.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 17.

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Надо:*
155	7 сверху	дѣвицѣ Натальи	дѣвицѣ Натальѣ
200	20 сверху	* № 21	** № 21
218	21 сверху	сказал Евстигней. Вѣрно служивый сказывал	сказал Евстигней. — Вѣрно, служивый сказывал.
238	4 сверху	кочаргу	корчагу
239	10 снизу	№ 30	* № 30
254	12 снизу	б[аталіона]	б[ригады]
256	3 сверху	Планы	* Планы
267	8 сверху	№ 9	** № 9
272	8 сверху	№ 13	*,** № 13
275	19 снизу	№ 15	** № 15
284	20 снизу	№ 17	** № 17
297	8 сверху	№ 22	** № 22
312	3 снизу	а Кн.	и Кн.
324	1 сверху	Варианты	* Варианты
643	16 снизу	№№ 25—33	№№ 26—33
650	21 сверху	стр. 626	стр. 627
655	3 снизу	Григорьева дочь Михайловская, жена Дурного	Григорьева дочь, Михайловская жена Дурного
657	16 сверху	В варианте № 28	В варианте № 27
658	2 сверху	подготавливатю	подготавливают
660	11 сверху	XXXIII	XXXII
»	16 снизу	*знак сноски должен относиться к строчке ниже.*	
671	8 снизу	лицам не того времени, а лицам прежних служб»	лицом не того времени, а лицом прежних служб»
680	7 снизу	стр. 652	стр. 653